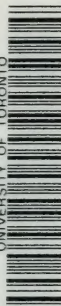
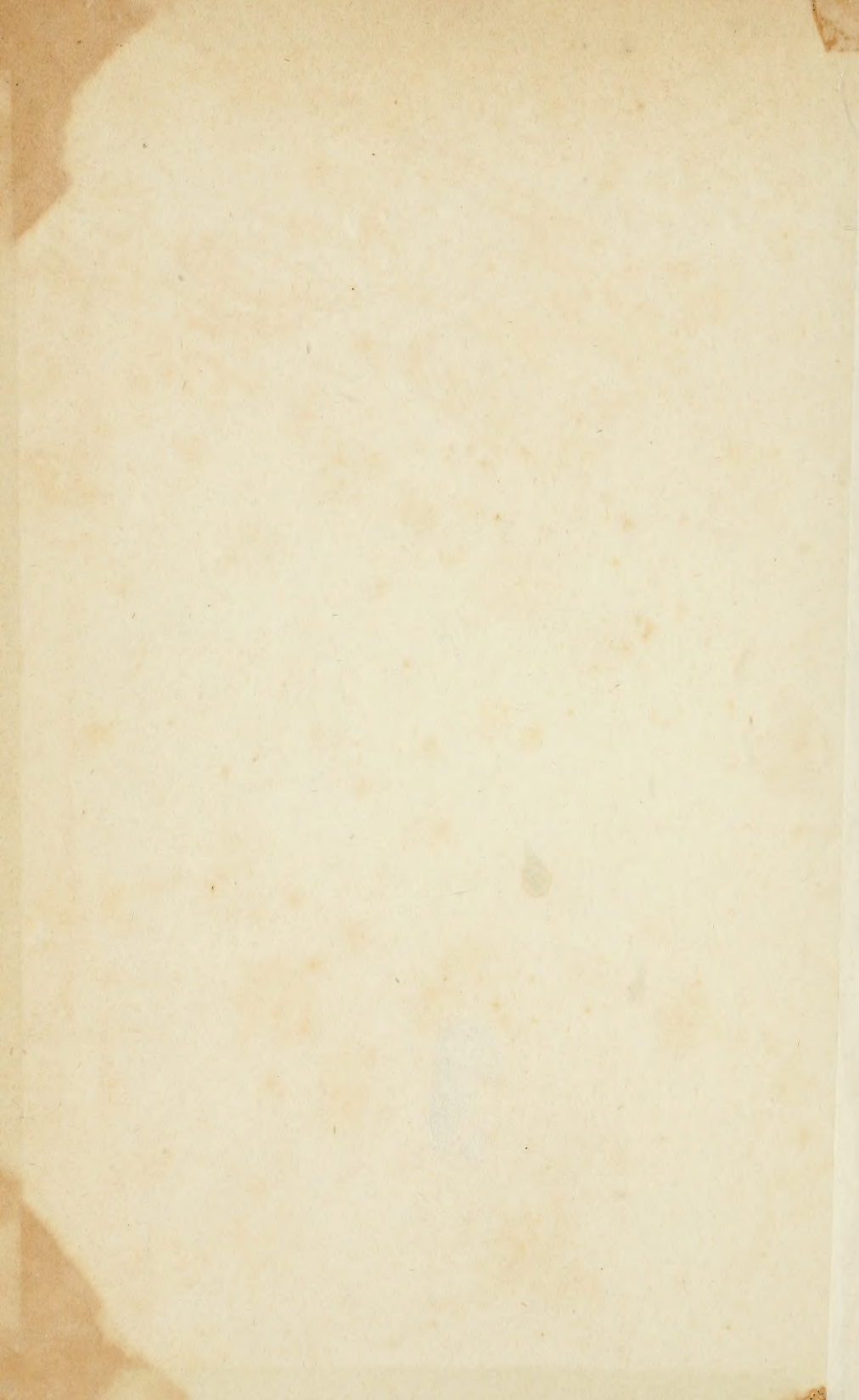

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 00269923 9

H. Trumola.

Порфирьевъ

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ И. Порфирьевъ.

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТЪ ПЕТРА В. ДО ЕКАТЕРИНЫ II.

Одобрена въ первомъ изданіи Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изданіе 3-е.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго. Университета.
1891.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ И. Порфирьевъ.

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТЪ ПЕТРА В. ДО ЕКАТЕРИНЫ II.

Одобрена въ первомъ изданіи Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изданіе 3-е.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета
1891.

ИСТОРИИ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

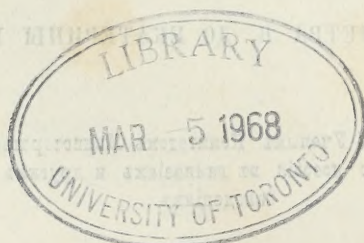
Государственный М. Императорский

ЧАСТЬ II

Второй выпуск

Отъ Казанскаго Комитета духовной цензуры печатать дозволяется.
13 августа 1891 года.

Членъ Комитета Инспекторъ Акад. Профессоръ *Н. Бяляевъ*.

PG

3001

P6

ch. 2

Казань

Императорский Казанский Университет
1891

НАЧАЛО НОВАГО ОБРАЗОВАНІЯ И НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Характеръ и значеніе реформы Петра В. Изобразивъ въ обширной картинѣ недостатки Московскаго государства и представивъ планъ его реформы, Юрій Крыжаничъ говорилъ царю Алексѣю Михайловичу: „Въ твоихъ рукахъ, царь, чудодѣйственный жезлъ Моисеевъ, которымъ ты можешь творить дивныя чудеса, въ твоихъ рукахъ самодержавіе и совершенная покорность и послушаніе подданныхъ. Уже нѣсколько вѣковъ не было на свѣтѣ такого царя или владѣтеля, который имѣлъ бы силу творить такія чудныя дѣла, какія ты легко можешь дѣлать и приобрѣсти за нихъ у всего славянскаго народа нескончаемое благословеніе, у другихъ народовъ безсмертную славу, а у Бога, послѣ сего земнаго царства, царство небесное“ (¹). Этимъ чудодѣйственнымъ жезломъ, на который указывалъ Крыжаничъ Алексѣю Михайловичу, превосходно воспользовался знаменитый сынъ его, Петръ В., который, опираясь на свою самодержавную власть и покорность подданныхъ, при помощи своего гениальнаго ума, въ непродолжительное время преобразовалъ Россію, хотя совершенно въ другомъ направленіи и совсѣмъ по другому плану, чѣмъ какой представлялся воображенію славянскаго патріота.

Исторія показываетъ, что въ извѣстныя эпохи народной жизни, многія лица, замѣчая упадокъ прежнихъ началъ и формъ жизни, ощущаютъ потребность въ новыхъ началахъ, высказываютъ новыя идеи и стремленія; но только гениальныя личности дѣлаются полными выразителями этихъ идей и стремленій, не только смѣло и ясно выговариваютъ ихъ словами, но и осуществляютъ ихъ на дѣлѣ. И до Петра В. многіе сознавали необходимость въ реформахъ и дѣлали попытки познакомиться съ европейской цивилизаціей. Еще съ XVI в. стали вызывать въ Россію иностранныхъ ремесленниковъ, художниковъ, ученыхъ, врачей и офицеровъ, а въ XVII в. изъ нихъ уже образовалась около Москвы цѣлая нѣ-

(¹) Русское государство въ половинѣ XVII в. Изд. П. Гезсонова. Москва. 1859—60. Ч. II, стр. 5.

медкая слобода; съ XVI же вѣка стало распространяться въ Юго-западной Россіи чрезъ Польшу и европейское образованіе, которое изъ Кіева скоро перешло и въ Москву, такъ что въ половинѣ XVII в. въ Россіи были уже два высшихъ учебныхъ заведенія—кіевская и московская академіи. Но только Петру В., при его геніальномъ умѣ и исполинской силѣ воли, удалось на самомъ дѣлѣ ввести въ Россію настоящее европейское образованіе. Сознавъ необходимость преобразованія Россіи, Петръ В. вошелъ въ непосредственныя сношенія съ Европой; самъ лично познакомился съ европейской наукой и цивилизаціей и потомъ постоянно и неутомимо стремился распространить ихъ въ Россіи, не останавливаясь при этомъ ни предъ какими трудностями и не жалѣя никакихъ жертвъ. Задумавъ дѣло, онъ никогда не ограничивался однимъ приказаніемъ сдѣлать его, но самъ не только слѣдилъ за указаннымъ дѣломъ, но и дѣлалъ его вмѣстѣ съ другими, былъ не только законодателемъ, но и первымъ исполнителемъ закона, самъ, по выраженію поэта,

«То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой,
На тронѣ вѣчный былъ работникъ».

Эта непобѣдимая энергія и составляла основную силу и существенный отличительный характеръ преобразовательной дѣятельности Петра В.

Связь новаго образованія съ прежнимъ, кіевскимъ и московскимъ. Характеръ новаго образованія. Впрочемъ, и все, что до Петра В. было сдѣлано для образованія, не только не осталось напраснымъ, но и принесло большую пользу во время реформы. Прежніе труды и попытки приготовили почву для новаго образованія и дали на первый разъ нужныхъ работниковъ. Юго-западная наука если не искоренила, то значительно ослабила существовавшее прежде въ Россіи предубѣжденіе противъ образованія и воспитала много такихъ людей, которые были дѣятельными помощниками Петру въ его реформахъ. Кіевскіе и московскіе ученые явились первыми учителями въ училищахъ, переводчиками книгъ съ иностранныхъ языковъ и объяснителями и защитниками всѣхъ преобразованій. Изъ Кіевской и Московской академій долго брали воспитанниковъ для отпращиванія за границу учиться разнымъ наукамъ и ремесламъ, въ разныя учрежденія для службы, въ гимназію и университетъ при Академіи наукъ. Этимъ опредѣляется связь новаго образованія и литературы съ прежнимъ образованіемъ и литературою. Подчинившись идеямъ преобразователя, прежнее образованіе сдѣ-

лалось необходимымъ орудіемъ реформы и помогало распространенію и утвержденію новаго европейскаго образованія.

Новое образованіе, возникшее вслѣдствіе новыхъ потребностей въ русской жизни, естественно, должно было получить новый характеръ ⁽¹⁾. Прежнее образованіе имѣло характеръ религіозно-церковный и служило преимущественно религіозно-церковнымъ цѣлямъ. Новое образованіе, вызванное государственными потребностями, должно было служить вообще государственнымъ цѣлямъ. Сообразно съ разными цѣлями государства, потребовались разныя знанія, разныя науки, и между прочимъ такія, которыя или совсѣмъ не входили въ систему прежняго образованія, или же занимали въ ней незначительное мѣсто, будучи признаваемы не самостоятельными, а вспомогательными и служебными предметами. Кромѣ древнихъ классическихъ языковъ, оказалось необходимымъ изучать новыя европейскіе языки и новыя европейскія литературы; кругъ наукъ философскихъ, историческихъ и математическихъ нужно было расширить и придать имъ большее значеніе, чѣмъ какое онѣ имѣли прежде; нужно было ввести новыя науки медицинскія, военныя, горныя и проч. Для распространенія разныхъ наукъ и знаній требовались разныя училища. Для достиженія чисто научныхъ цѣлей нужны были высшія ученые заведенія; для распространенія общаго образованія—заведенія общеобразовательныя: для разныхъ частныхъ практическихъ цѣлей—разныя спеціальныя заведенія. Таковы были задачи новаго образованія, согласно съ новыми потребностями русской жизни. Само собою разумѣется, что эти задачи могли быть выполнены не вдругъ, а постепенно, и составляли идеаль, къ которому Россія должна была стремиться. Съ самаго же начала, въ первыя времена новаго періода, новое образованіе должно было служить ближайшимъ практическимъ цѣлямъ государства, согласно волѣ Петра В., который результаты, добытые европейскою наукою, хотѣлъ тотчасъ же перенести въ русскую жизнь и примѣнить ихъ къ ея потребностямъ, посредствомъ воспитанія нужныхъ для этого дѣятелей, ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, военныхъ и чиновниковъ. На образованіе, такимъ образомъ, естественно долженъ былъ явиться взглядъ служебный—какъ на орудіе государственныхъ цѣлей, для приготовления дѣятелей и чиновниковъ на разныхъ мѣстахъ государственной службы. Отсюда главною заботою должно было сдѣлаться заведеніе шкѣлъ профессиональныхъ. Вопросъ объ общемъ образованіи, какое необходимо для всякаго человѣка вообще, въ

⁽¹⁾ Главнымъ пособіемъ при изложеніи исторіи образованія и литературы во время реформы служила книга П. Пекарскаго: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В. Ч. I и II. 1862 г. Другія пособія указаны въ своемъ мѣстѣ.

вакомъ бы званіи и службѣ онъ ни находился, явился уже впоследствии, только въ царствованіе Екатерины II, когда стали сознавать необходимость образованія общечеловѣческаго и заботиться о воспитаніи въ готовящихся на ту или другую службу прежде всего умныхъ, добрыхъ и честныхъ людей, о ихъ умственномъ и нравственномъ развитіи.

Путешествіа Петра В. по Европѣ и отправленіе туда русскихъ людей для образованія. Задумавъ преобразовать Россію, Петръ В. прежде всего началъ посылать русскихъ людей въ Европу учиться наукамъ и ремесламъ и въ тоже время самъ лично захотѣлъ на мѣстѣ познакомиться съ европейскимъ образованіемъ. Въ 1697 г. онъ отправился путешествовать по Европѣ; сначала проѣхалъ въ Пруссію и былъ въ Кенигсбергѣ, потомъ въ Голландію, гдѣ прожилъ четыре мѣсяца въ Амстердамѣ; изъ Голландіи въ январѣ 1698 г. переѣхалъ въ Англію, и провелъ здѣсь три мѣсяца; изъ Англіи онъ возвратился опять въ Голландію, но не остановился здѣсь, а отправился на юго-востокъ въ Вѣну. Осмотрѣвъ все замѣчательное въ Вѣнѣ, онъ съѣздитъ въ Баденъ и Пресбургъ и собрался въ Венецію, но извѣстіе о бунтѣ стрѣльцовъ заставило его возвратиться въ Россію ⁽¹⁾. Это было первое путешествіе Петра В. по Европѣ. Другое продолжительное и важное путешествіе онъ совершилъ въ 1717 г. Въ это время онъ былъ въ Данцигѣ, Штетинѣ, Копенгагенѣ, Гамбургѣ и наконецъ въ Парижѣ ⁽²⁾. Во время этихъ путешествій Петръ В. внимательно осматривалъ во всѣхъ мѣстахъ типографіи и библіотеки, музеи и кунсткамеры, анатомическіе театры и клиники, промышленныя мастерскія, фабрики и заводы, бесѣдовалъ съ разными учеными и ремесленными людьми. Живя въ 1697 г. въ Амстердамѣ, онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ученымъ бургомистромъ этого города, Витзенемъ, посѣщалъ часто музей древностей и рѣдкостей Якова Вильде и анатомическій театръ профессора анатоміи, Рюйша. Изучая гравировальное искусство, онъ самъ сдѣлалъ гравюру, представляющую торжество христіанской религіи надъ мусульманскою, въ видѣ ангела, который съ крестомъ и пальмою въ рукахъ попираетъ полулуніе и турецкіе бунчуки. Амстердамскому негоціанту, Яну Тессингу, онъ поручилъ завести въ Амстердамъ типографію и далъ ему грамоту, чтобы печатать въ ней „земныя и морскія картины и чертежи, и листы, и персоны, и математическія и архитектурныя и городостроительныя и всякія ратныя и художественныя книги на славянскомъ и латинскомъ языкахъ вмѣстѣ, тако и славян-

⁽¹⁾ Истор. Россіи Соловьева XIV, 232—243.—⁽²⁾ Тамъ же XVII, 79—81.

скимъ и голландскимъ языкомъ по особнѣ, отъ чего-бъ русскіе подданные много службы и прибытка могли получить и обучаться во всякихъ художествахъ и вѣдѣніяхъ“⁽¹⁾. Въ Амстердамѣ въ это время жилъ одинъ полякъ, знавшій славяно-русскій языкъ, Илья Ѳедоровичъ Копіевскій, или Копіевичъ; ему Петръ В. поручилъ переводы и изданіе книгъ. Сначала Тессингъ и Копіевичъ трудились вмѣстѣ, но въ 1700 г. Копіевичъ разсорился съ Тессингомъ, завелъ свою типографію и выпросилъ у Петра особую привилегію для изданія книгъ на 15 лѣтъ⁽²⁾. Проѣзжая въ 1716 г. чрезъ Кенигсбергъ, Петръ В. осматривалъ Кенигсбергскую бібліотеку и велѣлъ переписать для себя, какъ можно точнѣе, находившійся здѣсь Радзивиловскій списокъ лѣтописи Нестора. Во время пребыванія во Франціи въ 1717 г. онъ посѣтилъ всѣ замѣчательныя учрежденія въ Парижѣ и познакомился со всѣми, бывшими тогда, знаменитостями науки; былъ въ Сорбоннѣ, гдѣ Бурсье обратился къ нему съ предложеніемъ о соединеніи церквей; осматрѣлъ королевскую типографію, гдѣ въ присутствіи его было отпечатано множество пробныхъ оттисковъ; посѣтилъ коллегіумъ, основанный кардиналомъ Мазарини (Collège des quatre nations); познакомился съ извѣстнѣмъ тогда во Франціи геометромъ, Вариньономъ; былъ у изобрѣтателя движущагося глобуса по системѣ Коперника, Пижона, и купилъ у него глобусъ для себя за 2000 экю; смотрѣлъ химическіе опыты Жофруа; посѣтилъ французскую академію наукъ, которая показала ему всё, что было новаго и замѣчательнаго по части опытныхъ наукъ, и выразилъ желаніе быть ея членомъ; ѣздилъ въ С.-Сиръ, чтобы осматрѣть знаменитую женскую школу, заведенную Ментенонъ; заходилъ въ Парижѣ въ лавки ремесленниковъ и разсматривалъ ихъ работы; долго былъ на фабрикѣ Гобелена, въ зоологическомъ саду, въ механическихъ кабинетахъ и т. д.⁽³⁾. Бесѣдуя съ разными учеными, онъ заводилъ съ ними знакомство на будущее время, съ нѣкоторыми изъ нихъ велъ переписку, по возвращеніи изъ за границы. Для исторіи образованія особенно важны и интересны сношенія Петра В. съ Лейбницемъ и Вольфомъ, которые стояли тогда во главѣ европейской науки.

Сношенія Петра В. съ Лейбницемъ и Вольфомъ. Лейбницъ (род. въ Лепцигѣ 1646 г., ум. 1716 г.) былъ философъ и ученый энциклопедистъ, какъ большая часть тогдашнихъ ученыхъ

⁽¹⁾ Наука и литер. при Петрѣ В. Пекарскаго 1, 10—11.

⁽²⁾ Списокъ книгъ, составленныхъ и изданныхъ Копіевичемъ, у Пекарскаго, 1, приложение 3, подъ буквою а.

⁽³⁾ Наука и литер. при Петрѣ В. 1, 39—45.

и философовъ. Въ философіи онъ извѣстенъ своею Монадологіей (La Monadologie 1714 г.), ученіемъ о предуставленной гармоніи (Harmonie preétablie 1696 г.) и Теодицеей (Essai de Theodicée 1710), въ математикѣ своей теоріей о величинахъ безконечно малыхъ (дифференціальными вычисленіями), въ исторіи нѣкоторыми историческими сочиненіями, въ філологіи изслѣдованіями по языкамъ и между прочимъ стремленіемъ отыскать универсальный языкъ, для всѣхъ народовъ. У Лейбница была грандіозная идея объ ученomъ обществѣ, или братствѣ во всемъ мірѣ, которое, на основаніи научныхъ стремленій, должно было привлечь къ себѣ не только науку, но и всѣ дѣла государства и даже цѣлаго человѣчества. Съ этой идеей были связаны его старанія возбуждать къ основанію академій въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ. Онъ смотрѣлъ на академію, какъ на общую мастерскую, гдѣ нѣсколько рукъ вмѣстѣ работаютъ надъ наукой, потому что для дальнѣйшаго ея возрастанія общества служатъ лучше, чѣмъ отдѣльные люди“. Изъ этой же идеи у Лейбница развилась мысль о возможности отыскать универсальный языкъ, на которомъ всѣ народы алгебраически могли бы понимать другъ друга (¹). Еще прежде свиданія съ Петромъ В. Лейбницъ желалъ имѣть образцы нарѣчій языковъ, которыми говорятъ разные народы Россіи, и интересовался лѣтописью Нестора, найденною въ Кенигсбергѣ. Петръ В. встрѣтилъ его въ Торгау и пожаловалъ ему званіе тайнаго совѣтника съ жалованьемъ по 1000 рейхсталеровъ въ годъ, „во уваженіе, какъ сказано въ данной ему по этому случаю грамотѣ, извѣстныхъ и имъ испытанныхъ качествъ ученаго, который можетъ способствовать развитію математическихъ знаній, историческихъ разысканій и другихъ наукъ“. Согласно съ этимъ, по желанію Петра, Лейбницъ составлялъ разные планы и проекты для просвѣщенія Россіи, между которыми извѣстны проекты: 1) о необходимости магнитныхъ наблюденій въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, вмѣстѣ съ изслѣдованіями о положеніи и природѣ страны; 2) проектъ о распространеніи наукъ въ Россіи, въ которомъ, въ числѣ необходимыхъ для этого предметовъ, указаны: зданія, бібліотеки, обсерваторіи, снабженныя инструментами, моделями, книгами, медалями, древностями и проч.; изъ городовъ, въ которыхъ необходимо завести академіи, университеты и школы, указаны Москва, Кіевъ, Астрахань и Петербургъ; 3) о необходимости учредить въ Россіи 9-ть коллегій—государственную, военную, финансовую, полицейскую, юстицкую, торговую, вѣроисповѣданій, ревизіонную и ученую. Для ученой коллегіи, говорилъ

(¹) Исторія всеобщ. лит. XVIII в. Г. Геттнера т. III. 104—130.

Лейбницъ, нужно выбирать людей, основательно знакомыхъ съ науками, а не полуневѣждъ, отъ которыхъ государство ничего не выигрываетъ. Обязанности этихъ людей должны состоять а) въ томъ, чтобы излагать каждому свою науку по усовершенствованной методѣ и стараться слѣдить за открытіями и улучшеніями; б) въ томъ, чтобы наблюдать, чтобы молодежь въ государствѣ была воспитываема хорошо и проходила бы всѣ науки, и в) въ томъ, чтобы испытывать тѣхъ изъ молодыхъ людей, которые отправляются за границу. Для обученія юношества въ Россіи необходимо учредить Академію, которая должна помѣщаться въ удобномъ для того домѣ, имѣть хорошую библіотеку и типографію. Между предметами для преподаванія въ Академіи указаны: богословіе, логика, грамматика, медицина, хирургія, исторія, естественное и государственное право, астрономія, географія, химія и разные языки. 4) О необходимости, для распространенія христіанства, перевода на языки живущихъ въ Россіи инородцевъ 10-ти заповѣдей, молитвы Господней „Отче нашъ“ и Символа вѣры, или составить для каждого племени небольшой лексиконъ ихъ языка ⁽¹⁾. Кроме того, сохранился еще реестръ, въ которомъ Лейбницъ требовалъ: а) каталогъ изданныхъ въ Россіи книгъ, какъ обращающихся въ пролажѣ, такъ и другихъ; б) свѣдѣнія о рукописяхъ греческихъ и русскихъ, хранящихся въ монастыряхъ и другихъ мѣстахъ; в) списокъ ученыхъ русскихъ и иностранныхъ, находящихся на службѣ царской; г) доставленіе образцовъ языковъ народовъ русскаго царства и сопредѣльныхъ съ нимъ странъ; д) русскій лексиконъ, или вокабулы; е) славянскую грамматику; ж) всѣ русскія историческія книги; з) книгу, называемую патерикъ; и) русскую Библію, въ особенности Новый Завѣтъ; і) божественную службу по русски, к) русскій катихизисъ ⁽¹⁾. Планы и проекты Лейбница, какъ легко можно видѣть, были слишкомъ обширны и тогда не могли быть выполнены въ Россіи, которая только еще начинала учиться: но они не могли остаться безъ послѣдствій и имѣли вліяніе на нѣкоторыя реформы Петра. Подъ ихъ, конечно, вліяніемъ родилась у Петра мысль учредить коллегіи, основать въ Петербургѣ Академію наукъ, послать Беринга для открытія пролива между Азіею и Америкой, снарядить посольство въ Китай съ Саввою Рагузинскимъ ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Наука и литер. при Петрѣ В. 1. 29—30.

⁽²⁾ В. И. Герье: Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру В. Спб. 1871. Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру В. Спб. 1873.

Другою знаменитостію въ тогдашней европейской наукѣ былъ ученикъ Лейбница, Христіанъ Вольфъ (род. 1679 г. ум. 1754 г.), профессоръ университета въ Лейпцигѣ, потомъ въ Галле и Марбургѣ. Его философія хотя не имѣла характера оригинальности, но отличалась строгою логическою послѣдовательностію, а вмѣстѣ особенною ясностію и опредѣленностію, приобрѣла ему обширную школу послѣдователей и господствовала въ Германіи до появленія критической философіи Канта. Вмѣстѣ съ философіею Вольфъ занимался также физикою и математикою и другими науками. Онъ стремился составить такую систему или классификацію наукъ, которая не только обнимала бы всѣ ихъ отрасли, но и строила бы ихъ въ томъ, вполне сообразномъ съ природою вещей, порядкѣ, въ которомъ послѣдующее всегда естественно проистекаетъ изъ предыдущаго ⁽¹⁾. Сношенія Петра В. съ Вольфомъ начались въ то время, какъ Вольфъ былъ въ Галле. Въ 1715 г. нѣкто Орифеусъ распустилъ слухъ, что ему удалось открыть *perpetuum mobile*; Петру захотѣлось воспользоваться этимъ открытіемъ, и онъ лейбъ-медику своему, Блюментросту, поручилъ предложить Вольфу вступить въ русскую службу, на какихъ угодно условіяхъ, лишь бы только онъ усовершенствовалъ изобрѣтеніе Орифеуса. Съ этого случая начались сношенія съ Вольфомъ. Ему нѣсколько разъ предлагали перейти въ Россію для устроенія Академіи наукъ, предлагали даже мѣсто президента въ Академіи; но Вольфъ всегда отказывался отъ этихъ предложеній, то подъ предлогомъ опасенія за свое здоровье въ суровомъ русскомъ климатѣ, то подъ предлогомъ боязни преслѣдованія со стороны русскаго духовенства. Замѣчательно, что онъ даже не совѣтовалъ Петру открывать въ Петербургѣ Академію наукъ, указывая на то, что съ ней можетъ случиться тоже, что съ Академіею въ Берлинѣ, гдѣ это учрежденіе по имени извѣстно всему свѣту, но изъ этого еще ничего не вышло. „Обыкновенный университетъ, говорилъ онъ, гдѣ ученые будутъ преподавать то, что распространить науки между русскими, не только полезнѣе для страны Академіи наукъ, которая *ad plausum exteriorum* должна держаться, а подобныя вещи не многіе поймутъ, но также къ тому поведетъ, что въ нѣсколько лѣтъ Академія наукъ будетъ состоять изъ русскихъ, которые потомъ настоящую славу доставятъ своему государству“ ⁽²⁾. Но, хотя Вольфъ отказался отъ президентства въ Академіи наукъ, однакожъ принималъ потомъ большое участіе въ ея устроеніи; лучшіе изъ первыхъ ея чле-

(1) Ист. всеобщ. литер. XVIII в. Г. Геттнера т. III, 201.

(2) Наука и литер. 1, 33—39.

новъ Бернулли, Бюльфингеръ, Мартини и нѣкоторые другіе пріѣхали въ Петербургъ по его рекомендаціи; къ нему учиться въ Марбургскій университетъ посылала потомъ Академія наукъ русскихъ студентовъ; у него слушалъ лекціи и первый академикъ изъ русскихъ, Ломоносовъ.

Училища старыя и новыя. Но планъ Академіи наукъ окончательно сформировался у Петра В. только уже въ послѣдніе годы его жизни (въ 1723 г.), а открыта была Академія уже послѣ его смерти, при Екатеринѣ I. Сначала же, по возвращеніи изъ перваго путешествія по Европѣ, Петръ думалъ только расширить объемъ преподаванія въ Московской академіи. Въ 1698 г. онъ говорилъ объ этой академіи патриарху Адріану: „Благодатію Божіею и здѣ есть школа... и изъ школы бы во всякія потребности люди, благоразумно учася, происходили въ церковную службу и гражданскую, воинствовать, знати строеніе и докторское врачебное искусство. Еще мнози желаютъ дѣтей своихъ учить свободныхъ наукъ и отдаютъ здѣ оныя иноземцомъ, инии же въ домѣхъ своихъ держатъ будто учителей иноземцовъ же, которые словенскаго нашего языка не знаютъ право говорить, къ сему же еще иныхъ вѣрѣ, и при ученіи томъ малымъ дѣтемъ и ереси свои знати показываютъ, отъ чего дѣтемъ вредъ и церкви нашей святой можетъ быть спона (вредъ) велія, а рѣчи своей отъ неискства поврежденіе. А въ нашей бы школѣ, при знатномъ и искусномъ обученіи, всякаго добра училися. И кто бы гдѣ въ наукѣ заправился, въ царскую школу хотя бы кто побывать пришелъ, и онъ бы пользовался. И сего смотрѣти же надобно и припадѣть тщательно зѣло“ (1). Но это намѣреніе не исполнилось. Только въ 1701 г., когда протекторомъ московской академіи былъ назначенъ Стефанъ Яворскій, она была преобразована по образцу Кіевской академіи. Затѣмъ открыто было нѣсколько епархіальныхъ школъ— въ Смоленскѣ (въ 1700 г.), Ростовѣ (въ 1702 г.), Тобольскѣ (1703—1704 г.) (2). Въ 1706 г. въ Новгородѣ была заведена славяногреческая школа, сдѣлавшаяся мѣстомъ образованія дѣтей не только духовныхъ, но и свѣтскихъ людей. Въ эту школу Петръ В. посылалъ учиться не грамотныхъ дворянскихъ дѣтей, поступавшихъ потомъ въ Петербургскую морскую академію. Въ 20-хъ годахъ изъ Новгородской школы возникло до 15 школъ

(1) Истор. царств. Петра В. Устрялова, III, 511—512; Наука и литер. Пекарскаго, I, 124.

(2) Свѣдѣнія объ этихъ школахъ у Пекарскаго: Наука и литература при Петрѣ В. т. I, и у П. В. Знаменскаго: Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Правосл. Собес. 1878 октябрь—декабрь; 1879 январь, февраль и дал.

въ разныхъ мѣстахъ ⁽¹⁾. Въ Духовномъ Регламентѣ было постановлено заводить духовныя училища при всѣхъ архіерейскихъ домахъ. Здѣсь начертанъ былъ Теофаномъ Прокоповичемъ и подробный проэктъ образцоваго духовнаго училища подъ названіемъ академіи и семинаріи, который и служилъ руководствомъ при устройствѣ духовныхъ семинарій и академій въ послѣдующее время. Но, рядомъ съ духовными школами стараго направленія и характера, должны были явиться новыя школы, для удовлетворенія новымъ потребностямъ. Заботы правительства въ то время направлены были преимущественно на устройство арміи и флота и приготовленіе грамотныхъ чиновниковъ для государственной службы. Поэтому прежде всего были заведены *математическія и навигацкія школы* въ Москвѣ, а въ 1715 г. была основана въ Петербургѣ морская академія. Составителемъ Устава этой академіи и первымъ въ ней преподавателемъ былъ Андрей Фарварсонъ, профессоръ Абердинскаго университета, приглашенный въ Россію Петромъ В. еще въ 1698 г. Въ числѣ другихъ учителей академіи былъ Леонтій Филиповичъ Магнитскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей того времени, составившій замѣчательное руководство по ариметикѣ. Онъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, былъ человекъ умный, свѣдущій въ наукахъ, и по отзыву Тредьяковскаго „сущій христіанинъ, добросовѣстный человекъ, въ немъ же лести не было“. Петръ В. былъ особенно расположенъ къ нему, жаловалъ его деревнями, приказалъ выстроить ему домъ въ Москвѣ и даже благословилъ образомъ, а за его глубокія познанія и, вѣроятно, привлекательную бесѣду, называлъ „*магнитомъ*“ и приказалъ писаться „*Магнитскимъ*“ ⁽²⁾. Въ 1714 г. состоялось постановленіе объ учрежденіи по провинціямъ школъ, извѣстныхъ подъ именемъ *цыфирныхъ*: „во всѣхъ губерніяхъ дворянскихъ и приказнаго чина дѣлчихъ и подьяческихъ дѣтей, отъ 10 до 15 лѣтъ, опричь однодворцевъ, учить цыфры и нѣкоторую часть геометріи“. Преподавателями въ цыфирныхъ школахъ назначались ученики навигацкихъ школъ. Въ 1723 г. предположено было соединить цыфирныя школы съ духовными *архіерейскими* школами. Кромѣ того, въ 1703 г. въ Москвѣ была заведена школа плѣннымъ шведскимъ пасторомъ Глюкомъ. Но Глюкъ скоро умеръ, и школа перешла въ завѣдываніе магистра философіи Генскаго университета, Іоганна Вернера Паузе. По инструкціи, данной этой школѣ, въ ней

⁽¹⁾ Новгородскія епархіальныя школы въ Петровскую эпоху Е. М. Прилежаева, Христ. Чтен. 1877. Мартъ, Апрель.

⁽²⁾ Очеркъ исторіи Морскаго Кадетскаго корпуса Ѳ. Веселаго. Спб. 1852. стр. 1—12.

слѣдовало учить стилистику, ореографію, счетоводство, исторію, геометрію, географію, астрономію, музыку, грамматику, реторику, логику, физику, политику и наконецъ пристойному обхожденію и страху Господню. Но Паузе скоро разсорился съ своими учителями, учениками и ихъ родственниками, и школа въ 1706 г. закрылась. Не смотря, впрочемъ, на краткое существованіе, изъ нея вышло нѣсколько образованныхъ людей, какъ то: Исаакъ и Оедоръ Веселовскіе, Иванъ Келлерманъ, Иванъ Грамотинъ и Лаврентій Блюментростъ ⁽¹⁾.

Академія наукъ. Но центромъ новаго образованія и новой науки, по мысли Петра В., должна была служить Академія наукъ. Въ началѣ 1724 г. онъ повелѣлъ составить проэктъ Академіи лейбъ-медику Блюментросту. Блюментростъ изложилъ въ этомъ проэктѣ, вѣроятно, только тѣ мысли, которыя были переданы ему самимъ Петромъ. Подъ вліяніемъ, конечно, указаннаго выше совѣта Вольфа, находившаго полезнѣе основать въ Россіи университетъ, чѣмъ Академію, Петръ В. вздумалъ соединить въ Академіи и университетъ, въ которомъ могли бы воспитываться академики изъ русскихъ, и гимназію, гдѣ бы приготавлились слушатели для университета. Такимъ образомъ, Академія должна была состоять изъ трехъ, тѣсно связанныхъ между собою по цѣли, заведеній: 1) изъ Академіи наукъ, члены которой должны были „трудиться о совершенствѣ художествъ и наукъ, оказывать, въ случаѣ надобности, помощь своими познаніями присутственнымъ мѣстамъ и пецись о распространеніи и заведеніи вольныхъ художествъ и мануфактуръ“; 2) изъ университета, въ которомъ академики преподавали бы публичныя лекціи „о художествахъ и наукахъ“, и 3) изъ гимназіума, гдѣ адъюнкты академикомъ обучали бы юношей первымъ основаніямъ наукъ и приготавливали ихъ къ поступленію въ университетъ, въ учителя будущихъ училищъ и т. п. Но Петръ В. самъ не успѣлъ привести этотъ проэктъ въ исполненіе; Академія была открыта уже чрезъ полгода послѣ его смерти его супругою Екатериною I, 29 декабря 1726 г. При этомъ была выполнена сначала только одна часть проэкта, т. е. открыта была собственно Академія наукъ. Всѣ науки въ Академіи были раздѣлены на три отдѣленія: 1) *математическое* (нисшая и высшая математика, астрономія и географія, механика и прикладная математика) 2) *физическое* (общая физика, фізіологія, анатомія, химія, ботаника) и 3) *историческое* (метафизика, логика, мораль, политика, эло-

---

⁽¹⁾ Пекарскаго Истор. Акад. Наукъ, 1, XVIII—XX.

квенція, исторія древняя и новая, естественное и публичное право). Президентомъ Академіи былъ назначенъ лейбъ-медикъ Блюментростъ. Преобладающимъ направлениемъ въ европейской наукѣ въ то время было направленіе математическое — реальное, развившееся вслѣдствіе великихъ открытій въ области математики, физики и астрономіи—Коперника, Кеплера, Ньютона и Лейбница. Поэтому и въ петербургской Академіи оно явилось господствующимъ; математическія науки получили особенное значеніе и развитіе. Представителями ихъ были въ Академіи знаменитые ученые: Германъ, Бильфингеръ, братья Бернулли, Делиль, Лейтманнъ, Леонардъ Эйлеръ и др. Кромѣ первостепеннаго положенія въ Европѣ, успѣхи математическихъ наукъ въ русской Академіи объясняются и самымъ ихъ характеромъ. Онѣ не затрогивали прямо никакихъ, ни религіозныхъ, ни политическихъ вопросовъ, какъ науки историческія и политическія, а между тѣмъ могли приносить существенную пользу, будучи примѣняемы практически на дѣлѣ. Другія два отдѣленія Академіи—историческое и физическое занимали болѣе второстепенное положеніе, хотя также и въ нихъ было нѣсколько знаменитыхъ ученыхъ ⁽¹⁾. Что касается университета и гимназій, то они долго не могли устроиться какъ слѣдуетъ. Гимназія сначала раздѣлена была на два отдѣленія: нѣмецкую или приготовительную школу, и латинскую, состоявшую изъ двухъ классовъ. Нѣмецкая школа была необходима потому, что преподаватели были нѣмцы, не знавшіе русскаго языка, и ученики гимназій, чтобы понимать ихъ и имѣть возможность учиться, должны были прежде всего выучиться по нѣмецки. Учениковъ, изучившихъ нѣмецкій языкъ и наиболѣе способныхъ переводили въ латинскую школу, или настоящую гимназію. Но такихъ учениковъ оказывалось не много. Иностранныхъ преподавателей, съ теченіемъ времени, стали замѣнять русскими; но многіе изъ нихъ оказывались также недостаточно подготовленными къ преподаванію въ гимназій, потому что назначались болѣею частію изъ недоучившихся студентовъ. Вообще ученіе въ гимназій, вслѣдствіе плохого устройства и управленія, шло плохо. Изъ рапортовъ одного ректора гимназій, Шванвица, видно, что въ 1736 г. учениковъ въ гимназій было только 38, и многіе изъ нихъ не ходили въ классы; такихъ бы-

(1) Сборникъ матеріаловъ для Исторіи Академіи Наукъ въ XVIII в. Кунша, Спб. 1805. Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ. Сообщены К. П. Побѣдоносцевымъ. Лѣтн. русск. литер. т. V. Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ И. Некарекаго. Спб. Ч. I. 1870. Ч. II. 1873. Петръ В. какъ учредитель Академіи Наукъ. К. С. Веселовскаго. Зап. Акад. Наукъ. 1872, т. XXI. Матеріалы для исторіи импер. Академіи Наукъ, т. 1. 1716—1730. Съ приложеніемъ 8 портретовъ. Спб. 1885 г.

ло до 12, а иногда и до 20. Въ 1737 г. гимназія состояла всего изъ 19 учениковъ, изъ коихъ многіе также не ходили въ классы; бывали дни, что въ гимназіи находили только одного ученика, а разъ случилось, что ни одного не было. При такомъ состояніи гимназіи, не могло образоваться и настоящаго университета. Въ немъ не кому было учиться; не было для него достаточно подготовленныхъ слушателей изъ русскихъ; ни гимназій, ни семинарій (настоящихъ) еще небыло; только московская академія могла по временамъ доставлять по нѣскольку воспитанниковъ. Оставалось, вмѣстѣ съ нѣмецкими профессорами, выписывать изъ за границы и студентовъ для академическаго университета, что дѣйствительно и было на первыхъ порахъ; при открытіи Академіи было вывезено изъ Германіи восемь студентовъ, изъ коихъ четверо впослѣдствіи сдѣлались академиками. „Требовалось, говорить Миллеръ въ своихъ Запискахъ объ Академіи, чтобы Академія имѣла и учениковъ, которые могли и желали бы извлекать пользу изъ ея учрежденій; но ни того ни другаго не было, какъ иначе это и быть не могло. Ниснія школы должны предшествовать высшему образованію. Но чтобы можно было начать лекціи въ назначенный день, то сами профессора стали ходить другъ къ другу на лекціи. Настоящими слушателями были адъюнкты, одни только для вида, другіе на самомъ дѣлѣ; настоящихъ студентовъ было очень мало“. Совершенно справедливо заявилъ въ послѣдствіи академикъ Мартини, что въ академическомъ университетѣ было болѣе учащихся, чѣмъ учащихся. Чтобы дать возможность профессорамъ читать лекціи, чѣмъ обуславливалось и существованіе самаго университета, положено было университетскія лекціи сдѣлать публичными т. е. приглашать на лекціи постороннихъ слушателей; но и это мало помогало дѣлу; постороннихъ слушателей на лекціи являлось очень не много (¹). Такимъ образомъ гимназія, а особенно университетъ при Академіи долго существовали почти только по имени. А безъ гимназіи и университета плохо достигалась и главная цѣль самой Академіи, которая, по уставу, состояла въ томъ, чтобы приготовить по всѣмъ частямъ науки академиковъ изъ русскихъ. Иностранные академики (за исключеніемъ немногихъ), не знавшіе русскаго языка и писавшіе свои сочиненія на языкахъ иностранныхъ, приносили имъ пользу только европейской наукѣ. Поэтому, совершенно понятнымъ становится то, что въ послѣдствіи противъ Академіи явились сильныя протесты и потребовалась ей реформа.

(¹) Академическая гимназія въ XVIII ст. по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ. Графа Д. А. Толстаго. Спб. 1885. — Академическій университетъ по рукописнымъ документамъ архива Акад. Наукъ. Графа Д. А. Толстаго. Спб. 1885. Записки импер. Академіи Наукъ том. LI; кн. 1. Спб. 1885.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Переводы и изданія книгъ. Какъ въ древнемъ періодѣ первыми памятниками славянской письменности были переводныя сочиненія съ греческаго языка, такъ и новая русская литература началась также переводами книгъ съ иностранныхъ языковъ. Переводы книгъ были лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы познакомить русскихъ съ тѣми результатами, какихъ достигли въ Европѣ наука, искусство и промышленность. Поэтому Петръ В. обращалъ на нихъ особенное вниманіе. Изученіе европейскихъ языковъ не входило въ интересы древняго образованія; но въ посольскомъ приказѣ, для переводовъ и вообще веденія посольскихъ дѣлъ, были толмачи изъ обрусѣвшихъ иностранцевъ (преимущественно поляковъ и нѣмцевъ). Эти толмачи и были первыми переводчиками иностранныхъ книгъ. Между ними извѣстны: Говзинскій, переводчикъ басенъ Езопа и тропника папы Иннокентія, Николай Спаарій, переведшій Христорогіонъ, голландецъ Андрей Виніусъ, который не только переводилъ книги, но и, по порученію Петра, просматривалъ переводы другихъ переводчиковъ. Послѣ толмачей посольскаго приказа, главными переводчиками были духовныя лица, воспитанники Кіевской и Московской академій. Ни въ Кіевѣ, ни въ Москвѣ не изучали европейскихъ языковъ, но тамъ изучали языкъ латинскій, который и былъ въ то время главнымъ ученымъ языкомъ въ Европѣ, такъ что на немъ писали и нѣмецкіе и французскіе ученые и часто переводили на него книги, написанныя на другихъ языкахъ; поэтому, при знаніи латинскаго языка, московскіе и особенно кіевскіе ученые могли переводить разныя книги. Гавріилъ Бужинскій напр., не зная нѣмецкаго языка, перевелъ „Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ“ нѣмецкаго писателя, Пуффендорфа, съ латинскаго Крамерова перевода. Кромѣ Бужинскаго, изъ кіевскихъ ученыхъ извѣстны какъ переводчики Симонъ Кохановскій и Теофілъ Кроликъ, который, кромѣ латинскаго, зналъ еще нѣмецкій языкъ. Въ Москвѣ занимались переводомъ книгъ ученые греки братья Лихуды и ученики ихъ, Ѳеодоръ Поликарповъ и Алексѣй Барсовъ. Лихуды, кромѣ греческаго и латинскаго языковъ, знали еще языкъ итальянскій, который и преподавали, по приказанію Петра. Когда они перешли въ Новгородъ и здѣсь основали училище, Петръ посылалъ къ нимъ книги для перевода. Ѳеодоръ Поликарповъ, справщикъ и потомъ директоръ московской типографіи († 1730 г.), былъ самымъ усерднымъ исполнителемъ плановъ Петра по переводу и печатанію книгъ. Барсовъ также послѣ Поликарпова былъ директоромъ типогра-

фія и занимался переводомъ и печатаніемъ книгъ. Послѣ учрежденія Синода, Петръ сталъ посылать книги для перевода въ Синодъ. „Посылаю при семъ, писалъ онъ въ 1721 г., книгу Шуффендорфа, въ которой два трактата, первый о должности человека гражданина (de officio hominis et civis), другой—о вѣрѣ христіанской: но требую, чтобы первый токмо переведенъ былъ, понеже въ другомъ не чаю къ пользѣ нуждѣ быть, и прошу, дабы не по конецъ рукъ переведена была, но дабы внятно и хорошимъ штилемъ“ (¹). Предположивъ открыть Академію наукъ, онъ назначалъ одною изъ главныхъ обязанностей академикомъ переводить книги. Кромѣ того, у него была мысль воспользоваться для перевода книгъ съ иностранныхъ языковъ западными славянами, которые, живя посреди европейцевъ, легче могли изучать европейскіе языки. Извѣстно, что, между прочимъ, въ Прагѣ онъ отыскивалъ переводчиковъ: въ Прагу же были отправляемы для переводовъ Ѳеофилъ Креликъ и Леонтій Воейковъ и ученики латинской школы въ Москвѣ Анохинъ, Козловскій и Суворовъ.

Сознавая всю важность переводовъ книгъ съ иностранныхъ языковъ, Петръ В. самъ руководилъ этимъ дѣломъ, самъ выбиралъ книги и слѣдилъ за ихъ переводомъ, нѣкоторые переводы самъ просматривалъ и поправлялъ и въ тоже время издавалъ правила, какъ надобно переводить. Въ 1713 г. онъ отдалъ Мусину-Пушкину исторію о Кромвелѣ для отсылки въ Москву, для перевода на русскій языкъ. Узнавъ, что о древнихъ языческихъ религіяхъ есть очень хорошее сочиненіе грамматика Аполлодора, онъ поручилъ Синоду перевести его „Библіотекѣ о богахъ“. Когда назначенныя книги долго не переводили, онъ сердился и дѣлалъ побужденія чрезъ того же Пушкина, чрезъ котораго отдавалъ книги для перевода. Такъ, въ 1718 г. Пушкинъ писалъ къ переводчику Поликарпову: „Да для чего, спрашивалъ государь, по сю пору не переведена книга Виргилія Урбіна о началѣ всякихъ изобрѣтеній,—книга небольшая, а такъ мѣшкаете. Отпиши о семъ Лопатинскому“ (Ѳеофилактъ Лопатинскому, который тогда былъ ректоромъ московской академіи). Въ другомъ письмѣ къ нему же онъ писалъ: „Отцу Лопатинскому скажи, чтобъ перевелъ книги, которыя къ нему посланы. А великій государь часто изволитъ напоминать, для чего долго не присылаются, и чтобы не навелъ гнѣву“. Въ третьемъ письмѣ сказано: „Писалъ я къ тебѣ многаяжды о переводѣ книгъ и чтобъ говорилъ ты отцу Лопатинскому, дабы скорѣе переводилъ: а нынѣ великій государь приказалъ, ежели не переведутъ книгъ, лексикона и прочихъ, до того времени жалованья не выдавать, пока не переведутъ“ (²). Когда въ 1723 г. Петру представлены были въ пере-

(¹) Наука и литер. 1, 213.—(²) Тамъ же 1, 211.

водѣ нѣкоторыя статьи изъ назначенной имъ для перевода книги *Georgica curiosa, oder das adeliche Land und Feld-Leben* Вольфганга Гельмгарда Гохберга, то онъ принялся самъ за исправленіе и сокращеніе статей, и потомъ, возвращая исправленное, далъ переводчикамъ собственною рукою написанное наставленіе: „Понеже нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего, кромѣ самаго дѣла и краткаго предъ всякою вещію разговора, переводить не надлежитъ; но и вышереченный разговоръ, чтобы не праздною ради красоты и для вразумленія и наставленія о томъ чтущему было, чего ради о хлѣбопашествѣ трактатъ выправилъ (вычерня негодное) и для примѣра посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ излишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ“ (1). Но въ тѣхъ случаяхъ, когда книга имѣла важное значеніе и была согласна съ его взглядами и цѣлями, онъ требовалъ полнаго и точнаго перевода. Извѣстно, какъ онъ разсердился на Бужинскаго, когда тотъ въ переводѣ „Введенія въ исторію европейскихъ государствъ“ Пуффендорфа выпустилъ одно мѣсто, гдѣ Пуффендорфъ слишкомъ грубо и обидно отзывался о характерѣ русскаго народа: „Глупецъ, что я тебѣ приказывалъ сдѣлать съ этою книгою, спросилъ онъ Бужинскаго?—Перевести, отвѣчалъ тотъ.—Развѣ это переведено, возразилъ Петръ, указывая на пропущенное мѣсто. Тотчасъ поди и сдѣлай, что я тебѣ приказалъ, и переведи книгу вездѣ такъ, какъ она въ подлинникѣ есть“ (2). Не довольствуясь подобными наставленіями по случаю, Петръ В. издалъ въ 1724 г. слѣдующій указъ о переводѣ книгъ: „Для переводу книгъ зѣло нужны переводчики, а особливо для художественныхъ (ремесленныхъ), понеже никакой переводчикъ, не умѣя того художества, о которомъ переводить, перевести то не можетъ: того ради заранѣе сіе дѣлать надобно такимъ образомъ: которые умѣютъ языки, а художествъ не умѣютъ, тѣхъ отдать учиться художествамъ: а которые умѣютъ художества, а языку не умѣютъ, тѣхъ послать учиться языкамъ, и чтобъ (были) все изъ русскыхъ или иноземцевъ кои или здѣсь родились, или зѣло малы пріѣхали и нашъ языкъ, какъ природный, знаютъ, понеже на свой языкъ всегда легче переводить, нежели съ своего на чужой. Художества же слѣдующія: математическое хотя до сферическихъ триангуловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ цивилесъ, анатомическое, ботаническое, милитарисъ и прочія тому подобныя“ (3). Замѣтимъ еще, что при переводѣ книгъ предписывалось держаться болѣе простаго слога и русска-

(1) Тамъ же стр. 214.—(2) Тамъ же стр. 326.—(3) Тамъ же стр. 243.

го языка, чѣмъ славянскаго. Возвращая Поликарпову переведенную имъ Географію Варенія, Мусинъ-Пушкинъ писалъ ему, что она „переведена гораздо плохо“ и прибавилъ: „того ради исправь хорошенько, не высокими словами словенскими, но простыми русскимъ языкомъ, такожь и лексиконы. Со всѣмъ усердіемъ явися и высокихъ словъ словенскихъ класть ненадобеть, но посольскаго приказу употреби слова“ (¹). Такъ какъ переводы и изданія книгъ были дѣломъ новымъ, требовавшимъ поддержки, то для того, чтобы обратить вниманіе на ту или другую книгу, или оправдать ея появленіе въ глазахъ строгихъ людей, подозрительно относившихся особенно къ свѣтскимъ книгамъ, находили нужнымъ прибавлять къ книгамъ такія предисловія, въ которыхъ объяснялись значеніе или польза книги. Къ Аполлодоровой Библіотекѣ о богахъ, по повелѣнію Петра, было приложено Теофаномъ Прокоповичемъ предисловіе, въ которомъ объяснялось, что „такъ какъ любящимъ Бога, по словамъ апостола, вся споспѣшествуетъ во благое, то боголюбивый христіанинъ и языческія писанія, хотя и ложныя и суетвѣрныя, можетъ употребить себѣ къ созиданію. И яко же Самсонъ въ трупѣ льва убіеннаго сладкій сотъ обрѣлъ, такъ и мы Божією помощію можемъ и во вредномъ пользу получить“. Въ предисловіи къ исторіи Пуффендорфа была указана польза историческихъ книгъ и приведены примѣры великихъ людей, любившихъ заниматься исторіей.

Кромѣ правительства, и нѣкоторые частныя лица заботились о переводѣ книгъ и составляли для себя бібліотеки, которые потомъ сдѣлались достояніемъ государства, перешли въ бібліотеку Академіи Наукъ и въ Импер. публичную бібліотеку. Князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, будучи губернаторомъ въ Кіевѣ, поручалъ преподавателямъ и студентамъ Кіевской академіи переводить для себя разныя сочиненія. Въ богатой его бібліотекѣ, которою пользовался Татищевъ и которая потомъ перешла къ графу Толстому (нынѣ въ Импер. публичной бібліотекѣ), сохранилось много рукописныхъ переводныхъ сочиненій по части философіи права, политики и исторіи (²). Однимъ изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Петра В. въ распространеніи наукъ въ Россіи былъ знаменитый графъ Брюсъ (род. 1670, ум. 1735 г.). „Будучи изъ молодыхъ лѣтъ при Петрѣ В., говорить о немъ Татищевъ, многія къ знанію нужныя и пользы государя и государства съ англійскаго и нѣмецка-

(¹) Петръ В., какъ просвѣтитель Россіи. Я. К. Грота. Записки Акад. Наукъ т. XXI.

(²) Переводы эти указаны у Пекарскаго: Наука и литер. 1, 255—257.

го на російскій языкъ книги перевелъ и собственно для употребленія его величества геометрію со изрядными украшеніями сочинилъ“. Библіотеку свою, состоявшую болѣе, чѣмъ изъ 1500 книгъ, и свой кабинетъ инструментовъ и рѣдкостей Брюсъ завѣщалъ въ Академію наукъ⁽¹⁾. Самъ Татищевъ также любилъ собирать книги и составилъ бібліотеку изъ 1000 книгъ. Значительныя собранія иностранныхъ книгъ остались послѣ Андрея Виніуса и вице-канцлера Шафирова, поступившія въ Академію наукъ. О переводѣ книгъ заботились также князь Димитрій Кантемиръ, по порученію котораго была переведена сочиненная имъ на латинскомъ языкѣ „Система магометанской религіи“ переводчикомъ Академіи наукъ, Ильинскимъ, и выходецъ изъ Турціи, Савва Рагузинскій, переведшій книгу Орбини „О славянахъ“. Князь Иванъ Андр. Щербатовъ, находясь за границей, перевелъ сочиненіе извѣстнаго Ло: „Деньги и Купечество“. Графъ П. А. Толстой перевелъ Метаморфозы Овидія; графъ Андрей Матвѣевъ—сокращеніе Церковной исторіи Баронія.

О богатствѣ переводной литературы въ эпоху Петра В. нельзя судить по однимъ печатнымъ изданіямъ книгъ, потому что многіе переводы, по разнымъ причинамъ, не были изданы и до сихъ поръ остаются въ рукописяхъ. Первый отдѣлъ этой литературы составляютъ такія книги, которыя переводились съ тою цѣлію, чтобы познакомить русскихъ людей съ новыми воззрѣніями по части политическаго устройства государства, по части исторіи права и законодательства. Таковы были самыя новыя и либеральныя въ то время сочиненія: *Гуго Гроція*—О законахъ брани и мира (*De jure belli ac pacis libri III*, 1625)—сочиненіе, которое составило эпоху въ наукѣ о правѣ. Въ немъ источникомъ права представлено естественное влеченіе человѣка къ обществу и происходящія отсюда требованія, что послужило началомъ особой науки естественнаго права, отдѣльно отъ морали, политики и положительнаго права. *Самуила Пуфендорфа* (род. 1632 ум. 1694 г., былъ профессоромъ въ Гейдельбергѣ и Берлинѣ), который, будучи ученикомъ Гроція, полифе и опредѣленнѣе развилъ его ученіе о правѣ и весьма много также содѣйствовалъ улучшенію историческаго метода, указавъ на необходимость изложенія въ исторіи внутренняго состоянія государствъ, воспитанія, образованія, правовъ и обычаевъ: „О законахъ естества и народовъ“ (*De jure naturae et gentium libri VIII*, 1672 г.); „О должностяхъ человѣка и гражданина“ (*De officio hominis et civis juxta legem natura-*

---

(1) Библіотека и кабинетъ графа Я. В. Брюса. Н. Забѣлина. Лѣтоп. русск. литер. т. 1, 1859 г.

lem libri duo, 1672 г.), перев. Гавріиломъ Бужинскимъ; „О статѣ государства нѣмецкаго“, сочиненіе, изданное подъ псевдонимомъ Северина Монзабана (Severinus de Monzabana, De statu reipublicae germanicae liber unus, 1667); „Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ“, въ перев. Бужинскаго въ 1718 г. *Юста Липсія* (1547—1606): „Увѣщанія и приклады (примѣры) политическіе“, перев. іером. Симономъ Кохановскимъ; *Іоанна Павла Фельчингера*: „Дискурсы политичныя“ (Dissertationes politicae). *Николая Вернумлія*: „Установленій политическихъ книги 4“ (Institutiones politicae libri IV, 1624 и 1635). Кромѣ того, по исторіи были переведены: *Іоанна Слейдана*: „О четырехъ великихъ монархіяхъ“ (De quatuor summis imperiis libri III)—сочиненіе, бывшее въ XVI—XVII в. лучшимъ руководствомъ по всеобщей исторіи въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ Германіи и породившее множество подражаній. *Баронія*: „Дѣянія церковныя и гражданскія“ (Annales ecclesiastici); *Стратемана* (Оснабрюкскаго епископа, изъ протестантовъ) — „Театронъ, или Позоръ историческій“ (Theatrum historicum) въ переводѣ Бужинскаго. Послѣднее сочиненіе отличается особенною вѣротерпимостію и вообще написано такъ либерально, что при Елисаветѣ Петровнѣ въ 1742 г. подвергалось запрещенію (¹). *Іоанна Дебюссера*—„Исторія о державѣ французской“ (Lion 1661). *Мавра Орбини*—„О славянахъ“, гдѣ исторія славянъ начинается съ сына Ноева, Іафета, который представляется прародителемъ славянъ, расселившихся, по мнѣнію Орбини, во всѣхъ государствахъ Европы, Азіи и Африки. По географіи: *Гюйенса* „Книга мірозрѣнія“, замѣчательная, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней въ первый разъ была принята система Коперника. *Филиппа Кюверія* (род. въ Данцигѣ 1580 г.) „Введеніе въ географію, древнюю и новую“ (въ шести томахъ, 1629 г.), бывшее первымъ опытомъ въ изложеніи историко-политической географіи, отличающееся замѣчательною полнотою и точностію. *Бернарда Варенія* „Всеобщая географія“ (Geographia generalis), въ переводѣ Ѳ. Поликарпова. *Іоанна Гибнера* „Краткіе вопросы изъ новой географіи“. Большая часть изъ перечисленныхъ сочиненій въ то время были самыми новыми, а нѣкоторыя, какъ напр. сочиненія Пүффендорфа, такими либеральными, что даже въ самой Германіи подвергались запрещенію.

Второй отдѣлъ въ переводной петровской литературѣ составляли книги *общеобразовательныя*, которыя должны были распространять въ русскомъ обществѣ разныя полезныя и интересныя знанія по разнымъ отраслямъ науки и литературы. Къ нимъ от-

(¹) Смотри. Распоряженіе св. Синода объ отобраніи книги «Театронъ», сообщ. Н. С. Лѣсковымъ. Истор. Вѣстн. 1882, Мартъ.

носятся: *Притчи Езона и Ватрахомиомахія* (Бой мышей и лягушек), въ переводѣ Копіевича, напеч. въ Амстердамѣ у Тессинга въ 1700 г. съ 47 гравюрами; Аполлодора, грамматика Аѳинскаго (во 2 вѣкѣ до Р. Х.), „*Библіотека о богахъ*“, въ переводѣ Барсова, съ предисловіемъ Прокоповича; „Зрѣлище житія челоувѣческаго, въ немъ же изъяснены суть дивныя бесѣды животныхъ со истинными къ тому приличными повѣстями“ 1674 г., въ переводѣ Андр. Виніуса; *Исторія о раззореніи града Трои*. Москва 1709; *Полидора Вирилія Урбинскаго*—„О изобрѣтателяхъ вещей“. Москва 1720; *Метаморфозы Овидія*; *Аноффеелмата* т. е. краткихъ витіеватыхъ и правоучительныхъ рѣчей книги. Москва 1716; *Книги Квинта Курція* „О дѣлахъ содѣланныхъ Александра В. царя Македонскаго“ 1709 г. *Юности честное зерцало*, или показаніе къ житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ. Въ началѣ его, послѣ азбуки и цыфiri, помѣщены краткія правоученія изъ свѣщ. Писанія. Затѣмъ слѣдуютъ правила, какъ держать себя въ обществѣ, соблюдать разныя свѣтскія приличія. Они заимствованы изъ тѣхъ нѣмецкихъ руководствъ, которыя, подъ названіемъ *Spiegel für die Bildung, Der goldene Spiegel* и т. п. были распространены въ Германіи въ началѣ XVIII в. Правила Зеркала должны были замѣнить собою правила Домостроя⁽¹⁾. Между прочими, въ немъ предписывается слѣдующее правило: „Молодые отроки всегда должны между собою говорить иностранными языки, дабы тѣмъ навывкнутъ могли, а особливо, когда имъ что тайное говорить случится, чтобъ слуги и служанки дознаться не могли, и чтобъ можно ихъ отъ другихъ не знающихъ болвановъ распознать“... *Приклады* (примѣры, образцы), *како пишутся комплементы* т. е. посланія (писанія) отъ потентатовъ къ потентатамъ поздравительныя и сожалѣтельныя и иныя, такожде между сродниковъ и пріятелей. Москва 1708. Этими Прикладами, переведенными съ нѣмецкаго, Петръ В. хотѣлъ и въ частную переписку русскихъ людей ввести новыя европейскія приемы, на мѣсто тѣхъ образцовъ посланій къ патріарху, епископамъ, настоятелямъ, игуменамъ, чернецамъ, боярамъ, воеводамъ и простымъ лицамъ, которые встрѣчаются въ старыхъ сборникахъ XVII — XVIII в. Въ этихъ старыхъ посланіяхъ мы находимъ съ одной стороны крайнее превознесеніе лица, къ которому обращается посланіе, а съ другой жалкое, непомѣрное самоуниженіе лица, пишущаго посланіе. Князь Юрій Ромодановскій писалъ князю Василю Голицыну, что онъ „Юшка ему челомъ бьетъ“; дядя князя Василя Голицына подъ письмами къ не-

(1) Сравненіе Зеркала съ Домостроемъ въ статьѣ Аванасьева: Школа свѣтскихъ приличій. Атеней 1858 г. № 34.

му подписывался: „дядя твой Мишка Голицынъ челомъ бьетъ“; жена Голицына къ супругу своему обращалась: „женишка твоя Дунька много челомъ бьетъ до лица земнаго“. Въ Прикладахъ уже нѣтъ такого самоуниженія и въ обращеніяхъ къ лицу, согласно европейскимъ обычаямъ, употребляется *вы*, а не *ты* ⁽¹⁾.

Нѣкоторые изъ указанныхъ книгъ, какъ то: Езоповы басни, Апофеегмата и др. были переведены еще въ прежнее время, но только не были напечатаны. При Петрѣ В., рядомъ съ переводомъ новыхъ книгъ, дѣлались изданія книгъ прежде переведенныхъ, а также переводились и составлялись такія книги, которыя могли быть учебными руководствами по разнымъ отдѣламъ науки. Это третій отдѣлъ книгъ въ петровскую эпоху. Къ нему относятся книги, изданныя по порученію Петра Тессингомъ и Коніевичемъ: 1) Введеніе краткое въ исторію, напеч. въ Амстердамѣ въ 1699 г., 2) Славянская и латинская грамматики и вокабулы. Въ первой помѣщено извлеченіе изъ грамматики Смотрипкаго, а въ концѣ приложены образцы разговоровъ, къ удобнѣйшему познанію языковъ (латинскаго, нѣмецкаго и русскаго). 3) Руководеніе въ ариметику. состоящее въ изложеніи первыхъ четырехъ правилъ, напеч. въ Амстердамѣ въ 1699 г., 4) Географія или краткое земнаго круга описаніе, изд. въ 1710 г. 5) Дружескіе разговоры Эразма, изд. въ 1716 г., по приказанію Петра. Въ предисловіи къ разговорамъ высказана мысль, что русскіе скорѣе узнаютъ иностранные языки и будутъ охотнѣе заниматься ими, если переводы будутъ издаваться вмѣстѣ съ иностранными подлинниками. Кромѣ того, при Петрѣ В. два раза былъ изданъ „Синописисъ“ Иннокентія Гизеля. Въ 1703 г. была напечатана *Ариметика Магнитскаго*. Это была первая ариметика, написанная арабскими цифрами; до нея употреблялись въ арифметикахъ, вмѣсто чиселъ, буквы славянской азбуки. На первомъ листѣ арифметики помѣщена виньетка, изображающая храмъ. Въ срединѣ храма, надъ которымъ написано имя Божіе по еврейски, нарисована женщина въ коронѣ, съ ключемъ въ рукѣ, изображающая арифметику. Къ ея трону ведутъ пять ступеней: счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе. Портикъ храма съ надписями, на одной сторонѣ, „тщаніемъ“, на другой „ученіемъ“ поддерживается семью столбами: геометріей, стереометріей, астрономіей, оптикой, меркаторской (навигацией), географіей и архитектурой. Внизу написано: „Ариметика что дѣлетъ, на столпахъ то все имѣетъ“. Кромѣ виньетки, находится гербъ, изображающій крестъ, двуглаваго орла, Архимеда и Пифагора. Книга раздѣле-

(1) Наука и литер. II, 180—182.

на на двѣ части: *ариѳметику политику* и *ариѳметику логику*. Въ первой изложены свѣдѣнія, нужныя для гражданина, купца и воина; во второй собраны знанія, необходимыя для землемѣра и мореплавателя. Ариѳметика Магнитскаго долго была главнымъ руководствомъ въ школахъ и вообще пользовалась извѣстностью; она была въ числѣ тѣхъ трехъ книгъ, которыя возбуждали любознательность въ Ломоносовѣ и заставили его убѣжать изъ родительскаго дома въ Москву учиться. Въ 1709 г. вышелъ гравированный на мѣди, стѣнной календарь, извѣстный подъ именемъ Брюсова. На самомъ дѣлѣ, этотъ календарь былъ составленъ библіотекаремъ Василиемъ Кипріяновымъ, а Брюсъ только наблюдалъ за его изданіемъ. На томъ, вѣроятно, основаніи, что Брюсъ любилъ заниматься астрономическими наблюденіями и владелъ обширными свѣдѣніями по физикѣ и математикѣ, онъ прослылъ въ народѣ астрологомъ и чернокнижникомъ; на томъ же, конечно, основаніи, и первый календарь, сообщавшій астрономическія свѣдѣнія и составленный подъ его надзоромъ, получилъ названіе Брюсова. Этотъ Брюсовъ календарь пользовался постояннымъ уваженіемъ и расходился во множествѣ изданій, потому что, кромѣ разныхъ астрологическихъ предсказаній, содержалъ въ себѣ множество другихъ полезныхъ и любопытныхъ свѣдѣній; въ немъ находились неслухная пасхалія, лунникъ, время восхожденія и захожденія солнца. Всѣ вычисленія сдѣланы на многіе годы, такъ что разъ приобрѣтавшій такой календарь могъ пользоваться имъ долгое время (1).

ХАРАКТЕРЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ ПЕТРѢ В. И ЕГО ПРЕЕМНИКАХЪ. ДО ИМПЕР. ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

При Петрѣ В. началась и новая русская литература, хотя при немъ она не могла достигнуть большаго развитія. Время и силы дѣятелей уходили на дѣла практическія, на устройство новаго порядка во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія. Да и людей такихъ, которые могли бы заниматься отдѣльно наукой и литературой, было мало. Итенцы гнѣзда Петрова хорошо владѣли мечемъ и рулемъ, топоромъ и молотомъ и разными другими орудіями, но мечемъ духовнымъ, орудіемъ слова, могли владѣть не многіе. Между тѣмъ реформа никакъ не могла обойтись и безъ этого могущественнаго орудія. Необходимо было объяснять народу смыслъ преобразованій, защищать ихъ пользу и въ тоже время опровергать старыя воззрѣнія и порядки,

---

(1) Наука и литер. I. 289—290.

которые мѣшали утвердиться новымъ воззрѣніямъ и новымъ порядкамъ. Это весьма хорошо сознавалъ самъ Петръ В. Издавая новый законъ, онъ не просто предписывалъ отмѣну стараго порядка и введеніе новаго, но объяснял непригодность одного и пользу другаго. Онъ самъ былъ не только реформаторомъ, но и первымъ защитникомъ реформы. Поэтому законодательные труды Петра, его проекты, уложенія и указы, историческія записи и замѣтки, разные наставленія и письма должны быть поставлены во главѣ новой русской литературы. Въ нихъ выразились основныя начала и цѣли всѣхъ его реформъ; въ нихъ и самъ онъ высказался со всею своею гениальностію и въ тоже время съ неимовѣрнымъ трудолюбіемъ, энергіей и стойкію во всякомъ предпріятіи. При безконечномъ разнообразіи излагаемыхъ предметовъ, въ нихъ повсюду поражаетъ постоянно одна неизмѣнная идея—пробудить въ русскомъ народѣ умственную дѣятельность, стремленіе ко всему хорошему и полезному, заставить его учиться и работать, вызвать въ немъ предпримчивость. Конечною же цѣлію всѣхъ его стремленій было — приготовить въ возможно скоромъ времени ученыхъ и образованныхъ людей изъ „природныхъ россіянъ“, которые бы повсюду — въ наукѣ, промышленности, дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ могли замѣнить иностранцевъ. Изложеніе всѣхъ сочиненій Петра В. отличается чрезвычайною силою, ясностію, сжатостію и простотою. „Надлежитъ, говорилъ онъ своему секретарю Макарову, законы и указы писать ясно, дабы ихъ не перетолковывали“. Ясности и краткости, какъ мы видѣли, онъ требовалъ и отъ переводовъ иностранныхъ сочиненій. Языкъ Петра, представляющій смѣсь словъ славянскихъ со словами, взятыми изъ разныхъ западно-европейскихъ языковъ, въ тоже время богатъ народными идиотизмами, присловьями и поговорками. Въ письмахъ, кромѣ того, онъ любилъ употреблять шутку, юморъ, игру словъ, картинность выраженій⁽¹⁾.

Но въ законодательныхъ уставахъ, указахъ и проектахъ могли быть выражены только основныя начала и цѣли реформъ; обстоятельное же ихъ объясненіе, особенно настоящая защита новаго порядка дѣлъ и опроверженіе стараго, должны были сдѣлаться предметомъ разнаго рода сочиненій, должны были составить существенныя задачи литературы этого времени. Мы видѣли, что весьма полезными дѣятелями въ области переводной литературы были кіевскіе и московскіе ученые: изъ нихъ же вышли и защитники реформы. Схоластическая наука, существенный характеръ кото-

---

(1) Петръ В., какъ просвѣтитель Россіи, Я. К. Грота. Записки Акад. наукъ 1872, томъ XXI.

рой составляло полемическое направленіе, воспитывала изъ нихъ отличныхъ полемистовъ, которые способны были объяснить и защитить всякую истину и опровергнуть всякое заблужденіе. Лучшими органами для проведенія новыхъ идей въ общество у образованныхъ народовъ служатъ газеты и журналы; но у насъ въ то время только еще начали издаваться первыя „*Русскія Вѣдомости*“ и при своей зачаточной формѣ еще не могли быть такимъ органомъ. Въ древнемъ періодѣ, главною формою для выраженія разнаго рода поучительныхъ мыслей и наставленій служила проповѣдь. Эта форма и теперь сдѣлалась главнымъ органомъ для проведенія въ русское общество правительственныхъ идей и цѣлей, главнымъ орудіемъ для защиты реформы и опроверженія старыхъ воззрѣній. Нѣкоторые проповѣди Стефана Яворскаго, большая часть проповѣдей Θεοφана Прокоповича, Гавріила Бужинскаго и Симона Кохановскаго имѣютъ политическій характеръ. Петръ В. хорошо понималъ значеніе такихъ проповѣдей, и потому часто самъ указывалъ Прокоповичу и Бужинскому, что въ разныхъ преобразованіяхъ нужно было объяснить въ проповѣди. Когда прослушанная имъ въ церкви проповѣдь удовлетворяла его цѣлямъ, онъ тотчасъ же приказывалъ напечатать ее. У него была даже мысль всѣ проповѣди, сказанныя по поводу тѣхъ или другихъ событій реформы, собрать въ одинъ сборникъ и издать отдѣльной книгой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было оправдать или объяснить тѣ или другія событія предъ Европой, писался особые сочиненія. Съ такою цѣлю, по приказанію Петра, было издано Гюйсеномъ въ Германіи (1706), подъ заглавіемъ „*Пространное обличеніе преступнаго и клеветами наполненнаго писемъ*“, опроверженіе брошюры Нейгебауера, въ которой были написаны разныя клеветы на Петра и искажены дѣла его. Съ такою же цѣлю—опровергнуть несправедливыя сужденія иностранцевъ, вице-канцлеромъ барономъ Шафировымъ было написано „*Разсужденіе о причинахъ войны съ Карломъ XII*“ (1717). Кромѣ того, явилось много другихъ сочиненій, вызванныхъ разными событіями реформы. Реформа произвела въ русскомъ народѣ сильное броженіе, выразившееся въ томъ, что въ немъ образовались двѣ противоположныя партіи—новая партія приверженцевъ и защитниковъ всѣхъ нововведеній, и старая партія—ихъ противниковъ и порицателей. Старая партія была недовольна реформами потому, что считала ихъ противными вѣрѣ, русскимъ обычаямъ и вообще тому идеалу жизни, который сложился въ древнемъ періодѣ. Это недовольство, выражавшееся при каждомъ нововведеніи, со всею силою обнаружилось по поводу „*Духовнаго Регламента*“, измѣнившего форму церковнаго управленія и строго осудившаго разныя заблужденія и суевѣрные обычаи, укорре-

нившіеся въ религіозной жизни русскаго народа. Понятія такимъ образомъ, реформы, естественно, должны были въ приверженцахъ старины усилить наклонность къ расколу, который, дѣйствительно, началъ распространяться съ такою быстротою, что оказалось необходимымъ принять противъ него строгія правительственныя мѣры и писать обличительныя сочиненія. Къ такимъ сочиненіямъ относятся: „Розыскъ“ св. Димитрія Ростовскаго; „Знаменіе пришествія антихриста“ Стефана Яворскаго (1703); „Пращина“ Питирима архіеп. Нижегородскаго (1736); „Зерцало суетмудрія раскольника“ Посошкова и др. Производя сильное броженіе, реформы вообще возбуждали множество вопросовъ и развили въ грамотныхъ людяхъ наклонность составлять планы и проекты для улучшенія русской жизни. Изъ такихъ проектовъ особенно замѣчательно сочиненіе „О скудости и богатствѣ народномъ“ Посошкова. Посошковъ жилъ въ переходное время отъ старой жизни къ новому ея строю, и его сочиненія могутъ свидѣтельствовать о томъ, какое впечатлѣніе производили на большинство русскихъ людей новое образованіе и новая жизнь. Люди новой партіи, приверженцы реформы и новаго образованія, обращавшіеся между иностранцами, преимущественно нѣмцами, не рѣдко усвоивали отъ нихъ и нѣкоторыя протестантскія воззрѣнія на вѣру и благочестіе и, оставивъ благочестивые обычаи старины, начинали слѣдовать нѣмецкимъ обычаямъ въ жизни. Въ „Завѣщаніи отеческомъ“ Посошковъ сильно возстаетъ противъ такого вреднаго вліянія иностранцевъ на русскую жизнь. Впрочемъ, это вліяніе еще раньше сочиненій Посошкова вызвало знаменитое полемическое сочиненіе противъ протестантизма и кальвинизма — „Камень огры“ Яворскаго. Камень вѣры написанъ былъ по поводу ереси Тверитинова, заразившагося кальвинскою ересью: но ему суждено было сдѣлаться камнемъ соблазна и преткновенія для многихъ. По поводу его появилось нѣсколько другихъ полемическихъ сочиненій и возгорѣлась ожесточенная продолжительная борьба не только между русскими партіями, старой и новой, но и между партіями иностранными, католической и протестантской. Въ этой борьбѣ съ одной стороны открылось все различіе взглядовъ на вѣру и благочестіе русскихъ православныхъ и католиковъ и протестантовъ, а съ другой обнаружился своекорыстный и подчасъ враждебный отношенія къ Россіи жившихъ въ ней тогда иностранцевъ. — Сотрудники Петра, ближайшіе участники въ его дѣлахъ, мы замѣтили, не имѣли довольно времени заниматься литературными трудами; но нѣкоторые изъ нихъ, переживъ трудовое и бурное время реформы, оставили записки о своей жизни, о своихъ посольствахъ, или путешествіяхъ за границей, или о нѣкоторыхъ событіяхъ своей эпохи. Таковы *Записки Митюева, Желябужскаго, Крекшина и Неплюева* и *Путешествія* того же

Матвѣева, Шереметева и Толстаго. По этимъ сочиненіямъ мы можемъ судить о томъ, въ какомъ видѣ и на сколько усвоивалось европейское образованіе лучшими людьми того времени, какъ подъ вліяніемъ новыхъ идей измѣнялись прежнія воззрѣнія, нравы и обычаи и самый языкъ, какъ вообще вмѣсто стараго идеала сталъ слагаться новый идеалъ жизни, по подражанію европейцамъ. Въ этомъ отношеніи всего важнѣе и интереснѣе для насъ *сочиненія Татищева*. Какъ Посошковъ представляетъ собою типъ русскаго человѣка въ переходную эпоху отъ старой жизни къ новой, такъ Татищевъ является типическимъ лицомъ русскихъ людей новаго образованія. Въ то же время онъ былъ и первымъ русскимъ историкомъ и первымъ русскимъ ученымъ въ новомъ періодѣ литературы.—Что касается поэзіи и литературы художественной, то во время самой реформы не могла еще явиться новая поэзія; прославленію подвиговъ Петра служила еще старая силлабическая поэзія. Но по той мѣрѣ, какъ русскіе люди знакомились съ произведеніями литературъ европейскихъ, начала формироваться и новая русская поэзія и художественная литература. Первыми опытами въ этой литературѣ были *сочиненія Кантемира и Тредьяковского*.—Въ такомъ видѣ представляются общій характеръ литературы и главные литературныя явленія при Петрѣ В. и его ближайшихъ преемникахъ, до импер. Елисаветы Петровны.

ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТЪ.

Важнѣйшій законодательный и вмѣстѣ литературный памятникъ петровской эпохи есть, безъ сомнѣнія, Духовный Регламентъ ¹⁾. По идеямъ Петра В. Регламентъ составленъ Оеофаномъ Прокоповичемъ для управленія Русскою Церковью, въ которую, вмѣсто патріаршества, было введено въ 1721 г. коллегіальное управленіе, подъ названіемъ святѣйшаго Синода. Такимъ образомъ, Регламентъ непосредственно касается духовенства; но по тому значенію, какое въ государствѣ имѣютъ религіозное образованіе и религіозная жизнь и руководящее этимъ образованіемъ и этою жизнію духовенство, онъ долженъ былъ получить обще-народный интересъ и обще-государственное значеніе. До Петра В. не были ясно и точно установлены ни положеніе духовенства между другими званіями и состояніями, ни предѣлы церковной власти; общій строй всей русской жизни былъ религіозно-церковный, какъ это было во всей Европѣ въ теченіе среднихъ вѣковъ, когда во всѣхъ государствахъ во главѣ стояла католическая церковь, бывшая и учительницей и руководительницей жизни. Но послѣ реформація

(¹) Духовный Регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностію Петра В. Изслѣдованіе Н. И. Кедрова. М. 1886 г.

въ Европѣ развился другой строй жизни и другое направленіе въ образованіи. Мѣсто церкви заняло государство и само стало за-вѣдывать воспитаніемъ и образованіемъ народа. Вводя въ Россію новое европейское образованіе, европейскій строй жизни и новыя коллегіальныя формы управленія, Петръ В. не могъ, конечно, оставить безъ вниманія и состоянія духовенства, церковной жизни и церковнаго управленія. Но ближайшимъ поводомъ, ускорившимъ церковную реформу и опредѣлившимъ самый ея характеръ, было то обстоятельство, что, во время разныхъ нововведеній, духовенство не оставалось пассивнымъ зрителемъ, но обнаруживало недовольство и многія нововведенія не одобряло: нѣкоторые лица изъ него оказывались даже замѣшанными въ разныхъ протестахъ и бунтахъ. Въ этомъ недовольствѣ духовенства Петръ видѣлъ рѣшительное противленіе царской власти и началъ опасаться, чтобы русская церковная іерархія не получила такого же преобладающаго значенія, какое на Западѣ имѣетъ католическая іерархія, съ своимъ главою, папою, и чтобы не явилась такой же опасной противницей царской власти. Въ русскомъ патріархѣ ему представился папа, и потому, вмѣсто патріаршества, онъ вздумалъ учредить коллегіальное управленіе Синода. „Велико и сіе, сказано по этому поводу въ Регламентѣ, что отъ соборнаго правленія не опасатся отечеству мятежей и смущенія, яковыя происходятъ отъ единого собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, яко разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но великою высочайшею пастыря, честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковой правитель есть то вторый государь, самодержцу равносильный, или большіи его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ умствовать обыкль. Что же, егда еще и плевельныя властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хврастію огонь подложатъ. Тако простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря, въ коемъ либо дѣлѣ смотреть. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, неже мірскому правителю, аще и слѣпо и пренебрежимо, согласуютъ и за него поборствовать и бунтоватися держаютъ и льстятъ себѣ окаянные, что они по самомъ Божѣ поборствуютъ, и руки своя не оскверняютъ, но освящаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремилися“ (1). Поэтому по всему Регламенту проходитъ стремленіе установить для церковной власти должныя предѣлы, опредѣлить для нея настоящее мѣсто и значеніе: но въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны статьи: „о мѣрѣ

(1) Духовный Регламентъ. Москва 1794 г. стр. 6—8.

и чести епископской“ и „о посѣщеніи епархій епископами“ (¹). Другимъ рѣзко выдающимся стремленіемъ въ Регламентѣ является стремленіе устроить монашество. Извѣстно, что, вслѣдствіе сильнаго развитія монашества въ древнія времена, религіозно-нравственная жизнь русскаго народа получила односторонній аскетическій характеръ, такъ что всякая другая форма жизни считалась недостаточною для спасенія, и многіе, оставивъ службу и дѣла домашнія, уходили въ монастырь, а между тѣмъ, жизнь въ монастыряхъ, вслѣдствіе непомѣрнаго умноженія монаховъ, въ числѣ которыхъ, вмѣстѣ съ хорошими, много поступало и дурныхъ, совершенно упала. Регламентъ старается ограничить распространеніе монастырей и монашества, объяснить какъ народу, такъ и самому монашеству, истинное значеніе монашеской жизни и ввести въ монастыряхъ порядокъ и строгое управленіе. Всѣ мѣры и правила, относящіяся къ этому, изложены въ Прибавленіи къ Регламенту „о правилахъ причта церковнаго и монашескаго“ (²).

Регламентъ состоитъ изъ трехъ частей. Въ 1-й части говорится о пѣліи учрежденія Синода; во 2-й—о дѣлахъ, подлежащихъ управленію Синода; въ 3-й—объ обязанности управителей. Къ нимъ приложены еще прибавленія: 1) о домахъ училищныхъ (уставы семинаріи и академіи); 2) о проповѣдникахъ слова Божія; 3) о правилахъ причта церковнаго и монашескаго и 4) о бракахъ правовѣрныхъ лицъ съ иновѣрными. Обыкновенно говорятъ, что Регламентъ для своего времени имѣлъ такое же значеніе, какое Стоглавъ во время Іоанна Грознаго, и Наказъ въ эпоху Екатерины II. Дѣйствительно, возрѣвія высказанныя въ Регламентѣ высказываются и въ разныхъ сочиненіяхъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей (въ словахъ Теофана Прокоповича, въ сочиненіяхъ Татищева, въ сатирахъ Кантемира), подобно тому какъ новыя идеи о воспитаніи, образованіи и управленіи, изложенныя Екатериной въ Наказѣ, составили содержаніе литературы Екатерининской эпохи. Съ другой стороны, въ Регламентѣ, какъ въ Стоглавѣ, изображаются разныя заблужденія и суевѣрія и вообще разныя недостатки въ религіозно-нравственной жизни русскаго народа и указываются мѣры для ихъ искорененія, путемъ духовнаго просвѣщенія. Въ Регламентѣ предписывается: 1) „розыскать вновь сложенные и слагаемые акаѳисты и пѣны службъ и молебны—согласны ли они съ свящ. Писаніемъ; 2) смотрѣть исторій святыхъ, не суть ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя, сказующія, чего не было, или и христіанскому православному ученію противныя, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти (напр. въ житіи

(¹) Реглам. ст. 35—40. (²) Тамъ же ст. 118—138.

Ефросина Псковскаго)... Духовному правительству не подобаетъ вымысловъ таковыхъ терпѣть и вмѣсто здоровой духовной пищи отраву людямъ представлять, наипаче, когда простой народъ не можетъ между деснымъ и шуимъ разсуждать, но что либо видѣть въ книгѣ написанное, того крѣпко и упрямо держится. 3) Собственно же и прилежно розыскивать подобаетъ оныя вымыслы, которые человека въ недобрую практику или дѣло ведутъ и образъ ко спасенію лестный предлагаютъ, напр. не дѣлать въ пяттокъ и празднованіемъ проводить, и сказуютъ, что пятница гнѣвается на не празднующихъ и съ великимъ на оныхъ же угрозеніемъ наступаетъ. Такожъ постится нѣкихъ именныхъ дванадесять пятницъ, а то для многихъ тѣлесныхъ и духовныхъ пріобрѣтеній, такожъ собственно аки важнѣйшія паче иныхъ временъ службы почитать обѣдню благовѣщенскую, утреню воскресную и вечерню пятидесятницы.... 4) Могутъ обрѣстися нѣкія и церемоніи непотребныя и вредныя. Слышится, что въ Малой Россіи, въ полку Стародубскомъ, въ день уреченный праздничный, водятъ жонку простовласую, подъ именемъ пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ (если то по истинѣ сказуютъ) и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія пользы. Такожъ на иномъ мѣстѣ попы съ народомъ молебствуютъ предъ дубомъ, и вѣтви онаго дуба попъ народу раздаетъ на благословеніе. Розыскать, такъ ли дѣется. 5) Худый и вредный и весьма богопротивный обычай вшелъ службы церковныя и молебны двогласно и многогласно пѣть, такъ что утренняя, или вечерняя на части разобрана, вдругъ отъ многихъ поется, и два или три молебны вдругъ же отъ многихъ нѣвѣчныхъ и чтецовъ совершаются. 6) Весьма срамное и сіе обрѣталоя (какъ сказуютъ) молитвы людямъ, далече отстоящимъ, чрезъ посланниковъ ихъ, въ шанку давать“.. Это перечисленіе разныхъ грубыхъ суевѣрій заключается слѣдующимъ замѣчаніемъ: „словомъ рещи: что либо именемъ суевѣрія нарѣциса можетъ, сіе есть лишнее, ко спасенію непотребное, на интересъ только свой отъ лицемѣровъ вымышленное, а простой народъ прельщающее, и аки снѣжныя заметы (*сугробы*), *правымъ истинны путемъ итти возбръняющее*. все то къ сему досмотру прилагается, яко зло, понеже во всякихъ чинахъ обрѣтатися можетъ“ (¹).

Производя развитіе и распространеніе такихъ суевѣрій отъ отсутствія образованія въ народѣ. Регламентъ предписываетъ пастырямъ заботиться о его распространеніи, опровергая при этомъ то возраженіе, какое дѣлали противъ него невѣжественные люди,

(¹) Регламентъ стр. 11—15.

говорившіе, что ученіе производитъ ереси: „Когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму поведенію церкви и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорами и пребезумнымъ ересемъ. Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновно есть ересей, ибо кромѣ древнихъ, отъ гордаго глупства, а не отъ ученія, бѣсновавшихся еретиковъ (перечисляются нѣкоторые еретики, Валентины, Манихей, Каавары и др.), наши же русскіе раскольщики не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновались? А хотя и отъ ученыхъ человѣкъ бываютъ ересіархи, яковъ былъ Аріи, Несторій и нѣщии иные; но ересь оныхъ родилась не отъ ученія, но отъ скуднаго священныхъ писаній разумѣнія, а возрасла и укрѣпилася отъ злобы и гордости, которая не попустила имъ премѣнять дурное ихъ мнѣніе уже и по познаніи истины противъ совѣсти своей... И если посмотримъ чрезъ исторію, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ, временахъ.... И аще бы ученіе церкви или государству было вредное, то не учились бы самыя лучшія христіанскія особы и запрещали бы инымъ учиться. А то видимъ, что и учились всѣ древніе наши учителя не токмо священнаго писанія, но и виѣшней философіи, и кромѣ многихъ иныхъ славнѣйшіе столпы церковные поборствуютъ и о виѣшнемъ ученіи“... Но надобно наблюдать, чтобы ученіе было доброе и основательное „Ибо есть ученіе, которое и имени того недостойно есть, а обаче отъ людей, хотя и умныхъ, но того не свѣдущихъ, судится быть за прямое ученіе. Обычно вопрошаютъ мнози, въ которыхъ школахъ былъ онсица; и когда услышатъ, что былъ онъ въ реторикѣ, въ философіи и въ богословіи, за единыя тѣя имена высоко ставятъ человѣка, въ чемъ часто погрѣшаютъ. Ибо и отъ добрыхъ учителей не вси добры учатся, ово за тупость ума, ово за лѣность свою, колымъ паче, когда и учитель будетъ въ дѣлѣ своемъ мало, или ниже мало искушенъ“. Это разсужденіе, очевидно, направлено противъ ученыхъ стараго кіевского и московскаго образованія, которые представлялись врагами реформы и новаго образованія. „Тогда выходятъ люди мало свѣдущіе и мало образованные, знающіе только имена реторики и философіи и мнящіеся быти учеными. Таковаго, тако рещи, привидѣннаго и мечтательнаго ученія вкусившіи человѣцы глупѣйшіи бываютъ отъ неученыхъ. Ибо весьма темни суще, мнятъ себя быти совершенныхъ, и помышляя, что все, что либо знать мощно, познали, не хотятъ, но ниже думаютъ честь книги и больше учиться, когда вопреки, прямымъ ученіемъ посвященный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ, хотя бы онъ и Маѳусалевъ вѣкъ пережилъ. Сеже весьма бѣдно, что именованные неосновательные мудрецы

не только не полезны, но и вредны суть и дружеству, и отечеству и церкви, предъ властями надъ мѣру смиряются, но лукаво, чтобы такъ украсть милость ихъ и пролѣзть на степень честный. Равнаго чина людей ненавидятъ, и если кто во ученіи похваляемъ есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити. Къ бунтамъ склонны, воспріемля надежды высокія“. Изложивъ свойства истиннаго образованія и представивъ характеристику мнимыхъ мудрецовъ, Регламентъ, или составитель Регламента, Прокоповичъ излагаетъ *чинъ ученія*, или уставъ и планъ проектируемый имъ высшей дѣховной школы—академіи и семинаріи. Курсъ ученія назначается осмыслѣнный. Въ первый годъ должны преподаваться грамматика вмѣстѣ съ географіей и исторіей; во второй годъ—арифметика съ геометріей; въ третій—логика, или діалектика; въ четвертый—реторика кушно, или раздѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ; въ пятый—физика съ краткой метафизикой; въ шестой—политика Пуффендорфова; въ седьмой и восьмой—Богословіе. Относительно Богословія дается слѣдующее наставленіе: „Челъ бы учитель богословскій священное Писаніе и учился бы правилъ, какъ прямую истую знать силу и толкъ Писаній и вся бы догматы укрѣплялъ свидѣтельствомъ Писаній. А въ помощь того дѣла челъ бы прилежно святыхъ Отецъ книги“ (¹). Для изученія географіи предписывается имѣть глобусы и карты. При школѣ надлежитъ быть библіотекѣ довольной, ибо безъ библіотеки академія какъ безъ души. Книги для библіотеки должны быть не только изъ русскихъ, но и изъ иностранныхъ. При академіи должны быть больница, аптека и врачъ. Для укрѣпленія и развитія физическихъ силъ предписывается плаваніе на судахъ, строеніе крѣпостей, прогулки на острова, въ поле, къ загороднымъ домамъ государевымъ. Для развитія эстетическихъ способностей назначаются прогулки по хорошимъ мѣстамъ, пѣніе, акція и комедіи и музыка. Уставъ этотъ отличается не только отъ югозападныхъ братскихъ школъ и дѣховной школы Посошкова, но и отъ академій, кievской и московской, какъ обширностью учебной программы, большимъ количествомъ свѣтскихъ общеобразовательныхъ наукъ, такъ и самымъ характеромъ и цѣлю образованія. По уставу кievской академіи въ ней должны были воспитываться ученые для борьбы и защиты православной вѣры отъ католицизма и іезуитовъ; слѣд. направленіе было религіозно-полемическое; такъ же религіозно-полемическія цѣли имѣлись въ виду и при образованіи въ московской академіи, которая по мѣстнымъ потребностямъ должна была при-

(¹) Тамъ же, стр. 41—42—52.

готовлять ученыхъ для борьбы съ расколомъ и протестантствомъ; Теофанъ Прокоповичъ въ новой академіи хотѣлъ воспитывать ученыхъ богослововъ по новымъ началамъ западно-европейскаго образованія, не въ одномъ какомъ нибудь направленіи, и не съ частною цѣлю, но вообще просвѣщенныхъ пастырей и учителей церкви и вмѣстѣ образованныхъ членовъ общества, идеалъ которыхъ ему представлялся въ нѣмецкихъ протестантскихъ богословахъ. Согласно съ этими цѣлями предположено было принимать въ академію и иностранныхъ учителей, которые прежде ни въ кievской, ни въ московской академіи не принимались. „Не какихъ-нибудь, но изрядныхъ и свидѣтельствующихъ учителей надобно, которыхъ призвать бы изъ академій иностраныхъ, со свидѣтельствомъ знатныхъ школьныхъ и гражданскихъ властей“. Не надобно опасаться, замѣчаетъ Прокоповичъ въ другомъ мѣстѣ, что они дѣтей нашихъ соизагнѣ по своей богословіи, потому что можно ихъ артикулами опредѣлить, чему они должны учить, и напечатывать, не предостать ли чего, нашему исповѣданію противнаго. Пусть преподають они только ученій вышній—языки, философію, юриспруденцію, исторію и проч. а не богословскіе догматы... Если не опасаются господи русскіе посылать дѣтей своихъ въ академіи иностранныя, то для чего бы опасаться у насъ“ (1). Но такой широтѣ мысли новой духовной академіи, за недостаткомъ средствъ, не могъ быть выполненъ: въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ была открыта семинарія Прокоповичемъ только частная школа въ его имѣніи, Карповѣ. —За проектами академіи и семинаріи, въ Регламентѣ слѣдуетъ требованіе, чтобы каждый епископъ имѣлъ при своемъ домѣ школу „для дѣтей священниковъ и прочихъ, въ набожнѣе священства опредѣленныхъ“. Такия школы и семинаріи отрывались, и изъ нихъ въ послѣдствіи образовались духовныя семинаріи. Наконецъ, для наученія народа чтеніемъ вѣры и благочестія, Регламентъ позволяетъ составить „новыя краткія и вразумительныя и ясныя книжицы“. Указавъ на то, что „книга православнаго исповѣданія слишкомъ велика и написана не довольно просто и понятно, что прежній славянскій переводъ великихъ учителей Влатодутаго, Теофилакта и другихъ слѣдуетъ такъ перечесть и вразумительнѣе, что толковательныя бесѣды учительныя, кромѣ высшихъ богословскихъ таинъ, содержать въ себѣ много такого, чего нѣтъ познѣжливый человекъ къ пользѣ своей употребить не можетъ, оны приказываетъ сочинить *„три книжицы небольшія“*: первую о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры и о заповѣдяхъ

(1) Смотри у Морозова: Теофанъ Прокоповичъ, какъ писатель.

Божіихъ, въ десятословіи заключенныхъ; вторую—о собственныхъ всякаго чина должностяхъ; третью таковую, въ которой собраны будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясныя проповѣди“. Всѣ эти книжки положено было читать въ церкви въ воскресные и праздничные дни по утрепи и обѣднѣ въ такомъ порядкѣ, чтобы онѣ могли быть прочитаны въ четверть гола, а въ годъ четыре раза. Кромѣ того, первыя книжки назначались для первоначальнаго обученія дѣтей. Издавать всѣ три книги нужно было въ одной небольшой книжкѣ, чтобы могла быть куплена малымъ иждивеніемъ и употребляться безъ труда не только въ церквяхъ, но и въ домахъ всякаго охотника. Нѣкоторыя изъ этихъ требованій были приведены въ исполненіе прежде изданія самаго Регламента. Въ 1720 г. была напечатана составленная, по приказанію Петра, Остроукомъ Прокоповичемъ книга *„Первое ученіе отрокомъ“*, въ которой, послѣ азбукы, помѣщено было краткое толкованіе 10 заповѣдей, молитвы Господней и 9 блаженствъ евангельскихъ. Въ предисловіи книги объяснялось, что отъ воспитанія въ юности зависитъ вся жизнь человѣка, что въ Россіи воспитаніе находится въ плохомъ состояніи: „все богопочтеніе полагается во внѣшнихъ збѣрахъ и тѣлесныхъ обученіяхъ, и ниже помышляюще о самомъ основательномъ благочестіи... не многіе ли обрѣтаются книголюбцы, которые заповѣдей Божіихъ и Символа вѣры и силы молитвъ не знаютъ“. *„Ученіе отрокомъ“* началось вмѣсто старинныхъ буквварей, но потомъ положено было читать его въ церкви для назиданія народа, но великимъ ностамъ, вмѣсто поученій Ефрема Сириня (1). Кромѣ того, Петръ В. предписалъ Синоду составить Катихизисъ, гдѣ изъяснить: „что всепремѣнный законъ Божій, и что совѣти, и что претанія отеческія, и что вѣщи среднія, и что только для чина и обряда сдѣлано, и что непремѣннѣе, и что ко времени и случаю приимавлось, дабы знать могли, что въ каковой силѣ имѣть“ (2).

Такимъ образомъ, Регламентъ, полагая причину разныхъ суетвѣрій въ отсутствіи образованія, безъ котораго вѣра и благочестіе древняго русскаго человѣка получили часто внѣшній, обрядовый характеръ, для искорененія ихъ стремился распространять постоянно христіанское просвѣщеніе. Въ этомъ отношеніи онъ дѣйствовалъ совершенно противоположно Стоглаву, который причину всѣхъ недостатковъ въ религіозно-правственной жизни видѣлъ

(1) Смotr. Величностный указъ Петра В. сообщ. Н. С. Лесковымъ. Истор. Вѣсти. 1882, апрѣль.

(2) Наука и литер. 1. 181—182.

въ упадкѣ древнихъ преданій и древнихъ уставовъ благочестія и всѣ заботы свои сосредоточилъ главнымъ образомъ на исправленіи только внѣшней обрядовой стороны богослуженія.

СОЧИНЕНІЯ СТЕФАНА ЯВОРСКАГО И ТЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА.

Главными литературными дѣятелями во время реформы были митр. Рязанскій и мѣстоблюститель патріаршаго престола, Стефанъ Яворскій, и Новгородскій архіеп. Теофанъ Прокоповичъ. Стефанъ Яворскій можетъ быть названъ представителемъ русской церковной партіи при Петрѣ В. или тѣхъ людей, которые хотя признавали необходимость нѣкоторыхъ реформъ и новаго образованія, но въ то же время боялись ихъ, возставали противъ ихъ вредныхъ крайностей, особенно противъ тѣхъ нововведеній, которыя, по ихъ мнѣнію, угрожали православной вѣрѣ и русскому благочестію, и потому стремились защищать вѣру и благочестіе; его дѣятельность имѣетъ характеръ консервативный. Совершенно другою является дѣятельность Теофана Прокоповича; она имѣетъ чисто реформаторскій характеръ. Вполнѣ сочувствуя всѣмъ реформамъ Петра, онъ горячо защищалъ ихъ и сильно преслѣдовалъ ихъ противниковъ, съ сатирическимъ негодованіемъ раскрывая въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ всѣ темныя стороны въ религіозно-нравственной жизни русскаго народа, всѣ издавна накопившіеся въ ней вредныя и грубыя наросты цѣвѣжества и суевѣрія, и указывая новый разумный путь вѣры и благочестія. Разсматриваемыя отдѣльно, дѣятельность Яворскаго и дѣятельность Прокоповича представляются односторонними; но та и другая естественно и необходимо вызывались тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ и служили одна для другой необходимымъ дополненіемъ. Въ этомъ отношеніи самая борьба между этими двумя дѣятелями сопровождалась полезными результатами, потому что она ослабляла крайности противоположныхъ направленій и послужила поводомъ къ разъясненію многихъ вопросовъ въ религіозно-нравственной жизни.

Сочиненія Стефана Яворскаго ⁽¹⁾. Стефанъ Яворскій (род. 1658, ум. 1722 г.) воспитывался сначала въ Кіевской академіи,

---

⁽¹⁾ О жизни и сочиненіяхъ Стефана Яворскаго: въ Словарѣ Евгенія, II, 251—261; въ Обзорѣ дух. литер. Филарета, I, 382—386. Стефанъ Яворскій Ф. Терновскаго. Древн. и Нов. Россія 1879 г. № 8. Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ, въ V томѣ сочиненій Ю. О. Самарина. Москва 1880.

а потомъ въ польскихъ училищахъ въ Лембергѣ или Львовѣ, наконецъ въ Познани выслушалъ полный курсъ философіи и богословія. По возвращеніи въ Кіевъ, и по принятіи монашества, онъ прежде всего проповѣдывалъ при разныхъ церквахъ, а затѣмъ поступилъ учителемъ въ Кіевскую академію, гдѣ скоро былъ назначенъ префектомъ оной. Петру В. онъ сдѣлался извѣстенъ въ 1700 г., когда, будучи по одному случаю въ Москвѣ, онъ говорилъ здѣсь проповѣдь, при погребеніи фельдмаршала боярина А. С. Шеина; проповѣдь его такъ понравилась Петру, что онъ оставилъ его въ Москвѣ и приказалъ посвятить въ митрополита Рязанскаго, поручилъ ему въ завѣдываніе московскую академію, съ званіемъ ея протектора, а по кончинѣ патріарха Адріана, назначилъ въ 1702 г. мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола до открытія Святѣйшаго Синода въ 1721 г., когда онъ былъ опредѣленъ его президентомъ. Воспитанникъ кіевской академіи, Яворскій былъ совершеннѣйшимъ типомъ кіевского схоластическаго образованія, со всеми его достоинствами и недостатками. Мы называли его представителемъ церковной партіи въ Петровскую эпоху, стоявшей на стражѣ церковныхъ интересовъ, противъ крайностей реформы; онъ, дѣйствительно, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ является горячимъ защитникомъ интересовъ вѣры и церкви, хотя его преобладающая религіозно-церковная точка зрѣнія иногда мѣшала ему разсмотрѣть дѣло со всѣхъ сторонъ и нерѣдко приводила его къ сужденіямъ рѣзкимъ и одностороннимъ. Современники считали Яворскаго ученѣйшимъ мужемъ; онъ, дѣйствительно, обладалъ глубокими свѣдѣніями въ св. Писаніи, ученіи отеческомъ и церковной исторіи; но въ области свѣтскихъ знаній являлся иногда не выше обыкновенныхъ людей и недовѣрчиво относился къ новымъ открытіямъ въ наукахъ. Онъ не принималъ системы Коперника и, находя ее богопротивною, говорилъ: „Одному тому нѣкоему Копернику приснилось, будто солнце, луна, звѣзды стоятъ, а земля оборачается противъ священнымъ писаніямъ“. Въ этомъ отношеніи Прокоповичъ стоялъ выше его и находилъ возможнымъ согласить теорію Коперника съ св. Писаніемъ. Если, говорилъ онъ, ученики Коперника и другіе ученые, защищающіе движеніе земли, могутъ привести въ доказательство своего мнѣнія достовѣрныя, физическіе и математическіе, доводы, то тексты свящ. Писанія, въ которыхъ говорится о движеніи солнца, не могутъ служить для нихъ препятствіемъ, ибо эти тексты слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ, а аллегорическомъ смыслѣ“. Самыя важныя сочиненія Стефана Яворскаго: 1) Знаменіе пришествія антихристова, 2) Камень вѣры, 3) Проповѣди. *Знаменіе пришествія антихристова и кончины ѿка* (напечат. въ 1703 г.) написано по тому случаю, что

въ 1700 г. книгописецъ Григорій Талицкій распространялъ въ Москвѣ въ народѣ тетради, въ которыхъ говорилось, что „пришло послѣднее время: въ книгахъ пишутъ, что будетъ осьмой царь антихристъ, а нынѣ осьмой царь Петръ Алексѣевичъ, онъ-то и антихристъ“⁽¹⁾. Яворскій опровергаетъ это мнѣніе, указывая истинные признаки пришествія антихриста и кончины міра. *Камень вѣры православно-кашолческой. Восточныя церкви свѣтлыя сыномъ на утвержденіе и душевное возмужаніе, претѣкающаго же о камень претѣканія и соблазна на востаніе и исправленіе* (напеч. въ 1728 г.). Ближайшимъ поводомъ къ этому сочиненію было появленіе въ 1713 г. въ Москвѣ казанскаго епископа полковаго лекаря въ стрѣльцовъ, Дмитрія Евдокимова Тверитинова⁽²⁾. Тверитиновъ заразился этой ересью отъ одного иностраннаго лекаря, у котораго учился, и началъ распространять хулы на св. иконы, кресты, мощи, осуждать посты, почитаніе святыхъ, поминovanje усопшихъ... Яворскій собралъ въ 1714 г. въ Москвѣ соборъ, на который созвалъ Тверитинова съ его единомышленниками, и для продолженія православныхъ христіанъ вообще отъ протестантскаго ученія, которое занесли въ Россію иностранцы, напечатавъ *Камень вѣры*. Камень вѣры состоитъ изъ трехъ частей. Часть I: о святыхъ иконахъ: о честномъ крестѣ: о мощахъ святыхъ. Часть II: о св. Евхаристіи: о призваніи святыхъ: о благоволеніи представляющимся. Часть III: о преданіяхъ: о св. литургіи: о постахъ: о благихъ дѣлахъ. Всѣ эти предметы разсматриваются съ двухъ сторонъ — положительной и отрицательной. Сначала о каждомъ догматѣ излагается положительное ученіе церкви на основаніи свѣщ. Писанія, вселенскихъ соборовъ, сочиненій отцовъ и учителей церкви и „доводнаго показанія“, на свѣщ. Писаніи утвержденнаго. Потомъ на тѣхъ же основаніяхъ опровергаются возраженія противниковъ. Такое сочиненіе было весьма важно и необходимо въ то время, когда на разныхъ мѣстахъ государственной службѣ было много протестантовъ и въ русскомъ обществѣ начали распространяться протестантскія воззрѣнія, нравы и обычаи. На это указалъ Яворскій какъ самымъ эпиграфомъ книги: „Смѣсишася во языцѣхъ

(1) Смотри. Истор. Россіи Соловьева XV, 122—124. — (2) Дѣло о Тверитиновѣ напечатано въ Памятникахъ древней письменности. Спб. 1882. Здѣсь помѣщена Записка Леонтія Магнитскаго по дѣлу Тверитинова и затѣмъ, какъ приложение къ нему, официальные документы, извлеченные изъ I и II томовъ Архива Св. Синода.—Исторія Соловьева XVI, 307—315. Московскіе вольнодумцы XVIII в. и Стефанъ Яворскій Н. С. Тихонравова.

и навывоша дѣломъ ихъ“, такъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея предисловія, или „Предувѣщанія къ православнымъ“, напр.: „Внемлите отъ живыхъ пророкъ, иже прихоятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волки хищніи... Веѣяннымъ уже сущимъ зернамъ ищепичнымъ душеспасительнаго ученія на сердцахъ правовѣрныхъ, тія прихоятъ и веѣвають развращеннаго ученія плевелы, хотяще ищипну, въ житицы ибесіи прозябшую, полавити“. Но Петръ В., боясь раздражить иностранцевъ, не только не позволилъ напечатать Камень вѣры, но и самого Яворскаго подвергъ опалѣ (¹). Набожно замѣтитъ впрочемъ, что полемика Яворскаго не отличается мягкію и терпимостію: его нападенія и опроверженія противной стороны часто рѣзки, грубы и брагичивы; но такой тонъ полемикъ, совершенно не согласный съ соерменными началами вѣротерпимости, былъ въ то время общимъ всей релігіозной полемикѣ, католической и протестантской: рѣзкія опроверженія протестантскаго ученія были вызваны еще болѣе рѣзкими возраженіями и нападеніями протестантовъ на православное ученіе. Доказательствомъ этого служить вся, изложенная ниже полемика, по поводу „Каменя вѣры“.

Проповѣди Яворскаго (²). Яворскій былъ извѣстенъ какъ знаменитый проповѣдникъ. Современники удивлялись его краснорѣчію и даже враги его отдавали ему въ этомъ отношеніи заслуженную справедливость. Врагъ его, сочинитель Молотка, панисавнаго въ опроверженіе Каменя вѣры, говорить о Яворскомъ, что онъ имѣлъ удивительный даръ слова, и едва подобному ему въ учительствѣ обрѣстись могли. Мнѣ случалось, замѣчаетъ онъ, видѣть въ церкви, что онъ, уча слушателей, могъ заставить ихъ плакать, или смѣяться. Петръ В. щедро награждалъ Яворскаго за его проповѣди (³). Впрочемъ, по стилю своему, проповѣди Явор-

(¹) Содержаніе и судьба Каменя вѣры изложены въ V томѣ сочиненій Ю. О. Самарина, стр. 34—54; у Чистовича, Оеодіа Прокіоповича, стр. 366—407; въ статьѣ Изъѣвота: Изъ исторіи богословской и полемической литературы XVIII в. Прав. Обзор. 1871, томъ II. (²) Стефанъ Яворскій и Оеодіа Прокіоповичъ, какъ проповѣдники. Ю. Самарина, Москва, 1841. Русское проповѣдничество при Петрѣ I. Ф. А. Терновскаго. Руководство для сельскихъ пастырей за 1870 г. ЖЕ 36, 37, 39, 41, 44, 48, и 51. Неизданныя проповѣди Стефана Яворскаго, Чистовича. Христ. Чтеніе за 1867 г.—(³) «Отъ самого великаго государя, говоритъ Яворскій, много разъ получалъ за побѣдителями проповѣди» (проповѣди, сказанныя по случаю побѣдъ) иногда тысячу золотыхъ, иногда меньше, также и отъ прочихъ членовъ царскаго дома многія много разъ щедроты бывали мнѣ за литургіи и проповѣди слова Божія». Труды Кіевск. Акад. 1865.

скаго не представляют ничего особеннаго и оригинальнаго и относятся къ тому же разряду южно-русской проповѣди, къ которому принадлежатъ проповѣди Голятовскаго, Барановича и Полоцкаго ⁽¹⁾. Въ нихъ мы находимъ ту же склонность къ символическому и аллегорическому способу изображенія мыслей, тѣ же часто произвольныя и натянутыя сближенія и сопоставленія разныхъ мѣстъ свящ. Писанія, изъ коихъ образуются то яркія, а то и просто пестрыя картины мозаическаго характера. Такъ, взявши въ основу проповѣди слова: *Ты еси Петръ и на семъ камени созижду церковь мою*, Яворскій сводитъ всѣ мѣста свящ. Писанія, въ которыхъ говорится о камнѣ: „Камнемъ Петра Христосъ нарицаетъ; но какимъ камнемъ? Онымъ ли камнемъ, его же Іаковъ патриархъ ветхозавѣтний положи въ возглавіи себѣ? Или онымъ камнемъ, его же пророкъ Захарія видѣ седмь очесъ имущъ? Онымъ ли камнемъ, имъ же Давидъ порази Голіаѳа? Или онымъ камнемъ, его же пророкъ Даніилъ видѣ отъ горы отторжена и идола попирающа? Всѣхъ тѣхъ камней образъ являше въ себѣ камень церковный, Петръ святой. Но азъ, минувши тѣя камени, хочу вамъ явити Петра святаго въ образъ камня пустыннаго, веліе угодіе людямъ израильскимъ творящаго, и покажу слушателямъ моимъ три источника, отъ сего камени происходящіе: одинъ горькій: порази камень, и истекоша воды (т. е. горькія покаянія); другій—сладкій: напита ихъ отъ тука пшеничпа и отъ камени меда насыти ихъ (пс. 80); третій лекарственный: ссаша медъ изъ камени и елей отъ тверда камени“ (Втор. 30) ⁽²⁾. Въ Словѣ, сказанномъ въ Петербургѣ, въ первое время послѣ его основанія, желая похвалить приморское мѣстоположеніе города, Яворскій собираетъ всѣ мѣста Писанія, которыя, по его мнѣнію, могли подтверждать его мысль о превосходствѣ низменныхъ мѣстъ и водной стихіи: „Христе Спасителю нашъ, говоритъ онъ, Петръ Тебѣ хочетъ создать сѣнь, гдѣ изволишь? на горѣ ли, или на долині? на Ѡаворѣ, или на приморіи? Смиранный Іисусъ не хочетъ на высокихъ горахъ имѣти жилище. Сатана любитъ горы: на горахъ ставитъ престолъ свой, на гору восхитилъ было и самаго Іисуса: *поятъ его на гору высокую, и показа ему вся царст-*

⁽¹⁾ Взглядъ Яворскаго на духовное краснорѣчіе выразился въ его небольшомъ учебникѣ, написанномъ на латинскомъ языкѣ и переведенномъ на русскій языкъ Феодоромъ Поликарповымъ: «Рука риторическая, пятью частями, или пятію персты укрѣпленная». Изд. Обществомъ любителей письменности. 1878; № XX.

⁽²⁾ Незданныя проповѣди Стефана Яворскаго. Христ. Чт. 1867. стр. 275.

вія. А Христось, смиренія образъ, горы не любятъ. Того ради, мню, и Петру святому не пришло до дѣла, что на горѣ хотѣлъ сѣнь создати. Долину любить Той, Который съ небесной горы на сегосѣтнѣную спустился долину.... Читайте Евангеліе, увидите тамо, какъ часто Христось Спаситель нашъ ходилъ при морѣ Галилейскомъ, при морѣ Тиверіадстѣмъ, при озерѣ Генисаретстѣмъ, отъ воды избралъ учениковъ, по водамъ ходилъ морскимъ, водамъ повелѣваетъ, на водѣ первое чудо сотворилъ, егда въ Канѣ Галилейстѣмъ воду въ вино претворилъ. Кратко рещи: и Духу Святому, и Христу Спасителю нашему, и всей Святой Троицѣ любимое при водахъ обиталище. Воспомяните себѣ воды іорданскія: тамо Богъ Отецъ во гласъ: *гласъ Господень на водахъ, Богъ славы возрешъ*. Тамо Богъ Сынъ въ водахъ Іорданскихъ водное естество освящая; тамо Духъ Святый въ видѣнии голубинѣ: *Духъ Божій носашеся верху воды*. А гдѣ первое Отецъ Предвѣчный далъ свидѣтельство Свое о Сынѣ Единородномъ? при водахъ Іорданскихъ. Тамъ громогласно возгласилъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ*. Дивная во истинну вещь, что не на иномъ первѣе мѣстѣ Отецъ Предвѣчный о Сынѣ Своемъ Единородномъ даетъ свидѣтельство, точію при водахъ“ (1). Въ Словѣ на недѣлю 23-ю мы находимъ такую аллегорію: „Обыкновеніе или, паче рещи, нужду имутъ всѣ немоществующіе въ скорби своей отъ врачей исхати помощи: тогда врачъ, написавши рецептъ, то есть хартицу, на ней же изображаетъ врачества составы, посылаетъ въ аптеку, да по ней тамо уготовится лекарство. Приидите нынѣ вси, огневицею грѣховною палими.... приступите и приимите рецептъ сіе извѣстнѣйшее и нелестное предписаніе; приѣмше же принесите въ аптеку совѣсти своея, составите по реченному. Первый составъ *земль и сердце* т. е. всегдашнее воспоминаніе страстей Христовыхъ; второй составъ *смирна* т. е. умерщвленіе плоти; третій составъ *медъ* т. е. всегдашнее помышленіе о небѣ; четвертый составъ *зеле рута* т. е. воспоминаніе огня геенскаго“. Въ истолкованіи этого рецепта и состоитъ вся проповѣдь (2). Но особенно рѣзко выразился аллегорическій характеръ проповѣди Яворскаго въ четырехъ его проповѣдяхъ *объ Іезекіиловой колесницѣ*. Въ первой изъ нихъ онъ говоритъ (въ 1703 г.) о херувимахъ, подъ образомъ животныхъ, везущихъ колесницу, и примѣняетъ это къ Петру В., торжественно возвращающемуся въ Москву, послѣ взятія Шлиссельбурга; во второй проповѣди (въ 1704 г.) онъ

(1) Русское проповѣдничество при Петрѣ I. Ф. Т-го, стр. 11—13.

(2) Проповѣди Стефана. II, 180—194.

говорить о четырехъ колесахъ колесницы, подъ которыми разумѣются четыре сословія государства, согласно движущія побѣдную колесницу; въ третьей проповѣди (въ 1705 г.)—о торжественной жатвѣ, мечными серпами російскихъ побѣдоносцевъ, на марсовыхъ лѣвосѣиныхъ поляхъ, въ самое жатвенное время, въ іюль и августъ вступившаго года, собранной (когда города Нарва и Дерптъ крѣпкою рукою російскаго войска взяты были) и на триумфальную колесницу возложенной: въ четвертой проповѣди (въ 1706 г.)—о торжественномъ пути Іезекіиловой колесницы⁽¹⁾. Въ избранныхъ для проповѣди предметахъ Яворскій обращаетъ вниманіе часто не на внутреннія и существенныя черты, но на виѣшнія стороны, на какія-нибудь случайныя обстоятельства, которыя могли подавать поводъ къ интереснымъ обличеніямъ, сравненіямъ и картинамъ. Для сообщенія же большаго интереса проповѣди онъ старѣею слѣдить стѣ главнаго предмета въ сторону; въ тоиствахъ св. Писанія, крохъ прѣлага смысла, ищетъ смысла особеннаго, таинственнаго; приводитъ оный таинств., онъ принимаетъ другой, вымѣняющій почему-нибудь соотношеніе съ первымъ; за этимъ другіе третій и такъ даже выставляеть цѣлый рядъ текстовъ, исторіе связывающихся между собою чисто виѣшнимъ образомъ. Результатъ такого пріема проповѣдь является искусственною и являетъ свойственную ей важность. Подобно юговиндскимъ проповѣдникамъ, Яворскій, крохъ свѣд. Писанія и ученія отеческаго, заимствовалъ матеріалы для своихъ проповѣдей изъ греческой и римской мисологіи и легенды, приводилъ изреченія греческихъ и римскихъ философовъ, ораторовъ и поэтовъ, свѣдѣнія глѣ естественной исторіи, иногда басни, притчи и даже анекдоты. Все это сообщало проповѣди разнообразіе и занимательность, но часто лишало ее силы и назидательности. Особенно не согласными съ достоинствомъ церковной проповѣди представляются разные шуточные вопросы, рассказы и размышленія, перѣдко встрѣчающіяся у Яворскаго. Такъ напр., приведя слова Спасителя: *поминайте жену Лотову*, онъ спрашиваетъ: „Какъ же ю, Спасителю мой, помянуть? панихиду ли за нѣю пѣти? или въ эктеніяхъ ее помянуть? Не вѣдаемъ, какъ ей имя. Поминайте жену Лотову: а для чего не Сарру, не Ревекку, не Есопръ, не Юднѣю“? Разсуждая о томъ, что мы всѣ любимъ слушать о чужихъ грѣхахъ, онъ говоритъ: „Весело мужамъ, егда женскіе грѣхи обличаются, что паче прилежать своимъ украшеніямъ, нежели домоправительству.... Сія егда проповѣдникъ глаголетъ, весело мужемъ, обаче имъ самимъ не любо, егда ихъ раны коснетъ-

(1) Тамъ же ч. III.

ся, егда начнеть глаголати, козь волю зло добра свои всегда-ними пирушками терять, козь волю зло пранигивать въ карты вотчины и здравіе прои... а. Не умно сіо мужамъ, а женъ, егда сія глаголетъ, будто сахаромъ услаждаетъ" (1). Пивбегна также шутилъ метафора по случаю вѣстія Шлиссельбургской крѣпости: „Вспомяну валъ крѣпостію и фортифіацію Шлиссельбургскую побѣды... О! Орѣшекъ прѣтѣрѣлій! добрыя то зубы были, которые сокрушили тотъ твердый орѣшекъ" (2). Но всѣхъ этихъ пріемахъ Яворскій подражалъ католическимъ проповѣдникамъ, сочиненіями которыхъ онъ пользовался, а также это показываютъ черновыя проповѣди его (3).

Но въ петрѣйской литературѣ особенный интересъ имѣютъ тѣ проповѣди Яворскаго, въ которыхъ онъ касался соприкосновеній событій, гонимыхъ въ Петербургѣ и его окрѣпостяхъ. Не смотря на то, что Яворскій былъ воспитанникъ П. троя, въ самую высшую степень церковной іерархіи, онъ не былъ безразличенъ къ положенію, хотя и низвѣщенъ стоянціе, униженію нашего естественнаго труда для блага Россіи, предвѣщая, что побѣда. Изъ Слова па дню рожденія Петра онъ говоритъ: „Вспомни сего (Петра) и вѣру, и мудростію. Христу Спасителю нашему удивилхуся Іудей, како сей людемъ живи, не умно? Таки и командиръ нашъ глаголати можахъ: како сей вѣсть книги, не учивъ? Не имѣе свое въ воинскихъ дѣлахъ, являюще: оное ирелемъ, бѣдѣти, строити крѣпости и тѣя добивати, строити корабли и на тѣхъ леволимъ бранити поучити, позы строити, нумотити, громами тѣшити—то это бывало воинское ирелемъ. Въ мука совершенно прашедши, асѣ вѣсти, яко все его утѣла, все мѣстѣ, все уражениа—вои тво утронити. Книги читати, кромѣ чтенія церковнаго, нѣтъ на то времени. Откуда убо сей вѣсть книги, не учивъ? Вопроси его въ чель-побуд. отъ писаній божественныхъ, дасть отвѣтъ изрядный: правила соборовъ вселенскихъ, онъ тое наизустъ умѣеть. Дай ему какую-нибудь матерію философскую, такъ изрядно о ней станетъ глаголати, будто истинный ученикъ самого, философъ начальниа. Платона. Дай ему какую-либо матерію богословскую, такъ изрядно о ней станетъ провѣщевати, будто истинный ученикъ Григорія Богослова. Математика, ариметика, географія, космографія у него наизустъ. Како убо сей вѣсть книги, не учивъ?" (4). Въ одномъ словѣ Яворскій восхваляетъ трудолюбіе и неутомимую дѣятельность Петра, трудившагося на ряду съ простыми работниками: „Петръ нашъ рос-

(1) Проповѣди Стефана. I. 97. II. 131. (2) Тамъ же II. 169.

(3) Незданныя проповѣди Стефана Яворскаго, Чистовича. Христ. Чтен. 1867. стр. 264—270.—(4) Тамъ же, стр. 114—115.

сійскій, по подобію Христа, ставши рабомъ государству своему, толикія тяжести, толикія работы, рабомъ прикладныя, на себѣ носить. А титла какія? Къ титламъ пресвѣтлымъ царскимъ сердца не прилагаетъ, но простыми воинскими титлами, ово солдатомъ, ово поручикомъ, ово майоромъ, ово капитаномъ велитъ себе нарицать. Смотрите, каково его прилежаніе въ наученіи воинскаго чина. Самъ, сущи монархъ, аки единъ отъ солдатъ, вси воинскія и наименьшія степени переходилъ, даючи образъ прочимъ, да послѣдуютъ стопамъ его. Смотри, каково мудрое и промысленное попеченіе о собраніи вѣнства, о собраніи денегъ, безъ нихъ же воинству быти нѣсть мѣдно. Смотри на корабли, галеры, флоты, которые его промысломъ и руководѣіемъ построены. Смотри прилежно на его руководѣіе, чѣмъ упражняется. Монархъ сый, яко единъ отъ работниковъ,—дѣла корабельныя, дѣла пушкарскія и прочія военныя руководѣлства: сами по рукамъ его царскимъ мозоли свидѣлствуютъ“ (¹). Въ другомъ Словѣ Яворскій весьма хорошо охарактеризовалъ поведеніе и простоту обращенія Петра: „Удивляемся не только мы видящи, но и вся вселенная слышащи, толикому толикаго лица преклонству, толикому смиренію и снисходительству: съ нами ястъ, пьетъ, спитъ, сидитъ, любовнѣ бесѣдуетъ съ нами; аки единъ отъ сосѣдъ и друзей нашихъ премирно сожительствуетъ, и, забывъ себя быти царя и монарха, его же подсолнечная трепещетъ, всякому есть приступень, жилища наши посѣщаетъ, обѣдомъ, вечерію и охотою нашею не гнушается. Съ нами, аки отецъ съ чадами, больши реку, яко братъ съ братією, житіе свое проводитъ; предсѣданія на сонмищахъ и предвозлеганія на вечерахъ и цалованія на торжнщахъ давно то оставилъ прегордымъ фарисеямъ“. Въ Словѣ по случаю взятія Нотенбурга, переименованнаго потомъ въ Шлиссельбургъ, Яворскій въ такой картинѣ изображаетъ возрастаніе силы и могущества Россіи: „Христосъ Спаситель, различныя даючи подобія царству небесному, уподобилъ его зерну горчичному у Матѳея святаго, въ главѣ 13: *Подобно, рече, есть царство небесное зерну горчичну, его же взялъ человекъ вся на селѣ своемъ, еже малѣйшее есть всѣхъ сѣменъ, егда же возрастѣ, больши всѣхъ зелій есть, и бываетъ древо, яко прійти птицамъ небеснымъ и витати на вѣтвѣхъ его...* А царство Россійское не подобно ли зерну горчичну, еже есть меньше всѣхъ сѣменъ? Воспомяните себѣ сего царствія начатки, колика его бѣше малость: едино зерно горчичное, всѣхъ сѣменъ малѣйше, едино княженіе, и то еще данъ дающе гордости агарянской. О воистину зерно горчичное, горести преисполнено, умаленіемъ уничижаемо! Что же по-

(¹) Неиздан. проповѣди, стр. 118.

томъ? Досталося сіе зерно въ руки добрыхъ земледѣльцовъ, монарховъ російскихъ, начнутъ добрѣ орати, начнутъ нивы казанскія, астраханскія, сибирскія управляти многотруднымъ потомъ... Се зрите зерно горчичное въ каково возрасте зеліе, зрите, како великимъ сталося древомъ, яко пріити птицамъ небеснымъ, толикому множеству святыхъ, и витати на вѣтвѣхъ его. О горькое зерно! О умаленное сѣмя! како возрасло еси въ сичеву жатву... Возведите очеса ваша и видите нивы казанскія, астраханскія, сибирскія, касимовскія и прочая: зрите нивы кизикерменскія, тамтскія, азовскія, шведскія и прочая... Но како возрасте сіе жниво? Рекохъ уже вамъ, яко мужествомъ монарховъ и вопновъ російскихъ "... Переходя затѣмъ къ современной побѣдѣ надъ Шведами и взятію Нотенбурга, онъ говоритъ: „Твердый былъ и сей орѣшекъ фортеца прекрѣпка, не только стѣнами, воинами, пушками и всякою стрѣльбою и бронями вооружена; но наипаче самымъ естествомъ, самымъ естественнымъ положеніемъ, самымъ не пристушнымъ островомъ, самыми быстрыми водами отсюду окружаема: зубовъ сей орѣшекъ и прекрѣпкихъ не боялся, зубы первѣе надобѣ было сокрушити, нежели Орѣшекъ, и невредимъ бы пребывалъ доселѣ; аще бы сичевую твердость твердѣйшій не поразилъ камень. А камень не иный только, о немъ же глаголетъ Христосъ: Петре, ты еси камень. Нынѣ же Снейтенбургъ (Нотенбургъ, или Орѣшекъ) нарицается Слиссельбургъ (Шлиссельбургъ) то есть ключъ городъ, а кому же ключъ сей достался? Петрови Христосъ обѣщался дати ключи. Зрите убо нынѣ, коль преславно исполняется обѣщаніе Христово“ (1). Послѣ трудной, но славной побѣды надъ королемъ Шведскимъ подъ Полтавою (27 іюня 1709 г.), Яворскій говорилъ въ своемъ Словѣ: „Радуйся, Россійская держава, яко исполнилъ есть Господь во благихъ желаніе Царево, членовныя лъву Шведскому сокрушилъ есть. Вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ своихъ, яко обѣщаль намъ, тако и сотвори, рече: просите, и дастся вамъ вся, елика молящися просите (Марк. II, 24). Сіе исполни обѣщаніе: призрѣ на моленіе церкви своей святой, стенаніе и воздыханіе убогихъ услыша... Король Шведскій зіяше устнами своими, хотя поглотити Россію; но государь нашъ заградилъ есть уста тому лъву... Государь нашъ покры гнѣздо свое, царство свое, церковь Христову, лъва же (короля Шведскаго) растерза. Яряшеса лъвъ сей, гордяшеса и хваляшеса церковь святую и государство наше поглотити; но Господь, гордымъ противящійся, сокруши челюсти его. Тіи спяти быша и падоша; мы же возстахомъ и исправихомся“ (Псал. 19, 9) (2).

(1) Проповѣди Стефана III, 145—170. (2) Тамъ же, III, 241—242.

Но, прославляя гений Петра, его неутомимые труды по устройству армии и флота, его славныя победы, Яворскій не сочувствовалъ многимъ его внутреннимъ реформамъ, особенно тѣмъ, которыя касались церковной области. и при случаѣ заявлялъ иногда довольно рѣзко свое неодобреніе. Въ 1711 г. Петръ В. учредилъ должность фискаловъ, которые должны были доносить на противниковъ царской власти, и при этомъ не поворачался никакой отвѣтственности, если бы доносъ ихъ и оказался несправедливымъ. Такіе же фискалы были введены и въ церковныя суды. Яворскій считалъ эту мѣру прегрѣтельствомъ на свободу и независимость церковнаго суда и въ своей проповѣди 17 марта 1712 г. сказалъ по этому случаю: „Законъ Господень непороченъ, а законы человѣческіе часто бываютъ порочны. А какой ми то законъ напримѣръ: поставили фискалы надъ судами и дали ему волю, кого хочетъ обвинять, да обвинить, кого хочетъ обезчестить, да обезчестить: посылаетъ слѣзати на ближняго судью, вольно то ему; а хотя того не доведеть, что на ближняго свѣто крестенъ, то ему за вину не статься, о томъ ему ни слова не говорить, вольно то ему. Не такъ подобаетъ онымъ быти: искалъ онъ крестъ головы, посылаетъ на меня слѣзати, пусть самъ ввячеть въ узкую; ровъ мнѣ ископать, пусть самъ впадетъ въ оны, слѣтъ погибѣльный“. Въ той же проповѣди Яворскій коснулся разорителей закона Божія съ ясными намёками на поведеніе самого Петра. Извѣстно, что Петръ наскоро пострѣлъ въ монахини свою церковную супругу, Евдокію Лопухину, и полюбилъ на Екатеринѣ. Яворскій сказалъ въ проповѣди: „Сѣ полюбилъ, закона Божія разорители, и слышите грѣхъ, законъъ Божій преступницы; того ради и уличилътеся, что живете не въ Россіи илии горѣ въ црковныхъ буряхъ разнуется; не уличилътеся, что по тоишахъ емятежнѣхъ доволѣ поймаши монаховъ блжннхъ яри. Кто законъ Божій разориста, съ того жри дѣла не отступитъ: рѣкъ правдѣ, тахъ и горѣ. Монахъ, блжннхъ доволѣ рѣкъ законпреступникъ! Почто законни и соуднишии и пострѣли брѣхъ беретъ есть законъ Божій, берегъ есть, во еже не прелюбы сотворити, не воздѣлѣти злыя ближнѣмъ, не похитѣти злыя свои: берегъ есть во еже кривити сѣдоучетѣ, посты, а прѣмѣчъ келлереснищѣ, берегъ есть поимати иконы. Христосъ глаголетъ въ Евангеліи: аще кто церкви не послушаетъ, буди тѣбѣ и о имѣннѣхъ и хитарь“. Слушавшіе эту проповѣдь сенаторы нашли въ ней оскорбленіе царской чести и послали ее къ Царю. Петръ, прочитавъ въ ней обвиненіе чловеку бростншему злого жгу, не хранящому поствоу, не слушающему церкви и потому долѣ иствующаему быть для члновъ церкви какъ яличникъ и хитарь, собственноручно замѣтилъ провозвѣстѣю обвиненія: „прѣво одному, потому съ съ-

дѣтели“... т. е. онъ находилъ, что проповѣдникъ не соблюлъ евангельскаго правила, повелѣвающаго обличать сначала наединѣ, потомъ при свидѣтеляхъ и уже послѣ всего этого въ церкви. Наконецъ, воспользовавшись тѣмъ, что 17 марта церковь празднуетъ св. Алексію, челоѣку Божію, Яворскій въ заключеніе этой проповѣди обратился къ св. Алексію съ такою молитвою о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, который сочувствовалъ старой, враждебной Петру и его реформамъ, партіи и который въ это время страствовалъ за границей: „О угодниче Божій! Не забуди и тезоименника твоего, а особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего пренесправнаго послѣдователя! Ты оставилъ еси домъ свой: онъ такожде по чужимъ домамъ скитается; ты удаленъ еси родителей: онъ такожде; ты лишенъ отъ рабовъ, слугъ и подданныхъ, друзей, сродниковъ, знаемыхъ: онъ такожде... Молимъ убо, святче Божій! покрой своего тезоименника, нашу едину надежду, покррой его въ кровѣ крылъ твоихъ, яко любимаго своего птенца. Дай намъ видѣти его вскорѣ всякимъ благополучіемъ изобилующа и его же нынѣ тѣнимся воспоминаніемъ, дай возрадоватися счастливымъ и превосхвалѣннымъ присутствіемъ“ (1). Видя, что русскіе, при сношеніяхъ съ иностранцами, увлекаются иностранными религіозными мнѣніями, нравами и обычаями, Яворскій считалъ такое положеніе опаснымъ для православной вѣры и заявилъ объ этомъ въ своей проповѣди. „Мнози, говоритъ онъ въ Словѣ въ недѣлю 13-ю по пятидесятницѣ, отъ своея православныя вѣры католическія подвигнутся и прѣпадутъ, и чуждыя, богомерзескія, еретическія, пространнымъ путемъ во ать ведущія вѣры похваляютъ: свое же, юже отъ отца и праотца воспріяша, названную на основаніи Христовомъ, воспріятую отъ апостоловъ, ругаютъ, осмѣиваютъ и уничтожаютъ. Многимъ случается, яко едва чужія узрѣти землѣ, отлучившася отъ своего отечества, и отъ вѣры удаляются“. Въ Словѣ въ недѣлю 9-ю по пятидесятницѣ онъ сравниваетъ церковь съ кораблемъ, посреди волнующагося моря, очевидно намекая этимъ сравненіемъ на современное положеніе церкви въ Россіи. Объясняя слова Евангелиста: *корабль же бы посреди моря, а взиде волнама: бы бо противенъ вънрь*, онъ говоритъ: „О лютата и счастья и злополучія нашего! яко умноженія рати тяжкихъ беззаконій и непокаянныхъ грѣшниковъ, корабль церкви и всего отечества христіанскаго въ морѣ міра сего страждетъ волны бѣды, и день отъ дне въ силахъ своихъ изнемогая, близъ есть сокрушенія и потопленія, развѣ самъ Господь, хощий по морю, въ помощь

(1) Исторія Россіи Соловьева. XVI. 323—324.

приидеть и запретить вѣтромъ и морю, и тишину сотворить: той бо обнадежилъ церковь свою святую, *яко врата ада не одолѣютъ ей*“ (1). Реформы и войны Петра весьма тяжело отзывались особенно на простомъ народѣ. Постройка крѣпостей и портовъ, копаніе каналовъ, проведеніе дорогъ отрывали ежегодно отъ домовъ и семействъ многія тысячи простаго народа; тѣ же, которые оставались дома, изнемогали подъ бременемъ государственныхъ налоговъ, рекрутской повинности, военного постоя, дурнаго управленія, притѣсненія властей. Яворскій указывалъ въ своихъ проповѣдяхъ на такое тяжелое положеніе народа. Такъ, въ одномъ изъ упомянутыхъ выше словъ объ Іезекіилевой колесницѣ, въ которомъ онъ сравнивалъ разныя сословія въ государствѣ съ колесами въ колесницѣ, онъ говорилъ: „Нечего хвалити, аще бремя такое кладутъ на колесо (разумѣется простой податной классъ народа), что бѣдное не только скрипитъ, но и ломится. Не похваляютъ учителя церковніи Ровоама, что такимъ бременемъ отягчилъ свои колеса... Како бо колесу бѣдному не скрипѣти, аще будетъ обременено тяжелымъ, неудобъ носимымъ бременемъ? И сего ради отцы святіи научаютъ и совѣтуютъ тѣ скрипчивыя колеса, дабы не скрипѣли, мастити, а чѣмъ же? Воспоминаютъ они нѣкую масть евангельскую, которою мазилъ самарянинъ уязвленнаго путника іерихонскаго, о немъ же пишется сие: *приступъ самарянинъ, обяза струны его и возля масло и вино* (Лук. 10, 34). Въ маслѣ есть мягкость, а въ винѣ есть жестокость, но мѣшай обое, масло съ виномъ, жестокость съ млосердіемъ. О коль изрядная масть на скрипчивыя колеса!“ (2).

Кромѣ указанныхъ сочиненій, Стефанъ Яворскій еще написалъ: Отвѣтъ Сорбонской Академіи о соединеніи церквей; отвѣтъ Теофану Прокоповичу на Слово объ игѣ неудобноносимомъ; нѣсколько писемъ къ разнымъ лицамъ, по разнымъ случаямъ. Въ молодые годы онъ любилъ писать стихи на латинскомъ и польскомъ языкахъ.

Послѣ Стефана Яворскаго, самымъ замѣчательнымъ дѣятелемъ въ русской церковной партіи былъ архіеп. Тверскій, *Теофилактъ Лопатинскій* († 1741), воспитанникъ Кіевской академіи, но докончившій свое образованіе за границей (3). Онъ считался обра-

(1) Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники. Сочин. Ю. О. Самарина. т. V, стр. 380—381.

(2) Проповѣди Стефана ч. III стр. 215—217.

(3) Теофилактъ Лопатинскій, архіепископъ Тверскій 1706 — 1741. Состав. И. Я. Моршквинъ. Русск. Старина 1886, январь.

зованиѣйшимъ и честнѣйшимъ человѣкомъ своего времени. „Ученый кругъ, писалъ о немъ въ 1726 г. современникъ его, иностранецъ Фандербергъ, уважаетъ Теофилакта Лопатинскаго, епископа Тверскаго. Этотъ человѣкъ самаго многосторонняго образованія, знатокъ греческой литературы, которою занимается очень прилежно и съ большими успѣхами. Его непоколебимая честность во всѣхъ обстоятельствахъ жизни напоминаетъ собой золотой вѣкъ⁽¹⁾“. Мы видѣли, что въ то время, какъ онъ былъ ректоромъ Московской академіи, Петръ В. посылалъ къ нему разныя книги для перевода. Будучи преподавателемъ въ академіи, онъ составилъ руководства по философіи (*Tres philosophiae species--Logica, Physica et Metaphysica*) и догматическому богословію (*Scientia sacra, disputationibus illustrata*). Онъ много трудился надъ исправленіемъ Славянской Библіи, былъ проповѣдникомъ и усерднымъ обличителемъ раскола и писалъ латинскіе стихи (извѣстна его ода въ похвалу князя Димитрія Кантемира). Изданіемъ Камня вѣры Яворскаго и сочиненіемъ „Объ игѣ Господнемъ благомъ“ Теофилактъ навлекъ на себя гнѣвъ и преслѣдованіе Теофана Прокоповича и палъ жертвою его интригъ.

Сочиненія Теофана Прокоповича. Съ особенною полнотою время реформы отразилось въ проповѣдяхъ и другихъ сочиненіяхъ архіел. Новгородскаго, Теофана Прокоповича⁽²⁾. Прокоповичъ не только вполне сочувствовалъ всѣмъ реформамъ Петра, но и служилъ имъ своимъ словомъ, какъ своему дорожному и душевному дѣлу. По духу своему, онъ самъ былъ такой же реформаторъ, какъ Петръ В., и при глубокомъ свѣтломъ умѣ, развитомъ многостороннимъ образованіемъ, обладалъ также непреклонною волею въ достиженіи своихъ цѣлей. Прокоповичъ происходилъ изъ торговаго сословія, родился въ 1681 г. и при крещеніи былъ названъ Елеазаромъ. Воспитаніемъ своимъ онъ былъ обязанъ дядѣ своему, ректору Кіевской академіи, Теофану Прокоповичу, по имени котораго онъ и самъ въ послѣдствіи былъ названъ Теофаномъ. Дядя помѣстилъ его въ академію, гдѣ онъ учился отлично; но Кіевская академія не удовле-

(1) Обз. дух. лит. ч. 2 № 15.

(2) Теофанъ Прокоповичъ и его время. И Чистовича. Сборн. 2-го Отд. Акад. Наукъ т. IV. Спб. 1868. Письма Теофана Прокоповича. Изд. Ф. Т-скій. Труд. Кіев. Дух. Акад. 1865. Томъ I-й. Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ въ V томѣ сочиненій Ю. О. Самарина. Москва 1880. Теофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, Морозова. Журн. М. Н. Пр. 1880 г.

творяла его, и по окончаніи въ ней философскаго курса, онъ для продолженія своего образованія отправился въ польскія училища. Такъ какъ въ эти училища принимали только тѣхъ изъ православныхъ, которые соглашались сдѣлаться уніатами, то Прокоповичъ принялъ унію и постригся въ монахи въ Битевскомъ Базиліанскомъ монастырѣ, съ именемъ Елисея. Отсюда Прокоповичъ былъ отправленъ въ Римъ и поступилъ въ миссіонерскую коллегію св. Аѳанасія. Здѣсь онъ выслушалъ курсы Аристотелевой философіи и схоластическаго богословія. Іезуиты хотѣли воспитать въ Прокоповичѣ ревностнаго католика, но трехлѣтнее пребываніе его въ Римѣ сопровождалось другими, совершенно противоположными послѣдствіями. Изучивши духъ католичества въ самой его столицѣ, строй католической церковной жизни и церковнаго управленія (при немъ происходило въ Римѣ избраніе папы, Климента XI), Прокоповичъ глубоко понялъ всю несостоятельность католицизма и все противорѣчіе его духу православной церкви и вмѣсто приверженца сдѣлался самымъ жаркимъ его противникомъ. По возвращеніи въ Кіевъ, онъ былъ постриженъ въ монашество, съ именемъ Теофана, и прошелъ въ академіи послѣдовательно одну за другою всѣ ученыя и административныя должности, былъ учителемъ пѣнтіки и реторики, философіи, съ званіемъ префекта, и богословія, въ должности ректора академіи. Почти по каждой изъ этихъ наукъ онъ составилъ учебники. Будучи учителемъ поэзіи, онъ составилъ *Пѣнтику* (издан. Георгіемъ Конисскимъ въ 1756 г.) и написалъ трагикомедію „Владиміръ“, представленную студентами академіи 3 іюля 1705 г. Преполагая реторику, онъ также написалъ учебникъ реторики на латинскомъ языкѣ. Въ этой реторикѣ, между прочимъ, встрѣчается слѣдующее замѣчательное мѣсто, направленное противъ католическихъ богослововъ и проповѣдниковъ: „Не приводи мнѣ свидѣтельствъ ни Омы Аквината, ни Скотта, ни другихъ нечестивыхъ секты людей; ибо ими не подтвердишь своего предмета, но осквернишь и рѣчь и слухъ вѣрнаго народа и священнаго собранія“. Теофанъ совѣтуетъ оратору выбрать предметы для церковной кафедры изъ житій св. людей, особенно тѣхъ, которыхъ произвела Россія, „чтобы узнали, наконецъ, нустѣйшіе, благоговѣющіе только предъ своими баснями, враги наши, что не безплодны доблестію наше отечество и наша вѣра, и чтобы перестали наконецъ укорять насъ въ скудости святыни“.... Чтобы представить образчикъ польской проповѣди, Прокоповичъ разбираетъ проповѣди польскаго іезуита Омы Млодяновскаго ('). Во время преподаванія богосло-

(') Выдержки изъ рукописной реторики Теофана Прокоповича. Труд. Кіевской дух. академіи 1865 г. т. I, стр. 614—637.

віа, Прокоповичъ составилъ свою богословскую систему, которою положилъ начало новому направленію въ этой наукѣ, установивъ для нея другой, историческій методъ изложенія, отличный отъ прежняго метода, схоластическаго. Въ схоластическихъ системахъ богословія истины христіанскаго ученія разсматривались и изъяснялись только какъ логическія понятія, безотносительно къ ихъ источникамъ; въ системѣ Прокоповича въ основу изъясненія и доказательства этого ученія полагается св. Писаніе; въ схоластическихъ системахъ христіанскія истины излагались въ видѣ диспуцій, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ; въ системѣ Прокоповича онѣ излагаются въ положительной формѣ. При изложеніи догматовъ Прокоповичъ указываетъ на ихъ исторію и, изложивъ положительное ученіе, дѣлаетъ опроверженіе его противниковъ. Такой методъ изложенія онъ заимствовалъ у протестантскихъ богослововъ, Гергарда, Квенштедта, Голлазія, системами которыхъ онъ первый началъ пользоваться, вмѣсто прежнихъ системъ Θомы Аквината и другихъ схоластическихъ богослововъ. Впрочемъ, Прокоповичъ не успѣлъ составить полную систему богословія, а написалъ только введеніе въ богословіе и семь трактатовъ: 1) О Богѣ единомъ, 2) О Св. Троицѣ, 3) Объ исхожденіи Св. Духа, 4) О твореніи и промысленіи, 5) О первобытномъ состояніи челоуѣка, 6) О состояніи челоуѣка послѣ паденія и 7) О благодатномъ чрезъ Христа оправданіи грѣшника. Не смотря на то, въ продолженіи всего XVIII и начала XIX вѣка Богословіе Прокоповича служило руководствомъ для преподавателей богословія въ семинаріяхъ и академіяхъ, которые различнымъ образомъ его передѣлывали, то сокращая, то дополняя⁽¹⁾.

Петръ В. узналъ Прокоповича въ 1709 г., когда, возвращаясь съ Полтавской битвы, былъ въ Кіевѣ; Прокоповичъ привѣтствовалъ его рѣчью, которая такъ ему понравилась, что онъ тотчасъ же велѣлъ напечатать ее на рускомъ и латинскомъ языкахъ. Эта рѣчь, вмѣстѣ съ другою рѣчью, сказанною имъ въ томъ же году въ похвалу Меншикова, приобрѣли ему благоволеніе Петра и упрочили его славу, какъ знаменитаго проповѣдника. Въ 1711 г., во время Турецкаго похода, Петръ вызвалъ Прокоповича въ Яссы: 27 іюня, въ день воспоминанія Полтавской битвы, онъ говорилъ здѣсь проповѣдь. Въ 1716 г. Петръ приказалъ Прокоповичу явиться въ Петербургъ. Въ Петербургѣ Прокоповичъ

---

(1) Введеніе въ богословіе Теофана Прокоповича разсмотрѣно, а также сдѣлана характеристика всей богословской его системы въ статьѣ Червяковскаго, Христ. Чтен. 1876—77—78 г. и въ 1-мъ томѣ сочиненій Ю. О. Самарина, стр. 69—163.

сначала занимался сказываніемъ проповѣдей, въ которыхъ разъяснялъ смыслъ разныхъ реформъ, писалъ, по порученію Петра, разные сочиненія и проэкты. Въ 1718 г., не смотря на нежеланіе Стефана Яворскаго и другихъ духовныхъ лицъ, онъ, по приказанію Петра, былъ посвященъ въ епископа Псковскаго. По учрежденіи Синода въ 1721 г. онъ былъ назначенъ вторымъ его членомъ. Въ 1724 г. былъ сдѣланъ архіепископомъ Новгородскимъ, въ каковомъ санѣ оставался до своей смерти въ 1736 г. Прокоповичъ былъ ученѣйшимъ и образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Не только при Петрѣ, когда онъ своими сочиненіями служилъ дѣлу реформы, но и въ послѣдующія царствованія, при Екатеринѣ и Аннѣ Іоанновнѣ, онъ находился во главѣ тѣхъ людей, которые заботились о распространеніи въ обществѣ новаго образованія. Его совѣта спрашивали во многихъ важныхъ дѣлахъ; ему посылались на просмотръ почти все русскія сочиненія, предназначавшіяся для печати. Изъ русскихъ ученыхъ онъ находился въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ княземъ Д. М. Голицынымъ, Кантеміромъ и Татищевымъ. Онъ привѣтствовалъ стихами самое первое произведеніе зарождавшейся тогда новой русской литературы—первую сатиру Кантемира: „Нахулящихъ ученіе“; онъ принималъ подъ свое покровительство самого отца этой литературы, Ломоносова, когда онъ пришелъ учиться въ Московскую академию. Ободренный похвалами Прокоповича, Кантеміръ продолжалъ литературную дѣятельность и въ своихъ сатирахъ проводилъ тѣ же идеи о наукѣ и просвѣщеніи и рисовалъ тѣ же картины грубости и невѣжества, какія мы встрѣчаемъ въ проповѣдяхъ и другихъ сочиненіяхъ Прокоповича. Татищевъ въ своей Духовной совѣтуетъ, на ряду съ сочиненіями отцовъ и учителей церкви, читать сочиненія Теофана: „Первое ученіе отрокомъ и о Христовыхъ блаженствахъ проповѣди толкованіе“. „Нашъ архіепископъ Теофанъ, говоритъ онъ, былъ въ наукѣ философіи новой и богословіи толико ученъ, что въ Руси прежде равнаго ему не было. По природѣ острымъ сужденіемъ и удивительно твердою памятью былъ одаренъ.“ Разнообразныя сочиненія Прокоповича, очевидно, производили сильное впечатлѣніе на Татищева: въ его собственныхъ сочиненіяхъ замѣчается большое сходство съ Теофаномъ какъ въ общемъ направленіи, такъ и отдѣльно, въ разныхъ мысляхъ. Изъ иностранныхъ ученыхъ Прокоповичъ находился въ сношеніяхъ со многими членами Петербургской Академіи наукъ: Блюментростомъ, Гроссомъ, Байеромъ, Миллеромъ, и умѣлъ пріобрѣсти отъ нихъ глубокое уваженіе. Байеръ, посвящая ему свой трудъ, *Museum Sinicum*, называетъ его образованнѣйшимъ человѣкомъ, какъ въ словесныхъ наукахъ, такъ и въ высшихъ искусствахъ, онъ же написалъ его біографію. Миллеръ, на основаніи этой біографіи, состав-

вилъ краткій очеркъ жизни и дѣятельности Прокоповича. Горячо любя науку и просвѣщеніе европейское, Прокоповичъ особенное вниманіе оказывалъ европейскимъ ученымъ. Датскій путешественникъ Фонъ-Гавенъ, бывшій въ Петербургѣ въ 1736 г., говоритъ о немъ: «этотъ человѣкъ, по знаніямъ своимъ, не имѣетъ себѣ почти никого равнаго, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, философіи и богословія, онъ имѣетъ глубокія свѣдѣнія въ математикѣ. Онъ знаетъ европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говоритъ, хотя въ Россіи не хочетъ никакого употреблять кромѣ русскаго... Онъ особенно вѣжливъ и услужливъ со всѣми иностранными литераторами и вообще съ иноземцами; со смертью его должно прекратиться множество въ высшей степени полезныхъ дѣлъ». (1). Новиковъ въ своемъ словарѣ называетъ Прокоповича первымъ изъ нашихъ писателей, который многоразличнымъ ученіемъ столь себя прославилъ, что въ ученой исторіи заслужилъ мѣсто между славнѣйшими писателями. Въ Петербургскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ, которыя издавалъ Новиковъ, на ряду съ надписями къ портретамъ Ломоносова, Кантемира и Поповскаго, находится слѣдующая надпись къ изображенію Теофана Прокоповича:

«Великаго Петра дѣлъ славныхъ проповѣдникъ,
Витійствомъ Златоустъ, мусъ чистыхъ собесѣдникъ;
Историкъ, богословъ, мудрецъ російскихъ странъ:
Таковъ былъ пастырь стадъ словесныхъ Теофанъ».

Сочиненія Прокоповича многочисленны и разнообразны (2). Кромѣ указанныхъ выше. Духовнаго Регламента, Догматическаго богословія, Перваго ученія отрокомъ, еще замѣчательны: Распрія Павла и Петра объ игѣ неудобноносимомъ, М. 1774 г.; Исторія раздора между Греками и Римлянами объ исхожденіи св. Духа, М. 1772 (Написано было на латинскомъ языкѣ); Увѣщаніе отъ имени Синода къ учителямъ раскола (Собр. Зак. 6, № 3925); Христовы заповѣди—о блаженствахъ толкованіе, Спб. 1722; Повѣсть о смерти Петра В. Спб. 1725 г.; Родословная роспись князей и царей, Спб. 1720 г. Повѣсть о Кириллѣ и Меодіи, напеч. при Мавроурбинной исторіи Славянъ, переведенной Саввою Рагузин-

(1) Смotr. у Морозова: Теофанъ Прокоповичъ, какъ писатель.

(2) Сочиненія Прокоповича указаны: въ Обзорѣ духовной литературы Филарета т. 2; въ монографіи Чистовича: Теофанъ Прокоповичъ и его время; въ V-мъ томѣ сочиненій Ю. Ф. Самарина; въ сочиненіи П. Морозова: Теофанъ Прокоповичъ, какъ писатель.

скимъ, М. 1722 г. Изъ стихотвореній Прокоповича извѣстны: стихи къ Кантеміру, по поводу его первой сатиры, нѣсколько духовныхъ пѣсней: „Кто крѣпко на Бога уповае“; „Колы дождуся весела ведра“; „О суетный человѣче“ и др. (¹). Но въ исторіи литературы самое важное значеніе послѣ Регламента имѣютъ проповѣди Прокоповича.

Проповѣди Теофана Прокоповича (²). Прокоповичъ обыкновенно считается преобразователемъ русской проповѣди. Мы указали выше, какъ онъ еще во время преподаванія реторики въ Кіевской академіи возсталъ противъ подражанія польскимъ католическимъ проповѣдникамъ и требовалъ отъ проповѣди народнаго содержанія. Другія его требованія отъ проповѣди высказаны имъ въ „Наставленійхъ проповѣднику“, помѣщенныхъ во введеніи въ богословіе; въ отдѣльномъ сочиненіи: „Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдывать долженъ“ (³) и въ статьѣ Регламента: „О проповѣдникахъ Слова Божія“ (⁴). „Проповѣдывали бы проповѣдники, говоритъ онъ, твердо съ доводовъ свящ. писанія о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина. Истребляли бы суевѣрія, вкореняли бы въ сердца людскія страхи Божій, словомъ рещи: испытывали бы отъ свящ. Писанія, что есть воля Божія святая, угодная и совершенная, и то бы говорили“. Въ образецъ проповѣдниковъ, которымъ должно подражать, въ Регламентѣ указывается на Златоуста, какъ на лучшаго истолкователя свящ. Писанія и лучшаго проповѣдника изъ отцевъ греческой церкви. „А казнодѣишковь легкомысленныхъ, каковыя наипаче польскіе бываютъ, не чель бы“. При сказываніи проповѣдей также возбраняется подражать манерѣ польскихъ проповѣдниковъ, совѣтуется воздерживаться отъ неумѣренныхъ жестовъ, кривляній и вообще всякой аффектаціи, чѣмъ начали страдать и русскіе проповѣдники.—Нельзя сказать, чтобы въ проповѣдяхъ самого Прокоповича выполнялись всѣ предписанныя имъ правила, чтобы его проповѣди, по своему стилю, представляли во всѣхъ отношеніяхъ совершенно новое явленіе. Самое важное и существенное достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ несравненно проще и естественнѣе проповѣдей Яворскаго и юго-западныхъ проповѣдниковъ. Приводя мѣста свящ. Писанія,

(¹) Обз. дух. лит. Ч. 2 № 2—(²) Слова и рѣчи Теофана Прокоповича. Ч. 1 и 2. изд. 1760 и 1761 г., ч. 3. 1765 г., ч. 4. 1774.

(³) Сочиненія Ѳ. Прокоповича. Ч. IV.—(⁴) Духовный Регламентъ, стр. 63—66.

Прокоповичъ не старается отыскать въ нихъ какой-нибудь сокровенный смыслъ. Излагая какой-нибудь предметъ изъ области вѣры или нравственной дѣятельности, онъ также не усиливается сказать что-нибудь новое, или неожиданное, но просто и ясно указываетъ на главное и существенное; у него рѣже встрѣчаются искусственныя сближенія, сравненія, аллегоріи; рѣже приводятся примѣры изъ древней исторіи, міеологіи и легенды: доказательства заимствуются преимущественно изъ свящ. Писанія. Но главную отличительную черту проповѣдей Прокоповича составляетъ ихъ современность. Проповѣди Прокоповича были новыми, живыми и интересными не столько по формѣ и по стилю, сколько по содержанію, по живому, горячему отношенію къ современнымъ событіямъ. Ни одно событіе эпохи, ни одно дѣло Петра не остались безъ того, чтобы Прокоповичъ не сказалъ о нихъ въ своихъ проповѣдяхъ, большая часть которыхъ, вслѣдствіе этого, являются не настоящими церковными словами, а ораторскими политическими рѣчами въ защиту реформы.

Отправление русскихъ людей для образованія за границу и путешествія самого Петра по Европѣ подвергались осужденіямъ старой партіи. Прокоповичъ въ словѣ 23 октября 1717 г. доказывалъ ихъ пользу и необходимость. „Якоже бо рѣка, далѣе и далѣе проводя теченіе свое, болѣе и болѣе растетъ, получая себѣ прибавленіе изъ припадающихъ потоковъ, и тако шестіемъ своимъ умножается и великую пріемлетъ силу; тако и странствованіе человѣку благоразумному прибавляетъ много... Антоній великій вопрошающимъ его языческимъ филосоfamъ, гдѣ суть книги его, показалъ на весь міръ и рекъ: *сія есть книга моя*. Молю же: той ли книгу сію чтеть лучше, которому, гдѣ во очахъ горизонтъ кончится, тамъ всего міра конецъ мнится быти, или той, который странствуя видѣлъ рѣки и моря, и земель различіе, и временъ разнствіе, и дивныхъ естествъ множество... Сверхъ того peregrinacia или странствованіе дивно объясняетъ разумъ къ правительству и есть, смѣло реку, есть тое лучшая и живая честная политич. школа. Предлагаетъ бо не на хартіи, но въ самомъ дѣлѣ, не слуху, но самому видѣнію обычаи и поведенія народовъ, егда тоежъ слышимъ отъ повѣстей, или чтемъ въ книгахъ историческихъ, много не хочетъ мысль вѣрити: не мало бо и ложнѣ повѣствуется (не вѣдать для чего), много же и вѣроятныхъ и истинныхъ не такъ ясно познаемъ, какъ егда самыя только мѣста, гдѣ что дѣялося, увидѣвше... Словомъ реши: странствованіе не во многихъ лѣтахъ мудрѣйшимъ далече творить человѣка, нежели многолѣтняя старость“ (1). Въ словѣ 8-го сен-

(1) Слова и рѣчи Теофана Прокоповича. Ч. I. 205—207.

тября 1720 г. онъ доказывалъ пользу и необходимость флота для Россіи такимъ образомъ: „Понеже не къ единому морю прилежить предѣлами своими сія монархія, то какъ не безчестно ей не имѣти флота? не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, которая надъ рѣкою, или озеромъ положена, не имѣла бы лодокъ: а толь славной и сильной монархіи, полуденная и полуночная моря обдержажшей, не имѣти бы кораблей, хотя бы ни единой къ тому не было нужды, однако же было бы то безчестно и укорительно. Стоимъ надъ водою и смотримъ, какъ гости къ намъ приходятъ и отходятъ, а сами того не умѣемъ. Слово въ слово такъ, какъ въ стихотворскихъ фабулахъ нѣкій Танталь стоитъ въ водѣ, да жаждетъ. И потому и наше море не наше. Да смотримъ, какъ то и поморіе наше? развѣ было бы наше по милости заморскихъ сосѣдъ, до ихъ соизволенія. Что бо, когда благословилъ Богъ Россію: сія своя поморскія страны возвратити себѣ, и другія вновь завладѣти, что было бы, аще бы не было готоваго флота? какъ бы мѣста сія удержати? какъ жити и отъ нападенія непріятельскаго опасатися, не токмо что оборонитися... Какъ многіи поморскіи города, не весьма флота не имѣвшіи, но не имѣвшіи флота довольнаго, погибли раззоренніи не отъ сильнаго супостата, но отъ пиратовъ т. е. морскихъ разбойниковъ, полны суть исторіи“.... „Кратко рещи: поморію, флотомъ не вооруженному, такъ трудное дѣло съ морскимъ непріятелемъ, какъ трудно связанному человѣку драться съ свободнымъ, или какъ трудно земнымъ при рѣкѣ Нилѣ животнымъ обходиться съ крокодилами“ (¹). Изъ войнъ, веденныхъ Петромъ В., Прокоповичъ весьма часто говорилъ о шведскихъ войнахъ, объясняя ихъ значеніе для Россіи, и особенно прославлялъ побѣду подъ Полтавой. Такъ, въ одномъ Словѣ онъ сравниваетъ шведскую войну, по ея трудностямъ и славнымъ послѣдствіямъ, со второй Пунической войной, „юже творяху Римляне со пресловутымъ онымъ Аннибалемъ, вождемъ карфагенскимъ“, а Петра В. съ Самсономъ: „Яко убо иногда Самсонъ въ растерзанномъ отъ себя лѣвѣ обрѣте пчелы и медъ и усладився отъ него предложи гаданіе: *отъ ядущаго, рече, ядомое изыде, и отъ крыжика изыде сладкое*: подобно и тебѣ, пресвѣтлѣйшій монархо, Божіимъ благословеніемъ случися. Растерзалъ еси, аки вторый Самсонъ (не безъ смотрѣнія же, мню, Божія и въ день сей Самсона случися побѣда твоя), растерзалъ еси мужественнѣ льва Свѣйскаго. Се убо обрѣтаеши въ немъ сладкій пектаръ: се и на тебѣ Самсоново гаданіе исполняется: *отъ ядущаго изыде ядомое*, отъ того, иже пожегъ баше

(¹) Тамъ же, часть II, 53—54.

отеческія твоя земли и многихъ народовъ пожре имѣнія, имѣши ядомое, толикій и толь дивный воинства его плѣнь, и всѣ пребогатія корысти: *отъ крѣпкаго изыде сладкое*; понеже крѣпкій и сый и страшный, непобѣдимою твоею десницею побѣжденъ есть: того ради сладчайшая есть торжественная радость“⁽¹⁾. Въ другомъ Словѣ, изображая полтавскую побѣду, онъ называетъ ее матерью другихъ побѣдъ: „Полтавская побѣда многихъ нныхъ побѣдъ мати есть. Не она ли виновна, что Рига со всею Ливонією, Выборгъ и Кексгольмъ со всею Карелією, Абовъ съ непобѣдимою (якоже словяше) Финією, Ревель къ тому и Пернавъ.... и иныя крѣпости славныя, аки сломленныя, власти російской покорилися... Подъ Полтавою, о россияне, подъ Полтавою сѣяно было все сіе, что послѣ благоволи намъ Господь пожати“... Самого же героя Полтавской битвы онъ представляетъ въ такомъ образѣ: „Паче всѣхъ обращаетъ на себя наши очи Петръ, Петръ и къ скипетру онъ и къ мечу родившійся, самодержавецъ нашъ и воинственникъ нашъ: гдѣ не съ стороны, аки на позорищи стоитъ, но самъ въ дѣйстви толикой трагедіи; и гдѣ страшнѣйшій огонь, гдѣ лютость большая, ту и онъ... И засвидѣтельствова страшный случай, мужественное его смерти небреженіе, шляпа, пулею пробитая. О страшный и благополучный случай! Далече ли смерть была отъ боговѣнчанныя главы? Не явственно ли симъ показа Богъ, яко самъ Онъ съ царемъ нашимъ воуетъ... О шляпа драгоцѣнная! не дорогая веществомъ, но вредомъ симъ своимъ всѣхъ вѣнцевъ, всѣхъ утварей царскихъ дражайшая! Пишутъ историки, которые російское государство описуютъ, яко ни на единомъ европейскомъ государѣ не видѣти есть такъ драгоцѣнной короны, какъ на монархѣ російстѣмъ; но отселѣ уже не корону, но шляпу сію цареву разсуждайте и со удивленіемъ описуйте“⁽²⁾. При открытіи Синода 14 февраля 1721 г. Прокоповичъ говорилъ проповѣдь, въ которой необходимость Синода доказывалъ печальнымъ состояніемъ духовнаго образованія и духовной жизни въ Россіи. Опровергая возраженія тѣхъ, которые возставали противъ разныхъ реформъ и говорили о мирѣ, прибавляя: у насъ, слава Богу, все хорошо, и не требуютъ здравіи врача, но болящія, онъ спрашиваетъ этихъ людей: „Какій убо у насъ миръ? какое здравіе наше? До того пришло, что всякъ, хотя бы пребеззаконнѣйшій, думаетъ себе быти честна и паче прочихъ святѣйша, какъ френетикъ: то наше здравіе. До того пришло, что чуть не вси, бревна въ своемъ оцѣ не ощущающія, сущецъ усматриваемъ во очесахъ ближняго: то нашъ миръ. До того пришло,

(1) Тамъ же. ч. I. 32—46.

(2) Тамъ же, ч. I, 158—159; 162—163.

что и пріємшіи власть наставляти и учить людей сами христіанскаго ученія, его же Апостоль млекоу нарицають, не вѣдаютъ. До того пришло и въ тая времена мы родилися, когда слѣпіи слѣпыхъ водять, саміи грубѣйшіи невѣжды богословствуютъ и догматы, смѣха достойные, пишутъ.... Таковъ миръ нашъ, такое здравіе наше!... Видя же сіе, видимъ, какъ нужно дѣло твое, духовная коллегія, видимъ море купли твоей, видимъ широкую ниву жатвы твоей. видимъ пространный вертоградъ собранія плодовъ, тебѣ указаннаго“ (¹). Въ 1718 г., когда, по случаю суда надъ царевичемъ, Алексѣемъ Петровичемъ, послышался сильный ропотъ и открыто было сочувствіе царевичу многихъ духовныхъ лицъ (митр. Стефана Яворскаго, Іоасафа Краковскаго, епископа Досіея и другихъ), Прокоповичъ сказалъ (6 апрѣля) Слово „о власти и чести царской“, въ которомъ, доказывая, что воля царская должна свято исполняться подданными, онъ рѣзко и даже грубо, въ сатирическомъ топѣ, напалъ на всѣхъ противниковъ реформы, объясняя ихъ противленіе тупостію и неспособностію понимать смыслъ преобразованій, одностороннимъ аскетическимъ воззрѣніемъ на міръ, по которому все представляется имъ въ самомъ мрачномъ видѣ, и сами они являются настоящими мизантропами. „Суть нынѣшніи, говорилъ онъ, были и древніе настоящему ученію противники, которые не невѣжды себѣ мнятеся быти, но богословствуютъ отъ писанія, да такъ, какъ то летаютъ пружы, животное окрыляѣлось, но что чревище великое, а крыльца малыя и не по мѣрѣ тѣла: вздоймется полетѣтъ, да тотчасъ и на землю падаетъ. Тако и они, суще книгоцѣи, аки бы крылатые, покушаются богословствовать, аки бы летати, да за грубостію мозга бусловцами являются, не разумѣюще писанія, ни силы Божія... Суть нѣдцы (и далъ бы Богъ, дабы не были многіе) или тайнымъ бѣсомъ льстимѣи, или меланхоліею помрачаемы, которые такового нѣкоего въ мысли своей имѣють уroda, что всеимъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно и правильно и не богопротивно; напримѣръ: лучше любятъ день ненастливый, нежели ведро; лучше радуются вѣдомостями скорбными, нежели добрыми; самого счастья не любятъ и невѣмъ какъ то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи, то конечно не святъ; хотѣли бы всѣмъ человѣкомъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, не благополучнымъ и развѣ въ таковомъ состояніи любили бы ихъ. Таковыхъ Еллина нарицали мизантропи, сіестъ человѣконенавидцы. И есть давная и дивная повѣсть о

(¹) Тамъ же, ч. II, 66—68.

нѣкоемъ таковомъ, Тимонѣ именемъ, жителѣ Аѳинейскомъ: той толико болѣзновалъ сею страстію, и ненавидя добраго поведенія въ людяхъ, толь жадно желалъ злключенія своему отечеству, что послѣжде шель съ ума и таковой обморокъ и мечтаніе возымѣлъ, аки бы ему подлинно нѣкто донесъ, будто аѳиней вси хотятъ вѣшаться: мужіе, рече, аѳинейстии, есть у меня въ вертоградѣ древо великое, и много крѣпкихъ вѣтвей на немъ, да, для потребнаго на мѣстѣ томъ зланія, срубить хочу скоро же; молю васъ, идите, вѣшайтесь, ибо долго ждать не могу. Не обрѣтаются ли и нынѣ таковіи? Аще и не въ таковой мѣрѣ, обаче суть тако злобныи и понурыи“ (¹). Эти слова, очевидно, были направлены противъ тѣхъ, которые жаловались на упадокъ древнихъ правилъ благочестія и обычаевъ старины и порицали слишкомъ веселую разгульную жизнь, постоянныя потѣхи, пиры и ассамблеи Петра и его сподвижниковъ. Такихъ людей въ другой проповѣди (въ день св. Александра Невскаго, 30 августа 1718 г.) Прокоповичъ называетъ лицемѣрами, *мнимыми святцами*, которые видѣнія сказуютъ, аки бы шпіонами къ Богу ходили, притворныя повѣсти то есть бабія басни баютъ, заповѣди бездѣльныя, храненія суетвѣрныя кладутъ и такъ безстыдно лгутъ, яко стыдно бы во истинну и просто челоуѣкомъ не точію честнымъ нарещися тому, кто бы такъ безумнымъ разскащикамъ вѣрилъ, но обаче мнози вѣрують, увы окаянства“! (²) 5-го февраля 1718 г. былъ изданъ Петромъ актъ о престолонаслѣдіи въ Россіи, по которому онъ предоставляетъ себѣ право назначить преемникомъ себѣ того, кого найдетъ наиболѣе способнымъ. Для оправданія этого акта Прокоповичъ составилъ обширный трактатъ „*Правда воли монаршей*“, въ которомъ, на основаніи церковныхъ и гражданскихъ правъ и примѣровъ церковной и гражданской исторіи, старался доказать, что государь можетъ свободно назначить наслѣдника себѣ, не стѣсняясь ни первородствомъ, ни вообще какимъ нибудь родствомъ. По случаю перенесенія начала новаго года съ 1-го сентября на 1-е января „лучшаго ради согласія съ народами европейскими въ контрактахъ и трактатахъ“, многіе невѣжественные люди, „пономари и апостати“, высказывали недовольство и называли эту перемѣну „погубленіемъ лѣтъ Божіихъ“. Для объясненія этой перемѣны Прокоповичъ 1-го января 1725 г. сказалъ Слово, въ которомъ изложилъ исторію лѣтосчисленія и, указавъ на начало счета съ сентября мѣсяца, спрашивалъ недовольныхъ: „Что приличнѣе и че-

(¹) У Некарскаго: Наука и литер. при Петрѣ В. ч. I. стр. 485—487. У Чистовича: Теофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 27—29.

(²) Слова и рѣчи Теофана Прокоповича, ч. II, 16.

стнѣе есть? праздновати ли новолѣтіе на память даней или пода-тей отъ Константина наложенныхъ, или тогда, когда празднуемъ пришествіе въ міръ Сына Божія, имъ же мы отъ долговъ вѣч-ныхъ и отъ узъ нерѣшимыхъ свободились?“⁽¹⁾.

Но не въ указанныхъ только проповѣдяхъ Прекоповичъ го-ворилъ о дѣлахъ Петра; онъ говорилъ о нихъ постоянно, почти въ каждой проповѣди, по всякому случаю. Особенно интересна въ этомъ отношеніи еще проповѣдь, сказанная имъ 18 октября 1716 года на день рожденія царевича, Петра Петровича. Въ этой про-повѣди онъ сгруппировалъ почти всѣ реформы Петра въ одну цѣльную картину, въ которой представилъ новую преобразован-ную Россію въ сравненіи съ прежней, не преобразованной. „Здѣ предлежитъ намъ сугубый путь гражданскаго и воинскаго пра-вительства. Въ который первѣе устремимся? Пойдемъ первѣе въ гражданскій, яко домашній; воинскій бо за предѣлы отечества ведетъ. А здѣ да предстанетъ намъ свидѣтельство памяти все-народныя, память же не престарѣлыхъ людей, но недалече, за двадцать лѣтъ вспять заходящая. Что бо была Россія прежде такъ не долгаго времени? и что есть нынѣ? посмотримъ ли на зданія? на мѣсто грубыхъ хижинъ наступили палаты свѣтлыя, на мѣсто худаго хвастія дивныя вертограды. Посмотримъ ли на градскія крѣпости? имѣемъ таковыя вещь, каковыхъ и фи-гуръ на хартіяхъ прежде не вѣдали и не видали. Воззримъ на сѣдалища правительская: новый сенаторовъ и губернаторовъ санъ, въ совѣтахъ высокій, въ правосудіи неумытны, желательный добро-дѣтелемъ, страшный злодѣяніямъ. Отверземъ статіи и книги су-дейскія? колико лишнихъ отставлено, колико здравыхъ и нужнѣй-шихъ прибыло вновь. Уже и свободная ученія полагаютъ себѣ основанія, идѣже и надежды не имѣяху, уже ариѳметическія, геометрическія и прочія философскія искусства, уже книги поли-тическія, уже обоей архитектуры хитрости умножаются. Что же речемъ о флотѣ воинскомъ?... Многая миновае, едино главнѣй-шее изречемъ: на таковой сей трудный, новый, преславный за-водъ не довольно было никое же имѣніе, ни лѣсы дубравныи, ни труды дѣлателей. Потребное было оруженоснымъ симъ ковче-гамъ, симъ крылатымъ и бѣгъ пространный любящимъ палатамъ, потребное, глаголю, было мѣсто и поле, теченію ихъ подобающее, инако бы все суетное было. Здѣ же кто не видитъ, что державѣ російской подобало прострѣтиса за предѣлы земныя и на широкія моря пронести область свою? Купилъ намъ тое самодержецъ нашъ не серебромъ купеческимъ, но марсовымъ желѣзомъ... Се

⁽¹⁾ Тамъ же, ч. II, 116—117.

уже единою ногою (Россія) на земли, другою же стоитъ на морѣ, дивна всѣмъ, всѣмъ страшна и славна... А ты, новый и новоправствующій граде Петровъ, не высокая ли слава еси фундактора твоего? Идѣже ни помысль кому былъ жительства человѣческаго, достойное вскорѣ устроится мѣсто престолу царскому. Кто бы отъ странныхъ здѣ пришелъ, и о самой истинѣ не увѣдавъ, кто бы, глаголю, узрѣвъ таковое града величество и велелѣіе, не помыслилъ, яко сіе отъ двухъ или трехъ сотъ лѣтъ уже зиждется... Августъ, римскій императоръ, яко превеликую о себѣ похвалу, умирая проглагола: кирпичный, рече, Римъ обрѣтохъ, а мраморный оставляю. Нашему же пресвѣтлѣйшему монарху тщета была бы, а не похвала сіе пригласити, исповѣсти бо воистину подобаетъ, древяную овъ обрѣте Россію, а сотвори златую: тако оную и внѣшнимъ и внутреннимъ видомъ украси, зданіи, крѣпостьми, правилами и правительми и различныхъ полезныхъ ученій добротою. Но еще побѣдимъ въ слѣдъ его воинскій, и здѣ точію имена вещей нѣкинхъ воспоминаuti можемъ: тако невозможно есть въ краткомъ времени предлагати повѣсть. Еще отроческою рукою разори Кизикермень, разруши Азовъ и дракона Асійскаго устраши: возъяренъ же неправеднымъ терзаніемъ льва Свѣйскаго, коль ему много наложи ранъ, коль много отсѣче градовъ и крѣпостей“⁽¹⁾. Совершенно понятны такіа восхваленія Петра В. за его преобразование и возвышеніе Россіи, за внесеніе въ нее началъ европейской науки и цивилизаціи: но нельзя однакожь при этомъ оставить безъ вниманія того, что увлеченіе этой наукой и цивилизаціей у Прокоповича доходило до такой крайности, что превращалось въ совершенное самоуничженіе. „Въ коемъ мнѣніи, говоритъ онъ, въ коей цѣли бѣхомъ мы прежде у иноземныхъ народовъ? бѣхомъ у политическихъ мниміи варвары, у гордыхъ и величавыхъ презрѣннѣи, у мудрящихся невѣжи, у хищныхъ желательная ловля, у всѣхъ нерадими, отъ всѣхъ поругани... нынѣже, которіи насъ гнушались, яко грубыхъ, ищутъ усердно братства нашего. которіи безчестили, славятъ, которіи грозили, боятся и трепещутъ, которіи презирали. служить намъ не стыдятся; многіи въ Европѣ коронованныя главы не точію въ союзъ съ монархомъ нашимъ идутъ dobroхотно, но и десная его величеству давати не имѣютъ за безчестіе“⁽²⁾. Прокоповичъ считаетъ особымъ почетомъ и придаетъ великое значеніе даже тому обстоятельству, что многіи въ Европѣ коронованныя главы „де-

(1) Тамъ же. ч. I. 110—114.

(2) См. у Морозова: Теофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, стр. 259.

сная его величеству давати не имѣютъ за безчестіе“. Здѣсь лежитъ начало того рабства и крайняго самоуничиженія, которое потомъ стали показывать и высказывать русскіе люди при всякомъ столкновеніи съ Европой, при всякомъ сопоставленіи всего русскаго съ иностраннымъ.

Сопровождая похвалами всѣ дѣла Петра В., Теофанъ и въ вѣчную жизнь напутствовалъ его великолѣпнымъ похвальнымъ словомъ. До глубины души потрясенный невыразимою скорбію, онъ воскликнулъ предъ его гробомъ: „Что се есть? до чего мы дожили, о Россіане? что видимъ? что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ... Виновникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію и воздвигшій въ толикую силу и славу, или паче рождившій и воспитавшій, прямой сый отечествія отецъ... скончалъ жизнь... Се оный твой, Россія, Самсонъ, каковый дабы въ тебѣ могъ явиться, никто въ мірѣ не надѣялся, а о явившемся весь міръ удивился... Се твой первый, о Россіе, Іафетъ, неслыханное въ тебѣ отъ вѣка дѣло совершившій, строеніе и плаваніе корабельное... Се Моисей твой, о Россіе! не суть ли законы его, яко крѣпкая забрала правды и яко же нерѣшимыя оковы злодѣянія... Се твой, Россіе, Соломонъ, пріемшій отъ Господа смыслъ и мудрость многу зѣло... Се твой, о церкви російской, и Давидъ и Константинъ! Его дѣло правительство синодальное, его попеченія пишемая и глаголемая наставленія“... (1).

Но съ кончиною Петра не окончилось служеніе Прокоповича дѣлу реформы. И при преемникахъ его онъ постоянно словомъ и дѣломъ поддерживалъ всѣ его преобразованія. При этомъ ему пришлось долго выдерживать сильную борьбу съ разными врагами, которые при жизни Петра молчали, а послѣ его смерти смѣло подняли голову. Онъ не палъ въ этой борьбѣ и вышелъ изъ нея даже полнымъ побѣдителемъ; но, къ сожалѣнію, онъ въ это время запятналъ себя разными грязными интригами и такими темными дѣлами, которыя обнаруживаютъ самыя непривлекательныя стороны въ его характерѣ и помрачаютъ его славу.

Проповѣди Гавріила Бужинскаго и Симона Нохановскаго.

Вмѣстѣ съ Теофаномъ Прокоповичемъ дѣлу реформы служили своимъ словомъ и другія духовныя лица. Изъ нихъ болѣе другихъ въ этомъ отношеніи замѣчательны: еп. Рязанскій *Гавріилъ Бужин-*

---

(1) Слова и рѣчи Теофана Прокоповича. ч. II, 128—133.

скій и іеромонахъ Симонъ Кохановскій. Бужинскій (ум. 1731 г.) былъ воспитанникъ Кіевской академіи. Въ Москвѣ онъ былъ сначала учителемъ въ славяно-греко-латинской академіи и въ тоже время занимался переводомъ книгъ и сказываніемъ проповѣдей. Узнавъ о немъ, какъ о краснорѣчивомъ проповѣдникѣ, Петръ В. опредѣлилъ его въ 1718 г. оберъ-іеромонахомъ флота. Въ 1721 г. Бужинскій былъ сдѣланъ архимандритомъ Сергіевой Лавры и совѣтникомъ Синода; въ 1726 г. онъ возведенъ былъ въ санъ епископа Рязанскаго. Мы выше указали на заслуги Бужинскаго, какъ переводчика; о значеніи же его, какъ проповѣдника, въ одномъ старомъ стихотвореніи говорится:

«На стогнахъ городскихъ, въ святилищѣ церквей,
Въ поляхъ среди полковъ и средь морскихъ зыбей,
Бужинскій, истины вѣщая гласъ народу,
Храмъ, грады и полки и съ жителями роду
Съ восторгомъ радостнымъ внимающими зрѣлъ,
Когда величіе вѣщаль Петровыхъ дѣлъ».

Какъ на отличительную черту въ характерѣ Петра, Бужинскій указывалъ въ своихъ проповѣдяхъ на его любовь къ Россіи, доходившую до полного самоотверженія. „Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя. Въ сей любви Петръ, истинный подражатель Христа Господа, не щадяше дражайшія души своя за отечество свое... въ трудахъ и подвижѣхъ, въ мразѣ и зноѣ, въ путешествіи и мореплаваніи, въ бѣдственныхныхъ на земли странствованіяхъ и въ многоятежнѣйшихъ и бѣдственнѣйшихъ морскихъ обуреваніяхъ; не щадяше души своея въ баталіяхъ, егда въ толикомъ былъ случаѣ, яко на дражайшей главѣ его шляпа пулею бысть пробита; не щадяше жизни своея въ мореплаваніи, яко единою въ толикомъ былъ на Балтійскомъ морѣ обуреваніи, идѣже уже всякая надежда спасенія пресѣчена бысть: вся же сія претерпѣвалъ за отечество, полагалъ душу свою за други своя“ (1). Изъ дѣлъ Петра Бужинскій, какъ оберъ-іеромонахъ флота, прославлялъ въ своихъ проповѣдяхъ преимущественно дѣла военныя, доказывалъ пользу и необходимость флота и объяснял значеніе тѣхъ войнъ, какія были при Петрѣ. Доказывая необходимость флота для Россіи, Бужинскій говоритъ, что безъ морской силы государство подобно птицѣ, которая захотѣла бы летать съ однимъ крыломъ: „обносится премудрое Геттурскаго князя, Космы де-Медпися, реченіе: не достоятъ снцеваго нареши сильнымъ, иже силѣ земной не имать соединенныя

(1) Собраніе словъ Бужинскаго. Изд. Миллера. М. 1784. стр. 252.

силы морскія... Исполнены суть историческія повѣсти, каковую государствамъ содѣлали пользу силы карабельныя; полны суть свидѣтельства, изъясляющія, колико скоростію и величествомъ дѣлъ творимыхъ прочихъ народовъ моремъ владѣющіе превосходятъ... Единимъ симъ пособіемъ далечайшія страны покоряются, воинству помощь къ пропитанію преподается, и куда чрезъ многія лѣта сухопутныя войска достигнути не въ состояніи, то въ короткое время карабельныя силы содѣлать могутъ. И когда купечество неизреченную приносить государствамъ пользу, ибо нѣтъ ни одного царства, могущаго собою безъ торговъ быть довольнымъ; то заключить надобно, что оно лучше нигдѣ не процвѣтаетъ, какъ въ мѣстахъ приморскихъ. Какое тамъ видится всего изобиліе, гдѣ находятся пристани морскія, и какой напротиву того примѣчается во всѣхъ даже и нужныхъ вещахъ недостатокъ въ тѣхъ селеніяхъ, которыя отдалены отъ моря, или вообще лишены пристанищъ морскихъ“ (¹). Защищая войны со Шведами, подвергавшіяся порицанію, по причинѣ ихъ продолжительности и тяжести и дорогой стоимости для народа и государства, Бужинскій въ одной проповѣди говоритъ: „Всѣмъ любовни суть побѣды, всѣмъ пріятны торжества... тако вси dobroходствуютъ къ чадамъ и плодамъ брани; противнымъ же образомъ, едва сиецаваго обрященіи, иже бы о матери побѣдъ и торжества—*брани* доброе произнеслъ слово; вси на сію порицають, воздыхають, и что чудно, и между самими воинствующими вездѣ ей укоризны слышатся“. И указавъ затѣмъ на главную укоризну, что война противна любви христіанской, онъ замѣчаетъ: „Не тако, кривотолки, не тако.... брани властителей христіанскихъ правильныя не суть противныя любленію враговъ, но наче согласныя; симъ бо самымъ тщатся враговъ своихъ отъ насильствія отвратити и призвати ихъ къ миру, послѣдовательно и къ дружбѣ“ (²). Въ частности, доказывая необходимость и законность войны со Шведами, онъ говоритъ въ другихъ проповѣдяхъ: „Праведная сія брань и на зѣло правильныхъ причинахъ основана и начата бысть: за поруганіе чести царственной, за восхищенную неправедно и вѣроломно землю Ижерскую, за раззореніе храмовъ и обителей Божіихъ, за разграбленіе многихъ провинцій и градовъ... Начата праведная брань, и Богъ отмщений Господь, Богъ отмщений, Россіи дѣло пріялъ въ свое защищеніе, пріялъ въ свое покровеніе. Явствуетъ сія не тако частыя, но да тако реку, всегдашнія побѣды, отъ руки Божія подаваемыя, всегдашнія торжества, въ Россіи дѣйствуемыя“ (³). Изъ другихъ про-

(¹) Слова Бужинскаго, стр. 19—22.

(²) Тамъ же, стр. 70—(³) Тамъ же, стр. 60, 99.

повѣдей Бужинскаго замѣчательна проповѣдь въ похвалу новой русской столицы, сказанная при поднесеніи Петру В. „перво-вырѣзаннаго на мѣди плана и фасада Петербурга“. Въ этой проповѣди, какъ на особенныя достоинства, онъ указываетъ на важное стратегическое значеніе Петербурга, на красоту его мѣстоположенія и на удобство для внѣшней торговли и сношеній съ разными государствами. Между прочимъ, говоря о мѣстоположеніи Петербурга, онъ вдается въ такія крайнія и смѣшныя преувеличенія: „Не только всю Россію расположеніемъ и красотою превосходитъ мѣсто (Петербург), но и въ иныхъ европейскихъ странахъ не только равное, но ниже подобное обрѣтется можетъ“.

Симонъ Кохановскій былъ также воспитанникъ Южной Россіи и подобно Гавріилу Бужинскому былъ іеромонахомъ флота, но въ 1733 г. былъ уволенъ на покой въ Печерскую Лавру. Изъ его проповѣдей особенно замѣчательна проповѣдь на день Благовѣщенія, сказанная имъ въ Ревелѣ въ 1720 г. Она направлена противъ раскольниковъ и вообще противъ всѣхъ суетвѣрныхъ ревнителей старины, которые порицали новое образованіе и реформы Петра, считая ихъ противными древнему благочестію. „Откуда бываетъ сіе, говоритъ онъ въ этой проповѣди, что мнози отъ насъ съ цѣлыми домами, женами и дѣтьми, оставльше честное гражданское сожительство и общеніе церкви святой, бѣгутъ изъ городовъ въ пустыни и тамо скотское и звѣрское житіе проводятъ? А другіе, покинувъ честную жену и чады, а иные оставивъ праведную службу государеву, бѣгутъ въ темныя лѣса и разбойникамъ сообщаются? А которые, будто лучшіе, бѣгутъ отъ службы государевой въ монастыри и монашествомъ покрываются!... Мнятъ бо бѣдныя и ненаученныя человѣцы, что въ пустынѣ, или въ монастырѣ, ради точію самаго монастыря, большее и скорѣйшее спасеніе, нежели въ мірѣ въ честномъ супружествѣ и въ гражданскомъ сожительствѣ. А другіе... ищутъ себѣ отдышки и прохлады въ скитахъ и монастыряхъ, будто, они мнятъ, что большіе труды въ монастыряхъ, нежели въ солдатствѣ, или на иной службѣ государевой. А сама совѣсть ихъ противное говоритъ, и будто большее и скорѣйшее спасеніе въ черномъ, нежели въ бѣломъ, или зеленомъ, или въ красномъ платьѣ, мнятъ, что ближайшее къ спасенію раздранное и гнусное рубище, нежели честная, чистая или свѣтлая риза. Думаютъ окаянніи, что веревка и желѣзныя цѣпи, которыми многіе лицемѣры и ханжи обматываютъ себя и прельщаютъ простыя и незлобивыя сердца, думаютъ, глаголю, что пріятнѣйшія суть Богу, паче свѣтлой кавалеріи, которая часто много жесточайшая и много тягчайшая бываетъ, паче власяныхъ веревокъ, а наипаче егда прійдетъ стати ко непріятелю въ глаза, кровь и душу за вѣру, за отечество и за госуда-

ря своего изліати. Мнять простые и никогда не слышавшіе евангельскаго благовѣстія, что извѣстнѣйшее спасеніе въ черной камилавкѣ, или въ клобукѣ, нежели въ парикѣ, въ солдатской шляпѣ, или въ простой мужицкой шляпѣ. А того, бѣдные, не знаютъ, а другіе и знати не хотятъ, что Богъ не зрѣтъ такъ на клобукъ, какъ на парикъ, или на простую шляпу, такъ на раздранное и гнусное рубище, какъ на чистую и честную ризу и на прочіе и виѣшніе строи и манеры, но зрѣтъ на дѣла и помышленія человѣческія. Воззрѣмъ уже и на другую злобу, которая тако въ народѣ нашемъ умножилася. Имѣя злобѣ оной *забобы*, сирѣчь суетвѣріе, или злочестіе, отъ котораго удобъ рождается безбожіе... напр. избрали себѣ мужики въ году двѣнадцатъ пятницъ и крѣпко утвердили и закрѣпили сямъ глаголомъ: аще кто до тѣхъ пятницъ постится, молится и молебень имъ наѣмуетъ, то, по различію пятницъ, различныя отъ нихъ дарованія примлетъ (далѣе слѣдуетъ указаніе, какая пятница какое благодѣяніе доставляетъ, согласно съ извѣстнымъ апокрифическимъ сказаніемъ о 12-ти пятницахъ)... Что же, егда еще пойдемъ до окаянной мужицкой или лаче до бабской богословіи, сирѣчь до бусловія и смѣхотворныхъ вопросовъ: которую икону почитать, а которой не почитать? какой крестъ на церквахъ ставити—осьмиконечный, или четвероконечный? которыми персты знаменіе крестное на себѣ положить? дважды или трижды аллилуіа глаголати?... Бабьими баснями и мужицкими забобами весь міръ наполнился: уже бо нынѣ не точію священники и прочіе книжные люди, но и грамотные мужики и бездѣльные деревенскіе бабы всю тую дьявольскую богословію паизустъ умѣютъ, которая пятница святѣйшая и которая сильнѣйшая.... А молитву Господню Отче нашъ развѣ сотый или тысящный мужикъ умѣетъ! На сколько просфорахъ обѣдню служити, всѣ о томъ ссорятся, а что есть причастіе тѣла и крови Христовой, того и не поминай.... Сказки бездѣльныя, скверныя бабьи пѣсни и малыя дѣти паизустъ умѣютъ, а десять заповѣтей Божіихъ, и старыя мужики того не знаютъ“ (1).

ПРОТЕСТЫ И ПОЛЕМИКА ПРИВЕРЖЕНЦЕВЪ СТАРИНЫ ПРОТИВЪ РЕФОРМЪ И НОВАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Проконовичъ, Бужинскій и Кохановскій стояли во главѣ партіи людей новаго образованія и при Петрѣ В. пользовались огромнымъ значеніемъ; но послѣ его смерти ихъ положеніе совершенно

(1) Наука и литер. Цепарскаго. I. 492—494.

измѣнилось. Съ вами, какъ и со всѣми людьми новаго образованія, случилось тоже самое, что въ XVII в. случилось съ кievскими учеными, когда они явились въ Москву и встрѣтились здѣсь съ московскими грамотниками. Какъ кievскіе ученые, воспитанные на латинскихъ бнгахъ и въ школахъ, устроенныхъ по образцу латинскихъ школъ, заподозрѣны были въ латинствѣ и объявлены латынниками, такъ и люди новаго образованія, приверженцы реформы, постоянно обращавшіеся въ кругу нѣмцевъ протестантовъ, учившіеся у нихъ и читавшіе ихъ книги, заподозрѣны были въ протестантствѣ и считались протестантствующими. Въ приверженцахъ стараго образованія и стараго порядка дѣлъ особенное недовольство и сильныя протесты возбуждали, какъ замѣчено выше, реформы въ церковной области, казавшіяся противными духу православія. Уничтоженіе патріаршества представлялось посягновеніемъ на достоинство и права церкви. Строгія предписанія Регламента—свидѣтельствовать мощи, чудеса, акаѣисты и житія святыхъ, запрещеніе строить церкви и часовни безъ разрѣшенія, ходить по домамъ съ иконами, строгія мѣры противъ монаховъ считались стѣсненіемъ духовной жизни и оскорбительнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла церковныя. Стремясь исправить религіозную жизнь народа, Духовный Регламентъ въ своихъ предписаніяхъ, Прокоповичъ и другіе проповѣдники въ своихъ проповѣдяхъ совершенно справедливо нападали на разныя суевѣрія и суевѣрные обряды и вообще на чисто внѣшнее обрядовое благочестіе, которое у необразованныхъ людей замѣняло собою истинное христіанское благочестіе; но при этихъ нападеніяхъ они часто вдавались въ крайности, рисовали рѣзкія и часто грубыя картины съ разными сатирическими выходками. Это подавало поводъ думать, что они относятся враждебно и вообще ко всей русскоѣ жизни, что, подобно нѣмцамъ протестантамъ, они вообще отвергаютъ внѣшнюю обрядовую сторону религіи. А свободная жизнь людей новаго образованія, усвоившихъ новыя взгляды и обычаи, новизнѣмому, подтверждала эти подозрѣнія. Подъ вліяніемъ иностранцевъ, они начали оставлять благочестивыя правила и обычаи старины, перестали соблюдать посты, ходить въ церковь, вели разгульную жизнь, просиживая ночи въ ассамблеяхъ. Недовольство новыми порядками и новыми людьми, поддерживавшими эти порядки, громко раздавалось въ кругу монашества, которое во время реформы лишилось многихъ прежнихъ преимуществъ, и особенно усилилось въ слѣдствіе указа 1724 г., которымъ монастыри отдавались подъ богадѣльни и училища, обращались въ воспитательные дома для зазорныхъ младенцевъ, или въ инвалидныя дома для призрѣнія старыхъ и увѣчныхъ солдатъ. Но до высшей степени раздраженіе должно было дойти въ средѣ раскольниковъ, противъ которыхъ

были приняты весьма строгія мѣры и которые, въ слѣдствіе этого, время реформы начали считать временемъ антихриста, а самого Петра В. главнымъ его орудіемъ.

Такъ какъ Теофанъ Прокоповичъ стоялъ во главѣ людей новаго образованія и былъ самымъ горячимъ приверженцемъ и защитникомъ всѣхъ реформъ, то на него прежде всего и сильнѣе всего и должны были обрушиться раздраженіе и преслѣдованія старой партіи. Еще въ то время, какъ Петръ вздумалъ сдѣлать его Псковскимъ епископомъ, Стефанъ Яворскій предъявилъ, вмѣстѣ съ другими, сомнѣніе въ его православіи, такъ что Прокоповичъ долженъ былъ написать изложеніе своей вѣры. Теофилактъ Лопатинскій также считалъ богословское ученіе Прокоповича несовсѣмъ православнымъ и когда появилось сочиненіе Прокоповича „*Распря Павла и Петра объ иѣ неудобноносимомъ*“⁽¹⁾, гдѣ доказывалось, что законное оправданіе требуетъ всецѣлаго безгрѣшія и что безгрѣшенъ никто быть не можетъ, Теофилактъ написалъ противъ него свое сочиненіе „*Объ иѣ Господнемъ благомъ*“, въ которомъ, между прочимъ, было замѣчено: „мудрованію (лютеранскому) о законѣ Божіемъ и о оправданіи послѣдуетъ отъ насъ пропзшедшій противникъ, яко же свидѣлствуетъ его писаніе, о законномъ неудобноносимомъ иѣ сочиненное. И тожде сію нашу книжицу, на возраженіе ученію его составленную, чтущій всякъ увидитъ“⁽²⁾. За это сочиненіе Теофилактъ, по пропискамъ Теофана, былъ подвергнутъ пыткамъ и заключенію въ крѣпости. Но ни Яворскій ни Лопатинскій не были собственно врагами Прокоповича: они дѣйствовали добросовѣстно и по ревности къ православной вѣрѣ, которая, по ихъ убѣжденію, могла пострадать отъ разныхъ нововведеній. Настоящими врагами Прокоповича были епископъ Ростовскій, Георгій Дашковъ, и архимандритъ Юрьевскаго монастыря, Маркелль Родышевскій.

Георгій Дашковъ (съ 1718 г. епископъ Ростовскій, съ 1725 года членъ Синода) былъ упорнымъ защитникомъ стараго порядка, стремился возстановить патріаршество и даже самъ мечталъ сдѣлаться патріархомъ и съ этою цѣлію старался расположить къ себѣ сильныхъ людей подарками. Сдѣлавшись членомъ Синода, онъ началъ борьбу съ Прокоповичемъ, какъ виновникомъ ненавистной ему церковной реформы. По поводу отобранія имѣній у монастырей и назначенія ихъ въ аренду служилымъ людямъ, онъ подалъ императрицѣ Екатеринѣ энергическій

(1) Напечатано въ IV части сочиненій Теофана Прокоповича. М. 1774 г.—

(2) Сочиненіе это существуетъ въ рукописи Моск. Акад. Смotr. Обзор. дух. лит. Филарета. Ч. 2. № 15.

протестъ (¹). Но Дашковъ былъ человѣкъ не ученый и потому не могъ дѣйствовать прямо противъ Прокоповича, а избралъ для этого своимъ орудіемъ Маркелла Родышевскаго.

Маркеллъ Родышевскій былъ архимандритомъ Юрьевского монастыря, а потомъ съ 1742 г. Корельскимъ епископомъ. По внушенію Дашкова онъ въ 1727 г. сдѣлалъ доносъ, что въ книгахъ (Прокоповича): „О блаженствахъ Христовыхъ“, „Букварь съ десяти-словіемъ“ и прочія „печатныя поученія“ находится „много лютеранскихъ и кальвинскихъ ученій“ и предлагалъ собрать соборъ русскихъ пастырей для разсмотрѣнія этихъ книгъ, развращающихъ церковное ученіе, и для отлученія отъ церкви того, кто, по изслѣдованію, явится виновнымъ въ сочиненіи и распространеніи этихъ книгъ (²). Въ 1730 г. Родышевскій написалъ возраженія на Регламентъ и на указъ о монашествѣ. Въ возраженіяхъ на Регламентъ доказывается, что патріаршество есть не только древнѣйшая, но и единственно законная форма церковнаго управленія; въ возраженіяхъ на указъ о монашествѣ защищается древне-русская форма монашества противъ новыхъ постановленій о монашествѣ (³). Кромѣ того, Родышевскій считалъ противными православному ученію церкви книги, переведенныя Гавріиломъ Бужинскимъ— „Ѳеатронъ историческій“ Стратемана и „Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ“ и „О должностяхъ человѣка и гражданина“ Пуффендорфа.—Сочиненія Родышевскаго и особенно объяснительные пункты, представленные имъ въ тайную канцелярію, наполнены обвиненіями противъ Прокоповича въ разныхъ противностяхъ церкви, въ слѣдствіе чего Прокоповичъ признается еретикомъ, лютераниномъ.—Сравнивая эти обвиненія Родышевскаго съ тѣми объясненіями, какія, по поводу ихъ, давалъ Прокоповичъ, мы открываемъ настоящую сущность дѣла. Сущность дѣла заключалась въ различіи принциповъ въ вѣрѣ старой и новой партіи, различіи, которое и было главною причиною упрековъ Прокоповичу и его сторонникамъ въ лютеранствѣ. Маркеллъ Родышевскій, между прочимъ, доносилъ на Прокоповича, что онъ не признаетъ подлинности апостольскихъ правилъ: „тѣ правила, которыя называются апостольскія, не ихъ“. Прокоповичъ на это отвѣчалъ: „Правила апостольскія пріемлю за апостольскія по ученію, но не по соглашенію т. е. въ правилахъ оныхъ ученіе апостольское, но словесъ составъ или сочиненіе не отъ апостолъ сдѣлано, что вси вѣдаютъ, которые не Маркелловымъ образомъ о дѣлѣ богословскомъ обучаются“. Ро-

(¹) См. у Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 189 и дал.

(²) Тамъ же, стр. 231—232. — (³) Анализъ этихъ сочиненій тамъ же, стр. 313—334.

дышевскій говорилъ о Прокоповичѣ: „Святыхъ отецъ книгу Діонисія Ареопажита называлъ неправильною и говорилъ, что и многія-де книги изданы подъ именемъ Василия В. и Златоустаго и прочихъ ложныя“. Прокоповичъ отвѣчалъ: трудно, или паче невозможно слѣпому разсуждать о краскахъ и цвѣтахъ. О Діонисіевой книгѣ издревле у церковныхъ учителей бывало преніе. Преніе же есть не о ученіи, въ оной книгѣ написанномъ, но о творцѣ книги—Арепагитскій ли, или иной Діонисій сочинилъ книгу оную. И одни се, а другіе то говорятъ безъ раздору вѣры и любви, понеже не подлежитъ до вѣры артикуловъ. Вѣдаемъ, что святыхъ отецъ многія книги суть прямыя ихъ, которыя и церковь пріемлетъ, но вѣдаемъ, что многія суть подметныя, подъ именемъ сего, или другаго святаго изданныя, напр. есть святаго Златоустаго толкованіе на Евангеліе Матѣево, сущее его; есть же и другое тогожде Евангелія толкованіе, изданное отъ нѣкоего аріанина... И что се дивно, что подъ именемъ разныхъ святыхъ многія писанія притворены: напр. Евангеліе Іаковле, посланіе Варнавино, Евангеліе Петрово, Варооломеево, Ѳомино, Ѳадѣево, Филиппово, Никодимово и проч. Изъ которыхъ притворныхъ, подъ именами апостольскими, книгъ, много и доселѣ обрѣтаются, но яко ложныя отъ церкви не пріемлются и были вымышленныя отъ разныхъ еретикъ въ разныя времена“. Родышевскій доносилъ на Прокоповича: „Говорить, что ученія-де никакого добраго въ церкви святой нѣтъ, а въ лютеранской-де церкви все ученіе изрядное“. Прокоповичъ отвѣчалъ: „Говоримъ часто съ воздыханіемъ не о лютеранахъ однихъ, но и о папистахъ, кальвиніанахъ, арминіанахъ и о самыхъ злѣйшихъ и магометанскому злочестію близкихъ соцініанахъ, что у нихъ школъ и академій и людей ученыхъ много, а у насъ мало. И сіе слово говоритъ Павелъ святой въ первомъ къ Коринѳяномъ посланіи, въ главѣ первой, сказуя, что отъ правовѣрныхъ не многія премудріи. И ино есть ученіе, ино же ученый человѣкъ. Ученіе церковное въ священномъ писаніи, которое содержатъ и еретики, хотя отчасти разумъ его развращаютъ, такожь въ соборахъ правильныхъ и въ книгахъ отеческихъ. А ученый человѣкъ, который умѣетъ языки, знаетъ многія исторіи, искусенъ въ философскихъ и богословскихъ преніяхъ, хотя добраго хотя злаго онъ исповѣданія. Моя же рѣчь есть о ученыхъ людяхъ, а не о церковномъ ученіи, въ книгахъ заключенномъ“. Родышевскій говорилъ о Прокоповичѣ: „Чудесамъ святыхъ, напечатаннымъ въ книгахъ, не вѣрить и говорить: мнѣ-де критика книгамъ вѣрить не велить“. Прокоповичъ отвѣчалъ: „Говорю и не я одинъ, что лицемѣры иногда притворяютъ святымъ иконамъ чудеса, о чемъ многія обличенія суть и недавно на судѣ

синодальномъ явились“ (¹).—Изъ этихъ и другихъ объясненій видно, что въ мнѣніяхъ Прокоповича не было ничего еретическаго, что его неправославіе заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что онъ не смѣшивалъ ученія вѣры съ предметами знанія, непреложныхъ истинъ съ спорными вопросами науки, церковныхъ обрядовъ съ разными, часто суевѣрными, обычаями. Онъ постоянно возставалъ противъ этого смѣшенія, такъ какъ оно составляло основной недостатокъ древняго періода, когда, въ слѣдствіе отсутствія образованія, къ истинамъ вѣры примѣшивалось множество заблужденій, когда многіе суевѣрные обычаи возведены были на степень церковныхъ обрядовъ, и стремленіе уничтожить эти заблужденія и обычаи послужило одною изъ причинъ раскола. Вина Прокоповича заключалась въ томъ, что онъ возставалъ противъ этихъ недостатковъ слишкомъ рѣзко и грубо.

Вмѣстѣ съ Дашковымъ и Родышевскимъ за старыя формы церковной жизни и церковнаго управленія стоялъ директоръ типографіи, Михайлъ Авраамовъ (род. 1681 г.). Изъ автобіографіи его видно, что онъ былъ человекъ проникнутый ревностію по вѣрѣ, но не имѣлъ достаточнаго образованія, чтобы правильно судить о дѣлахъ вѣры и церкви. Сначала онъ служилъ въ Посольскомъ приказѣ, былъ при посольскихъ дѣлахъ въ Голландіи при Матвѣевѣ, потомъ служилъ въ Оружейной палатѣ и наконецъ въ Петербургской типографіи, гдѣ занимался печатаніемъ книгъ. Авраамовъ извѣстенъ разными проэктами, которые онъ подавалъ всѣмъ государямъ, начиная съ Петра В., Петру II, Аннѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ (²).

Въ то время, какъ старая партія упрекала людей реформы и новаго образованія въ протестантствѣ, люди новаго образованія упрекали ее въ латинствѣ. Эти упреки были также не справедливы. Они образовались подъ вліяніемъ иностранцевъ, которые, съ разными западными обычаями, принесли въ Россію и ту вражду, какая существовала между католичествомъ и протестантствомъ на Западѣ. Русскіе усвоили отъ нѣмцевъ протестантскія воззрѣнія на церковь и стали прилагать ихъ къ русской церкви, отыскивая въ ея дѣйствіяхъ и стремленіяхъ католическія замашки. Мы замѣтили выше, что въ русскомъ патріархѣ Петру В. представлялся папа; въ стремленіи духовенства защитить свои права и значеніе Прокоповичъ указывалъ папешскій духъ; Татищевъ, какъ увидимъ ниже, смотрѣлъ на русскую церковь также съ протестантской точки зрѣнія и всему духовенству рус-

(¹) Смотри у Чистовича: Θεοφανъ Прокоповичъ, стр. 211—218; 574—575.

(²) Объ этихъ проектахъ тамъ же, стр. 267—270.

скому въ донетровскій періодъ приписывалъ католическія тенденціи. Какъ старая партія нападеніе Прокоповича на разные суевѣрные обряды и вообще на пристрастіе ко вѣншней обрядовой сторонѣ благочестія называла протестантствомъ; такъ новая партія защиту вообще вѣншняго богопочтенія, которое стало упадать въ людяхъ новаго образованія, называла католичествомъ, а защитниковъ его—папистами. Эти взаимныя обличенія, въ которыхъ вмѣшались и раздували своими интригами иностранцы, выразились со всею силою и крайностію въ полемикѣ по случаю изданія „Камня вѣры“ Яворскаго, которая, по характеру своему, во многихъ отношеніяхъ, напоминаетъ собою извѣстную полемику въ юго-западной литературѣ, по поводу знаменитаго „*Апокрисиса*“ Христофора Филалета.

Пolemика по поводу Камня вѣры. Петръ В., какъ выше сказано, не позволилъ Яворскому напечатать Камень вѣры; но послѣ смерти Петра, когда русская партія при дворѣ находилась въ болѣе благопріятномъ положеніи, Теофилактъ Лопатинскій, съ разрѣшенія Верховнаго тайнаго Совѣта, издалъ Камень вѣры въ 1729 г. Это изданіе произвело сильную бурю между протестантами, какъ въ Россіи, такъ и заграницей, и было поводомъ къ появленію нѣсколькихъ полемическихъ сочиненій. Въ томъ же 1729 году въ „*Лейпцигскихъ Ученыхъ Актахъ*“ былъ помѣщенъ строгій разборъ Камня вѣры, а потомъ вскорѣ, отъ имени Буддея, явилось сочиненіе, въ которомъ защищались всѣ пункты лютеранскаго ученія противъ возраженій Яворскаго, и доказывалось, будто сочинитель Камня вѣры мало интересовался истиной, а только хотѣлъ излить свое негодованіе на протестантское ученіе. Въ томъ же году въ Тюбингенѣ напечатано было на латинскомъ языкѣ сокращеніе Камня вѣры Іоанномъ Теодоромъ Яблонскимъ. Академикъ Бюльфингеръ перевелъ изъ Камня вѣры на латинскій языкъ главу о наказаніи еретиковъ и послалъ ее лютеранскому богослову .І. Мосгейму, а Мосгеймъ написалъ на нее опроверженіе: *De poenis haereticorum cum Stephano Javorscio disputatio*. Между тѣмъ католики были весьма рады появленію Камня вѣры. Они уже давно съ завистію и опасеніемъ смотрѣли на преобладаніе въ Россіи и особенно при дворѣ протестантской партіи и боялись отъ нея совращенія Россіи въ протестантство. Поэтому они въ своихъ интересахъ считали обязанностію защитить Камень вѣры. Въ это время, въ Петербургѣ, при испанскомъ посланникѣ, дукѣ де-Іпріа, находился доминиканецъ Рибейра. Ему и было поручено написать сочиненіе въ защиту Камня вѣры. Сочиненіе написано было въ формѣ отвѣта Буддею и посвящено императрицѣ. Этими католики хотѣли расположить

императрицу къ своему давнему проекту о соединеніи церквей— православной и католической. Выше указано, что еще въ 1717 г. Петру В., когда онъ былъ въ Парижѣ и посѣщалъ Сорбонскую академію, сорбонскіе богословы сдѣлали предложеніе о соединеніи церквей, и въ слѣдствіе этого происходила переписка между ними и русскими богословами (отвѣтъ сорбонскимъ богословамъ писали Яворскій и Прокоповичъ), не приведшая ни къ какимъ результатамъ. Теперь это дѣло возобновилось по слѣдующему обстоятельству. Княгиня Долгорукова, супруга князя Сергѣя Долгорукова, въ бытность съ мужемъ своимъ въ Голландіи, перешла въ католичество. Католики послали съ ней въ Россію Жака Жюбе, какъ для поддержанія ея въ новой вѣрѣ, такъ и для того, чтобы онъ старался о соединеніи церквей. Когда дюкъ де-Лириа узналъ объ этомъ, то онъ всѣми мѣрами началъ помогать Жюбе, и одною изъ этихъ мѣръ было сочиненіе Рибейры. Между тѣмъ, и самъ Теофилактъ Лопатинскій, издавшій Камень вѣры, по совѣту князя Д. М. Голицына, почитателя памяти Стефана Яворскаго, написалъ также *Апокрисисъ*, или возраженіе на книгу Буддея; но тайная канцелярія не дозволила ему напечатать его, даже взяла съ него сказку не только не писать противъ Буддея, но и никому о той сказкѣ не сказывать подъ смертнымъ страхомъ ⁽¹⁾. Такое строгое запрещеніе Теофилактъ объяснялъ происками протестантской партіи и особенно вліяніемъ покровительствовавшего этой партіи Теофана Прокоповича, которому онъ приписывалъ и самое составленіе книги отъ имени Буддея. Такова была полемика противъ Камня вѣры иностранцевъ. Въ Россіи противъ Камня вѣры какой-то неизвѣстный сочинитель (русская партія подозрѣвала въ немъ того же Прокоповича) написалъ пасквиль, или бранное сочиненіе, подъ названіемъ: „*Молотокъ на Камень вѣры*“. Само собою разумѣется, что въ то время, когда Камень вѣры былъ запрещенъ и выраженіе сочувствія къ нему и его сочинителю считалось государственнымъ преступленіемъ и доводило до тайной канцеляріи, нельзя было писать нечего противъ *Молотка*, но въ царствованіе Елисаветы Петровны, когда протестантская партія если не совсѣмъ пала, то значительно ослабѣла, явилось „*Возраженіе на Молотокъ*“, которое приписывается Арсенію Маціевичу ⁽²⁾.—Сравнивая оба эти сочиненія—„*Молотокъ*“ и „*Возраженіе*“ на него, мы находимъ, что сочинители ихъ

---

(1) Сохранилось высочайшее повелѣніе (императрицы Анны Іоанновны) объ арестованіи книги «Камень вѣры» августа 19 дня 1732 г. Др. и Нов. Рос. 1879 г. № 1.

(2) Существенные пункты полемики Молотка и Возраженія на Молотокъ изложены у Чистовича: Теофанъ Прокоповичъ, стр. 387—407.

слишкомъ увлекались въ личности и въ своихъ взаимныхъ обличеніяхъ доходили до разныхъ крайностей. Сочинитель Молотка совершенно несправедливо обвиняетъ Яворскаго въ католичествѣ, въ стремленіи внести въ русскую церковь католическіе элементы. Единственнымъ поводомъ къ этому обвиненію могло послужить только то, что Яворскій, обличая и опровергая въ Камнѣ вѣры протестантское ученіе, пользовался католическими источниками, употреблялъ выработанные у католическихъ полемистовъ приемы и приводилъ часто одни и тѣже доказательства; но это нисколько не могло доказывать его согласія съ католическимъ ученіемъ вообще, потому что при этомъ разсматривались такіе предметы, въ которыхъ протестанты одинаково расходятся и съ православными и съ католиками. Авторъ „Возраженія на молотка“, защищая Яворскаго отъ несправедливыхъ клеветъ, упадетъ также въ крайности, употребляетъ такія рѣзкія и часто неприличныя выходки, что полемика его получаетъ характеръ браши оскорбленнаго самолюбія. Вообще надобно сказать что обѣ партіи,—противники Камня вѣры и его защитники, упрекавшія другъ друга то въ католичествѣ, то въ протестантствѣ, увлекались въ сильныя крайности, какъ это обыкновенно бываетъ при борьбѣ разныхъ направленій. Эта борьба, начавшаяся съ реформами Петра, продолжалась въ теченіе всей первой половины XVIII вѣка.

СОЧИНЕНІЯ И. Т. ПОСОШКОВА.

Біографическія свѣдѣнія о Посошковѣ. Иванъ Тихоновичъ Посошковъ представляетъ собою типъ русскаго человѣка въ переходную эпоху отъ старой допетровской жизни къ новому ея строю во время реформы. Изъ его сочиненій мы можемъ видѣть, какое впечатлѣніе производили новое образованіе и новая жизнь на простыхъ русскихъ людей ⁽¹⁾. Посошковъ былъ кре-

---

⁽¹⁾ Сочиненія Посошкова изданы Погодинымъ. Часть I, Москва. 1842. Часть II, Москва 1863 г.; А. Н. Поповымъ: Завѣщаніе Отеческое. Москва 1873 г. Изслѣдованія о Посошковѣ: Иванъ Посошковъ, какъ экономистъ А. Г. Брикнера. Журн. М. Н. Пр. 1875—1876 г. Ч. 183—186. Мнѣнія Посошкова о религіи и церкви А. Г. Брикнера, Русск. Вѣстн. 1878. Іюнь. Мнѣнія Посошкова о нравственности и воспитаніи. А. Г. Брикнера, Русск. Вѣстн. 1878. Августъ. Мнѣнія Посошкова о судопроизводствѣ и законодательствѣ. А. Г. Брикнера. Русск. Вѣстн. 1879. Іюнь. Извѣстіе о неизданныхъ сочиненіяхъ Ивана Посошкова Академика А. Куніба, Зап. Акад. наукъ, т. V. 1864. О двухъ неизданныхъ сочиненіяхъ Посошкова. Е. М. Прилежаева. Христ. Чтен. 1878; ч. I; стр. 33—73.—Посошковъ и его сочиненія. А. Царевского. Москва 1882.

стьянинъ какого-то Покровскаго села подлѣ Москвы, родился около 1670 г. Онъ называетъ себя „*простецомъ*“, не получившимъ никакого училищнаго образованія; но онъ былъ весьма начитанъ, особенно въ старыхъ книгахъ, нѣсколько времени былъ раскольниковомъ, какъ самъ объявляетъ о себѣ въ своихъ сочиненіяхъ. О жизни Посошкова сохранилось мало свѣдѣній. Извѣстно только, что онъ былъ человекъ если не богатый, то весьма состоятельный. Онъ занимался разными механическими дѣлами: работалъ на денежномъ дворѣ, устанавливалъ денежные станы, дѣлалъ огнестрѣльные рогатки; зналъ свойства сѣры, асфальта, нефти, вохры и проч.; но особенно онъ былъ искусенъ въ винномъ производствѣ. Въ 1719 г. онъ подавалъ просьбу князю Д. М. Голицыну о позволеніи построить винокуренный заводъ и взять водку на откупъ, 1724 г. у него былъ заводъ съ приписанными къ нему людьми и землею. Эти разнообразныя дарованія Посошкова и стремленіе его составлять разные планы и проекты, естественно, приводили его въ столкновеніе съ разными высшими и вліятельными лицами. Онъ часто обращался къ митр. Стефану Яворскому, находился въ сношеніяхъ съ кн. Б. А. Голицынымъ и кн. Д. М. Голицынымъ, Л. К. Нарышкинымъ, бояриномъ Ѳ. Головинымъ; былъ извѣстенъ Ѳеофану Прокоповичу и самому Петру В. Отличительную черту въ характерѣ Посошкова составляли необходимая любовь къ правдѣ и глубокій патріотизмъ. Его сильно возмущали разныя злоупотребленія и неправды въ русской жизни, и онъ рѣзко возставалъ противъ нихъ въ своихъ сочиненіяхъ. Какъ патріотъ, онъ горячо любилъ русскихъ людей и не любилъ иностранцевъ за то, что они вносили въ русскую жизнь свои воззрѣнія, нравы и обычаи, и безъ всякаго стѣсненія высказывалъ свое нерасположеніе къ нимъ. Эти свойства его характера, вѣроятно, и были причиною его гибели. Въ просьбѣ своей, при которой онъ представилъ Петру В. свое сочиненіе „*О скудости и богатствѣ*“, онъ говорилъ: „Въ росіійскомъ народѣ присмотрѣхъ отчасти, яко во владущихъ судіяхъ, тако и въ подвластныхъ, многое множество содѣвающихся неправды и всякихъ несправностей. Того ради возжелахъ предъ очи твоего императорскаго величества о достовѣрныхъ и слышанныхъ и о мнимыхъ дѣлахъ предложить, по мнѣнію своему, изъясленіе“. При этомъ онъ просилъ, чтобы его имя оставалось неизвѣстнымъ „ненавистливымъ и завистливымъ людямъ, особенно же ябедникамъ и обидчикамъ и любителямъ неправды, понеже, говорилъ онъ, не похлѣбуя имъ, писахъ, и еще увѣдають о моей мизерности, то не попустятъ меня на свѣтѣ ни мало времени жити, но прекратятъ животъ

мой“. Но видно, не укрылось имя Посошкова, и онъ погибъ отъ тѣхъ, кого боялся. Онъ умеръ 1-го февраля 1726 г. въ Петропавловской крѣпости, куда былъ заключенъ чрезъ годъ по окончаніи своего сочиненія „*О скудости и богатствѣ*“ и, можетъ быть, за это самое сочиненіе. Сочиненія Посошкова: 1) Книга о скудости и богатствѣ, 2) О ратномъ поведеніи донесеніе боярину Ѳ. А. Головину, 3) Отеческое завѣщательное поученіе посланному для обученія въ дальнія страны юному сыну, которое, впрочемъ, по изслѣдованію Брикнера, оказывается не подлиннымъ⁽¹⁾; оно заключаетъ въ себѣ много противорѣчій „Завѣщанію отеческому“, которое въ 1873 г. издано А. Н. Поповымъ и которое несомнѣнно принадлежитъ Посошкову; 4) Доношеніе митр. Стефану Яворскому о разныхъ непорядкахъ въ жизни, религіозныхъ и нравственныхъ; 5) Зерцало, сирѣчь изъясненіе очевидное и извѣстное на суетумудрія раскольника; и 6) Два неизданные сочиненія (Два доношенія къ Стефану Яворскому: „Проекты о школахъ“ и „О заведеніи метрическихъ книгъ при церквяхъ“)⁽²⁾. Изъ нихъ особенно замѣчательны: Завѣщаніе Отеческое, Книга о скудости и богатствѣ и Зерцало очевидное. Въ нихъ всего полнѣе выразились замѣчательные взгляды и сужденія Посошкова.

Завѣщаніе отеческое. По своему характеру, „Завѣщаніе отеческое“ однородно съ завѣщаніемъ священника Сильвестра и его Домостроемъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ быть названо также Домостроемъ XVII в. Въ немъ рисуется идеаль жизни, въ противоположность современному состоянію русской жизни, которое Посошкову положительно не нравилось. Современная жизнь представляла два крайніе пути, на которые тогда уклонялись русскіе люди и которые, по мнѣнію Посошкова, одинаково были далеки отъ истины. На одномъ пути стояли раскольники, которые совершенно отвергали всякія реформы и самого Петра В. называли антихристомъ. На другомъ пути стояли новые люди, ревностные, но часто неразумные приверженцы реформы, которые съ европейскимъ образованіемъ усвоивали и всѣ слабости и пороки иностранцевъ и, бросивъ всѣ благочестивые обычаи старины, пустились въ веселую жизнь, по нѣмецкому образцу. Эта распущенность страшно возмущала Посошкова. Но онъ хорошо

(1) О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Посошкову. Русск. Вѣсти. 1874 г. т. СХІІ.

(2) Содержаніе этихъ сочиненій Посошкова изложено въ указанной выше статьѣ Прилежаева.

также зналъ и глубоко ненавидѣлъ грубое невѣжество раскольниковъ и ихъ лицемерное благочестіе. Поэтому, онъ совѣтуетъ своему сыну одинаково удаляться отъ того и другаго пути—*„не склоняться ни на шуйю сторону, ниже на мнимое десно“*. Онъ хочетъ представить ему образецъ жизни, занимающій, по его представленію, средину между этими двумя крайностями. „И сего ради, говоритъ онъ, буди неподвиженъ, но стой яко мраморный столпъ, на не подвижномъ камени утвержденный, *не склоняйся ни на шуйю сторону, ниже на мнимое десно*, понеже отъ мнимыя десности многое множество народа древле отъ истиннаго благочестія совратилося, въ вѣчную погибель сндоша... овия во лжехристовщину, овия же во лжемоисеещину, инѣи же во олазливую (пронырливую) поповщину, а инѣи во всеконечную безпоповщину и во инныя многоразличныя вѣры названія разыдошася.. И ты, сыне мой, крѣпко сему внимай и храни себя отъ ихъ прелестей опасно, дабы тебѣ не поползнутися въ люторское и ихъ раскольникче проклятое мудрованіе. Нынѣ бо мнози изъ русскаго народа, научившеся отъ иноземцевъ, отъ правые своея древнія вѣры въ люторское зловѣріе начинаютъ склоняться и отъ Мартина Лютора установленные, слабые и роскошныя и весьма развращенныя, законы начинаютъ принимать, свои же древніе отъ самого Бога и отъ учениковъ его и отъ ихъ преемниковъ святыхъ отецъ уставленные законы... отменяють... А то забыли, колико въ древней вѣрѣ Господь Богъ, угодившихъ ему явными и дивными чудесы прославилъ, а Мартинъ Люторъ восталъ, тому уже слишкомъ двѣсти лѣтъ минуло, а не видѣть, ни слышать, кто бы въ ихъ въ нововымышленной вѣрѣ, живой или мертвый чудотворецъ явился: только такихъ чудотворцевъ видимъ много, что могутъ до полунощи, ино есть и до самаго свѣта, въ скаканіи и танцованіи безъ сна проводить, умѣютъ же и пѣти съ музыками, и карты играти, и таковая ихъ чудотворенія извѣстны въмы. Обаче всѣхъ насъ, во благочестіи сущихъ, да сохранить Господь отъ такова ихъ чудотворенія“ (1).

Общее правило поведенія, предписываемаго Посошковымъ, выражено словами Евангелія: *вся, елика хотите, да творятъ вамъ человецы, и вы творите имъ такожде* (Лук. 6, 31). „Такъ, сыне мой, говоритъ онъ, опасно живи, дабы ты не токмо чловѣкомъ, но и скотамъ милъ бы ты былъ, и всякое дѣло первѣе къ себѣ приложи, и помысли о немъ, угодно ль оно будетъ тебѣ,

---

(1) Завѣщаніе отеческое къ сыну своему, со правоученіемъ, за подтвержденіемъ божественныхъ писаній. Открыто и издано А. Поновымъ. Москва. 1873 г. стр. 1—5.

и еще тебѣ оно угодно, то и инымъ твори безъ сумнѣнія; и еще же оно тебѣ самому не угодно явится, то ты такова дѣла людямъ отнюдѣ творити не замышлай“ (¹). Во всѣхъ случаяхъ жизни онъ совѣтуетъ соблюдать смиренномудріе и удаляться отъ высокоумія: „Св. апостоль, римляномъ уча, глаголетъ, яко кѣи человекъ возмнѣтъ себя быти мудрыхъ, тѣи уже обезумишася (Рим. 1, 22)“. Потомъ слѣдуютъ совѣты о воспитаніи дѣтей, начинающіеся указаніемъ, какія имена нужно давать дѣтямъ и какія слова прежде всего нужно заставлятъ ихъ произносить. Нужно давать дѣтямъ имена тѣхъ святыхъ, во дни которыхъ они родятся, и не избѣгать, какъ это дѣлаютъ, именъ тяжелыхъ, или трудно произносимыхъ, каковы напр. Созонтъ, Дорпмедонтъ, Фалалей и т. п. Учитъ дѣтей говорить нужно начинать не словами „*тѣтя и мама*“, но словомъ „Богъ“ (²). Съ особенною силою онъ старается внушить родителямъ воспитывать дѣтей въ ученіи и не баловать ихъ: „Азъ бо много таковыхъ видѣхъ, кѣи въ потворствѣ возросли, овѣи повѣшены, овѣи же въ пьянство уклонилися и пожитковъ своихъ лишишася и смерти нечаянными изомроша, инѣи же безвѣстно погибоща“ (³). Учитъ дѣтей Посошковъ совѣтуетъ славянскоу грамматикѣ, писму и выкладкѣ цифирной, языкамъ латинскому, греческому и польскому и потомъ какому нибудь художеству. Особенно онъ настаиваетъ на рисованіи, „чтобы всякое дѣло прежде начинанія человекъ могъ его нарисовати по размѣру. И еще въ размѣрѣ будетъ силу знати, то ко всякому мастерству будетъ ему способно“ (⁴). Подобно Домострою, Посошковъ повелѣваетъ уважать и почитать отца духовнаго, совѣтоваться съ нимъ, а также съ другими опытными людьми и наконецъ съ женою. На жену Посошковъ смотритъ уже гораздо выше, чѣмъ Домострой. „А безъ совѣта, наипаче безъ женнаго, говоритъ онъ, отнюдѣ ничего не твори, понеже она (жена) отъ самого Бога дана тебѣ не ради порабощенія, или токмо послуженія, но ради самыя помощи.... И посему, еще кто будетъ жену ничтожить и претворять ее въ рабій образъ, и той будетъ Богу противно чинити. Богъ ее нарекъ помощницею, а не работницею, и не простою помощницею, но подобною“ (⁵).

Наставленія Посошкова во многомъ сходны съ Домостроемъ и часто также излишне подробны и мелочны. Предписывая напр. правила, какъ нужно христіанину держать себя въ церкви, во время литургіи, онъ подробно опредѣляетъ каждое движеніе мо-

(¹) Завѣщ. отеч. стр. 18—19.—(²) Тамъ же, стр. 49.—(³) Тамъ же, стр. 52.

(⁴) Тамъ же, стр. 55—56.—(⁵) Тамъ же, стр. 70.

лящагося, что нужно въ то или другое время дѣлать, думать и чувствовать. Таковы же наставленія относительно почитанія иконъ: „А и образовъ святыхъ не почитай всѣхъ за едино равенство, но Божіему образу отмѣнную и честь отдавай и свѣщу большую, нежели рабовъ его образамъ поставляй. И образу пресвятыя Богородицы постави свѣщу таковую же, или мало чимъ и помнѣе. А образамъ святыхъ угодниковъ Божіихъ свѣщи подавай меньше Спасителевыхъ и Богородичныхъ свѣщъ... А и въ поклопахъ имѣй разньство же: каковъ поклонъ сотвориши образу Спасителеву, или Богородичну, то такова поклону никоего святаго образу отнюдь не твори... Никогда убо въ равенство съ Богомъ святыхъ не равнай. Самъ бо Господь о семъ рекъ, яко нѣсть рабъ болій Господа своего (Іоан. 13, 16)... Есть бо въ простомъ народѣ много того, иже образу Божію поклонъ творять въ поясъ, Николая же чудотворца образу, также и иныхъ святыхъ образамъ поклоны творять до земли, и всякое почитаніе паче Божія образа отдаютъ и свѣчи большія и множае ихъ поставляютъ: и то бываетъ, еже передъ образомъ раба Божія свѣщъ полна лампада наставлена, а предъ Спасителевымъ образомъ и единныя нѣсть. И то они творятъ отъ самаго своего несмыслиа“⁽¹⁾. Особенно интересна IV-я глава Завѣщанія „О мірскомъ моленіи и молитвѣ“. Имѣя въ виду то, что многіе, увлекаясь примѣромъ нѣмцевъ, стали небрежно относиться къ богослуженію и къ богослужебнымъ обрядамъ, Посошковъ подвергаетъ рѣзкой и по мѣстамъ даже грубой и неприличной критикѣ нѣмецкое богослуженіе, указывая на то, что нѣмцы во время богослуженія сидятъ и не снимаютъ париковъ: „И въ церкви свои вшедъ въ шапкахъ и въ шляхахъ и въ парухахъ, сѣдши въ кресла, слушаютъ своя обѣдни; нарицають тую свою кирку домомъ Божіимъ, а вшедъ въ ню сидятъ, яко на торжищѣ, или яко въ корчемницѣ, а не въ Божіемъ дому.... И намъ отъ таковыхъ ихъ превеликія гордости надлежитъ бѣжати, яко отъ лютаго какова яда. Есть бо нѣщны и изъ нашего праваго христіанства, научившеся отъ нихъ, во время божественныя литургіи, въ церкви стоятъ въ парухахъ и въ явленіе пресвятаго тѣла Христова не снимаютъ ихъ съ главъ своихъ. И ты, сыне мой, такового безумія отнюдь себѣ не приеми, и не мни того, яко бы въ парукѣ во церкви стояти безгрѣшно было. То себѣ вѣжда, яко аще въ парукѣ стояти безгрѣшно, то и въ шапкѣ уже безгрѣшно: вся бо сія едино есть покрывало“⁽²⁾. Посошковъ порицаетъ нѣмцевъ за то, что они во время службы не кладутъ поклоновъ, не становятся на колѣни, не дѣлаютъ крестнаго зна-

(1) Завѣщаніе отеч. стр. 110, 116—118. — (2) Тамъ же, стр. 149—150.

менія, не хотятъ двинуть ни однимъ членомъ, ни одного часа постоять на ногахъ, а между тѣмъ „на вечеринкахъ, въ богомерзскихъ танцахъ тако себя удручаютъ, что едва съ душою собираются, и тако утрудившись спятъ даже до обѣда. И то ихъ житіе, стало быть, не христіанское, но самое языческое“ (¹)... „И ты, сыне мой, не весьма съ ними водись, дабы каковому ихъ люторскому ученію не прилѣпится; всегда бо при водѣ обмочишься, а при огнѣ обожжешься; подобно, при добромъ чловѣкѣ добру научишься, а при зломъ злу и навикнешь“ (²).

Совѣтуя соблюдать умѣренность во всемъ и бережливость, Посошковъ возстаетъ противъ роскоши и моды въ одеждѣ, вообще въ нарядахъ и особенно нападаетъ на обычай носить парики. „Намъ иноземцовъ, говоритъ онъ, деньгами не наполнить; они тому вельми рады, еже бы мы во уборствѣ великомъ и въ порукахъ ходили, только бы ихъ деньгами осыпали. Въѣстное ли то дѣло, еже накладные волосы рублевъ по пятидесяти и больше продають, а что въ нихъ есть, понося токмо да бросить. Намъ ни золотомъ, ни серебромъ, ниже накладными волосами подобаетъ себя украшати, но паче подобаетъ намъ себя украшати въ воинскомъ дѣлѣ храбростію, въ судейскомъ дѣлѣ правосудіемъ, въ купечествѣ праведнымъ и неподвижнымъ словомъ и товаромъ не лестнымъ, мастеровымъ же людямъ во тщательномъ художествѣ, въ духовномъ же дѣлѣ, паче всѣхъ воспоминаемыхъ украшеній, украшатися книжнымъ ученіемъ грамматическимъ, и риторскимъ, и философскимъ разумомъ. И аще сія вся въ насъ будутъ, то на весь свѣтъ будемъ мы славны, а и на томъ свѣтѣ не безъ похвалы будемъ“ (³).

Въ V-й главѣ Завѣщанія „*О гражданскомъ житіи*“ излагаются обязанности чловѣка въ разныхъ званіяхъ и состояніяхъ, обязанности судьи, купца, офицера, приказнаго подьячаго, солдата и крестьянина. При этомъ Посошковъ даетъ очень много полезныхъ наставленій, показывающихъ въ немъ знаніе жизни, хотя часто также впадаетъ въ крайнюю мелочность. Такъ, излагая обязанности „*нищенскаго званія*“, которое онъ признаетъ необходимымъ, и потому законнымъ, онъ входитъ въ такія подробности, что указываетъ, за какую милостыню сколько поклоновъ нужно положить нищему: „За каждую милостыню, уерущей хлѣба пріятый, предъ образомъ Божіимъ положи по три поклоны, а за полушку по *шти* (шести) поклоновъ, за деньгу по дванадесяти, а у кого больші примешь, то большіе и труды надлежитъ поло-

(¹) Завѣщ. отеч. стр. 96—97.

(²) Тамъ же, стр. 156—157.—(³) Тамъ же, стр. 57.

жити, дабы на тебѣ на опомѣ свѣтъ не взыскалось“. Излагая обязанности приказнаго подъячаго, онъ означаетъ даже, сколько строкъ нужно писать на каждомъ листѣ бумаги, что приличнѣе писать при пробѣ пера и проч. (¹).

Книга о скудости и богатствѣ. Полное заглавіе этого сочиненія такое: „О скудости и богатствѣ сіе есть изъясненіе, отъ чего приключается наирасная (внезапная) скудость и отъ чего обзобовитое (обильное) богатство умножается“. Оно принадлежитъ къ области политической экономіи и юриспруденціи. Оно обнимаетъ всѣ части государственнаго управленія, и раздѣляется на девять главъ: 1) О духовенствѣ, 2) О военныхъ дѣлахъ, 3) О правосудіи, 4) О купечествѣ, 5) О художествахъ (о ремеслахъ, о мануфактурной промышленности), 6) О разбойникахъ (объ уголовныхъ дѣлахъ), 7) О крестьянствѣ, 8) О дворянствѣ и землѣ и 9) О царскомъ интересѣ. Главная идея, которая проходитъ по всему этому сочиненію, заключается въ той мысли, что основаніе богатства и благосостоянія государства заключается во внутреннемъ богатствѣ народа—въ правдѣ и нравственности народной. „Не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежащія казны много, ниже то царственное богатство, еже спякнутъ царскаго величества въ златотканыхъ одеждахъ ходить, но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствами, а не вѣшными одеждами, или позументнымъ украшеніемъ; ибо украшеніемъ одеждъ не мы богатимся, но тѣ государства богатятся, изъ коихъ тѣ украшенія привозятъ къ намъ, а насъ въ имѣній тѣми украшеніями истончиваютъ. Паче же вещественнаго богатства надлежитъ всѣмъ намъ обще пещися о пещественномъ богатствѣ, то есть о истинной правдѣ. Правдѣ отецъ Богъ, и правда вельми богатство и славу умножаетъ и отъ смерти избавляетъ, а неправдѣ отецъ діаволъ, и неправда не токмо вновѣ не богатитъ, но и древнее богатство оттончиваетъ и въ нищету приводитъ и смерть наводитъ.... Самъ бо Господь Богъ рекъ: *ищите прежде царства Божіа и правды ея*, и прирече, глаголя, *яко вся приложатся вамъ* (Матѣ. 6, 33) т. е. богатство и слава. И по тому словеси Господню подобаетъ намъ паче всего пещися о снисканіи правды, а егда правда въ насъ утвердится, то не можно царству нашему російскому не богатиться и славою не возвыситься.... Пощеже правда никого обидѣть не пускаетъ, а любовь принудитъ другъ другу въ нуждахъ помогати.... По моему мнѣнію,

(¹) Завѣщ. отеч. стр. 214—215.

сіе дѣло не великое и весьма не трудное, еже царская сокровища наполнити богатствомъ, но то великое и многотрудное есть дѣло, еже бы народъ весь обогатить; понеже безъ пасаженія правды и безъ истребленія обидчиковъ и воровъ и разбойниковъ и всякихъ разныхъ, явныхъ и потаенныхъ, грабителей никыми мѣрами народу всесовершенно обогатиться невозможно“ (1).

Полагая благосостояніе государства въ народной нравственности, Посошковъ прежде всего обращаетъ вниманіе на русское духовенство, которое должно воспитывать народъ въ истинной вѣрѣ и благочестіи, но которое само въ то время было невоспитано и необразованно. „Пресвитеры, говоритъ онъ не токмо отъ лютерскія или отъ римскія ереси, но отъ самаго дурацкаго раскола не знаютъ чѣмъ оправити себя.... Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что и татаркѣ противъ ся заданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ, что же можетъ рещи сельской попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаеть“ (2). Поэтому, онъ еще прежде въ одномъ изъ „Доношеній“ Стефану Яворскому указывалъ на необходимость завести во вѣсѣхъ епархіяхъ училища для приготовленія достойныхъ пресвитеровъ и составить для руководства ихъ популярное изложеніе начатковъ христіанской вѣры и благочестія, „изъявленіе о томъ, какъ Бога знати и какъ Его чтить и молить“... и „книги о различіяхъ вѣръ и о различіяхъ ересей... какъ и отъ чего лютеранская, и кальвинская, и католическая, и унеитская вѣры начались, и на чемъ тѣ еретическія вѣры утверждены, что по сіе время онѣ стоятъ въ своихъ бытностихъ непоколебимо, такожде и наша благочестивая вѣра что при тѣхъ вѣрахъ правости содержитъ, и чѣмъ коя вѣра отъ насъ разнствуетъ“ (3). Въ настоящемъ сочиненіи онъ предлагаетъ 1) не принимать въ духовный санъ людей неученыхъ и 2) обезпечить духовенство въ содержаніи, чтобы оно свободно могло и само учиться и учить народъ. „О семъ я неизвѣстенъ, говоритъ онъ, какъ дѣется въ прочихъ земляхъ, чѣмъ питаются сельскіе попы, а о семъ весьма извѣстенъ, что у насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою и ни чѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ не отмѣнны; мужикъ за соху, и попъ за соху, мужикъ за косу, и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ.. И въ праздничный день, гдѣ было идти въ церковь на словословіе Божіе, а попъ съ мужиками пойдетъ овины сушить, и гдѣ было

(1) Сочиненія И. Посошкова, ч. I. Москва 1842, стр. 1—3.

(2) Тамъ же, стр. 10.

(3) О двухъ неизданныхъ сочиненіяхъ Посошкова. Христ. Чтен. 1878 г. Ч. I, стр. 38—48.

обѣдно служить, а попѣ съ причетными хлѣбъ молотить, и въ таковыхъ сѣтахъ живуще, не токмо стало Христово пасти, но и себя не упасти“ (1). Эти разсужденія составляютъ содержаніе первой главы книги. Начиная со 2-й главы Посошковъ излагаетъ свои мнѣнія объ улучшеніи, или, какъ онъ выражается, „о не-исправъ и поправъ“ военныхъ дѣлъ, правосудія, купечества, крестьянства.... Эти мнѣнія, проекты и планы показываютъ въ Посошковѣ замѣчательный умъ, большую опытность и знаніе жизни; нѣкоторыми проектами онъ даже далеко опередилъ свое время. Такъ, во 2-й главѣ о военныхъ дѣлахъ онъ требуетъ, чтобы для всѣхъ сословій былъ устроенъ *одинаковый судъ близкій, прямой и правый*, чтобы „всякому и низкочинному человѣку легко было его достигать“. Въ 3-й главѣ, указавъ на страшныя злоупотребленія въ судахъ, Посошковъ требуетъ новаго судоустройства и новаго судебного устава или уложенія. „Въ нѣмецкихъ земляхъ, говоритъ онъ, вельми людей берегутъ, а наипаче купецкихъ людей: и того ради у нихъ купеческіе люди и богаты зѣло. А наши судьи ни мало людей не берегутъ и тѣмъ небреженіемъ все царство въ скудость приводятъ: ибо въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство богато, въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то и царству тому не можно слыть богатому.... Намъ сіе вельми зазорно: не точію у иноземцевъ, свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинятъ правленъ; а у насъ вѣра свята и благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа нигуда негодная. какіе указы его императорскаго величества ни состоятся, всѣ они ни во что образуются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ“.... „И донеле же прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится и всесовершенно не укоренится оно, то никакими мѣрами отъ обидъ богатымъ намъ быть, яко и въ прочихъ земляхъ, невозможно. также и славы намъ добрыя не нажить, понеже всѣ пакости и непостоянство въ насъ чинятся отъ неправаго суда и отъ нездраваго разсужденія и отъ неразсмотрительнаго поведенія и разбоевъ“.... „Видимъ мы вси, какъ великій нашъ монархъ трудить себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору еще и самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ, то какъ его дѣло споро будетъ. И еще кого онъ и жестоко накажетъ, ажно на то мѣсто сто готово. И того ради, не измѣняя древнихъ порядковъ, сколько ни бывшисъ, покинуть будетъ.... Не токмо суда весьма застарѣлаго, не разсыпавъ его и подробну не разсмотря, не исправитъ, но и хоромины ветхія, не разсыпавъ

(1) Сочиненія Посошкова. Ч. I; стр. 28.

всёя и не рассмотри всякаго брѣвна, всёя гнилости изъ нея не очистити. А судебное дѣло не токмо одному человѣку, но и множество умныхъ головъ надобно созвать, дабы всякая древняя гнилость и малѣйшая кривость исправить, такая бо есть судебная статья" (1). Писемниковъ предлагаетъ составить Уложение, въ которомъ должно собрать всё, прежнія и новыя, гражданскія и военныя, печатныя и письменныя, постановленія, сдѣлавъ выписки изъ приговоровъ и дѣлъ, хранившихся въ приказахъ, и при этомъ, къ русскимъ постановленіямъ приложить изъ иноземныхъ, нѣмецкихъ и даже турецкихъ судебниковъ, тѣ статьи, „коя сличны намъ и пригодны къ нашему правленію“ (2). Къ участию въ составленіи такого Уложенія должно призвать всё сословія, выборныхъ „отъ духовенства, и отъ приказныхъ людей, и отъ купечества, изъ людей боярскихъ и изъ крестьянства... И видѣвъ, замѣчаетъ онъ, что и въ Мордвѣ разумные люди есть: то како во крестьянѣхъ не быть людямъ разумнымъ?“. Потомъ „новосоставленные пункты должно освѣдѣтельствовать всёму народомъ, самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ“. „И знаю, говоритъ онъ, что на это вознещуютъ, якобы азъ самодержавную власть народосовѣтиемъ снижаю: азъ не снижаю самодержавія... но ради самая истинныя правды... безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоимъ дѣломъ невозможно, понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разума не далъ“ (3). Въ 5-й главѣ „о художествѣ“ онъ обращаетъ особенное вниманіе на иконописное мастерство и требуетъ, чтобы иконописаніе было подчинено правильному образу и опредѣленнымъ правиламъ (4). Въ 7-й главѣ „О крестьянствѣ“ онъ совѣтуетъ сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ крестьянъ обученіе дѣтей грамотѣ. „Не малая пакость, говоритъ онъ, чявится крестьянамъ и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ... Какой къ нимъ ни прѣдетъ съ указомъ или безъ указа, да скажетъ, что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки, потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, не разумѣютъ“.... „Не худо было бы, говоритъ онъ, такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безъ грамотнаго человѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ и положить имъ срокъ года на три или на четыре... А буде въ четыре года дѣтей своихъ не научатъ, такжеже кон робота и впредь подростутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и страхованіе“ (5).

(1) Тамъ же, стр. 71, 87, 95, 96. — (2) Тамъ же, стр. 75. (3) Тамъ же, стр. 76—77. (4) Тамъ же, стр. 146—147. — (5) Тамъ же, стр. 176.

Изображая жизнь крестьянъ, находившихся во власти помещиковъ, Посошковъ говоритъ: „помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена не удобъ носимая: есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ синаго дня, еже бы что на себя сработать и тѣмъ крестьянство въ нищету пригоняютъ. Который крестьянинъ станетъ помысливъ, на него и подати прибавятъ. Многіе говорятъ: крестьянину-де не давай обросте, по стриги яко овцу, догола. И тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ осираютъ, что у иного и козы не оставятъ“. Но такое сѣбѣствіе-пное положеніе помещичьихъ крестьянъ привело Посошкова совсѣмъ не къ той мысли, какъ сѣбѣовато бы ожидать, что крѣпостное право немедленно должно быть уничтожено, а къ мысли, совершенно противоположной, что положеніе крѣпостныхъ крестьянъ плохо отъ того, что они не составляютъ полной собственности помещиковъ: „крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, того ради они ихъ не берегутъ: прямой ихъ владѣлецъ самодержецъ, а они владѣютъ временно“. Однакожъ, чтобы хоть сколько-нибудь защитить крестьянъ отъ произвола помещиковъ, Посошковъ совѣтуетъ „указнымъ распоряженіемъ предотвратить насилие, чтобы крестьянамъ съсно было государеву подати и помѣщику заплатить и себя прокормить“⁽¹⁾.—Излагая разные способы къ улучшенію народнаго богатства и благосостоянія, Посошковъ требуетъ вѣрнаго и точнаго распредѣленія повинностей и оброковъ; предлагаетъ подушную подать замѣнить поземельнымъ сборомъ со всѣхъ землевладѣльцевъ; черезполосныя владѣнія совѣтуетъ уничтожить новымъ генеральнымъ межеваніемъ. Но чаще всего онъ указываетъ на бережливость, какъ на самое лучшее и необходимое средство. „Пчела, говорятъ они, муха весьма не велика и собираетъ она медъ не корчами, но самыми малыми кружками, обаче множество ихъ собираютъ многія тысячи пчелъ. Тако и собираиіе богатства царствѣннаго: аще вси люди будутъ жить бережно, и ничего напрасно тратить не будутъ, но всякія вещи будутъ отъ погубели хранить, то тоо царство можетъ весьма обогатиться“⁽²⁾.—Изъ сочиненія Посошкова, какъ показываетъ его содержаніе, много такихъ глубокихъ мыслей, которыми онъ рѣшительно опредѣлялъ свое время: предлагаемая въ немъ мѣры, планы и проекты весьма замѣчательны; но въ тоже время, рядомъ съ тремя замѣчательными проектами высказываются иногда и такія странная требованія, которыя показываютъ, что умный по натурѣ Посошковъ былъ самоучка.

(1) Тамъ же, стр. 182—183. (2) Тамъ же, стр. 85.

не получившій настоящаго правильнаго образованія, которое научило бы его отличать во всемъ правду отъ неправды.

Зерцало суемудрія раскольника написано Посошковымъ въ 1709 г. Въ церковномъ отношеніи это сочиненіе, по замѣчанію Погодина, имѣло для своего времени такое же значеніе, какъ въ правительственно-гражданскомъ книга о скудости и богатствѣ. Въ Зерцалѣ Посошковъ ратуетъ противъ главной болѣзни въ русскомъ народѣ — противъ раскола. Изложивъ причины его происхожденія и развитія, онъ указываетъ на средства для борьбы съ нимъ. Такъ какъ главная причина происхожденія и распространенія раскола заключалась въ народномъ невѣжествѣ, въ отсутствіи надлежащаго религіозно-нравственнаго воспитанія въ народѣ, то и главнымъ и самымъ лучшимъ средствомъ противъ него онъ считаетъ распространеніе въ народѣ просвѣщенія ⁽¹⁾. Мы видѣли, что въ книгѣ о скудости и богатствѣ Посошковъ, какъ горячій патріотъ, глубоко сочувствовалъ всѣмъ реформамъ Петра въ области гражданской: но въ церковной области, въ дѣлахъ духовныхъ, онъ во многихъ отношеніяхъ стоялъ еще на старой почвѣ Стоглава и Домостроя. Въ этихъ дѣлахъ онъ не допускалъ никакихъ реформъ, и полагалъ, что для исправленія религіозно-нравственной жизни народа, достаточно распространенія истиннаго просвѣщенія. И въ Зерцалѣ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, онъ порицаетъ тѣхъ, которые оставили прежніе благочестивые обычаи, и жестоко нападаетъ на нѣмцевъ, которые, по его мнѣнію, своими умышленіями, своими вольными правами и распушенною жизнію развращали русскихъ людей. Выходки его противъ нѣмцевъ чрезвычайно рѣзки и грубы и часто выходятъ изъ границъ приличія. Если Камень вѣры, въ которомъ ученымъ образомъ разбиралось протестантское ученіе, на основаніи свящ. Писанія, соборовъ, отцевъ и учителей церкви, навлекъ на Стефана Яворскаго опалу и множество непріятностей, то какое же сильное раздраженіе противъ Посошкова должны были произвести его сочиненія? Очень вѣроятно, что, благодаря имъ, онъ и подвергся разнымъ преслѣдованіямъ и умеръ въ темницѣ.

---

(1) Въ одномъ спискѣ «Зеркала», принадлежащемъ Казанской Дух. Академіи, послѣ обличенія раскольниковскаго ученія, помѣщена еще обширная статья, или особое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «О нѣпоборбахъ», въ которомъ опровергается протестантское ученіе о постахъ, о поклоненіи св. Кресту, о почитаніи св. иконъ и проч. Сочиненіе это до сихъ поръ еще не издано, но содержаніе его изложено въ сочиненіи Царевскаго: Посошковъ и его сочиненія. Стр. 101—106; 143—190.

МЕМОУАРЫ, ИЛИ ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ О ПЕТРѢ В. И ЕГО ЦАРСТВОВАНІИ.

Весьма важное значеніе въ исторіи имѣютъ историческія записки объ эпохѣ Петра В. Въ нихъ выразились сужденія о личности Петра и его реформахъ, а равно и то, какъ реформы и новое образованіе измѣняли постепенно взгляды, нравы и обычаи и самый языкъ русскихъ людей. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ Записки Матвѣева и Желябужскаго, составлены въ царствованіе самого Петра, его современниками, другія написаны уже послѣ Петра, при его преемникахъ, но такими лицами, которые получили образованіе и начали свою службу при Петрѣ, а окончили ее уже при Аннѣ Іоанновнѣ или Елисаветѣ Петровнѣ и даже дожили до Екатерины II, каковы записки Крешнина и Неплюева.

Записки о стрѣльцкомъ бунтѣ Матвѣева (1). Графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ (род. 1766, ум. 1728 г.) былъ сынъ знаменитаго близняго боярина Алексѣя Михайловича, Артамона Сергѣевича, Матвѣева. Съ 1699 г. онъ былъ въ продолженіе 16 лѣтъ посланникомъ при разныхъ европейскихъ дворахъ и считался однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей. Кромѣ описанія своего путешествія въ Парижъ въ 1705 г., онъ написалъ Записки о Стрѣльцкомъ бунтѣ въ 1682 г. Во время этого событія, Матвѣеву было 16 лѣтъ: отецъ его былъ убитъ стрѣльцами во время бунта. Хотя записки написаны спустя уже много времени послѣ этого событія, но несомнѣнно подъ вліяніемъ личныхъ тяжелыхъ впечатлѣній Матвѣева, возбужденныхъ смертію его отца, и потому не могутъ быть названы вполне безпристрастными. Матвѣевъ, повидному, старался скрыть свои личные чувства и хотѣлъ быть спокойнымъ и правдивымъ лѣтописцемъ: но такое натянутое положеніе, заставлявшее его быть сдержаннымъ, повело только къ тому, что Записки его вышли сухи и холодны. Несмотря, впрочемъ, на это, онѣ весьма интересны, какъ произведеніе одного изъ первыхъ русскихъ людей, стремившихся усвоить новое европейское образованіе. Матвѣевъ сочувствуетъ всѣмъ реформамъ Петра, хотя въ тоже время и не можетъ совсѣмъ отрѣшиться отъ прежнихъ воззрѣній русскихъ допетровской эпохи. Отсюда въ немъ является смѣшеніе старыхъ понятій съ новыми

---

(1) Записки Матвѣева изданы Туманскимъ въ «Собраніи разныхъ записокъ и сочиненій о Петрѣ В.» (СПб. 1787, подъ заглавіемъ: «Описаніе бунта, бывшаго въ 1682 г. и Сахаровымъ въ «Запискахъ русскихъ людей». СПб. 1841. Разбѣргъ ихъ въ изслѣдованіи Некарскаго: Русскіе мемуары XVIII в. Собр. 1855, томъ LI.

стремленіями. Въ языкѣ Записокъ Матвѣева также рѣзко бросается въ глаза смѣсь русскихъ словъ съ иностранными, написанными по русски. „Видно, замѣчаетъ по этому случаю Пекарскій, что сочинитель питаетъ къ этимъ словамъ глубокое уваженіе: они попадаютъ тамъ, гдѣ авторъ хочетъ выразить мысль сильнѣе и обратиться на нее вниманіе читателя. Иногда, рядомъ съ иностраннымъ словомъ, авторъ ставитъ, какъ объясненіе, однозначнащее русское слово: онъ пишетъ, напр. „алиація“ и рядомъ съ нимъ: „то есть союзъ“. Матвѣевъ дѣлаетъ это потому, что слово „алиація“ иностранное, которое знали сочинитель и не знали тысячи читателей... Употребленіе иностранныхъ словъ имѣло тогда особенный, отличный отъ нынѣшняго, характеръ: мы употребляемъ иностранныя слова потому, что не можемъ прійскать на русскомъ однозначнащихъ имъ, но во времена Матвѣева слова въ родѣ „коммуникація“, „алиація“ писались и говорились не потому, чтобы они лучше выражали ту или другую мысль, а въ слѣдствіе уваженія ко всему иностранному, которому старались подражать какъ идеальному образцу“ (¹).

Записки Желябужскаго (²). Иванъ Афанасьевичъ Желябужскій (род. 1638 г.) былъ стольникомъ, а потомъ окольнымъ и воеводой черниговскимъ. Два раза (въ 1662 и 1667 г.) онъ ѣздилъ за границу, въ первый разъ при посольствѣ въ Венецію и Англію, а въ другой разъ—посланникомъ въ Вѣну. Составленные имъ записки начинаются съ 1682 г., съ описанія Стрѣлецкаго бунта и оканчиваются извѣстіемъ о Полтавской битвѣ въ 1709 г. Матвѣевъ, какъ замѣчено выше, описывая стрѣлецкій бунтъ, хотя старался быть безпристрастнымъ, но не могъ освободиться отъ личныхъ впечатлѣній, полученныхъ при смерти своего отца; Желябужскій, изображая тѣ же событія, излагаетъ ихъ вполне спокойно и безстрастно, не увлекаясь никакими личными взглядами и чувствами. Также изложены въ Запискахъ и всѣ послѣдующія разнородныя событія: они рассказываются одно за другимъ такъ, какъ случилось на самомъ дѣлѣ. Языкъ Записокъ также самый простой; у Желябужскаго нѣтъ такихъ искусственныхъ, новыхъ словъ и выраженій, какъ у Матвѣева; его русская рѣчь отличается простотою, мѣткостью и выразительностію.

(¹) Мемуары XVIII в. Собр. 1855 г.; т. II, стр. 47.

(²) Записки Желябужскаго изданы Туманскимъ, подъ заглавіемъ: «Выписка изъ дневныхъ записокъ Желябужскаго съ 1682 по 1710 г.»; И. Языковымъ: «Записки Желябужскаго съ 1682 по 2 июля 1709 г.» (СПб. 1840) и Сахаровымъ въ «Запискахъ русскихъ людей». Разборъ ихъ въ изслѣдованіи Пекарскаго: Мемуары XVIII в. Собр. 1855; т. II.

Записки Крекшина ( ). Петръ Никифоровичъ Крекшинъ (род. 1684, ум. 1763 г. былъ военнымъ комиссаромъ въ Кронштайтѣ. Онъ извѣстенъ, какъ ревностный собиратель матеріаловъ по русской исторіи и написалъ много историческихъ сочиненій, изъ коихъ болѣе извѣстны: „Повѣсть о зачатіи и рожденіи Петра В.“: „Исторія Россіи и славныхъ дѣлъ императора Петра В. отъ рожденія его по день погребенія“: „Очертъкъ изъ великоставныхъ дѣлъ царей и великихъ князей и самодержцевъ всероссійскихъ, царствовавшихъ по Рождествѣ Иисусъ-Христовѣ съ 862 по 1756 г.“ „Краткое Описаніе о началѣ народа словенскаго“ (?). Последнія два сочиненія извѣстны, между прочимъ, по тому баснословному взгляду на начало и происхожденіе русскаго народа, который въ нихъ проводится и потомъ повторяется другими русскими писателями. Крекшинъ начинаетъ исторію русскаго народа не позже 350 года послѣ потопа. По его мнѣнію, Мосохъ, сынъ Іафета, у столба Вавилонскаго пріялъ именованіе и языкъ славенскій и основалъ потохъ Мосохію, которая есть не что иное, какъ Москва. Сынъ его, Россъ, по имени своему называлъ народъ россійскимъ. Такими понятіями Крекшина о началѣ русской исторіи объясняется то, что онъ явился однимъ изъ самыхъ горячихъ преслѣдователей Миллера, когда тотъ въ извѣстной рѣчи „о происхожденіи народа и имени Руссовъ“ сталъ производить первыхъ русскихъ князей и начало государственнаго устройства въ Россіи отъ Норманновъ. Въ 1742 г. Крекшинъ представилъ импер. Елисаветѣ 1-й томъ Записокъ объ исторіи Петра В., надъ составленіемъ которыхъ онъ трудился 20 лѣтъ; въ этомъ томѣ содержится описаніе событій отъ рожденія Петра (1672) по 1706 г. Крекшинъ былъ проникнутъ чувствомъ благоговѣнія къ Петру В. „Азъ, говорятъ онъ въ посвященіи своихъ Записокъ импер. Елисаветѣ, рабъ того благочестиваго императора... не достоинъ отрѣшати и ремень сапога его, и не имамъ такого разума, но собрахъ, яко малѣйшія крупны, отъ великаго трапезы, или яко почерпнухъ единъ водоносецъ отъ великаго моря, или отъ всемірнаго дождя капли, падшія на главу мою, тако и отъ дѣлъ сего благочестиваго государя, Петра В., елико могъ собрать, и что видѣхъ и вспомнухъ, то и написахъ“.... Въ предисловіи къ Запискамъ, указавъ на великія дѣла Петра, онъ прибавляетъ: „И аще мы толькое его, въ Россіи явленное, бла-

(1) Записки Крекшина напечатаны также Туманскимъ и Сахаровымъ. Разборъ ихъ у Некарекаго: Мемуары XVIII в.

(2) О другихъ сочиненіяхъ Крекшина смотр. у Некарекаго: Мемуары XVIII в.; Собр. 1855 г. II, стр. 30 — 34.

годѣніе умолчимъ, то каменіе вѣщати принудимъ къ обличенію каменносердечія нашего, что такое время благодѣтеля своего не возблаговѣствовали и дадимъ намъ отъ него таланты на остраконъ свѣта къ прославленію преславныхъ дѣлъ не принесли, и коснемъ яко черепоконны въ хожденіи къ прославленію дѣлъ отца нашего, Петра Великаго... Съ воздыханіемъ сердце возглаголемъ: отче нашъ, Петръ Великій! ты насъ отъ побытія въ бытіе привелъ; мы до тебя быхомъ въ невѣдѣніи и отъ всѣхъ порицаемъ невѣждами, ничто же имущи, ничто же знающе, ничто же вѣдущи, кромѣ истинны вѣры. Ты насъ просвѣти и прослави славою, сотвори исцеленіями въ полезныхъ знаніяхъ, регулѣ, мужествѣ, храбрости, премудрости. До тебя вси нарицаху насъ послѣдними, а нынѣ нарицають первыми. Капли пота трудовъ твоихъ было намъ мило благовопное, благоухавъ славу Россіи въ коняхъ всего міра, уврачева болѣзни всея Россіи. Не въ насъ ли все дѣланіе его быша? Не глазами ли нашими зрѣхомъ донынѣ блаженныя труды его? Не его ли трудами всея Россіи обновлена и престоль царскій короною императорскою украси? На что ни взглянемъ, куда ни обратимъ, всюю труды и блаженныя дѣла отца нашего, Петра Великаго¹⁾.

Записки Неплюева (²⁾. Иванъ Ивановичъ Неплюевъ (род. 1693, ум. 1773 г.) былъ изъ числа тѣхъ 30 гардемариновъ, которые въ 1716 г. были отпращены Петромъ II учиться морскому дѣлу въ Венецію и Францію. По возвращеніи въ Россію въ 1720 г. онъ вмѣстѣ съ другими товарищами долженъ былъ выдержать, въ присутствіи самого Петра, строгій экзамень. „Не знаю, замѣчаютъ онъ по этому случаю, какъ мои товарищи оное (т. е. извѣстіе объ экзаменѣ) принявъ, а я всю ночь не спалъ, готовился какъ на страшный судъ“. По выдержаніи экзамена, онъ былъ сдѣланъ сначала смотрителемъ надъ постройкою судовъ, потомъ былъ назначенъ резидентомъ въ Константинополь и въ этой должности находился до 1735 г. Въ 1739 г. онъ былъ Кіевскимъ губернаторомъ. При возшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, онъ подвергся оналѣ за близкія отношенія къ Остерману, но въ 1742 году былъ помилованъ и назначенъ начальникомъ надъ оренбургской экспедиціей. Съ 1760 г. былъ сенаторомъ и конференцъ-министромъ. Послѣдніе годы жизни, съ 1764—1773 г., онъ провель въ деревнѣ. Здѣсь онъ и составилъ свои Записки, въ кото-

¹⁾ Записки русскихъ людей, стр. 3—4. ²⁾ Записки Неплюева напечатаны въ «Дѣяніяхъ» Голицына изд. 2. т. XV, и въ Отеч. Зап. Сивильна въ 1823—1826 г.— Жизнь И. И. Неплюева (имъ самимъ описанная) напечатана подъ редакціей Л. Н. Майкова въ Рус. Архивѣ, 1871 г.

рыхъ описалъ всю свою продолжительную жизнь и службу. Изображая свою жизнь, онъ постоянно проводитъ параллель между эпохой Петра В. и послѣдующимъ временемъ и ставитъ первую неизмѣримо выше послѣдняго. Когда, увольняя его отъ службъ, импер. Екатерина просила его назначить на мѣсто себя человека съ такими же достоинствами, онъ сказалъ ей: „Итъ, государыня, мы Петра В. ученики: провели ямъ свовѣ огонь и воду: инако воспитывались, инако мысляли, инако вели себя: а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя и инако мыслятъ: я не могу ни за кого, ниже за сына моего, ручаться“. Подобно Крещину, Неплюевъ питалъ къ Петру В. чувство благоговѣйнаго почтенія, которое выражается повсюду въ его Запискахъ. Рассказывая о кончинѣ Петра, онъ говоритъ: „Сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими: научалъ уважать, что и мы люди: однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ ямбеть, и чтобы впрелъ ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“. Голіковъ, приводя въ своей книгѣ рассказы Неплюева о Петрѣ, замѣчаетъ, что онъ и въ старости не могъ говорить безъ слезъ объ этомъ государѣ.

Къ историческимъ сочиненіямъ петровской эпохи относится два сочиненія: „Разсужденіе о причинахъ войны съ Карломъ XII“ вице-канцлера Шафирова (1717 г.), и „Ядро россійской исторіи“ А. Манкѣва (1715 г.). Разсужденіе Шафирова было написано по повелѣнію одного шведскаго сочиненія, въ которомъ война съ Карломъ XII была представлена въ несправедливомъ видѣ. Все „Разсужденіе“ состоитъ изъ 3-хъ частей. Въ 1-й части указываются истинныя причины, по которымъ Россія начала войну съ Швеціей: во 2-й части объясняется ея продолжительность дѣйствіями Карла XII: въ 3-й части доказывается, что война была ведена съ умѣренностію, по обычаю просвѣщенныхъ народовъ. Сочиненіе написано по приказанію Петра, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, а нѣкоторыя въ немъ мѣста и заключенія написаны самимъ Петромъ. „Ядро россійской исторіи“ сначала приписывалось князю А. Я. Хилкову, который въ 1700 г. былъ посланъ резидентомъ въ Швецію и со времени начатія шведской войны содержался въ плѣну и умеръ тамъ въ 1718 г.: съ именемъ Хилкова оно и было издано Миллеромъ въ 1770 г. Но въ послѣдствіи открылось, что авторомъ этого сочиненія былъ А. Н. Манкѣевъ (Манкѣвичъ), состоявшій при князѣ Хилковѣ въ должности секретаря или переводчика, и прожившій въ плѣну 18 лѣтъ. „Ядро россійской исторіи“ состоитъ изъ 7 книгъ. Въ немъ кратко, но обстоятельно изложены событія русской исторіи до вѣнчанія Іоанна Алексѣевича. Оно лучше прежнихъ изложеній русской исто-

ріи, „Краткаго повѣствованія“ дьяка Грибоѣдова и „Синописа“ Гизеля, и долго служило учебникомъ въ школахъ.

ПУТЕШЕСТВІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ ПО ЕВРОПѢ ПРИ ПЕТРѢ В

Петръ В. отправлялъ русскихъ людей въ Европу съ разными частными практическими цѣлями: но, живя въ Европѣ иногда подолгу, они пріобрѣтали свѣдѣнія не по одному своему спеціальному дѣлу, но знакомились со всею разнообразными явленіями европейской жизни. Поэтому ихъ описанія своихъ путешествій и своего пребыванія въ той или другой странѣ для насъ весьма интересны. Изъ нихъ мы можемъ видѣть, что и какъ поражало русскихъ въ европейской жизни, что особенно нравилось, или не нравилось, можемъ видѣть ихъ часто наивные взгляды и сужденія о европейской цивилизаціи. До насъ сохранились: 1) Журналъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—1699 г., веденный лицомъ, состоявшимъ при великомъ посольствѣ рускомъ къ владѣтелямъ разныхъ странъ Европы; 2) Путешествіе стольника Н. А. Толстаго, 3) Путешествія Б. Н. Шереметева; 4) Графа А. А. Матвѣева и 5) неизвѣстнаго по имени путешественника.

Журналъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—1699 г Журналъ этотъ особенно интересенъ потому, что авторъ его находился въ свитѣ русскаго посольства къ разнымъ дворамъ и въ Голландіи былъ въ то время, когда здѣсь былъ и самъ Петръ В. ⁽¹⁾. Его поражали множество каретъ при встрѣчѣ посольства, устройство городовъ, убранство домовъ, роскошь и разнообразіе костюмовъ въ разныхъ мѣстностяхъ: но въ то же время онъ обращалъ серьезное вниманіе и на разные предметы просвѣщенія и цивилизаціи. Въ Амстердамѣ онъ видѣлъ „въ домѣ собранія золотыя и серебряныя и всякія руды: и какъ роятся алмазы, изумруды и кораллы и каменья всякіе..... Видѣлъ у доктора анатомію: кости, жилы, мозгъ человѣчскій, тѣлеса младенчeskія и какъ зачнется во чревѣ и родится... Трубу зрительную видѣлъ, чрезъ которую смотрять на мѣсяцъ и на звѣзды. Былъ у человѣка, у котораго собраны разные деньги древнихъ кесарей,

---

⁽¹⁾ Въ XVIII в. Журналъ этого путешествія приписывали самому Петру В. и потому онъ былъ напечатанъ подъ именемъ *„Матвѣева или Визитера Гербера“*; но Петръ, подъ именемъ *„освѣтителя“*, упоминается въ немъ какъ лице постороннее. Думаютъ, что онъ могъ быть составленъ княземъ Борисомъ Ивановичемъ Куракинѣмъ. Онъ снова напечатанъ въ Русской Старинѣ 1879 г.: май.

и тѣ сребренными тутъ же, на которыхъ Христосъ отъ Іузы проданъ... Въ Испирукѣ былъ у Іезуитовъ въ монастырѣ: монастырь огромный, бібліотека пять сажень вѣсь, всѣ столы (стѣны) сплошь наполнены книгами: шкапы безъ дверей, ярлыки висятъ (надъ всякимъ шкапомъ) написаны, по середкѣ столъ, три глобуса, инструменты лежатъ (все) красиво (вѣло убрано)“... Въ Венеціи авторъ видѣлъ обрядъ такъ называемаго обрученія дожа съ моремъ: „Князь Венеційскій ѣдиль на море, судно великое, рѣзное, вызолочено все, покрыто бархатомъ краснымъ, вышиты гербы венеційскіе золотомъ, князь сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, чиновники по обѣ стороны. Патріархъ въ особомъ суднѣ пріѣхалъ къ его судну, святилъ воду и ту воду влилъ въ море, и музыка пѣла предивная. Потомъ князь перстень алмазной взялъ, бросилъ въ море, сошелъ изъ судна, пошелъ въ церковь, чиновъ (пошли) послы и прочіе по два... Въ Венеціи церковь соборная евангелиста Марка: надъ дверями рѣзьба изъ мрамора бѣлаго, надъ рѣзьбою четыре лошади мѣдныя, безъ уздъ, вызолочены, а поставлены на знакъ венеційской вѣдности“.... Въ Римѣ былъ въ церкви св. апостоловъ и видѣлъ папу: „Папу посла пять человекъ, въ бархатныхъ кафтанахъ, послали какъ возокъ зимній, съ бархатомъ: два верховыхъ предъ нимъ несли кресты: кругомъ солдаты въ бархатныхъ кафтанахъ съ алебардами. Каретъ было за нимъ пятьдесятъ“.... Былъ въ Ватиканѣ въ папскихъ покояхъ, обиты камками красными и бархатами... Былъ на вадлѣ у князя Боргезія (Borghese), и во Фраскати (Frascati) у князя Памфілія (Pamfilì). Здѣсь его поразили фонтаны: „Атласъ на главѣ держитъ глобусъ, изъ подъ него вода течетъ, а изъ глобуса вышла великая звѣзда, и вода бѣетъ выше звѣзды. И дѣйствица каменная, но нимъ вода течетъ великая. Выше дѣйствицы два столба величійной сажени 1¹/₂, и бѣетъ изъ нихъ вода: на низу по сторонѣ Атласъ и мужикъ великій лежитъ, каменный, въ горѣ, и въ рукахъ держитъ восемь флейтъ. Какъ пустятъ воду, и онъ играетъ на флейтахъ отъѣнно хорошо. А другой фонтанъ: мужикъ на лошади въ рогъ трубятъ очень громко, водою же. Еще на горѣ девять дѣвокъ лежатъ, у каждой флейта въ рукахъ, и органы великіе: какъ пустятъ воду, дѣвки и органы заиграютъ очень пріятно, никогда не вышетъ бы... Въ той церкви былъ, которая прежде была всѣхъ болвановъ (Panthéon), а нынѣ всѣхъ святыхъ, вѣло велика, круглая. Тѣ монастырѣ былъ, гдѣ лежатъ мощи Алексія, Божія человека, и крыльцо то, подъ которымъ жилъ, видѣлъ все“.—Такимъ образомъ авторъ путешествія интересовался самими разнообразными предметами. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ уже гораздо выше тѣхъ путешественниковъ древняго періода, которые интересовались преимущественно, если не исключительно, религіозными предметами. Впрочемъ, и эти

предметы всегда обращали на себя внимание автора, по онъ сообщаетъ въ своемъ журналѣ о тѣхъ священныхъ вещахъ, которыя показывали ему въ разныхъ католическихъ церквахъ и монастыряхъ. „Въ Римѣ, говоритъ онъ, быть въ церкви Пресв. Богородицы и видѣть колыбель Спасителя нашего, деревянная, пробой желѣзные: образъ Пресв. Богородицы, что евангелистъ Лука писалъ: ризу Спасителюву, которая была во время распятія, красная; рубашку ту, которую сама Пресв. Богородица ткала, а не шила для Спасителя нашего“ и проч.

Путешествіе стольника П. А. Толстаго. Толстой былъ въ числѣ тѣхъ людей, которые въ первый разъ были отправлены Петромъ для обученія за границу. Его путешествіе содержитъ въ себѣ описаніе поѣздки и пребыванія въ Италіи, на островѣ Мальтѣ и въ Венеціи въ 1697—99 гг. ⁽¹⁾ Во время пути Толстой записывалъ все, что обращало на себя его вниманіе. Особенно интересны его записки становятся со времени пребыванія его въ Варшавѣ. Въ Варшавѣ въ это время происходило избраніе новаго короля. Внутренній смыслъ этого событія для Толстаго остался непонятенъ: но онъ замѣтилъ его внѣшній процессъ. „Есть (въ Варшавѣ) одна полата великая, которую поляки называютъ изба сенаторская; въ той полатѣ бывають у поляковъ сеймъ; у которой полаты она великія и окончины были стекольчатыя всѣ повыводаны и окна разбиты отъ нестройнаго совѣту и отъ несогласія во всякихъ дѣлахъ пьяныхъ поляковъ, а покоевые королевскіе полаты отъ той полаты далеко ... Для алекціи (элекція, избранія новаго короля) черезъ Вислу сдѣлавъ былъ мостъ на судахъ, и по тому мосту стоялъ караулъ для того, что во время алекціи (элекціи) между поляковъ бывають многія ссоры, также и у Литвы между собою и поляковъ съ Литвою бывають многія драки и смертное убійство, а большіе на мосту дерутся за ссоры и за пьянство, и всегда у нихъ между собою мало бывають согласія, въ чемъ они много государства своего растеряли“.... Въ польской жизни Толстой замѣтилъ еще: „По городу и въ маестности ѣздятъ сенаторы и жены ихъ и дочери и дѣвцы въ каретахъ и въ зазоръ себѣ того не

⁽¹⁾ Петръ Андреевичъ Толстой. Біографическій очеркъ П. А. Попова. Древн. и Новая Россія 1875 г. т. I.—Путешествіе Толстаго сохранилось въ рукописи Казан. Унив., опис. Артемьевыхъ въ Журн. М. Н. Пр. 1854 г. № 7; содержаніе же его и выписки изъ него помѣщены въ статьѣ Н. А. Попова: «Путешествіе въ Италію и на островъ Мальту стольника П. А. Толстаго въ Атенѣ 1859 №№ 7 и 8.

ставить.... въ лавкахъ за всѣми товарами спятъ мѣщане, богатые люди сами и жены и ихъ дочери дѣвцы въ богатыхъ уборахъ и въ зазоръ себѣ того не ставятъ“. Въ Ченстоховѣ онъ замѣтилъ аптеку и академію: „въ томъ кланторѣ аптека изрядная великая, въ которой я видѣлъ много всякихъ лѣкарствъ и уборовъ всюду въ той аптекѣ изрядной. Въ томъ кланторѣ есть академія: учатся высокимъ наукамъ даже и до философіи; а гдѣ у нихъ бывають диспуты, и для того особая сдѣлана палата великая, длинная“... Въ Ольмюцѣ въ іезуитскомъ монастырѣ онъ также нашелъ академію изрядныхъ высокихъ наукъ и студентовъ зѣло много, которые учатся разнымъ наукамъ: изъ тѣхъ студентовъ много честныхъ высокихъ породъ людей изъ разныхъ государствъ: въ той академіи учатся студенты до философіи и до теологій, тамъ же учатся и математическихъ наукъ“. Въ Вѣнѣ Толстой заходилъ въ ратушу, у которой на одной стѣнѣ „поставлено подобіе дѣвцы, вырѣзано изъ бѣлой камени покровенными очами, во образъ правды (Θεμиды), якобы судить, не зря на лице человѣческое, праведно: у того подобія въ правой рукѣ сдѣланъ мечъ, а въ лѣвой вѣсы“. За городомъ онъ осмотрѣлъ императорскіе сады, гдѣ удивили его „многія травы и цвѣты изрядные, посаженные разными штуками, по пріорити, и множество плодовитыхъ деревъ съ обрѣзанными вѣтвями, ставленныхъ архитектурально, и не малое число подобій человѣческихъ, мужеска и женска полу изъ мѣли, подобій сиренъ и разныхъ *искусствъ* изъ бѣлаго камня, съ бьющими вверхъ фонтанами, стѣны изъ цвѣтнаго камня и раковинъ и одна великая палата, что называютъ театрумъ, въ которой бывають для увеселенія цесарскаго комелія“.—Въ Венеціи вниманіе Толстого остановило венеціанское судопроизводство: „Въ той палатѣ, говоритъ онъ, сядятъ за столомъ три человѣка судей: передъ ними лежатъ книги и стоитъ у того стола поличій, въ рукахъ держитъ бумагу: одинъ человѣкъ предъ тѣми судьями стоя, говоритъ и смотритъ въ тетради, которыя держитъ у себя въ рукахъ, и говоритъ громко; а другой, суперникъ его, стоитъ молча и слушаетъ словъ его, и проговоря тотъ, сколько ему было потребно, уклоняетъ судьямъ, отступилъ мало, и началъ говорить суперникъ его; и на ихъ слова пристають и говорятъ и судьи и подьячему, который стоитъ съ бумагою, приказываютъ писать декретъ, то есть верное дѣлу и указъ; и тотъ указъ бываетъ прочтенъ обоимъ суперникомъ, и того дня тотъ судъ и вершился“. На дверяхъ палаты Толстой замѣтилъ такое же изображеніе Θемиды, какое видѣлъ и въ Вѣнѣ. Въ монастырѣ капуциновъ ему показали библіотеку, гдѣ „множество книгъ, больше 2,000, разныхъ языковъ, печатныхъ и письменныхъ“.... Въ монастырѣ у Георгіанъ такъ же видѣлъ библіотеку, съ 15,000 книгъ, и въ ней два глобуса „велики зѣло,

однѣ небесной, а другой землеводной: тѣ глобусы вокругъ по четыре сажени". Въ Падуѣ Толстому удалось видѣть обрядъ признанія докторскаго званія за кончившимъ курсъ въ академіи. „Обыкловость тамъ о студентахъ, говорить онъ, имѣють такую: который студентъ науку свою дохтурскую окончить, того студента инспекторъ его повиненъ взять за руку и водить его въ Падуѣ по всеѣмъ улицамъ, а передъ нимъ идутъ многіе люди и кричатъ: вивать; а отъ того студента, окончившаго дохтурскую науку, устроенъ на то одинъ человекъ, который передъ нимъ идетъ и мечетъ деньги народу, тѣ деньги народъ подбѣраетъ и кричитъ излиха: вивать! вивать! А все то чинится казною того студента, который окончить свою науку; и потомъ того студента инспекторъ его со езувитами въ костелѣ коронуютъ: въ то время въ томъ костелѣ, гдѣ студента коронуютъ, народъ быти не повиненъ, только одни езувиты, или иные законники и инспекторъ его, т. е. мастеръ; и короновавъ его, дадутъ ему изъ той академіи отъ мастера его листъ о мастерствѣ его по обыкновенію, какъ подлежитъ, и изъ той академіи его съ честію отпустятъ". Въ Венеціи Толстой видѣлъ оперы и комедіи. Давались эти оперы и комедіи „въ палатахъ великихъ округлыхъ, что называютъ италіане театрумъ: въ тѣхъ палатахъ подѣланы чюланы многіе въ пять рядовъ въ верхъ, и бывають въ одномъ театрумѣ чюлановъ двѣсти, а въ иномъ триста и больше: а все чюланы подѣланы изнутри того театрума предивными работами золоченными. Въ томъ театрѣ полъ сдѣланъ мало наось къ тому мѣсту, гдѣ играютъ, ниже, и поставлены стулы и скамьи, чтобъ однимъ изъ-за другихъ было видно, которые въ тѣ стулы для смотрѣнія оперовъ садятся, и за тѣ стулы и скамьи даютъ платы: а кто хочетъ сидѣть въ особомъ чюланѣ, тотъ повиненъ дать за чюланъ большую плату, а за пропускъ въ тотъ театрумъ особая со всеѣхъ равная плата.... П приходять въ тѣ оперы множество людей въ манкарахъ, по словенски въ харяхъ, чтобъ никто никого не познавалъ; для того, что многіе ходятъ съ женами, также и пріѣзжіе иноземцы ходятъ съ дѣвицами". Съ особеннымъ удовольствіемъ Толстой описываетъ венеціанскій карнавалъ, который ему очень понравился разными забавами и увеселеніями. Въ Барѣ Толстой прежде всего сходилъ въ ту церковь, въ которой почиваютъ мощи святителя Николая и въ своемъ путешествіи подробно описалъ эту святыню. Въ Неаполѣ Толстого водили въ трибуналъ, въ палату, гдѣ сидятъ 12 человекъ судей за великими государственными дѣлами: между тѣмъ судьями одинъ сидитъ на мѣстѣ короля гишпанскаго и называется Капо т. е. голова надо всеѣми, и какъ я въ тое палату вошелъ, замѣчаетъ Толстой, и тотъ начальній судья и все судьи противъ меня встали, и отдали мнѣ поклонъ, и съ великою учтивостію меня привѣтствовали

и, показавъ всё вещи, которыя ннземпу подлежатъ видѣть, также съ честію меня отпустили“. Потомъ, онъ былъ въ Непанолитанской академіи, въ которой 120 палатъ великихъ, среднихъ и верхнихъ, въ пять житей: въ тѣхъ палатахъ учатся до философіи и богословіи и иныхъ высокихъ наукъ и анатоміи: въ той академіи бываетъ студентовъ 4000 человекъ и больше, учатся всё безъ платы, кто ни придетъ, вся плата мастерамъ королевская. Во время пребыванія на островѣ Мальтѣ, онъ внимательно осмотрѣлъ этотъ островъ. Между прочимъ, нарочно съѣздивъ посмотреть ту пещеру, близъ которой апостолъ Павелъ, находясь на островѣ для обращенія къ истинному ученію его жителей, пребывавшихъ „въ блवानохвалствѣ“, проклялъ эхидну, укусившую его, и сбросилъ ее съ руки своей въ огонь. Около пещеры валялись небольшіе камни, которые слыли у Мальтійцевъ змѣиными очами и языками. На всемъ островѣ можно было находить „камни бѣлые, подобные эхиднамъ: о томъ сказываютъ, будто тѣ эхидны, которыя были во время бытности св. Павла и его проклятіемъ всё окаменѣли, и нынѣ находятся тамъ по горамъ, и по полямъ, и въ землѣ“ (1). Въ Римѣ Толстой посѣтилъ темницу, въ которую при Неронѣ были заключены апостолы, Петръ и Павелъ, монастырь, построенный въ домѣ Флавіана, отца Алексія, человека Божія, потомъ то мѣсто, гдѣ при древнихъ цесаряхъ римскихъ святыхъ мучениковъ за имя Христова отдавали на растерзаніе звѣрямъ, наконецъ храмъ Петра и Павла и дворецъ папы. Все видѣнное имъ онъ описалъ весьма подробно, такъ что одна роспись вещей, хранящихся въ соборномъ храмѣ Петра и Павла, занимаетъ въ его путешествіи болѣе пяти страницъ. — Такимъ образомъ, Толстой тщательно вникалъ въ европейскую жизнь и пріобрѣлъ много свѣдѣній, которыя должны были расширить его умственный кругозоръ. Передавая свои наблюденія въ описанія своего путешествія, онъ знакомилъ съ европейскою цивилизаціею и другихъ русскихъ людей и такимъ образомъ способствовалъ ихъ образованію.

Путешествія Шереметева и Матвѣева. Не такъ содержательны и любопытны записки другихъ путешественниковъ, Шереметева и Матвѣева. Борисъ Петровичъ Шереметевъ былъ въ тѣхъ же годахъ въ Польшѣ, Австріи, Италіи и Мальтѣ. Все описаніе его путешествія состоитъ болѣе изъ названій мѣстностей, по которымъ онъ проѣзжалъ, и торжественныхъ рѣчей, которыя онъ произносилъ предъ царственными особами. При описаніи путешествія по Италіи рассказъ становится болѣе подробнымъ; здѣсь описы-

(1) Извѣстно, что въ древней письменности объ этомъ существовала особая апокрифическая легенда.

ваются всѣ святыни, которыя Шереметевъ видѣлъ въ тамошнихъ церквахъ и монастыряхъ. Между прочимъ, здѣсь помѣщена такая замѣтка: „Мая 23 числа въ Неаполѣ будучи, прислалъ архидіаконъ нунційскій папѣжской въ боярина объявить, чтобъ того дня бояринъ изволилъ ѣхать въ дѣвичей монастырь, въ которомъ, сказалъ, содержится кровь св. великаго угодника Господня Януарія; которая кровь утѣхъ законницъ въ сокровищницѣ хранится съ великимъ почитаніемъ, и временемъ износятъ изъ сокровищницы съ процессіею въ церковь и ставятъ на престолъ и служатъ литургіи. Многажды же во время св. литургіи оная св. кровь пречудесно показуется кипѣніемъ, аки бы жива“.—Графъ Матвѣевъ ѣздилъ въ Парижъ для заключенія торговаго договора въ 1705 г. Объясненіемъ этого обстоятельства и начинается описаніе его путешествія. Затѣмъ Матвѣевъ рассказываетъ о замѣчательныхъ церквахъ, монастыряхъ и бібліотекахъ, которыя ему удалось посѣтить въ разныхъ мѣстахъ. Описываетъ также нѣкоторыя нравы и обычаи, которые обратили на себя его вниманіе. Между прочимъ онъ замѣтилъ, что женщины во Франціи имѣютъ большое значеніе; ему понравилось ихъ обхожденіе съ мужчинами, предупредительность „со всякимъ сладкимъ и челоуѣколюбнымъ приѣмствомъ“. Поправилось ему также воспитаніе дѣтей: „отъ юности они обучаются всѣ безъ изъятія разнымъ наукамъ; имъ внушаютъ быть обходительными, вѣжливыми. Въ обращеніи съ дѣтьми нѣтъ ни малѣйшей жестокости, ни ожесточенія отъ своихъ родителей, ни отъ учителей и что отъ наказанія словеснаго паче, нежели отъ побоевъ, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются“⁽¹⁾. Дневникъ неизвѣстнаго путешественника не заключаетъ въ себѣ ничего особенно интереснаго; видно, что это былъ челоуѣкъ свѣтскій и любилъ посѣщать въ городахъ театры, балы и другія собранія.

СОЧИНЕНІЯ В. Н. ТАТИЩЕВА.

Біографическія свѣдѣнія о Татищевѣ ⁽²⁾. Василій Ники-
тичъ Татищевъ (род. 1685, ум. 1750 г.) представляетъ собою типъ

⁽¹⁾ Пекарскаго: Наука и литер. при Петрѣ В. 1. 51. ⁽²⁾ Изслѣдованія о Татищевѣ: Н. А. Попова: В. Н. Татищевъ и его время. Москва 1861 г.; С. Соловьева: Русскіе историки XVIII в. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній. Н. Калачова т. 2; Исторія Россіи т. XX; П. Пекарскаго: Новыя извѣстія о Татищевѣ. Зап. Акад. Н. т. IV, приложеніе; К. И. Бестужева-Рюмина: В. Н. Татищевъ, администраторъ начала XVIII в. Древн. и нов. Россія 1875 г. томъ 1 и 2. Ученые и литературныя труды В. Н. Татищева. Н. А. Попова. Журн. М. Н. Пр. 1856: июль. — Двухсотлѣтнія поминки по В. Н. Татищевѣ. К. И. Бестужева-Рюмина. Извѣстія Спб-го Слав. благотв. общества 1836; №№ 4—5. — В. Н. Татищевъ. Истор. Вѣстн. 1886; апрѣль

людей новаго образованія, воспитавшихся подъ непосредственнымъ руководствомъ Петра В. Онъ учился сначала въ инженерномъ и артиллерійскомъ училищѣ, находившемся подъ завѣдываніемъ Брюса, который и имѣлъ рѣшительное вліяніе какъ на его образованіе, такъ въ послѣдствіи и на его ученую дѣятельность. Изъ инженернаго училища, Татищевъ, вмѣстѣ съ другими, былъ отправленъ Петромъ для изученія горнаго дѣла въ Европу, гдѣ онъ обогатилъ себя самыми разнообразными свѣдѣніями. По возвращеніи изъ Европы, онъ служилъ прежде всего въ артиллеріи, участвовалъ во взятіи Нарвы, въ Полтавской битвѣ и Прутской кампаніи, потомъ служилъ на горныхъ заводахъ въ Оренбургѣ и Екатеринбургѣ. Во время службы Татищева на заводахъ Петру донесено было, что онъ беретъ взятки: Петръ вызвалъ его въ Петербургъ. Татищевъ сознался, что онъ беретъ взятки, но только тогда, когда уже рѣшить дѣло, и беретъ какъ благодарность за сдѣланное дѣло, и говорилъ, что вооружаться противъ этой благодарности вредно, потому что тогда въ судьяхъ уничтожится побужденіе посвящать дѣламъ больше времени сверхъ узаконеннаго и произойдетъ медленность въ рѣшеніи дѣлъ. Эта откровенность хотя и спасла Татищева отъ наказанія, однако же не понравилась Петру, и онъ удалилъ его отъ должности и отправилъ въ Швецію по горнымъ дѣламъ, откуда онъ возвратился уже послѣ смерти Петра. Во время возшествія на престолъ Анны Іоанновны Татищевъ составилъ вмѣстѣ съ Кантемиромъ извѣстную записку о формѣ правленія. Потомъ до 1746 г. онъ былъ губернаторомъ въ Астрахани. Послѣдніе годы жизни Татищевъ провелъ въ своемъ имѣніи Болдино (около Москвы), находясь подъ судомъ, которому его подвергли его враги. Здѣсь онъ и скончался въ іюлѣ 1750 г., на другой день послѣ полученія указа отъ императрицы о томъ, что онъ по суду признанъ невиннымъ и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Труды Татищева по географіи и исторіи Россіи. Воспитанникъ Петра В., который постоянно заставлялъ всѣхъ учиться и трудиться, Татищевъ, не смотря на свою службу, всю жизнь занимался науками, находя въ нихъ источникъ освѣженія отъ службы и укрѣпленія и утѣшенія во всѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни. Онъ собралъ весьма значительную по тому времени бібліотеку (до 1,000 книгъ), которая состояла изъ самыхъ новыхъ книгъ по части философіи, политики и исторіи. Но любимыми предметами его занятій были „географія и исторія Россіи“, которыми онъ началъ заниматься по указанію Брюса. Онъ усердно собиралъ рукописи историческаго содержанія, народныя пѣсни и повѣрія, старинныя ландкарты; во время своихъ путешествій по Россіи

онъ рылся въ архивахъ разныхъ городовъ, покупалъ рукописи на площадяхъ, вообще пользовался всякимъ случаемъ для приобрѣтенія матеріаловъ для русской географіи и исторіи. Татищевъ представилъ въ Академію наукъ проектъ или „предложеніе о составленіи исторіи и географіи россійской“, состоящее изъ 198 вопросовъ и заключающее въ себѣ обширную программу для многихъ изслѣдованій. Академія разослала проектъ ко всемъ областнымъ правителямъ и канцеляріямъ, съ приказаніемъ собирать и доставлять географическіе и историческіе матеріалы. Когда матеріалы были собраны, Татищевъ началъ составлять географію и лексиконъ географическій. Географія его имѣла такое заглавіе: „Введеніе къ историческому и географическому описанію великороссійской имперіи, часть первая: какъ древнее, такъ и нынѣшнее состояніе того великаго государства и обитающихъ въ немъ народовъ“. Въ 1-й главѣ говорилось о имени сего великаго государства и о древнемъ онаго раздѣленіи: во 2-й—о границахъ всероссійской имперіи по ея нынѣшнему состоянію; въ 3-й—о великости имперіи; въ 4-й—о водахъ; въ 5-й—о знатнѣйшихъ горахъ; въ 6-й—о внутренностяхъ земли; въ 7-й—о растеніи и плодахъ земныхъ; въ 8-й—о животныхъ; въ 9-й—о жителяхъ имперіи; въ 10-й—о силѣ военной; въ 11-й—о доходахъ государственныхъ; въ 12-й—о заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ; въ 13-й—о академіяхъ и училищахъ; въ 14-й—о правленіи духовномъ и политическомъ, о раздѣленіи епархіальномъ и губернскомъ. Всѣ эти предметы были изложены кратко: только, говоря о Сибири, Татищевъ пустился въ нѣкоторыя подробности⁽¹⁾. Но попытка написать русскую географію по такой обширной программѣ была преждевременна: дѣло оказалось очень труднымъ, и Татищевъ, отказавшись отъ него, вздумалъ пока составить „Лексиконъ россійскій, историческій, географическій, политическій и гражданскій“. Въ этомъ лексиконѣ, въ алфавитномъ порядкѣ, были собраны и объяснены слова, взятые изъ государственнаго, административнаго и общественнаго быта Россіи, имена и названія историческія, географическія, этнографическія, изъ области археологіи и художествъ. Лексиконъ доведенъ былъ до буквы л.⁽²⁾

Исторія Россійская Татищева. Труды Татищева по исторіи состояли, главнымъ образомъ, также въ собираніи историческихъ матеріаловъ. Выше замѣчено, что Петръ В., въ бытность

(1) Н. А. Попова: В. Н. Татищевъ и его время, стр. 437—441; 663—696

(2) Онъ былъ напечатанъ въ 1793.

въ Кенигсбергѣ въ 1716 г. приказалъ для себя списать Радзивилловскій списокъ лѣтописи, а потомъ, спустя шесть лѣтъ, велѣлъ всѣмъ епархіямъ и монастырямъ посылать въ синодъ имѣющіеся у нихъ лѣтописи и хронографы для снятія съ нихъ списковъ. Петръ бесѣдовалъ иногда и съ Татищевымъ о русской исторіи, а отправляясь въ персидскій походъ, бралъ у него одинъ изъ лѣтописныхъ списковъ. Татищевъ, находясь въ Сибири, продолжалъ собирать лѣтописи и собралъ 11 списковъ разныхъ лѣтописей, нѣсколько хронографовъ, царственныхъ лѣтописцевъ, старинныхъ четь-минеи и прологовъ. Изъ лѣтописей и другихъ источниковъ Татищевъ сдѣлалъ сводъ и снабдилъ его критическими примѣчаніями. Этотъ трудъ и составляетъ „*Исторію российскую*“ Татищева. Она состоитъ изъ 5-ти частей. Первые три части изданы Миллеромъ въ 1768—1774 г.; четвертая въ 1784 г.; пятая помѣщена въ Чтен. общ. Ист. и древн. годъ 3, № 4. Впрочемъ, полный сводъ лѣтописей въ ней доведенъ только до нашествія татаръ, а съ этого времени и оканчивая царствованіемъ Θεодора Алексѣевича представленъ только матеріалъ для продолженія свода. — Первымъ русскимъ лѣтописцемъ Татищевъ признавалъ не Нестора, а повгородскаго архіепископа, Іоакима Корсуянина (ум. въ 1030 г.). Къ такому мнѣнію привело его, между прочимъ, открытіе одного отрывка изъ Іоакимовской лѣтописи въ рукописи XVIII в. (¹). Помѣстивъ этотъ отрывокъ въ первой книгѣ своей исторіи (глав. 4), онъ говоритъ: „сія мнится совершенно древняго писателя болѣе, нежели Несторъ, свѣдущаго, а напротивъ какъ въ греческомъ языкѣ, такъ и въ исторіи искуснаго, хотя нѣчто необыкновенное по тому времени внесено“. Екатерина II взяла этотъ отрывокъ изъ Іоакимовской лѣтописи въ свои „Записки касательно российской исторіи“, и основываясь на немъ, написала двѣ драмы: „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика“ и „Начальное управленіе Олега“; въ наукѣ же исторической въ послѣдствіи былъ возбужденъ вопросъ объ Іоакимовской лѣтописи и о значеніи найденнаго изъ нея отрывка. Самое обстоятельное изслѣдованіе по этому вопросу сдѣлано г. Лавровскимъ, который раздѣляетъ отрывокъ на двѣ части. Въ первой части, по его мнѣнію, помѣщены баснословныя извѣстія, взятые изъ польскихъ и чешскихъ писателей; вторую часть составляютъ правдоподобныя извѣстія о началѣ христіанства въ Россіи: о крещеніи Аскольда, о занятіи Олегомъ Кіева, о борьбѣ

(¹) Этотъ отрывокъ, найденный въ рукописи XVIII в., былъ доставленъ Татищеву архимандритомъ Вязюкова монастыря (въ Дорогобужскомъ уѣздѣ) Мелхиседемъ Борщовымъ.

языческой партіи съ христіанами при Олегѣ и Святославѣ, о вліяніи Болгаръ на распространеніе христіанства и христіанскаго просвѣщенія въ Россіи, о крещеніи Новгородцевъ ⁽¹⁾. — Сводъ Татищева весьма важенъ, потому что въ немъ собраны извѣстія изъ разныхъ лѣтописей, между прочимъ, изъ такихъ, списки которыхъ въ настоящее время уже не существуютъ. Въ критическихъ примѣчаніяхъ помѣщены указанія, откуда заимствованы извѣстія, и критика этихъ извѣстій, свѣдѣнія о народахъ, населявшихъ древнюю Россію, объясненія многихъ древнихъ словъ, каковы напр. дань, рота, скоро, перевѣснице, тризна и проч. Но особенно интересны для насъ въ примѣчаніяхъ философскія, историческія и политическія воззрѣнія самого Татищева. Татищевъ воспитался преимущественно подъ вліяніемъ протестантскихъ писателей. Онъ ссылается въ своихъ сочиненіяхъ на сочиненія Гоббеса (Левіаѳанъ), Бейля (критическій словарь), Томазіуса (нравовученіе), Фонтенеля (объ оракулахъ), Пуффендорфа (о должностяхъ человѣка и гражданина) и др. Отъ этихъ писателей онъ усвоилъ отрицательный взглядъ на церковь и духовенству и, прилагая его къ русской церкви и русскому духовенству въ древнемъ періодѣ, смотрѣлъ съ особеннымъ недовѣріемъ на историческія извѣстія, сообщаемыя духовными писателями, и совершенно неправильно понималъ нѣкоторыя явленія въ древне-русской жизни. Такъ, объясняя извѣстіе о посольствѣ князя Владиміра въ сосѣднія страны для испытанія разныхъ вѣръ, онъ замѣчаетъ: „Если сказать, что посылалъ токмо членовъ церковныхъ и убранство смотрѣть, то сіе весьма не прилично, ибо видѣніемъ вѣры истинной показать не можно, и вѣра не въ чинахъ и убранствахъ, какъ подлость разумѣтъ, но въ сущемъ признаніи истины недовѣдомыхъ состоитъ“ ⁽²⁾. Рассказывая объ образованіи въ древнемъ періодѣ, онъ обвиняетъ русское духовенство въ томъ, будто оно намѣренно оставляло народъ въ невѣжествѣ: „въ Руссіи, говоритъ онъ, науки не токмо читать и писать, но языковъ греческаго отъ самаго пріятія вѣры Христовой, а потомъ, и латинскій языкъ введены и многія училища устроены были; но нашею татарию какъ власть государей умалилася, а духовныхъ возрасла, тогда симъ, для пріобрѣтенія большихъ доходовъ и власти, полезнѣе явилось народъ въ темнотѣ невѣдѣнія и суемудрія содержать; для того все ученіе въ училищахъ и въ церквахъ пре-

---

⁽¹⁾ Изслѣдованіе г. Лавровскаго объ Іакинмовской лѣтописи въ Учен. Зап. II отд. Акад. Наукъ кн. II, вып. I.

⁽²⁾ Татищевъ и его время, стр. 473.

сѣкли и оставили“ (1). Митр. Макарій, по мнѣнію Татищева, въ Стененную книгу, „отъ скудости знанія въ древности, или отъ лицемѣрства неколико недоказательныхъ обстоятельствъ внесъ“. Говоря о Никоновскомъ спискѣ лѣтописи, онъ прибавляетъ: „видится особливо Никонъ, самъ перечеркнувъ, велѣлъ переписать, по-неже всѣ тѣ обстоятельства, что къ уничтоженію власти духовной въ другихъ находятся, въ немъ выкинуты, или перемѣнены и новымъ порядкомъ вписаны“ (2). Въ слѣдствіе, конечно, такого отрицательнаго направленія, Исторія Татищева долго оставалась неизданною. Между современниками Татищевъ слылъ за вольнодумца; сохранился даже рассказъ о томъ, что Петръ В. разъ побилъ Татищева за то, что онъ говорилъ слишкомъ вольно о предметахъ церковныхъ, относился оные къ вымысламъ корыстолюбиваго духовенства, при чемъ касался онъ въ ироническомъ тонѣ и нѣкоторыхъ мѣстъ свящ. Писанія (3). По политическимъ убѣжденіямъ Татищевъ былъ монархистъ; по крайней мѣрѣ для Россіи монархическую форму правленія онъ считалъ самою необходимою. Это прежде всего выразилось въ томъ, что онъ въ 1730 г., когда верховники хотѣли ограничить правленіе Анны Іоанновны, составилъ и подавалъ вмѣстѣ съ другими просьбу къ ней о принятіи самодержавнаго правленія. Въ 45-й главѣ первой книги своей исторіи, указывая на различіе между монархіей, аристократіей и демократіей, онъ говоритъ: „Не возможно сказать, которое бы правительство было лучше и всякому сообществу полезнѣйшее; но нужно взирать на состоянія и обстоятельства каждаго общества, яко на положеніе земель, пространство области и состоянія народа. Въ единственныхъ градахъ и малыхъ областяхъ политія, или демократія удобно пользу и спокойность сохранить можетъ: въ величайшихъ, но отъ нападений не весьма опасныхъ, яко окружены моремъ и непроходными горами, особливо гдѣ народъ науками довольно просвѣщенъ, аристократія довольно способною быть можетъ, какъ намъ Англія и Швеція видимые примѣры представляютъ; великія же области, открытыя границы, а напротивъ гдѣ народъ ученіемъ и разумомъ не просвѣщенъ и болѣе за страхъ, нежели отъ собственнаго благонравія въ должности содержитсяъ, тамо оба первые негодятся, но нужна быть монархія, какъ я въ 1730 г. Верховному Совѣту обстоятельно представилъ,

---

(1) Тамъ же, стр. 514—515.—(2) Тамъ же, стр. 473—475.

(3) Между прочимъ, Татищевъ нападалъ на книгу Соломона: Пѣснь пѣсней, что заставило Прокоповича написать «Разсужденіе о книгѣ Соломона, яко она есть не человѣческою волею, но Духа Св. вдохновеніемъ написана отъ Соломона» (1730).

я намъ достаточные приклады прежде бывшихъ сильныхъ греческихъ, римской и другихъ республикъ доказываютъ, что онѣ до-толѣ сильны и славны были, доколѣ своихъ границъ не распро-странили“... (1). Кромѣ „Исторіи российской“, Татищевъ состав-вилъ еще примѣчанія къ „Русской правдѣ“, примѣчанія и допол-ненія къ „Судебнику“, которыя такъ же, какъ и Исторія россий-ская, были изданы Миллеромъ.

Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ. Но всего полнѣе идеи и идеалы Татищева выразились въ двухъ его сочиненіяхъ: 1) въ „Разговорѣ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ“ и 2) въ „Духовной“, или духовномъ завѣщаніи сыну, Евграфу Ва-сильевичу. Въ Разговорѣ (2) выраженъ новый взглядъ на науку и образованіе, развившійся въ Татищевѣ подъ вліяніемъ иностран-ныхъ учителей. Послѣ предварительнаго разсужденія о необходи-мости ученія для человѣка въ каждомъ возрастѣ, озапчиваю-щагося русской пословицей: „Вѣкъ живи, вѣкъ учись“, и послѣ краткаго обзора умствѣннаго развитія человѣчества въ разные періоды (до изобрѣтенія письменности, до начала христіанства, до изобрѣтенія книгопечатанія), рѣшаются два существенныхъ возраженія противъ науки и образованія. Одно возраженіе пред-ставлено отъ лица духовенства. Возражатель говоритъ, что онъ отъ многихъ духовныхъ и богородящихъ людей слышалъ, что „науки человѣку вредительны и нагубны суть“. Авторъ на это отвѣчаетъ: „что Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, и его ученики и апостолы и по нихъ святые отцы противъ премудрости и фи-лософіи говорили, оное намъ довольно извѣстно, но надобно ра-зумѣть, о какой философіи они говорятъ, а не просто за слова хвататься... И къ познанію Бога и къ пользѣ человѣка нужная философія не грѣшна; только отвращающая отъ Бога вредительна и губительна... Философію изучали апостолы и ученики... Запре-щающіе оную учить суть или самые невѣжды, не вѣдущіе, въ чемъ истинная философія состоитъ, или злоковарные пѣныотыры церквно-служители и для утвержденія ихъ богопротивной власти и пріобрѣтенія богатствъ вымыслили, чтобъ народъ былъ не уче-ный и ни о коей истинѣ разсуждать имущій, но слѣпо бы и рабо-лѣпно ихъ рассказамъ и повелѣніямъ вѣрили, наиболѣе же всѣхъ

---

(1) Татищевъ и его время, стр. 482—483. — (2) Рукопись „Разговора“ на-ходится въ Публичной библиотекѣ. Содержаніе его изложено въ изслѣдованіи К. Н. Бестужева-Рюмина, Древн. и Нов. Россія 1875 г. томъ 1 и 2. Самый Разго-воръ Татищева напечатанъ Н. А. Поповымъ въ чтеніяхъ Общества исторіи и древностей за 1887 г. кн. 1. Отдѣльный оттискъ. Москва. 1887 г.

архієпископы римскіе въ томъ себя показали и большой трудъ къ приведенію и содержанію народовъ въ темнотѣ и суетвѣріи прилагали, для котораго не постыдились, противу точныхъ словъ Христовыхъ, иже письмо святое, въ которомъ мы уповаемъ животь вѣчный приобрѣсти, не токмо читать, но и испытывать т. е. толковать повелѣлъ, папы оное читать запретили и еще тяжчае того толковали, яко бы читающіе оное въ умѣ повреждались“. Указавъ, какъ сильна была власть папы и какъ ей покорялись императоры, Татищевъ продолжаетъ: „да и у насъ патріархи такую же власть надъ государи искать не оставили, какъ то Никонъ съ великимъ вредомъ государства началъ было, за которое судомъ духовнымъ чина лишень и въ заточеніе сосланъ“... На возраженіе, что чтеніе Библіи можетъ подать поволь къ ересямъ, онъ говоритъ: „такая мысль перешла отъ католиковъ“, и при этомъ снова останавливается на томъ, что папы желали сохранить свящ. Писаніе и богослуженіе на латинскомъ языкѣ. „вѣдая, что оному не токмо великихъ государей, но и шляхетскія дѣти за трудность обучаться не охотно будутъ, и потому писма святаго и закона Божьяго и ихъ коварствъ познавать не возмогутъ, о семъ многіе иноязычныя, яко германе, славяне и прочіе спорили, но по силѣ ихъ (паль) къ тому не допущены“. Другое возраженіе противъ науки и образованія представлено отъ лица людей свѣтскихъ. „Слышу, говоритъ авторъ, что свѣтскіе люди, въ гражданствѣ искусныя, толкуютъ, якобы въ государствѣ, чѣмъ народъ простѣе, тѣмъ покорнѣе и къ правленію способнѣе и отъ бунтовъ и мятежей безопаснѣе, и для того науки распространять за полезное не почитаютъ“. Отвѣчая на это возраженіе, Татищевъ приписываетъ всѣ подобныя мнѣнія людямъ нерасуднымъ или „махіавеллическими плевею насѣяннаго сердца“, благорасудный же политикъ всегда сущіею истиною утвердить можетъ, что науки государству болѣе пользы, чѣмъ буйство и невѣжество, принести могутъ... И всякій человѣкъ ищетъ умныхъ помощниковъ, яко реку друзей и совѣтниковъ, понеже на умнаго друга можетъ надѣяться, что онъ въ незнаніи совѣтъ и помощъ подастъ, служитель же умный все повелѣнное и желаемое съ лучшимъ разсужденіемъ и успѣхомъ, нежели глупый, совершитъ, а въ случаѣ и совѣтъ или помощъ подать способенъ... На онаго махіавелиста, говоритъ Татищевъ въ заключеніе, кратче скажу: „если бы ему, по его состоянію, всѣхъ служителей, лакеевъ, конюховъ, поваровъ и дровосѣковъ—всѣхъ опредѣлили дураковъ; въ дворецкіе, конюшіе и въ деревни прикащиковъ—безграмотныхъ, то бы онъ узналъ, какой порядокъ и польза въ его домѣ явится; а же радъ и крестьянъ имѣть умныхъ и ученыхъ“.—Опровергнувъ возраженія противъ науки и образованія, Татищевъ указываетъ, какія

науки нужно изучать. Всѣ науки, по его представленію, раздѣляются „на душевныя (богословіе) и тѣлесныя (философія)“. Между ними по качеству различаются: 1) „науки нужныя“: домоводство, врачевство, законъ Божій, умѣнье владѣть оружіемъ, логика, богословіе; 2) „полезныя“: писъмо, грамматика, краспорѣчіе или витійство, изученіе иностранныхъ языковъ, исторія, генеалогія, географія, ботаника, анатомія, физика, химія; 3) „щегольскія“: стихотворство (поэзія), музыка (по русски скоморошество), танцованіе (плясаніе), волтежированіе, знаменованіе (живописъ); 4) „любопытныя“: астрологія, фizioномка, хиромантія, алхимія и 5) „вредныя“: гаданія и волшебства разнаго рода. Для изученія иностранныхъ языковъ Татищевъ находитъ нужнымъ отправлять дѣтей заграницу, потому что дома въ Россіи нельзя найти хорошихъ учителей. „Многіе, говоритъ онъ, за недостаткомъ искусства, принимаютъ учителей, къ наученію весьма неспособныхъ, и случается, что поваровъ, лакеевъ, или весьма мало умѣющихъ грамотѣ, за учителей языка французскаго, или нѣмецкаго, или какихъ-либо ненотребныхъ волочагъ, для наученія благонравію и политикѣ, принимаютъ и потомъ за положенныя деньги вредъ вмѣсто пользы покунають“. Наконецъ, Татищевъ дѣлаетъ критическій обзоръ училищъ, существовавшихъ въ то время въ Россіи, Академіи наукъ, Кадетскаго корпуса, народныхъ училищъ, академій московской и кіевской, показывая, на сколько они могутъ удовлетворять потребностямъ образованія. Сказавъ объ учебныхъ занятіяхъ членовъ Академіи, онъ замѣчаетъ, что другой обязанности, на нихъ возложенной, „учить младость“, они выполнять не могутъ: 1) богословія, или закона Божія имъ учить не опредѣлено для того, что учителя, или профессора суть не нашего закона, 2) закона гражданскаго отъ нихъ также научиться не можемъ, потому что они, за незнаніемъ нашего языка, всѣхъ нашихъ законовъ знать и о нихъ разсуждать не могутъ; 3) понеже имъ надобно такихъ обучать, которые бы ниспія науки знали..., а понеже оныхъ нисшихъ училищъ довольно не учреждено, то въ оной (академіи) учиться еще некому; и хотя семинаріумъ и гимназіи при оной устроены, но оное недостаточно, ибо изъ всего государства младенцевъ свозить, а наипаче шляхетскихъ малолѣтнихъ, есть невозможно и вредительно“. Ученіе въ московской академіи Татищевъ находитъ совершенно недостаточнымъ: 1) латинскій языкъ, говоритъ онъ, идетъ у нихъ не хорошо, нѣтъ ни грамматикъ, ни лексикона; классическихъ авторовъ (Цицерона, Ливія и другихъ) они не читаютъ и потому въ философіи мало успѣвають; 2) риторика ихъ такова, что они „болѣе врядами, чѣмъ риторами именоваться могутъ“, и нѣкоторые не знаютъ даже правописанія, 3) философы ихъ не только

въ лекарскіе, но и въ аптекарскіе ученики не годятся, физика ихъ состоитъ изъ однихъ именъ... объ исторіи, географіи, врачевствѣ понятія не имѣютъ. Итакъ въ семъ училищѣ не только шляхетству, но и подлomu научиться нечему, паче, что въ оной болѣе подлости, то шляхетству и учиться не безвредно“. Кіевскую академію онъ также считалъ не лучше московской. Такой, совершенно несправедливый, отзывъ о духовныхъ училищахъ, очевидно, есть слѣдствіе того же предубѣжденнаго взгляда Татищева на духовенство и духовное образованіе, на который мы уже указали выше. Онъ развился въ Татищевѣ подъ вліяніемъ протестантскихъ воззрѣній на католическое духовенство, по которымъ духовенство обыкновенно представляется пропитаннымъ суетвѣріемъ и враждою къ просвѣщенію, и которыя онъ несправедливо перенесъ на русское духовенство и русское духовное образованіе.

Духовная Татищева. Въ „Духовной“ ⁽¹⁾ Татищева изложены идеалы жизни и службы, сложившіеся въ немъ съ одной стороны путемъ воспитанія и образованія на европейской наукѣ и литературѣ, а съ другой—на основаніи опытовъ его собственной служебной дѣятельности. Въ нихъ, слѣдовательно, есть много характерныхъ чертъ, какъ лично самого Татищева, такъ и его времени. Въ Духовной прежде всего Татищевъ говоритъ о религіозномъ воспитаніи, совѣтуя сыну своему поучаться въ законѣ Божіемъ день и ночь даже до старости—читать письмо святое т. е. свая. Писаніе и катихизисъ, книги учителей церковныхъ, особенно Златоуста, Василія В., Григорія Назіанзена, Аѳанасія В. и Теофилакта Болгарскаго, а также и новыя книги: „толкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ евангельскихъ, которое за катихизисъ, а малая букварь, или юности честное зеркало за лучшее правоученіе служить могутъ“. Послѣ ознакомленія съ ученіемъ православнымъ, нужно познакомиться и съ ученіемъ католиковъ, протестантовъ и кальвинистовъ, потому что въ обществѣ часто приходится встрѣчаться съ такими людьми, и не трудно быть обманутымъ; особенно остерегаться должно папистовъ. Впрочемъ, вступать въ пренія съ иновѣрцами онъ вообще не совѣтуетъ, чтобы „у людей злаго мнѣнія о себѣ не подать, а отъ неразсудныхъ можно и потерпѣть“. Изъ свѣтскихъ наукъ онъ совѣтуетъ учиться арифметикѣ, геометріи, артиллеріи, фортификаціи и дру-

---

⁽¹⁾ Духовная тайнаго совѣтника и астраханскаго губернатора В. Н. Татищева, сыну его Евграфу Васильевичу. Сиб. 1773. Новое изданіе Духовной Татищева А. Н. Островскаго. Казань. 1884.

гимъ частямъ математики, нѣмецкому языку, исторіи и географіи, гражданскимъ и воинскимъ законамъ, читать уложеніе, сухопутный и морской уставы и новые указы.

Послѣ наставленій о воспитаніи и образованіи, въ Духовной излагаются правила для руководства въ жизни семейной и общественной. Первый шагъ въ семейной жизни составляетъ женитьба. Противоположно Посошкову, который, „во избѣжаніе грѣха“, совѣтуетъ жениться раньше. Татищевъ не одобряетъ ранней женитьбы. „Отъ ранней женитьбы, говоритъ онъ, страдаютъ науки и служба, а иногда и здоровье; для того, лучшія лѣта для брака отъ 22 до 25 и 30 лѣтъ почитаютъ“. Такъ какъ о взаимныхъ чувствахъ никто лучше судить не можетъ, какъ вступающіе въ бракъ, то справедливо на власть родителей и воспитателей узда закономъ наложена, чтобы силою противъ воли къ браку не принуждали. Но такъ какъ любовь часто помрачаетъ нашъ умъ, то въ такомъ важномъ дѣлѣ нужно обращаться за совѣтомъ къ людямъ несуетнымъ, а наипаче къ надежнымъ родственникамъ и свойственникамъ. Выбирать жену за одну красоту лица не слѣдуетъ; извѣстно, что въ краснѣйшемъ яблокѣ наиболѣе черви, а при лѣпотѣ женщинъ продерзости находятся, для того оное бываетъ не безопасно. Но не нужно брать и жену безобразную, а также ни слишкомъ молодую, ни слишкомъ старую. И для того, посредственная красота и равность лѣтъ, или жена немного моложе къ сожитію есть лучше“. Что касается до богатства и знатности, то бракъ между равными по состоянію и происхожденію всего лучше: главнѣйшее въ женѣ—доброе состояніе, разумъ и здравіе“. Отношеніе мужа къ женѣ Татищевъ опредѣляетъ слѣдующимъ наставленіемъ: „Имѣй и то въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница и во всемъ другомъ должна быть нелицемѣрнымъ; такъ и тебѣ съ ней должно быть; въ воспитаніи дѣтей обще съ нею прилѣжать; въ твердомъ состояніи домъ въ правленіе ея поручить, а затѣмъ и самому не лѣнотно смотрѣть. Однакожъ храниться надлежитъ, чтобы тебѣ у жены не быть подъ властью; сіе для мужа очень стыдно и чрезъ то можешь у всѣхъ о себѣ худое мнѣніе подать и слабость своего ума изъяснить. Сихъ примѣровъ нынѣ весьма уже довольно видимъ“.

Излагая правила общественной и служебной дѣятельности, Татищевъ прежде всего внушаетъ своему сыну вѣрность государю и государству, прилежаніе къ общей пользѣ, повиновеніе властямъ. „Съ хвалящими вольности другихъ государствъ, говорить

(¹) Татищевъ и его время Н. А. Попова, стр. 212—214. Духовная по изд. Островерскаго 10—12.

онъ, и ищущими власть монарха уменьшить, никогда не согласуясь: понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ, о чемъ тебѣ исторіи нашего государства ясны приклады (примѣры) показать могутъ, какъ то нѣкоторые и предъ немногими лѣты безумно начинали (разумѣются замыслы верховниковъ, хотѣвшихъ ограничить самодержавіе, при воцареніи Анны Іоанновны). Основное правило, которому должно было слѣдовать на службѣ, Татищевъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи.... И когда я оное сохранялъ совершенно, и въ тягчайшихъ трудностяхъ благополучіе видѣлъ: а когда чего прилежно искалъ, или отрекался, всегда о томъ сожалѣлъ, равно же и надъ другими слышалъ“ (¹). Въ частности же на службѣ Татищевъ предписываетъ соблюдать строгое правосудіе во всякомъ дѣлѣ и не увлекаться собственными интересами. „Не предай немощнаго въ руки сильному; никогда себѣ не воображай, что ты за то пострадаешь; вѣдай, что безъ воли Божіей никто тебѣ вреда сдѣлать не можетъ, равно и отъ гнѣва его нигдѣ ничѣмъ укрыться не можешь“. Совѣтуя быть внимательнымъ ко всякому челобитчику и терпѣливо выслушивать бѣднаго, онъ прибавляетъ: „у меня никогда, хотя бы на постели лежалъ, двери не затворялись, чему ты самъ свидѣтелемъ былъ, и ни о комъ холопи не докладывали, но всякой самъ себѣ докладчикъ былъ, и хотя многократно и въ неудобныя времена прихаживали, но я не оскорблялся: пѣо часто то случалось, что многимъ въ краткости (въ скорости) нужно было помощь подать и великій вредъ отвратить.... Весьма хранись предстателей и совѣтниковъ твоихъ, чтобы тебя лестно въ напасть неправосудія не привели, какъ мнѣ то часто случалось видѣть, что жены, сродники, холопи, блюдолизы, ввѣрившіеся пріятеля по карточной игрѣ и псовой охотѣ и другими разными вымышленными способами много судейскими душами торговали.... Но паче всего хранись секретарей и подьячихъ, подчиненныхъ тебѣ: ихъ совѣты хотя слушай, но не всегда оныя тотчасъ исполняй, дабы тебѣ ихъ слова не были закономъ“.

Все время жизни Татищевъ совѣтуетъ распредѣлять такимъ образомъ: молодые годы посвящать службѣ военной, зрѣлый возрастъ мужества—службѣ гражданской, а послѣднее время жизни въ старости—жить въ деревнѣ и заниматься имѣніемъ, если оно есть. Поэтому, въ послѣдней части своей Духовной онъ помѣстилъ такія наставленія, которыя могутъ служить руковод-

(¹) Татищевъ и его время Н. А. Попова стр. 217.

ствомъ при управленіи помѣстьями и крестьянами. Спустя два года, къ этимъ наставленіямъ онъ присоединилъ еще „краткія экономическія, до деревни слѣдующія, записки“. Въ этихъ запискахъ есть много такихъ наставленій, которыя pochodятъ на совѣты и проекты Посошкова въ его книгѣ „о скудости и богатствѣ“. Между ними особенно замѣчательны наставленія о религіозно - нравственномъ воспитаніи и образованіи крестьянъ. „Старайся имѣть, говоритъ онъ, попа ученаго, который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и проповѣдью къ совершенной добродѣтели крестьянъ твоихъ довести могъ... награди его безбѣднымъ пропитаніемъ, деньгами, а не пашнею, для того, чтобъ отъ него навозомъ не пахло. Голодный, хотя бѣ и патріархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ; за деньги онъ лучше будетъ прилежать къ церкви, нежели къ своей землѣ, пашнѣ и сѣнокосу, что и сану ихъ совѣмъ не прилично, и чрезъ то надлежащее почтеніе теряютъ“ (1). Въ экономическихъ запискахъ онъ говоритъ: „Наивящій пунктъ учить (крестьянъ) грамотѣ и писать, чрезъ что познаетъ законъ и страхъ Божій, хотя тѣмъ можетъ назваться истиннымъ человѣкомъ, и различить себя отъ стога“. Другія наставленія о крестьянахъ направлены къ тому, чтобы села и деревни помѣщика были снабжены банями, богадѣльнями, аптекарями и лекарями. Отноительно доходовъ, собираемыхъ съ имѣній, Татищевъ совѣтуетъ быть справедливымъ и умѣреннымъ. „Конечъ желаніямъ нашимъ ненасытнымъ въ свѣтѣ, говоритъ онъ въ Запискахъ, главный пунктъ деньги: не тотъ богатъ, кто ихъ имѣетъ много и еще желаетъ; и не тотъ убогъ, кто ихъ имѣетъ мало, мало же скорбитъ о томъ и не желаетъ; а богатъ, славенъ и честенъ тотъ, кто можетъ по пропорціи своего состоянія безъ долгу вѣкъ жить и честь свою тѣмъ хранить и быть судьбою довольнымъ, роскоши презирать, скупость въ домъ не пускать. Совѣтую всякому жителю сего свѣта оставлять отъ годового своего дохода по крайней мѣрѣ пятую часть денегъ для печальныхъ приключеній“. „Впрочемъ, заключаетъ онъ свою Духовную, старайся, чтобы ты никогда, никому и ничѣмъ не былъ долженъ“ (2).

(1) Тамъ же, стр. 226—227.

(2) Тамъ же, стр. 227; 230—233. Въ одномъ изъ списковъ «Духовной» въ концѣ помѣщено еще «Предсмертное Увѣщаніе» Татищева своему сыну, Евграфу Васильевичу. Оно издано А. А. Дмитріевымъ въ Журн. М. Н. Просв. 1886; апрѣль. Слогъ «Увѣщанія», по замѣчанію издателя, и мысли, выраженныя въ немъ, не оставляютъ сомнѣній въ принадлежности его Татищеву. Эти мысли не содержатъ въ себѣ ничего новаго и особеннаго, а составляютъ повтореніе тѣхъ наставленій, какія изложены въ «Духовной» и другихъ сочиненіяхъ Татищева.

Таковы идеалы Татищева. Они, очевидно, во многихъ отношеніяхъ, отличны отъ идеаловъ допетровскаго періода, выраженныхъ въ Домостроѣ Сильвестра, и отъ идеаловъ Посошкова, въ Завѣщаніи отеческомъ. Они выросли на другой почвѣ, основаны на другихъ началахъ и направлены къ другимъ цѣлямъ. Наставленія Домостроя основаны частію на церковномъ ученіи, частію на преданіяхъ предковъ и излавно установившихся обычаяхъ. Наставленія Посошкова во многомъ сходны съ наставленіями Сильвестра, основаны на тѣхъ же началахъ и направлены къ нравственнымъ цѣлямъ. Правила же Татищева не только не вытекаютъ изъ преданій и древнихъ уставовъ, но часто идутъ противъ устава и обычая и основаны частію на личномъ разсужденіи, частію на началахъ новаго образованія, и направлены къ разумной и полезной дѣятельности.

Стихотворныя и литературныя произведенія въ Петровскую эпоху. При Петрѣ В. не могла образоваться новая поэзія; прославленію его дѣлъ и вообще изображенію событій реформы, вмѣстѣ съ проповѣдью, служила еще старая силлабическая поэзія. По случаю взятія Азова и возвращенія Петра въ Москву въ 1697 г. братья Лихулы составили „похвальное слово“. Извѣстенъ также „Тріумфъ о благополучнѣйшемъ и преславномъ вѣчномъ мирѣ Петра В. съ Свейскою короною“. Думный дьякъ Андрей Виніусъ, по случаю взятія Азова, написалъ поздравительныя стихи Лефорту и Шенцу. Полтавская битва прославляется въ сочиненіи: „Полютиколѣпная апофеозисъ россійскаго Геркулеса, Петра I“, гдѣ объясняется значеніе тріумфальныхъ вратъ, воздвигнутыхъ въ честь Петра московскою академіей. Окончаніе Шведской войны Ништадтскимъ миромъ было воспѣто Ширяевымъ въ кантатѣ. Монахъ Іоаннъ Кременецкій въ честь Меншикова написалъ сочиненіе: „Лаврея, или вѣнецъ безсмертныя славы“. Сохранилось еще стихотвореніе Валдайскаго попа Михаила, подъ названіемъ: „Предисловіе во привѣтство царскому величеству, врученное 1718 г. марта 19 дня“...

«Что гдѣ прославляется яко мудрость,
И что только хвалимо, елико храбрость?
Ничто ино равно тѣмъ быть возмoгаетъ,
Точію едина любовь та достигаетъ;
Ибо вся добродѣтели въ той содержатся,
Ей же и мудрость и храбрость присно общатся» и проч.

Подъ стихами подпись: „Вашего царскаго величества всенпжайшій рабъ, всенедостойнѣйшій пастушокъ Михайлъ валдайскій землепещусъ“. Указывая на эту подпись, Пекарскій прибавляетъ:

Это былъ не одинъ изъ духовныхъ, который именовалъ себя пастушкомъ; въ письмахъ къ Петру В. Стефанъ Яворскій часто подписывался: Стефанъ, пастушокъ Рязанскій ⁽¹⁾.

Театральныя представленія до Петра В. дѣлались только въ школахъ и при дворѣ: при Петрѣ они изъ царскаго дворца (Верха) были перенесены на красную площадь въ особо устроенный „комилійный домъ“. Въ 1702 г. въ Москву прибылъ изъ Данцига Юганъ Кунштъ съ своей труппой странствующихъ актеровъ. Представленія должны были происходить на русскомъ языкѣ: для этого переводились разныя пьесы съ иностранныхъ языковъ. Въ то же время давались и школьныя духовныя драмы, трагедіи и комедіи. Въ этихъ духовныхъ драмахъ, при изображеніи духовныхъ предметовъ, вставлялись также сцены, изображавшія современныя событія. Въ пьесѣ: „Страшное изображеніе втораго пришествія Господня“ было представлено, какъ „Самолюбіе и Гордыня“, олицетворяющія польскій сеймъ, возмущающія противъ польскаго короля Августа его подданныхъ, за то, что онъ хотѣлъ соединиться съ Петромъ В. противъ Карла XII, и какъ Фортуна вручаетъ Марсу Роксоланскому т. е. Петру В. знаменія побѣды. Въ пьесѣ префекта московской академіи, Іосифа Туробойскаго изображается: „Преславное торжество освободителя Ливоніи и присоединеніе къ Россіи Ингерманландіи и Ливоніи“. Въ пьесѣ: „Божіе уничиженіе гордыхъ уничиженіе“ представлены побѣда надъ Шведами при Полтавѣ, измѣна и бѣгство Мазены ⁽²⁾. Въ 1701 г. въ Москвѣ „благородными великороссійскими младенцами“, учениками славяно-греческо-латинской Академіи, была представлена комедія, подъ заглавіемъ: „Ужасная измѣна сластолюбиваго житія, съ прискорбнымъ и нищетнымъ, въ евангельскомъ пиролюбцѣ и Лазарѣ изображенная“ ⁽³⁾.

Но самымъ характернымъ произведеніемъ въ области драматической литературы петровской эпохи была, разумѣется, „Трагедокомедія Владиміръ“ Теофана Прокоповича. Прокоповичъ написалъ ее еще въ то время, когда былъ преподавателемъ поэ-

⁽¹⁾ Наука и литер. 1, 368—370.

⁽²⁾ Мистеріи и старинный театръ въ Россіи. П. Некарскаго. Совр. 1857 №№ 1 и 2: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В. (глав. XIV). Русскія интермедіи первой половины XVIII в. Тихонравова въ Лѣтоп. русск. литер. т. III. Хроника русскаго театра Носова. Съ новыми розысканіями о первой эпохѣ русскаго театра. Е. В. Барсова. Изд. общ. ист. и древ. Москва 1884.

⁽³⁾ Она напечатана И. А. Шляпкинымъ въ Памяти. древней письменности 1882 г.

зи въ кievской академіи, въ 1705 г. ⁽¹⁾. По формѣ она принадле-
житъ къ тѣмъ же школьнымъ драмамъ, которыя мы сейчасъ ука-
зали, но отличается отъ нихъ большею свободою отъ тѣхъ схо-
ластическихъ правилъ, которымъ онѣ подчинялись. Трагедокомедіей
она называется потому, что въ ней къ серьезному трагическому
элементу присоединяется элементъ комическій: „трагедокомедія,
говоритъ Прокоповичъ, есть смѣшанный родъ драматической
поэзіи изъ трагедіи и комедіи т. е. такой, въ которомъ смѣшное
и забавное смѣшивается съ серьезнымъ и трогательнымъ и лица
незначительныя съ знаменитыми“. Правда, и въ школьной драмѣ
употреблялись такъ называемыя интермедіи, или интерлюдіи т. е.
шуточныя піесы, но онѣ не принадлежали къ самой драмѣ, а толь-
ко вставлялись между ея дѣйствіями, между тѣмъ какъ комическій
элементъ въ трагедокомедіи Прокоповича распространенъ по всей
піесѣ и составляетъ ея существенную часть. Вся трагедія со-
стоитъ изъ пяти актовъ, съ прибавленіемъ прологовъ, эпилоговъ
и хора къ каждому акту. Содержаніе ея составляетъ принятіе
христіанской вѣры княземъ Владиміромъ; дѣйствующія лица:
князь Владиміръ, греческій философъ, проповѣдникъ, объясняю-
щій ему христіанскій законъ, три языческихъ жреца: Жериволь,
Куродъ и Піаръ, Духъ Ярополка, погибающій отъ зависти къ
брату и служащій въ піесѣ орудіемъ адскихъ силъ, дѣйствую-
щихъ противъ Владиміра; военачальники Владиміра, Мечи-
славъ и Храбрый, помогающіе Владиміру сокрушить язычество.
Историческихъ элементовъ въ трагедіи мало, и вообще вся исто-
рическая обстановка не богата; все вниманіе обращено на вну-
треннюю борьбу князя Владиміра, при его обращеніи въ хри-
стіанство, съ тремя врагами—міромъ, плотію и діаволомъ. По-
слѣ пролога, составляющаго предисловіе къ трагедокомедіи, въ
1-мъ дѣйствіи изображается, какъ адъ, узнавъ, что князь Вла-
диміръ хочетъ водворить въ Кіевѣ христіанскую вѣру, выслаетъ
на землю Духъ Ярополка, чтобы онъ возвѣстилъ предста-
вителю адскихъ силъ въ Кіевѣ, волхву Жериволу, о пред-

---

(1) Полное заглавіе трагедокомедіи такое: «Владиміръ, славенороссійскихъ
странъ князь и повелитель, отъ невѣрія тьмы въ свѣтъ евангельскій превращен-
ный Духомъ святымъ отъ Рождества Христова 988 г. нынѣ же отъ православ-
ной академіи могилеанской кievской, на позоръ россійскому роду, отъ благо-
родныхъ россійскихъ сыновъ, добрѣ здѣ воспитуемыхъ, дѣйствіемъ, еже отъ
пійти нарицается трагедокомедія, лѣта Господня 1705, іюля 3 дня показанный». —
Трагедія до сихъ поръ не напечатана. Мы пользовались превосходной статіей
Н. С. Тихонравова въ Журн. М. Н. Пров. 1879, май, гдѣ подробно изложено ея
содержаніе и сдѣланъ самый обстоятельный разборъ.

стоящихъ бѣдствіяхъ. Жериволь, впрочемъ, и самъ уже замѣтилъ, что Владиміръ въ послѣднее время охладѣлъ къ языческимъ жертвамъ, что богамъ его предстоитъ голодная смерть. Во 2-мъ дѣйствіи Жериволь, въ праздникъ Перуна, отправляется въ лѣсъ, зоветъ на помощь своихъ боговъ, заклинаетъ самый адъ, и вотъ являются къ нему представители тѣхъ темныхъ силъ, съ которыми Владиміръ долженъ вести борьбу—бѣсъ міра, бѣсъ плоти и бѣсъ хулы, или противства Божія“. Всѣ они своими рѣчами стараются отклонить Владиміра отъ мысли о христіанской вѣрѣ. Въ 3-мъ актѣ изображаются разные препятствія намѣренію Владиміра. Владиміръ, однакожъ, чувствуетъ въ себѣ перемѣну. Пораженный проповѣдью греческаго философа, онъ испытываетъ какой-то страхъ; языческія жертвы ему кажутся мерзкими; онъ обращается за совѣтомъ къ своимъ дѣтямъ. Глѣбъ совѣтуетъ князю просить у греческаго философа подробнаго объясненія христіанскаго закона; въ тоже время является Жериволь, и вотъ, по желанію князя, между христіанскимъ проповѣдникомъ и языческимъ жрецомъ происходитъ преніе о вѣрѣ. Въ 4-мъ актѣ изображается внутренняя борьба Владиміра, въ формѣ разныхъ его недоумѣній, возбужденныхъ въ немъ разными возраженіями со стороны міра, плоти и діавола; но твердый разумъ Владиміра побѣждаетъ всѣ препятствія, и онъ рѣшается „явѣ Христа исповѣсти“. Дѣйствіе оканчивается хоромъ, въ которомъ рѣшившемуся Владиміру представляется его прежняя жизнь, со всѣми ея суетами и прелестями. Въ 5-мъ дѣйствіи изображается паденіе язычества. Владиміръ запретилъ по всѣмъ городамъ жертвы и велѣлъ сокрушать идоловъ; разбитые кумиры сдѣлались игрушками для дѣтей; жрецы умираютъ съ голоду; военачальники Владиміра, Мечиславъ и Храбрый заставляютъ ихъ собственными руками сокрушать идоловъ. Наконецъ, на сценѣ является вѣстникъ, съ посланіемъ Владиміра, извѣщающимъ, что князь воспріялъ истинный законъ Христовъ. Трагедія оканчивается хоромъ апостола Андрея Первозваннаго съ ангелами, въ которомъ говорится, что какъ царь Соломонъ устроилъ храмъ въ Іерусалимѣ, по предписанію царя и пророка Давида, такъ и князь Владиміръ устроилъ зданіе православной церкви въ странѣ русской, по пророчеству апостола Андрея, сказавшаго: „здѣ возсіяти имать слава Божія“. Во второй половинѣ хора, по обычаю того времени, помѣщенъ панегирикъ знаменитымъ современникамъ, духовнымъ и свѣтскимъ, и особенно гетману Мазепѣ, который былъ патрономъ кievской академіи.—Трагедокомедія Прокоповича выше другихъ современныхъ драматическихъ піесъ въ этомъ родѣ; она представляетъ попытку къ настоящей драмѣ, въ которой изображается борьба Владиміра, какъ героя, какъ про-

свѣтителя русскаго народа, своимъ крещеніемъ положившаго начало его религіозному, умственному и нравственному образованію, и изображается не въ разговорахъ только, какъ изображаются герои въ другихъ піесахъ этого времени, но и въ самыхъ дѣйствіяхъ. Къ отличительнымъ свойствамъ трагедіи принадлежатъ та свобода мысли, яркость красокъ, смѣлость и рѣзкость слова, которыя выражались и во всей послѣдующей литературной дѣятельности Прокоповича. Эти свойства и ясныя намеки на современные пороки и недостатки, при изображеніи древняго времени, и дѣлали ее особенно интересною для современниковъ. Къ такимъ мѣстамъ въ трагедіи, между прочимъ, надобно отнести изображенія въ комическомъ видѣ языческихъ жрецовъ, Жеривола, Курояда и Піяра; въ нихъ несомнѣнно, съ осмѣяніемъ языческихъ жрецовъ, Прокоповичъ хотѣлъ указать на пороки и недостатки современнаго духовенства. Жериволь совершенно преданъ служенію плоти; онъ всецѣло сокрушаетъ безмѣрныхъ воловъ: ему хотѣлось бы, чтобы безпрестанно были праздники; другіе жрецы, Куроядъ и Піяръ не привыкли покушать себѣ пищу; все у нихъ было даровое: Куроядъ съ ужасомъ рассказываетъ Піяру, что онъ ходилъ на село „куррей куповати, а когда сіе было?“.

Указанныя піесы—комедіи и трагедо-комедіи—составлялись людьми учеными: въ нихъ выразились взгляды и сужденія передовыхъ людей новаго образованія. Рядомъ съ ними существовали еще *„Интерлюдіи, или междууброшенныя забавныя игрища“*, которыя были написаны также книжными людьми, но стоявшими близко къ народу, и знавшими народныя воззрѣнія на современные событія. По формѣ своей, интерлюдіи представляютъ рядъ забавныхъ, часто грубыхъ, сценъ, не связанныхъ ничѣмъ въ одно цѣлое, написанныхъ иногда силлабическими виршами, а иногда прозой. Онѣ интересны потому, что изображаютъ тогдашнее настроеніе народа, или той части народа, которая была недовольна многими реформами, казавшимися ей нарушеніемъ правилъ вѣры и древнихъ обычаевъ. Въ одной интерлюдіи изображается раскольникъ, который жалуется на то, что народъ нынѣ совсѣмъ испортился, что вмѣсто долгополага платья христіане стали носить кафтанъ и круглый картузь, стали брить бороды, а на голову надѣвать парики, подобно нѣмцамъ, что пришли, очевидно, послѣднія времена, когда долженъ явиться антихристъ.

«Какъ-то нынѣ люди увязли глубоко!

Какъ-то жить въ мірѣ несносно и жестоко!

Послѣдняя бо времена, видимъ, что приспѣли:

Бо и нѣкоторые отъ нашихъ старцовъ антихриста зрѣли.

Подобаше ему прийти на землю, когда нашу старую вѣру попрали
 Никонщики проклятые, свою же нѣкую нову, не знаему откуда, взяли.
 И не токмо вѣру нашу стару, святу и Богомъ устроенну,
 Стоглавемъ Макарьевскимъ крѣпко утвержденну,
 Попрали, но и платье долгое ужъ премѣнили,
 Еже апостоли святыя и пророки носили.
 Русскіе нынѣ ходять въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
 На главахъ же своихъ носятъ круглыя картузы.
 И тое они откуда взяли, ей недоумѣваемъ,
 И сказать о томъ истинно не знаемъ.
 Что законъ и правила святыхъ отецъ возбраняють:
 Свои брады наголо желѣзомъ обривають.
 Человѣцы ходять, якъ обезьяны:
 вмѣсто главныхъ волосъ носятъ наруки, будто нѣмцы поганы».

Эти жалобы были слѣдствіемъ указовъ Петра, изданныхъ въ 1705 г. о ношеніи иностранной одежды и бритьѣ бородъ и усовъ. Въ другой интерлюдіи изображается дьячекъ, жалующійся на то, что начальство приказываетъ отдавать дѣтей на ученье въ семинаріи.

«Лучше мнѣ теперь умереть,
 Нежели на это смотрѣть,
 Какъ моихъ дѣтей отнимають
 И въ семинарію на муку отбирають.
 Пожалуй, батюшко, умилосердись надъ нами!
 Напиши, пожалуй, что они еще не годны лѣтами.
 Всѣ мои знакомцы и вся моя родня! сберитесь сюда,
 Посмотрите, какая на меня пришла бѣда:
 Дѣтей моихъ отъ меня отнимають
 И въ проклятую семинарію на муку отбирають.
 О мои дѣтушки сердечные!
 Не на ученье васъ берутъ, но на мученье безконечное.
 Лучше вамъ не родиться на сей свѣтъ, а хотя и родиться,
 Того жъ часа киселіомъ задавиться и въ водѣ утопиться.
 О мои милые дѣтушки
 И бѣлые лебедушки!
 Лучше бъ васъ своими руками въ землю закопалъ,
 Нежели въ семинарію на муку отдалъ» (1).

И эти жалобы также вызваны были указами Петра 1708 и 1710 г., когда дѣтей духовныхъ предписано было отдавать на ученье въ греческія и латинскія школы, и тѣхъ, которые не хо-

---

(1) Лѣтописи русск. литер. т. II, стр. 37; 48—49.

тѣли учиться, не позволено было ставить ни въ попы, ни въ дьяконы, а отдавать въ солдаты. Кромѣ того, въ интерлюдіяхъ изображаются разныя смѣшныя сцены, которыя направлены противъ взяточничества, воровства, мошенничества, и въ которыхъ дѣйствующими представляются подьячіе, цыгане, литвинъ, грекъ, лекарь, маркитантъ, барышнякъ и т. п. Сцены эти не отличаются изяществомъ и рассчитаны на простой необразованный вкусъ; комизмъ ихъ заключается главнымъ образомъ въ разныхъ извращеніяхъ русскаго языка, какимъ онъ можетъ подвергаться въ устахъ невѣжественныхъ инородцевъ.

Къ повѣствовательнымъ произведеніямъ петровской эпохи относятся: „Гисторія о росіійскомъ матросѣ, Васи́лѣи Коріотскомъ, и прекрасной королевнѣ, Иракліи, Флоренской земли“ и „Исторія о славномъ храбрѣмъ Александрѣ, кавалерѣ росіійскомъ“. Въ первой повѣсти изображается судьба одного росіійскаго матроса. Васи́лій Коріотскій былъ сынъ бѣднаго дворянина. Выпросивъ благословеніе у отца, онъ отправился поискать счастья въ Петербургъ и записался въ морской флотъ въ матросы. Во время плаванія на одномъ кораблѣ въ Голландію, онъ былъ выброшенъ бурей на берегъ и попалъ на островъ разбойниковъ. Здѣсь, въ плѣну у разбойниковъ, онъ встрѣтилъ прекрасную королевну Флоренской земли, Ираклію, влюбился и вздумалъ освободить ее. Повѣсть рассказываетъ, какъ матросъ Васи́лій, сдѣлавшійся противъ воли атаманомъ разбойниковъ, послѣ разныхъ приключеній, женился на Иракліи и наконецъ самъ сдѣлался королемъ Флоренскимъ. На основаніи нѣкоторыхъ признаковъ, повѣсть можно считать оригинальнымъ произведеніемъ петровской эпохи, начала XVIII в. Въ ней говорится объ отправкѣ русскихъ матросовъ за море въ Голландію, для наукъ арихметическихъ и разныхъ языковъ, какъ о современномъ фактѣ. Духъ и колоритъ повѣсти такъ же принадлежатъ новому времени. Въ повѣстяхъ старой литературы говорилось больше о лукавствѣ, коварствѣ и другихъ порокахъ женщины, чѣмъ о добрыхъ ея качествахъ; въ повѣсти о Васи́лѣи Коріотскомъ, его возлюбленная королевна Ираклія представляется образцемъ добродѣтельной женщины, и вообще взаимныя отношенія героя и героини изображаются въ идеальномъ романтическомъ свѣтѣ: они влюблены другъ другу въ вѣчной вѣрности; если судьба разлучитъ ихъ, ни тотъ ни другая не должны ни съ кѣмъ вступать въ супружество⁽¹⁾. Къ тому же,

(1) Неизвѣстная повѣсть петровскаго времени. Л. Н. Майкова. Сиб. 1880 г. А. Н. Пыпинъ вѣроятнымъ источникомъ этой повѣсти считаетъ рукописную «Гисторію о гишпанскомъ шляхтичѣ Долгоруѣ». Смотри. Засѣданія Общества любителей древней письменности. Историч. Вѣстн. 1886 г.: августъ.

вѣроятно, времени относится и „Исторія о славномъ храбромъ Александрѣ, кавалерѣ россійскомъ“. Подобно матросу Василю Коріотскому, кавалеръ Александръ посланъ былъ также въ чужіе края, для приобрѣтенія полезныхъ свѣдѣній; но въ городѣ Лиллѣ, во Франціи, его плѣнила красота одной дѣвицы. Приключенія кавалера Александра съ этой дѣвицей, и другія любовныя приключенія, а также похождения друга его, Владимира, составляютъ содержаніе повѣсти (¹).—Къ переводнымъ произведеніямъ петровской эпохи относятся рассказы о Совѣсдралѣ и разные переводные любовные рыцарскіе романы, которые, по свидѣтельству современниковъ, весьма нравились тогдашнимъ читателямъ (²).

НАЧАЛО НОВОЙ ПОЭЗИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Происхожденіе и характеръ ложно-классическаго направленія въ европейскихъ литературахъ. По той мѣрѣ, какъ русскіе люди знакомились съ европейскимъ образованіемъ, по той мѣрѣ появлялись переводы произведеній европейскихъ литературъ; за переводами слѣдовали ихъ передѣлки, а потомъ и подражанія, и такимъ образомъ, по образцу европейскихъ литературъ, стала формироваться новая русская литература. Къ сожалѣнію, во всѣхъ европейскихъ литературахъ въ это время господствовало ложное направленіе. Познакомившись съ произведеніями греческой и римской литературъ, западные европейскіе народы начали рабски подражать имъ и при этомъ подражаніи до того увлеклись, что стали отказываться отъ своей національности, презирать свои народныя преданія, народную поэзію и даже свой родной языкъ. Конечно, произведенія классическихъ литературъ были изящны по формамъ и чрезвычайно богаты по содержанію; но, чтобы правильно воспользоваться ими, нужно было надлежащимъ образомъ понять ихъ, уяснить ихъ отличительныя свойства, логически и послѣдовательно развившіяся изъ началъ и формъ древней греческой и римской жизни. Существенная причина, почему поэтическія произведенія въ Греціи имѣли такое сильное образователь-

(¹) Повѣсть эта вполне еще не издана. Содержаніе ея, съ приведеніемъ небольшихъ выписокъ, изложено М. И. Сухомлиновымъ въ Библ. для чтенія 1858, № 12: сравн. также въ статьѣ Н. И. Петрова, о вліяніи западно-европейской литературы на древне-русскую, въ Труд. Кіев. академіи 1872 г. № 3.

(²) Обзоръ переводной повѣствовательной литературы, разныхъ романовъ, повѣстей и сказокъ въ XVII—XVIII в. сдѣланъ А. Н. Пыпинымъ въ статьѣ: „Допетровское преданіе въ XVIII в.“ Вѣстникъ Европы 1886; июль.

ное вліяніе на народъ, заключается въ томъ, что они были глубоко національны. Содержаніе греческаго эпоса составляли народныя преданія о Троянской войнѣ: въ одахъ Пиндара изображались народныя олимпійскія, немейскія и истмійскія игры грековъ, и воспѣвались герои, одержавшіе тѣ или другія побѣды на этихъ играхъ; въ трагедіяхъ Эсхила, Софокла и Еврипида выводились боги и богини греческой мифологіи, герои и героини народной героической легенды. Отсюда естественно слѣдовалъ такой выводъ, что и европейскимъ поэтамъ, для того, чтобы ихъ произведенія имѣли такое же значеніе и вліяніе на народъ, нужно заимствовать содержаніе для нихъ также изъ народной исторіи и народной жизни. Между тѣмъ, оставивъ въ пренебреженіи средневѣковыя народныя преданія, они начали копировать произведенія греческой и римской литературы. Совершенно справедливо, что въ этихъ литературахъ было много общечеловѣческихъ образовательныхъ элементовъ; но эти элементы нужно было выдѣлать изъ элементовъ временныхъ и національныхъ, и опредѣлить, что можетъ быть предметомъ подражанія и что не можетъ. Европейскіе поэты это также опустили изъ вниманія и начали подражать всему безъ разбора. У грековъ поэзія весьма тѣсно была соединена съ музыкой, и очень естественно, что Гомеръ началъ свою Іліаду словами: „Гѣнѣвъ, богиня, воякой Ахиллеса, Пелеева сына“; очень естественно, что оды Пиндара и другихъ лириковъ назывались „воспѣваніемъ“ героев и знаменитыхъ событій, а многія и начинались также словомъ: „пою“: это были дѣйствительныя *ωδαι* т. е. пѣсни. Европейскіе поэты писали свои стихотворенія вовсе не для пѣнія, а для чтенія; не смотря на то, подражая греческимъ поэтамъ, также свои поэмы и оды называли воспѣваніемъ героев и героическихъ событій. Собираясь восхвалять или воспѣть какое-нибудь событіе, или какого-нибудь героя, греческіе пѣвцы-поэты обращались къ Аполлону и музамъ, которыхъ считали виновниками поэтического одушевленія; европейскіе поэты, какъ христіане, конечно, не вѣрили ни въ Аполлона, ни въ музъ, но, не смотря на то, постоянно дѣлали воззванія къ нимъ въ своихъ произведеніяхъ. По ученію греческой мифологіи, разные боги и богини населяли всю природу и управляли всѣмъ міромъ, и потому въ произведеніяхъ греческихъ поэтовъ они являются часто главными дѣйствующими лицами. По ученію христіанскому, все въ мірѣ находится подъ управленіемъ Божественнаго Промысла; не смотря на то, европейскіе поэты, подобно греческимъ поэтамъ, въ своихъ произведеніяхъ также представляютъ греческихъ боговъ и богинь въ числѣ дѣйствующихъ лицъ. Чудесное мифическое, составляющее существенный элементъ греческаго эпоса, было слѣдствіемъ греческихъ религіозныхъ вѣ-

рованій, и очень естественно было, что въ Иліадѣ и Одиссееѣ дѣйствующими лицами постоянно являются разные боги и богини; но уже совершенно не естественно было, что тѣ же самые боги и богини являлись въ поэмахъ христіанскихъ — въ „Луизіадѣ“ Камюэнса, „Освобожденномъ Іерусалимѣ“ Торквато Тассо, „Потерянномъ раѣ“ Мильтона и „Генріадѣ“ Вольтера. Подобнымъ образомъ, и другія свойства греческой поэзіи развились въ тѣсной связи съ греческой жизнью. Лирическій безпорядокъ, встречающійся въ одахъ Пиндара, совершенно объясняется разнообразіемъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ приводилось говорить Пиндару при прославленіи героевъ, одержавшихъ тѣ или другія побѣды на играхъ; но уже совершенно не объяснимымъ становится то, что этотъ безпорядокъ, составляющій скорѣе недостатокъ, чѣмъ достоинство Пиндаровой оды, былъ признанъ европейскими поэтами однимъ изъ существенныхъ элементовъ оды. Правила о такъ называемыхъ „трехъ единствахъ“ — времени, мѣста и дѣйствія, бывшія основными законами классической драмы, образовались изъ характера театралныхъ греческихъ представлений, которыя происходили на одномъ мѣстѣ, съ одной обстановкой, и не допускали частой перемѣны декорацій, изображая соприкосновенныя съ главнымъ дѣйствіемъ событія, совершающіяся въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, не посредствомъ сценъ, или дѣйствій, а посредствомъ разсказовъ вѣстниковъ. Эти правила сдѣлались непреложными законами и для новой европейской драмы. Въ подражаніе разсказамъ классическихъ вѣстниковъ въ ней явились разсказы „наперсниковъ и наперсницъ“ и длинные разговоры съ ними героевъ и героинь. Такимъ образомъ, многія свойства греческой поэзіи, имѣвшія мѣстный и національный характеръ, были признаны основными и существенными чертами всякой поэзіи вообще: національныя формы греческаго эпоса, лирики и драмы — единственно возможными формами, такъ что, если у какого-нибудь народа являются эпосъ, лирика и драмы, то они должны быть именно такими, какими были у грековъ. По формамъ греческой и отчасти римской поэзіи составила и теорія классической поэзіи: по поэмамъ Гомера и Виргилія — теорія эпической поэмы; основнымъ свойствомъ ея былъ признанъ чудесный элементъ, который заимствовался изъ греческой мифологіи и героической легенды; по одамъ Пиндара и Горация — теорія оды, неизмѣнными частями которой считались приступъ, предложеніе, изложеніе, пареніе, или лирическій безпорядокъ и заключеніе; по трагедіямъ Эсхила, Софокла и Еврипида — теорія драмы и трагедіи, существеннымъ пунктомъ которой были правила о трехъ единствахъ.

Но тѣ приемы и формы, которые совершенно умѣстны были въ греческой поэзіи, какъ выродившіеся изъ греческихъ вѣрованій, греческой народной жизни, совершенно не умѣстны были въ европейской христіанской поэзіи, развившейся изъ новыхъ христіанскихъ началъ, и должны были сообщить ей ложный характеръ. Между тѣмъ, подражаніе не ограничивалось одними формами. Умѣстны съ формами, изъ греческой и римской поэзіи часто заимствовались и содержаніе. Сюжеты для драмъ и трагедій европейскіе поэты весьма часто брали изъ греческой и римской мифологій и героической легенды, изъ греческой и римской исторіи, а иногда и просто передѣлывали классическія драмы. При этомъ неизбежно, къ античнымъ воззрѣніямъ примѣшивались черты новаго христіанскаго міросозерцанія и новыхъ европейскихъ нравовъ и обычаевъ. Древніе, греческіе и римскіе, герои въ новой классической драмѣ не только являлись въ костюмахъ европейскихъ, но и говорили новымъ европейскимъ слогомъ и выражали новыя мысли и чувствованія. Въ другихъ родахъ, эпическомъ и лирическомъ, заимствованія изъ классической поэзіи дѣлались рѣже; но и въ поэмѣ и одѣ сюжеты, взятые изъ національной исторіи, и въ комедіи и сатирѣ явленія изъ современной жизни обрабатывались также по формамъ классическимъ; національнымъ героямъ въ Освобожденномъ Іерусалимѣ Тасса, въ Потерянномъ раѣ Мильтона, въ Генріадѣ Вольтера придавали характеры Агамемнона, Энея, Ахиллеса, Гектора и другихъ героев Іліады и Одиссеи; герои въ одахъ изображались по идеаламъ Горация: въ сатирахъ и комедіяхъ также часто встрѣчаются греко-римскія воззрѣнія. При такомъ направленіи, въ томъ и другомъ случаѣ, и классическіе сюжеты и національные получали одинаково ложное освѣщеніе. Все это сообщало новой поэзіи ложный характеръ. Классическая по формамъ и часто по сюжетамъ, она является не согласно съ классическою жизнію древнихъ народовъ, и потому совершенно справедливо названа „ложно-классическою“.

Такое ложно-классическое направленіе въ европейскихъ литературахъ начало развиваться еще съ эпохи Возрожденія наукъ. Подражаніе древнимъ литературамъ, естественно, должно было явиться прежде всего въ Італіи, гдѣ связь съ древнимъ образованіемъ никогда совѣмъ и не прерывалась. Изъ Італіи оно перешло во Францію и въ ней особенно утвердилось. Здѣсь, на основаніи ложно понятыхъ греческихъ и римскихъ образцовъ и пѣтики Аристотеля, составила та теорія „ложнаго классицизма“, которая такъ долго господствовала во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Первыми писателями въ этомъ направленіи, давшими

первые образцы новой классической поэзии, были въ области эпической поэзии Ронсаръ (1524—1585), написавшій поэму Франсиаду, въ драматической поэзии—Жодель (1532—1573), положившій начало классической драмѣ своей трагедіей Клеопатра, въ лирической—Франсуа Малербъ (1556—1628), давшій образцы подражательной французской лирики. Но высшаго развитія это направленіе достигло въ XVII в., при Людовикѣ XIV, когда Корнель (1606—1684), Расинъ (1639—1699) и Мольеръ (1622—1673) во всемъ свѣтѣ особенно прославили французскую драму, а Буало (1636—1711) изложилъ правила классической теоріи въ своей „L'Art poétique“, сдѣлавшейся законодательнымъ кодексомъ для всѣхъ европейскихъ литературъ. Такое быстрое развитіе классической поэзии во Франціи зависѣло, между прочимъ, и отъ политическаго состоянія этого государства. Желая окончательно подавить феодализмъ и утвердить господство монархическаго начала, французскіе короли вздумали воспользоваться пробудившимся тогда стремленіемъ къ изученію классическихъ литературъ, чтобы оторвать французское общество отъ средневѣковыхъ феодальныхъ преданій и направить къ совершенно другимъ интересамъ античнаго міра. Они приняли подъ свое покровительство изученіе древнихъ литературъ, поощряли ученыхъ и поэтовъ, подражавшихъ древнимъ поэтамъ. Но, поступивши подъ покровительство двора, поэзія неизбежно сама должна была сдѣлаться придворною и, измѣнивъ свой характеръ, получила придворный колоритъ. Чтобы поэтическія произведенія могли быть достойны вниманія двора, поэты должны были выводить въ нихъ только высокія лица, боговъ, героевъ, царей, полководцевъ. Выведенныя лица должны были вести себя, разсуждать и говорить, сообразно съ установившимися при дворѣ приличіями, сообразно съ придворнымъ этикетомъ, придворными правилами и обычаями. Отсюда развился тотъ педантическій пуризмъ, по которому древнихъ классическихъ героевъ пужно было облагораживать; древнія классическія произведенія вычищать и передѣлывать, исключая изъ нихъ все, что представлялось грубымъ и неприличнымъ съ точки зрѣнія придворной. Наконецъ, чтобы заслужить вниманіе двора, поэты стали прибѣгать къ придворнымъ средствамъ—къ раболовству и лести. Отсюда развился въ поэзіи тотъ хвалебный и раболовный тонъ, который составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ особенно классической поэмы и оды.

Внесеніе ложно - классическаго направленія въ русскую литературу. Россія съ классическимъ образованіемъ и литературой начала знакомиться еще до реформы Петра. Въ кievской и московской академіяхъ уже преподавались риторика и піитика,

составленные по классическимъ руководствамъ Аристотеля, Цицерона и Квинтилиана, изучались греческіе и латинскіе поэты, ораторы и историки, сочинялись разнаго рода рѣчи и писались стихотворенія (Симеономъ Полоцкимъ, Сильвестромъ Медвѣдовымъ и др.). Но такъ какъ образованіе въ этихъ академіяхъ было направлено къ религіознымъ цѣлямъ и потому имѣло характеръ религіозно-церковный, то изъ формъ классической литературы были приняты и усвоены преимущественно тѣ, которыя всего болѣе подходили къ общему складу образованія и могли содѣйствовать религіозно-церковнымъ цѣлямъ. Поэтому, въ энической поэзіи вошли въ употребленіе поэмы разнаго рода, въ лирической—духовныя оды, псалмы и канты, въ драматической—духовныя драмы или мистеріи. Изъ другихъ родовъ литературы особенно развилось духовное краснорѣчіе, въ формѣ проповѣди. Съ половины XVII в., какъ указано выше, начали появляться произведенія литературъ европейскихъ, какъ-то: Римскія дѣянія, рыцарскія новѣсти о Мелюзинѣ, о Петрѣ—Златыхъ ключахъ и Бовѣ Королевичѣ, жарты и фавеллы: но они переходили къ намъ не прямо, а чрезъ Польшу и въ польскихъ переводахъ и передѣлкахъ. Настоящее знакомство съ европейскими литературами началось послѣ реформы Петра, когда образованіе получило новое направленіе и новый характеръ. Первыми писателями, которые начали знакомить русскую литературу съ господствовавшимъ въ европейскихъ литературахъ классическимъ направленіемъ, были Кантемиръ и Тредьяковскій: но окончательное утвержденіе его въ русской литературѣ принадлежитъ Ломоносову и Сумарокову, которые представили лучшіе по тому времени образцы въ разныхъ литературныхъ формахъ этого направленія.

Такъ начала развиваться новая русская поэзія и литература. Настоящее самостоятельное значеніе она получила, впрочемъ, не скоро. Она долго не отдѣлялась отъ ученой или умственной дѣятельности вообще и составляла къ ней придатокъ и украшеніе. Правительство смотрѣло на поэзію, какъ на декорумъ, необходимый при придворныхъ и другихъ торжественныхъ праздникахъ, по случаю побѣдъ, дней рожденій, тезоименитствъ, бракосочетаній. Придворные сановники, богатые и знатные люди, смотрѣли на нее, какъ на предметъ пріятныхъ развлеченій въ свободное отъ дѣлъ государственныхъ время. Сами поэты и литераторы долго не придавали ей надлежащаго значенія. Кантемиръ въ „Письмѣ къ пріятелю“, которое онъ приложилъ, въ видѣ предисловія, къ своимъ стихотвореніямъ, замѣчаетъ, что, вступая въ новую должность (посланника), онъ не имѣлъ времени „къ такому дѣлу (т. е. поэзіи), къ которому только въ лишніе часы прилежать дозволено“. Самъ Ломоносовъ допускалъ значеніе поэзіи только въ формѣ

оды и эпопеи, для прославленія великихъ людей и знаменитыхъ событій, и почти никакого значенія не придавалъ драматическому роду, Сумарокова за сочиненіе драмъ и комедій называлъ комедіантомъ, и вообще смѣялся надъ его литературными занятіями, называя его стихотворныя произведенія „бѣднымъ ремесломъ“. Державинъ, восхваляя импер. Екатерину за покровительство поэзіи и поэтамъ, говорилъ ей:

«Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ».

Даже Фонъ-Визинъ, въ своей „Челобитной къ Россійской Минервѣ отъ русскихъ писателей“, выражаетъ тотъ же взглядъ на литературу, по которому она считалась не трудомъ важнымъ и полезнымъ, а „пріятнымъ развлеченіемъ въ часы досуга“, свободные отъ службы, какъ главнаго дѣла въ жизни, и потому просить „Россійскую Минерву“ допустить русскихъ писателей на государственную службу, какъ людей, желающихъ приносить пользу своему отечеству. Сообразно съ такими воззрѣніями на поэзію и литературу, и самимъ поэтамъ и литераторамъ не отдавали должнаго значенія. Имъ приказывали, давали на срокъ, какъ какимъ-нибудь ремесленникамъ, написать стихи на какой-нибудь торжественный случай, на плуминацію по поводу какого-нибудь праздника. Импер. Елисавета назначала Ломоносову и Тредьяковскому сочинять даже трагедіи для придворнаго театра. Личность самихъ поэтовъ такъ не высоко стояла въ обществѣ, что ихъ могли оскорблять не только бранными словами, но и дѣйствіемъ. Извѣстно, что вельможа Вольтеръ нѣсколько разъ билъ палкой Тредьяковского за то, что онъ не вдругъ явился на его требованіе сочинить шуточные стихи, по случаю шутовской свадьбы въ Ледяномъ домѣ. При такомъ положеніи литературы и писателей, очень понятно стремленіе поэтовъ искать себѣ защитниковъ и покровителей—меценатовъ. Безъ защиты и покровительства Разумовскаго, Шувалова, Воронцова, Панина, Орловыхъ, Потемкина и самой импер. Екатерины II не могли бы такъ свободно писать ни Ломоносовъ, ни Державинъ, ни Фонъ-Визинъ. Такой взглядъ на поэзію и поэтовъ перешелъ къ намъ также изъ европейскихъ литературъ и особенно изъ французской литературы. Во французскую же литературу онъ перешелъ изъ римской литературы. Подражая классическимъ литературамъ, французы брали во многомъ за образецъ не греческую, а римскую литературу, и усвоили римскіе литературные нравы, какіе господствовали въ Римѣ въ эпоху Августа. Въ Римѣ же, какъ извѣстно, по-

эзія совсѣмъ не имѣла того высокаго первенствующаго значенія, какимъ она, вмѣстѣ съ философіей и наукой, пользовалась въ Греціи. Философія въ Греціи преподавалась публично, на городскихъ площадяхъ или въ портикахъ; въ Римѣ же она, какъ и всякая наука, находила пріютъ въ загородныхъ виллахъ богатыхъ и знатныхъ людей, подобныхъ Мecenату, Азинію Полліону и др. Драмы и комедіи въ Греціи сначала представлялись на открытыхъ мѣстахъ, а потомъ въ огромныхъ театрахъ; у Римлянъ, напротивъ, строились огромные цирки для конскихъ ристаній, травли звѣрей и боя гладиаторовъ; драмы же и комедіи представлялись на театрахъ гораздо рѣже, а большею частію читались также въ домахъ знатныхъ людей, любителей поэзіи, на домашнихъ собраніяхъ. Поэтовъ, ораторовъ и ученыхъ людей въ Греціи награждали народъ, раздавая лавровые вѣнки послѣ театральныхъ представленій, или на общественныхъ играхъ, олимпійскихъ, немейскихъ, пестійскихъ; въ Римѣ же ученые, поэты и писатели находили одобреніе и награду у мecenатовъ—любителей и покровителей науки и литературы. На занятія наукой и литературой въ Римѣ смотрѣли какъ на пріятное и благородное развлеченіе въ часы досуга отъ дѣлъ частныхъ и общественныхъ. Это занятіе и называлось „otium“ и противопоставлялось „negotium“. Къ цѣли отдыха и развлеченія, при занятіяхъ литературныхъ, прибавлялась только одна серьезная цѣль—примѣшивать, по возможности, къ пріятному полезное. „Omne tulit punctum“, говорилъ Гораций въ посланіи *De arte poetica*, „qui miscuit utile dulci“. А это „utile“ въ поэзіи было наставленіе, посредствомъ осмѣянія разныхъ пороковъ и недостатковъ въ жизни и посредствомъ изложенія при этомъ нравственныхъ правилъ, употреблявшееся въ дидактическихъ посланіяхъ и особенно въ сатирѣ, о которой, поэтому, и говорилось, что она „*ridendo castigat mores*“. На основаніи этого воззрѣнія развилось въ римской литературѣ дидактическое направление, перешедшее изъ нея въ европейскую классическую литературу, а потомъ и въ нашу литературу. Дидактизмъ составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ и въ нашей новой литературѣ, во время господства въ ней ложно-классическаго направленія, отъ начала ея до Карамзина.

Что касается, наконецъ, значенія ложно-классическаго направленія, то внесеніе его въ русскую литературу, какъ извѣстно, считается большимъ несчастіемъ, потому что оно съ самаго начала поставило ее на ложный путь и, утвердивъ въ ней рабскую подражательность иностраннымъ литературамъ, на долго задержало ея національное развитіе. Въ слѣдствіе этого, въ эпоху художественной эстетической критики, весь періодъ этой подражательной литературы находили недостойнымъ серьезнаго внима-

нія и изученія. Но ложно-классическое направленіе, по самому историческому ходу развитія европейскихъ государствъ, какъ мы видѣли, сдѣлалось необходимою ступенью въ ихъ развитіи, которую миновать было совершенно невозможно и для Россіи, стремившейся усвоить просвѣщеніе: этимъ направленіемъ проникнуты были всѣ литературы, съ которыми она должна была познакомиться. Правда, въ произведеніяхъ европейскихъ литературъ, которыя подражали древнимъ литературамъ, было, какъ указано выше, весьма много недостатковъ; но, при этихъ недостаткахъ, въ нихъ въ тоже время было много и общечеловѣческихъ образовательныхъ элементовъ, добытыхъ какъ древнеклассическимъ образованіемъ, такъ и новою европейскою наукою. Россія непремѣнно должна была усвоить эти образовательные элементы, хотя они заключались въ несовершенныхъ подражательныхъ формахъ. Съ другой стороны, какъ въ произведеніяхъ ложно-классическихъ европейскихъ литературъ, въ разсказахъ, взятыхъ изъ греческой мифологіи, или греческой легенды, ясно просвѣчивали современные европейскіе нравы, и классическіе герои и героини высказывали современныя европейскія идеи и стремленія, такъ и въ подражательныхъ произведеніяхъ русской литературы перваго періода, при заимствованныхъ формахъ, а часто и содержаніи, нельзя не видѣть русскаго духа и характера. Начиная съ сатиръ Кантемира, въ чужія формы вставляются картины русскихъ нравовъ, и чѣмъ далѣе идетъ развитіе литературы, тѣмъ болѣе и болѣе является въ ней народныхъ элементовъ. Наконецъ, въ этой же подражательной русской литературѣ развивается и протестъ противъ подражательности всему иностранному и особенно французскому и возбужденіе къ самостоятельному и національному развитію. Все это сообщаетъ нашей новой литературѣ перваго періода чрезвычайно важное историческое значеніе. При изученіи ея мы можемъ прослѣдить весь путь развитія русскаго образованія со времени реформы, на новыхъ европейскихъ началахъ, отъ первыхъ его шаговъ до того времени, когда оно пріобрѣтаетъ болѣе твердую и болѣе самостоятельную почву.

СОЧИНЕНІЯ А. Д. КАНТЕМИРА.

Воспитаніе и образованіе Кантемира. Первые опыты въ новой русской поэзіи и художественной литературѣ принадлежатъ человѣку не русскому по происхожденію, хотя и получившему свое образованіе въ Россіи ⁽¹⁾. Антиохъ Дмитріевичъ Кантемиръ

⁽¹⁾ Полное изданіе сочиненій Кантемира сдѣлано П. А. Ефремовымъ: Сочиненія, письма и избранные переводы князя Антиоха Кантемира т. 1 и 2. Спб.

(род. въ Константинополѣ 1708, ум. въ Парижѣ 1744 г.) былъ сынъ Молдавскаго господаря, Димитрія Кантемира, переселившася въ Россію послѣ Прутской войны въ 1711 г.; мать его была гречанка, княгиня Смарагда Кантакузена, изъ рода греческихъ императоровъ. Первымъ домашнимъ учителемъ Кантемира былъ греческій священникъ, Анастасій Кондоиди (въ послѣдствіи Анастасій, епископъ Вологодскій), учившій его языкамъ, греческому, латинскому и итальянскому. Преобладаніемъ греческаго элемента въ семьѣ Кантемира объясняется то, что Кантемиръ, будучи только 10 лѣтъ, въ Московской академіи, въ присутствіи Петра В. произнесъ на греческомъ языкѣ похвальное слово ангелу своего отца, св. Дмитрію Солунскому. Русскому языку училъ Кантемира воспитанникъ московской академіи, Иванъ Ильинскій, бывшій потомъ переводчикомъ при Академіи наукъ. Отъ него Кантемиръ усвоилъ силлабическій размѣръ, которымъ и началъ писать свои стихотворенія. Подъ его же, вѣроятно, вліяніемъ и руководствомъ, Кантемиръ составилъ симфонію на Псалтырь, изданную въ 1727 г.; Ильинскій самъ занимался составленіемъ симфоній на четыре Евангелія и Дѣянія апостольскія, напечатанной въ 1733 г. Послѣ домашнего образованія, Кантемиръ учился нѣсколько времени въ московской академіи, а по открытіи Академіи наукъ, въ академической гимназіи, гдѣ слушалъ математику у академика Бернулли, физику у Бюльфингера, философію у Гросса. Главнымъ источникомъ образованія для Кантемира служили произведенія греческихъ и римскихъ писателей, и особенно сочиненія любимаго его поэта Горация; изъ наукъ же всего болѣе ему нравилась бывшая тогда въ модѣ нравственная философія. вмѣстѣ съ дидактической лирикой Горация, она преимущественно развила и укоренила въ немъ то дидактическое направленіе, которое составляетъ отличительную черту его сочиненій.

Служебная дѣятельность Кантемира. Начало служебной и литературной дѣятельности Кантемира относится къ царствованію Петра II, когда при дворѣ возвысилась русская партія,

---

1867 г. Въ предисловіи къ этому изданію указаны прежнія изданія въ 1762, въ 1836, изданіе Смирдина въ 1848 г. При изданіи Ефремова приложена статья В. Я. Стоюнина, въ которой представленъ обстоятельный обзоръ жизни и сочиненій Кантемира. Избранныя сочиненія Кантемира, съ біографіей и указаніемъ всѣхъ статей о немъ, издан. Перевѣскимъ въ 1849 г. Изслѣдованія о сатирахъ: В. А. Жуковскаго: О сатирѣ и сатирахъ Кантемира, сочин. т. VI; Галахова въ XI № Отеч. Зап. 1848 г. и Дудышкина въ XI № Современника того же года.

во главѣ которой стояли Долгорукіе и Голицыны; но не русскій по происхожденію и воспитанный хотя въ Россіи, но по началамъ европейскаго образованія, Кантемиръ не могъ сочувствовать этой партіи, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ ея торжества, онъ, какъ и другіе, опасался гоненій на реформы и возвращенія старыхъ порядковъ; онъ сталъ на сторону новой, или иностранной партіи, во главѣ которой находились Остерманъ, Теофанъ Прокоповичъ, Татищевъ и др. Сочувствіе Кантемира къ этой партіи вполне выразилось въ его первой сатирѣ „На хулящихъ ученіе“, которая была написана противъ враговъ реформы и новаго образованія, и въ которой самыя рѣзкія насмѣшки были направлены противъ монашества, считавшагося главнымъ противникомъ реформы, съ яснымъ указаніемъ на главнаго его представителя и личнаго врага Прокоповича, Ростовскаго архіеп. Георгія Дашкова. Прокоповичъ и вся новая партія приняли сатиру Кантемира съ восторгомъ; Прокоповичъ написалъ ему привѣтственные стихи, въ которыхъ назвалъ его рогатымъ пророкомъ:

«Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
Знаю, какоюй достоинъ ты славы:
Да почто жъ было имя укрывать?
Знать, тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ трикраты.
Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ толь здравый;
Пусть весь міръ будетъ на тебя гнѣвливыи,
Ты и безъ счастья довольно счастливый».

Подобное же привѣтствіе въ латинскихъ стихахъ написалъ Кантемиру другой сторонникъ реформы, новоспасскій архимандритъ, Теофілъ Кроликъ ⁽¹⁾. Ободренный ихъ похвалами, Кантемиръ сталъ продолжать писать сатиры, которыя сдѣлали имя его популярнымъ въ обществѣ, какъ защитника наукъ. Между тѣмъ, случилось обстоятельство, которое должно было выдвинуть его впередъ и на служебномъ поприщѣ. При возшествіи на престолъ Анны Іоанновны, Верховный Совѣтъ вздумалъ ограничить права ея самодержавія; но дворянство подало адресъ императрицѣ съ просьбою царствовать самодержавно; адресъ этотъ составляли Татищевъ и Кантемиръ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется то, что Кантемиръ такъ скоро возвысился на служебномъ поприщѣ, что 22 лѣтъ былъ назначенъ резидентомъ при посольствѣ въ Англіи. Исполняя обязанности резидента въ Лондонѣ, Кантемиръ прилежно занимался чтеніемъ книгъ, переводилъ пѣсни

---

(1) Сочин. Кантемира изд. Ефремова, т. 1, 22—24.

Анакреона, оды и посланія Горация, исторію Іустина и др. Въ 1738 г. Кантемиръ былъ переведенъ посланникомъ въ Парижъ ⁽¹⁾. Здѣсь онъ познакомился съ знаменитыми въ то время французскими учеными и писателями, Монтескье, и перевелъ его „Персидскія письма“, Мопертюи, подъ руководствомъ котораго написалъ книгу объ алгебрѣ, и Фонтенелемъ и перевелъ его книгу „О множествѣ міровъ“. При такой любви къ ученымъ и литературнымъ занятіямъ, Кантемиръ могъ написать очень много сочиненій и сдѣлаться знаменитымъ русскимъ писателемъ; но, къ сожалѣнію, частыя непріятности по службѣ скоро разстроили его слабое отъ природы здоровье, и онъ умеръ въ 1744 г. на 36 г. отъ роду.

Значеніе Кантемира въ исторіи новой русской литературы. Въ исторіи литературы Кантемиръ занялъ мѣсто, какъ сатирикъ, положившій своими сатирами начало новой русской поэзій и въ частности литературѣ сатирической. Объясняя появленіе новой русской поэзій въ такой формѣ, какой у другихъ народовъ заканчивается развитіе поэзій, обыкновенно говорятъ, что такой именно формы требовало тогдашнее состояніе русскаго общества, состояніе борьбы невѣжества съ возникавшимъ просвѣщеніемъ, старой жизни съ новою, когда прежнія начала жизни совершенно поколебались, а новыя еще не выработались, и когда, въ слѣдствіе этого, явилось безобразное смѣшеніе старины и новизны, старыхъ понятій, нравовъ и обычаевъ съ новыми понятіями, приводившее русское общество къ такой безпорядочной жизни, что она, естественно, должна была вызвать противъ себя самое рѣзкое порицаніе и осужденіе со стороны умныхъ и благонамѣренныхъ людей. При такомъ возрѣніи, литературная дѣятельность Кантемира представляется въ тѣсной связи съ дѣятельностію писателей петровской эпохи и является съ одной стороны ея продолженіемъ, а съ другой — дальнѣйшимъ шагомъ впередъ. Задачею литературы петровской эпохи было — опровергать старыя понятія и доказывать необходимость разныхъ реформъ и европейскаго образованія; эту задачу должны были преслѣдовать и писатели послѣ Петра, потому что и послѣ Петра еще долго существовала оппозиція противъ реформы и много было противниковъ новаго образованія и новыхъ порядковъ; но эта задача должна была расшириться, или лучше, къ ней должны были присоеди-

---

(1) Смотр. Статьи В. Я. Стоюнина: «Князь Антиохъ Кантемиръ въ Лондонѣ». Вѣстн. Европы 1867; т. I и II. «Князь Антиохъ Кантемиръ въ Парижѣ» Вѣстн. Европы 1880; т. IV.

ниться еще новыя задачи. Явилась потребность не просто доказывать и защищать необходимость реформъ и европейскаго образованія, но еще руководить русское общество при ихъ усвоеніи, объяснять, въ чемъ должно заключаться новое образованіе. Большинство русскихъ людей поняли европейское образованіе чисто внѣшнимъ образомъ, какъ умѣнье одѣваться и жить по европейски, пользоваться всѣми удобствами и пріятностями жизни, добытыми европейскою наукою и цивилизаціей, нисколько не заботясь объ усвоеніи самой науки и цивилизации. При этомъ, стараясь сдѣлаться европейцами, стали съ презрѣніемъ относиться ко всему отечественному, перенимая европейскіе обычаи, бросили всѣ благочестивые русскіе обычаи, вмѣсто хорошихъ качествъ часто усвоивали одни европейскіе пороки, и наконецъ, изучая иностранные языки, особенно французскій, начали отвыкать отъ своего роднаго языка. Такое положеніе дѣла не представляло ничего отраднаго: вмѣсто прежняго невѣжества развилось лжепросвѣщеніе, вмѣсто одного зла усиливалось другое, еще большее зло. Старая партія, естественно, находила въ этомъ сильнѣйшее побужденіе возставать противъ реформы вообще. Литература обязана была остановить такое извращеніе европейскаго образованія; она должна была объяснить русскому обществу, что европейское образованіе состоитъ не во внѣшности, что его нельзя надѣть на себя снаружи, какъ надѣвали европейскій костюмъ; что если смѣшнымъ кажется человѣкъ, надѣвшій чужое платье, сшитое не по его росту и сложенію, то еще смѣшнѣе становятся русскій человѣкъ, когда старается влѣзть въ кожу иностранца; что въ европейской цивилизаціи у каждаго народа весьма многое образовалось чisto изъ національных потребностей, обусловливаемыхъ религіозными вѣрованіями, политическими учрежденіями, климатомъ и другими особенностями страны и ея географическимъ положеніемъ, и слѣд. не можетъ быть свойственно русскому народу, воспитавшемуся при другихъ національных условіяхъ; что въ европейскихъ нравахъ и обычаяхъ есть много и нехорошихъ сторонъ, отъ которыхъ желали бы освободиться и сами европейцы, и которыя, слѣдовательно, усваивать совсѣмъ не слѣдуетъ. Литература должна была объяснить, въ чемъ именно заключается настоящее просвѣщеніе, что и какъ изъ европейскаго просвѣщенія можетъ быть перенесено на русскую почву и усвоено русскому народу, безъ уничтоженія его національности, безъ неестественнаго и слѣд. совершенно невозможнаго превращенія русскаго человѣка въ иностранца. Ясное представленіе объ этихъ задачахъ возникло въ литературѣ, разумѣется, не вдругъ, но развивалось постепенно, въ продолженіе всего послѣдующаго періода. Не могъ вполнѣ сознать ихъ и Каптемиръ, которому, какъ

не русскому по происхожденію, не приходило, вѣроятно, и на мысль заботиться о сохраненіи національных элементовъ русскихъ при образованіи; но ему принадлежитъ честь, что онъ первый поднялъ вопросъ объ истинномъ просвѣщеніи, хотя въ общихъ чертахъ, на общечеловѣческихъ началахъ. Въ его сатирахъ, вмѣстѣ съ осмѣяніемъ невѣжества и лжепросвѣщенія, мы находимъ стремленіе объяснить, въ чемъ заключается истинное просвѣщеніе и какова должна быть жизнь людей образованныхъ.

Содержаніе и характеръ сатиръ Кантемира. Кантемиръ написалъ 9-ть сатиръ; 6-ть изъ нихъ написаны еще до отъѣзда за границу, остальные три уже за границей. Образцемъ сатиры въ классической поэзіи служила римская и французская сатира; этимъ образцемъ руководствовался и Кантемиръ. Онъ называетъ свои сатиры „топтаніемъ слѣдовъ“ Горация, Ювенала и Буало и въ своихъ примѣчаніяхъ и предисловіяхъ къ сатирамъ отдѣльно указываетъ, что у какого сатирика заимствовано. „Я въ сочиненіи своихъ сатиръ, говоритъ онъ, наипаче Горацию и Буалу французу послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ“. Это значитъ, что Кантемиръ бралъ у названныхъ сатириковъ сатирическіе приемы и формы сатиръ и въ заимствованныя формы вставлялъ картины русской жизни; впрочемъ, вмѣстѣ съ формами, онъ заимствовалъ не рѣдко и понятія и правила жизни, предписываемыя въ сатирахъ.

Первая сатира „Къ уму своему“ или „На хулящихъ ученіе“ написана Кантемиромъ въ 1729 г. по подражанію сатирѣ Буало: *A son esprit*. Въ этой сатирѣ Буало, подъ видомъ нападеній на свой умъ, нападаетъ на разныхъ невѣждъ своего времени. Подобно этому и Кантемиръ въ своей сатирѣ обращается къ своему уму и проситъ его успокоиться и не понуждать къ перу его руки, потому что авторство есть самый трудный путь къ славѣ, а потомъ изображаетъ разныхъ противниковъ науки.

«Уме незрѣлый плодъ недолгой науки!
 Покойся, не понуждай къ перу мои руки!
 Не писавъ, летящи дни вѣка проводи
 Можно, и славу достать, хоть творцемъ не слыти.
 Ведуть къ ней не трудныя въ нашъ вѣкъ пути многи.
 На которыхъ смѣлыя не зашнуетъ ноги.
 Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
 Девять сестеръ. Многи на немъ силу потеряли,
 Недошедь; нужно на немъ потѣтъ и томиться.
 И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ морю, чужится.
 Смѣется, гиушается. Кто надъ столомъ гнется.
 Пля на книгу глаза, большихъ не добьется
 Палатъ, ни раздѣвчична мраморами саду;
 Овцу не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду».

Послѣ этого обращенія къ уму, которое составляетъ предисловіе къ сатирѣ, выводятся разные противники науки, возстающіе противъ нея подъ разными предлогами. Первымъ противникомъ представленъ ханжа Критонъ, вооружающійся противъ науки подъ тѣмъ предлогомъ, будто наука вредитъ религіи.

«Расколы и ереси науки суть дѣти;
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
Приходить въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ.
Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ или слѣдомъ къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь, къ церкви соблазну. Библію честь стали;
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину».

Но изъ тѣхъ фактовъ, на которые далѣе указываетъ Критонъ, видно, что онъ религію, или вѣру и благочестіе, поставлялъ, главнымъ образомъ, въ соблюденіи внѣшнихъ обрядовъ. Въ лицѣ другаго противника науки, Сильвана, представленъ скупой дворянинъ, который не имѣетъ никакихъ другихъ интересовъ въ жизни, кромѣ приращенія доходовъ и, не понимая истиннаго значенія науки, возстаетъ противъ нея потому, что не видитъ отъ нея никакой практической пользы.

«Ученіе, говорятъ, намъ голодъ наводитъ.
Живали мы прежь сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ мы живемъ нынѣ.
Гораздо больше въ невѣжествѣ хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.

Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ; кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобы строй міра и вещей вывѣдать премѣну,
Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? Могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? Какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? Какъ бочекъ число съ виннаго заводу?

Травъ, болѣзней знаніе, голы все то врачи;
Глава ль болить? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Дать хочешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезъ мѣру

Течетъ; если спѣшно—жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутри никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводить,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входить».

Третій противникъ науки, веселый гуляка и кутила Лука жалуется на науку, что она удаляетъ человѣка отъ общества и не позволяетъ ему наслаждаться жизнью.

«Наука содружество людей разрушаетъ.
Люди мы къ сообществу Божіа тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріiali.
Что же пользы иному, когда я запрое
Къ чуланъ; для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ веселии, въ пирахъ мы жизнь должны проводить;
И такъ она не долга, на что коротати»....

Въ лицѣ четвертаго противника, Медора, представленъ типъ тѣхъ людей, которые поняли европейское образованіе чисто внѣшнимъ образомъ и полагали его въ модномъ платьѣ, прическѣ, въ манерахъ обращенія и пр.

«Медоръ тужить, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходится
Что не въ чемъ ужъ завертѣть завитыя кудри.
Не смѣнить на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Virgilій не стоитъ,
Рексу, не Цицерону похвала достойтъ».

Представивъ главныхъ противниковъ науки, Кавтемиръ наконецъ дѣлаетъ общій взглядъ на положеніе науки въ русскомъ обществѣ, и находитъ, что она еще далеко не получила въ немъ настоящаго мѣста и значенія, что на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ слѣдуетъ быть наукѣ, вмѣсто науки господствуетъ еще невѣжество.

«Златой вѣкъ до нашего не дотянулъ роду;
Гордость, лѣньность, богатство, мудрость одолѣло,
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходить,
Судить за краснымъ сукномъ, смѣло потки водить.
Наука ободрана, въ доскутахъ обшита,
Изъ всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ страдавши на морѣ корабельной службы».

Всѣ кричатъ: ни какой плодъ не видимъ съ науки;
Ученыхъ хотъ голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслить искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты,
Тому ужъ и въ самыя молодыя лѣты,
Всякая высша степень мзда ужъ невелика;
Семи мудрецовъ себя достойнымъ мнить lika».

Вторая сатира „На зависть и гордость дворянъ злонаправ-ныхъ“ написана, по словамъ Кантемира, съ тою цѣлію, чтобы „обличить тѣхъ дворянъ, которые, будучи лишены всякаго благо-правія, однимъ благородіемъ тщеславятся и сверхъ того завидуютъ всякому благополучію другихъ, кои чрезъ свои труды изъ низшаго въ знатное достоинство происходятъ“. Эту зависть возбу-дила въ дворянахъ петровская табель о рангахъ, по которой лич-ныя достоинства и заслуги были поставлены выше наслѣдствен-ныхъ дворянскихъ титуловъ и заслугъ предковъ, въ слѣдствіе чего и люди не дворянскаго происхожденія достигали высшихъ чи-новъ и должностей въ государствѣ. Разговорная форма сатиры между Филаретомъ (любителемъ добродѣтели) и Евгеніемъ (благо-роднымъ, или дворяниномъ) заимствована изъ 9-й сатиры Ювена-ла или 3-й сатиры Буало. Евгенийъ жалуется Филарету, что люди низкаго происхожденія возвышаются и предпочитаютъ ему, тог-да какъ предки его были знатны уже въ царство Ольги.

«Кто не всѣ еще стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ «сальныя», крича, «ясно свѣчи
Горять»; кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высокоу степень вспрыгнувши блистаетъ ⁽¹⁾;
А благородство мое во мнѣ унываетъ,
И не сильно принести мнѣ никакой польги.
Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги,
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны».

Отвѣчая на эту жалобу, Филаретъ говоритъ, что право на возвышеніе и награду имѣютъ только трудъ, заслуга и добродѣ-тель, что слѣд. тотъ, кто не отличается никакими добродѣтелями,

---

(1) Намекъ на князя Меншикова, который, говорятъ, въ молодости про-давалъ подовые пироги.

не может и требовать себѣ никакого почета и награжденія, хотя бы онъ происходилъ отъ знаменитыхъ предковъ.

.... «Грамота, плѣсню и червями
Изгрызена, знатныхъ насъ дѣтми есть свидѣтель,
Благородными явить одна добродѣтель.
Презрѣвъ покой, снесъ ли ты самъ труды военны?
Разогналъ ли предъ собою враги уstraшенны?
Къ безопаству общества расширилъ ли власти
Нашей рубежъ? Судъ судя, забылъ ли ты страсти?
Облегчилъ ли тяжкія подати народу?
Приложилъ ли къ царскому что ни есть доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободрены ль люди
Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди?»

Мало жъ пользуетъ тебя звать хоть сыномъ царскимъ,
Буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты не различишь и царскимъ.
Спросишь хоть у Нейбуша, таковы ли дрожжи
Люби, какъ пиво, ему; отречется трожи,
Знаетъ онъ, что съ пива тѣ славные остатки,
Да плюетъ на то, когда не какъ пиво сладки.
Разнится потомкомъ быть предковъ благородныхъ,
Иль благороднымъ быть»... (1).

Желая какъ можно нагляднѣе представить эту разность, Кантемиръ рисуетъ слѣдующую параллель между трудовою жизнью знаменитыхъ предковъ и лѣнливою и распущенною жизнью потомковъ:

«Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и раны;
Инымъ въ морѣ недруги и валы попораны;
Иной правду вѣсилъ тихъ, бѣгая обиды;
Всѣмъ были различныя достоинства виды.

Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душою
Грозно соплешъ, пока дня пробѣгутъ двѣ доли,
Зѣвнуль, растворилъ глаза, выпался до воли,
Тянешся ужъ часъ другой, нѣжишься, ожидая
Пойло, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая,
Изъ постели къ зеркалу однимъ прыгнешъ скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,

---

(1) Сочин. том. I, 36—40.

Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину.

Въ обѣдъ и на ужинѣ частенько двойся
Свѣча въ глазахъ, часто полъ подъ тобою вертится,
И обжорство тебѣ въ ротъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебя окружаетъ,
И глодая до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу и въ тебѣ хвалить разумъ смѣлый» (1).

Переходя отъ такихъ недостойныхъ потомковъ знаменитыхъ людей къ возвысившимся изъ низкаго рода современникамъ, которые возбудили въ Евгеніи зависть, Филаретъ говоритъ:

«Чтожъ въ Дамонѣ, въ Трифонѣ и Тулліѣ гнушно,
Что, какъ награждаютъ ихъ, тебѣ на смерть грустно?
Благонравны тѣ, умны, вѣрность ихъ не мала;
Слава наша съ трудовъ ихъ нѣчто воспріяла.
Правда, въ царство Ольгино предковъ ихъ не знали,
Думнымъ и намѣстникомъ ихъ дѣды не бывали,
И дворянства старостью считаться съ тобою
Имъ нельзя; да что съ того? Они вѣдь собою
Начинаютъ знатный родъ, какъ твой родъ начали
Твои предки, когда Русь Греки крестить стали.
И твой родъ не все таковъ былъ, какъ потомъ стался,
Но первый съ предковъ твоихъ, что дворянинъ звался,
Имѣлъ отца славою гораздо поуже,
Каковъ Трифонъ Туллій былъ, или и поуже.
Адамъ дворянъ не родилъ, но одно съ двухъ чадо
Его садъ копалъ, другой пашъ блеще стадо.
Ное въ ковчегъ съ собою спасъ все себѣ равныхъ,
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ;
Отъ нихъ мы все сілѣшь пошли. оинъ поранѣ,
Остави дудку, соху; другой попозднѣ» (2).

Третья сатира „О различіи страстей человѣческихъ“ написана въ формѣ посланія къ Θεοфану Прокоповичу. Въ ней изображены типы разныхъ страстей и пороковъ, подъ вымышленными именами скуница Хризиппа, мота Клеарха, любовитнаго Менадра, лицемернаго богомола Варлаама, льстеца и угодника вельможъ Фоки, самолюбиваго и тщеславнаго Гликона, пьяницы Клитеса, горлеца Иргана, льстеца Трофима, подозрительнаго и трусливаго Невія и завистливаго Зоила. При изображеніи этихъ

(1) Сочин. 1. 40—42.—(2) Сочин. 1. 355.

типовъ Кантемиръ подражалъ греческому писателю, Теофрасту, и французскому, Лабрюйеру, которые, по его словамъ, „оба показали себя въ ясномъ изображеніи различныхъ человѣческихъ нравовъ“. Кромѣ того, въ этой сатирѣ есть подражаніе Горацію (при изображеніи скупаго) и Ювеналу.

Четвертая сатира составлена по подражанію VII-й сатирѣ Буало. Подобно Буало, Кантемиръ въ ней обращается „къ своей музѣ“ и даетъ ей обѣщаніе не писать больше сатиръ на злонаправныхъ, но, послѣ нѣкотораго размышленія, находитъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, что кромѣ сатиры, онъ не способенъ ни къ какому другому роду сочиненій, а къ ней чувствуетъ призваніе, и, разсуждая такимъ образомъ, изображаетъ при этомъ разные пороки людей.

Пятая сатира „На человѣческія злонавія“ имѣетъ форму разговора между Періергомъ (любопытнымъ) и сатиромъ. Панъ, лѣсной богъ и начальникъ сатировъ, чрезъ каждыя три лѣта, разсылаетъ по нѣскольку изъ нихъ, во всеі край свѣта, для наблюденія надъ нравами и дѣлами людей: по возвращеніи сатиры разсказываютъ пану обо всемъ, что они видѣли. Въ сатирѣ представленъ одинъ изъ такихъ сатировъ, который долго жилъ у разныхъ людей и разсказываетъ Періергу о разныхъ страстяхъ, порокахъ и глупостяхъ человѣческихъ, какія привелось ему видѣть. Между прочимъ, изображается слѣдующая картина пьянаго города.

«Прибыль я въ городъ въ день нѣкой знаменитой.
Пришелъ я къ воротамъ, нашелъ, что спитъ, какъ убитой,
Мужикъ съ ружьемъ, который, какъ потомъ провѣдалъ,
Поставленъ былъ входъ стеречь; еще не обѣдалъ,
Было, народъ и солнце поларуга небесна
Не пробѣгло, а почти ужъ улица тѣсна
Была отъ лежащихъ тѣлъ. При взглядѣ я первомъ,
Чаялъ, что моръ у насъ былъ, да не пахнетъ стервомъ...
И вижу, что прочіе тѣхъ не отбѣгаютъ
Тѣлѣ люди, и съ нихъ самыхъ ины поднимаютъ
Руки, ины головы тяжки и румяны;
И слабость ногъ лишь не даетъ встать; словомъ, всеі пьяны».

Пораженный такимъ безобразнымъ явленіемъ, сатиръ спросилъ одного старца о его причинѣ. Старецъ ему отвѣчалъ: благочестивые предки наши установили, чтобы въ нѣкоторые дни въ году люди прекращали свои работы и проводили ихъ въ служеніи Богу и въ дѣлахъ благочестія; но этотъ уставъ люди совершенно извратили.

«Точно исполняется одна часть закона:
 Всяку работу кинетъ отъ вечера звона
 И тотъ самый, чья жена и малыя дѣти,
 Наги уже виѣтъ съ нимъ должны гладъ терпѣти.
 Впрочемъ, церковь иль пуста, иль полна однѣми,
 Кои казаться пришли, иль видѣться съ тѣми,
 Которыхъ индѣ нельзя видѣть столь свободно.

. . . . .
 День весь въ безчестныхъ потомъ злочинствахъ летаетъ.
 Праздность бо вносить въ умъ то, что вѣкъ бы не вспало
 Намъ въ трудахъ, и нудитъ къ злу, какъ коня въ бѣгъ жало.
 Сегодня одинъ изъ тѣхъ дней святъ Николаю,
 Для чего весь городъ пьянъ отъ края до края» (1).

Седьмая сатира „О воспитаніи“ написана въ формѣ посланія къ князю, Никитѣ Юрьевичу, Трубецкому. Она составляетъ подражаніе XIV-й сатирѣ Ювенала. Въ ней Кантемиръ доказываетъ, что отсутствіе воспитанія, или дурное воспитаніе служить причиною развитія въ дѣтяхъ дурныхъ наклонностей, страстей и пороковъ, и потому совѣтуетъ обращать на воспитаніе особенное вниманіе и излагаетъ для того нѣкоторыя правила.

. . . . . «То одно я знаю,
 Что если я добрую, лѣнивъ, запускаю
 Землю свою — обростетъ худою травою;
 Если прилежно вспашу, довольно покрою
 Навозомъ песчаную, жирнѣе ужъ станетъ,
 И довольный плодъ съ нея трудокъ мой достанетъ.
 Каково бъ съ природы рукъ сердце намъ ни пало
 Есть, есть время нѣкое, въ коемъ злу не мало
 Склонность уйдемъ, буде всю истребить не можемъ,
 И утвердиться въ добрѣ доброму поможемъ.
 Время то суть первыя младенчества лѣта.
 Большу часть всего того, что въ насъ, приписуемъ
 Природѣ, если хотимъ изслѣдовать зрѣло,
 Найдемъ воспитанія одного быть дѣло» (2).

Особенно сильное вліяніе на дѣтей имѣютъ примѣры другихъ, или среда, въ которой они воспитываются.

. . . . . «Часто дѣти были бы честнѣе,
 Еслибъ и мать и отецъ предъ младенцемъ знали
 Собою владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали.
 . . . . .

Полѣтка во снѣ, въ пирахъ провождаю;
Въ сластяхъ всякихъ поуши себя погружаю;
Однихъ счастливыми я зову лишь обильныхъ.

А однакожъ требую, чтобъ сынъ мой доволенъ
Былъ малымъ, чтобъ смиренъ былъ и собою воленъ,
Зналъ обуздать похоти, и съ одними znalся
Благонравными, и тѣмъ подражать лишь тщался.
По водѣ тогда мои вотще пишутъ вилы.
Домашній, показанный часто примѣръ силы
Будеть важной, и птти станетъ сынъ тропюю,
Котору протоптану видить предъ собою» ⁽¹⁾.

Характеръ идеала, изображаемаго въ сатирахъ Кантемира.
Подвергая осмѣянію и осужденію разныя дурныя стороны жизни, разные недостатки, глупости и пороки, Кантемиръ въ то же время училъ въ своихъ сатирахъ и правильной жизни, указывая идеалъ счастливой жизни и образецъ нравственной дѣятельности, приводящей къ такой жизни. Идеалъ счастливой жизни нарисованъ въ VI-й сатирѣ „Объ истинномъ блаженствѣ“.

«Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучать другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
Малый свой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Кое даетъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и средню забаву,
Гдѣ бъ съ другомъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишны часы прогнать скуки время,
Гдѣ бъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межъ мертвыми греки и латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
Учась знать образцомъ другихъ, что полезно
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно или любезно;
Желанія всѣ мои крайни составляетъ» ⁽²⁾.

Съ этимъ идеаломъ счастливой жизни тѣсно связывается и образецъ нравственной дѣятельности, изображенный въ VIII-й сатирѣ: „На безстыдную нахальчивость“. Для того, чтобы находить счастье въ довольствѣ малымъ, надобно во всѣхъ своихъ чувствахъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ соблюдать умѣренность, ни въ чемъ не

⁽¹⁾ Тамъ же, 155—156. — ⁽²⁾ Сочин. 1, 138.

увлекаться въ крайности, а строго держаться во всемъ золотой середины:

«Съ древле добродѣтели средину держали
Между двумя крайми, гдѣ злы нравы засѣдали.
«Глупо изъ младенчества звыкли мы бояться
Пищеты, презрѣнія, и тѣ всего мнятся
Зла горчае; потому бѣжимъ мы въ другую
Крайность, не зная въ вещахъ мѣру никакую;
Всяко однакожъ предѣлъ свой дѣло имѣетъ;
Кто пройдетъ, кто не дойдетъ, подобно шалѣетъ.
Грѣшникъ пѣстунъ Нероновъ, что тѣмы накопляетъ
Сокровищъ съ бѣдствомъ житія, да и тотъ, что чаеъ
Въ бочкѣ имя мудреца достать, часто голодъ
И мразъ терпя не уменьъ».

«Можно скудость не терпѣть, богатствъ не имѣя
Лишнихъ, и въ тихомъ углу покоенъ сѣдѣя,
Можно славу получить, хоть бы за собою
Полкъ людей ты не водилъ, хоть бы предъ тобою
Народъ шанки не сымалъ»⁽¹⁾.

Этотъ идеаль заимствованъ Кантемиромъ у Горація. Въ римской жизни во время Горація существовали два противоположныя направленія—суровое, безотрадное ученіе стоиковъ и чувственная, нравственная распушенность эпикурейцевъ. Недовольный такими крайностями, Горацій вздумалъ выбрать средину между ними и въ своихъ сочиненіяхъ проповѣдывалъ воздерживаться отъ всякихъ крайностей и увлеченій, соблюдать во всемъ умѣренность, спокойствіе въ настоящемъ и беззаботность о будущемъ. Такъ же поступать совѣтуетъ и Кантемиръ. Съ такимъ несложнымъ и невысокимъ идеаломъ, конечно, можно легко и счастливо прожить жизнь; но за то съ нимъ нельзя совершить и ничего высокаго и великаго; онъ не дастъ силы для подвиговъ самоотверженія и самопожертвованія, для борьбы со зломъ и неправдою, а поведетъ къ совершенному равнодушію во всѣхъ дѣлахъ, не касающихся лично человѣка, особенно въ дѣлахъ общественныхъ. Дѣйствительно, Кантемиръ, для того, чтобы избѣжать борьбы, гоненій, или непріятностей, и сохранить покой, совѣтуетъ и въ выборѣ между правдой и неправдой держаться также середины, и даже позволяетъ быть злымъ, если безъ вреда себѣ нельзя быть добрымъ.

..... «Лучшую дорогу
Пзбралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не стался,

(1) Сочин. 1, 141—142.

Буде ложью утаить правду не посмѣтъ:

Счастливъ, кто средины той держаться умѣтъ» ⁽¹⁾.

«Нельзя добрымъ быть? будь золъ, своимъ не къ изъязу.

Изряднѣ всякаго убѣгать порока.

Нельзя ль? укрой лишняго отъ младенча ока» ⁽²⁾.

Въ девятой сатирѣ „Къ солнцу“, или „На состояніе свѣта сего“, Кантемиръ изображаетъ невѣжество и суевѣріе, приведшія русскій народъ къ расколу. Онъ представляетъ типъ раскольника въ образѣ мужика, который „недавно оставилъ соху, аза въ глаза не знаетъ, а вретъ богословскія рѣчи, какія предъ иконы должно ставить свѣчи, что въ церквахъ вошло стариннѣ противно“ и т. д... изображаются тѣ же суевѣрія, которыя описаны уже въ первой сатирѣ и на которыя напали еще Теофанъ Прокоповичъ и другіе проповѣдники. Причиною ихъ Кантемиръ считаетъ невѣжество, существующее не въ одномъ простомъ народѣ, но во всѣхъ сословіяхъ. По этому поводу онъ глубоко сѣтуетъ о томъ, что просвѣщеніе, посѣянное Петромъ В., распространяется очень слабо. и наука даже въ высшихъ учрежденіяхъ существуетъ только на словахъ, а не на дѣлѣ. Вотъ какъ онъ изображаетъ одно изъ такихъ учрежденій (вѣроятно. Академію наукъ):

«Вонъ дивись, какъ ученія заводятъ заводы.

Строятъ безмѣрнымъ коштомъ тутъ палаты славны;

Славятъ, что ученія будутъ тамо главны.

Тщатся хоть именемъ умножить къ нимъ чести

(Коли не дѣломъ); пишутъ печатныя вѣсти:

«Вотъ завтра ученія высоки зачнутся,

Вотъ и учителя заморски соберутся.

Пусть какъ можно всякъ скоро о себѣ радѣтъ,

Кто оныхъ обучаться охоту имѣтъ».

Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,

Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ.

А пришесть, комплиментовъ увидить не мало,

Высокихъ же наукъ тамъ стѣни не бывало» ⁽³⁾.

Эта ревность о наукѣ и просвѣщеніи, выражающаяся повсюду въ сатирахъ Кантемира, и сообщила имъ ту высокую цѣну, какую онѣ имѣли въ глазахъ современниковъ. Въ художественномъ же отношеніи онѣ не имѣютъ особеннаго значенія. Кантемиръ самъ сознавалъ и высказывалъ это. Назвавъ ихъ „топаніемъ слѣдовъ“ Горація, Ювенала и Буало, онъ прибавляетъ, обращаясь къ своей музѣ:

«Истая Зевсова дочь (Аонна) перо ихъ водила;

Тебя чуть ли не съ другимъ кѣмъ Память родила.

(1) Сочин. 1, 47. (2) Тамъ же, 156. (3) Тамъ же, 1, 184.

Въ нихъ шутки вмѣстѣ съ умомъ цвѣтутъ превосходнымъ,
И слова гладко текутъ, какъ рѣка, природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ кто зрить себѣ досадно,
Не въ досаду себѣ мнитъ, что сказано складно,
А въ тебѣ что таково?» (1).

Дѣйствительно: картины въ его сатирахъ иногда очень характерны, но нисколько не изящны; выраженія весьма метки и сильны, но часто очень грубы и даже неприличны; силлабическій стихъ весьма тяжелъ и неуклюжъ. Всѣ эти недостатки, конечно, вполне объясняются какъ новостію литературнаго дѣла вообще, такъ и въ частности совершенною необработанностію литературнаго языка и стиха. Въ это время Тредьяковскій только что поднялъ вопросъ о русскомъ стихосложеніи, указывая на то, что русскому языку свойственъ стихъ не силлабическій, а тоническій, основанный на удареніяхъ; но онъ не могъ подтвердить своего мнѣнія собственными стихотвореніями. Кантемиръ, впрочемъ, обратилъ на него вниманіе и понялъ, что опредѣленное удареніе должно сообщить стиху болѣе гармоніи, и издумалъ соединить его съ силлабическимъ размѣромъ. Опытъ такого соединенія онъ сдѣлалъ въ VI-й сатирѣ, въ которой стихи вышли нѣсколько легче. По этому случаю онъ написалъ „Письмо къ пріятелю о сложеніи стиховъ русскихъ“ (подъ псевдонимомъ Харитона Макентина), въ которомъ онъ изложилъ правила стихосложенія, основаннаго на соединеніи силлабическаго размѣра съ удареніями (2).

Кромѣ сатиръ, Кантемиръ писалъ и оды (ода на возшествіе на престолъ Анны Іоанновны, 4 философскія оды: противъ безбожныхъ, о надеждѣ на Бога, ода на злобнаго человѣка и въ похвалу наукъ) и переложенія псалмовъ (36 и 72 псал.) и пѣсни и басни (6-ть басенъ), эпиграммы и посланія, и даже началъ писать поэму „Петриду“ (3) (написана одна первая книга). Но всѣ эти произведенія гораздо ниже сатиръ и не имѣютъ никакого значенія. Кантемиръ самъ чувствовалъ и откровенно сознавался, что ему „сродно писать лишь сатиры, а въ другомъ родѣ онъ неудачливъ, что слово у него вязнетъ въ зубахъ, забывавно, не красно и не сильно“, когда онъ принимается писать похвалы, или что нибудь другое, но умъ его оживляется, когда усмотритъ въ нравахъ что-нибудь вредное:

«Чувствую самъ, что тогда въ своей водѣ плаваю,
И что чтецовъ своихъ звать не заставляю;
Проворенъ, весель спѣшу, какъ вождь на побѣду» (4).

(1) Сатира IV. Сочин. I, 89. (2) Сочин. т. II, стр. 1—20.

(3) Петрида, или стихотворное описаніе смерти Петра В. напечатана въ Лѣтоп. русск. лит. и древн. кн. I. (4) Сат. IV, стр. 92—93.

Прозаическія, оригинальныя и переводныя, сочиненія Кантемира. Гораздо интереснѣе и важнѣе нѣкоторыя прозаическія сочиненія Кантемира, каковы „Письма о природѣ и человѣкѣ“, и переводныя: „Разговоры Фонтенеля о множествѣ міровъ“. Въ первомъ сочиненіи изложены философскія и нравственные размышленія, къ какимъ приводитъ человѣка созерцаніе и изученіе природы. „Счастіе человѣка, говоритъ Кантемиръ, состоитъ въ спокойной, уединенной отъ міра жизни въ природѣ, которая повсюду во всѣхъ своихъ твореніяхъ возвѣщаетъ Бога, и чѣмъ выше и совершеннѣе твореніе, тѣмъ болѣе въ его устройствѣ можно усматривать доказательствъ премудрости и благости Божіей“. Онъ разсматриваетъ землю, воду, воздухъ, облака, небо со звѣздами и планетами, разные роды и виды животныхъ и наконецъ природу человѣка, его тѣлесныя и душевныя силы, и во всемъ видитъ ясныя слѣды Божества. Отъ чего же, спрашиваетъ онъ послѣ этого, у нѣкоторыхъ философовъ являлось сомнѣніе и невѣріе въ Бога?... Отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Инымъ препятствуютъ познавать силу и власть Божества жизни ихъ безпорядки: упиваясь страстями своими, живутъ помраченные и не могутъ въ твореніи премудраго творца познати, къ чему надобно употребить прилежность, и страсти такъ людей ослѣпляютъ, что не могутъ видѣть свѣта, который ясно ихъ освѣщаетъ: они ни о чемъ иномъ не помышляютъ, какъ только о томъ, что льститъ и питаетъ вредныя и пагубныя страсти; умы ихъ отягощенные не могутъ къ невещественному простираться; все, что они не видятъ, не чувствуютъ, не осязаютъ, кажется имъ не право..... Я сомнѣваюсь, чтобы прямой былъ въ сердцѣ богоотступникъ, но только, какъ по глаголу пророка Давида: рече безумецъ въ сердцѣ своемъ нѣсть Бога, статься можетъ, что чрезъ непрестанныя мнѣнія пустыя и порочныя человѣкъ въ сердцѣ своемъ вѣру искоренить можетъ, но въ наказаніе довольно ему останется въ совѣсти угрызенія“⁽¹⁾. Письма Кантемира показываютъ, что онъ былъ человѣкъ религіозный и вмѣстѣ съ сочиненіями древнихъ философовъ и поэтовъ, изучалъ и сочиненія отцевъ и учителей церкви, Григорія Богослова, Августина и др. „Разговоры о множествѣ міровъ“ Фонтенеля, при первомъ своемъ появленіи во Франціи и во всей Европѣ обратили на себя всеобщее вниманіе. Излагая новую астрономическую систему, что „земля есть планета, которая вокругъ себя самой и около солнца вращается“, они сообщали много новыхъ свѣдѣній о мірѣ, еще больше возбуждали новыхъ любопытныхъ вопросовъ и предположеній. Поэтому Канте-

(1) Сочин. т. II, стр. 89—90.

миръ и вздумалъ перевести ихъ. „Книжка сія, говоритъ онъ, какъ скоро отъ господина Фонтенелла издана, почти на всѣ языки переведена и отъ разныхъ народовъ съ подобнымъ наслажденіемъ и жадностію читана, къ немалой славіи сочинителя. Въ ней онъ неподражаемымъ искусствомъ полезное забавному присовокупилъ, изъясняя шутками все, что нужнѣе къ вѣдѣнію въ физикѣ и астрономіи, такъ что всякому, кто съ прилежаніемъ читать любить, изъ нея легко научиться довольной части тѣхъ наукъ“⁽¹⁾. Переводъ книги Кантемиръ посвятилъ Петербургской Академіи наукъ „за полученное отъ ея премудрыхъ членовъ воспитаніе и наставленіе“. Къ сожалѣнію, книга не могла быть напечатана. Не только въ Россіи, но и во Франціи въ этомъ сочиненіи находили мнѣнія, противорѣчащія свящ. писанію и церковному ученію. Такимъ, между прочимъ, представлялось мнѣніе, что луна и другія планеты могутъ быть также населены какими-нибудь существами, какъ земля людьми, и что не все въ мірѣ создано исключительно для одного человѣка. „Нужно только разобрать, говорилъ Фонтенель въ Предисловіи къ своей книгѣ, маленькое заблужденіе ума. Когда кто тебѣ скажетъ, что мѣсяцъ населенъ, ты тотчасъ представляешь себѣ жителей тѣхъ людьми, намъ подобными, и если ты богословъ, тотчасъ наполнишься затрудненій. Потомство Адамово не могло простереться до луны, ни слободы тамъ населить. Слѣд. люди, которые въ лунѣ, не Адамовы дѣти, а въ Богословіи не малое помѣшательство, чтобъ обрѣтались такіе люди, которые бы не отъ него произошли. Не нужно больше говорить: всѣ возможные затрудненія на сіе одно сходятъ, и рѣчи, которыя бы пужно употреблять въ должайшемъ изъясненіи, будучи крайняго почтенія достойны, не прилично ихъ писать въ книгѣ такъ маловажной, какова сія“⁽²⁾.. „Мы всѣ съ природы, замѣчаетъ онъ въ первомъ разговорѣ, сдѣланы подобны нѣкоему аѳинейскому дураку, который вложилъ было себѣ въ голову, что всѣ тѣ корабли, которые приставали къ пирейской пристани, были его. Насъ подобно дурачество наше понуждаетъ думать, что вся тварь безъ изъятія создана для нашего употребленія, и когда спросишь у нашихъ философовъ, на что такъ великое множество звѣздъ неподвижныхъ, изъ которыхъ часть нѣкая могла бы тожъ дѣлать, что теперь всѣ дѣлають, слышно отвѣтствуютъ, что онѣ служатъ къ увеселенію очей нашихъ. На такомъ мнѣніи основавъ себя, вздумали себѣ, что надобно землѣ быть неподвижной въ средней точкѣ всего міра, а другимъ небеснымъ тѣлесамъ, которыя для нея сдѣланы, принимать трудъ

(1) Сочин. т. II, стр. 391. (2) Сочин. II, стр. 397.

ворочаться около ея, чтобъ свѣтить ей“ (1). — Кромѣ того, Кантемиръ перевелъ 10-ть посланій Горациа; нѣкоторыя пѣсни Анакреона; Персидскія письма Монтескье; Эпиктетово правоученіе; Юстипову древнюю исторію; жизнеописанія знаменитыхъ полководцевъ Корнелія Непота.

СОЧИНЕНІЯ В. К. ТРЕДЬЯКОВСКАГО.

Біографическія свѣдѣнія о Тредьяковскомъ. Кантемиръ занимался литературой только въ часы досуга отъ службы и могъ дать ей только одну форму сатиры. Преемникъ его, Тредьяковский посвятилъ литературѣ всю жизнь, старался обогатить ее всѣми формами и вообще служилъ ей съ такимъ горячимъ усердіемъ, что если бы терпѣніе и трудолюбіе могли замѣнить талантъ, то Тредьяковскому принадлежало бы самое почетное мѣсто въ новой русской литературѣ (2). Василій Кирилловичъ Тредьяковский былъ сынъ священника, родился въ Астрахани (въ 1703 г.) и первоначальное образованіе получилъ у жившихъ здѣсь римскихъ монаховъ (капуцинскаго ордена) миссіонеровъ, которые первые познакомили его съ словесными науками. Въ 1723 г., „желая большаго ученія“, онъ ушелъ въ Москву и поступилъ здѣсь въ славяно-греко-латинскую академію, гдѣ также занимался преимущественно словесными науками и началъ писать силлабическіе стихи. Въ академіи однакожь онъ не окончилъ курса. Спасаясь отъ наказанія за одинъ проступокъ (3), онъ убѣжалъ за границу, въ Голландію. Бывшій въ это время въ Гатѣ русскій посланникъ, Головкинъ

---

(1) Отрывокъ перевода Разговоровъ напечатанъ во II-й части сочиненій Кантемира, стр. 490—491, откуда и заимствованы приведенныя мѣста.

(2) Изданія сочиненій Тредьяковского: 1-е изданіе въ 1752 г., въ 2-хъ томахъ; 2-е изданіе Смирдина въ 1849 г. въ 3-хъ частяхъ; 3-е изданіе: Избранныя сочиненія, съ предисловіемъ Перевлѣскаго и съ приложеніемъ критическихъ статей о Тредьяковскомъ. М. 1849 г.—Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Тредьяковского помѣщены: въ Словарѣ митр. Евгенія. II. 210—225; въ предисловіи Перевлѣскаго къ изданію сочиненій Тредьяковского; въ статьѣ В. Варенцова: Тредьяковский и характеръ нашей общественной жизни въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Моск. Вѣд. 1860, № 36—37; въ сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVIII в. А. Куника. Но самая полная біографія Тредьяковского напечатана во II томѣ Исторіи Академіи наукъ II. Некарскаго, стр. 1—258.

(3) Говорятъ, впрочемъ безъ достаточныхъ основаній, будто онъ написалъ фальшивый видъ одному іеродіакому.

принялъ въ немъ участіе и отправилъ его въ Парижъ, снабдивъ рекомендательнымъ письмомъ къ парижскому посланнику, князю Куракину. Подъ покровительствомъ Куракина, Тредьяковскій поступилъ въ Парижскій Университетъ, въ которомъ тогда особенно славою пользовался историкъ Ролленъ. У Роллена онъ слушалъ исторію и словесность, у другихъ профессоровъ богословіе, философію и математику. Вообще, находясь въ Парижскомъ Университетѣ, онъ приобрѣлъ основательное образованіе, разнообразныя и обширныя свѣдѣнія, особенно въ латинской и французской словесности. По окончаніи курса, онъ выдержалъ публичный диспутъ и, получивъ аттестатъ, возвратился въ 1730 г. въ Россію съ самымъ горячимъ усердіемъ служить русской наукѣ и литературѣ ⁽¹⁾. Прежде всего Тредьяковскій занялъ должность переводчика при Академіи наукъ, и проходя эту должность, перевелъ весьма много полезныхъ книгъ. Въ 1733 г. былъ опредѣленъ академическимъ секретаремъ. Въ 1735 г. при Академіи наукъ было учреждено „Россійское собраніе“ любителей русскаго слова, и Тредьяковскій открылъ его рѣчью „О чистотѣ руссійскаго слова“. Въ этой рѣчи онъ первый указалъ Академіи на необходимость „доброй и исправной грамматики, полного и довольнаго лексикона, реторики и стихотворной науки“. Въ 1745 г. Тредьяковскій былъ сдѣланъ профессоромъ латинскаго и руссійскаго краснорѣчія въ Академіи наукъ и профессоромъ руссійскаго краснорѣчія при академическомъ университетѣ. Это званіе онъ получилъ, впрочемъ, противъ желанія Конференціи Академіи наукъ, которая, по его словамъ, не хотѣла впустить русскаго „въ свою компанію“. Когда Конференція отказала ему въ званіи профессора, онъ подалъ доношеніе въ сенатъ, съ объясненіемъ своихъ правъ на это званіе, и уже по представленію сената и просьбѣ покровителя его, графа Воронцова, импер. Елисавета даровала ему званіе профессора. Должность профессора Тредьяковскій проходилъ въ теченіе 18 лѣтъ съ неутомимымъ усердіемъ и въ числѣ многихъ другихъ воспиталь Поповаго и Барсова, которые были первыми профессорами русской словесности въ Московскомъ университетѣ. Въ Академіи Тредьяковскій, вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, ратовалъ за интересы русской науки и русскаго образованія. Когда академическій совѣтникъ, Таубертъ представилъ въ комиссію для сочиненія новаго уложенія свои предположенія объ улучшеніи Академіи, то Тредьяковскій сильно

(1) Смотри. Автобіографическую Записку, составленную самимъ Тредьяковскимъ въ 1754 г. Сборн. матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVIII в. Буника, ч. I, стр. XIII—XIV.

возсталъ противъ одного ихъ параграфа (§ 7), которымъ утверждалось предпочтеніе въ Академіи иноземцевъ противъ русскихъ: „Противень онъ (т. е. 7 параграфъ), говорилъ Тредьяковский, правотѣ натуральной, по коей каждый самого себя любить прежде, а потомъ уже другаго. Слѣдовательно, природный, гдѣ бы онъ ни служилъ въ сей имперіи, и буде заслужилъ, не долженствуетъ никогда быть понижаемъ предъ чужестраннымъ, ежели сей только что вступилъ въ службу. Обиденъ онъ нынѣшнимъ дѣйствительнымъ российскимъ членамъ и впредь быть имѣющимъ, ибо российские члены, сколько бы ни служили, всегда имѣютъ быть молодшими, для того, что нѣтъ надежды, чтобы выписывать перестали чужестранныхъ. Истребляетъ онъ охоту въ россиянахъ, чтобъ быть превосходными членами: ибо никогда имъ не можно будетъ старшинство себѣ получить, а честь питаетъ науки. Вводитъ худое и несправедливое употребленіе: ибо не выпишется членъ, который бы въ Германіи не былъ по какой-нибудь тетрадкѣ печатной славенъ: а сія тетрадка и будетъ преемникомъ къ произведенію его въ старшинство, такъ что хотя бы русскій и десять написалъ тетрадокъ, однако того выписаннаго члена и одна тетрадка всеконечно перевѣситъ. Совсѣмъ неосновательный резонъ, чтобъ для того такому члену отдавать старшинство, понеже онъ славенъ у себя въ своемъ искусствѣ, ибо хотя онъ и презрѣнно плясалъ въ Родосѣ, какъ то басенка говорить ⁽¹⁾, однако здѣсь долженствуетъ быть для него Родосъ: можетъ онъ и здѣсь также изрядно въ свое время поплясать и тѣмъ показаться“ ⁽²⁾. Въ 1759 г. Тредьяковский, по прошенію, былъ уволенъ отъ службы при Академіи.

Ученая и литературная дѣятельность Тредьяковскаго. Какъ во время службы на всѣхъ указанныхъ мѣстахъ, такъ и по окончаніи ея, въ отставкѣ, Тредьяковский постоянно и неутомимо занимался литературой, переводилъ разныя, ученые и литературныя, книги и писалъ собственные ученые сочиненія и стихотворенія разнаго рода. Вотъ его главныя переводныя сочиненія: поэма Буало „L'art poétique“, переведенная стихами: посланіе Горация „De arte poetica“, перев. прозой: 15-ть Эзоповыхъ басней, перев. силлабическими стихами: Телемахиа, или странствованіе Телемака, сына Улисса, перев. поэмы Фенелона (1651—1715) „Les aventures de Télémaque“: Вѣда въ островъ любви—переводъ

⁽¹⁾ Тредьяковский указываетъ здѣсь на свою эпиграмму «Самохвалъ», въ которой онъ хотѣлъ осмѣять Ломоносова.

⁽²⁾ Истор. Акад. наукъ II, 180—181.

французской повѣсти *Voyage de l'île d'Amour, ou la Clef de coeurs* par Paul Tallemant: Слово Фонтенеля (1657—1757) о терпѣнн и нетерпѣливости; Аргенида Барклая—переводъ съ латинскаго сатирико-аллегорическаго романа англійскаго писателя XVII в. ⁽¹⁾. Оригинальныя сочиненія Тредьяковскаго по теоріи и исторіи словесности: мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще; письмо къ пріятелю о нынѣшней пользѣ гражданству отъ поэзіи: способъ къ сложенію російскихъ стиховъ; рѣчь о чистотѣ російскаго языка; разсужденіе о комедіи вообще; предъизъясненіе объ проической поэмѣ, приложенное къ переводу Телемахиды; разсужденіе объ одѣ вообще, приложенное къ одѣ на слачу города Гданска (Данцига); о древнемъ, среднемъ и новомъ стихосложеніи російскомъ; слово о богатомъ, различномъ, искусномъ и несходственномъ витійствѣ, разговоръ между чужестраннымъ чловѣкомъ и російскимъ объ ореографіи. Сочиненія смѣшаннаго содержанія, по разнымъ предметамъ: слово о премудрости, благо-разуміи и добродѣтели; о безпорочности и пріятности деревенской жизни; разсужденіе объ истинѣ сраженія Гораціевъ съ Куріаціями; три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ російскихъ: о первенствѣ словенскаго языка предъ тевтоническимъ, о первоначаліи россовъ, о Варягахъ—руссахъ славянскаго званія, рода и языка. Стихотворныя сочиненія: ода торжественная о слачѣ города Гданска; ода на коронованіе импер. Елисаветы въ 1742 г.; 6 одъ похвальныхъ; 10 одъ священныхъ изъ псалмовъ; 12 парафразовъ стихотворныхъ изъ библейскихъ пѣсней; стихотворный плачь о кончинѣ Петра В.; ода о пріятностяхъ весны; трагедія Деидамія; Идиллія Нисса и нѣсколько мелкихъ стихотвореній ⁽²⁾.

---

(1) Кромѣ этихъ сочиненій Тредьяковскій перевелъ: Сенъ-Реміевы артиллерійскія записки (1732); Военное состояніе Оттоманской имперіи графа Марсилли (1737); Древнюю исторію (10 частей 1744—1762) и Римскую исторію (16 томовъ 1761—1767) Роллена; Житіе канцлера Франциска Бэкона, съ присовокупленіемъ сокращенія Бэконовой философіи; Истинная политика знатныхъ и благородныхъ особъ; 4 тома Кривіеровой исторіи о римскихъ императорахъ; 2 тома родословной татарской исторіи Абулгази Багадуръ хана; опытъ исторіи о разгласіи церквей въ Польшѣ, Вольтера (съ франц. 1769 г.).

(2) Незданныя сочиненія Тредьяковскаго: Язонъ и Титъ Веспасіанъ; книга подъ названіемъ Російскій парнассъ, къ которой приложены правила о просодіи; математическія записки съ историческими наблюденіями о спекиваніи наеши по старому и новому стилю; разсужденіе объ окончаніяхъ собственныхъ и прилагательныхъ именъ; пять разсужденій о силѣ правоучительной философіи и о натуральномъ правѣ; Теоція, или Богозрѣніе въ шести эпистолахъ. Нѣкото-

При оцѣнкѣ литературной дѣятельности Тредьяковскаго въ прежнее время обращали вниманіе главнымъ образомъ на его стихотворенія, которыя служили предметомъ насмѣшки. На основаніи его стихотвореній и составилось то одностороннее понятіе о немъ, какъ о смѣшномъ и бездарномъ писателѣ, которое перешло и въ исторію словесности и существовало въ ней до времени Пушкина. Правда встрѣчаются о Тредьяковскомъ хорошіе отзывы и у прежнихъ писателей, напр. у Татищева, Радищева и особенно у Новикова, который въ своемъ словарѣ замѣтилъ о немъ: „Сей мужъ былъ великаго разума, многого ученія, обширнаго знанія и безпримѣрнаго трудолюбія, весьма знающъ въ латинскомъ, греческомъ, французскомъ, италіянскомъ и въ своемъ природномъ языкѣ; также въ философіи, богословіи, краснорѣчіи и въ другихъ наукахъ. Полезными своими трудами приобрьлъ онъ себѣ бессмертную славу; и первый въ Россіи сочинилъ правила новаго руссійскаго стихосложенія, много сочинилъ книгъ, а перевелъ и того больше, да и столь много, что кажется не возможнымъ, чтобы одного человѣка достало къ тому столько силъ“ (1). Но только отзывъ Пушкина измѣнилъ прежній взглядъ на Тредьяковскаго и заставилъ критику обратить вниманіе не на одно его стихотворство, но на всю его ученую и литературную дѣятельность. „Тредьяковскій, сказалъ Пушкинъ, былъ почтенный и порядочный человѣкъ. Его филологическія и грамматическія изъясненія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшія понятія, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выборъ стиха доказываетъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Телемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ..... Вообще изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей. Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ

рыхъ сочиненія были написаны Тредьяковскимъ по два раза. Такъ, огромную исторію Релленя онъ перевелъ въ другой разъ послѣ того, какъ переводъ ея сгорѣлъ въ пожарѣ; два же раза онъ перевелъ Аргениду Барклаеву, потому что первымъ переводомъ остался недоволенъ. Не довольствуясь изложеніемъ въ стихахъ многихъ псалмовъ отдѣльно, онъ перевелъ всю псалтирь стихами и многія мѣста изъ Ветхаго и Новаго Завета. Кромѣ того, онъ переводилъ всѣ оперы, комедіи и интермедіи, представлявшіяся при дворѣ, сочинялъ стихи на иллюминаціи по случаю разныхъ торжествъ (Словарь митр. Евгенія, II, 210—225).

(1) Матеріалы для ист. русск. лит. II. А. Ефремова. Спб. 1867; стр. 106—107.

Тредьяковского (1). Дѣйствительно, сколько смѣшны и незначительны оригинальныя стихотворенія Тредьяковского, столько же важны и интересны его переводы по исторіи и словесности и собственные ученыя изслѣдованія по языку и словесности. Изъ переводныхъ сочиненій по словесности особенное значеніе въ то время имѣли Пославіе Горанія *De arte poetica* и Поэма Буало *L'Art poétique*, которыя считались тогда главными руководящими сочиненіями въ европейской классической поэзіи. Собственные изслѣдованія Тредьяковского по языку и словесности находятся въ тѣсной связи съ стихотворною его дѣятельностію: большая часть изъ нихъ были написаны по поводу переводныхъ или оригинальныхъ сочиненій и были приложены къ этимъ сочиненіямъ.

Сочиненія Тредьяковского по языку и словесности. Какъ Петръ В., вводя въ русскую жизнь новыя европейскія формы, долженъ былъ объяснять ихъ важность и значеніе, такъ и русскіе писатели, вводя въ русскую литературу новыя формы, должны были знакомить русскихъ читателей съ происхожденіемъ и характеромъ этихъ формъ, и съ образцовыми литературными произведеніями, написанными въ этихъ формахъ. Составляя свои сатиры, Кантемиръ, мы видѣли, объяснял ихъ характеръ и значеніе: точно также и при сочиненіяхъ Тредьяковского мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе обширныя предисловія или статьи, въ которыхъ объясняется ихъ форма и значеніе. Такъ, къ переводу Фенелоновой поэмы „*Les aventures de Télémaque*“ онъ присоединилъ, въ качествѣ предисловія, „Предъизъясненіе объ проической піимѣ“, взятое изъ сочиненія Рамсэ „*Discours sur le poëme epique*“ и заключающее въ себѣ полную теорію искусственнаго ложноклассическаго эпоса. Опредѣливъ, что такое эпическая или героическая поэма, Тредьяковский указываетъ здѣсь на *Иліаду* и *Одиссею* Гомера, какъ на первые образцы этой поэмы, и, характеризуя ихъ, говоритъ: „Ни одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ народовъ ничего потомъ не вымыслилъ подобнаго: всѣ почерпаютъ въ немъ (въ Гомерѣ) примѣръ, заимуютъ у него правила и пріемлютъ его себѣ въ учителя... Сколько ни было самыхъ великихъ и разумныхъ людей, отъ премногихъ вѣковъ, въ Елладѣ и въ Римѣ, коихъ писаніямъ по кнѣхъ дивимся, и которые научаютъ насъ мыслить, разсуждать, собесѣловать, сочинять, всѣ сѣи признають Омира за превеликаго піята, а піимы его за конечный верхъ добраго злуса“ (2). Указавъ за тѣмъ на *Энеиду* *Виргилія*, онъ

(1) Сочин. Пушкина. Изд. Псакова 1859. V, 411—412.

(2) Сочин. II, стр. XIV—XV.

переходить къ поэмѣ Фенелона и говорить: „Не было съ тысячу семь сотъ лѣтъ послѣ Марона кромѣ трехъ проіческихъ піимъ.... но Фенелонъ, мужъ какъ просвѣщенный, такъ и преосвященный... снабдилъ общество ученое четвертою эпопеею... по самой сущей правдѣ превосходящейшею несравненно и первыхъ двухъ и третіея послѣднія, а сіе истиною и твердостью правоучительнаго христіанскаго наставленія, хотя и всемѣрно подражалъ всему прочему, по естеству великому, благородному и велелѣпному, находящемуся въ Омровой особливѣ Одиссіи, да въ Мароновой Энеидѣ, такъ что и раздѣлилъ всю свою піиму на двадцать на четыре книги, по числу книгъ въ Одиссіи“⁽¹⁾. Далѣе подробно излагаются правила, какимъ должны подчиняться эпическія поэмы: 1) „исторія, служащая основаніемъ эпической піимѣ, долженствуетъ быть или истинная, или уже за истинную подревле преданная; 2) дѣйствіе эпическое долженствуетъ быть великое, единое, цѣлое, чудесное и продолжающееся нѣсколько времени; 3) добродѣтель препоручается примѣрами и представленіями т. е. образомъ благонравія и преднаписаніемъ правилъ; 4) что касается языка героической поэмы, то хотя ей стихъ есть и не существенъ, однакожъ стихотворное изложеніе болѣе ей свойственно. Развивая подробно эти положенія и прилагая ихъ къ Фенелоновой поэмѣ, Тредьяковскій сравниваетъ Телемахиду съ другими эпическими поэмами, какъ древними такъ и новыми, и, опредѣляя ея достоинство сравнительно съ ними, говоритъ о Фенелонѣ: „Соединилъ онъ вкупѣ въ характерѣ своего проя мужество Ахиллесово, благоразуміе Одиссево и Энееву благочтивость. Тилемахъ есть гнѣвливъ, какъ первый, но безъ свирѣпства; политикъ какъ второй, но безъ плутовства; чувствителенъ какъ третій, но безъ любострастія. Другіи способъ правоученія бываетъ преднаписаніемъ правилъ. Авторъ Телемаха сочетаваетъ великія наставленія съ проическими примѣрами; то есть правоучительность Омрову съ добронравіемъ Мароновымъ. Однако правоученіе его имѣетъ три качества, каковыхъ нѣтъ у древнихъ и піитовъ и философовъ. Оно есть у него высокое въ своихъ основаніяхъ, благородное въ поощреніяхъ, а повсемственное въ употребленіяхъ“⁽²⁾. Въ другомъ мѣстѣ о Телемахидѣ къ этому прибавлено: „Іліада имѣетъ себѣ въ цѣль, да покажетъ смертоносныя послѣдствія изъ несогласія между военачальниками. Одиссія предъявляетъ, колько есть силно въ царѣ благоразуміе, сопряженное съ мужествомъ. Въ Енеидѣ изображаются дѣйствія проя

(1) Сочин. II т., стр. XVI—XVII.

(2) Тамъ же, стр. XXXVI—XXXVII.

благочтивнаго, набожнаго и храбраго. Но всѣ сіи частныя добродѣтели не содѣлываютъ благополучія всему роду человѣческому. Тилемахъ идетъ далѣе сихъ предначертаній великостію, множествомъ и пространствомъ нравственныхъ своихъ намѣреній, такъ что можно сказать преутвердительно нѣкоего смысленнаго мужа словами, что даръ самый полезный, каковымъ музы возмogli обогатить человѣковъ, есть Тилемахъ; ибо, еслибъ блаженство рода человѣческаго могло произрасти отъ піимы, тобъ произрасло оно отъ Тилемахиды. Не чуждely по сему и паче дико, что нѣкоторые у насъ, и не безъ нѣсколькихъ талантовъ люди, запрещали, порицая съ каеодры, какъ говорятъ, чтеніе Тилемаха и Аргениды, обѣихъ же піимъ несравненныхъ? ⁽¹⁾. Видно, не уразумѣли они, или уже не потицались уразумѣть, что первая книга есть ионическая философія самая совершенная, а другая философія-жъ политическая самая превосходная, какихъ не было по нынѣ въ ученомъ обществѣ ⁽²⁾. Въ послѣдней части изслѣдованія Тредьяковскій разсуждаетъ о метрѣ. свойственномъ эпическимъ поэмамъ, и доказываетъ, что имъ всего болѣе приличенъ гекзаметръ, который превосходитъ всѣ другіе метры высокимъ и благороднымъ тономъ, что поэтому онъ и „Приключенія Тилемаха“, написанныя въ подлинникѣ прозою, перевелъ гекзаметромъ, который также свойственъ русскому языку, какъ греческому и латинскому. Русскій языкъ совмѣщаетъ въ себѣ и богатство и сладость языка греческаго и важность и сановитость латинскаго. „Не почитая ничего болѣе и первенственнѣе, говорить онъ, въ должностяхъ моихъ согражданскихъ, ревности къ служенію отечеству, и желая всесердечно оставить по себѣ живое засвидѣтельствованіе сея, пламенѣвшія всегда во мнѣ ревности, а въ памяти соотечественниковъ моихъ не умереть нѣкакъ и по смерти, отнюдь же не Прострата онаго Ефесскаго подобіемъ, принялся и я за сіе предложеніе Тилемаха“ ⁽³⁾.—Къ торжественной одѣ о сдѣлѣ города Гданска (Данцига) Тредьяковскій приложилъ „Разсужденіе объ одѣ вообще“, взятое изъ сочиненія Буало: „Discours sur l'ode“. Это сочиненіе также было приложено Буало къ одѣ на взятіе Намура, которой Тредьяковскій подражалъ въ своей одѣ на сдачу Гданска. Въ разсужденіи онъ говоритъ о происхожденіи оды и, указывая на Пиндара и Горація, какъ на образцовыхъ лирическихъ поэтовъ, замѣчаетъ, что торжественную оду всего лучше охарактеризовалъ Буало въ слѣ-

(1) Разумѣется современный проповѣдникъ, Геденъ Криновскій, который въ одной своей проповѣди коснулся Тилемахиды и Аргениды.

(2) Сочин. т. II, стр. XLII—XLIII.—⁽³⁾ Сочин. т. II, стр. LX.

дующемъ стихѣ своей поэмы:

*Son stile impetueux souvent marche au hazard.
Chez elle un beau desordre est un effet de l'art.*

который онъ перевелъ такимъ образомъ:

«Быстра въ одѣ слога часто есть отваженъ ходъ.
Красный безпорядокъ точно въ ней искусства плодъ» (¹).

Въ двухъ предыдущихъ разсужденіяхъ изложены свѣдѣнія объ эпосѣ и лирической одѣ; свѣдѣнія же о драмѣ изложены въ „Разсужденіи о комедіи вообще“, которое выбрано Тредьяковскимъ изъ сочиненій Брѹмъа, Рапеня и Роллена и было приложено къ переводу „Евнуха“ Теренція. О происхожденіи комедіи здѣсь сказано: „Первоначалье комедіи есть столько же темно и неизвѣстно, сколько и трагедіи. Вѣроятно, впрочемъ, что онѣ обѣ зачались въ одной утробѣ т. е. въ забавахъ, бывшихъ у грековъ во время собиранія винограда“. Далѣе Тредьяковскій говоритъ „о діонисіяхъ“, объясняя, какъ изъ нихъ образовались трагедія и комедія, объ основателѣ трагедіи, Тесписѣ, и главныхъ трагикахъ, Эсхилѣ, Софоклѣ и Эврипидѣ. Говоря о комедіи, онъ замѣчаетъ: „Комедія есть моложе трагедіи и есть меньшая сестра той драмѣ“. Затѣмъ онъ указываетъ на три періода греческой комедіи — древній, средній и новый, говоритъ объ Аристофанѣ, какъ представителѣ древней комедіи, и Менандрѣ, какъ представителѣ новой комедіи. Греческая комедія была перенесена къ Римлянамъ Ливіемъ Андроникомъ. Разсказывая объ этомъ, Тредьяковскій излагаетъ разные виды римской комедіи: *comœdia palliata, praetextata, togata, atellana*. Въ заключеніи онъ приводитъ мнѣніе о характерѣ и цѣли комедіи французскаго іезуита Рапеня: „Комедія есть изображеніе общаго жительства. Намѣреніе, съ какимъ она дѣлается, состоитъ въ томъ, чтобъ представить на театрѣ пороки простыхъ людей, дабы тѣмъ исцѣлить всенародные недостатки и исправить бы весь народъ боязнію осмѣянія. Итакъ смѣшное есть самое существо комедіи. Впрочемъ, есть смѣшное въ словахъ и есть смѣшное въ вещахъ. Смѣшное есть честное, и смѣшное есть скоморошеское“ (²).

Ученіе о поэзій и стихотворствѣ вообще изложено Тредьяковскимъ въ слѣдующихъ статьяхъ: „Мнѣніе о началѣ поэзій и стиховъ вообще“; „Письмо къ пріятелю о нынѣшней пользѣ граж-

(¹) Сочин. т. I, стр. 279—280.

(²) Тамъ же, стр. 411—430.

данству отъ поэзіи“: „Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ“; „О древнемъ, среднемъ и новомъ стихосложеніи россійскомъ“. Въ первой статьѣ: „Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще“ Тредьяковский говоритъ: „Иное быть піитомъ, а иное стихи слагать. Прямое понятіе о поэзіи есть не то, чтобъ стихи составлять, но чтобъ творить, вымышлять и подражать. Твореніе есть расположеніе вещей, послѣ оныхъ избранія; вымышленіе есть изобрѣтеніе возможностей, то есть не такое представленіе дѣяній, каковы они сами въ себѣ, но какъ они быть могутъ, или должны-ествуя; а подражаніе есть слѣдованіе во всемъ естеству описаніемъ вещей и дѣлъ по вѣроятности и подобію правдѣ. Всякъ видитъ, что стихи есть все не то: твореніе, вымышленіе и подражаніе есть душа и жизнь поэмы; но стихи есть языкъ оныя. Поэзія есть внутреннее въ тѣхъ трехъ, а стихи токмо наружное. Можно творить, вымышлять и подражать прозою; и можно представлять истинныя дѣйствія стихами“. Но изъ того, что поэтъ творить, вымышляетъ и подражаетъ, не слѣдуетъ однакожъ того, „чтобы онъ былъ лживецъ. Ложь есть слово противъ разума и совѣсти;... піитическое вымышленіе бываетъ по разуму, то есть какъ вещь могла быть, или должна-ествовала. Піить также есть и не мастеровый человѣкъ; всякій художникъ дѣлаетъ разнымъ способомъ отъ піита. Творить по піитически есть подражать подобіемъ вещей возможныхъ, истинныхъ образу. Но другія искусства ремесленныя такъ дѣла свои представляютъ, какъ они прямо и дѣйствительно въ естествѣ находятся, или въ какомъ состояніи находились. Возможность піитическая есть возможность философская, разумомъ доказываемая; но возможность художническая есть возможность равно какъ историческая, коя повѣствуется, а отъ художниковъ, будто какъ истиннымъ повѣствованіемъ, механически производится и истинно представляется“... „Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что иное есть поэзія, а иное совсѣмъ стихосложеніе“ (1). За тѣмъ представляются разныя сказанія и мнѣнія о происхожденіи поэзіи, начиная съ греческихъ мифовъ объ Аполлонѣ и Бахусѣ; при изложеніи этихъ мѣлій Тредьяковский говоритъ о поэзіи: „Праведно утверждается, что она влита въ человѣческіи разумъ отъ Бога. Но кто первый изъ человѣковъ ощутилъ въ себѣ такую способность и началъ творить, вымышлять и подражать естеству? Для сего надобно взойти до первыхъ человѣковъ. Священное писаніе (въ книгѣ Бытія 4, 21) предъизъявляетъ, что Іуваль, меньшій братъ Іовила, пачаваго жить въ кѣбиткахъ и упражняться въ пастушеской должности, прежде потопа, и пе-

(1) Сочин. т. 1, стр. 181—183.

много послѣ сознанія свѣта, есть показатель пѣвницы и гуслей. Чего же больше? Сей есть точно первый изъ человѣковъ, который ощутилъ въ себѣ иное божественное дѣйствіе въ разумѣ. Сей есть самый первый поэтъ и музыкантъ. Того ради праведно говорить господинъ де Фонтенель въ красной своей рѣчи о натурѣ эколога: „Пастушеская поэзія есть древнѣйшая изъ всѣхъ поэзій, для того, что пастушеское состояніе есть старѣе всѣхъ состояній. Весьма вѣроятно, продолжалъ онъ, что первые пастухи вѣдували, въ сноихъ стѣнъ своихъ и праздно, пѣть увеселенія свои и любови: да и взошли они не престоиности часто въ тѣ пѣсни стали свои, пѣли, источили и всѣ вѣщи, кои знакомѣ имъ были. Итакъ, распространеніе поэзіи слѣдълось отъ пастуховъ разныхъ племенъ, а самое начало произошло отъ Іувала, Ламехова сына пастуха и т.“.—Объяснивъ начало поэзіи, Тредьяковский высказываетъ предположеніе о началѣ стиховъ и приписываетъ выраженіе мыслей разнѣренными языкомъ жрецамъ. „Сіе равнымъ образомъ, гласитъ онъ въ этому примѣчаніе, я разумѣю и о нашихъ самыхъ первоначальныхъ стихахъ. Вѣроятно по всему, что и наши погасшіе жрецы были первыми у насъ стихотворцами. И хотя нѣтъ ни одного, оставшагося у насъ образчика языческихъ нашихъ поэзій, однако видно и нынѣ по мужицкимъ пѣснямъ, что древнѣйшіе стихи наши, бывшіи въ употребленіи у жрецовъ нашихъ, состояли строками, были безъ рима, и имѣли тоническое количество слоговъ, да и односложныя слова почитались по вольности общими“. Статья оканчивается разсужденіемъ о пѣли поэзіи. При этомъ Тредьяковский приводитъ слѣдующее мѣсто изъ древней исторіи Роллена: „Сія наука родилась посреди пѣвнѣй, учрежденныхъ въ честь Высочайшему Существо... Моисей, вѣдомый намъ какъ первый законодатель въ свѣтѣ, есть совокупно и высочайшій изъ поетовъ. Въ писаніяхъ его начинающаяся поэзія является вдругъ совершенною для того, что самъ Богъ одну въ него вдыхаетъ... Пророки и псалмы представляютъ предъ насъ еще подобныя жъ образцы... Когда же человѣки перенесли на твари почтеніе, должное токмо Творцу; тогда и поэзія слѣдовала за участіемъ закона, однако всегда хранила слѣды перваго своего начала. Употребляли ее въ началѣ на возблагодареніе должнымъ богамъ, за ихъ мнимыя благодѣянія, и на испрошеніе отъ нихъ новыхъ. Гезіодъ составилъ стихами родословіе боговъ; мѣсто изъ весьма древнихъ поетовъ сочинилъ гимны, кои обыкновенно приписываются Гомеру; Катинамъ потомъ илотили подобныя жъ... Единю изъ главныхъ намѣреній поэзіи состояло также въ томъ, чтобъ исправлять нравы... Эпическая поэма намѣрилась съ самаго начала подавать намъ наставленія, прикрытыя аллегоріею

важнаго и героическаго дѣйствія. Ода прославлять дѣянія великихъ людей, и чрезъ то привлечь всѣхъ другихъ къ подражанію онымъ. Трагедія вдохнуть въ насъ ужасъ отъ злодѣянія смертоносными послѣдованіями, кои происходятъ отъ онаго, а почтеніе къ добродѣтели праведными ей похвалами и воздаяніями, которыя за нею слѣдуютъ. Комедія и сатира, исправить насъ забавляя, и воевать непримирительно на пороки и на все, что смѣха достойно. Элегія проливать слезы на гробъ особъ, заслужившихъ сожалѣніе. Эклога воспѣвать беззлобіе и увеселенія поселянскаго и пастушескаго житія“ (1). „Письмо о нынѣшней пользѣ гражданству отъ поэзіи“ можетъ быть разсматриваемо какъ дополненіе къ этой статьѣ, такъ какъ въ немъ также излагаются мысли о значеніи, какое поэзія имѣла прежде и какое имѣетъ нынѣ. „Прежде стихи, говорится здѣсь, были нужное и полезное дѣло, а нынѣ утѣшная и веселая забава, да къ тому жъ плодъ богатаго мечтанія къ заслуженію не того вещественнаго награжденія, которое есть нужно къ препровожденію жизни, но такова воздаянія, кое часто есть пустая и скоро забываемая похвала и слава... Поэтому между ученіями словесными надобны стихи, поколику фрукты и конфекты на богатый столъ по твердыхъ кушаніяхъ“ (2). Въ „Способѣ къ сложенію російскихъ стиховъ“ изложена теорія тоническаго стихосложенія. Доказывая непригодность для русскаго языка метрическаго и силлабическаго стихосложенія, Тредьяковскій говоритъ, что русскому языку свойственно стихосложеніе тоническое, основанное на тонѣ, или удареніи, и въ подкрѣпленіе своей мысли ссылается на народныя пѣсни, которыя изложены тоническимъ размѣромъ. Съ этой статьей имѣетъ связь статья „О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи російскомъ“. Подъ древнимъ стихотвореніемъ здѣсь разумѣтся первоначальное стихотвореніе временъ еще языческихъ, когда главными слагателями стиховъ были жрецы. „Количество его слоговъ было тоническое, или что тожъ въ одномъ удареніи силами слоговъ состоящее... Простонародныя наши, и тѣ самыя древнія пѣсни, сіе точно свойство въ стихосложеніи своемъ имѣютъ.... Народный составъ стиховъ есть подлинный списокъ съ богослужительскаго... Простонародное стихотворство, за подлостью стихотворцевъ и матерій, отъ честныхъ и саномъ именитыхъ людей презираемо было всеконечно, такъ что и нынѣ суетно строитвые люди зазираютъ неосновательно, ежели кто народную старинную пѣсню приведетъ токмо въ свидѣтельство на письмѣ“... Подъ среднимъ стихосложеніемъ Тредья-

(1) Сочин. т. 1, стр. 187—190; 194; 196—201.

(2) Тамъ же, стр. 206—208.

ковский разумѣть стихосложеніе силлабическое, перешедшее къ намъ изъ Польши въ XVII в. При этомъ онъ упоминаетъ о Мелетіи Смотрицкомъ, который хотѣлъ ввести метрическое стихосложеніе. „Приступая къ описанію *новаго* нашего стихосложенія, нынѣ отъ всѣхъ стихотворцевъ у насъ воспріятаго... принужденъ я объявить, говорить Тредьяковский, съ нѣкоторымъ по истинѣ устыдѣніемъ и внутреннимъ отвращеніемъ, хотя и сущую правду, что въ немъ самое первое и главнѣйшее участіе имѣю“. Это новое стихосложеніе есть тоническое, основанное на возвышеніи и пониженіи голоса въ складахъ просодіею“ (¹). На возраженіе нѣкоторыхъ, что онъ новое стихосложеніе взялъ съ французскаго стихосложенія, Тредьяковский отвѣчалъ: „Поэзія нашего простаго народа къ сему меня довела. Даромъ, что слогъ ея весьма некрасный, отъ неискusstва слагающихъ; но слатчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стоишь, нежели тогда греческихъ и латинскихъ, паденіе подало мнѣ непогрѣшительное руководство къ введенію въ новый мой эксаметръ и пентаметръ... Подлинно, почти всѣ званія, при стихѣ употребляемыя, занялъ я у французской версіфікаціи; но самое дѣло у самой нашей природной наидревнѣйшей оныхъ простыхъ людей поэзіи“.

О другой области литературы—о прозаическихъ сочиненіяхъ Тредьяковский разсуждаетъ въ „Словѣ о богатомъ, различномъ, искусномъ и несходственномъ витійствѣ“. Подъ витійствомъ разумѣется элоквенція, или краснорѣчіе, какъ тогда называлась вся область прозаической литературы. Тредьяковский указываетъ здѣсь прежде всего на обширный объемъ краснорѣчія и значеніе его для всѣхъ наукъ, утверждая, что ни одна изъ нихъ не можетъ обойтись безъ него: „Въ толикомъ множествѣ наукъ и знаній, сколько безчисленныхъ числомъ вещей ни содержится, однако онѣ всѣ токмо что чрезъ элоквенцію говорятъ. Но, хотяжъ всѣ оныя вещи не могутъ безъ элоквенціи имѣть голоса, однако, понеже всѣ сіи знанія и науки особливими состоятъ классами, то какъ со стороны нѣкоторымъ образомъ занимаютъ помощь у элоквенціи, но впрочемъ такъ они ту у нея занимаютъ, что не могутъ не занимать. Чего ради посмотримъ теперь на оныя ученія, которыя элоквенція раждаетъ, питаетъ, украшаетъ, производитъ, и которымъ она предводительница и сама съ ними совокупно идетъ и за ними слѣдуетъ то есть которыя всѣ не что иное какъ сама царица элоквенція, на разныхъ и разнымъ образомъ престолахъ сидящая и лучами величества своего повсюду сіяющая“ (²).

(¹) Сочин. т. I, стр. 783—784.

(²) Сочин. т. III, стр. 560—561.

Далѣе перечисляются разныя науки: исторія, археологія, мифологія, филологія и др. Краснорѣчіе весьма *разнообразно* (различно), такъ какъ существуетъ у разныхъ народовъ, на разнообразныхъ языкахъ. Всего болѣе, конечно, надобно стараться съ изученіемъ краснорѣчія отечественнаго. Никогда нельзя привыкнуть владѣть чужимъ языкомъ такъ свободно, какъ своимъ роднымъ: „въ природномъ языкѣ все само собою течетъ и какъ бы на концѣ языка или цѣра слова распадаются“. А главнымъ образомъ, только на своемъ родномъ языкѣ можно принести всего больше пользы своему отечеству и своему народу. „Наиблагоразсудивѣйше жившіе прежде народы дѣлали, которые все, ничего святѣе согражданъ своихъ пользы не почитая, сочиненія свои, или наставленію, или повѣствованію, или увеселенію служащія, природнымъ языкомъ и написали, и передали, и потомкамъ своимъ оставили. Кто изъ древнихъ грековъ... издалъ что-нибудь не погречески? кто изъ прежнихъ римлянъ?... Никто, но истиннѣй никто изъ нихъ. Ибо все римляны что ни писали, то все по латинѣ писали. Но для чего? Чтобы отечества и согражданъ своихъ пользы дѣйствительнѣе услужить. А чего жъ ради не лучше по гречески, толь наипаче, что они все въ греческомъ языкѣ весьма искусны были? Чтобы, сверхъ пользы отечеству, собственныя имъ важности честь сохранить, для того, что по мнѣнію римскаго сатирика Ювенала, стыднѣе латинамъ не знать полатинѣ. Всеми ученымъ людямъ совершенно вѣдомо, что Тиберій цесарь римской и извиненія прежде просилъ у сенаторовъ, что одно токмо чужестранное слово ему, предъ нами говоря, употребить надлежало“. Но, чтобы имѣть время заниматься своимъ языкомъ, прежде нужно перевести все лучшее съ чужихъ языковъ на свой языкъ. „Итакъ да переводятъ, которые извѣтуютъ изъ нашихъ искусствомъ языковъ, все что презрѣднѣйшее, все что полезнѣйшее, все что достоинѣйшее въ чужихъ языкахъ на нашъ руссійскій языкъ; да обогащаютъ Россію выборнѣйшими книгами... Но однако же да не вознерадать ученые наши также и собственнымъ своимъ трудомъ что-нибудь между тѣмъ сочиненное обществу подавать. Всегда удивляться чужому искусству, а собственнаго снѣ не отвѣдывать, и о собственномъ искусствѣ не стараться, знакъ есть незнанія и лѣности, ала, по крайней мѣрѣ, ненадѣяпія къ сдѣланію равнаго, хотя бы ужъ таково, которое бы весьма мало неравнялось“ (1). Подъ *искуснымъ* (искусственнымъ, художественнымъ) краснорѣчіемъ Тредьяковскій разумѣетъ украшенный слогъ и потому разсуждаетъ о разныхъ тропяхъ. Подъ *несходственнымъ* краснорѣчіемъ

(1) Сочин. т. III, стр. 575; 578—579; 584—585.

онъ разумѣть то, что хотя по предмету краснорѣчіе одно, но въ писателяхъ обнаруживается неодинаково, напр. въ Демосенѣ, Исократѣ, Цицеронѣ, слѣд. разумѣть то, что мы называемъ *различіемъ слога* у разныхъ писателей. Наконецъ, нужно упомянуть еще объ обширномъ „Разговорѣ между чужестраннымъ человекомъ и русскимъ объ орѳогіи старинной и новой“. Этотъ разговоръ составленъ Тредьяковскимъ по образцу разговора Эразма Роттердамскаго о произношеніи въ греческомъ и латинскомъ языкѣ и состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой части говорится о произношеніи вообще и въ частности буквы і; во второй части разбирается прежнее правописаніе и доказывается, что оно неправильно, заимствовано изъ греческаго языка и для нашего языка не пригодно; въ третьей части рекомендуется новое правописаніе, основаніемъ для котораго должно служить устное произношеніе словъ т. е. должно писать слова такъ, какъ они произносятся въ устномъ разговорѣ. Въ этомъ положеніи Тредьяковскій опирается на Квинтиліана, который говорилъ: „Sic scribendum quidque judico quomodo sonat; hic enim usus est litterarum, ut custodiant voces et velut depositum reddant legentibus“ (1). Но произношеніе словъ разнообразно и чрезвычайно измѣняется; одни и тѣ же слова въ разныхъ областяхъ и въ разныхъ нарѣчіяхъ произносятся различно. Поэтому, на основаніи устнаго произношенія, никакъ нельзя установить однообразнаго правописанія. Оно должно быть основано на грамматическихъ правилахъ языка...

Такимъ образомъ, Тредьяковскій въ своихъ разсужденіяхъ касался почти всѣхъ существенныхъ пунктовъ въ области языка и словесности. Пользуясь при этомъ разными сочиненіями, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, преимущественно же латинскихъ и французскихъ, писателей, онъ познакомилъ русскихъ съ существовавшею въ то время въ европейскихъ литературахъ ложно-классическою теорію поэзіи и перенесъ ее въ русскую литературу. Поэтому онъ можетъ быть названъ первымъ по времени теоретикомъ въ новой нашей словесности вообще; въ частности же въ области стихотворства онъ первый началъ доказывать непригодность для русскаго языка метрическаго и силлабическаго стиха и стремился ввести стихосложеніе тоническое.

Стихотворенія Тредьяковскаго. Но, къ несчастію, Тредьяковскій былъ исключительно теоретикомъ; какъ только начиналъ прилагать свои свѣдѣнія къ дѣлу, на практикѣ, такъ и оказывался вполне несостоятельнымъ: все у него выходило уродливо, безо-

(1) Сочин. т. II, стр. 126.

бразно. Правильно понимая характер и требованія поэтическаго искусства и стихосложенія, онъ не въ состояніи былъ написать ни одного хорошаго стихотворенія. Кто изъ не посвященныхъ въ дѣло можетъ подумать, что слѣдующіе напр. стихи, заимствованные изъ лучшей оды „*На сдачу города Гданска*“ (т. е. Данцига, взятаго Минихомъ, во время Польской войны въ 1734 г.), написаны тѣмъ же самымъ Тредьяковскимъ, который въ своихъ разсужденіяхъ высказалъ столько здравыхъ мыслей о поэзіи и стихосложеніи?...

«Кое странное піанство
Къ пѣнію мой гласъ бодрить!
Вы, парнасское убранство,
Музы! умъ не васъ ли зрить?
Струны ваши сладкогласны,
Мѣру, лики слышу красны;
Пламень въ мысляхъ возстаеъ.
О, народы всѣ внимлите;
Бурны вѣтры не шумите
Анну стихъ мой воспоеъ.

Се бряцаю въ лиру сладку
Веделѣнно торжество,
Къ вѣщшему враговъ упадку,
Величая ликовство.
О! коль доблественна сила
Нашу радость украсила!
Сила равнаго борца,
Свѣтлой радости нѣтъ мѣры,
Превосшедшей всѣ примѣры,
Усладившей въ насъ сердца.

Самъ Нептунъ что ль строилъ стѣны?
Сіи при морѣ стоятъ.
Нѣтъ ли Тройскимъ къ нимъ примѣны.
Что пустить внутрь не хотятъ
Русско воинство обильно,
И тому противяся сильно?
Вислою тамъ всѣ рѣкой
Не Скамандруль называютъ
Не за Дуль принимаютъ
Стольценбергъ, кой есть горой.

То не мать басней Троя,
Не одинъ тутъ Ахіллесъ;

Каждый рдегой нѣ строл
 Мужествомъ есть Геркулесъ.
 Чтѣжъ за Власть перуны мещетъ?
 Не Минервалъ шлемомъ блещетъ?
 Явно, что отъ горѣнныхъ лицъ,
 Со всего богиня вида:
 Безъ шита страшна зѣда.
 Анна, верхъ Императрицъ⁽¹⁾.

Эта ода составляетъ подражаніе одѣ Буало: „На взятіе Намура“. Она была написана Тредьяковскимъ сначала силлабическими стихами, а потомъ переложена на тоическій размѣръ. Характеризуя языкъ и сдѣлавъ стиха Тредьяковскаго, она въ то же время показываетъ, до какой степени онъ подражалъ классической одѣ. Въ стихотвореніе, изображающее побѣду русскихъ, онъ внесъ греческую мифическую обстановку. Здѣсь есть и музы и сладкогласныя струны лиры, и Нептунъ, и Геркулесъ, и Минерва. Стѣны Данцига напоминаютъ ему Троянскія стѣны, Висла—рѣку Скамандръ, гора Стольценбергъ гору Иду: каждый воинъ напоминаетъ Ахиллеса или Геркулеса, а императрица Анна сравнивается съ Минервой, блещущей шлемомъ.

Пушкинъ, какъ замѣчено выше, похвалилъ Тредьяковскаго, между прочимъ, и за то, что онъ для перевода поэмы Фенелона выбралъ гексаметръ: но гексаметръ Тредьяковскаго былъ до того уродливъ, что послѣ него, въ продолженіе 50 лѣтъ, боясь осмѣянія, никто не осмѣливался писать имъ: только уже Гнѣдичъ, переводя *Иліаду*, рѣшился, какъ онъ выразился, „отвязать отъ позорнаго столба стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредьяковскимъ“. Вотъ для образца два отрывка изъ *Телемахида*.

Начало поэмы, съ воззваніемъ къ музѣ самого Тредьяковскаго:

«Древня размѣра стихомъ пою отцелюбнаго сына,
 Кой, отъ природныхъ береговъ поплывъ, и странствуя долго,
 Былъ провождаемъ вездѣ Палладою Ментора въ видѣ.
 Много жъ коль ни страдалъ отъ гнѣвныя онъ Афродиты
 За любострастныхъ сея утѣхъ презоръ съ омерзеньемъ;
 Но прикровенна Премудрость съ нимъ отъ всѣхъ бѣдъ пзбавляла.
 И возвратившуся въ домъ даровала рождаша видѣть.
 Странно ль, быть добродѣтели такъ увѣнчанной успѣхомъ?
 Муса! повѣждь и вину и конецъ путешествій синовскихъ,
 Купно въ премѣнѣ царствъ и людей приключенія разны....

⁽¹⁾ Сочин. т. II, стр. 271—272.

«Въ крайней тожѣ завсегда уже пребывала Калписа,
 И не могла ничѣмъ своего внутрь сердца утѣшить,
 Послѣ какъ прочь отъ нея отторгся Одуссъ неозвратно.
 Въ горести той себя пренесчастливу симъ почитала,
 Что естества была нетлѣннѣмъ въ вѣки безсмертна.
 Нѣдра пещеры ея ни пѣснями бѣ тому не гласили:
 Нимфы, служебницы ей, ни словажъ не смѣли промолвить.
 Часто сама одна по лугамъ ходила цвѣтущимъ,
 Кожми островъ тотъ опушала весна вѣковѣчна.
 Но такия прекрасны мѣста не токмо болѣзни
 Въ ней утѣлять не могли, еще на печальную память
 Болѣй Одусса, тольми созерцаннаго, ей приводили.
 Многажды то на брегѣ морскомъ стояла недвижно,
 Кой орошала, какъ дождь проливая, своими слезами,
 И непрестанно смотря туда, гдѣ корабль Одуссеевъ,
 Бѣгомъ волны дѣла, изъ очей ушетъ и сокрылся» (1).

Такая неуклюжесть стиховъ, конечно, много зависѣла и отъ совершенной необработанности русскаго языка; на французскомъ языкѣ Тредьяковскій писалъ стихи гораздо лучше. Но главная причина ея заключалась въ отсутствіи у Тредьяковскаго поэтическаго таланта и художественнаго вкуса. Между тѣмъ, Тредьяковскій, не сознавая этого, считалъ себя первымъ русскимъ поэтомъ и потому еще болѣе смѣшнымъ казался своимъ современникамъ. Большинству современниковъ, разумѣется, и извѣстны были только его стихотворенія, но не были извѣстны, или по крайней мѣрѣ не были доступны для пониманія его ученныя сочиненія. Къ сожалѣнію, и нравственный характеръ Тредьяковскаго не могъ возбуждать къ нему симпатіи: онъ былъ мелочень, кстати и некстати похвалялся своими заслугами русской поэзіи, гордо держалъ себя съ высшими и въ тоже время унижался предъ высшими и льстилъ имъ. Этимъ объясняютъ то, почему большинство смотрѣло на него почти какъ на шута, надъ которымъ можно смѣяться всячески и даже оскорблять безнаказанно; но этимъ нельзя объяснить того возмутительнаго поступка, какой позволялъ себѣ сдѣлать съ нимъ вельможа Волинскій. Въ 1740 г. для увеселенія скучавшей импер. Анны Иоанновны на Невѣ построили „Ледяной домъ“, для того, чтобы въ немъ сдѣлать свадьбу одного придворнаго шута. Распоряжавшійся устройствомъ этого праздника, Волинскій вздумалъ поручить Тредьяковскому сочинить стихи на праздникъ, и одному кадету, Криницину, приказалъ привести его на слоновый дворъ, гдѣ дѣлались приготовленія для маскарада. Кадетъ обошелся съ Тредьяковскимъ такъ насмѣшливо и грубо, что Тредьяковскій пожаловался на него Волинскому. Волинскій, не разобравъ дѣла, вмѣсто того, чтобы

(1) Соч. том. II, стр. 1—3.

сдѣлать выговоръ кадету, началъ бравить и бить самого Тредьяковскаго „по обѣимъ щекамъ предъ всѣми толь не мплостиво, что правое ухо оглушилъ, а лѣвый глазъ подбилъ и сіе изволилъ чинить въ три или четыре приѣма, а потомъ велѣлъ бить его еще и кадету“. Послѣ такихъ побоевъ Тредьяковскому дали тему для сочиненія стиховъ и отправили домой. Глубоко оскорбленный, Тредьяковскій, хотя и сочинилъ стихи, но рѣшился принести жалобу на Волинскаго врагу его, герцогу Бирону, и для того утромъ на другой день явился во дворецъ. Но здѣсь, прежде выхода Бирона, его увидѣлъ Волинскій и опять началъ бранить и бить: „велѣлъ, говоритъ Тредьяковскій, снять съ меня шпагу съ великой яростію и всего оборвать и положить и бить палкою по голой спицѣ такъ жестоко и немилостиво, что, какъ мнѣ сказывали уже послѣ, дали мнѣ съ семьдесятъ ударовъ“. Потомъ, Тредьяковскій, по приказанію Волинскаго, былъ отправленъ „подъ караулъ“, гдѣ и оставался цѣлыя сутки до праздника. Въ праздникъ въ маскаралномъ платьѣ и въ маскѣ „подъ карауломъ“ привели его „въ потѣшную залу“ и заставили прочесть наизусть сочиненные имъ стихи. Затѣмъ Волинскій опять велѣлъ его отправить „подъ караулъ“, откуда выпустилъ его уже на другой день, предварительно еще побивъ его палкою. Все это Тредьяковскій самъ описалъ въ своемъ рапортѣ въ Академію наукъ ⁽¹⁾. Характеризуя дикую самоуправную натуру Волинскаго, этотъ возмутительный фактъ ясно свидѣтельствуетъ также и вообще о страшной грубости нравовъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, допускавшемъ такое беззаконное самоуправство съ поэтомъ и писателемъ. Особенно тяжелымъ положеніе Тредьяковскаго сдѣлалось въ то время, когда на литературномъ поприщѣ явились Ломоносовъ и Сумароковъ и своими произведеніями совершенно его заслонили. Тогда онъ совсѣмъ потерялъ равновѣсіе и ниже и ниже сталъ падать. Завидуя славѣ Ломоносова и Сумарокова, онъ постоянно ссорился съ ними и даже позволялъ себѣ дѣлать доносы на нихъ, стараясь заподозрить ихъ въ невѣріи. Враждебныя отношенія къ Ломоносову начались у него съ самаго перваго времени послѣ возвращенія Ломоносова изъ за границы въ 1740 г. и съ небольшими перерывами продолжались болѣе 20 лѣтъ. Вступленіе Ломоносова въ Академическую конференцію въ качествѣ адъюнкта въ 1742 возбудило въ немъ зависть и въ это время онъ составилъ на него эпиграмму „Самохвалъ“, которая была напечатана уже только въ 1752 г. ⁽²⁾. Умеръ Тредьяковскій въ 1769 г.; но и по смерти онъ долго былъ предметомъ насмѣшки. Извѣстно, что въ эрмитажѣ импер. Екатерины II

(1) Сочин. т. I, стр. 797—801.

(2) Сборт. матер. Куняга, стр. XL.

установлено было шуточное наказаніе — за легкую вину вылить стаканъ холодной воды и прочесть страничку изъ Телемахины, а за важнѣйшую вину — выучить изъ нея шесть строкъ наизусть. Думалъ ли Тредьяковскій, что его переводъ Телемахины, которымъ онъ хотѣлъ оказать услугу отечеству, получитъ такое оскорбительное назначеніе? Но въ настоящее время исторія, оставляя въ сторонѣ стихотворство Тредьяковскаго, смотритъ на него уже какъ на замѣчательнаго ученаго, который своими переводными и оригинальными сочиненіями принесъ несомнѣнную пользу русской литературѣ.

СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ И ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Идея Петра В. о русскомъ образованіи, о воспитаніи „изъ природныхъ россиянь“ такихъ людей, которые бы повсюду — въ наукѣ, промышленности, въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ, могли со временемъ замѣнить иностранцевъ, задержанные въ своемъ развитіи борьбою придворныхъ партій при Екатеринѣ I и Петрѣ II, а потомъ продолжительнымъ господствомъ Бирона и вообще нѣмецкой партіи въ правленіе Анны Иоанновны, должны были возникнуть снова при Елисаветѣ Петровнѣ, которая, какъ дочь Петра, явилась продолжательницей его плановъ и во всемъ хотѣла слѣдовать его правиламъ. „Съ первыхъ же дней царствованія Елисаветы, говоритъ Соловьевъ, видно было, что національное движеніе будетъ состоять въ возвращеніи къ правиламъ Петра В., а правило Петра было всѣмъ извѣстно: должно пользоваться искусными иностранцами, принимать ихъ въ службу, но не давать имъ предпочтенія предъ русскими и важнѣйшія мѣста въ управленіи занимать исключительно послѣдними“ (1). При Елисаветѣ, дѣйствительно, вмѣсто иностранцевъ, занимавшихъ самыя важныя должности въ государствѣ, явились русскіе люди — Бестужевъ-Рюминъ, Воронцовы, Разумовскіе, Шуваловы и др. Президентомъ Академіи наукъ былъ сдѣланъ въ 1746 г. братъ любимца Елисаветы, графъ К. Г. Разумовскій. Подъ его вліяніемъ, въ слѣдующемъ 1747 г. былъ составленъ новый регламентъ Академіи наукъ. Въ этомъ регламентѣ, между прочимъ, въ члены Академіи предлагалось избирать не однихъ иностранцевъ, но и русскихъ, въ адъюнкты же Академіи преимущественно русскихъ; официальными языками для Академіи были признаны только латинскій и русскій; на этихъ же только двухъ языкахъ должны были читаться и лекціи по всѣмъ наукамъ въ академическомъ университетѣ. Наконецъ, при Разумовскомъ, между чле-

(1) Ист. Россіи XXI, 177.

намъ Академіи, кромѣ Ломоносова и Тредьяковскаго, явилось еще нѣсколько русскихъ ученыхъ, каковы были Крандининиковъ, Цоковъ, Котельниковъ, Румовскій, Козницкій и др. Къ сожалѣнію, Регламентъ Академіи былъ составленъ путемъ чисто административнымъ, только двумя членами академической конференціи, Шумахеровъ и Тепловымъ, безъ всякаго участія со стороны академиковъ. На первомъ мѣстѣ, выше всего была поставлена академическая канцелярія, которой были подчинены все дѣла Академіи, не только экономическія, но и ученія и учебныя. Это стѣсняло дѣятельность академиковъ и было вредно для науки. Дѣла въ Академіи пошли дурно, явились разные безпорядки, и нѣкоторые изъ иностранныхъ академиковъ, недовольные положеніемъ Академіи, уѣхали изъ Россіи ⁽¹⁾. Послѣ Разумовскаго, самымъ вліятельнымъ лицомъ во вторую половину царствованія Елисаветы былъ И. И. Шуваловъ ⁽²⁾. Шуваловъ воспитывался за границей, во Франціи; не смотря на то, онъ былъ чисто русскимъ человекомъ и глубокимъ патріотомъ. Познакомившись съ европейскимъ образованіемъ, наукой и искусствомъ, онъ стремился распространить ихъ въ Россіи. Это стремленіе сблизило его съ другимъ русскимъ патріотомъ, гениальнымъ Ломоносовымъ: оно побуждало его покровительствовать Сумарокову и другимъ поэтамъ, ученымъ и художникамъ и пріобрѣло ему у современниковъ названіе „Россійскаго Мecenата“. Самымъ важнымъ фактомъ просвѣщенной дѣятельности Шувалова было основаніе перваго въ Россіи Московскаго университета и двухъ первыхъ гимназій въ Москвѣ. Академія наукъ, по мысли Петра В., должна была готовить ученыхъ и образованныхъ людей изъ русскихъ; для этой цѣли, при Академіи открыты были университетъ и гимназія. Но академическое начальство плохо заботилось объ этихъ заведеніяхъ, и русскихъ образованныхъ людей выходило изъ нихъ мало. Шувалову пришла мысль открыть отдѣльный и самостоятельный университетъ и отдѣльныя гимназіи ⁽³⁾. Въ 1754 г. онъ

(1) Ист. Академіи наукъ Пекарскаго II, XXVII—XXXIII.

(2) Жизнь Шувалова, описанная кн. О. Н. Голицынымъ. Москва 1853 г. № 5: Благодарное воспоминаніе о Шуваловѣ С. М. Соловьева 12 янв. 1855 г. И. И. Шуваловъ г. Бартенева, Русск. Бесѣда 1857 г. № 1. Письма Шувалова. Библ. Зап. 1861 г. № 12.

(3) Соловьевъ думаетъ, что такая мысль могла быть прямо внушена Шувалову Ломоносовымъ, или поддержана имъ; но крайней мѣрѣ Ломоносовъ говоритъ, что онъ «первый причину подавъ къ основанію университета». Какъ видно, во время пребыванія двора въ Москвѣ въ 1754 г. было рѣшено дѣло объ основаніи университета въ этой столицѣ; Шуваловъ, по возвращеніи въ Петербургъ, объявилъ объ этомъ Ломоносову, а въ слѣдъ затѣмъ прислалъ ему чер-

представилъ Сенату проектъ объ учрежденіи въ Москвѣ университета и двухъ гимназій: импер. Елисавета утвердила его 12 января 1755 г., а 25 апрѣля университетъ былъ открытъ. При открытіи университета, первый изъ русскихъ профессоровъ его, Барсовъ въ своей рѣчи сказалъ объ университетѣ: „въ немъ императрица самое ученіе всё своему народу даровала: ибо съ именемъ университета должно представлять всё собраніе потребныхъ въ жизни человѣческой наукъ, весь кругъ просвѣщающаго разумъ знанія“; а на первомъ актѣ университетскомъ, чрезъ голъ послѣ открытія, другой русскій профессоръ, Поповскій изобразилъ его значеніе для Россіи въ такихъ словахъ: „Безчисленные тысячи нашего потомства, прежде еще своего рожденія, симъ благодѣніемъ уже обязаны... Дождемся блаженнаго оного времени, когда изъ сего, премудрою государынею учрежденнаго мѣста, произойдутъ судіи, правду отъ клеветы отдѣляющіе, полководцы, на морѣ и на землѣ спокойство своего отечества утверждающіе; когда процвѣтутъ здѣсь мужи, закрытыя натуры ташества открывающіе“⁽¹⁾. Московскій университетъ сдѣлался центромъ того высшего образованія, къ которому начали стремиться русскіе люди со времени реформы⁽²⁾. Богатыя и знатныя фамиліи приглашали къ себѣ для воспитанія дѣтей иностранцевъ; но, не въ состояніи будучи судить о достоинствѣ учителей, часто брали такихъ, которые на своей родинѣ были лакеями, парикмахерами, или какими-нибудь ремесленниками. Московскій университетъ долженъ былъ готовить русскихъ учителей и воспитателей, которые изъ Москвы распространяли бы свое вліяніе на всю Россію и дали бы возможность основать русскія училища. Фонъ-Визинъ въ своей автобіографіи говоритъ, что отецъ его „не мѣшкаль, можно сказать, ни сутокъ отлучая его и брата его въ университетъ, какъ скоро онъ учрежденъ сталъ“. Такъ поступали и другіе. Между первыми воспитанниками университета, въ первые 10 лѣтъ, мы встречаемъ, кромѣ Фонъ-Визина, имена Димитрія Аничкова, бывшаго потомъ профессоромъ философіи и математики въ университетѣ,

---

новое доношеніе въ сенатъ объ основаніи университета. Ломоносовъ послалъ ему свое мнѣніе объ устройствѣ будущаго университета, наскоро набросанное, приписавъ слѣдующее: „Не въ указъ вашему превосходительству советую не торопиться, чтобы послѣ не передѣлывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я цѣлый полный планъ предложить могу не премѣнно“. Истор. Россіи XXIII, 337.

(1) Ист. Москов. университета; стр. 18, 21.

(2) Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія. Н. Иконникова. Вѣст. Европы 1876: сентябрь.

Якова Булгакова, бывшего посланникомъ въ Константинополь, Григорія Потемкина, будущаго князя Таврическаго, князя Лопухина, предсѣдателя государственнаго совѣта, Демашнева, вице-президента Академіи наукъ и др. Весьма сильнымъ побужденіемъ къ поступленію въ университетъ долженъ былъ служить и указъ императрицы, изданный 17 мая 1756 г., по которому ученіе въ университетѣ, составляя прямой путь къ высшимъ мѣстамъ государственной службы, само по себѣ ставилось наравнѣ съ первоначальною службою. По этому указу позволено было недорослямъ изъ шляхетства, бывшимъ въ указанное время на смотрѣхъ, учиться въ университетѣ до 16 лѣтъ, а по склонности къ наукамъ и до 20 лѣтъ: успѣвшихъ въ наукахъ повелѣно опредѣлять въ штатскіе чины, по достоинствамъ ихъ, и давать имъ ранги оберъ-офицеровъ арміи; записаннымъ въ военную и гражданскую службу дозволялось въ одно и тоже время учиться и числиться по службѣ съ производствомъ чиновъ: тѣхъ же, которые сверхъ 20 лѣтъ желали изучать высшія науки, повелѣно представлять правительствующему Сенату ('). 3 іюля 1756 г. была открыта въ университетѣ „для любителей наукъ и охотниковъ до чтенія библіотека, состоящая изъ знатнаго числа книгъ на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ“ и съ тѣхъ поръ всегда была открыта по средамъ и субботахъ, отъ 2 до 5 часовъ по полудни. Съ 25 апрѣля того же 1756 года началось при университетѣ изданіе „Московскихъ Вѣдомостей“, которыя стали издавать первые профессора словесности, Поповскій и Барсовъ, и которыя, слѣвавшіеся прямымъ органомъ Московскаго университета, сообщали въ тоже время русской публикѣ о всѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ въ Россіи и западной Европѣ.—Такое значеніе получили Московскій университетъ съ самаго начала основанія; въ послѣдствіи онъ послужилъ образцемъ при учрежденіи другихъ университетовъ. Московскія же гимназіи послужили образцемъ, при заведеніи другихъ гимназій. Первою изъ нихъ была Казанская гимназія, открытая въ 1760 г. Впрочемъ, Казанская гимназія была только первымъ опытомъ исполненія обширнаго учебнаго плана Шувалова. Въ 1760 г. онъ представилъ въ Сенатъ доношеніе, что „во всѣхъ знатныхъ городахъ необходимо учредить гимназіи, по маленькимъ же городамъ учредить школы, въ которыхъ обучать русской грамотѣ, арифметикѣ и прочимъ первымъ основаніямъ“. Изъ этихъ первоначальныхъ школъ ученики должны были выходить въ гимназіи, изъ гимназій въ кадетскій корпусъ, въ академію, университетъ, а изъ этихъ мѣстъ въ дѣйствитель-

(') Тамъ же, стр. 22.

ную службу. Проект этот был одобренъ, но исполненіе его послѣдовало только въ царствованіе Александра I.

Вмѣстѣ съ науками, Шуваловъ старался утвердить въ Россіи и искусство. Въ 1757 г. послѣдовалъ указъ императрицы объ учрежденіи Академіи художествъ. Близъ основаніемъ университета Шуваловъ хотѣлъ приготовить русскихъ ученыхъ и образованныхъ людей, такъ открытіемъ Академіи художествъ онъ хотѣлъ создать русское искусство. Академія потому и связана была съ университетомъ: въ нее и поступали воспитанники университета. Въ указѣ объ учрежденіи Академіи было объявлено, почему молодые русскіе люди, не смотря на великую склонность и природное дарованіе, не успѣваютъ въ искусствахъ: причина тому незнаніе иностранныхъ языковъ, необходимыхъ для разумѣнія толкованій мастера, и наукъ, для искусства необходимыхъ. А потому „можно въѣздорное число взять способныхъ изъ университета учениковъ, которымъ уже и описаны были учиться языкамъ и наукамъ, принадлежащимъ къ художеству: ими можно скоро доброе начало и успѣхъ видѣть“.

Основавъ университетъ, Шуваловъ постоянно слѣдилъ за его успѣхами и постоянно ему покровительствовалъ. До 1762 г. онъ состоялъ главнымъ его кураторомъ; другимъ его кураторомъ былъ лейбъ-медикъ и президентъ Академіи, Блюментростъ; ближайшее управленіе поручено было директору, которымъ сначала былъ А. М. Аргамаковъ, а потомъ Н. Н. Меллессинъ. Меллессинъ и Шадинъ, послѣ Шувалова, были самыми полезными дѣятелями въ исторіи образованія этого времени. Меллессинъ (роі. 1718 г.) былъ сынъ греческаго медика, пріѣхавшаго въ Россію изъ Венеціи при Петрѣ В. Получивъ образованіе въ Кадетскомъ корпусѣ, онъ полюбилъ науки и литературу и въ продолженіе всей своей жизни заботился о нихъ и покровительствовалъ всѣмъ ученымъ и поэтамъ. Шадинъ (Іоганнъ Матіасъ) былъ первымъ директоромъ московскихъ гимназій въ теченіе 20 лѣтъ. Родомъ венгерецъ, онъ получилъ образованіе въ Тюбингенскомъ университетѣ. Обладая обширными свѣдѣніями въ наукахъ, онъ особенно отличался любовью къ философіи и знаніемъ классическихъ языковъ, которые онъ преподавалъ въ высшихъ классахъ гимназій. Кромѣ преподаванія и управленія въ гимназіяхъ, Шадинъ содержалъ еще частный пансіонъ, для воспитанія юношества. Пансіонъ этотъ приобрѣлъ большую популярность и получилъ важное значеніе для образованія, на ряду съ правительственными заведеніями; въ немъ воспиталось множество замѣчательныхъ дѣятелей въ наукѣ и литературѣ; въ немъ, между прочимъ, получилъ образованіе и Карамзинъ. Изъ другихъ учебныхъ заведеній весьма важное образовательное значеніе въ это время имѣли сухопутный и морской корпуса. Изъ

сухопутнаго Кадетскаго корпуса вышло много замѣчательныхъ дѣятелей. Наконецъ, въ царствованіе Елисаветы открытъ былъ первый русскій театръ и трудами Сумарокова положено было начало русской драматической литературѣ. Но самымъ важнымъ дѣятелемъ въ царствованіе Елисаветы, имя котораго связано также съ основаніемъ Московскаго университета, былъ Ломоносовъ, котораго самого Пушкинъ называлъ „первымъ русскимъ университетомъ“. Если идеи Петра В. о русской наукѣ и русскомъ образованіи стали приводиться въ исполненіе при Елисаветѣ Петровнѣ, то на Ломоносовѣ въ первый разъ исполнилось желаніе Петра, чтобы ученые въ Россіи выходили „изъ сыновъ российскихъ“. Ломоносовъ былъ первымъ такимъ ученымъ, какихъ желалъ видѣть въ Россіи Петръ В. Онъ первый началъ приводить въ исполненіе тѣ планы и задачи относительно образованія, какіе указаны были Петромъ. Какъ гений практическій, Петръ В. цѣнилъ преимущественно такія знанія, которыя тотчасъ же могли быть приложены къ дѣлу, къ потребностямъ и пользѣ Россіи. Такое же направленіе имѣла и дѣятельность Ломоносова. Онъ также все науки изучалъ для блага Россіи и все добытыя знанія старался употребить въ ея пользу. При этомъ и вообще въ характерѣ Ломоносова замѣчается много сходства съ характеромъ Петра; и въ Ломоносовѣ мы видимъ ту же необычайную энергію въ дѣятельности и ту же непоколебимую настойчивость въ достиженіи своихъ цѣлей, какія составляютъ отличительныя черты въ характерѣ Петра В.

М. В. ЛОМОНОСОВЪ.

Біографическія свѣдѣнія о Ломоносовѣ. Воспитаніе и образованіе въ Россіи и заграничѣ. Вся жизнь Михаила Васильевича Ломоносова, отъ начала до послѣднихъ дней, представляетъ въ высшей степени оригинальную и поучительную для русскаго человѣка исторію ⁽¹⁾. Достигшій высшихъ степеней въ уче-

(1) Литература о Ломоносовѣ весьма богата. Изъ сочиненій прежняго времени болѣе важныя для біографіи Ломоносова слѣдующія: Черты и анекдоты для біографіи Ломоносова, взятыя изъ его собственныхъ словъ Штелинымъ въ 1 № Москвит. 1850 г.; Записки Штелина Москвит. 1851 г. № 2; Біографія Ломоносова въ Словарѣ митр. Евгенія. II. 12—32; Избранныя сочиненія Ломоносова. Перевлѣтскаго М. 1846; Портфель служебной дѣятельности Ломоносова въ Очеркахъ Россіи В. Пассека (кн. 2 и 5); О Смирдинскомъ изданіи сочиненій

номъ и литературномъ мірѣ, онъ вышелъ изъ самой низкой и простой среды народа: онъ былъ сынъ крестьянина рыбака Василия Дорошеева, жившаго въ Двинскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, въ деревнѣ Денисовкѣ (Болото), лежащей на островѣ, недалеко отъ Холмогоръ; мать же его была дочь дьякона изъ села Матигоръ, въ соседней области. Первымъ учителемъ Ломоносова былъ его односелецъ крестьянинъ Иванъ Шубной, или Шубинъ. Выучившись грамотѣ, Ломоносовъ началъ читать въ церкви и здѣсь познакомился съ церковно-славянскимъ языкомъ и церковными книгами, которыя развили въ немъ глубокое религіозное чувство, послужившее для него источникомъ утѣшенія въ тяже-

---

Ломоносова г. Тихонравова въ Москв. Вѣдом. 1852 г. XX 46, 47 и 74. Для біографіи Ломоносова. Его-же, Москв. 1853 г. № 3; Учен. Зап. Акад. Н. т. 3 вып. 1 и 2; Воспоминаніе о Ломоносовѣ; Рѣчь Погодина. Москв. 1855 № 2; Briefe von Christ. Wolf. 1860 г.; Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго университета. М. И. Сухомлинова, Русск. Вѣстн. 1861 г. № 1 т. XXXI; Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову. Я. К. Грота. Зап. Акад. Н. 1862 г. т. I.—Но самые полные сборники матеріаловъ для біографіи и ученой и литературной дѣятельности Ломоносова сдѣланы къ его юбилею въ 1865 г. I) Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ. Матеріалы къ столѣтней памяти его. В. Ламанскаго. Чтен. общ. ист. и древн. 1865. кн. I. Эти матеріалы собраны изъ рукописныхъ источниковъ, хранящихся въ академическомъ и государственномъ архивахъ. II) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Биллярскимъ. Спб. 1865 г. Здѣсь собрано все, что сохранилось о Ломоносовѣ въ официальныхъ документахъ архивовъ конференціи Академіи Наукъ и что прежде было уже напечатано въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Матеріалы расположены въ хронологическомъ порядкѣ, такъ что Ломоносовъ представляется при этомъ со всею обстановкою современной жизни, въ ежедневномъ ходѣ дѣлъ, среди разнообразныхъ его отношеній и обстоятельствъ. Здѣсь же помѣщены и разныя письма Ломоносова, въ которыхъ высказалось то, что не могло быть сказано вполнѣ въ официальныхъ бумагахъ и въ чемъ выражаются задумываемыя его мысли и стремленія.—III) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Наукъ въ XVIII в. изд. А. Куникомъ Спб. 1865 г. ч. I и II. Здѣсь помѣщены статьи: «Объ отношеніяхъ Ломоносова къ Тредьяковскому по поводу Оды на взятіе Хотина; матеріалы для біографіи М. В. Ломоносова съ 1736 по 1741 г. Ода А. П. Шувалова на смерть Ломоносова въ 1765 г.; Ода Фенелона 1681 г.—IV) Матеріалы для бібліографіи литературы о Ломоносовѣ С. И. Пономарева. Сборн. II. Отдѣл. Акад. Н. т. VIII. Спб. 1872. Здѣсь помѣщены: 1) хронологическій списокъ всѣхъ отдѣльныхъ сочиненій и переводовъ Ломоносова и собраній его сочиненій; 2) Списокъ напечатанныхъ сочиненій его, разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и невошедшихъ въ изданіе Смирдина въ 1847 и 1850 г.; 4) списокъ сочиненій его, переведенныхъ на иностранныя языки; 5) Указаніе портретовъ его и снимковъ съ почерка; 6) Указа-

лыхъ обстоятельствахъ жизни. До 16-лѣтняго возраста Ломоносовъ съ отцемъ своимъ занимался рыбнымъ промысломъ, ѣздили въ Бѣлое и Сѣверное море, на морскія солонварни, въ Соловецкій монастырь, въ Колу и далѣе, бывали въ Архангельскѣ и Пустозерскѣ. Суровая природа Сѣвера, трудныя занятія рыбака и опасныя плаванія по морю должны были развить въ немъ ту необыкновенную смѣлость и силу воли, которыя составляли отличительную черту его характера: а постоянныя сношенія съ жителями Поморья познакомили его съ ихъ бытомъ, нравами и языкомъ и доставили ему много такихъ свѣдѣній о природѣ и народной жизни, которыя въ послѣдствіи послужили матеріаломъ для его разныхъ плановъ и проектовъ. Но Ломоносова сильно тяготило убожество домашняго его быта и невѣжество непосредственно окружавшей его среды. Вотъ какъ опъ самъ охарактеризовалъ этотъ первый періодъ своей жизни въ одномъ письмѣ къ Шувалову: „Я имѣючи (имѣлъ) отца, хотя по натурѣ добраго челоуѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злоую и завистливую мачи-

тель статей о жизни его и матеріаловъ для его биографіи: 7) указаніе статей о его сочиненіяхъ; 8) псевдонимы его и псевдонимы, подъ которыми выводили его другіе писатели; 9) поэтическія произведенія, говоряшія о немъ, и эпиграмы на него; 10) ученые труды, посвященные его памяти; 11) столѣтній юбилей его (1765—1865).—V) Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова Я. К. Грота. Зап. Ак. Н. 1865 г. т. VII.—VI) О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ Н. Лавровскаго. Харьковъ 1865 г.—VII) Къ столѣтней памяти Ломоносова. Н. Н. Булича 1865 г.—VIII) Ломоносовъ и реформа Петра В. О. О. Миллера. Вѣстн. Евр. 1866. № I (По поводу сочиненій Биларскаго, Куника, Лавровскаго и Ламанскаго).—IX) Ломоносовъ, какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. А. Бутиловича. Сборн. II. Отд. Акад. Н. т. VIII. Здѣсь помѣщены: 1) указатель хронологической послѣдовательности учено-литературныхъ работъ Ломоносова; 2) особенности его языка и стиля; 3) размѣръ и характеръ его научныхъ средствъ; 4) отрывки неизданныхъ сочиненій Ломоносова.—X) Самое полное жизнеописаніе Ломоносова, составленное на основаніи всѣхъ указанныхъ матеріаловъ и изслѣдованій, напечатано Пекарскимъ въ Истор. Акад. Наукъ ч. II, стр. 259—892. Приложенія къ нему, стр. 893—963.—Изданія сочиненій Ломоносова: 1-е изданіе въ Спб. 1751 г. въ одной книгѣ; 2-е изданіе (по распоряженію Шувалова) въ двухъ книгахъ. Москва. 1757—59 г. и Спб. 1768 г.; Изданіе Дамаскина Руднева въ 3-хъ частяхъ М. 1778; Изданіе Н. Новикова въ пользу юношества М. 1787. Три академическихъ изданія въ 6 ч. въ Спб. 1784—87; 1795—97; 1803—1804. Изданіе Смирдина въ Полн. Собр. сочиненій русскихъ авторовъ 3 ч. Спб. 1847. Изданіе Перевлѣскаго: Избранныя сочиненія Ломоносова. Москва 1846 г.

ху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того я многократно принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, пока я ушелъ въ Спасскія школы“ (¹). Но сила воли помогла ему преодолѣть все пренятствія. Стремленіе къ ученію увлекло, было, его въ расколъ безноповщинской секты: но, пробывъ въ немъ два года, онъ увидѣлъ заблужденія раскольниковъ и отсталъ отъ нихъ. У крестьянина своей деревни, Христофора Дудина, онъ нашелъ славянскую грамматику Мелетія Смотрицкаго, арифметику Магнитскаго и стихотворную псалтирь Симеона Полозкаго и не только прочиталъ, но и выучилъ ихъ наизусть. Эти книги, которые онъ въ послѣдствіи называлъ „вратами своей учености“, пробудили въ немъ такую жажду учиться, что онъ, на 17 году жизни, тайно отъ отца и родныхъ, которые въ это время уже собирались женить его, рѣшился безъ всякихъ средствъ пробраться для ученія въ Москву. Тотъ же крестьянинъ Игуминъ, который первый научилъ его грамотѣ и который, можетъ быть, и посоветовалъ ему бѣжать въ Москву, далъ ему на дорогу китайчатое полукафтанье и три рубля денегъ. По дорогѣ въ Москву, Ломоносовъ прожилъ нѣсколько времени въ Сѣйскомъ монастырѣ, гдѣ читалъ и пѣлъ на клиросѣ. Изъ Сѣйскаго монастыря пѣшкомъ, съ обозомъ рыбы, онъ добрался до Москвы въ январѣ въ 1731 и первую ночь здѣсь провелъ въ рыбномъ ряду въ сапяхъ, и первыми предметами, поразившими его, были звонъ колоколовъ и главы и кресты соборовъ, на которые онъ усердно молился, прося Бога призрѣть его въ неизвѣстномъ городѣ. По разсказамъ Штелина, одинъ московскій прикащикъ, Пятухинъ, покуная въ обозѣ рыбу и узнавъ въ Ломоносовѣ земляка, который желаетъ учиться, но не имѣетъ къ этому средствъ, взялъ его къ себѣ и вскорѣ представилъ одному своему знакомому іеромонаху Законоспасскаго монастыря. Монахъ съумѣлъ одѣвнать необыкновеннаго мальчика и помѣстилъ его сначала въ первую навигаціонную школу на Сухаревой башнѣ, а потомъ въ Московскую академію. Сохранилось преданіе, впрочемъ оспариваемое нѣкоторыми писателями (²), что Ломоносовъ для того, чтобы попасть въ эту академію, въ которую принимали только дѣтей дворянъ и духовныхъ, назвалъ себя сыномъ священника, но потомъ, испугавшись, признался въ своемъ обманѣ архіеп. Новгородскому, Теофану Прокоповичу. Прокоповичъ успокоилъ

(¹) Сочиненія Ломоносова. Издан. Смирдина. Т. 1, стр. 666—667.

(²) Истор. Акад. наукъ Пекарскаго II, 232.

его, сказавши: „Не бойся ничего: хотя бы со звономъ въ большой соборный колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ, я твой защитникъ“. Подобно домашнему ученію, и образованіе въ московской академіи сопровождалось для Ломоносова также величайшими трудностями. „Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, говорить онъ въ другомъ письмѣ къ Шувалову, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхищаютъ. Съ другой стороны, несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ за денежку хлѣба и за денежку квасу, прочее за бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдаютъ, которые и въ мою бытность предлагали: съ другой стороны, школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться“⁽¹⁾. Но, не смотря на всѣ трудности, Ломоносовъ, при своихъ гениальныхъ способностяхъ, скоро превзошелъ въ успѣхахъ всѣхъ своихъ товарищей. Московская академія дала образованію Ломоносова классическую основу. Кромѣ разныя наукъ, онъ здѣсь основательно изучилъ латинскій языкъ, который тогда былъ общимъ языкомъ всей европейской науки, и латинскую литературу, которая также считалась въ это время образцовой. Въ 1734 г. для изученія философіи и естественныхъ наукъ онъ отправился въ кievскую академію, но оставался тамъ недолго и возвратился въ Москву. Въ это время хотѣли посвятить его въ священники и послать въ Карелу; но вдругъ изъ Петербургской академіи наукъ пришло въ Московскую академію требованіе прислать 12 лучшихъ учениковъ для помѣщенія въ академическую гимназію: въ это число попалъ и Ломоносовъ, который учился тогда въ философскомъ классѣ. Такимъ образомъ, судьба Ломоносова неожиданно измѣнилась: онъ вышелъ на новый путь, который долженъ былъ дать ему обширнѣйшее образованіе и привести къ обширнѣйшей дѣятельности. Въ академической гимназіи ему привелось учиться недолго. Бывшій тогда президентъ Академіи наукъ, баронъ Корфъ вздумалъ послать нѣсколько молодыхъ русскихъ людей за

(1) Сочин. 1. 663—664.

границу, для изученія горнаго дѣла. Выборъ палъ на Ломоносова, Виноградова, сына рязанскаго священника, и нѣмца Райзера, которые сначала должны были отправиться въ Марбургъ къ профессору Вольфу, съ тѣмъ, чтобы, по выслушаніи здѣсь университетскаго курса, перейти во Фрейбергъ и изучить маталлургію у профессора Генкеля, и наконецъ сдѣлать путешествіе по Франціи, Англіи и Голландіи. Къ Вольфу Академія наукъ обратилась потому, что онъ съ начала ея основанія состоялъ ея членомъ, получалъ отъ русскаго правительства ежегодный пенсіонъ въ 300 талеровъ. и находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Академіей. Въ Марбургъ Ломоносовъ съ товарищами отправился 8-го сентября 1736 г. и пробылъ здѣсь до 28 іюля 1739. Въ Марбургѣ Ломоносовъ получилъ обширное и основательное образованіе. У Вольфа онъ слушалъ философію, физіку и логику: отъ него онъ усвоилъ и тотъ взглядъ на науку вообще и въ частности на науку о природѣ, какой выражается въ его сочиненіяхъ. Ломоносовъ уважалъ Вольфа, какъ человѣка и какъ знаменитаго ученаго, называлъ его своимъ учителемъ и благодѣтелемъ, перевелъ его экспериментальную физіку и долго переписывался съ нимъ изъ Россіи. Въ свою очередь Вольфъ въ своихъ письмахъ къ Академіи дѣлалъ самые похвальные отзывы о Ломоносовѣ, о его талантахъ и занятіяхъ, постоянно отличалъ его отъ товарищей, выражая надежду, что онъ будетъ знаменитымъ ученымъ. Но если Ломоносовъ былъ обязанъ Марбургу своимъ умственнымъ развитіемъ и своими обширными свѣдѣніями въ наукахъ, то здѣсь же преимущественно развились и слабыя стороны его характера и особенно наклонность къ вину, которая была причиною многихъ несчастныхъ исторій въ его жизни и преждевременно свела его въ могилу. Студенческая молодежь въ Марбургскомъ университетѣ въ эту эпоху еще не умѣла находить отдыха отъ ученыхъ занятій въ какихъ-либо благородныхъ развлеченіяхъ, а тратила свободное время и избытокъ молодыхъ силъ на чувственныя удовольствія и грубые подвиги физическихъ силъ: картежная игра, пьянство и буйство были въ ея кругу самыми обыкновенными явленіями. Попавъ въ этотъ кружокъ, русскіе студенты совершенно увлеклись свободною и веселою студенческою жизнію, неудержимо предались разгулу и, не имѣя достаточно денежныхъ средствъ, впали въ большіе долги. Испуганный такимъ поведеніемъ студентовъ, а еще болѣе ихъ долгами, Вольфъ началъ совѣтовать Петербургской академіи отозвать ихъ въ Россію, „такъ какъ они, писалъ онъ, не умѣютъ пользоваться академическою свободою, и кромѣ того выполнили все, зачѣмъ были присланы въ Марбургъ“. Въ слѣдствіе этого, Академія поскорѣе отправила Ломоносова съ его товарищами во Фрейбергъ (въ Саксо-

ни), къ профессору Генкелю, для изученія маталлургіи. При этомъ она нашла нужнымъ предупредить Генкеля о поведеніи студентовъ и просила держать ихъ строже и объявить въ городѣ, чтобы никто не вѣрилъ имъ въ долгъ. Исполняя эту просьбу, Генкель началъ во всемъ учитывать студентовъ, и такъ какъ Академія не аккуратно высылала ему сумму, назначенную за ученіе студентовъ, то онъ сталъ удерживать за собою тѣ деньги, которыя присылались на ихъ содержаніе. Результатомъ этого были частыя ссоры между Ломоносовымъ и Генкелемъ, которые обвиняли другъ друга и жаловались Петербургской академіи. Генкель жаловался на поведеніе Ломоносова: Ломоносовъ жаловался, что Генкель учитъ ихъ небрежно, что многого имъ не показывается и „самые обыкновенные процессы, находящіеся во всѣхъ химическихъ соединеніяхъ, держать въ секретѣ и сообщать съ большою неохотой, какъ что-то таинственное“. „Я не промѣняю, писалъ онъ, на его ученость свои, хотя небольшія, но основательныя, знанія, и не вижу никакого побужденія считать его своєю путеводною звѣздой“. При такихъ отношеніяхъ къ Генкелю, Ломоносову, разумѣется, нельзя было оставаться во Фрейбергѣ, и онъ выѣхалъ отсюда въ Марбургъ въ половинѣ мая 1740 года. По свидѣтельству Штелина, Ломоносовъ посѣщалъ еще рудники въ Гарцѣ и познакомился съ знаменитымъ тогда ученымъ по химіи и маталлургіи. Крамеромъ. Во времени жизни Ломоносова въ Марбургѣ и Фрейбергѣ (1738—1740) относится начало его занятій поэзіей и первыя его поэтическія произведенія. По инструкціи, данной студентамъ, при отправленіи ихъ за границу, они обязаны были, кромѣ наукъ, изучать языки—латинскій, французскій и нѣмецкій, и дѣлать упражненія въ русскомъ языкѣ. Согласно съ этой инструкціей, Ломоносовъ, какъ опытъ своего знакомства съ французскимъ языкомъ и упражненія въ русскомъ, въ 1738 г. представилъ въ Академію наукъ переводъ оды Фенелона „На уединеніе“, сдѣланный четырехстопными хорееми. За этимъ первымъ переводнымъ стихотворнымъ опытомъ послѣдовалъ подражательный стихотворный опытъ. Въ 1739 г. Ломоносовъ написалъ оду „На взятіе Хотина“, по подражанію одѣ нѣмецкаго поэта Гюнтера (1695—1723), который тогда былъ любимымъ поэтомъ студенческой молодежи въ Германіи. Посылая эту оду въ Петербургъ, Ломоносовъ писалъ, что она „не что иное, какъ только превеликія радости оныя плодъ, которую непобѣдимѣйшія наша монархини (импер. Анны Іоанновны) преславная надъ непріятелями побѣда въ вѣрномъ его сердцѣ возбудила“. Въ одѣ изображалась побѣда Миниха при Ставучахъ (18 августа 1739 г.) и послѣдовавшее за нею взятіе Хотина. Форма этой оды снята съ оды упомянутаго Гюнтера, напи-

санной въ прославленіе принца Евгенія, послѣ мира, заключеннаго между Австріей и Турціей въ Пассаровицѣ въ 1718 г. Къ одѣ Ломоносовъ приложилъ „Письмо о правилахъ русскаго стихотворства“. Академія передала оду на разсмотрѣніе Ададурову и Штелину, а письмо въ „Русскаго собраніе“. Ода была одобрена, письмо же вызвало возраженія и отвѣтное письмо со стороны Тредьяковскаго. Но письму Тредьяковскаго, какъ „исполненному учеными ссорами“, не было дано никакого движенія⁽¹⁾. Имя Ломоносова сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ, какъ имя новаго русскаго поэта. Между тѣмъ, самъ новый поэтъ въ это время находился въ самомъ бѣдственномъ положеніи. По возвращеніи изъ Фрейберга въ Марбургъ, Ломоносовъ женился (6 іюля 1740 г.) на Елисаветѣ Христинѣ Цильхъ, дочери портнаго, хозяина квартиры, на которой онъ жилъ въ Марбургѣ, бывшаго члена городской думы и церковнаго старосты. Новая потребность семейной жизни, скудное содержаніе и несвоевременная высылка денегъ Академіей заставили Ломоносова войти въ долги, за которые хотѣли посадить его въ тюрьму. Въ этомъ положеніи онъ вздумалъ бѣжать изъ Марбурга. Сначала онъ обращался за помощью къ русскому посланнику при Саксонскомъ дворѣ, графу Кайзерлингу, а потомъ въ Голландію къ графу Головкину, но совершенно безуспѣшно. Во время этого странствованія, близъ Дюссельдорфа, онъ встрѣтился съ прусскими вербовщиками, которые, напоивъ его, записали въ рекруты и отвели въ крѣпость Везель, откуда онъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Возвратившись въ Марбургъ, онъ обратился уже въ Петербургъ съ просьбою о позволеніи возвратиться въ Россію, и, получивъ это позволеніе и 100 рублей на дорогу и на уплату долговъ, отправился въ Россію и прибылъ въ Петербургъ 8 іюля 1741 г. Жену и дочь онъ оставилъ въ Марбургѣ и вызвалъ ихъ къ себѣ только уже чрезъ два года.

Профессорская и административная дѣятельность Ломоносова въ Академіи наукъ. Испытавъ столько лишеній и трудностей при образованіи и принеся столько тяжелыхъ жертвъ для науки, Ломоносовъ, по возвращеніи изъ-за границы, поставилъ для себя священною обязанностію приложить добытыя свѣдѣнія къ потребностямъ Россіи, усвоить ей пріобрѣтенную имъ европейскую науку; но на пути къ достиженію этой цѣли онъ встрѣтилъ сильныя препятствія со стороны администраціи въ Академіи на-

(1) Сборникъ матеріаловъ Куника, XVII—XLI.

укъ, или академической канцеляріи, въ которой тогда сосредоточивалось управленіе Академіей. Затрудненіями сопровождалось уже самое вступленіе его въ Академію. При отправленіи за границу, Академія общалась Ломоносову, какъ и его товарищамъ, въ случаѣ его успѣховъ, сдѣлать его, по возвращеніи, профессоромъ. Но академической администраціи не захотѣлось такъ скоро выполнить это общаніе. Ломоносову сначала поручили привести въ порядокъ минералогическій кабинетъ при Академіи. Исполнивъ это порученіе, Ломоносовъ нѣсколько разъ просилъ Академію о должности профессора, указывая на представленныя ей сочиненія; но она не обращала вниманія на его просьбы, такъ что Ломоносовъ самъ долженъ былъ подать на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ по пунктамъ объяснилъ слѣдующее: „Во оныхъ городахъ (Марбургѣ и Фрейбергѣ) будучи, я чрезползата года не токмо указанія мнѣ науки принялъ, но въ физикѣ, химіи и натуральной исторіи горныхъ дѣлъ такъ произошелъ, что онымъ другихъ учить и къ тому принадлежащія полезныя книги съ новыми пивенціями писать могу, въ чемъ Академіи наукъ спешны своего сочиненія и притомъ отъ тамошнихъ профессоровъ свидѣтельства въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго 1741 г. съ докладомъ подалъ“ (1). Въ слѣдствіе этого прошенія, Ломоносовъ 8 янв. 1742 г. сдѣланъ былъ альянктомъ по физикѣ. Состоя въ этой должности, онъ „преподавалъ въ академической гимназіи физическую географію, по нѣмецкому учебнику Крафта, давалъ наставленія въ химіи и исторіи натуральной и обучалъ воспитанниковъ стихотворству и стилю російскаго языка“. Въ тоже время въ академической конференціи онъ читалъ ученые диссертациі по химіи и физикѣ, разсматривалъ, по порученію Академіи, разные соли, руды и минералы и проч. Въ 1745 г., по отъѣздѣ профессора Гмелина за границу, Ломоносовъ утверждёнъ былъ профессоромъ химіи и въ этой должности оставался до конца жизни. Съ этого времени его дѣятельность приняла еще болѣе широкіе размѣры. Въ письмѣ къ Шүзалову въ 1753 г. онъ самъ охарактеризовалъ ее слѣдующимъ образомъ: „Ежели кто, по своей профессіи и должности, читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публичныя рѣчи и диссертациі, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ, и исторію своего отчества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего болѣе требовать не имѣю и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное роди-

(1) Матеріалы для біографіи Ломоносова Биларскаго, стр. 7.

лось" (1). Въ 1757 г. онъ сдѣлался членомъ академической канцеляріи и получилъ участіе въ управленіи академическими дѣлами. Въ 1759 г. ему было поручено управленіе академической гимназіей и университетомъ и географическимъ департаментомъ. Но какъ достиженіе этого положенія, такъ и дѣятельность во всѣхъ указанныхъ должностяхъ сопровождалась для Ломоносова непрерывною борьбою съ академическою канцеляріей и вообще съ преобладаніемъ нѣмецкой партіи въ Академіи, или, какъ онъ выражался, „съ непріятелями наукъ російскихъ, которые не давали возрастать свободно насажденію Петра В.“ Въ этой борьбѣ, во время которой Ломоносовъ, при своей горячей натурѣ, нерѣдко вдавался въ крайности и доходилъ до несправедливости, высказался со всею полнотою и весь характеръ Ломоносова съ его непомѣрнымъ трудолюбіемъ, глубокою любовію къ наукѣ, пламеннымъ патріотизмомъ и непреклонною твердостію воли, при достиженіи своихъ цѣлей.

Средоточіемъ дѣятельности Академіи наукъ была академическая канцелярія. Она завѣдывала не только экономическими, но и учеными и учебными дѣлами. Ни отдѣльный членъ Академіи, ни вся конференція не могли печатать сочиненій безъ вѣдома и разрѣшенія канцеляріи. Конференція доносила ей о своихъ занятіяхъ и выписками изъ протоколовъ засѣданій и особыми рапортами каждаго члена по третямъ года (предъ выдачей жалованья). Каждое ученое предпріятіе, кромѣ конференціи, обсуживалось и въ канцеляріи и здѣсь рѣшалось. Поэтому въ сенатскихъ бумагахъ ее называли „Академической командой“. Во главѣ канцеляріи, при Ломоносовѣ стояли сначала одинъ, а потомъ два нѣмца, Шумахеръ и Таубертъ, тестъ и зять, люди не ознаменовавшие себя никакими трудами и въ наукахъ, по выраженію Ломоносова, скудные, но практическою смѣтливостію и изворотливостію умѣвшіе привлечь на свою сторону людей вліятельныхъ и случайныхъ. Они мало обращали вниманія на интересы русскаго образованія и русской науки, а заботились главнымъ образомъ о соблюденіи порядка и внѣшней формы, чтобы, выставивъ на видъ приличный декорумъ, удобнѣе было соблюдать свои личные выгоды. „Съ самаго начала Академіи, говоритъ Ломоносовъ, науки претерпѣвали пужду, будучи главное дѣло, а деньги исходили на перестройки, починки, ненужныя покупки“ и проч. (2). Таубертъ распоряжался казеннымъ добромъ и денежными суммами самовластно и не хотѣлъ давать отчета по своему управленію. „Захвативши деньги отъ книжной лавки, говоритъ Ломоносовъ, онъ кому хочетъ, тому и дастъ жалованье.... Занявъ въ акаде-

(1) Тамъ же, стр. 213.—(2) Тамъ же, стр. 504.

мическомъ домѣ самъ лучшіе покои, на коштѣ академической великолѣпно украшенные, раздалъ другія по своему усмотрѣнію квартиры. И переплетчикъ Розенбергъ имѣетъ столько простору, что можно бы умѣстить хорошаго профессора, который терпитъ нужду, переѣзжая по наемнымъ дорогимъ квартирамъ“. Въ особенностяхъ Ломоносовъ упрекалъ Тауберта въ недобросовѣстности при подрядахъ по перестройкамъ академическихъ зданій, часто излишнимъ, жаловался на то, что Таубертъ, вмѣсто обогащенія бібліотеки необходимыми книгами, заботился объ устройствѣ обсерваторіи и шкафовъ въ бібліотекѣ и кунсткамерѣ, употребляя на это деньги изъ суммъ книжной лавки, которыя не на то назначены, но на покупку книгъ. Библіотека, замѣчалъ по этому случаю Ломоносовъ, не состоитъ въ золотыхъ шкафахъ, но въ книгахъ, коими наша бібліотека весьма недостаточна ⁽¹⁾. Въ слѣдствіе дурнаго управленія академической канцеляріи и особенно деспотизма и самоуправства Шумахера, нѣкоторые даже иностранные члены Академіи оставили ее ⁽²⁾. Очень понятно, что Ломоносовъ, глубоко преданный наукѣ и ревностно заботившійся о ея успѣхахъ въ Россіи, возсталъ противъ такого, вреднаго для науки, преобладанія академической канцеляріи. Сохранилась его „Краткая исторія о поведеніи академической канцеляріи въ разсужденіи ученыхъ людей и дѣлъ“ ⁽³⁾. Она написана Ломоносовымъ въ концѣ жизни, въ 1764 г.; но содержаніе ея еще раньше было изложено въ обширной Запискѣ о необходимости преобразованія Академіи вообще, написанной въ 1755 г. Въ этой Исторіи Ломоносовъ выставляетъ всѣ препятствія наукамъ отъ академической канцеляріи и представителей ея, Шумахера и Тауберта, и требуетъ преобразованія управленія Академіи, настаивая на томъ, чтобы ученая и учебная часть въ Академіи была совершенно отдѣлена отъ канцеляріи. На сколько важнымъ и необходимымъ для успѣха наукъ Ломоносовъ считалъ это преобразование, видно изъ слѣдующихъ словъ, которыми онъ оканчиваетъ свою исторію академической канцеляріи: „Едино упованіе состоитъ нынѣ, по Божѣ, во всемилостивѣйшей государынѣ нашей, которая отъ истиннаго любленія къ наукамъ и отъ усердія къ пользѣ отечества, можетъ быть, разсмотреть и отвратить сіе несчастіе. Ежели жъ оного не вослѣдуетъ, то вѣрнѣе должно, что нѣтъ божескаго благоволенія, чтобы науки возрасли и распространились въ Россіи“ ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 497. — ⁽²⁾ Тамъ же, стр. 60.

⁽³⁾ Тамъ же, стр. 49—101. — ⁽⁴⁾ Тамъ же, стр. 101.

По проэкту Петра В., гимназія и университетъ при Академіи наукъ должны были служить разсадниками для воспитанія будущихъ ученыхъ академиковъ и профессоровъ изъ русскихъ; между тѣмъ академическая канцелярія весьма мало заботилась объ этихъ учрежденіяхъ. „Съ начала Академіи наукъ, отъ 1725 г. по 1733 г., говоритъ Ломоносовъ въ Запискѣ о необходимости преобразованія Академіи наукъ, ни единого руссійскаго студента при ней не было, который бы лекціи у профессоровъ слушалъ.... Въ гимназіи каково расположеніе было, изъ того видно, что ни единъ школьникъ въ студенты изъ ней не выпущенъ, кромѣ одного, или двухъ, которые прежде въ другихъ школахъ доброе положили основаніе“ (¹). „Шумахеру, замѣчаетъ Ломоносовъ въ той же Запискѣ, опасно было происхожденіе въ наукахъ и произвожденіе въ профессора природныхъ руссіанъ, отъ которыхъ онъ уменьшенія своей силы больше опасался. Того ради ученіе и содержаніе руссійскихъ студентовъ было въ такомъ небреженіи, по которому ясно оказывалось, что не было у него намѣренія ихъ допустить къ совершенству ученія.... Шумахеръ неоднократно такъ отзывался: Я-де великую прошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессора. И недавно зять его (Таубертъ) отозвался въ разговорѣ о произведеніи руссійскихъ студентовъ: развѣ-де намъ десять Ломоносовыхъ надобно. И одинъ-де намъ въ тягость“ (²). Между тѣмъ, самъ Ломоносовъ въ томъ фактѣ, что изъ академической гимназіи и университета мало выходило студентовъ, видѣлъ поношеніе для всего русскаго народа. „Иностранные, говоритъ онъ, видя сіе и не зная выше объявленнаго, приписывать должны его тупому и непонятному разуму, или великой лѣности и нерадѣнію. Каково читать и слышать истиннымъ сынамъ отечества, когда иностранные въ вѣдомостяхъ и сочиненіяхъ пишутъ о руссіанахъ, что де Петръ В. для своихъ людей о наукахъ напрасно старался, и нынѣ-де дочь его Елисавета безъ пользы употребляетъ на тожъ великое изживленіе“ (³). Поэтому Ломоносовъ, желая дать гимназіи и университету надлежащее значеніе, сочинилъ для нихъ новые „штаты и регламенты“; но это мало помогало дѣлу, потому что управленіе ими зависѣло отъ академической канцеляріи, которая давала деньги на ихъ содержаніе „съ великимъ затрудненіемъ“. Таубертъ, по поводу новыхъ штатовъ, говорилъ Ломоносову: „что куда-де столько студентовъ и гимназистовъ? куда ихъ дѣвать и употреблять будетъ, и хотя отвѣтствовано, замѣчаетъ Ломоносовъ, что у

(¹) Тамъ же, стр. 438. — (²) Тамъ же, стр. 443.

(³) Тамъ же, стр. 99

насъ нѣтъ природныхъ россіянь ни аптекарей, да и лекарей мало, также механиковъ искусныхъ, горныхъ людей, адвокатовъ и другихъ ученыхъ и ниже самихъ профессоровъ въ самой академіи и другихъ мѣстахъ. Но, не внимая сего, всегда твердилъ и другимъ внушалъ Таубертъ: куда со студентами“ (¹). Все это заставило Ломоносова просить президента Академіи, графа Разумовскаго, чтобы университетъ и гимназія „отданы были ему въ единственное смотрѣніе и чтобы сумму по новому статуту на оба сіи учрежденія отдѣлять особливо“... (²).

Но вредное для русскаго образованія и русской науки преобладаніе нѣмецкой партіи Ломоносовъ видѣлъ не въ одной только академической канцеляріи, но и во всей Академіи, которая почти вся состояла изъ иностранцевъ. „Ученые, приглашенные въ Петербургскую Академію наукъ Вольфомъ, говоритъ Пекарскій, какъ напр. Германъ, Николай и Даниилъ Бернулли, Бильфингеръ, съ самыхъ же первыхъ годовъ ея существованія, успѣли упрочить за нею положеніе, поставившее наше ученое общество на ряду съ подобными учрежденіями въ Европѣ. Первые академики, прибывшіе въ Петербургъ, были проникнуты тѣмъ же сознаніемъ важности назначенія Академіи, каковымъ руководился Вольфъ, при избраніи ихъ въ члены ея.... Къ сожалѣнію, нѣсколько лѣтъ спустя, при выборѣ въ члены Академіи, стали руководствоваться не тѣмъ взглядомъ.... но другими, посторонними для науки, соображеніями“ (³). Въ слѣдствіе этого, вмѣстѣ съ хорошими людьми стали являться и люди посредственные и недостойные, которые однакожь какъ иноземцы „пользовались разными льготами и преимуществами, въ ущербъ природнымъ русскимъ, выказывали при всякомъ удобномъ случаѣ презрѣніе къ русскимъ и давали вездѣ и всюду чувствовать свое превосходство, иногда основанное лишь на томъ, что они не туземнаго происхожденія“. Такое положеніе дѣлъ, конечно, не могло не оскорблять патріотическаго чувства Ломоносова, и онъ, какъ только сдѣлался членомъ академической конференціи, началъ стремиться къ преобразованію всей Академіи. Въ 1755 г., по поводу пересмотра академическаго регламента, онъ приготовилъ „Всеніяжайшее мнѣніе о исправленіи Санктпетербургской Академіи наукъ“. Это „Мнѣніе“ онъ внесъ потомъ въ упомянутую выше обширную Записку о необходимости преобразованія Академіи, представленную имъ въ томъ же году Шувалову (⁴). Записка состоитъ изъ трехъ частей. Въ 1-й части Ло-

(¹) Тамъ же, стр. 80. — (²) Тамъ же, стр. 73—79.

(³) Истор. Академіи наукъ. Ч. I. LXI—LXII; ч. II. 570.

(⁴) Собр. матеріаловъ Билярскаго, стр. 438—455.

Ломоносовъ говоритъ о печальномъ состояніи Академіи; здѣсь, между прочимъ, изложены тѣ мысли, которыя вошли въ упомянутую выше краткую исторію академической канцеляріи; во 2-й излагаетъ причины паденія Академіи; въ 3-й предлагаетъ способы къ исправленію и приведенію ея въ цвѣтущее состояніе. Существенный недостатокъ Академіи, по мнѣнію Ломоносова, заключается въ томъ, что прежній ея регламентъ препятствуетъ произведенію и размноженію ученыхъ людей въ Россіи: главные причины ея жалкаго положенія — управленіе Академіей людьми неучеными и „недоброхотство къ учащимся россиянамъ въ наставленіи, содержаніи и произведеніи“. Разбирая академическій Регламентъ 1747 г. онъ вредными и поносительными для русскаго народа называетъ узаконенія „быть многимъ иностраннымъ въ профессорахъ и другихъ должностяхъ“. „Что иное подумать можно, говоритъ онъ, читая о выписаніи высшаго математика, и другихъ профессоровъ, и о дачѣ имъ большаго жалованья, о бытіи адъюнктовъ переводчиками у иностранныхъ профессоровъ, о переводѣ книгъ профессорскихъ, о контрактахъ съ иностранными профессорами, о иностранныхъ канцеляристахъ и провизорѣ типографскомъ, какъ сіе, что Санктпетербургская Академія наукъ нынѣ и впредь должна состоять по большей части изъ иностранныхъ т. е. что природные россияне къ тому не способны“ (1). „Другія европейскія государства, прибавляетъ онъ въ той же запискѣ, наполнены людьми учеными всякаго званія, однако ни единому человѣку не запрещено въ университетахъ учиться, кто бы онъ ни былъ, и въ университетѣ тотъ студентъ почтеніе, кто больше научился; а чей онъ сынъ, въ томъ нѣтъ нужды. Здѣсь въ российскомъ государствѣ ученыхъ людей мало; дворянамъ, для безпорядку ранговъ, нѣтъ ободренія; въ подушный окладъ положеннымъ запрещено въ Академіи учиться. Можетъ быть, сочинитель думалъ, что государству великая тягость, ежели оно 40 алтынъ въ годъ теряетъ для полученія ученаго россиянина. Да пускай хотя бы и 40 алтынъ жалъ было, а не жалѣть бы 1800 рублей, чтобы иноземца выписать; однако чѣмъ тѣ виноваты, которые, состоя въ подушномъ окладѣ, имѣютъ такой достатокъ, что на своемъ коштѣ дѣтей своихъ въ науку отдать могутъ“ (2). Любя и почитая науку вообще, Ломоносовъ всегда ставилъ ученую дѣятельность, направленную къ интересамъ національнымъ, выше общей учености; уважая ученыхъ вообще, онъ требовалъ, чтобы ученые, сдѣлавшіеся извѣстными своими трудами въ своихъ государствахъ, но ничего не сдѣлавшіе для Россіи, не пред-

(1) Тамъ же, стр. 447. — (2) Тамъ же, стр. 448.

почитались русскимъ ученымъ, которые приносятъ пользу своему отечеству. Поэтому, въ проектѣ новаго регламента Академіи наукъ, представленномъ графу Разумовскому въ 1764 г. ⁽¹⁾, онъ положилъ, что президентъ Академіи долженъ быть „природный россиянинъ“, вице-президентъ „изъ ординарныхъ академиковъ, служившихъ въ Академіи не малое время, и показавшихъ свое въ наукахъ отѣнное знаніе изданными въ свѣтъ сочиненіями“, что и вообще академики постепенно должны набираться изъ русскихъ. Приготовлять же академиковъ изъ русскихъ онъ предлагалъ чрезъ посылку за границу студентовъ академическаго университета. 2-го іюня 1764 г. онъ сдѣлалъ представленіе въ академическую канцелярію „объ отправленіи студентовъ въ чужіе края“, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „чрезъ многіе опыты извѣдано, сколько трудовъ и хлопотъ стоитъ Академіи выписываніе иностранныхъ членовъ, также и отпускъ оныхъ не всегда безъ досадъ и нареканія бываетъ. Сверхъ же того, много времени миновать еще должно, пока Академія своими природными профессорами наполнится, какъ то примѣръ минувшаго времени показываетъ“. Указавъ затѣмъ на семь человекъ изъ студентовъ, окончившихъ курсъ въ академическомъ университетѣ, онъ говоритъ: „Представляю, чтобы помянутыхъ студентовъ послать для наученія разныхъ наукъ и чтобы видѣть въ разныхъ земляхъ академіи и знатныхъ ученыхъ людей... А гдѣ и чему учиться и какъ должно въ чужихъ краяхъ, о томъ дать имъ указъ съ инструкціею. А въ сочиняющемся новомъ статѣ и регламентѣ положить, чтобы на академической суммѣ всегда содержать природныхъ російскихъ студентовъ за моремъ не меньше десяти человекъ. И такъ сіе мое представленіе обще туда представляется, чтобы о выписываніи вновь и о пріемѣ иностранныхъ профессоровъ безпрочное почти стараніе вовсе оставить, но крайнее положить попеченіе о наученіи и произведеніи собственныхъ природныхъ и домашнихъ, которые бы служили, назадъ не оглядываясь и не угрожая контрактомъ и взятіемъ абшита. А паче всего служили бы къ чести отечеству, которой отъ иностранныхъ нашему народу приписывать невозможно“ ⁽²⁾.

Въ основѣ всей этой реформаторской дѣятельности Ломоносова, всѣхъ этихъ стремленій, требованій, плановъ и проектовъ лежала пламенная любовь къ наукѣ и глубокое патріотическое чувство, побуждавшее его ратовать за утвержденіе наукъ въ Россіи. Извѣстно, какое горячее письмо онъ написалъ къ Шу-

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 652—669.

⁽²⁾ Тамъ же, стр. 641—642.

валову по случаю смерти профессора физики Рихмана, которого убило громомъ во время производства опытовъ надъ электричествомъ. Страшно пораженный внезапною смертію Рихмана, онъ всего больше боится того, чтобы его смерть въ непросвѣщенномъ русскомъ обществѣ не была перетолкована ко вреду науки въ Россіи. Поэтому сказавъ, что Рихманъ умеръ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность, онъ проситъ Шувалова обезпечить вдову его въ содержаніи, чтобы она сына своего, маленькаго Рихмана, могла воспитать, „чтобы и онъ такою же былъ любитель наукъ, какъ его отецъ“⁽¹⁾. Когда Шувалову пришла мысль основать въ Москвѣ университетъ, онъ привѣтствовалъ ее съ восторгомъ, предложилъ свои услуги при составленіи плана, просилъ назначить въ планѣ, сколько возможно, больше профессоровъ и студентовъ, совѣтовалъ немедленно основать при университетѣ гимназію, представляя, что „университетъ безъ гимназіи, какъ наша безъ сѣмянъ“. Послѣ основанія московскаго университета, онъ началъ хлопотать объ основаніи такого же университета въ Петербургѣ, составилъ проектъ его устава и планъ его открытія. Представляя этотъ планъ Шувалову для поднесенія его импер. Елисаветѣ на утвержденіе, вмѣстѣ съ новымъ уставомъ для Академіи наукъ, и съ просьбою о назначеніи его самого вице-президентомъ Академіи, онъ писалъ Шувалову: „Едва принимаю смѣлость послать Вамъ сіи строки. И нынче бы не послалъ, если бы меня общая польза отечества къ тому не побуждала. Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вождѣльное теченіе университетъ, откуда могутъ произойти безчисленные Ломоносовы.... По окончаніи сего хочу только искать снособа и мѣста, гдѣ бы, чѣмъ рѣже, тѣмъ лучше, видѣть было персонъ высокородныхъ, которые мнѣ низкою моею природою попрекаютъ, видя меня какъ бѣльмо на глазѣ“⁽²⁾. Къ сожалѣнію, по причинѣ болѣзни и смерти императрицы, проектъ и планъ Ломоносова остались неутвержденными. — Опираясь на чистоту своихъ намѣреній и искренность своихъ убѣжденій, Ломоносовъ стремился къ достиженію своихъ цѣлей съ необыкновенною смѣlostію и твердостію, не отступая ни предъ какими препятствіями, и не стѣняясь ни какими отношеніями къ лицамъ. „Ежели жъ, Ваше Высочайшее сіятельство.—писалъ онъ къ графу Разумовскому, жалуясь на Тауберта и разные непорядки въ Академіи,—не соблаговолите сей важной моей долговременной жалобы уважить и привести въ дѣйствіе въ скоромъ времени, то принужденъ буду принять законную смѣ-

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 213—215.—⁽²⁾ Тамъ же, стр. 432.

лость непременно поступить по высокоупомянутому монаршему указу, для избавленія восходящихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ отъ наглаго утѣсненія“ т. е. обратиться съ жалобой къ самой императрицѣ⁽¹⁾. Съ особенною ясностію твердость характера Ломоносова выразилась въ письмѣ его къ Теплому, гдѣ онъ упрекаетъ Теплова за его покровительство Миллеру и Тауберту, представляя послѣднихъ „недоброхотами руссійскимъ ученымъ“. „Повѣрьте, Ваше Высочородіе, я пишу не изъ запальчивости; но принуждаетъ меня изъ многихъ лѣтъ извѣданное слезными опытами академическое несчастіе. Я спрашивалъ и испыталъ свою совѣсть, она мнѣ ни въ чемъ не зазрѣла сказать вамъ нынѣ всю истинную правду. Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ; да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже.... Еще уповаю, что вы не будете больше одобрять dobroхотовъ руссійскимъ ученымъ. Богъ совѣсти моей свидѣтель, что я самъ ничего иного не ищю, какъ только, чтобы закоренѣлое несчастіе Академіи пресѣклось. Бude жъ еще такъ все останется и мои праведныя представленія уничтожены отъ васъ будутъ; то я забуду вовсе, что вы мнѣ нѣкоторыя одолженія дѣлали. За нихъ готовъ я вамъ благодарить приватно по моей возможности. За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего роднаго возстать за грѣхъ не ставлю.... Не употребляйте божьяго дѣла для своихъ пристрастій, дайте возрастать свободно насажденію Петра В. Тѣмъ заслужите не только въ прежнемъ прощеніе, но и не малую похвалу, что вы могли себя принудить къ полезному наукамъ постоянству. Чтожъ до меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятить, чтобы до гроба моего съ неприятели наукъ руссійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ съ молодю, на старость не покину“⁽²⁾. Съ такою прямою и твердостію Ломоносовъ относился ко всѣмъ лицамъ, не исключая и тѣхъ знатныхъ особъ, которые были его покровителями, напр. къ Воронцовымъ, Разумовскимъ и Шуваловымъ. Безъ покровительства Шувалова Ломоносовъ никакъ не могъ бы дѣйствовать такъ свободно и на положивъ не достигъ бы своихъ цѣлей; Шуваловъ постоянно защищалъ его отъ всѣхъ его враговъ, поддерживалъ всѣ его планы, по-

(1) Тамъ же, стр. 552.

(2) Тамъ же, стр. 499—503.

ощрялъ его труды. Сознавая это, Ломоносовъ любилъ и уважалъ Шувалова, но въ тоже время держалъ себя по отношеніи къ нему съ такимъ достоинствомъ и независимостію, что въ угоду ему не хотѣлъ не только поступиться какими-нибудь убѣжденіями, но и просто смягчить напр. свои враждебныя отношенія къ Сумарокову. Извѣстно его рѣзкое письмо къ Шувалову, по поводу попытки Шувалова помирить его съ Сумароковымъ. „Никто въ жизни меня больше не избидилъ, какъ Ваше Высокопревосходительство. Призвали Вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть, какое-нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ.... Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! т. е. сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ кого всѣ бѣгають, и Вы сами не рады. Ваше Высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ... Не только у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей, дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ“ (1). Въ этомъ отношеніи Ломоносовъ представляетъ собою типъ, совершенно противоположный тѣмъ поэтамъ, которые, унижаясь предъ знатными особами, унижали и искусство, которому служили. Ломоносовъ, напротивъ, значеніе науки и литературы хотѣлъ основать на значеніи въ обществѣ самихъ ученыхъ и писателей, и потому старался упрочить свое положеніе въ обществѣ. А такъ какъ въ то время особенное значеніе и вѣсъ въ обществѣ придавали чины, то онъ требовалъ награжденія своихъ заслугъ чинами, наравнѣ съ другими, и горячо протестовалъ, когда замѣчалъ, что его хотятъ обойти, заботился объ увеличеніи средствъ къ жизни, высоко цѣнилъ избраніе въ члены какого-нибудь ученаго заграничнаго общества и даже хлопоталъ объ этомъ, справедливо думая, что если правительство хочетъ возвысить въ Россіи науку и образованіе, то должно обезпечить матеріальныя средства людей, занимающихся наукой, и возвысить ихъ положеніе въ обществѣ.

Но, при своемъ раздражительномъ и страстномъ характерѣ, Ломоносовъ во время борьбы съ нѣмецкой партіей увлекался въ крайности и доходилъ иногда до явныхъ несправедливостей и грубыхъ поступковъ. Въ официальныхъ документахъ Академіи сохранилось нѣсколько дѣлъ о такъ называемыхъ „продерзостяхъ“ Ломоносова. Изъ нихъ особенно рѣзко выдаются поступки Ломоносова

(1) Тамъ же, стр. 486—487.

въ академической конференціи и географическомъ департаментѣ, относящіеся къ первымъ годамъ его службы въ Академіи наукъ, а изъ позднѣйшаго времени обращаютъ на себя вниманіе его враждебныя столкновенія съ двумя знаменитыми современными историками, Миллеромъ и Шлецеромъ. Въ 1742 г. 17 ноября и 31 декабря изъ конференціи Академіи наукъ были поданы въ слѣдственную комиссію двѣ жалобы на Ломоносова, что Ломоносовъ, съ нѣкоторыми другими чиновниками „съ непосовѣтливымъ безстыдствомъ входилъ неоднократно въ палату профессорскаго собранія и мѣшалъ профессорамъ въ отправленіи ихъ дѣла и такія учинилъ своевольства, которыя чести всея императорскія Академіи противны“. Коммиссія начала разслѣдованіе жалобъ, а между тѣмъ академическая конференція за указанныя „продерзости“ исключила (21 февраля 1743 г.) Ломоносова изъ своихъ засѣданій. Раздраженный этимъ, Ломоносовъ произвелъ новую „продерзость“, которая въ свою очередь еще болѣе раздражила нѣмецкихъ членовъ Академіи и заставила ихъ подать новую жалобу на него. Жалоба эта состояла въ томъ, что Ломоносовъ 26 апрѣля 1743 г. „въ противность всѣмъ честнымъ и разумнымъ поступкамъ, съ крайнею наглостію и безстыдствомъ“ приходилъ въ конференціонную залу и географическій департаментъ, и, встрѣтивъ здѣсь профессора Вингейма, занимавшагося въ архивѣ, началъ „поносить Вингейма и всѣхъ профессоровъ многими бранными и ругательными словами, называя ихъ плутами и другими скверными словами безчестя, чего и писать стыдно“. Донося объ этомъ, академики требовали за обиду „знатной сатисфакціи“, безъ чего отказывались продолжать свои занятія, указывая въ тоже время на опасность, что „безъ такой сатисфакціи никто изъ иностранныхъ государствъ впредь на убылыя мѣста пріѣхать не захочетъ“. Разсмотрѣвъ указанныя дерзости Ломоносова, Коммиссія приговорила его „къ лишенію живота или по крайней мѣрѣ къ наказанію на тѣлѣ и лишенію состоянія“. Этотъ приговоръ Коммиссія, разумѣется, обрадовалъ всю нѣмецкую партію, которая такимъ образомъ надѣялась освободиться на всегда отъ безпокоившаго ее русскаго человѣка: но ея надеждамъ не было суждено сбыться. Съ одной стороны, великія дарованія и ученая и литературная слава Ломоносова, а съ другой то, что нападенія его на Академію имѣли основаніе въ дѣйствительномъ неустройствѣ Академіи, въ разныхъ академическихъ безпорядкахъ, что учиненныя имъ дерзости, какъ ни грубыми онѣ представлялись, не были при тогдашнихъ нравахъ какимъ-нибудь небывалымъ и исключительнымъ явленіемъ въ ученой средѣ,—все это спасло Ломоносова отъ строгаго и уничтожающаго приговора коммиссіи. По указу императрицы онъ былъ освобожденъ отъ тѣлеснаго на-

казанія „ради довольнаго его обученія“; положено было только просить ему у профессоровъ прощенія, а за учиненныя непристойности въ конференціи, яко судебномъ мѣстѣ, приказано давать ему жалованья въ годъ противъ положеннаго оклада только половину. На половинномъ окладѣ Ломоносовъ пробылъ полгода.— Однимъ изъ главныхъ дѣятелей и участниковъ въ этихъ жалобахъ на Ломоносова былъ профессоръ Миллеръ, который въ то время только что возвратился изъ сибирской экспедиціи ⁽¹⁾. Очень понятно, что съ этого времени Ломоносовъ сталъ смотрѣть на Миллера, какъ на личнаго своего врага и врага всѣхъ русскихъ ученыхъ. Съ этого времени начались у Ломоносова и съ нѣкоторыми промежутками продолжались до его смерти враждебныя отношенія къ Миллеру. Такія отношенія, впрочемъ, были поддерживаемы и поведеніемъ самого Миллера, который, по отзывамъ современниковъ, не отличался мягкостью характера и гуманностью въ обращеніи съ русскими людьми ⁽²⁾. Но такъ какъ самыя важныя столкновенія Ломоносова съ Миллеромъ и Шлецеромъ происходили изъ за русской исторіи, то всего умѣстнѣе будетъ сказать о нихъ при разсмотрѣніи трудовъ Ломоносова по русской исторіи.

Напряженная, ученая и литературная, дѣятельность, продолжительная борьба съ враждебной партіей и въ тоже время частыя увлеченія въ крайности забвенія горя и непріятностей въ разгулѣ преждевременно разстроили здоровье Ломоносова. Узнавъ о его болѣзни, 7 іюня 1764 г. импер. Екатерина, съ княгиней Дашковой и нѣкоторыми придворными, посѣтила его на дому и старалась ободрить и вызвать его къ прежней дѣятельности; но это ободреніе, ожививъ Ломоносова на время, не могло возстановить уже совершенно упавшихъ его физическихъ и нравственныхъ силъ. 4 апр. 1765 г. онъ скончался.

Значеніе Ломоносова въ русской наукѣ и литературѣ. Еще при жизни Ломоносова, къ портрету при его сочиненіяхъ, изданныхъ по распоряженію Шувалова въ 1757 г., были приложены слѣдующіе стихи Поповаго ⁽³⁾:

«Московскій здѣсь Парнасъ изобразилъ вытѣю,
Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.

⁽¹⁾ Ист. Акад. наукъ, ч. 1, стр. 336.

⁽²⁾ Тамъ же, ч. 1, стр. 364.

⁽³⁾ Другіе, впрочемъ, эти стихи приписывали И. И. Шувалову. Опытъ Истор. Словаря Новикова. Изданіе Ефремова, стр. 121.

Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россевъ,
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ».

А Сумароковъ, въ эпистолѣ о стихотворствѣ, сказалъ о немъ:

«Онъ нашихъ странъ Мальгербъ,
Онъ Пиндару подобенъ».

Въ этихъ громкихъ стихахъ высказался взглядъ современниковъ на Ломоносова: онъ представляется великимъ русскимъ поэтомъ и ораторомъ, подобнымъ древнимъ греческимъ и римскимъ поэтамъ и ораторамъ, но почти ничего не говорится объ ученыхъ его заслугахъ. Точно также односторонне долго смотрѣли на Ломоносова и писатели и критики послѣдующаго времени до Пушкина, продолжая видѣть въ немъ идеаль поэта и оратора, и называя его то „россійскимъ Пиндаромъ“, то „россійскимъ орломъ, ширяющимъ въ облакахъ“. Но со времени Пушкина взглядъ на Ломоносова совершенно измѣнился. „Ломоносовъ, сказалъ Пушкинъ, былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ: онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ элоквенціи и поэзіи не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свыше, и не ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ которыя онъ отливалъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Оды его, написанныя по образцу тогдашнихъ вѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и вадуты. Его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается.... Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему искусству... За то съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи“ (слѣдуютъ указанія на ученые труды Ломоносова) ⁽¹⁾. „Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, Ломоносовъ обнялъ все отрасли просвѣщенія. Каждая наука была сильнѣйшею страстію сей души, исполненной страстей. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ“ ⁽²⁾. Послѣ этого

⁽¹⁾ Сочин. изд. Исакова, т. 5, 403—404—⁽²⁾ Тамъ же, стр. 141.

ютыва начали столько же унижать значеніе Ломоносова въ исторіи русской литературы, сколько прежде его преувеличивали, обращая при этомъ вниманіе на его оды и похвальные слова, которыя такъ строго осудилъ Пушкинъ, но по прежнему совершенно забывая то высокое значеніе Ломоносова въ русской наукѣ, на которое указалъ Пушкинъ. Только уже въ наше время, послѣ столѣтняго юбилея въ 1865 г. сталъ выясняться настоящій образъ Ломоносова, какъ знаменитаго ревнителя и поборника русскаго просвѣщенія, и признано было, что на Ломоносова нельзя смотрѣть отдѣльно только какъ на поэта, или какъ на ученаго, что въ исторіи русскаго просвѣщенія одинаково важное значеніе имѣтъ и ученая и литературная его дѣятельность.

Ученая дѣятельность Ломоносова. Главнымъ предметомъ Ломоносова были естественныя науки, особенно химія и физика, металлургія и физическая географія. Этими науками онъ преимущественно занимался въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ своей службы; съ 1749 г., со времени знакомства съ Шуваловымъ, въ немъ усиливается наклонность къ занятіямъ словесными науками — исторіей и словесностью. Но и въ это время, до конца жизни, онъ не оставлялъ своихъ занятій по химіи и физикѣ. „Что же до другихъ моихъ въ физикѣ и химіи упражненій касается, писалъ онъ къ Шувалову въ 1755 г., чтобы ихъ вовсе погнать; то нѣтъ въ томъ ни нужды, ни возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ успокоенія; для того, оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ препровожденія времени картами, шашками, и другими забавами, а явные и табачнымъ дымомъ.... Итакъ уповаю, что мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и на сочиненіе российской исторіи и на украшеніе российской слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ вмѣсто билльярду употребить на физическіе опыты“.

Воспитанникъ Вольфа, Ломоносовъ вполне усвоилъ его взглядъ на значеніе науки вообще и въ частности науки о природѣ. Всѣ изслѣдованія научныя въ то время обыкновенно и въ Европѣ начинались вопросами съ одной стороны объ отношеніи науки къ религіи, съ другой — о практическомъ примѣненіи науки къ жизни. Тѣмъ болѣе значенія имѣли эти вопросы у насъ въ Россіи, гдѣ наука только что начинала появляться и гдѣ всякое изслѣдованіе могло считаться не нужною новостью или даже опасною ересью. Поэтому необходимость и польза наукъ и согласіе знанія съ вѣрою были, какъ указано выше, почти постоянными темами Θεοφана Прокоповича, Кантемира и Татищева. Эти же предметы прежде всего объяснялъ въ своихъ сочиненіяхъ и Ло-

моносовъ. Такъ, въ похвальномъ словѣ импер. Елисаветѣ онъ указываетъ на пользу астрономіи, физики, географіи, исторіи, философіи, медицины, химіи и механики ⁽¹⁾. Въ программѣ публичныхъ лекцій по физикѣ онъ говоритъ: „Кто, разобравъ часы, усмотрѣлъ изрядныя и пріятныя фигуры частей, пристойное ихъ расположеніе, взаимный союзъ и причину движенія: не больше ли веселится ихъ красотою, не надежнѣе ли чаеъ въ нихъ постояннаго движенія, не безопаснѣе ли полагается на ихъ показаніе времени, не вѣще ли удивляется хитрому художеству и хвалитъ самаго мастера, нежели тотъ, кто смотритъ только на внѣшній видъ сея машины, внутренняго строенія не зная? Равнымъ образомъ, кто знаетъ свойства и смѣшеніе малѣйшихъ частей, составляющихъ чувствительныя тѣла, изслѣдовать расположеніе органовъ и движенія законы, натуру видить какъ нѣкоторую холодницу, упражняющуюся предъ нимъ безъ закрытія въ своемъ искусствѣ“.... ⁽²⁾. Начиная лекціи по химіи, онъ сказалъ „Слово о пользѣ химіи“, въ которомъ провелъ параллель между человѣкомъ ученымъ и человѣкомъ, ничего не знающимъ. „Представьте, говорилъ онъ, что одинъ человѣкъ немногія нужнѣйшія въ жизни вещи, всегда предъ нимъ обращающіяся, только называть умѣетъ: другой не токмо всего, что земля, воздухъ и воды раждають, не токмо всего, что искусство произвело чрезъ многіе вѣки, имена, свойства и достоинства языкомъ изъясняетъ, но и чувствамъ нашимъ отнюдь не подверженныя понятія ясно и живо словомъ изображаетъ.... Одинъ, думая, что за лѣсомъ, въ которомъ онъ родился, небо съ землею его соединилось, страшнаго звѣря, или большое дерево за божество толь малаго своего міра почитаетъ; другой, представляя себѣ великое пространство, хитрое строеніе и красоту всея твари, съ нѣкоторымъ священнымъ ужасомъ и благоговѣнною любовію почитаетъ Создателя въ безконечную премудрость и силу“ ⁽³⁾. Разъясняя привсегомъ случаѣ пользу всякой науки и всякаго знанія, Ломоносовъ особенно наставлялъ на необходимости изученія природы. Основную идею объ этомъ изученіи онъ выразилъ въ „Словѣ о происхожденіи свѣта“ въ слѣдующемъ положеніи: „Испытаніе природы трудно, однако пріятно, полезно и свято. Чѣмъ больше тайнства ея разумъ постигаетъ, тѣмъ вѣще увеселеніе чувствуетъ сердце. Чѣмъ далѣе раченіе наше въ оной простирается, тѣмъ обильнѣе собираетъ плоды для потребностей житейскихъ. Чѣмъ глубже до самыхъ причинъ толь чудныхъ дѣлъ проникаетъ разсужденіе, тѣмъ яснѣе показывается непостижимый всего бытія

⁽¹⁾ Сочин. 1. стр. 572—574. — ⁽²⁾ Сочин. 1. 803—804.

⁽³⁾ Сочин. 2, 2—3.

Строитель. Его всемогущества, величества и премудрости видимый сей міръ есть первый общій, неложный и неумолчный проповѣдникъ“⁽¹⁾. Такъ какъ многіе находили изслѣдованія природы опасными для вѣры, то Ломоносовъ долженъ былъ доказать, что „естественнознаніе согласно съ религіею“ и вообще объяснить, въ какомъ отношеніи находятъ вѣра и знаніе, наука и религія. Въ Прибавленіи къ разсужденію: „Явленіе Венеры, на солнцѣ наблюденное“, онъ говоритъ: „Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя, никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на ихъ вражду всклепетъ. А благоразумные и добрые люди должны разсматривать, нѣтъ ли каковаго способа къ объясненію мнимаго между ними междоусобія“. Указавъ затѣмъ на Шестодневъ Василия В. и Богословіе Іоанна Дамаскина, въ которыхъ находится много разсужденій о разныхъ явленіяхъ природы, онъ продолжаетъ: „Такъ сіи великіе свѣтильники познаніе натуры съ вѣрою содружить старались, соединяя его снисканіе съ богодухновенными размышленіями въ однѣхъ книгахъ, по мѣрѣ тогдашняго знанія въ астрономіи. О, если бы тогда были изобрѣтены нынѣшнія астрonomическія орудія, и были бы учинены многочисленныя наблюденія отъ мужей, древнихъ астрономовъ, знаніемъ небесныхъ тѣлъ несравненно превосходящихъ; если бы тогда открыты были тысящи новыхъ звѣздъ съ новыми явленіями: какимъ бы духовнымъ пареніемъ, соединеннымъ съ превосходнымъ ихъ краснорѣчіемъ, проповѣдали оныя святыя риторы величество, премудрость и могущество Божіе... Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой—свою волю. Первая видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга священное Писаніе. Въ ней показано Создателево благоволеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодухновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учителя. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ, въ натуру вліянныхъ дѣйствій, суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учителя. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ божескую волю вымѣрять циркуломъ. Таковъ же и богословъ учитель, если онъ думаетъ, что на Псалтыри научиться можно астрономіи и химіи. Толко-

⁽¹⁾ Сочин. 2. 109.

ватели и проповѣдники свящ. Писанія показываютъ путь къ добродѣтели... и благополучіе житія, съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ храмъ Божеской силы и великолѣпія, изыскиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ и благодареніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣряютъ насъ не токмо о Бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ. Грѣхъ всѣвать между ними плевелы и раздоры“⁽¹⁾. Главныя сочиненія Ломоносова по естествознанію слѣдующія: 1) Слово о пользѣ химіи; 2) Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ; 3) Слово о происхожденіи свѣта; 4) Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли; 5) Разсужденіе о большей точности морскаго пути; 6) Явленіе Венеры, на солнцѣ наблюденное 26 мая 1761 г.; 7) Первыя основанія металлургіи и 8) Два прибавленія къ нимъ: а) о вольномъ движеніи воздуха, въ рудникахъ примѣчаемомъ и б) о слояхъ земли. Сочиненія, написанныя на латинскомъ языкѣ: 1) Размышленія о причинахъ теплоты и стужи; 2) Опытъ теоріи о упругости воздуха; 3) Разсужденіе о дѣйствіи химическихъ растворяющихъ средствъ вообще; 4) Оанемометрѣ, орудіи, показующемъ величайшую скорость какого-либо вѣтра и кучно перемѣны его направленій. Кромѣ цѣльныхъ изслѣдованій сохранилось множество плановъ, проектовъ, небольшихъ записокъ и замѣтокъ, свидѣтельствующихъ о неутомимыхъ разнообразныхъ занятіяхъ Ломоносова. Въ дѣлахъ Академіи наукъ постоянно упоминается объ изобрѣтенныхъ Ломоносовымъ машинахъ и снарядахъ; о заказахъ, дѣлаемыхъ по его требованію то механику, то столяру, то оптику. Онъ касался всѣхъ вопросовъ, которые тогда возникали въ области естествознанія, и рѣшалъ ихъ самостоятельно и оригинально. Конечно, не всѣ его гипотезы были приняты наукой; его теоріи волнообразнаго теченія свѣта и образованія цвѣтовъ посредствомъ совмѣщенія частицъ не оправдались; за то сколько глубокихъ идей и свѣтлыхъ мыслей заключаютъ его изслѣдованія о происхожденіи электричества въ воздухѣ, о молніи и зарницѣ, о развитіи тепла посредствомъ вращательнаго движенія частицъ, о происхожденіи горъ отъ подъема земли силою огня, объ образованіи мѣсторожденій металловъ отъ землетрясеній, о возможности опредѣлять законы измѣненія погоды, о происхожденіи сѣвернаго сіянія отъ электричества. Когда, послѣ опредѣленія Ломоносова въ профессора, Академія наукъ послала его диссертациі въ Берлинъ къ знаменитому математику Эйлеру, Эйлеръ написалъ Академіи: „Всѣ записки Ломоносова

(1) Сочин. 2. 270. 275.

по части химіи и физики не только хороши, но превосходны, ибо онъ съ такою основательностію излагаетъ любопытѣйшіе, совершенно неизслѣдованные и необъяснимые для величайшихъ геніевъ предметы, что я вполне убѣжденъ въ вѣрности его объясненій. При этомъ случаѣ я готовъ отдать г. Ломоносову справедливость, что онъ обладаетъ счастливѣйшимъ геніемъ для открытій физическихъ и химическихъ феноменовъ; и желательно было бы, чтобы всѣ прочіе академики были въ состояніи производить открытія, подобныя тѣмъ, которыя совершилъ Ломоносовъ“. Особенно замѣчательны были изслѣдованія Ломоносова объ электричествѣ, въ которыхъ онъ самостоятельно пришелъ къ тѣмъ же выводамъ, до которыхъ въ это время дошелъ знаменитый Франклинь Въ 1753 г. было напечатано „Слово Ломоносова о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ“. По этому поводу Эйлеръ писалъ къ Шумахеру: „Сочиненіе г. Ломоносова объ этомъ предметѣ я прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Объясненія, данныя имъ относительно столь внезапнаго возникновенія стужи и происхожденія послѣдней отъ верхнихъ слоевъ воздуха въ атмосферѣ, я считаю совершенно основательными. Недавно я сдѣлалъ подобныя же выводы изъ ученія о равновѣсіи атмосферы. Прочія догадки столько же остроумны, сколько и вѣроподобны и высказываютъ въ г. авторѣ счастливое дарованіе къ распространенію истиннаго познанія естествовѣдѣнія, чему образцы, впрочемъ, и прежде онъ представилъ въ своихъ сочиненіяхъ.... Въ 1754 г. тотъ же Эйлеръ писалъ президенту Академіи, Разумовскому: „Позвольте мнѣ приложить на ваше же имя отвѣтъ г. Ломоносову по одному весьма трудному предмету физики Я никого не знаю, кто бы въ состояніи былъ такъ хорошо разяснить такъ запутанный вопросъ, какъ этотъ даровитый человекъ, который своими познаніями приносить столько же чести Академіи, сколько и всей націи“ (¹). Но не одинъ Эйлеръ такъ смотрѣлъ на Ломоносова; есть подобные о немъ отзывы и другихъ извѣстныхъ ученыхъ того времени: Вольфа, Кандамина, Гейнзіуса, Крафта и др. Всесторонняя оцѣнка ученыхъ заслугъ Ломоносова въ области естествознанія русскими учеными сдѣлана въ нынѣшнемъ столѣтіи и особенно по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова въ 1865 г. Указывая на разные недостатки въ сочиненіяхъ Ломоносова, объясняющіеся современнымъ ему состояніемъ естествознанія, они признали въ нихъ много глубокихъ и свѣтлыхъ идей, много такихъ воззрѣній, которыя въ то время были совер-

(¹) Матеріалы Биларскаго стр. 77. Очеркъ ученой дѣятельности Ломоносова Я. К. Грота. Зап. Акад. наукъ, т. VIII.

шенно новыми открытіями и которыя не потеряли значенія и въ настоящее время. Профессоръ физики, Любимовъ, въ своей статьѣ: „Ломоносовъ, какъ физикъ“, говоритъ: „Ломоносовъ жадно слѣдилъ за движеніемъ науки, и вскорѣ послѣ того, какъ узналъ объ открытіи Франклина, рѣшился самъ повторить его опыты и составилъ цѣлую теорію воздушныхъ электрическихъ явленій, которая во многихъ пунктахъ сходится съ теорією Франклина, а во многихъ превышаетъ ее. Замѣчательно, что Ломоносовъ составилъ свои теоретическіе взгляды на атмосферныя электрическія явленія, еще не читая классическихъ „Писемъ Франклина“, которыя попались ему подъ руку, когда уже большая часть „Слова объ электричествѣ“ была готова. Со свойственною ему воспримчивостію, Ломоносовъ угадалъ, въ чемъ состоятъ главные вопросы въ области этого предмета и составилъ теорію, которая, можетъ быть, превышаетъ все современныя ему понятія о воздушномъ электричествѣ.... Ломоносовъ относитъ сѣверное сіяніе къ числу электрическихъ явленій атмосферы. Онъ объясняетъ это явленіе электричествомъ, возбуждаемымъ въ воздухѣ полярныхъ странъ отъ погруженія верхняго холоднаго воздуха въ нижній и скопляющимся въ самыхъ высшихъ слояхъ атмосферы, гдѣ оно свѣтится какъ въ пространствѣ, въ которомъ разрѣженъ воздухъ. Ломоносовъ хотѣлъ найти связь между явленіемъ грозы и сѣвернымъ сіяніемъ, и пришелъ къ заключенію, что въ началѣ осени и въ концѣ лѣта, обильнаго грозами, чаще бывають сѣверныя сіянія, нежели въ другое время. Упомянемъ еще, что, по мнѣнію Ломоносова, зарница принадлежитъ къ одному роду явленій съ сѣвернымъ сіяніемъ. Теорія сѣвернаго сіянія составлена Ломоносовымъ независимо отъ подобной же теоріи Франклина, которая имъ кратко выражена въ „Письмахъ“ (¹). Щуровскій въ своей рѣчи: „Ломоносовъ, какъ минералогъ и геологъ“, рассматривая Слово Ломоносова „о рожденіи металловъ отъ трясенія земли“ и прибавленіе къ металлургіи „О слояхъ земныхъ“, говоритъ: „Счастливая мысль о происхожденіи каменнаго угля изъ торфяниковъ обыкновенно приписывалась нашему времени, но собственно она принадлежитъ Ломоносову. Онъ первый высказался, что каменный уголь образовался изъ торфа. Мысль эта казалась ему столь естественною, что повидимому, даже не имѣла въ его глазахъ особенной важности. Уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Ломоносова, та же мысль была защищаема Вернеромъ, и еще позднѣе

(¹) Сборникъ разсужденій: «Въ воспоминаніе 12 января 1855 г.» Учено-литературныя статьи профессоровъ и преподавателей Москов. Университета. Москва 1855 г.; стр. 20—25.

извѣстными французскими геологами Броньяромъ и Эли де-Бомономъ, пока, наконецъ, сдѣлалась общимъ убѣжденіемъ. Но Ломоносовъ предупредилъ нынѣшнюю теорію образованія угля еще въ другомъ отношеніи: превращеніе торфяниковъ въ каменный уголь, по мнѣнію Ломоносова, должно было происходить при участіи подземнаго огня, слѣд. того же могучаго дѣятеля, который и по нынѣшней теоріи почитается самымъ главнымъ въ образованіи каменнаго угля. Мнѣніе Ломоносова относительно янтара такъ общеизвѣстно и такъ естественно, что никому не приходитъ на мысль, чтобы можно было думать объ этомъ иначе, нежели какъ думалъ Ломоносовъ. Но въ то время, когда жилъ Ломоносовъ, на многія вещи смотрѣли совсѣмъ другими глазами. Большая часть тогдашнихъ ученыхъ принимали янтарь за минераль, либо приписывали ему другое какое-либо происхожденіе, а не растительное. Ломоносовъ, напротивъ, призналъ янтарь за смолу, истекавшую нѣкогда изъ растений..... Поднятіе и обрушеніе земныхъ пластовъ Ломоносовъ объяснялъ расширительнымъ дѣйствіемъ воздуха и сѣрныхъ паровъ, скопившихся въ глубокихъ подземныхъ хлябяхъ и отъ времени до времени вырывавшихся оттуда наружу.... Теоріи Ломоносова, по сравненіи съ нынѣшней, не доставало только одного предположенія, именно предположенія объ огневомъ происхожденіи нашей планеты, о томъ, что земля наша сначала была огнежидкою массою и только въ теченіи времени остыла на своей поверхности и покрылась твердою корой; этой теоріи недоставало только предположенія о томъ, что внутри земли, вмѣсто воспламеняющейся сѣры, до сихъ поръ находятся огненножидкія и упругія вещества, которыя непрестанно стремятся наружу и составляютъ причину поднятія и разрушенія земной коры“ (1). Академикъ Д. М. Перевощиковъ, говоря о наблюденіяхъ Ломоносова и Румовскаго надъ „прохожденіемъ Венеры чрезъ солнце 26 мая 1761 г.“ замѣчаетъ: „Оба наблюдателя видѣли одни и тѣже физическія явленія; но Румовскій ни слова не сказалъ о ихъ причинѣ, а Ломоносовъ весьма основательно объяснилъ существованіемъ атмосферы около Венеры. Спустя тридцать лѣтъ, послѣ небольшой полемики между Шретеромъ и В. Гершелемъ, эти знаменитые астрономы согласились въ существованіи атмосферы около Венеры, что еще позже подтвердилъ Араго. Итакъ Ломоносову принадлежитъ честь перваго открытія атмосферы около Венеры. По существованію атмосферы около всякой планеты, можно заключить, что она способна для жилища

---

(1) Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова Москв. Университетомъ. М. 1865 г.

органическихъ существъ, и потому Ломоносовъ объявляетъ себя послѣдователемъ Фонтенеля, и текстами изъ отцевъ церкви, Василия В. и Іоанна Дамаскина доказываетъ, что ученіе о множествѣ міровъ ни мало не противорѣчитъ св. Писанію⁽¹⁾. „О первыхъ основаніяхъ металлургіи Ломоносова“ г. Борисякъ сдѣлалъ такой отзывъ. „Въ воззрѣніяхъ на минералы Ломоносовъ отличается стремленіемъ къ самостоятельности, и несмотря на нѣкоторые невѣрные взгляды—плодъ тогдашняго состоянія науки—онъ старается отрѣшиться отъ господствовавшихъ въ ней схоластическихъ предположительныхъ началъ.... Взглядъ Ломоносова на кристаллы соотвѣтствуетъ тому, какой установился въ нашемъ столѣтіи. Подмѣтивъ сходство кристалловъ съ кристаллами солей, Ломоносовъ за долго до знаменитаго врача первой французской революціи Леблана высказалъ вѣрную идею о способѣ ихъ происхожденія и какъ бы указываетъ на методъ наблюденія надъ ихъ образованіемъ. Сочиненіе Ломоносова о металлургіи вполне доступно, популярно; номенклатура въ немъ русская. Появленіе подобнаго сочиненія въ то время, когда у насъ существовали горныя училища, а не было руководствъ..... нельзя считать иначе, какъ важною общественною заслугою Ломоносова“⁽²⁾. О сочиненіяхъ Ломоносова по предмету геологіи г. Леваковскій въ рѣчи своей говоритъ: „Въ геологіи Ломоносовъ не былъ самостоятельнымъ изслѣдователемъ, передовымъ двигателемъ науки.... къ чести Ломоносова нужно сказать, что онъ по взглядамъ и убѣжденіямъ стоялъ ни сколько не ниже, и во многихъ случаяхъ и выше своихъ современниковъ.... Ломоносовъ первый въ Россіи изложилъ въ систематическомъ видѣ ученіе геологіи; онъ перенесъ лучшія по тогдашнему времени свѣдѣнія на русскую почву и далъ возможность своимъ соотечественникамъ сразу стать въ этомъ отношеніи въ уровень съ западною Европою“⁽³⁾. Наконецъ г. Лясковскій, оцѣнивая Ломоносова, какъ химика, и указывая на тогдашнее слабое состояніе химіи, говоритъ: „химическій читатель трактатовъ Ломоносова съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ узнаетъ въ немъ не только изобрѣтательнаго экспериментатора и обладавшаго обширною ученостію руководителя въ области химіи, но и необыкновенно проницательнаго толкователя химическихъ явленій. Чтобы прійти къ такому заключенію, уже достаточно прочитать напр. его *Meditationes de caloris et frigoris causa* (размышленія

(1) Ист. Акад. Наукъ Пекарскаго. Ч. II. стр. 749—750.

(2) Тамъ же, стр. 816.

(3) Памяти Ломоносова 6 апрѣля 1865. Харьковъ 1865. Истор. Акад. наукъ. Ч. II. стр. 817—818.

о причинѣ теплоты и холода) и *Dissertatio de actione menstruorum chymicorum in genere* (разсужденіе о химически растворяющихъ жидкостяхъ вообще). Эти трактаты, между прочимъ, доказываютъ, что Ломоносовъ былъ естественный испытатель, пользовавшійся для рѣшенія химическихъ вопросовъ всѣми пособіями точныхъ изслѣдованій, и геометрическою демонстраціею, и опредѣленіемъ объема и вѣса, и микроскопомъ, и воздушнымъ насосомъ. Тутъ же можно убѣдиться въ большой начитанности Ломоносова и въ томъ, что, не смотря на распространенныя тогда понятія о флогистонѣ, объ элементарномъ огнѣ, его свѣтлый умъ вѣрно оценивалъ тѣ химическіе факты, которые противорѣчили этимъ понятіямъ⁽¹⁾.

Въ послѣдніе годы своей жизни Ломоносовъ съ увлеченіемъ занимался мозаикой, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на практическое примѣненіе химіи. Онъ хотѣлъ мозаикой замѣнить живопись и видѣлъ въ ней орудіе для украшенія монументальныхъ созданій зодчества вѣковѣчными изображеніями великихъ людей Россіи. Съ другой стороны, введеніемъ этого искусства Ломоносовъ хотѣлъ вызвать въ Россіи новую отрасль промышленности и торговли, новый важный источникъ государственныхъ доходовъ. Сохранились еще проекты Ломоносова „о російской иконографіи“... для собранія російской иконологіи бывшихъ въ Россіи государей обою пола и всякаго возраста; „объ экономическомъ лексиконѣ“, въ которомъ должны быть указаны экономическія богатства Россіи; проектъ „академическихъ Вѣдомостей“ на рускомъ языкѣ, которыя бы знакомили общество и съ трудами русскихъ академиковъ и съ тѣмъ, что дѣлалось по наукѣ въ Европѣ; „проектъ внутреннихъ російскихъ вѣдомостей“, въ которыхъ сообщались бы свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи государства, на основаніи извѣстій изъ городовъ и губерній.

Литературная дѣятельность Ломоносова. Какъ ученый по призванію, считавшій главнымъ своимъ дѣломъ науку, Ломоносовъ сначала занимался литературой только въ свободное время, писалъ стихотворенія и ораторскія сочиненія только по какимъ-нибудь особеннымъ случаямъ; серьезно же сталъ заниматься вообще „словесными науками“ уже во вторую половину своей жизни; но, какъ человѣкъ гениальный и при страстной своей натурѣ любившій влагать въ каждое занятіе всю свою душу, онъ и на сочиненія въ области литературы положилъ такую печать сп-

(1) Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова 1865 г. въ Москв. уни-верситетѣ. Ист. Акад. наукъ ч. II, стр. 451—452.

лы и оригинальности, что они производили болѣе сильное вліяніе на современниковъ, принесли больше плодовъ и вообще получили гораздо большее значеніе въ послѣдствіи, чѣмъ его спеціальныя ученыя сочиненія, и поставили имя его во главѣ новой русской литературы, какъ ея творца, или преобразователя. Наука признала существованіемъ заслугою Ломоносова въ области русской литературы то, что онъ усовершенствовалъ русскій литературный, прозаическій и стихотворный языкъ, написалъ грамматику русскаго языка и первую реторику на русскомъ языкѣ и далъ образцы краснорѣчія и поэзіи въ разныхъ родахъ и формахъ.

Сочиненія Ломоносова по языку и словесности. До Петра В. книжнымъ языкомъ былъ языкъ славянскій, или вѣрнѣе славяно-русскій, потому что съ самаго же начала славянской письменности, въ славянскій языкъ, образцами котораго были священныя и богослужебныя книги, входили постоянно русскія слова и формы рѣчи, какъ это показываютъ не только лѣтописныя и историческія сочиненія свѣтской литературы, но и такія духовныя сочиненія XVI—XVII в. какъ Стоглавъ, Домострой и Четьи-минеи св. Дмитрія Ростовскаго, а сочиненія литературы свѣтской, какъ напр. повѣсти, писались разговорнымъ русскимъ языкомъ. Съ Петра В. литературнымъ языкомъ слѣдѣлся уже русскій языкъ, но вмѣстѣ съ славянскимъ языкомъ, такъ что книжная рѣчь представляла въ себѣ чрезвычайно странную пеструю смѣсь словъ и оборотовъ славянскихъ, русскихъ и иностранныхъ, вошедшихъ съ реформою изъ разныхъ европейскіхъ языковъ. Ломоносовъ въ сочиненіи „О пользѣ книгъ церковныхъ въ русскій языкъ“ (Сочин. I, 527—535) опредѣлялъ надлежащее мѣсто славянскаго языка и значеніе его для русскаго, указавъ, въ какихъ сочиненіяхъ должно употреблять славянскій и въ какихъ русскій языкъ и на различномъ ихъ употребленіи основалъ, слѣдующія теоріи Аристотеля и Квинтилиана, различіе трехъ стилей въ литературѣ— „высокаго, средняго и низкаго“. „Церковно-славянскій языкъ, говоритъ онъ въ указанномъ сочиненіи, весьма много обогатился чрезъ переводъ книгъ священныхъ, богослужебныхъ и отеческихъ съ богатаго греческаго языка, на которомъ явилось столько превосходныхъ сочиненій духовнаго и свѣтскаго краснорѣчія. Поэтому изъ церковно-славянскаго языка мы можемъ умножать довольство русскіхъ книгъ. Обогатившись отъ церковныхъ книгъ, русскій языкъ имѣетъ „разныя степени“—высокой, средней (средній), и низкой, происходящія отъ трехъ родовъ реченій“. къ первому роду относятся тѣ слова, которыя у древнихъ славянъ и нынѣ у русскихъ употребляются, каковы напр. „Богъ, слава, рука, почитаю: ко второму роду принадлежатъ тѣ церковно-

славянскія слова, которыя хотя мало употребляются въ разговорахъ, однако всеѣмъ понятны, напр. „отверзаю, Господень, насажденный“; къ третьему роду относятся русскія слова, которыхъ нѣтъ въ церковныхъ книгахъ, напр. „ручей, говорю, который, пока, лишь“. Отъ этихъ трехъ родовъ словъ происходятъ въ русскомъ языкѣ „три стиля—высокій, посредственный (средній) и низкій“. Первый стиль образуется изъ реченій славено-россійскихъ, употребляемыхъ въ обоихъ нарѣчійхъ—славянскомъ и русскомъ. Этимъ стилемъ должно писать поэмы, оды, прозаическія рѣчи о важныхъ матеріяхъ; этимъ стилемъ русскій языкъ преимуществуетъ предъ многими пишѣшными европейскими языками. „Средній стиль“ долженъ состоять изъ реченій русскаго языка, хотя въ немъ можно съ осторожностію употреблять и славянскія слова, только чтобы слогъ не казался надутымъ. Этимъ стилемъ должно писать все театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово (впрочемъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно изобразить геройство и высокія мысли, можетъ быть употребляемъ и первый стиль), стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги, элегіи: въ прозѣ этимъ стилемъ составляютъ „описанія достопамятныхъ дѣлъ и ученій благородныхъ“. „Низкій стиль“ образуется изъ реченій третьяго рода; этотъ стиль употребляется въ комедіяхъ, увеселительныхъ эпиграммахъ и пѣняхъ, въ прозѣ—въ дружескихъ письмахъ и описаніяхъ обыкновенныхъ дѣлъ; въ этомъ стилѣ могутъ быть употребляемы и простонародныя слова. Но, кромѣ того, что изъ церковно-славянскаго языка мы заимствуемъ множество словъ для изображенія высокихъ и важныхъ идей, чрезъ этотъ языкъ мы соединяемся со всеми славянскими народами, которые, хотя раздѣлены отъ насъ иноязычными языками, но употребляютъ однѣ и тѣже церковныя книги. Благодаря также церковнымъ книгамъ, мы до сихъ поръ можемъ разумѣть языкъ старыхъ книгъ, дошедшихъ до насъ отъ временъ Владиміра.—Указавъ на такую пользу церковно-славянскаго языка, Ломоносовъ совѣтуетъ прилежно читать церковныя книги. Старательнымъ и искуснымъ употребленіемъ церковно-славянскаго языка, вмѣстѣ съ русскимъ, можно „отвратить тѣ дикія и странныя слова, которыя входятъ къ намъ изъ чужихъ языковъ и искажаютъ красоту нашего языка“. Но послѣдователи Ломоносова, какъ справедливо замѣчаетъ при этомъ академикъ Гротъ, усвоивъ себѣ его уваженіе къ церковно-славянскимъ книгамъ, но не обладая его сдержанностію въ обращеніи съ языкомъ, обезобразили письменную рѣчь злоупотребленіемъ славянизмовъ ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Филологическія разсужденія Я. Грота. Спб. 1876. т. 1, 3.

Опредѣливъ отношеніе русскаго языка къ славянскому, Ломоносовъ позаботился установить основныя формы русскаго языка въ своей „Россійской грамматикѣ“. Послѣ грамматикки Ададурова „весьма не совершенной“, это была первая настоящая грамматика русскаго языка. Изданная въ 1755 г., она въ теченіе полулѣтка была единственною русскою грамматикою, до изданія грамматикки Академіей наукъ въ 1802 г. Въ посвященіи своей грамматикки Павлу Петровичу, Ломоносовъ, изображая достоинства русскаго языка, замѣчаетъ: „Карль пятый, римскій императоръ, говорилъ, что испанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями, итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но, если бы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всеѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе испанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка“. (Сочин. 3, 250). Далѣе, объясняя необходимость изученія грамматикки, онъ прибавляетъ: „Тупа ораторія, косноязычна поэзія, не основательна философія, непріятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматикки. И хотя она отъ общаго употребленія языка происходитъ: однако правилами показывается путь самому употребленію“. (Тамъ же, стр. 250—251). Вся грамматика Ломоносова состоитъ изъ 6-ти наставленій. Первое наставленіе имѣетъ значеніе общаго введенія въ грамматикку. Грамматика по ученію Ломоносова раздѣляется „на общую и особливую“. „Общая“ грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова, а „особливая“, какова россійская, есть знаніе, какъ говорить и писать чисто россійскимъ языкомъ, по лучшему разсудительному его употребленію“. Въ первомъ наставленіи кратко изложены нѣкоторыя понятія изъ общей грамматикки о значеніи и происхожденіи частей рѣчи, которыя раздѣляются на главныя и служебныя. Въ слѣдующихъ затѣмъ пяти наставленіяхъ изложены законы и формы измѣненія частей рѣчи⁽¹⁾. „Надобно согласиться, говорить Гротъ, что этотъ планъ чрезвычайно простъ и

(1) Первое изданіе грамматикки Ломоносова было сдѣлано въ 1755 году: послѣднее изданіе (всѣхъ изданій было 12) «въ воспоминаніе столѣтія русской грамматикки» въ 1855 г. было напечатано въ Учен. Зап. 2-го Отд. Акад. Наукъ; въ предисловіи къ этому изданію помѣщенъ списокъ славянскихъ и русскихъ грамматикъ, издан. съ 1591 г. по 1755 и съ 1755 г. по 1855 г. Лучшая оцѣнка грамматикки Ломоносова сдѣлана академикомъ Я. К. Гротомъ. Филологическія разысканія. Т. 2, стр. 48—69. Спб. 1876.

разумень.... Главнымъ источникомъ понятій о живой рѣчи и вообще языкѣ послужили Ломоносову древніе писатели. Аристотель, Квинтилианъ, Донатъ, Присцианъ, а можетъ быть еще и другіе... Нѣтъ сомнѣнія, что Ломоносовъ былъ знакомъ съ цѣлѣю Аристотеля, слѣд. многія понятія о языкѣ могъ почерпнуть непосредственно изъ этого источника: другія могъ заимствовать изъ латинскихъ грамматиковъ, или и изъ писателей новаго времени, которые, разумѣется, сами также болѣе или менѣе пользовались древними... Не смотря, однакожъ, на нѣкоторыя черты сходства, указывающія на заимствованія въ грамматикѣ Ломоносова... трудъ его есть вполне самостоятельный и зрѣло обдуманнѣйшій плодъ внимательнаго изученія. Грамматика Ломоносова оригинальна и по своему расположенію и по самой разработкѣ законовъ языка... Русскіе въ правѣ гордиться появленіемъ у себя въ срединѣ XVIII столѣтія такой грамматики, которая не только выдерживаетъ сравненіе съ однородными трудами за то же время у другихъ народовъ, давно опередившихъ Россію на поприщѣ науки, но и обнаруживаетъ въ авторѣ удивительное пониманіе началъ языковѣдѣнія⁽¹⁾. Но еще прежде русской грамматики, изданіе которой было остановлено другими занятіями, Ломоносовъ издалъ „Риторику“, подъ заглавіемъ: „Краткое руководство къ краснорѣчію, книга первая, въ которой содержится Риторика, показывающая общія правила обоимъ краснорѣчіямъ т. е. ораторіи и поэзіи“. Руководство это должно было состоять изъ трехъ частей: „Общей риторики“, излагающей общія правила краснорѣчія, или словесности т. е. прозы и поэзіи; „Ораторіи“, въ которой излагаются правила составленія ораторскихъ рѣчей и другихъ формъ прозаическихъ сочиненій, и „Піитики“, въ которой содержатся правила стихотворства и составленія разныхъ формъ піитическихъ сочиненій. Ломоносовъ успѣлъ издать только первую часть т. е. „Общую риторику, въ которой говорится: 1) объ источникахъ риторическаго изобрѣтенія, 2) объ украшеніи риторическаго содержанія, или изобрѣтенныхъ идей посредствомъ троичей и фигуръ, и 3) о расположеніи риторическаго содержанія по формамъ хриій, силлогизмовъ въ разговорахъ, описаніяхъ, повѣствованіяхъ и рѣчахъ. Риторика Ломоносова составлена по образцу классическихъ риторикъ Кауесина, Помея и Годшела, употреблявшихся въ то время во всѣхъ европейскихъ школахъ, и сама по себѣ не заключала ничего оригинальнаго: важное ея значеніе состояло въ томъ, что она написана была на русскомъ языкѣ (прежнія риторики писались на латинскомъ языкѣ, иногда съ славянскимъ переводомъ)

(1) Филологическія размысканія, том. 2, стр. 48, 59, 60, 62, 66, 69.

и что каждое ея правило и каждая форма рѣчи, прозаической и стихотворной, были объяснены примѣрами на русскомъ языкѣ изъ разныхъ образцовыхъ сочиненій древнихъ и новыхъ писателей, духовныхъ и свѣтскихъ, Гомера, Виргилія, Димосоева, Цицерона, Плинія младшаго, Сенеки, Марціала, Расплия В., Григорія Бого- слова, Іоанна Златоустаго, Козмоенса (изъ Лузіады), Мостейма, Эразма Роттердамскаго и др. „Замѣчательно, говоритъ Пекар- скій, въ этой риторикѣ и то, что переводчиковъ и авторовъ всѣхъ возможныхъ примѣровъ и образцовъ совмѣшало въ себѣ одно лице— Ломоносовъ“⁽¹⁾.

Ломоносовъ не ограничивался одной теоріей. Утверждая фор- мы русскаго языка и русскаго краснорѣчія правилами грамма- тики и риторики, онъ въ тоже время давалъ образцы литератур- наго языка и краснорѣчія. Къ нимъ, кромѣ указанныхъ примѣ- ровъ въ риторикѣ, относятся разныя разсужденія и особенно по- хвальныя слова и рѣчи Ломоносова. Во всѣхъ риторикахъ луч- шими образцами краснорѣчія всегда представлялись два похваль- ныхъ слова импер. Елисаветѣ Петровнѣ и Петру В. Похвальное слово Елисаветѣ Петровнѣ было сказано Ломоносовымъ сначала въ торжественномъ собраніи Академіи наукъ въ день тезоимени- ства императрицы 6 сентября 1749 г. За это слово императрица подарила Ломоносову дачу Корвалдай на финскомъ берегу. Ло- моносовъ принялъ этотъ подарокъ, какъ знакъ покровительства императрицы въ лицѣ его наукамъ; онъ повторилъ похваль- ное слово въ день восшествія императрицы на престолъ 26 ноября 1749 г., присоединивъ къ нему похвалу наукамъ, кото- рымъ покровительствуетъ императрица. Подобно всѣмъ оратор- скимъ рѣчамъ, Слово состоитъ изъ приступа, раздѣленія, изложе- нія и заключенія. Въ приступѣ изображается радость всей Рос- сіи, празднующей восшествіе императрицы на престолъ. „Если бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели, въ которой, подъ благо- словенною державою всемплодотворѣнныя государыни нашей покою- щіеся многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о пре- славному ея на всероссійскій престолъ восшествіи, возможно бы- ло намъ, радостию восхищеннымъ, вознестись до высоты толпкой, съ которой бы могли обозрѣть обширность пространнаго ея вла- дительства, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца без- прерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именоваіемъ Елисаветы: коль красное, коль великолѣвное, коль- радостное позорище намъ бы открылось“⁽²⁾. Въ раздѣленіи перечи-

(1) Ист. Акад. наукъ, ч. II, стр. 389.

(2) Сочин. I. 551.

члены тѣ добродѣтели императрицы, которыя авторъ намѣренъ изобразить въ Словѣ; въ изложеніи, составляющемъ главную часть и содержаніе Слова, разсматривается отдѣльно каждая добродѣтель: благочестіе, мужество, великодушіе, мудрость, человеколюбіе, милосердіе и щедрость. Прославляя покровительство императрицы наукамъ, Ломоносовъ изображаетъ пользу наукъ, и за тѣмъ представляетъ саму императрицу говорящею учащемуся юношеству: „Обучайтесь прилѣжно: Я видѣть Россійскую академию, изъ сыновъ руссійскихъ состоящую, желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ. Сего польза и слава отечества, сего намѣреніе моихъ родителей, сего мое пропзволеніе требуетъ. Не описаны еще дѣла моихъ предковъ, и не воспѣта по достоинству Петрова великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи руссійскаго слова. Въ пространной моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно пропзноситъ, лежатъ потаенны и только искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію, и ревностно старайтесь заслужить мою милость“ (1). Въ заключеніи Слова Ломоносовъ дѣлаетъ обращеніе къ императрицѣ съ желаніемъ, чтобы она всегда украшалась своими добродѣтелями.—Похвальное слово Петру В. сказано Ломоносовымъ 26 апрѣля 1755 г. Въ этомъ Словѣ Ломоносовъ прославляетъ дѣла Петра В. и съ похвалою ему соединяетъ похвалу и его дочери, импер. Елисаветѣ Петровнѣ, которая явилась подражательницею его дѣламъ. Кромѣ приступа и заключенія, Слово состоитъ изъ 3-хъ частей. Въ 1-й части изображаются дѣла Петра В.: распространеніе наукъ въ Россіи, устройство войска и флота, воинскіе подвиги и гражданскія учрежденія; во 2-й части—трудности, какія испыталъ Петръ при совершеніи этихъ дѣлъ: опасности во время путешествій по Европѣ, стрѣлецкія возмущенія, предательство ближнихъ, коварство вѣшнихъ враговъ; въ 3-й части—добродѣтели Петра: благочестіе, мудрость, великодушіе, мужество, правосудіе, снисходительность, трудолюбіе. При этомъ, изображая разнообразную дѣятельность Петра, Ломоносовъ говоритъ: „Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными машинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ Петра В. вижу въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ

(1) Тамъ же, стр. 575—576.

ведѣтъ Петръ, но не многіе, и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго государя? Кому уподоблю нашего героя?... Часто размышлялъ я: каковъ Тотъ, который всеильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море: дхнеть духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ, и воздыматся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. Итакъ, ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра В. не обрѣтаю“ (¹). Образцемъ при составленіи этого Слова служилъ для Ломоносова Панегирикъ Траяну Плінія младшаго, который въ немъ возвелъ Траяна въ божество: изъ этого панегирика Ломоносовъ заимствовалъ нѣкоторыя мѣста и между прочимъ приведенное сейчасъ языческое, совсѣмъ не свойственное христіанскому поэту, сравненіе Петра съ божествомъ.

Въ этихъ похвальныхъ словахъ, какъ и въ другихъ ораторскихъ произведеніяхъ, Ломоносовъ слѣдовалъ теоріи классическаго краснорѣчія, по которой ораторскія рѣчи должны были состояться высокимъ слогомъ, и въ строеніи рѣчи подражалъ латинскимъ и нѣмецкимъ образцамъ; отсюда въ нихъ длинныя періоды съ глаголами на концѣ и со множествомъ вводныхъ, придаточныхъ и дополнительныхъ предложеній; отсюда въ нихъ вообще тотъ утомительный и тяжелый ходъ рѣчи, на который указалъ Пушкинъ. Но совершенно другой характеръ имѣютъ строй рѣчи и языкъ Ломоносова въ разныхъ его ученыхъ сочиненіяхъ, въ его письмахъ, запискахъ, въ разныхъ проэктахъ и планахъ, въ которыхъ онъ не считалъ нужнымъ слѣдовать теоріи и утвердившимся образцамъ, а писалъ по требованіямъ своего генія. Въ этихъ сочиненіяхъ, которыя собственно и нужно считать образцами языка и слога Ломоносова, русская рѣчь отличается краткостію, простотою, естественностію и близостію къ рѣчи разговорной. Языкъ въ нихъ богатъ сильными, мѣткими и оригинальными словами и оборотами. Видно, что Ломоносовъ обладалъ глубокимъ знаніемъ и русскаго народнаго, и церковно-славянскаго и книжнаго литературнаго языка. Языкъ въ этихъ сочиненіяхъ и составляетъ одну изъ существенныхъ заслугъ Ломоносова въ русской литературѣ.

Въ области поэзіи главная заслуга Ломоносова состоитъ также въ усовершенствованіи поэтическаго, или стихотворнаго языка. Въ „Письмѣ о правилахъ русскаго стихотворства“, приложенномъ къ Одѣ на взятіе Хотина, онъ указалъ, что „русскаго

(¹) Тамъ же, 614—615.

стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему весьма не свойственно, изъ другихъ языковъ не вносить; что силлабическое стихосложеніе, наблюдающее только то, чтобы стихъ состоялъ изъ одинаковаго количества слоговъ, не обращая вниманія на то, какіе будутъ эти слоги, долгіе или короткіе, противно русскому языку, что природа русскаго языка требуетъ размѣра тоническаго, основывающагося на различіи и равномерномъ употребленіи слоговъ долгихъ и короткихъ; что долгими въ русскомъ языкѣ слѣдуетъ назвать только тѣ слоги, надъ которыми стоитъ „сила“ т. е. удареніе; что въ русскомъ языкѣ мы имѣемъ неисчерпаемое богатство долгихъ и краткихъ реченій, и потому можемъ употреблять въ своемъ стихосложеніи все двухсложныя и трехсложныя стопы и все роды стиховъ, употребляемыхъ у грековъ, римлянъ и иѣмцевъ: ямбическій, анапестическій, смѣшенный изъ анапестовъ и ямбовъ, хоренческій, дактилическій, смѣшенный изъ хореевъ и дактилей; что русскому стихосложенію свойственны не однѣ женскія рѣзмы, которыя до сихъ поръ употреблялись въ немъ, по образцу силлабическаго польскаго стихосложенія, но и мужскія и тригласныя; что для большей красоты и разнообразія мужскія, женскія и тригласныя рѣзмы могутъ быть перемѣшиваемы между собою.

Поэтическія сочиненія Ломоносова. Но указать правила стихосложенія еще не много значило; почти тѣже самыя правила указывалъ и Тредьяковскій. Важно было то, что Ломоносовъ подтверждалъ и объяснилъ эти правила своими собственными стихотвореніями, въ которыхъ онъ представилъ образцы разныхъ формъ поэзіи. Онъ написалъ 11-ть одъ духовныхъ, 8-мъ изъ нихъ составляютъ переложенія псалмовъ: содержаніе 9-й взято изъ книги Іова; 10-я утѣшное размышленіе о Божіемъ величествѣ; 11-я вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, по случаю сѣвернаго сіянія; 19-ть одъ похвальныхъ: Ода на счастье, переводъ оды Руссо; 50-ть похвальныхъ надписей, написанныхъ по разнымъ торжественнымъ случаямъ; 13-ть мелкихъ стихотвореній, заключающихъ въ себѣ экспромпты, посланія къ импер. Елисаветѣ и Екатерینѣ и вельможамъ: двѣ пѣсни эпической поэмы „Петръ В.“; двѣ трагедіи „Тамира и Селимъ“ и „Демофонтъ“ и посланіе къ Шувалову о пользѣ стекла.

Такимъ образомъ Ломоносовъ писалъ во всехъ родахъ поэзіи; но всего болѣе удалась ему ода, которая была болѣе сродна его лирическому таланту и болѣе сообразна съ обстоятельствами того времени. Онъ считался представителемъ русской классической оды, какъ Херасковъ — представителемъ эпической поэмы, а Сумароковъ — классической трагедіи. На одахъ Ломоносова вполне отразились

какъ вообще указанныя выше свойства ложно-классическаго на-
правленія, такъ и въ частности черты ложно-классической оды.
Образцемъ оды для Ломоносова были оды Пиндара и Горация
и французскихъ и нѣмецкихъ писателей, подражавшихъ этимъ
поэтамъ. Первымъ его стихотворнымъ опытомъ, какъ выше ука-
зано, былъ переводъ оды Фенелона „На уединеніе“; первая под-
ражательная ода „На взятіе Хотина“ написана по подражанію
современному нѣмецкому поэту, Гюнтеру. Чувство религиозное
и патриотическое, любовь къ природѣ и наукѣ были источниками
поэтическаго одушевленія Ломоносова. Въ тяжелыхъ обстоятель-
ствахъ своей жизни, исполненной борьбы и всякаго рода лишеній
и страданій, физическихъ и нравственныхъ, Ломоносовъ любилъ
обращаться за утѣшеніемъ къ вѣрѣ и искалъ облегченія въ пѣсно-
пѣніяхъ Давида, въ страдальческой жизни Іова; онъ переложилъ
нѣсколько псалмовъ въ стихи и написалъ оду изъ книги Іова.
Нѣкоторые его псалмы, какъ то: Псал. XIV: Господи, кто оби-
таетъ въ свѣтломъ домѣ, выше звѣздъ... и Псал. CXLV: Хвалу
Всевышнему Владыкѣ потщися, духъ мой, возсылать... приобрѣли
особенную популярность, были переложены на ноты и долго
распѣвались даже въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Вотъ нѣсколько стиховъ изъ послѣдняго псалма:

«Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Потщися, духъ мой, возсылать:
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О Немъ, пока могу вздыхать.

Никто не уповай во вѣки
На тщетну власть князей земныхъ.
Ихъ тѣжъ родили человеки,
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.

. . . . .
. . . . .

Блаженъ тотъ, кто себя вручаетъ
Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ,
И токмо въ помощь призываетъ
Живущаго на небесахъ».

Въ Одѣ изъ книги Іова (глав. XXXVIII—XLI) содержится
свободное, съ нѣкоторыми пропусками, переложеніе рѣчи Божіей
къ Іову, въ которой изображается съ одной стороны Божествен-
ное всемогущество, а съ другой—бессиліе и ничтожество чело-
вѣка. Въ началѣ оды прибавлено Ломоносовымъ обращеніе къ
человѣку, ропщущему въ несчастіи на Бога:

«О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозъ вихрь, сквозъ градъ блистая
И гласомъ грома прерывая,
Словами небо колебаль,
И такъ его на распрю звалъ:

«Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою,
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
Мое величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ?

Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣтъ ранѣ утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить».

. . . . .

А въ концѣ оды присоединено наставленіе переносить несчастія съ терпѣніемъ и надеждою на Бога:

«Сіе, о смертный, разсуждая,
Представъ Зиждителю власть,
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣннѣ часть!
Онъ все на пользу нашу строить,

Казнить кого, или покарать;
Въ надеждѣ тяготу сноси,
И безъ роптанія проси!»

Какъ въ молодыхъ годахъ наблюденіе надъ явленіями природы, такъ и въ послѣдствіи ученое ихъ изслѣдованіе возбуждали въ Ломоносовѣ глубокое чувство благоговѣнія и удивленія къ величію и премудрости Божіей. Это чувство онъ выразилъ въ двухъ одахъ: „Утреннее размысленіе о Божіемъ величествѣ“ и „Вечернее размысленіе о Божіемъ величествѣ, по случаю сѣвернаго сіянія“, которыя справедливо считаются лучшими его поэтическими произведеніями. Онѣ проникнуты неподдѣльнымъ религіознымъ чувствомъ, исполнены прекрасными картинами природы и написаны легкими, гармоническими ямбами. Вотъ въ какой картинѣ изображены восходъ солнца и озареніе имъ всей природы въ „Утреннемъ размысленіи о Божіемъ величествѣ“:

«Уже прекрасное свѣтло
Простерло блескъ свой по земли,
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внесли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представъ, каковъ Звѣздитель самъ!
Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу брѣнно нане око
Могло приблизившись возрѣть;
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горяцій вѣчно океанъ.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находят береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющисъ множество вѣговъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ тобою одна.
О коль пресвѣтлая лампада,
Тобою, Боже, возжена,
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ты творишь намъ повелѣлъ!»

Особенно замѣчательно „Вечернее размысленіе о Божіемъ величествѣ“ по великолѣпному изображенію сѣвернаго сіянія, которое Ломоносовъ еще въ дѣтствѣ наблюдалъ на Сѣверномъ океанѣ, и которое потомъ, какъ ученый, объяснялъ въ „Словѣ о воздушныхъ явленіяхъ, отъ электрической силы происходящихъ“.

«Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ лѣдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мыслями утомленъ!

Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се холодный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!

О вы, которыхъ быстрой зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ!
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ;
Скажите, что насъ такъ мятетъ?

Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разить?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы раждалъ пожаръ?

Сомнѣній полноя вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Не свѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ!» (1).

Другимъ источникомъ поэтическаго одушевленія Ломоносова было чувство патріотическое. Это чувство его въ первый разъ выразилось въ „Одѣ на взятіе Хотина въ 1739 г.“, потомъ въ „Одѣ на восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны“, и выражалось въ продолженіе всего ея царствованія въ

(1) Сочин. 1, 28—32.

похвальныхъ словахъ и одахъ, которыя и дали Ломоносову имя пѣвца Елисаветы. Вотъ начало оды на взятіе Хотина:

«Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведеть на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ горахъ шумѣть забылъ,
Въ долині тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключъ молчитъ,
Которой завсегда журчитъ,
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во все концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ Музыку;
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды:
Иней и все забудь труды:
Умой росой Кастальской очи.
Черезъ степь и горы взоръ прости,
И духъ свой къ тѣмъ странамъ вперц,
Гдѣ всходитъ день по темной ночи».

Послѣ непомѣрно тяжкаго положенія во время гнета Бирона и господства нѣмецкой партіи вообще при Аннѣ Іоанновнѣ, кроткое царствованіе Елисаветы, возстановившей въ Россіи просвѣщеніе, начатое Петромъ В., и покровительствовавшей всѣмъ русскимъ людямъ, трудившимся на пользу Россіи, казалось современникамъ чуть не золотымъ вѣкомъ. Мы видѣли, что въ похвальномъ словѣ Елисаветѣ Ломоносовъ представляетъ ее наслѣдницею и продолжательницею славныхъ дѣлъ Петра, покровительницею русской науки и русскаго просвѣщенія. Это же выражается и въ похвальныхъ его одахъ. Лучшею изъ этихъ одъ въ художественномъ отношеніи считается ода на восшествіе на престолъ императрицы, написанная въ 1747 г. Ода начинается прославленіемъ тишины, или мира, который Елисавета своимъ мудрымъ и кроткимъ правленіемъ доставила Россіи. Этотъ миръ служить источникомъ благоденствія народнаго вообще и въ частности причиною процвѣтанія наукъ.

«Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина.
Блаженство сель, градовъ ограда,

Коль ты полезна и красна!
 Вокругъ тебя цвѣты нестрѣютъ
 И класы на поляхъ желтѣютъ;
 Сокровищъ полны корабли
 Дерзаютъ въ море за тобою;
 Ты сыплешь щедрою рукою
 Свое богатство по земли.
 Великое свѣтило міру,
 Блестая съ вѣчной высоты
 На бисеръ, злато и порфиру,
 На всѣ земныя красоты,
 Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
 Но краше въ свѣтъ не находить
 Елисаветы и тебя».

Изображая пользу наукъ, Ломоносовъ и здѣсь, также какъ въ Похвальномъ Словѣ Елисаветѣ, обращается къ учащемуся русскому юношеству:

«О вы, которыхъ ожидаетъ
 Отечество отъ нѣдръ своихъ,
 И видѣть таковыхъ желаетъ,
 Какихъ зоветь отъ странъ чужихъ,
 О ваши дни благословенны!
 Дерзайте нынѣ ободренны
 Раченьемъ вашимъ показать,
 Что можетъ собственныхъ Платоновъ
 И быстрыхъ разумомъ Ньютоновъ
 Россійская земля раждать».

Оканчивается ода извѣстными стихами въ похвалу наукъ, составляющими переводъ одного мѣста изъ рѣчи Цицерона pro Archia poëta:

«Науки юношей питаютъ,
 Отраду старымъ подаютъ,
 Въ щастливой жизни украшаютъ,
 Въ несчастной случай берегутъ;
 Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
 И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
 Науки пользуютъ вездѣ:
 Среди народовъ и въ пустынѣ,
 Въ градскомъ шуму и наединѣ,
 Въ покоѣ сладки и труды»...

Но и въ этой лучшей похвальной одѣ Ломоносова отразилось, какъ въ построеніи ея по образцу одъ Пиндара и Горація,

такъ особенно въ употребленіи мифологическихъ образовъ, греческихъ музъ, боговъ и богинь, то ложно-классическое направленіе, которому онъ слѣдовалъ въ своихъ стихотвореніяхъ.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на российский флагъ.

Верхъ парнаески возстали,
И музы воплемъ проводили
Въ небесну дверь просвѣтлый духъ...

И се Минерва ударяетъ
Въ верхъ ринейски коніемъ.
Сребро и золото истекаетъ
Во всемъ наслѣдін твоёмъ.
Плутонъ въ расщелинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ.

Любовь къ наукѣ, замѣтилъ Пушкинъ, была главною страстію страстной души Ломоносова. Чувство любви къ ней, выражавшееся во всей его жизни и во всѣхъ его сочиненіяхъ, съ особенною силою обнаруживалось тогда, когда онъ видѣлъ неуваженіе къ наукѣ, или нападеніе на нее. Съ такимъ чувствомъ написано его посланіе о пользѣ стекла. По характеру своему, оно принадлежитъ къ такъ называемымъ дидактическимъ произведеніямъ, въ которыхъ поэты XVIII в. любили излагать стихами иногда совсѣмъ не поэтическіе предметы. Но Ломоносовъ, съ увлеченіемъ занимавшійся въ это время мозаикой, на которую другіе нападали, какъ на безполезное искусство, написалъ свое посланіе о стеклѣ съ истинно поэтическимъ одушевленіемъ. Близжайшимъ поводомъ къ нему былъ слѣдующій случай. На обѣдѣ у Шувалова, на которомъ Ломоносовъ былъ въ кафтанѣ съ стеклянными пуговицами, кто-то замѣтилъ ему, что стеклянные пуговицы вышѣ уже не въ модѣ. Ломоносовъ отвѣчалъ, что носить такіа пуговицы не по модѣ, а изъ уваженія къ стеклу, и съ одушевленіемъ началъ ему объяснять пользу стекла въ домашнемъ быту, въ ремеслахъ, художествахъ и наукахъ. Эти объясненія такъ понравились Шувалову, что онъ посоветовалъ Ломоносову изложить ихъ въ стихахъ. На этотъ случай и указываетъ начало „Посланія“, заключающее обращеніе къ Шувалову:

«Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,

Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Не рѣдко я для той съ Парнаскихъ горъ спускаюсь;
И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь,
Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, ни злату, но стеклу.
И какъ я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживаго я счастья представляю.
Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огонь не можетъ разрушить.
Другихъ вещей конечный раздѣлитель;
Стекло имъ рождено; огонь его родитель».

Затѣмъ Ломоносовъ указываетъ на тѣ предметы, которые
приготавливаются изъ стекла—на разные сосуды, употребляемые въ
разныхъ случаяхъ, на стекла, зеркала, бисеръ, очки, зрительныя
трубы, микроскопъ, барометръ, электрическія машины и проч.

«Когда неистовый свирѣпствуя Борей
Стѣсняетъ мразомъ насъ въ упругости своей;
Великой не терпя и строгой перемѣны,
Скрываетъ человекъ себя въ толстыя стѣны.
Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ сидѣть,
Или съ дрожаніемъ неносимый хладъ терпѣть.
Но солнечны лучи онъ сквозь стекло впускаетъ
И лютость холода чрезъ тоже отвращаетъ.

По долговременномъ теченіи нашихъ дней,
Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
Померкшее того не представляетъ чувство,
Что кажется въ тонкостяхъ натура и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенія книгъ:
Скучитѣ вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!
Тогда противенъ день, веселіе досада!
Одно лишь намъ стекло въ сей бѣдности отрада.
Оно способствіемъ искусныя руки
Подать намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки.

Хоть острымъ взоромъ насъ природа одарила,
Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
Кромѣ, что вдалекѣ не кажется намъ вещей
И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей,
Коль многихъ тварей онъ еще не достигаетъ,
Которыхъ малый ростъ предъ нами сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ микроскопъ открылъ,

Что Богъ невидимыхъ животныхъ сотворилъ.
Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы,
И нервы, что хранять въ себѣ животны силы.
Не меньше, нежели въ пучинѣ тяжкій бытъ.
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивить.
Великъ Создатель намъ въ огромности небесной!
Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чуда,
Чѣмъ Онъ наполнилъ понтъ и воздухъ и лѣса.
Прибавивъ ростъ вещей, оно, коль намъ потребно,
Являетъ травъ разборъ и знаніе врачебно.
Коль много микроскопъ намъ тайностей открылъ,
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!

Но что еще? Уже въ стеклѣ намъ барометры
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры;
Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
Иль, облаки прогнавъ, ихъ солнце осушитъ.
Надежда наша въ томъ обманами не лѣстится:
Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:
Черезъ тожъ откроется въ погодахъ разность силъ.
Коль могутъ щастливы селяне быть оттодѣ
Когда не будетъ зной, ни дождь опасенъ въ полѣ!
Какой способности ждать должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и горъ златыхъ достойно»⁽¹⁾.

Такимъ образомъ Ломоносовъ проникался высокимъ поэтическимъ одушевленіемъ, когда приводилось ему писать о предметахъ, близкихъ его сердцу, хотя бы эти предметы для другихъ и не казались важными и поэтическими: по тамъ, гдѣ не было такихъ предметовъ, его совершенно покидало вдохновеніе. Пушкинъ, мы видѣли, называлъ оды Ломоносова „утомительными и надутыми“: дѣйствительно, во многихъ его торжественныхъ одахъ поэтическое одушевленіе нерѣдко смѣшивается съ риторствомъ и отзывается напряженіемъ: рядомъ съ истиннымъ чувствомъ мы встрѣчаемъ въ нихъ и рястянутыя мысли, преувеличенные образы, неестественныя сравненія. Но особенно такими недостатками наполнены его 50 похвальныхъ надписей, которыя были написаны большею частію по заказу, на разные торжественные случаи.

⁽¹⁾ Сочин. т. 1, 507.

Тоже должно сказать и объ эпических и драматических его опытахъ. По подражанію древнимъ эпическимъ поэмамъ, Ломоносовъ хотѣлъ написать героическую поэму „Петръ В.“; но написалъ только двѣ пѣсни. Въ первой пѣсни изображается плаваніе Петра В. по Бѣлому морю, во время шведской войны, буря и спасеніе отъ нея въ Унскоѣ губѣ, посѣщеніе Соловецкаго монастыря и разговоръ Петра съ настоятелемъ этого монастыря о расколѣ и стрѣльцкихъ бунтахъ. Во второй пѣсни описывается осада и взятіе Шлиссельбурга. По желанію импер. Елисаветы, Ломоносовъ написалъ двѣ трагедіи: „Тамира и Селимъ“ и „Демофонтъ“. Дѣйствіе первой трагедіи происходитъ въ Крыму. Тамира—крымская царица, дочь Мумета, царя крымскаго; Селимъ—багдадскій царевичъ. Дѣйствіе другой трагедіи „Демофонтъ“ происходитъ въ Оракіи. Демофонтъ—сынъ Тезея, царя Аѳинскаго. Но эти опыты вышли неудачны: въ нихъ нѣтъ ни характеровъ, ни вѣрнаго изображенія страстей. Сохранилось еще нѣсколько сатирическихъ сочиненій, указывающихъ на сатирическій талантъ Ломоносова. Таковы: гимнъ бороде и сатиры на Тредьяковскаго и Сумарокова (¹).

Но, при всѣхъ указанныхъ недостаткахъ, стихотворенія Ломоносова въ тоже время заключаютъ въ себѣ столько достоинствъ, что они сдѣлались образцами подражанія для современныхъ и послѣдующихъ поэтовъ, дали начало новой школѣ и установили направленіе литературы на цѣлый періодъ, продолжавшійся до Карамзина. Конечно, это направленіе было ложно-классическое, долго вредившее самостоятельному развитію русской литературы; но мы не имѣемъ права обвинять за него Ломоносова, который не самъ создалъ это направленіе, а вмѣстѣ съ образцовыми произведеніями заимствовалъ изъ европейскихъ литературъ, въ которыхъ оно въ это время было господствующимъ направленіемъ. Современниковъ Ломоносова всего болѣе увлекалъ его сильный, звучный и гармоническій стихъ; созданіе такого стиха и составляетъ существенную его заслугу въ области русской поэзіи.

Труды Ломоносова по русской исторіи. Столкновенія его съ Миллеромъ и Шлецеромъ. Рядомъ съ литературой у Ломоносова шли занятія по русской исторіи. Русской исторіей Ломоносовъ началъ заниматься по убѣжденію Шувалова и самой импер. Елисаветы, которая выразила желаніе „видѣть російскую

(¹) Образцы литературной полемики прошлаго столѣтія. А. Афанасьева. Библиогр. Записки 1859. № 15. 17. Любопытные документы изъ портфелей Миллера. Москвит. 1854 г. № 1 и 2.

исторію, его штилемъ написанную“. Но, начавъ записаться по возбужденію другихъ, онъ такъ увлекся исторіей, что сталъ смотрѣть на нее, какъ на любимое свое дѣло, и занимался съ такою ревностію, что стремился устранить отъ нея даже пастоящихъ историковъ, Миллера и Шлецера. Въ 1758 г. онъ написалъ первую часть „Древней російской исторіи“ (отъ начала російскаго народа до кончины Ярослава), которая въ печати явилась уже послѣ его смерти, въ 1766 г.: при жизни же своей онъ успѣлъ издать въ 1760 г. только небольшое руководство, подъ названіемъ „Краткій російскій лѣтописецъ“, заключающее въ себѣ перечень великихъ князей и царей русскихъ, отъ Рюрика до Петра В. включительно, и „Родословіе російскихъ государей“, доведенное до послѣдняго времени. — Въ исторической наукѣ того времени, какъ и въ классической поэзіи, господствовало подражательное направленіе. Какъ въ эпосѣ образцами для поэтовъ служили Гомеръ и Виргилій, такъ въ исторіи образцами для историковъ были Геродотъ и Титъ Ливій. Какъ въ классической поэзіи главнымъ элементомъ считался элементъ дидактическій, такъ и на исторію смотрѣли, какъ на собраніе поучительныхъ примѣровъ. „Она даетъ, говоритъ Ломоносовъ, государямъ примѣры правленія, поданнымъ повиновенія, воинамъ мужества, судіямъ правосудія, малаымъ старыхъ разумъ, юрестарѣлымъ сугубую твердость въ совѣтахъ... Когда вымышленныя (поэтическія) повѣствованія производятъ движенія въ сердцахъ человѣческихъ, то правдивая ли исторія побуждать къ похвальнымъ дѣламъ не имѣетъ силы, особливо жъ та, которая изображаетъ дѣла праотцевъ“. Не только въ стилѣ и пріемахъ и вообще въ формѣ изложенія исторіи историки старались подражать греческимъ и римскимъ историкамъ, но и въ ходѣ и характерѣ самихъ событій историческихъ отыскивали сходство съ греческой и римской исторіей, и особенно любили начало своего государства и образованности производить отъ греческихъ и римскихъ героевъ или вообще отъ знаменитыхъ лицъ древности. Начало французскаго народа и государства приписывалось Франку, потомуму Гектора Троюнскаго; начало англійскаго государства приписывали также троянцу Вруту и исторію Англіи вели отъ времени Трои чрезъ многія столѣтія. Исторія Славянъ въ книгѣ Мавра Урбини начинается съ сына Ноева, Іафета. Въ Синопсисѣ Гизела помѣщены разныя сказанія о древности русскаго народа и извѣстія о князѣ Росскомѣ, Мосохѣ, который былъ внукомъ Ноя. Грекинищъ, какъ выше замѣчено, въ своей исторіи предками славянъ также считаетъ князей Росса и Мосоха. Подобно тому, и Ломоносовъ въ своей исторіи старался открыть „древность и величество славянскаго народа“ и говорилъ, что первый русскій князь, Рюрикъ, происхо-

дѣтъ отъ римскаго императора, Августа. Самую исторію русскую онъ сравнивалъ съ римской исторіей и находилъ между ними большое сходство. „Владѣніе первыхъ римскихъ царей, говоритъ онъ, соотвѣтствуетъ числомъ лѣтъ и государей самодержавству русскихъ князей; гражданское (т. е. республиканское) правленіе въ Римѣ подобно раздѣленію Россіи на удѣльные княжества; еди-нодержавіе римскихъ цезарей соотвѣтствуетъ самодержавству московскихъ государей. Одно примѣчаю несходство, прибавляетъ онъ при этомъ, что римское государство гражданскимъ владѣніемъ возвысилось, а самодержавствомъ пришло въ упадокъ. Напротивъ, разномысленною вольностію Россія едва не дошла до крайняго разрушенія, а самодержавствомъ какъ сначала усилилась, такъ и послѣ несчастливыхъ временъ умножилась, укрѣпилась и прославилась“ (1). Весьма понятно, что при такомъ взглядѣ на исторію, какъ на собраніе примѣровъ для прославленія предковъ и назиданія потомковъ, Ломоносовъ враждебно отнесся къ рѣчи Миллера: „О происхожденіи народа и имени Руссовъ“, въ которой первые русскіе князья, а вмѣстѣ съ ними и начало русскаго государственнаго устройства производились отъ Скандинавовъ. Мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи русскихъ князей въ первый разъ было высказано академикомъ Байеромъ; но высказанное на латинскомъ языкѣ, въ академическихъ Комментаріяхъ, оно не распространилось и не обратило на себя особеннаго вниманія. Совѣтъ другая судьба постигла рѣчь Миллера. Рѣчь эта была приготовлена Миллеромъ ко дню торжественнаго собранія Академіи наукъ въ день тезоименитства импер. Елисаветы 5 сентября 1749 г.; но собраніе было отложено до дня восшествія на престолъ 25 ноябрю, а между тѣмъ, Крещинъ, недовольный Миллеромъ за то, что онъ не одобрилъ его историческихъ сочиненій, распространилъ слухъ, что въ рѣчи Миллера находится много такого, что служить къ уменьшенію чести русскаго народа. Въ слѣдствіе этого, для разсмотрѣнія рѣчи, была составлена коммиссія изъ Ломоносова, Тредьяковскаго, Попова и Крашенинникова. Тредьяковскій подалъ о рѣчи такой отзывъ, что „сочинитель ея по своей системѣ съ нарочитою вѣроятностію доказываетъ свое мнѣніе.... Я не вижу, говоритъ онъ, чтобы во всемъ авторовомъ доказательствѣ было какое предосужденіе Россіи; развѣ токмо сіе одно можетъ быть предосудительно, что въ Россіи о Россіи по російски предъ Россіянами говорятъ будетъ чужестранецъ и научить ихъ такъ, какъ будто они ничего того по нынѣ не знали; но о семъ разсуждать не мое дѣло“. Но Ломоносову, съ его

(1) Сочиненія Ломоносова. Т. 3, 75—76.

патріотической точки зрѣнія. рѣчь Миллера представилась въ другомъ совершенно видѣ; онъ нашелъ, что она „весьма недостойна и російскимъ слушателямъ и смѣшна и досадительна“. Ломоносовъ обвинялъ Миллера прежде всего за то, что онъ опровергаетъ мнѣніе о происхожденіи россіянъ отъ Росса, Москвы отъ Мосоха, и весьма мало упоминаетъ о скиѣхъ, которыхъ почитать должно за первоначальныхъ жителей въ нашихъ нынѣшнихъ селеніяхъ, и тѣмъ опускаетъ самый лучшій случай къ похвалѣ славянскаго народа; ибо намъ извѣстно, говорилъ онъ, что скиѣы Дарія, персидскаго царя, Филиппа и Александра, царей македонскихъ, и самихъ римлянъ не устранились, но великіе имъ отпоры чинили и побѣды надъ ними одерживали, посему легко заключить можно, что народъ словенскій былъ весьма храбрый, который преодолѣлъ мужественныхъ скиѣовъ.... Правда, что г. Миллеръ говоритъ: предѣды ваши отъ славныхъ дѣлъ назывались славянами, но сему во всей своей диссертациі противное показывать старается, ибо на всякой почти страницѣ русскихъ быють, грабятъ, благополучно скандинавы побѣждаютъ; гунны Кіа берутъ съ собою на войну въ неволю. Сіе такъ чудно, что если бы г. Миллеръ умѣлъ изобразить живымъ штилемъ, то бы онъ Россію сдѣлалъ столь бѣднымъ народомъ, какимъ еще ни одинъ и самый полныи народъ ни отъ какого писателя представленъ не былъ“. Далѣе Ломоносовъ опровергалъ мнѣніе Миллера, что Аскольдъ, Диръ и Ольга—имена скандинавскія. „О св. Несторѣ лѣтописецѣ, замѣчалъ онъ, Миллеръ говоритъ весьма продерзостно и хулительно, такъ: „ошибся Несторъ“ и сіе неоднократно“. Однимъ словомъ, Ломоносовъ представлялъ, что Миллеръ своею рѣчью сознательно и намѣренно оскорбилъ русскій народъ. Послѣ такого отзыва Ломоносова рѣчь Миллера была еще разсмотрѣна въ общемъ собраніи Академической конференціи и также признана „предосудительною Россіи“. Съ этого времени Ломоносовъ постоянно смотрѣлъ презрительно на сочиненія Миллера. Въ Сибирской исторіи Миллера онъ находилъ много вещей, печати недостойныхъ, и между прочимъ не одобрялъ того, что Миллеръ Ермака, покорителя Сибири, называетъ разбойникомъ; Ломоносову не нравилось также, что Миллеръ занимался изслѣдованіями о смутныхъ временахъ Годунова и самозванцевъ — самой мрачной части російской исторіи, изъ чего иностранные народы худыя будутъ выводить слѣдствія о нашей славі. „Или нѣтъ, говорилъ онъ, другихъ извѣстій и дѣлъ російскихъ, гдѣ бы по послѣдней мѣрѣ и добро съ худомъ въ равновѣсіи видѣть можно было?“ „Миллеръ больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ російскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія“ (1). Такъ же

(1) Истор. Акад. Наукъ. Ч. 1, 38; Ч. 2, 427—435.

враждебно относился Ломоносовъ и къ другому знаменитому историку, Шлецеру, и такъ же подозрительно смотрѣлъ на его занятія по русской исторіи. Прослуживъ въ Академіи наукъ четыре года адъюнктомъ, Шлецеръ началъ требовать себѣ должности профессора, указывая на то, что ему предлагаютъ катедру въ Геттингенскомъ университетѣ; при этомъ въ доказательство своихъ занятій представилъ въ Академію два плана: одинъ—„Мысли о способѣ разработки древней русской исторіи“, предлагая написать исторію по собраніямъ и сочиненіямъ Ломоносова, Миллера и Татищева; другой планъ—составить популярныя руководства по исторіи, географіи и статистикѣ. Но эти планы не понравились ни Миллеру, которому не хотѣлось, чтобы Шлецеръ остался въ Академіи и занимался русской исторіей особенно по русскимъ источникамъ, имъ самимъ издаваемымъ, ни Ломоносову. Ломоносовъ дописалъ Академіи, что Шлецеръ не имѣетъ надлежащихъ свѣдѣній въ русской исторіи,—„свидѣтельства иностранныхъ профессоровъ о знаніи г. Шлецера въ россійскихъ древностяхъ почитать должно не дѣйствительными затѣмъ, что они сами оныхъ не знаютъ“,—что для Шлецера въ Академіи нѣтъ мѣста профессора по этой катедрѣ, что онъ самъ пишетъ русскую исторію⁽¹⁾. Узнавъ, что Шлецеръ собирается ѣхать изъ Россіи, онъ сдѣлалъ доносеніе въ Сенатъ, что у Шлецера есть русскія рукописи, изданіе которыхъ за границею предосудительно для Россіи. Началось дѣло и продолжалось до восшествія на престолъ Екатерины II, которая, по ходатайству защитниковъ Шлецера, Теллова и Тауберта, указомъ своимъ опредѣлила Шлецера профессоромъ русской исторіи и въ тоже время разрѣшила ему доступъ ко всѣмъ рукописямъ во всѣхъ библіотекахъ.

Къ занятіямъ Ломоносова по исторіи примыкаютъ его планы, проекты и записки по политической экономіи. Вышедши изъ народа и хорошо понимая его нужды и страданія, онъ стремился по возможности къ улучшенію его быта. Этому стремленію обязана своимъ происхожденіемъ его Записка Шувалову, въ которой назначены для разсмотрѣнія слѣдующіе предметы: 1) о сохраненіи и размноженіи народа; 2) объ истребленіи праздности; 3) о исправленіи нравовъ и просвѣщеніи; 4) о умноженіи внутренняго изобилія; 5) о кунечествѣ, особливо со вѣнскими народами; 6) о ремесленныхъ дѣлахъ и художествахъ; 7) о сохраненіи военнаго искусства и храбрости во время долговременнаго мира и проч. Эти предметы напоминаютъ проекты Посошкова въ его сочиненіи „О скудости и богатствѣ народномъ“. Къ сожалѣ-

(1) Матеріалы Биларскаго, стр. 702—704.

нію, въ сохранившейся до насъ Запискѣ говорится только о первомъ предметѣ: „О размноженіи и сохраненіи російскаго народа“. Здѣсь, какъ на главные причины умаленія народонаселенія въ Россіи, Ломоносовъ указываетъ: на браки крестьянъ въ слишкомъ молодые годы и безъ взаимнаго согласія, на постриженіе слишкомъ молодыхъ вдовыхъ священниковъ въ монахи, на разные обычаи, происходящіе отъ суевѣрія, на слишкомъ крутые переходы отъ постной пищи къ скоромной и на оборотъ, на недостатокъ медиковъ въ народѣ и войскѣ, на общую безпечность русскаго народа, на побѣги людей помѣщичьихъ и раскольниковъ въ Польшу и другія мѣста. Средствомъ къ умноженію народонаселенія Ломоносовъ считаетъ: учрежденіе богадѣленныхъ домовъ для подкидышаемыхъ младенцевъ, изданіе и продажу при всѣхъ церквахъ книжекъ съ наставленіями о народномъ здравіи и проч. Въ письмѣ къ Шувалову, при которомъ посланы были эти соображенія, Ломоносовъ говоритъ, что онъ предлагаетъ ихъ въ надеждѣ, что „найдется въ нихъ что-нибудь къ дѣйствительному поправленію російскаго свѣта“. Дѣйствительно, нѣкоторыя изъ указанныхъ мѣръ вскорѣ были употреблены правительствомъ при Екатеринѣ II (¹). Сохранилась еще Записка объ обязанностяхъ духовенства (²); но гдѣ находятся записки о другихъ, указанныхъ выше предметахъ, неизвѣстно.

А. П. СУМАРОКОВЪ.

Биографическія свѣдѣнія о Сумароковѣ (³). Александръ Петровичъ Сумароковъ (род. 1718, ум. 1777 г.) происходилъ изъ старой боярской фамиліи. Образование онъ получилъ въ Кадет-

(¹) Записка о размноженіи народонаселенія напечатана не вполне въ 1-мъ № Москв. 1842 г., въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Ломоносова. т. 1, 631—654 и въ XI № Библиогр. Извѣстій за 1859 г.

(²) Напечатана въ Лѣтоп. русск. лит. т. 1, стр. 197.

(³) Очерки жизни и избранныя сочиненія Александра Петровича Сумарокова, изданныя Сергѣемъ Глинкою Спб. 1841. Сумароковъ. В. Стоюнина. 1856. Новые матеріалы для біографіи Сумарокова. Лебедева. Библ. Записки 1858. №№ 14 и 15. Письма Ломоносова и Сумарокова къ П. Шувалову. Я. К. Грота. Зап. Акад. наукъ 1862; т. 1. Приложение 1. Но лучшимъ сочиненіемъ о Сумароковѣ до сихъ поръ остается книга Н. П. Булича. Она и служила главнымъ пособіемъ для нашего изложенія. — Полное собраніе всѣхъ сочиненій Сумарокова, въ стихахъ и прозѣ, издано Н. П. Новиковымъ въ 10 частяхъ. Москва 1781—82; 2-е изданіе 1787.

скомъ корпусѣ, куда поступилъ 14 лѣтъ въ 1732 г. У воспитанниковъ корпуса было обыкновеніе въ свободное отъ учебныхъ занятій время дѣлать литературныя собранія и читать въ нихъ свои сочиненія. Въ этихъ собраніяхъ первоначально и развился въ Сумароковѣ вкусъ къ литературѣ. Воспитанники писали также поздравительные стихи импер. Аннѣ Іоанновнѣ на день восшествія ея на престолъ или въ новый годъ. Съ этихъ стиховъ и началась литературная дѣятельность Сумарокова: первыми его стихами были двѣ поздравительныя отъ па день новаго 1740 года. Въ Кадетскомъ же корпусѣ Сумароковъ началъ писать пѣсни, изъ коихъ многія приобрѣли такую популярность, что, по его словамъ, были переложены на ноты и распѣвались „знатыми дамами и господами“. Но самымъ важнымъ обстоятельствомъ, которое всего болѣе возбудило его къ литературной дѣятельности и опредѣлило самый родъ и направленіе этой дѣятельности, были театральныя представленія при дворѣ Анны Іоанновны. Представленія эти давались трушною итальянскихъ актеровъ: по къ участию въ интерлюдіяхъ, представлявшихся разъ въ недѣлю, приглашались и кадеты. Представленія такъ сильно подѣйствовали на Сумарокова, что онъ самъ написалъ трагедію „Хоревъ“, которая была представлена кадетами въ присутствіи императрицы. Одобреніе, какое встрѣтила эта трагедія, опредѣлило судьбу Сумарокова; онъ рѣшился сдѣлаться драматическимъ писателемъ. Въ 1740 г. онъ окончилъ курсъ въ Кадетскомъ корпусѣ и поступилъ въ военную службу, въ которой дослужился до бригадирскаго чина. Но значеніе у современниковъ Сумароковъ приобрѣлъ не службою, а своею неутомимою литературною дѣятельностію, какъ первый драматическій писатель и первый директоръ перваго русскаго театра, какъ первый литераторъ, писавшій для публики и издававшій первый литературный журналъ.

Начало русскаго театра. Сумароковъ, какъ первый драматическій писатель и первый директоръ русскаго театра. Русская драма, какъ и новоевропейская драма вообще, началась мистеріями, или духовными представленіями. еще до времени Петра В. Мистеріи эти, появившіяся сначала въ Кіевѣ, и перенесенныя отсюда въ Москву, представлялись и при Петрѣ В., а въ духовныхъ школахъ существовали въ теченіе всего XVIII в., хотя, подвергшись вліянію реформы и новаго образованія, онѣ утратили свой первоначальный, исключительно религіозный, характеръ. Царевны, Софья и Наталья Алексѣевны, писали трагедіи и комедіи, заимствуя содержаніе для нихъ изъ церковной исторіи и житій святыхъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ написалъ трагедо-комедію „Владиміръ“, изображающую введеніе въ Россію

христіанства. При Петръ В. представлялись и чисто свѣтскія переводныя піесы. Таковы были: „Докторъ принужденный“ (*Le médecin malgré lui*) Мольера, „Сципіонъ Африканскій“ (съ нѣмецкаго), „Принцъ Пикель Гярингъ, или Жоделеть“, „Дафнисъ“, „Дорогія смѣяныя“ (*Les précieuses ridicules*) Мольера, „Донъ-Жуанъ“. Изъ оригинальныхъ піесъ къ этому времени относятся, какъ выше указано, „интерлюдіи“.—При вступленіи на престолъ Анны Іоанновны при дворѣ давала представленія труппа итальянскихъ актеровъ, присланная въ Петербургъ, на время коронаціи, изъ Дрездена польскимъ королемъ. Августомъ. Эти представленія такъ понравились императрицѣ, что въ 1735 г. была выписана цѣлая труппа актеровъ и актрисъ, между которыми были пѣвцы и пѣвицы, дававшіе современныя оперы на придворномъ театрѣ. Во время коронаціи Елисаветы Петровны, французская труппа, приглашенная изъ Касселя, давала оперу Метастазіо: „Милосердіе Тита“; она и послѣ этого давала трагедіи и комедіи. Въ 1757 г. прибыла въ Петербургъ итальянская труппа Локателли для балета и оперы. Елисавета любила театръ. Она требовала, чтобы всѣ придворные и служащіе посѣщали его. Должностныя лица обязывались подпискою быть на всѣхъ представленіяхъ, и однажды, когда на французскую комедію явилось мало зрителей, въ тотъ же вечеръ были разосланы ѣздовые къ болѣе значительнымъ людямъ съ запросомъ, почему они не были, и съ увѣдомленіемъ, что впредь за непріѣздъ полиція будетъ каждый разъ взыскивать по 50 рублей штрафу⁽¹⁾. Но до 1756 г. въ столицѣ не было отдѣльнаго театра для русскихъ представленій; представленія давались при Кадетскомъ корпусѣ, на придворномъ театрѣ, въ комнатахъ самаго дворца, и первый отдѣльный театръ явился не въ столицѣ, а въ провинціи—въ Ярославлѣ. Сынъ костромскаго купца, Волковъ, разыгрывавшій сначала духовныя драмы въ Московской академіи, видѣвшій потомъ въ Петербургѣ итальянскую оперу и представленія трагедій Сумарокова кадетами, составилъ въ Ярославлѣ труппу изъ своихъ братьевъ и дѣтей купцовъ и подьячій и въ кожевенномъ сараѣ своего вотчина представилъ драму „Эсфирь“. Представленіе такъ понравилось тогдашнему ярославскому воеводѣ, Мусину-Пушкину, и помѣщику Майкову, что

(1) Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову. Я. К. Грота, Зап. Акад. наукъ. 1862; т. 1. Приложение 1.—Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749—1774) М. Н. Лонгинова. Зап. Акад. наукъ т. XXIII и Сборн. 2-го Отд. Акад. наукъ т. XI.—О театральныхъ піесахъ, представлявшихся въ XVIII в., смотр. въ Хроникѣ русскаго театра И. Носова.

они убѣдили ярославскихъ купцовъ и дворянъ построить въ Ярославлѣ театръ. Театръ былъ построенъ въ широкихъ размѣрахъ, такъ что могъ вмѣщать въ себѣ до 1000 зрителей. Когда узнали объ этомъ въ Петербургѣ, то вытребовали сюда Волкова съ его труппой и заставили сыграть при дворѣ „Хорева“ Сумарокова, въ присутствіи императрицы. Игра ярославскихъ актеровъ поправилась: но, такъ какъ они не имѣли надлежащаго образованія, то лучшихъ изъ нихъ, Волкова, Дмитревскаго, Шумскаго и Попова, помѣстили въ Кадетскій корпусъ, для обученія иностраннымъ языкамъ и словесности. Между тѣмъ, въ 1756 г. открытъ былъ въ Петербургѣ постоянный русскій театръ. Первымъ директоромъ его былъ назначенъ Сумароковъ, а первыми актерами два брата Волковы—Осдоръ и Григорій, трагикъ Дмитревскій и комикъ Шумскій.—Сумароковъ, еще до открытія театра, съ 1750 г. управлялъ театральными представленіями въ кадетскомъ корпусѣ и при дворѣ: въ это время, послѣ Хорева, онъ написалъ четыре трагедіи: „Гамлетъ“, „Синавъ и Труворъ“, „Артистона“ и „Семпра“. Послѣ назначенія директоромъ, онъ долженъ былъ усилить драматическую дѣятельность; должность директора театра въ первое время состояла не въ томъ только, чтобы управлять театромъ, но и въ томъ, чтобы ставить на сценѣ пьесы своего сочиненія. Сумароковъ написалъ еще четыре трагедіи: „Ярополкъ и Димиза“, „Вышеславъ“, „Димитрій Самозванецъ“ и „Мстиславъ“. Всѣхъ комедій онъ написалъ 12: „Онегунъ“, „Лихоямецъ“, „Три брата совѣстника“, „Ядовитый“, „Царцисъ“, „Приданое обманомъ“, „Чудовищи“, „Трессотиниусъ“, „Пустая ссора“, „Рогоносцы по воображенію“, „Мать, совѣстница дочери“, „Вдорщина“. Директоромъ театра Сумароковъ состоялъ по 1761 г., когда онъ былъ уволенъ въ слѣдствіе непріятныхъ столкновеній съ графомъ Сиверсомъ, который исправлялъ должность прокурора при русскомъ театрѣ. Спусти нѣсколько времени послѣ увольненія отъ должности директора, Сумароковъ переселился въ Москву и здѣсь до конца жизни продолжалъ заниматься литературой. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ самымъ несчастнымъ образомъ. Разсорившись со всѣми своими друзьями и знакомыми и даже съ своими домашними, онъ умеръ всѣми оставленный, въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

Трагедіи Сумарокова. Лучшими трагедіями Сумарокова у современниковъ считались: „Хоревъ“, „Синавъ и Труворъ“, „Семпра“, „Димитрій Самозванецъ“ и „Мстиславъ“. Сюжетъ „Хорева“ взятъ изъ баснословныхъ временъ Кіева. Русскій князь Кій разбилъ кіевского князя, Завлоха, овладѣлъ Кіевомъ и взялъ въ плѣнъ дочь Завлоха, Оснельду. Но спустя 16 лѣтъ, побѣжденный

Завлохъ, собравъ войско, подступилъ къ Кіеву и требуетъ выдачи Оснелды. Кій согласенъ выдать ему Оснелду: но Оснелда полюбила брата Кія, Хорева, который также любитъ ее взаимно. Мамка Астрада говоритъ Оснелдѣ:

«Княжна! сей день тебѣ свободу обѣщаетъ.
Въ послѣднія тебя здѣсь санинѣ освѣщаетъ.
Завлохъ, родитель твой пришелъ ко граду днесь.
И вооружаются ко оборонѣ здѣсь.
Ужъ носится молва по здѣшнему народу.
Что Кій, страшася бѣдствъ, дать тебѣ свободу».

На это Оснелда отвѣчаетъ Астрадѣ:

«О день, когда то такъ, день радости и слезъ!
Щедрота поздная разгнѣванныхъ небесъ,
Смѣшенна съ казнью и лютою напастью!
Черезъ пущую бѣду отверзся путь ко счастью.
Астрада, мнѣ уже свободы не видать,
Я здѣсь осуждена подъ стражею страдать».

Оснелда объявляетъ ей, что она любитъ Хорева:

«Въ печальной сей странѣ.
О томъ ли помышлять Оснелдѣ надлежало?
Но ахъ, вошло во грудь сіе змѣино жало!
Ты сказывала мнѣ отцово житіе,
И многожды при томъ плачевно бытіе,
Какъ смерть голодная народы пожирала.
И слава многихъ лѣтъ въ одну минуту пала.
Благополучный Кій побѣду одержалъ,
Родитель мой тогда въ пустыни убѣжалъ.

А я, въ плѣненіе сіе низвергшись роду,
Не помню ни отца, ни матери, ни роду;
Однако кровь во мнѣ во всѣ шестнадцать лѣтъ,
Какъ помнить я могу, отмщенье вопіеть.
Я сказанное мнѣ плачевно время вижу,
И рода моего убійцу ненавижу.
Но ахъ! Хоревъ въ тѣ дни хотя младенецъ былъ,
Онъ Кію братъ, увѣ... а мнѣ, Астрада, милъ».

О любви Хорева доносятъ Кію бояринъ Стальверхъ, возбуждая въ Кіѣ подозрѣніе на счетъ вѣрности Хорева. Кій призываетъ Хорева и говоритъ ему:

«Примай оружіе, се долгъ тебя зоветъ.
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ,

Котора много разъ вѣнцы тебѣ сплетала,
Когда твоя рука въ народы смерть метала.
Вели въ трубы гласить, и на враговъ возстань,
Кинь въ вѣтры знамена и исходи на брань.
Ступай и побѣди и возвратися славно,
Какъ съ Скиѣскія войны подъ лаврами недавно».

Но Хоревъ старается отклонить Кія отъ сраженія, указывая на тѣ страшныя бѣдствія, какія производитъ война:

«Науку бранной ты Хорева самъ училъ,
Я имя славное тобою получилъ.
И ты пять лѣтъ мнѣ самъ свидѣтель былъ всеневно,
Страшился ль я когда враговъ во время гнѣвно.
Какъ сталъ ты немощенъ, я твой намѣстникъ сталъ,
И воинствомъ уже я самъ повелѣвалъ.
Въ трудахъ и подвигахъ возрѣлъ и укрѣпился,
И безпокойствовать безскупно научился.
Но сколько воинствъ смерть алчна пожрала?
Возбудить ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
Что въ мужества своемъ съ мечами въ рукахъ заснули,
И трупы ихъ въ крови противничей тонули?
Колико въ снѣдъ звѣрямъ отцовъ, супруговъ, чадъ
Повержено мечемъ? колико душъ взялъ адъ?
Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приносить,
Помремъ; но жертвы сей теперь она не проситъ.
Когда народъ спасти не можно безъ нея,
Мы въ пропасть снидемъ всѣ, и первый сиду я;
Но нынѣ страху нѣтъ народу и коронѣ,
А мечъ дается намъ лишь только къ оборонѣ».

Но Кій не вѣритъ Хореву и говоритъ ему:

«Нѣтъ, князь, нейти на брань не ту вину имѣешь,
Что ты о воинствѣ печешься и жалѣешь.
Твою я вижу мысль и чту въ умѣ моемъ,
О чемъ ты сѣтуешь въ смятеніи своемъ:
Ты хочешь, чтобъ княжна свободу воспріяла».

Кій заставляетъ Хорева сражаться съ Завлохомъ, а Оснельду заключаетъ въ оковы. Но, когда Хоревъ и наперсникъ его, Велькаръ, взяли въ плѣнъ Завлоха, то Кій, убѣдившись въ невинности Хорева, приказалъ освободить Оснельду; но посланные нашли ее уже умершею; Хоревъ, узнавъ о ея смерти, закалывается; Стальверхъ также оканчиваетъ свою жизнь самоубій-

ством⁽¹⁾.—Въ „Синавъ и Труворѣ“ изображено соперничество въ любви двухъ братьевъ. Новгородскій бояринъ, Гостомысль обѣщаль выдать замужъ дочь свою, Ильмену, за князя Синава; но Ильмена уже любитъ брата его, Трувора, и сама имъ любима. Труворъ объявляетъ Синаву о своей любви къ Ильменѣ; Синавъ и самъ сознаетъ нерасположеніе къ себѣ Ильмены, но не можетъ побѣдить своей страсти. Во время объясненія братья съ мечами бросаются другъ на друга; но Ильмена разнимаетъ ихъ. Гостомысль убѣждаетъ Ильмену преодолѣть свою страсть и выйти за Синава; она согласилась, но Труворъ не могъ пережить своего горя и закололъ себя мечемъ. Когда Ильмена узнала объ этомъ, то и сама закололась. Синавъ, считая себя виновникомъ ихъ смерти, хочетъ также умертвить себя. Онъ говорить:

«Уже ты все теперь, судьбина, совершила,
Ты всѣ свирѣпости явилъ. о рокъ, на мнѣ:
Представилъ ты меня тираномъ сей странѣ
И злѣйшей фуріей, изверженной изъ ада:
Я брату недругъ сталъ, изгналъ его изъ града.
Смутилъ его весь умъ, низвергъ его во гробъ:
И къ умноженію творимыхъ мною злобъ.
Какихъ и дикіе въ лѣсахъ не знаютъ звѣри,
Лишилъ при старости отца любезной дщери,
Героя, коимъ градъ сей бѣдства окончалъ,
И кто Синава здѣсь короною вѣнчалъ;
Безъ пользы мучилъ духъ красавицы дражайшей,
Горчайшу здѣлалъ жизнь изъ жизни ей сладчайшей,
И отъ пріятнѣйшихъ Ильмениныхъ очей
На вѣки отлучилъ свѣтъ солнечныхъ лучей....
Покоясь, учинивъ конецъ своей судьбинѣ,
О коль пресчастливы любовники вы нынѣ!
Васъ весь жалѣетъ градъ, оплакивая васъ,
А я сталъ мерзостью народною въ сей часть;
Злодѣйски жалобы съ раскаяньемъ безплоднымъ
Безъ жалости уже текутъ къ сердцамъ народнымъ.
О жесточайша часть! о солнце! небеса!
Какова дождался, о боги, я часа!»

Синавъ вынимаетъ шпагу и хочетъ заколотъ себя; но Гостомысль и воины вырываютъ шпагу изъ рукъ его. Падая въ крестъ, Синавъ говорить:

(1) Полное собраніе сочиненій Сумарокова. Москва. 1781. Ч. III, 1—57.

«О продолжители злой горести моей!
Вы отняли мой мечъ: въ немъ вся моя отрада.
Жить больше не хочу, отстань любезна взгляда.
Туманъ отъ глазъ моихъ скрываетъ солнца свѣтъ.
Ужъ нѣтъ ни Трувора, ни, ахъ, Ильмены нѣтъ!
Моя кипяща кровь на сердца замерзаетъ.
Или въ сей страшный часъ вселенна исчезаетъ!

О солнце, для чего еще ты мною зримо!
Разлей свои вали, о Волхонъ, на брега.
Гдѣ Труворъ пораженъ отъ брата и врага.
И шумнымъ стономъ води вѣщей вину Синава,
Которой навсегда его затмила слава!
Чертоги, гдѣ лила свою Ильмена кровь,
Падите на меня, отмстите злу любовь!
Карай мя небо, я погибелъ въ даръ пріемлю.
Рази, губи, греми, бросай огонь на землю» ⁽¹⁾.

Содержаніе „Семпры“ заимствовано изъ временъ Олега. Уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ Олегъ взялъ Кіевъ; но, прежній кіевскій князь, Оскольдъ никакъ не хочетъ ему покориться, и пользуется тѣмъ, что Олегъ ему и всѣмъ плѣннымъ воинамъ далъ свободу, вздумалъ возстать противъ Олега и возвратить себѣ Кіевскій престолъ. Онъ говоритъ своимъ воинамъ:

«Насталъ намъ день искать или смерти, или свободы:
Умремъ, или побѣдимъ, о храбрые народы!
Надежда есть, когда остался въ насъ животъ,
Безыльнымъ мужество даетъ побѣды плодъ.
Не страшно все тому, кто смерти не боится,
Пускай хотя на насъ природа ополчится;
Что можетъ больше намъ несчастье приключить,
Какъ только въ храбрости насъ съ жизнью разлучить?
О градъ родительскій, отечество драгое,
Гдѣ выросъ я въ пышности, въ веселіи, въ покоѣ!
Могу ли я забыть, что я въ тебѣ рожденъ!
О вѣрныя раби, отвержемъ плѣна бремя!
Настало то судьбой назначенное время,
Въ которо должны мы вселенной показать,
Что намъ не сродственно подъ игомъ пребывать» ⁽²⁾.

Планамъ Оскольда вполне сочувствуетъ его сестра, Семира, не смотря на то, что она страстно любитъ сына Олега, Ростис-

---

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 121—181.—⁽²⁾ Тамъ же, стр. 260—261.

слава, который хочет жениться на ней. Свою любовь она съ полною готовностію приносить въ жертву отечеству:

«Отъ знатной крови я на свѣтъ изведена;
Должна ль я тако быть страстными побѣждена.
Чтобъ дѣлали окъ премѣнъ тѣ Семирѣ,
Какія свойственны другимъ дѣвѣнцамъ въ мірѣ.
Гдѣ жизни хвалыныя примѣры находить,
Коль въ княжескихъ сердцахъ пороки будутъ жить?
Иль преимущество имѣемъ предъ другими
Одними титулами лишь только мы своими?
Хоть кровь моя горитъ; но бодрствуетъ мой умъ
И противляется отравѣ нѣжныхъ думъ.
Безсилствуетъ любовь: ей сердце покоренно;
Но силъ лишилося свещъ не совершенно;
И столько я еще во ономъ силъ брегу,
Что я противиться любви легко могу» (1).

Но заговоръ былъ открытъ Олегу родственникомъ Оскольда, Возведомъ, которому Оскольдъ поручилъ устроить задуманное возстаніе. Олегъ заключилъ Оскольда въ темницу и приговорилъ его къ смерти, если онъ не покорится. Семира проситъ Ростислава, изъ любви къ ней, спасти Оскольда, давъ ему возможность бѣжать изъ темницы: но Ростиславъ не можетъ измѣнить своему отечеству. Тогда Семира, выхвативъ у него мечъ, хочетъ заколотся; Ростиславъ соглашается исполнить ея просьбу и освобождаетъ Оскольда. Когда Олегъ узналъ о бѣгствѣ Оскольда, то потребовалъ отъ Семиры, чтобы она открыла ему, кто освободилъ Оскольда, угрожая ей смертію: но Семира не боится смерти и говорить:

«Не мнишь ли, что нашъ полъ къ геройству не способенъ,
И духу мужеску духъ женскій не подобенъ,
Что устремляешься ми къ трепету привлечь?
Итъ робости во мнѣ: твоя безцельна рѣчь» (2).

Желая спасти Семиру, Ростиславъ самъ сознается, что освободилъ Оскольда. Пораженный этимъ открытіемъ, Олегъ владаетъ въ сильнѣйшую скорбь, и, не смотря на всю свою любовь къ сыну, осуждаетъ его на смерть, какъ измѣнника. Семира обращается къ Олегу съ просьбою пощадить сына, указывая на то, что она виновата въ его измѣнѣ:

(1) Тамъ же, стр. 263—264. — (2) Тамъ же, стр. 307.

«Будь правый судія, но будь и человѣкъ!
Представь себя ты, чей отъемлешь нынѣ вѣкъ.
Кого даешь на смерть! Сей смерти я достойна:
И мною толь твоя днесъ участь безпокойна.
Когда бы Ростиславъ очей моихъ не зналъ,
По сей бы день невиненъ пребывалъ:
Отъ нихъ отъемли свѣтъ! прости любезна сына!
Прости, о государь! вины сей я причина» (1).

Трагедія оканчивается разсказомъ о сраженіи между Олегомъ и Оскольдомъ, во время котораго Оскольдъ былъ раненъ смертельно. Умирая, онъ проситъ Олега простить Семиру и Ростислава и соединить ихъ брачными узами.—Содержаніе „Мстислава“ взято также изъ русской исторіи: Тмутороканскій князь, Мстиславъ ищетъ руки псковской княжны Ольги; между тѣмъ Ольга тоскуетъ по кievскомъ князѣ Ярославѣ, который считается погибшимъ на войнѣ. Въ тоже время первый бояринъ Мстислава, Бурновѣй стремится занять кievской престолъ и убѣждаетъ Ольгу выйти за него замужъ. Но вдругъ является считавшійся погибшимъ кievскій князь Ярославъ. Между Мстиславомъ и Ярославомъ происходитъ споръ и борьба за Ольгу. Мстиславъ угрожаетъ Ярославу плѣномъ, если онъ не откажется отъ Ольги. Ольга, желая спасти Ярослава, соглашается выйти за Мстислава, но послѣ брака намѣрена лишить себя жизни. Въ это время является наперсникъ Мстислава, Осадъ со скипетромъ въ одной рукѣ и съ цѣпами въ другой, и предлагаетъ ихъ Ярославу на выборъ; Ярославъ выбираетъ цѣпи. Между тѣмъ разнесся слухъ, что противъ Мстислава возстали всѣ его подданные; думая, что возстаніе произведено Ярославомъ, Мстиславъ велѣлъ казнить его. Но когда открылось, что возстаніе произведено Бурновѣемъ, который, ищетъ также руки Ольги и стремится занять кievскій престолъ, то Мстиславъ отказывается отъ Ольги и возвращаетъ Ярославу свободу и кievскій престолъ.

Въ драматическомъ словарѣ 1787 г. о Сумароковѣ сказано: „Сумароковъ много успѣлъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ въ разсужденіи умягченія нравовъ и вкусъ къ театру, конечно, отъ его пера исправленъ. До него представленія почитались только одними театральными игрищами; а онъ показалъ нѣжность въ трагедіи, далъ почувствовать посмѣяніе страстей въ комедіи г. Мольера и протчихъ, подражая онымъ“. Современники называли Сумарокова „Россійскимъ Расиномъ“. Да и самъ Сумароковъ говорилъ, что онъ „явилъ Россамъ Расиновъ театръ, что

(1) Тамъ же, стр. 314.

славу Расина и Вольтера, ища на маловзвѣстномъ, хотя и прекрасномъ языкѣ, онъ оставляетъ своему праху“. Дѣйствительно, всѣ трагедіи Сумарокова составлены по образцу ложно-классическихъ трагедій Корнеля, Расина и Вольтера. Трагедіи этихъ трагиковъ, согласно съ господствовавшей въ то время ложно-классической теоріей драмы, отличаются однимъ общимъ характеромъ. Въ нихъ мы находимъ постоянно пять дѣйствій, подраздѣленныхъ на множество явленій; строгое соблюденіе правилъ единства времени, мѣста и дѣйствія, которыя были выведены французской теоріей изъ неправильно понятаго характера древне-греческой трагедіи, и соблюденіемъ которыхъ хотѣли придать театральнымъ представленіямъ болѣе вѣроятности и близости къ дѣйствительности; преобладаніе эпического и лирическаго элементовъ надъ элементомъ собственно драматическимъ т. е. длинные рассказы вѣстниковъ о событіяхъ, происходящихъ внѣ сцены, и разговоры наперсниковъ и наперсницъ, замѣнявшіе собою хоры древней трагедіи; заимствованіе драматическихъ лицъ и событій изъ древнихъ эпохъ и навязываніе древнимъ лицамъ современныхъ воззрѣній и вообще несоблюденіе исторической вѣрности въ изображенія историческихъ лицъ и событій; вмѣсто изображенія въ драматическихъ лицахъ полного характера или настоящаго человѣка—олицетвореніе одного какого-нибудь чувства или страсти (главное мѣсто между ними занимаетъ любовь), какой-нибудь добродѣтели, или порока; резонерство героевъ и героинь, обнаруживающееся въ томъ, что они свои чувства и страсти высказываютъ въ длинныхъ рѣчахъ и разсужденіяхъ и высокимъ слогомъ. Эти же самыя черты мы находимъ и во всѣхъ трагедіяхъ Сумарокова; только недостатки образцевъ въ нихъ отразились рѣзче и преувеличеннѣе. Дѣйствующие лица въ трагедіяхъ Сумарокова, какъ во французскихъ трагедіяхъ, заимствованы болѣею частію изъ древнихъ временъ: Хоревъ, Кій, Оскольдъ изъ баснословныхъ временъ Кіева; Синавъ и Труворъ, Ярославъ и Мстиславъ, Ярополкъ и Димитрій Самозванецъ изъ древней русской исторіи; но въ этихъ лицахъ нѣтъ никакихъ отличительныхъ качествъ, свойственныхъ древнимъ временамъ; они говорятъ и дѣйствуютъ, какъ современники Сумарокова. Примѣромъ того, до какой степени произвольно обращался Сумароковъ съ заимствованными откуда-нибудь драматическими сюжетами, можетъ служить, между прочимъ, его трагедія „Гамлетъ“, о которой онъ самъ же замѣчаетъ: „Гамлетъ мой, говоритъ критикъ, переведенъ съ французской прозы аглинской Шекспировой трагедіи, въ чемъ онъ очень ошибся. Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣни паденія, на Шекспирову трагедію едва, едва походитъ“ (1).

(1) Сочин. Москва 1787 г. ч. X, 103.

Драматическія лица въ трагедіяхъ Сумарокова—не характеры и не живыя лица, а олицетворенія какого-нибудь чувства, или страсти, любви, ненависти, дружбы и т. п. Эти чувства или страсти до того овладѣваютъ дѣйствующими лицами, что въ нихъ уже не остается мѣста никакимъ другимъ стремленіямъ человѣческой природы: Димитрій Самозванецъ напр. представленъ такимъ неестественнымъ злодѣемъ, что паяву и во снѣ говорить и думать только о злодѣяніяхъ. Въ 5-мъ явленіи 4-го дѣйствія онъ говоритъ:

«Блаженная душа идетъ въ объятія Бога;
А мнѣ показана съ престола въ адъ дорога.
Сія послѣдняя ночь, ночь вѣчна будетъ мнѣ:
Увижу на яву, что страшно и во снѣ».

Тоже самое онъ говоритъ въ 1-мъ явленіи 5-го дѣйствія:

«Во преисподнюю ступай, душа моя!
Правитель естества! и тамъ рука Твоя!
Истергнишь мя на судъ изъ адекія утробы:
Суди и осуждай за все творямы злобы;
И челоуѣчества я врагъ и Божества;
Противъ я шелъ тебя, противъ и естества.
Весь воздухъ возшумѣлъ: враги вооружены
У стѣнъ моихъ палатъ явятся приближенны.
А я безсильствую, ихъ наглости внемля.
Все все противъ меня: и небо и земля.
О градъ, которымъ я ужь больше не владѣю,
Достанься ты по мнѣ такому же злодѣю».

А въ концѣ трагедіи, ударяя себя въ грудь кинжаломъ, восклицаетъ:

«Ступай, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна!
Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!» (1).

Русская публика не могла сознавать всеѣхъ этихъ недостатковъ въ трагедіяхъ Сумарокова. Она видѣла въ нихъ тѣ же приемы и формы, какъ и во французскихъ трагедіяхъ: Хоревъ, Синавъ и Труворъ, Оснельда и Ксенія (въ Димитріи Самозванцѣ) папоминали Британника, Эдипа, Запру и Роксану; Пльмена походила на Альзирю Вольтера; рассказъ вѣстника о смерти Трувора составленъ по примѣру рассказа Терамена о смерти Ипполита въ Федрѣ. Неудивительно, что русская публика подумала, будто Сумароковъ далъ ей такую же трагедію, какая была у французовъ, а въ немъ самомъ увидѣла русскаго Расина и Воль-

(1) Сочин. Москва, 1731; ч. IV, 112; 120—121; 126.

тера. — Съ другой стороны, при указанныхъ недостаткахъ, въ трагедіяхъ Сумарокова были и хорошія качества. Въ нихъ много живыхъ и горячихъ сценъ: монологи и разказы дѣйствующихъ лицъ часто проникнуты возвышенными чувствами: въ ихъ уста Сумароковъ вложилъ не рѣдко тѣ же гуманныя идеи о свободѣ, вѣротерпимости, воспитаніи и образованіи, о власти и управленіи государствомъ, какія тогда проводились въ лучшихъ сочиненіяхъ европейскихъ литературъ. Наперенникъ Дмитрія Самозванца, Пармень о панской власти разсуждаетъ:

«Мнѣ мнителъ, человекъ себѣ подобнымъ братъ
И джеучители развѣли развратъ,
Дабы лжевягости ихъ черни возвыщались
И ко прибытку имъ ихъ басни освящались.

Сложила Англія, Голландія то бремя
И полгерманіи; наступитъ скоро время,
Что и Европа вся откинетъ прежній страхъ,
И съ трена свернется прегордый сей монахъ,
Который толь себя отъ смертныхъ отличаетъ,
И чернь котораго какъ Бога величаетъ»⁽¹⁾.

Князь Галицкій, Георгій о фанатизмѣ папистовъ въ Америкѣ говорить:

«Постраждетъ такъ Москва, какъ страждетъ новый свѣтъ,
Тамъ кровью землю всю паписты обгарили,
Побили жителей, оставшихъ разорили;
Средь ихъ отечества стремясь невинныхъ жечь,
Въ рукѣ имѣя крестъ, въ другой кровавый мечъ.
Что съ ними дѣлалось въ незнайной ихъ судьбинѣ,
Отъ папы будетъ то тебѣ, Россія нынѣ»⁽²⁾.

Мстиславъ въ разговорѣ съ Осадомъ развиваетъ мысль Монтескьё, что честь должна служить основой славы и всѣхъ геройскихъ подвиговъ:

«Мнѣ честь моя велитъ покорствовать судьбѣ;
Но сердце одному покорствуешь себѣ.
О, честь единственный источникъ нашей славы,
На коей истинны основаны уставы,
Геройска дѣйствія и общей пользы мать!
Сильна едина ты санъ царскій воздымать.
Коль нѣтъ тебя съ царемъ, онъ Божій гнѣвъ народу,
И скинтри его есть мечъ, возятый на свободу»⁽³⁾.

(1) Тамъ же, стр. 70. — (2) Тамъ же, стр. 84. — (3) Тамъ же, 164.

Въ Хоревѣ князь Кій представляетъ такой идеалъ князя правителя:

«Хочу равно и ложь и истину внимать,
И слѣпо никого не буду осуждать.
Мятуся, и лютаго злодѣя видя въ горѣ.
Князь кормщикъ корабля, власть княжеская море,
Гдѣ вѣтры, камни, мѣль препятствуютъ судамъ
Желающихъ пристать къ покойнымъ берегамъ.
Но часто кажутся и облаки горами,
Летая вдаль по небу надъ водами,
Которыхъ кормщику не должно обѣгать;
Но горы ль то плъ нѣтъ, искусствомъ разбирать.
Хоть вѣсь бѣ вѣщали мнѣ, тамъ горы, мѣли тамо.
Когда не вижу самъ, плыву безъ страха прямо» ⁽¹⁾.

Самъ Хоревъ говоритъ:

«Тѣ люди, коими законы сотворенны,
Закону своему и сами покоренны» ⁽²⁾.

Ксенія въ Димитріи Самозванцѣ считаетъ „блаженнымъ на свѣтѣ того порфироснаго мужа,

«Который не тѣснитъ свободы нашихъ душъ,
Кто пользой общества себя превозвышаетъ,
И снисхожденіемъ санъ царскій украшаетъ,
Даруя подданнымъ благополучны дни,
Страшится коего злодѣи лишь одни» ⁽³⁾.

Князь Мстиславъ, выражая намѣреніе сдѣлаться добрымъ княземъ и благодѣтельнымъ правителемъ своего народа, говоритъ:

«А я перестану быть горестей содѣтель.
Цвѣти подъ скипетромъ Мстислава добродѣтель!
Я должности одной хочу себя предать,
И безъ утѣхъ любви народомъ управлять,
Предписывать ему полезныя уставы.
Ликуйте подданны во дни моей державы!
Я буду вамъ отецъ, вы будьте чада мнѣ,
Свободны, веселы живуще въ сей странѣ.
Никто не трепещи подъ областю моею!
Я милости къ однимъ злодѣямъ не имѣю» ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Тамъ же, ч. III, 16. — ⁽²⁾ Тамъ же, 30.

⁽³⁾ Тамъ же, ч. IV, стр. 83. — ⁽⁴⁾ Тамъ же, ч. IV, 177.

Въ трагедіи „Синавъ и Труворъ“, Гостомысль поучаетъ:

«Гдѣ должность говорить, или любовь къ народу.
Тамъ нѣтъ любовника, тамъ нѣтъ отца, ни роду.

Кто должности своей храненіе являетъ,
Храня ее въ бѣдахъ, свой духъ успокояетъ;
Страдая за нее, когда онъ помнитъ то,
За что онъ мучится, вся мука та ничто. ~
Коль чистая душа не хочетъ быть превратна,
За добродѣтели и мука ей пріятна»⁽¹⁾.

Комедіи Сумарокова. О комедіяхъ Сумарокова въ драматическомъ словарѣ сказано, что „онъ далъ почувствовать посмѣяніе страстей въ комедіяхъ г. Мольера и прочихъ“. Дѣйствительно, и въ комедіяхъ Сумароковъ также подражалъ французскимъ комикамъ и въ особенности Мольеру. Лучшими комедіями Сумарокова считаются „Опекунъ“ и „Лихоимецъ“; но главное лице въ Опекунѣ—Чужехватъ списано съ Тартюфа, а Кашей въ Лихоимцѣ—съ Гарпагона Мольера. И другія комедіи составляютъ большею частію передѣлку комедій Мольера. Комедія „Приданое обманомъ“ передѣлана изъ комедіи Мольера „*Le malade imaginaire*“; комедія „Рогоносецъ по воображенію“ есть подражаніе комедіи „*Le sosu imaginaire*“; въ комедіяхъ „Пустая ссора“ и „Влорщица“ есть черты Мольеровыхъ комедій *Les précieuses ridicules*, *Les facheux* и др.—Но въ заимствованные сюжеты и формы, Сумароковъ, подобно Кантемиру, вставлялъ картины изъ русской жизни, осмѣивалъ пороки и недостатки, глупости и предрасудки русскаго общества, съ цѣлью исправить или очистить русскіе нравы. Въ комедіи „Чудовищи“ напр. изображается петиметръ того времени, подъ именемъ „Дюлижа“. Дюлижъ презираетъ все не французское. Когда Бармасъ, не имѣющій понятія объ иностранныхъ языкахъ, думаетъ, что фразы, которыя Дюлижъ влетаетъ въ свою рѣчь, нѣмецкія, то Дюлижъ страшно оскорбляется: „Что? вы думаете, что я говорю по нѣмецки? *Quelle pensée! quelle impertinence!* чтобъ я этимъ языкомъ говорить сталъ!“ Услышавъ объ Уложеніи, онъ спрашиваетъ: „Уложение! Что это за звѣрь?... я не только не хочу знать русскія права, я бы русскаго и языка знать не хотѣлъ. Скаредный языкъ!... Для чего я родился русскимъ? о натура! не стыдно ль тебѣ, что ты; произведя меня прямымъ человѣкомъ, произвела меня отъ русскаго отца!“ О своихъ достоинствахъ Дюлижъ говоритъ такъ: „Научиться этому, какъ

⁽¹⁾ Тамъ же, ч. III, 149—150.

одѣться, какъ надѣть шляпу, какъ табакерку открыть, какъ табакъ нюхать, стоитъ цѣлаго вѣку, а я этому формально учился, чтобъ могъ я тѣмъ отечеству своему дѣлать услуги; однако благодарное мое отечество все то презираетъ, что выше здѣшняя превосходитъ разсужденія“. О своемъ соперникѣ, Ватерѣ, который выставленъ въ комедіи въ противоположность ему, Дюлижъ отзывается: „Это будто человекъ! Кончелекъ носить такой большой какъ заслонъ; на головѣ пуклей съ двадцать, тростку носить коротенькую, платье дѣлаетъ ему нѣмчину, муфты у него и отъ роду не бывало, манжеты носить короткія, да онъ же еще и по пѣмечки умѣетъ“. Арликинъ произноситъ такой приговоръ Дюлижу: „Этакое безобразіе, стыдъ роду человѣческому! Конечно это обезьяна, да не здѣшняя“ (1). Правда, какъ эта, такъ и многія другія картины, въ комедіяхъ Сумарокова, нарисованы аляповато, а иногда довольно грубо, и комизмъ въ нихъ очень не высокой пробы; но онѣ приходились по вкусу современникамъ и согласны были съ господствовавшей тогда теоріей комедіи, по которой цѣлю комедіи полагалось: „издѣвкой править нравъ, смѣшнить прямой ея уставъ“. Къ сожалѣнію, Сумароковъ часто вдавался въ такія преувеличенія, которыя едва ли могли способствовать исправленію нравовъ; онъ часто изображалъ разные пороки и глупости въ такихъ неестественныхъ и совершенно невозможныхъ чертахъ, что комедія превращается въ фарсъ, а комическія лица становятся пародіями и каррикатурами. Такими пародіями-каррикатурами надобно назвать комедіи: „Нарциссъ“, „Рогоносецъ по воображенію“ и „Трессотиніусъ“. Въ „Нарциссѣ“ представленъ человекъ, влюбленный въ самого себя, который только и говоритъ о своей красотѣ и своей любви къ самому себѣ: „Я самъ страдаю собою и часто цѣлая насквозь почти безъ сна провождаю, вздыхая, что я сею моею красотою только плѣненъ“... (2). Комедія „Трессотиніусъ“ есть настоящій фарсъ, въ которомъ осмѣивается Тредьяковскій, выведенный подъ именемъ Трессотипіуса. Въ началѣ комедіи Клариса, за которую сватается Трессотиніусъ, говоритъ своему отцу: „Нѣтъ, батюшка, воля ваша, лучше мнѣ вѣкъ быть въ дѣвкахъ, нежели за Трессотипіусомъ. Съ чего вы вздумали, что онъ ученъ? Никто этого объ немъ не говоритъ, кромѣ его самого, и хотя онъ и клянется, что онъ человекъ ученый, однако въ этомъ никто ему не вѣритъ“. Трессотиніусъ является къ Кларисѣ съ такимъ привѣтствіемъ: „Прекрасная красота, пріятная пріятность, по премногу

(1) Тамъ же, ч. V, 286—287; 301—303.

(2) Тамъ же, ч. V, 204.

«кланяюсь вамъ!» Клариса: „И я вамъ по премногу откланиваюсь, преученное ученіе!“ Трессотиниусъ: „Эта бумажка ясное вамъ скажетъ, какую язву въ сердцѣ моемъ пріятство ваше т. е. красота ваша мнѣ учинило т. е. слѣзало“. На бумажкѣ была написана пѣсня, сочиненная Трессотиниусомъ:

«Красоту на вашу смотря, распалился я ей ей!
Изволь меня избавить ты отъ страсти тѣмъ моей!
Бровь твоя меня пронзила, голосъ кровь зажегъ.
Мучишь ты меня, Климена, и стрѣлою сшибла съ ногъ».

Затѣмъ является другой педантъ, Бомбембиусъ, и начинаетъ съ Трессотиниусомъ споръ о литерѣ „твердо“, „которое твердо правильное, о трехъ ли ногахъ (ш), или обоной ногѣ (т)“. Трессотиниусъ говоритъ: „Я содержу, что твердо обоной ногѣ правильное, ибо у грековъ, отъ которыхъ мы литеры получили, оно обоной ногѣ, а треножное твердо есть нѣкакой уродъ“. Бомбембиусъ утверждаетъ: „Мое твердо о трехъ ногахъ и для того стоитъ твердо, а твое твердо не твердое. Твое твердо слабое, ненадежное, а потому презрительное, гнусное, позорное, скарелное“. Въ споръ вмѣшивается слуга Кимаръ, который самый предметъ спора представляетъ въ каррикатурномъ видѣ: „Твердо треножное твердо одноножному предпочитаю; у этого, если нога подломится, такъ его и брось, а у того, хотя и двѣ ноги переломятся, такъ еще третья остается“. „А я, говоритъ Трессотиниусъ, до послѣдней капли чернилъ свое твердо защищать буду“⁽¹⁾. Такія уродливыя сцены хотя и могутъ смѣшить необразованныхъ людей, но едва ли могутъ достигать указанной цѣли комедіи: „издѣвкой править нравъ“, потому что изъ ложныхъ и неестественныхъ изображеній нельзя вывести никакихъ полезныхъ наставленій. Главное достоинство комедій Сумарокова заключается въ ихъ бойкомъ, живомъ и разнообразномъ языкѣ.

Кромѣ трагедій и комедій, Сумароковъ написалъ еще лирическую драму „Цефалъ и Прокрисъ“, балетъ „Прибѣжище добродѣтели“ и драму „Пустынникъ“. Считаая главнымъ своимъ призваніемъ драматическое поприще, онъ стремился въ тоже время проявить свою дѣятельность и въ другихъ родахъ литературы. Идеаломъ писателя въ европейскихъ литературахъ того времени былъ Вольтеръ, который писалъ во всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи и прозы и былъ писателемъ универсальнымъ. Такимъ же универсальнымъ писателемъ хотѣлъ быть и Сумароковъ. Къ этому побуждало его также и соперничество съ Ломоносовымъ, который

(1) Тамъ же, ч. V, 335; 337—338; 341—343.

въ то время одинъ только могъ оспаривать у него первенство въ русской литературѣ. Чтобы затмить литературную дѣятельность Ломоносова, Сумароковъ старался отличиться во всѣхъ тѣхъ родахъ литературы, за которые брался Ломоносовъ, и каждому роду его сочиненій старался противопоставить собственныя сочиненія. Торжественнымъ и похвальнымъ одамъ Ломоносова онъ противопоставилъ свои оды, которыхъ онъ написалъ около 80; его переложеніямъ псалмовъ свои переложенія псалмовъ; его похвальнымъ словамъ Петру В. и Елисаветѣ Петровнѣ свои похвальные слова—одно Петру В. и три Екатеринѣ II: краткому русскому лѣтописцу Ломоносова свою краткую московскую лѣтопись и исторію перваго и втораго стрѣльцаго бунта; его изслѣдованіямъ и разсужденіямъ по русскому языку—свои статьи по языку: „о правописаніи“, „о коренныхъ словахъ русскаго языка“, „о искорененіи чужихъ словъ изъ русскаго языка“, „пстолкованіе личныхъ мѣстоименій“, замѣчательное, по словамъ Вяземскаго, тѣмъ, что въ немъ можно видѣть идею „Придворной грамматики“ Фонъ-Визина. Кромѣ того, Сумароковъ написалъ множество идиллій и эклогъ, по подражанію европейской, пастушеской поэзіи, множество стансовъ, сонетовъ, мадригаловъ, эниграммъ, эпиграммъ и разныхъ мелкихъ стихотвореній: но всѣ эти сочиненія не имѣютъ никакого художественнаго значенія и нисколько не интересны. Настоящій талантъ у Сумарокова былъ сатирическій, и потому лучше многихъ другихъ сочиненій являются его сатиры и нѣкоторыя басни и притчи. Эти сочиненія, какъ прямо и непосредственно отражающія и личный характеръ самого Сумарокова и характеръ нравовъ современнаго русскаго общества, вышли и сами характернѣе и содержательнѣе многихъ другихъ сочиненій Сумарокова.

Сатиры Сумарокова. По формѣ сатиры Сумарокова, какъ и сатиры Кантемира, составляютъ подражаніе французской сатиры Буало, но онѣ самостоятельнѣе сатиръ Кантемира. Хотя въ нихъ изображаются большею частію тѣ же пороки и недостатки русскаго общества, какъ и въ сатирахъ Кантемира, но изображеніе этихъ недостатковъ вышло у Сумарокова гораздо полнѣе, живѣе и разнообразнѣе, чѣмъ у Кантемира. Вообще сатиры Сумарокова содержатъ въ себѣ множество яркихъ красокъ современной жизни. Лучшими сатирами надобно признать слѣдующія: „Хоръ къ превратному свѣту“, „Кривой толкъ“, „О благородствѣ“, „Наставленіе сыну“, сатиры на подьячихъ и на подражаніе иностранцамъ.—„Хоръ къ превратному свѣту“ представляетъ сатиру на современное русское общество чрезъ противоположеніе его такому обществу, какимъ оно должно быть по идеѣ.

«Прилетала на берегъ синица,
 Изъ за полночнова моря,
 Изъ за холодна океана.
 Спрашивали гостейку прїѣзжу,
 За моремъ какіе обряды.
 Гости прїѣзка отвѣчала:
 Все тамъ превратно на свѣтѣ.
 За моремъ Сократы добренравны,
 Каковыхъ и здѣсь мы видаемъ:
 Никогда не суетѣрятъ,
 Не ханжаты, не лицемѣрятъ.
 Воеводы за моремъ правдивы;
 Дьякъ тамъ пугами не ѣздитъ,
 Дьячихи алмазовъ не носятъ,
 Дьячата гостинцовъ не просятъ.
 За носъ тамъ писцы судей не водятъ.

Со крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ,
 Деревень на карты тамъ не ставятъ;
 За моремъ людьми не торгуютъ.

Сильные безсильныхъ тамъ не даютъ,
 Предъ большихъ бояръ лампадъ не ставятъ.
 Всѣ дворянски дѣти тамъ во школахъ:
 Ихъ отцы и сами учились:
 Учатся за моремъ и дѣвки;
 За моремъ тово не болтаютъ:
 Дѣвушка-де разума не надо,
 Надобно ей личико да юбка,
 Надобны румяны да бѣлилы.
 Тамъ языкъ отцовскій не въ презрѣннѣ;
 Только въ презрѣннѣ тѣ невѣжи,
 Кои свой языкъ уничтожаютъ,
 Кои долго странствуя по свѣту,
 Чужестраннымъ воздухомъ не кстати
 Головы пустыя набивая,
 Пузыри надутые вывозятъ.
 Вздору тамъ ораторы не мелютъ;
 Стихотворцы вирши не кропаютъ;
 Мысли у писателей тамъ ясны,
 Рѣчи у слагателей согласны:
 За моремъ невѣжа не пишетъ,
 Критика злобой не дышетъ»⁽¹⁾.

„Наставленіе сыну“—сатира на порочную жизнь свѣтскаго

⁽¹⁾ Тамъ же, ч. VIII, стр. 359—361.

общества. Въ ней отецъ дастъ сыну слѣдующія правила, которыя нужно выполнять для того, чтобы имѣть успѣхъ въ свѣтѣ:

«Богатыхъ почитай, чтобъ съ нихъ имѣти дань.
Случайныхъ похвалить, ихъ въся, не устань!
Великимъ господамъ ты, ползая, покорствуй!
Со всеми ты людьми будь скромнѣе и притворствуй!
Коль сильный господинъ бранить ково,
И ты, съ бояриномъ, брани его!
Хвали ты тѣхъ, кого бояря похваляютъ,
И умалай, они которыхъ умалаютъ.

И помни, свѣтъ каковъ:
Въ немъ мало мудрости и много дураковъ.
Довольствуй ихъ всегда пустыми ты мѣстами;
Чти сердцемъ ты себя, другихъ ты чти устами!

Давай и взятки самъ, и самъ опять бери.
Коль нѣтъ свидѣтелей, воруй, плутуй, сколько можно,
А при свидѣтеляхъ бездѣльствуй осторожно.
Добро другихъ людей во худо претвори
И ни о комъ добра другомъ не говори» (1).

Въ сатирѣ „Привой толкъ“, заимствованной изъ одной сатиры Буало, представлены типы льстеца, глупца и невѣжды. О льстецѣ сказано:

«Коль нужда въ комарѣ, зоветъ его слономъ,
Когда къ боярину придетъ съ поклономъ въ домъ,
Сертитъ предъ мухою боярской безъ препонъ,
И отъ жены своей ей дѣлаетъ поклоны.

Невѣжда говоритъ: я помню, чей я внукъ;
По дѣдовски живу, не надобно наукъ;
Пускай убытчатся, уча рабятюкъ, моты,
Мой мальчишкѣ не ученъ, а въ тѣжъ пойдетъ ворота.
На прикладъ: о звѣздахъ потребны ль вѣсти мнѣ,
Иль знать, Брусалимъ въ которой сторонѣ,
Иль съ кѣмъ Темираксакъ имѣлъ войны кровавы?
На что мнѣ, чтобы знать чужихъ народовъ правы,
Или вперятися въ чужія языки?
Какъ будто безъ того ужъ мы и дураки.

..... Какъ можетъ быть извѣстно,

---

(1) Тамъ же, ч. VII. 369—373.

Живущимъ на земли, строеніе небесно?
Кто можетъ то сказать, что на небѣ бывалъ?
До солнца и соколъ еще не долеталъ»⁽¹⁾.

Сатира „О благородствѣ“ по содержанію своему сходна со 2-й сатирой Кантемира. Она направлена противъ тѣхъ дворянъ, которые своими дѣлами не оправдываютъ своего дворянскаго происхождения, что и выражено въ самомъ началѣ сатиры:

«Сію сатиру вамъ, дворяня, приношу!
Ко членамъ первымъ я отечества пишу.
Дворяня безъ меня свой долгъ довольно знаютъ;
Но многія одно дворянство вспоминаютъ,
Не помня, что отъ бабъ рожденнымъ и отъ дамъ,
Безъ исключенія всѣмъ праотецъ Адамъ.
На то-ль дворяня мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Какое барина различье съ мужикомъ,
И тотъ, и тотъ земли одушевленный комъ.
И есть-ли не ясный умъ барскій мужикова,
Такъ я различія не вижу никакова.
Мужикъ и пьетъ и ѣстъ, родился и умретъ,
Господскій также сынъ, хотя и слаще жретъ,
И благородіе свое не рѣдко славить,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ.
Ахъ! Должно ли людьми скотинѣ обладать?

Затѣмъ указывается, какъ древніе и новые знаменитые люди заботились объ образованіи.

•Периклъ, Алквивіадъ наукой не гнушались,
Начальники ихъ войскъ наукой украшались.
Великій Александръ и ея былъ великъ,
Науку храбрый чтитъ вѣнчаннй Фридерикъ.
Петромъ она у насъ Петрополь улаждаетъ,
Екатерина вновь науку насаждаетъ»⁽²⁾.

Особенно сильно и часто, или лучше сказать постоянно, Сумароковъ нападалъ на взяточничество и подьячихъ. Лучшія сатиры на нихъ: „Жалоба утѣсенной Истины Юпитеру“, „Письмо о нѣкоторой заразительной болѣзни“, гдѣ говорится о происхожденіи акциденціи, или взятокъ; „О копистахъ“, „О почтеніи къ приказному роду“ и „О худыхъ судьяхъ“. Въ первой сатирѣ „Жалоба утѣсенной Истины Юпитеру“ рассказывается, что „Утѣс-

(1) Тамъ же, стр. 352—355.—(2) Тамъ же, стр. 356—358.

ненная Истина пришла однажды къ Юпитеру, и жалуюсь на подьячихъ, которые берутъ взятки, просила истребить ихъ. Юпитеръ сначала не соглашался, указывая на то, сколько, послѣ истребленія подьячихъ, останется вдовъ и сиротъ, сколько прибудетъ нищихъ, ходящихъ по міру: но, уступая неотступнымъ просьбамъ Истины, наконецъ согласился только однажды ударить громомъ на подьячихъ и сказалъ ей, что, избѣгая нареканія, онъ въ другой разъ этого не сдѣлаетъ: „беззаконники за строгость тебя и меня поносятъ, и ежели по большинству голосовъ насъ обвинять станутъ, такъ мы отъ поношенія не убѣжимъ. Почтенна ты на свѣтѣ; но политика тебя еще почтеннѣе; безъ тебя на свѣтѣ обойтись удобно, а безъ нея никакъ не возможно“. Ударилъ громомъ Юпитеръ — повалилися подьячіе и запѣли жены ихъ обыкновенную пригробную пѣсню. Народное рукоплесканіе громче Юпитерова удара было. Обрадовалася Истина; но въ какое смятеніе пришла она, когда увидѣла, что самые главные злодѣи изъ приказныхъ служителей остались цѣлы. Что ты сдѣлалъ, о Юпитеръ! главныхъ ты пощадилъ грабителей, вскричала она. И когда она на нихъ указывала, Юпитеръ извинялся невѣдѣніемъ и говорилъ ей: кто могъ подумать, что это подьячіе: я сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей почелъ изъ знатнѣйшихъ людьми родовъ. Ахъ, говорила она, отцы сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей ходили въ чирикахъ (въ котахъ), дѣды въ лаптяхъ, а прадѣды босикомъ“ (1). Въ сатирѣ „О хулыхъ судьяхъ“ Сумароковъ представляетъ взяточниковъ безчестнѣе и виновнѣе всѣхъ воровъ и бездѣльниковъ.

«О взяткахъ такъ иной стремится бредни плести:

Присягу рушу ль я, когда дають за честь?

За честь! и подлинно ты далъ ее въ продажѣ,

Я взяткамъ предпочту бездѣльникову кражу:

Ему не ввѣрило отечество суда,

И честныхъ онъ людей не судитъ никогда.

Воръ краденыхъ коней въ телѣгу не впряжетъ;

Поймають и его и лошадь, коль заржетъ

А ты и въ тѣ мѣста на кражѣ пріѣзжаешь,

Гдѣ множество судя людей распоряжаешь.

Легко ли видѣти мнѣ хищныхъ сихъ звѣрей,

Съ приданнымъ краденымъ, богатыхъ дочерей,

А тѣ, которыя бездѣльство ихъ поносятъ,

У нихъ же ластятся и милостины просятъ» (2).

(1) Сочин. ч. VI, 373—374.—(2) Тамъ же, ч. VII, 362.

Средствами для искорененія взяточничества, ябеды и всякаго рода обидъ и несправедливостей въ судахъ, Сумароковъ считалъ образованіе приказныхъ и изданіе полнаго по возможности собранія законовъ. „Невѣжество, говоритъ онъ въ Словѣ Екаторпѣ II, есть источникъ неправды: бездѣльство полагаетъ основаніе храма его; безумство создаетъ оный; непросвѣщенная сила, а иногда и смѣшанная со пристрастіемъ, укрѣпляетъ оный. Разруши, государыня, разруши стѣны храма сего, повергни столпы его и разори основаніе! Создади великолѣпный храмъ ненарушаемаго правосудія; но прежде того, повели собрать потребныя ко знанію вещи и основати училища готовящимся исправить и наблюдать предпріятыя премудростію твоею законы! Повели предъ писцами разогнута книгу естественныя грамматики, начало нашего предъ прочими животными преимущества, которыя многіе наши писцы и по имени не знаютъ! Повели имъ научиться изображати дѣла ясно, мыслить обстоятельно и порядочно, дабы знало общество, что написано; ибо безъ того и тѣ могутъ противузаконствовать, которые монаршу волю всею силою исполнять устремляются, не понимая того, чего сами писцы путаяся, хромая и на всякой строкѣ спотыкаяся, по многословномъ коллобродствѣ своемъ не понимали, читавъ сочиненія свои предъ судіями тѣмъ образомъ, которымъ дячки предъ Богомъ псалтырь читаютъ, во скороспѣшномъ бѣгѣ цѣлыя рѣчи проглатывая.... Вотъ отъ чего иногда грѣшатъ и честные въ судіяхъ люди, подъячіе надежно грабятъ, невинные страдаютъ, а бездѣльники торжествуютъ.... Я какъ сынъ и членъ отечества не того по разсудку моему желаю, чтобы древніе законы испровержены, а новыя установлены были, но чтобы они при случаяхъ исправляемы были. На что нѣтъ закона, или не обстоятеленъ законъ, или не ясенъ, на то бы законъ сочинился, исправился и изъяснился. Подался случай къ рѣшенію дѣла, нежели нѣтъ обиженному по закону совершеннаго удовольствія, да удовольствуется обиженный и да исправится законъ“ (1).

Будучи поклонникомъ французской литературы, Сумароковъ въ тоже время былъ патріотомъ, заботился о русскомъ образованіи и сильно возставалъ противъ неразумнаго подражанія всему иностранному. Въ запискахъ Порошина о немъ замѣчено: „Еще примолвилъ А. П. есть-де нѣкто г. Таубертъ; онъ смѣется Бецкому, что робятъ воспитываетъ на французскомъ языкѣ. Бецкій смѣется Тауберту, что онъ робятъ въ училищѣ, которое заведено недавно въ Академіи, воспитываетъ на языкѣ нѣмецкомъ. А мнѣ кажется, продолжалъ А. П., и Бецкій и Таубертъ оба дураки;

(1) Сочин. ч. II, стр. 235—237.

дѣтей въ Россіи должно воспитывать на руссiйскомъ языкѣ“. На тоже неразумное пристрастіе къ французскому языку и ко всему иностранному Сумароковъ нападаетъ въ сатирѣ „О французскомъ языкѣ“.

«Врощенъ дитя твоё и сталъ уже дѣтина:
Учился, наученъ, учился, сталъ скотина.
Къ чему, что твой сынѣкъ чужой языкъ постигъ,
Когда себѣ плода не собралъ онъ со книгъ?
Болтать и поугай, сорока, дроздъ умѣютъ.
Но больше ничего они не разумѣютъ.
.
.
.
И есть родители, желающіи тово,
По русски бѣ дѣти ихъ не знали ничего.
Французски авторы почтенье заслужили,
Честъ вѣку принеся, они въ которомъ жили.
Языкъ ихъ вычищенъ: но всякъ ли Мольеръ
Между французами, и всякъ ли въ нихъ Вольтеръ?
Во всѣхъ земляхъ умы великіе роятся.
А глупости всегда жь и болѣе плодятся.
И мода странъ чужихъ Россіи не законъ:
Мнѣ мнится, все равно, присядка и поклонъ.
Объ этомъ инако Екатерина мыслить:
Обрядъ хорошій намъ она хорошимъ числить;
Стремится насъ она наукой озарить,
А не въ французовъ насъ не кстати претворить.
.
.
.
Не въ формѣ истина на свѣтѣ состоитъ;
Насъ красить вещество, а не по модѣ видъ:
По модѣ ткуть тафты, парчи, обои, штофы;
Однако люди тѣ—ткачи, не философы:
А истина нигдѣ еще не знала модъ:
Имъ слѣпо слѣдуетъ безумный лишь народъ...
.
.
.
Языки чужды намъ потребны для тово,
Чтобъ мы читали въ нихъ, на русскомъ вѣтъ чево» (1).

Къ тому же роду сочиненій относятся двѣ статьи Сумарокова, подъ заглавіемъ: „Сонъ“. Въ нихъ выражается жалоба на притѣсненія, дѣлаемые иностранцами русскимъ писателямъ и русской литературѣ. „Вторично, говорится во второй изъ этихъ статей, пригрѣзлася мнѣ Мельпомена, и объявила мнѣ, что она чело- битную на иноплемениковъ, утѣсняющихъ руссiйскихъ музъ, подала“. Въ этой челобитной было изображено слѣдующее. „Вели-

(1) Сочин. ч. VII, стр. 364—365.

кая и премудрая богиня! Бьетъ тебѣ челомъ российская Мельпомена и всѣ съ нею российскія музы, о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты: 1) Призвавъ мы на российской Парнассѣ отцомъ твоимъ, великимъ Юпитеромъ, ради просвѣщенія сыновъ российскихъ и отъ того времени просвѣщаемъ мы россиянъ по крайней нашей возможности. 2) Прекрасный и всѣхъ европейскихъ языковъ ко исполненію нашей должности способѣйшій языкъ российский, отъ иноплеменныхъ нарѣчій и отъ иноплеменническаго склада, часъ отъ часу въ худшее приходитъ состояніе, а они о томъ только некутся, чтобъ мы, российскія музы, въ нашемъ искусствѣ никакого не имѣли успѣха, чтобъ они учеными, а сыны российскіе повѣжами почитались. 3) Властвуя они здѣшнимъ Парнассомъ, попомоществуемы иноплеменниками, ханова колѣна, храмъ мой оскверняютъ, и весь Парнассъ российский въ крайнее приволятъ замѣшательство, и, оставивъ парнассія дѣла, пишутъ только справки и выписки, въ которыхъ на Парнассѣ ни малѣйшія нѣтъ нужды, и что парнаССкому уставу совѣмъ противно... 4) Российскимъ авторамъ дѣлаютъ иноплеменники всякое прѣпятствіе: за и работы своей авторамъ издавати едва возможно: ибо печатаніе книгъ по предложенію и по основанію (?) недоброжелательныхъ иноплеменниковъ, несносно дорого. А учинено оное ради того, чтобы въ Россіи авторовъ было меньше, и чтобы россияне въ чужія вперялись языки, а свой бы позабывали, и не зная красоты онаго, имъ бы гнушались, какъ имъ отъ ненависти они гнушаются, что отчасти нѣкоторые безмозглыя головы уже и дѣлаютъ. 5) О заведеніи ученаго во словесныхъ наукахъ собранія, въ которомъ бы старались искусные писатели о чистотѣ российского языка и о возрожденіи российского краснорѣчія, иноплеменники, наблюдая собственное прибыточество и вражду къ российскому ПарнаССу, никогда и не думывали, хотя такія собранія необходимо нужны: ибо безъ того науки ни въ которомъ государствѣ совершеннаго процвѣтанія не имѣли и имѣть не могутъ. Да и подъ игомъ иноплеменниковъ науки успѣховъ имѣти не могутъ. И нигдѣ посреди своего отечества писатели отъ иноплеменниковъ не завѣсятъ, не только отъ иноплеменниковъ невѣжлъ: также и храмы музъ состоятъ подъ надзираніемъ сыновъ отечества. 6) Властвованіе иноплеменниковъ и храмомъ моимъ и всѣмъ российскимъ ПарнаССомъ, къ неудобноному нашему утѣсненію и къ непомѣрному нашему стыду, приводитъ насъ во крайнее отчаяніе. И дабы повелѣно было сіе мое прошеніе принять и насъ отъ ига иноплеменниковъ освободить.... Ноября 14 дня, 1760 года. Къ полаганію надлежитъ российской Палладѣ⁽¹⁾. Чтобы объяснить происхожденіе и самый

(¹) Сочин. Ч. IX, стр. 316—319.

характеръ этой „Челобитной“ Сумарокова, надобно имѣть въ виду его постоянныя непріязненныя столкновенія съ графомъ Сиверсомъ и его канцеляріей по управленію театромъ, и съ Академіей наукъ, или вѣрнѣе съ академической типографіей, гдѣ печатались сочиненія Сумарокова. Въ сохранившихся до насъ письмахъ Сумарокова къ Шувалову также часто встрѣчаются его жалобы и на чиновниковъ графа Сиверса и на академическую типографію, что она задерживаетъ печатаніе его сочиненій, да и беретъ за печатаніе очень дорого.

Кромѣ такихъ произведеній, которыя имѣютъ форму сатиры, есть у Сумарокова много разныхъ статей, въ которыхъ также выражается его сатирическій взглядъ на жизнь, или такъ называемая критика нравовъ. Такъ въ статьѣ „О домостроительствѣ“ онъ изображаетъ дурныхъ помѣщиковъ, которые, заботясь только о своихъ выгодахъ, разоряютъ своихъ крестьянъ и жестоко обходятся съ ними. „Домостроительство, говоритъ онъ, состоитъ въ приумноженіи изобилія... дабы тѣмъ обогащалось государство.... Почему жъ называютъ тѣхъ жадныхъ помѣщиковъ экономами, которые или на свое великолѣпіе, или на заточеніе злата и серебра въ сундуки, здраютъ со крестьянъ своихъ кожи, и коихъ мануфактуры и прочіе вымыслы крестьянъ отягощаютъ и все время у нихъ на себя отъемлютъ, учиняя ихъ повинными каторжниками, кормя и поя какъ водовозныхъ лошадей, противу права и моральнаго и политическаго, единственно ради своего излішняго изобилія, раздражая и Божество и человѣчество.... Помѣщикъ, обогащающійся непомѣрными трудами своихъ подданныхъ, суетно возносится почтеннымъ именемъ домостроителя и долженъ онъ названъ быть доморазорителемъ. Такой извергъ природы—невѣжа во естественной исторіи и во всѣхъ наукахъ, тварь безграмотная, заставляющій постигаться крестьянъ своихъ ради наполненія сундуковъ своихъ, разрушающій блаженство ввѣренныхъ ему людей, стократно вреднее разбойника отечеству. Увеселяюсь ли я тогда, имѣя доброе сердце и чистую совѣсть, когда мнѣ такой извергъ показываетъ сады свои, оранжереи, лошадей, скотину, птицъ, рыбныя ловли, рукодѣлія и проч? но я съ такими домостроителями не схожуся и пищи, орошенныя слезами, не вкушаю. Много оставить онъ дѣтямъ своимъ: но и у крестьянъ ево есть дѣти... Блаженство деревни не во единомъ изобиліи помѣщика состоитъ, но въ общемъ. Ежели помѣщикъ почитаетъ себя головою своихъ подданныхъ, такъ сохраняя голову, сохранять и мизинецъ; ибо голова тѣла и мизинцу состраждетъ. Но таковыя гнусныя домостроители не почитаютъ себя головою своей деревни и не отличаютъ крестьянъ отъ лошадей: на лошади такой человѣкъ ѣздя, питаетъ ее ради того только, чтобы она

ево возила: людей онъ содержитъ на кормѣ, единственно только ради работы, не памятуя того, что и крестьянинъ не ради единого помѣщика отъ Бога созданъ“ (1).—Въ тѣсной связи съ этой статьей, по главной мысли, находится статья „О безбожїи и безчеловѣчїи“. „Человѣкъ, не познавающій Бога, говоритъ Сумароковъ, не познаваетъ истины и не можетъ ни малѣйшія въ сердцѣ своемъ имѣти добродѣтели и презрѣнія достойна. Человѣкъ познавающій Бога и противу совѣсти изгоняющій добродѣтель изъ сердца своего, достоинъ еще большаго презрѣнія. Безбожіе гадко, а безчеловѣчіе еще гадче. То происходитъ отъ ослѣпленнаго разума, а сіе отъ ожесточеннаго сердца. Тотъ нѣкотораго достоинъ сожалѣнія, а сей ни малѣйшаго. Безбожные вредоносны роду человѣческому, а безчеловѣчные пагубоносны ему“ (2). Но всего ближе къ сатирическимъ и правонадписательнымъ сочиненіямъ подходятъ 6 книгъ басенъ и притчей Сумарокова. Многія басни не имѣютъ ничего общаго съ настоящими баснями ни по формѣ, ни по содержанію, а скорѣе представляютъ легкія насмѣшки, или маленькія сатиры на тѣ же пороки и недостатки, какъ и въ указанныхъ выше настоящихъ сатирахъ. Разсказъ въ этихъ басняхъ и притчахъ не отличается замысловатостію, но за то проводимыя въ нихъ идеи и нравственныя правила выражены съ такою силою и мѣткостію, что многія изъ нихъ перешли въ жизнь и стали употребляться какъ пословицы. Къ сожалѣнію, Сумарокову не доставало самообладанія и спокойнаго тона, какимъ долженъ отличаться истинный сатирикъ: его сатира часто походитъ на памфлетъ.

Сумароковъ, какъ издатель литературнаго журнала и какъ первый критикъ. До 1759 г. Сумароковъ помѣщалъ свои сочиненія большею частію въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ Миллера; въ этомъ же году онъ началъ издавать свой ежемѣсячный литературный журналъ „Трудолюбивую Пчелу“. Образцемъ при изданіи этого журнала служили для Сумарокова англійскіе правоучительные журналы Стиля и Алиссона. Изъ этихъ журналовъ иногда и переводились или передѣлывались и статьи для Трудолюбивой Пчелы. Но сотрудниковъ при изданіи у Сумарокова было не много—Козицкій, Мотонисъ, Полетика, Тредьяковский: да и они помогали плохо, такъ что Сумароковъ часто одинъ былъ и издателемъ и писателемъ. Въ майской книжкѣ „Трудолюбивой Пчелы“ было приложено такое примѣчаніе: „Весь сей мѣсяцъ сочиненія Александра Сумарокова“. Съ другой стороны, у Сума-

(1) Сочин. ч. X, стр. 158—162.—(2) Тамъ же, стр. 134—135.

рокова не было достаточно и денежных средств на издание журнала. Поэтому Трудюлюбивая Пчела издавалась только одинъ годъ.

Съ журнальною дѣятельностію Сумарокова соединяется его критическая дѣятельность. Сумарокова обыкновенно считаютъ первымъ по времени критикомъ въ новой русской литературѣ. Согласно съ этимъ и самая критика его представляетъ самую первоначальную ступень въ этой области: она имѣетъ еще чисто внѣшній, стилистическій характеръ т. е. направлена противъ недостатковъ правописанія, языка и слога сочиненій. Руководствомъ при критикѣ для Сумарокова, какъ и для другихъ писателей того времени, служили поэмы Горация и Буало. Подражая имъ, Сумароковъ и самъ написалъ „Эпистолу о русскомъ языкѣ“ и „Эпистолу о стихотворствѣ“, въ которыхъ изложилъ правила литературнаго языка и слога. Вотъ правила, изложенныя въ Эпистолѣ о русскомъ языкѣ:

«Для общихъ благъ мы то передъ скотомъ имѣемъ,
Что лучше, какъ они, другъ друга разумѣемъ,
И помощью словъ пространна языка.
Все можемъ изъяснить, какъ мысль ни глубока...

Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ,
Но нѣтъ довольнаго числа на немъ писцовъ.
Одинъ (1), послѣдую несвойственному складу,
Влечетъ въ Германію россійскую Палладу,
И мня, что тѣмъ онъ ей пріятства придаетъ,
Природну красоту съ лица ея беретъ.
Другой (2), не выучась такъ грамотѣ, какъ должно,
По русски, думаетъ, всего сказать не можно,
И взявъ пригоршни словъ чужихъ, сплетаетъ рѣчь,
Языкомъ собственнымъ, достойну только сжечь;
Иль слово въ слово онъ въ слогъ русскій переводитъ,
Которо на себя въ обновѣ не походитъ.

Кто пишетъ, долженъ мысль прочесть напередъ
И прежде самому себѣ подать въ томъ свѣтъ.

Нѣтъ тайны никакой безумственно писать.
Искусство, чтобъ свой слогъ исправно предлагать,
Чтобъ мнѣніе творца воображалось ясно,
И рѣчи бы текли свободно и согласно.
Письмо, что грамоткой простой народъ зоветъ,

(1) Разумѣется Ломоносовъ. — (2) Разумѣется Тредьяковскій.

Съ отсутствующими обычно рѣчь ведеть.
 Быть должно безъ затѣи и кратко сочиненно,
 Какъ просто говоримъ, такъ просто изъяснено.
 Но кто не наученъ исправно говорить.
 Тому не безъ труда и грамотку сложить.
 Слова, которыя предъ обществомъ бывають,
 Хотъ ихъ перомъ, хотъ языкомъ предлагають.
 Гораздо должны быть кивныя сложенны.
 И риторски бѣ красы въ нихъ были включены.
 Которыя въ простыхъ словахъ хотъ не обычны.
 Но къ важности рѣчей потребны и приличны.
 Для изъясненія разсудка и страстей,
 Чтобъ тѣмъ входить въ сердца и привлекать людей.
 Посемъ скажу, какой похваленъ переводъ.
 Имѣть въ слогѣ всякъ различіе народъ:
 Что очень хорошо на языкѣ французскомъ.
 То можетъ въ точности быть скаредно на русскомъ.
 Не мни, переводя, что складъ въ творцѣ готовъ:
 Творецъ даруетъ мысль, но не даруетъ словъ.
 Въ сопряженіе рѣчей его ты не вдавайся
 И свойственно себѣ словами украшайся» (1).

Въ Эпистолѣ о стихотворствѣ Сумароковъ говоритъ:

«Нельзя, чтобъ тотъ себя писемомъ своимъ прославилъ,
 Кто грамматическихъ не знаетъ свойствъ и правилъ,
 И правильно письма не смыслю сочинить,
 Захочетъ вдругъ творцемъ и стихотворцемъ быть.
 Онъ только лишь слова на рѣмю прибираетъ,
 Но сплетенный вздоръ стихами называетъ.
 Стихи слагать не такъ легко, какъ многимъ мнится,
 Незнающій одной и рѣмой утомится.
 Не должно, чтобъ она въ плѣнъ нашу мысль брала,
 Но чтобы нашею невольницей была.
 Не надобно за ней безъ памяти гоняться;
 Она должна сама намъ въ разумѣ встрѣчаться,
 И ксати приходивъ, ложиться, гдѣ велятъ;
 Невольные стихи чтеца не веселятъ,
 Но оное не плодъ единныя охоты,
 Но прилежанія и тяжкія работы.
 Однако тщетно все, когда искусства нѣтъ,
 Хотя творецъ, трудясь, струями потъ прольетъ.
 . . . . .
 Когда искусства нѣтъ, иль ты не тѣмъ рожденъ,
 Не строенъ будетъ гласъ, и слогъ твой принужденъ.

---

(1) Сочин. изд. 1787 г.; ч. 1 стр. 331—335.

А если естество тебя тѣмъ одарило,
Старайся, чтобъ сей даръ искусство украсило;
Знай въ стихотворствѣ ты различіе родовъ,
И что начнешь, ищи къ тому приличныхъ словъ,
Не раздражая Музъ худымъ своимъ усѣхомъ:
Слезамъ Талію, а Мельпомену смѣхомъ».

Далѣе указываются свойства, какими должны отличаться разные поэтическія произведенія. Въ частности интересны замѣчанія о комедіи и сатирѣ.

«Свойство комедіи—издѣвкой править нравъ:
Смѣшить и пользоваться—прямой ея уставъ.
Представь бездушнкова подъячева въ приказѣ,
Судью, что не пойметъ, что писано въ указѣ;
Представь мнѣ щеголя, что тѣмъ взымаетъ носъ,
Что цѣлый мыслить вѣкъ о красотѣ волосъ...

Представь латынника на диспутѣ ево,
Который не совретъ безъ Ерго ничего.
Представь мнѣ гордова, раздута какъ лягушку,
Скупова, что готовъ въ удавку за полушку...

Въ сатирахъ должны мы пороки оуждать,
Безумство нынѣшное въ смѣшное превращать.
Страстямъ и дурастямъ, играючи ругаться.
Чтобъ та игра могла на мысли оставаться,
И чтобы въ страстные сердца она втекла:
Сіе намъ зеркало сто разъ нужнѣй стекла» (1).

Эти правила литературнаго языка и слога Сумароковъ приложилъ преимущественно къ критикѣ сочиненій Тредьяковскаго и Ломоносова въ своихъ статьяхъ: „О правописаніи“ и „О стопосложеніи“. Виновниками всѣхъ неправильностей въ русскомъ правописаніи Сумароковъ считалъ преимущественно Тредьяковскаго и Ломоносова. „Г. Тредьяковский и Ломоносовъ и многія и другія, говоритъ онъ, отходя отъ древняго употребленія, довольно и складъ нашъ и правописаніе портятъ: и нынѣ ежедневно портятъ, не меньше, какъ безграмотныя приказныя писцы: сіи отъ незнанія, тѣ отъ умствованія, не имѣя о складахъ языковъ разумнаго понятія“. Грамматика Ломоносова, по мнѣнію Сумарокова, только портитъ нашъ языкъ. „Грамматика г. Ломоносова никакимъ ученымъ собраніемъ не утверждена, и по причинѣ, что онъ московское нарѣчіе въ колмогорское превратилъ, вошло въ нее множе-

(1) Тамъ же, стр. 336—348.

ство порчи языка". „Ежели я не опорочу грамматики Ломоносова, такъ я о нечистотѣ нашего стопосложенія и ничего истолковать не могу: ибо главныя пороки онаго отъ того и произошли, что г. Ломоносовъ самъ не зналъ, не будучи ни граматистомъ, ни знающимъ чистоту московскаго произношенія, и отъ того наше стопосложеніе стало столь безобразно". „Вся слава стихотворенія г. Ломоносова въ однихъ его одахъ состоитъ, а протчія его стихотворныя сочиненія и посредственнаго въ немъ нѣтъ не показываютъ. Подражайте авторы красотѣ сего почтеннаго мужа въ красотѣ его лиричества, и, презирая протчія нѣтъныя его сочиненія, не повинуйтесь его грамматикѣ, ища оныя во естествѣ языка, и помните, что стихи безъ чистаго стопосложенія есть трудъ легкій и самая сваренная проза" (1). Таковъ общій критическій отзывъ Сумарокова о Ломоносовѣ, какъ писателѣ. Разбирая же его сочиненія въ частности и указывая въ нихъ недостатки, онъ упрекаетъ Ломоносова за то, что онъ „возненавидѣлъ литеру і и часто ее перемѣнялъ въ литеру е, напр. вмѣсто „достойнъ—достоевъ", вмѣсто „бывшій—бывшей" и проч., чему, прибавляетъ онъ, нѣтъ многія безъ размысленія и безъ разбора, слѣдуютъ". „Равномѣрно ввелъ г. Ломоносовъ и въ другихъ нѣкоторыхъ словахъ провинціальное произношеніе, какъ напр. вмѣсто „лѣта—лѣтѣ", вмѣсто „градовъ—градѣвъ"... что г. Ломоносову, яко провинціальному уроженцу простибельно, какъ рожденному еще и не въ городѣ, и отъ поселянъ: но протчимъ, которые рождены не въ провинціяхъ и не отъ поселянъ, сіе извинено быть не можетъ"... Сумароковъ осуждаетъ русскихъ писателей за то, что они ввели слова и выраженія: „обнародовать, преслѣдовать, предметъ, поборникъ, слышу запахъ, тѣсная дружба". „Слово „поборникъ", говоритъ онъ, не то знаменуетъ, каково оно, но совсѣмъ противное: поборникъ мой по естеству своему тотъ, который меня побораеъ, а по употребленію тотъ, который за меня другова побораеъ. Сямъ образомъ вошло сіе: „слышу запахъ", хотя запахъ обонянію, а не слуху свойственъ... „Обнародовать" значить населить; „преслѣдовать"—изслѣдованное дѣло вновь изслѣдовать, или огнать ково, а не гнать; а „предметомъ" могла бы назваться „цель", а не видъ моихъ стремленій, если бы такое слово и существовало. Вошло, было, въ моду слово „тѣсная дружба" вмѣсто „великая дружба": но въ нашемъ языкѣ тѣсная дружба знаменуетъ принужденную дружбу, да и то неупотребительно". „Щотъ и мѣра степеней не имѣють, но многіе нищутъ: первѣйшій, послѣднѣйшій, главнѣйшій, краснѣйшій и проч.: такъ по сему можно говорить и писать „камень трехпуднѣйшій", „сукно шириною трехаршиннѣйшее" и проч.. Т вмѣсто Д и Д вмѣсто Т

(1) Сочин. ч. X. стр. 38; 56—57; 77.

часто становятся безъ разбора: „вотка, лотка“ вмѣсто „водка, лодка“... Какое правило приказало намъ писать прилагательныя во множественномъ Е и Я? Е въ мужескомъ выдумали также подъячій... хотя многія и мучатся надъ различіемъ родовъ, мѣшаются и гадятъ языкъ еще болѣе... Ломоносовъ и Тредьяковскій теряли корень нарѣчій. пиша: „ребята“ вмѣсто „рабята“ отъ слова „рабъ я работа“: „раззорять“, писали, а не „разорять“, „блиско“ вмѣсто „близко“ и множество такихъ словъ. — Въ статьѣ „О стопосложеніи“ Сумароковъ разбираетъ недостатки стихотворнаго языка Ломоносова и старается доказать, что Ломоносовъ, вмѣсто исправленія русскаго стопосложенія, „сво болѣе и болѣе портилъ; и ставъ порчи сея образцемъ, не хуля того и въ другихъ, чѣмъ онъ самъ былъ наполненъ, открылъ легкій путь къ стихотворенію, но путь сей на парнасскую гору не возводитъ“.... У г. Ломоносова, говоритъ Сумароковъ, во строфахъ его много еще достойнаго осталось, хотя что, или лучше сказать, хотя и все недостаточно: а у преемниковъ его иногда и запаха стихотворнаго не видно. Что г. Ломоносовъ былъ неисправный и непроторный стопослагатель, это я не пустыми словами, но неопровергаемыми доводами покажу“... Раздѣливъ строфы въ одахъ Ломоносова на прекраснѣйшія, прекрасныя, весьма хорошія, строфы изрядныя, строфы, требующія большаго исправленія, и строфы, о которыхъ, прибавляетъ онъ, я ничего не говорю, Сумароковъ указываетъ недостатки въ его стихотвореніяхъ — въ размѣрѣ, римахъ и отдѣльных словахъ. Напр. онъ говоритъ: „Шуми и веда“ не знаю почему рима; „чудится и вмѣстится“ не знаю жъ почему? „Зевса“ претворилъ г. Ломоносовъ въ „Зевеса“... „Изъ чистаго стекла мы пьемъ вино и пиво“... не одно чисто стекло, ибо серебро чисто, а стекло прозрачно. „И чиста совѣсть рветъ притворствъ гнилыхъ завѣсу“... здѣсь нѣтъ, хотя стопы и исправны, и складу, ни ладу; „въ печальнѣйшей нощи“... что это за печальнѣйшая ночь; иное бы дѣло было: „въ темнѣйшей“.... Такіе недостатки указаны въ посланіи Ломоносова къ Шувалову о пользѣ стекла. Подобнымъ же образомъ Сумароковъ разбираетъ оду Ломоносова на восшествіе на престолъ Елисаветы. „Возлюбленная тишина, блаженство сель, градовъ ограда“.... „Градовъ ограда“ сказать не можно. Можно молвить: „селенія ограда, а не ограда града“; градъ отъ того и имя свое имѣетъ, что онъ огражденъ. Я не знаю сверхъ того, что за ограда града тишина? Я думаю, что ограда града войско и оружіе, а не тишина... „На бисеръ, злато и порфиру“: съ бисеромъ и златомъ порфира весьма малое согласіе имѣетъ... „Лѣтитъ корма межъ водныхъ нѣдръ“.... лѣтитъ межъ водныхъ нѣдръ не одна корма, но весь корабль... „Молчите пламенные звуки“... Пламенныхъ

звукѣ нѣтъ, а есть звуки, которые съ пламенемъ бывають... „И грому трубъ ея мѣшаетъ плачевный побѣжденныхъ стонъ“! трубный гласъ не гремитъ, гремятъ барабаны: а елики позволено сказать вмѣсто трубнаго гласа трубный громъ, такъ можно сказать и громъ скрипицы, и громъ флейты. „Сравнившись морю широтой“: подобно по грамматическимъ правиламъ сказать: „сравнившись съ моремъ широтой“ (1). Въ этой критикѣ, хотя мелочной и чисто внѣшней, конечно, есть и справедливыя замѣчанія, но въ ней непріятно поражаетъ читателя ея нетерпимость и рѣзкость, доходящая до неприличія. Еще рѣзче отзывался Сумароковъ о другихъ современныхъ стихотворцахъ. „Мы довольны опыты имѣемъ на то, говорить онъ въ статьѣ о правописаніи, что можно сочинять стихи во всѣхъ родахъ, и ни малѣйшаго не имѣя о грамматикѣ повятія, хотя и кажется, что стихотворство и риторство болѣе другихъ наукъ нужды во граммѣ имѣють, и что они самый сильнѣйшій духъ оныя: однако нѣтъ ни портюва, ни сапожника, кто бы тому не учился: а стихотворцевъ довольно, которыя не только правилъ онаго, но и грамматки не знаютъ; ибо колько авторъ ни несмысленъ и колько сочиненіе его ни глупо, но сыщутся и читатели и похвалители онаго изъ людей, которыя еще сво не смысляныя: безумцы отъ начала міра не переволилися, и никогда не переведутся“ (2). Отъ „Собранія російской словесности“, учрежденнаго для усовершенствованія русскаго языка, онъ кромѣ вреда ничего не ожидалъ: „Сіе намѣреніе, замѣчаетъ онъ, произошло отъ усердія: но сіе усердіе языку въ пагубу превратится, ибо сіе общество состоитъ частію изъ ученыхъ, но не изъ ученыхъ во словесности, а частію изъ неученыхъ: такъ ни медникъ, ни господичъ пользы языку принести не можетъ; хотя бы медникъ тысячи людей освободилъ отъ чахотки; юристъ отъ разоренія невиннаго отвѣтника; физикъ постигъ бы первоначальныя частицы вещества, математикъ описалъ бы отстояніе дальнѣйшихъ неподвижныхъ нашему зрѣнію звѣздъ; но по словесности потребенъ Овидій, Виргилій, Гораций, а не Локкъ, Невтонъ и Бургавенъ. Частію же сіе общество изъ дворянъ состоитъ, мало свѣдущихъ о словесныхъ наукахъ: а въ экипажахъ ихъ Парнассу нѣтъ нужды, ибо на сію гору въ каретѣ никто не вѣзжалъ, а Пегасъ и въ одноколку никогда еще выпрягася не бывалъ. Опасно сіе Собраніе словесности російской нашего вѣка, а особливо ради того, что худо виляющія плесны, опираясь на цѣлое общество, и совсѣмъ ослѣпая и въ неспходную упадутъ бездну. И можно ли, почти не имѣя еще авторовъ,

(1) Тамъ же, ч. X, стр. 77, 79, 82, 88, 90.

(2) Тамъ же, стр. 20—21.

и не авторамъ сочиняти уже къ ужасной погибѣли языка лексиконъ“ (¹). Сумароковъ касался въ своихъ сочиненіяхъ и произведеній французской литературы; но его отзывы объ этихъ произведеніяхъ имѣютъ также чисто внѣшній характеръ. Какъ строфы въ одахъ Ломоносова онъ раздѣляетъ на прекраснѣйшія, прекрасныя, изрядныя, такъ и трагедіямъ Расина и Вольтера онъ изрекаетъ такіа же общія и голословныя похвалы. Въ статьѣ: „Мнѣніе во сновидѣніи о французскихъ трагедіяхъ“ онъ говоритъ о Меропѣ Вольтера: „Первое явленіе изобразило уже совершенно Софокла Франціи; второе прекрасно; третье несравненно. Послѣднее явленіе есть нѣкоторымъ образомъ прологъ трагедіи и весьма искусно вмѣщено въ концѣ дѣйствія. Первое явленіе второго дѣйствія прекрасно; второе явленіе всякую похвалу превосходитъ“. Такіе же голословные отзывы онъ дѣлаетъ здѣсь объ Ифигеніи Расина: „Начало трагедіи прекрасно. Стихи великаго вкуса. Прологъ весь есть дѣло, достойное Расина. Второе явленіе прекрасно. Третіе прекрасно. Пятое явленіе достойно своего автора. Второго дѣйствія первое явленіе меня не трогало... Второе явленіе хорошо, но все сіе дѣйствіе почти не трогало моего сердца... Четвертаго дѣйствія первое явленіе не стоитъ моего примѣчанія“ и т. д. О Федрѣ Расина Сумароковъ говоритъ: „Въ первомъ явленіи уже явился великій и преславный стихотворецъ. Второе явленіе очистило искуснѣйшимъ образомъ Федрѣ театръ. Въ третьемъ явленіи, подражая Еврипиду, превзошелъ онъ Еврипида“ и проч. (²).

Въ слогѣ выражается характеръ писателя; въ сочиненіяхъ Сумарокова выразился его характеръ. Поэтому, чтобы правильно судить о сочиненіяхъ Сумарокова, надобно имѣть въ виду его характеръ. Основными чертами въ характерѣ Сумарокова были непомерное самолюбіе и тщеславіе. Они были причиною какъ его славы въ литературѣ и возвышенія въ обществѣ, такъ и тѣхъ несчастій и страданій, которыя ему привелось испытать въ жизни. Самолюбіе побуждало его искать славы первокласснаго писателя и заботиться объ успѣхахъ въ литературѣ; но самолюбіе же и тщеславіе постоянно вводили его въ самыя тяжелыя столкновенія съ разными людьми, приобрѣтали ему множество враговъ и довели его до озлобленія. Избалованный общимъ вниманіемъ на первыхъ порахъ литературной дѣятельности, онъ такъ высоко началъ цѣнить свой талантъ и свои заслуги въ литературѣ, что не хотѣлъ признавать никого выше себя, и, встрѣтивъ соперника себѣ въ Ломоносовѣ, старался унижить его своими критиче-

(¹) Тамъ же, стр. 59—60.

(²) Сочин. Ч. IV, стр. 327—356.

скими разборами его сочиненій. Оправдываясь отъ обвиненія, будто онъ въ своихъ сочиненіяхъ пишетъ пасквили, онъ говоритъ: „Шествуя по стопамъ Горация, Ювенала, Деппе (Буало) и Вольтера, имѣлъ ли я нужду въ пасквилахъ? Сатира и комедія лучше бы мнѣ праведное учинили отмщеніе къ пользѣ публики, нежели пасквиль. Можетъ ли человѣкъ, снабженный оружіемъ, ухватиться, во время защиты, за заржавленное шило, а знатный стихотворецъ, вмѣсто сатиры и комедій, за пасквиль“? О своемъ значеніи въ русской литературѣ онъ замѣчаетъ: „Если бы Ломоносовъ не разстроивался со мною, не въ такомъ бы состояніи видѣли мы руссійское краснорѣчіе, увядающее день отъ дня и грозящее увянуть на долго. Я ему еще подпора“. Выше указано, какъ придирчиво Сумароковъ разбиралъ сочиненія Ломоносова; чтобы доказать наконецъ вполнѣ свое превосходство надъ нимъ въ одахъ, онъ издалъ нѣкоторыя мѣста изъ своихъ одъ и одъ Ломоносова, подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя строфы двухъ авторовъ“, съ предисловіемъ, въ которомъ жалуется, что ему наскучило слышать всегдѣшнія о себѣ и о Ломоносовѣ разсужденія, и рекомендуя свои строфы, замѣчаетъ, что онъ распоряжалъ ихъ, какъ распоряжали Мальгербо, Руссо и всѣ нынѣшніе лирики, а Ломоносовъ этого не дѣлалъ“ (1). Въ 1755 г. во французскомъ журналѣ *Mercur de France* (за мѣсяцъ апрѣль) былъ напечатанъ подробный разборъ трагедіи „Синавъ и Труворъ“ и сдѣланъ весьма лестный отзывъ о Сумароковѣ, оканчивавшійся слѣдующими словами: „Авторъ не упоминаетъ ничего, откуда онъ взялъ сію матерію, для того и намъ не можно знать, есть ли въ исторіи, какіе слѣды приключеній, изображенныхъ имъ въ его трагедіи, или содержаніе ея совсѣмъ вымышленное. Обнадеживаютъ насъ, что сія господина Сумарокова драма въ отечествѣ его великій успѣхъ имѣла, а мы не сомнѣваемся, что и на другихъ театрахъ не сдѣлаетъ она ни малѣйшаго ущерба чести авторовой, по крайней мѣрѣ отечеству стихотворца славу принесетъ, какъ произведшему на свѣтъ такого стихотворца, который живымъ примѣромъ показываетъ о успѣхахъ наукъ, введенныхъ Петромъ В. и процвѣтающихъ подъ покровительствомъ августѣйшей его дочери“. Сумароковъ перевелъ этотъ разборъ на русскій языкъ и напечаталъ. Признавая Вольтера идеаломъ драматическаго писателя, онъ посылалъ къ нему нѣкоторыя трагедіи и получилъ отъ него одобреніе съ просьбою продолжать столь полезную литературную дѣятельность. Эти отзывы такъ подѣйствовали на Сумарокова, что онъ, считая себя первокласснымъ писателемъ,

(1) Сочин. Ч. IX. стр. 247—254.

началь ставить себя наравнѣ съ Расиномъ и Вольтеромъ и стремился къ совершенной монополіи въ русской драмѣ, желая, чтобы только по его одобренію пьесы и давались въ театрѣ. Вотъ какимъ негодованіемъ онъ разразился, когда одинъ, какъ онъ выражается, подъячій Николай Пушкиковъ перевелъ слезную комедію Бомарше „Евгенію“, и эта комедія была представлена на московскомъ театрѣ: „Ввелся новый и наикостный родъ слезныхъ комедій, ввелся тамъ (во Франціи); но тамъ не исторгнутся сѣмена вкуса Расинова и Мольерова, а у насъ по театру почти еще и начала нѣтъ; такъ такой скаредной вкусъ, а особливо вѣку великія Екатерины не принадлежить. А дабы не выустить онаго, писалъ я о таковыхъ драмахъ къ г. Вольтеру; но онѣ въ сіе краткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ, нашли всенародную похвалу и рукоплесканія, какъ скаредно ни переведена „Евгенія“, и какъ нагло актриса, подъ именемъ Евгеніи, бакханту ни изображала; а сіе рукоплесканіе переводчикъ оныя драмы какой-то подъячій до небесъ возносить, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судьей Парнасса и утвердителемъ вкуса московской публики!... конечно, скоро преставленіе свѣта будетъ! Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ“ ⁽¹⁾. Особенно рѣзко самолюбіе Сумарокова высказалось въ томъ, что онъ говоритъ о своихъ заслугахъ театру. „Мои упражненія, писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ Шувалову, ни съ придворными, ни со штатскими ни малѣйшаго сходства не имѣютъ; и ради того я ни у кого не стою на дорогѣ, и труды мои ничьихъ не меньше, и нѣкоторую пользу приносятъ, ежели словесныя науки на свѣтѣ пользою называются“. Сравнивая свое жалованье съ тѣмъ, какое получали въ то же время бывшіе въ Петербургѣ иностранные артисты, онъ замѣчаетъ: „Я Россіи по театру больше сдѣлалъ услуги, нежели французскіе актеры и итальянскіе танцовщики, и меньше ихъ получаю“ ⁽²⁾.— „Что только видѣли Аѳины и видятъ Парижъ, говоритъ онъ въ статьѣ: „О копистахъ“, то нынѣ Россія стараніями моими увидѣла: въ то самое время, въ которое возникъ, приведенъ и въ совершенство въ Россіи театръ твой, Мельпомена; все я преодолѣлъ трудности, все преодолѣлъ препятствія. Наконецъ видите вы, любезные сограждане, что ни сочиненія мои,

---

(1) Сочин. Ч. IV, стр. 61—64. Здѣсь же напечатано письмо Вольтера къ Сумарокову, въ которомъ выражено мнѣніе Вольтера о новой мѣщанской драмѣ.

(2) Письма Ломоносова и Сумарокова къ П. И. Шувалову. Я. Е. Грота. Записки Академіи наукъ 1862, том. I. Приложение 1.

ни актеры вамъ стыда не приносятъ, и до чего въ Германіи многими стихотворцами не достигли. до того я одинъ, и въ такое еще время, въ которое у насъ науки словесныя только начинаютъ и нашъ языкъ едва чистится началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ. Лейпцигъ и Парижъ, въ тому свидѣтели, сколько единой моею трагедіи скорый переводъ чести мнѣ сдѣлать. Лейпцигское ученое Собраніе удостоило меня своимъ членомъ, а въ Парижѣ вознесли мое имя въ чужестранномъ журналѣ, колико возможно, а я далъ еще драматическими моими сочиненіями хотѣлъ возвестися, но скажу словами апостола Павла: дадеся ми пакостникъ ангелъ сатанинъ, который мнѣ пакости дѣлаетъ, да не превозношуся. Озлобленный мною родъ подъяческій, которымъ вся Россія озлоблена, извергъ на меня самого безграмотнаго изъ себя подъячего и самого скареднаго крючкотворца" (1). Въ 1764 г. Сумароковъ представилъ проектъ своего путешествія для осмотра заграничныхъ театровъ въ продолженіи двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ, съ жалованьемъ по семи тысячъ рублей, сверхъ получаемой имъ пенсіи. „Я опишу, говорилъ онъ въ этомъ проектѣ, одну Италію и, пройдявъ оттолѣ въ Парижъ, опишу Парижъ, мѣста на пути до Италіи, и оттолѣ до Парижа, а изъ Парижа чрезъ Голландію до Петербурга... Каково мое перо, о томъ и по худымъ переводамъ всѣ ученѣйшіе въ Европѣ знаютъ и ту мнѣ похвалу соплетаютъ, которая превосходитъ желаніе авторовъ и тѣхъ народовъ, въ которыхъ науки созрѣли и утвердились... Если бы таковымъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа, не дорого бы стояло Россія, ежели бы она и триста тысячъ рублевъ на это безвозвратно употребила“. По увольненіи отъ должности директора театра, Сумароковъ переселился въ Москву и отсюда писалъ импер. Екатеринѣ: „Быть адвокатомъ Мельпомены и Талии не только въ одной Россіи, но и во всей Европѣ пристойнѣе всѣхъ Вольтеру и мнѣ... Москва отъ Петербурга далѣе, нежели Версалія отъ Парижа. Тамъ Расины, Вольтеры и Молиеры, а у насъ писатели очень безграмотны, переводы скарелны, подлинники еще хуже, актеровъ надобно создавать, ибо одинъ Сумароковъ и одинъ Дмитревскій къ совершенству театра еще недостаточны“. Въ другомъ письмѣ о Москвѣ Сумароковъ говоритъ, что въ ней всѣ улицы невѣжествомъ вымощены аршина на три; ста Молевровъ требуетъ Москва. Въ Москвѣ также, какъ въ Петербургѣ, Сумароковъ вошелъ въ непріятныя столкновенія съ разными лицами и между прочимъ съ московскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ П. С. Салтыковымъ, на котораго онъ подавалъ жалобу

(1) Сочин. Ч. IV, стр. 391—392.

импер. Екатеринѣ за то, что Салтыковъ безъ его вѣдома приказалъ представить на московскомъ театрѣ „Спѣва и Трувора“. „Отъ Салтыкова, писалъ онъ въ этой жалобѣ, по его въ наукахъ крайнему незнанію, за что мнѣ безвинно терпѣть? Пбо онъ о томъ, что науки, и понятія не имѣеть, а побѣды его, одержанныя по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, во словесныя науки не входятъ“. На этой жалобѣ Екатеринина написала: „Сумароковъ безъ ума есть и будетъ. „Но Сумароковъ не унимался и постоянно обращался къ Екатеринѣ съ разными жалобами на своихъ враговъ и просьбами о чинѣ, денежномъ пособіи, о малой подмосковной деревнишкѣ, о невзиманіи рекрутовъ съ его имѣнья, такъ что Екатеринина наконецъ приказала передать ему, что она больше не будетъ читать его писемъ, что она желаетъ видѣть дѣйствіе страстей болѣе въ его комедіяхъ, чѣмъ въ его письмахъ.

Не надобно, впрочемъ, забывать, что много причинъ къ раздраженію Сумарокова, его ссорамъ и жалобамъ заключалось и въ положеніи его, какъ директора театра. и въ состояніи тогдашняго русскаго общества. Мало образованное русское общество еще не умѣло тогда цѣнить должнымъ образомъ ни литературы, ни писателей, особенно драматическихъ. Зрители въ театрѣ, во время представленія, шумѣли и грызли орѣхи; ихъ интересовали болѣе костюмы актеровъ и актрисъ, чѣмъ самыя трагедіи и комедіи, представляемыя на сценѣ. Положеніе Сумарокова, какъ директора театра, было весьма трудное и тяжелое. Онъ долженъ былъ и сочинять піесы для представленія, и готовить ихъ представленіе т. е. учить актеровъ и актрисъ, дѣлать репетиціи, нанимать музыкантовъ, караулъ и проч. Между тѣмъ вознагражденіе за такіе труды было ничтожное. Жалованье онъ получалъ изъ той же суммы въ 5,000 рублей, которая ассигновалась на содержаніе театра вообще. Сборъ съ театральныхъ представленій былъ незначительный и не только не приносилъ прибыли, но часто не окупалъ денегъ, затраченныхъ на представленіе. „Три представленія, писалъ Сумароковъ въ маѣ 1758 г., не только не окупилсь, но еще принесли убытокъ“. Часто не было средствъ завести нужные для актеровъ костюмы. Въ маѣ же и того же года Сумароковъ извѣщалъ графа Шувалова, что „въ четвергъ представленія не будетъ, потому что у Трувора платья нѣтъ никакого“. Кромѣ того, для русскихъ представленій долго не было особаго театра; представленія давались то на французскомъ, то на итальянскомъ театрѣ въ тѣ дни, когда эти театры не были заняты; для каждаго представленія нужно было просить особое разрѣшеніе отъ гофмаршала. Имѣя въ виду такое положеніе Сумарокова, мы должны снисходительно относиться къ его ссорамъ и жалобамъ. Нужно еще удивлять-

ся, что, не смотря на всѣ препятствія и непріятности, онъ такъ долго и неутомимо служилъ драматическому искусству. Да и вообще вся литературная дѣятельность Сумарокова вполне заслуживаетъ самой благодарной памяти. Оцѣнивая произведенія Сумарокова главнымъ образомъ съ художественной точки зрѣнія, Пушкинъ осудилъ его слишкомъ строго ⁽¹⁾: произведенія Сумарокова нужно оцѣнивать не съ одной художественной, но и съ исторической стороны, имѣя въ виду ихъ значеніе для того времени. Трагедія и комедіи Сумарокова, какъ выше замѣчено, были первыми опытами русской драмы и, удовлетворяя потребностямъ своего времени, которое не имѣло въ этомъ родѣ ничего лучшаго, проложили путь для новыхъ произведеній. Въ комедіяхъ и сатирахъ, кромѣ того, было много живыхъ картинъ современныхъ нравовъ. Сумароковъ зорко слѣдилъ за всѣми пороками и недостатками и подвергалъ ихъ осмѣянію, и потому его совершенно справедливо называютъ общественнымъ писателемъ, или общественнымъ критикомъ. Эта критика нравовъ была основана на строго нравственныхъ началахъ: преслѣдуя все грубое и злое, онъ стремился водворить въ жизни все доброе и высокое. Вообще надобно сказать, что сочиненія Сумарокова, при неприглядной формѣ, часто не долѣланной, аляповатой, а иногда и грубой, содержатъ въ себѣ весьма много образовательныхъ элементовъ, которые должны были имѣть большое вліяніе на нравственное воспитаніе тогдашняго общества. Особенно сильно заботился Сумароковъ о распространеніи просвѣщенія, и потому страшно преслѣдовалъ невѣжество во всѣхъ его видахъ. Другимъ, равносильнымъ этому, стремленіемъ его было стремленіе къ правдѣ, которую онъ хотѣлъ поставить на мѣсто усилившейся въ русской жизни неправды. Отсюда его постоянныя и самыя рѣзкія нападенія на подьячихъ, на неправосудіе и взяточничество. На этомъ основаніи Елагинъ и называлъ Сумарокова въ своей сатирѣ на петиметровъ „защитникомъ истины, гонителемъ и бичемъ пороковъ“.

Федоръ Григорьевичъ Волковъ. Имѣстѣ съ Сумароковымъ въ области драматическаго и театральнаго искусства трудились Волковъ и Дмитревскій. Федоръ Григорьевичъ Волковъ (род. 1729, ум. 1763 г.) былъ сынъ костромскаго купца, Григорія Волкова; по смерти отца, вмѣстѣ съ матерью, которая вышла замужъ за ярославскаго купца, Федора Полущкина, онъ переселился въ

---

(1) Разумѣемъ извѣстные стихи Пушкина въ посланіи къ Жуковскому написанные въ 1817 г. См.отр. том. I. Лицѣйскія стихотворенія.

Ярославль. Съ малыхъ лѣтъ въ немъ обнаруживалась наклонность и способность къ разнымъ художествамъ, и самоучкой онъ выучился рисованію, живописи прѣзному искусству: но настоящимъ его призваніемъ было театральное искусство. Первые свѣдѣнія въ этомъ искусствѣ онъ получилъ въ Москвѣ, гдѣ разыгрывалъ духовныя драмы съ воспитанниками московской академіи, а потомъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ познакомился съ итальянской оперой. Выше сказано, что стараніями Волкова въ Ярославлѣ былъ построенъ огромный театръ, вмѣщавшій въ себѣ до 1000 зрителей. При этомъ онъ самъ былъ архитекторомъ, живописцемъ и машинистомъ, а потомъ главнымъ директоромъ и первымъ актеромъ. Въ 1752 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и сначала помѣщенъ въ кадетскій корпусъ для обученія языкамъ и наукамъ, а въ 1756 г., по открытіи театра, назначенъ былъ первымъ актеромъ. Страстно любя театръ, онъ развилъ свой драматическій талантъ такъ, что явился великимъ художникомъ, достоинства котораго были признаны даже иностранцами. Главными его ролями были трагическія роли въ драмахъ Сумарокова, который, поэтому, очень много былъ обязанъ ему и Дмитревскому успѣхомъ своихъ трагедій на сценѣ. Въ 1759 г. Волковъ былъ отправленъ въ Москву для устройства перваго театра. Фонъ-Визинъ въ своей автобіографіи говоритъ о Волковѣ, что „онъ былъ мужъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, имѣлъ большія знанія и могъ быть человѣкомъ государственнымъ“. Но при всемъ томъ его занимали больше искусства, нежели литература. Изъ оригинальныхъ его театальныхъ произведеній извѣстенъ только публичный маскарадъ „Торжествующая Минерва“, напечатанный въ 1763 г. Этотъ маскарадъ сдѣлался для него роковымъ; приготавливая его къ представленію, Волковъ получилъ горячку и умеръ въ 1763 г. Новиковъ говоритъ, что Волковъ писалъ стихотворенія (народныя пѣсни) и между прочимъ началъ было сочинять оду Петру В., расположивъ ее на 40 строфъ, однакожъ успѣлъ сочинить только 15 строфъ; но какъ эта ода, такъ и другія его стихотворенія до насъ не сохранились. Сумароковъ написалъ на смерть Волкова элегію къ Дмитревскому, въ которой, между прочимъ, сказалъ:

«Пролей со мной потокъ, о Мельпомена, слезный!
 Восплачь и возрыдай и растреви власи!
 Преставился мой другъ. Прости, мой другъ любезный!
 На вѣки Волкова пресѣлися часы!
 Мой весь мятется духъ, тоска меня терзаетъ,
 Пегасовъ предо мной источникъ замерзаетъ.
 Расиновъ я театръ явилъ, о Россѣ, вамъ!
 Богиня! а тебѣ поставилъ пышный храмъ.

Въ небытіе теперь сей храмъ перенесется.
И основаніе его уже трясется» ⁽¹⁾.

Иванъ Аванасьевичъ Дмитревскій (род. 1736) воспитывался въ рязанской семинаріи и по страсти къ театру поступилъ въ труппу Волкова, въ которой игралъ обыкновенно женскія роли. Такія же роли онъ игралъ сначала и въ Петербургѣ, при дворѣ, когда былъ вызванъ сюда съ Волковымъ. Въмѣстѣ съ Волковымъ онъ былъ помѣщенъ въ палатскій корпусъ для обученія иностраннымъ языкамъ. Послѣ этого онъ былъ включенъ въ составъ актеровъ, а по смерти Волкова, назначенъ главнымъ актеромъ. Для усовершенствованія въ театральномъ искусствѣ, онъ въ 1765 г. былъ отправленъ за границу и пробылъ около двухъ лѣтъ въ главныхъ городахъ Голландіи, Франціи и Германіи, и кромѣ того въ 1767 г. еще отдѣльно ѣздилъ во Францію для составленія французской труппы. Послѣ Волкова Дмитревскій всего больше способствовалъ усовершенствованію театрального искусства въ Россіи и такъ возвысилъ званіе актера, что сдѣлалъ его вполне почетнымъ. Онъ славился и вообще какъ ученый и образованный человѣкъ, былъ членомъ Россійской академіи, Вольнаго экономическаго общества и Бесѣды любителей русскаго слова. Онъ не только представлялъ чужія піесы, но и самъ былъ писателемъ, сочинялъ стихотворенія, написалъ похвальное слово Сумарокову, переводилъ и передѣлывалъ иностранныя драматическія піесы. Изъ передѣлокъ его извѣстны комедіи: „Раздѣлчивый“, „Демокритъ“ и „Лунатикъ“. Наконецъ онъ составилъ исторію русскаго театра, которая въ подлинникѣ до насъ не сохранилась, но которою воспользовался актеръ И. Носовъ и внесъ ее въ свою Лѣтопись русскаго театра ⁽²⁾.

Хроника русскаго театра И. Носова. Хроника или лѣтопись русскаго театра доведена Носовымъ до 1763 г., а потомъ неизвѣстно кѣмъ продолжена до 1784 г. „Историческая важность ея, говорить издатель ея Е. В. Барсовъ, состоитъ въ томъ, что Носовъ при составленіи ея пользовался оригиналомъ исторіи русскаго театра П. А. Дмитревскаго. Къ сожалѣнію, Носовъ не указываетъ, гдѣ именно онъ видѣлъ и какъ онъ пользовался оригиналомъ, который считался утраченнымъ. Самъ Носовъ недо-

(1) Опытъ истор. словаря Новикова. Матеріалы для ист. русск. литер. изд. П. А. Ефремова; стр. 25.

(2) Хроника русскаго театра Носова съ предисловіемъ и новыми розысканіями о первой эпохѣ русскаго театра Е. В. Барсова. Изданіе общества ист. и древн. рос. Москва. 1833.

статочно владѣть даже грамматическимъ строемъ рѣчи, и потому трудно предположить, чтобы онъ могъ что-либо выдумать отъ себя... Отсюда само собою выясняется значеніе „Хроники“: она воспроизводитъ для насъ сказанія „Нестора“ русскаго театра. Сообщаемые имъ факты имѣютъ первостепенную важность въ исторіи первоначальной его эпохи. Многое не выдерживаетъ критики, многое кажется сомнительнымъ и недостовернымъ, но и далеко не все можетъ быть безусловно отрицаемо“. Въ Хроникѣ прежде всего замѣчательно то, что въ ней указывается на первоначальную эпоху театральныхъ представленій въ Москвѣ, еще до появленія нѣмецкаго театра Іоганна Готфрида Грегори. Въ числѣ театральныхъ піесъ, представлявшихся въ эту эпоху, по ея указанію, были и піесы, взятые изъ народныхъ сказаній. Въ 1671 г. января 25 дня, по случаю бракосочетанія царя Алексѣя Михайловича съ Наталією Кирилловною Нарышкиной, въ кремлевскомъ дворцѣ, боярами и боярынями была представлена „Яга-Баба“, комедія-сказка, съ пѣснями и плясками. Баба-Яга изображается страшною, сухощавою и огромною, съ костяными ногами, съ желѣзною въ рукѣ палицею, которой она дѣйствуетъ, понуждая катиться свою махину, въ которой она раздѣзжаетъ, предъ появленіемъ коей на сцену, подземные невидимые духи поютъ:

«Баба Яга,
Костяная нога,
Въ ступѣ къ намъ поддѣзжаетъ,
Нестомъ ее погоняетъ,
Слѣдъ помеломъ замечаетъ».

8-го іюня того же года, въ царскомъ селѣ Преображенскомъ на потѣшномъ дворѣ, въ день рожденія царевича Ѳедора Алексѣевича, боярами и боярынями былъ представленъ „Туръ“, комедія-сказка съ пѣснями, съ славянскими, уральскими, польскими танцами (Туръ древнее славянское божество, которому праздновали во время семика). 26-го августа, въ день тезоименитства царицы, Натальи Кирилловны, представленъ „Праздникъ Услады“, баснословная кіевская комедія, съ пѣснями и плясками. Въ 1672 г. 1-го сентября въ домашнемъ театрѣ боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева была представлена „Коляда“, баснословная комедія съ пѣснями, славянскими и уральскими плясками и разными играми. Далѣе, въ Хроникѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, указываются разныя театральныя піесы, переводныя и оригинальныя, которыя представлялись при Петрѣ В., Аннѣ Іоанновнѣ, Елисаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II нѣмецкими труппами Готфрида Грегори, Іоганна Куншта и Франца Фиршта, и русскими актерами.

Мемуары, или записки современниковъ. Къ замѣчательнымъ мемуарамъ времени Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны относятся Записки княгини Долгорукой, князя Шаховскаго, Нащокина и Данилова.

Записки княгини Н. Б. Долгорукой. ⁽¹⁾ Наталья Борисовна Долгорукая извѣстна въ исторіи своей удивительной судьбой, исполненной разныхъ превратностей, и своимъ высокимъ, самоотверженнымъ, героическимъ характеромъ. Почти изъ царской обстановки жизни ей суждено было перейти въ Березовскій острогъ, а потомъ, послѣ продолжительныхъ страданій, окончить жизнь въ монастырской кельѣ. Долгорукая была дочь знаменитаго фельдмаршала Петра В., Бориса Петровича, Шереметева, воспитана и выросла въ полномъ довольствѣ и роскоши. Всѣ родные и знакомые пророчили ей веселую и счастливую жизнь, особенно, когда она сдѣлалась невѣстою любимца Петра II, кн. Ивана Алексѣевича Долгорукаго. „Думала я, замѣчаетъ и сама она въ своихъ Запискахъ, что я первая счастливица въ свѣтѣ, потому что первая персона въ нашемъ государствѣ былъ мой женихъ. При всѣхъ природныхъ достоинствахъ, имѣлъ знатные чины при дворѣ и гвардіи... Вся императорская фамилія была на нашемъ стоворѣ, всѣ чужестранные министры, наши всѣ знатные господа, весь генералитетъ... Обрученіе наше было (совершено) въ залѣ, духовными персонами, одинъ архіерей и два архимандрита. Послѣ обрученія всѣ его сродники меня дарили очень богатыми дарами: брилліантовыми серьгами, часами, табакерками и готовальнями и всякою галантереєю: мои бѣ руки не могли всего забрать, когда бѣ мнѣ не помогли принимать. Наши перстни были, которыми обручались, его въ двѣнадцать тысячъ, а мой въ шесть тысячъ“ ⁽²⁾. И вдругъ всё это смѣнилось нищенскою и страдальческою жизнію въ Березовскомъ острогѣ. Послѣ смерти Петра II Долгорукіе пали, а послѣ восшествія на престолъ Анны Іоанновны вся ихъ фамилія была сослана въ

⁽¹⁾ Записки эти были напечатаны первоначально въ «Другѣ юнѣшества» 1810 г. (январь, стр. 8—69), потомъ въ книгѣ «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ» (Спб. 1840), но не въ полномъ видѣ, и съ выпусками и поправками въ слогѣ. Въ полномъ видѣ и съ подлинной рукописи княгини Долгорукой онѣ напечатаны въ Русскомъ Архивѣ въ 1867 г. Къ Запискамъ княгини Долгорукой здѣсь еще присоединены письма ея къ брату С. Б. Шереметеву и къ сыну М. И. Долгорукому и извлеченіе изъ путевыхъ записокъ внука ея И. М. Долгорукаго въ 1810 г.—Русскіе мемуары XVIII в. П. Пекарскаго. Соврем. 1855 года том. I. Княгиня Н. Б. Долгорукая Д. А. Корсакова. Истор. Вѣстн. 1886, февраль. ⁽²⁾ Русск. Архивъ. 1867 г. № 1, стр. 11—12.

самый отдаленный городъ Tobольской губерніи, Березовъ. „Это мое благополучіе и веселіе, говорить Долгорукая, продолжалось не болѣе какъ отъ декабря 24 дня по 18 января день... За двадцать шесть дней благополучныхъ, или сказать, радостныхъ, сорокъ лѣтъ по сей день стражду; за каждый день по два года придетъ безъ малаго, еще шесть дней надобно вычесть. Да кто можетъ знать предбудущее! Можетъ быть, и дополнятся, когда продолжится сострагательная жизнь моя... Умъ колеблется, когда приведу на память, что послѣ всѣхъ этихъ веселій меня постигло, которыя мнѣ казались на вѣки перушими будутъ. Знать, что не было тогда друга, кто бъ меня научилъ, чтобъ по этой скользкой дорогѣ опаснѣе ходила. Боже мой! какая буря грозная возсталъ, со всего свѣту бѣды совокупились! Господи, дай силъ изъяснить мои бѣды, чтобъ я могла ихъ описать для знанія желающихъ и для утѣшенія печальнымъ, чтобъ, помня меня, утѣшались. И я была человѣкъ, вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ, и все опробовала: гоненія, страствія, нищету, разлученіе съ милымъ, все, что кто можетъ вздумать. Я не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, но о милости Божіей похваюсь, что Онъ мнѣ далъ столько силы, что я перенесла, и по сіе время несу; не возможно бы человѣку смертному такіе удары понести, когда (бы) не свыше сила Господня подкрѣпляла“ (1). Предвидя ссылку Долгорукихъ, родные Наталья Борисовны совѣтовали ей отказать своему жениху, представляя то, что могутъ найтись другіе женихи, которые не хуже его достоинствами, да и былъ уже одинъ женихъ, который предлагалъ ей свою руку; но Наталья Борисовна согласилась лучше испытать съ избраннымъ ею Долгорукимъ всѣ бѣдствія и страданія, чѣмъ измѣнить ему. „Войдите въ разсужденіе, говоритъ она, какое это мнѣ утѣшеніе и честна ли эта совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостію за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце одному отдавъ жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другаго; въ нонѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ; и теперь скажу самую правду, что будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда ни раскаявалась, для чего я за него вышла, и не давала въ томъ безумія Богу. Онъ тому свидѣтель: все, любя его, сносила, сколько мнѣ можно было, еще и его подкрѣпляла“ (2). Вышедши замужъ на Долго-

(1) Тамъ же, стр. 13—14.

(2) Тамъ же, стр. 15—16.

рукаго, она вмѣстѣ съ нимъ отправилась въ ссылку и твердо переносила все бѣдствія и лишенія. Черезъ 8 лѣтъ (въ 1739 г.) Долгорукій, вмѣстѣ съ другими его родственниками, былъ увезенъ въ Новгородъ и зѣлъ казнь: объ этомъ узнала Наталья Борисовна только уже спустя три года. Въ 1742 г. импер. Елисавета возвратила ее изъ ссылки въ Петербургъ, гдѣ она и жила въ домѣ брата своего до 1753 г. Въ этомъ году она переѣхала въ Кіевъ и во Фроловскомъ монастырѣ постриглась въ монахини, принявъ имя Нектарія, а потомъ оделась въ схиму. Наканунѣ постриженія, въ знакъ отверженія того, что ей на свѣтѣ было еще одно драгоцѣнное, она бросила въ Днѣпръ обручальное кольцо свое. Записки свои она писала уже въ монашеской кельѣ въ 1767 г., по желанію сына своего Михаила. Въ нихъ она сначала говорить, впрочемъ довольно кратко, о своемъ воспитаніи и жизни въ домѣ родителей, а потомъ описываетъ свое обрученіе съ княземъ П. А. Долгорукимъ, смерть и похороны Петра II, пріѣздъ въ Петербургъ импер. Анны Іоанновны, паденіе и ссылку Долгорукихъ и наконецъ свое путешествіе съ мужемъ и его родными въ Березовъ. На извѣстіи о пріѣздѣ въ Березовъ записки останавливаются. Воспоминанія о жизни въ самой ссылкѣ и дальнѣйшихъ событіяхъ, вѣроятно, были такъ тяжелы для нея, что она не въ состояніи была ихъ описывать. Описаніе упомянутыхъ событій отличается вообще мирнымъ и спокойнымъ тономъ и хотя по мѣстамъ проникнуто чувствомъ глубокой скорби, но нигдѣ не заключаетъ въ себѣ никакихъ горькихъ упрековъ, обвиненій, обличеній, или порицаній другихъ людей. Въ самомъ началѣ записокъ она замѣчаетъ, что „намѣрена только свою бѣду писать, а не чужіе пороки обличать“. Описывая испытанныя ею бѣдствія и страданія уже въ концѣ своей жизни, въ монашеской кельѣ, совершенно отрекшись отъ міра, она все покрываетъ чувствомъ христіанскаго смиренія и покорности волѣ Божіей. Но тѣмъ выше еще является ея самоотверженный героическій характеръ, какъ женщины-супруги, все радости жизни принесшей въ жертву своему любимому, несчастному мужу. Имя княгини Долгорукой сдѣлалось извѣстнымъ во всехъ литературахъ; ея судьба послужила предметомъ для многихъ литературныхъ произведеній; въ нашей литературѣ ее изобразилъ поэтъ Козловъ въ своей поэмѣ: „Н. Б. Долгорукая“.

Записки В. А. Нащокина ⁽¹⁾. Василій Александровичъ Нащокинъ (род. 1707, ум. 1761 г.) былъ человѣкъ военный (умеръ

⁽¹⁾ Записки Нащокина изданы Изыковымъ.

въ чинѣ генераль-лейтенанта) и потому въ своихъ запискахъ онъ обращаетъ вниманіе преимущественно на то, что относится къ военной службѣ, на военные походы, маневры и проч. Такъ какъ измайловскій полкъ, въ которомъ онъ служилъ, участвовалъ въ походѣ противъ турокъ, подъ начальствомъ графа Минниха, то онъ описываетъ этотъ походъ. Затѣмъ всего чаще описываются торжественные обѣды, балы и т. п. Есть также въ Запискахъ нѣсколько свѣдѣній о смерти извѣстныхъ въ то время лицъ, съ краткими ихъ характеристиками, напр. Левевольда, Кейта, графа Румянцева и другихъ. Но для насъ всего важнѣе въ Запискахъ Нащокина два извѣстія—о смерти профессора Рихмана и объ основаніи Московскаго университета. Мы видѣли выше, что Ломоносовъ опасался, чтобы смерть Рихмана не была перетолкована ко вреду наукъ; опасенія его имѣли основаніе, смерть Рихмана, дѣйствительно, возбудила много толковъ въ Петербургѣ. Нащокинъ описалъ ее въ своихъ Запискахъ и своимъ описаніемъ представилъ образчикъ тогдашнихъ сужденій объ ученыхъ, жертвовавшихъ жизнью для науки. „Іюля 26 (1753 г.), говоритъ онъ, убило громомъ въ С.-Петербургѣ профессора Рихмана, который машиною старался объ удержаніи грома и молніи, дабы отъ идущаго грома людей спасти; но съ нимъ прежде всѣхъ случилось при той самой сдѣланной машинѣ. И что о семъ Рихманѣ чрезъ газеты тогда издано, при семъ прилагается: любопытный да чтеть. Съ нимъ Рихманомъ о мудрованіи сходно произошло, какъ въ древности пишется о аѳинейскомъ стихотворцѣ, Евсхиліи“.... И потомъ приводитъ извѣстный анекдотъ объ Эсхилѣ, будто онъ погибъ отъ того, что орелъ, пролетая надъ нимъ, во время его астрономическихъ наблюденій, и принявъ его лысую голову за каменную скалу, бросилъ на нее несенную имъ черепаху и убилъ его. „Итакъ, заключаетъ онъ, нечаянный конецъ вымыслъ и онаго Рихмана, какъ и Евсхилій получи“. На основанный недавно московскій университетъ и гимназію Нащокинъ смотритъ съ точки зрѣнія чисто служебной, какъ на самое выгодное средство для службы, и потому сына своего онъ тотчасъ же записалъ въ университетъ. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на упомянутый выше указъ 1756 г., по которому время ученія въ университетѣ зачиталось въ службу, и замѣчаетъ, что по этому указу обученіе въ наукахъ не можетъ помѣшать произвожденію въ чины тѣхъ изъ учащихя, которые записаны на службу ⁽¹⁾.

---

(1) Русскіе Мемуары XVIII в. Соврем. том. II; стр. 65—66.

Записки князя Я. П. Шаховскаго ⁽¹⁾. Князь Яковъ Петровичъ Шаховской (род. 1705, ум. 1772 г.) находился на службѣ 40 лѣтъ, служилъ при трехъ императрицахъ, Аннѣ, Елисаветѣ и Екатеринѣ II, занималъ разныя должности—сенатора, оберъ-прокурора синода, генераль-кригсъ-коммисара, былъ въ сношеніяхъ со многими важными людьми, Бирономъ, Волынскимъ, Головкинымъ, Минихомъ, Шуваловымъ, видѣлъ возвышеніе и паденіе этихъ лицъ, и вмѣстѣ съ ними самъ падалъ. Однажды всемогущій Биронъ принялъ его особенно милостиво. Милость и ласковыя слова правителя сдѣлали Шаховскаго счастливымъ: всю ночь онъ плохо спалъ отъ волненія и заснулъ уже на разсвѣтѣ. Но ночью успѣли взять Бирона подъ арестъ, и Шаховской лишился своего счастья и значенія. Скоро, однако, Шаховской счумѣлъ попасть въ милость одного изъ вновь назначенныхъ кабинетъ—министровъ, графа Головкина, и благодаря ему, получилъ мѣсто сенатора. Въ одинъ изъ вечеровъ, по возвращеніи съ праздника отъ новаго покровителя, Шаховской говорилъ про себя „въ великомъ удовольствіи и пріятномъ размышленіи о своихъ поведеніяхъ: я уже господинъ сенаторъ, между стариками, въ первѣйшихъ чинахъ находящимися, обращаюсь, и будучи такого многомочнаго министра любимецъ.... легъ спать. Но ночью сенатскій экзекуторъ разбудилъ его и объявилъ о восшествіи на престолъ импер. Елисаветы Петровны; графъ Головкинъ и его товарищи были взяты подъ арестъ, а князь Шаховской лишился сенаторства. Нѣсколько дней онъ оставался безъ мѣста; наконецъ его потребовали въ сенатъ, гдѣ объявили ему о назначеніи его оберъ-прокуроромъ синода. Но прежде, чѣмъ узналъ объ этомъ назначеніи, Шаховской размышлялъ о себѣ такимъ образомъ: „прежде на крыльцѣ встрѣчая по лѣстницамъ сквозь всѣ покои до присутственной палаты съ почтеніемъ меня провожали... а нынѣ экзекуторъ, который не долго предъ тѣмъ своимъ патрономъ называлъ и въ знакъ своего покорнаго учтивства не сядя, но стоя со мною разговаривалъ, какъ челобитчиковъ и прочихъ въ сенатъ приходящихъ меня принималъ“.... Но на слѣдующій день встрѣча въ синодѣ успокоила должностное самолюбіе Шаховскаго: „того мѣста, также какъ и при сенатѣ находящійся такого же ранга экзекуторъ, уже ожидая моего прибытія, встрѣтилъ меня на лѣстницѣ, съ нѣсколькими секретарями и прочихъ нижнихъ чиновъ канцелярскими служителями, конъ всѣ должны быть, такъ какъ

⁽¹⁾ Записки князя Я. П. Шаховскаго были изданы въ 2-хъ частяхъ въ 1810 г.; другое изданіе ихъ сдѣлано въ 1821 г. Смотр. Русск. мемуары XVIII в. Соврем. 1855 г. том. LII.

и въ сепатѣ у генераль-прокурора, въ моей дирекціи, съ почтеніемъ рекомендовался, и, очищая дорогу, проводилъ меня до той палаты, гдѣ присутствуетъ собраніе святѣйшаго синода.—Приведенныя правительственныя и чиновническія превращенія и чиновлюбіе и чиновпочитаніе Шаховскаго, составляя самыя характерныя мѣста въ его Запискахъ, составляютъ также и характеристическія черты того стараго времени, когда всѣмъ управляло колесо фортуны, быстро возвышавшее людей на высшія мѣста въ государствѣ и также быстро низвергавшее ихъ съ этихъ мѣстъ, когда высшимъ идеаломъ, къ которому были направлены всѣ помысленія людей, были чинъ и рангъ, которымъ поклонялись независимо отъ того или другаго характера людей, въ нихъ облеченныхъ, когда человѣкъ безъ извѣстнаго чина, при всѣхъ своихъ нравственныхъ качествахъ, не значилъ ничего, и когда, поэтому, всѣ искали чиновъ и ранговъ, не только чиновники, но и ученые и поэты (челобитная Фонъ-Визина къ Россійской Минервѣ). Такое направленіе, впрочемъ, не мѣшало являться на службѣ и людямъ истинно хорошимъ и честнымъ, доказательствомъ чего служить самъ авторъ Записокъ. При всѣхъ правительственныхъ превращеніяхъ и личныхъ служебныхъ перемѣнахъ, Шаховской никогда не измѣнялъ своему долгу и совѣсти, служилъ всегда честно, былъ строгимъ исполнителемъ закона и ревностнымъ поборникомъ справедливости. Въ одномъ мѣстѣ Записокъ онъ рассказываетъ, какъ ему предлагали подарокъ въ 25,000 рублей, чтобы онъ отказался отъ своего проекта снабжать армію сукнами не изъ Англіи, какъ это было заведено, а съ русскихъ фабрикъ, не смотря на то, что за поставщика суконъ изъ Англіи, Вульфа, было много сильныхъ ходатаевъ, которые могли вредить Шаховскому. Образованію въ немъ такого честнаго и правдиваго характера способствовало, по его словамъ, то твердое нравственное воспитаніе, какое онъ получилъ въ домѣ дяди своего, А. И. Шаховскаго: „Главнѣйшія жъ и частыя, говоритъ онъ, мнѣ были отъ сего втораго отца поученія, чтобы всякое дурно (дурное дѣло) дѣлать стыдиться, а справедливость и добродѣтель во всякихъ случаяхъ всему предпочитать. Для преодоленія слабостей моихъ и пороковъ совѣтовалъ онъ мнѣ самому о себѣ часто помышлять и оныя обличать и обвинять собственнымъ разсудкомъ безъ послабленія, при томъ тщиться всегда читать пристойныя моимъ лѣтамъ и обстоятельствамъ честныя и полезныя прежде бывшія дѣла похвальную память о себѣ оставившихъ и научать себя твердымъ духомъ по такимъ путямъ слѣдовать. Сид-то, благосклонный читатель, въ молодости моей вкорененныя въ сердце и въ мысли мои поученія были при всѣхъ случаяхъ въ поведеніяхъ

монхъ первѣйшими правилами" (1). Слово Записокъ Шаховскаго, какъ человека, всю жизнь проведеннаго въ службѣ и въ чтеніи и составленіи дѣловыхъ бумагъ, отличается дѣловымъ характеромъ: нѣкоторые слова употребляются имъ въ особенномъ смыслѣ: „воображеніе“ у него значить мысль, сужденіе; „заключеніе“—слѣдствіе; „анпробовать“—утвердить, согласиться; „персональное изъясненіе“—личное объясненіе и т. п.

Записки М. В. Данилова (2). Даниловъ (род. 1722, ум. 1790 г.) не занималъ, какъ Шаховской, никакой важной должности и не былъ участникомъ и свидѣтелемъ важныхъ событій. Сынъ бѣднаго дворянина, онъ дѣтство свое провелъ у разныхъ родственниковъ на воспитаніи, учился въ артиллерійскомъ училищѣ въ Москвѣ. Вышедши изъ этого училища на службу фурьеромъ, онъ занимался приготовленіемъ фейерверковъ и иллюминацій. Дослужившись до капитана, онъ вышелъ въ отставку и умеръ въ 1790 г. Описывая въ Запискахъ свою жизнь, онъ рассказываетъ изъ нея множество интересныхъ подробностей, которыя весьма хорошо характеризуютъ бытъ тогдашнихъ небогатыхъ дворянъ и простыхъ помѣщиковъ. Въ нихъ мы встрѣчаемъ нѣдѣлю такія же сцены домашняго воспитанія и семейныхъ нравовъ, какія рисовала въ своихъ произведеніяхъ литература XVIII в. Въ этомъ отношеніи Записки Данилова могутъ служить съ одной стороны повѣркой, а съ другой—дополненіемъ нѣкоторыхъ литературныхъ картинъ и характеровъ того времени. Такъ, рассказывая о первоначальномъ своемъ ученіи грамотѣ, онъ изображаетъ своего учителя, пономаря, Филиппа Брудастаго, который всю суть ученія поставлялъ, повидимому, въ наказаніи учениковъ. „Памятно мнѣ, говоритъ онъ, мое ученіе у Брудастаго и поднесъ, по той, можетъ быть, причинѣ, что часто сѣкли меня лозою. Я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ такого всегдаш-

(1) Русск. Мемуары XVIII в. стр. 76—77.

(2) Записки артиллеріи майора Михаила Васильевича Данилова изданы П. Строевымъ, Москва 1842 г.—Русск. Мемуары XVIII в. стр. 77—85. Новое изданіе записокъ Данилова въ Русскомъ Архивѣ 1888 г., кн. 3.

няго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна, и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока къ вечеру и половины прочитатъ не могъ, за что послѣдняя резолюція: меня, какъ не понятнаго, сѣчь. Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе. Брудастаго жена во время нашего ученія понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотя бъ и не то, что учимъ. Отрадѣ намъ было отъ скучнаго сидѣнья, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ. По возвращеніи Брудастаго, отвѣчалъ я во всемъ урокъ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и памятно; изъ сего нынѣ замѣчаю, что принужденное дѣтямъ ученіе грамотѣ не полезно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходятъ въ облѣнѣніе и унылость“. Изъ школы Брудастаго Даниловъ перешелъ въ школу тетки своей, вдовы Матрены Петровны, у которой жилъ и учился еще другой племянникъ ея, Епифановъ. „А какъ вдова, говоритъ онъ, своего племянника много любила и вѣжила, потому не было намъ никогда принужденія учиться; однако я, въ таковой будучи волѣ и непринужденномъ ученіи, безъ малѣйшаго наказанія, скоро окончилъ словесное ученіе, которое состояло только изъ двухъ книгъ: часослова и псалтыри“. Племянникъ Епифановъ принадлежалъ къ числу тѣхъ недорослей, которыхъ изобразилъ Фонъ-Визинъ въ Митрофанушкѣ, а тетка Матрена своею жизнію и характеромъ весьма сильно напоминаетъ частію Простакову, частію Халтахишу Екатерины въ комедіи „О время“. „Вдова, говоритъ Даниловъ, была великая богомольщица: рѣдкій день проходилъ, чтобъ у ней въ домѣ не отправлялась служба, когда съ попомъ, а иногда слуга отправлялъ одинъ оную должность. Я употребленъ былъ въ такой службѣ къ чтенію, а какъ у вдовы любимый ея племянникъ еще читать не разумѣлъ, то отъ великой на меня зависти и досады, приходя къ столу, при которомъ я читалъ псалмы, своими сапогами толкалъ по моимъ ногамъ до такой боли, что я до слезъ доходилъ. Вдова хотя и увидитъ такія шалости своего племянника, однако болѣе ничего не скажетъ ему, и то протяжно, какъ не хотя: „полно тебѣ шутить, Ванюша“, и будто не видитъ она, что отъ Иванушкиной шутки у меня изъ глазъ слезы текутъ. Она грамотѣ не знала; только всякій день, разогнувъ большую книгу на столѣ, акаѣиствъ Богородицѣ всѣмъ вслухъ громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниной; только признаюсь, сколько времени у ней я ни жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки. Какъ скоро она приметъ свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положить на полъ и

стануть сѣчь батожьемъ немилосердно и потуда сѣкутъ и кухарка кричить, пока не перестанетъ вдова щи кушать, это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно, для хорошаго аппетита“. Племянника своего баловала она также, какъ Простакова Митрофанушку. Когда нужно было наказать его, она наказывала, вмѣсто него, товарищей его, а потомъ давала ему только наставленія въ такомъ напр. видѣ: „что дурно-де, непригоже, сударь, такъ дѣлать и яблоки обивать безъ спросу моего“, а послѣ, поцѣловавъ его, говорила: чайтельно ты, Иванушка, давеча испугался, какъ сѣкли твоихъ товарищей: не бойся, голубчикъ, я тебя сѣчь не стану“ (1).

УЧЕНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Ученая литература въ началѣ новаго періода была не богата (2). Новое образованіе распространялось медленно и съ большими затрудненіями; не говоря о высшихъ, — среднихъ и низшихъ образовательныхъ заведеніяхъ было весьма мало. Чтобы ускорить распространіе образованія, Петръ В. положилъ, кромѣ перевода книгъ съ иностранныхъ языковъ, еще составить на русскомъ языкѣ учебники и руководства по всѣмъ предметамъ знанія: но эта воля Петра плохо исполнялась при его преемникахъ. „Недостатокъ на російскомъ языкѣ до наукъ касающихся книгъ, говорилъ въ 1760 г. академикъ Румовскій, должно почитать за великое препятствіе распространенію оныхъ въ Россіи. Вмѣсто того, чтобы съ молодыхъ лѣтъ упражняться въ наукахъ и острить разумъ, напередъ принуждены бываемъ самое лучшее время употреблять на изученіе какого-нибудь языка, къ чему ничего, кромѣ памяти, не требуется, а силы разума коснѣютъ и въ полномъ возрастѣ къ наукамъ и разнымъ употребленіямъ, гдѣ долговременное требуется разсужденіе, бываютъ неспособными“. (3). При занятіяхъ науками нужно было „добывать изъ чужихъ краевъ

---

(1) Кромѣ Записокъ, изъ сочиненій Данилова напечатаны: «Начальное знаніе теоріи и практики въ артиллеріи» (1762); «Довольное и ясное показаніе, по которому всякій самъ собою можетъ приготовить и дѣлать всякіе фейерверки и разныя иллюминаціи» (1779); «Письмо къ пріятелю о полезныхъ и любопытства достойныхъ матеріяхъ» (1783); «Письмо о совѣти изъ сочиненій рязанскаго дворянина М. В.» (1804). — (2) См. Русская наука въ XVIII в. А. Н. Пыпина въ Вѣстн. Европы 1884 г.

(3) Исторія Россійской Академіи М. И. Сухомлинова. Вып. II, стр. 47—48.

всѣ выходящія новыя книги и періодическія изданія, чтобы слѣдить за открытіями, изобрѣтеніями и новостями, а все это доходило до Петербурга весьма поздно, по причинѣ прежней медленности въ сообщеніяхъ съ центрами европейской образованности, а иногда вовсе оставалось неизвѣстнымъ въ Россіи по недостатку сношеній* ⁽¹⁾. Возможныя или доступныя въ то время средства къ просвѣщенію заключались въ Академіи Наукъ и Московскомъ университетѣ: въ нихъ главнымъ образомъ сосредоточивалась и ученая дѣятельность. Въ Академіи Наукъ были ученые иностранцы по всѣмъ наукамъ, которые своими трудами были извѣстны во всей Европѣ, но, согласно съ направлениемъ того времени, всего болѣе въ ней процвѣтало, какъ уже замѣчено выше, отдѣленіе естественныхъ и физико-математическихъ наукъ. Къ этому отдѣленію принадлежали: братья Бернулли, Германъ, Эйлеръ, Николай Делиль, Вюльфенгеръ, Іоаннъ Гмелинъ ⁽²⁾. Подъ ихъ руководствомъ воспиталось и нѣсколько русскихъ ученыхъ, каковы были, кромѣ Ломоносова, бывшаго профессоромъ химіи: Красильниковъ, который слѣлалъ первый астрономическія наблюденія въ Камчаткѣ, Петропавловскомъ портѣ, на островѣ Даго, на мысѣ Дагерротъ; Крашенинниковъ, первый изъ русскихъ ботаниковъ и зоологовъ, составившій замѣчательное описаніе Камчатки; Адоуровъ, бывшій адъютантомъ Академіи по математикѣ, и Котельниковъ, ординарный профессоръ-академикъ, написавшій нѣсколько сочиненій по математикѣ и переведшій съ латинскаго Первыя основанія математики Вольфа ⁽³⁾. Труды академиковъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ, печатались, какъ увидимъ, въ „Комментаріяхъ Академіи“ на латинскомъ языкѣ; для ознакомленія же съ ними русской публики предположено было дѣлать извлеченіе изъ нихъ или сокращеніе нѣкоторыхъ статей въ русскомъ переводѣ, подъ названіемъ: „Краткое описаніе комментаріевъ Академіи наукъ“. Къ сожалѣнію, это послѣднее изданіе вышло только въ одной части въ 1728 г.; встрѣтивши, какъ и слѣдовало ожидать на первыхъ порахъ, мало читателей между русскими, еще не подготовленными къ чтенію ученыхъ сочиненій, оно тотчасъ же прекратилось и было возобновлено уже только въ 1748 г. Труды академиковъ, такимъ образомъ, оставались неизвѣстными или недоступными для большинства русскаго общества; а это, есте-

(1) Истор. Акад. Наукъ Пекарскаго. II, XLIX.

(2) Свѣдѣнія о ихъ ученой дѣятельности тамъ же, томъ I.

(3) Очеркъ дѣятельности Академіи наукъ по отношенію къ Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія II. Пекарскаго. Записки Академіи наукъ т. V. 1864 г.

ственно, вскорѣ должно было повести къ тѣмъ жалобамъ на Академію наукъ, которыя мы часто встрѣчаемъ. Имѣя въ виду, между прочимъ, эти жалобы, Ломоносовъ въ 1761 году предлагалъ Академіи „всѣ диссертациі переводить на російскій языкъ и на ономъ печатать. Черезъ сіе избѣжимъ, говоритъ онъ, роптаній, и общество російское не останется безъ пользы. И сверхъ того, студенты, коихъ я на то назначу, будутъ привыкать къ переводамъ и сочиненіямъ диссертациій съ профессорскихъ примѣровъ“ (1). „Нельзя не пожалѣть искренно, замѣчаетъ по этому случаю Пекарскій въ своей исторіи Академіи наукъ, что эта полезная мѣра Ломоносова осталась только на бумагѣ: съ осуществленіемъ ея русская научная литература обогатилась бы множествомъ замѣчательныхъ произведеній по разнымъ наукамъ, и они, сдѣлавшись доступными для большаго круга читателей, несомнѣнно распространяли бы мало по малу знанія и любовь къ нимъ въ Россіи. Сама Академія наукъ, какъ справедливо ожидалъ этого Ломоносовъ, выиграла бы отъ того въ мнѣніи русскаго общества, которое считаетъ дѣятельность ея чуждою Россіи именно потому, что большая часть и притомъ важнѣйшихъ изъ произведеній ея членовъ является въ свѣтъ не на родномъ языкѣ“ (2).

Сочиненія по русской географіи и исторіи. Въ обзорѣ русской ученой литературы прежде всего должны быть указаны тѣ ученые труды, которые касаются непосредственно Россіи—труды по русской географіи и исторіи. Во время реформы Петра В. Европа захотѣла ближе познакомиться съ Россіей; между тѣмъ сама Россія въ это время еще не имѣла ни географіи своей, ни исторіи. Поэтому ученые, чтобы удовлетворить желанію Европы и насущнымъ потребностямъ Россіи, должны были обратиться къ изученію Россіи въ географическомъ, этнографическомъ и историческомъ отношеніи. Выше указано, что первый географъ и историкъ русскій, Татищевъ, составилъ обширный проэктъ географическаго и историческаго описанія Россіи: но самъ онъ успѣлъ выполнить только начало этого проэкта. Такъ какъ до сихъ поръ не было еще ни одной удовлетворительной карты Россіи, то прежде всего нужно было озаботиться составленіемъ подобной карты. По указу Петра, съ 1719 г. были разосланы по всей Россіи геодезисты, для снятія со всѣхъ провинцій ландкартъ

(1) Матеріалы Биларскаго, стр. 505.

(2) Исторія Акад. наукъ. Ч. II, 745.

съ описаніями, и приказано было немедленно присылать ихъ въ Сенатъ. Этими ландкартами и описаніями вздумалъ воспользо- ваться и составить изъ нихъ подробный русскій Атласъ тогдаш- ній оберъ-секретарь Сената И. К. Кириловъ, по словамъ Милле- ра, великій патріотъ и любитель географическихъ и статистиче- скихъ свѣдѣній. Занявшись этимъ дѣломъ, онъ до 1734 г. успѣлъ издать 14 картъ специальныхъ и одну генеральную карту Россіи. Въ то же время и на основаніи тѣхъ же работъ геодезистовъ, по убѣжденію Кирилова, занимался составленіемъ картъ академикъ Николай Делиль; въ 1746 г. отъ Академіи былъ изданъ первый ученый атласъ Россіи, состоящій изъ 19 специальныхъ картъ и одной карты генеральной. Въ 1733 г. была снаряжена ученая экспедиція въ Сибирь и Камчатку, подъ начальствомъ академи- ковъ Миллера, Гмелина и Людовика де-ла-Кройера, съ двумя русскими, данными въ пособіе имъ, студентами, Красильниковымъ и Крашенинниковымъ. Въ теченіе 10 лѣтъ Миллеръ и Гмелинъ, путешествуя по Россіи, отъ Новгорода до Якутска, собирали ма- теріалы для географіи и исторіи, описывая разные города и мѣст- ности, срисовывая древніе памятники, изучая племена разныхъ инородцевъ, ихъ языкъ, религію, нравы и обычаи, описывая жи- вотныхъ, растенія и минералогическія богатства Россіи. Плодами этой Сибирской экспедиціи были „Сибирская флора“ и „Описаніе путешествія“ Гмелина и „Сибирская исторія“ и „Сборникъ россій- ской исторіи“ Миллера. Въ одно время съ Сибирской экспедиціей въ 1734 г., подъ начальствомъ упомянутого Кирилова, была учреж- дена Оренбургская коммиссія. Въ числѣ членовъ этой коммиссіи былъ П. И. Рычковъ, такой же любитель географіи и статистики, какъ Кириловъ; онъ съ особеннымъ стараніемъ занимался гео- графическимъ и этнографическимъ описаніемъ Оренбургскаго и Астраханскаго края и составилъ: 1) Оренбургскую топографію, напечат. въ 1762 г. Спб. и 2) Астраханскую топографію, напеч. въ 1774 г. Москва (¹).

Начало въ русской исторической наукѣ двухъ противопо- ложныхъ теорій происхожденія Руси. Что касается исторіи, то Татищевъ, какъ указано выше, успѣлъ сдѣлать только сводъ русскихъ лѣтописей. Въ слѣдъ за тѣмъ начали заниматься соби- раемъ разнаго рода историческихъ матеріаловъ, построеніемъ исторіи вообще и въ частности изслѣдованіями по разнымъ исто- рическимъ вопросамъ. Первымъ изъ такихъ вопросовъ былъ са-

(¹) Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, П. Некарскаго. Спб 1867.

мый естественный вопрос о началѣ русскаго государства и о происхожденіи первыхъ русскихъ князей. Вопросъ этотъ рѣшался съ одной стороны подѣ влияніемъ существовавшаго тогда и уже указаннаго выше взгляда на исторію, какъ на собраніе примѣровъ для прославленія предковъ и назиданія потомковъ, а съ другой—подѣ влияніемъ происходившей тогда борьбы между русской и нѣмецкой партіями. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было появленіе съ самаго же начала въ русской исторической наукѣ двухъ противоположныхъ историческихъ теорій. Нѣмецкіе ученые начало русскаго государства и первыхъ князей производили отъ Скандинавскихъ Норманновъ; русскіе ученые—отъ древняго славянскаго рода. Творцомъ скандинавской теоріи происхожденія Руси былъ академикъ Байеръ (Феофилъ Зигфридъ, род. 1694, ум. 1738 г.), профессоръ исторіи и древностей, греческихъ и римскихъ ⁽¹⁾, написавшій на латинскомъ языкѣ нѣсколько сочиненій, объясняющихъ древнюю русскую исторію, каковы: 1) о происхожденіи и первоначальномъ мѣстопробываніи Скифовъ; 2) о мѣстоположеніи Скифовъ во времена Геродота; 3) о кавказской стѣнѣ; 4) о Варягахъ; 5) географія руссiйская и сосѣднихъ съ Россіею областей около 948 г. изъ Константина Порфирогенита; 6) географія руссiйская и сосѣднихъ съ нею областей около 948 года изъ книгъ сѣверныхъ писателей выбранная; 7) о первомъ походѣ руссiянъ подѣ Константинополь; 8) древности русскія; 9) древнія извѣстія объ Азовѣ и Крымѣ. Байеръ первый высказалъ мнѣніе, что Варяги были норманскаго происхожденія. Это мнѣніе подробно было развито Миллеромъ въ указанной выше рѣчи „О происхожденіи имени и народа русскаго“. Опровергая прежнія мнѣнія о происхожденіи русскихъ отъ Мосоха, сына Іафетова, или отъ Росса, упоминаемаго у пророка Іезекіиля, или отъ роксоланъ, скифовъ и сарматовъ, Миллеръ старался доказать, что варяги и скандинавы были одинъ и тотъ же народъ, что они сначала владѣли русскою землею, потомъ изгнаны были изъ нея и наконецъ снова призваны туда самими новгородцами, что слѣд. отъ варяговъ или скандинавовъ русскіе получили свое названіе и первыхъ князей. Противъ такого мнѣнія возстали Ломоносовъ и Тредьяковский и старались доказать, что варяго-руссы были не норманскаго, а славянскаго рода. Выше приведенъ разборъ рѣчи Миллера, сдѣланный Ломоносовымъ; въ дополненіе къ нему приведемъ здѣсь мнѣніе Ломоносова о древности славянскаго народа, высказанное имъ въ „Древней руссiйской исторіи“. „Имя славян-

(1) Свѣдѣнія о Байерѣ въ Истор. Академіи наукъ Пекарскаго, том. 1, стр. 180—196.

ское, говорить Ломоносовъ, поздно достигло слуха внѣшнихъ писателей: однакоже самъ народъ простирается въ глубокую древность. Народы отъ именъ не начинаются; но имена народамъ даются. Иные отъ самихъ себя и отъ сосѣдовъ единымъ называются. Иные разумѣются у другихъ подъ названіемъ, самому народу необыкновеннымъ, или еще и неизвѣстнымъ. Не рѣдко новымъ проименованіемъ старинное помрачается, или старинное, перешедъ домашніе предѣлы, за новое почитается у чужестранныхъ. Посему имя славенское, по вѣроятности, много давнѣе у самихъ народовъ употреблялось, нежели въ Грецію, или Римъ достигло и вошло въ обычай. О древности довольное и почти очевидное увѣреніе имѣемъ въ величествѣ и могуществѣ славенскаго имени, которое больше полуторыхъ тысячъ лѣтъ стоитъ почти на одной мѣрѣ; и для того помыслить невозможно, чтобы оно въ первомъ послѣ Христа столѣтіи вдругъ расплодилось до толь великаго многолюдства, что естественному бытію человѣческаго теченію и примѣрамъ возвращенія великихъ народовъ противно.... Правда, что славяне, отъ полунощной страны перешедъ за Дунай, въ Далмаціи и въ Иллирикѣ поселились въ началѣ шестаго вѣка; по слѣдуетъ ли изъ того, чтобы они, или ихъ единоплеменные тамъ прежде никогда не обитали?... Не могло ли быть, чтобы римскою силою утѣсненные иллирическіе славяне, во время войны, уклонились за Дунай къ полунощнымъ странамъ; потомъ, примѣтивъ римлянъ ослабѣніе, старались возвратиться на прежнія свои жилища... Несторъ утверждаетъ, что въ Иллирикѣ, когда училъ апостоль Павелъ, жительствоваали славяне, и что обитавшіе около Дуная, убѣгая насильнаго владѣнія нашедшихъ и поселившихся между ними римлянъ, перешли къ сѣверу.... Города многіе издревле показываютъ славенскій голосъ, съ дѣломъ согласный, и возводятъ вѣроятность на высочайшій степенъ⁽¹⁾.

Тредьяковскій, мы видѣли, не нашелъ въ рѣчи Миллера „никакого предосужденія Россіи“; однакожъ онъ не принималъ теоріи Байера о норманскомъ отечествѣ варяговъ, доказывалъ ея невѣрность и старался утвердить вмѣсто нея свою теорію о славянскомъ происхожденіи Руси. Эту теорію онъ развилъ въ „трехъ разсужденіяхъ о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ: 1) о первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ; 2) о первоначалии россовъ и 3) о Варягахъ-Руссахъ славенскаго званія, рода и языка“. Въ первомъ разсужденіи, указавъ на то, что славянскій языкъ называется двояко: „словенскимъ“ отъ слова или словесности, и „славенскимъ“ отъ славы, по славному военными

(1) Сочин. Ломоносова, изд. Смирдина; т. 3, стр. 87—93.

дѣйствіями народу, употреблявшему оный, онъ говорить, что „словенскій языкъ есть первенствующій между всѣми языками, происшедшими отъ племени Іафетова, а славенскій есть первородный словенскаго языка“. Одного корня съ словенскимъ и языкъ тевтоническій, но онъ моложе словенскаго. Въ древнія времена первоначально языкъ словенскій извѣстенъ былъ подъ именемъ скинскаго. Байеръ отвергаетъ древность скинскаго народа, замѣчая, что онъ является извѣстнымъ за 1514 лѣтъ до Р. Х., но всѣ писатели называютъ его древнѣйшимъ народомъ. А что Скионы и Цельты были народъ словенскій, это доказываютъ самыя первыя имена Скиновъ и Цельтовъ. „Знаю, замѣчаетъ онъ, что произведепіе именъ такой доводъ, который опасно и благоразумно приводить должно; ибо оно сходственнымъ звономъ, въ самомъ чуждомъ языкѣ изобрѣтаемымъ, способно и прельстить и обольстить можетъ. Но ежели такое произведепіе законамъ своимъ правильно слѣдуетъ; то едва ли сего доказательства, въ семъ случаѣ, возможетъ быть другое вѣроятіе“. Но, давъ обѣщаніе слѣдовать въ словопроизводствѣ правильнымъ законамъ, Тредьяковскій не исполняетъ его и вдается въ самыя произвольныя и смѣшныя толкованія именъ. „Чтожъ знаменуетъ Скитѣ? Скитѣ есть „Скитѣ“; и слѣд. Скитѣ суть „Скиты“ отъ скитанія т. е. отъ свободнаго прехожденія съ мѣста на мѣсто; а слова „скитаніе“ и „скитаться“ суть точныя словенскія. Цельтъ по словенски „Желтъ“, Цельты (кельты) слѣдственно желты т. е. народъ свѣтлорусый. Скионы назывались разными именами и всѣ скинскія имена объясняются изъ словенскаго языка. Гелонъ есть Челонъ т. е. Челестый. Агатирсъ—Окодиръжъ т. е. Окодержъ, отъ падемотръ, или надзора. Геты суть Четы т. е. станицы или общества; Мессагеты—Мѣсточеты т. е. общества, преходящія по мѣстамъ: Исседоны—Ищедомы; Сарматы—Зараматы (отъ Ра, Волга, народъ, живущій за Волгой) были также Скионы и по словенски говорили. Имена Цельтическихъ народовъ также словенскія. Гамериты отъ Гамера, сына Іафетова; Иберы—Цельты, живущіе за пирнейскими горами; Гіспанія есть Выспанія (Выспа-островъ); Лусітанія, нынѣ Португаллія—Лисшаданія, или Лешеденія, по лишенію дня, какъ страна самая послѣдняя на Западѣ; Галлія—Цельтія—Желтая; Гельвеція, или правѣ Гелветія, нынѣ Швейцарія, есть Голветія, или Головѣтія, отъ малаго земли сея плодоносія; Британія есть Братанія, отъ того, что Британскіе Цельты одного рода съ Галлическими, отъ ихъ братства, или Пристанія, такъ названная первыми, приставшими къ ней, пріѣхавшими съ моря поселенцами. Германію германцы производятъ отъ земли, населенной военными людьми: „Гверре и Манъ“; но намъ мнится, что ей должно происходить отъ словенскаго языка: она есть или отъ

холмовъ „Холманія“ или „Ярманія“ отъ ярма, означающаго трудолюбивыхъ земледѣльцевъ, или „Норманія“, по обилію корма и паствы. Излишне и упоминать о Поруссіи и о Помераніи, ибо издревле словенское имѣютъ имя: Порусь и Поморіе. Давія или Денія отъ дня; Швеція—Свѣтія, отъ свѣта, свѣтлая; Норвегія—Наверхія т. е. страна, лежащая навѣрхъ къ сѣверу; Скандинавія—Шкодынавѣя т. е. отъ вреда вѣющаго въ ней съ близкаго сѣвера вѣтра; Италія, всеконечно, отъ словенскаго Удалія т. е. страна, удаленная отъ сѣвера; Сицилія—Сѣчелія, отсѣченная отъ Италіи“. Читая всѣ эти объясненія въ настоящее время, можно подумать, что они составлены не для серьезной цѣли, а для шутки; до такой степени они смѣшны и наивны. Между тѣмъ самъ Тредьяковскій придавалъ имъ чрезвычайно важное значеніе, и оканчивая ихъ, онъ говоритъ: „Всѣ сія произведенія имѣтъ не токмо не восхищеніе за предѣлы умѣренности, но и не сомнительное и единственное показаніе или самое історическое доказательство, что древнѣйшій всего Запада и Сѣвера европейскаго языкъ былъ одинъ словенскій, отецъ по прямой чертѣ славенскому, славенороссійскому, польскому, чешскому, далматскому, сербскому, болгарскому, хорватскому, расціанскому и многимъ прочимъ, а вотчимъ, или лучше отецъ же, но только съ косвенныхъ стороны, всѣмъ тевтоническимъ и цѣмбрическимъ“ (1). Впрочемъ, въ то время подобныя объясненія, дѣйствительно, не считались „восхищеніемъ за предѣлы умѣренности“; они встрѣчались и у другихъ, не только русскихъ, но и нѣмецкихъ ученыхъ историковъ. Академикъ Байеръ производилъ Москву отъ Московъ т. е. мужскаго монастыря; Псковъ отъ псовъ, городъ псовый; въ имени Святослава видѣлъ скандинавскій корень „свен“; во Владимірѣ—Вольдемара, въ Всеволодѣ—Визавалидура (2). Миллеръ, по замѣчанію Ломоносова, имя города Холмогоръ производилъ отъ Голмгардіи, которымъ его скандинавцы называютъ. „Ежели бы я хотѣлъ, прибавляетъ при этомъ Ломоносовъ, по примѣру Байеро—Миллеровскому перебрасывать литеры, какъ зерна, то бы я право сказалъ Шведамъ, что они столицу неправо Стокгольмомъ называютъ, но должно имъ называть оную „Стіокольной“, для того, что она такъ слыветъ у русскихъ“ (3). Во второмъ разсужденіи „О первоначаліи Россіи“ Тредьяковскій доказываетъ, что народъ „Русь, или Россъ былъ издревле

(1) Сочин. т. 3. стр. 319—367. — (2) Писатели русской исторіи XVIII в. С. Соловьева. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи. Кн. 2, стр. 49.

(3) Пекарск. Истор. Акад. наукъ. ч. 2, стр. 432.

сой самый, который нынѣ собственно именуется россійскимъ, и говорилъ онъ сперва словенскимъ языкомъ, а потомъ славенскимъ и славенороссійскимъ языкомъ“. Праотцемъ Россовъ и Мосховъ, говоритъ онъ, былъ Россъ-Мосохъ, седмой сынъ Іафета, упоминаемый у пророка Іезекіиля (¹). Россы и Мосхи одинъ народъ, но разныя поколѣнія. Онъ приписываетъ мнѣніе Синописа, что отъ Мосоха, славено-россійскаго праотца, произошла не только Москва, но и вся Русь или Россія, Россіане. Россіане имѣютъ разныя наименованія: по первородству они Скифы и Сарматы; по праотцу Россы: отъ сего и Россаны, и Россоланы, и Ругин и Рушнн, и Рассы, и Руссіаны, и Русаны, и Рутены, и Рутени, и Руцинн, и напоследокъ Россіане“ (²). Въ третьемъ разсужденіи „О Варягахъ-Руссахъ славенскаго званія, рода и языка“ Тредьяковскій опровергаетъ мнѣніе Байера, что варяго-русскіе князья прибыли въ Россію изъ Скандинавіи, изъ Швеціи, Даніи или Норвегіи, что Варяги были Шведы или Датчане или Норвежцы, доказывая, что Варяги были славянскаго рода и племени. „Варягъ, говоритъ онъ, есть имя глагольное, происходящее отъ славянскаго глагола „варяю“, значащаго „предваряю“, „Варяги т. е. предварители“. Но такіе предварители въ востокъ, сѣверъ, западъ и югъ, были не изъ однихъ Датчанъ, Шведовъ, Норвежцевъ и Скандинавовъ, но изъ всѣхъ поколѣній какъ цельтическихъ, такъ и славянскихъ... у Нестора Варягами называются всѣ безъ изъятія европейскіе поселенцы, первенствующие обитатели всей Европы т. е. предварители. „И такъ Варяги-Руссы, отъ которыхъ призваны великіе князья въ Новгородъ, суть не что иное какъ только предварители на тѣ мѣста, на коихъ они обитали. Хотя въ такомъ смыслѣ Варягами предварителями разумѣются всѣ первѣйшіе пришельцы въ Азію, предварившіе другихъ въ европейскомъ востокѣ, сѣверѣ, западѣ и полудни, но у насъ въ позднѣйшія времена Варягами предварителями назывались тѣ, которые обитали по берегамъ Балтическаго моря и по рѣкамъ, въ него впадающимъ“.... Указавъ далѣе на то, что въ шестомъ вѣкѣ, въ царство кесаря Маврикія, славяне вошли въ Далматію, Иллирію и въ ближнія области, назвавши ихъ Славонією, а пребывали они тогда въ Помераніи, въ Россіи, въ Польнѣ, въ Силезіи, въ Моравіи и въ Богеміи, словомъ во всей нынѣшней поперекъ пѣмечкой землѣ, отъ Балтическаго моря до Средиземнаго, Тредьяковскій говоритъ: „но въ Помераніи, вмѣстѣ

(¹) Іезек. 38, 2; 39, 1; здѣсь Россъ и Мосохъ упоминаются отдѣльно, но Тредьяковскій доказываетъ, что они составляютъ одно лице.

(²) Сочин. томъ 3, 370—476.

съ прочими словенскими народами обитали такъ называемые Руги, по нѣмецкому латинскихъ буквъ произношенію, а по римскому истинному Руджии и Ружии, слѣд. и Рунии и Русси, и потому Руссы. Сія точно суть Варяги, отъ которыхъ призваны великіе князья государствовать въ Новгородскую державу, прибывшіе въ полунощную Россію 862 г. т. е. во второй половинѣ девятаго вѣка, по Христовомъ Рождествѣ“.... „Рурікъ есть Ругрікъ т. е. мужъ Ругскія (Русскія) рѣчи.... Триворъ и Триборъ есть стиратель воровъ, и трехъ поборающій. Синавъ есть сынъ Навъ т. е. сынъ новый: а буде онъ Сенеусъ или Сенаусъ, то значить сановный усь.... пишется сіе имя индѣ и Синеусъ, слово само по себѣ ясное, отъ синеты и уса, по примѣру бѣлоуса и черпоуса“.... Подобнымъ же образомъ далѣе изъ славянскаго языка объясняются имена Игоря, Святослава, Владиміра, Оскольда и Дира, Рогвольда и Рогняды, названія днѣпровскихъ пороговъ и опровергаются тѣ объясненія ихъ, какія сдѣланы Байеромъ ⁽¹⁾. Такимъ образомъ, опровергая теорію Байера и Миллера о скандинавскомъ происхожденіи Руси, Тредьяковский устанавливаетъ новую теорію славянскую, которая съ тѣхъ поръ начала развиваться другими писателями и во многихъ пунктахъ держится еще до сихъ поръ. Особенное значеніе въ ней имѣетъ мнѣніе о происхожденіи Руси отъ померанскихъ Ружанъ и что Рюрикъ, Синеусъ и Триворъ были Ругенскіе князья. Это мнѣніе и въ настоящее время поддерживается поборниками славянскаго происхожденія Варяговъ-Руси.

Такого же воззрѣнія на происхожденіе Руси держался и Сумароковъ. Въ статьѣ „О происхожденіи російскаго народа“ онъ говоритъ: „Сердце Россіи называлось древнимъ обиталищемъ Иперборейцовъ; имена Словенска и на томъ же мѣстѣ Новаграда извѣстны стали послѣ, а прежде были тутъ жилища дикихъ сарматовъ. Мы и почти все, по нынѣшнему времени, знатнѣйшіе европейцы суть цельты, а языкъ цельтской есть языкъ славенской, который отъ древняго почти единою долготою времени отмѣщенъ.... Цельты, сей древнѣйшій народъ, современный Контамъ и Скиоамъ, вышедъ изъ Азій въ малолюдную тогда Европу, жителей ея частію выгнавъ на сѣверъ, частію покоривъ, присвоили себѣ почти всю Европу. Фракія, Македонія, Пиллирикъ и прочія извѣстныя намъ нынѣ подъ именемъ славенскихъ провинцій земли населены Цельтами. Цельты проникли въ Германію, Галлію и чрезъ Пиринейскія горы въ Гесперію, чрезъ проливъ морской въ Британію.... Гальскіе Цельты и славенскіе болѣе всехъ прочихъ

⁽¹⁾ Сочин. т. 3, стр. 477—540.

прославились, усиливсь изгнаніемъ прежнихъ жителей, и нарѣк-
лиси первые „Галлами“ отъ цельтскаго слова „гулю“, т. е. „гу-
ляками“, или странниками, а славенскіе цельты нарѣлиси сла-
вянами знаменуясь „славными“, какъ „Вандалы“ отъ того, что
вышли „вонъ далѣ“, нарѣлиси „Вондалы“, а изъ этого Ван-
далами отъ другихъ нарѣченъ народовъ... А отъ имени Вандала
произошли нѣмецкія слова „вапдереръ“ странникъ, „вандеритъ“
страстновать; а отъ глагола вандеритъ нѣмцы дали имя Венды
т. е. странники... Британы назвались отъ „брѣтыхъ“ головъ...
Португалцы отъ пристани гальской. Языки всѣхъ этихъ цель-
тическихъ народовъ измѣнялись отъ смѣшенія съ разными наро-
дами; только одни славяне остались при своемъ прежнемъ т. е.
при цельтскомъ языкѣ, который нынѣ подъ именемъ словенскаго
въ разныхъ нарѣчіяхъ пребываетъ. Для доказательства цельтиче-
скаго происхожденія славянскаго и европейскихъ языковъ, Сума-
роковъ сравниваетъ нѣсколько словъ русскихъ, латинскихъ и нѣ-
мецкихъ; молитву Господню приводитъ „по карійски, по лувати-
чески, по чешски, по польски, по словенски, по кротски, по
далматски, по болгарски, по сербски, по вандальски“ ('). Приве-
денныя выше мѣста показываютъ, что Сумароковъ объяснялъ сло-
ва или названія странъ, языковъ и народовъ также смѣшно и
произвольно, какъ и Тредьяковскій. Въ другой статьѣ: „Присту-
пленіе къ исторіи Петра В.“, онъ говоритъ: „Рѣка Волховъ на-
зывается симъ именемъ отъ того, что будто нѣкогда былъ въ
Новѣгородѣ волхвъ, который превращался въ звѣря, бѣгалъ по
водамъ симъ“... „Москва имѣетъ имя отъ худыхъ мостковъ, ко-
торые на семь мѣстѣ по болотамъ положены были, и называлось
тогда отъ проѣзжихъ: ѣхать къ сему мѣсту ѣхать къ мосткамъ,
отъ чего по созданіи города не называли ѣхать въ Москву, какъ
напр. въ Новгородъ, въ Казань и проч., но къ Москвѣ, какъ то
и нынѣ прямою московскою рѣчью говорится“. Сумароковъ по-
нималъ значеніе филологін для исторіи: „языкъ, говоритъ онъ,
есть ко снисканію исторической истины вѣрнѣйшій руководитель“;
но онъ ошибался, думая, что подобныя объясненія, основанныя
на произвольномъ сопоставленіи и созвучіи словъ, могутъ быть
признаны наукою филологическими и могутъ имѣть значеніе въ
настоящей исторіи. Но ни Тредьяковскій, ни Ломоносовъ, ни
Сумароковъ не были собственно историками, а писали указан-
ныя историческія сочиненія по случаю: настоящими историками
этого времени были Миллеръ и Шлецеръ.

(') Сочин. т. X. стр. 106 - 119.

Историческіе труды Миллера ⁽¹⁾. Миллеръ (Герардъ - Фридрихъ, русскіе звали его Федоръ Ивановичъ, род. въ 1705, ум. въ 1783 г.) родомъ изъ Вестфалии, воспитанникъ Лейпцигскаго университета, былъ вызванъ въ Россію въ 1725 г. при самомъ почти основаніи Академіи наукъ и служилъ въ ней въ продолженіе 58 лѣтъ. Сначала онъ былъ опредѣленъ альянментомъ по историческому и географическому департаменту; потомъ въ 1728 году сдѣланъ былъ вице-секретаремъ Академіи, и, состоя въ этой должности велъ переписку съ иностранными учеными, издавалъ „Академическіе комментаріи“ на латинскомъ языкѣ и „Сокращеніе Академическихъ комментаріевъ“ на русскомъ языкѣ; съ 1728 по 1730 г. издавалъ Петербургскія Вѣдомости и Примѣчанія къ нимъ. Въ 1730 г. Миллеръ сдѣланъ былъ профессоромъ исторіи и началъ издавать „Сборникъ статей, относящихся къ русской исторіи“ (Sammlung Russischer Geschichte). Этотъ сборникъ, въ которомъ помѣщались выдержки изъ русскихъ лѣтописей, предназначался для ознакомленія съ исторіей русской европейскіхъ ученыхъ. Въ 1733 г. Миллеръ былъ назначенъ въ Сибирскую экспедицію и находился въ ней 10 лѣтъ. По возвращеніи изъ этой экспедиціи онъ началъ издавать на основаніи собранныхъ матеріаловъ „Сибирскую исторію“. Въ 1747 г. былъ сдѣланъ ректоромъ академическаго университета и российскимъ исторіографомъ. Съ 1755 г. началъ издавать учено-литературный журналъ „Ежемесячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащихъ“. Въ тоже время онъ продолжалъ издавать до 1765 г. Сборникъ российской исторіи и издалъ 10 частей. При Екатеринѣ II, въ 1765 г. Миллеръ былъ назначенъ главнымъ надзирателемъ Воспитательнаго дома въ Москвѣ, по такъ какъ эта должность мѣшала его ученымъ занятіямъ, то онъ былъ переведенъ оттуда въ инспекторы московскаго Архива иностранной коллегіи. Состоя въ этой должности, онъ въ тоже время составлялъ планы для учрежденія училищъ въ Россіи: въ качествѣ депутата отъ Академіи наукъ, участвовалъ въ Комиссіи для составленія новаго Уложенія; приготовлялъ къ изданію собраніе договоровъ Россіи съ иностранными державами.—Эта разнообразная и изумительно трудолюбивая дѣятельность Миллера показываетъ, что онъ дале-

---

(1) Свѣдѣнія о Миллерѣ: въ Словарѣ митр. Евгенія; въ статьѣ Соловьева: Герардъ-Фридрихъ Миллеръ. Современ. 1854 г. XLVII; въ Истор. Акад. наукъ Пекарскаго. Т. I, стр. 308 — 430. — О трудахъ по русской исторіи Миллера и Шлецера смотр. въ статьѣ А. С. Архангельскаго: Первые труды по изученію начальной русской лѣтописи, Казань 1886. Отдѣльный оттискъ изъ Учен. Зап. Каз. Универс. за 1886 г.

ко возвышался надъ всѣми современными нѣмецкими учеными, служившими въ Россіи. Тогда какъ другіе занимались науками большею частію отвлеchenно отъ Россіи, и живя въ Россіи, не считали обязапностію выучиться русскому языку, Миллеръ прежде всего позаботился познакомиться съ славянскимъ и русскимъ языкомъ и потомъ старался изучитъ Россію не для Европы только, но и для самой Россіи. Существенная заслуга Миллера состоитъ именно въ томъ, что онъ познакомилъ Россію съ ея исторіей и Европу съ Россіей. Почти всѣ историческія сочиненія Миллера помѣщены въ Сборникѣ россійской исторіи, въ Академическихъ Комментаріяхъ и въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ. Главныя и болѣе важныя изъ нихъ: 1) Описаніе Сибирскаго царства (на нѣмецкомъ языкѣ въ Сборникѣ россійской исторіи, въ русскомъ переводѣ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ); 2) О началѣ имени и народа Руссовъ (1745 г. на латинскомъ и русскомъ языкахъ); 3) О пропехожденіи казаковъ (въ Ежем. сочиненіяхъ); 4) Описаніе трехъ языческихъ народовъ, въ Казанской губерніи обитающихъ (чуваши, черемисы и вотяковъ, напеч. въ Сборникѣ россійской исторіи и въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ); 5) Разсужденіе о первѣйшемъ русскомъ исторіописателѣ, Несторѣ (напеч. тамъ же въ 1755 г.); 6) О первыхъ путешествіяхъ россіянъ въ Китай (тамъ же); 7) О началѣ Новгорода и новгородскихъ князьяхъ (напеч. въ 1761 г. въ Ежем. соч.); 8) Два разсужденія о древнихъ могилахъ въ Сибири и Новороссійской губерніи (въ Ежем. соч. 1764 г.); 9) Повѣствованіе о обстоятельствахъ возведенія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича (1767 г. напечатано въ Магазиѣ Бюшинга); 10) О коронованіи в. к. Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича; 11) О бракосочетаніяхъ царя Іоанна Васильевича; 12) Разсужденіе о народахъ, которые въ древности Россію населяли. Кромѣ своихъ, Миллеръ издалъ много сочиненій другихъ писателей. Къ нимъ относятся: 1) Описаніе Камчатки Крашенинникова въ 1755 г.; 2) Собраніе нѣкоторыхъ проповѣдей Гавріила Бужинскаго въ 1768 г.; 3) Судебникъ в. к. Іоанна Васильевича и нѣкоторые его указы, собранные Татищевымъ, напеч. въ 1768 г.; 4) Ядро россійской исторіи А. Манкѣва въ 1771 г.; 5) Исторія Россійская Татищева, 4 части, напечат. въ 1771—1774 г.; 7) Географическій лексиконъ россійскаго государства, составленный Полунинымъ, напечат. 1773 г.; 8) Письма Петра В. къ графу Б. П. Шереметеву, напечат. въ 1774 г. Въ теченіе своей продолжительной ученой службы Миллеръ собралъ множество матеріаловъ, которыми пользовались другіе писатели. Такъ, нѣкоторые изъ его матеріаловъ вошли въ Труды Вольнаго россійскаго собранія, издававшіеся при Московскомъ университетѣ въ 1774 г., въ Древнюю россійскую Вивлію-

онку Новикова; въ Дѣянія Петра В. Голикова. Щербатовъ въ Предисловіи къ своей исторіи замѣчаетъ, что при составленіи онъ пользовался совѣтами и наставленіями Миллера ⁽¹⁾.

Историческіе труды Шлецера ⁽²⁾. Шлецеръ (Августъ - Людовикъ род. 1735, ум. 1809 г.), воспитанникъ Виртембергскаго и Геттингенскаго университетовъ, былъ вызванъ въ Россію Миллеромъ въ 1762 г. (начала онъ былъ опредѣленъ адъюнктомъ Академіи, а потомъ въ 1765 былъ сдѣланъ профессоромъ русской исторіи и началъ собирать списки русскихъ лѣтописей и сличать ихъ самымъ тщательнымъ образомъ и съ величайшимъ терпѣніемъ. Результатомъ этихъ трудовъ былъ его знаменитый „Сводъ русскихъ лѣтописей“, сдѣланный по 10 древнимъ спискамъ. Составленіемъ этого Свода онъ занимался посреди разныхъ другихъ занятій, до конца своей жизни въ теченіе 40 лѣтъ. Въ первый разъ образецъ этого Свода онъ напечаталъ на латинскомъ и славянскомъ языкахъ уже по выѣздѣ изъ Россіи въ 1769 г. въ Геттингенѣ, подъ названіемъ: *Annales russici slavonice et latine cum varietate lectionis ex codicibus X usque ad annum 879*. Полное изданіе Свода началось только съ 1802 г., когда были напечатаны 1 и 2 части его; въ 1805 г. напечатаны и 3 и 4 части, а 5 часть, содержащая исторію княгини Ольги, князей Святослава и Ярополка, въ 1809 г. Шлецеръ предполагалъ довести свой Сводъ до 1054 г. и слѣд. объяснить княженіе Владимира, Святослава и Ярослава; но не успѣлъ этого сдѣлать. Кромѣ этого главнаго труда, извѣстны и другіе труды Шлецера по русской исторіи. Еще въ 1764 г., въ слѣдствіе запроса Академіи, какимъ образомъ можно составить древнюю русскую исторію, онъ представилъ планъ для ея составленія, а потомъ еще подробнѣе развилъ его въ Предисловіи къ Несторову лѣтописцу, изданному въ 1767 г. по Кенигсбергскому списку Таубертъ и Барковымъ. Въ 1768 онъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ „Опытъ русскихъ лѣтописей“; потомъ онъ издалъ „Русскую Правду“; вмѣстѣ съ Вашиловымъ Никоновскій списокъ лѣтописи и Судебникъ царя Іоанна Васильевича. Въ 1769 г. онъ издалъ на француз-

(1) О другихъ сочиненіяхъ и изданіяхъ Миллера въ Словарѣ митр. Евгенія и въ Исторіи Академіи наукъ Некарскаго том. 1.

(2) Свѣдѣнія о Шлецерѣ: въ Словарѣ митр. Евгенія; въ Сборникѣ 2-го Отд. Акад. наукъ 1875 г. том. XIII: общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи съ 1761 до 1765 г. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича.

скомъ языкѣ руководство для женскихъ учебныхъ заведеній, подъ названіемъ: „Картина російской исторіи“ (переведенное дважды на русскій языкъ) и потомъ въ томъ же году одну часть русской исторіи до 1147 года. Въ 1769 г. Шлецеръ перешелъ въ Геттингенскій университетъ. Здѣсь онъ издавалъ „Всеобщую сѣверную исторію“, а въ 1773 напечаталъ статью „Объ Аскольдѣ и Дирѣ“. Но и по оставленіи Россіи, онъ не прерывалъ сношеній съ нею. Въ Геттингенскихъ ученыхъ извѣстіяхъ онъ нѣсколько времени помѣщалъ рецензіи на русскія книги: въ Геттингенскій университетъ Академія наукъ посылала къ нему русскихъ студентовъ изучать историческую науку; по предложенію Шлецера, въ 1804 г. было открыто при Московскомъ университетѣ знаменитое „Общество исторіи и древностей российскихъ“.

Въ тѣсной связи съ дѣятельностію Шлецера находятся нѣкоторые труды по исторіи *Штриттера* (Іоаннъ Готтлибъ род. 1740, ум. 1801 г.). По порученію Шлецера, Штриттеръ составилъ на латинскомъ языкѣ извлеченіе изъ Византійскихъ писателей, подъ заглавіемъ: „Записки о народахъ, древле при Дунаѣ, Черномъ и Азовскомъ морѣ, кавказскихъ горахъ, Каспійскомъ морѣ и далѣе къ сѣверу обитавшихъ, выбранныя и въ порядокъ приведенныя изъ византійскихъ писателей“. Изъ этого обширнаго сочиненія онъ сдѣлалъ сокращеніе на нѣмецкомъ языкѣ, относящееся преимущественно къ русской исторіи, переводъ котораго былъ сдѣланъ Свѣтовымъ и напечатанъ въ 1774 г. подъ заглавіемъ: „Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія исторію російскую древнихъ временъ и переселенія народовъ“. Кромѣ того, Штриттеръ, по порученію Коммиссіи училищъ, составилъ, также на нѣмецкомъ языкѣ, „Исторію російскую“, доведенную до 1594 г. и состоящую изъ 8 частей: на русскій языкъ были переведены и напечатаны только 3 части ⁽¹⁾.—Адъюнктъ Академіи *Фишеръ* (Іоаннъ Эбергардъ род. 1607 г.), участвовавшій въ Сибирской экспедиціи, будучи недоволенъ Сибирской исторіей Миллера, написалъ свою Сибирскую исторію, или Описаніе Сибирскаго царства на нѣмецкомъ языкѣ (1768 г.), которое въ нѣкоторыхъ пунктахъ, дѣйствительно, можетъ служить дополненіемъ къ Миллеровой исторіи ⁽²⁾.—Выше указано, что членъ Оренбургской коммиссіи, *Львовъ* занимался изученіемъ оренбургскаго и астраханскаго края; кромѣ упомянутыхъ сочиненій по географіи, онъ составилъ нѣсколько историческихъ сочиненій, каковы: „Исто-

⁽¹⁾ Свѣдѣнія о Штриттерѣ въ Словарѣ Евгенія, том. II. 182—184.

⁽²⁾ Свѣдѣнія о Фишерѣ въ Истор. Акад. наукъ Пекарскаго, т. I, стр.

рія Оренбургская“, „Опытъ Казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ“ (напеч. въ 1767 г.); „Краткое извѣстіе о татарахъ и о нынѣшнемъ состояніи тѣхъ народовъ, которые въ Европѣ подъ именемъ татаръ разумѣются“.

Сочиненія по философiи и другимъ наукамъ. Не такъ успѣшно шла разработка другихъ наукъ. Науки въ это время еще не были специализованы, какъ нынѣ; да и людей ученыхъ было такъ мало, что одно лице не могло посвящать всѣ свои силы одной какой-либо наукѣ, а должно было заниматься нѣсколькими науками. Представители европейской науки въ первой половинѣ XVIII в. нѣмецкіе философы, Лейбницъ и Вольфъ, какъ выше указано, были учеными-энциклопедистами, были философами, математиками, историками и лингвистами; еще болѣе, разумѣется, представлялось необходимости быть энциклопедистами для русскихъ ученыхъ. Ученая и литературная дѣятельность ученика Вольфа, Ломоносова, была чрезвычайно разнообразна. Магистръ философiи, Поповскій, преподававшій философiю въ Московскомъ университетѣ, переводилъ въ тоже время стихотворенія Анакреона, Горация и Попа. А. Барсовъ, занимавшійся съ любовью математикой и оказавшій въ ней „непосыдныя успѣхи“, былъ сначала профессоромъ математики, а потомъ переведенъ былъ на кафедру словесности. Профессоръ астрономіи Никита Поповъ переводилъ древнюю исторію Іустина; математикъ Адодуровъ писалъ русскую грамматику, правила русской орфографіи и вообще занимался грамматическими вопросами. Не смотря, однакожъ, на существовавшее тогда смѣшеніе разныхъ областей знанія, можно указать на нѣкоторыя болѣе выдающіяся въ нихъ явленія. Первыми профессорами философiи въ Академіи наукъ были Мартини (Христіанъ род. 1699 г.) и Бюльфингеръ (Георгъ Беригардъ род. 1693, ум. 1750 г.), ученики Вольфа, который и рекомендовалъ ихъ Академіи; но въ Россіи они оставались не долго. Первыми преподавателями философiи въ Московскомъ университетѣ изъ русскихъ были Поповскій, Анничковъ и Бранцевъ.

Николай Никитичъ Поповскій (род. 1730, ум. 1760 г.) сначала воспитывался въ духовныхъ училищахъ, а потомъ слушалъ лекціи Тредьяковскаго и Ломоносова въ академическомъ университетѣ. Первыми опытами его литературной дѣятельности были: эклога въ стихахъ „Зима“ и переводъ съ французскаго „Опыта о челоѣкѣ“ Попе, сдѣланный имъ въ 1754 г. Въ 1755 г. Поповскій былъ опредѣленъ профессоромъ философiи въ Московскомъ университетѣ и началъ свои лекціи вступительной рѣчью „О пользѣ и важности теоретической философiи“. Въ этой рѣчи

онъ представляетъ философію, какъ науку наукъ, въ видѣ великолѣпнаго храма вселенной. „Отъ нея зависятъ, говоритъ онъ, всѣ познанія; она мать всѣхъ наукъ и художествъ. . Хотя она въ частныя и подробныя всѣхъ вещей разсужденія не вступаетъ, однако главнѣйшія и самыя общія правила, правильное и необманчивое познаніе натуры, строгое доказательство каждой истины, раздѣленіе правды отъ нея одной зависитъ. Подобно какъ архитекторъ, не вмѣшиваясь въ подробное сложеніе каждой части зданія, однако каждому художнику предписываетъ правила, порядокъ, мѣру, сходство частей и положеніе всего строенія, такъ что безъ одного его самыя искуснѣйшіе художники успѣть не могутъ“. (Опредѣливъ отношеніе философіи къ другимъ наукамъ, онъ указываетъ потомъ на нравственное ея значеніе для человѣка, поставляя ея главною обязанностію дѣйствовать на людей, отступившихъ отъ Бога, и приводить ихъ къ Богопознанію путемъ изслѣдованія самихъ законовъ и явленій природы. Въ слѣдствіе классическаго направленія во всей наукѣ того времени, философія преподавалась тогда на латинскомъ языкѣ. Поповскій сильно возстаетъ противъ этого обычая и доказываетъ, что она должна и удобно можетъ быть преподаваема у каждого народа на народномъ языкѣ, а въ Россіи на русскомъ языкѣ. „Кто хочетъ научиться философіи, говоритъ онъ, тотъ долженъ искать стараго Рима, или яснѣе сказать, долженъ пѣть, или больше лѣтъ употребить на изученіе латинскаго языка. Какой тяжелой доступъ. Но напрасно мы думаемъ, будто ей столь много латинскій языкъ понравился. Я чаю, что ей умершихъ и въ прахъ обратившихся уже римлянъ разговоръ довольно наскучилъ.... Дѣти ея, арифметика, геометрія, механика, астрономія и прочія съ народами разныхъ языковъ разговариваютъ, а мать, странствовавши чрезъ толикое множество лѣтъ по толь многимъ странамъ, ни одного языка не научилась! Наука, которая разсуждаетъ о всемъ, что ни есть въ свѣтѣ, можетъ ли довольствоваться однимъ римскимъ языкомъ, который, можетъ быть, и десятой части ея разумѣнія не вмѣщаетъ? Коль далеко простирается ея понятіе, въ коль многихъ странахъ обрѣтаются тѣ вещи, которыя подвержены разсужденіямъ, толь многіе языки ей приличны.... Вѣкъ философіи не кончился съ Римомъ; она со всѣми народами послѣдующихъ вѣковъ на ихъ языкѣ разговаривать не отречется; мы начинаемъ ей великой стыдъ и обиду, когда думаемъ, будто она своихъ мыслей ни на какомъ языкѣ истолковать, кромѣ латинскаго, не можетъ. Прежде она говорила съ греками, изъ Греціи переманили ее римляне; она римской языкъ переняла весьма въ короткое время и (съ) несмѣтною красотой разсуждала поримски, какъ не задолго прежде погречески. Не можетъ ли и мы ожидать

подобнаго успѣха въ философіи, какой получили римляне?... Что-жъ касается до изобилія російскаго языка, въ томъ предѣ нами римляне похвалиться не могутъ. Нѣтъ такой мысли, кою бы поросійски изъяснить было невозможно. Что жъ до особенныхъ, надлежащихъ къ философіи, словъ, называемыхъ терминами, въ тѣхъ намъ нечего сомнѣваться. Римляне по своей силѣ слова греческія, у коихъ взяли философію, переводили поримски, а конхъ не могли, тѣ просто оставляли. По примѣру ихъ тожъ и мы учинить можемъ.... Итакъ съ Божіимъ споспѣшествованіемъ начнемъ философію не такъ, чтобы разумѣлъ только одинъ изъ всей Россіи, или нѣсколько человѣкъ, но такъ, чтобы каждый, російской языкъ разумѣющій, могъ удобно ею пользоваться“ (1). Въ этомъ взглядѣ Поповскаго на значеніе философіи и въ стремленіи преподавать ее на русскомъ языкѣ, ясно сказывается ученіе Ломоносова, вполне усвоившій и научныя и патріотическія его убѣжденія. Въ 1756 г., на торжественномъ актѣ университета, онъ говорилъ рѣчь о значеніи Московскаго университета, на которую мы уже указали выше, и написалъ благодарственную оду импер. Елисаветѣ. Въ томъ же году, подражая посланію Ломоносова „О пользѣ стекла“, написалъ стихами посланіе къ Шувалову „О пользѣ наукъ и о воспитаніи во оныхъ юношества“, въ которомъ, доказывая необходимость для современнаго человѣка научнаго образованія, говоритъ:

«Прошли тѣ времена, прошли златые вѣки.
Какъ разумомъ простымъ водились человеки,
Не вѣдая наукъ, незлобіе блуждал,
И отъ неправдъ себя, какъ яда, берегнул».

Ученія занятія тогда смѣшивались съ литературными. Преподавая философію, Поповскій въ тоже время и преимущественно занимался переводами и перевелъ нѣсколько одъ Горация и его эпистолу *De arte poetica*, нѣсколько одъ Анакреона, книгу Локка „О воспитаніи“, и большую половину „Исторіи Тита Ливія“ (2). Наконецъ въ послѣдніе годы жизни онъ преподавалъ

(1) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета. Москва 1855. Ч. II, стр. 308—310.

(2) Переводъ исторіи Тита Ливія не былъ изданъ; говорятъ, что Поповскій, за нѣсколько дней до своей смерти, сжегъ его вмѣстѣ со многими своими стихотвореніями, считая эти произведенія недовольно исправными въ слогѣ и опасаясь, чтобы по смерти его не напечатали ихъ. Біограф. словарь, ч. II, стр. 318.

словесность.—*Д. С. Аничковъ* (ум. 1788 г.) былъ профессоромъ логики, метафизики и чистой математики. Для приобрѣтенія степени профессора онъ написалъ на латинскомъ языкѣ „Разсужденіе о происхожденіи религіи у разныхъ народовъ“. На латинскомъ же языкѣ онъ напечаталъ „Дополненія къ логикѣ и метафизикѣ Баумейстера“. На русскомъ языкѣ въ разные времена произнесъ нѣсколько рѣчей въ торжественныхъ собраніяхъ университета, о разныхъ предметахъ философскаго характера, каковы: „О мудромъ изреченіи греческаго философа: разсматривай всякое дѣло съ разсужденіемъ“; „о томъ, что міръ сей есть явнымъ доказательствомъ премудрости Божіей и что въ немъ ничего не бываетъ по случаю“; „о свойствахъ познанія человѣческаго и средствахъ, предохраняющихъ умъ смертнаго отъ различныхъ заблужденій“; о разныхъ причинахъ, не малое препятствіе причиняющихъ въ продолженіи человѣческаго познанія“; „о невещественности души и изъ оной происходящемъ ей безсмертію“; „о превратныхъ понятіяхъ человѣческихъ, происходящихъ отъ излишняго упованія, возлагаемаго на чувства“; „о разныхъ способахъ, тѣснѣйшій союзъ души съ тѣломъ объясняющихъ.“ — *А. М. Браницевъ* былъ профессоромъ логики и метафизики. Для полученія степени магистра онъ написалъ на латинскомъ языкѣ сочиненіе „О критеріи истины.“ Потомъ онъ перевелъ „Начальная основанія нравственной философіи Алама Фергюссона“ и произнесъ въ торжественныхъ собраніяхъ университета двѣ рѣчи: „о связи вещей во вселенной“ и „о законахъ природы“ (1).—Мы считаемъ необходимымъ указать на всѣ эти рѣчи Поповскаго, Аничкова и Браницева потому, что они представляютъ самыя первыя попытки въ области русской философской науки въ первой и началѣ второй половины XVIII вѣка. По нимъ мы можемъ судить, какое направленіе имѣли тогда философскія изслѣдованія, какіе вопросы интересовали ученыхъ, занимавшихся философіей. До XVIII в. главнымъ руководствомъ при преподаваніи философіи въ Кіевской и Московской академіяхъ была схоластическая философія, построенная на ложно понятыхъ началахъ философіи Аристотеля; но съ начала XVIII в. стали руководствоваться уже системами новой философіи Бэкона, Декарта, Лейбница и Вольфа. Тредьяковскій перевелъ съ французскаго языка жизнь Бэкона и присоединилъ къ ней сокращеніе Бэконовой философіи. Ломоносовъ, переведя съ латинскаго сокращеніе экспериментальной физики Вольфа, въ предисловіи къ этому переводу хвалитъ Декарта особенно за то, что онъ открылъ новую дорогу для сво-

(1) Біограф. словарь, ч. 1, стр. 5—9; 109—112.

боднаго изслѣдованія природы и указаль твердое основаніе для физики въ опытѣ. „Славный и первый изъ новыхъ философовъ Картезій, говоритъ онъ, осмѣлился Аристотелеву философію отвергнуть и учить по своему мнѣнію и вымыслу. Мы, кромѣ другихъ его заслугъ, за то благодаримъ, что онъ тѣмъ ученыхъ людей ободрилъ противъ Аристотеля, противъ себя самого и противъ прочихъ философовъ въ правдѣ спорить, и тѣмъ самымъ открылъ дорогу къ вольному философованію и къ вѣщшему наукъ приращенію... Въ новѣйшія времена науки столько возрасли, что не только за тысячу, но и за сто лѣтъ жившіе едва могли того надѣяться. Сіе больше отъ того происходитъ, что нынѣ ученые люди, а особливо испытатели натуральныхъ вещей, мало взирають на родившіеся въ одной головѣ вымыслы и пустыя рѣчи, но больше утверждаютъ на достовѣрномъ искусствѣ. Главнѣйшая часть натуральной науки, физика, нынѣ уже только на одномъ ономъ свое основаніе имѣетъ. Мысленныя разсужденія произведены бывають изъ надежныхъ и много разъ повторенныхъ опытовъ“. При переводѣ физики, замѣчаетъ Пикарскій, Ломоносовъ оказалъ большую услугу научной терминологіи. Здѣсь въ иныхъ случаяхъ онъ былъ творцемъ и почти всегда преобразователемъ (¹). Философія Вольфа употреблялась какъ въ Московскомъ университетѣ, такъ особенно въ духовныхъ академіяхъ въ передѣлкѣ или въ системѣ ученика Вольфова, Баумейстера. Мы выше замѣтили, что профессоръ Аничковъ сдѣлалъ дополненія къ логикѣ и метафизикѣ Баумейстера. Вся философія Баумейстера была издана въ Москвѣ въ 1777 г. Бангши-Каменскимъ. (Baumeisteri Elementa philosophiae recentioris). Въ философскихъ системахъ префектовъ Московской академіи, Іоанна Козловича и Владиміра Каллиграфа, преподававшихъ въ академіи въ половинѣ XVIII вѣка, говоритъ авторъ исторіи Московской академіи, видно вліяніе новѣй философіи Бэкона, Декарта, Лейбница и Вольфа. Козловичъ хорошо зналъ философію Лейбница и часто ссылался на нее. Его система представляетъ уже признаки перехода отъ схоластики къ ясному ученію Вольфіанской философіи, вскорѣ послѣ того принятой въ школы, въ лицѣ Баумейстера (²). Были попытки и популяризовать философскія знанія внѣ учебныхъ заведеній для образованнаго общества. Адыонетъ Академіи наукъ, Г. Н. Тепловъ издалъ книгу, подъ заглавіемъ: „Знанія, до философіи вообще касающіяся“, о которой Ломоносовъ далъ такой отзывъ: „философскія ученія въ ней предлагаются понятнымъ образомъ для всякаго и весьма полезны будутъ россійскимъ читате-

(¹) Истор. Акад. наукъ ч. II, стр. 365.

(²) Ист. моск. акад. стр. 169—170.

лямъ, которые, не зная другихъ языковъ, хотятъ имѣть понятіе или знаніе о философіи вообще на всѣхъ ея частяхъ (sic), и для того за благо разсуждаю, чтобъ она была напечатана" (1). Надобно замѣтить, впрочемъ, что слова философія и философъ понимались тогда въ смыслѣ болѣе обширномъ, чѣмъ нынѣ. Все филологическое отдѣленіе, заключавшее въ себѣ, кромѣ философіи, словесность, исторію, языкознаніе, называлось тогда философскимъ, и званіе магистра и доктора философій давалось долго и въ послѣдствіи не только философамъ, но и словесникамъ, историкамъ и даже математикамъ. Да и къ философіи въ частности въ XVIII вѣкѣ относились не одни изслѣдованія о сущности бытія и знанія, но и разсужденія о разныхъ нравственныхъ предметахъ, составлявшихъ содержаніе такъ называемой нравственной философіи, которая тогда была въ большой модѣ. Поэтому философами назывались какъ всѣ моралисты, разсуждавшіе о разныхъ добродѣтеляхъ и порокахъ, такъ и литераторы, писавшіе въ правоучительномъ направленіи, сатирики и юмористы. Философскихъ сочиненій въ этомъ смыслѣ, какъ оригинальныхъ, такъ особенно переводныхъ, весьма много помѣщалось, какъ указано будетъ ниже, во всѣхъ ученыхъ и литературныхъ журналахъ XVIII в., начиная съ „Ежемесячныхъ сочиненій“ Миллера и „Трудолюбивой Пчелы“ Сумарокова.

Сочиненія по словесности и языкознанію. Выше указано, что съ господствующей въ то время теоріей словесности и вообще съ состояніемъ словесныхъ наукъ въ Европѣ, первые познакомили Россію Тредьяковскій и Ломоносовъ. Переводныя и оригинальныя сочиненія Тредьяковскаго и реторика Ломоносова долго были главными руководствами при изученіи и преподаваніи словесности въ школахъ. Тредьяковскій же и Ломоносовъ воспитали и первыхъ преподавателей словесности въ Московскомъ университетѣ, Поповскаго и Барсова. Впрочемъ Поповскій преподавалъ словесность не долго, и занимаясь преимущественно переводами литературныхъ сочиненій, не оставилъ ни одного своего сочиненія по наукѣ словесности. Дѣятельность же Барсова была весьма замѣчательна и оставила важный слѣдъ въ тогдашней русской наукѣ (2).

(1) Ист. Акад. наукъ Императорскаго. том. II стр. 464.

(2) Изслѣдованіе о Барсовѣ въ Ист. русс. Академіи М. И. Сухомлинова. Вып. IV, 136—295, и въ Біограф. словарь профессоромъ Москов. Университета ч. I, стр. 50—62.

Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ. Сынъ бывшаго при Петрѣ В. директора московской типографіи, Барсовъ (1730—1791) воспитывался при Академіи наукъ. Какъ равностно занимавшійся математикой, онъ при открытіи Московскаго университета былъ назначенъ профессоромъ математики и преподавалъ ее до 1761 г., а потомъ послѣ смерти Поповскаго, былъ переведенъ на кафедру словесности. Свои чтенія по словесности онъ открылъ рѣчью 31 января 1761 г. „о употребленіи краснорѣчія въ россійской имперіи“. Словесность тогда состояла изъ реторики и піитики. Реторику Барсовъ читалъ по руководству лейпцигскаго профессора Эрнести (1707—1781), написавшаго *Initia rhetorica*, которые на русскій языкъ были переведены Пашковскимъ: при преподаваніи піитики онъ слѣдовалъ піитикѣ французскаго гуманиста, іезуита Жюванси (1643—1719), извѣстнаго нѣсколькими сочиненіями по словесности (*Ratio discendi et docendi; Appendix de diis et heroibus poëticis* и *Institutiones rhetoricae et poëticae*). Но Барсовъ не ограничивался одною теоріей словесности, а присоединялъ къ ней разборъ и объясненіе писателей. Всего чаще онъ останавливался на произведеніяхъ древнихъ, преимущественно римскихъ писателей, Цицерона, Виргилія, Горация. Перлами русской литературы онъ считалъ произведенія Ломоносова и подробно разбиралъ его похвальные слова и нѣкоторыя оды. Разборы эти онъ считалъ весьма важными и полезными. Самую теорію словесности онъ цѣнилъ только потому, что она представляетъ или должна представлять выводъ изъ разбора разнообразныхъ произведеній литературы. „Реторика, говоритъ онъ, есть собраніе правилъ, примѣровъ и долговременныхъ отъ начала вѣка наблюдений о разныхъ способахъ, приѣмахъ и оборотахъ рѣчи, посредствомъ которыхъ ораторъ всего усилѣннѣе дѣйствуетъ на умъ и волю слушателей: опыты и наблюденія сводятся къ общимъ началамъ, оправдываются путемъ умозрѣнія и становятся правилами, значеніе которыхъ опредѣляется уже тѣмъ, что они основаны на данныхъ опыта и на естественномъ ходѣ и связи вещей“ (¹). Изъ собственныхъ литературныхъ произведеній Барсова интересны ученыя ораторскія рѣчи, которыя онъ говорилъ въ торжественныхъ собраніяхъ Московскаго университета по разнымъ случаямъ. Въ одной изъ такихъ рѣчей, говоренной 6 сентября 1760 г., онъ рѣшаетъ вопросъ о томъ „съ какими мы намѣреніемъ наукамъ обучаться должныствуемъ“ (²). Прямой и короткій отвѣтъ на этотъ

(¹) Ист. рос. Акад. Вып. IV, 205.

(²) Рѣчь эта напечатана въ Ист. рос. Академіи М. И. Сухомлинова. Вып. IV, 497—509.

вопросъ, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что „мы учимся наукамъ для наукъ, то есть, чтобъ разумъ нашъ исполнить потребными въ жизни знаніями“, но нельзя осуждать и тѣхъ, которые ищутъ въ наукахъ практической пользы. „если кто по бѣдности желаетъ, чтобъ чрезъ ученіе дѣти его наконецъ пропитаніе себѣ получить могли, ибо бѣдные, какъ во многихъ другихъ, такъ и въ семъ случаѣ, такое право имѣютъ, какъ покойные, что объ нихъ или въ добрую сторону разсуждать надлежитъ, или ничего говорить не должно“.... Указывая затѣмъ на значеніе наукъ, онъ говоритъ: „ученіе раскладъ въ насъ справедливыя мысли и разсужденія; ученіе показываетъ преимущество тѣхъ дѣйствій, которыя съ порядкомъ и размѣромъ дѣлаются: ученіе подаетъ намъ въ предводители премудрѣйшихъ изъ древности людей, въ писаніяхъ которыхъ мы почерпаемъ премногія высокія истины, питающія нашъ умъ и духъ укрѣпляющія, съ которыми мы, когда благороднымъ ревнованіемъ побуждаемъ, сравниваться стараемся, то хотя не получаемъ равнаго имъ совершенства, однакожь тѣмъ самымъ нѣкоторымъ образомъ выше себя возносимся, распространяемъ свой разумъ, и больше знаній и понятій получаемъ: а чрезъ все то нанослѣдуетъ способнѣйшими становимся къ исправленію порочныхъ намъ по званію нашему дѣлъ и положеній“.... Это разсужденіе о благотѣльныхъ результатахъ науки оканчивается слѣдующими словами: „Всѣ жъ оныя пользы могутъ въ одинъ родъ включены быть и однимъ именемъ назваться, а именно знаніемъ. Итакъ то справедливо, что знаніе принадлежитъ къ концу и къ намѣренію ученія, и что мы для снисканія его должны обучаться... То только примѣчать надлежитъ, что знаніе подобно оружію, но изволенію употреблющаго, и праведно защищающему и неправедно убивающему, или огню согревающему и сожигающему, т. е. что оно можетъ и вредить и пользоваться, поелику къ добру или ко злу обращено и употреблено будетъ. Итакъ потребно къ оному еще нѣкое управленіе, котораго намъ въ серіѣ нашемъ исканіи должно... добродѣтель, безъ которой самое пространнѣйшее и глубочайшее знаніе не только должно быть безплодно и бесполезно, но еще и вредно. Но сколько добродѣтель сія ни почтенна, ни изящна, однако на ней не можно намъ остановиться въ семъ шествіи къ концу ученія, ибо находится еще высшее нѣчто и божественнѣйшее, а именно законъ и благочестіе христіанское, безъ котораго нисколько знаніе истинно полезно, никакая добродѣтель совершенна быть не можетъ. Чего ради все ученіе имъ начинать, имъ оканчивать и съ нимъ всегда соединять надлежитъ“. Мы привели эти мѣста изъ рѣчи Барсова какъ для характеристики тогдашнихъ ученыхъ рѣчей, такъ и потому, что выраженная здѣсь мысль о необходи-

мости и даже преимуществъ при ученіи нравственнаго воспита-
нія и христіанскаго закона и благочестія, была одною изъ глав-
ныхъ идей педагогическихъ системъ, особенно во второй половинѣ
XVIII в. — Барсовъ занимался изслѣдованіемъ о русскомъ языкѣ
и составилъ азбуку, церковную и гражданскую, издан. въ 1768 г.
съ краткими примѣчаніями о правописаніи. Въ этихъ примѣчаніяхъ
онъ, между прочимъ, считаетъ излишними буквы ѿ, какъ пятьмъ
не отличающуюся въ выговорѣ отъ ѱ, и букву ѣ, послѣ согла-
сныхъ. „Во всѣхъ извѣстныхъ языкахъ, говорятъ онъ, бесчислен-
ное множество словъ, оканчивающихся на согласныя, а знака ѣ
нѣтъ“. Впрочемъ, противъ буквы ѣ еще ранѣе возставалъ ака-
демикъ Адоуровъ, написавшій „Краткую русскую грамматику“
(1731) и „Правила російской орфографіи“⁽¹⁾. Въ 1771 г. Бар-
совъ составилъ „Правила русской грамматики, а потомъ, по пору-
ченію Коммиссіи училищъ, „Граматику російскую“. Сначала
Коммиссія поручила составить грамматику переводчику В. И. Свѣ-
тову (1744—1783), который уже былъ извѣстенъ своими грам-
матическими изслѣдованіями, каковы были „Опытъ о правописа-
ніи“ (1773) и „Краткія правила въ изученію російскаго языка“;
но Свѣтовъ, по порученію Коммиссіи, успѣлъ составить только
„Таблицы о познаніи буквъ, о складахъ, о чтеніи и о право-
писаніи“ (1783) и вскорѣ умеръ. Продолженіемъ его труда и
была грамматика Барсова. Какъ Свѣтовъ такъ и Барсовъ были
послѣдователями Ломоносова и руководствовались его граммати-
кой; при всѣхъ недостаткахъ, ихъ грамматическіе опыты для насъ
важны уже потому, что представляютъ весьма много данныхъ
для исторіи русскаго языка въ XVIII в.⁽²⁾. — Кромѣ того, Бар-
совъ былъ издателемъ Московскихъ Вѣдомостей и цензоромъ
книгъ, печатавшихся въ университетской типографіи. Наконецъ,
онъ первый сдѣлалъ „Собраніе пословицъ“, въ количествѣ 4291.

Въ 1735 г. при академіи наукъ было учреждено „Россій-
ское собраніе для особыхъ занятій языкомъ и словесностью“. При
открытіи этого собранія, Тредьяковскій, какъ выше замѣчено,
предложилъ заняться составленіемъ грамматики и лексикона рос-
сійскаго языка. „Знаю, говорили онъ относительно лексикона,
что трудно будетъ начало; но своя честь есть и пачатию. Вѣдаю, что
скучно будетъ продолженіе; но съ тѣмъ громкая сопряжена слава.
А изъ полезнаго окончанія коликая похвала, коликія благодаре-

(1) Свѣдѣнія объ Адоуровѣ въ Истор. Акад. наукъ Пекарскаго, том. 1.
503—516.

(2) Грамматическіе труды Свѣтова и Барсова весьма подробно рассмотрѣны
въ Истор. рос. Академіи Сухомлинова. Вып. IV, 186.—298—327

нія и коликія прославленія произойти могутъ?... Не противлюсь вамъ, великое и трудное дѣло есть лексиконъ, и лексиконъ такой, какому быть ему надлежитъ, а именно полному и совершенному. Однако, не сіе есть свойство лексикона, какъ повѣствуется объ истинномъ, или ложномъ лучше феникѣ, чтобъ единожды въ пять сотъ лѣтъ былъ созерцаемъ; тысящи есть издавна разныхъ лексиконовъ, и на многихъ языкахъ. Сіе самое доказываетъ непреоборимо, что и лексиконъ не выше силъ человѣческихъ, и сего здѣсь и довольно.... Трудъ, господа, трудъ прилежный все преобѣждаетъ“ (1). Но людей, способныхъ заняться этимъ дѣломъ, было мало, и словарь или лексиконъ російскаго языка началъ составляться не ранѣе, какъ уже при Екатеринѣ II, когда открыта была Російская Академія, для которой это дѣло назначено было главнымъ дѣломъ. — Необходимость изучать европейскіе языки вызвала нѣсколько руководствъ по языкамъ. Миллеръ въ 1731 г. издалъ нѣмецко-латинскій лексиконъ Вейсмана съ русскимъ переводомъ и присовокупленіемъ начальныхъ правилъ русскаго языка на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Это былъ первый лексиконъ, изданный въ Россіи съ переводомъ, и служилъ первымъ руководствомъ для русскихъ въ нѣмецкомъ, а для иностранцевъ въ рускомъ языкѣ. Переводчикъ и секретарь Академіи наукъ С. Волковъ издалъ въ 1755 г. подробный французскій лексиконъ съ нѣмецкимъ, латинскимъ и русскимъ переводомъ. Барсовъ въ 1762 г. перевелъ съ нѣмецкаго латинскую грамматику Целларія. Михаилъ Пермскій, состоя причетникомъ при русской посольской церкви въ Лондонѣ, изучилъ англійскій языкъ, и по возвращеніи въ Россію, для воспитанниковъ кадетскаго корпуса, гдѣ онъ былъ учителемъ англійскаго языка, написалъ первую на русскомъ языкѣ грамматику англійскаго языка. Академическій библіотекаръ Андрей Богдановъ (род. 1707 г.), родившійся въ Сибири отъ отца японской націи, составилъ японскую грамматику на русскомъ языкѣ.

Первые опыты по исторіи русской литературы. Укажемъ на тѣ сочиненія, которыя были первыми началами въ разработкѣ исторіи русской литературы. Академикъ Коль (Иоаннъ-Петръ Kohl ум. 1778 г.), профессоръ краснорѣчія и церковной исторіи, первый обратилъ вниманіе на рукописи московскій патриаршей библіотеки и подавалъ въ Академію записки о началѣ русскаго языка, о составленіи славянскаго лексикона. По удаленіи изъ Россіи, онъ издалъ въ 1799 г. на латинскомъ языкѣ „Введеніе

(1) Сочин. т. I. 264 — 267.

въ исторію и литературу славянскую, преимущественно церковную (*Introductio in historiam et rem litterariam slavorum, imprimis sacram*) ⁽¹⁾. Въ немъ описаны первыя изданія Библіи въ Острогѣ (1581 г.) и Москвѣ (1663). Доказывается, что переводили свящ. Писаніе на славянскій языкъ не Іеронимъ, а Кириллъ и Меѳодій и помѣщено ихъ жизнеописаніе. Другой академикъ Штелинь (Яковъ Штелинь род. 1709 г.), профессоръ поэзіи и краснорѣчія, составилъ на нѣмецкомъ языкѣ „Записку“ (краткую) о современныхъ ему русскихъ писателяхъ ⁽²⁾ и двѣ статьи о русскомъ театрѣ и музыкѣ, которыя въ русскомъ переводѣ были напечатаны въ С.-Петербур. Вѣстникѣ 1775 г. подъ заглавіемъ: „Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ, отъ начала ихъ до 1768 г.“ и „Сокращенныя извѣстія о русскихъ танцахъ и театральныхъ въ Россіи балетахъ“ ⁽³⁾. Спеціальнымъ занятіемъ Штелина было составлять аллегорическія картины и надписи для иллюминацій и фейерверковъ и писать стихи на торжественные случаи. Русскимъ читателямъ, впрочемъ, онъ всего болѣе былъ извѣстенъ своими „Анекдотами о Петрѣ В.“, которые сначала были напечатаны на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ въ 1785 г., а потомъ переведены на русскій языкъ. Извѣстны также „Анекдоты“ и „Извѣстія“ Штелина о Ломоносовѣ, которые потомъ вошли въ біографію Ломоносова ⁽⁴⁾. Датчанинъ Адамъ Селлій, перешедшій въ православіе и въ монашествѣ принявшій имя Никодима (ум. 1746 г.), составилъ на латинскомъ языкѣ „Каталогъ писателей, сочиненіями своими объяснившихъ гражданскую и церковную исторію“ (*Schediasma litterarium de scriptoribus, qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt*. 1736). Въ этомъ сочиненіи перечислены по алфавиту 164 писателя, писавшихъ что-нибудь о Россіи.—Знаменитый актеръ Ив. Ао. Дмитревскій составилъ „Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ.“ Оно было напечатано сначала на нѣмецкомъ языкѣ въ „Лейпцигской Библіотекѣ“ Христ. Ф. Вейсе въ 1768 г. Въ 1771 г. было

(1) Свѣдѣнія о Колѣ въ Истор. Академіи наукъ, том. 1, стр. 77—81.

(2) Переводъ съ нѣмецкаго напечатанъ въ Москвитинѣ за 1851 годъ № 2; потомъ она помѣщена въ Матеріалахъ для исторіи русской литературы П. А. Ефремова Сиб. 1867; стр. 161—167.

(3) Пет. Ак. наукъ том. 1, стр. 557.

(4) Напечатаны въ Москвитинѣ 1850 г. X 1 и 1853 г. X 2. Матеріалы для исторіи русской литературы: конспектъ не оконченнаго похвального слова Ломоносову, написанный Штелинымъ. Смотри. Сборн. матеріаловъ для Истор. Ак. наукъ А. Куника. II. 383—405.

переведено на французскій въ Ливорно, подъ заглавіемъ „Опытъ о русской литературѣ“, заключающій перечень замѣчательныхъ русскихъ писателей, съ царствованія Петра В. ⁽¹⁾. „Извѣстіе“ Дмитревскаго можно назвать первымъ опытомъ по исторіи русской литературы: оно послужило основой для историческаго словаря о российскихъ писателяхъ Новикова, который взялъ изъ него значительную долю свѣдѣній о писателяхъ. — Директоръ Академіи наукъ, С. Г. Домашневъ въ 1762 г. напечаталъ въ „Полезномъ увеселеніи“ статью „О стихотворствѣ“. Это былъ первый опытъ по исторіи поэзіи на русскомъ языкѣ, хотя самъ авторъ не придавалъ ему такого значенія. Изложивъ происхожденіе и значеніе поэзін, Домашневъ дѣлаетъ здѣсь „описаніе сего искусства у всѣхъ народовъ“, и прежде всего описываетъ „греческое стихотворство“, гдѣ говоритъ о Гомерѣ и его поэмахъ, о Гезіодѣ и его *Θεογονίᾳ*, о *Θεσπίῃ*, какъ основателѣ греческой трагедіи, и главныхъ греческихъ трагикахъ, *Εσхیلῳ*, *Σοφοκλῇ* и *Ευριπίδῃ*, о *Πινδαρῳ*, объ *Αριστοφάνῃ* и другихъ комикахъ; потомъ „описываетъ латинское стихотворство“, гдѣ указываетъ на римскія комедіи и трагедіи, поэмы и сатиры и перечисляетъ главныхъ поэтовъ во всѣхъ этихъ формахъ, *Виргиліа*, *Горациа*, *Овидіа*, *Федра*, *Сенеку*, *Персія*, *Ювенала* и др. За греческимъ и римскимъ „описывается“ стихотворство итальянское, французское, испанское, португальское, аглинское, нѣмецкое, российское. При этомъ также помѣщается перечень главныхъ поэтовъ и образцовыхъ произведеній. Начало русской поэзіи производится отъ Симеона Полоцкаго; потомъ кратко говорится о заслугахъ русской поэзіи Кантемира, Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова и Хераскова. Наконецъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, упоминается о стихотворствѣ армянскомъ, индѣйскомъ, арабскомъ, китайскомъ. Въ заключеніе своего обзора Домашневъ говоритъ: Я старался дать нѣкоторое понятіе о стихотворствѣ почти всѣхъ народовъ; а если что ни есть пропустилъ, то оправдаться могу тѣмъ, что не писалъ исторіи о семъ искусствѣ, да и намѣреніе мое къ тому не клонилось. Я изъяснилъ то, что могъ почерпнуть изъ чтенія, присовокупя къ тому свои разсужденія“ ⁽²⁾. Наконецъ, Сумароковъ написалъ небольшую статью

⁽¹⁾ Русскій переводъ и нѣмецкій подлинникъ съ французскимъ переводомъ напечатаны въ «Матеріалахъ для исторіи русской литературы» П. А. Ефремова. Спб. 1867. стр. 129—144; 145—160. О принадлежности «Извѣстій» Дмитревскому смотр. у М. П. Сухомлинова. Зап. Акад. наукъ. VI стр. 252—257.

⁽²⁾ Эта статья Домашнева напечатана въ «Матеріалахъ для исторіи русской литературы» Ефремова, стр. 68—195.

„О російському духовному красноріччі“, въ которой характеризуєть современныхъ проповѣдниковъ. „Во проповѣдникахъ, говорить онъ, вижу собратій моихъ по единому ихъ риторству, а не по священству. Итакъ имѣю право говорить о нихъ только же, колико и они о мнѣ, сколько разсмотрѣніе до нихъ, яко до почитателей словесности, принадлежитъ“. Указавъ, на какомъ основаніи и съ какой стороны онъ можетъ разсматривать проповѣдниковъ, Сумароковъ прежде всего перечисляетъ образцовыхъ французскихъ проповѣдниковъ, Боссюета, Бурдалу, Флешье и Массильона, и потомъ говоритъ, что и Россія имѣетъ у себя подобныхъ проповѣдниковъ, каковы Ѳеофанъ Прокоповичъ, Гedeонъ Криновскій, Гавріилъ Петровъ, митр. Петербургскій, Платонъ, архіеп. Тверскій (въ послѣдствіи митр. Московскій) и Амвросій, префектъ Московской академіи (въ послѣдствіи архіеп. Московскій). Сдѣлавъ нѣсколько краткихъ замѣчаній о проповѣдникахъ вообще, онъ наконецъ характеризуетъ каждаго изъ указанныхъ русскихъ проповѣдниковъ. Ѳеофана Прокоповича онъ называетъ російскимъ Цицерономъ, Гedeона російскимъ Флешье, Платона російскимъ Бурдалу. „Вспомня, прибавляетъ онъ въ заключеніе своей характеристики, нѣкоторыя уподобленія Софокла, Еврипида и Есхилла съ водными потоками, я скажу то, уподобляя сихъ великихъ музъ. Ѳеофанъ подобенъ гордо въ быстро текущей рѣкѣ, разливающейся по дугамъ и орошающей горы и дубровы, отрывающей камни съ крутыхъ береговъ, шумящей во своихъ предѣлахъ и журчащей иногда, подъ тѣнію соплетенныхъ деревьевъ, наводняя гладкія во время разліянія долины. Гedeонъ подобенъ потокамъ, всегда журчащимъ и извивающимся по прекраснымъ паствамъ, протекающей по приличнымъ дугамъ (рѣкѣ) и питающейся благовонными цвѣтами, но иногда по неплодвымъ проходящей мѣстамъ, уменьшающей изобиліе водъ и едва дно покрывающей Гавріилъ подобенъ рѣкѣ, безъ шума наполняющей берега свои и порядочнымъ теченіемъ не выходящей никогда изъ границъ своихъ. Платонъ подобенъ рѣкѣ быстро текущей и все, что ей ни встрѣтится, влещущей съ собою въ морскую пучину, преходящей прекрасныя долины, орошающей тучныя рощи и бѣгущей по чистому песчаному дну, окропляя мягкія муравы“ (1).

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Выше замѣчено, что въ 1735 г. было открыто при Академіи наукъ „Россійское Собраніе“, цѣлю котораго, между прочимъ,

(1) Сочиненія Сумарокова ч. VI, 295—302.

было также изданіе переводовъ иностранныхъ писателей древнихъ и новыхъ временъ. Общество это существовало не долго и мѣсто его заняли „Переводческій Департаментъ“ при Академіи, скоро, впрочемъ, также разстроившійся и потомъ возобновленный уже по указу Екатерины II, въ 1790 г. Впрочемъ, независимо отъ этого, при Академіи наукъ всегда были переводчики. Они были необходимы здѣсь для того, чтобы переводить на русскій языкъ, когда окажется нужнымъ, сочиненія иностранныхъ академиковъ, не знавшихъ русскаго языка. Эту обязанность сначала исполняли даже русскіе профессора и альюнкты Академіи: Адодуровъ, Тредьяковский и Ломоносовъ. Другою обязанностію академическихъ переводчиковъ было переводить всѣ оперы, комедіи и интермедіи, которыя представлялись при дворѣ, всѣ латинскіе и нѣмецкіе стихи, какіе иностранные академики писали по случаю придворныхъ торжествъ. Кромѣ упомянутыхъ Адодурова и Тредьяковского, между академическими переводчиками всего болѣе извѣстны Ильинскій, Поповскій, Волчковъ, Кондратовичъ, Барковъ, Козинцѣй, Мотондъ, Полетика, Свѣтовъ, Нартовъ и др. Рѣше всѣхъ изъ нихъ выдавалась дѣятельность Тредьяковского, который былъ и секретаремъ перваго „Россійскаго Собранія“ и не только много книгъ переводилъ, но и старался объяснить, какъ должно переводить. Въ предисловіи къ переводу повѣсти Тальмана: „Voyage à l'île d'amour“ онъ объясняетъ, что свѣтскія книги надобно переводить не славянскимъ, а русскимъ языкомъ, выставя причины, почему онъ поступилъ такъ при переводѣ упомянутой книги. „Сіе я учинилъ, говоритъ онъ, слѣдующихъ ради причинъ: первая: языкъ славянскій у насъ есть языкъ церковный, а сія книга мірская. Другая: языкъ славянскій въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ есть очень темнъ и многіе его наши, читая, не разумѣютъ; а сія книга есть сладкія любви, того ради всѣмъ должна быть вразумительна. Третія: которая вамъ покажется можетъ быть, самая легкая, но которая, у меня плетъ за самую важную, т. е. что языкъ словенскій пыѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми; но за то у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славянскимъ особымъ рѣчоточиемъ хотѣлъ себя показывать (1). Въ предисловіи къ переводу посланія Горация „De arte poetica“ и поэмы Буало „L'art poétique“, доказывая возможность стихотворныхъ и прозаическихъ переводовъ съ одного языка на другой,

(1) Сочин. III, 649—650.

Тредьяковскій указываетъ правила, какимъ должны слѣдовать переводчики, и поречисляетъ качества хорошихъ переводовъ: „И запотребно разсуждаю приложить здѣсь, говорить онъ, главнѣйшіе критеріи, т. е. не должны знаки добраго перевода стихами со стиховъ. И во первыхъ надобно, чтобы переводчикъ изобразилъ весь разумъ, содержащійся въ каждомъ стихѣ, чтобы не опустилъ силы, находящіяся въ каждомъ же, чтобы тоже самое далъ движеніе переводному своему, какое и въ подлинномъ, чтобы сочинилъ оное въ полной ясности и способности: чтобы слова были свойственны мыслямъ; чтобы они небыли барбаризмомъ опорочены; чтобы грамматическое сочиненіе было исправнѣе безъ соллещизмомъ, и какъ между идеями, такъ и между словами безъ прекословіи, чтобы, наконецъ, составъ стиха во всемъ былъ правиленъ, такъ называемыхъ затычекъ, или пустыхъ бы добавокъ не было“ (¹). Между прочимъ, здѣсь приваено стрипное мнѣніе о переводахъ, бывшее тогда въ ходу уевропейскихъ ученыхъ и писателей, будто переводъ можетъ быть лучше и совершеннѣе самаго подлинника. „А перевелъ онъ Вожласъ (Vaugelas, членъ французской Академіи наукъ, одинъ изъ главныхъ издателей французскаго академическаго словаря) на свой языкъ Квінта Курція о дѣлахъ, содѣланныхъ Александромъ Великимъ. По какъ? такъ что и до днесъ въ сомнѣніи находитсѣ дѣло между искусными людьми, лучше ли Курцій латинскій французскаго Вожласова, или Вожласовъ французскій лучше Курція латинскаго, т. е. не могутъ прямо опредѣлять, подлинникъ ли совершеннѣе перевода, или переводъ подлинника“ (²). Такое странное мнѣніе объясняется съ одной стороны тѣмъ, что главнымъ достоинствомъ въ литературныхъ произведеніяхъ въ это время считалось качество языка и слога, а съ другой тѣмъ, что признавалось нужнымъ вычищать классическія произведсія, сообразно съ требованіями современнаго вкуса. Самъ Тредьяковскій, впрочемъ, считалъ необходимымъ строго держаться подлинника. Главное достоинство его переводовъ именно въ томъ и состоитъ, что онъ старался вѣрно и точно передать въ нихъ смыслъ подлинника. На этомъ основаніи его переводы считались лучшими въ то время. „По отбытіи профессора Тредьяковскаго, писали въ 1745 г. въ сенатъ академики, если какія книги о наукахъ съ иностранныхъ европейскихъ языковъ переводить надобно будетъ, то трудно сыскать, чтобы кто имѣлъ довольную способность опыта безъ погрѣшности перевести и такъ, чтобы ихъ безъ дальняго свидѣтельства

(¹) Сочин. I, XIII.—(²) Сочин. I, XII.

въ печать выдать“⁽¹⁾. Послѣ Тредьяковскаго, какъ переводчикъ славился Поповскій, который, какъ указано выше, переводилъ Горанія, Поне и Локка. Его переводы обращали на себя вниманіе современниковъ ясностію, чистотою и правильностію языка. Новиковъ въ своемъ словарѣ сдѣлалъ о немъ, какъ переводчикѣ, такой отзывъ: „Опытъ о чловѣкѣ славнаго въ ученомъ свѣтѣ Поція перевелъ онъ съ французскаго языка на руссійскій съ такимъ искусствомъ, что по мнѣнію знающихъ людей, гораздо ближе подошелъ къ подлиннику, и не зная аглинскаго языка, что доказываетъ какъ его ученость, такъ и пропизаніе въ мысли авторскія. Содержаніе сей книги столь важно, что и прозою исправно перевести ее трудно; но онъ перевелъ съ французскаго, перевелъ въ стихи и перевелъ съ совершеннымъ искусствомъ, какъ философъ и стихотворецъ... Также перевелъ прозою книгу о воспитаніи дѣтей, состоящую въ двухъ частяхъ, славнаго Локка: сей переводъ, по мнѣнію знающихъ людей, едва не превосходитъ ли и подлинникъ“⁽²⁾.

При Петрѣ В, который стремился познакомить Россію съ результатами тогдашней науки и промышленности въ видахъ практическихъ, и самъ заправлялъ переводомъ книгъ, переводились книги преимущественно научнаго характера, но разными отдѣламъ знанія и промышленности; при Елисаветѣ практически-дѣловое направленіе смѣнилось литературнымъ и художественнымъ, и потому при ней стали переводиться книги преимущественно литературныя. Въ 1748 г. графъ Разумовскій объявилъ Академіи именной указъ императрицы: „стараться при Академіи переводить и печатать на русскомъ языкѣ книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ свѣтскому житію правоученіемъ“. Въ слѣдствіе этого указа академическая канцелярія объявила, чтобы „если кто пожелаетъ какую книгу перевести съ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англійскаго, или съ другихъ какихъ языковъ, тѣ бѣ явились въ канцелярію Академіи наукъ“⁽³⁾. Переводились главнымъ образомъ книги, назначавшіяся для легкаго чтенія, какъ то романы, повѣсти и сказки; а не ученаго содержанія. Число подобныхъ книгъ такъ умножилось въ послѣдствіи, что при Академіи наукъ заведена была отдѣльная типографія, называвшаяся „новой“, въ отличіе отъ первоначальной, изъ

(1) Истор. Акад. наукъ Пекарскаго. II, 22.

(2) Матеріалы для Исторіи русск. литературы. II. А. Ефремова. стр. 84.

(3) Ист. Акад. наукъ II, LII.

которой выходили преимущественно книги ученаго содержанія. Любовь Елисаветы къ театральнымъ представленіямъ, учрежденіе особаго русскаго театра были причиною того, что всего болѣе переводилось драматическихъ произведеній. Переводами произведеній такого рода занимались преимущественно Дмитревскій, Ельчаниновъ, Елагинъ и Олсуфьевъ. При Петрѣ В. и Аннѣ Иоанновнѣ господствовало нѣмецкое направленіе: при Елисаветѣ нѣмецкое вліяніе смѣнилось французскимъ: французскіе нравы, французскій языкъ и французская литература пользовались особннымъ уваженіемъ, и потому переводились преимущественно французскія сочиненія. Даже произведенія другихъ литературъ, греческой, латинской, нѣмецкой и англійской, часто переводились не съ подлинниковъ, а съ французскихъ переводовъ: больше было людей, знающихъ французскій языкъ, чѣмъ другіе языки. — Переводовъ изъ греческой литературы было немного; только Кантемиръ и Поповскій переводили оды Анакреона, Кондратовичъ поэмы Гомера, Иліаду и Одиссею, Нартовъ исторію Геродота. Изъ римской литературы были переведены: записки Юлія Цезаря (Волковымъ съ франц.); исторія Тита Ливія и нѣсколько одъ Горация (Поповскимъ); избранныя рѣчи Цицерона (Кондратовичемъ); біографіи знаменитыхъ полководцевъ Корнелія Непота (Кантемиромъ); превращенія Овидія (Козицкимъ); сатиры Горация и басни Фэдра (Барковымъ); Посланіе Горация *de arte poetica* (Тредьяковскимъ и Поповскимъ). Съ произведеніями французскихъ драматическихъ писателей, Корнеля, Расина, Мольера и Вольтера, старался познакомить русскую публику Сумароковъ, который передѣлывалъ ихъ произведенія. Кромѣ того, были переведены комедіи Мольера: „Скуной“, „Школа мужей“ и „Школа женъ“ (Кропотовымъ) и „Мизантропъ“ (Елагинымъ); комедіи Дидро: „Чадодобивый отецъ“ и „Побочный сынъ“ (Ельчаниновымъ); „Евгенія“ Бомарше (Пушкиновымъ); „Опыты“ Монтаня (Волчковымъ); „Персидскія письма“ и „О духѣ законовъ“ Монтессье (А. Мятлевимъ); „Разговоры о множествахъ міровъ“ Фонтенеля; „Микромегасъ“, „Задигъ“, „Вавилонская принцесса“ Вольтера (Полунинымъ); „Исторія Мапоэль Теско“ аббата Прево (Елагинымъ); „Нравоучительныя повѣсти“ Мармонтеля (Домашневимъ); оперы: „Евдокія вѣнчанная“, „Селевкъ“, „Митридатъ“ и „Беллерофонтъ“ (Олсуфьевымъ). Изъ итальянской литературы: „Титово милосердіе“ Метастазіо (Волковымъ); „Влюбленный Орландъ“ Аріосто (Булгаковымъ). Изъ англійской литературы: „Книга о воспитаніи“ Локка и „Опытъ о человѣкѣ“ Попа (съ французскаго Поповскимъ); „Георгъ Барнвелль“ Лилло (Нартовымъ); „Потерянный рай“ Мильтона (архіеи. Амвросіемъ Серебрянниковымъ). Изъ нѣмецкой литературы: комедіи Гольберга: „Генрихъ и Пернилла“, „Превращенный крестьянинъ“ и Лессинга: „Молодой ученый“ (Нартовымъ).

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Въ древнемъ періодѣ, при преобладаніи религіозно-церковныхъ интересовъ, развивалась духовная литература, а литературы свѣтской, какъ отдѣльной и самостоятельной отрасли, и не существовало; въ новомъ періодѣ, напротивъ, при преобладаніи во всемъ строе русской жизни гражданскихъ и государственныхъ интересовъ, развитіе свѣтской, ученой и художественной литературы должно было отодвинуть духовную литературу на задній планъ. Въ Петровскую эпоху, мы видѣли, лучшія образованныя силы изъ духовенства были вызваны служить дѣлу реформы. Когда же реформа утвердилось, новое образованіе и новый центръ государственной жизни, естественно, должны были привлекать къ себѣ людей изъ всѣхъ сословій и въ томъ числѣ изъ духовнаго сословія. Какъ при Петрѣ В., такъ и долго послѣ него, въ теченіе всего XVIII в., лучшіе воспитанники изъ духовныхъ учебныхъ заведеній постоянно вызывались правительствомъ для разныхъ потребностей новаго образованія, для отправления за границу, въ Петербургскую Академію наукъ, въ Московскій университетъ и т. п. А съ другой стороны, выгодное положеніе служащихъ на всѣхъ мѣстахъ государственной службы располагало духовныхъ воспитанниковъ и добровольно уходить въ свѣтскія учебныя заведенія и потомъ оставлять духовное званіе и службу въ духовномъ сословіи. Такимъ образомъ, духовная наука и литература должны были постоянно лишаться многихъ дѣятелей. Но, при этихъ лишеніяхъ, они получали отъ новаго образованія новыя средства, какихъ не имѣли прежде. Новое европейское образованіе оживило старое схоластическое образованіе и сообщило ему новыя силы. Въ систему духовнаго образованія въ семинаріяхъ вошли такія науки, какія тамъ прежде не преподавались; между начальниками и наставниками этихъ семинарій стали появляться такія лица, которые получали образованіе или въ Московскомъ университетѣ, или за границей, обладали многостороннею ученостію и отличались разнообразными свѣдѣніями не только по духовнымъ, но и свѣтскимъ наукамъ. Архіеп. псковскій, Симонъ Тодорскій (ум. 1754 г.) для своего образованія десять лѣтъ провелъ въ университетахъ за границей, былъ замѣчательнымъ филологомъ—оріенталистомъ; епископъ смоленскій Геденъ Вишневскій (ум. 1761 г.), бывшій воспитанникъ Кіевской академіи, окончилъ свое образованіе также за границей и получилъ здѣсь дипломъ доктора философіи; нижегородскій епископъ Дамаскинъ Семеновъ—Рудневъ (1737—1795), бывшій членомъ російской Академіи, учился въ Геттингенскомъ университетѣ и написалъ сочиненіе по исторіи литературы: „библіотека російская, по годамъ расположенная, отъ на-

чала типографію въ Россіи по нынѣшнія времена“; архіеп. екатеринославскій, Амвросій Серебрянниковъ (ум. 1792) составилъ руководство по ораторіи или реторикѣ, и перевелъ поэму Мильтона „Потерянный рай“; архіеп. архангельскій Аполлосъ Байбаковъ (1745—1801) составилъ „Піитику“ и написалъ нѣсколько назидательныхъ повѣстей въ аллегорической формѣ. Кромѣ того, славились образованіемъ и ученостію: архіеп. московскій Платонъ Малиновскій (ум. 1754), еп. крутицкій, Иларіонъ Григоровичъ (ум. 1760 г.); архіеп. петерб. Сильвестръ Кулябка (ум. 1761 г.); архіеп. новгор. Амвросій Юшкевичъ (ум. 1745 г.); архіеп. новг. Дмитрій Сѣченовъ (1767 г.); архіеп. московскій, Амвросій Зертисъ-Каменскій, занимавшійся переводомъ разныхъ духовныхъ сочиненій; ректоръ Московской академіи Варлаамъ Ляцевскій (ум. 1774), замѣчательный филологъ, написавшій „греческую грамматику“, которая долго была руководствомъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ лицъ сдѣлались извѣстными уже при Екатеринѣ II, но начало ихъ дѣятельности и особенно образованіе принадлежитъ царствованію Елисаветы. Въ царствованіе Елисаветы вообще въ духовенствѣ образовалось много такихъ людей, которые явились замѣчательными дѣятелями при Екатеринѣ II. Когда открыта была Екатериною Россійская академія, то четвертая часть ея членовъ съ самаго же начала составила изъ духовныхъ—11 монашествующихъ и 8 лицъ бѣлаго духовенства, а первенствующимъ членомъ и вмѣстѣ вице-президентомъ академіи былъ назначенъ митр. новгородскій, Гавріилъ Петровъ (1730—1801). Гавріилъ славился такимъ глубокимъ умомъ и многостороннимъ образованіемъ, что Екатерина въ знакъ уваженія къ нему посвятила ему переводъ Велисарія Мармонтеля. Онъ былъ назначенъ послѣ Дмитрія Сѣченова депутатомъ отъ Синода и духовенства въ Комиссію для составленія новаго Уложенія.

Проповѣдь въ Елисаветинскую эпоху. Главною формою въ духовной литературѣ была проповѣдь. Царствованіе Елисаветы, которая отличалась набожностію, часто посѣщала церкви и любила слушать поученія, было самымъ благопріятнымъ временемъ для ея развитія. При дворѣ были особенные и лучшіе проповѣдники, которые постоянно говорили проповѣди ⁽¹⁾. „Прошло уже, слышателие, говорилъ митр. новгородскій Дмитрій Сѣченовъ, въ словѣ 8 іюля 1742 г., тое желѣзное время, въ немъ же неправда царствовала, а правда за карауломъ сидѣла, и слово Бо-

---

(1) Придворныя проповѣди въ царствованіе Елисаветы Петровны П. А. Попова, Лѣтоп. русск. литер. и древн. Тихонравова Том. II.

жіе вязалося.... пастыріе молчали, проповѣдники боялися. А нынѣ златія времена, времена Константина ІІ., времена Θεодосія благочестиваго, времена Пульхеріи и Ирины царицъ, защищающихъ благочестивую вѣру. Царствуетъ надъ нами благочестивѣйшая, самодержавнѣйшая, великая государыня Елисавета Петровна.... Только приде къ намъ, и съ нею придоша вся благая; приде къ намъ, абіе утраши развратниковъ вѣры православныя, утверди благочестіе, отверзе слово Божіе — уже теперь не вяжется, отверзе дверь проповѣди — всюду истинна глаголется, всюду правда не молчитъ. Кто нынѣ возгордится и облѣнится слышати слово Божіе и правду его, аще сама всепресвѣтлѣйшая монархиня, хотя правленіемъ всецѣлаго государства утруждена, всегда слово Божіе слышати желаетъ и слушае не скучаетъ“. Другой современный проповѣдникъ, Гедeonъ Кривовскій, въ своемъ словѣ въ недѣлю женъ мироносицъ, обращается къ современнымъ пастырямъ и проповѣдникамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: „Почто о вѣрѣ святой и непорочной умолчимъ, когда корона у насъ императорская не такъ камней драгихъ блескомъ украшается, какъ лучами православія во свѣтѣ блещетъ?... А особливо вы, Божія слова слуги, вѣдаете, что такую у васъ имѣете монархиню, которая не единожды нногда въ одинъ день бесѣдамъ вашимъ присутствуетъ; и въ такіе ль благополучныя дни уишете? Вѣдаете, что имѣете монархиню, которая о расширеніи слова Божія и въ самихъ язычникахъ, наипаче подъ державою ея сущихъ, матерьски печется: и тутъ ли чего опасаться вамъ? Вѣдаете наконецъ, что имѣете монархиню, которая сама въ примѣръ всякой, проповѣдуемой вами, добродѣтели быть можетъ: и здѣсь ли страхъ добродѣтели насаждать, а пороки истреблять?“ (1) — Проповѣдь при Петрѣ В., мы видѣли, служила дѣлу реформы, прославляла дѣла Петра и имѣла политическій характеръ; политическій же характеръ должно было сообщить и проповѣди Елисаветинской эпохи то счастливое время, какое съ воцареніемъ Елисаветы настало для русскихъ послѣ предыдущихъ царствованій. Господство нѣмецкой партіи при дворѣ во время Бирона, тяжелое вообще для всей Россіи, особенно тяжело было для церкви и духовенства. Съ воцареніемъ Елисаветы бѣдствія кончились и настали благопріятныя времена. При Елисаветѣ было издано множество указовъ, показывающихъ особенную заботливость правительства о церкви и духовенствѣ, о распространеніи православ-

---

(1) Собраніе разныхъ поучительныхъ словъ, при дворѣ ея величества сказанныхъ придворнымъ проповѣдникомъ, архимандритомъ Гедеономъ. Москва. 1760 г. Ч. 1, листъ 227.

ной вѣры среди иновѣрцевъ, на востокѣ Россіи и въ Сибири; таковы указы: объ обращеніи въ православіе калмыковъ, татаръ, мордвы, чувашъ и черемисъ, находившихся въ полкахъ; объ освобожденіи отъ постоа дворовъ тѣхъ священнослужителей, которые находились на службѣ при церквахъ; о томъ, чтобы судебныя мѣста не брали подъ арестъ духовныхъ лицъ ни по какимъ дѣламъ, кромѣ государственныхъ преступленій, безъ сношенія съ епархіальными властями; объ учрежденіи школъ въ Казанской губерніи для новокрещенныхъ иновѣрческихъ дѣтей; объ облегченіи участи духовныхъ лицъ, неправильно сказавшихъ за собою слово и дѣло государево. Поэтому церковныя проповѣди въ первые годы царствованія Елисаветы наполнены похвалами Елисаветѣ и порицаніями нѣмецкаго владычества въ предыдущія царствованія. Онѣ весьма интересны и имѣютъ историческое значеніе. Но не лишены интереса и значенія и проповѣди послѣдующаго времени. Онѣ вообще отличаются характеромъ современности. Проповѣдники внимательно слѣдили за религіознымъ и нравственнымъ состояніемъ тогдашняго русскаго общества и въ своихъ проповѣдяхъ изображали невѣріе, вольнодумство и распущенность нравовъ, которыя начали тогда въ немъ распространяться. Поэтому во всѣхъ проповѣдяхъ Елисаветинской эпохи мы находимъ весьма много такихъ чертъ, которыя хорошо характеризуютъ тогдашнюю жизнь. Что касается художественнаго значенія и въ частности проповѣдническаго стиля, то въ этомъ отношеніи проповѣдь Елисаветинской эпохи не представляетъ ничего новаго и особеннаго. Въ ней продолжалъ еще господствовать прежній юго-западный стиль, яркимъ представителемъ котораго въ Петровскую эпоху былъ Стефанъ Яворскій. Проповѣди Яворскаго и Прокоповича и были главными образцами для проповѣдниковъ Елисаветинской эпохи. Нѣкоторые проповѣдники подражали еще поученіямъ знаменитаго тогда греческаго богослова и проповѣдника Іліа Миніата, или Минятія (1669 - 1714). Его поученія во святую и великую čtyрдесятницу были переведены переводчикомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Стефаномъ Писаревымъ. Самыми замѣчательными проповѣдниками въ Елисаветинскую эпоху были: Амвросій Юшкевичъ, Кирилль Флоринскій, Димитрій Сѣменовъ и Гедеонъ Криновскій.

Проповѣди Амвросія Юшкевича и Кирилла Флоринскаго. Амвросій Юшкевичъ, воспитаникъ и учитель Кіевской академіи, съ 1736 г. епископъ Вологодскій, въ 1740 г. занялъ новгородскую епископскую кафедру, которая послѣ смерти Теофана Прокоповича оставалась свободною. Подобно Прокоповичу, прославлявшему дѣла Петра В., Юшкевичъ сдѣлался первымъ хвалите-

лемъ его дочери, Елисаветы. Въ день воспоминанія ея рожденія, 18 декабря 1741 г., спустя три недѣли по восшествіи ея на престолъ, онъ говорилъ проповѣдь, въ которой, рассказавъ исторію воцаренія Елисаветы, яркими красками изобразилъ положеніе Россіи подъ нѣмецкимъ владычествомъ въ предыдущія царствованія. „Преславная побѣдительница, говорилъ онъ, избавила Россію отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ. Сіе и самый послѣдній вѣдать можетъ, что какъ болѣзнь внутренняя есть тягчайшая и опаснѣйшая, такъ и врагъ внутренній и сокровенный есть страшнѣйшій. Но такіе-то всѣ были враги наши, которые, подъ видомъ будто бы вѣрности, отечество наше раззоряли, и смотри, какую дьяволъ далъ имъ придумать хитрость. Во первыхъ, на благочестіе и вѣру нашу православную наступили: но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но непотребное и весьма вредительное христіанству суетвѣріе искореняють. О коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ истребили, монаховъ поразстригли и перемучили! спросижь за что? больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суетвѣръ, ханика, лицебѣръ, ни къ чему не годный. Сіе же все дѣлали такую хитростію и умысломъ, чтобъ вовсе въ Россіи истребить священство православное, и завести свою повомышленную безпоповщину.... Былъ ли кто изъ русскихъ искусный, наир. художникъ, инженеръ, архитектъ, или солдатъ старій, а наипаче, ежели онъ былъ ученикъ Петра В., тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому нибудь привязать, подъ интересъ подвести, и такимъ образомъ, или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что онъ архитектъ, что онъ ученикъ Петра В. Подъ образомъ будто бы храненія чести, здравія и интереса государства, о, коль безчисленное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ, въ тайную похищали, въ смрадныхъ узникахъ и темницахъ заключали, голодомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали!.. Кратко сказать: всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами губили, раззоряли и вовсе искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственной похитителей, весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали. Было то во истину, что и говорить стыдно, однако то сущая правда: пріѣдетъ какой нибудь челоувѣкъ иностранной и незнаемой (не говорю о честныхъ персонахъ, которыя по заслугамъ своимъ въ

Россіи всякія чести достойны, но о тѣхъ, которые въ Россіи еще никогда не бывали и никакихъ заслугъ ей не показали), такова, я говорю, новаго гостя, ежели они усмотрятъ, что онъ къ ихъ совѣсти угоденъ будетъ, то хотя бы и не зналъ ничего, хотя бы не умѣлъ трехъ перечестъ, но за то одно, что онъ иноземецъ, а наипаче, что онъ ихъ совѣсти правень, минувъ достойныхъ и заслуженныхъ людей російскихъ, надобно произвестъ въ президенты, въ совѣтники, въ штабы, и жалованья опредѣлить многія тысячи... Многократно заслуги свои представляли, похваляя свою къ Россіи вѣрность и доброжелательство, но лгали безсовѣстно на свою душу: ибо ежели бы они были прямые отечеству доброхоты, такъ ли бы нарочно людей нашихъ на явную смерть посылали, такъ ли бы только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душою внѣ Россіи, пребывали? Такими они сами оказали себя, когда все свои сокровища, все богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали и тамъ иныя въ банки, иныя на проценты многіе милліоны полагали“ (1). Изъ другихъ проповѣдей Амвросія (2) замѣчательна еще проповѣдь въ день коронаціи Елисаветы 28 февраля 1742 г. Въ этой проповѣди, сказанной въ московскомъ успенскомъ соборѣ, между другими заслугами Елисаветы, Амвросій указываетъ на то, что она „книгу, Камень вѣры, во тмѣ невѣдѣнія заключенную, повелѣла на свѣтъ произвестъ и освободить“, которая также необходима была для духовнаго чина, „какъ на примѣръ всякому искусному мастеру инструменты, воину оружіе, плавающему корабленнику на морѣ кормило“; а до тѣхъ поръ „не токмо учителей, но и ученія и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли... готовые во тмѣ заключили, а другія сочинять подъ смертною казнію запретили“ (3).

Еще рѣзче были проповѣди другаго проповѣдника, Кирилла Флоринскаго, который былъ съ 1741 г. ректоромъ Московской академіи, а съ 1768 по 1778 Сѣвскимъ епископомъ и умеръ въ 1795 г. Амвросій въ своихъ проповѣдяхъ представилъ общую картину тяжелаго положенія Россіи и русскаго духовенства, во время владычества нѣмецкой партіи при дворѣ; Кириллъ Флоринскій указываетъ прямо на лица, притѣснявшія и угнетавшія русскихъ людей, преимущественно на Миниха и Остермана, назы-

(1) Придворныя проповѣди въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны Н. А. Попова. Лѣт. русск. литер. том. II, стр. 5—6.

(2) Эти проповѣди были сказаны: 8 ноября 1742 г., 25 апрѣля и 25 ноября 1743 г., 15 іюля 1744 г. Смotr. тамъ же, стр. 6.

(3) Тамъ же, стр. 12.

вая ихъ „человѣкоядными птицами, эмиссаріями діавольскими“ и т. п. Такова его проповѣдь въ день рожденія Елисаветы 18 декабря 1741 г. Положивъ въ основу этой проповѣди слова: сильно на земли будетъ сѣмя его, и, примѣнивъ ихъ къ Петру В., онъ представляетъ въ ней Петра сѣятелемъ, а Россію почвою, приняшею брошенныя имъ сѣмена: „Егда спросите мя, говоритъ онъ, да скажу вамъ не притчу, но свѣжую исторію о насѣянныхъ плевелахъ въ Россіи, тако отвѣщаю: сѣявый въ насъ доброе сѣмя есть самъ Петръ В., село есть Россія, доброе сѣмя сынове російскаго отечества, вѣрніи, паче же всѣхъ по превосходству и по преимуществу дщерь царска и императорска, Елисаветъ, наследница престола Петрова; а плевелы—подъ видомъ токмо сыновъ отечества, вещь же порожденія ехиднина, изгрызающія утробу матери своей Россіи, да чужестранцы пришлецы, Петромъ насѣянныхъ въ Россіи расхитители, правовѣрія ругатели, благочестія, вкорененнаго въ Россіи отъ многосотныхъ лѣтъ, растлители и истлители, подъ ухищренною политикою всего счастья російскаго губители.... а жатели, плевелы и плевелосѣятелей враговъ собирающіе, сыновъ же вѣрныхъ безъ поврежденія, яко пшеницу въ житницахъ въ отечествѣ хранящіе—лейбъ-гвардія и вся воя“. Сѣмя Петрово возрасло, наконецъ, въ великое древо, которое начали терзать иностранцы. „Древо сіе не всяко плотоядное, но человѣкояды птицы. Остерманъ и Минихъ съ своимъ стащищемъ начали, было, чрезъ двенадцатолѣтіе обезпокоивашіе, сѣщи и терзати: обаче мы дремлюще не видѣхомъ, ниже чувствовахомъ, донелѣ же само сіе сильное сѣмя насъ не пригласи спящихъ: до колѣ дремлете? до колѣ страждати имате?... Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ совѣщаніемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи діавольскіе, имъ же попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася, сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству російскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи правовѣріе и благочестіе не точію превратять, но и искореня истребятъ“⁽¹⁾.

Проповѣди Стефана Калиновскаго и Димитрія Сѣченова. Такой же взглядъ на Елисавету и на предшествовавшее ей воспаренію вѣмецкое владычество выражается въ проповѣдяхъ Стефана Калиновскаго, Димитрія Сѣченова и Сильвестра Кулябѣи. Стефанъ Калиновскій, изъ воспитанниковъ Кіевской академіи,

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 7—9. Кромѣ этого, еще извѣстны слова Флоринскаго 11 апрѣля и 15 іюля 1742 г

былъ ректоромъ Московской академіи, а потомъ епископомъ псковскимъ и новгородскимъ (ум. 1753 г.). Въ проповѣди 1 января 1742 г. онъ называетъ импер. Елисавету русскою Іудией, Есѣврюю и Пульхеріей и съ особенною силою изображаетъ тѣ притѣсненія, какимъ она подвергалась при Аннѣ Іоанновнѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ. „Еще тогда, говоритъ онъ, какъ блаженные и вѣчно достойныя памяти родители ея отъ временнаго сего на вѣчное царство пересилилися, многовидныя, несказанныя, нестерпимыя отъ недобросовѣстныхъ подданныхъ своихъ пакости мужественно терпѣла; еще тогда отъ всезлобныхъ людей въ монастырь побуждаема была: что ѣсть, что пѣть, что дѣлаетъ, куда ѣздить, съ кѣмъ бесѣдуетъ, приставленными пѣснопѣвными шпіонами назпраема, не унывала, не изнемогала, не малодушествовала“ (').—Димитрій Сѣченовъ, сначала архимандритъ Свіяжскаго монастыря и первый членъ комиссіи объ обращеніи въ христіанство магометанскихъ и языческихъ народовъ въ Нижегородской и Казанской губерніяхъ, былъ потомъ архіепископомъ новгородскимъ (ум. 1767 г.). Онъ отличался необыкновенною смѣлостію въ обличеніи современныхъ пороковъ. 25 марта 1742 г. онъ говорилъ проповѣдь въ присутствіи императрицы на текстъ: Благоувѣствуй, земле, радость велію! Назвавъ время предыдущихъ царствованій лютой зимой нечестія, послѣ котораго возсіяло ведро благочестія, онъ такъ характеризуетъ прежнее бѣдственное время: „Со смертію Петра и Екатерины I наступили частыя и вредительныя перемѣны: и видя то противники наши добрую дорогу, добрый ко увѣщенію насъ сыскали способъ, показывали себе, аки бы они вѣрные государству слуги, аки бы сберегатели здравія государей своихъ, аки бы они все къ пользѣ и исправленію Россіи промышляютъ; а какъ прибрали все отечество наше въ руки, коликій ядъ злобы на вѣрныхъ чадъ російскихъ отрыгнули; коликое гоненіе на церковь Христову и на благочестивую вѣру возставили, ихъ была година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали... И что бѣдственнѣе: догматы христіанскіе, на которыхъ вѣчное спасеніе зависитъ, въ басни и ни во что поставляли; ходатаицу спасенія нашего, неусыпную христіанскую помощницу, покровъ и прибѣжище, на помощь не призывали и заступленія ея не требовали; святыхъ угодниковъ Божіихъ не почитали; иконамъ святыхъ не кланялись; знаменіемъ креста Христова, его же бѣси трепещуть, гнушались... А которые такихъ прелестниковъ не слушали, коликія имъ руганія, поношенія врази благочестія чинили, мужикамъ, грубіянами нарицали. Кто посты хранитъ, называли ханжа. Кто молитвою

(') Тамъ же, стр. 11.

съ Богомъ бесѣдуетъ, пустосвятъ. Кто языкъ отъ суетловія воздерживаетъ—глупъ, говорить не умѣтъ. Кто милостиво неоскудно подаетъ—простъ, не умѣтъ, куды имѣнія своего употребить, не къ рукамъ досталось. Кто въ церковь часто ходитъ, въ томъ-де пути не будетъ. А наипаче kolikoе гоненіе на самихъ благочестія защитителей, на самихъ священныхъ таинъ служителей, чинъ духовный: архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, казнили, разстригали: непрестанныя почты и водою и сухимъ путемъ—куды, зачѣмъ? монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ въ дальные сибирскіе города, въ Охотскъ, въ Камчатку, Оренбургъ отвозятъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые пастыри слова Божія молчали и устъ не смѣли о благочестіи отверзти.... Насилія развратили слабыхъ; поносимъ праотца нашего, что за яблоко душу продалъ, а мы за чарку вина, за ласкательство, за честишку, за малую славицу, въ судъ за гостинецъ, въ торгъ за копѣйку, въ постъ святой за курочку душу нашу промѣниваемъ. Поднеси чарку винца, поласкай, пощенчи въ уху: я тебя не оставлю; возьми и душу, готовъ и правду потерять, готовъ и вѣры отступитъ, готовъ и благочестіе отвергнуть“ (¹).

Архіепъ петербургскій Сильвестръ Кулябка (ум. 1761 г.) въ проповѣди 25 ноября 1750 г. характеризуетъ правленіе Анны Леопольдовны, говорятъ: „Вмѣсто императорства, правительство государствовало, взошло на російскій престолъ безгластво, а за пуждую иновѣрство царствовать стало, хваталось за скипетръ російской младенчество, еще рукъ своихъ отъ персей отнять не могущее; толико великою, толико славною управлять имперією рука младенческая покусилась, и къ своему послуженію невольная; писалъ законы, посылалъ указы, раздавалъ чины возрастъ, самого себе разсудить, самого себе распознать не умѣвшій: въ свѣтлости императорской введенъ тотъ, который самъ едва что вчера солнечную лучу увидѣлъ, а православіе въ Россіи кутерьма искало.... руки крѣпкихъ въ желѣзахъ ломились, препоясуемая бедра сильныхъ въ плиноахъ томились“ (²).

Во всѣхъ указанныхъ проповѣдяхъ господствуютъ двѣ темы: жалоба на притѣсненія и угнетенія отъ иностранцевъ и прославленіе импер. Елисаветы, которая спасла Россію отъ этихъ угнетеній. Съ прославленіемъ Елисаветы постоянно соединяется прославленіе Петра В., продолжательницею дѣлъ котораго была Елисавета. Эти же темы, мы видѣли, служили главными темами и торжественныхъ одъ и ораторскихъ похвальныхъ рѣчей Ломоносова. Поэтому, совершенно справедливо церковную проповѣдь Ели-

(¹) Тамъ же, стр. 12—14.—(²) Тамъ же, стр. 26.

саветинской эпохи сближаютъ съ похвальною одой и ораторской рѣчью этой эпохи; различіе между ними заключается только въ томъ, что проповѣдники прославляютъ Елисавету преимущественно за ея благочестіе, за ея покровительство церкви и духовенству, а Ломоносовъ прославляетъ ее за любовь къ наукѣ и просвѣщенію и покровительство русскимъ ученымъ. Въ похвальныхъ одахъ и рѣчахъ Ломоносова замѣчаютъ преувеличенія; нельзя не видѣть также преувеличеній и въ приведенныхъ проповѣдяхъ. Представленные въ нихъ картины угнетенія русскихъ людей иностранцами нарисованы слишкомъ густыми красками и потому вышли рѣзки и преувеличенны; въ нихъ много выраженій грубыхъ и даже неприличныхъ церковной каюдрѣ: но эти картины не были вымысломъ фантазій; въ основѣ ихъ лежали дѣйствительныя притѣсненія, на которыя, кромѣ проповѣдниковъ, жаловались и другіе люди, жившіе во время господства иностранцевъ. Силою этихъ притѣсненій и объясняются указанныя рѣзкость картинъ и грубость выраженій: въ нихъ невольно высказались долго сдерживаемыя и накопившія раздраженіе и негодованіе людей глубоко оскорбленныхъ и долго страдавшихъ.

Изъ политическихъ событій проповѣдники обращали вниманіе въ своихъ проповѣдяхъ на войну и миръ съ Швеціей, на льготы, данныя Малороссіи, переселеніе въ южную Россію сербовъ и хорватовъ. При Елисаветѣ, мы замѣтили, стали распространяться въ русскомъ обществѣ вольнодумство и распушенность нравовъ. Проповѣдники возставали въ своихъ проповѣдяхъ противъ безбожія атенстовъ, еретиковъ, отступниковъ, раскольниковъ, армянъ, противъ „нрава и ума епикурейскаго и фреймассонскаго“. Превосходную картину современной роскоши и распушенности нравовъ мы находимъ въ словѣ Димитрія Сѣченова, сказанномъ 8 іюля 1742 года. „Осмотримъ же, говоритъ онъ въ этомъ словѣ, какъ любимъ Христа. Люблю Христа словомъ: у меня въ различныхъ селахъ каменные палаты, прекрасные покои, бани, поварни изрядно устроены; а церкви Христовы въ тѣхъ же селахъ безъ покрова погнили. Люблю Христа: у меня запонки, пряжки, табакерки золотыя, чайники и рукомойники серебряныя; а въ церкви Христовой свинцовые сосуды. Люблю Христа: у меня златотканная завѣса, одѣяла; а страшныя Христовы Тайны крашениннымъ покрываются покровомъ. Люблю Христа: самъ шампанскія и венгерскія вина вмѣсто квасу употребляю, а въ церковь никогда и волошскаго галенка не посылаю (¹). Люблю Христа: чести искать, богатства собирать, пиршествовать, суетловить, хвастать, веселить-

(¹) Волошское вино. Галенокъ (gallon)—англійская мѣра вина.

ся, забавляться день и ночь—легко, не скучно; а Христу въ молитвахъ поблагодарствовать, въ церкви со умиленіемъ и страхомъ Божиимъ постоять — право въ суетахъ и помолиться некогда.... Люблю Христа: свои именины какъ безъ торжества пропустить? три дни и ночи веселюся; а придетъ праздникъ Христова Рождества или Воскресенія, главные спасенія нашего вина,—за уборами, за развозами по разнымъ домамъ ласкательныхъ поклоновъ, поздравленій, и въ церкви не былъ.... А о любви ближняго и спрашивать нечего. Вся наша любовь въ коварной политикѣ, какъ ласково встрѣтить, довольно угостить, учтиво проводить, пріятныя письма, гладкія словца, низкіе поклоны, частые стаканы, непрестанныя репетиціи: здравствуй, здравствуй, а сердцемъ хотя бы и на свѣтъ не было.... Люблю ближняго: а кому честь или правительство вручится, не разсуждаетъ сего, что власти отъ Бога учинены не на иной конецъ, токмо благотворить ближняго, помощи бѣднымъ, заступити обидимымъ, защититъ правду; сего и не мыслить и говорить съ бѣднымъ не хочетъ, но аки фараонъ гордится, честью тѣшится, славою веселится, радуется, что всѣ его почитаютъ, кланяются, боятся, крутить, вертить. Правосудіе ли тамъ приемотрится? въ передней избѣ часовъ пять постои, да завтра приди, больше не жди. Милости ли сыскать? съ ногъ до головы обдеруть, не срачицу, но и кожу готовы снять, а когда станешь больше правды искать, то и въ сибирскихъ странахъ мѣста не сыщешь“ (1). При чтеніи этой проповѣди живо представляется воображенію быть тогдашнихъ богатыхъ и знатныхъ вельможъ, которые въ обстановкѣ своей жизни старались подражать роскоши и блеску жизни придворной, быть тогдашнихъ помѣщиковъ, которые въ своихъ селахъ устраивали дома на подобіе дворцовъ съ театрами, хорами пѣвцовъ и музыкантовъ, и изъ своихъ имѣній вообще стремились дѣлать подобіе маленькихъ государствъ, въ которыхъ они жили и вели себя какъ настоящія владѣтельные, или царственные особы, окруживъ себя, какъ придворнымъ штатомъ, толпою многочисленныхъ слугъ; поведение богатыхъ и властныхъ господъ, которые, добившись высокаго положенія или важной должности, гордо, презрительно и жестоко обходились съ бѣдными, низшими и подчиненными: „аки фараонъ гордится, честью тѣшится, славою веселится, крутить, вертить“...

Проповѣди Гедео́на Крино́вскаго. Гедео́нъ Крино́вскій родился въ Казани (1726 г. ум. 1763) и воспитывался въ казанской семинаріи, а потомъ въ московской академіи. Обративъ на

(1) Придворныя проповѣди, стр. 29—30.

себя вниманіе своими проповѣдями, онъ былъ опредѣленъ придворнымъ проповѣдникомъ въ Петербургѣ и въ этой должности оставался до 1761 г., когда былъ посвященъ въ епископа псковскаго. Гедeonъ считался образцовымъ проповѣдникомъ въ Елисаветинскую эпоху и занималъ такое же мѣсто между современными проповѣдниками, какое Теофанъ Прокоповичъ въ Петровскую эпоху. Вотъ какъ отзывается о немъ современникъ его, Сумароковъ: „Гедeonъ есть російскій Флешіеръ; цвѣтности онъ имѣетъ еще болѣе, нежели Теофанъ (Прокоповичъ); сожалѣтельно то, что мало въ немъ было силы и огня, и что онъ, по недостатку пылкости, часто наполнялъ проповѣди свои исторіями и баснями, симъ бѣднымъ запасомъ истиннаго краснорѣчія. Пріятность, нѣжность, тонкость были ему свойственны, и послѣ Теофана опустошенной російской парнассѣ, или Церковъ, лишенная риторскія сладости смертію великаго архіепископа, обрадовала Россію симъ Гедеономъ, мужемъ великаго во краснорѣчіи достоинства“.... „Критики упрекали Гедeона, говоритъ митр. Евгеній, въ томъ, что у него много приводовъ изъ исторіи языческой и языческихъ писателей: но въ семъ прежде надобно винить Ілію Минятія, котораго Гедeonъ избралъ себѣ для подражанія почти единственнымъ образцемъ. Впрочемъ, примѣтно, что, подражая образцу своему, онъ въ изображеніи доводовъ, въ оборотахъ изъясненія и въ изображеніи движеній сердца, вездѣ съ нимъ равнялся своимъ дарованіемъ, такъ что можно справедливо его наименовать російскимъ Минятіемъ. Проповѣди его имѣютъ то преимущество, что онѣ не затемнены никакими бесполезными умозрѣніями и всегда могутъ занимать вмѣстѣ и просвѣщенныхъ слушателей и простой народъ ясными и разительными изображеніями, а въ дарѣ сказывать долго послѣ его никто не могъ съ нимъ сравниться, и онъ доселѣ еще почитается первымъ и превосходнѣйшимъ російскимъ проповѣдникомъ“. Нѣкоторыя слова Гедeона, какъ извѣстно, вошли въ сборникъ словъ и поученій, составленный по распоряженію синода, въ царствованіе Екатерины.

Гедeonъ внимательно слѣдилъ за религіознымъ и нравственнымъ состояніемъ тогдашняго образованнаго общества и изображалъ его въ своихъ проповѣдяхъ, указывая въ религіозномъ отношеніи на слѣды невѣрія и вольнодумства, а въ нравственномъ— на распущенность жизни. Такъ, въ словѣ во 2-ю недѣлю великаго поста, упрекая пастырей, не учащихъ народъ, онъ говоритъ: „Столько народа съ нами едва имя Христова знающихъ; столько грѣшниковъ, о спасеніи своемъ ни мало не радящихъ; столько натуралистовъ, фармазоновъ и ожесточенныхъ безбожниковъ со дня на день прозябають, а мы спимъ и не чувствуемъ, какъ сіе

вражіе сѣмя, какъ плевелы сатанинскіе въ земли корни свои распушаютъ, а пшеница, терніемъ толь многояменныхъ ересей подавляема, мало по малу истребляема бываетъ“ (¹). Все слово въ недѣлю пятидесятницы направлено противъ тѣхъ, которые „не хотятъ ничего допустить, развѣ что бѣ разумомъ своимъ постигнуть имъ было можно. Для того подлинно, какъ прежде было, такъ и нынѣ есть еще многобожіе во многихъ мѣстахъ вселенной: для того имя святыя Троицы магометанамъ всѣмъ тяжело; оттуда и натуралисты, атеисты и другія богомерзкія и душамъ благочестивыхъ людей нестерпимыя имена произошли въ свѣтѣ и происходятъ. Оттуду, говорю, то есть, что иной хочетъ, чтобъ показалъ ему кто нибудь Бога очевидно; иной думаетъ, что одному Богу всю вселенную управлять нельзя; иной говоритъ, какъ можно не имѣющему жены родить сына; иной иныя, симъ подобныя воображаетъ въ головѣ своей непристойныя мысли“. Въ словѣ доказывается необходимость тайнъ въ вѣрѣ: „Ежели бѣ вмѣстѣ нашъ умъ Бога, то бы не былъ Онъ и Богъ; понеже имѣлъ бы въ умѣ нашемъ предѣлы, что естеству Божию противно. А понеже, что есть въ Бозѣ, то оно есть самъ Богъ; такъ уже слѣдуетъ, что ни силы, ни премудрости, ни разума его постигнуть никакой твари вовсе невозможно. И сего ради заключить надобно, что разумъ нашъ и вся вѣка сего премудрость въ познаніи тайнъ царствія Божія есть ничто“ (²). Въ 1-мъ словѣ въ недѣлю 15-ю по Пятидесятницѣ, объясняя слова: крѣпка, яко смерть, любви, Геденъ говоритъ: „Гдѣ нынѣ такой найти любви, когда уже многіе все натурѣ и случаю нѣкому начинаютъ приписывать, царствіе Божіе за вымысль, гесну за намалеванный огонь почитаютъ, и что всего тяжестнѣе слышать, иныя самое воплощеніе Сына Божія, вольное его страданіе, лютая оная мученія, крестъ и поносную смерть, ради спасенія человѣческаго воспріятую, за ненужную ставятъ и всеконечно отвергаютъ“ (³). — Во 2-мъ словѣ въ недѣлю 22-ю по Пятидесятницѣ, по поводу кощунства, которое обнаруживается особенно во время веселыхъ пировъ, онъ говоритъ: „Мы хотя и не касаемся на нашихъ пирахъ сосудовъ Божіихъ (какъ это сдѣлалъ Валтасаръ во время своего пира), однакожъ напротивъ того уже не щадимъ рабовъ Божіихъ. Боже нашъ! сколько мы за однимъ столомъ людей словами нашими перекусасмъ! Да пусть уже то: часто при томъ достается у насъ и самому Богу, наипаче какъ на ту пору прилучится какой разумный человѣкъ, который хотя нѣсколько можетъ доказывать,

(¹) Собраніе разныхъ поучительныхъ словъ.... Москва 1760. Ч. 1, лист. 115.—(²) Тамъ же, лист. 291—294.—(³) Тамъ же, л. 412.

будто Бога нѣтъ, или смотрѣнія его въ міръ“.—Въ 3-мъ словѣ въ недѣлю 22-ю по Пятидесятницѣ, разсуждая о вѣчныхъ мукахъ въ будущей жизни, онъ говоритъ: „Но сумнюсь при семъ, нѣтъ ли между нами такихъ, которые, хотя Епикуровыми учениками не зовутся, однакожъ съ ними едино мудрствуя, какъ блаженной жизни святымъ, такъ и вѣчной муки грѣшникомъ, по смерти быть не чають. И затѣмъ, любопытствуя, вопрошають, гдѣ имѣется адъ, и какимъ образомъ въ немъ вещественный огонь невестественный духъ палить можетъ, и гдѣ столько дровъ на всегдашнее поджигеніе огня того возмется? Чего ради, хотя бъ не были достойны отвѣта такіа бездѣльная въ дѣлахъ куріозности; однакожъ я, слѣдуя увѣщанію премудраго Соломона, чтобъ не похвалились таковыя воспросители въ суетысліи своемъ, отвѣщать на всѣ тѣ вопросы хочу теперь порядкомъ“ (¹).—Въ 1755 г. случилось страшное Лиссабонское землетрясеніе, которое поразило всѣхъ ужасомъ и вызвало множество разсужденій въ литературѣ и поученій съ церковной кафедры. Вольтеръ написалъ дидактическую поему „Разрушеніе Лиссабона“, въ которой представилъ это событіе, какъ сильнѣйшее опроверженіе оптимизма. Французскіе энциклопедисты утверждали, что это событіе, какъ и всѣ явленія въ природѣ и жизни человѣческой, имѣетъ источникомъ причины естественныя, а не что либо другое. Геденъ, по поводу землетрясенія въ Лиссабонѣ и другихъ мѣстахъ, сказалъ слово, въ которомъ доказывалъ, что вмѣстѣ съ естественными причинами такихъ событій необходимо признать волю божественнаго Промысла, допускающаго эти событія. „Пусть такъ будетъ, говорилъ онъ: я сему не противлюсь: не надобно и естественныхъ совѣмъ опровергать силу, или ихъ испытателей порочить. Но для чегожъ, вопрошаю, не прежде, но въ сіе самое время, ни въ иныхъ, но въ сихъ самыхъ частяхъ земли произвела такое дѣйствіе натура? Не скажетъ ли кто, что все то сдѣлалось случаемъ? Случаемъ одинъ городъ уцѣлѣлъ, другой развалился; случаемъ тѣ люди спаслись, другіе погибли... Но гдѣ жъ будетъ дѣвать оное слово Христово, что ни власъ главы нашей безъ воли Отца Небеснаго не погибаетъ (Матѣ 10, 30; Лук. 12, 7), ежели случаемъ столько душъ пропало? Нѣтъ, слышатели, не естество, но естества Творецъ, творяй въ насъ добро и зиждай зло по писанію (Исаи 45, 7), главною всѣмъ симъ непріятнымъ событіямъ есть причиною. Онъ естество содержитъ въ своемъ послушаніи и полагаетъ, какіе хочетъ, ему прелѣлы; Онъ и сдѣлалъ нынѣ, чтобъ оно, оставя прежній свой порядокъ на сіе время, новый и ужасный

(¹) Тамъ же, лист. 503.

видъ на себя приняло; Онъ, говорю, то есть, Который призываетъ на землю и творить ю трястися, по Псаломнику (Псал. 103, 32), и Котораго море и вѣтры послушаютъ, по Евангелію (Матѣ. VIII, 20), привелъ въ такое смущеніе обѣ сѣи стихій“. Но Богъ ничего не допускаетъ безъ причины. Гдѣ же причина настоящихъ бѣдствій? „Грѣхи наши, говоритъ Гедѣонъ, подали причину, чтобъ такіа зла Богъ навелъ на землю“, и для доказательства этого указываетъ, что грѣхи людей вызвали всеобщій потопъ при Ноѣ, грѣхи погубили Содомъ и Гоморру, за грѣхи пожрала земля Даавана и Авирона, за грѣхи іудеевъ разрушенъ былъ Іерусалимъ. Но, наказывая людей за грѣхи, Богъ хочетъ въ тоже время подобными бѣдствіями обратить ихъ на путь покаянія и указать въ этихъ бѣдствіяхъ знаменіе или предвѣстіе будущей кончины міра и послѣдняго суда.

Но съ особенною силою Гедѣонъ Криновскій нападалъ на современную распущенность нравовъ. Подобно Кантемиру (сатира VII о воспитаніи), корень этой распущенности онъ находилъ въ совершенной небрежности о правильномъ воспитаніи дѣтей. „Многіе нынѣ родители, говоритъ онъ въ словѣ въ 4-ю недѣлю великаго поста, не только дѣтей своихъ отъ празности, дающей поводъ ко грѣхамъ, также и отъ непотребныхъ забавъ всякихъ не отвращаютъ, но еще и совѣтуютъ имъ то, чтобы цвѣтъ юности ихъ отъ трудовъ не увядалъ. А другіе хотя и въ науки отдаютъ ихъ, да въ какія? въ такіа, что стыдно въ семь святомъ мѣстѣ и поминать о нихъ! А къ познанію Бога истиннаго и къ достойному Того-жъ почтенію надлежащаго искусства завести въ нихъ отнюдь не стараются, и не только не стараются, но еще противное сему вкореняютъ, когда не Евангеліе Христово, не законъ Божій, но амурныя нѣкія книжицы въ руки ихъ съ самаго младенчества втираютъ: не правдѣ и благочестію, но ябедамъ и обманамъ учатъ и всякихъ пороковъ въ себѣ самихъ подаютъ образъ! И чего жъ изъ такихъ ожидать дѣтей, кромѣ что волковъ хищныхъ, пардовъ лютыхъ, мсковъ неводержныхъ, либо другихъ какихъ скотовъ и звѣрей безчеловѣчныхъ? Удивляемся мы, когда того ненасытнаго сребролюбца, того безмѣрнаго тщеславца, того плотинугодника великаго видимъ, а не помышляемъ, что нельзя имъ такими и не быть, понеже родители ихъ таковы были; да какіе сами были, такихъ и дѣтей учить старались“ ('). Въ словѣ въ недѣлю 21-ю по Пятидесятницѣ, Гедѣонъ, объяснивъ недѣйствительность слова Божія лѣнностію и невнимательностію слушателей, говоритъ: „Какъ сѣмя, на пути поверженное, легко-

(') Тамъ же, л. 144—145.

ногами мимоходящихъ бываетъ попираемо, такъ и лѣнливый слушатель ничего столько, сколько слово Божіе, не презираетъ. Охотнѣе ему читать Аргениду или Телемака, нежели Христово Евангеліе; пріятнѣе всегда онъ слушаетъ, гдѣ о псовыхъ ловляхъ, о конныхъ заводахъ и подобныхъ вещахъ разговоръ имѣютъ, нежели гдѣ христіанскому житію наставляютъ, по подобію безумныхъ оныхъ Демосѣеновыхъ слушателей“. И привелъ далѣе анекдотъ о Димосѣенѣ, пристыдившемъ своихъ невнимательныхъ слушателей разсказомъ о тѣни ослиной: „какіе вы люди! о тѣни ослиной слушать желаете, а о спасеніи всея Греціи не слушаете“, Геденъ прибавляетъ: „такимъ же, говорю я. образомъ, и лѣнливые христіане, когда комедія, хотя чрезъ цѣлую продолжается ночь, ни мало не скучаютъ: а когда проповѣдь, хотя черезъ часъ одинъ, или часа менѣе предлагается, описать нельзя какая имъ скука. Переминаютъ ногами, потираютъ руками, повертываются на всѣ стороны, другъ на друга взглядываютъ и другъ съ другомъ перешептываютъ... Пристали къ симъ лѣнливымъ и празднотлюбивымъ слушателямъ и тѣ, которые будто и со вниманіемъ стоятъ во время проповѣди, но ничего болѣе притомъ, развѣ слогъ проповѣдническій примѣчаютъ: наприм. выборны ли его слова, красно ли сочиненіе, не отстаетъ ли отъ матеріи, наблюдаетъ ли риторическія правила и подобная: а не разсуждаютъ того, что пришли они не въ Демосѣенову или Цицеронову школу, но въ Христову, гдѣ не учатъ словамъ, а дѣламъ“⁽¹⁾. — Въ словѣ въ недѣлю 3-ю великаго поста, обличая слушателей въ беззаботности о спасеніи души, Геденъ говоритъ: „Есть ли у насъ домъ, огораживаемъ, покрываемъ и всевозможными образами отъ воздушныхъ защищаемъ напастей. Суть ли хорошіе сосуды, перемываемъ, перетираемъ и чистимъ ихъ почти ежедневно. Суть ли въ саду красныя и плодовыея деревья, поливаемъ ихъ, обрѣзываемъ и еще сторожей приставляемъ, чтобъ не поломали птицы вѣтвей ихъ. Что много; мы и о статуяхъ, которыя у насъ при палатахъ, или въ садахъ, не забываемъ, чтобъ ихъ морозъ не повредилъ, сукнами, или чѣмъ инымъ, обертываемъ ихъ, чтобъ вѣтръ не поломалъ, различныя укрѣпленія желѣзныя отвиѣ дѣлаемъ, чтобъ отъ древности впа своего онѣ не могли измѣнить, на всякой годъ ихъ починиваемъ, покрашиваемъ, позлащаемъ, не жалѣя никакова на то изживенія. А о души ни малѣйшаго попеченія нѣтъ въ насъ: цѣла ли она, или повреждена, одѣта или нага, сыта или голодна, спросить никогда и на умъ не придетъ“⁽²⁾.

(1) Тамъ же, л. 465—467.

(2) Тамъ же, л. 134.

Такой правоописательный характер имѣетъ большая часть проповѣдей Гедео́на Криновскаго. Въ этомъ отношеніи его проповѣди весьма сходны съ произведеніями тогдашней правоописательной дидактической литературы. Объясняя заповѣди Божіи, Гедео́нъ не столько учитъ тому, какъ ту или другую заповѣдь можно исполнить на дѣлѣ всякому христіанину въ той обстановкѣ жизни, въ какой онъ поставленъ, сколько изображаетъ отступленія отъ этой заповѣди въ современной жизни, рисуетъ картины современныхъ нравовъ, разныхъ недостатковъ и пороковъ. Отсюда его проповѣди, какъ и проповѣди нѣкоторыхъ другихъ современныхъ проповѣдниковъ, часто получаютъ сатирическое направленіе и, изображая типы разныхъ порочныхъ людей, напоминаютъ собою правоописательныя сатиры Кантемира и Сумарокова. Такъ, въ словѣ въ недѣлю 15-ю по Пятидесятницѣ, представляя, какъ въ современномъ обществѣ исполняется заповѣдь о любви къ ближнимъ, онъ рисуетъ типы современныхъ любителей ближнихъ: „Многіе суть, которые на словахъ золотыя своему ближнему общаютъ горы, а на дѣлѣ и глиняныхъ не даютъ. Когда попроситъ ихъ кто о чемъ, тотчасъ отвѣтствуютъ: слуга вамъ, слуга покорный, счисляйте меня за работника вашего; вещью же самую никакой никому милости не дѣлають.... Есть еще другой въ мірѣ родъ любителей, называемыхъ лицемѣровъ. У нихъ обычай такой: на всякъ день другъ друга посѣщаютъ, а посѣщая ничего болѣе не дѣлають, только, чтобъ познать кого въ чемъ, проекиваютъ. Когда съ тобою говорятъ, кажутся всѣ твои, когда отыдуть отъ тебя, съ минутою спустя, явятся ко всѣмъ враги: устнами чтуть, сердцами кленуть, наявѣ лобызають, а отай продають. Нельзя отнюдь тутъ бѣдному человѣку разсмотрѣть, его ли кто, или отъ сущестать его? Полны тутъ, да хамелеоны, во всѣ виды премѣняющіися.... Есть еще третій родъ любителей, называемый ласкательный. Они правда, что всякія услуги и вѣрности показываютъ человѣку, но по то только время, покамѣсть ему счастье служить, и надѣются нѣчто себѣ отъ его исполненія почерпнуть.... Они съ другими поступаютъ, какъ мы съ мѣшками. Покамѣсть мѣшокъ денегъ полонъ, любимъ и хранимъ мы его: когда же истощаются деньги, то и мѣшокъ намъ бываетъ непріятенъ“ (¹). — Такой правоописательный характеръ сообщаетъ проповѣдямъ Гедео́на особенную простоту, естественность и наглядность, такъ что онѣ, по справедливому замѣчанію митр. Евгенія, „всегда могутъ занимать вмѣстѣ и просвѣщенныхъ слушателей и простой народъ“. Надобно замѣтить, впрочемъ, что, гоняясь за простотою

(¹) Тамъ же, л. 417—418.

и наглядностію изображеній, Гедеоныъ впадаетъ часто въ вульгарность, рисуетъ такіа смѣшныя или тривіальныя картины, которыя неумѣстны на церковной кафедрѣ и не согласны съ высокимъ ея предметомъ и серьезнымъ тономъ, ей свойственнымъ. Такъ напр., приведя въ словѣ въ недѣлю 2-ю по Пятидесятницѣ изреченіе Спасителя: царствіе небесное нудится, и нуждницы восхищаютъ є (Матѣ. II, 12), онъ говоритъ: „Ахъ се уже непріятно намъ; се уже очень не по праву нашему! Мы думали, что къ такому прекрасному граду пространнѣй лежитъ путь, чтобы и цугомъ проѣхать можно было; анъ, вопреки, тѣсенъ. Мы думали, что цвѣтами и мягкою травою онъ поросъ, чтобы иногда, караваномъ сѣдше, водочкою или другимъ чѣмъ подвеселиться могли; анъ прискоробенъ есть. Мы думали, что врата у царствія небеснаго широкія и высокія; анъ, столько ко вхожденію недовольныя, что нуждою продираются въ него: нуждницы восхищаютъ его. И затѣмъ самъ паки Христосъ иглинымъ на другомъ мѣстѣ удоболагаетъ ушамъ.... Сидевою убо ради трудности пути, слышатели, многіе изъ насъ, уже перемѣнивъ прежнее намѣреніе, мыслятъ прочее оставить Христа и покушаются идти въ слѣдъ діавола, который пространнѣй и всякихъ роскошей исполненнымъ ведетъ всякаго до ала путемъ.... Правда, путь его сей столько широкъ, что берлиномъ, или коляской захочетъ кто поѣхать, удобно по немъ проѣдетъ. Симъ путемъ проѣхалъ Маркъ Аврелій, на слоновой колесницѣ сѣдаящъ; симъ путемъ Антоній пролетѣлъ, еленими везомъ; симъ путемъ и Сосестръ египетскій, запрягши четырехъ побѣжденныхъ царей подъ коляску, торжественнѣй свой изволилъ отправлять маршь“ (1).— Въ другомъ словѣ (5-мъ въ недѣлю великаго поста), разсуждая о судѣ Пилата, осудившаго Спасителя, Гедеоныъ говоритъ: „Но Пилать, вижу, и отъ своихъ язычниковъ правдою далеко отсталъ. Однако не тужи, Пилать! найдутся тебѣ товарищи, когда не язычники, то христіане, которые, ревнуя твоему суду, почитать стануть свою пользу паче правды, паче закона Божія и паче самого Христа.... Они, какъ предатели удовъ Христовыхъ, въ твое жъ несумнѣнно притти имѣють мѣсто. А тамъ, какъ вамъ уже угодно будетъ, послѣднюю вашу корысть, огонь геенскій, между собою раздѣлять станете“ (2). Въ словѣ въ недѣлю 4-ю по Пятидесятницѣ, разсказавъ анекдотъ объ Александрѣ В., который, обходя ряды своего войска и увидѣвъ воина, который назывался его именемъ, но былъ лѣнивъ и небреженъ въ службѣ, сказалъ ему, чтобы онъ или имя измѣнилъ, или самъ измѣ-

(1) Тамъ же, л. 302; 305—(2) Тамъ же, л. 159.

нился, говорить: „Что, когда бы и Христосъ, небесный нашъ царь, восхотѣлъ насъ, воиновъ своихъ, при крещеніи въ гвардію его записавшихся, чувствительно экзаминовать. и увидѣлъ бы многихъ, которые отъ имени его Христіане зовутся, а путемъ его, показаннымъ въ Евангеліи, отнюдь не ходятъ: не такой ли же бы репремантъ отъ него всякому такому былъ? Но истинѣ бы сказалъ ему Христосъ: или имя, беззаконникъ, отложи, или нравы, а не порочь добраго моего имени злымъ житіемъ твоимъ“ ⁽¹⁾. Другой недостатокъ, въ которомъ, какъ выше замѣчено, упрекали Гедеопа критики, составляетъ постоянное употребленіе примѣровъ изъ исторіи, преимущественно греческой и римской, разныхъ историческихъ анекдотовъ, басней, апологовъ и притчей. Они встрѣчаются у него постоянно, въ каждомъ Словѣ, почти на каждой страницѣ. Блага міра, по словамъ Гедеопа, диаволъ прикрашиваетъ также искусно и привлекательно, какъ искусно Зевксисъ нарисовалъ виноградную вѣтвь, которую птицы принимали за настоящую, природную вѣтвь. Вредъ, происходящій отъ человѣческаго злословія, онъ сравниваетъ съ пожаромъ Герострата, отъ котораго сгорѣлъ храмъ Діаны въ Ефесѣ. Доказывая, что врага всего легче примирить любовію и милостію, онъ приводитъ древній апологъ о вѣтрѣ и солнцѣ. Обличая тѣхъ, которые, будучи недовольны своимъ состояніемъ, гонятся за большими, иногда мнимыми благами, онъ говоритъ, что такіе люди „не лучше Езопова пса, который, какъ идучи по водѣ, несъ нѣкоторую свѣдую часть и увидавъ тѣнь ея на верху воды, то бросилъ истинную часть и ухватился за мнимую, которую чаялъ большую быть паче той“. Говоря о томъ, что молитва печестиваго человѣка можетъ быть оскорбительна и непріятна для Бога, онъ рассказываетъ анекдотъ о греческомъ философѣ Віасѣ, который, когда всѣ находившіеся на кораблѣ, во время бури на морѣ, начали призывать боговъ на помощь, закричалъ: „молчите, молчите, да не како услышать боги, что вы беззаконники здѣсь плаваете, и погружать корабль нашъ“ ⁽²⁾. Доказывая, что слава и счастье міра кратковременны, онъ обращается къ слушателямъ съ такими вопросами: „Гдѣ теперь пространнѣмъ путемъ шествовавши: гдѣ Александръ, вселенныя побѣдитель? гдѣ Сціпіонъ, страхъ африканскій? гдѣ Навуходоносоръ, древо сѣннолиственное, коренія своя во всю землю распростершее? гдѣ Крезъ, богатствомъ равнаго себѣ во свѣтѣ не чайвый?“ ⁽³⁾. Очень часто, рядомъ съ словами Свящ. Писанія, ставится изреченіе греческаго философа или какого нибудь миѣческаго и леген-

(1) Тамъ же, л. 317.—(2) Тамъ же, л. 166.—(3) Тамъ же, л. 306.

дарнаго героя древности; рядомъ съ библейскимъ событіемъ, какой нибудь анекдотъ или разсказъ изъ міѳологіи или какой нибудь басни. „Ити по Христѣ, говоритъ онъ въ одномъ словѣ, есть жить по образу житія его. Ибо какъ нѣкоторый философъ, отходя отъ міра сего, вопрошающимъ другомъ: что имъ въ поминокъ онъ оставляетъ? отвѣчалъ: образъ житія моего; такъ и Христосъ, возносяся отъ насъ на небо, такъ сказалъ: образъ дахъ вамъ, да, яко же азъ сотворихъ, и вы творите. (Іоанн. 13, 15)“⁽¹⁾. Въ языкѣ Гедсона точно также часто попадаются выраженія, взятія изъ области, чуждой духовной жизни, и не совѣмъ свойственныя церковной кафедрѣ. Пророка Моисея онъ называетъ „преисполненнымъ вѣры генераломъ“, христіанъ „воинами царя небеснаго, при крещеніи записанными въ его гвардію“; день послѣдняго страшнаго суда „генеральнымъ для всѣхъ человѣкъ экзаменомъ“; приговоръ Спасителя осужденнымъ на мученія грѣшникамъ называетъ „сентенціей“: „сентенція она у судіи праведнаго приуготована на тѣхъ, которые алчныхъ не кормятъ, нагихъ не одѣваютъ“.... Для изгнанія укоренившагося въ человѣкѣ грѣха нужна „экстраординарная благодать“ и т. п. Все это, конечно, сообщало проповѣди больше разнообразія и занимательности, но въ тоже время лишало ее свойственной ей важности и серьезности, отвлекало вниманіе слушателей отъ высокихъ предметовъ проповѣди къ мелкимъ анекдотическимъ подробностямъ и вмѣсто назиданія доставляло пріятное, но безплодное для духовной жизни развлеченіе. Такое направленіе въ проповѣди Гедсона митр. Евгеній, какъ замѣчено выше, объяснялъ тѣмъ, что Гедсонъ подражалъ проповѣдямъ греческаго проповѣдника, Іліи Мпнятія; но это направленіе было общимъ и господствующимъ во всей католической проповѣди на западѣ, откуда оно перешло чрезъ польскихъ проповѣдниковъ и къ намъ, сначала въ югозападную Русь, а потомъ вмѣстѣ съ югозападными учеными и проповѣдниками и въ Москву и вообще въ Россію. На западѣ же это направленіе образовалось подъ вліяніемъ господствовавшего тогда классическаго направленія во всей наукѣ и литературѣ и въ частности подъ вліяніемъ классической теоріи литературы, основнымъ положеніемъ которой, какъ мы указали выше, было — „учить или наставлять, забавляя“. *Omne tulit punctum, говорилъ Гораций, qui miscuit utile dulci, lectorem delectando, pariterque monendo* (2).

(1) Тамъ же, л. 302.

(2) Кромѣ указанныхъ проповѣдниковъ въ царствованіе Елисаветы было много другихъ, каковы: Арсеній Могилянский, архимандритъ Троицкой лавры, бывшій потомъ кievскимъ митрополитомъ (ум. 1770 г.); Платонъ Ма-

Разныя богословскія сочиненія, оригинальныя и переводныя.

Послѣ проповѣдей, между всѣми замѣчательными трудами духовныхъ ученыхъ этого времени прежде всего должно быть упомянуто изданіе такъ называемой Елисаветинской Библіи (1759 г.). Исправленіе этой Библіи было начато еще при Петрѣ В. Теофилактомъ Лопатинскимъ, и потомъ продолжалось разными лицами и между прочимъ Варлаамомъ Ляшевскимъ и іером. Іаковомъ Блонницкимъ. Въ исторіи литературы Елисаветинская Библія имѣетъ особенное значеніе потому, что она, какъ замѣчаетъ г. Сухомлиновъ, „представляетъ послѣднюю редакцію славянскаго перевода библейскихъ книгъ, въ которой церковно-славянскій языкъ является въ самомъ позднемъ его періодѣ, когда всего ярче обозначилось вліяніе на него языка русскаго. Взаимнымъ отношеніемъ двухъ началъ—славянскаго и русскаго опредѣляется характеръ книжнаго русскаго языка, и потому внимательное изученіе славянскаго перевода Библии было бы весьма хорошею школою для знакомства со многими особенностями языка и слога, общепринятаго тогда въ нашей литературѣ“ (1). Въ 1744 г. было сдѣлано новое изданіе „Камня вѣры“ Яворскаго; вскорѣ потомъ было издано опроверженіе упомянутаго „Молотка на Камень вѣры“, написаннаго Арсеніемъ Мацѣвичемъ. Въ 1756—57 г. были пересмотрѣны, исправлены и потомъ изданы Четыминея св. Димитрія Ростовскаго. Въ 1759 г. было сдѣлано исправленное изданіе „Печерскаго Патерика“. Адамъ Селлій написалъ сочиненіе о церковной російской іерархіи въ 5 книгахъ, которое впоследствии вошло частію въ мѣсяцесловъ Рубана на 1776 г., въ статью о кievскихъ митрополитахъ, а главнымъ образомъ въ „Исторію російской іерархіи“ Амвросія, Смоленскій епископъ, Гedeонъ Вишнеvскій (ум. 1761 г.) сочинилъ „историческое описаніе города Смоленска“. Андрей Богдановъ (ум. 1752 г.) составилъ симфонію на посланія апостоловъ и Апokalипсисъ. Ректоръ Кіевской академіи, Манассія Максимовичъ написалъ трактатъ на латинскомъ языкѣ „О различіи между греческой и латинской церковью“, изданный въ Бреславлѣ въ 1754 г.

линовскій, архіепископъ московскій (ум. 1754 г.); Арсеній Мацѣвичъ, митр. ростовскій и ярославскій (ум. 1772 г.); придворный проповѣдникъ, діакопъ Стефанъ Савицкій, о которомъ упоминаетъ Сумароковъ въ своей статьѣ о духовномъ краснорѣчіи; священникъ Евстафій Могиланскій; священникъ Михаилъ Красильниковъ; Симонъ Тодорекій, бывшій потомъ епископомъ нековскимъ (1754 г.); Кириллъ Ляшевскій, въ послѣдствіи епископъ воронежскій и черниговскій (ум. 1770 г.).—Проповѣди этихъ проповѣдниковъ указаны въ Обзорѣ русск. дух. лит. Филарета кн. 2 и въ статьѣ П. А. Попова: Придворныя проповѣди въ царствованіе Елисаветы Петровны.

(1) Истор. рос. Академіи, Вып. I, стр. 53.

Путешествіе Василя Григоровича Барскаго. Въ древнемъ періодѣ, при религіозномъ направленіи русской жизни, очень видное въ литературѣ мѣсто занимали путешествія по святымъ мѣстамъ. Въ новомъ періодѣ, какъ мы видѣли, стали появляться описанія путешествій по Европѣ съ политическими, учеными и промышленными цѣлями. Впрочемъ, въ первой половинѣ XVIII в. мы встрѣчаемъ и два путешествія по святымъ мѣстамъ: „Путешествіе въ Іерусалимъ и Царь-градъ“ московскаго священника покровской церкви, Іоанна Лукьянова (въ 1711 г.) ⁽¹⁾ и „Путешествіе по святымъ мѣстамъ въ Европѣ, Азій и Африкѣ“ Василя Григоровича - Барскаго - Плаки - Альбова ⁽²⁾. Изъ нихъ особенно замѣчательно путешествіе Григоровича-Барскаго. Василій Григоровичъ (род. 1702, ум. 1747 г.) былъ кіевлянинъ: Барскимъ онъ называется потому, что предки его происходили изъ Волынскаго города, Бара, Плакою (по гречески) и Альбовымъ (по латынѣ) отъ фамиліи Бѣляевъ. Онъ учился сначала въ кіевской, а потомъ въ львовской академіи. Изъ Львова онъ въ 1724 г. отправился въ путешествіе по святымъ мѣстамъ и провелъ въ этомъ путешествіи 24 года. Прежде всего онъ посѣтилъ Италію, былъ въ Римѣ, Неаполѣ, Флоренціи и Венеціи. Отсюда отправился въ Грецію, Палестину, Египетъ. Два раза ходилъ въ Іерусалимъ, на Синай и на Аѳонскую гору. Въ 1734 г. былъ въ Дамаскѣ и здѣсь антиохійскимъ патріархомъ, Сильвестромъ, былъ постриженъ въ монашество. Шесть лѣтъ прожилъ на островѣ Патмосѣ, посѣтилъ значительныя греческія области—Эпиръ, Критъ и Ливадію; два раза былъ въ Царьградѣ, откуда возвратился въ Кіевъ въ 1747 г. и въ этомъ же году скончался. Записки Григоровича, заключающія подробное описаніе этого путешествія, были изданы въ первый разъ Рубаномъ въ 1778 г. на средства князя Потемкина. „Тридцать лѣтъ уже прошло, сказано въ предисловіи къ этому ихъ изданію, какъ сію книгу, двадцать четыре года пѣше-

(1) Напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1863 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5, и 6.

(2) Пѣшехода Василя Григоровича—Барскаго—Плаки—Альбова, уроженца кіевского «монаха антиохійскаго путешествіе къ святымъ мѣстамъ въ Европѣ, Азій и Африкѣ, предпріятое въ 1723 и оконченное въ 1747 г., имъ самимъ писанное, нынѣ же на издвигеніе его свѣтлости князя Григорія Александровича Потемкина изданное подъ смотрѣніемъ В. Г. Рубана, въ Спб. 1778 г. Обзоръ жизни и путешествій Барскаго—въ изслѣдованіи Гиларевскаго: Русскій паломникъ Барскій. Русск. Архивъ 1881; кн. 1. — Странствованія Василя Григоровича—Барскаго по святымъ мѣстамъ Востока. Спб. 1884 г. Изданіе Палестинскаго Общества, по подлинной рукописи, подъ редакціей Н. Барсукова.

ходнаго путешествія содержащую, по кончинѣ сочинителя ея, съ превеликою жадностію списываютъ все тѣ, до конхъ о ней хотя малѣйшее дошло свѣдѣніе. Въ Малой Россіи и въ окружающихъ оную губерніяхъ нѣтъ ни одного мѣста и дома, гдѣ бы не было ея списка. Почти во всехъ руссійскихъ семинаріяхъ, для епархіальныхъ архіереевъ, по нѣскольку разъ ее переписывали, благочестивые же люди изъ духовныхъ и мірскихъ состояній за великія деньги доставали оную“. Къ особеннымъ достоинствамъ путешествія Григоровича издатель относитъ то, что оно „написано руссіаниномъ, безъ всякаго пристрастія, такъ, что онъ и собственныя свои слабости безъ закрытія вездѣ открываетъ и добродѣтели чужестранцевъ хвалитъ, безъ малѣйшаго зависти, и чудесъ не опровергаетъ, и суевѣріемъ не помрачаетъ своей повѣсти, и изъясляетъ образъ гостепріимства, по всемъ землямъ, пройденнымъ отъ него въ видѣ убогаго странника, съ подробнымъ собственныхъ приключеній и видѣнныхъ имъ вещей описаніемъ“. Дѣйствительно, Записки Григоровича отличаются точностію въ описаніяхъ, безпристрастіемъ въ сужденіяхъ, занимательностію въ изложеніи и повсюду проникнуты искреннимъ благочестивымъ чувствомъ. Григоровичъ былъ глубоко-религіозный и вполне православный человѣкъ и въ тоже время великій патріотъ; но ни прагословіе, ни патріотизмъ не препятствовали ему внимательно и безпристрастно разсматривать и описывать все, что встрѣчалось ему важнаго и интереснаго въ разныхъ странахъ разныхъ вѣроисповѣданій и національностей. Его Записки наполнены самыми разнообразными свѣдѣніями по географіи, исторіи и археологіи. Особенно чрезвычайно подробно и обстоятельно описана въ нихъ Аѳонская гора, гдѣ Григоровичъ былъ два раза, тщательно изучилъ жизнь аѳонскихъ монастырей, осмотрѣлъ ихъ библіотеки, перечиталъ большую часть находящихся въ нихъ книгъ и рукописей. Очень понятно, что въ Запискахъ Григоровича находили интересъ и лица духовныя, для которыхъ было дорого состояніе христіанскаго просвѣщенія и православной вѣры на Востокѣ, и лица государственныя, которыя особенно были заняты восточнымъ вопросомъ, сдѣлавшимся со временъ Петра В. основнымъ въ русской политикѣ. Неудивительно поэтому, что Потемкинъ, увлекавшійся этимъ вопросомъ до страсти, первый обратилъ вниманіе на Записки и побудилъ Рубана издать ихъ. Григоровичъ въ нихъ съ искреннимъ сочувствіемъ относится къ бѣдствіямъ восточныхъ христіанъ и яркими красками изображаетъ ихъ страданія подъ игомъ мусульманъ. Наконецъ, въ нихъ находили и до сихъ поръ находятъ для себя обильную пищу и все любители благочестиваго и назидательнаго чтенія.

Бѣдность оригинальныхъ сочиненій въ духовной литературѣ восполнялась нѣсколькими переводами. Амвросій Зертисъ-Каменскій, бывшій архіепископъ московскій (1768—1771) перевелъ: Посланія Игнатія Богоносца. М. 1772; Огласительныя поученія Кирилла Иерусалимскаго. М. 1772; Изложеніе вѣры, или Богословіе Іоанна Дамаскина. М. 1765 г. Іеромонахъ Іаковъ Блонницкій, учитель греческаго языка въ Московской академіи (ум. 1771 г.) перевелъ: сочиненія Діонисія Ареопагита о небесной и церковной іерархіи; книгу Златоуста о священствѣ; Енхиридіонъ Епиктета и составилъ греческую и славянскую грамматику и два лексикона: еллино-славянскій и славяно-еллино-латинскій (они остались неизданными). Симономъ Тодорскимъ, при Аниѣ Іоанновнѣ, была переведена съ нѣмецкаго языка извѣстная книга Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ“; но при Елисаветѣ она подверглась запрещенію. Переводчикъ и оберъ-секретарь синода, С. И. Писаревъ (ум. 1773 г.) перевелъ: Бесѣды Златоуста на Псалмы. М. 1773 и книгу о священствѣ. Спб. 1775; О воспитаніи дѣтей Плутарха. Спб. 1771; Поученія Іліи Мнятія въ 3 ч. Спб. 1765, и его же Камень соблазна. М. 1783 г. Впрочемъ, Камень соблазна еще прежде былъ переведенъ Козицкимъ и Мотописомъ и напечатанъ въ Бреславлѣ въ 1752 г. Это сочиненіе имѣло очень важное значеніе. Въ греческой богословской литературѣ оно было тѣмъ же, чѣмъ въ русской Камень вѣры Іворскаго. Въ Камнѣ соблазна были подробно изложены главныя различія между восточною церковью и западною и выяснены причины ихъ раздѣленія.

Духовныя драматическія піэсы. Выше замѣчено, что въ духовныхъ училищахъ еще продолжался обычай писать силлабическія стихотворенія и представлять разнаго рода духовныя драмы. Особенно это надобно сказать о Кіевской академіи, гдѣ подобныя произведенія являлись довольно часто въ формѣ трагедокомедій и интерлюдій, которыя къ нимъ присоединялись ⁽¹⁾. Образцемъ для трагедокомедій служила трагедокомедія Θεοφана Προκοποβича „Владиміръ“, а для интерлюдій—два его діалога: „Разглагольствіе тектона, си есть древодѣла съ купцемъ“ и „Разговоръ гражданина съ селяниномъ да съ пѣвцемъ, или дьячкомъ церковнымъ“. По времени, въ которое представлялись эти піэсы, онѣ назывались рождественскими, пасхальными и рекреаціонными. Какъ и прежде, при изображеніи духовныхъ предметовъ, вставля-

(1) Смотр. Изслѣдованіе Н. И. Петрова: Кіевская искусственная литература XVIII в., преимущественно драматическая. Труды Кіевской академіи 1879; апрѣль, іюнь, октябрь; 1880 г. іюнь.

лись въ нихъ шуточныя сцены изъ современной дѣйствительной жизни, и иногда дѣлались указанія политическаго характера. Написаны всѣ эти пѣсы силлабическими стихами. Къ царствованію Петра II и Анны Іоанновны относятся пѣсы: „Милость Божія, Украинну отъ неудобъ носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зиновія Хмельницкаго свободившая... репрезентованная въ школахъ кіевскихъ 1728 лѣта“ (¹); трагедо-комедія съ такимъ же названіемъ „Милость Божія“ учителя пѣтики кіевской академіи іеромонаха Сильвестра Ляскоронскаго (1729); двѣ пѣсы также учителя пѣтики іером. Митрофана Довгалева: „Комическое дѣйствіе на Рождество Христово“ съ пятаю интерлюдіями (1736 г.) и пасхальная пѣса: „Властотворный образъ человѣколюбія Божія“ (1737 г.); „Брань честныхъ семи добродѣтелей съ семи грѣхами смертными“ іером. Іоасафа Горленка и „Образъ страстей міра сего“ (1739 г.).

Трагедокомедія Ляскоронскаго „Милость Божія“ (²) состоитъ изъ трехъ дѣйствій: въ первомъ излагается исторія искушенія челоѣка въ раю, паденія и изгнанія его оттуда; во второмъ выведены пророки Моисей и Іона, какъ прообразы Спасителя; въ третьемъ представлены страданія, смерть, погребеніе и воскресеніе Спасителя и освобожденіе челоѣческаго рода. Можно думать, что пѣса была написана на день тезоименитства Петра II (29 іюня 1729 года) и какъ показываютъ нѣкоторые стихи въ 8-мъ явленіи 3-го дѣйствія, имѣла въ виду прославить Петра и Верховный Совѣтъ.— „Комическое дѣйствіе на Рождество Христово“ Довгалева (³) состоитъ изъ пролога, въ которомъ выведенъ Валаамъ, предсказывающій о пришествіи Спасителя, и 5-ти явленій, въ которыхъ изображаются: поклоненіе родившемуся Спасителю восточныхъ царей, внуковъ Валаама, гнѣвъ и страхъ Ирода и его повелѣніе избить дѣтей въ Вифлеемѣ, челоѣколюбіе Божіе, возѣщающее о спасеніи рода челоѣческаго. Вся пѣса заключается пѣніемъ ангеловъ, поющихъ благодарственный кантъ. Къ пяти явленіямъ присоединены пять интерлюдій, въ которыхъ выведены на сцену поляки, мужики, литвины, цыгане, козаки, москаль, жида и проч. Каждый изъ нихъ говоритъ своимъ нарѣчіемъ и на разные лады коверкаетъ русскія слова, въ чемъ, главнымъ образомъ, и заключается комизмъ этихъ сценъ.—Пасхальная трагедокомедія „Властотворный образъ челоѣколюбія Божія“ (⁴) раздѣляется на

(¹) Напечатана въ Чтен. общ. ист. и древн. 1858 г. кн. 1.

(²) Издана въ Трудахъ Кіевск. академіи 1877 г.; сентябрь.

(³) См. Труды Кіевской академіи 1865 г.; февраль.

(⁴) Тамъ же 1866 г.; ноябрь.

пять явленій или дѣйствиі, къ которымъ присоединено столько же комическихъ интерлюдій. Въ первомъ дѣйствиі Совѣтъ Божій, Правосудіе и Милость Божія намѣреваются сотворить человѣка; во второмъ Милость Божія вводитъ человѣка въ рай и даетъ ему первую заповѣдь, но прелесть склонила его нарушить эту заповѣдь; въ третьемъ—Правосудіе Божіе отдаетъ преступнаго человѣка „въ работу и плѣнъ смерти и діаволу“; въ четвертомъ—торжество діавола и смерти надъ родомъ человѣческимъ; въ пятомъ—Милость Божія выводитъ человѣка изъ ада и возвращаетъ его къ первобытной свободѣ — Въ аллегорической піесѣ „Брань честныхъ семи добродѣтелей съ семи грѣхами смертными“ представляется, какъ человѣкъ, уязвленный грѣхами, призвалъ на помощь семь добродѣтелей—смиреніе, благоутробіе, цѣломудріе, любовь, постъ, кротость и благочестіе, которыя и вступили въ борьбу съ противоположными грѣхами—гордостью, лакомствомъ, блудомъ, завистью, обжорствомъ, гнѣвомъ и лѣнностью.

Къ царствованію импер. Елисаветы относятся: Трагедокомедія учителя пѣттики Варлаама Лящевского „О награжденіи дѣлъ въ будущей жизни вѣчной“ (1742 г.); Панегирикъ импер. Елисаветѣ“, „Благоутробіе Марка Аврелія“ префекта Кіевской академіи Михаила Козачинскаго и „Диалогъ двухъ студентовъ предъ Елисаветою, по случаю посѣщенія ею Кіева въ 1744 г.; трагедокомедія Григорія Савича Сковороды: трагедокомедія „Воскресеніе мертвыхъ“ Георгія Конисскаго (1746) и трагедокомедія „Фотій“ Георгія Щербацкаго (1749 г.). Въ трагедокомедіи Лящевского „О награжденіи дѣлъ въ будущей жизни“ ⁽¹⁾ съ одной стороны доказывается безсмертіе человѣка и необходимость возмездія за дѣла въ будущей жизни, а съ другой—обличается распушенность современныхъ правовъ, подобно тому, какъ это мы видѣли въ проповѣдяхъ Димитрія Сѣченова и Гедеона Криновскаго. Въ первомъ явленіи Церковь, жалуясь на испытанныя ею прежде бѣдствія, говоритъ:

«Слава Спасу моему, яко въ щить мя нынѣ
Благовѣрной російской вручи монархинѣ!
И отецъ ея, Петръ, бысть въ щить мнѣ непостыднѣй,
И внукъ его тожъ будетъ по ней Петръ наслѣднѣй.
Абы за благовѣрной токмо ихъ держави
Въ благочестіи обще пожили всѣ правѣ.
Но то бѣда, что нынѣ множайшіи бывше
Отъ числа христіановъ мене оставивше:

⁽¹⁾ Напечатана въ Лѣтоп. русск. литературы и древн. 1852; том. 1. отд. III, стр. 7—16.

Овъ на кумлю, овъ въ село, овъ же за женою —
 Всѣ пошли въ слѣдъ міра, всѣ за суетою!
 Иныхъ въ слѣдъ себѣ злато, иныхъ водятъ сласти,
 Иныхъ неутолимо желаніе власти,
 Иныхъ ума своего мнѣніе высоко,
 Иныхъ гордость и лѣньность и лукаво око».

Въ 1744 г. импер. Елисавета была въ Кіевѣ для поклоненія кіевскимъ святынямъ. По этому случаю префектъ Кіевской академіи, іеромонахъ Михаилъ Козачинскій сочинилъ панегирикъ и піесу „Благоутробіе Марка Аврелія“, а студенты произнесли предъ императрицею діалогъ. Въ панегирикѣ силлабическими стихами описывается тяжелое состояніе Россіи послѣ Петра В. и благоденствіе по восшествіи на престолъ Елисаветы. Въ піесѣ „Благоутробіе Марка Аврелія“ въ прологѣ представленъ споръ Гнѣва съ Благоутробіемъ, гдѣ олицетворяются также прежнія тяжелыя времена Россіи. Благоутробіе одолеваетъ: является пять добродѣтелей ея величества: „Милость и Истина срѣтаются“, потомъ „Правда и Миръ облобызаются“. наконецъ Мужество приходитъ и обращается къ нимъ съ слѣдующею рѣчью, которой изображается восшествіе на престолъ Елисаветы и характеръ ея царствованія:

«Почто аки смятени? Что всѣ суть унылы,
 Аки бы потеряли чувства и вся силы?
 Милость ускаржается, истина рыдаетъ,
 Будто ихъ съ предѣлъ русскихъ неправда згоняетъ.
 Правда также скорбитъ, а миръ печалуетъ.
 Аки бы онъ съ протчими того и не чуетъ.
 Что по часѣ толь лютомъ, по часѣ пребѣдномъ,
 Россія на престолѣ сидящу наследномъ
 Имѣетъ Елисаветъ. О російска Мати!
 Кій языкъ, кое слово сильно показати.
 Елисаветъ Петровна, ты въ дѣлѣ и словѣ
 И во всемъ подобилась первому Петровѣ.
 Онъ бо Кіевъ посѣщалъ, ты тоже твориши.
 Нѣтъ раба, подданна, въ комъ не благоволиши.
 Съ тобою милость, правда, съ тобою миръ златый.
 Въ сердцахъ Богъ почиваетъ въ милости богатый:
 Еще убо Богъ съ нами, то кто уже на ни?
 Елисаветъ страхъ творить и надъ агаряни».

Затѣмъ слѣдуютъ три дѣйствія, представляющія исторію Марка Аврелія, въ примѣненіи ея къ импер. Елисаветѣ.

Во правдѣ Аврелій толь монархъ былъ великій,
 Что равна нѣту на цѣломъ свѣтѣ.

Только ему точна едина восточна
Императрица, роска денница,
Ей неложно.
Елисаветъ мати, свѣтъ Россіи злати
Съ природной доброты,
Ко всѣмъ благосердна, ко всѣмъ милосердна,
Всѣмъ своя щедроты
Обильно являетъ.
Былъ Риму даръ велій Тітусъ и Аврелій,
Августъ въ покою. Тіверіушъ въ бою
И до днесъ славятся; но съ ними сравнятся
Можетъ Елисаветъ, златъ Россіи свѣтъ,
Безпримѣрно».

Тѣ же самыя мысли выражены и въ діалогѣ, произнесенномъ студентами предъ императрицей, на торжественномъ актѣ академіи, на которомъ она присутствовала.

Георгій Конисскій въ трагедокомедіи „Воскресеніе мертвыхъ“ порицаетъ невѣрующихъ въ воскресеніе мертвыхъ, называя ихъ „стократно безумными“ и обличаетъ безсовѣстныхъ богачей, сплой и неправдой отнимающихъ чужія имѣнія и не думающихъ о судѣ Божіемъ. Въ прологѣ къ піесѣ сказано:

«Многимъ до злыхъ дѣлъ тое подаетъ причину,
Что не хотятъ помишлять на свою кончину
Паче же, что по смерти имущи согнати
Сумнятся, какъ то можетъ гной на судъ ожити.
А комбювъ свойственна должностъ сицевая,
Еже учить, въ обществѣ нравы представляя.
Тѣмъ въ подлежащемъ дѣлѣ хотимъ изъяснити
Воскресеніе мертвыхъ, имущее быти
Всѣмъ убо безъизъятно, однакъ не всѣмъ равно:
Единымъ погибельно, а другимъ преславно».

Самая піеса начинается тѣмъ, что земледѣлецъ, возвращаясь съ поля, куда онъ ходилъ смотрѣть, какъ возшла засѣянная имъ нива, встрѣчается съ священникомъ, и припомнивъ его поученіе въ церкви, говоритъ:

«Слово твое я спомнѣлъ, ходя около нивы:
Что, якъ зерно согнивши, и ми встанемъ живи.
Но скажи, честній отче, что послѣжди буде,
Чи, якъ одинъ человѣкъ, встанутъ такъ вси люде?»

Священникъ ему отвѣчаетъ, что всѣ несомнѣнно воскреснутъ въ будущей жизни, но участь воскресшихъ будетъ не одинакова:

«Здѣ въ мірѣ всяко живуть и вмирають всяко,
И на судѣ убо Божій встануть неоднако.
Иній здѣ, какъ Богъ велѣлъ, животъ свой проводитъ.
Другій противно тому въ слѣдъ похотей бродитъ.

Людіе, живущіи въ семъ свѣтѣ сугубо,
Сугубо и встать имутъ на судѣ тотъ всемірній —
Инь какъ пшеница, инь какъ плевель бездѣльный.

Потомъ, въ пяти дѣйствіяхъ, изображается участь добрыхъ людей въ будущей жизни въ лицѣ Гипомена, и участь злыхъ притѣснителей — въ лицѣ Діоктита. Въ эпилогѣ піэсы о нихъ сказано:

«Два лика жива по смерти въ дѣйствіи явленны.
По примѣру тому весь міръ будетъ оживленній:
Единъ Діоктитъ злобній принялъ муки люты,
Но, примѣромъ тѣмъ, всѣмъ злымъ мукъ не избѣгнуги.
Единъ Гипомень дойшоу блаженнія славы,
Но, примѣромъ тѣмъ, дойдутъ блаженства вси правы».

Къ пяти дѣйствіямъ трагедомедіи присоединено пять комическихкихъ интерлюдій, написанныхъ или самимъ Конисскимъ, или известнымъ въ то время стихотворцемъ Танскимъ ⁽¹⁾.

Въ трагедомедіи Георгія Щербачкаго „Фотій“ изображено отступленіе западной церкви отъ восточной ⁽²⁾. При постоянной борьбѣ православныхъ съ католиками и уніатами, этотъ предметъ на югѣ Россіи былъ самымъ близкимъ и можно сказать національнымъ предметомъ, и потому піэса принята была, конечно, съ полнымъ сочувствіемъ. Особенный интересъ въ зрителяхъ должно было возбуждать пятое ея дѣйствіе, въ которомъ патріархъ Фотій говоритъ, что на мѣсто отпавшихъ отъ церкви римлянъ „Богъ изыщетъ люди“, и указываетъ на первопрестольный городъ русско-й земли, Кіевъ:

«Повѣствуютъ: что нѣгдѣ есть градъ надъ рѣкою
Бористеномъ, той славенъ вещь такою
Быть чтемъ: Апостолъ святой Андрей возвѣщая
Тамо евангеліе, и духомъ предзная

⁽¹⁾ Трагедокомедія напечатана въ Лѣтоп. русск. литер. и древн. том. 3; отд. III, стр. 39 — 58; а интерлюдіи — въ Древней и Новой Россіи 1878 г.; ноябрь.

⁽²⁾ Напечатана въ Трудахъ Кіевск. академіи 1877; декабрь.

Будущая, верхъ холма коегосъ большаго
Водрузилъ знаменіе Христа всесвятаго
Крестъ съ пророческими такими словами:
Возсіяетъ благодать надъ сими горами
Божія. Ктоже вѣсть? може, тотъ награду
Вмѣсто рымлянъ готуетъ Богъ своему стаду».

При этихъ словахъ, является „Предувидѣніе Божіе“ и говоритъ:

«Угадалъ ты, Фотіе! тамо Богъ избранны
Готуетъ себѣ люди; тамъ жатвы пространны
Благочестію будутъ; тамъ отъ Михаила
Владиміръ крещается и его всецѣла
Фамилія и Русь вся».

И затѣмъ послѣ Владиміра перечисляются князья, цари и императоры русскіе до импер. Елисаветы и нѣкоторые знаменитые пастыри русской церкви. О Елисаветѣ сказано:

«Таже правительствуетъ тамъ Елисавета,
Елисавета славна, имя чудна свѣта,
Однимъ естествомъ жена, а мужъ въ словѣ, въ дѣлѣ,
Одна что Ромулъ въ брани, Нума въ мирѣ были».

Такимъ образомъ, и въ драматическихъ піесахъ Елисаветинской эпохи мы встрѣчаемъ такія же постоянныя похвалы Елисаветѣ, какими наполнены торжественныя оды поэтовъ и проповѣди проповѣдниковъ.

Духовныя драмы представлялись не только въ Кіевѣ, но распространены были воспитанниками кіевской академіи повсюду, гдѣ только имъ приводилось служить въ епархіяхъ и семинаріяхъ, даже въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири. Щукинъ, рассказывая о вертепѣ въ Иркутскѣ въ прошломъ столѣтіи, замѣчаетъ: „Безошибочно можно полагать, что онъ занесенъ изъ Малороссіи. Первые иркутскіе архіереи были малороссіяне. Съ ними пріѣхали пѣвчіе, служители и вѣроятно они первые завезли вертепъ въ Иркутскъ. Наслѣдниками ихъ были семинаристы, а отъ нихъ перешелъ вертепъ и въ народъ. Иногда бывали и постоянные вертепы. Какой-нибудь мѣщанинъ нанималъ въ большомъ домѣ, среди города, квартиру, сооружалъ вертепъ, набиралъ пѣвчихъ и пускалъ зрителей по пяти, по десяти копѣекъ за входъ; надъ воротами дома горѣлъ фонарь. Иногда послѣ вертепа разыгрывалась комедія, сколько могу припомнить, изъ малороссійскаго или поль-

скаго быта“⁽¹⁾. Введеніе театральныхъ школьныхъ представленій въ Тобольскѣ приписывается митр. Филоою Лещинскому (1702—1727), воспитаннику кіевской академіи. Въ рукописной сибирской лѣтописи сохранилось о немъ такое свидѣтельство: „Филооей былъ охотникъ до театральныхъ представленій; славныя и богатыя комедіи дѣлалъ, и когда должно на комедію зрителямъ собиратца, тогда онъ, владыка, въ соборные колокола на сборъ благовѣсть производилъ; а театры были между соборною и сергіевскою церквами къ взвозу, куда народъ собирался“. Приводя это свидѣтельство, Сулоцкій, въ своей статьѣ о старомъ тобольскомъ театрѣ, замѣчаетъ: „Посѣянное митр. Филооемъ не заглохло.. При преемникѣ его, воспитанникѣ, какъ и онъ, кіевской академіи, митр. Антоніи Стаховскомъ, съ его дозволенія, ученики и учителя тобольской архіерейской школы въ святки представляли піесы духовнаго содержанія по домамъ, получали за то вознагражденіе, и собранныя деньги шли частію на содержаніе учившихся, частію на жалованье учившихъ“⁽²⁾.

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА⁽³⁾.

Въ московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 1621 г. сохранились такъ называемые „Столбцы“, заключающіе въ себѣ переводы и выписки изъ современныхъ европейскихъ вѣдо-

(1) Статья объ Иркутскомъ вертепѣ Н. Щукина въ Вѣстн. русск. геогр. общества ч. 29 (1860), отд. V; стр. 25—35.

(2) Чтен. общ. ист. и древн. 1870, кн. 2. Семинарскій театръ въ старину въ Тобольскѣ. Таже статья была напечатана въ Тобольскихъ Губ. Вѣд. 1858; № 12, подъ заглавіемъ: «Начало театра въ Сибири».

(3) Очерки русской журналистики, преимущественно старой В. А. Милутина. Соврем. 1851; том. XXV—XXVI. Сумароковъ и современная ему критика Н. Н. Булича. Спб. 1854. Малоизвѣстные московскіе журналы 1760—1764 г. М. И. Лонгинова. Москов. Вѣд. 1857; № 36. Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774. А. Н. Афанасьева. М. 1859. Введеніе объ ученыхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ импер. Академіи наукъ съ 1726 по 1825 г. А. А. Куника. Учен. Зап. Акад. наукъ т. I. Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 г. П. Пекарекаго. Зап. Акад. наукъ 1868; т. XII. Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г. А. Н. Пеустроева. Спб. 1874. Въ этой книгѣ содержится подробное описаніе всѣхъ повременныхъ изданій XVIII в. При этомъ указаны: полное заглавіе

мостей „о разныхъ въ Европѣ военныхъ дѣйствіяхъ и мирныхъ постановленіяхъ“. Это самая первая форма русскихъ вѣдомостей, извѣстная подъ именемъ „Курантовъ“. Куранты составлялись въ Посольскомъ приказѣ изъ донесеній русскихъ агентовъ и посланниковъ, жившихъ въ чужихъ краяхъ, и изъ печатныхъ иностранныхъ вѣдомостей, когда онѣ стали появляться въ Россіи; они назначались для чтенія царю и ближайшимъ къ нему лицамъ, но въ публику не пускались. Первыми вѣдомостями, назначавшимися для всей русской публики, были „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ“, которыя начали издаваться съ 1703 г. Мысль объ изданіи этихъ первыхъ русскихъ вѣдомостей принадлежитъ самому Петру В.; его даже можно назвать первымъ ихъ редакторомъ. Читая голландскія газеты, онъ самъ отмѣчалъ въ нихъ карандашемъ мѣста для перевода и помѣщенія въ русскихъ вѣдомостяхъ, самъ иногда занимался ихъ корректурой. Въ синодальной библіотекѣ хранится нѣсколько номеровъ русскихъ вѣдомостей съ корректурными замѣтками самого Петра. Какъ русскія вѣдомости возникли изъ иностранныхъ вѣдомостей, такъ и русскіе журналы начали издаваться по образцу иностранныхъ журналовъ.

Всѣ вѣдомости и журналы въ теченіе первой половины XVIII вѣка издавались при разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Петербургскія вѣдомости, которыя въ 1728 г. смѣнили первыя русскія Вѣдомости, издавались при Академіи наукъ; при Академіи же наукъ издавались Ученые Комментаріи Академіи и Ежемѣсячныя сочиненія; Московскія Вѣдомости начали издаваться съ 1756 г. при Московскомъ университетѣ, вскорѣ послѣ его открытія; при Московскомъ же университетѣ издавалось въ 1760 г. „Полезное увеселеніе“; при шляхетскомъ корпусѣ въ 1759 г. издавалось „Праздное время, въ пользу употребленное“—первый опытъ чисто литературнаго журнала. Единственное исключеніе изъ этого, какъ журналъ, издававшийся по инициативѣ и на средства частнаго лица, составляетъ „Трудолюбивая Пчела“ Сумарокова (1759 г.).

каждаго изданія, подробный перечень всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ каждой книжкѣ журнала, замѣтки о характерѣ и направленіи журнала. По поводу этой книги: Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики Л. Н. Майкова. Спб. 1876. Общій обзоръ всей русской журналистики отъ Петра В. до 40-хъ годовъ сдѣланъ А. П. Пятковскимъ въ статьяхъ: Очерки изъ исторіи русской журналистики. Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія Том. II. Спб. 1876.

Редакторами газетъ и журналовъ были лица, принадлежавшія къ тѣмъ учрежденіямъ, отъ которыхъ издавались журналы. Петербургскія Вѣдомости съ Примѣчаніями къ нимъ и Ежемѣсячныя сочиненія издавались академикомъ Миллеромъ; первыми редакторами Московскихъ Вѣдомостей были профессора Московскаго университета, Поповскій и Барсовъ; редакторомъ „Полезнаго увеселенія“ былъ профессоръ и потомъ кураторъ Московскаго университета, Херасковъ. Сотрудниками были и постороннія лица. Платить журнальнымъ сотрудникамъ за статьи не было обыкновенія. Большимъ почетомъ въ тѣ времена писатели считали для себя уже одно то, чтобы видѣть въ печати свои сочиненія. Впрочемъ постороннимъ сотрудникамъ журналовъ выдавалось въ вознагражденіе по нѣскольку экземпляровъ ихъ сочиненій. Такъ Миллеръ 7 марта 1757 г. доносилъ въ академическую канцелярію, что за доставленное для журнала сочиненіе г. Полетика требуетъ... „обыкновенное вознагражденіе сто экземпляровъ, которые напечатать особливо.... А по моему мнѣнію, прибавляетъ при этомъ Миллеръ, наобно тѣмъ наибольше удовлетворить г. сочинителя, что на то почти больше не потребно, какъ только бумаги, и оное можетъ служить другимъ для возбужденія“ ⁽¹⁾. Другаго, денежнаго вознагражденія сотрудникамъ и взять было не откуда: запросъ на газеты и журналы былъ еще не большой: плата за нихъ была незначительная. Первые Русскія Вѣдомости печатались сначала въ числѣ 1000 экземпляровъ; Примѣчанія къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ выходили въ числѣ 2000 экземпляровъ; Ежемѣсячныя сочиненія расходились въ первый годъ отъ 600 до 700 экз., Московскія Вѣдомости въ числѣ не болѣе 600 экз., Трудолюбивая Пчела въ 1200 экз. За Петербургскія Вѣдомости подписчики платили 2 р. 50 к., а за Примѣчанія по 2 р.: за Московскія Вѣдомости 4 р. въ годъ; за Праздное время на бѣлой бумагѣ 2 р. 50 к., а на сѣрой 2 р.; за Трудолюбивую Пчелу 2 р. 50 к. ⁽²⁾. Отдѣльной цензуры, въ настоящемъ видѣ, сначала не было; наблюденіе надъ изданіемъ журналовъ и разсмотрѣніе сочиненій поручалось тѣмъ учрежденіямъ, при которыхъ они издавались. Въ Предувѣдомленіи къ изданію Ежемѣсячныхъ сочиненій было сказано: „Всѣ сочиненія, сюда вносимыя, должны прежде напечатанія разсматриваемы быть особливымъ собраніемъ. Мы справедливо надѣемся, что никто не потребуетъ, чтобы исключень онъ былъ отъ такого разсмотрѣнія. Ибо сіе собраніе

(1) Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 г. II. Некарскаго. Зап. Акад. наукъ 1868; т. XII, стр. 13—14.

(2) Тамъ же, стр. 6.

разсматривать будетъ не слова и не слогъ, хоть бы и нашлось что требующее поправленія, но только самое дѣло т. е. чтобъ ничего закону, государству и благонравію противнаго... не входило въ наши сочиненія. Впрочемъ, всякому сочинителю остается самому отвѣтствовать въ томъ, что иногда читателямъ сумнительно, или недовольно доказано показаться можетъ“ (¹). Сумароковъ, собираясь издавать „Трудолюбивую Пчелу“, обратился съ прошеніемъ въ Академическую канцелярію, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „Чтожъ касается до разсмотрѣнія изданій, нѣтъ-ли чего въ оныхъ противнаго, сіе могутъ просматривать, ежели благоволено будетъ, тѣ люди, которые просматриваютъ академическія журнальныя изданія, моихъ изданій слогу не касаясь“ (²). Высшій надзоръ за академическими изданіями былъ предоставленъ президенту Академіи, который въ важныхъ случаяхъ или случаяхъ „сомнительства“ разрѣшалъ самъ возникавшія недоразумѣнія, или поручалъ разсматривать дѣло академической канцеляріи. Такъ въ 1756 г. Синодъ подалъ докладъ и прошеніе импер. Елисаветѣ о томъ, чтобы во первыхъ запретить во всей Россіи писать и печатать о множествѣ міровъ, а во вторыхъ конфисковать какъ Ежемѣсячныя сочиненія (гдѣ была издана ода Сумарокова, въ которой говорилось о множествѣ міровъ), такъ и переводъ князя Кантемира сочиненія Фонтенеля „О множествѣ міровъ“; но докладъ этотъ, по представленію и ходатайству президента Академіи, Разумовскаго, былъ оставленъ безъ послѣдствій. Въ другой разъ, по приказанію Разумовскаго, въ слѣдствіе жалобы Ломоносова, академическая канцелярія разсматривала статью Григорія Полетики, печатавшуюся въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ: „О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи“. Статья была признана наполненною „многими непристойностями“ и отъ академической канцеляріи было сдѣлано распоряженіе, чтобы Миллеръ представлялъ ей заблаговременно списокъ авторовъ и статей, которыя предназначались для каждой вновь выходившей книжки Ежемѣсячныхъ сочиненій. Но такъ какъ Миллеръ, затрудняясь выполнить это распоряженіе, доставлялъ требуемыя свѣдѣнія уже по выходѣ книжки журнала, то академическая канцелярія сдѣлала ему за это выговоръ въ ордерѣ 2 іюня 1757 г.—Въ февральской книжкѣ Ежемѣсячныхъ сочиненій 1759 г. были напечатаны стихи въ честь актрисы итальянскаго театра, Сакко, которые весьма не понравились при дворѣ. По этому случаю академиче-

---

(¹) Историч. розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ Неустроева, стр. 49.—(²) Тамъ же, стр. 78.

ская канцелярія составила слѣдующее опредѣленіе: „Понѣже въ Академическихъ сочиненіяхъ февраля мѣсяца сего 1759 года внесены нѣкоторые стихи неприличныя, почему и листъ тотъ перепечатанъ, того ради приказали: прежде отдачи въ станы, какая бы о чемъ матерія ни была, первые листы, или послѣднія корректуры, для вѣдѣнія гг. присутствующихъ, вносить въ канцелярію“⁽¹⁾.

Образцомъ при изданіи журналовъ служили иностранные журналы. Господствующимъ направленіемъ въ европейской журналистикѣ XVIII в. было направленіе дидактическое. Возникнувъ въ самомъ началѣ этого вѣка въ Англіи, оно быстро распространилось во всѣхъ литературахъ. Основателями журналовъ съ такимъ направленіемъ были знаменитые англійскіе писатели Ричардъ Стиль (1679—1729) и Джозефъ Алиссонъ (1672—1719), издававшіе такъ называемые нравственныя еженедѣльные журналы, подъ названіями: „Волтунъ“ (Tattler 1709), „Зритель“ (Spectator, 1711), и „Опекунъ“ (Guardian, 1713). Главною цѣлью ихъ было дѣйствовать на улучшеніе нравовъ, осмѣивая пороки и смѣшныя стороны жизни современнаго общества. Картины свѣта и людей, обычаевъ, глупостей и предразсудковъ, добродѣтелей и пороковъ были преимущественными предметами всѣхъ статей, разсказовъ и повѣстей, помещавшихся въ этихъ журналахъ. Такимъ образомъ, орудіемъ дидактики, средствомъ къ наученію была сатира, и потому основной тонъ въ журналахъ былъ сатирическій. Благодаря полезному, нравственному направленію, разнообразію и занимательности въ содержаніи, журналы Стиля и Алиссона приобрѣли такую популярность, что сдѣлались извѣстными во всѣхъ европейскихъ литературахъ и вызвали множество подражаній, особенно въ нѣмецкой и французской литературѣ. По примѣру ихъ явились въ нѣмецкой литературѣ: „Живописецъ нравовъ“ (Der Maler der Sitten), „Патріотъ“, „Разумныя обвинительницы“, „Честный человѣкъ“; во французской литературѣ разныя „Обозрѣнія“, „Новый Менторъ“, „Мизантропъ“ и др. Этимъ журналамъ, англійскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ, подражали и всѣ русскіе литературные журналы XVIII в. и во главѣ ихъ Ежемѣсячныя сочиненія Миллера, Трудолюбивая Пчела Сумарокова, Полезное увеселеніе Хераскова: изъ этихъ журналовъ они заимствовали не только направленіе, основныя приемы и формы, но часто и самыя статьи переводили изъ нихъ, или передѣлывали. Ученые журналы составлялись по образцу иностранныхъ ученыхъ журналовъ, ка-

⁽¹⁾ Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ, стр. 44—50.

ковы были Лейпцигскія ученія Извѣстія, Гамбургскій магазинъ, Нѣмецкая библіотека и др. Для характеристики же вообще тогдашнихъ воззрѣній на значеніе и основные принципы журнальной дѣятельности, весьма важна и интересна статья Ломоносова: „О должности журналистовъ въ изложеніи ими сочиненій, назначенныхъ для поддержанія свободы разсужденія“. Статья эта была написана Ломоносовымъ по поводу возраженій противъ его диссертаций о физическихъ предметахъ, сдѣланныхъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ журналахъ ⁽¹⁾. Оскорбленный несправедливостью и рѣзкостью этихъ возраженій, Ломоносовъ написалъ на нихъ на латинскомъ языкѣ антикритику, въ которой изложилъ обязанности журналистовъ, и послалъ ее къ Эйлеру, а Эйлеръ передалъ берлинскому академику, Формею, который и напечаталъ ее во французскомъ переводѣ въ Нѣмецкой библіотекѣ ⁽²⁾. „Всякій знаетъ, говоритъ здѣсь Ломоносовъ, какъ стали значительны и быстры успѣхи наукъ съ тѣхъ поръ, какъ было сброшено иго рабства и мѣсто его заступила свобода сужденія. Но нельзя не знать также, что злоупотребленіе этой свободы было причиною весьма ощутительныхъ золъ, число которыхъ однакожь далеко не было бы такъ велико, если бы большая часть пишущихъ не смотрѣла на свое авторство, какъ на ремесло и на средство къ пропитанію, вмѣсто того, чтобы имѣть въ виду точное и основательное изслѣдованіе истины. Отъ того-то происходитъ столько излишне смѣлыхъ выводовъ, столько странныхъ системъ, столько противорѣчивыхъ мнѣній, столько заблужденій и нелѣпостей, что науки были бы давно подавлены грудю хлама, если бы ученія общества не старались соединенными силами противоdѣйствовать такому бѣдствію“. Указавъ затѣмъ на значеніе въ этомъ случаѣ ученыхъ обществъ, издающихъ журналы, онъ объясняетъ истинную цѣль ученыхъ журналовъ и обязанности журналистовъ. „Что касается до журналовъ, то они обязаны представлять самыя точныя и вѣрныя сокращенія появляющихся сочиненій съ присоединеніемъ къ нимъ иногда справедливаго сужденія либо о самомъ содержаніи, либо о какихъ-нибудь обстоятельствахъ, относящихся къ выполненію. Цѣль

(1) Въ Лейпцигскомъ критическомъ журналѣ естественныхъ наукъ, Медицинской Библіотекѣ Фогеля и Гамбургскомъ Магазинѣ—противъ диссертаций: о причинѣ теплоты и стужи; о упругости воздуха; о химическихъ растворѣхъ; о движеніи воздуха въ рудоконныхъ ямахъ, напечатанныхъ въ Новыхъ Комментаріяхъ Академіи наукъ 1747—1748 г.

(2) Русскій текстъ статьи и французскій переводъ Формею напечатаны въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ А. А. Куника. Ч. II. стр. 501—530.

и польза такихъ извлеченій состоитъ въ томъ, чтобы быстрѣе распространить въ ученомъ мірѣ знакомство съ новыми книгами... Журналы также могли бы много способствовать къ приращенію человѣческихъ знаній, если бы издатели были въ состояніи точно выполнить задачу, которую на себя приняли, и оставались въ настоящихъ предѣлахъ, предписываемыхъ имъ этой задачей... Дѣло дошло до того, что нѣтъ столь дурнаго сочиненія, котораго бы не расхвалили и не превознесъ какой нибудь журналъ, и наоборотъ, какъ бы превосходить ни былъ трудъ, его непременно очернить и растерзаетъ какой-нибудь ничего не знающій, или несправедливый критикъ.... Журналистъ свѣдущій, проницательный, справедливый и скромный сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ феникса“. Выставивъ потомъ несправедливыя сужденія журнальныхъ критиковъ о его сочиненіяхъ, Ломоносовъ говоритъ: „Отдавая такимъ образомъ отчетъ о сочиненіяхъ ученыхъ, критикъ не только вредитъ ихъ репутаціи, на которую онъ не имѣетъ никакого права, но и уничтожаетъ истину, предлагая читателямъ мысли, не имѣющія съ нею ничего общаго: поэтому естественно противоудѣствовать всѣмъ силамъ столь несправедливымъ предѣлкамъ. Продолжая такъ поступать съ тѣми, которые стараются быть полезными ученому міру, можно бы лишити ихъ всякой охоты къ труду, и успѣхи въ наукахъ потерпѣли бы отъ того значительный ущербъ. Это въ особенности погубило бы свободу разсужденія“. Изложивъ назначеніе журналовъ и обязанности журналистовъ вообще, онъ предписываетъ имъ въ частности слѣдующія правила, при разборѣ ученыхъ сочиненій. 1) „Кто берется сообщить публикѣ содержаніе новыхъ сочиненій, долженъ напередъ взвѣсить свои силы, ибо онъ предпринимаетъ трудъ тяжелый и весьма сложный, котораго цѣль не въ томъ, чтобы передавать вещи извѣстныя и истины общія, но чтобы умѣть схватить новое и существенное въ сочиненіяхъ, принадлежащихъ иногда людямъ самымъ гениальнымъ... 2) Чтобы быть въ состояніи произнести приговоръ искренній и справедливый, надобно освободити свой умъ отъ всякаго предразсудка, отъ всякаго предубѣжденія и не требовать, чтобы авторы, которыхъ мы беремся судить, рабски подчинялись идеямъ, господствующимъ надъ нами, считая и безъ того этихъ писателей нашими истинными врагами, съ которыми мы призваны вести открытую войну.... 3) Нѣтъ такого сочиненія, которое бы не требовало соблюденія естественныхъ законовъ справедливости и приличія. Нельзя однакожъ не согласиться, что нужно вдвое больше осторожности, когда дѣло идетъ о сочиненіяхъ, уже носящихъ на себѣ печать уважительнаго одобренія.... 4) Журналистъ не долженъ торопиться порицать гипотезы. Онъ позволителенъ въ предметахъ философскихъ, а это даже единственный путь, кото-

рымъ величайшіе люди успѣли открыть истины самыя важныя. Это какъ бы порывы, доставляющіе имъ возможность достигнуть знаній, до которыхъ умы низкіе и пресмыкающіеся въ пыли никогда добратся не могутъ. 5) Особенно же журналистъ пусть запомнитъ, что всего безчестнѣе для него красть у кого-либо изъ своихъ собратій высказываемыя имъ мысли и сужденія и присвоивать ихъ себѣ, какъ будто бы онъ самъ придумалъ ихъ, тогда какъ ему едва извѣстны заглавія книгъ, которыя онъ уничтожаетъ... 6) Журналисту позволяется опровергать то, что, по его мнѣнію, заслуживаетъ того въ новыхъ сочиненіяхъ, хотя это все не настоящее его дѣло и не прямое его призваніе. Но кто уже разъ берется за то, долженъ вполне ознакомиться съ мыслями автора, разобрать всѣ его доказательства и противопоставить имъ дѣйствительныя возраженія и основательные доводы, прежде нежели онъ присвоитъ себѣ право осуждать другаго. Одни сомнѣнія и произвольные вопросы не даютъ этого права, ибо нѣтъ такого певѣжды, который не могъ бы предложить гораздо болѣе вопросовъ, нежели сколько самый свѣдущій человекъ въ состояніи разрѣшить. 7) Накопецъ, онъ никогда не долженъ имѣть слишкомъ высокаго мнѣнія о своемъ превосходствѣ, о своемъ авторитетѣ и достоинствѣ своихъ сужденій. Выполняемое имъ дѣло само по себѣ уже непріятно для самолюбія тѣхъ, кого онъ затрогиваетъ: было бы съ его стороны очень неблагоразумно оскорблять ихъ намѣренно и вынуждать къ обнаруженію его безсилія“.

Въ теченіе первой и въ началѣ второй половины XVIII в. издавались слѣдующіе газеты и журналы.

Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ (1703 — 1727). Эти первыя Русскія Вѣдомости начали издаваться въ 1703 г. въ Москвѣ, церковнымъ шрифтомъ, и выходили сначала въ неопредѣленные сроки отъ 2-хъ до 7 листовъ въ числѣ 1000 экземпляровъ. Въ началѣ Вѣдомостей помѣщались свѣдѣнія, касающіяся Россіи, и извѣстія изъ разныхъ русскихъ городовъ, напр.: „На Москвѣ вновь пушекъ мѣдныхъ и гаубицъ и мортировъ вылито 400“; „повелѣніемъ Его Величества московскія школы умножаются, и 45 человекъ слушаютъ философію, и уже діалектику окончилъ“; „въ математической итурманской школѣ больше 300 человекъ учатся и добръ науку пріемлютъ“; „изъ Казани пришли: на рѣкѣ Соку нашли много нефти и мѣдной руды“; „изъ Сибири пришли: въ Китайскомъ государствѣ езуитовъ вельми не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертію казнены“. Послѣ русскихъ

извѣстій слѣдуютъ выписки изъ голландскихъ и другихъ иностранныхъ газетъ ⁽¹⁾. Въ 1710 г. явился номеръ Вѣдомостей, напечатанный весь гражданскимъ шрифтомъ, потомъ выходили номера то гражданскимъ, то церковнымъ шрифтомъ, а съ 1717 уже исключительно однимъ гражданскимъ шрифтомъ. Съ 11 мая 1711 года номера Вѣдомостей стали выходить иногда въ Москвѣ, иногда въ Петербургѣ; но выходившіе въ Петербургѣ перепечатывались въ Москвѣ. Въ 1727 г. изданіе этихъ первоначальныхъ Вѣдомостей прекратилось. Редакція ихъ поступила въ завѣдываніе Академіи наукъ, которая съ 1728 г. стала издавать Петербургскія Вѣдомости; изданіе же особыхъ Вѣдомостей въ Москвѣ началось только съ 1756 г.

Санктпетербургскія Вѣдомости (1728—1774) и Примѣчанія къ нимъ (1728 — 1742). Петербургскія Вѣдомости издавались при Академіи наукъ, подъ редакціей академика Миллера. Онѣ выходили два раза въ недѣлю и содержали разные придворныя извѣстія и выписки изъ иностранныхъ газетъ. Для большаго разнообразія и интереса къ политическимъ извѣстіямъ въ Вѣдомостяхъ Миллеръ вздумалъ присоединять прибавленія учено-литературнаго характера. Сначала въ 1728 г. они выходили однажды въ мѣсяцъ и потому назывались „Мѣсячныя историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія въ Вѣдомостяхъ“. Въ слѣдующемъ 1729 г. они стали прилагаться при каждомъ номерѣ Петербургскихъ Вѣдомостей, два раза въ недѣлю, по листу изъ 4-хъ, а иногда и болѣе страницъ, и назывались „Историческія, генеалогическія и географическія Примѣчанія въ Вѣдомостяхъ“. Въ изданіи ихъ, кромѣ Миллера, принимали участіе нѣкоторые другіе академики—Эйлеръ, Гмелинъ, Бекенштейнъ: статьи ихъ на русскій языкъ переводили Адодуровъ и Тредьяковский. Такъ какъ Примѣчанія составляли прибавленіе къ Вѣдомостямъ, то въ нихъ прежде всего помѣщались такія статьи, которыя могли служить объясненіемъ извѣстій, сообщенныхъ въ Вѣдомостяхъ. Такъ, по случаю извѣстія о найденныхъ въ Сибири мамонтовыхъ костей, была помѣщена статья о происхожденіи такихъ остатковъ естественныхъ древностей, по тогдашнему состоянію науки. По тому случаю, что одинъ купецъ приобрѣлъ египетскую мумію, была напечатана статья о муміяхъ древняго Египта и египетскихъ іероглифахъ. Подъ 1-мъ января 1730 г. было помѣщено описаніе обычаевъ разныхъ народовъ, какъ и съ котораго числа у оныхъ новый годъ начинался. Подъ 1-мъ апрѣля 1729 г. помѣ-

(1) Историч. розысканіе... стр. 1—3.

щена статья „О карневальныхъ увеселеніяхъ въ Венеціи или о венеціанскихъ карневалахъ“. Всего болѣе статей напечатано по географіи и исторіи разныхъ странъ и народовъ; эти статьи должны были служить для объясненія тѣхъ событій въ разныхъ странахъ, о которыхъ сообщалось въ Вѣдомостяхъ. Наконецъ въ Примѣчаніяхъ помѣщались иногда легкія беллетристическія статьи и стихотворенія ⁽¹⁾.

Краткое описаніе Комментаріевъ Академіи наукъ на 1726 годъ.
Въ 1727 г. Академія наукъ начала издавать на латинскомъ языкѣ свои Мемуары, подъ заглавіемъ: „*Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*“, состоящіе изъ трудовъ академиковъ: Германа, Бюльфингера, братьевъ Бернулли, Мейера, Байера, Делия и др. Для русской публики въ тоже время вздумали сдѣлать сокращеніе или извлеченіе изъ этихъ Комментаріевъ въ русскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: „Краткое описаніе Комментаріевъ Академіи наукъ“, которое было издано въ 1728 г. въ одной части. Вполнѣ переводились на русскій языкъ только историческія сочиненія Байера: „О началѣ и древнихъ обиталищахъ скивовъ“; „О мѣстоположеніи Скивовъ во времена Геродота“; „О стѣнѣ кавказской“; математическіе же мемуары и по естественнымъ наукамъ сообщались въ извлеченіяхъ, которыя составляли сами академики и снабжали особыми введеніями, или поясненіями. Переводомъ ихъ на русскій языкъ занимались Алодуровъ, Сатаровъ, Горлицкій, Ильинскій и Коровня. Въ началѣ „Описанія“ было помѣщено предисловіе, объясняющее происхожденіе и цѣль изданія: „Доброхотному російскому читателю радоваться! Здѣ предлагается тебѣ книга, въ ней же все то содержится, въ чемъ профессоры здѣшнія Академіи потрудились 1726 года“. Далѣе говорится, что академики, кромѣ повседневныхъ часовъ, къ наставленію назначенныхъ, два раза въ недѣлю имѣютъ особенное собраніе, въ которомъ предлагаютъ на общее разсужденіе „то, что всякъ въ домѣ испытывалъ“. Изъ этихъ разсужденій составила недавно изданная на латинскомъ языкѣ книга Комментаріевъ, изъ которой и сокращено предлагаемое „Описаніе“. Послѣ этого объясненія присоединено обѣщаніе „въ будущій годъ, еще Богъ и Всемилостивѣйшій нашъ Императоръ на сіе благоволитъ, изготовить 2 части Комментаріевъ“; но этого не послѣдовало. „Книгу, говоритъ Миллеръ, никто не хотѣлъ похвалить, не умѣли понять, что читали, и свое неумѣнье называли темнотою изложенія и невѣрностью перевода: въ слѣдствіе чего изданіе не

(1) Тамъ же, стр. 3—8.

продолжалось⁶. Нельзя не пожалѣть, что эта холодность, совершенно объясняющаяся неподготовленностію тогдашней русской публики къ чтенію такихъ книгъ, заставила Академію наукъ тотчасъ же прекратить изданіе: пѣтъ сомнѣнія, что публика скоро оцѣнила бы его, когда бы больше познакомилась съ нимъ⁽¹⁾.

Содержаніе ученыхъ разсужденій импер. Академіи наукъ (четыре тома 1748—1754 г.). Это изданіе явилось въ слѣдствіе новаго регламента, даннаго Академіи въ 1747 г., въ которомъ (параграфъ 32) было сказано: „въ концѣ ноябрю мѣсяца конференцъ-секретарь долженъ публиковать съ переводомъ русскимъ содержаніе всѣхъ диссертаций, которыя въ цѣлый годъ учинены, и при томъ прикладывать свои ученія о всемъ помянутомъ разсужденія“. Содержаніе ученыхъ разсужденій служило, такимъ образомъ, продолженіемъ „Краткаго описанія Комментаріевъ“.

Ежемесячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія. Это былъ первый учено-литературный журналъ въ Россіи, издававшійся въ теченіе десяти лѣтъ отъ 1755 по 1764 г. академикомъ Миллеромъ. Названіе его, вѣроятно, взято съ тогдашнихъ нѣмецкихъ журналовъ, каковы были: „Бременскія сочиненія, къ увеселенію разума служащія“; „Гамбургскія сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“ и др. Впрочемъ, подъ указаннымъ заглавіемъ онъ издавался только въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1755 по 1758: съ 1758 по 1763 г. онъ издавался подъ заглавіемъ: „Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія“; въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ—подъ заглавіемъ: „Ежемесячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ“. Но, не смотря на эти переменныя названія, программа журнала существенно не измѣнялась. Статьи помѣщались въ журналѣ одна подлѣ другой безъ системы и порядка и не раздѣлялись правильно на отдѣлы, какъ въ настоящихъ журналахъ; но всѣ онѣ, согласно съ названіемъ и назначеніемъ журнала, могутъ быть раздѣлены, главнымъ образомъ, на два разряда: 1) статьи, которыя должны были служить „къ пользѣ“ читателей—ученый отдѣлъ журнала, и 2) статьи, назначавшіяся „къ увеселенію“ читателей—отдѣлъ литературный. Статьи перваго разряда, по намѣренію издателя, должны были составлять существенную часть журнала. Эти статьи Миллеръ старался сдѣлать, по возможности, доступными для всѣхъ читателей, общезанимательными по содержанію, популярными по изложенію.

(1) Тамъ же, стр. 8—11.

Особенное вниманіе было обращено на русскую исторію, географію и статистику. Здѣсь помѣщены многія главы изъ Сибирской исторіи и другія историческія сочиненія Миллера: оренбургская исторія и оренбургская топографія Рычкова; описаніе Сибирскаго края (Сибирь—золотое дно) Соймонова. По астрономіи, философіи и естественнымъ наукамъ помѣщались только статьи популярныя, которыя могли быть понятны безъ специальныхъ опытовъ и математическихъ выкладокъ. Больше всего въ ученомъ отдѣлѣ встрѣчается разнаго рода разсужденій философскаго, или лучше сказать, дидактическаго характера, напр. „ученія семи мудрецовъ, до исправленія правовъ человѣческихъ касающіяся“; разсужденія „о самопознаніи, о благополучіи, о зависти, правоучительныя разсужденія изъ Гольберга. Къ чисто философскимъ статьямъ изъ этого отдѣла можно отнести не многія, напр. Обстоятельное объясненіе знаній человѣческихъ изъ Даламбера; Письмо о Бытіи Божіемъ (переводъ съ нѣмецкаго); О преимуществѣ христіанскаго правоученія надъ теоріями древнихъ стоиковъ и эпикурейцевъ (изъ французскаго журнала „Зритель“); О пользѣ теоретической философіи въ обществѣ; О важности и пользѣ философіи—рѣчь Поповскаго. Литературный отдѣлъ или разрядъ статей литературнаго характера въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ состоялъ изъ стихотвореній и разнаго рода статей беллетристическаго свойства. „Стихотворческія сочиненія, сказано было въ „Предувѣдомленіи“ къ изданію журнала, принимаемъ мы напаче для того, что въ нихъ многое весьма сильнѣе и пріятнѣе изображается, нежели простымъ слогами: къ тому жъ мы за должность свою признаемъ писать не только для пользы, но и для увеселенія читателей. Такіе стихотворцы, какихъ нынѣ Россія имѣетъ, достойны, чтобъ потомкамъ въ примѣръ представлены были: а особливо не должны мы умалчивать о тѣхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ содержатся достолюбимыя похвалы величайшей въ свѣтѣ монархивѣ и всемілостивѣйшей наукъ питательницѣ и покровительницѣ“. Подъ этими стихотворцами разумѣлись преимущественно Ломоносовъ, Сумароковъ и Херасковъ; ихъ сочиненія, дѣйствительно, и помѣщались въ первые четыре года изданія Ежемѣсячныхъ сочиненій. Стихотворенія въ то время цѣнились весьма высоко; по новости самаго дѣла и по необработанности языка стихотворнаго, стихотворство дѣйствительно было весьма трудное дѣло, и потому естественно имѣло больше важности и значенія, чѣмъ въ настоящее время. Отдѣлъ такъ называемой изящной прозы составляли повѣсти и рассказы. Чисто литературныхъ повѣстей встрѣчается, впрочемъ, немного и то переводныя, каковы напр. повѣсти Вольтера: Микромегасъ и Задигъ. Преимущественно же этотъ отдѣлъ состоялъ изъ разныхъ правоучи-

тельныхъ притчей и разсказовъ въ аллегорической формѣ. Аллегорическая форма была самою употребительною формою въ дидактической литературѣ XVIII в. Въ формѣ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ, между богами и героями древности, въ формѣ сновъ и видѣній излагались нравственно-философскія идеи и размышленія о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ были напечатаны: „Разговоры по подобію Лукіановыхъ“ (съ нѣмецкаго): 1) Юпитеръ, Момъ; 2) Меркурій, солдатъ, философъ Кливій, молодой афинянинъ; 3) Епафродитъ, Епиктетъ; 4) Тимонъ: Алкивиадъ; 5) Александръ, Діогенъ.... Нѣкоторые разговоры боговъ изъ сочиненій Раймунда Сенъ-Марда († 1754); разговоръ въ царствѣ мертвыхъ Фонтезеля: Артемизій и Раймундъ Лүллий. Всѣ подобныя сочиненія заимствовались изъ иностранныхъ журналовъ: изъ Грейсфвальдскихъ извѣстій, Гамбургскаго Магазина, Гамбургскаго патріота, Англійскаго зрителя, Англійскаго магазина. Встрѣчаются, впрочемъ, и русскіе разговоры. Такъ, знаменитый Суворовъ помѣстилъ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ два разговора. Въ первомъ изъ нихъ выведены Кортецъ и Монтезума. Монтезума доказываетъ Кортецу, что „благость и милосердіе потребны героямъ“. Второй разговоръ происходитъ между Александромъ В. и Геростратомъ. Авторъ разговора уподобляетъ военные подвиги Александра варварскому поступку Герострата и старается показать, какое великое различіе находится между истинною любовью къ славѣ и простою жаждою извѣстности. Изъ статей въ формѣ „сновъ“ помѣщены: сонъ о роскоши (перев. съ франц.), сонъ о порокахъ и жалобахъ человѣческихъ (перев. съ англійскаго): сонъ о правосудіи (съ англійскаго); сонъ—храмъ природы и счастья, храмъ земнаго увеселенія, во снѣ видѣнный. Нѣкоторыя статьи подобнаго рода прямо называются аллегоріями, какъ напр. Гигія, аллегорическая повѣсть; аллегорія о противорѣчіяхъ любви (Елагина); аллегорія Гордость.

Для характеристики аллегорическихъ сочиненій вообще предлагаемъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, содержаніе аллегоріи „Гордость“ (¹). „Предъ нѣсколькими днями,—такъ начинается аллегорія,—получена здѣсь вѣдомость, что Гордость нечаянно умерла опухолью. Честнымъ людямъ сіе извѣстіе было пріятно; напротивъ того, другіе пришли въ превеликую печаль, увидѣвъ мнимую свою богиню мертвую. Они тужили, что не вѣдѣли давно написать ея портрета. Побуждаемый ихъ желаніемъ, говоритъ авторъ, я учинилъ описаніе Гордости, при помощи одного изъ

(¹) Кому принадлежитъ эта аллегорія, неизвѣстно. Вѣроятно, она переведена или передѣлана изъ какого нибудь иностраннаго журнала.

моихъ пріятелей, которому Гордость съ молодыхъ лѣтъ была знакома". — Гордость родилась отъ Упрямства и Презорства; отъ такого супружества, конечно, инаго и ожидать не надлежало, кромѣ дѣтей злонравныхъ. Ненависть и Зависть были дѣдъ и бабка съ отцовской, а Безуміе и Самолюбіе съ материной стороны.... Вскорѣ, по рожденіи, Гордость была отдана для воспитанія въ домъ къ бабкѣ ея, Самолюбію... Лишь только она изъ пеленокъ выползла, то нарядили ее въ драгоцѣнное платье. . Пока ходить способно еще не умѣла, то приказано было носить ее на рукахъ нянѣкѣ, Ласкательству... Съ умножающимися лѣтами возросло желаніе ея къ суетному щегольству, такъ велико, что не возможно было выдумать столько модъ и манеровъ въ убранствѣ, сколько ей имѣть хотѣлось. Надзирательницей къ Гордости было приставлено Тщеславіе. Въмѣсто того, чтобы по полезнымъ книгамъ давать ей наставленія, эта надзирательница всегда приводила молодую Гордость къ зеркаламъ, коихъ въ дому было великое множество. На всякій часъ осматривала Гордость въ нихъ на себѣ уборъ, перелѣпливала на день двадцать разъ на лицѣ своемъ съ мѣста на мѣсто мушки. Выросши, Гордость ничего такъ не желала какъ того, чтобы имѣть пребываніе при дворѣ и весьма была рада, какъ отъ родителей своихъ получила позволеніе ѣхать туда. Лишь только пріѣхала она туда въ великолѣпныхъ убранствахъ, съ приставницей своей, Тщеславіемъ, то нашла безчисленное множество себѣ прислужниковъ, но пристала она только къ высокоумнѣйшимъ... Тогда при дворѣ были два брата, Смиреніе и Слава, изъ коихъ первый, будучи еще очень молодъ и, ослѣпившись прелестной ея красотой, тщался войти въ любовь у ней своей искренностію; но онъ услышалъ отказъ съ презрѣніемъ; и Гордость еще разсердившись и согласясь съ подругою своею Клеветою, и съ братомъ ея, Честолюбіемъ, дѣло довели до того, что Смиреніе само съ братомъ своимъ, Славою, принуждены были отъ двора сего удалиться. Но Честолюбіе снискало у Гордости болѣе снисходительства... Гордость склонилась на желаніе честолюбиваго своего любителя, чтобъ выйти за него замужъ. Свадьба ихъ совершилась съ преславнымъ великолѣпіемъ, но радость продолжалась не долго. У Честолюбія по несчастію отецъ былъ Гнѣвъ, а мать Сребролюбіе. Они велѣли сыну своему и съ женою изъ дворца выѣхать и жить въ ихъ деревнѣ. Коль великую печаль нанесъ такой печальный отъѣздъ новобрачной Гордости! Коль дико ей казалось уединенное житіе въ деревнѣ, гдѣ не было для ней никакого случая удивлять другихъ убранною своею красотою и тѣмъ смѣшною радостію наслаждаться!.. Но неисцѣльная болѣзнь переселяла родителей Честолюбія почти въ одно время въ царство мертвыхъ. Какъ рада была сему Гордость! Лишь только отпавила она похороны, то поѣхала

опять во дворецъ съ своимъ мужемъ". При дворѣ Гордость жила такъ безумно роскошно, что скоро растратила все свое состояніе; мужъ ея умеръ. „Итакъ Гордость овдовѣла... Друзья ихъ еще прежде этого, увидѣвъ истощившееся у нихъ имѣніе, а отъ того и оскудѣніе богатаго ихъ стола, ходить къ нимъ перестали. Но всего было болѣзненнѣе для Гордости слышать, что называли ее нишею Спесью. Она ходила къ своимъ родителямъ, но напрасно—Своенравіе и Презорство уже позабыли, что она дочь ихъ... Она должна была у Нищеты наняться въ служанки. Въ семъ состояніи отъ малодушія она желала себѣ смерти и хотѣла лучше десятию умереть, нежели покориться Смиренію, которое общало ей сыскать лучшее счастье... Послѣдующее по семъ рвеніе съ скрежетаніемъ зубовъ причиною было, что жолчь изъ мѣста своего выступила и въ малое время тѣло ея пожелтѣло съ чернью и надулось такъ, что пригожей Гордости во всемъ уже не стало. Милосердное Смиреніе хотѣло еще и при семъ случаѣ подать ей помощь; но только лишь взглянула Гордость на столь любезное и пріятное лице, то вдругъ ушибъ ее обморокъ, а послѣ сего тотчасъ и смерть послѣдовала“.

Ежемѣсячныя сочиненія совершенно удовлетворяли вкусу и потребностямъ тогдашняго русскаго общества и потому пользовались большою популярностію. „Вся Россія, говоритъ митр. Евгений, съ жадностію и удовольствіемъ читала сей первый русскій Ежемѣсячникъ, въ которомъ много помѣщено иностранныхъ переводныхъ, а большая половина русскихъ любопытнѣйшихъ статей историческихъ, географическихъ, коммерческихъ, ученыхъ и другихъ“⁽¹⁾. „Успѣхъ Ежемѣсячныхъ сочиненій, прибавляетъ къ этому Милютинъ, побудилъ и многихъ другихъ писателей приняться также за изданіе журналовъ, число которыхъ съ 1759 г. стало увеличиваться замѣтно и постоянно. Такимъ образомъ Ежемѣсячныя сочиненія не только пріохотили къ чтенію русскую публику, не только распространили въ ней множество полезныхъ свѣдѣній... но и положили прочное начало русской журналистикѣ“⁽²⁾.

Московскія Вѣдомости. Послѣ того, какъ изданіе первыхъ русскихъ Вѣдомостей въ 1728 г. было перенесено въ Петербургъ, Москва оставалась безъ своей газеты до 1756 г. Вскорѣ послѣ открытія университета, положено было издавать при немъ Московскія Вѣдомости. Первыми редакторами были профессора университета, Поповскій и Барсовъ. Сначала Московскія Вѣдомости

(1) Словарь русск. писателей Ч. II, стр. 6—7.

(2) Очерки русской журналистики, преимущественно старой. Ежемѣсячныя сочиненія Миллера. Соврем. 1851. том. XXV—XXVI.

имѣли чисто officialный характеръ. Въ составъ ихъ входили высочайшіе указы, придворныя извѣстія и разныя объявленія; литературныхъ статей въ первые годы почти не было. Вѣдомости получили болѣе обширный объемъ и болѣе разнообразный и интересный характеръ по содержанію съ того времени, какъ, по предложенію куратора университета, Хераскова, въ 1779 г. ихъ взялъ въ аренду на 10 лѣтъ, вмѣстѣ съ университетской типографіей, знаменитый Н. И. Новиковъ. Новиковъ сталъ прилагать къ Вѣдомостямъ разныя прибавленія, каковы были: „Экономическій магазинъ“ (1780—1789), „Городская и деревенская бібліотека“ (1782—1786), „Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ“, содержащая въ себѣ статьи историческія, физическія и нравоучительныя (1783—1784), „Дѣтское чтеніе“ (1785—1789), „Магазинъ натуральной исторіи“ (1788—1790).

Праздное время, въ пользу употребленное (1759 — 1760). Оно издавалось при шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ еженедѣльно по листу изъ 16 страницъ. Журналъ этотъ имѣлъ характеръ чисто литературный и составлялся по образцу литературнаго отдѣла Ежемѣсячныхъ сочиненій Миллера. Въ немъ помѣщались также стихотворенія и разныя статьи или разсужденія въ формѣ посланій, разговоровъ, сновъ и проч. Напр. Разговоры боговъ: 1) какимъ образомъ побуждать сердца: 2) о премудрости: 3) сравненіе любви со скупостію: 4) о краснорѣчии. Разговоры Лукіановы (перев. съ нѣмецкаго): 1) Мениппъ, циническій философъ и Меркурій; 2) Плутонъ, подземный богъ. Прозерпина, его супруга, и Протезилай умершій: 3) Миносъ аѳинскій судья и Состратъ разбойникъ. Епиктетовы краткія разсужденія о нравахъ. Письма изъ царства мертвыхъ: 1) отца къ безпутному своему сыну: 2) сына къ своей матери: 3) слуги къ своему господину (перев. съ нѣмецкаго). Разсужденія о душевномъ спокойствіи и о безумныхъ людскихъ желаніяхъ; о дѣйствіяхъ добраго и худаго воспитанія: о двухъ путяхъ, по которымъ человѣкъ въ сей временной жизни слѣдуетъ (перев. съ французскаго); о счастьи и несчастіи и т. п. Журналъ издавался только два года.

Трудолюбивая Пчела 1759 г., изд. А. П. Сумарокова. Это былъ первый журналъ, издававшійся по инициативѣ частнаго лица и на собственные средства. Приступая къ его изданію, Сумароковъ обратился въ канцелярію Академіи наукъ съ слѣдующимъ прошеніемъ: „Вознамѣрился я издавать помѣсячно журналъ, для услуги народной; того ради покорно прошу, чтобы повелѣно было въ академической типографіи оный мой журналъ безъ остановки на чистой бумагѣ въ осьмуху печатать, по двѣнадцати

сотъ экземпляровъ, а деньги съ меня по прошествіи всякой трети взыскивать... Только нижайше прошу, чтобы канцелярія благоволила меня избавить отъ помѣшательства и затрудненій въ печатаніи“. Сотрудниками Сумарокова были: Тредьяковскій, Дмитревскій, Козицкій, Мотонисъ, Полетика, Нартовъ, и др. которые помѣщали въ немъ мелкія стихотворенія и беллетристическія статьи дидактическаго характера, заимствованныя изъ указанныхъ выше иностранныхъ журналовъ: но большая часть сочиненій, вошедшихъ въ Трудолюбивую Пчелу, принадлежала самому Сумарокову. Здѣсь печатались его сатиры, эпистолы, элегіи, притчи и басни и нѣкоторыя статьи по языкознанію и исторіи. Вотъ, для примѣра, содержаніе первой генварской книжки: „Государынѣ Вел. княг. Екатеринѣ Алексѣевнѣ“ (стихи) А. Сумарокова. I) О пользѣ мѣтеорологій, Козицкаго. II) Разсужденіе о двухъ главныхъ добродѣтеляхъ, которыя писателю исторіи имѣть необходимо должно, т. е. объ искренности и несуетвѣрномъ богопочтаніи, Николая Мотониса. III) О первоначаліи о созданіи Москвы. А. Сумарокова. IV) О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка. А. Сумарокова. V) О стихотворствѣ камчадаловъ. А. Сумарокова. Въ другихъ книжкахъ изъ переводныхъ статей были помѣщены: Десидерія Ерасма Роттердамскаго разговоръ (перев. Мотониса); Лукіана разговоры мертвыхъ (перев. Козицкаго); О разумѣніи челоувѣческомъ, по мнѣнію Локка; Пришествіе на нашу землю и пребываніе на ней Микромегаса изъ сочиненій г. Вольтера (перев. Сумарокова); О естествѣ, пользѣ и необходимой потребности войны и ссоръ, изъ книги Свифта (перев. Козицкаго). Къ сожалѣнію, Трудолюбивая Пчела издавалась только одинъ годъ. Недостатокъ денежныхъ средствъ у Сумарокова, въ слѣдствіе чего у него постоянно происходили неудовольствія съ академической типографіей, и частыя столкновенія съ академической канцеляріей, разсматривавшей его статьи, заставляли его прекратить изданіе журнала. Прекращая его, онъ выразилъ свою скорбь и негодованіе въ слѣдующемъ стихотвореніи, подъ заглавіемъ: Разставаніе съ Музами:

«Для множества причинъ,
Противно имя мнѣ писателя и чинъ.
Съ Парнаса нисхожу, схожу противу воли,
Во время пущаго я жара моево,
И не взойду, но смерть, я больше на него;
Судьба моей то доли.
Прощайте, музы, навсегда!
Я болѣе писать не буду никогда».

Трудолюбивая Пчела пользовалась большимъ расположеніемъ читателей, такъ что, по смерти Сумарокова, Академія наукъ изда-
ла ее во второй разъ.

Полезное увеселеніе 1760—1762 г. Подобно Трудолюбивой Пчелѣ, оно имѣло также чисто литературный характеръ и состояло изъ стихотвореній и статей беллетристическихъ. Издателемъ этого журнала былъ М. М. Херасковъ, бывшій въ то время ассессоромъ конференціи при Московскомъ университетѣ; участіе въ изданіи принимала и жена его, Елисавета Васильевна; но главными вкладчиками статей въ журналѣ были студенты Московскаго университета; подъ статьями встрѣчаются, между прочимъ, фамиліи Фонъ-Визина, Домашнева, Нартова, Ипполита Богдановича и В. Рубана.

Собраніе лучшихъ сочиненій, къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія, или смѣшанная библіотека о разныхъ физическихъ, экономическихъ, такожъ до мануфактуръ и до коммерціи принадлежащихъ вещахъ, 1762 г. Это былъ сборникъ разныхъ статей изъ иностранныхъ сочиненій: издателемъ его былъ профессоръ Московскаго университета Рейхель, а переводчиками также студенты университета. Издавался сборникъ съ тою цѣлію, чтобы доставить полезное чтеніе тѣмъ людямъ, которые сами не имѣютъ времени ни для чтенія большихъ книгъ, ни для выбора изъ нихъ того, что въ этихъ книгахъ есть лучшаго и полезнаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Начало новаго образованія и новой литературы при Петрѣ В.

	<i>Стран.</i>
Характеръ и значеніе реформы Петра В. Связь новаго образованія съ прежнимъ, кievскимъ и московскимъ. Характеръ новаго образованія	3.
Путешествія Петра В. по Европѣ и отправленіе туда русскихъ людей для образованія. Сношенія Петра В. съ Лейбницемъ и Вольфомъ. Училища старыя и новыя. Академія наукъ.	6.
Переводная литература при Петрѣ В. Общій характеръ и значеніе переводной литературы во время реформы. Переводчики. Личное участіе Петра при переводѣ книгъ. Больше замѣчательныя переводныя книги—ученыя, общеобразовательныя и учебныя	16.
Общій характеръ русской литературы при Петрѣ В. и его преемникахъ до импер. Елисаветы Петровны	24.
Духовный Регламентъ. Его содержаніе, характеръ и значеніе въ исторіи литературы	28.
Литературная дѣятельность Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича. Біографическія свѣдѣнія о Стефанѣ Яворскомъ. Камень вѣры и другія богословскія сочиненія Яворскаго. Проповѣди Яворскаго	36.
Сочиненія Теофана Прокоповича. Біографическія свѣдѣнія о Прокоповичѣ. Догматическое Богословіе и другія сочиненія Прокоповича. Проповѣди Прокоповича. Ихъ характеръ и значеніе въ исторіи литературы.	49.
Проповѣди Гавріила Бужинскаго и Симона Кохановскаго	62.
Протесты и полемика приверженцевъ старины противъ реформъ и новаго образованія. Poleмика по поводу изданія Камня вѣры Яворскаго	66.
Сочиненія Носовикова. Біографическія свѣдѣнія о Носовиковѣ. Завѣщаніе Отеческое. Книга о скудости и богатствѣ. Зерцало суетумудрія раскольнича	74.

Мемуары, или историческія Записки о Петрѣ В. и его царствованіи. Записки о стрѣльцкомъ бунтѣ Матвѣева. Записки Желябужскаго. Записки Крекшина. Записки Пенлюева. Историческія сочиненія Шафирова и Манкѣева . . . . . 87.

Путешествія русскихъ людей по Европѣ Журналъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—1699 г. Путешествіе стольника П. А. Толстаго. Путешествія Шереметева и Матвѣева . . . . . 92.

Сочиненія Татищева. Біографическія свѣдѣнія о Татищевѣ. Труды Татищева по географіи и исторіи. Исторія российская. Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ. Духовная Татищева . . . . . 98.

Стихотворныя и литературныя произведенія въ Петровскую эпоху. Силлабическія стихотворенія, комедіи, трагедокомедіи и пинтерлюдіи. Повѣсти . . . . . 111.

Начало новой поэзіи и художественной литературы. Происхожденіе и характеръ ложно-классическаго направленія въ европейскихъ литературахъ. Внесеніе ложно-классическаго направленія въ русскую литературу. Кантемиръ и Тредьяковскій, какъ первые представители этого направленія . . . . . 118.

Сочиненія Кантемира. Воспитаніе и образованіе Кантемира. Служебная дѣятельность Кантемира. Значеніе Кантемира въ исторіи русской литературы. Содержаніе и характеръ сатиръ Кантемира. Характеръ идеала, изображаемаго въ сатирахъ Кантемира. Прозаическія, оригинальныя и переводныя, сочиненія Кантемира . . . . . 126.

Сочиненія Тредьяковскаго. Біографическія свѣдѣнія о Тредьяковскомъ. Сочиненія по языку и словесности. Стихотворенія Тредьяковскаго. 145.

Состояніе образованія и литературы въ царствованіе Елисаветы Петровны. . . . .

164.

М. В. Ломоносовъ. Воспитаніе и образованіе Ломоносова въ Россіи и заграничѣй. Профессорская и административная дѣятельность Ломоносова въ Академіи наукъ . . . . . 169.

Значеніе Ломоносова въ русской наукѣ и литературѣ. Ученая дѣятельность Ломоносова . . . . . 188.

Литературная дѣятельность Ломоносова. Сочиненія по языку и словесности. Поэтическія сочиненія. Труды Ломоносова по русской исторіи. Столкновенія его съ Миллеромъ и Шлегеромъ . . . . . 198.

А. П. Сумароковъ. Біографическія свѣдѣнія о Сумароковѣ. Начало русскаго театра. Сумароковъ, какъ первый драматическій писатель и первый директоръ русскаго театра . . . . . 221.

Трагедіи, комедіи, сатиры и другія сочиненія Сумарокова . . .	224.
Сумароковъ, какъ издатель литературнаго журнала и какъ первый литературный критикъ. Общій характеръ и значеніе сочиненій Сумарокова	247.
Заслуги въ области драматическаго и театральнаго искусства Волкова и Дмитревскаго. Хроника русскаго театра Носова	259.
Мемуары или историческія Записки, относящіяся къ царствованію Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны. Записки княгини Долгорукой, Нащокина, князя Шаховскаго и Данилова	263.
Ученая литература. Сочиненія по русской географіи и исторіи. Начало въ русской исторической наукѣ двухъ теорій происхожденія Руси. Историческія сочиненія Тредьяковскаго, Ломоносова и Сумарокова. Историческіе труды Байера, Миллера, Шлецера и др.	271.
Сочиненія по философіи и другимъ наукамъ. Ученая и литературная дѣятельность Попова, Аничкова, Брянцева и др.	286.
Сочиненія по словесности и языкознанію. Ученая и литературная дѣятельность Барсова. Грамматики и словари по разнымъ языкамъ. Первые опыты по исторіи русской литературы	291.
Переводная литература въ Елисаветинскую эпоху. Общій характеръ переводческой дѣятельности. Главные переводчики и наиболѣе замѣчательныя переводныя сочиненія	298.
Духовная литература. Состояніе духовнаго образованія въ Елисаветинскую эпоху. Характеръ и значеніе проповѣди въ эту эпоху	303.
Проповѣди Амвросія Юшкевича, Кирилла Флоринскаго, Стефана Калиновскаго, Димитрія Сѣченова и Гедеопа Криновскаго	306.
Разныя духовныя, оригинальныя и переводныя, сочиненія	323.
Драматическія духовныя піесы въ Елисаветинскую эпоху	326.
Газеты и журналы въ первой и началѣ второй половины XVIII в.	333.

Цѣна съ пересылкою 1 р. 50 к.

Въ Казани: у издателя, въ Редакціи Православнаго Собесѣдника и въ книжныхъ магазинахъ А. А. Дубровина, К. П. Алексѣева и Н. Я. Башмакова,

въ Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ М. М. Стасюлевича и А. С. Суворина,

въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

въ Тифлисѣ: въ Центральной книжной торговлѣ

можно получать книги

Н. Я. Порфирьева:

Исторія русской словесности. Часть I. Древній періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра В. Изд. 5-е. Казань. 1891. Ц. 2 р., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Исторія русской словесности. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ 1. Отъ Петра В. до Екатерины II. Изд. 3-е. Казань. 1891.

Исторія русской словесности. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ 2. Литература въ царствованіе Екатерины II. Изданіе 2-е. Казань. 1888. Цѣна 2 р. съ пер.

Исторія русской словесности. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ 3. Литература въ царствованіе Александра I (Карамзинъ и его послѣдователи. Шишковъ. Дмитріевъ. Озеровъ. Классическая школа. Шаховской. Мерзляковъ. Гнѣдичъ. Жуковский. Батюшковъ. Вяземскій. Хмѣльницкій. Баратынскій). Казань 1891. Ц. 1 р. 20 к. съ пер.

Краткій курсъ исторіи древней русской словесности. (Составленъ по 5-му полному изданію. Изданіе 2-е. Казань. 1891. Ц. 1 р. 20 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

П. А. Милославскаго:

Основанія философіи, какъ спеціальной науки. Томъ I. Казань. 1883. Цѣна 3 руб.

Краткая англійская грамматика. Памятная книжка для изучающихъ англійскій языкъ. Ц. 75 коп., съ пер. 90 коп.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ Н. Порфирьевъ.

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ 2.

ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Одобрена въ первомъ изданіи Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изданіе 2-е, исправленное и дополненное.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1888.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ Н. Порфирьевъ.

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ 2.

ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Одобрена въ первомъ изданіи Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изданіе 2-е, исправленное и дополненное.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.
1888.

Отъ Казанскаго Комитета духовной цензуры печатать дозволяется.
Ноября 17 дня 1887 г.

Цензоръ Инспекторъ Казанской Духовной Академіи Профессоръ

Николай Бѣляевъ.

НАПРАВЛЕНІЕ И ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ.

Внесеніе въ Русскую литературу философскихъ идей XVIII в. Не смотря на то, что литературное направленіе въ продолженіе всей Екатерининской эпохи было еще старое, ложно-классическое, въ литературѣ ей мы находимъ необыкновенное оживленіе и замѣчательное богатство и разнообразіе. въ слѣдствіе съ одной стороны появленіи такихъ сильныхъ литературныхъ талантовъ, каковы были Державинъ, Фонъ-Визинъ, Новиковъ, Херасковъ, Княжнинъ и др.; съ другой—вліянію новыхъ идей современной европейской науки и литературы. Ода Державина по формѣ была ложно-классической одой; но содержаніе въ ней было современное и русское, и надъ торжественнымъ и хвалебнымъ тономъ въ ней часто преобладалъ элементъ сатирическій. Поэмы Хераскова по формѣ были подражаніями классическимъ эпopeямъ, а трагедіи Княжнина подражаніями французскимъ классическимъ трагедіямъ; но въ тѣхъ и другихъ постоянно встрѣчаются гуманныя идеи и стремленія современной эпохи. Комедіи и сатиры Фонъ-Визина и самой Екатерины написаны прямо на современные темы о воспитаніи, образованіи и управленіи, въ духѣ новыхъ философскихъ идей. Царствованіе Екатерины II составляетъ второй періодъ въ исторіи усвоенія Россіей европейскаго просвѣщенія. При Петрѣ В. Россія стремилась приложить къ своимъ потребностямъ всѣ результаты, добытые Европою въ области ремесла, искусства и дѣла военнаго. При Екатеринѣ II она стремилась усвоить идеи современной философіи и такъ же приложить ихъ къ устройству своего государственнаго и частнаго быта. Первое знакомство русскихъ людей съ этими идеями началось, впрочемъ, еще въ прежнее царствованіе. Въ трагедіяхъ Сумарокова мы уже встрѣчаемъ гуманныя идеи о вѣротерпимости, объ управленіи, объ отношеніяхъ правителей къ управляемымъ. Въ концѣ царствованія Елисаветы осо-

бенно много переходило въ Россію новыхъ французскихъ книгъ. Екатеринѣ, которая въ то время была великой княгиней, и княгинѣ Дашковой доставлялъ такія книги Шуваловъ, бывшій покровникомъ французской литературы. Но настоящее знакомство съ новыми идеями французской философіи и литературы началось съ того времени, какъ Екатерина сама вступила на русскій престолъ и стала во главѣ не только управленія, но и всего умственного и литературнаго движенія эпохи ⁽¹⁾.

Характеръ и значеніе философіи XVIII вѣка. Извѣстна судьба философіи XVIII вѣка. Появленіе и первые успѣхи ея были привѣтствованы съ восторгомъ, какъ начало новаго золотого вѣка, а впоследствии она подверглась гоненіямъ, какъ источникъ и виновница той умственной и нравственной разпузданности, которая привела Францію къ революціи и потрясла всю Европу; тѣже самые люди, которые сначала страстно увлекались ея идеями, потомъ дѣлались ея преслѣдователями. Чтобы понятна была такая судьба философіи XVIII в., надобно имѣть въ виду ея происхожденіе и характеръ ⁽²⁾. Отличительный характеръ, или лучше сказать, сущность этой философіи составляютъ отрицаніе всего тогдашняго европейскаго строя, религіозно-церковнаго, государственно-политическаго и общественнаго, и стремленіе замѣнить его новымъ строемъ, вызванныя съ одной стороны накопившимися въ прежнемъ строѣ разными злоупотребленіями и недостатками, а съ другой—новыми научными идеями, рѣзко обличившими эти недостатки. Такими отрицательными и вмѣстѣ реформаторскими стремленіями проникнуты какъ философія, такъ и литература XVIII в., которые, въ слѣдствіе одинаковости ихъ цѣли и задачъ, совершенно смѣшиваются между собою. Философія и наука вообще принимаетъ литературную форму и характеръ, для распространенія научныхъ идей въ обществѣ, а литература получаетъ философское направленіе и становится орудіемъ и органомъ философіи и науки вообще. Въ сущности же это не была ни философія ни литература въ

⁽¹⁾ Смотри. Французы въ Россіи Н. П. По поводу книги Л. Пэнго: *Les Français en Russie et les Russes en France*. Истор. Вѣстн. 1886: октябрь.

⁽²⁾ Исторія развитія и характеръ этой философіи изображены въ Исторіи XVIII и XIX стол. Ф. К. Шюссера Спб. 1858—1860, и въ Исторіи всеобщей литературы XVIII в. Г. Геттнера (въ переводѣ А. Н. Пыпина): томъ I. Англійская литература. Спб. 1863; томъ II. Французская литература. Спб. 1866.

собственномъ смыслѣ, а было смѣшеніе той и другой, особая энциклопедическая форма науки и литературы; названіе „энциклопедической“, данное этой умственной и литературной дѣятельности, по главному ея органу „Энциклопедіи“, кажется, всего лучше и можетъ характеризовать ее. Эта философія-литература обыкновенно называется французской философіей; но Франція была не столько изобрѣтательницей, сколько распространительницей ея. Корни идей философіи XVIII в. лежатъ глубже. въ томъ умственномъ движеніи Европы, которое началось еще со времени реформаціи и прежде всего развилось въ Англіи и Голландіи. Въ Англіи, послѣ философской реформы Бэкона и великихъ открытій Ньютона и другихъ ученыхъ, при быстромъ развитіи физико-математическихъ и естественныхъ наукъ и особенно опытной философіи Локка, во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности явились новыя идеи, религіозныя, ученые, государственныя и общественныя. Въ сферѣ религіозно-нравственной здѣсь развился деизмъ (естественная религія разума) и тѣсно связанное съ нимъ ученіе нравственной философіи, или ученіе моралистовъ, выразившіеся въ сочиненіяхъ Коллинза (род. 1676 г. Разсужденіе о свободномъ мышленіи), Лайонза (О непогрѣшимости человѣческаго разума), Толанда (1670—1722; Христіанство безъ тайнъ, Пантеистиконъ). Шафтсбери (1670—1713; Исслѣдованіе о добродѣтели, Моралистъ), Волинброка (ум. 1731). Гютчесона (ум. 1747), Фергюсона (ум. 1816) и др.; въ философіи и наукѣ вообще изъ сочиненій Локка (1632—1704; Опытъ о познавательной способности человѣка, Письма о религіозной терпимости, Книга о воспитаніи) развился сенсуализмъ, перешедшій потомъ въ матеріализмъ и съ особенною полнотою выразившійся въ сочиненіяхъ французскаго философа Кондильяка (ум. 1780), который въ своемъ трактатѣ о чувствованіяхъ источникомъ всѣхъ идей и познаній поставилъ чувственное ощущеніе (*juger est sentir*); въ области политической явились новыя идеи о государствѣ и государственномъ устройствѣ, о законодательствѣ и управленіи; въ области педагогической, въ наукѣ о воспитаніи и образованіи, новая теорія воспитательная, основанная на указаніяхъ Локкомъ (книга о воспитаніи) началахъ природной простоты и свободы. Голландія и Швейцарія, какъ самыя свободныя страны, сдѣлались первымъ и главнымъ пристанищемъ этихъ новыхъ идей. Въ Нидерландахъ поселился скептикъ Бэйль († 1706) и въ своемъ „Историко-критическомъ словарѣ“ первый началъ указывать разные недостатки въ области религіи, науки и государства. Потомъ, будучи перенесены во Францію, новыя идеи, чрезъ посредство французскаго языка и французской литературы, стали распространяться по всей Европѣ. Первымъ

распространителемъ этихъ идей во Франціи и другихъ странахъ былъ Вольтеръ (1694—1778) ⁽¹⁾. Познакомившись съ ученіемъ англійскихъ деистовъ и моралистовъ, онъ распространялъ это ученіе во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ и, проповѣдуя естественную религію разума, вмѣстѣ съ тѣмъ съ ожесточеніемъ нападалъ на откровеніе, христіанство и церковь. Въ то же время Монтескье (1689—1755) въ своихъ сочиненіяхъ излагалъ новыя общественныя и политико-государственныя идеи; въ „Духѣ законовъ“ онъ рассмотрѣлъ всѣ существующія формы государственнаго управленія и особенное вниманіе Европы обратилъ на конституціонныя формы этого управленія въ Англіи. Это первый періодъ французской философіи и литературы. Второй, дальнѣйшій періодъ ея составляетъ ученіе энциклопедистовъ, во главѣ которыхъ стояли Дидро и Даламберъ ⁽²⁾. Въ своемъ энциклопедическомъ словарѣ „Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonné des Sciences, des Arts et des Metiers“ (первыя два тома вышли въ 1751 и 1752 г.) они стремились всѣ новыя идеи религіозныя, научныя и политическія перенести изъ книгъ и круга ученыхъ людей во всѣ классы общества, и распространить такимъ образомъ повсюду, способствовать практическому ихъ примѣненію въ жизни. Самыми характерными сочиненіями Дидро (1713—1784), послѣдовательно представляющими сначала скептическое, а потомъ матеріалистическое и атеистическое его ученіе, надобно признать „Философскія мысли“, „Письма о слѣпыхъ“, „Письма о глухихъ и нѣмыхъ“, „О матеріи и движеніи“, „Размысленія о книгѣ о Духѣ“ и наконецъ „Разговоръ между Даламберомъ и Дидро“ и „Сонъ Даламбера“, самое обширное и самое смѣлое изложеніе его чистаго матеріализма и атеизма. Даламберъ (1717—1783) былъ математикъ и въ то же время занимался философіей. Какъ математикъ, онъ извѣстенъ преимущественно „трактатомъ о динамикѣ“; какъ издатель Энциклопедіи, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своимъ знаменитымъ „Предисловіемъ къ Энциклопедіи“ (Discours préliminaire), въ которомъ онъ представилъ новую систему чело-вѣческихъ познаній или новую классификацію наукъ, на основаніи ихъ современнаго развитія, опредѣливъ мѣсто и значеніе каждой науки, ея предѣлы и отношеніе къ другимъ наукамъ. Въ Дидро и Даламберу примыкало множество ученыхъ и писа-

(1) Вольтеръ. Его жизнь и сочиненія. В. О. Корша. Вѣст. Европы 1880; ноябрь и декабрь.

(2) Дидро и Энциклопедисты Дж. Морлея. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. М. 1882.—Екатерина II и Энциклопедисты О. О. Миллера. Новь 1884.

телей того времени. Одни изъ нихъ принимали непосредственное участіе въ Энциклопедіи и помѣщали въ ней свои статьи; другіе же, хотя не помѣщали въ ней своихъ статей, но, вполнѣ принимая идеи и вообще ученіе ея издателей, содѣйствовали ихъ распространенію своими отдѣльными книгами и сочиненіями. Изъ нихъ особенную извѣстность приобрѣли: Гольбахъ (1723—1789), своимъ сочиненіемъ „Система природы“ (*Systeme de la Nature*), въ которой излагается система чистаго матеріализма; Гельвеціусъ (1715—1771) своей книгой „О духѣ“ (*Sur l'Esprit*), которая заключаетъ ученіе объ эгоизмѣ, какъ главномъ основаніи и источникѣ всѣхъ побужденій, стремленій и дѣйствій человѣческихъ; Ламетри (1709—1751) своими сочиненіями: „Естественная исторія души“ (*Histoire naturelle de l'Âme*) и „Человѣкъ машина“ (*L'homme machine*), въ которыхъ проповѣдуется, что настоящее счастье человѣка заключается въ чувственномъ наслажденіи; Морелли своей книгой „Основной законъ или уставъ природы“ (*Codè de la nature*), въ которой излагается ученіе, что человѣкъ отъ природы добръ, а испортили его только превратныя ученія и учрежденія; что улучшеніе и совершенное блаженство могутъ быть достигнуты только устраненіемъ собственности и государственной морали, основанной на себялюбіи; что основу новаго общества должны составлять общность имущества, трудъ для общества, общественное воспитаніе и безграничное равенство всѣхъ (сочиненіе это долго, но несправедливо приписывалось Дидро). Но въ то время, какъ Вольтеръ, Дидро и энциклопедисты, раскрывая всѣ недостатки и злоупотребленія во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, и полагая главный ихъ источникъ въ невѣжествѣ, громко и настойчиво требовали полнаго и повсюднаго господства разума и просвѣщенія. Руссо⁽¹⁾ началъ доказывать, что современное просвѣщеніе, современныя науки и цивилизація имѣютъ такое превратное и гибельное направленіе, что могутъ подавать только поводъ къ самымъ сильнымъ возраженіямъ противъ всякаго просвѣщенія, науки и цивилизаціи, что вообще, чѣмъ больше человѣкъ учится и развивается, тѣмъ болѣе портится въ нравственномъ отношеніи и становится несчастнѣе въ жизни, что единственное средство для того, чтобы уничтожить зло, или положить конецъ испорченности, заключается въ томъ, чтобы возвратиться къ природѣ, къ простымъ и естественнымъ принципамъ первоначальныхъ человѣческихъ обществъ, когда еще не было ни науки, ни искусства, ни богатства, ни роскоши, но не было и испорченности нравовъ. Такія

(1) Руссо. Дж. Морлея. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. М. 1882.

мысли были изложены Руссо въ первомъ его сочиненіи, написанномъ въ отвѣтъ на вопросъ Дижонской Академіи: „Способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ исправленію нравовъ“. Съ большею силою и подробностію онъ развилъ ихъ въ послѣдовавшихъ за нимъ сочиненіяхъ: „О причинахъ неравенства между людьми“ и „Общественномъ договорѣ“. Въ сочиненіи „О причинахъ неравенства между людьми“, поставляя самымъ вреднымъ слѣдствіемъ образованія то, что оно, возвышая таланты и знанія, распространило неравенство между людьми, онъ признаетъ это неравенство корнемъ всѣхъ золъ; изъ неравенства, по его словамъ, произошло богатство, изъ богатства роскошь и праздность, изъ роскоши и праздности искусство и науки и т. д. Выходитъ, что всякое неравенство между людьми есть слѣдствіе ихъ испорченности и что испорченность возникаетъ въ слѣдствіе образованія и общественного развитія, которыя, развивая способности людей и совершенствуя ихъ разумъ, въ тоже самое время портятъ ихъ, такъ что, по его мнѣнію, въ каждомъ человѣкѣ, степень его испорченности соразмѣрна степени его образованія. Такія идеи привели Руссо къ совершенно новому плану государственнаго устройства, на началахъ простоты и естественности и абсолютной свободы, братства и равенства, который онъ и представилъ въ Общественномъ договорѣ (*Contrat social*). Характеръ этого сочиненія чисто демократическій; основная его идея—мысль о верховномъ правѣ народа; изъ каждой строки его слышатся столь роковыя въ послѣдствіи слова *liberté, fraternité, égalité*. Чтобы сдѣлать понятнѣе всѣ свои идеи и провѣсти ихъ во всѣ классы общества, Руссо написалъ два романа: „Юлія, или новая Элоиза“ и „Эмилъ, или о воспитаніи“. Последнее сочиненіе получило чрезвычайно важное значеніе, потому что въ немъ были представлены критика современнаго воспитанія и образованія, домашняго и школьнаго, и въ замѣнъ его теорія новаго воспитанія на началахъ простоты, естественности и свободы, а въ послѣдней части, противъ ученія матеріалистовъ и атеистовъ, было изложено ученіе Руссо о религіи и религіозномъ чувствѣ, о вѣрѣ въ Бога и безсмертіе души (*Profession de foi du vicaire savoyard*). Время Руссо составляетъ третій періодъ французской философіи, когда ея идеи изъ книгъ начали переходить въ народъ и прилагаться къ жизни въ разныхъ ея сферахъ.

Мы замѣтили, что быстрому распространенію идей новой философіи всего больше содѣйствовали во Франціи издавна развившіеся и въ это время особенно усилившіеся разные недостатки и нестроенія во всѣхъ сферахъ жизни. Въ сферѣ религіозной и церковной господствовали грубое суевѣріе въ народѣ и

страшный фанатизмъ и нетерпимость католическаго духовенства, выразившіеся въ ожесточенныхъ религіозныхъ спорахъ, въ преслѣдованіяхъ протестантовъ и янсенистовъ; въ области государственной, при неограниченномъ деспотизмѣ власти, возмутительныя злоупотребленія чиновниковъ и нестерпимый гнѣтъ бѣдныхъ и слабыхъ, со стороны богатыхъ и сильныхъ; въ общественной и частной жизни поражали страшная испорченность нравовъ и открытый развратъ. Очень понятно, что ученіе философіи, которая объявила протестъ противъ такой испорченности и такихъ злоупотребленій и обѣщала вывести человѣчество на новый лучшій путь, принято было съ восторгомъ. вмѣсто религіознаго фанатизма, философія проповѣдывала вѣротерпимость, свободу совѣсти и разумное отношеніе къ предметамъ вѣры; въ области государственной, вмѣсто деспотизма и абсолютизма, новыя разумныя начала власти, новыя гуманныя отношенія между правителями и управляемыми, новыя законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ; во всю жизнь общественную и частную стремилась внести принципы свободы, братства и равенства между людьми. Руссо возсталъ противъ роскоши, извѣжечности, испорченности нравовъ. Явилась новая наука о воспитаніи, основанная на началахъ свободы, простоты и естественности. Эта наука обѣщала перевоспитать человѣчество и создать новую породу людей, свободную отъ прежнихъ суевѣрій, предразсудковъ и пороковъ. Очень понятно, что такія идеи и стремленія философіи были приняты съ увлеченіемъ всеми людьми, которые были недовольны существующимъ порядкомъ: за нихъ съ жаромъ ухватились и все государственныя лица и правители въ Европѣ и начали совершать по нимъ разныя реформы. Таковы были въ Пруссіи Фридрихъ II., въ Австріи Іосифъ II., въ Швеціи Густавъ III, у насъ въ Россіи Екатерина. Очень понятно, что и самый вѣкъ, въ который явились и стали распространяться такія идеи и стремленія, былъ названъ вѣкомъ просвѣщенія, вѣкомъ философскимъ.

Но вѣкъ просвѣщенія не оправдалъ тѣхъ великихъ надеждъ, какія на него возлагали. Между идеями философіи и дѣйствительною жизнью оказалось безмѣрное разстояніе и непроходимая бездна. Оказалось, что идеи, какъ отвлеченное понятіе, еще далеко не вещь, что нѣкоторыя новыя идеи, напр. объ абсолютной свободѣ и равенствѣ между людьми, какъ составленныя путемъ теоріи, отвлеченно отъ дѣйствительности, совсѣмъ и неприменимы въ дѣйствительности; другія же идеи, переходя въ дѣйствительность, подъ вліяніемъ неумѣстности или злонамеренности, разныхъ страстей, интересовъ и другихъ условій жизни, совершенно измѣняются и получаютъ совсѣмъ нежелательное направленіе и

неблагоприятный исходъ, что часто изъ хорошей, самой по себѣ, идеи могутъ произойти самыя дурныя дѣла. Изъ высокой идеи вѣротерпимости, при неправильномъ ея пониманіи, развивается индифферентизмъ, или совершенное безразличіе въ вѣрованіи, а потомъ и совершенное равнодушіе ко всякому вѣрованію и ко всякой религіи. Изъ идеи разумнаго отношенія къ предметамъ вѣры, которое сначала совершенно справедливо проповѣдывалось, какъ необходимое средство противъ религіознаго фанатизма и разныхъ суевѣрій, а потомъ вышло изъ разумныхъ границъ и было перенесено на предметы Откровенія, совершенно недоступныя для разума, образовался деизмъ, или естественная религія разума, которая и была поставлена на мѣсто христіанскаго откровенія; изъ деизма же скоро развились матеріализмъ и атеизмъ. Сначала философія справедливо возставала противъ разныхъ суевѣрій, вкравшихся въ область религіи, а потомъ уже совершенно несправедливо стала говорить, что и вся религія вообще есть выдумка жрецовъ, или обманъ государей, захотѣвшихъ посредствомъ ея обуюдывать своихъ подданныхъ. Вольтеръ, проповѣдуя религію разума, съ ожесточеніемъ, въ тоже время, нападалъ на откровеніе, христіанство и церковь. Но если Вольтеръ былъ деистъ и хотя отвергалъ всякую положительную религію, однако же допускалъ бытіе Бога, говорилъ, что если бы не было Бога, то его необходимо было бы выдумать, и находилъ нужнымъ, хотя въ видахъ политическихъ, признавать безсмертіе души, то Дидро и энциклопедисты проповѣдывали уже чистый матеріализмъ и атеизмъ. Дидро положительно отвергалъ личнаго Бога и личное безсмертіе души. Въ душѣ человѣка онъ видѣлъ только возвышеніе и усовершеніе постоянно волнующагося смѣшенія матеріи. „Если вѣра учитъ насъ, говорилъ онъ, какъ всѣ живыя существа вышли изъ рукъ Творца, то философъ, представленный своимъ собственнымъ догадкамъ, долженъ былъ бы скорѣе составить себѣ убѣжденіе, что природа (*animalité*) отъ вѣка имѣла свои особенныя элементы, которые соединялись между собой, потому что это соединеніе лежало въ ихъ возможности. что зародышъ, произшедшій изъ этихъ элементовъ, прошелъ потомъ чрезъ множество образованій и формъ, и наконецъ, переходя различныя ступени, возвысился до движенія, ощущенія, мышленія, страсти, до языка, права, науки и искусства, какъ вѣкогда онъ, можетъ быть, пройдетъ еще другія до сихъ поръ неизвѣстныя развитія“. Во всемъ мірѣ Дидро видѣлъ только постоянное измѣненіе матеріи, безконечное круговое движеніе жизни. „Какъ въ каждомъ атомѣ происходитъ безустанное движеніе, такъ тоже постоянное броженіе происходитъ и въ другомъ атомѣ, называемомъ землею.... Все мѣняется, но цѣлое остается и не-

измѣняется... Что говорите вы объ индивидуумахъ? Ихъ нѣтъ. Есть одинъ только великій индивидуумъ, это — вселенная. Въ этой вселенной, какъ въ машинѣ или въ какомъ нибудь живомъ существѣ, есть различныя части, которыя вы называете такъ или иначе, но если вы даете этимъ отдѣльнымъ частямъ названіе индивидуума, то это такъ же фальшиво, какъ если бы вы у птицы назвали индивидуумомъ крыло, или одно перо изъ крыла". — Гольбахъ въ своей „Системѣ природы“ говоритъ: „Въ мірѣ не существуетъ ничего, кромѣ вѣчной, самой собою существующей матеріи и ея движенія. Все отъ нея происходитъ и все въ нее возвращается; вездѣ господствуетъ строгая необходимость, внѣшній механизмъ. То, что люди называютъ душой, умираетъ вмѣстѣ со смертію тѣла, точно такъ, какъ прекращается музыка, когда струны лопнутъ“. Воспитанникъ Кондильяка, Гельвеційсъ, принявшій его ученіе объ ощущеніи, какъ единственномъ источникѣ познанія, доказывалъ въ своей книгѣ „О духѣ“, что началомъ и основаніемъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ служитъ эгоизмъ. „Такъ какъ все, говоритъ онъ, происходитъ отъ ощущенія, то одно себѣлюбіе и личная выгода есть двигатель всѣхъ нашихъ сужденій и поступковъ. Польза и выгода составляютъ въ мірѣ нравственномъ основаніе всѣхъ измѣненій, какъ движеніе въ мірѣ физическомъ“. Атеизмъ и матеріализмъ неизбежно должны были повести къ совершенному отверженію всякихъ началъ нравственности и къ жизни чисто чувственной. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить сочиненія Ламетри „Естественная исторія души“ и „Человѣкъ машина“, въ которыхъ, вмѣстѣ съ самымъ крайнимъ матеріализмомъ, проповѣдуется чувственная жизнь и наглій развратъ. „Высшее, чего можетъ достигнуть человѣкъ, по мнѣнію Ламетри, есть только чувственное наслажденіе. Такъ какъ минималъ духовность человѣка есть въ сущности тѣлесность, то мы прежде всего должны стремиться къ тѣлесному счастью... Истинная философія знаетъ только временное блаженство; она разбрасываетъ на нашемъ пути розы и цвѣты; добродѣтель и честность чужды нашей природѣ; это украшеніе, но не основаніе нашего счастья (1)“. Такимъ образомъ вся мудрость человѣческая сводится къ искусству наслаждаться жизнью. — Руссо возсталъ противъ ученія матеріалистовъ и атеистовъ, противъ испорченности и развращенія нравовъ; но, защищая религіозное чувство и вѣру въ Бога, онъ въ тоже время отвергалъ откровеніе и всякую положительную религію; въ ученіи же о государствѣ, какъ мы замѣтили выше, доходилъ до совершеннаго

(1) Истор. литер. Геттнера II, 233; 240; 242; 290; 292—293.

отрицанія всего государственнаго строя. Возставъ противъ роскоши и распущенности нравовъ, онъ проповѣдывалъ возвращеніе къ дикимъ временамъ, когда не было ни науки, ни искусства, ни цивилизаціи. „Состояніе общественности и государственности между людьми неестественно, развитіе духовныхъ даровъ и способностей вредно, и состояніе физическаго довольства, не нарушаемаго даже мыслію о какихъ нибудь духовныхъ потребностяхъ, есть самое нормальное состояніе и всякое удаленіе отъ такого состоянія портитъ человѣка и дѣлаетъ его несчастнымъ“ — вотъ какіе выводы дѣлало изъ первыхъ сочиненій Руссо тогдашнее недовольное и озлобленное на существующій порядокъ поколѣніе; а парадоксальныя идеи Руссо въ „Общественномъ договорѣ“ объ абсолютной свободѣ и верховномъ правѣ народа производили еще болѣе разрушительное дѣйствіе въ умахъ и сдѣлались однимъ изъ самыхъ сильныхъ возбужденій къ революціи.

Такимъ образомъ, философія XVIII в., начавъ съ искорененія злоупотребленій и недостатковъ въ разныхъ сферахъ жизни, не остановилась на этомъ, но скоро перешла къ отрицанію самихъ, издавна установившихся, формъ жизни. Но если въ разныхъ сферахъ человѣческой жизни, религіозно-нравственной, ученой, государственной, накопилось въ теченіе многихъ вѣковъ множество злоупотребленій и недостатковъ, то отсюда слѣдовало только то, что необходимо очистить ихъ отъ этихъ недостатковъ, но никакъ не слѣдовало необходимости уничтожить самыя эти сферы, отвергнуть религію, науку и государство. И религія, и наука, и государство произошли изъ необходимыхъ существенныхъ потребностей природы человѣка; онѣ не навязаны насильно человѣку, а созданы имъ же самимъ. Философія просвѣщенія не ограничилась одною просвѣтительною ролью. Философы не захотѣли быть просто свободными мыслителями, а стали деспотически распространять свое ученіе. Начавъ свою философскую миссію проповѣдью о вѣротерпимости и протестомъ противъ фанатизма, они доходили въ нихъ такъ же до сильнаго фанатизма и нетерпимости. Вольтеръ и энциклопедисты преслѣдовали христіанское ученіе съ такимъ же ожесточеніемъ и нетерпимостію, съ какими въ средніе вѣка преслѣдовали разныя ереси. Упрекая католичество за то, что оно хочетъ властвовать во всемъ мірѣ, философія сама захотѣла занять его мѣсто и стремилась такъ же сдѣлаться всемірною религіею. Философія, конечно, оказала великую услугу тѣмъ, что раскрыла множество злоупотребленій и недостатковъ; но, преслѣдуя эти злоупотребленія и недостатки, она не щадила ничего важнаго и священнаго и одинаково нападала на истины и авторитеты на томъ только основаніи, что это старыя истины и старые авторитеты. Особенно такой раз-

рушительный характер имѣла дѣятельность Вольтера, который беспощадно преслѣдовалъ все, что не подходило подѣ его воззрѣнія. Въ сочиненіяхъ всѣхъ великихъ дѣятелей въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ и политикѣ, которымъ человѣчество до сихъ поръ приписывало авторитетъ, было много ошибокъ, которыя въ послѣдствіи, естественно, и открылись; но Вольтеръ, раскрывая эти ошибки, всегда старался поставить вопросъ такъ, что уничтожалъ всякій авторитетъ, возбуждалъ недовѣріе ко всякому авторитету. „Имѣя дѣло только съ фактами, говоритъ Шлоссеръ, одѣвивалъ такую дѣятельность Вольтера, мы не станемъ здѣсь доказывать, что возбужденіе недовѣрія къ наставникамъ человѣчества не можетъ совершаться безъ величайшей опасности для нравственности цѣлой націи, что хотя скептическое воззрѣніе Вольтера на жизнь всегда и во всякое время составляетъ необходимую принадлежность высшихъ сословій, однако, перѣйдя изъ книгъ и салоновъ въ гражданскую жизнь и народную массу, оно немедленно обращается въ страшную язву, которая отравляетъ всѣ элементы жизни“⁽¹⁾.

Такимъ образомъ вполне понятно становится та судьба философій XVIII в., на которую мы указали выше. Гуманныя идеи и протестъ противъ современныхъ заблужденій, которыми эта философія заявила себя съ самаго начала, вызвали всеобщее къ ней сочувствіе; но отрицаніе всѣхъ основныхъ началъ жизни, на которыхъ зиждутся всѣ упованія, счастье и спокойствіе человѣка, отрицаніе, къ которому она пришла въ послѣдствіи, естественно, должно было возбудить противъ нея гоненіе. Совершенно понятно, что какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, тѣ же самыя лица, которыя сначала увлекались идеями этой философій и старались распространять ихъ въ обществѣ, потомъ не только отрекались отъ нея, но и дѣлались ея гонителями, что импер. Екатерина, почти первая въ Россіи познакомившаяся съ ученіемъ энциклопедистовъ, совершенно перемѣнила взглядъ на нихъ, что многіе русскіе писатели, сначала увлекавшіеся этимъ ученіемъ, объявляли противъ него громкій протестъ. Это началось особенно тогда, когда событія французской революціи показали, къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ ведетъ разрушающее всѣ основы жизни ученіе новой философій. „Ничто такъ не вредитъ правильности свободнаго развитія человѣческихъ обществъ, — говоритъ нашъ историкъ Соловьевъ, противопоставляя разрушительной дѣятельности Вольтера и другихъ писателей отрицательнаго направленія умѣренность и сдержанность требованій Монтескье въ „Ду-

(1) Истор. XVIII и XIX стол. Спб. 1858. II, 332.

хѣ законовъ“, — какъ революціонныя требованія, пугающія не только правительства, но и народное большинство, заставляющія его опасаться за самые существенные интересы общества: человекъ убѣжденъ въ необходимости выйти изъ дому подышать чистымъ и свободнымъ воздухомъ; но испуганный ревомъ бури, ливнемъ и холодомъ, спѣшитъ затворить окна и предпочитаетъ остаться въ душной атмосферѣ своей тѣсной комнаты“ (1).

**Народность и другіе элементы въ литературѣ Екатери-
нинской эпохи.** При стремленіи къ усвоенію современныхъ идей европейскаго просвѣщенія, эпоха Екатерины была въ тоже время эпохою развитія національнаго сознанія. Национальное сознаніе русскихъ людей довольно рѣзко заявило себя уже въ прежнее царствованіе импер. Елисаветы, какъ въ политикѣ самой императрицы, такъ и въ патріотическихъ стремленіяхъ Ломоносова, Шувалова, Сумарокова и другихъ русскихъ дѣятелей; но, будучи вызвано ближайшимъ образомъ внѣшними обстоятельствами и преимущественно преобладаніемъ вѣмекской партіи при дворѣ и притѣсненіями русскихъ со стороны иностранцевъ въ разныхъ правительственныхъ сферахъ, оно и выражалось за немногими исключеніями, больше такъ же внѣшнимъ образомъ, въ борьбѣ съ иностранцами за русскіе интересы. Въ царствованіе же Екатерины національныя стремленія получаютъ твердую почву и разумную основу. Болѣе близкое знакомство съ европейскою цивилизаціей показало, что изъ нея нельзя брать все безъ разбора, что весьма многое въ учрежденіяхъ, нравахъ и обычаяхъ каждаго европейскаго народа образовалось изъ чисто національныхъ потребностей и развилось путемъ историческимъ и слѣдовательно не можетъ быть свойственно вполне русскому народу, воспитавшемуся при другихъ національныхъ и историческихъ условіяхъ, что и въ Европѣ есть также много сторонъ нехорошихъ, заблужденій и пороковъ и вообще много такого, отъ чего хотѣли бы освободиться сами европейцы. Между тѣмъ, большинство русскихъ людей, понявъ европейскую цивилизацію чисто внѣшнимъ образомъ, на эти стороны и обратило свое вниманіе и вмѣсто хорошихъ качествъ усваивало одни пороки и заблужденія; вмѣсто желаемаго просвѣщенія въ Россіи усиливалось лжепросвѣщеніе, которое, по своимъ вреднымъ послѣдствіямъ, казалось хуже древняго русскаго невѣжества. Вредныя послѣдствія такого иноземнаго вліянія должны были возбудить въ русскихъ людяхъ вопросъ о правильномъ и разумномъ усвоеніи европейскаго про-

(1) Истор. Россіи XXVI, 212.

свѣщенія, сообразно съ народнымъ характеромъ и народными потребностями. Сознали необходимость основательно изучить какъ современную жизнь русскаго народа, такъ и его прошлую исторію. Это сознаніе въ наукѣ выразилось: въ ученыхъ путешествіяхъ по разнымъ областямъ Россіи, съ цѣлю всесторонняго ихъ изученія; въ изданіи лѣтописей и другихъ историческихъ памятниковъ; въ сборникахъ произведеній народной словесности; въ учрежденіи отдѣльной россійской Академіи, съ цѣлю составленія полнаго словаря русскаго языка и грамматики; въ литературѣ—во множествѣ литературныхъ произведеній въ народномъ духѣ и съ народнымъ содержаніемъ. Въ этихъ трудахъ народнаго самопознанія принимали участіе, начиная съ самой Екатерины, всѣ ученые и писатели этой эпохи. Но, какъ въ прежнее время увлеченіе европейской цивилизаціей сопровождалось оставленіемъ древнихъ благочестивыхъ русскихъ обычаевъ, а у нѣкоторыхъ неразумныхъ доходило даже до презрѣнія ко всему отечественному, такъ теперь многіе, возставаъ противъ лжепросвѣщенія и дурныхъ послѣдствій иностраннаго вліянія, начали возставать вообще противъ европейской цивилизаціи и пожалуй готовы были возвратиться къ прежней донетровской жизни. Явилось отраженіе, или продолженіе, съ необходимыми измѣненіями, борьбы тѣхъ двухъ партій сторонниковъ и противниковъ европейской цивилизаціи, которая была вызвана реформой. Какъ въ петровскую эпоху, для того, чтобы доказать необходимость реформы, и защитить всѣ нововведенія, старались, не щадя народнаго чувства, какъ можно рельефнѣе выставить всѣ темныя стороны древней русской жизни и не хотѣли признавать въ ней ничего хорошаго, такъ теперь, для того, чтобы возбудить въ русскомъ обществѣ національное сознаніе и возстановить въ немъ совершенно упавшее уваженіе къ русской жизни и русской исторіи, начали уже слишкомъ идеализировать ихъ, и, восхваляя все русское, порицать иноземное, европейское вліяніе до того, что несправедливо считали его единственнымъ источникомъ и виною всѣхъ золъ и нестроеній въ новой русской жизни, забывая, что многіе пороки и заблужденія въ новой Россіи были унаслѣдованы еще отъ стараго донетровскаго періода. Такимъ образомъ, съ самыхъ первыхъ временъ реформы, образовались тѣ два противоположныя теченія въ русской жизни, наукѣ и литературѣ, которыя еще до сихъ поръ не могутъ слиться въ одно русло, и которыя извѣстны подъ именемъ двухъ направленій—западно-европейскаго и восточно-русскаго, народно-русскаго, или славянофильскаго. Уже въ началѣ 80-хъ годовъ эти направленія такъ рѣзко обозначались и доходили до такихъ крайностей, что Фонтвизинъ въ числѣ извѣстныхъ вопросовъ, предложенныхъ Екате-

ринѣ, нашелъ нужнымъ сдѣлать и слѣдующій вопросъ: „Какъ истребить два сопотивные и оба вреднѣйшіе предразсудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй—будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо“—вопросъ, который и до сихъ поръ остается открытымъ. Борьба между этими направленіями должна была обостриться особенно въ концѣ царствованія Екатерины, когда событія французской революціи бросили такую мрачную тѣнь на Францію и вообще на все европейское просвѣщеніе, что всѣхъ заставили бояться его и въ вопросѣ объ образованіи естественно наклоняли всѣхъ благомыслящихъ и осторожныхъ людей на сторону народнаго развитія, согласно съ потребностями русскаго народа.—Кромѣ этихъ двухъ главныхъ элементовъ—западно-европейскаго и народно-русскаго, мы встрѣчаемъ въ литературѣ Екатерининской эпохи и другіе элементы, переходившіе къ намъ изъ европейскихъ литературъ. Во второй половинѣ XVIII в. по всей Европѣ распространились такъ называемыя „Пѣсни Оссіана“, изданныя англійскимъ поэтомъ Макферсономъ; эти пѣсни скоро явились въ русскомъ переводѣ и имѣли вліяніе на русскую поэзію. Въ то же время была перенесена къ намъ изъ Европы мѣщанская драма, явившаяся на смѣну старой классической драмы; по образцу ея были написаны комедіи Луккина, Веревкина, Аблесимова и др. Наконецъ въ Европѣ противъ философіи энциклопедистовъ возстало масонство. Это масонство перешло и къ намъ и также объявило противъ нея оппозицію, выразившуюся въ дѣятельности Шварца, въ журналахъ Новикова, въ сочиненіяхъ Лопухина и др. Таковы главные элементы въ литературѣ Екатерининской эпохи ⁽¹⁾.

Просвѣтительная и литературная дѣятельность Екатерины II.

Высокій умъ и мощный характеръ Екатерины II такъ поражали современниковъ, что нѣкоторые изъ нихъ (принцъ де-Линь и Вольтеръ) называли ее: Екатерина Великій (Catherine le Grand). И сама она говорила: „Привычка ли это, или дѣло вкуса, но я могу вести разговоръ только съ мужчинами“. При высокому природному умѣ, Екатерина обладала и обширнымъ серьезнымъ образованіемъ ⁽²⁾. Въ самыхъ молодыхъ годахъ (род.

(1) Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху А. И. Незеленова. Истор. Вѣстн. 1884; №№ 5, 6 и 7; 1886; №№ 9 и 10; 1887; № 6.

(2) Воспитаніе Екатерины II. Я. Грота. Древняя и Новая Россія 1875 г., томъ I.

1729, ум. 1796 г.), будучи еще княжной Ангальтъ-Цербтской, она, не удовлетворяясь уроками своих учителей, сама начала знакомиться съ лучшими произведеніями французской и итальянской литературы; но особенно серьезно она занялась самообразованиемъ съ того времени, какъ сдѣлалась княжной русской. Съ этого времени, до вступленія на русскій престолъ, въ продолженіе 18 лѣтъ, чтеніе книгъ и выписки изъ нихъ по разнымъ политическимъ, ученымъ и литературнымъ вопросамъ были ея постояннымъ занятіемъ. Въ ея библіотекѣ въ это время находились такія разнообразныя и серьезныя книги, какъ Жизнь Генриха IV Перификса, Исторія Германіи Харри, Лѣтописи Тацита, Діалоги Платона (во французскомъ переводѣ), церковная исторія Баронія, словарь Бэйля, сочиненія Монтескьё и Вольтера. Изъ современныхъ писателей Екатерина прежде всего обратила вниманіе на Монтескьё; особенно ее увлекалъ „Духъ законовъ“, изъ котораго она очень рано начала дѣлать выписки, вошедшія потомъ въ „Наказъ Коммисіи“. „Духъ законовъ“, писала она г-жѣ Жоффренъ, долженъ быть требникомъ для всѣхъ государей, если только они не лишены здраваго смысла“. Но вообще въ своемъ развитіи всего больше значенія она приписывала Вольтеру, „Вольтеръ мой учитель, писала она къ Гримму; онъ, или лучше сказать, его произведенія развили мой умъ и мою голову; я его ученица“⁽¹⁾. По вступленіи на престолъ, она тотчасъ начала съ нимъ переписку и продолжала ее до его смерти⁽²⁾. „Ни о какомъ другомъ писателѣ,—замѣчаетъ Гротъ, внимательно прослѣдившій отношенія Екатерины къ Вольтеру по ея письмамъ къ Гримму,—она не говоритъ съ такою любовью и съ такимъ горячимъ энтузіазмомъ. Въ своемъ ослѣпленіи она не замѣчала его недостатковъ; до конца его жизни и послѣ она не переставала смотрѣть на него, какъ на идеальнаго писателя и простирала свое уваженіе къ его памяти до какого-то обожанія“⁽³⁾. Совсѣмъ иначе Екатерина смотрѣла на Руссо и не только не любила его, но и посмѣивалась надъ его сочиненіями и

(1) Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ Я. К. Грота. Зап. Ак. наукъ. Приложение къ XXXIV тому № 1, стр. 67.

(2) «Философская и политическая переписка импер. Екатерины II съ г. Вольтеромъ». Подъ такимъ заглавіемъ она издавалась прежде нѣсколько разъ. Новое болѣе полное ея изданіе сдѣлано В. В. Чуйко. Европейскіе писатели и мыслители. IV. Вольтеръ и Екатерина II. Спб. 1882.

(3) Заботы Екатерины II о народномъ образованіи, по ея письмамъ къ Гримму, Я. К. Грота, стр. 4—5.

самого его называла новымъ Бернардомъ, проповѣдующимъ противъ нея крестовый походъ, который, по ея словамъ, также не удался, какъ и первый. Кромѣ крайней непоследовательности и парадоксальности, въ Руссо возмущали Екатерину его демократическія идеи, выраженные особенно въ его *Contrat social*, и неизбѣжно приводившія къ революціи и анархіи, а также враждебныя его выходки противъ Россіи. Воспитательная теорія Руссо, изложенная въ *Эмилѣ*, также противорѣчила всѣмъ основнымъ понятіямъ Екатерины. Поэтому она въ самомъ началѣ своего царствованія сдѣлала запрещеніе противъ *Эмиля* въ собственноручной запискѣ: „Слышно, что въ Академіи наукъ продаются такія книги, которыя противъ закона, добраго права, насъ самихъ и россійской націи, которыя во всемъ свѣтѣ запрещены, какъ напр. *Эмилъ Руссо*... Надлежитъ приказать наискрѣпчайшимъ образомъ Академіи наукъ имѣть смотрѣніе, дабы въ ея книжной лавкѣ такіе порядки не происходили“⁽¹⁾.—Но за то въ такихъ же дружескихъ сношеніяхъ, какъ съ Вольтеромъ, Екатерина долго находилась съ энциклопедистами Даламберомъ и Дидро. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ въ 1762 г., она предложила Даламберу занять должность воспитателя наследника В. К. Павла Петровича, и когда онъ отказался отъ этой должности, она писала ему: „Вы рождены, вы призваны содѣйствовать счастію и даже просвѣщенію цѣлой націи; отказываться въ этомъ случаѣ, по моему мнѣнію, значить отказываться дѣлать добро, къ которому вы стремитесь. Ваша философія основана на человеколюбіи; позвольте же вамъ сказать, что она не достигнетъ своей цѣли, если вы отказываетесь служить человечеству, насколько это возможно для васъ“. Не смотря на отказъ Даламбера, она продолжала съ нимъ сношенія и часто обращалась къ нему за совѣтами по разнымъ вопросамъ.—Узнавъ, что Дидро бѣденъ и такъ нуждается въ деньгахъ, что на приданое дочери готовъ продать свою бібліотеку, она купила у него эту бібліотеку за 15,000 ливровъ, оставила ее въ его пользованіи до его смерти, и кромѣ того еще назначила ему постоянное жалованіе въ годъ по 1000 франковъ, какъ хранителю ея бібліотеки, и приказала выдать это жалованье за 50 лѣтъ впередъ. Когда же Дидро, чтобы отблагодарить Екатерину за такую милость, вздумалъ пріѣхать въ Петербургъ, она выслала къ нему на встрѣчу камергера Парышкина и приняла его, какъ представителя европейскаго просвѣщенія. Пять мѣсяцевъ Дидро прожилъ въ Петербургѣ, и каждый день она приглашала его къ себѣ,

---

⁽¹⁾ Тамъ же стр. 7—8.

разговаривала съ нимъ по нѣскольку часовъ и послѣ всѣхъ подарковъ предложила ему 200.000 рублей для новаго изданія „Энциклопедіи“. — Познакомившись съ сочиненіями итальянскаго писателя Беккарии „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“, она хотѣла также вызвать его въ Петербургъ на службу и приказывала выдать ему впередъ 1000 червонцевъ, въ случаѣ, если бы онъ согласился пріѣхать. Бомарше она предлагала издавать сочиненія Вольтера въ Петербургѣ. Кромѣ того, Екатерина переписывалась съ г-жею Жоффренъ, нѣмецкимъ докторомъ Циммерманомъ ⁽¹⁾ и особенно долго съ барономъ Гриммомъ. Гримму она также предлагала навсегда переселиться въ Россію и хотѣла поручить ему главное управленіе народнымъ образованіемъ и народными школами. Въ постоянной перепискѣ своей ⁽²⁾ она сообщала Гримму всѣ свои планы и намѣренія и требовала отъ него совѣтовъ въ разныхъ случаяхъ; чрезъ него она знакомилась со всѣми новостями въ европейской политикѣ, наукѣ и искусствахъ, получала лучшія произведенія иностранныхъ писателей и художниковъ и проч. Наконецъ при дворѣ, въ ея кругу, было всегда нѣсколько европейскихъ знаменитостей, каковы французскій посланникъ графъ Сегюръ, бельгійскій принцъ де-Линъ и др. ⁽³⁾.

Но, при всемъ уваженіи къ европейскому просвѣщенію и представителямъ его, философамъ энциклопедистамъ и разнымъ ученымъ и писателямъ, Екатерина всегда помнила, что она русская императрица, призванная для управленія русскимъ царствомъ, для блага русскаго народа. Рядомъ съ изученіемъ Европы и европейской науки у нея шло внимательное изученіе Россіи во всѣхъ ея отношеніяхъ. Вскорѣ по прибытіи въ Россію, учителями ея были назначены для наставленія въ православной вѣрѣ

(1) Переписка Екатерины II съ докторомъ Циммерманомъ. А. Брикнера. Русск. Старина 1887; іюнь.

(2) Письма Екатерины II къ Барону Гримму напечатаны Я. К. Гротомъ въ Сборникѣ русскаго историческаго общества (т. XXIII) съ подлинниковъ, хранящихся въ Государственномъ Archivѣ. Они писаны по французски и очень изрѣдка по нѣмецки. Въ Русскомъ Archivѣ 1878 г. №№ 9—10 напечатаны выдержки изъ этихъ писемъ въ русскомъ переводѣ. Баронъ Гриммъ (1723—1807) жилъ въ Парижѣ, состоя при знатныхъ нѣмцахъ, которые, по примѣру Фридриха В., находились подъ вліяніемъ французской литературы. Онъ былъ въ дружбѣ съ Дидро и Вольтеромъ. Въ 1773 г. онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и жилъ здѣсь полгода.

(3) Импер. Екатерина II, въ перепискѣ съ иностранцами. А. Рамбо. Русск. Archivъ 1877; кн. 2. (Извлечено изъ *Revue de deux Mondes* 1877).

Симонъ Тодорскій, бывшій послѣ архіеписк. Псковскій († 1754), для обученія русскому языку академикъ Аладуровъ. Она внимательно занялась изученіемъ русскаго языка и если не изучила его до такой степени, чтобы писать на немъ совершенно правильно, безъ грамматическихъ ошибокъ, то въ этомъ виновата была императрица Елисавета, которая не давала ей много заниматься, говоря, что она и такъ слишкомъ умна. Екатерина сознавала въ послѣдствіи свои недостаточныя свѣдѣнія въ русской грамматикѣ, но не смотря на то любила писать по русски, нисколько не стѣсняясь ошибками. „Надѣяться можно, замѣчала она при этомъ, что наши грѣшнѣе надежи никому вреда не нанесутъ“.— „Ты не смѣйся, говорила она своему секретарю Грибовскому, надъ моей русской орфографіей. Я тебѣ скажу, почему я не успѣла хорошенько ее узнать: по пріѣздѣ моемъ сюда, я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тетка, Елисавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моей гофмейстеринѣ: полно ее учить, она и безъ того умна. Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителей, и это есть причина, что я плохо знаю правописание“. Впрочемъ, замѣчаетъ Грибовскій, государыня говорила по русски довольно чисто и любила употреблять простыя и коренныя русскія слова, которыхъ она знала множество“.—Познакомившись съ русскимъ и славянскимъ языкомъ настолько, чтобы читать книги, она стала знакомиться съ русской исторіей и начала читать лѣтописи; отъ литературы книжной она перешла къ пародной словесности и изучала духъ и нравы русскаго народа въ его пословицахъ, пѣсняхъ и сказкахъ. Черезъ Аладурова Екатерина иногда требовала книгъ изъ Академіи наукъ; библіотекаръ Шумахеръ доставлялъ ей каталоги академической бібліотеки и ея книжнаго магазина.—Это изученіе Россіи въ ея прошедшемъ и настоящемъ состояніи было весьма важно для Екатерины. Оно спасло ее отъ многихъ ошибокъ, въ которыя неизбѣжно впадаютъ иностранцы въ Россіи, и послужило къ тому, что нѣмка по происхожденію, ученица Вольтера и поклонница энциклопедистовъ, она явилась на престолѣ исполнѣ русской и сумѣла быть русской императрицей. Тотчасъ же по вступленіи на престолъ она подняла знамя русской народности, какъ въ дѣлахъ внутреннихъ, такъ и во внѣшней политикѣ, и твердо держала это знамя до конца жизни. Въ періодъ самаго страстнаго увлеченія философій энциклопедистовъ, она не доходила до такихъ крайностей, чтобы въ пользу ихъ ученія пожертвовать какими-нибудь народными или государственными интересами. Народные и государственные интересы были неизмѣнными границами, за которыя она не позволяла себѣ переступать при сво-

ихъ сношеніяхъ съ иностранцами и симпатіяхъ къ нѣкоторымъ иностраннымъ учрежденіямъ. О томъ же самомъ Дидро, которому она оказывала такое уваженіе, она въ послѣдствіи говорила графу Сегюру: „Я много и часто бесѣдовала съ нимъ, но больше съ любопытствомъ, чѣмъ съ пользою. Если бы я его словамъ повѣрила, то пришлось бы все поставить вверхъ ногами въ моемъ царствѣ. Законодательство, административная часть, все должно было бы перевернуться, чтобы дать мѣсто его непрактическимъ теоріямъ. Видя, что ни одно изъ тѣхъ великихъ нововведеній, которыя онъ проповѣдывалъ, не было приведено въ исполненіе, онъ высказалъ нѣкоторое удивленіе и даже высшую степень неудовольствія. Тогда, говоря откровенно, я сказала ему: г. Дидро, я прислушивалась съ величайшимъ удовольствіемъ ко всему тому, что вашъ блестящій умъ внушилъ вамъ высказать мнѣ. Всѣ ваши великіе принципы, которые я очень хорошо понимаю, могутъ составить очень хорошее сочиненіе, но для дѣла они не годятся. Во всѣхъ вашихъ предложеніяхъ относительно введенія реформъ, вы забываете только одно, именно разницу, которая существуетъ между вашимъ положеніемъ и моимъ; вы работаете только на бумагѣ, которая все терпитъ и никакихъ препятствій не представляетъ ни вашему воображенію, ни вашему перу; но я, бѣдная императрица, я работаю на человѣческой кожѣ, которая чувствительна и щекотлива въ высшей степени“. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ къ Вольтеру она писала: „Мой девизъ пчела, которая, летая съ растенія на растеніе, собираетъ медъ для своего улья, и надпись: полезно“. И она хотѣла быть, дѣйствительно, пчелою, собирающей въ современной европейской наукѣ и литературѣ только то, что считала полезнымъ для своего народа и государства. „Я должна отдать справедливость своему народу,—писала она въ другомъ письмѣ къ тому же Вольтеру,—это превосходная почва, на которой хорошее сѣмя быстро возрастаетъ; но намъ также нужны аксіомы неоспоримо признанныя за истинныя; благодаря этимъ аксіомамъ, правила, долженствующія служить основаніемъ новымъ законамъ, получили одобреніе тѣхъ, для кого они были составлены“. И когда Вольтеръ слишкомъ началъ торопить, чтобы она составила новые законы, Екатерина написала ему изъ Казани: „Подумайте только, что эти законы должны служить и для Европы и Азій; какое различіе климата, жителей, привычекъ, понятій! Я теперь въ Азій и вижу все своими глазами. Здѣсь двадцать различныхъ народовъ, одинъ на другаго не похожихъ. Однакожъ необходимо сшить каждому приличное платье. Легко положить общія начала; но частности? Вѣдь это пѣлый особый міръ: надобно его создать, сплотить, охранять“.—Увлекаясь гуманными идеями французской

философіи относительно воспитанія, образованія и управленія, Екатерина стремилась провести эти идеи въ русское законодательство и администрацію, въ литературу и жизнь русскую; но она всегда возставала противъ тѣхъ идей этой философіи, которыя были направлены противъ власти и государственнаго порядка. Когда же французская революція на самомъ дѣлѣ показала, къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ приводятъ эти идеи, она измѣнила свой взглядъ какъ вообще на просвѣщеніе XVIII в., такъ и на тѣхъ его представителей, къ которымъ относилась прежде съ такимъ уваженіемъ. „Я вчера вспомнила, писала она Гримму въ 1794 г., что вы мнѣ говорили не разъ: этотъ вѣкъ есть вѣкъ приготовленій. А я прибавлю, что приготовленія эти состояли въ томъ, чтобы приготовить грязь и грязныхъ людей разнаго рода, которые производили, производятъ и будутъ производить безконечныя несчастія и безчисленное множество несчастныхъ“⁽¹⁾. Въ 1795 г. она къ тому же Гримму писала о Даламберѣ и энциклопедистахъ: „Я безропотно буду ждать благоприятной минуты, когда вамъ угодно будетъ оправдать въ моемъ мнѣніи философовъ и ихъ прислужниковъ въ томъ, что они участвовали въ революціи, особливо же въ энциклопедіи; ибо Гельвецій и Даламберъ оба сознавались покойному Прусскому королю, что эта книга имѣла только двѣ цѣли: первую — уничтожить христіанскую религію, вторую — уничтожить королевскую власть“⁽²⁾. Этой перемѣной взглядовъ на философію энциклопедистовъ, кромѣ, разумѣется, другихъ обстоятельствъ, объясняется и тотъ крутой поворотъ въ дѣятельности Екатерины въ послѣдніе годы ея царствованія, когда она, испуганная ужасами французской революціи, изъ поклонницы и проповѣдницы гуманныхъ идей сдѣлалась почти ихъ гонительницей, когда она подозрительно стала относиться къ тѣмъ самымъ явленіямъ умственнымъ и литературнымъ, которыя сама вызвала, или которыя прежде вполне одобряла, когда она начала видѣть вредныя и разрушительныя стремленія тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не было. Известно, что она сильно разгнѣвалась на Державина за его оду „Властителямъ и судіямъ“, которая прежде не возбуждала въ ней никакого подозрѣнія; запретила трагедію Княженина „Вадимъ“; подвергла преслѣдованію, а потомъ и заключила въ крѣпость того самаго Новикова, просвѣтительную дѣятельность котораго она вполне одобряла, осудила на сосланіе въ Сибирь Радищева за его „Путешествіе въ Москву“.

(1) Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, Я. К. Грота. Зап. Акад. наукъ. т. XL, 231. (2) Тамъ же. 274—275.

Но такая переѣна во взглядахъ и дѣятельности Екатерины обнаружилась преимущественно въ послѣдніе годы ея царствованія, въ первыя же времена, особенно въ первые десять лѣтъ, она, какъ мы замѣтили, глубоко сочувствовала всѣмъ лучшимъ идеямъ о воспитаніи, образованіи и управленіи, и старалась проводить ихъ въ русскую жизнь разными мѣрами и всѣми путями: педагогическимъ, законодательнымъ и литературнымъ.

Воспитательныя и образовательныя заведенія въ Екатерининскую эпоху. Вопросъ о воспитаніи и образованіи былъ, какъ мы видѣли, основнымъ вопросомъ въ XVIII в. Путемъ воспитанія, которое считалось главною причиною добра и зла, счастья и несчастія въ жизни человѣческой, хотѣли создать новую породу людей, свободную отъ удручающихъ человѣка предрасудковъ, заблужденій и пороковъ. Поэтому на воспитаніе и образованіе прежде всего обратила вниманіе и Екатерина, какъ только вступила на престолъ.—Прожнее образованіе, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, было односторонне и имѣло характеръ преимущественно профессиональный: все вниманіе обращено было на развитіе умственное, на изученіе разныхъ предметовъ, но при этомъ въ сторонѣ или въ совершенномъ небреженіи было оставлено воспитаніе физическое, развитіе и укрѣпленіе тѣла; во всѣхъ школахъ главною заботою было только ученіе, сообщеніе разнообразныхъ свѣдѣній, согласно съ будущимъ назначеніемъ учащихся, но не было и мысли о гармоническомъ развитіи и направленіи всѣхъ душевныхъ способностей, объ образованіи нравственнаго характера, однимъ словомъ, было ученіе, но не было воспитанія; во всѣхъ училищахъ главною цѣлію было—приготовить разныхъ чиновниковъ, способныхъ занять тѣ или другія должности на государственной службѣ, разнаго рода ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ; но при этомъ нисколько не заботились о томъ, чтобы въ этихъ будущихъ чиновникахъ воспитать хорошихъ людей, честныхъ и полезныхъ гражданъ. Всѣ эти односторонности и недостатки прежняго образованія предположено было устранить въ новыхъ заведеніяхъ, которыя должны были сообщать новому поколѣнію учащихся правильное всестороннее воспитаніе—физическое, умственное и нравственное. Понятно, что принятія Екатериною мѣры для устройства такого воспитанія были встрѣчены съ радостію, какъ залогъ возрожденія, или новаго преобразованія Россіи. „Петръ В., говорилъ Бецкій, обращаясь къ Екатеринѣ въ составленномъ имъ „Планѣ Воспитательнаго Дома“, создать въ Россіи людей; Ваше Величество влагаете въ нихъ души“; Сумароковъ въ „Надписи къ статуѣ Петра I“ сказалъ:

«Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина душу»;

а Херасковъ туже мысль выразилъ въ повѣсти „Нума“ въ слѣдующихъ стихахъ:

«Почтенія къ тѣмъ святымъ словамъ я вѣкъ не рушу:
Петръ Россамъ далъ тѣла, Екатерина душу».

Иванъ Ивановичъ Бецкій. Главнымъ дѣятелемъ при устройствѣ новаго воспитанія былъ Бецкій, который въ исторіи образованія въ Екатерининскую эпоху имѣетъ такое же важное значеніе, какъ Шуваловъ въ Елисаветинскую эпоху. Иванъ Ивановичъ Бецкій (1704—1795), побочный сынъ князя Трубецкаго, родился въ Стокгольмѣ и тамъ же получилъ свое первое образованіе. Онъ долго путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы, познакомился съ новой философіей и литературой, но съ особеннымъ любопытствомъ и усердіемъ занимался изученіемъ разныхъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній, основанныхъ на новыхъ просвѣтительныхъ началахъ. Въ 1763 г. Екатерина назначила его президентомъ Академіи Художествъ и директоромъ кадетскаго корпуса и поручила ему устроить при нихъ воспитательныя заведенія, по образцу европейскихъ. Въ слѣдствіе этого Бецкій составилъ извѣстный „Докладъ императрицѣ о воспитаніи юношества обоего пола“ и „Проектъ или планъ воспитательнаго дома въ Москвѣ“⁽¹⁾. Въ 1764 г. было основано при Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ общество для благородныхъ дѣвицъ, а въ 1765 г. такое же общество для дѣвицъ мѣщанскаго сословія; при Академіи Художествъ въ 1764 г. учреждено воспитательное училище для мѣщанъ, а въ 1766 такое же училище при кадетскомъ корпусѣ. Въ Москвѣ были открыты училища Екатерининское (въ 1764 г.) и Коммерческое (въ 1772 г.) и Воспитательный домъ для привоженныхъ дѣтей (въ 1763); такой же домъ былъ открытъ и въ Петербургѣ (въ 1770 г.). Помощникомъ Бецкаго при учрежденіи этихъ училищъ былъ профессоръ Барсовъ, который, между прочимъ, написалъ и упомянутый выше планъ Воспитательнаго Дома. Въ этомъ планѣ и особенно въ „Докладѣ о воспитаніи юношества обоего пола“ выражены были и всѣ основныя начала и правила воспитанія и образованія во всѣхъ заведенныхъ училищахъ. Указавъ въ „Докладѣ“ на то, что хотя образованіе въ Россіи началось давно и съ давняго времени существуютъ разные училища,

(1) Полн. собр. законовъ т. XVI №№ 11,908; 12,103.

но „существительныхъ плодовъ отъ нихъ собрано мало, буде не совсѣмъ ничего“. Бецкій указываетъ причину этого въ томъ, что при ученіи до сихъ поръ нѣсколько не заботились о воспитаніи, и потому находить необходимымъ учредить воспитательныя заведенія. „Искусство доказало, говоритъ онъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямаго гражданина, но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо оныя въ сердцѣ его не вкоренены... При такомъ недостаткѣ смѣло утвердить можно, что прямаго въ наукахъ и художествахъ успѣха и „третьяго чина“ людей въ государствѣ ожидать всею себя и ласкать. Посему ясно, что корень всему злу и добру воспитаніе; достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не иначе можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя. Держась сего неоспоримаго правила, единое токмо средство остается, то есть: произвести сперва способомъ воспитанія такъ сказать „новую породу, или новыхъ отцевъ и матерей“, которые бѣ дѣтямъ своимъ тѣже прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердцѣ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали бѣ паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды, въ будущіе вѣки. Великое сіе намѣреніе исполнить нѣтъ совсѣмъ иного способа. какъ завести „воспитательныя училища для обоюго пола дѣтей“. Существенную черту этихъ училищъ составляло то, что они должны бытъ училища закрытыя. Учащіеся отъ пятаго и шестаго года и до 18 и 20 лѣтъ должны безвыходно оставаться въ нихъ. „Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самыя близкіе сродники хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенныя дни, но не иначе, какъ въ самомъ училищѣ и то въ присутствіи ихъ начальниковъ. Ибо неоспоримо, что частое съ людьми безъ разбора обхожденіе внѣ и внѣ оного весьма вредительно“. Такимъ путемъ хотѣли создать въ училищахъ новую породу людей, свободную отъ прежнихъ предразсудковъ и пороковъ. Другую черту этихъ училищъ составляло то, что въ нихъ надъ ученіемъ должно было преобладать нравственное наставленіе. Тѣже начала высказываются и въ „Планѣ воспитательнаго дома для привосныхъ младенцевъ“. „Монархія чрезъ сіи учрежденія, говоритъ Бецкій въ докладѣ объ учрежденіи этого дома, предпріяла самыя пороки перемѣнить въ источникъ добродѣтели и отъ непорядочной жизни заблужденныхъ сердець счастливыя и похвальныя плоды произвестъ“... Цѣлью воспитательнаго дома было готовить людей, способныхъ служить отечеству дѣлами рукъ

своихъ въ различныхъ искусствахъ и ремеслахъ. Тѣхъ же воспитанниковъ, которые отличались особанными способностями, переводили для дальнѣйшаго образованія въ университетъ или академію художествъ. Замѣчательно разсужденіе о томъ, надобно ли дѣвочекъ учить тому же, что и мальчиковъ: „За первое предводительство, оказанное намъ, какъ изъ сѣбѣ выжили, за первую помощь, за первое пропитаніе, за первыя наставленія и за первую дружбу, которую въ жизни своей пользуемся, кому должны? Одному женскому полу. Но мы, „человѣки“, столь тщеславимся превосходствомъ въ крѣпости силъ своихъ, столь горды, столь упрямы и неправоудны, что и въ приобрѣтеніи наставленій, къ просвѣщенію разума потребныхъ, пренебрегаемъ такому полу, которому мы за все одолжены“.

На устройство училищъ и воспитаніе дѣтей Бецкій употребилъ всѣ свои силы и жертвовалъ своимъ состояніемъ, такъ что въ обществѣ его и называли— „Бецкій воспитатель дѣтскій“. „Мы зовемъ его дѣтскимъ магазиномъ“, писала о немъ Екатерина г-жѣ Жоффрэнъ. Въ училищахъ при смольномъ монастырѣ, академіи художествъ и кадетскомъ корпусѣ, онъ содержалъ нѣсколько дѣтей на своемъ издѣленіи и завѣщавъ этимъ училищамъ въ своей Духовной значительныя суммы. Въ память его заслугъ Сенатъ въ 1773 г. торжественно поднесъ ему золотую медаль съ портретомъ его ⁽¹⁾. Надо замѣтить, впрочемъ, что училища Бецкаго устроены были по образцу иностранныхъ воспитательныхъ домовъ; это подражаніе, равно какъ и вообще пристрастіе Бецкаго къ иностранному, не правилось нѣкоторымъ русскимъ людямъ, и они находили многое въ его учрежденіяхъ не серьезнымъ, не нужнымъ и даже вреднымъ. Выше ⁽²⁾ мы привели изъ Записокъ Порошина грубое замѣчаніе Сумарокова, который называлъ Бецкаго и Тауберта дураками за то, что они русскихъ дѣтей учатъ на иностранныхъ языкахъ. Въ другомъ мѣстѣ своихъ Записокъ Порошинъ говоритъ: „Никита Ивановичъ (Павинъ) ѣздилъ сего вечера въ воспитательное училище при Академіи Художествъ: тамъ были экзаменъ, или какія то пружки мнимаго Россійскаго Кольберта“. Въ извѣстной сатирѣ Омина (Сонъ) между прочимъ сказано: „Старуха моя завезла меня въ повозаведенное собраніе (Академія Художествъ), гдѣ разнымъ художествамъ разныхъ животныхъ обучали. Изъ нихъ многія были уже весьма искусны и умѣли ставить и зажигать плошки въ праздничные дни; многіе изъ нихъ учились быть комедіантами“. Объ-

⁽¹⁾ Я. К. Грота: Сочин. Державина 1,701—702; М. П. Сухомлинова Истор. Росс. Академіи IV, 222—223. ⁽²⁾ См. Отд. I, 243.

яняя разныя странности, старуха сказала: „Этого собранія главный членъ (Бецкій) чуждаго сложенія и дѣлаетъ учрежденія по своему вкусу; правда, что онъ родился въ здѣшнихъ лѣсахъ, однако своихъ животныхъ не любитъ и весьма пристрастенъ къ чужелѣснымъ“.... (1).

Народныя училища. По проекту Бецкаго закрытыя воспитательныя заведенія предполагено было устроить во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Россіи; но этотъ проектъ, по недостатку учителей и денежныхъ средствъ, не могъ быть исполненъ. Болѣе удобнымъ и болѣе цѣлесообразнымъ Екатерина нашла учредить открытыя „народныя училища“ (2). Современныя идеи о свободѣ и равенствѣ указывали на необходимость образованія „для всѣхъ и каждаго“, не исключая самыхъ низшихъ классовъ народа. Еще въ 1773 г., во время пріѣзда въ Петербургъ Дидро и Гримма, Екатерина разсуждала съ ними о заведеніи народныхъ училищъ, а въ „Учрежденіи о губерніяхъ“, обнародованномъ въ 1775 г. попеченіе объ ихъ устройствѣ возложено было на учрежденные тогда Приказы общественнаго призрѣнія. По ближайшимъ поводомъ и образцомъ для устройства такихъ училищъ послужили школы, заведенныя въ Австріи, по плану импер. Маріи Терезіи. По этому плану, училища въ Австріи раздѣлялись на малыя, или тривіальныя (отъ *trivium*, потому что въ нихъ обучали тремъ предметамъ: читать, писать и считать); главные, въ которыхъ преподавали геометрію, механику, архитектуру, естественныя науки, географію, исторію, сельское хозяйство и латинскій языкъ, и нормальныя, которыя должны были служить нормою, образцомъ для другихъ школъ и рассадникомъ для образованія будущихъ народныхъ учителей. Екатерина вздумала примѣнить этотъ планъ къ образованію въ Россіи и учредила особую училищную комиссію изъ сенатора П. В. Завадовскаго, академика Эпинуса и П. И. Пастухова; въ сотрудники къ нимъ былъ приглашенъ изъ Австріи бывший директоръ училищъ въ Темешварѣ Ф. И. Янковичъ де-Миріево. Янковичъ былъ православный сербъ (Миріево—село въ Сербіи, близъ Бѣлграда), зналъ русскій языкъ и былъ извѣстенъ хорошимъ руководствомъ для

(1) Ист. Росс. Соловьева. XXVI, 324—325; 334—335.

(2) Заботы Екатерины II о народномъ образованіи, по письмамъ къ Гримму. Я. К. Грота. 1879. Ист. Росс. Академіи М. И. Сухомлинова. IV, 242—248.—Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II. Изслѣдованіе графа Д. А. Толстаго. Спб. 1886. Записки Импер. Академіи Наукъ томъ LIV.

учителей православныхъ школъ въ Сербіи. Онъ явился главнымъ дѣятелемъ въ училищной комиссіи; имъ составленъ былъ планъ устройства народныхъ училищъ; ему принадлежалъ выборъ и переводъ нѣкоторыхъ иностранныхъ учебниковъ по разнымъ предметамъ. „Благополучнымъ быть, сказано было въ заявленіи Комиссіи, есть предметъ каждаго человѣка; отъ добраго воспитанія и руководства еще съ младыхъ лѣтъ жизнь каждаго гражданина, всё его склонности и дѣла, все вѣчное и временное благополучіе зависятъ. Государство обязано доставить каждому безъ изысканія гражданину воспитаніе, ибо не мѣстомъ рожденія, къ произволенію судебъ относящагося, государство доставляетъ гражданамъ своимъ благодѣяніе; но отечество обязываетъ къ себѣ благодарностію своихъ сыновъ чрезъ воспитаніе“. Училища, учрежденныя Комиссіею, назывались „народными“, потому что доступъ въ нихъ былъ открытъ „для всего народа“, безъ различія званія и происхожденія. По плану Комиссіи, предполагено было учредить училища трехъ родовъ: малыя, или „нижнія“, изъ двухъ классовъ; „среднія“ — изъ трехъ и „вышнія“ — изъ четырехъ. Въ нижнихъ училищахъ обучали грамотѣ и арифметикѣ, въ среднихъ преподавались: свая, исторія, русская грамматика, краткая всеобщая исторія, краткая географія; въ высшихъ: геометрія, архитектура, механика, физика, естественная исторія. Въ послѣдствіи удержались только училища перваго и послѣдняго разряда; заведенныя кое-гдѣ среднія училища обращены были въ нѣшнія. Въ первые два года возникли нѣшнія народныя училища въ Петербургѣ и другихъ городахъ петерб. губерній; въ Петербургѣ же явились два главныя народныя училища: одно русское, другое — нѣмецкое. Эти два заведенія должны были служить нормальными т. е. образцовыми для всѣхъ прочихъ. Въ 1786 г. послѣдовало открытіе главныхъ училищъ во многихъ губернскихъ городахъ Россіи. Наконецъ въ томъ же 1786 г. былъ составленъ и планъ основанія трехъ университетовъ — въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ; но время университетовъ наступило только уже въ царствованіе Александра I; при Екатеринѣ же изъ высшихъ ученыхъ заведеній было учреждено только одно — Россійская Академія, которая стараніями княгини Дашковой была открыта въ 1783 г. для составленія русскаго словаря, русскаго словаря, риторики и правилъ стихотворенія, и для обогащенія русскаго литературнаго произведенія краснорѣчія и поэзіи, посредствомъ переводовъ на русскій языкъ древнихъ и новыхъ писателей.

НАКАЗЪ ЕКАТЕРИНЫ II.

Наказъ Екатерины II ⁽¹⁾ имѣлъ такое же значеніе въ Екатерининскую эпоху, какое Духовный Регламентъ въ Петровскую эпоху. И потому, какъ Регламентъ мы поставили во главѣ Петровской литературы, такъ Наказъ долженъ быть поставленъ во главѣ всей Екатерининской литературы. Въ Наказѣ въ первый разъ были выражены тѣ идеи о законодательствѣ и управленіи, воспитаніи и образованіи, которыя составили основу и главное содержаніе всей русской литературы во вторую половину XVIII в.

Наказъ есть не что иное, какъ инструкция, данная Екатериной въ руководство Коммисіи, учрежденной въ 1766 г. для составленія новаго Уложенія. Въ манифестѣ о созваніи депутатовъ для этой Коммисіи (11 декабря 1766 г.) Екатерина говорила: „Наше первое желаніе есть видѣти нашъ народъ столь счастливымъ и довольнымъ сколь далеко человѣческое счастье и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться“; а въ концѣ Наказа, осуждая ласкателей, которые земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены, она объявила: „Однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа, и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ они быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и слѣд. больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы неисполнено: несчастье, до котораго я дожить не желаю“. И дѣйствительно, Екатерина приняла въ пособіе при составленіи Наказа все, что могла доставить современная наука о правѣ и законодательствѣ, такія сочиненія европейскихъ ученыхъ, которыя тогда считались послѣднимъ словомъ въ этой наукѣ. Въ отдѣлѣ о воспитаніи она руководствовалась сочиненіями Локка; въ отдѣлѣ о преступленіяхъ и наказаніяхъ сочиненіемъ итальянскаго ученаго Беккари; но главнымъ источ-

⁽¹⁾ Наказъ императр. Екатерины о сочиненіи проекта Новаго Уложенія Г. Елисеева. Отеч. Зап. 1868 г., январь, т. CLXXVI.—Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія Д. В. Полянова. Сборн. русск. истор. общества т. X.—Екатерининская коммисія 1767 — 69 г. П. Б. Блявва. Русск. Вѣстн. 1876.—Большая коммисія А. Брикнера. Журн. Мин. Нар. Просв. 1881. ч. CCXVII.—Ист. Россіи Соловьева томъ XXVII.—Коммисія уложенія П. К. Шибальскаго. Сборн. Ист. Общ. 1869. кн. X.—Подробное перечисленіе сочиненій о Коммисіи Уложенія сдѣлано М. А. Липинскимъ въ статьѣ: Новыя данныя для исторіи Екатерининской Коммисіи о сочиненіи Новаго Уложенія. Журн. М. Н. Пр. 1887; июнь; ч. CCLI.

никомъ для нея служилъ „Духъ законовъ“ Монтескьё, изъ котораго она брала такія большія заимствованія, что сама называла ихъ воровствомъ: „Вы увидите, писала она Даламберу, какъ для пользы своей имперіи я обобрала президента Монтескьё, не называя его: надѣюсь, что если съ того свѣта онъ видитъ мою работу, то проститъ мнѣ этотъ литературный грабежъ для блага 20 милліоновъ людей, какое изъ того должно послѣдовать. Онъ такъ любилъ человѣчество, что не будетъ формализировать; его книга—это мой молитвенникъ“. Но, заимствуя все лучшее изъ лучшихъ сочиненій, она имѣла въ виду приспособить все заимствованное къ установившейся въ Россіи формѣ государственнаго правленія, къ потребностямъ страны, къ духу и характеру русскаго народа.

Екатерина составляла Наказъ два года и сначала составляла тайно, года полтора никому не говоря, а потомъ стала показывать его по частямъ своимъ приближеннымъ, князю Орлову, графу Н. И. Панину и другимъ лицамъ. Изъ писателей она дала просмотрѣть Наказъ Сумарокову, который, однакожъ, оказался въ этомъ случаѣ ниже той репутаціи, какую онъ пріобрѣлъ своими литературными сочиненіями. Онъ придирчиво и мелочно возражалъ противъ разныхъ положеній Наказа и даже противъ составленія законовъ чрезъ выбранныхъ депутатовъ. „Большинство голосовъ, пишетъ онъ, истины не утверждаетъ, утверждаетъ мнѣніе великій разумъ и безпристрастіе“. Екатерина на это замѣтила: „большинство истины не утверждаетъ, а только показываетъ желаніе большинства“. Сумароковъ замѣтилъ: „вольность и коронѣ и народу больше приноситъ пользы, чѣмъ неволя, но своеволие еще неволи вреднѣе“. Екатерина на это отвѣтила, что о пользѣ вольности много у ней говорится въ Наказѣ, но нигдѣ нѣтъ похвалы своеволю. Сумароковъ замѣтилъ: „законовъ съ умствованіемъ народа соглашать не надобно, ибо у честныхъ людей все умствованіе—нагая истина, а законы предписываются борющимся истину“. Екатерина отвѣчала: „Есть законы, ведущіе къ добру, есть наказывающіе преступленія“. Особенно Сумароковъ возсталъ противъ мысли о свободѣ крѣпостныхъ людей. „Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя, говорилъ онъ; скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повиновающихся имъ крестьянъ, и будетъ ужасное несогласіе между помѣщикамъ и крестьянъ, ради усмиренія которыхъ потребны будутъ многіе полки; непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ („и бывають зарѣзаны отчасти отъ своихъ“, замѣтила Екатерина),

вотчины ихъ обратятся въ спасѣйшія имъ жилища, ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. Примѣчено, что помѣщики крестьянъ и крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низшій народъ никакихъ благородныхъ чувствъ не имѣетъ“ („имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ своемъ состояніи“, замѣтила Екатерина). Вѣроятно, послѣ подобныхъ возраженій, Екатерина къ Даламберу писала о своемъ Наказѣ: „Я зачеркнула, разорвала и сожгла больше половины; и Богъ вѣсть, что станетъ съ остальнымъ“. Когда депутаты съѣхались въ Москву, императрица предварительно назначила нѣсколько лицъ „весьма разномыслящихъ“, дабы выслушать приготовленный Наказъ. Тутъ при каждой статьѣ поднялись пренія. Императрица дала имъ чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что было написано ею, помарали и остался Наказъ „яко оный напечатанъ“. Особенно много было вымарано изъ статьи о крѣпостныхъ крестьянахъ, какъ это показывать дошедшій до насъ отрывокъ изъ черновой рукописи Наказа ⁽¹⁾. Вопросъ о крѣпостныхъ крестьянахъ и въ самой Комиссіи произвелъ всего больше шуму. Въ Комиссіи не только не отказались отъ права владѣть крестьянами дворяне, но даже желали оставить это право исключительно за собою; кромѣ того потребовали этого права и другія сословія, потребовали кунцы, казаки и наконецъ духовенство. Освобожденію крестьянъ, какъ сейчасъ указано, не могъ переварить даже такой либеральный по тому времени писатель, какъ Сумароковъ, проводившій въ своихъ сочиненіяхъ разныя гуманныя идеи XVIII в. и громко возстававшій противъ всякаго рода обидъ и несправедливостей.

Въ сокращенномъ видѣ Наказъ былъ напечатанъ въ 1767 г. При появленіи своемъ и въ этомъ видѣ онъ вызвалъ всеобщее одобреніе. Въ Европѣ его называли торжествомъ разсудка и человѣколюбія. Фридрихъ II, по полученіи его, писалъ Екатеринѣ: „Древніе греки, которые были хорошими цѣнителями заслугъ, обоготворяли великихъ людей, предоставляя первое мѣсто законодателямъ, которыхъ считали истинными благодѣтелями рода человѣческаго: они помѣстили бы Ваше Величество между Ликургомъ и Солономъ. Признаюсь, я былъ восхищенъ не только правилами человѣколюбія и кротости, о чемъ вѣщаютъ эти законы, но также порядкомъ, связностію мыслей, великою ясностію и точностію въ выраженіяхъ, господствующими въ этомъ твореніи, и обширными свѣдѣніями, содержащимися въ немъ“.

(1) Ист. Россіи Соловьева XXVII, 37—39; 79—83.

Наказъ состоитъ изъ XX главъ, къ которымъ Екатерина присоединила еще двѣ главы XXI и XXII и начертаніе о введеніи къ окончанію Коммисіи о составленіи проекта новаго Уложенія ⁽¹⁾. Основными идеями современныхъ законодательныхъ и политическихъ сочиненій въ Европѣ были идеи равенства, братства и свободы. Поэтому въ Наказѣ Екатерина прежде всего опредѣляетъ, въ чемъ должна состоять „свобода“ въ государствѣ самодержавномъ, и какъ надобно понимать „равенство между людьми“. Въ V главѣ: „о состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ“, говорится: „Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ (§ 34). Сіе равенство требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стѣжаніе имѣющихъ; и обращаться себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученныя имъ только какъ правительствующимъ особамъ государства (§ 35). Общественная или государственная вольность не въ томъ состоитъ, чтобы дѣлать все, что кому угодно (§ 36). Въ государствѣ т. е. въ собраніи людей, обществомъ живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобъ не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно (§ 37). Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представить: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ; и ежели бы гдѣ какій гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было; ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть (§ 38). Государственная вольность въ гражданѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностью: и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такому, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялися бы всѣ однихъ законовъ (§ 39). Въ VI главѣ „о законахъ вообще“ опредѣляется назначеніе законовъ и основной ихъ характеръ, зообразно съ ихъ назначеніемъ, и обязанности и цѣль законодателя. „Ничего не должно запрещать законами кромѣ того, что можетъ быть вредно или каждому особенно, или всему обществу (§ 41). Всѣ дѣйствія, ничего въ себѣ такого не заключающія, ни мало не подлежатъ законамъ, которые не съ инымъ намѣреніемъ установлены, какъ только, чтобы сдѣлать самое большое спокойствіе и пользу людямъ, подъ сими

(1) Въ началѣ Наказа обыкновенно печатаются манифестъ и указъ Сенату о составленіи Коммисіи и особое положеніе, какъ должна составить, открыться и дѣйствовать Коммисія.

законами живущимъ (§ 42). Законоположеніе должно примѣнять къ народному умствованію. Мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, непринужденно и слѣдую природной нашей склонности (§ 57). Законы суть особенныя и точныя постановленія законоположника, а нравы и обычаи суть установленія всего вообще народа (§ 59). Итакъ, когда надобно сдѣлать перемѣну въ народѣ великую, къ великому опаго добру, надлежитъ законами то исправляти, что учреждено законами, и то перемѣнять обычаями, что обычаями введено. Искѣма худая та политика, которая передѣлываетъ то законами, что надлежитъ перемѣнять обычаями“ (§ 60). Чтобы установленныя законы сохранялись и исполнялись, нужны наказанія для нарушителей. Поэтому въ VI, VII, VIII, IX и X главахъ говорится „О наказаніяхъ“. Всѣ правила, въ нихъ излагаемыя, отличаются духомъ особенной гуманности. „Не столько потщатся наказывать преступленія, какъ предупреждать оныя; и приложить должно болѣе старанія къ тому, чтобы вселить узаконеніями добрыя нравы во гражданъ, нежели привести духъ ихъ въ уныніе казнями (§ 83). Искусство научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько-же поражается, какъ во другихъ мѣстахъ жестокими (§ 85). Не надобно вести людей путями самыми крайними, надлежитъ съ бережливостію употребити средства, естественномъ намъ подаваемыя, для препровожденія оныхъ къ намѣреваемому концу (§ 87). Испытайте со вниманіемъ вину всѣхъ послабленій; увидите, что она происходитъ отъ ненаказанія преступленій, а не отъ умѣренности наказаній. Послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ, вмѣсто бича, и пускай самая большая часть наказанія будетъ безчестіе, въ претерпѣніи наказанія заключающееся (§ 88). Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію; само челоуѣчество вопіетъ противъ оныя и требуетъ, чтобы она была вовсе уничтожена (§ 123)“. Самые законы о наказаніяхъ изложены подробно и съ особенною внимательностію. При этомъ указаны нравственныя и соціальныя основанія для наказаній. Вопросъ напр., на какомъ основаніи утверждается право наказывать людей, рѣшается такимъ образомъ: „Законы можно назвать способами, коими люди соединяются и сохраняются въ обществѣ и безъ которыхъ бы общество разрушилось (§ 145). Но не довольно было установити сіи способы, кои сдѣланы залогомъ; надлежало и предохранить оный: наказанія установлены на нарушителей (§ 146). Всякое наказаніе несправедливо, какъ скоро оно не надобное для сохраненія въ цѣлости его залога“ (§ 147). О смертной казни сказано: „смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть потребна, сирѣчь: когда онъ, лишенъ будучи вольности,

имѣть еще способъ и силу, могущую возмутить народное спокойство (§ 210). Самое надежнѣйшее обузданіе отъ преступленийъ есть не строгость наказанія, но когда люди подлинно знаютъ, что преступающій законы непремѣнно будетъ наказанъ (§ 222). Сдѣлайте, чтобы люди боялися законовъ и никого бы кромѣ ихъ не боялися (§ 244). Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми (§ 245). Наконецъ самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими, есть приведеніе въ совершенство воспитанія (§ 248). О воспитаніи говорится въ XIV главѣ. „Правила воспитанія суть первыя основанія, приуготовляющія насъ быть гражданами (§ 348). Должно вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и приучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждати въ нихъ охоту къ трудолюбію и чтобы они страшилися праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія, научати пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзвованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домогостренительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въ ономъ есть полезнаго; отвращать ихъ отъ мотовства; особливо же вкореняти въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ, какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ: однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми во свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ“ (§ 356). Въ другихъ главахъ Наказа интересны правила въ XVI главѣ „О среднемъ родѣ людей“, который, по примѣру Европы, Екатерина захотѣла создать въ Россіи. „Къ сему роду людей причеть должно всѣхъ тѣхъ, кои, не бывъ дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ (§ 380). Сверхъ того всѣхъ тѣхъ, кои выходятъ будутъ, не бывъ дворянами, изъ всѣхъ нами и предками нашими учрежденныхъ училищъ и воспитательныхъ домовъ, какого бы тѣ училища званія ни были, духовныя или свѣтскія (§ 381). Такъ же приказныхъ людей дѣтей“ (§ 382). Въ XX главѣ „о вѣротерпимости“: „Въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ, запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ (§ 494). Гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковѣйшыя сердца, и отводитъ ихъ отъ заматерѣлаго упорства, уту-

шая споры ихъ, противныя тишинѣ государства и соединенію гражданъ“ (§ 496). Наконецъ „о признакахъ близкаго паденія государства“. „Поврежденіе всякаго правленія начинается почти всегда съ поврежденія начальныхъ своихъ основаній (§ 502). Начальное основаніе правленія не только тогда повреждается, когда погасаетъ то умоначертаніе государственное, закономъ во всякомъ изъ нихъ впечатлѣнное, которое можно назвать равенствомъ, предписаннымъ законами. но и тогда еще, когда вкоренится умствованіе равенства до самой крайности дошедшаго и когда всякъ хочетъ быть равнымъ тому, который закономъ учрежденъ быть надъ нимъ начальникомъ (§ 503). Ежели не оказываютъ почтенія Государю, правительствамъ, начальствующимъ, если не почитаютъ старыхъ, не станутъ почитать ни отцовъ, ни матерей, ни господъ; и государство нечувствительно безпривременно падетъ“ (§ 504).

Какъ предварительныя, приведенныя нами выше сужденія о Наказѣ избранныхъ Екатериною лицъ, такъ и отношенія къ его положеніямъ русскихъ выборныхъ людей въ Коммисіи и судьба самой Коммисіи показываютъ, что для высшихъ идей Наказа вообще почва въ Россіи въ это время была еще не готова. „Должно признаться чистосердечно, говорить въ своихъ запискахъ А. И. Бибиковъ о коммисіи Уложенія, предпріятіе сіе было рановременно, и умы большей части депутатовъ не были еще къ сему приготовлены и весьма далеки отъ тѣхъ степеней просвѣщенія и знанія, которыя требовались къ столь важному ихъ дѣлу“. При всемъ томъ идеи Наказа не уничтожились, а сдѣлались навсегда достояніемъ русской мысли. Наказъ не получилъ силы закона; но имъ стали руководствоваться при разныхъ вопросахъ. „Я запретила, говорить Екатерина, на оный наказъ взирать, какъ единственно онъ есть т. е. правила, на которыхъ основать можно мнѣніе, но не яко законъ, и для того по дѣламъ не выписывать яко законъ, но мнѣніе основать на ономъ дозволено“. Нѣкоторыя положенія Наказа, впрочемъ, вошли въ отдѣльныя учрежденія, какъ напр. воспитательныя. Но всего важнѣе было то, что идеи Наказа стали выражаться въ произведеніяхъ литературы и прежде всего въ сочиненіяхъ самой императрицы.

СОЧИНЕНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

Постоянное съ малыхъ лѣтъ чтеніе книгъ развило въ Екатеринѣ страсть къ книжнымъ занятіямъ и наклонность къ авторству. Въ теченіе всей своей жизни, не смотря на всѣ трудности и заботы государственнаго управленія, она сохранила обыкнове-

ніе каждый день утромъ отъ 7 до 9 часовъ и вечеромъ по нѣскольку часовъ заниматься въ своей библіотекѣ чтеніемъ и письмомъ. „Я не могу видѣть чистаго пера, писала она однажды къ Гримму, безъ того, чтобы не пришла мнѣ охота обмакнуть оного въ чернила; буде же еще къ тому лежитъ на столѣ бумага, то, конечно, рука моя очутится съ перомъ на этой бумагѣ“. Обычаи вѣка и потребности ея положенія должны были усилить эту склонность и дать ей опредѣленное направленіе. Философскій вѣкъ такъ высоко подвѣлъ просвѣщеніе, что имя человека просвѣщеннаго, философа и писателя ставилось выше славы завоевателя и политическаго реформатора. Литература сдѣлалась главнымъ органомъ для проведенія новыхъ идей въ общество и получила могущественное значеніе и въ области государственной, стала необходимымъ орудіемъ разныхъ преобразованій. Къ ней обращались все современные европейскіе правители и реформаторы; къ ней же, естественно, должна была обратиться и Екатерина, чтобы познакомить русское общество съ европейскимъ просвѣщеніемъ и произвести въ духѣ этого просвѣщенія разныя реформы.

Участіе Екатерины въ литературѣ прежде всего выразилось во „Всеякой Всячинѣ“, журналѣ, который издавалъ, подъ ея руководствомъ, ея кабинетъ-секретарь Григорій Васильевичъ Козицкій въ 1769 - 1770. Со времени прекращенія „Всеякой Всячины“ Екатерина писала преимущественно комедіи и оперы. Къ 1782—84 г. относится ея педагогическія сочиненія. Въ 1783 г. она печатала сатирическія статьи „Были и Нбылицы“ въ Собесѣдникѣ Россійскаго слова. Участіе въ научной дѣятельности выразилось въ ея занятіяхъ по языкознанію и русской исторіи. Кромѣ того, она вела постоянно обширную переписку съ разными лицами; большая часть этой переписки имѣетъ также литературный характеръ ⁽¹⁾.

Педагогическія сочиненія Екатерины. Педагогическія сочиненія написаны Екатериной для руководства при воспитаніи внуковъ, великихъ князей, Александра и Константина Павловичей; поэтому она и называла ихъ александро-константиновской библіотекой. Но, написанныя, съ такою частною цѣлю, они получили общее педагогическое значеніе для всего народа. Известно, что Екатерина сама съ особенною заботливостію воспитывала своихъ внуковъ; она написала для нихъ: „Начальную

⁽¹⁾ Екатерина II, какъ писательница. П. К. Щербальскаго. Заря 1869; кн. 2—3, 5—6, 8—9; 1870; кн. 3, 6—7.

азбуку съ гражданскимъ ученіемъ“; „Выборныя російскія пословицы“; „Записки“, содержащія въ себѣ разные разговоры и рассказы и двѣ сказки— „О царевичѣ Хлорѣ и царевичѣ Февсѣ“. Когда же настало время перелать въ своихъ рукъ подъ руководство учителей, то она составила „Инструкцію“, для главнаго воспитателя ихъ, графа Н. И. Салтыкова. Въ этой инструкціи выразились какъ общая педагогическая система, образовавшаяся въ Екатеринѣ подъ вліяніемъ сочиненій Монтеня, Локка, Руссо и Базедова, такъ и тѣ начала, которыми она руководилась при составленіи указанныхъ педагогическихъ сочиненій. Поэтому она должна быть поставлена во главѣ этихъ сочиненій.

Инструкція Екатерины къ Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей. Основными положеніями „Инструкціи“ служатъ: свобода развитія, безъ всякихъ припудительныхъ мѣръ, и самостоятельное образованіе, посредствомъ упражненія, или самодѣятельность. Воспитатель долженъ быть только помощникомъ и руководителемъ воспитанника, облегчающимъ для него эту самодѣятельность. „Здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру, говоритъ Екатерина въ своемъ указѣ, приложенномъ къ „Инструкціи“, составляютъ все воспитаніе“. Поэтому все правила и наставленія въ „Инструкціи“ касаются 1) сохраненія и укрѣпленія здоровья воспитанниковъ и 2) ихъ нравственнаго развитія. Для сохраненія и укрѣпленія здоровья предписывается соблюдать простоту и умеренность во всемъ— въ одеждѣ, пищѣ, снѣ, играхъ и проч.; „чтобы платье было какъ можно простѣе и легче“; „пища и питіе да будутъ простыя и просто приготовленныя, безъ пряныхъ зелій и такихъ корней, кои кровь горячатъ, и безъ многой соли“; чтобы спали не мягко, но на тюфякахъ, а отнюдь не на перинахъ“; поощрять нужно ко всякому движенію и игрѣ, ибо движеніе даетъ тѣлу и уму силы и здоровье“. Что касается „умонаклоненія къ добру“, или нравственнаго воспитанія, то идеаломъ этого воспитанія представляется доброе сердце, тихій нравъ, учтивость въ обхожденіи, снисхожденіе ко всѣмъ людямъ. „Главное достоинство наставленія дѣтей, говоритъ она, должно состоять въ любви къ ближнему, въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благодарномъ сердцѣ... чтобы вкоренялась въ душахъ справедливость, которая состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать законами запрещеннаго, въ любви къ истинѣ, въ щедрости, воздержаніи, въ умѣ, основанномъ на размысленіи, въ здравомъ о вещахъ понятіи и разсужденіи, совокупленномъ съ трудолюбі-

емъ". — „Хвалы, даваемые хорошему поведенію, хулы и пренебреженія, хулы достойному, суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе. Въ награжденіи добрыхъ дѣлъ и представитъ дѣтямъ надлежитъ честь, доброе имя и славу, а за дурныя дѣла стыдъ и поношеніе. Никакое наказаніе обыкновенно дѣтямъ полезно быть не можетъ, буде не соединено со стыдомъ, что учинили дурно“ (1). Такое „умонаклоненіе къ добру“, согласно съ идеями вѣка, ставится прежде и выше ученія. „Языки и знанія суть меньшая часть воспитанія ихъ Высочествъ. Добродѣтели и добронравіе, состоянію и рожденію ихъ приличныя, должны составлять главнѣйшую часть ихъ наставленія. Когда добродѣтели и добронравіе вкоренятся въ душахъ дѣтей, все прочее придетъ ко времени“. Что касается самаго ученія, то здѣсь интересны слѣдующія наставленія: „Привлекать любопытство дѣтей къ ученію ласкою, а не принужденіемъ; искусство учителей будетъ состоять въ томъ, чтобы всякую науку и ученіе облегчать ученикамъ, koliko возможно“; между предметами ученія указавы: „географія (начавъ съ Россіи), астрономія, хронологія, математика, потомъ исторія, правовѣденіе, правила закона гражданскаго, древность, міеологія, генеалогія, о Россіи и ея производствѣхъ, физика и исторія художествъ“... „выршамъ и музыкѣ учить не для чего, тѣмъ и другимъ много времени теряется, дабы достигнуть искусства“. Замѣчательно, что Екатерина настаиваетъ съ особенною силою на русскомъ образованіи. „Русское письмо и языкъ, надлежитъ стараться, чтобы знали, какъ можно лучше“: „предписывается отъ 11 до 15 лѣтъ употребить по нѣскольку часовъ для спознанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ. Сіе знаніе столь важно для ихъ Высочествъ и для самой имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно“... „Исторію російскую имъ знать нужно, и для нихъ она сочиняется“ (2).

Гражданское начальное ученіе. Въ маѣ (14) 1780 г. Екатерина писала Гриму изъ Пскова: „Вотъ уже два мѣсяца, какъ я, продолжая законодательствовать, начала составлять для казавы и въ пользу г. Александра маленькую азбучку изреченій, которая constantъ за себя. Вѣѣ, видѣвшіе ее, отзываются о ней хорошо и прибазляютъ, что это полезно не для однихъ дѣтей, но и для взрослыхъ“. Въ юнѣ (25) слѣдующаго 1781 г. она

(1) Сочин. Екатерины. Изд. Смирдина. Спб. 1849. 1, 208—209; 215—216.

(2) Тамъ же, 223—232.

писала: „Изъ александровой азбуки мы извлекли то, что пригодно ко всеобщему употребленію и теперь --это русская азбука. Этой азбуки въ двѣ ведѣли продано здѣсь въ городѣ 20,000 экземпляровъ; она сдѣлается базкой повитухой всѣхъ нашихъ будущихъ головъ“ (1). Екатерина не напрасно прилагала такую важность этой книгѣ. Гражданское начальное ученіе должно было получить такое же значеніе, какое имѣло „Ученіе отрокомъ въ Петровскую эпоху. Ученіе отрокомъ давало первоначальное религіозно-нравственное образованіе человѣку, какъ христіанину; гражданское начальное ученіе должно было служить руководствомъ и учебникомъ къ воспитанію честныхъ и полезныхъ гражданъ, какими они должны быть по идеямъ „Наказа“. Въ него и внесено много правилъ прямо изъ „Наказа“. Таковы напр.: „Всякъ въ обществѣ живущій подверженъ общественнымъ законамъ“; „добрые законы направляютъ дѣйствія гражданъ къ добру“; „равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ“; „вольность есть право все то дѣлать, что законы позволяютъ“; „законы можно назвать способами, какими люди соединяются и сохраняются въ обществѣ, и безъ которыхъ бы общество разрушилось“. Въ 88 правилѣ находится вопросъ: „что есть гражданинъ?“ съ отвѣтомъ: „добрый гражданинъ есть тотъ, который выполняетъ съ точностію всѣ гражданскія обязательства, домашнія яко сынъ, яко братъ, яко мужъ, яко отецъ, яко получающій услуги, или яко отправляющій служеніе по состоянію, въ которомъ находится; общественныя, яко въ обществѣ живущій, и дружескія, яко другъ и добрый сосѣдъ“. Такимъ обр., еще въ дѣтихъ, съ младыхъ лѣтъ, Екатерина хотѣла вкоренить въ поданныхъ своихъ чувство законности и долга. Къ управленію дома служить радѣніе и умѣренность. Къ соблюденію рода хорошее воспитаніе. Къ житію въ домѣ миръ и согласіе. Къ возвышенію житіе добродѣтельное. Въ 98 правилѣ указываются качества и обязанности доброй хозяйки: „Доброй хозяйки должностъ есть: быть тихой, скромной, постоянной, осторожной; къ Богу усердной; къ свекру и свекрови почтительной; съ мужемъ обходиться любовно и благочинно, малыхъ дѣтей приучать къ справедливости и любви къ ближнему; слугъ и служанокъ содержать милостиво; предъ родственниками и свойственниками быть учтливой, добрыя рѣчи слушать охотно, лжи и лукавства гнушаться; не быть праздною, но радѣтельной на всякое издѣліе и бережливой въ расходахъ.... Искусенъ человекъ

---

(1) Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ Я. К. Гроза, стр. 96. 98.

тотъ, у котораго въ домѣ все живутъ хорошо и спокойно безъ ябедъ и наговоровъ, по въ приличномъ надзираніи“. Таковы основныя правила Екатрининскаго Домостроя. Далѣе опредѣляются разныя добрыя качества человѣка, а равно и пороки. При этомъ приводятся пословицы, замѣчательныя изреченія людей древности, наставленія философовъ, поэтовъ и ораторовъ, помѣщаются историческіе примѣры и анекдоты. Больше и настойчивѣе всего внушаются ученіе и трудолюбіе. „Естественно человѣкъ съ человѣкомъ разнится мало; по ученію человѣкъ съ человѣкомъ разнится много. Всякое дитя рождается неученымъ. Долгъ родителей есть дать дѣтмъ ученіе. Ученіе въ щастіи человѣка украшаетъ, въ несчастіи служитъ приближащемъ. Книги суть зеркало: хотя и не говорятъ, всякому вину и пороку объявляютъ. Лучше все въѣкъ учиться, нежели пребыть незнающимъ. Трудъ преодолевается трудомъ. Пословица говоритъ: на Бога надѣйся, по самъ не плошай. Здравый разумъ и добрая воля много добрыхъ дѣлъ производить. Главными добродѣтелями, всего болѣе необходимыми въ обществѣ, считаются честность и прямота, снисходительность, дружелюбіе и учтивое обхожденіе“.

Выборныя русскія пословицы. Это небольшой сборникъ пословицъ, подобранныхъ съ тою же цѣлію и на тѣже темы объ обязанностяхъ человѣка-гражданина, о необходимости ученія и труда, какія развиваются въ „Начальномъ Гражданскомъ Ученіи: „Аще царство раздѣлится, скоро раззорится. Всегда новизна, да рѣдко правизна. Все законы писать, когда ихъ не исполнять. Въ немъ же призванъ, въ немъ и пребывай. Красна пава перьями, а человѣкъ ученіемъ. Кто безчинно поступаетъ, тотъ многимъ досаждастъ. Кто собою не управитъ, тотъ и другихъ на разумъ не наставитъ. Незнайка и Бога прогнѣвываетъ. Тому будетъ всегда счастливо, кто начетъ не лѣново. Труды человѣка кормятъ, а лѣнь портитъ. Умѣлъ дитя родитъ, умѣй и научить. Ученіе свѣтъ, а неученье тьма. Ученіе въ щастіи красота, а въ несчастіи приближище“. Екатерина очень хорошо понимала въ дѣлѣ воспитанія важность пословицъ, какъ лучшаго выраженія характера и мудрости народа. Кромѣ этого сборника, она поручила Бартоломію собрать и напечатать все русскія пословицы отдѣльной книгой. Часть ихъ она послала въ переводѣ къ Гриму: „Увѣряю васъ, писала она ему, что не только эти пословицы, для васъ переведенныя, которыя я вамъ послала, существовали первоначально по русски, но все онѣ безъ исключенія извлечены изъ книги, написанной по русски, въ которой ихъ заключаются четыре тысячи съ нѣсколькими сотнями. Стало быть, тамъ еще очень много такихъ же прекрасныхъ“. Въ своихъ письмахъ

она очень часто, желая доказать какую нибудь истину, опирается на русскія пословицы. „Если бы покойный Санхо, замѣчаетъ она, зналъ русскій языкъ, онъ нашелъ бы въ немъ столько пословицъ, что прибавилось бы еще нѣсколько книжекъ къ тѣмъ шести, въ которыхъ заключается жизнеописаніе знаменитаго Донъ Кихота и его конюшаго, (Санхо-Пансы¹⁾). Такой же характеръ педагогическаго сборника имѣютъ и записки Екатерины, содержащія разные краткіе рассказы и разговоры.

Аллегорическія сказки о царевичѣ Февей и царевичѣ Хлорѣ. Царевичъ Февей — рассказывается въ первой сказкѣ, — прозванный за красоту „краснымъ солнышкомъ“, былъ сынъ одного умнаго и добродѣтельнаго сибирскаго царя Тао-зу, который „подданныхъ своихъ любилъ, какъ отецъ дѣтей любитъ“. Въ сказкѣ изображается воспитаніе этого Февей, по началамъ простоты, естественности и благоразумія. Февей „не целовали, не кутали, не баюкали, не качали никакъ и никогда. Забавляли его „игрушками отборными, которыя давали ему познаніе всего того, что его окружало въ свѣтѣ семь и его понятію дѣтскому сходственно было“. Въ болѣзнь его пріучали быть терпѣливымъ. „Самъ собою онъ безъ принужденія выучился читать, писать и цыфрѣ. Любимыя его игрушки были тѣ, чрезъ кои онъ получалъ умноженіе знанія. Царевичъ имѣлъ доброе сердце, былъ жалостливъ, щедръ, послушливъ, благодаренъ, почитателенъ въ родителямъ и приставникамъ своимъ; онъ былъ учтивъ, привѣтливъ и съ добродѣтельствомъ ко всѣмъ людямъ, не спорливъ, не упрямъ, не боизливъ, повиновался всегда и безъ истинъ и зрявому разуму, любилъ говорить и слушать правду, лжи не гнушался; даже и въ шуткахъ не употреблялъ“. Особенно Февей не любилъ „ласкательствъ“. „Не дайте, говорили онъ своимъ приставамъ, душѣ моеѣ возгнаться никогда, и для того ежедневно, какъ пробужусь отъ сна поновою, скажите вы мнѣ рѣчь сію: Февей, вставай съ одра и помни во весь день, что ты еси человѣкъ такой же, какъ и мы“. Плодомъ такого благоразумнаго воспитанія была добродѣтельная и счастливая жизнь. Выросши, царевичъ женился и имѣлъ дѣтокъ весьма похожихъ на него, бѣдиль въ разныхъ мѣстахъ и землѣ, прожилъ до глубокой старости и вынѣ славенъ въ народѣ томъ, гдѣ онъ былъ“⁽²⁾ — Сказка о царевичѣ Хлорѣ. Царевичъ Хлоръ, сынъ одного кievскаго царя, жившаго еще до времени Кіа, былъ похищенъ какимъ-то Киргизскимъ Ханомъ.

⁽¹⁾ Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ Я. К. Грота, 250—251. — ⁽²⁾ Сочин. I, 261—278.

Желая испытать умъ Хлора, которымъ онъ славился, Ханъ заставилъ его найти „розу безъ шиповъ“. Царевичъ отправился на поиски. На дорогѣ встрѣтила его дочь хана, царица Фелица, которая дала ему нѣсколько благоразумныхъ совѣтовъ: „встрѣтишься съ людьми, сказала она ему, весьма пріятнаго обхожденія, кои стараться будутъ тебѣ угостить итти съ ними, пascажуть тебѣ веселій множество... не вѣрь имъ. лгутъ, веселья ихъ мнимыя и сопряжены съ множествомъ скуки.. Потомъ пойдешь въ лѣсъ, тутъ найдешь лѣсныхъ людей, кои всячески стараться будутъ пріятными разговорами отвести тебѣ отъ истиннаго пути, но ты не забудь, что тебѣ единый цвѣтокъ, розу безъ шиповъ, искать надлежитъ“. Наконецъ она обѣщалась послать къ нему на помощь своего сына. Дѣйствительно, во время отысканія розы, Хлоръ подвергается разнымъ искушеніямъ, и между прочимъ его завываетъ въ избу свою Мурза Лентяй, чтобы соблазнами отвлечь его отъ цѣли; во время пути онъ увидѣлъ предъ собою множество дорогъ, „нѣкоторыя прямо лежащія, нѣкоторыя съ кривизнами, нѣкоторыя перепутанныя, и не зналъ, куда идти, — но вдругъ явился передъ нимъ юноша. Это и былъ сынъ Фелицы, посланный къ нему на помощь. Съ помощью его Хлоръ преодолевалъ всѣ трудности и наметъ гору, на которой росла роза безъ шиповъ. Подъемъ на гору по узкой и каменистой тропинкѣ былъ труденъ. Но Хлору помогли изобразить и чистоту розу встрѣтившіеся ему старикъ и старуха, въ бѣломъ платѣ. Смыслъ сказки такой. Подъ Фелицей разумѣется счастье, подъ сыномъ ея юношей — разсудокъ, подъ старикомъ и старухой — честность и правда, а подъ розой безъ шиповъ — добродѣтель. „Слыхалъ я, сказала юноша Хлору, толкованіе розы безъ шиповъ, которая не колется, отъ нашего учителя; сей цвѣтокъ не что иное значитъ, какъ добродѣтель; нѣмцы думаютъ достигнуть косыми дорогами, но никто не достигнетъ окромѣ прямою дорогою; счастливъ же тотъ, который чистосердечно твердостью преодолеваетъ всѣ трудности того пути“. Когда Хлоръ принесъ Хану розу безъ шиповъ, Ханъ возвратилъ его къ родителямъ⁽¹⁾.

Драматическія сочиненія Екатерины⁽²⁾ составляютъ самую выдающуюся сторону въ ея литературной дѣятельности. Екатерина любила писать особенно комедіи и оперы и съ 1782 до 1790 г. написала до 30 пьесъ, изъ коихъ однакоже дошли до насъ толь-

---

(1) Соч. т. I, стр. 281—296.—(2) Драматическія и правоописательныя сочиненія Екатерины П. П. К. Щербальскаго. Русск. Вѣстн. 1871; кн. 5—6.

ко 11 комедій, 7 оперъ и 5 пословицъ. Въ сочиненіи нѣкоторыхъ изъ нихъ принимали участіе разные приближенные придворныя лица, составлявшія ея избранный кружокъ. Это особенно надобно сказать о пьесахъ, содержащихъ въ себѣ стихи, писать которые Екатерина не умѣла да и не любила. Большую часть стиховъ, арій и хоровъ къ операмъ и комедіямъ составлялъ ея кабинетъ—секретарь А. В. Храповицкій, который и вообще занимался перепиской и даже исправленіемъ ея драматическихъ сочиненій. Нѣкоторыя пьесы сначала были написаны Екатериною на французскомъ языкѣ, а потомъ уже были переведены на русскій.—Какъ педагогическія сочиненія Екатерины написаны были прежде съ частною цѣлю, для паставленія внуковъ, а потомъ получили общее воспитательное значеніе для всего народа, такъ и драматическія сочиненія писались сначала для представленія при дворѣ, и давались на эрмитажномъ театрѣ, а отсюда были уже перенесены на публичную сцену въ общественныхъ театрахъ. Вотъ какъ Екатерина сама объясняетъ цѣль и назначеніе своихъ драмъ, комедій и оперъ въ своихъ письмахъ къ Гримму: „Если вы меня спросите, зачѣмъ я пишу столько комедій, я отвѣчу вамъ, какъ и Пинсъ (Pins): по многимъ причинамъ. Во первыхъ потому, что это меня забавляетъ; во вторыхъ потому, что я желала бы поднять національный театръ, который, за непмѣннѣмъ новыхъ пьесъ, находится въ нѣкоторомъ пренебреженіи; въ третьихъ потому, что слѣдовало хорошенько потормозить духовидцевъ (т. е. масоновъ), которые начинаютъ подымать насъ. Теперь они опять вырнули покрытые стыдомъ“.—„Я утверждаю, говоритъ она въ другомъ письмѣ о своихъ комедіяхъ, что онѣ все таки довольно хороши тамъ, гдѣ нѣтъ лучшихъ, и такъ какъ ихъ все бѣгали смотрѣть и хохотали, и такъ какъ онѣ пріостановили сектаторское возбужденіе, значить это такія пьесы, которыя, не смотря на свои недостатки, имѣли успѣхъ самый желанный. Пусть напишетъ кто можетъ лучше, и когда этотъ человѣкъ отыщется, мы болѣе не будемъ писать, но будемъ забавляться его пьесами“⁽¹⁾.—Екатерина проводитъ въ комедіяхъ свои гуманныя идеи, объясняетъ и защищаетъ свои реформы, осмѣиваетъ какъ старыя грубыя суевѣрія и пороки, такъ и новую грубость и нечѣжество, прикрываемыя лоскомъ французской образованности, пристрастное увлеченіе всѣмъ иностраннымъ, съ презрѣніемъ ко всему отечественному. Не имѣя серьезнаго художественнаго значенія, онѣ отличаются веселостію, составлявшею отли-

---

⁽¹⁾ Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ, К. Я. Грота 252—253; 256.

читательную черту въ характерѣ царственной писательницы, и легкостію языка, приближающуюся къ простой разговорной рѣчи. Лучшими комедіями Екатерины считаются комедіи „О время“ и „Имарины гжи Ворчалкиной“

Въ комедіи „О время“ (1772 г.) изображаются современные нравы русскіе. Рамкою, въ которую вставлено это изображеніе служить женитьба Молокососова на Христинѣ, которую устроиваетъ Непустовъ. Интересъ пьесы сосредоточивается на трехъ лицахъ, изображающихъ современные недостатки Халиахиной, Чулихиной и Вѣстниковой. Какъ презвищемъ, такъ и характеромъ, Халиахина напоминаетъ ханжу Крѣпота Кантемира и служить продолженіемъ этого типа, а съ другой стороны она является предшественницей г-жи Преставовой Фопъ-Визина. Ханжахина заражена суевѣріемъ и суесуетственностью, молится и показываетъ притворное наружное благочестіе, но о добродѣтеляхъ ея никто не слышалъ. „Иногда у насъ, говоритъ ея служанка Мавра, обыкновенныя службы, иногда чтеніе Милей-честій, а иногда, покинувъ чтеніе, барыня извоитъ проповѣдывать намъ о молитвѣ, воздержаніи и постѣ... О постѣ и воздержаніи она твердитъ вѣѣмъ людямъ весьма часто, а особенно при раздачѣ мѣсячнымъ и указнаго. Сама жъ никогда столько прилежности къ молитвѣ не показывается, какъ въ то время, когда приходитъ къ ней должники требовать отъ нея за забранные по счетамъ товары платы. Она, швырнувъ однажды въ меня мелочевнишкомъ, столь сильно мнѣ толочу разнибой, что я съ недѣлю лежать принуждена была: а за что? за то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купецъ пришелъ за деньгами, которые она, занявъ у него по шести процентовъ, отдала въ ростъ по шестнадцати со ста. Проклята! безбожница, кричала она на меня, такой ти теперь часъ? Пришла ты какъ сатана искушать меня свѣтскими суетами тогда, когда все мыслы мои заняты покаяніемъ и отъ всякаго о свѣтѣ сему попеченія удалены... Не можно ни какъ къ ней примѣлиться: странный весьма человекъ; иногда не хочетъ, чтобъ ей говорили, а иногда и въ самой церкви сама безъ умолка и безъ конца болтаетъ. Говорить, что грѣшно осуждать ближняго, а сама всѣхъ судить, о всѣхъ переговаривать; особливо молодыхъ барынь терпѣть не можетъ; и кажется ей, что онѣ все не такъ дѣлають, какъ бы по мнѣнію ея дѣлать надлежало“.... „Она встаетъ по утру въ шесть часовъ и слѣдуя древнему похвальному обычаю, сходить съ постели на босу ногу; сошедъ оправляетъ предъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ; потомъ чешетъ свою кошку, обрабатъ съ нея блохъ и поетъ стихъ: блаженъ кто и скоты милуетъ! А при семъ пѣніи и насъ также

миловать изволить, иную пощечипой, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранить дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся накажутъ людей на конюшню пороть баташемъ, то подаетъ пону кадию; то со звучкою, для чего онъ молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданого съ рукъ сжить... Послѣ заутрени она читаетъ какія-то особенныя молитвы отъ соблазна... Когда она тѣ молитвы читаетъ, то уже никто кромѣ кошки къ ней въ образающую поити не можетъ.. По окончаніи отъ соблазна молитвы изволить она пойти въ кладовую гдѣ обметаетъ пыль и чистить вещи, кои у ней въ закладѣ, пересматриваетъ крѣпости и закладныя, считаетъ деньги и изъ мѣшка въ мѣшокъ пересыпаетъ.. Потомъ она одѣнется, т. е. чулки на ноги да шубу на грѣшное тѣло надѣнетъ, и пойдетъ къ обѣднѣ. Отслушаетъ она по разнымъ церквамъ раннихъ и позднихъ обѣдн двѣ-три и столькожъ отпосѣтъ молебное. Въ церквахъ дастъ она свиданья подобнымъ себѣ старушкамъ, рассказываетъ имъ и збираетъ отъ нихъ вѣсти разные, и здѣшнія и петербургскія, словомъ изъ всѣхъ домовъ сплетни, которыя она, выправивъ, прибавивъ и украсивъ благочиніемъ, развозитъ послѣ обѣда и послѣ обыкновеннаго съ часъ времени на канавѣ отдыха, изъ дома въ домъ, рассказывая всѣмъ, кто хочетъ и не хочетъ, слушать. Потомъ, или мимоѣздомъ гдѣ въ церкви, или дома отслушаетъ вечерню, послѣ которой соберутся къ ней любимыя ея гостейки и навезутъ новыхъ еще вѣстей⁽¹⁾. Внучку свою Хавжахинову держитъ въ совершенномъ невѣжествѣ, опасаясь, чтобы она, научившись грамотѣ, не стала писать любовныя письма⁽²⁾. Въ домѣ этой лицемерной богомолки каждый день „собирается множество подобныхъ ей барынь, которыя забавляются вѣстями, изъ всѣхъ угловъ города собранными, переговариваютъ и злословятъ всѣхъ знакомыхъ, перебирая ихъ по христіанской любви всѣхъ наперечетъ: увѣдомляютъ о всѣхъ петербургскихъ новостяхъ, къ нимъ прилагая, примышляя, одніѣ убавляютъ, другія прибавляютъ. За правду никто въ этомъ собраніи не отвѣтствуетъ; до того намъ дѣла нѣтъ, лишь бы все было выговорено, что слышали и что къ тому примыслили⁽³⁾. Изъ такихъ барынь въ комедіи выведены сестра Ханжахиной. Вѣстникова, и Чудихина Вѣстникова „жеманная, высокомѣрная злорѣчивая вѣстовщица, любящая на старости наряды. „Она любитъ, говорить о ней служанка Мавра, деньги и подар-

(1) Сочиненія Екатерины II. 7—9; 12; 18—19.

(2) Тамъ же стр. 29. (3) Стр. 10.

ки; словомъ, она корыстолюбива. Даромъ, что она сердита и зла; однако за деньги не одну уже свадьбу сложила и не только свадьбы умѣетъ сводить, но и прочее и прочее“. Чудихина отъ всего обмираетъ, суетѣрна до безконечности. Боясь порчи и колдовства, она постоянно носить съ собою въ узелкахъ четверговую соль, росной ладанъ и разные корешки, на которыхъ нашептано. Кромѣ того, она любитъ вмѣшиваться въ семейныя дѣла. „Я грѣшна, говоритъ она. Что мнѣ дѣлать, люблю разбивать свадьбы... Вѣдаю, что дурно это, да удержаться не могу; какъ таки не промолвить слова, а молвится всегда худое. Я ужъ и отцу духовному не одинъ разъ въ этомъ каялась“⁽¹⁾.

Изображая эти черты невѣжества, грубости и суетѣрій, Екатерина стремится провести въ общество здравыя понятія о вѣрѣ и благочестіи и вообще разумный и гуманный взглядъ на жизнь. Этотъ взглядъ она высказываетъ устами Непустова и служанки Мавры, которые и вообще служатъ заправителями комедіи. „Вы почитаете, сударыня, говоритъ Непустовъ Ханжахиной, молитву должностію, равно какъ и я; по вѣдъ и происхожденіе и любовь къ ближнему есть такъ же должностію, закономъ намъ предписанныя“. Суетѣрной Ханжахиной Молокососовъ старается доказать „что суетѣріе есть порокъ, что правоученіе закона запрещаетъ вѣрить баснямъ“⁽²⁾. Противъ сплетничества служанка Мавра въ заключеніе комедіи говоритъ: „Вотъ такъ нашъ вѣкъ проходить! Всѣхъ осуждаемъ, всѣхъ цѣнимъ, всѣхъ пересмѣхаемъ и злословимъ, а того и не видимъ, что и смѣха и осужденія сами достойны. Когда предубѣжденія заступаютъ въ насъ мѣсто здраваго разсудка, тогда сокрыты отъ насъ собственные пороки, а явны только погрѣшности чужія: видимъ мы сучекъ въ глазу ближняго, а въ своемъ—и бревна не видимъ“.—Несомнѣнно, что комедія „О время“ вызвана жалобами на новое время той партіи, которая была недовольна разными нововведеніями Екатерины, людей, которымъ вообще не нравилась веселая свободная жизнь новаго времени, понятія и нравы людей образованныхъ, во главѣ которыхъ стояла сама императрица. Поэтому по всей комедіи проходитъ противоположеніе стараго времени, когда женщина сидѣла дома и ничему не училась, новому времени, когда ее стали учить и выпускать на свѣтъ. Новыя развлеченія, оперы и комедіи противоплагаются катаньямъ на саняхъ зимой и гуляньямъ подъ Марьиной рощей и въ подмосковномъ весной. И вообще старыя и новыя понятія, старыя и новыя нравы постоянно другъ другу противоплагаются. Передавая слухи о сильномъ наводненіи въ Петербургъ

(¹) Стр. 26. 46. 48. (²) Стр. 15—16; 36.

гѣ, Вѣстникова говорить: „Такъ, сударь, ваша братья ничему не хотять вѣрить; однакожъ это такъ, какъ я сказываю: да пусть и не погонули, такъ по крайней мѣрѣ съ голола тамъ люди мрутъ. Во всемъ недостатокъ, ни о чемъ ни правительство, ни полиція и никто не думаетъ. Я и еще кое что знаю похуже этого; много оттуда вѣстей: хорошихъ-то только нѣтъ; да не все сказывать надобно“⁽¹⁾. Чудихина говоритъ: „На что дѣвку учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не надобна; меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ. Я принуждена была матушкѣ своей побожиться, что до пятидесяти лѣтъ пера въ руки не возьму. Да полно что? нынѣче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учать... Быть добру!“ Ханжахина называетъ Мавру бѣсурманкой за то, что она иногда читаетъ „Ежемесячныя сочиненія“, а иногда „Клеветанда“. Ханжахина вообще любить и хвалить только старину, а нынѣшнихъ обычаевъ терпѣть не можетъ. „Вы ничему нынѣ не вѣрите, говорить она; у васъ все натура... все натура“. Чудихина говоритъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ совсѣмъ сталъ превратенъ, и науки-то чужія врагъ къ намъ принесть, такъ все стало и дурно и время-то безтолково“⁽²⁾. Противъ тѣхъ людей, которые недовольны правительствомъ и распространяють о немъ разныя слухи. Непустовъ замѣчаетъ: „Въ прежнія времена за болтанье дорого плачивали: притупляли язычекъ, чтобъ меньше онъ пустого бредилъ; а нынѣ благодарить вамъ Бога надобно, что уничтожаютъ такія бредни. Разумно бы и съ нашей стороны было, еслибъ мы сами себя отъ глупостей, а паче отъ несбыточныхъ затѣй и новостей воздерживали“. Но, защищая новое время, Екатерина не скрываетъ его недостатковъ. Она вооружается напр. противъ тѣхъ новосвѣтскихъ господъ, которые „свободнымъ обхожденіемъ прельщаются, забывая и лбы и глаза свои“⁽³⁾. Она порицаетъ современную роскошь и распущенную жизнь. „Что касается до нынѣшней роскоши, говоритъ Непустовъ, я и самъ ея не люблю, и въ этомъ съ нею (т. е. съ Ханжахиной) весьма согласенъ, такъ равно какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое соблюденіе данного слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно. Въ этомъ и самъ я одного съ нею мнѣнія. Жаль, поистинѣ жаль, что нынѣ ничего не стыдятся и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а бойрыньки, дерзко и похабно противъ мужей поступаая, мало отъ чего когда краснѣются“⁽⁴⁾.

Съ комедіей „О время“, по основной мысли, находится въ тѣсной связи комедія „Имянины Г-жи Ворчалкиной“ (1772 г.)

(¹) Стр. 23—24. (²) Стр. 50—52. (³) Стр. 24—30. (⁴) Стр. 11.

Дѣйствующія лица въ этой комедіи взяты изъ того же круга, какой изображенъ въ комедіи „О время“. Особенно Ворчалкина прямо заявляетъ себя родственницей съ Ханжахиной и Чухихиной и считаетъ себя наравнѣ съ ними обихаживой въ комедіи. Вотъ какой разговоръ прежде всего идетъ у Ворчалкиной между гостями:

Ворчалкина. А! здравствуйте, государи мои. Добро пожаловать. Я рада, отъ сердца рада гостямъ; да и больше бы еще радовалась, еслибъ злые люди въ покоѣ насъ оставляли.

Дремовъ. Какіе злые люди. и что вамъ они дѣлали, сударыня?

Ворчалкина. О, батька мой! житья намъ, бѣднымъ старухамъ, нѣтъ, а ужъ о почтеніи и говорить нечего. Вотъ сказываютъ, дѣлана комедь намъ въ ругательство; да играютъ ее. Что дѣлать!

Дремовъ. Вольно вѣдь вамъ брать на свой счетъ.

Ворчалкина. Да какъ не возмешь. Сказываютъ, что сватья моя, да кума тутъ представлены; да такіе точишенько тутъ описаны.

Фирлюфюшковъ. Очень живо, раблею, очень живо. Я видѣлъ комедію, и точь въ точь онѣ описаны. Какая была хохотня.

Ворчалкина (Дремову). Вотъ, батька, я не солгала: все видѣли, какъ насъ потчуютъ.

Таларикинъ. Если вы о новой комедіи говорите, то и я могу васъ объ ней уведомить. Я былъ, какъ ее представляли. Смѣялись очень много, для того, что смѣшныя изображены въ ней характеры. Но я не знаю, на кого бы тутъ мѣчено было. Сочинитель этой комедіи хотѣлъ вывести на театрѣ три порока и вывелъ въ образѣ трехъ женщинъ: одна была скупая, другая—взбалмочная вѣстовщица, а третья—суетьрка.

Ворчалкина. Знаю, батька мой, знаю, что и ты намъ много посмѣялся.

Таларикинъ. Я смѣялся, такъ какъ и все, порокамъ, а отнюдь не приходило мнѣ на умъ, чтобъ тутъ съ кѣмъ нибудь было сходство; это донесено вамъ неправильно.

Фирлюфюшковъ. А я такъ по именамъ всѣхъ узналъ. (Ворчалкиной). И точно тѣ, о коихъ вы говорите.

Ворчалкина. Такъ, мой свѣтъ, все такъ сказываютъ.

Таларикинъ (пронически). Всякой судить по своему сердцу и чувствованіямъ. А я не ищу тутъ злаго, гдѣ его нѣтъ.

Дремовъ. Мнѣ кажется, что когда бы тутъ были такіе рѣчи, которыя кого нибудь трогаютъ, то бы и играть не дозволили. Вѣдь затѣмъ смотреть.

Ворчалкина. И... батюшка! свѣтъ нынче таковъ: всему дурному потачка есть. Кому смотрѣть? кому запретить? и сами тѣ, кому бѣ не допускать-то надобно было, хохочутъ изъ всей мочи, когда руганье другимъ слышать.

Фирлюфюшковъ. Я того и смотрю, какъ меня на театрѣ выведутъ... Но если это сбудется, то *monbleu!* *ma foi* (ногой топчетъ) достанется всѣмъ... Я... я (принимаясь за шпагу), я формально просить стану!

Некопѣйковъ. А я вамъ и проектъ челобитной составлю, если изволишь; да напишу и приложение, какимъ образомъ такъ-вы и симъ подобные непорядки исправить.

Дремовъ. Ну, какъ вздумается кому представить на театрѣ безчотнаго дурака, кто тогда станетъ въ этомъ зеркалѣ находить себя? Я думаю, что тотъ напередъ будетъ долженъ признаться, что онъ сходенъ образцу.... Однако жѣ я объ закладъ ударюсь, что хоть въ свѣтѣ и есть дураки, но, по самолюбію, никто на свой счетъ не возьметъ, а будетъ находить кого нибудь другаго.

Таларикинъ. Что объ этомъ говорить. Комедія представляетъ дурные нравы и осмѣхаетъ то, что смѣха достойно, и отнюдь лично не вредить никого. Потому, еслибъ я примѣтилъ въ ней себя самого представленна и узналъ бы чрезъ то, что смѣшное во мнѣ есть, то бѣ я старался исправиться и побѣдить мои пороки; не сердился бы я за это, но, напротивъ того, почиталъ бы себя обязаннымъ.

Ворчалкина. Хорошо вамъ такъ говорить для того, что васъ не трогаютъ; а намъ, бѣднымъ, спасибо! довольно достается. Что дѣлать, вступиться не кому, и...." ⁽¹⁾.

Этой сценой Екатерина, очевидно, хотѣла отвѣтить на тѣ толки, какіе слышались по поводу первой комедіи, которую многіе приняли за личную себѣ обиду, и указать ея истинное значеніе. Ворчалкина, какъ показываетъ ея фамилія, представляетъ собою типъ людей брюзгливыхъ и недовольныхъ современнымъ положеніемъ дѣлъ, на которыхъ указано и въ комедіи „О время“. „Она, рассказываетъ слуга ея Антипъ, имѣетъ склонность поправлять нынѣшніе обычаи. Все, что гдѣ дѣлается, ей извѣстно, все у ней на памяти; знаетъ твердо и прошелшее и настоящее время, и своими разговорами можетъ много помогать намъ ко охуленію того, что намъ не нравится, и къ возвышенію того, что мы придумать похотимъ“. У ней всегда собирается множество такихъ людей, „кои весь свѣтъ на словахъ перелить въ состоя-

---

⁽¹⁾ Соч. II, стр. 183—186.

ніи“. Впрочемъ, ближайшимъ поводомъ къ собраніямъ у Ворчалкиной служить то, что у ней есть двѣ дочери, Олимпіада и Христина, за которыхъ сватаются нѣсколько жениховъ: Фирлюфюшковъ, Спесовъ, Геркуловъ, Гремухинъ, Таларикинъ. Фирлюфюшковъ—фатъ и враль, находящій особенное удовольствіе въ разговорахъ смѣшивать русскій языкъ съ французскимъ, зародышъ того типа, который въ послѣдствіи изображенъ въ Репетиловѣ. Вотъ въ какомъ видѣ онъ является въ самой первой сценѣ, въ разговорѣ съ служанкой Прасковьей:

Фирлюфюшковъ. Не опоздалъ ли я? Госпожа Ворчалкина, я чаю, уже обѣдаетъ.

Прасковья. Нѣтъ еще. Только скоро за столъ садутъ.

Фирлюфюшковъ. Сударушка этотъ домъ! Сокровище. право: никогда въ немъ не опоздаешь. Какъ онъ милъ! ma foi, какъ онъ милъ! Какъ не пріѣдешь.... все еще во-время.

Прасковья. Да гдѣ вы такъ долго пробыли? Дѣла за вами, я думаю, не много, а теперь ужъ очень вѣдь поздно.

Фирлюфюшковъ. Belle demande! Гдѣ я пробылъ. A ma toilette... голубка, à ma toilette.... Гдѣ можно такъ рано надѣ быть.—Вчера послѣ ужина я всю ночь проигралъ въ карты. Легъ me coucher въ шестомъ часу après minuit. Всталъ сегодня въ часъ и теперь такая мигрена, и такъ въ носу грустно, что сказать не можно. Нѣтъ ли eau de luce понюхать? боюсь.... чтобъ отъ слабости не упасть... Поддержите меня....

Антипъ. Не извольте ли на стулъ сѣсть? Вотъ....

Фирлюфюшковъ. Ужъ мнѣ сидѣть на стулѣ! да въ такой еще слабости! по крайней мѣрѣ подай мнѣ хоть кресла.

Прасковья. Я чаю, изъ прихоти вы еще захотите канане или кровать.

Фирлюфюшковъ. Это бы и не худо. Какъ не стыдно хозяйкѣ этого дома, что нѣтъ у ней въ каждой комнатѣ по крайней мѣрѣ по одной chaise longue; здѣсь и обмереть съ благопристойностью нельзя, ah! mon Dieu, quel temps et quelles gens! ⁽¹⁾.

За неплатежъ долговъ Геркуловъ бьетъ Фирлюфюшкова палкой.

Геркуловъ и Спесовъ постоянно хвалятся своей знатной породой, но оба они промотались и хотятъ поправить свое состояніе женитьбой. Не надѣясь, что Ворчалкина добровольно согласится отдать за нихъ своихъ дочерей, они распускаютъ слухъ, что въ скоромъ времени на десять лѣтъ будетъ запрещено вступать въ бракъ; но обманъ ихъ открывается, и Ворчалкина от-

(1) Стр. 176—177.

даетъ младшую дочь Христинѣ за Таларикина. Это дѣло устраиваетъ дядя Таларикина, Дремовъ, который въ комедіи играетъ ту роль, какую Фонъ-Визинъ далъ Стародуму. Дремовъ заправляетъ ходомъ пьесы, даетъ наставленія, разрѣшаетъ разные вопросы и вообще служитъ выразителемъ мыслей самого автора. Когда Ворчалкина сказала: „Видишь ты, каковъ выиѣ свѣтъ-ать развратенъ: подкидышковъ... что ужъ этого больше?.. подкидышковъ подбираютъ, да кормятъ, да за ними ходятъ, какъ будто за благородными: такъ можно ли уже въ чемъ сомнѣваться?“ Дремовъ замѣчаетъ: „Перестанемъ, сударыня, о подкидышкахъ говорить. Сколько чрезъ сіе благое постановленіе почти погибшихъ душъ въ живыхъ остается!“⁽¹⁾ Обо всѣхъ гостяхъ Варчалкиной онъ говоритъ: „Какая пропасть наѣхала гостей! полна горница, такъ что и мѣста инымъ нѣтъ. Всѣ болтаютъ, никто не слушаетъ; а разума и не спрашивай, такъ что если бѣ всѣхъ ихъ можно скласть въ котель и сварить, то бы не выварилось изолотника здраваго разсудка.“⁽²⁾ Изъ другихъ лицъ комедіи болѣе удачно очерчены Фирлюфюшковъ и Некопѣйковъ. Фирлюфюшковъ, мы видѣли, представляетъ черты Ивалушки Фонъ-Визина и въ тоже время зародышъ Грибоѣдовскаго Репетилова. На него походитъ и старшая дочь Ворчалкиной, Олимпіада, которая отказывается отъ замужества и проситъ у матери только позволенія постоянно ѣздить на балы и въ театръ. Некопѣйковъ — раззорившійся купецъ, думающій поправить свои дѣла разными проектами, напр. объ учрежденіи почты посредствомъ голубей; объ употребленіи крысыныхъ хвостовъ на корабляхъ, вмѣсто тонкихъ веревокъ; объ извозѣ зимою въ степныхъ мѣстахъ на куропаткахъ; о построеніи секретнаго флота.

Посылая объ эти комедіи къ Вольтеру во французскомъ переводѣ, Екатерина писала къ нему: „у автора много недостатковъ; онъ не знаетъ театра; интриги его пьесъ слабы. Нельзя того же сказать о характерахъ: они взяты изъ природы и выдержаны. Кромѣ того, у него есть комическія выходки; онъ заставлятъ смѣяться; мораль его чиста, и ему хорошо извѣстенъ народъ“... Русскимъ обществомъ онъ были приняты съ восторгомъ, а литературная критика комедію „О время“ признала началомъ русской общественной комедіи и критики общественныхъ нравовъ. Новиковъ въ своемъ „Живописцѣ“ сдѣлалъ ей автору посвященіе съ такимъ обращеніемъ: „Вы первый съ такимъ удовольствіемъ и острою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостію на-

(¹) Стр. 199. (²) Стр. 206.

пали на пороки, въ Россіи господствовавшіе“. Авторъ на это посвященіе отвѣтилъ: „При сочиненіи комедіи не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи (т. е. Россіи), слѣд. не выходя изъ дому своего, нашелъ въ немъ одномъ къ составленію забавнаго позорища довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю“.

Другія комедіи Екатерины: „Недоразумѣнія“; Госпожа Вѣстникова съ семьєю“; „Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями“; „Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье“; „Смутникъ“; „Глупое пристрастіе къ пословицамъ“; „Лстець и обольщенный“; „Не можетъ быть зла безъ добра“; „Путешествіе Промотаева“ не имѣютъ особеннаго значенія. Въ нихъ часто повторяются тѣже темы и тѣже характеры, какъ и въ первыхъ двухъ комедіяхъ. Въ комедіи „Недоразумѣнія“ выведена госпожа Гостякова, помѣшанная на разныхъ проэктахъ, для улучшенія хозяйства; всѣ ея проэкты оказываются совершенно непрактичными и ведутъ къ раззоренію. Она устроила „Румянный заводъ“, но румяны ея нейдутъ съ рукъ; по деревнямъ ихъ не разбираютъ, говорятъ дороги... по городамъ не покупаютъ для того, что не заморскія. Полотняная фабрика ея не дѣйствуетъ, потому что не достаетъ пряжи; дворовыя дѣвки день и ночь прядутъ, но всетаки пряжи мало, а купить ее денегъ нѣтъ. Гостякова хочетъ развести на своихъ поляхъ ревень и хлопчатникъ; но ихъ побиваютъ русскіе морозы. Чтобы спасти ихъ отъ мороза, она приказываетъ отобрать у крестьянъ старыя шубы и покрыть отростки. Дворецкій Гостяковой характеризуетъ свою госпожу такимъ образомъ: „Затѣи новыя всякій часъ... запросто судить... онѣ не прочнаго основанія... вчера съ приказала лень и пеньку сѣять на лучшихъ земляхъ... тутъ прежде росла рожь... а на изнуренныхъ десятинахъ безъ удобренія велѣла сѣять рожь... кто слыхалъ подобное!... потомъ будетъ дивиться неурожаю... Ея бы дѣло принимать гостей... въ хозяйствѣ разумѣніе у насъ еще скудно... въ городѣ, сидя съ гостями, выучишься ли знать, что и когда сѣять, и какъ пахать, и гдѣ выгониѣ!“ (1). Въ комедіи „Вѣстникова съ семьей“ Екатерина осмѣиваетъ страсть къ пересудамъ и сплетнямъ, изображая происхожденіе и распространеніе разныхъ нелѣпыхъ слуховъ въ слѣдующей смѣшной формѣ. Вѣстникова спрашиваетъ торговку Терентьевну: „Не слыхала-ли ты еще какихъ нибудь вѣстей?“ Терентьевна. „Какъ не слыхать, матушка! По городу-та шатаешься, такъ наслышишься всего. У насъ полонъ ушатъ

(1) Сочин. II. 78—82.

всегда вѣстей. Вотъ-таки сказываютъ, что у большихъ бояръ какія-то затѣи есть“. Вѣстникова. Да отъ кого ты это слышала? Терентьевна. „Отъ кого? отъ человѣка, правда, не знакомаго: онъ пьяной проврался, лежа на улицѣ, а племянникъ кума кумы моей на ту пору шелъ и слышалъ, да имъ сказалъ, а они мнѣ. Сказываютъ, что пьяный, какъ протрезвился, такъ сталъ заиригаться, говоря, что онъ не знаетъ, съ пьяна ли это ему пригрезилось, или отъ кого пьяный слышалъ. Только это неспроста“. Вѣстникова. „И сомнѣнія нѣтъ: сколько людей говорили, какъ въ этомъ сомнѣваться. Охти мнѣ! Какія-то у насъ затѣи? Свѣтушка, свѣтушка, что-то изъ этого будетъ?“⁽¹⁾ Кромѣ того, въ этой комедіи Екатерина касается недостатковъ домашняго воспитанія. Дочь Вѣстниковой вышла совсѣмъ „полоумною“, потому что мать „бывало, за дѣло и не за дѣло безпрестанно ее тузила въ голову“. А учителемъ у внучки Вѣстниковой былъ одинъ изъ такихъ учителей, каковы были у Митрофанушки Фонъ-Визина. Сама Вѣстникова говорить о немъ: „Ужась, какъ мнѣ хочется выгнать эту харю изъ дому (указываетъ на учителя). Да ужъ и обѣщали мнѣ достать какова-то другава учителя, который гдѣ то былъ прежде скороходомъ; а этотъ пусть себѣ попрежнему опять пойдетъ въ кучера къ кому-нибудь“. (2).—Комедія „Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье“ составляетъ передѣлку комедіи Шекспира: „Виндзорскія кумушки“. Герой ея Фальстафъ названъ Полкадовымъ. Полкадовъ — гуляка и повѣса, который промотался во время путешествія по Европѣ и хочетъ поправить свое состояніе волокитствомъ; но это ему не удастся; за волокитство свое онъ платится своими боками и понадеетъ въ самыя обидныя положенія. Въ піесѣ „Путешествіе Промотаева“ также изображается вредъ, какой приносятъ путешествія по Европѣ людямъ, которые отправляются туда не съ тѣмъ, чтобы поучиться всему хорошему, но чтобы весело пожить и покутить.—Всѣ эти комедіи Екатерины не имѣютъ художественнаго значенія, не отличаются ни полнотою и окончечностію идеи, ни цѣлостностью и выдержанностью характеровъ, но во всѣхъ ихъ есть интересные отдѣльныя мѣста или сцены, рѣзкія характерныя черты, меткія выраженія; въ нихъ тѣже темы и сюжеты, которые только въ болѣе художественныхъ формахъ развиваются у Фонъ-Визина и другихъ писателей.

Историческія драмы Екатерины. Двѣ историческія драмы: „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика“ и „Начальное

(1) Тамъ же стр. 263.

(2) Тамъ же стр. 281.

управленіе Олега“ Екатерина написала въ то время, когда занималась русской исторіей. Въ нихъ она хотѣла наглядно, въ лицахъ и событіяхъ, взятыхъ изъ русской исторіи, изобразить свои идеи о власти и управленіи. Она называетъ эти драмы подражаніемъ Шекспиру, котораго она, вмѣстѣ съ своими сотрудниками по эрмитажному театру, читала по нѣмецки, въ переводѣ Эшенбурга. „Эти подражанія Шекспиру, говоритъ она, очень удобны, потому что, не будучи ни комедіями, ни трагедіями, и не имѣя другихъ правилъ, кромѣ чувства, сноснаго для зрителя, я считаю ихъ ко всему подходящими“ (¹).

Историческое представленіе изъ жизни Рюрика. Подражаніе Шекспиру. Содержаніе этой драмы взято изъ первыхъ страницъ русской лѣтописи. Въ ней изображается начало русскаго государства, или призваніе на Русь Варяжскихъ князей. Дѣйствіе 1-е. Глубоко скорбя о несогласіи и раздорахъ между славянами, Новгородскій славянскій князь Гостомысль, предъ своею смертію, завѣщаетъ призвать, для управленія Русью, трехъ сыновей зятя своего, финскаго короля, Людбрата, Рюрика, Синеуса и Трувора. Это были его внуки, родившіеся отъ дочери, Умилы. Вадимъ и нѣкоторые изъ старѣйшинъ, послѣ смерти Гостомысли, возражали противъ его завѣщанія, говоря: „Варяги не знаютъ ни нашего языка, ни нашихъ законовъ и обычаевъ; намъ морскіе начальники не столько пужны, какъ добрые предводители, кои бы ратное наше дѣло знали“; но большинство старѣйшинъ однако же постановило исполнить волю Гостомысли. Во 2-мъ дѣйствіи изображается прибытіе пословъ отъ славянъ къ Финскому королю Людбрату. Обращаясь къ его сыновьямъ, послы говорятъ: „Князь Рюрикъ Варягорусскій, и вы, князи Синеусъ и Труворъ, единоутробные братья, внуки Гостомысли! земля наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ; придите владѣти нами, установите согласіе, правосудіе; избавьте великій Новгородъ отъ разоренія; вы разумомъ и храбростію славны“ (²). Съ согласія Людбрата князья принимаютъ приглашеніе; вмѣстѣ съ ними въ Русь отправляются Олегъ, князь Урманскій, Оскольдъ, пасынокъ Рюрика, и Рохвольдъ, вельможа Варяжскій. Дѣйствія 3-е и 4-е. Прибывъ въ Русь, Рюрикъ, по совѣту Новгородскаго посадника, Добрынина, отправляетъ брата своего Синеуса править на Бѣлоозеро, а Трувора въ Изборскъ, князя же Урман-

(¹) Переписка импер. Екатерины II съ Гриммомъ Я. К. Грота стр. 255.

(²) Сочин. I, 314—315.

скаго Олега въ Ижору или Ингрію; Оскольда съ войскомъ отправляетъ въ Кіевъ, чтобы избарить этотъ городъ отъ угнетающихъ его казаръ; Рохвольду поручаетъ начальство въ Полоцкѣ. Дѣйствіе 5-е. Между тѣмъ младшій внукъ Гостомысла, Новгородскій князь Вадимъ, не хочетъ подчиниться пришельцамъ Варагамъ и производитъ возстаніе противъ Рюрика. Это возстаніе, впрочемъ, тотчасъ же было подавлено; Вадимъ былъ схваченъ и приведенъ на судъ къ Рюрику. Рюрикъ является государемъ мудрымъ и въ высшей степени гуманнымъ; онъ произноситъ судъ надъ Радимомъ самый милостивый, по началамъ Наказа. „Но пусть Рюрикъ, говоритъ онъ, въ сей день окажется, каковъ онъ съ тѣ: онъ, видя виновныхъ предъ собою, съ горячею ревностію возмется всегда за изслѣдованіе общему добру причиненнаго ущерба или обиды; по кой часть вина уже извѣстна, виновной изобличенъ, и падлежитъ, вынувъ мечъ, приступить ко мщенію (вынимаетъ мечъ изъ ноженъ). тогда мечъ тотъ, который не вынать никогда изъ моей десницы, благодаря богамъ, противу общихъ непріятелей (уровить мечъ), падаетъ изъ дрожащихъ рукъ моихъ, и въ виновномъ вижу я лишь человѣка. Теперь судите сами, отдамъ ли я на осужденіе брата моего двоюроднаго, князя Вадима. Бодрость духа его, предпримчивость, неустрашимость и прочія изъ того истекающія качества могутъ быть полезны государству впередъ. Вадимъ (становясь на колѣни). О Государы! ты къ побѣдамъ рожденъ, ты милосердіемъ враговъ всѣхъ побѣдиши, ты дерзость тѣмъ же обуздаешь.... Я вѣрный твой подданный вѣчно“ (1).

Начальное управленіе Олега. Подражаніе Шекспиру. Князь Олегъ, управляющій Русью во время малолѣтства Игоря, объѣзжаетъ русскія области и при этомъ закладываетъ города въ разныхъ мѣстахъ. Піеса начинается описаніемъ закладки города Москвы на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Смородина или Москва, Яуза и Неглинная соединяются. При закладкѣ происходятъ гаданія жрецовъ.

Второй жрецъ: „По всѣмъ примѣтамъ сей градъ будетъ нѣкогда обширенъ и знаменитъ. Олегъ. Не всегда вѣру подавать можно примѣтамъ, онѣ обманчивы. Первый жрецъ. Однако дождь шелъ отъ заката солнечнаго во всю ночь, при восходѣ же видны были стаи разныхъ птицъ, кои слѣтѣлись отовсюду и сѣли на луга, гдѣ клевали непрестанно пасѣкомыхъ, выходящихъ отъ мокроты изъ подземныхъ своихъ жилищъ. Олегъ. Что же это зна-

(1) Тамъ же, стр. 337—338.

читать? Второй жрецъ. Дождь значить богатство, изобиліе, но великое разлитіе оказываетъ затрудненіе; стаи птицъ родовъ разныхъ знаменуютъ, что сіе мѣсто служить имѣетъ народнымъ убѣжищемъ и соединеніемъ во времена опасныя. Олегъ. Хорошо... въ добрый часъ приступимъ къ начальному созиданію“.

Въ то время, какъ жрецы клали первый камень въ основаніе города, надъ ними пролетѣлъ орель.

Первый жрецъ. Орель летитъ чрезъ градъ сей не понапрасну.

Стемидъ. О, коль пріятно видѣть, что здѣсь держатся древняго обычая!

Добрыниъ (Стемиду). Развѣ у васъ оный перемѣняютъ? Лидуль. Не безъ того.

Стемидъ. Отъ того возстало народное роптаніе“ (1).

Въ это время являются къ Олегу послы изъ Кіева и приносятъ отъ кіевлянъ жалобу, что князь Оскольдъ перемѣняетъ у нихъ древніе обычаи, что во время похода въ Царь-Градъ онъ едва ли не присталъ къ тамошнему закону. Олегъ отправляется въ Кіевъ, и, узнавъ отъ самого Оскольда, что онъ, дѣйствительно, находитъ въ такомъ „умоположеніи“, лишаетъ его власти. Оскольдъ однакожь находитъ пріютъ у Угровъ, которые въ это время проходили мимо Кіева.—Между тѣмъ въ Кіевъ привозятъ изъ Изборска невѣсту Игоря, Прекрасу, правнучку Гостомысла. Происходитъ свадьба Игоря. При этомъ Прекраса, по ея желанію, называется, въ честь Олега, Ольгою. Послѣ свадьбы Игоря, Олегъ отправляется въ походъ къ Царь-граду. Одержавъ побѣду и заключивъ миръ, онъ посѣщаетъ Царь-градъ, гдѣ послѣ всякаго рода угощеній, въ честь его даны были игры въ Ипподромѣ. По окончаніи игръ, Олегъ прибываетъ щить Игоря къ столбу Ипподрома.—Сочиненіе этой драмы относится къ тому времени, когда Екатерина и Потемкинъ были заняты такъ называемымъ восточнымъ вопросомъ, или греческимъ проєктомъ. Всѣ слышавшіе объ этомъ проєктѣ, конечно, не могли не интересоваться этой драмой, гдѣ изображался побѣдоносный походъ Олега въ Царь-градъ; а при представленіи драмы въ театрѣ публику особенно увлекало 3-е дѣйствіе, гдѣ представлена свадьба Игоря и Ольги по древнимъ русскимъ обычаямъ, съ русскими народными пѣснями.

Оперы Екатерины (2). Екатерина составила нѣсколько комическихкихъ оперъ для своего эрмитажнаго театра: „Новгородскій бо-

(1) Сочин. I, 348—349.

(2) О вліяніи народного творчества на драмы Импер. Екатерины II и о русскихъ пѣсняхъ, сюда вставленныхъ. II. Безсонова. Заря 1870. № 4.

гатырь Боеславичъ" (1786), „Февей" (1786). „Храбрый и смѣлый витязь Архидѣичъ" (1786). „Федуль съ дѣтьми" (1790), „Горе богатырь Косометовичъ" (1788). Содержаніе первой оперы „Новгородскій богатырь Боеславичъ" заимствовано было изъ былинны о Василии Буславѣ, которая въ ней и изложена, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Основа оперы „Февей" взята изъ сказки о царевичѣ Февеѣ; въ оперѣ изображена женитьба Февеа на Лійской царевнѣ, Даннѣ. Опера „Смѣлый витязь Архидѣичъ" составлена изъ разныхъ сказокъ объ Иванѣ царевичѣ и царь-дѣвицѣ. Опера „Федуль съ дѣтьми" вся состоитъ изъ пѣсень и отличается особенною веселостію. Нѣкоторые изъ ея пѣсень, какъ-то дуэтъ: „Слушай, радость, одно слово, гдѣ ты, свѣтикъ мой, живешь".... и пѣсни Дуняши: „Во селѣ, селѣ Покровскомѣ, среди улицы большой, разыгралась, расплясалась красна дѣвица душа"... долго пѣли еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Особенный характеръ и смыслъ имѣетъ опера „Горе богатырь Косометовичъ". Думаютъ, что она написана во время войны Россіи съ Швеціей въ 1788—1790 г. и составляетъ сатиру на шведскаго короля Густава III ⁽¹⁾. Она составлена по подражанію Донъ-Кихоту Сервантеса; Горе-богатырь — пародія Донъ Кихота. Подобно Донъ-Кихоту, Горе-богатырь говоритъ о себѣ: „Я нынѣ много наслышался отъ сказальщиковъ о рыцарскихъ и богатырскихъ дѣлахъ, я самъ хочу таковыя же предпринять".

«Геройствомъ надуваясь
И славою прельщаясь,
Любъ спрячу подъ шинякъ,
Надѣну рыцарски доспѣхи,
И сильный мой кулакъ
Въ бою доставить мнѣ успѣхи.
Для богатырскихъ дѣлъ
Я много думалъ и потѣлъ;
Хотя же сталъ я храбръ недавно,
Но будетъ имя славно;
Пойду я бодръ теперь и горлъ.
На вѣсть, на зойдѣ, на остъ и нордѣ».

Не въ состояніи будучи сладить съ вооруженіемъ прежнихъ богатырей, онъ надѣваетъ на себя латы изъ картонной бумаги и въ этомъ видѣ, съ своими оруженосцами, Кривомозгомъ и Торопомъ, выѣзжаетъ на подвиги. Въ одной деревенской избѣ

⁽¹⁾ Смotr. Журн. Мин. Народ. Просв. 1870; декабрь. Комическая опера Екатерина II „Горе-богатырь". А. Брикнера.

безрукій старикъ побиваетъ ихъ ухватомъ и спускаетъ на нихъ цѣпную собаку. Испугавшись звуковъ медвѣжьей травли, Горе-богатырь взлѣзаетъ на дерево. Послѣ такихъ подвиговъ всѣ трое — богатырь и оруженосцы — возвращаются домой въ вѣнцахъ, какъ побѣдители. Горе-богатырь поетъ:

«Могу безъ хвастовства сказать,
Дѣлъ кучу храбрыхъ доказать:
Низринулъ множество оплотовъ,
Вездѣ и всѣхъ я побѣдилъ,
Прогналъ, разсыпалъ и побилъ
Медвѣдей, Костоготовъ.
И лѣншихъ съ колдунями».

Наконецъ, Горе-богатырь женится на красавицѣ, Гремилѣ Шумиловицѣ. Хоръ при этомъ поетъ:

«Пословица сбылась:
Синица поднялась,
Вспорхнула полетѣла,
И море зажигать хотѣла,
Но моря не зажгла,
А шуму сдѣлала довольно!» (1).

Сочиненія Екатерины противъ масонства: „Тайна противу-нелѣпаго общества (anti—absurde), открытая непричастнымъ оному“; „Шаманъ Сибирскій“; „Обманщикъ“ и „Обольщенный“. Какъ замкнутое и тайное общество, масонство казалось Екатеринѣ опаснымъ для спокойствія государства и вообще вреднымъ въ политическомъ отношеніи; а по своимъ страннымъ и нелѣпымъ обрядамъ — нелѣпымъ шарлатанствомъ, имѣющимъ цѣлю морочить людей и посредствомъ обмана, прикрываемаго разными фокусъ — покусами, выманивать у людей деньги. Такой именно взглядъ на него и выражается въ указанныхъ сочиненіяхъ. Игнорируя гуманиную и нравственную сторону масонства, которая привлекала къ нему всѣхъ лучшихъ людей, Екатерина изображаетъ только дурныя стороны масонства, на основаніи тѣхъ разсказовъ, которые ходили о немъ въ обществѣ. Она представляетъ масоновъ обманутыми и обманщиками, людьми, дѣлающими золото и продающими жизненный элексиръ, алхимиками, теософами, духовидцами.

(1) Сочин. I, 431—459.

Тайна противо-нелѣпаго общества, открытая непричастнымъ оному. Противо-нелѣпнымъ называется общество, противоположное масонству, которое признается нелѣпнымъ. Въ противоположность тому, что масонство начало свое относило къ временамъ построения храма Соломонова, о новомъ обществѣ говорится: „Оно начало свое воспріяло въ то время, въ которое общій разумокъ въ свѣтъ взошелъ“... Начальствующая ложа его находится въ горѣ истинны, лежащей къ сѣверу отъ горы шутокъ“. Далѣе описывается обрядъ принятія въ члены этого общества, противоположный масонскимъ обрядамъ и составляющій сатиру на эти обряды. Въ противоположность тому, что при посвященіи въ масоны, новопосвящаемому завязывали глаза, поступающій въ новое общество „зходитъ съ своимъ вводителемъ, не имѣя глазъ завязанныхъ и во всей одеждѣ для того, что почитается неучтиво и неблагопристойно въ честной бесѣдѣ быть обнаженнымъ. Его подводятъ потомъ къ начальнику общества, который, указывая на корзину съ тетрадами, приказываетъ ему вынимать одну тетрадь за другою и прочитывать ихъ заглавія. Принимаемый членъ беретъ одну тетрадь и читаетъ: „Орвіентать“. Что вы объ этомъ думаете, спрашиваетъ начальникъ. Это такая нелѣпность, отвѣчаетъ онъ, которую должно бросить.—Ну, такъ бросьте же ее, говоритъ начальникъ, указывая на каминъ, и возьмите другую. Послѣ пересмотра всѣхъ масонскихъ тетрадей, заключавшихся въ корзину, принимаемому члену объясняются эмблемы противо-нелѣпаго общества. Эти эмблемы: 1) Вѣйникъ, орудіе, какимъ испрашиваютъ дѣтей. Сіе орудіе, говоритъ авторъ, напоминаетъ новопринятому, что себѣ тѣ, кои, не слѣдуя по стезямъ здраваго разсудка, свращаютъ его съ пути прямого разума, подобны дѣтямъ. 2) Родъ широкой и длинной простыни для качанія, посреди которой написано № 1-й non plus ultra (предѣлъ, его же не прейдеши). Сіе новопринятымъ напоминаетъ, что тотъ, кто дозволяетъ себѣ тѣлеснымъ или душевнымъ образомъ качать, подастъ худое мнѣніе о всемъ благоразуміи. 3) Ротъ зѣвующій. Сіе значить, что также сказка, а особливо, если она нелѣпа, скучна и безъ вкуса, конечно произведетъ зѣвоту. Наконецъ излагается краткій катихизисъ общества, состоящій изъ нѣсколькихъ вопросовъ начальника и отвѣтовъ принимаемаго члена. „В. Въ какую игру дѣти съ завязанными глазами играютъ? О. Въ жмурки. В. Надобно ли имѣть завязанные глаза или помраченное зрѣніе, чтобы видѣть ясное дневное и ночное свѣтило, или чтобы пріобрѣсти какое человѣческое познаніе? О. Какъ для одного, такъ и для другаго нѣтъ ничего лишняго ни въ самихъ глазахъ, ни въ разумѣніи человѣческомъ“. — Подъ дѣтьми, играющими въ жмурки съ завязанными глазами,

разумѣются масоны. Они раздѣляются на большихъ и малыхъ дѣтей. Малая дѣти тѣ, которыхъ обманываютъ, большія дѣти тѣ, которыя безпрестанно обманываютъ другихъ. многократно сами въ обманъ впадаютъ. Ученіе масонствъ похоже на сказки кормилицы о домовыхъ дѣдушкахъ, кинимерахъ и химерахъ при видѣніи и изступленіи; а всѣ масонскіе обряды, „необычайныя и странныя тѣлодвиженія“ походятъ на обезьянство.—Исповѣдавшему все это новому члену общества начальникъ говорить, а за нимъ все собраніе повторяетъ: *dignus es intrare in nostram societatem* (достойнъ вѣйти въ наше общество) ⁽¹⁾.

Шаманъ Сибирскій. Содержаніе этой пьесы состоитъ въ слѣдующемъ. Семейство Бобиныхъ (отецъ, мать и дочь) пріѣхало изъ Сибири въ Петербургъ и привезло съ собою, въ качествѣ лѣкаря, шамана Амбанъ-Тая, о которомъ вскорѣ распространился „шумъ великій... будто по лицу узнаешь умоначертаніе человѣка“. Между тѣмъ, это былъ хитрый шарлатанъ, который „умѣлъ ослѣпить и обманывать тѣхъ, которые сами хотѣли обманываться, которыхъ глупость и невѣжество видѣть коловѣство тутъ, гдѣ смыслъ обыкновенный ихъ кратокъ находится“. Репутація его, какъ искуснаго лѣкаря, объясняется въ комедіи слѣдующимъ случаемъ: „Барыня, говоритъ служанка Бобина, Мавра, запемогла... запросто перезабла. Онъ принесъ къ пей какую-то травную воду. Но скляпка съ водою разбилась, а прислуга, не смѣя сказать объ этомъ, подмѣнила ее другой склянкой съ простой водою. Барыня не зная потѣвы, начала пить эту воду поминутно маленькою ложечкой и выздоровѣла. И слухъ пошелъ повсюду, что она выздоровѣла отъ Амбанскихъ дорогихъ составовъ“. Шаманъ въ Петербургѣ принялся за разныя штуки: „купеческую жену обманулъ, показывалъ ей мертваго мужа и для того, живыхъ людей нарядилъ, завелъ маленькую школу; своими финты — фавтами не только привлекъ пароду много, но и предсказаніями и угадками выманилъ у всѣхъ денегъ, koliko могъ“. Но полиція, узнавъ объ этихъ его продѣлкахъ, взяла его подъ караулъ. Шаманъ однакожь успѣлъ устроить свадьбу дочери Бобина, Прелесты съ Пернатовымъ ⁽²⁾. Объясняя смыслъ этой комедіи, Екатерина писала Гриму: „Шаманъ—это теозофъ (богомудрый), который продѣлываетъ всѣ шарлатанства собратій Парацельса. Посмотрите на статью „Теозофъ“ въ энциклопедіи, и вы получите секретъ нашихъ комедій масонства и модныхъ сектъ ⁽³⁾“.

⁽¹⁾ Сочин. III, 169—181. ⁽²⁾ Сочин. II, 437—513.

⁽³⁾ Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ стр. 254.

Обманщикъ и Обольщенный. Въ комедіи „Обманщикъ“, въ лицѣ Калифалджерстона, изображенъ извѣстный Калиостро, который былъ въ Петербургѣ и Москвѣ и оставилъ послѣ себя многихъ послѣдователей. Калифалджерстонъ говоритъ, что онъ малые алмазы передѣлываетъ въ большіе и можетъ дѣлать золото, что онъ знаетъ средства противъ всѣхъ болѣзней, что онъ имѣетъ силу вызывать духовъ, что еще недавно съ того свѣта явился къ нему Александръ Македонскій. Вразившись въ довѣренность простака Самблина, онъ выманилъ у него для алхимическихъ производствъ 4000 червонцевъ и нѣсколько алмазовъ и хотѣлъ убождать съ ними, но былъ пойманъ ⁽¹⁾. Въ комедіи „Обольщенный“ изображается отецъ семейства Радотовъ, попавшій въ общество обманщиковъ, которыхъ зовутъ мартышками (т. е. мартинистами), которые находятся въ сношеніяхъ съ духами, дѣлаютъ золото и алмазы и проч. „Сначала, говоритъ онъ, я былъ влекомъ любопытствомъ... Стремленіе двухъ трехъ знакомыхъ меня убѣдило... Потомъ самолюбіе мое находило удовольствіе отличиться, инако думать, какъ домашніе, какъ знакомые, притомъ легковѣріе лстало!.. авось либо увижу, услышу то, что почитаютъ за невозможное; только по истинѣ внутренно терпѣть я—несказанную скуку“! ⁽²⁾ Такъ рассказывать онъ о себѣ, когда обманъ открылся и когда увлеченіе его обманщики обокрали его; но сначала онъ вѣрилъ всему, что ему они говорили, и распространялъ ихъ ученіе въ своемъ семействѣ. Вотъ что говоритъ мать Радотова о своей внучкѣ: „пришла ко мнѣ въ горницу внучка моя Таисія, увидала на столѣ передо мною стоитъ стаканъ съ цвѣтами; она начала цѣловать листочки; я спросила на что? она, на то, сказала, что на каждомъ листѣ душонокъ обитаетъ!... и будто на булавочномъ концѣ нѣсколько тысячъ умѣщается“!... Въ комедіи всего интереснѣе разсужденія нѣкоторыхъ лицъ, и особенно Бритягина, устами котораго Екатерина высказываетъ свой взглядъ на масонство. Бритягинъ о Радотовѣ говоритъ: „я его почитаю обманутымъ... Онъ доискивается вещей такихъ, кои давно въ свѣтѣ извѣстны, что найти нѣтъ возможности, и точно всего того, что изстари замыкалось подъ разумнымъ словомъ суеты и мудрїя!... Онъ варитъ золото, алмазы, составляетъ изъ росы металлы, изъ травъ ни въѣсь что; домогается притомъ имѣть свиданіе съ какими-то невидимками, посредствомъ разныхъ шалостей и сушнихъ ребячествъ, коимъ разумный свѣтъ прежнихъ вѣковъ и нынѣшняго смѣется“. Но въ масонствѣ была привлекательная сторона; оно стремилось къ всеобщей благотворительности и просвѣ-

(1) Сочин. I, 549—600. (2) Сочин. I, 663.

щенію массъ народныхъ. Екатерина заподозривала эти стремленія на томъ основаніи, что масоны хотятъ достигнуть своихъ благотворительныхъ и просвѣдительныхъ цѣлей своимъ особеннымъ ученіемъ, своими особенными путями, а не тѣми, которыя уже всѣми признаны и указаны правительствомъ. Когда Бритягинъ указалъ на то, что масоны „въ намѣреніи имѣють потасенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ то школы, больницы и тому подобное, и для того стараются привлечь къ себѣ людей богатыхъ“, Бритягинъ возражаетъ: „Дѣла такого рода на что производить сокровенно, когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ таковымъ установленіямъ удобства?.. Всякій изъ нихъ, по своевольному хотѣнію, выдумывая, прибавляетъ правила и словечушки! Но почему оныя предпочтительны суть издревле принятымъ и славнымъ законодательствамъ, утвержденнымъ для общей и частной пользы, сего никто мнѣ не докажетъ“..... „Неужто, прибавляетъ онъ потомъ Радотову, есть добродѣтели болѣе числомъ и выше тѣхъ, коихъ отъ насъ требуетъ издревле установленный у насъ законъ и неужто развращенный какой ни есть толкъ замыкаетъ въ себѣ иныя и лучшія добродѣтели“? И наконецъ, въ заключеніе всей комедіи, Бритягинъ говоритъ, что масонство отнюдь не можетъ принести чести или похвалы нашему вѣку: „По умствованію каждаго вѣка слѣдующіе за нимъ о немъ судятъ... Вообще столѣтіямъ похвалы приписываютъ однимъ тѣмъ, кои не бредомъ, но здравымъ разсудкомъ, отъ прочихъ отличались... Назираніе безспорно въ рукахъ начальства.... благодаритъ мы должны Провидѣніе, что живемъ въ такое время, гдѣ кроткіе способы избираются ко исправленію“⁽¹⁾. Можно представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе должны были производить эти комедіи съ такими животрепещущими сюжетами, съ такими горячими и такъ прямо и неопровержимо рѣшаемыми вопросами. „Обманщикъ“ и „Обольщенный“, писала Екатерина къ Гримму, имѣли громаднй успѣхъ: московская публика въ концѣ масляницы не хотѣла видѣть другихъ піесъ, и когда объявили другую, то громко требовала одну изъ вышеупомянутыхъ. Всего забавнѣе было то, что на первомъ представленіи вызывали автора, который у насъ сохранялъ строжайшій инкогнито, не смотря на свой огромный успѣхъ! Каждая изъ этихъ піесъ принесла въ Москвѣ предпринимателю 10,000 въ три представленія“⁽²⁾.

⁽¹⁾ Сочин. I, 667; 624—625; 651; 659; 663; 666.

⁽²⁾ Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ стр. 253.

Сатирическія статьи Екатерины во Всякой Всячины и Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова. Выше замѣчено, что участіе Екатерины въ литературѣ прежде всего выразилось въ журналѣ „Всякая Всячина“, который, подъ ея руководствомъ, издавался въ 1769 году кабинетъ-секретаремъ Козицкимъ. Между мелкими статьями и отрывками, писанными Екатериной, сохранилось нѣсколько отрывковъ, приготовленныхъ для Всякой Всячины, но почему-то не напечатанныхъ. Вотъ одинъ изъ нихъ въ формѣ письма, обращеннаго ко Всякой Всячинѣ: „Госпожа, бумагомарательница Всякая Всячина! По милости вашей нынѣшній годъ отъменно изобилуетъ недѣльными изданіями. Лучше бы мы любили изобиліе плодовъ земли, нежели жатву словъ, которую вы причинили. Тѣлобы вы кашу, да оставили бы людей въ покоѣ; вѣдь и профессоры Рихмана бы громъ не убилъ, еслибы онъ сидѣлъ за щами, а не выдумалъ шутить съ громомъ.. Хрѣнъ бы васъ всѣхъ съѣлъ! даже и намъ старикамъ спуска нѣту. Для чего вы меня съ сестрою обижаете? Я васъ въ лицо не знаю. Не она, а вы насъ описываете. Ну, хорошо ли это, я у васъ спрашиваю? Вѣдь я знаю тетку—она ей сѣбѣ. Ругатели какіе! Ну, развѣ вы не понадетесь за городомъ, гдѣ ни наестъ на встрѣчу“. Во Всякой Всячинѣ помѣщено письмо Екатерины, подписанное Патрикѣемъ Правдомысловымъ, въ которомъ защищается существующій порядокъ и опровергаются толки, что въ Россіи нѣтъ правосудія. „Мы всѣ, говорятъ Патрикѣй Правдомысловъ, сомнѣваться не можемъ, что нашей великой государынѣ пріятно правосудіе, что она сама справедлива“.... Ниже будетъ показано, что Всякая Всячина, вызвавъ своимъ примѣромъ множество сатирическихъ журналовъ, впоследствии возстала на нихъ, когда они начали писать сатиры не на пороки только, но и на лица дѣйствительныя, описывая знатныхъ господъ, и въ свою очередь возбудила противъ себя со стороны ихъ сильныя нападенія. Особенно нападалъ на Всякую Всячину „Трутень“ Новикова. Противъ него „Всякая Всячина“ помѣстила отъ имени одного придворнаго господчика такое замѣчаніе: „Не въ свои-де этотъ авторъ (авторъ статьи въ Трутнѣ) сани садится. Онъ-де зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ бояръ, дамъ, судей именитыхъ и на всѣхъ. Такая-де смѣлость есть ничто иное, какъ дерзновение. Полно-де его отирала Всякая Всячина очень хорошо; да это еще ничего; въ старыя времена послали бы его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русскаго владѣнія (намекъ на

Сибирь), но нынче-де дали волю писать и за такіа сатиры не наказывают“⁽¹⁾.

Были и Небылицы⁽²⁾. Всѣ сочиненія Екатерины написаны въ веселомъ и шутливомъ тонѣ или, какъ она сама выражается, „въ улыбательномъ духѣ“. Этотъ стиль, согласный съ тогдашними воззрѣніями на сатиру, по которому она *ridendo castigat mores*, былъ въ тоже время и выраженіемъ личнаго характера Екатерины, живаго, веселаго и остроумнаго. Екатерина не любила, замѣчаетъ принцъ-де-Линь, ни слишкомъ печальнаго, ни слишкомъ учнаго, ни чувствительнаго. Ей нравились романы Лесажа, Мольеръ и Корнель. Самое увлеченіе Екатерины сочиненіями Вольтера объясняется также ея природнымъ расположеніемъ къ веселости и остроумію. „Мой дѣдушка, говоритъ Екатерина въ Быляхъ и Небылицахъ, ничего такъ не любитъ, какъ смѣшить кого, и если не удастся ему возбудить смѣха, то онъ старается произвести по крайней мѣрѣ легкую улыбку, подобно, какъ искусный врачъ производитъ испарину“... „Дѣдушка говоритъ, прибавляетъ она въ другомъ мѣстѣ, что прекрасно писанное, полезное, нравоучительное, однимъ словомъ преумное теряетъ дѣну, буде лишено пріятства. Онъ требуетъ, чтобы у понятія во всякомъ сочиненіи украдено было все то, что ему скуку приключить можетъ, а прибавлено было все то, что оную можетъ убавить“⁽³⁾. Такимъ стилемъ особенно отличаются „Были и Небылицы“. „Изъ оныхъ строго исключается все то, что не въ улыбательномъ духѣ и не по вкусу прародителя моего, либо скуку возбудить могущее и плачь разогрѣвающія драмы“⁽⁴⁾. Были и Небылицы представляютъ рядъ самыхъ легкихъ и веселыхъ размышленій и очерковъ, въ которые заносилось все, что „приходило въ голову“, все, что „попадало на языкъ“. „Начавши писать, говоритъ авторъ, не знаю никогда, что напишу, а какъ рукою поведу по бумагѣ, то мысль сматывается, какъ нитка съ клубка; но какъ пряжа не всегда ровна, то попадаетъ и потолще и потонѣе, а иногда и узелокъ, или что-нибудь и совсѣмъ не принадлежащее къ пряжѣ, ниткѣ и клубку, но совсѣмъ постороннее и къ другимъ вещамъ слѣдующее“⁽⁵⁾. Начатое размышленіе иногда вдругъ прерывается безъ всякой причины: „НВ. Здѣсь мнѣ муха сѣла на носъ и перервала мои мысли, такъ что письма окончатъ не могъ; съ другой стороны признаться должно, что она ко времени присѣла, ибо

⁽¹⁾ Матеріалы для исторіи журнальной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго. Приложение къ III тому записокъ Академіи наукъ Сиб. 1863 г. ⁽²⁾ Были и Небылицы Импер. Екатерины II А. Д. Галахова. Отеч. Зап. 1856; № XI. ⁽³⁾ Сочинен. Екатер. ч. III. 9 — 10; 39. ⁽⁴⁾ Тамъ же стр. 57. ⁽⁵⁾ Стр. 23.

страница ужъ приходила къ концу“ (1). А иногда наскоро набросанный разсказъ разростается, и чѣмъ дальше идетъ мысль, тѣмъ становится серьезнѣе. „Когда начинаю писать, говоритъ авторъ, обыкновенно мнѣ кажется, что я коротокъ умомъ и мыслями, а потомъ, слово къ слову пристаивая, мало по малу строки наполняю; иногда самому мнѣ не въ догадъ, какъ страница исписана и очутится на бумагѣ мысль кратковременная, да и еще съ такимъ хвостомъ, что умные люди въ ней изыскиваютъ тонкомысліе, глубокомысліе, густомысліе и полномысліе; но, съ позволенія сказать, все сіе въ собственныхъ ихъ умахъ, а не въ моихъ строкахъ кроется; ибо неумные въ нихъ ни ума, ни всего вышесказаннаго не находятъ. Да чему тутъ и быть? всякъ вѣдаетъ или не вѣдаетъ (хотя то часто было объявлено), что я первоначальныхъ правилъ грамматики отнюдь не знаю, а еще менѣе (не бывъ ни чему ученъ) возмогу порядочно мысли и умъ построить, аки клавикорды либо скрипичу“ (2).

Содержаніе Былей и Небылицъ заимствовано изъ современной жизни. По поводу разнесшейся молвы о томъ, что въ нихъ описываются извѣстные лица, авторъ пишетъ Угадаеву: „Буде вы и семья ваша, между знакомыми вашими, нашли сходство съ предложенными описаніями въ Быляхъ и Небылицахъ, то сіе доказываетъ, что Были и Небылицы вытасчены изъ обширнаго моря естества. Хотя не имѣю чести знать ни васъ ни семьи, ни знакомцевъ вашихъ, но какъ они, равномѣрно, какъ и всѣ, плаваютъ въ той же стихіи, то статься можетъ, попались нѣкоторые изъ васъ ненарокомъ въ рукавъ. Были и Небылицы наполнены тѣмъ, что въ людяхъ водится. Но люди тутъ безъ имени, а описывается умоположеніе человѣческое; до Карпа и Сидора тутъ дѣла нѣтъ“ (3). Не смотря на то, современники въ нѣкоторыхъ типахъ угадывали извѣстные лица: въ типѣ человѣка самолюбиваго, который „любить только себя и никого болѣе и хвалить только то, что ему принадлежитъ“, видѣли Чоглокова, мужа бывшей гофмейстерши Екатерины, когда она была еще великой княгиней; въ лицѣ человѣка перѣшительнаго, который, сдѣлавъ два шага направо, одумавшись поидетъ на лѣво, который пяти словъ не выговаривалъ безъ раскаянія потомъ, который вообще счастливъ не бываетъ, потому что слѣдуетъ всѣмъ своимъ мыслямъ на часъ, и не имѣетъ ни единой, которая бы не перебита была другой, видѣли Шувалова; въ лицѣ человѣка, который „такъ плохо выражается порусски, что его сочиненіе похоже на плохой переводъ съ иностраннаго“, графа Н. П. Румянцева, который тогда только что возвратился изъ за границы. Само

(1) Стр. 92. (2) Стр. 121—122. (3) Стр. 27.

собою разумѣтся, что Екатерина не сама является въ Быляхъ и Небылицахъ своею личностію, но высказываетъ свои мысли чрезъ разныя вымышленныя лица. Это во 1-хъ дѣдушка, чело-вѣкъ, „глубоко мыслящій“ и „словоохотливый“; двоюродный братъ автора, чело-вѣкъ „веселый и проказливый“; дѣдушкина ку-ма, дочь архангельскаго купца, воспитанная на иностранный манеръ въ пансіонѣ, гдѣ она „обвертки съ двѣ ума получила“; другъ И. И. И., который болѣе плачетъ, нежели смѣется, и другъ А. А. А., кторый болѣе смѣется, нежели плачетъ. Отъ имени этихъ лицъ авторъ осмѣиваетъ современные недостатки—само-любіе, чванство, тщеславіе и безвкусное щегольство, пристрастіе къ французскимъ правамъ и языку и проч. Особенно часто въ Быляхъ и Небылицахъ выводится дѣдушка, который играетъ въ нихъ ту же роль, какую Фонъ-Визинъ далъ Стародуму въ „Недорослѣ“. Устами дѣдушки Екатерина высказываетъ свои задушевные мысли. Въ этомъ отношеніи весьма интересно сравненіе прежняго времени съ современной эпохой. Какъ ни любить дѣдушка похвалить свое прежнее время, однакожъ не можетъ не отдать предпочтенія предъ нимъ современной эпохѣ. „Понеже казалось, что въ свѣтѣ кое что поправки требовало, то люди охотнѣе упрямивались нынѣшняго въ разговорахъ, касающихся до поправленія того-сего; разговоры же сіи вели въ полголоса, или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли; слѣд. громогласіе рѣдко между нами слышно было; бесѣды же получали отъ того нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ; ибо разговоры, смѣхъ, горе, и все, что вздумать можемъ, открыто и громогласно отправляется. Дѣдушка примѣчаетъ, что вообще чистосердечіе отъ того въ людяхъ выиграло, потому что скрытаго за пазухой мало остается; для изъясненія своей мысли употребляетъ онъ сравненіе, говоря, будто мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тягостію тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водопол-ли, прорвались, и накопленная вода стекаетъ до тѣхъ поръ, пока, не осушивъ дна, онаго не откроетъ. Выговоря сіе, дѣдушка имѣлъ, мнѣ казалось, голову разгоряченную, взглядъ его казался мнѣ быстрѣе обыкновеннаго, на щекахъ его игралъ румянецъ. Онъ всталъ съ кресель своихъ и, возвысивъ голосъ, сказалъ: припомните мои слова; всѣ теперешніе пороки ничего не значать; они схожи на стекающее поноводіе, вода же, пришедъ въ прежнія граицы и берега свои, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго; берега суть воспитаніе... Ничему я такъ не радовался послѣдніе сіи годы, какъ тому, что къ совѣстному разбирательству повсюду оказалось много охотниковъ. Маятникъ сей подаетъ объ общемъ расположеніи добрую надежду, подобно какъ пульсъ врачу о состояніи больнаго... Примѣчаніе. Дѣдушка посредствомъ

совѣстнаго суда въ семи намѣстничествахъ помирился съ сосѣдями своими, съ коими тягался лѣтъ болѣе 30^а. При этомъ Екатерина разумѣть совѣстные суды, явившіеся вмѣстѣ съ учрежденіемъ о губерніяхъ, которыми она особенно гордилась. Отъ лица дѣдушки также помѣщены въ Быляхъ и Небылицахъ замѣчанія на извѣстные вопросы Фонъ-Визина. „Молокососы! не знаете вы, что я знаю. Въ наши времена никто не любилъ вопросовъ, ибо съ иными и мысленно соединены были непріятныя обстоятельства; намъ подобныя обороты кажутся не умѣстны, шуточные отвѣты на подобныя вопросы не суть нашего вѣка; тогда каждый, поджавъ хвостъ, отъ оныхъ бѣгалъ“. Особенно разсердилъ дѣдушку 14-й вопросъ: отъ чего въ прежнія времена шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе? Отъ чего?... отъ чего?... Ясно отъ того, что въ прежнія времена вратъ не смѣли, а паче письменно безъ.... хемъ, хемъ, хемъ, (дѣдушка сильно кашлялъ) опасенія... Когда дѣдушка дошелъ до шпыней, тогда разворчался необычайно и крупно, говоря: шпынь безъ ума быть не можетъ, въ шпынствѣ есть острота; за то, продолжалъ онъ, что человѣкъ остро что скажетъ, вѣдь не лишитъ его выгоды тѣхъ, кои даются въ обществѣ живущимъ, или обществу служащимъ. Всѣ снъ, такъ же какъ и первыя произнесенія перемѣшаны были хемъ-хемами; потому дѣло дошло до балагуровъ, кои, по сказкамъ дѣдушкинымъ, бываютъ не скучны, когда къ словоохотію присоединяютъ природный умъ или знаніе пріобрѣтеннаго смысла, либо знаніе старины, или что ни есть подобное, а скучны лишь, говоритъ прародитель, Мареміаны плачущія и о всемъ мірѣ криво и косо цѣкуціяся, отъ коихъ обыкновенно въ десяти шагахъ слышенъ уже духъ скрытой зависти противъ ближняго“ (1).—Затѣмъ, изъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ Быляхъ и Небылицахъ особеннаго вниманія заслуживаетъ „Общества незнающихъ ежедневная записка, подписанная: скрѣпилъ извѣстный каковникъ“. Въ этой статьѣ осмѣиваются засѣданія Россійской Академіи, которая разумѣется подъ обществомъ незнающихъ. Общество раздѣляется на двѣ палаты: первая палата съ чутьемъ, вторая палата безъ чутья. Палатѣ безъ чутья дана привиллегія чинить предложенія, палатѣ же съ чутьемъ предоставлены рѣшенія. Въ засѣданіяхъ дѣлаются самыя пустыя предложенія, теряется время въ нелѣпыхъ разсужденіяхъ, или въ молчаніи, а рѣшенія обыкновенно заключаются въ одномъ словѣ: „мимо“ (2).

(1) Стр. 44—46. (2) Стр. 98—101.

Были и Небылицы печатались въ Собесѣдникѣ въ теченіе полутора года. Прекращая ихъ изданіе, Екатерина, подѣ предлогомъ передачи его другимъ, написала „Завѣщаніе“, въ которомъ изображенъ идеалъ писателя, какъ онъ ей представлялся и которому она старалась слѣдовать. Изъ 19 пунктовъ этого Завѣщанія указываемъ на слѣдующіе, какъ на особенно интересные. 4) Кто писать будетъ, тому думать по русски. Всякая вещь имѣетъ свое названіе. 5) Иностранныя слова замѣнить русскими, а изъ иностранныхъ языковъ не занимать словъ; ибо нашъ языкъ и безъ того довольно богатъ. 6) Краснорѣчія не употреблять нигдѣ, развѣ само собою на концѣ пера явится. 7) Слова класть ясныя и буде можно самотеки. 8) Скуки не вплетать нигдѣ, иначе же умничаемъ безвременнымъ. 9) Веселое всего лучше; улыбательное же предпочесть плачевнымъ дѣйствіямъ. 11) Ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ носить т. е. надутыхъ и высокопарныхъ словъ не употреблять, гдѣ пристойнѣе, пригожѣе, пріятнѣе и звучнѣ обыкновенныя будутъ. 12) Врача, лекаря, аптекаря не употреблять для писанія Былей и Небылицъ, дабы не получили врачебнаго запаха. 13) Проповѣдей не списывать и нарочно оныхъ не сочинять. 14) Гдѣ индѣ коснется до нравоученія, тутъ оныя смѣшивать наипаче съ пріятными оборотами, кои бы отвращали скуку... 15) Глубокомысліе окутать ясностію, а полномысліе мягкостію слога, дабы всѣмъ сносными учиниться. 18) Стихотворческія изображенія и воображенія не употреблять, дабы не входить въ чужія межи. 19) Желается, чтобы сочинитель скрылъ свое бытіе, и вездѣ было бы его сочиненіе, а его самого не видно было“....

Современники, зная, къмъ писались Были и Небылицы, съ нетерпѣніемъ ожидали каждаго новаго ихъ листа. Сама Екатерина признавала ихъ весьма полезными. Подѣ 30 іюля 1783 г. было замѣчено: „отъ самаго дня изданія Собесѣдника примѣчена повсюду великая перемѣна и поправленіе во нравахъ. Да и какъ тому и быть иначе. Прибавилось въ рукахъ покупающихъ рубля на полтора шутки, проповѣди, нравоученія“. „Веселыя въ оныхъ повѣствованія, сказано о Быляхъ и Небылицахъ въ другомъ мѣстѣ, возбуждающія въ читателѣ желаніе найти истину, скрывающуюся подѣ замысловатыми разсказами, изощраютъ разумъ; однако не говорятъ въ нихъ ни птицы, ни скоты, ни другія безумныя твари. Цѣль ихъ, кажется, забавою исправлять нравы, *castigat ridendo mores*, за то нѣтъ въ нихъ ученыхъ и мудреныхъ разсужденій; словомъ, всѣ тонкія, острыя, иногда и глубокія мысли, разсыпанныя въ Быляхъ и Небылицахъ, ни мало не украшены

слогомъ громкимъ, важнымъ и высокимъ, каковымъ, слѣдую правиламъ риторическимъ, изъяснить ихъ должноствовало“⁽¹⁾.

Главные литературные дѣятели въ Екатерининскую эпоху. Примѣръ Екатерины, которая не только поощряла всякую ученую и литературную дѣятельность, но и сама принимала живое участіе въ литературѣ, имѣлъ весьма сильное и благотѣльное вліяніе. Императрицѣ стремились подражать ся приближенные лица, богатые и знатные вельможи, которые если сами ничего не писали, то старались заявить себя любителями и покровителями литературы, наукъ и искусствъ, заводили у себя бібліотеки, устраивали театры, содержали хоры музыки и пѣнія. Въ 1765 г. въ Петербургѣ открылся даже народный театръ. Это былъ родъ амфитеатра изъ досокъ, въ которомъ могло помѣститься довольно много народу и въ которомъ представленія открывались со втораго дня Пасхи. Разсказывая объ этомъ театрѣ, Лукинъ замѣчаетъ: „Нашъ низкія стенины народъ толь великую жадность къ нему показалъ, что, оставя другія свои забавы, ежедневно на оное зрѣлище собирался. Играють тутъ охотники, изъ разныхъ мѣстъ собранные, и между оными есть два три довольно способностей имѣющіе: а склонность чрезмѣрную. Сія народная потѣха можетъ произвести у насъ не только зрителей, но со временемъ и писцовъ (т. е. писателей), которые сперва хотя и не удачны будутъ, но впослѣдствіи исправятся“⁽²⁾. Что дѣлалось въ столицахъ, тоже хотѣли дѣлать и въ провинціяхъ; и здѣсь, вмѣсто кулачныхъ боевъ, травли зайцевъ и медвѣдей, драки шутовъ и скомороховъ, начали появляться театральныя представленія, концерты, клубы и проч. Весьма интересное извѣстіе объ этомъ мы находимъ въ „Драматическомъ Словарѣ 1787 г.“, гдѣ, между прочимъ, сказано: „Каждый знаетъ, что въ десятилѣтнее время и меньше, начальники, управляющіе отдаленными городами отъ столицъ Россіи, придумали съ корпусомъ тамошняго дворянства заводить благородныя и полезныя забавы; вездѣ слышимъ театры построенныя и строющіеся, на которыхъ заведены довольно изрядные актеры. Во многихъ благородные люди стараются къ забавѣ своей и общей пользѣ писать и переводить драматическія сочиненія; и примѣтно, что дѣти благородныхъ людей и даже разночинцевъ восхищаются болѣе зрѣніемъ театральнаго представленія, нежели гонаніемъ голубей, конскими рысканіями, или травлей зайцевъ, и входятъ въ разсужденіе о піесахъ, чему

(1) Стр. 18, 80.

(2) Сочиненія Лукина. Изд. 1868. Спб. стр. 184.

я самъ бывалъ въ провинціяхъ свидѣтель“. Указавъ затѣмъ, что въ прежнія времена всѣ удовольствія состояли въ травлѣ звѣрей и въ кулачныхъ бояхъ, которые приучали сердце только къ ожесточенію съ малыхъ лѣтъ, авторъ замѣчаетъ, что въ послѣдней четверти XVIII в. все это исчезло: „Благородное россійское дворянство, вошедшее во вкусъ благонравнымъ воспитаніемъ, находить свою забаву, вмѣсто отдохновенія, въ зрѣніи театра и въ прочихъ безбуйственныхъ удовольствіяхъ. Просвѣщеніе торжествуетъ, благонравіе и нѣжность въ обхожденіи; жестокость исчезаетъ, забавы буйственины оставлены вездѣ, даже въ отдаленныхъ россійскихъ провинціяхъ“. Если это извѣстіе автора словаря, такъ сильно восхищающагося успѣхами просвѣщенія своего времени, и преувеличено, то всеже оно сдѣлано не безъ основанія; были по крайней мѣрѣ начатки и стремленія, подававшія хорошія надежды. Указомъ 15 января 1783 г. повелѣвалось „типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій“ и въ слѣдствіе того позволено, какъ въ столицахъ, такъ и во всѣхъ городахъ имперіи каждому, по своей собственной волѣ, заводить типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія. Что же касается въ частности литературы, то значеніе ея несомнѣнно значительно возвысилось. Поэзія признается уже не только какъ хорошій декорумъ, нужный для украшенія придворныхъ и торжественныхъ праздниковъ, но и какъ необходимый органъ для проведенія въ общество разныхъ просвѣтительныхъ идей. Если она и продолжаетъ еще по прежнему воскурять лестный оиміамъ и не сняла еще съ себя придворнаго костюма; то она и въ этомъ костюмѣ, хотя въ „шуткахъ“ стремится „возвѣщать правду и говорить истину царямъ“, хотя „съ улыбкой“. Фонъ-Визинъ вступаетъ въ совопросничество съ самой императрицей и хотя за свою смѣлость и прямоту получаетъ упрекъ „въ свободозычїи“; но всетаки, какъ писатель, онъ сознаетъ свое общественное значеніе и считаетъ обязанностію въ важныхъ и необходимыхъ случаяхъ возвышать свой голосъ. „Я думаю, говоритъ Стародумъ, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіяне, составляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ отъграблѣнъ земли и отечества“⁽¹⁾. Если опять

(1) Сочиненія Фонъ-Визина. Изд. 1866 г.; стр. 230.

такая свобода мысли и слова изображается въ преувеличенномъ видѣ и продолжалась не долго, потому что Екатерина и ея правительство, испуганныя ужасами начинавшейся во Франціи революціи, стали строго относиться ко всякому свободному проявленію мысли и слова, что привелось испытать и самому Фонъ-Визину; то все-же хотя не долго и въ извѣстной степени она была и несомнѣнно принесла большую пользу литературѣ и обществу.

Главными представителями литературы въ Екатерининскую эпоху служатъ Державинъ и Фонъ-Визинъ. Впрочемъ, пѣснь Державина, прославлявшая подвиги Екатерины и Екатерининскихъ орловъ, начала раздвигаться уже спустя много времени по вступленіе ея на престолъ; первыми по времени литературными явленіями въ царствованіе Екатерины были сатирическіе журналы, начавшіе выходить съ 1769 г. Какъ реформа Петра В., раскрывъ множество темныхъ сторонъ въ русской жизни, вызвала сатиру Кантемира, такъ при свѣтѣ Наказа и вообще философскихъ идей XVIII в. прежде и сильнѣе всего поражали современниковъ разныя суевѣрія и пороки и послужили предметомъ журнальной сатиры Новикова, комедій Фонъ-Визина и самой Екатерины. Изображая разные недостатки и пороки, сатира и комедія проводили при этомъ въ общество здравыя начала жизни, новыя гуманныя идеи въ сферахъ воспитанія, образованія и управленія. Затѣмъ Державинъ, Костровъ, Петровъ и Капнистъ въ одѣ рисовали идеаль честнаго и правдиваго мужа, истинно полезнаго слуги отечества на всѣхъ поприщахъ службы; Херасковъ въ поэмахъ, Княжнинъ въ трагедіяхъ выводили типы „великихъ душъ“, проникнутыхъ стремленіями къ высокимъ подвигамъ самоотверженія и патріотизма.

Д. И. ФОНЪ-ФИЗИНЪ.

Біографическія свѣдѣнія о Фонъ-Визинѣ ⁽¹⁾. Родъ Фонъ-Визиныхъ происходилъ отъ нѣмецкихъ рыцарей ордена меченос-

⁽¹⁾ Последнее полное изданіе сочиненій Фонъ-Визина сдѣлано П. П. Глазуновымъ, подъ редакціей П. А. Ефремова въ 1866 г. При этомъ изданіи приложена обширная біографія и характеристика литературной дѣятельности Фонъ-Визина А. П. Пятковского, указаны всѣ прежнія изданія сочиненій Фонъ-Визина и перечислены въ хронологическомъ порядкѣ всѣ статьи и изслѣдованія о Фонъ-Визинѣ и его сочиненіяхъ. Изъ прежнихъ изданій сочиненій Фонъ-Визина здѣсь достаточно указать: Полное собраніе сочиненій Фонъ-Визина 4 части, Москва въ ти-

цевъ. Въ царствованіе Грознаго, во время войны съ Ливоніей, былъ взятъ въ плѣнь баронъ Петръ Володиміровъ сынъ Фонъ-Визинъ съ сыномъ его Денисомъ. Потомки этого барона Петра Фонъ-Визина при Алексѣѣ Михайловичѣ приняли православіе и совершенно обрусѣли. Отецъ Дениса Ивановича, Иванъ Андреевичъ, служилъ въ ревизіонной коллегіи и жилъ въ Москвѣ. Здѣсь и родился Денисъ Ивановичъ въ 1744 г. Свѣдѣнія о воспитаніи, образованіи и первой порѣ литературной дѣятельности Фонъ-Визина мы находимъ въ его автобіографіи, къ сожалѣнію не оконченной⁽¹⁾. Въ четыре года, говоритъ онъ здѣсь, начали учить меня грамотѣ, такъ что я не помню себя безграмотнымъ... Родители мои были люди пажобные, но какъ въ младенчествѣ нашемъ не будили насъ къ заутренямъ, то въ каждый церковный праздникъ отправляемо было въ домѣ всенощное служеніе, равно какъ на первой и послѣднихъ недѣляхъ великаго поста дома же моленіе отправлялось. Какъ скоро выучился я читать, такъ отецъ мой у Крестова заставлялъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ русійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ котораго русійскаго языка и знать невозможно. Еще въ дѣтствѣ стала обнаруживаться въ Фонъ-Визинѣ особенная впечатлительность. Однажды отецъ его разсказывалъ дѣтямъ исторію Іосифа прекраснаго; она такъ сильно подѣйствовала на Фонъ-Визина, что онъ началъ рыдать всутѣнно. „Странно, замѣчаетъ онъ, разсказывая объ этомъ, что сія повѣсть, тронувшая столько мое младенчество, послужила мнѣ самому къ извлеченію слезъ у людей чувствительныхъ. Ибо я знаю многихъ, кои, читая „Іосифа“, мною переведеннаго, проливали слезы“. Переводъ поэмы Битобе

пографіи С. Селивановскаго 1830 г.; второе изданіе, совершенный снимокъ съ этого, въ 1838 г.; два изданія Смирдина въ 1846 и 1852 г. Сиб.; изданіе Н. М. Перевлѣскаго въ IV выпускѣ собранія сочиненій русскихъ писателей. Сиб. 1858 г. Лучшія изъ статей и изслѣдованій о сочиненіяхъ Фонъ-Визина: Статьи С. С. Дудышкина въ Отеч. Зап. 1847 г. №№ 8 и 9; Фонъ-Визинъ, монографія Н. А. Вяземскаго Сиб. 1848 г. и въ полномъ собраніи сочиненій Вяземскаго томъ V, Сиб. 1880 г. Заѣтки по поводу Смирдинскаго изданія сочиненій Фонъ-Визина Н. Тихонравова. Моск. Вѣд. 1833 г. № 6; жизнь Д. И. Фонъ-Визина и значеніе его сочиненій при изданіи Перевлѣскаго; А. Д. Галахова: Идеаль нравственнаго достоинства человека, по понятіямъ Фонъ-Визина: Библ. Зап. 1858. № 13; избранныя сочиненія Фонъ-Визина изд. П. Перевлѣскаго. Атеней 1858 г. № 47.

⁽¹⁾ Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ. Сочиненія изд. Ефремова, стр. 527—552.

„Иосифъ“, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ раннихъ литературныхъ трудовъ Фонъ-Визина. Не въ состояніи будучи нанимать учителей для иностранныхъ языковъ, отецъ тотчасъ отдалъ Дениса, вмѣстѣ съ брагомъ, въ московскій университетъ (т. е. сначала въ гимназію при московскомъ университетѣ), какъ только онъ открылся. Такимъ образомъ, Фонъ-Визинъ былъ однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ въ московскомъ университетѣ. Хотя на первыхъ порахъ ученіе въ гимназіи и университетѣ имѣло въ себѣ много недостатковъ, которые Фонъ-Визинъ и осмѣиваетъ въ своей автобіографіи; однакожъ все-таки онъ воспоминаетъ объ университетѣ съ благодарностію: „въ немъ, говоритъ онъ, обучаясь по латыни, я положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно пѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ“⁽¹⁾. Литературныя дарованія начали обнаруживаться въ Фонъ-Визинѣ очень рано и въ той самой сатирической формѣ, въ какой выразилась вся его послѣдующая литературная дѣятельность. „Острыя слова мои, говоритъ онъ, посланцы по Москвѣ, а какъ они были для многихъ извѣстны, то обиженные огласили меня злымъ и опаснымъ мальчишкой; всѣ же тѣ, коихъ острые слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ приятнымъ“. Между товарищами—соучениками онъ прослылъ великимъ критикомъ. Директоръ университета Н. И. Меллисино вздумалъ представить университетскихъ питомцевъ Императрицѣ и съ этою цѣлью десять изъ нихъ, въ томъ числѣ и Фонъ-Визина, привезъ въ Петербургъ. Пробываніе въ Петербургѣ имѣло для Фонъ-Визина чрезвычайно важное значеніе; здѣсь онъ былъ представленъ Ломоносову, который похвалилъ его за изученіе латинскаго языка; здѣсь онъ въ первый разъ увидѣлъ театръ и познакомился съ Волковымъ, Дмитревскимъ и Шумскимъ. „Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, говоритъ онъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ—великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе“⁽²⁾. Замѣчательно, что эта комедія была „Генрихъ и Чернилла“ Гольберга, басни котораго Фонъ-Визинъ вскорѣ перевелъ на русскій языкъ и драматическія сочиненія котораго имѣли потомъ значительное вліяніе на его собственныя комедіи.— По возвращеніи въ Москву, Фонъ-Визинъ продолжалъ ученіе въ университетѣ, гдѣ, между прочимъ, съ особеннымъ вниманіемъ и успѣхомъ слушалъ логику у профессора Шадена, занимался

(1) Чистосердочное признаніе стр. 530—534. (2) Тамъ же 539.

переводами съ нѣмецкаго языка и перевелъ „Сива, царя Египетскаго“; при помощи латинскаго языка изучилъ языкъ французскій и началъ переводить стихами „Альзиру“ Вольтера. Къ этому времени, вѣроятно, относится тотъ случай, о которомъ Фонъ-Визинъ рассказываетъ въ своей автобіографіи и которому онъ приписываетъ роковое вліяніе на всю свою жизнь. „Въ Университетѣ, говоритъ онъ, былъ тогда книгопродавецъ, который услышалъ отъ моихъ учителей, что я способенъ переводить книги. Сей книгопродавецъ предложилъ мнѣ переводить Голъберговы басни; за труды обѣщаль чужестранныхъ книгъ на пятьдесятъ рублей. Сіе подало мнѣ надежду имѣть современемъ нужныя книги за одни мои труды. Книгопродавецъ сдержалъ слово и книги на условенныя деньги мнѣ отдалъ. Но какія книги! Онъ, видя меня въ лѣтахъ бурныхъ страстей, отобралъ для меня цѣлое собраніе книгъ соблазнительныхъ, украшенныхъ скверными эстампами, кои развратили мое воображеніе и возмутили мою душу. И кто знаетъ, не отъ сего ли времени началась скапливаться та болѣзнь, которою я столько лѣтъ стражду“⁽¹⁾? Въ 1762 г., въ годъ возшествія Екатерины на престолъ, Фонъ-Визинъ былъ уже сержантомъ гвардіи; но онъ не долго оставался въ военной службѣ и вскорѣ поступилъ въ иностранную коллегію переводчикомъ, подъ начальство канцлера графа Воронцова, а въ слѣдующемъ 1763 г., сдѣлался секретаремъ у кабинетъ-министра И. П. Елагина. Здѣсь онъ имѣлъ непріятныя столкновенія съ Лукинымъ, который, по его словамъ, былъ „безпримѣрнаго высокомерія и правомъ тяжелъ пренесносно“. Въ то же самое время онъ познакомился съ однимъ молодымъ княземъ и писателемъ (Θ. А. Козловскимъ), который ввелъ его въ общество тогдашнихъ русскихъ вольнодумцевъ. „Лучшее препровожденіе времени этого общества, говоритъ онъ, состояло въ богохуленіи и кощунствѣ. Въ первомъ не принималъ я никакого участія и содрогался, слыша ругательства безбожниковъ, а въ кощунствѣ я и самъ игралъ не послѣднюю роль, ибо всего легче шутить надъ святыней и обращать въ смѣхъ то, что должно быть почтено. Въ сіе время сочинилъ я посланіе къ Шумилову, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе, такъ что отъ сего сочиненія у многихъ прослылъ я безбожникомъ“⁽²⁾.—Въ 1766 году Фонъ-Визинъ написалъ „Бригадира“. Комедія эта произвела такое впечатлѣніе, что Фонъ-Визина наперерывъ приглашали читать ее къ разнымъ вельможамъ: къ Бибикову, Орлову, Н. И. и П. И. Панинымъ, Строганову, наконецъ къ самой Императрицѣ и къ великому князю. Весь Петер-

(¹) Тамъ же 535. (²) Тамъ же 542.

бургъ заговорилъ о Бригадирѣ и Фонъ-Визинѣ. Особенно нравилась комедія графу Н. И. Панину. „Поздравляю васъ съ успѣхомъ комедіи вашей, говорилъ онъ ему; я васъ увѣрю, что пьшѣ во всемъ Петербургѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о комедіи и о чтеніи вашемъ“⁽¹⁾. Но сдѣлавъ имя Фонъ-Визина извѣстнымъ Императрицѣ и познакомивъ его съ первыми сановниками государства, комедія познакомила его и съ разными вольнодумцами и безбожниками въ этихъ высшихъ сферахъ Петербургскаго общества. Такимъ былъ между прочимъ одинъ старый графъ, у котораго Фонъ-Визину привелось быть однажды на обѣдѣ и о которомъ онъ говоритъ въ своей исповѣди: „сей старый грѣшникъ отвергалъ даже бытіе Всевышняго Существа. Ему вздумалось за обѣдомъ открыть свой образъ мыслей, или лучше сказать, свое безбожіе при молодыхъ людяхъ, за столомъ бывшихъ, и при слугахъ. Разсужденія его были софистическія и безуміе явное; но со всѣмъ тѣмъ поколебали душу мою“⁽²⁾. Здѣсь же Фонъ-Визинъ упоминаетъ о другомъ подобномъ атеистѣ, о которомъ разсказывалъ ему П. И. Тепловъ. Это былъ тогдашній Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, Чебышевъ, который до того былъ погруженъ въ безбожіе, что не стыдился проповѣдывать его открыто на гостинномъ дворѣ, попавшемуся ему на встрѣчу унтеръ-офицеру гвардіи. Узнавъ о религіозныхъ колебаніяхъ Фонъ-Визина, Тепловъ посоветовалъ ему прочесть сочиненіе англійскаго писателя, Самуэля Кларка (1675—1729), который писалъ противъ Гоббеса, Спинозы и ихъ послѣдователей. Фонъ-Визину такъ понравились „Доказательства бытія Божія и истины Христіанской вѣры“ Кларка, что лучшія мѣста изъ этого сочиненія онъ перезелъ на русскій языкъ. Это сочиненіе Кларка и религіозныя впечатлѣнія дѣтства, вынесенныя изъ домашняго религіознаго воспитанія, спасли Фонъ-Визина отъ невѣрія.

Въ 1769 г. Фонъ-Визинъ поступилъ на службу подъ начальство графа Н. И. Панина, который былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и воспитателемъ наслѣдника В. К. Павла Петровича. Съ этого времени началось настоящее политическое поприще Фонъ-Визина. Всѣ письменныя дѣла, сосредоточивавшіяся въ министерствѣ Панина, переходили чрезъ его руки; несомнѣнно также, что Фонъ-Визинъ принималъ и непосредственное участіе въ дѣлахъ. Переписка его со многими лицами тогдашней дипломатіи показываетъ, что онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Вращаясь въ этой средѣ, Фонъ-Визинъ пріобрѣлъ то знаніе придворной жизни и высшаго свѣта, которое выразилось въ его сочине-

(1) Тамъ же 544. (2) 547.

ніяхъ. Наконецъ служба подъ начальствомъ Панина сдѣлалась для Фонъ-Визина и источникомъ вѣшняго благосостоянія. Въ 1773 г., по случаю окончанія воспитанія и совершеннолѣтія князя наслѣдника, Екатерина подарила въ награду Панину 9,000 душъ крестьянъ. Панинъ оставилъ себѣ изъ нихъ только 5,000, а остальные 4000 раздѣлилъ между своими секретарями, Фонъ-Визинымъ, Бакунинымъ и Убри; на долю Фонъ-Визина досталось 1,180 душъ. Это обстоятельство и женитьба на одной богатой вдовѣ давали ему возможность устроить свою жизнь самымъ довольнымъ и спокойнымъ образомъ. Но начавшіяся вскорѣ болѣзни, разстроившія его здоровье, разстроили и все его довольство и благосостояніе. Фонъ-Визинъ четыре раза былъ за границей. Въ первый разъ онъ ѣздилъ туда по порученію начальства; во второй разъ въ 1778 г. по случаю нездоровья своей жены. Плодомъ этого путешествія были его письма къ П. И. Панину изъ Лейпцига, Ліона и Монпелье, гдѣ онъ пробылъ около двухъ мѣсяцевъ, и изъ Парижа, гдѣ онъ также жилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Парижѣ онъ познакомился со многими учеными людьми и писателями, особенно съ Мармонтелемъ и членомъ Французской Академіи, Томасомъ. Онъ видѣлъ и описалъ, въ письмахъ къ графу Панину, триумфъ, сдѣланный въ Парижѣ Вольтеру, встрѣчу его на улицахъ города, пріемъ его въ Академіи наукъ и въ театрѣ и торжественные проводы его изъ театра въ домъ съ факелами.—Въ 1782 г. 24 сентября дава была въ первый разъ въ театрѣ комедія „Недоросль“, поставившая Фонъ-Визина выше всѣхъ современныхъ литературныхъ знаменитостей. „При представленіи сей комедія, по свидѣтельству Драматическаго Словаря, театръ былъ несравненно наполненъ и публика апплодировала сію піэсу метаніемъ кошельковъ, а князь Потемкинъ, по разсказамъ современниковъ, послѣ ея представленія, сказалъ Фонъ-Визину: „умри, Денисъ, или больше уже ничего не пиши“. Въ этомъ же году были напечатаны въ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова“ знаменитые „Вопросы“ Фонъ-Визина къ сочинителю Былей и Небылицъ“.—Смерть графа Панина въ 1783 г., котораго онъ любилъ и почиталъ искренно, какъ перваго своего благодѣтеля, вредно подѣйствовала на его здоровье, которое уже давно было разстроено разными увлеченіями, излишествами въ наслажденіяхъ и вообще неумѣренною жизнію. Онъ вышелъ въ отставку и для леченія отправился въ Италію и прожилъ здѣсь около 8 мѣсяцевъ. Это путешествіе описано имъ въ письмахъ изъ Рима. Но здоровье его не поправилось; въ 1785 г. съ нимъ сдѣлался параличъ, который лишилъ его свободнаго употребленія языка, лѣвой руки и ноги. Для леченія онъ опять въ 1786 г. отправился въ Европу, былъ въ Вѣнѣ, Карлсбадѣ и Трендинѣ (въ Венгріи).

Хотя и это путешествіе не поправило его здоровья, однакожъ онъ въ 1788 г. собирався издавать журналъ, подъ названіемъ „Другъ честныхъ людей, или Стародумъ“, и приготовилъ для него нѣсколько статей; но цензура не разрѣшила его изданія. Послѣдніе годы его жизни были постояннымъ страданіемъ. Умеръ Фонъ-Визинъ въ 1792 г.—„Всѣ преданія о Фонъ-Визинѣ, говоритъ Вяземскій, удостовѣряють, что онъ былъ характера пріятнаго, разговора живаго и остраго, любезности веселой и увлекательной, надежный въ дружбѣ, въ поведеніи прямой, чистосердечный, безкорыстный и незлопамятный.... Онъ много имѣлъ дарованій сценическихъ, хорошо передразнивалъ и читалъ съ большимъ искусствомъ. Кажется, онъ въ дружескихъ обществахъ игрывалъ или собирався играть роль Стародума въ своемъ „Недоросль“... Онъ былъ очень общителенъ, любилъ быть съ людьми дома и въ гостяхъ... Литературное общество его составляли всѣ лучшіе писатели и образованные люди того времени: Державинъ, Домашневъ, Богдановичъ, Козодавлевъ, Дмитревскій... Болѣзненное состояніе, особенно въ послѣдніе годы жизни, и тяжелыя страданія развили въ немъ религіозное настроеніе, которое располагало его къ духовнымъ размышленіямъ, смиренію духомъ и раскаянію въ прежнихъ заблужденіяхъ“. Въ разсужденіи о суетной жизни человѣческой, на случай смерти князя Потемкина, онъ между прочимъ говоритъ: „Всѣмъ знающимъ меня извѣстно, что я стражду самъ отъ слѣдствія удара апоплексическаго; не болѣе, какъ въ теченіе года, поразили меня четыре такихъ удара, но Господь, защитникъ живота моего, всегда отвращалъ вознесшуюся на меня злобу смерти; Его святой воля угодно было лишить меня руки, ноги и части употребленія языка: наказуя, наказавъ меня Господь, смерти же не предаде. Но сіе лишеніе почитаю я дѣйствіемъ безконечнаго ко мнѣ Его милосердія. Съ благоговѣніемъ ношу я наложенный на меня крестъ и не престану до конца жизни моей восклицать: Господи! благо мнѣ, яко смирилъ мя еси ⁽¹⁾. Разсказываютъ, что, сидя однажды въ университетской церкви, онъ говорилъ университетскимъ питомцамъ, указывая на себя: „Дѣти! возьмите меня въ примѣръ! Я наказанъ за свое вольнодумство; не оскорбляйте Бога ни словами, ни мыслію“. Въ доказательство, что сіе смиреніе духа не было въ немъ ни ханжествомъ, ни робкимъ уныніемъ, должно прибавить, что онъ и въ самое то время сохранилъ по возможности живость мыслей и веселость разговора ⁽²⁾.

(¹) Стр. 263—64. (²) Сочин. Вяземскаго V, 165—168.

Сочиненія Фонъ-Визина. Значеніе Фонъ-Визина въ исторіи русскаго просвѣщенія, какъ передоваго мыслителя въ Екатерининскую эпоху, и въ исторіи русской литературы, какъ образцоваго писателя, выразившаго основныя идеи и стремленія этой эпохи, основывается главнымъ образомъ на двухъ комедіяхъ— „Бригадиръ“ и „Недоросль“.

Содержаніе и значеніе „Бригадира“. Основная мысль „Бригадира“—мысль о вредныхъ послѣдствіяхъ ложнаго иностраннаго образованія, получаемаго чрезъ французскихъ гувернеровъ и посредствомъ путешествій за границей. Для выраженія этой мысли представлено нѣсколько сценъ изъ жизни помѣщиковъ XVIII в. стараго поколѣнія, которое не хотѣло знать никакого образованія и жило по старымъ русскимъ привычкамъ, и новаго поколѣнія, которое также не знало никакого образованія, но, отвергая все русское, хотѣло жить по новому французскому образцу. Идеаломъ для перваго служилъ большой крупный чинъ, который можетъ дать помѣстье въ нѣсколько тысячъ душъ и хорошую т. е. выгодную должность, съ хорошими доходами, позволявшими жить въ свою волю; идеаломъ для послѣдняго—распущенная жизнь, свободная отъ всякихъ правилъ, законовъ и приличій. Представителями перваго поколѣнія въ комедіи служатъ Бригадиръ, Бригадирша и Совѣтникъ; представителями послѣдняго—сынъ Бригадира, Иванушка, и Совѣтница. Тѣ и другія лица—чисто отрицательнаго, сатирическаго характера; идеальныя лица, долженствующія явиться на сцену этихъ лицъ, выставлены только въ Софѣ и Добролюбовѣ. Завязка комедіи, согласно съ обычаями тогдашней французской комедіи, основана на любви. Заслуженный отставной Бригадиръ, на пути изъ Петербурга въ свои деревни, заѣхалъ съ своей женой и сыномъ въ деревню живущаго также въ отставкѣ совѣтника коллегіи. У этого совѣтника была дочь Софья. У Софьи былъ уже женихъ Добролюбовъ; но Бригадиръ посваталъ ее за сына своего, Иванушку, и Совѣтникъ и Совѣтница согласились войти въ такую знатную родню, тѣмъ болѣе, что Добролюбовъ, какъ человѣкъ бѣдный, представлялся имъ плохой партией для Софьи. Вотъ какою сценой открывается комедія:

Совѣтникъ (смотря въ календарь). Такъ, ежели Богъ благословитъ, то 26-е число быть свадьбѣ.

Сынъ. Hélas!

Бригадиръ. Очень изрядно, добрый сосѣдъ. Мы хотя другъ друга и недавно узнали, однако это не помѣшало мнѣ, проѣзжая изъ Петербурга домой, заѣхать къ вамъ въ деревню съ женою и сыномъ. Такой совѣтникъ, какъ ты, достоинъ быть

другомъ отъ арміи Бригадиру, и я началъ уже со всѣми вами обходиться безъ чиновъ.

Совѣтница. Для насъ, сударь, фасоны не нужны. Мы сами въ деревнѣ обходимся со всѣми безъ церемоніи.

Бригадирша. Ахъ, мать моя! да какая церемонія межъ нами, когда (указывая на Совѣтника) хочетъ онъ выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, съ Божіимъ благословеніемъ. А чтобъ лучше на него, Господа, положиться было можно, то дайте вы ей и родительское свое награжденіе. На что тутъ церемонія? ⁽¹⁾

Свадьба, однакожъ, не состоялась. Ей помѣшали любовныя интриги, въ которыя запутались Бригадиръ и сынъ его съ Совѣтницей, а Совѣтникъ съ Бригадиршей. Вслѣдствіе чего и Софья вышла за прежняго жениха, Добролюбова, который притомъ вдругъ получилъ богатое имѣніе. Въ комедіи нѣтъ настоящаго драматическаго дѣйствія; весь интересъ ея заключается въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, ихъ смѣшныхъ положеніяхъ и забавныхъ разговорахъ.

Въ лицѣ Бригадира изображенъ отставной военный—человѣкъ властный. Дослужившись до высокаго чина на военной службѣ, онъ ничего не цѣнитъ, кромѣ этого чина и военной службы. Онъ никогда не читалъ и не хочетъ читать ничего, кромѣ военнаго артикула, военнаго устава и межевой инструкціи. Обходится онъ со всѣми также по военному. Совѣтникъ говоритъ о немъ: „военный человѣкъ, а притомъ и кавалеристъ не столько иногда любить жену свою, сколько лошадей“. Дѣйствительно жена его, Бригадирша, жалуется, что онъ всегда „вымещалъ на ней вину каждаго рядоваго“. — „Жена, замѣчаетъ ей Бригадиръ, по поводу этой жалобы, не все врѣ, что знаешь“. — „Ай, жена! я тебѣ говорю, не вступайся. Или я скоро сдѣлаю то, что и впрямь на твоей головѣ нечего считать будетъ, говоритъ онъ Бригадиршѣ, въ спорѣ о табели о рангахъ. Точно также онъ обращается и съ сыномъ: „Иванъ, не бѣси меня! Ты знаешь, что я разомъ ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каковъ я“?

Бригадирша, по представленію мужа, набитая дура, внѣ хозайства и скопидомства не понимающая никакихъ, самыхъ простыхъ, вещей. Скопидомство и скупость—основныя черты въ ея характерѣ, составляющія главные мотивы всѣхъ ея дѣйствій. Бригадиршѣ „скучны всѣ тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣтъ никакого барыша“. Она можетъ говорить только объ овсѣ, о сѣнѣ, о кормѣ людей и лошадей. Книгъ она также не любитъ. Заслы-

---

(1) Сочин. Фонъ Визина. изд. Фѣремова. Спб. 1866 г. стр. 1.

шавъ разговоръ о грамматикѣ, она замѣчаетъ: „конечно, грамматика не надобна; прежде нежели учить ее станешь, такъ вѣдь ее купить еще надобно, заплатить за нее гривень восемь, а выучишь ли, нѣтъ ли, Богъ знаетъ“. Вообще она такъ скупа, что, по выраженію ея сына, Иванушки, „за рубль рада вытерпѣть горячку съ пятнами“. Въ обращеніи она была сварлива и неуживчива. Ея характеръ въ этомъ отношеніи очень мѣтко опредѣляетъ тотъ же Иванушка, когда говоритъ, „что отецъ его, Бригадиръ, до жепитъбы не вѣрилъ, что и чортъ есть; однакоже, женися на матушкѣ, скоро повѣрилъ, что нечистый духъ экзистируетъ“⁽¹⁾.

Совѣтникъ — типъ стараго взяточника и лихоимца и въ тоже время страшнаго ханжи. Съ безцеремонною пагlostію, не ожидающею никакихъ осужденій и возраженій, онъ говоритъ о своей службѣ: „Я самъ бывалъ судьей: виноватый, бывало, платитъ за вину свою, а правый за свою правду; и такъ въ мое время всѣ довольны были: и судья, и истецъ, и отвѣтчикъ... Когда правый по приговору судейскому обвиненъ, тогда онъ уже сталъ не правый, а виноватый; такъ ему нечего тутъ умничать. У насъ указы потверже, нежели у челобитчиковъ. Челобитчикъ толкуетъ указъ на одинъ манеръ, то есть на свой, а нашъ братъ, судья, для общей пользы, манеровъ на двадцать одинъ указъ толковать можетъ“⁽²⁾. „И такъ всегда говорилъ, что взятки и запрещать невозможно. Какъ рѣшить дѣло за одно свое жалованье? Этого мы, какъ родились, и не слыхивали! Это противъ натуры человѣческой“... И говоря такимъ образомъ, онъ прибавляетъ, что всѣ „грѣшныя человѣцы“ и является настоящимъ ханжей, со смиреннымъ вздохомъ оправдывающимъ свои грѣхи. Но ханжество Совѣтника, составляющее, дѣйствительно, основную черту въ его характерѣ, вполне выражается въ разговорѣ его съ Бригадиршей⁽³⁾, который напоминаетъ сцену Тартюфа съ Ельвирой и, можетъ быть, написанъ Фонъ-Визинымъ по подражанію этой сценѣ. Раскрывая тайну своего грязнаго волокитства, Совѣтникъ цитуетъ тексты свящ. писанія, кощунствуетъ и такимъ образомъ играетъ роль русскаго Тартюфа самаго грубаго вида. Сцена эта, непріятная и въ простомъ чтеніи, особенно оскорбительною для нравственнаго чувства выходитъ на театрѣ. Конечно, она представлена авторомъ для характеристики нравственной распушенности того вѣка; но, къ сожалѣнію, рисуя ее, авторъ отнесся къ ней слишкомъ легко, въ такомъ веселомъ и шутиломъ тонѣ, который скорѣе можетъ потворствовать грубому вку-

(1) Сочин. стр. 6. 8. (2) Сочин. стр. 13. (3) Стр. 15—17.

су, чѣмъ исправлять нравы. Вообще надобно сказать, что въ комедіи „Бригадиръ“ по справедливому замѣчанію Вяземскаго, нѣтъ настоящей *vis comica*, являющейся слѣдствіемъ глубокаго сатирическаго негодованія на пороки, а повсюду преобладаетъ веселая насмѣшка, какъ выраженіе шутливаго настроенія духа автора, который рисуетъ сцены распущенности, по видимому, съ удовольствіемъ.

Сынъ Бригадира Иванушка — образчикъ новомоднаго французскаго воспитанія. „Дура, мать его, а моя жена, говоритъ Бригадиръ, причиною тому, что сдѣлался онъ повѣсою, и тѣмъ хуже, что сдѣлался онъ повѣсою французскою. Худы русскіе, а французскіе еще гаже“. До отбѣзда въ Парижъ онъ былъ въ пансіонѣ какаго-то бывшаго французскаго кучера. Въ Парижѣ онъ не приобрѣлъ ничего, кромѣ глупаго либеральничанья, нѣсколькихъ французскихъ фразъ, которыя онъ вставляетъ въ русскій разговоръ, и презрѣнія ко всему русскому. „Все мое несчастіе, говоритъ онъ Совѣтницѣ, состоитъ только въ томъ, что ты русская. Это такой *defaut*, котораго ничѣмъ загладить уже нельзя“... „Тѣло мое родилось въ Россіи — это правда, однако духъ мой принадлежитъ коронѣ французской“. Объ образованіи Иванушка говоритъ: „неданти думаютъ, что надобно украшать голову внутри, а не снаружи. Какая пустота! Чортъ ли видитъ то, что скрыто, а наружное всякъ видитъ“. Нахватавшись матеріалистическихъ воззрѣній во Франціи, онъ ко всему относится съ нахальнымъ кощунствомъ. Услышавъ замѣчаніе Совѣтника о разводѣ: Богъ сочетаетъ, человекъ не разлучаетъ, онъ говоритъ: „Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои. во Франціи онъ оставилъ на людское произволеніе—любить, измѣнять, жениться и разводиться“.—Объ отцѣ своемъ и матери онъ выражается Совѣтницѣ: „Вы знаете, каково жить и съ добрыми отцами; а я, чортъ меня возьми, я живу съ животными“. Узнавъ о любви отца къ Совѣтницѣ, онъ хочетъ вызвать его на дуэль. „Я читалъ, говоритъ онъ, въ прекрасной книгѣ, какъ били ее зовутъ... *le nom m'est echappé*, да... въ книгѣ *les sottises du temps*, что одинъ сынъ въ Парижѣ вызывалъ отца своего на дуэль... а я, али я скотъ, чтобъ не послѣдовать тому, что хотя одинъ разъ случилось въ Парижѣ? Наконецъ въ одной ссорѣ съ отцемъ онъ говоритъ ему, что „какъ щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ, то и онъ не долженъ ему хотя малѣйшимъ респектомъ“⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Сочин. стр. 20; 22—23; 37.

Совѣтница—глупая кокетка щеголиха, воспитанная на французскихъ романахъ — типъ тѣхъ русскихъ женщинъ моднаго иностраннаго воспитанія въ XVIII в., которыя усвоивали отъ иностранцевъ только одну внѣшность, страсть къ нарядамъ, къ щегольству и мотовству, а изъ книгъ вычитывали не гуманныя идеи о правахъ и обязанностяхъ человѣка, а примѣры чувственной распущенности, по которымъ вольное поведеніе и развратъ считались признаками образованности, а супружеская вѣрность предразсудкомъ. Естественно, что она увлеклась такимъ образчикомъ французскаго воспитанія, каковъ былъ Иванушка. „Боже тебя сохрани, говоритъ она ему, чтобъ голова твоя была наполнена инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ. Книжъ, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться на вѣки дурую“. „Чортъ меня возьми, ежели грамматика къ чему нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ. Въ городѣ по крайней мѣрѣ изорвала я одну на папильоты“. Къ французскому языку она питаетъ благоговѣніе и постоянно въ свой разговоръ вставляетъ французскія слова. „Я капабельна развестись съ тобою, говоритъ она своему мужу, ежели ты меня такъ шпетить станешь“. „Мой мужъ, говоритъ она Иванушкѣ, думаетъ, что будто Богъ столько комплезанъ, что за всеобщую проститъ ему то, что наворовано днемъ“. „Для меня нѣтъ ничего comodнѣе свободы“. И когда Иванушка сказалъ ей, что „осторожность, постоянство, терпѣливость (въ любви) похвальны были тогда, когда люди не знали, какъ должны жить въ свѣтѣ; а мы, которые знаемъ, что это такое, *que de vivre dans le grand monde*, мы, конечно, были бы съ постоянствомъ очень смѣшны въ глазахъ всѣхъ такихъ же разумныхъ людей, какъ мы“, она съ радостію восклицаетъ: „Вотъ прямыя правила жизни! душа моя! Я не была въ Парижѣ, однако чувствуетъ сердце мое, что ты говоришь самую истину. Сердце человѣческое есть всегда сердце и въ Парижѣ и въ Россіи, оно обмануть не можетъ“. По поводу приведенныхъ выше глупыхъ и грубыхъ выходокъ Иванушки противъ отца, она говоритъ ему: „Ахъ, радость моя! мнѣ мило твое чистосердечіе. Ты не щадишь отца своего! Вотъ прямая добродѣтель нашего вѣка!“⁽¹⁾

Причиной всѣхъ пороковъ выведенныхъ лицъ служатъ невежество и дурное воспитаніе. На смѣну этихъ лицъ должны явиться люди образованные и нравственно воспитанные. Зачатки такихъ лицъ указываются въ Добролюбовѣ и Софьѣ. Добролюбовъ — лице совершенно противоположное Иванушкѣ. Уважая

⁽¹⁾ Сочин. стр. 3. 6. 19.

иностранный просвѣщеніе, онъ однакожъ хочетъ быть русскимъ и заступаетъ за все русское. Во всемъ онъ хочетъ поступать благоразумно и честно. Онъ находитъ невозможнымъ начинать дѣло въ судѣ, если оно не справедливо. Софья—лице противоположное Совѣтницѣ; она также честная и благоразумная дѣвушка. Она покорная дочь и почитаетъ своего отца, хотя и видитъ и знаетъ его пороки; она искренно любитъ своего жениха и остается вѣрна ему, не смотря на всѣ препятствія. Но эти идеальныя лица только выставлены, намѣчены, но нисколько не описаны. Съ болѣе определенной фizioноміей они выведены Фонъ-Визинимъ въ „Недорослѣ“. Здѣсь рѣшается и вопросъ о воспитаніи, на которое въ „Бригадирѣ“ только сдѣлано указаніе. Добролюбовъ только указываетъ, что причиною дурныхъ дѣтей, составляющихъ безчестіе для родителей, служитъ воспитаніе; но онъ не объясняетъ, каково должно быть воспитаніе, и каковы должны быть люди истинно образованные. Это указываютъ Стародумъ, Милонъ и Софья въ „Недорослѣ“.

Основной недостатокъ „Бригадира“ составляетъ преувеличеніе, доходящее до каррикатуры. На этомъ основаніи Вяземскій справедливо сказалъ, что „Бригадиръ“ болѣе комическая каррикатура, нежели комическая картина, хотя здѣсь, по его словамъ, каррикатурный отпечатокъ не признаетъ безвкусія, а выраженіе ума оригинальнаго. „Портретный живописецъ, говоритъ онъ, нѣсколько идеализируетъ свой подлинникъ съ цѣлью изящнаго; каррикатурный мастеръ идеализируетъ свой въ смѣшномъ и уродливомъ видѣ; но и тотъ и другой не измѣняютъ истинѣ“⁽¹⁾. Дѣйствительно, въ основѣ каррикатуры у Фонъ-Визина лежатъ черты, глубоко вѣрныя. Особенно типичнымъ и вѣрнымъ дѣйствительности современники находили характеръ Бригадирши. „Я вижу, сказалъ Фонъ-Визину графъ Н. И. Панинъ, выслушавъ въ первый разъ „Бригадира“, что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимофеевну не имѣетъ или бабушку или тетюшку, или какую нибудь свойственницу. Это въ нашихъ нравахъ первая комедія, и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурицу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однакожъ роль ее столь интересною, что все хочется ее слушать. Я не удивляюсь, если сія комедія столь много имѣетъ успѣха“⁽²⁾. „Въ Бригадирѣ, говоритъ Вяземскій, въ первый разъ слышали на нашей сценѣ языкъ натуральный, остроумный. Въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ можно замѣтить нѣсколько натяжекъ, нѣ-

(1) Сочин. Вязем. V, 133. (2) Соч. Фонъ-Визина. Автобіогр. стр. 545.

сколько эпиграммъ слишкомъ увѣенныхъ, не отлетающихъ отъ разговора, но брошенныхъ поперегъ его самымъ авторомъ. Кое-гдѣ встрѣчаются шутки, такъ сказать, слишкомъ заряженные: шутка, слишкомъ туго набитая, какъ орудіе, не попадаетъ въ цѣль, а разрывается въ сторону“ (1).

„Недоросль“. Комедія „Недоросль“ написана Фонъ-Визинимъ чрезъ 16 лѣтъ послѣ „Бригадира“, въ 1782 г., слѣд. въ эпоху полной зрѣлости литературнаго таланта Фонъ-Визина и во время наибольшаго распространенія въ обществѣ просвѣтительныхъ идей Наказа о воспитаніи, образованіи и управленіи. Подъ вліяніемъ этихъ идей составлена вся комедія, нѣкоторыя же сцены ея почти буквально повторяютъ правила Наказа.—И въ „Недорослѣ“ точно также, какъ въ „Бригадирѣ“, противопоставляются другъ другу два поколѣнія, старое и новое, изображаются съ одной стороны примѣры домашняго воспитанія, подъ вліяніемъ грубыхъ и невѣжественныхъ родителей, а съ другой — образцы новаго воспитанія, но только уже не съ отрицательной стороны, какъ въ „Бригадирѣ“, а со стороны идеальной. Сюжетъ комедіи не сложенъ. Въ семействѣ помѣщиковъ Простаковыхъ воспитывается ихъ родственница, сиротка Софья, у которой, однакожъ, есть свое недвижимое имѣніе, состоящее изъ нѣсколькихъ деревень. Чтобы не упустить на сторону этого имѣнія, Простакова сначала хотѣла выдать Софью насильно за роднаго брата своего, Тараса Скотинина, котораго она съ этою цѣлью и вызвала къ себѣ въ деревню, а потомъ, когда узнала, что дядя Софьи, Стародумъ, считавшійся погибшимъ, живъ и возвратился изъ Сибири съ большимъ состояніемъ, которое отдаетъ въ приданое за племянницей, измѣнила свое намѣреніе, и вздумала женить на Софьѣ сына своего, недоросля Митрофанушку. Но слѣлать это ей не удалось. Возвратившійся изъ Сибири Стародумъ, увидѣвъ грубую, невѣжественную жизнь Простаковыхъ и глупость Недоросля, тотчасъ же рѣшился увести племянницу изъ ихъ дома и выдать ее за-мужъ за умнаго и добраго офицера, Милона, который и прежде былъ извѣстенъ Софьѣ. Простакова не только не приобрѣла новыхъ деревень, но и лишилась своего собственнаго имѣнія, потому что чиновникъ Правдинъ, наблюдающій за обращеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами, узнавъ о грубыхъ и безчеловѣчныхъ поступкахъ ея съ людьми, отдалъ имѣніе ея въ опеку, а сына ея, Недоросля, отправилъ на службу. Комедія названа по имени Недоросля потому, что въ Недорослѣ выражена

(1) Соч. Вязем. V, 134.

основная ея идея и представленъ образчикъ невѣжественнаго домашняго воспитанія, подъ вліяніемъ грубыхъ невѣжественныхъ родителей. Главными же дѣйствующими лицами въ ней служатъ Простакова и Стародумъ.

Въ лицѣ Простаковой представлена взбалмошная женщина-самодуръ. Простакова хвалится тѣмъ, что она происходитъ изъ рода Скотининыхъ, въ которомъ ничему не учили. „Бывало, говоритъ она, добры люди приступать къ батюшкѣ, улаживаютъ, улаживаютъ, чтобы хоть братца отдать въ школу. — кстати ли? Покойникъ - свѣтъ и руками, и ногами, царство ему небесное! Бывало, изволить закричать: проклянѣу ребенка, который что-нибудь перейметъ у басурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ“⁽¹⁾. „Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволили, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ, бывало, всегда сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворить и что-нибудь положить“⁽²⁾. Въ семействѣ, какъ мать и хозяйка, Простакова была, по словамъ Правдина, „презлая фурія, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго дома“. Жалуясь на неспособность мужа, она говоритъ Правдину: „Все сама управляюсь, батюшка! Съ утра до вечера какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладываю: то бравюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится, мой батюшка!“⁽³⁾. Самоуверенный, бѣшеный характеръ ея особенно рельефно изображается въ сценахъ съ портнымъ Тришкой, который, по ея мнѣнію, обузилъ кафтанъ Митрофанушкѣ; съ няней Еремѣевой, не защитившей Митрофанушку отъ Скотинина, и самимъ Скотининымъ: „Ахъ, батюшка, сердце взяло! дай додраться!... Нѣтъ, братецъ, ты долженъ образъ вымѣнять господина офицера; а кабы не онъ, то бы ты отъ меня не заслопился“⁽⁴⁾. Съ какимъ также бѣшенымъ негодованіемъ Простакова навидывается на Софью, когда та сказала, что получила письмо отъ дяди Стародума, котораго считали умершимъ, по который оказался живъ и не умираетъ: „Не умираетъ! а развѣ ему и умереть нельзя? Нѣтъ, сударыня, это твои вымыслы... Какъ не умираетъ? Развѣ ты не знаешь, говоритъ она мужу, что ужъ нѣсколько лѣтъ отъ меня его и въ памяткахъ за упокой поминать? Не ужъ-то таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили?... Да которая бестія, говоритъ она, обращаясь къ Софьѣ, безъ моего спросу отдаетъ тебѣ письма?... Вотъ до чего дошли: къ дѣвушкамъ письма ии-

⁽¹⁾ Стр. 78. ⁽²⁾ Стр. 98. ⁽³⁾ Стр. 58. 64. ⁽⁴⁾ Стр. 49 — 50. 67.
73—74.

шутъ. Дѣвушки грамотѣ умѣютъ!... Нѣтъ, сударыня, я благодаря Бога, не такъ воспитана! Я могу письма получать, а читать ихъ велю всегда другому“⁽¹⁾.—Какъ помѣщица, Простакова—„госпожа безчеловѣчная, которой злоправіе въ благоустроенномъ государствѣ терпимо быть не можетъ“⁽²⁾. Своихъ людей или прислугу, она и не называетъ иначе, какъ „скотъ“, „бестія“, „воровская твоя харя“ и проч. Когда ей сказали, что ея горничная, Палашка, захворала и лежитъ, она закричала: „Лежить!... Ахъ, она бестія! Лежить, какъ будто она благородная!“. Она даже не понимаетъ другаго, человѣческаго обращенія съ своими людьми, и бить и тиранить ихъ считаетъ своимъ дворянскимъ правомъ. На вопросъ Правдина „за что вы хотите наказывать людей вашихъ“, она отвѣчаетъ рядомъ вопросовъ, вполне характеризующихъ ея деспотическія воззрѣнія: „Ахъ, батюшка! Это что за вопросъ? Развѣ я не властна въ своихъ людяхъ?... Да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить своего слугу, когда захочетъ?... Да на что жъ данъ намъ указъ-отъ о вольности дворянства?“ Грубая и дерзкая, когда сознаетъ свою силу, она прибѣгаетъ къ лести и униженію въ случаѣ нужды, неудачи или несчастья. Узнавъ, что Стародумъ дѣлаетъ Софью своей наслѣдницей, оставляя ей десять тысячъ, она вдругъ перемѣняетъ съ ней обращеніе, начинаетъ хвалить ея дядю и вообще изъ грубей и бранчивой дѣлается ласковой и льстивой. Но какъ неожиданны у ней переходы отъ грубости къ лести, отъ дерзости къ униженію, также быстро она переходитъ отъ крайняго униженія къ бѣшеной дерзости и самодурству. Она на колѣняхъ умоливаетъ Софью и Стародума простить ея вину—намѣреніе похитить Софью и насильно обвинять ее на Митрофанушкѣ. „Мой грѣхъ! Не погубите меня!... Мать ты моя родная, прости меня, умилосердись надо мною!... Батюшка! Прости и ты меня, грѣшную! Вѣдь я человѣкъ, не ангелъ!“ Но когда Софья сказала, что она забываетъ сдѣланное ей оскорбленіе, и Стародумъ прощаетъ ее, она быстро вскакиваетъ и съ радостію предается бѣшеному гнѣву: „Простилъ! Ахъ, батюшка!... Ну, теперь-то я дамъ зорю канальямъ своимъ людямъ! Теперь-то я всѣхъ переберу по одиночкѣ! Теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ! Нѣтъ мошенники! Нѣтъ воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки“⁽³⁾. Обращеніе Простаковой съ своими людьми возмутительно. Но не много лучше обращается она и съ мужемъ. Мужъ ея безхарактерный дуракъ и находится совершенно во власти ея. На вопросъ Стародума „кто онъ такой?“ онъ рекомендуетъ себя: „я женивъ мужъ“. Онъ одинъ самъ собою ничего не можетъ ни разсудить,

(1) Стр. 54. (2) Стр. 105. (3) Стр. 105.

ни разобрать... „При твоихъ глазахъ, говоритъ онъ женѣ, мой ничего не видать“. „Ужъ такъ рохлей уродился, говоритъ она Милопу. На него, мой батюшка, находить, по здѣшнему ска-зать, столбнякъ. Иногда выпуча глаза стоитъ битый часъ, какъ вкопанный. Ужъ чего-то я съ нимъ не дѣлала, чего только онъ у меня не вытерпѣлъ! Ничѣмъ не проймешь. Ежели столбнякъ и попройдетъ, то занесетъ, мой батюшка, такую дичь, что у Бо-га просишь опять столбняка“⁽¹⁾.

Можно представить, какой сынъ могъ воспитаться подъ вліяніемъ такихъ грубыхъ и невѣжественныхъ родителей. Ми-трофанушка—„матушкинъ сыночекъ“; избалованный матерью, ко-торая любитъ его чисто животною любовью, заботясь только о томъ, чтобы онъ былъ сыто накормленъ, онъ вышелъ такимъ глупымъ и лѣнивымъ животнымъ, что „не умѣетъ трехъ пере-честь“, хотя ему уже 16 лѣтъ; читать онъ можетъ только по скла-дамъ, а между тѣмъ уже собирается жениться. „Грѣхъ сказать, говоритъ Простакова Скотинину, чтобы мы не старались воспи-тывать Митрофанушку: троимъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходить къ нему дьячекъ отъ Покрова—Кутейкинъ. Арих-метикъ учить его, батюшка, одинъ отставной сержантъ Цыфир-кинъ. Оба они приходятъ сюда изъ города. Вѣдь отъ насъ и городъ въ трехъ верстахъ; батюшка. По-французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его нѣмецъ Адамъ Адамычъ, Вральманъ. Это-му по триста рубликовъ на годъ... Правду сказать, и мы имъ довольны, батюшка братецъ: онъ ребенка не неволить. Вѣдь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, пота его и понѣжить; а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится“⁽²⁾. Все невѣжество этихъ учителей и вся глупость ученика весьма хорошо изобра-жены въ извѣстной, хотя каррикатурной, но въ тоже время весь-ма характерной сценѣ ученія, которую устроила Простакова для того, чтобы зарекомендовать Митрофанушку предъ Стародумомъ. Вотъ эта сцена.

Простакова. Пока онъ (т. е. Стародумъ) отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобы дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ. Ну, а тамъ что?

Простакова. А тамъ и женишься.

Митрофанъ. Слушай, матушка, я тебя потѣшу. поучусь; только чтобы это былъ послѣдній разъ и чтобы сегодня жъ быть сговору.

⁽¹⁾ Стр. 63. ⁽²⁾ Стр. 55.

Простакова. Прійдетъ часъ воли Божіей.

Митрофанъ. Часъ моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ и сѣлъ. (Цыфиркинъ очиниваетъ грифель).

Простакова. А я тутъ же присяду. Конелекъ повяжу для тебя, другъ мой! Софьюшкины денежки было бъ куда класть.

Митрофанъ. Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркинъ. Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Простакова (работая). Ахъ, Господи Боже мой? Ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнutyча! Ужъ и разгнѣвался.

Цыфиркинъ. За что разгнѣваться, ваше благородіе! У насъ россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ. Все зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Простакова. Не твое дѣло, Пафнutyчъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣтъ далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ. Задача. Изволилъ ты, на прикладъ, идти по дорогѣ со мною; ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ (пишетъ) Трое.

Цыфиркинъ. На дорогѣ. на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ (пишетъ) Триста.

Цыфиркинъ. Дошло дѣло до дѣлежа. Смякнитко, по чему на брата?

Митрофанъ (вычисляя, шепчетъ) Единожды три—три, единожды нуль—нуль.

Простакова. Что, что до дѣлежа?

Митрофанъ. Вишь триста рублей, что нашли. троимъ раздѣлить.

Простакова. Вретъ онъ. другъ мой сердечный! Нашедъ деньги, ви съ кѣмъ не дѣлись: режь себѣ возьми. Митрофанушка! Не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ. Слышь. Пафнutyчъ, задавай другую.

Цыфиркинъ. Пиши, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ. Десять.

Цыфиркинъ. Теперь, правда, не за что; а кабы ты, баринъ, что-нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ. (Пишетъ) Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ. Сколько жъ бы на годъ?

Митрофанъ (вычисляя, шепчетъ) Нуль да нуль — нуль, одинъ да одинъ.... (задумался).

Простакова. Не трудись по пустому, другъ мой, гроша не прибавлю, да и не за что, паука не такая: лишь тебѣ мученье; а все вижу пустота. Денегъ пѣтъ — что считать, деньги есть — сочтемъ и безъ Пафнutyча хорошохонько.

Кутейкинъ. Шабашъ, право, Пафнutyчъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь, на повѣрку приводить не стануть.

Митрофанъ. Не боюсь, братъ. Матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ (открываетъ часословъ, Митрофанъ беретъ указку). Начнемъ благословясь. За мною со вниманiемъ. Азь же есмь червь...

Митрофанъ. Азь же есмь червь...

Кутейкинъ. Червь, сирѣчь животина, скотъ. Сирѣчь: азь есмь скотъ.

Митрофанъ. Азь есмь скотъ.

Кутейкинъ (ученымъ голосомъ) А не человѣкъ.

Митрофанъ (также) А не человѣкъ.

Кутейкинъ. Поношенiе человѣковъ.

Митрофанъ. Поношенiе человѣковъ.

Кутейкинъ. И уни...(¹).

Что могло выйти изъ Митрофанушки при такомъ воспитанiи, какихъ плодовъ можно было ожидать не только чужимъ людямъ, но и самой матери, которая для него готова была рѣшиться на всякое несправедливое дѣло, показываетъ заключительная сцена комедии. Когда осужденная и лишенная всего, особенно деспотической власти дѣлать зло, Простакова бросается къ нему и, обвиняя его, говоритъ: „одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка“, онъ отвѣчаетъ ей: „Да отвязнись, матушка, какъ навязалась“. Болѣе сильного удара не могло быть для Простаковой. Очнувшись отъ обморока, она въ отчаянiи говоритъ: „Погибла я совсѣмъ! Отнята у меня власть! Отъ стыда нигде глазъ показать нельзя! Нѣтъ у меня сына!“ (²).

Характеристику грубыхъ, невѣжественныхъ людей стараго воспитанiя дополняетъ собою братъ Простаковой, Тарасъ Скотининъ. Онъ такой же деспотъ и самодуръ, какъ Простакова. „Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою“ (³). О своемъ обращенiи съ людьми онъ замѣчаетъ: „я ни на кого не былъ че-

(¹) Стр. 80—82. (²) Стр. 110. (³) Стр. 50.

ломъ, а всякій убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, слеру съ своихъ крестьянъ, и концы въ воду“. Правдинъ не безъ основанія говорить ему: „я слыхалъ, что ты съ свиньями не въ примѣръ лучше обходишься, чѣмъ съ людьми“ ⁽¹⁾. Скотининъ и къ сестрѣ своей обращается съ такой угрозой: „Отвяжись, сестра; дойдетъ дѣло до ломки: погну, такъ затрешишь“. Скотининъ ни къ чему не имѣетъ расположенія. Единственная у него привязанность—любовь къ свиньямъ. Онъ и на Софѣ въздумалъ жениться потому, что въ деревенькахъ ея водятся свиньи, до которыхъ у него „смертная охота“: „Люблю свиней, сестрица; а у насъ въ околоткѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, котора, ставъ на задни ноги, не была бы выше насъ цѣлой головою“ ⁽²⁾.

Основные идеи и идеалы въ „Недоросль“. Простаковымъ, Скотинину и Митрофанушкѣ противопоставляются Милонъ и Софья—образцы новаго воспитанія. О Милонѣ Стародумъ говоритъ: „Въ тебѣ вижу и почитаю добродѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ“. Софья — дѣвушка умная и истинно образованная. Она любитъ читать хорошія книги и между прочимъ читаетъ книгу Фенелона о воспитаніи. „Мое сердце, говорить ей Стародумъ, восхищается, видя твою чувствительность... Богъ дать тебѣ всѣ пріятности твоего пола. Вижу въ тебѣ сердце честнаго человѣка. Ты... соединяешь въ себѣ обоихъ половъ совершенства“ ⁽³⁾. Однимъ словомъ, Милонъ и Софья—образцовые люди, представляющіе идеалы Фонъ-Визина. Впрочемъ, для полнаго представленія идей и идеаловъ Фонъ-Визина и въ тоже время идей или „умоположенія“ тогдашняго правительства и общества служить въ комедіи специально два особія лица, Правдинъ и Стародумъ. Правдинъ — лице правительственное, членъ отъ намѣстничества, наблюдающій за обращеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами. Названіе Стародума, повидимому, противорѣчитъ той роли, какая ему дана. Стародумъ означаетъ человѣка, думающаго по старому. Авторъ относитъ его воспитаніе и службу къ эпохѣ Петра В., но въ ту эпоху не было тѣхъ воззрѣній, которыя высказываетъ Стародумъ; эти воззрѣнія принадлежатъ Екатерининской эпохѣ. Стародумъ, очевидно, такъ названъ не потому, будто выражаетъ старыя или уже устарѣвшія думы, но потому, что въ его рѣчахъ, съ выраженіемъ новыхъ идей правительства и общества, заключается и оппозиція или протестъ противъ тѣхъ новомодныхъ идей, которыя хотя вышли изъ современ-

---

⁽¹⁾ Стр. 106. ⁽²⁾ Стр. 53. ⁽³⁾ Стр. 90.

наго же „умоположенія“ правительства и общества, но приняли крайнее—одностороннее и ложное направленіе, и которыя, слѣд., не могутъ уже быть одобрены ни правительствомъ, ни обществомъ. По отношенію къ этимъ новомоднымъ идеямъ и къ людямъ, ихъ проповѣдующимъ, онъ и представляется Стародумомъ.

Въ настоящее время, при представленіи „Недоросля“ въ театрѣ, длинные разговоры Стародума съ Правдинымъ, Милономъ и Софьей иногда выпускаются, или сокращаются, какъ скучные и неинтересные; но въ то время они считались самыми интересными, какъ выражавшіе идеи и стремленія вѣка. Самъ Фонъ-Визинъ говоритъ, что его „Недоросль“ своимъ чрезвычайнымъ успѣхомъ всего больше былъ обязанъ именно рѣчамъ Стародума. Въ разговорахъ Стародума выражаются идеи о воспитаніи и образованіи, о должности и службѣ, и рисуется идеаль челоѣка истинно образованнаго, любящаго свое отечество и стремящагося всѣми мѣрами быть ему полезнымъ. Въ вопросѣ о воспитаніи и образованіи Стародумъ прежде всего указываетъ на плоды ложнаго образованія, на вредное вліяніе философіи энциклопедистовъ. Узнавъ, что Софья читаетъ книгу Фенелона о воспитаніи, Стародумъ говоритъ: „Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написалъ Телемака, тотъ перомъ своимъ нравовъ развращать не станетъ. Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случилось читать изъ нихъ все то, что переведено порусски. Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротагъ съ корня добродѣтель“⁽¹⁾. „Тыходишь теперь въ свѣтъ, гдѣ первый шагъ рѣшить часто судьбу цѣлой жизни, гдѣ всего чаще первая встрѣча бываетъ: умы развращенные въ своихъ понятіяхъ, сердца развращенныя въ своихъ чувствіяхъ. О, мой другъ! умѣй различить, умѣй остановиться съ тѣми, которыхъ дружба къ тебѣ была бы надежною порукою за твой разумъ и сердце“. „Люди не одному богатству, не одной знатности завидуютъ: и добродѣтель также своихъ завистниковъ имѣетъ. Они всею силою стараются развратить невинное сердце, чтобы унижить его до себя самихъ, и разумъ, неизмѣнный испытанія, обольщаютъ до того, чтобъ полагать свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно“⁽²⁾. Въ основу воспитанія и образованія должно быть положено нравственное развитіе или „благонаравіе“, безъ котораго развитіе ума и обогащеніе однимъ познаніемъ приносятъ больше вреда, нежели пользы.

Стародумъ. Отецъ мой непрестанно твердилъ мнѣ одно и тоже: имѣй сердце, имѣй душу,—и будешь челоѣкомъ во всякое

(¹) Стр. 85—86. (²) Стр. 86.

время. На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы.

Правдинъ. Вы говорите истину. Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа.

Стародумъ. Безъ нея просвѣщеннѣйшая умница жалкая тварь. (Съ чувствомъ) Невѣжда безъ души—звѣрь. Самый мелкій подвигъ вводитъ его во всякое преступленіе. Между тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, и тѣмъ, для чего онъ дѣлаетъ, никакихъ вѣсковъ у него нѣтъ ⁽¹⁾...

Стародумъ. Воспитаніе должно быть залогомъ благосостоянія государства. Мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурнаго воспитанія. Ну, что для отечества можетъ выйти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды-родители платятъ еще и деньги невѣждамъ - учителямъ! Сколько дворянъ - отцевъ, которые нравственное воспитаніе сына своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пятнадцать и выходятъ вмѣсто одного раба двое: старый дядька да молодой баринъ.

Правдинъ. Но особы высшаго состоянія просвѣщаютъ дѣтей своихъ....

Стародумъ. Такъ, мой другъ: да я желалъ бы, чтобы при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ—благонравіе. Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ бы, напр., чтобы при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его всякій день разогнулъ ему исторію и указалъ въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди способствовали благу своего отечества; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія.

Правдинъ. Надобно дѣйствительно, чтобы всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе ⁽²⁾.

Идеаль нравственнаго достоинства замѣтеновъ Фонъ-Визинимъ у Монтеスキѣ и другихъ современныхъ европейскихъ писателей и не отличается ни особенною высотой, ни твердостью и опредѣленностью. Основой нравственнаго характера, по мнѣнію Фонъ-Визина, служитъ честность, честь, которая у него не только смѣшивается съ добродѣтелью вообще, но и ставится выше всякой добродѣтели и нравственной чистоты: самый лучшій человѣкъ есть человѣкъ честный. Стародумъ, желая объяснить свой характеръ, называетъ себя другомъ честныхъ людей. Въ Софѣ

⁽¹⁾ Стр. 68—69. ⁽²⁾ Стр. 102—103.

и Милопѣ ему всего болѣе нравится ихъ честность; восхваляя графа Н. И. Панина (въ его биографіи), лучшимъ титуломъ его Фонъ-Визинъ считаетъ титулъ честнаго человѣка; говоря о Екатеринѣ онъ выражается: „имѣя монархиню честнаго человѣка“... Однимъ словомъ, честность Фонъ-Визинъ внушаетъ всѣмъ и каждому во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ: не особенно существенно-необходимою чертою честность ставится для дворянскаго сословія, которое, какъ высшее и передовое сословіе въ государствѣ, должно быть образцемъ честности... Честность, совмѣщающая въ себѣ всѣ хорошія качества и особенно исполненіе долга и всѣхъ своихъ обязанностей, и составляетъ и истинную знатность и истинное достоинство человѣка. Объясняя Софѣ, въ чемъ заключаются знатность и богатство. Стародумъ говоритъ: „Степени знатности разсчитываю я по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокоумія; не по числу людей, которые шатаются въ его передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами. Мой знатный человѣкъ, конечно, счастливъ; богачъ мой тоже. По моему разсчету не тотъ богатъ, который отсчитываетъ деньги, чтобъ прятать ихъ въ сундукъ, а тотъ, который отсчитываетъ у себя лишнее, чтобъ помочь тому, у кого нѣтъ нужнаго“. Указывая причины разныхъ несчастій въ семейной жизни, Фонъ-Визинъ говоритъ, что эти несчастія происходятъ „отъ того, что при нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются. Дѣло о томъ, знатенъ ли, богатъ ли женихъ, хороша ли, богата ли невеста; о благопріятіи вопросу нѣтъ. Никому и въ голову не входитъ, что въ глазахъ мыслящихъ людей честный человѣкъ безъ большого чина презнатная особа; что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничто замѣнить не можетъ“⁽¹⁾. Главная обязанность честнаго человѣка состоитъ въ исполненіи своего долга, той обязанности или должности, въ которой онъ поставленъ. Исполняя свою должность, каждый человѣкъ служитъ и отечеству и всему человѣчеству. „Подумай, говоритъ Стародумъ, что такое должность. Это тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ. Если бъ такъ должность исполняли, какъ обѣ ней твердятъ: всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и было бъ совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать, есть отечество, которому служить. Тогда не было бъ та-

---

(1) Стр. 90.

нихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ— подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю!.... „У каждаго свои обязанности. Посмотримъ, какъ онѣ исполняются. Каковы, напр., большею частію мужья нынѣшняго свѣта; не забудемъ, каковы и жены. О, мой сердечный другъ! теперь мнѣ все твое вниманіе потребно. Возьмемъ въ примѣръ несчастный домъ, каковыхъ множество, гдѣ жена не имѣетъ никакой сердечной дружбы къ мужу, ни онъ къ женѣ довѣренности; гдѣ каждый съ своей стороны своротилъ съ пути добродѣтели. Въмѣсто искренняго и снисходительнаго друга, жена видитъ въ мужѣ своемъ грубаго и развращеннаго тирана. Съ другой стороны, вмѣсто кротости, чистосердечія, свойствъ жены добродѣтельной, мужъ видитъ въ душѣ своей жены одну своеправную наглость, а наглость въ женщинѣ есть вывѣска порочнаго поведенія. Оба стали другъ другу въ несносную тягость; оба ни во что уже не ставятъ доброе имя, потому что у обоихъ оно потеряно. Можно ль быть ужаснѣе ихъ состоянія? Домъ брошенъ; люди забываютъ долгъ повиновенія, видя въ самомъ господинѣ раба гнусныхъ страстей его; имѣніе расточается: оно сдѣлалось ничье, когда хозяинъ его самъ не свой. Дѣти, несчастныя ихъ дѣти, при жизни отца и матери, уже осиротѣли. Отецъ, не имѣя почтенія къ женѣ своей, едва смѣетъ ихъ обнять, едва смѣетъ отдаться нѣжнѣйшимъ чувствованіямъ человѣческаго сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, недостойная имѣть дѣтей, уклоняется ихъ ласки, видя въ нихъ или причины безпокойствъ своихъ, или упрекъ своего развращенія. И какого воспитанія ожидать дѣтямъ отъ матери, потерявшей добродѣтель? Какъ ей учить ихъ благонравію, котораго въ ней нѣтъ?“ (¹).—Наконецъ, въ разговорѣ Стародума съ Правдинымъ, изображается идеаль государя-правителя съ ясными намеками на Екатерину.

Стародумъ. Благодареніе Богу, что человѣчество найти защиту можетъ! Повѣрь мнѣ, другъ мой, гдѣ государь мыслить, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно.

Правдинъ. Я въ этомъ согласенъ съ вами; да, какъ мудро истреблять закоренѣлые предразсудки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды!

(¹) Стр. 89—90.

Стародумъ. Слушай, другъ мой! Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Крестьянинъ, который плоше всѣхъ въ деревнѣ, выбирается, обыкновенно, пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами.

Правдинъ. Несчастіямъ людскимъ, конечно, причиною собственное ихъ развращеніе; но способы сдѣлать людей добрыми...

Стародумъ. Они въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди; что ни подлой услугой и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми,—тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ и всякій хорошъ будетъ“ (1). Изображая характеръ службы и людей истинно полезныхъ на службѣ, Фонъ-Визинъ касается большого свѣта и придворной жизни. Рассказывая о своемъ пребываніи при дворѣ и высшемъ свѣтѣ, Стародумъ говоритъ: „Тутъ увидѣлъ я, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница, что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду“.... „Въ этой сторонѣ (при дворѣ) по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе... Двое, встрѣтятся, разойтись не могутъ. Одинъ другаго сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на земли“ (2).

Комедія „Недоросль“ была принята современной публикой съ восторгомъ. Выше мы уже привели изъ драматическаго словаря свидѣтельство, что при первомъ представленіи ея въ Петербургѣ въ бенефисъ Дмитревскаго „театръ былъ несравненно наполненъ и публика аплодировала піесу метаніемъ кошельковъ“, и преданіе, что князь Потемкинъ, послѣ перваго представленія „Недоросля“, сказалъ Фонъ-Визину: „умри, Денисъ, или больше ничего не пиши“. Нѣкоторые изъ именъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлались нарицательными и стали употребляться въ народномъ обращеніи. И по содержанію и по изложенію „Недоросль“ гораздо выше и серьезнѣе „Бригадира“. Основной тонъ ея, конечно, также смѣшной, какъ и „Бригадира“; но смѣшное здѣсь не только не закрываетъ собою гнуснаго и ненавистнаго, но еще рѣзче его

---

(1) Стр. 101—102. (2) Стр. 70—71.

оттѣняетъ; комическія сцены не только смѣшаты, но и производятъ глубокія и прискорбныя впечатлѣнія; сквозь смѣхъ автора слышится сильное негодованіе на пороки и часто раздаются звуки истинно трагическіе. Это особенно надобно сказать о послѣднихъ сценахъ комедіи, гдѣ вполне обнаруживаются гибельные плоды невѣжества, дурнаго воспитанія, и домашней и помѣщичьей тиранніи Простаковой. „Въ семействахъ Простаковыхъ, говоритъ Вяземскій, трагическія развязки нерѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому многочисленныя доказательства. Вотъ нравственная сторона творенія сего, и патриотическая мысль, его одушевляющая, достойна уваженія и признательности. Можно сказать, что подобное исполненіе не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло“⁽¹⁾. Лучшее всѣхъ дѣйствующихъ лицъ изображена госпожа Простакова, которая въ комедіи служитъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ: на ней преимущественно сосредоточивается интересъ пьесы. „Всѣ сцены, въ которыхъ является Простакова, исполнены жизни и вѣрности, характеръ ея выдержанъ до конца съ неослабвающимъ искусствомъ, и неизмѣняющеюся истиною. Смѣхъ наглости и низости, трусости и злобы, гнуснаго безчеловѣчія ко всѣмъ, и нѣжности равно гнусной къ сыну, при всемъ томъ невѣжество, изъ котораго, какъ изъ мутнаго источника, истекаютъ всѣ снѣ свойства, согласованы въ характерѣ ея живописцемъ смѣтливымъ и наблюдательнымъ. Особенно великое искусство и глубокое знаніе человѣческой природы показали авторъ въ послѣднихъ сценахъ, изображающихъ плоды дурнаго воспитанія, напр., въ той сценѣ, когда Митрофанушка, отталкивая отъ себя свою мать, бросившуюся обнимать его, какъ единственную надежду свою и утѣшеніе, говоритъ: „Да отвязишь, матушка, какъ навязалась“. Признаюсь, говоритъ Вяземскій, въ этой чертѣ такъ много истины, эта истина такъ прискорбна, почерпнута изъ такой глубины сердца человѣческаго, что, по невольному движенію, точно жалѣешь о виновной, какъ при казни преступника, забывая о преступленіи, сострадательно вздрагиваешь за несчастнаго“⁽²⁾. Другія лица комедіи далеко не такъ полно очерчены: но нѣкоторыя черты въ нихъ отличаются удивительною меткостью и вѣрностью жизни. Таково напр., изображеніе мамы Митрофанушки, Еремѣевны. „Передаютъ со словъ самого автора, что, приступая къ описанію сцены ея схватки за Митрофанушку со Скотининымъ, онъ пошелъ гулять, чтобъ въ прогулкѣ обдумать ее. У мясницкихъ воротъ набрелъ онъ на драку двухъ бабъ, остановился и началъ

(1) Сочин. Вяземскаго V, 135—136. (2) Тамъ же стр. 137—141.

сторожить природу. Возвратившись домой съ добычею наблюдений, начерталъ онъ явленіе свое и помѣстилъ въ него слово „защиты“, подслушанное имъ на полѣ битвы“.—Нѣкоторые лица изображены слабо, блѣдно; таковы лица Софьи и Милона. Наконецъ въ „Недорослѣ“ точно также, какъ въ „Бригадирѣ“, есть много преувеличеній и каррикатуръ. Особенно каррикатуры изображенія учителей Митрофанушки—Кутейкина, Цыфиркина и Гральмана. Изъ другихъ лицъ въ этомъ отношеніи больше всего страдаетъ этимъ недостаткомъ характеръ Скотинина. „Скотининъ, говоритъ Вяземскій, карриатура; онъ въ родѣ театральнаго тирана въ классической трагедіи и говоритъ о любви своей къ свиньямъ, какъ Дмитрій Самозванецъ Сумарокова о любви къ злодѣйствамъ“. Выше замѣчено, что нѣкоторыя сцены въ „Недорослѣ“ повторяютъ идеи и правила „Наказа“; но кромѣ „Наказа“, въ разговорахъ Стародума съ Софьей о воспитаніи и истинномъ достоинствѣ чело-вѣка, съ Милономъ и Правдинымъ объ управленіи, объ обязанностяхъ, долгахъ и службѣ, въ характеристикѣ придворной жизни есть заимствованія и подражанія сочиненіямъ Дюфрени, Лабрюйера (Характеры) и Жирара (Словарь синонимовъ). Отзывъ Простаковой о безполезности географіи взятъ изъ одной повѣсти Вольтера ⁽¹⁾.

Другія сочиненія Фонъ-Визина. „Бригадиръ“ и „Недоросль“ были полнымъ выраженіемъ, какъ авторскаго таланта, такъ и міросозерданія Фонъ-Визина. Тотъ кругъ идей и образовъ, какой возникъ въ его воображеніи, при составленіи этихъ комедій, остался навсегда его неизмѣннымъ міромъ, въ которомъ онъ жилъ постоянно, какъ въ дѣйствительномъ мірѣ, и изъ котораго онъ не дѣлалъ дальше ни одного шагу. Во всѣхъ другихъ его произведеніяхъ повторяются, съ нѣкоторыми вариантами, тѣ же идеи и тѣ же лица. Въ неоконченномъ отрывкѣ комедіи, въ типѣ жены Простосерда, Ненилы, повторяется госпожа Простакова. Ненила недовольна, что мужъ ея переводитъ деньги на книги: „Купилъ бы себѣ книжку другую хорошенькихъ, да и полно; прочиталъ до доски, да опять съизнова. Вѣдь я чай, что въ одной книжкѣ написано, то есть и въ тридцати... Благодарю Творца, что не люблю читать книгъ: а то бы, пожалуй, плуты и меня обманули“.

⁽¹⁾ Всѣ подражанія и заимствованія какъ въ Недорослѣ, такъ и другихъ сочиненіяхъ Фонъ-Визина указаны: въ монографіи Вяземскаго о Фонъ-Визинѣ; въ статьѣ г. Галякова: «Идеаль нравственнаго достоинства чело-вѣка, по понятію Фонъ-Визина». Библиогр. Записки 1858. № 13, въ книгѣ г. А. Веселовскаго: «Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. М. 1883. стр. 71—76.

Въ дочери ея, Юліи, представлена любительница чтенія французскихъ книгъ, подобная Совѣтницѣ въ „Бригадирѣ“ ⁽¹⁾. Въ другомъ отрывкѣ „Добрый наставникъ“, въ княгинѣ слышится также Простакова, упоминается умный Праводумъ, который, очевидно, тотъ же Стародумъ ⁽²⁾. Въ письмѣ помѣщика Дурыкина къ Стародуму изображается, какія требованія тогда помѣщики предъявляли отъ домашнихъ учителей и какъ они смотрѣли на воспитаніе. Взгляды на учителей и на воспитаніе тѣже самые, какъ у Простаковой: „Кто возьметъ дешевле, того и я беру“, говоритъ Дурыкинъ; онъ не хочетъ взять нѣмца, ибо боится напасть на Вральмана, но, желая взять русскаго, даже изъ студентовъ университета, онъ однакожъ смотритъ на учителя не выше Простаковой. Въ своихъ кондиціяхъ съ учителемъ онъ требуетъ, чтобы учитель обѣдалъ не съ нимъ, а съ его камердинеромъ, чтобы въ присутствіи его при гостяхъ онъ не садился; чтобы въ разговорахъ съ нимъ и его женой чаще употреблялъ титулъ его превосходительства; чтобы онъ велъ его приходорасходныя книги, поправлялъ ему парикъ, причесывалъ ребятамъ волосы. Бандидаты въ учителя, представленные Дурыкину московскимъ профессоромъ, также не далеко ушли отъ учителей Митрофанушки: Кераксинъ, хотя и хвалится, что знаетъ по еврейски и по гречески, не знаетъ по русски; нѣтъ Цезуркинъ обѣщаетъ каждый разъ для именинъ его превосходительства и каждаго изъ чадъ его, въ стихахъ своихъ, сводить всѣхъ боговъ съ Олимпа, и просить по копѣйкѣ за стихъ; щеголеватый Красоткинъ думаетъ, какъ кукла, и во всемъ походить на куклу, берется причесывать волосы, умѣетъ выводить пятна изъ платья и вырѣзывать изъ бумаги разныя фигуры“ ⁽³⁾. Въ разговорѣ у княгини Халдиной, въ лицѣ княгини, изображена одна изъ модныхъ великосвѣтскихъ госпожъ, хвальнояся тѣмъ, что она всегда одѣвается при мужчинахъ; судья Сорванцевъ—образчикъ тогдашняго воспитанія, подъ руководствомъ пустоголоваго француза, шевалье Какаду, и напоминаетъ тѣхъ судей, о которыхъ говоритъ Совѣтникъ въ „Бригадирѣ“; Здравомысль играетъ роль Стародума ⁽⁴⁾. Почти всѣ эти статьи и неоконченные отрывки были приготовлены Фонъ-Визиннымъ для журнала „Стародумъ“, который онъ хотѣлъ издавать въ 1788 г., по который былъ оставленъ цензурою ⁽⁵⁾. Оконченный видъ

⁽¹⁾ Сочин. 124—125. ⁽²⁾ Тамъ же 125—127.

⁽³⁾ Тамъ же 230—233. ⁽⁴⁾ Тамъ же 249—258.

⁽⁵⁾ Другъ честныхъ людей или Стародумъ. Периодическое сочиненіе, посвященное истинѣ. Кромѣ объявленія объ изданіи и упомянутыхъ статей Стародума, были еще приготовлены: «Наставленіе дяди своему

имѣютъ только двѣ комедіи: „Коріонъ“ и „Выборъ губернатора“. „Коріонъ“, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ и стихахъ, составляетъ передѣлку одной французской пьесы Грессе (1709—1777). Дворянинъ Коріонъ, мучимый совѣстью, что онъ обманулъ свою возлюбленную, Зиновію, уѣзжаетъ въ деревню, и въ тоскѣ хочетъ лишить себя жизни; но его спасаютъ другъ его Менандръ и сама Зиновія, которая, забывъ оскорбленіе Коріона, пріѣхала къ нему въ деревню. Коріонъ уже выпилъ ядъ, но оказалось, что слуга Андрей замѣнилъ ядъ въ стаканѣ простой водой ⁽¹⁾. „Выборъ Губернера“ есть подражаніе Фонъ-Визина своей собственной комедіи „Недоросль“. Содержаніе его состоитъ въ слѣдующемъ. Князь и княгиня Слабоуловы, немѣрно зараженные княжеской спесью, ищутъ губернатора для своего сына князь-Василья, и обратились съ просьбой объ этомъ къ дворянскому предводителю, Сеуму. Сеумъ не очень высоко смотритъ „на породу“, считая ее самымъ меньшимъ изъ всѣхъ человѣческихъ достоинствъ. „Родиться княземъ, говоритъ онъ, не мудрено и можно по праву породы называться сіятельствомъ, не сіяя почтенными качествами, какъ-то ревностію быть полезнымъ отечеству. Онъ рекомендуетъ въ учителя русскаго штабъ-офицера, Нельстецова, который не думаетъ набивать голову молодого князя однимъ „сіятельствомъ“, а хочетъ поселить въ его голову и сердце, чтобы онъ, „будучи благороднымъ, имѣлъ и благородную душу“. Но Нельстецовъ не нравится княгинѣ своей прямою и смѣлыми сужденіями. Одна графиня порекомендовала ей француза Пеликана: „сей французъ, говорила графиня, наполненъ достоинствами, рветъ зубы мастерски и вырѣзываетъ мозоли, цѣну возьметъ умѣренную, и васъ, княгиня, такъ какъ и князя, звать будетъ: *votre altesse!*“ Но когда Сеумъ увидѣлъ Пеликана, то узналъ въ немъ извѣстнаго ему „пустоголоваго“ француза, который во Франціи былъ въ какой-нибудь богадѣльнѣ подлекаремъ, умѣетъ рвать зубы и вырѣзывать мозоли, но больше не знаетъ ничего, и какъ побродягу, зловреднаго Россіи, повелѣлъ выпроводить его изъ уѣзда въ 24 часа.— Въ комедіи есть рѣзкія сужденія о современномъ состояніи Франціи, вложенныя въ уста Сеума и Нельстецова: „Равенство состояній, говоритъ Нельстецовъ, есть вымыслъ ложныхъ философовъ, кои краснорѣчивыми своими умствованіями довели французскіе до настоящаго ихъ положенія. Они, желая отыграть злоупотреб-

племяннику»; «Письма Софьи къ Стародуму и Стародума къ Софьѣ»; «Письма Тараса Скотинина къ Простаковой»; «Всеобщая придворная грамматика».

(¹) Сочин. 128—160.

ленія власти, стараются истребить тотъ образъ правленія, коимъ Франція всей славы своей достигла. Со всѣмъ тѣмъ, сколько имъ покушеніе сіе ни много стоитъ и стоитъ будетъ, но равенства состояній никогда достигнуть не могутъ, какіе бы законы они ни сдѣлали“... ⁽¹⁾.— „Читая эту комедію, говоритъ Вяземскій, можно подумать, что она служила основаніемъ „Недорослю“, но между тѣмъ извѣстно, что она написана послѣ. Странно, что авторъ подражалъ въ ней самому себѣ и подражалъ слабо“ ⁽²⁾.

Кромѣ этихъ сочиненій, которыя почти всѣ (кромѣ Коріона) имѣютъ, по своему содержанію, непосредственную связь съ „Бригадиромъ“ и „Недорослемъ“, Фонъ-Визинъ написалъ нѣсколько другихъ сочиненій, касающихся разныхъ предметовъ. Впрочемъ, большая часть изъ нихъ — также или краткія статьи или неоконченные отрывки. Полныя сочиненія, кромѣ писемъ и переводовъ, о которыхъ будетъ сказано отдѣльно, составляютъ только жизнь графа Н. П. Панина и слово на выздоровленіе в. к. Павла Петровича. Изъ критическихъ статей и неоконченныхъ отрывковъ особенно замѣчательны слѣдующіе.

Челобитная россійской Минервѣ отъ россійскихъ писателей. Челобитная написана въ защиту писателей отъ нареканій тѣхъ русскихъ вельможъ, которые считали ихъ неспособными ни къ какой службѣ. Такими нареканіями особенно извѣстенъ былъ князь А. А. Вяземскій, который не жаловалъ Державина за то, что онъ писалъ стихи, и вообще о поэтахъ говорилъ: „когда имъ заниматься дѣломъ, когда у нихъ рѣшмы на умѣ“. Челобитная составлена въ приказной формѣ и начинается словами: „Бьютъ челомъ россійскіе писатели... на людей, которые высочайшею милостію достигли знаменитости, не будучи сами умомъ и знаніемъ знамениты... Сіи знаменитые невѣжды, возвышаясь на ступени, забыли совершенно, что умы ихъ суть умы жалованные, а не родовые, и что по статнымъ спискамъ всегда справится можно, кто изъ нихъ и въ какой торжественный день пожалованъ въ умные люди. Реченные невѣжды вообразили, что къ управленію дѣлъ ни въ какихъ знаніяхъ нужды нѣтъ, ибо де мы сами въ дѣлахъ безъ малѣйшаго въ нихъ знанія... Они употребляютъ во зло знаменитость своего положенія, къ тяжкому предосужденію словесныхъ наукъ и къ нестерпимому притѣсненію насъ именованныхъ. Они, исповѣдуя другъ другу невѣдѣніе свое въ вещахъ, которыхъ не вѣдать стыдно во всякомъ состояніи, постановили между собою условіе: всякое знаніе, а особливо

⁽¹⁾ Сочин. 120. ⁽²⁾ Сочин. V, 173.

словесныя науки, почитать не иначе, какъ уголовнымъ дѣломъ... Въ слѣдствіе чего учинили они между собою опредѣленіе: 1) всѣхъ, упражняющихся въ словесныхъ наукахъ, къ дѣламъ не употреблять; 2) всѣхъ таковыхъ, при дѣлахъ уже находящихся, отъ дѣлъ отрѣшати“. Протестуя противъ такого обиднаго положенія въ обществѣ науки и литературы, писатели говорятъ: „и дабы вашего божественнаго величества указомъ повелѣно было сіе наше прошеніе принять и таковое беззаконное и вѣкъ нашъ ругающее опредѣленіе отмѣнить; насъ же, яко грамотныхъ людей, повелѣть по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы мы именованные, служа русскимъ музамъ на досугѣ, могли главное жизни нашей время посвятить на дѣло для службы вашего величества... Къ подавію надлежитъ въ Собресѣдникѣ любителей русскаго слова“ (1). Характеризуя взглядъ тогдашняго общества на писателей, сочиненіе это показываетъ, что и писатели свои занятія литературою ставили ниже занятій по службѣ, и думали, что заниматься ими прилично только „на досугѣ“. Впрочемъ, въ другомъ сочиненіи Фонъ-Визинъ высказываетъ мысль, что писатель, сидя въ своемъ кабинетѣ, своимъ перомъ можетъ приносить великую пользу отечеству.

Вопросы къ сочинителю Былей и Небылицъ. Вопросы были написаны Фонъ-Визинымъ, вѣроятно, вслѣдствіе вызова на критику, съ какимъ редакція Собресѣдника любителей русскаго слова обратилась къ публикѣ въ самомъ началѣ его изданія. Екатерина, прочитавъ ихъ въ рукописи, представленной княгиней Дашковой, сильно разсердилась, думая, что они написаны И. И. Шуваловымъ въ отмщеніе лично ей за портретъ Нерѣшительнаго, написанный во 2-й части Собресѣдника, но потомъ разрѣшила отпечатать ихъ въ 3-й части этого журнала, вмѣстѣ съ своими отвѣтами. Всѣхъ вопросовъ 21. Самыми интересными, возбуждавшими множество толковъ въ современномъ обществѣ, были слѣдующіе вопросы. Вопр. 1. Отчего у насъ спорять сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія? Отв. У насъ, какъ и вездѣ, всякій спорить о томъ, что ему не нравится, или не понятно. Вопр. 2. Отъ чего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ? Отв. Многие добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно, для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ. Вопр. 3. Отъ чего у насъ тѣ, жаждущіе не печатаютъ тѣхъ своихъ и рѣшеній правительства? Отв. Для того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было.

(1) Сочин. 207—208.

Вопр. 8. Отъ чего въ нашихъ бесѣдахъ слушать нечего? Отв. Отъ того, что говорятъ небылицу. Вопр. 9. Отъ чего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми? Отв. Отъ того, что на судѣ не изболочены. Вопр. 12. Отъ чего у насъ не стыдно не дѣлать ничего? Отв. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурно, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего. Вопр. 14. Имѣя монархію честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ: удостоиваться ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ? Отв. Для того, что вездѣ, во всякой землѣ, и во всякое время родъ человѣческой совершеннымъ не родится. Вопр. 15. Отъ чего въ прежнія времена шуты, шпыни и балугуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ и весьма большіе? Отв. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли; буде же бы и имѣли, то начали бы на нынѣшняго одного десять преждебывшихъ. Вопр. 19. Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, потомъ же остаются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются? Отв. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется. Вопр. 20. Какъ истребить два сопротивные и оба вредѣйшіе предразсудки: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо, второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо? Отв. Временемъ и знаніемъ. Вопр. 21. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ? Отв. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ ('). На всѣ вопросы, кромѣ 15. Екатерина отвѣчаетъ сдержанно и уклончиво; но 15-й вопросъ о шпыняхъ и балугурахъ не могъ не оскорбить ее, потому что въ этомъ вопросѣ прямо ей было высказано, что она приближаетъ къ себѣ и награждаетъ людей недостойныхъ (разумѣлся извѣстный тогда при дворѣ шутякъ, князь Нарышкинъ). За этотъ вопросъ Екатерина обвинила автора въ неприличномъ свободоязычіи. Но всѣ отвѣты были сдѣланы, очевидно, на скоро, чтобы не задерживать на-долго печатанія самихъ вопросовъ. Съ усиленнымъ вниманіемъ она остановилась на нихъ, какъ мы видѣли, въ Быляхъ и Небылицахъ. Здѣсь она не разбираетъ вопросы отдѣльно каждый, но устами дѣдушки выразила грозное или угрожающее негодованіе противъ свободоязычія вообще и рѣзко осудила самую склонность возражать и дѣлать вопросы, которые, по ея словамъ, въ старину не любили дѣлать, „ибо съ оными и мыслен-

(') Сочин. 203—206.

но соединены были неприятныя обстоятельства, и каждый, поджавъ хвостъ, отъ оныхъ бѣгалъ“. Чтобы утишить негодование императрицы, Фонъ-Визинъ написалъ „Объясненіе“, въ которомъ, признавая себя виновнымъ, онъ говоритъ, что дѣлая вопросы, имѣлъ доброе намѣреніе, но не умѣлъ его выполнить. „не могъ внятно поставить вопросы и дать имъ приличный оборотъ. Это принуждаетъ меня, прибавляетъ онъ, заготовленные еще вопросы отмѣнить не столько для того, чтобы невиннымъ образомъ не быть обвиняемымъ въ свободозычій, ибо у меня совѣсть спокойна, сколько для того, чтобы не дать повода другимъ къ дерзкому свободозычію, котораго всею душою ненавижу“. Но, отказываясь отъ вопросовъ на будущее время, онъ позволяетъ себѣ выразить государынѣ, съ надеждою на лучшее будущее, благодарность за отвѣтъ на 5-й вопросъ: Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства? „Отвѣтъ вашъ, говоритъ онъ, подастъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія... Способомъ печатанія тяжбъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыжятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; воздастся достойная хвала праведнымъ судіямъ; возгнущаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ.“ (1).

Опытъ россійскаго ссслѣзника. При составленіи этого опыта Фонъ-Визинъ руководствовался французскимъ словаремъ Жирара (*Dictionnaire universel de synonymes de la langue française*). Объясненія словъ очень умныя и точныя и указываютъ большею частію на настоящій смыслъ словъ. Нѣкоторыя объясненія представляютъ собою хотя краткія, но довольно меткія литературныя характеристики разныхъ свойствъ, достоинствъ и недостатковъ разныхъ людей, какъ напр. объясненія словъ, „добродѣтельный и честный, лѣнливый и праздный, ханжа, пустосвятъ и суетѣрь“ и друг. (2).

Всеобщая придворная грамматика. Хотя Фонъ-Визинъ говоритъ, что идея этого сочиненія совсѣмъ новая, по первую мысль о немъ можно находить, по словамъ Вяземскаго, еще въ „Истолкованіи личныхъ мѣстоименій“ Сумарокова. Въ граммати-

(1) Сочин. 203—206; 209—211. (2) Тамъ же 187—199.

кѣ, къ сожалѣнію, далеко не оконченной, много веселости и остроумія; много характернаго; но есть также преувеличенія, доходяція до каррикатуры ⁽¹⁾.

Поученіе въ Духовъ день, говоренное іереемъ Василиемъ. Въ предисловіи къ этому поученію Фонъ-Визинъ говоритъ, что онъ хотѣлъ въ немъ указать образчикъ того, какъ сельскіе священники должны учить простой народъ. Поученіе, дѣйствительно, отличается простотою, которая должна составлять существенную принадлежность сельской проповѣди; но эта простота, къ сожалѣнію, доходитъ до шутовства, которое противно важности церковной проповѣди и лишаетъ ее серьезнаго значенія. Авторъ опустилъ изъ вниманія различіе между театральной сценой и проповѣдью, и написалъ не проповѣдь противъ пьянства, а въ формѣ проповѣди комическую сцену, изображающую, какъ крестьяне упиваются въ праздники. Какъ комическая картинка, поученіе очень характерно, хотя мѣстами каррикатурно и грубо ⁽²⁾.

Посланіе къ слугамъ. Оно написано, по сознанію самого Фонъ-Визина, въ молодости, когда онъ попалъ въ среду вольнодумцевъ, и самъ увлекался вольнодумствомъ. Въ немъ выражается скептическій взглядъ на міръ, по которому все въ мірѣ представляется не дѣломъ премудраго промысла, а дѣломъ простаго случая, и весь міръ исполненнымъ глупости и неразумія. Кучеръ Ванька, разсматривающій все въ мірѣ съ козелъ кареты, говоритъ:

Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость.
 Да сверхъ того еще примѣтилъ я, что свѣтъ
 Столь много времени несправдою живетъ,
 Что нѣтъ уже такихъ канцеевъ на примѣтѣ,
 Которы бѣ истину запомнили на свѣтѣ.
 Попы стараются обманывать народъ,
 Слуги дворянскаго, дворянскіе господа,
 Другъ друга господа, а знатные бояра
 Нерѣдко обмануть хотятъ и Государя.
 Что дуракъ здѣшній свѣтъ, то всякій понимаетъ,
 Да для чего онъ есть, того никто не знаетъ.

Другой слуга лакей Петрушка говоритъ:

Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребятская игрушка;

⁽¹⁾ Сочин. 238. ⁽²⁾ Тамъ же 212—215.

Лишь только надобно подтверже то узнать,
Какъ лучше живучи игрушкой той играть.
Что нужды, хоть потомъ и возьмутъ душу черти,
Лишь только бѣ удалось получше жить до смерти!

Создатель твари всей, собѣ на похвалу,
По свѣту насъ пустить, какъ куколъ по столу
Иные рѣвятся, хохочуть, плясуютъ, скачутъ,
Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.
Вотъ какъ вертится свѣтъ, а для чего онъ такъ,
Не вѣдаетъ того ни умный, ни дуракъ» ⁽¹⁾.

Иъ уму моему. Этотъ отрывокъ составляетъ, повидимому, подраженіе первой сатирѣ Кантемира. Подобно Кантемиру, Фонъ-Визинъ зѣсь также обращается къ уму своему съ упреками, что онъ нападаетъ на людскія глупости и хочетъ ихъ исправить

Но лѣзя ль успѣху быть въ намѣренъи такомъ?
Останется дуракъ на вѣки дуракомъ.

Ты хочешь здѣшніе обычаи исправить;
Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить,
И хочешь убавлять ты ихъ въ такіе дни,
Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они,
Когда безъ твоего полезнаго совѣта
Возами ихъ везутъ со всѣхъ предѣловъ свѣта ⁽²⁾.

Письма Фонъ-Визина изъ за границы. Фонъ-Визинъ, какъ указано выше, нѣсколько разъ былъ за границей и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жилъ по долгу. Памятникомъ этой жизни за границей служатъ письма къ роднымъ и графу П. И. Панину. Особенно замѣчательны письма изъ Менпелье, Парижа и Рима въ 1777—1778 годахъ. Въ нихъ чрезвычайно много интересныхъ описаній, замѣтокъ, разсужденій и характеристикъ, показывающихъ въ авторѣ глубокую наблюдательность и тонкій критическій умъ. Особенную черту Фонъ-Визина, какъ путешественника, составляетъ то, что онъ не увлекается безотчетно, подобно другимъ русскимъ путешественникамъ, заранѣе рѣшившимъ, что за границей непременно все хорошо, но строго, хотя и не всегда справедливо, разбираетъ хорошую и дурную сторону. Въ Монпелье, напр., Фонъ-Визина поразило то, что „при невѣроятномъ мнѣежествѣ способовъ къ просвѣщенію, глубокое невѣжество весьма нерѣдко, что оно сопровождается еще и ужаснымъ суевѣріемъ... Впрочемъ тѣ, прибавляетъ

(1) Тамъ же 164—167. (2) Тамъ же 168—169.

онъ, кои предусѣли какъ нибудь свергнуть съ себя иго суевѣрія, почти всѣ попали въ другую крайность и заразились новою философіею. Рѣдкаго встрѣчаю, въ комъ бы не примѣтна была которая-нибудь изъ двухъ крайностей: или рабство, или наглость разума“. Похваливъ систему французскихъ законовъ, какъ званіе премудрое, сооруженное многими вѣками и рѣдкими умами, онъ въ другомъ письмѣ изъ того же Монпелье говоритъ: „наилучшіе законы не значать ничего, когда исчезъ въ людскихъ сердцахъ первый законъ, первый между людьми союзъ—добрая вѣра. У насъ ея не много, а здѣсь нѣтъ и головою. Вся честность на словахъ, и чѣмъ складнѣе у кого фразы, тѣмъ больше остерегаться должно какого-нибудь обмана... Развращеніе нравовъ дошло до такой степени, что подлый поступокъ не наказывается уже и презрѣніемъ; честнѣйшіе дѣйствительно люди не имѣютъ ни мало твердости отличить бездѣльника отъ честнаго человѣка. считая, что таковая отличность была бы *contre la politesse française*“ (1). Въ письмахъ изъ Парижа онъ говоритъ: „надобно отрещись вовсе отъ общаго смысла и истины. если сказать, что нѣтъ здѣсь весьма много чрезвычайно хорошаго и подражанія достойнаго. Все сіе однакожь не ослѣпляетъ меня до того, чтобы не видѣть здѣсь столько же или и больше совершенно дурнаго, и такого, отъ чего пасть Боже избави. Словомъ, сравнивая и то и другое, осмѣлюсь.... чистосердечно признаться, что если кто изъ молодыхъ монаховъ согражданъ, имѣющій здравый разсудокъ, вознегодуешь, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начнетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то для обращенія его на должную любовь къ отечеству, нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во Францію. Здѣсь, конечно, узнаешь онъ самымъ опытомъ очень скоро, что всѣ рассказы о здѣшнемъ совершенствѣ сущая ложь, что люди вездѣ люди, что прямо умный и достойный человѣкъ вездѣ рѣдокъ, и что въ нашемъ отечествѣ, какъ ни плохо иногда въ немъ бываетъ, можно однако быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой землѣ, если совѣсть спокойна и разумъ править воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ“ (2). „Пребываніе мое въ семъ государствѣ, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ о Франціи, убавило сильно цѣну его въ моемъ мнѣніи. Я нашелъ доброе гораздо въ меньшей мѣрѣ, нежели воображалъ; а худое въ такой большой степени, которой и вообразить не могъ“ (3). „Много пользы приобрѣлъ я отъ путешествія, говоритъ онъ въ письмѣ къ сестрѣ. Кромѣ направленія здоровья, научился я быть снисходительнѣе къ тѣмъ недостаткамъ, которые оскор-

(1) Сочин. стр. 325—328. (2) Сочин. 331. (3) Тамъ же 342.

бляли меня въ моемъ отечествѣ. Я увидѣлъ, что во всякой землѣ худаго гораздо больше, нежели добраго; что люди вездѣ люди; что умные люди вездѣ рѣдки, что дураковъ вездѣ изобильно, и словомъ, что наша нація не хуже ни которой, и что мы дома можемъ наслаждаться истиннымъ счастьемъ, за которымъ вѣтъ нужды шататься въ чужихъ краяхъ“ (1). Но съ другой стороны, нельзя не замѣтить, къ сожалѣнію, что въ описаніи французской жизни Фонъ-Визинъ многое представляетъ уже въ слишкомъ черномъ видѣ и увлекается во многія преувеличенія. Совершенно справедливо, что въ это время Франція находилась въ страшномъ разстройствѣ, и въ этомъ отношеніи рѣзкія обвиненія французскихъ пороковъ и вообще страшной распущенности нравовъ оправдываются страшными фактами послѣдовавшей вскорѣ революціи; но трудно оправдать тѣ рѣзкіе и часто грубые отзывы, какіе Фонъ-Визинъ дѣлаетъ о характерѣ французовъ вообще и особенно о Дидро, Даламберѣ и другихъ французскихъ ученыхъ и писателяхъ. Въ ревнители науки и просвѣщенія, каковымъ былъ Фонъ-Визинъ, они могутъ быть объяснены только глубокимъ негодованіемъ противъ того ложнаго просвѣщенія, со всѣми его, уже такъ ясно обнаружившимися тогда, гибельными послѣдствіями, какое распространила философія энциклопедистовъ. Съ нимъ, очевидно, произошло тоже самое, что, какъ мы замѣтили, случилось съ императрицей Екатериной, которая послѣ французской революціи также рѣзко стала отзываться о Даламберѣ и Дидро, къ которымъ она сначала выражала глубокое уваженіе. Весьма интересны письма Фонъ-Визина изъ Рима въ 1785 году. Въ нихъ, между прочимъ, весьма характеристично изображеніе папскаго богослуженія. Фонъ-Визина, прѣбывающаго дома видѣть простое и скромное служеніе православной церкви, чрезвычайно непріятно поразила пышная театральная обстановка католическаго, особенно папскаго, служенія (2).

Переводныя сочиненія Фонъ-Визина: Басни Гольберга, перев. въ 1761 г.; Альзира или Американцы Вольтера, перев. въ 1762 г.; Господина Менадра мудраго изысканіе о зеркалахъ древнихъ въ 1762 г.; Торгъ семи музъ, изъ Кригеровыхъ сновъ; Разсужденіе Ретштейна о приращеніи рисовальнаго художества, съ наставленіемъ въ начальныхъ основаніяхъ оного; Господина Ярта разсужденіе о дѣйствіи и существѣ стихотворства — изъ книги *Magazin français*; Овидіевы превращенія, переводъ, сдѣланный въ 1761—62 гг., не сохранился, указанъ у Рейхеля;

(1) Тамъ 444. (2) Стр. 489—490.

Геройская добродѣтель или жизнь Сива, царя Египетскаго, Аббата Террасона; Любовь Коринты и Полидора, Бартеlemi (1716 — 1795); Торгующее дворянство, противоположное дворянству военному, Аббата Куайя; Сичней и Силли, или благодареніе и благодарность, англійская повѣсть въ 1769 году; Иосифъ, поэма въ девяти пѣсняхъ, Витобе въ 1769 г.; Каллистоень, греческая повѣсть, написана, вѣроятно, въ 70-хъ годахъ; Та-гіо, или великая наука, заключающая въ себѣ высокую китайскую философію, напечат. въ 1801 г. Обманчивая наружность, или человекъ нынѣшняго свѣта, франц. Буасси; О волнѣности французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина, не издапо; Слово похвальное Марку Аврелію, Томаса въ 1777 г.; отрывокъ перевода изъ Илиады; отрывокъ перевода изъ поэмы Геснера „Смерть Авеля“.

Обзоръ сочиненій Фонъ-Визина показываетъ, что, стоя по своему образованію и развитію на уровнѣ своего вѣка, Фонъ-Визинъ глубоко сочувствовалъ всѣмъ лучшимъ его стремленіямъ, не только подавалъ свой голосъ на всѣ возникавшіе въ то время вопросы, но и самъ поднималъ новые вопросы. Онъ всегда ратовалъ за свободу мысли и слова. „Вѣкъ Екатерины II, говоритъ онъ въ письмѣ къ Стародуму, ознаменованъ дарованіемъ россиянамъ свободы мыслить и изъясняться. Недоросль мой, между прочимъ, служить тому доказательствомъ, ибо назадь тому гдѣтъ за 30 ваша собственная роль могла ли бы быть представлена и напечатана?.. Благодареніе Богу, мы живемъ въ томъ вѣкѣ, въ которомъ честный человекъ можетъ мыслъ свою сказать безбоязненно... Екатерина, отвергая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателей оковы и позволила всѣмъ охотникамъ заводитьвольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. И такъ, російскіе писатели, какое обширное поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ!.. Я думаю, что таковая свобода писать, какою пользуются нынѣ россияне, составляетъ человека съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною имъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій голосъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человекъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ съ перомъ въ рукахъ быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества“ (1). Но Фонъ-Визинъ

(1) Стр. 228—230.

не довольствуется свободой слова литературной, но и поднимает вопрос о свободѣ мысли и слова въ области политической и административной. Объясняя слабое развитіе краснорѣчія, онъ говоритъ: „мы не имѣемъ тѣхъ народныхъ собраний, кои выгнѣ большую дверь къ славѣ отворяютъ и гдѣ побѣда краснорѣчія не пустою хвалою, но претурою, архонціями и консульствами награждается. Демосеенъ и Цицеронъ въ той землѣ, гдѣ даръ краснорѣчія въ однихъ похвальныхъ словахъ ограниченъ, были бы риторы не лучше Максима Тириана“. Фонъ-Визинъ говоритъ, что и мы могли бы видѣть такихъ же знаменитыхъ ораторовъ, „если бы имѣли мы гдѣ разсуждать о законѣ и податяхъ и гдѣ судить поведенія министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ“ (1). Объясняя неправосудіе и издѣлство въ судахъ сколько безсовѣстностію, столько же невѣжествомъ судей, онъ требуетъ для чиновниковъ снѣзательнаго образованія въ университетахъ. „Я хотѣлъ бы, говоритъ онъ, чтобы въ университетахъ нашихъ преподавалась особенно политическая наука.. Разумѣю науку, поучающую насъ правиламъ благочинія, науку коммерческую и науку о государственныхъ доходахъ. Я хотѣлъ бы, чтобы у насъ по симъ предметамъ сочинены были на каждую часть особенныя книжки, но чтобы бы преподавалась въ университетахъ политическая наука. Симъ способомъ будетъ Россія имѣть во всѣхъ частяхъ гражданской службы людей годныхъ и просвѣщенныхъ“ (2). Въ вопросахъ Фонъ-Визина Екатерина, какъ указано выше, также есть нѣсколько весьма важныхъ вопросовъ общаго характера, напр., вопросъ: отъ чего тяжущіеся не печатаютъ своихъ тяжбъ и рѣшеній правительства?... Наконецъ, всѣ стремленія Фонъ-Визина отличались разумнымъ патріотизмомъ, въ силу котораго онъ, ратуя за свободу и истинное просвѣщеніе Россіи, старался отклонить ее отъ лжепросвѣщенія, рабской подражательности иноземному, и всего, что могло быть вредно для ея благосостоянія.

Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ.

Значеніе Державина въ исторіи русской литературы.
Не только у современниковъ, но и у потомковъ, Державинъ, и какъ поэтъ и какъ общественный дѣятель, пользовался безуслов-

(1) Стр. 248—249 (2) Разговоръ у княгини Халдиной стр. 254.

нымъ уваженіемъ. Только въ началѣ 40-хъ годовъ Бѣлинскій первый осмѣлился указать на нѣкоторыя слабыя стороны въ его сочиненіяхъ: на невыдержанность въ цѣломъ ихъ и частностяхъ, преобладаніе дидактики, отсутствіе художественности въ отдѣлкѣ и примѣсь реторики. Но, указывая на эти слабыя стороны, Бѣлинскій въ то же время говорилъ: „Нечего жалѣть, что Державинъ не былъ поэтомъ художникомъ; лучше подивиться тѣмъ свѣтозарнымъ проблескамъ поэзіи и художественности, которыми такъ часто и такъ ярко вспыхиваетъ дидактическая, по своему преобладающему элементу, поэзія этого могучаго таланта..... Талантъ Державина великъ, но онъ не могъ сдѣлать больше того, что позволили ему его отношенія къ историческому положенію общества въ Россіи..... Богатырь поэзіи, по своему природному таланту, Державинъ, со стороны содержанія и формы своей поэзіи, замѣчателенъ и важенъ для насъ, его соотечественниковъ: мы видимъ въ немъ блестящую зарю нашей поэзіи“ (¹). Взглядъ на Державина измѣнился въ концѣ 50-хъ годовъ, когда появились въ печати его Записки о своей жизни (²). Въ этихъ запискахъ Державинъ съ удивительною откровенностію и наивностію рассказываетъ о всѣхъ фактахъ своей жизни, не исключая и такихъ, которые прямо служатъ къ его осужденію. Развившаяся въ это время съ особенною силою обличительная критика воспользовалась нѣкоторыми изъ этихъ фактовъ, и начала его развѣнчивать. Въ немъ стали отрицать всякое достоинство и находить всякіе недостатки. Но недавно академикъ Я. К. Гротъ въ своемъ превосходномъ классическомъ трудѣ (³) совершенно восстано-

---

(¹) Сочиненія Бѣлинскаго, ч. VII, стр. 79—80; 88, 93, 150.

(²) Напечатаны въ Русской Бесѣдѣ 1859 г. кн. 1—V.

(³) Жизнь Державина, по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ документамъ, описанная Я. Гротомъ. Изданіе императорской Академіи наукъ. Спб. 1880. Это составляетъ VIII-й томъ (съ дополненіями къ нему въ IX-мъ томѣ Спб. 1883) великолѣпнаго академическаго изданія сочиненій Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. К. Грота, въ девяти огромныхъ томахъ, Санктпетербургъ 1864—1883. Здѣсь указаны и прежнія изданія сочиненій Державина и всѣ замѣчательныя біографіи, изслѣдованія и статьи о немъ. Прежнихъ изданій было восемь; первая часть собранія сочиненій сдѣлана Карамзинымъ въ Москвѣ въ 1797; второе изданіе въ 1808 г.; 4-ре изданія сдѣланы (1831, 1833—34, 1847, 1851) Смирдинымъ, другія Глазуновымъ (1843 г.) съ біографіею Самельева-Ростиславича, Штукинымъ (1845 г.) съ біографіею Полеваго. О жизни и сочиненіяхъ Державина

вилъ въ исторіи прежнюю репутацію Державина и какъ поэта и какъ общественнаго дѣятеля. „Въ ряду русскихъ людей всѣхъ вѣковъ, говорятъ Гротъ, онъ всегда останется знаменитымъ историческимъ лицомъ. По силѣ и самообытности таланта онъ былъ, конечно, первымъ русскимъ поэтомъ XVIII в. и однимъ изъ самыхъ крупныхъ представителей поэзіи во всѣ времена и у всѣхъ народовъ.... Очаровывая читателей, онъ пробуждалъ въ нихъ возвышенныя чувства и ставилъ предъ ними идеалы въ живыхъ примѣрахъ отечественныхъ героевъ и савошиковъ, напоминая въ яркихъ образахъ свѣтлыя истины, вѣчныя законы добра и чести... Онъ безспорно отвѣчалъ потребностямъ своего времени, и вотъ въ чемъ, можетъ быть, заключалась одна изъ главныхъ причинъ его необычайнаго успѣха... Конечно, для насъ поэзія Державина утратила значительную долю своего обаянія; но съ исторической точки зрѣнія мы должны цѣнить его тѣмъ выше, что школьное его образованіе было крайне плохо, что вся обстановка его, съ самаго вступленія въ свѣтъ, была въ рѣзкомъ противорѣчій съ его наклонностями и могла бы подавить ихъ, если бы онъ были слабѣе.... Какъ государственный человѣкъ, онъ, конечно, не приобрѣлъ значенія для потомства, оставилъ менѣе слѣдовъ своего существованія; но и на этомъ поприщѣ онъ памятенъ по своей энергіи, честности, человѣчности и государственному мужеству“ ⁽¹⁾.

писали: митр. Евгеній въ 1-й части Словаря свѣтскихъ писателей, Мерзляковъ въ Трудахъ общ. люб. росс. словесности 1818 г. Кн. Цертелевъ о нравственно философическихъ одахъ Державина въ Благонамѣренномъ 1823 г.; Н. Полевой въ Очеркахъ русск. литер. ч. 1; Шевыревъ въ Москов. Вѣдом. 1838 г. № 16.; Бѣлинскій въ VII томѣ сочиненій; К. Фойхтъ: Рѣчь при открытіи въ Казани памятника Державину. Кромѣ того, нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія и критическія замѣчанія есть въ Запискахъ Дмитріева и Храповицкаго, въ Семейной Хроникѣ Аксакова и др. Академикъ Я. К. Гротъ еще съ 1860 г. началъ печатать матеріалы для біографіи Державина (въ Русскомъ Вѣстникѣ 1860 № 7 и 8 и въ Учен. Зап. Академіи наукъ т. 2), которые и вошли въ указанную монографію о Державинѣ. Изслѣдованія Я. К. Грота, обвиняющія не только Екатерининскую, но и Александровскую эпохи, и наполненныя множествомъ богатыхъ матеріаловъ для исторіи образованія, науки и литературы въ эти эпохи, служили источникомъ и руководствомъ для нашего изложенія не только о Державинѣ, но и о другихъ писателяхъ.

⁽¹⁾ Жизнь Державина стр. 9—10.

Біографическія свѣдѣнія о Державинѣ. Его воспитаніе, образованіе и служебная дѣятельность. Державинъ называетъ себя въ своихъ сочиненіяхъ потомкомъ татарскаго мурзы, Багрима, который въ XV в. въ княженіе Василя Васильевича Темнаго, выѣхалъ изъ Золотой Орды въ Россію. Внукъ этого мурзы, Держава, далъ начало роду и фамиліи Державиныхъ. Уже въ половинѣ XVII в. Державины являются владѣльцами помѣстьевъ на берегахъ рѣки Мѣши, по погайской дорогѣ, верстахъ въ 35 или 40 отъ Казани. Гавріилъ Романовичъ Державинъ родился 3 іюля 1743 г. въ Бармакахъ или Сокурахъ, верстахъ въ 40 отъ Казани. Читатъ онъ выучился на пятомъ году у матери своей, Ѳеклы Андреевны, и у одного церковника. Съ малыхъ лѣтъ ему, вмѣстѣ съ отцемъ, пришлось странствовать по разнымъ мѣстамъ Россіи, когда отецъ его былъ на службѣ въ Яранскѣ (Вятской губ.), Ставрополѣ (Симб. губ.) и Оренбургѣ. Въ Оренбургѣ, въ школѣ ссыльнаго нѣмца Розе, Державинъ получилъ свое первое образованіе. Розе былъ своего рода Вральманъ Фонъ-Визина, человѣкъ развратный и жестокій и въ тоже время круглый невѣжда. Не зная грамматики, онъ заставлялъ своихъ учениковъ только затверживать нѣмецкіе вокабулы; но всетаки Державинъ здѣсь научился читать, писать и говорить нѣсколько по нѣмецки. Въ это же время у Державина обнаружилась особенная любовь къ черченію и рисованію перомъ, которая въ послѣдствіи больше всего обратила на него вниманіе учителей и наставниковъ и выдвинула его изъ ряда другихъ учениковъ. Всѣ стѣны его комнаты были оклеены и увѣшаны лубочными картинками, купленными у ходебщиковъ, и его собственными рисунками. По смерти отца, часть родовой собственности Державина была захвачена сосѣдними помѣщиками; мать его должна была вести съ ними продолжительную тяжбу, во время которой испытала много тяжелыхъ хлопотъ и нравственныхъ страданій, посѣщая судей съ своими малолѣтними сыновьями. Простоявъ напрасно по нѣскольку часовъ сряду въ ихъ переднихъ, она часто не могла ничего отъ нихъ добиться и возвращалась домой въ слезахъ. Впечатлѣнія эти глубоко запали въ душу Державина, и онъ въ послѣдствіи выразилъ ихъ въ извѣстныхъ стихахъ въ одѣ „Вельможа“:

«А тамъ вдова стоитъ въ слѣзахъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Покрова твоего желаетъ»... ⁽¹⁾

(1) Сочиненія Державина 1, 631.

Въ своихъ Запискахъ онъ замѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ, подобно Руссо, онъ никогда не могъ смотрѣть равнодушно ни на какую несправедливость, особенно на притѣненіе вдовъ и сиротъ.—Для обученія арифметикѣ и геометріи Державина мать наняла сначала гарнизоннаго школьника Лебедева, а потомъ артиллерій штыкъ-юнкера Полетаева; но они сами не знали этихъ наукъ и конечно не могли ничему научить и своего ученика. Въ 1759 г. была открыта первая гимназія въ Казани; Державинъ тотчасъ же былъ отданъ въ эту гимназію. Рассказывая о своемъ ученіи въ гимназіи въ своихъ Запискахъ, Державинъ говоритъ: „Недостатокъ мой исповѣдую въ томъ, что я былъ воспитанъ въ то время и въ тѣхъ предѣлахъ имперіи, куда и когда не проникало еще въ полной мѣрѣ просвѣщеніе наукъ не только на умы народа, но и на то состояніе, къ которому принадлежу. Намъ учили тогда вѣрѣ безъ катихизиса, языкамъ — безъ грамматики, числамъ и измѣренію безъ доказательствъ, музыкѣ безъ нотъ и тому подобное“. Изъ учителей онъ называетъ, между прочимъ, пастора Гельтергофа, который училъ нѣмецкому языку. Изученіе нѣмецкаго языка, начатое еще въ школѣ Розе, дало въ послѣдствіи Державину возможность познакомиться въ подлинникъ съ сочиненіями Геллерта, Гагедорна, Галлера, Клейста, Гердера и Клопштока. Особенные успѣхи Державинъ оказывалъ въ рисованіи; его чертежи и рисунки перомъ до того нравились директору, что онъ вздумалъ представить ихъ въ 1759—60 г. Шувалову, вмѣстѣ съ чертежами и картами Казанской губерніи отличнѣйшихъ изъ учениковъ своихъ. Въ гимназіи Державинъ познакомился съ одами Ломоносова, трагедіями Сумарокова, съ переводомъ „Телемака“ и „Аргениды“ Тредьяковского, и, подражая имъ, началъ самъ пробовать писать стихи.

Но въ гимназіи Державинъ учился только три года. Въ 1762 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ на службу въ преображенскій полкъ. Двѣнадцатилѣтняя военная служба въ полку была самымъ печальнымъ и тяжелымъ временемъ во всей жизни Державина, когда ему привелось жить въ грубой и невѣжественной средѣ и испытать тяжкіе тѣлесные труды и нравственное паденіе. Не имѣя другаго пристанища, онъ долженъ былъ жить въ казармахъ, вмѣстѣ съ другими солдатами. При тѣснотѣ и неудобствахъ такого помѣщенія, ему только по ночамъ удавалось читать случайно добываемыя книги и писать стихи. Узнавъ въ немъ человѣка грамотнаго, его товарищи по казармѣ и жены ихъ заставляли его писать письма къ ихъ роднымъ и за это вмѣсто него соглашались отправлять тяжелую очередную работу и службу. Это давало ему нѣсколько свободнаго времени и возможности заниматься чтеніемъ книгъ и сочиненіемъ стиховъ. Но

никому, разумѣется, въ это время и въ голову не приходило, что въ лицѣ этого солдата преображенскаго полка готовится знаменитый русскій поэтъ. Къ 3-ей ротѣ этого полка, между прочими, принадлежалъ прапорщикъ князь Ѳ. А. Козловскій, извѣстный нѣсколькими литературными трудами и потомъ погибшій героическою смертію въ чесменскомъ бою. Къ этому Козловскому пришелъ однажды по дѣламъ службы Державинъ въ то время, когда онъ читалъ въ слухъ какую-то трагедію извѣстному въ то время писателю В. И. Майкову. Отдавъ принесенный приказъ, Державинъ изъ любопытства пріостановился въ дверяхъ послушать. „Поди, братецъ служивый, съ Богомъ, сказалъ ему Козловскій; что тебѣ здѣсь попусту зѣвать? вѣдь ты ничего не смыслишь“. И бѣдный поэтъ долженъ былъ смиренно удалиться. Во время отпуска въ Москву въ 1767 г. онъ увлекся въ карточную игру, проигралъ данныя ему матерью на покупку имѣнія деньги, и чтобы отыгратъся, вошелъ въ сношеніе съ игроками шулерами и самъ сдѣлался было шулеромъ. Къ счастью, какъ онъ самъ говоритъ, никакой выигрышъ не служилъ ему въ прокъ, и потому онъ не могъ сердечно прилѣпиться къ игрѣ, а игралъ по нуждѣ. „Когда же не на что было не только играть, но и жить, то, запершись дома, онъ ѣлъ хлѣбъ съ водою и „маралъ стихи“, при слабости иногда свѣтъ полушечной сальной свѣчки, или при сіяніи солнечномъ сквозь щелки затворенныхъ ставней“. Въ 1770 г., когда въ Москвѣ уже началась моровая язва, Державинъ отправился въ Петербургъ. Чтобы избавиться отъ карантина, онъ на заставѣ предъ Петербургомъ, въ присутствіи караульщиковъ, сжегъ находившійся при немъ сундукъ съ бумагами, большую часть которыхъ составляли его юношескіе опыты въ стихотворствѣ, законившіеся въ теченіе многихъ лѣтъ, начиная со времени ученія въ Казанской гимназіи.

Трудно сказать, что случилось бы далѣе съ поэтомъ, если бы не явились особенныя обстоятельства, которые вывели его изъ темной неопредѣленности и проложили путь къ первымъ его успѣхамъ въ службѣ и литературѣ. Въ 1773 г. въ поволжскомъ краѣ разразилась Пугачевщина. Для усмиренія этого страшнаго бунта былъ назначенъ Бибииковъ, который взялъ въ себѣ въ комиссію Державина, какъ уроженца Казани и хорошо знавшаго казанскую и оренбургскую сторону. Исполняя разныя порученія Бибиикова въ Казани, Державинъ обратилъ на себя особенное вниманіе тѣмъ, что отъ имени казанскаго дворянства написалъ импер. Екатеринѣ рѣчь въ отвѣтъ на ея рескриптъ дворянству, въ которомъ она, назвавъ себя помѣщицей казанской губерніи, объявила, что, слѣдуя примѣру дворянства, такъ же даетъ по рекруту съ каждыя 200 душъ въ тамошнихъ дворцовыхъ воло-

стяхъ своихъ. Рѣчь эта была тогда же напечатана въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Замѣтивъ выдающіяся способности Державина, Бибииковъ отправилъ его въ окрестности Саратова. Исполняя разныя порученія, Державинъ прожилъ здѣсь два года. Здѣсь онъ сочинилъ такъ называемыя читалагайскія оды (отъ горы Читалагая, противъ колоніи Шафгаузенъ), большая часть которыхъ, впрочемъ, состояла изъ перевода стихотвореній Фридриха II. Къ этому же времени относятся нѣсколько и оригинальныхъ стихотвореній Державина: На смерть Бибиикова; На знатность; На день рожденія Ея Величества. Къ эпохѣ же Пугачевщины относится „Эпистола къ Михельсону“—начало большого стихотворенія, въ родѣ эпической поэмы, въ которой онъ хотѣлъ представить картину ужасовъ пугачевщины и воспѣть заслуги главныхъ дѣятелей въ этой борьбѣ и особенно Михельсона.— За службу же свою онъ былъ награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника и 300 душъ въ Бѣлоруссіи.

Въ 1777 г. Державинъ поступилъ на службу въ сенатъ подъ начальство генераль-прокурора Вяземскаго и служилъ здѣсь семь лѣтъ. Самымъ важнымъ дѣломъ Державина во время этой службы въ сенатѣ было составленіе проекта экспедиціи о государственныхъ доходахъ и расходахъ. „Весьма замѣчательно, говоритъ Гротъ, что человѣкъ, такъ мало учившійся, проведеній столько лѣтъ въ самыхъ неблагопріятныхъ для умственной дѣятельности обстоятельствахъ и такъ недавно вступившій на поприще гражданской службы, могъ въ короткое время достаточно ознакомиться съ законами и положеніемъ финансовой части въ Россіи, чтобы составить такой уставъ. Естественно, что Державинъ гордился въ послѣдствіи этимъ трудомъ“⁽¹⁾. Въ домѣ Вяземскаго Державинъ познакомился со многими знатными лицами. Самыми же близкими людьми къ нему въ это время были А. Н. Львовъ, Капнистъ и Хемницеръ. Въ это время Державинъ женился на Екатеринѣ Яковлевнѣ Бастидонъ (дочери камердинера Петра III, португальца Бастидонъ), которая была молочной сестрой в. к. Павла Петровича и которую Державинъ воспѣвалъ въ своихъ стихахъ подъ именемъ Пльниры.—Съ 1778 г. Державинъ сдѣлался сотрудникомъ С.-Петербургскаго Вѣстника, который издавалъ Брайко. Здѣсь были напечатаны: двѣ пѣсни Петру В., по случаю постановленія статуи его, сдѣланной Фалконетомъ; въ 1779 г. Эпистола къ Шувалову; На смерть князя Мещерскаго; Ключъ; На рожденіе порфиророднаго отрока (в. к. Александра Павловича); въ 1780 г. ода на отсутствіе импер. Екатерины въ

(1) Жизнеописаніе, стр. 248—249,

Бѣлоруссію; Къ первому сосѣду; застольная пѣснь „Кружка“. Сказка Екатерины о царевичѣ Хлорѣ, напечатанная въ 1781 г., подала Державину мысль написать знаменитую „Фелицу“, гдѣ онъ изобразилъ Екатерину и ея приближенныхъ вельможъ. Екатерина наградила его за эту оду золотой табакеркой, въ которую было вложено 500 червонцевъ. Въ благодарность за этотъ подарокъ Державинъ еще написалъ два стихотворенія въ похвалу Екатерины: „Изображеніе Фелицы“ и „Видѣніе мурзы“. Эти оды прославили Державина, но такъ же и вызвали противъ него много заисестниковъ и враговъ. Въ числѣ послѣднихъ оказался и князь Вяземскій, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ въ сенатѣ. Вяземскій вообще не любилъ поэтовъ и говорилъ, что они не способны заниматься дѣлами; послѣ же Фелицы, гдѣ за дѣтъ былъ и его характеръ, онъ еще больше не взлюбилъ Державина, какъ выскочку, своими стихами, безъ его помощи, пробравшагося въ милость къ императрицѣ. Ближайшимъ же поводомъ къ непріязненнымъ отношеніямъ между ними служило личное поведеніе Державина. Во время службы въ сенатѣ, въ Державинѣ вполне стала раскрываться та черта въ его характерѣ, которая была причиной всѣхъ непріятностей и несчастій въ его жизни и которую онъ самъ очень мѣтко выразилъ въ своихъ Запискахъ, сказавши, что онъ „горячъ и въ правдѣ чортъ“. Человѣкъ по своимъ стремленіямъ въ высшей степени честный и справедливый, онъ, при своей горячности, часто не могъ разглядѣть справедливую сторону дѣла, не всегда могъ отличить правду отъ несправдывы, и, стремясь къ правдѣ, нерѣдко поступалъ несправедливо; въ справедливомъ же дѣлѣ не зналъ никакой мѣры, и, дѣйствуя рѣзко и запальчиво, вооружалъ противъ себя и противъ дѣла не только своихъ враговъ, но и друзей. Въ 1784 г. онъ долженъ былъ оставить службу въ сенатѣ.

Но Екатерина въ то время была еще не знакома съ этой чертой характера Державина, а знала его только какъ поэта, и хотя сама не любила и не могла писать стиховъ, не считала, однакожъ, поэзію и стихотворство помѣхой къ отправленію должности. Въ томъ же 1784 г. она назначила Державина губернаторомъ въ Петрозаводскѣ. Но Державинъ не пробылъ и году въ должности губернатора. Онъ не поладилъ съ намѣстникомъ Олонецкимъ, Тутолминымъ, котораго онъ называетъ въ своихъ Запискахъ надменнымъ, но низкимъ человѣкомъ, угодникомъ случая. Главная же вина заключалась въ томъ, что предѣлы власти намѣстника и губернатора и ихъ взаимныя отношенія не были опредѣлены ясно, а это должно было служить поводомъ къ постояннымъ недоразумѣніямъ, столкновеніямъ и раздорамъ двухъ властей. Впрочемъ, въ краткое время губернаторства, Державинъ успѣлъ обо-

зрѣть нѣкоторыя части губерніи, посѣтилъ кончезерскіе заводы, видѣлъ водопадъ Иивачъ при впаденіи рѣки Сунь въ Онежское озеро, который онъ потомъ изобразилъ въ одѣ „Водопадъ“, на смерть Потемкина. На пути къ Соловецкому монастырю, Державина застала страшная буря съ грозою, во время которой онъ чуть не потонулъ; страшныя впечатлѣнія отъ этого случая онъ изобразилъ въ стихотвореніи „Буря“ (1). 15 декабря 1785 г. Державинъ былъ переведенъ губернаторомъ въ Тамбовъ. Въ Тамбовѣ онъ также оставался не долго, около трехъ лѣтъ, но въ это время онъ успѣлъ сдѣлать весьма много для устройства города и губерніи, для распространенія образованія и развитія общественной жизни. Онъ открылъ у себя въ домѣ уроки для приходящихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, нанявъ учителей для обученія грамотѣ, арифметикѣ и танцованію. Для развитія общественной жизни Державинъ устраивалъ у себя въ домѣ два раза въ недѣлю вечернія собранія съ танцами и концертами. Потомъ въ его же домѣ открылись любительскіе спектакли. По примѣру губернатора, и другіе дворяне стали давать у себя подобные спектакли, на которыхъ представлялись, между прочимъ, трагедіи Сумарокова и Недоросль Фонъ-Визина. Въ 1787 г. Державинъ просилъ у намѣстника разрѣшеніе построить въ Тамбовѣ особый театръ. Въ 1788 г. въ Тамбовѣ было открыто первое народное училище; при этомъ Державинъ сочинилъ рѣчь, сказанную однодворцемъ Захарынымъ. Черезъ два мѣсяца, въ память открытія этого училища 24 ноября (въ день ангела императрицы) былъ устроенъ въ домѣ Державина (такъ какъ театръ еще не былъ готовъ) спектакль, на которомъ дава была комедія Вережкина: „Такъ и должно“. Но интересъ заключался не въ этой комедіи, а въ томъ прологѣ, представленномъ предъ комедіей, который аллегорически изображалъ главную идею торжества. Въ видѣ дремучаго лѣса было представлено малообразованное тамбовское общество; чтобы разогнать мракъ въ этомъ лѣсу, является просвѣщеніе въ видѣ генія; орудіемъ просвѣщенія долженъ служить театръ, который олицетворяли Мельпомена и Талія. Геній, приглашая на помощь себѣ Мельпомену и Талію, говоритъ:

«Гдѣ грубы головы, сердца не смягчены,
Законы кроткіе тамъ тщетно изданы,
Вы умягчайте ихъ игрой своей и тономъ.
И просвѣщенію, наукамъ и законамъ
Подпорой будьте здѣсь».

(1) Соч. I, 361.

При этихъ словахъ онъ подаетъ Мельпоменѣ кинжалъ, а Таліа маску. Принимая маску, Таліа отвѣчаетъ:

«Я знаю должность въ чемъ моя.
Подъ ней сокрывшись, я, какъ будто не нарочно,
Все то, что скредно и гнусно и порочно,
И такъ и сякъ ни въ комъ никакъ не потерплю.
Не въ бровь а въ самый глазъ я страсти уязвлю
И буду только тѣхъ хвалою прославлять,
Кто будетъ правами благими удивлять,
Себѣ и обществу окажется полезенъ...
Будь баринъ, будь слуга, но будетъ мнѣ любезенъ» (1).

Но особенно много заботливости показалъ Державинъ въ управленіи Тамбовомъ и губерніей. Въ тамбовскихъ архивахъ еще до сихъ поръ сохранилась масса бумагъ, писанныхъ рукою самого Державина; во всемъ онъ показывалъ свое личное непосредственное участіе; вездѣ отражается его заботливость о всѣхъ сторонахъ управленія. Между прочимъ, для сокращенія переписки въ дѣлахъ, онъ учредилъ типографію, которая и была первой типографіей въ Тамбовѣ.—При такой административной дѣятельности, Державину, очевидно, мало оставалось времени заниматься поэзіей; ко времени тамбовскаго губернаторства относятся только три оды: „На смерть графа Румянцева“; „Осень во время осады Очакова“ и „Властителямъ и судіямъ“. Но не столько служебныя дѣла въ Тамбовѣ отнимали у Державина время заниматься литературой, сколько разныя служебныя непріятности, которыхъ здѣсь ему привелось испытатьещегораздобольше, чѣмъ въ Петрозаводскѣ. Въ Тамбовѣ онъ также вошелъ въ столкновеніе съ намѣстникомъ, Гудовичемъ. Гудовичъ, частію по своему легкомыслію и распущенности, частію въ противорѣчіе Державину, защищалъ всѣхъ чиновниковъ, которыхъ преслѣдовалъ Державинъ за взяточничество и другіе противозаконные поступки, принималъ ихъ доносы на Державина и отсылать ихъ въ Петербургъ и при своихъ обширныхъ связяхъ въ сенатѣ и при дворѣ успѣлъ довести дѣло до того, что Державинъ въ 1788 г. былъ удаленъ отъ должности губернатора и отланъ подъ судъ, подъ предлогомъ различныхъ будто бы опущеній по службѣ. Дѣло разсматривалось въ сенатѣ въ Москвѣ, куда и Державинъ долженъ былъ явиться для представленія нужныхъ объясненій. Благодаря защитѣ знатныхъ покровителей и въ томъ числѣ Потемкина, Державинъ не былъ осужденъ и по окончаніи суда, чтобы доказать свою невинность предъ

(1) Жизнеописаніе Державина 460—461.

самой императрицей подробнымъ объясненіемъ всѣхъ взведенныхъ на него обвиненій, отправился въ Петербургъ. Екатерина, при представленіи ей дѣла Державина, сказала, что она не можетъ обвинить автора „Фелицы“ и даже не стала разсматривать дѣла; но на аудіенціи, которую Державинъ испросилъ себѣ у нея по этому случаю, она спросила его: „Не имѣете ли вы въ нравѣ чего-нибудь строitivaго, что ни съ кѣмъ не уживаетесь?—Я началъ службу свою, отвѣчалъ Державинъ, простымъ солдатомъ и самъ собою возвысился до почетнаго чина губернаторства; никто не жаловался на мое управленіе“.—„Но отъ чего же вы не ладили съ Тутолминымъ?“—„Онъ издавалъ свои законы, а я привыкъ исполнять только ваши“.—„Отъ чего вы разошлись съ Вяземскимъ?“—„Ему не понравилась моя ода Фелицѣ; онъ началъ осмѣивать и притѣснять меня“.—А какая была причина ссоры вашей съ Гудовичемъ?“—„Онъ не соблюдалъ Вашихъ интересовъ; въ доказательство могу представить дѣльную книгу, которая со мною“.—„Хорошо, сказала она, послѣ“.—Послѣ, по свидѣтельству Храповицкаго, Екатерина такъ отзывалась объ этомъ разговорѣ: „Я ему сказала, что чинъ чина почитаетъ. Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причинъ въ себѣ самомъ. Онъ горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи“⁽¹⁾.—Приказано было выдать Державину неполученное во время суда жалованье и выдавать его впредь до назначенія на новое мѣсто. Но новаго мѣста ему не давали два года съ половиной, такъ что, соскучившись ждать, онъ рѣшился обратиться къ Зубову. Написавъ стихотворную оду Екатеринѣ „Изображеніе Фелицы“, онъ представилъ ее Зубову. Екатеринѣ понравилась ода, и Державину было открытъ доступъ ко двору. Еще болѣе имѣла успѣха ода „На взятіе Измаила“. Императрица пожаловала ему за нее осыпанную брильянтами табакерку въ 2000 рублей, и увидѣвъ его во дворцѣ, сказала ему: „Я по сіе время не знала, что труба ваша такъ же громка, какъ и лира пріятна“. Въ 1791 г. Потемкинъ далъ Екатеринѣ въ своемъ дворцѣ великолѣпный праздникъ. Державинъ написалъ для этого праздника знаменитую пѣснь:

«Громъ побѣды раздавайся!
Веселися, храбрый Россѣ!»

которую пѣли во время самаго праздника, а потомъ, по просьбѣ Потемкина, описалъ самый праздникъ. Все это возратило Державину прежнее расположеніе Екатерины, и она въ 1791 г.

(1) Тамъ же 580—581.

назначила его своимъ кабинетъ-секретаремъ. Это была такая должность, на которой, повидимому, никто не могъ повредить Державину; но и на этой должности онъ не могъ долго удержаться; при своей прямотѣ и горячности онъ не могъ угодить Екатеринѣ. „Онъ со всякимъ вздоромъ ко мнѣ лѣзетъ“... „Онъ такъ новъ, что ходить съ дѣлами, до меня не принадлежащими“, жаловалась она Хроповицкому. Дѣйствительно, по нѣкоторымъ дѣламъ Державинъ для доклада привозилъ съ собою въ комнаты императрицы огромныя кучи бумагъ и обременялъ ее чтеніемъ ихъ. Особенно онъ наскучилъ Екатеринѣ своими докладами по двумъ дѣламъ — о бывшемъ генераль-губернаторѣ Якоби, обвинявшемся въ возбужденіи китайцевъ къ войнѣ съ Россіей, и о злоупотребленіяхъ придворнаго банкира Сутерланда. Оба эти дѣла были весьма щекотливыя, такъ какъ въ нихъ были замѣшаны многія знатныя и придворныя лица, особенно дѣло Сутерланда. Поэтому все уклонялись въ сенатѣ отъ разбора этихъ дѣлъ, зная, что и сама Екатерина не желаетъ ихъ строгаго разслѣдованія. Одинъ Державинъ, не боясь ни какихъ непріятностей, взялся за нихъ съ обычною своею ревностію. На разсмотрѣніе дѣла Якоби онъ употребилъ цѣлый годъ и явился для доклада о немъ къ императрицѣ съ такими большими кучами бумагъ, что она пришла въ ужасъ. Для чтенія дѣла она приказала ему являться во дворецъ каждый день послѣ обѣда часа на два. Потерявъ терпѣніе заниматься съ нимъ, она нерѣдко отсылала его и однажды, когда онъ пріѣхалъ въ глухую осень, не смотря на страшную погоду, велѣла сказать ему: „удивляюсь, какъ такая стужа вамъ гортани не захватила“. — Во время доклада о дѣлѣ Сутерланда онъ также привозилъ множество бумагъ и такъ горячился при объясненіи своихъ мнѣній, что однажды въ забывчивости схватилъ императрицу за концы маптыли. Императрица велѣла позвать дождавшагося въ соседней комнатѣ Попова и сказала ему: „побудь здѣсь, Василій Степановичъ; а то этотъ господинъ много даетъ воли рукамъ своимъ“. Однакоже, какъ всегда великодушная и незлобная, Екатерина приказала Державину быть на другой день, приняла его милостиво и даже извинилась, что вчера горячо поступила, промолвивъ: „ты и самъ горячъ, все споришь со мною“. Державинъ указывалъ Екатеринѣ на законъ и говорилъ, что онъ долженъ исполняться неизмѣнно, а Екатерина часто сообразовалась въ нѣкоторыхъ дѣлахъ съ политикой. Она, замѣчаетъ Державинъ, управляла государствомъ и даже правосудіемъ политически, вообразая своимъ вельможамъ, снисходя ихъ слабостямъ. Она часто говаривала: „живи и жить давай другимъ“. При такихъ отношеніяхъ, Державинъ, конечно, не могъ долго оставаться кабинетъ-секретаремъ. Онъ скоро наскучилъ Екатеринѣ какъ своей

горячностью и грубой прямою, такъ и строгою и неуклонною правдой. Да и ему самому, при его воззрѣнiяхъ, было тяжело и неловко жить въ придворной средѣ. „По догадкамъ Державина, замѣчаетъ Гротъ, неблаговоленiе къ нему Екатерины происходило отъ того, что онъ не могъ болѣе хвалить ее въ стихахъ, хотя она часто выражала ему намеками желанiе, чтобы онъ писалъ оды въ родѣ Фелицы. Онъ сознается, что высокiй идеаль, который прежде издали представлялся ему въ Екатеринѣ, помрачился, когда онъ вблизи увидѣлъ ея человѣческiя слабости, и не было никакихъ особенныхъ дѣлъ, которыя бы воспламенили его. Много разъ онъ брался за перо, записался по недѣлѣ дома, но не былъ въ состоянiи ничего провозвести, чѣмъ бы и самъ могъ быть доволенъ: все выходило слабо, холодно, натянуто, какъ у цеховыхъ стихотворцевъ, у коихъ слышны только слова, а не мысли“ (¹). Въ должности кабинетъ-секретаря Державинъ пробылъ менѣе двухъ лѣтъ. Къ этому времени относятся слѣдующiя его стихотворенiя: „Моя ласточка“ (памяти первой жены); „Мой истуканъ“; „Вельможа“ (ода, передѣланная изъ оды на знатность); „На взятiе Варшавы“; „Приглашенiе къ обѣду“; „На рожденiе царицы Гремиславы“ (Л. А. Нарышкину); „На кончину графа Орлова“ (Федора); „Аенискому вождю“ (А. Орлову); „Памятникъ“. Пользуясь близостью къ императрицѣ, Державинъ горячо заступался за подвергавшихся опалѣ поэтовъ и писателей: Хераскова, Веревкина, Коцебу и др. Въ 1793 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ. „Въ Запискахъ своихъ онъ говоритъ, что во все время служенiя въ Сенатѣ, онъ, не взирая ни на какiя лица и обстоятельства, строго стоялъ за соблюденiе закона и велъ постоянную борьбу со всѣми. Онъ ѣздилъ въ Сенатъ даже по воскресеньямъ и праздникамъ и тамъ наединѣ прочитывалъ кипы бумагъ... Къ сожалѣнiю, и здѣсь правдолюбiе и усердiе его выражались въ самыхъ рѣзкихъ, а иногда и грубыхъ формахъ и подавали поводъ къ бурнымъ сценамъ“ (²).

По кончинѣ Екатерины въ 1796 г. импер. Павелъ сдѣлалъ Державина правителемъ канцелярiи государственнаго совѣта, но вскорѣ „за необузданность языка“ отослалъ его опять въ сенатъ. Въ 1800 г. Державинъ былъ опредѣленъ президентомъ коммерцъ-коллегiи и въ томъ же году государственнымъ казначеемъ. При импер. Александрѣ I, во время учрежденiя министерствъ, въ 1802 г., онъ былъ назначенъ министромъ юстицiи. Это, конечно, былъ самый высшiй постъ, какого только могъ достигнуть Державинъ; но этотъ постъ оказался уже совершенно ему не по си-

(¹) Жизнь Державина, 617—626. (²) Тамъ же, 649.

ламъ. Тогда Державину было уже 60 лѣтъ. Да и время въ политикѣ пастало другое, съ такими новыми идеями и стремленіями, съ которыми никакъ не могъ помириться Державинъ. Рассказывая объ этомъ времени въ своихъ Запискахъ, онъ сознается, что смѣло противорѣча и возражая даже на своихъ помыслахъ „сталъ приходить часъ отъ часу у императора въ остуду, а у министровъ во вражду“. Завадовскій говорилъ о Державинѣ: „вовсе голова министра не по мѣсту; никола Аполлона требуетъ воображенія, вѣсы Оеиды держатся здравымъ разсудкомъ“. „Въ здоровомъ разсудкѣ, замѣчаетъ при этомъ Гротъ, у Державина не было недостатка, но бѣда была въ томъ, что въ критическія минуты онъ легко уступалъ страстнымъ порывамъ своего пылкаго права. Не соглашаясь во многихъ случаяхъ не только съ министрами, но и съ государемъ, Державинъ особенно сильно возсталъ противъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Первымъ шагомъ въ этомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, былъ указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Узнавъ о немъ, Державинъ немедленно отправился во дворецъ для объясненія съ государемъ. Возраженія его противъ освобожденія крестьянъ были почти тѣже самыя, какія дѣлали и другіе его современники, какъ напр. княгиня Дашкова, Н. В. Лопухинъ и др. и какіе слышались и въ наше время, при окончательной отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія. Это, конечно, при обвиненіи его можетъ служить смягчающимъ обстоятельствомъ; но все же „нельзя не скорбѣть, что ибасиъ Фелицы, такъ хорошо оцѣнившій чело-вѣколюбивыя стремленія Екатерины, съ кроткіе законы и учрежденія, не умѣлъ стать выше понятій своего времени, и вмѣсто того, чтобы всѣми средствами своего характера и положенія поддерживать однихъ изъ самыхъ великодушныхъ павновъ Александра, настойчиво противоѣствовалъ его намѣренію „освободить народъ отъ рабства“ и разыгралъ эту хмель „предрасудкомъ“ (1). По этому поводу онъ написалъ стихотвореніе „Голубка“, гдѣ проводится та мысль, что крестьянамъ гораздо лучше подъ властію помѣщиковъ, нежели можетъ быть на волѣ“ (2). При постоянныхъ столкновеніяхъ не только съ господствовавшей правительственной партіей, но и съ самимъ императоромъ, Державинъ, конечно, не могъ оставаться на службѣ; въ 1803 г. онъ былъ уволенъ отъ должности министра. На аудіенціи по этому случаю государь знаменательно замѣтилъ ему, что онъ „слишкомъ ровно служилъ“. Дѣйствительно, Державинъ въ продолженіе всей своей

(1) Жизнеописаніе Державина, стр. 822—826.

(2) Сочиненія, II, 391—394.

службы, на всѣхъ мѣстахъ отличался необыкновенною ревностію, смѣлой откровенностію, неуклонной прямою и стремленіемъ къ тому, что считалъ справедливымъ. Поэтому напрасно называли его придворнымъ стихотворцемъ. Настоящимъ придворнымъ стихотворцемъ онъ не могъ быть по самой натурѣ своей. Еслибы онъ болѣе дорожилъ внѣшними выгодами, то, конечно, сдѣлалъ бы удержаться по крайней мѣрѣ въ милости Екатерины II и императора Александра, къ которымъ былъ близокъ“ (¹).—„Прославляя славныхъ людей своего времени, говорить Добролюбовъ, Державинъ дѣлалъ это съ величайшимъ благородствомъ, слѣдуя только влеченію своего сердца, умѣвшаго цѣнить добро“... Если при этомъ въ похвалахъ своихъ Державинъ вдавался часто въ преувеличеніе, льстивыя слова и громкія фразы, то это было совершенно во вкусѣ и обычаѣ того времени, и такой гиперболическій приѣмъ въ поэзіи не считался предосудительнымъ; слова въ поэзіи отдѣлялись отъ дѣла въ дѣйствительной жизни. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательно посланіе Державина къ Храповицкому. Оно написано въ отвѣтъ на стихи, въ которыхъ Храповицкій, между прочимъ, говорилъ ему:

«Люблю твои я стихотворства:
Въ нихъ мало лести и притворства,
Но иногда—полы лондишь....
Я твой же стихъ напоминаю
И самъ по истинѣ не знаю,
Зачѣмъ ты такъ, мой другъ, грѣшишь....»

Отвѣчая на этотъ упрекъ, Державинъ въ своемъ посланіи сказалъ:

«Извини жъ, мой другъ, коль лесто
Я кого здѣсь воспѣвать:
Днесъ скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я похвалялъ.
За слова—меня пусть гложетъ,
За дѣла—сатирикъ читай».

Извѣстно, что по поводу послѣднихъ стиховъ Пушкинъ замѣтилъ: „слова поэта суть тѣже дѣла“. Гоголь подтвердилъ это замѣчаніе. Жуковский же прибавилъ, что „ошибки писателя не извиняются его человѣческими добродѣтелями“. Но Державинъ

(¹) Жизнеописаніе Державина, стр. 1023.

отдѣляетъ стихотворное слово отъ дѣла, и, сознаваясь, что въ своихъ стихахъ иногда допускалъ лести и тѣмъ заслужилъ упрекъ сатирика, говорить, что въ дѣлахъ своихъ остался безукоризненъ т. е. не кривилъ душой изъ угодливости и не измѣнялъ своимъ обязанностямъ и убѣжденіямъ. Вотъ какъ самъ онъ характеризуетъ себя въ своемъ „Признаніи“:

«Не умѣлъ я притворяться,
На святаго походить,
Важнымъ саномъ надуваться
И философа брать видъ.
Я любилъ чистосердечье,
Думалъ нравиться лишь имъ;
Умъ и сердце человѣче
Были гениемъ моимъ.
.....
Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъ,
Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человѣкъ» — (1).

Послѣдніе 13 лѣтъ своей жизни Державинъ провелъ въ отставкѣ, въ своемъ имѣніи, Званкѣ (Новгор. губ.). Привыкнувъ къ трудамъ съ малыхъ лѣтъ, онъ и въ это время постоянно занимался. Въ 1809—1810 г. онъ составилъ комментарий къ своимъ стихотвореніямъ въ томъ порядкѣ, какъ они были напечатаны. На этотъ комментарий онъ смотрѣлъ какъ на нѣкоторый отчетъ въ своей литературной дѣятельности (2). Отчетъ же въ своей служебной дѣятельности онъ представилъ въ своихъ „Запискахъ“, которыя онъ, по совету Канниста, написалъ въ 1812 г. „Эти „Записки“, говоритъ Гротъ, дошли до насъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ вылились изъ подъ пера Державина, при снѣжной черновой редакціи, со всеми погрѣшностями и несправностями горячей первоначальной работы. Вотъ что необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ его Записокъ и что не было принято въ соображеніе нашей критикой, при появленіи ихъ въ 1859 г. въ Мос-

(1) Сочиненія II, 646—647.

(2) Въ 1821 г. Остолоповъ сдѣлалъ въ этомъ комментарий разныя измѣненія и издалъ его отъ своего имени подъ заглавіемъ: «Ключъ къ сочиненіямъ Державина». Вторая редакція Комментарія, названная «Объясненія къ сочиненіямъ Державина» и писанная г-жею Львовой, была издана также съ измѣненіями въ 1834 г. Во всей точности Комментарій восстановленъ въ III томѣ изданія Грота.

ковскомъ журналѣ „Русская Бесѣда“ (1). Въ 1805 г. Державинъ познакомился съ преосвященнымъ Евгеніемъ Болховитиновымъ, который въ это время, будучи старорусскимъ епископомъ и викаріемъ Новгородскимъ, жилъ въ Хутынскомъ монастырѣ и недалеко отъ имѣнія Державина, Званки. Зная греческій языкъ, Евгенийъ переводилъ для Державина Пиндара, напечатать въ словарь автобіографическую записку Державина, а Державинъ посвятилъ Евгению нѣсколько стихотвореній и между прочимъ обширное стихотвореніе „Жизнь званская“, въ которомъ описалъ свою жизнь въ деревнѣ. Въ 1811 г. Державинъ вмѣстѣ съ А. С. Шишковымъ учредилъ въ Петербургѣ литературное общество, подъ названіемъ „Бесѣда любителей русскаго слова“, и участвовалъ въ изданіи трудовъ этого общества, которые печатались въ журналѣ „Чтенія въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова“. Сочувствуя Шишкову, онъ однакоже не былъ заклятымъ врагомъ реформы Карамзина; уважая его и находясь издавна въ дружбѣ съ Дмитриевымъ, не оставался вполне чуждымъ и новому направленію современной литературы. Продолжая писать разныя стихотворенія до своей смерти, Державинъ въ послѣднее десятилѣтіе особенно пристрастился къ драматической формѣ и написалъ много трагедій, драмъ, оперъ и легкихъ пьесъ. За годъ до смерти, въ 1815 г. присутствуя на экзаменѣ въ царскосельскомъ лицѣѣ, Державинъ увидѣлъ Пушкина, который прочиталъ предъ нимъ приготовленное къ экзамену стихотвореніе: „Воспоминаніе о Царскомъ селѣ“. Это стихотвореніе Пушкина такъ поразило Державина, что, познакомившись вскорѣ съ С. Т. Аксаковымъ, онъ откровенно сказалъ ему: „Мое время прошло. Теперь ваше время. Теперь многіе пишутъ славные стихи, такіе гладкіе, что относительно версификаціи уже ничего не остается желать. Скоро явится свѣту второй Державинъ—это Пушкинъ, который уже въ лицѣѣ перещеголялъ всѣхъ писателей“. Въ своихъ воспоминаніяхъ Аксаковъ рассказываетъ, что Державинъ часто заставлялъ его читать свои стихотворенія, особенно драматическія, и дѣлаетъ о немъ такой отзывъ за это послѣднее время: „Волканъ потухалъ, но между горами камней, угля и пепла мелькали иногда свѣтлыя искры прежняго огня. Дарованія драматическаго Державинъ рѣшительно не имѣлъ; у него не было разговора; все была пѣснь; но увы! онъ думалъ, что имѣетъ; часто онъ говорилъ мнѣ съ неуваженіемъ о своихъ одахъ и жалѣлъ, что въ самомъ началѣ своего литературнаго поприща не посвятилъ себя исключительно трагедіи и вообще

(1) Жизнеописаніе, стр. 899—900.

драмѣ. За три дня до кончины Державинъ началъ стихотвореніе „На тлѣнность“, которое внушила ему висѣвшая въ его кабинетѣ карта „Рѣка время“, но успѣлъ написать па аспидной доскѣ только слѣдующіе стихи, которые и были его послѣдними стихами:

«Рѣка время въ своемъ стремленіи
Уносить всѣ дѣла людей,
И топить въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и останется
Черезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы».

9 іюня 1816 г. Державинъ скончался. Въ Казани ему поставленъ памятникъ.

Общій характеръ и направленіе поэзіи Державина.

Поэтическую дѣятельность Державина можно раздѣлить на два періода. Къ первому періоду относятся всѣ стихотворенія, написанныя до „Фелицы“, съ которой началась настоящая громкая слава Державина; лучшія изъ нихъ подготовившія его славу, были: Пѣснь Петру В. (1776), на памятникъ сдѣланный Фальконетомъ; На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока (Александра І); На смерть князя Мещерскаго (1779); Къ первому сосѣду (1780) и Властителямъ (1780). Ко второму періоду относятся всѣ стихотворенія, написанныя для прославленія Екатерины и ея сподвижниковъ, и послѣ Екатерины при Павлѣ и Александрѣ І. Въ началѣ перваго періода направленіе поэзіи Державина было строго классическое въ томъ видѣ, какъ оно было утверждено въ русской литературѣ Тредьяковскимъ, Ломоносовымъ и Сумароковымъ. „Правила поэзіи, говоритъ самъ Державинъ, почерпалъ я изъ сочиненій Тредьяковскаго, а въ выраженіи и слогѣ старался подражать Ломоносову; но такъ какъ не имѣлъ его таланта, то это и не удавалось мнѣ. Я хотѣлъ парить, но не могъ постоянно выдерживать изящнымъ подборомъ словъ, свойственныхъ одному Ломоносову, великолѣпія и пышности рѣчи. Поэтому, съ 1779 г. избрѣлъ я совершенно особый путь, руководствуясь наставленіями Баттѣ и совѣтами друзей моихъ Н. А. Львова, В. В. Капниста и Хемницера, причемъ наиболѣе

подражалъ Горацию⁽¹⁾. Почти всѣ эти писатели (кроме ровесника Хемницера) были моложе Державина и не имѣли равныхъ ему талантовъ; но зато всѣ они получили гораздо лучшее образованіе и потому могли быть его руководителями. Изъ рукописей Державина видно, что они часто исправляли его сочиненія. Особенно постояннымъ совѣтникомъ и руководителемъ его долго былъ Львовъ, которому Державинъ показывалъ прежде выпуска большую часть своихъ стихотвореній. Къ этимъ совѣтникамъ и руководителямъ въ послѣдствіи присоединился еще Дмитріевъ. Налобно замѣтить, впрочемъ, что Державинъ былъ очень самоувѣренъ и самостоятеленъ, и потому не всегда слушалъ своихъ руководителей, а часто настаивалъ на своемъ: руководство не могло вредить его оригинальности. Всего осознательнѣе вліяніе ихъ обнаружилось въ томъ, что они содѣйствовали къ развитію въ его поэзіи простоты и естественности, которая составляетъ отличительную черту его произведеній особенно втораго періода. Съ начала 90-хъ годовъ въ одахъ Державина встрѣчаются черты оссіановской поэзіи. Таковы оды: „Водопадъ“, На взятіе Измаила и Варшавы; оды на побѣды Суворова въ Италіи и на переходъ альпійскихъ горъ. Какъ въ молодые годы и въ пору зрѣлости образцомъ для Державина были Ломоносовъ и Гораций, такъ въ старые годы сталъ привлекать его къ себѣ преимущественно Анакреонъ. Подражая Анакреону, Державинъ написалъ весьма много эротическихъ стихотвореній. Наконецъ, на послѣднихъ стихотвореніяхъ Державина отразилось новое литературное направленіе Карамзина. Но, при всѣхъ указанныхъ направленіяхъ, въ поэзіи Державина постоянно и рѣзко выражаются народные элементы, черты народнаго языка, народной поэзіи и народной жизни. Въ послѣдніе же годы онъ писалъ почти исключительно въ народномъ духѣ.

Общая начала своей поэзіи Державинъ высказалъ въ своемъ разсужденіи о Лирической поэзіи. Здѣсь онъ, между прочимъ, говоритъ: „Величіе, блескъ и слава міра сего проходятъ; но правда, гремящая въ псалмопѣніяхъ славословіе Всевышнему, пребываетъ и пребудетъ во вѣки. По сему-то, думаю я, болѣе, а не по чему другому дошли до насъ оды Пиндара и Горация, что и въ первомъ блещутъ искры богопочтенія и наставленія царимъ, а во второмъ—при счастіи жизни, правды, любомудрія. Въ разсужденіе чего, правоученіе, кратко, кстати и хорошо сказанное, не только не портитъ высокихъ лирическихъ пѣсней, но

(1) Жизнеописаніе Державина Грота стр. 275—276.

даже ихъ и украшаетъ“ (1). „Эти слова, замѣчаетъ Гротъ, объясняютъ намъ тотъ съ одной стороны возвышенный, а съ другой сатирической характеръ, которымъ отличается поэзія Державина. Торжество вѣчнаго и духовнаго надъ преходящимъ и тлѣннымъ — вотъ главная тема ея. Мысль о поученіи какъ одномъ изъ элементовъ поэзіи, конечно, согласовалась съ природнымъ настроеніемъ ума нашего лирика и могла развиваться особенно подъ вліяніемъ Горация; другое же требованіе нѣтики Державина — блестящія, живыя картины — какъ нельзя болѣе отвѣчали его богатому воображенію, и мы не можемъ не признать справедливымъ замѣчаніе, давно сдѣланнаго нашею критикой, что онъ въ своихъ одахъ является по преимуществу поэтомъ-философомъ и живописцемъ. У него избранная тема служитъ по большей части только поводомъ къ развитію тѣхъ мыслей и картинъ, въ которыхъ заключается настоящее содержаніе его одъ; такъ напр. въ одѣ на смерть князя Мещерскаго лишь нѣсколько стиховъ относятся къ умершему, сущность же стихотворенія составляютъ остальные девять строфъ“ (2).

Такимъ образомъ, дидактизмъ, нравовученіе составляетъ основной элементъ поэзіи Державина; но въ тотъ вѣкъ нравовученіе не могло явиться въ чистомъ своемъ видѣ: его не стали бы слушать. Оно могло быть принято только въ какой-нибудь веселой, забавной или шутиливой формѣ. Выше замѣчено, что Екатерина и сама любила писать только въ „улыбательномъ“ духѣ, да и другимъ рекомендовала также веселый стиль; согласно съ этимъ направленіемъ и вообще „умоначертаніемъ“ того вѣка, любившаго жить и говорить весело, и Державинъ самыя высокія и серьезныя истины облекалъ въ шуточную форму, надѣвая на себя шапку татарскаго мурзы или какую-нибудь аллегорическую одежду, напр. въ Фелицѣ, въ Одѣ на счастье и др. Впрочемъ, начало такого направленія лежитъ гораздо дальше, не въ русской и даже не въ европейской поэзіи, подъ вліяніемъ которой развилась русская поэзія, но въ древней римской поэзіи. Только въ Греціи высокій и комическій элементы поэзіи строго отдѣлялись другъ отъ друга, и ода и драма считались совершенно противоположными сатирѣ и комедіи. Въ Римѣ мы видимъ уже соединеніе того и другаго элемента и той и другой формы. Высокій элементъ, явившійся здѣсь въ видѣ дидактики, соединился съ комическимъ въ формѣ сатиры, о которой поэтому и говори-

(1) Сочин. VII, 569.

(2) Жизнеописаніе Державина, стр. 202.

лось, что она *ridendo castigat mores*. Это понятіе въ послѣдствіи перенесено было и на другія формы поэзіи, особенно лирической.

У Державина былъ талантъ лирическій, и главною формою его поэзіи была ода. Вслѣдствіе указаннаго направленія облекать важное поученіе въ шутивую, забавную форму, въ одѣ Державина рядомъ съ высокими мыслями является элементъ комическій или сатирическій; она представляетъ въ себѣ смѣшеніе важнаго съ шутивымъ: она не просто ода, но ода-сатира, соединеніе оды и сатиры. Это составляетъ отличительную черту, отличающую оду Державина отъ оды Ломоносова и его послѣдователей. Фелица, въ которой особенно выразилось это свойство, сдѣлалась образцомъ новой оды и положила начало новому ея направленію, по которому она, спустившись съ классическихъ и мифологическихъ высотъ на обыкновенную земную почву, стала сближаться съ настоящею человѣческою жизнію, сдѣлалась проще и естественнѣе.—Но самую удобною формою для развитія поученія, для выраженія разныхъ высокихъ и важныхъ истинъ, было „посланіе“, заимствованное также изъ Римской поэзіи. Поэтому, послѣ оды Державинъ чаще всего писалъ посланія и написалъ ихъ очень много. Кромѣ того, онъ писалъ и въ другихъ родахъ; подъ старость же онъ пристрастился къ драматической формѣ.—Сначала Державинъ помѣщалъ свои стихотворенія въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ, издав. Брайко, а потомъ въ Собесѣдникѣ любителей русскаго слова, издав. кн. Дашковой; со времени же знакомства съ Карамзинымъ—„въ Московскомъ журналѣ“.

Ода „Богъ“ и другія духовныя стихотворенія Державина. Писать гимны и духовныя оды было въ обыкновеніи у всѣхъ европейскихъ поэтовъ XVIII в. Даже Вольтеръ въ молодости написалъ оду: „Истинный Богъ“. Послѣдуя имъ, и русскіе поэты, начиная съ Ломоносова, писали гимны и оды для прославленія Бога. Но ни одно изъ множества замѣчательныхъ, какъ европейскихъ, такъ и русскихъ подобнаго рода сочиненій, не приобрѣло такой славы, какъ ода „Богъ“ Державина. У Державина еще изъ самаго ранняго дѣтства его сохранилось одно воспоминаніе, по которому онъ считалъ себя особенно призваннымъ къ прославленію Бога; мать ему рассказывала, что на другой годъ послѣ его рожденія была комета, и что, глядя на нее, онъ произнесъ первое слово „Богъ“. Самая же идея оды, какъ онъ рассказываетъ, возникла у него въ головѣ во время заутрени въ свѣтлое Христово Воскресеніе въ 1780 г. Пришедши домой, онъ тотчасъ же написалъ первыя строфы оды; но служба и разныя дѣла долго не давали ему времени окончить ее. Уже вышедши въ отставку въ 1784 г., онъ уѣхалъ въ Нарву, и здѣсь, нанявъ

на время у одной старухи нѣмки маленькую комнату, въ продолженіе нѣсколькихъ дней писалъ оду. Доказательствомъ, какъ сильно въ это время было возбуждено его воображеніе, можетъ служить разсказъ его объ окончаніи оды. Не дописавъ послѣдней строфы, уже почью, онъ заснулъ передъ зарею; вдругъ ему показалось, что кругомъ по стѣнамъ бѣгаетъ яркій свѣтъ; слезы ручьями полились у него изъ глазъ; онъ всталъ и при свѣтѣ лампы написалъ послѣднюю строфу:

«Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почитать,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить».

Ода была напечатана въ XIII книжкѣ Собесѣдника любителей россійскаго слова и произвела всеобщій восторгъ. Ее нѣсколько разъ перепечатавали, выучивали наизусть, переводили на всѣ почти языки, нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, испанскій, польскій, чешскій, латинскій и японскій. Въ новое время, какъ извѣстно, стали оспаривать оригинальность оды „Богъ“ и указывая на то, что въ ней есть мысли, встрѣчаемыя въ стихотвореніяхъ Юнга, Галлера и Клопштока, называли ее подражаніемъ. Но, послѣ тщательнаго изслѣдованія Грота, сличившаго оду „Богъ“ со всѣми подобными стихотвореніями, это мнѣніе оказывается совершенно несправедливымъ, „Сравненіе оды Державина, говоритъ онъ, съ другими произведеніями одинаковаго содержанія убѣждаетъ насъ, что это—созданіе совершенно оригинальное въ цѣломъ и сходное съ нѣкоторыми изъ нихъ только въ немногихъ отдѣльныхъ чертахъ, такъ какъ писатели, разрабатывающіе тотъ же предметъ, не могутъ иногда не встрѣчаться въ однѣхъ мысляхъ. Но сверхъ того, въ частностяхъ ода „Богъ“ представляетъ отголоски чтеній Державина, воспоминанія изъ другихъ особенно нѣмецкихъ поэтовъ. Подобныя такъ называемыя реминисценціи, большею частію безсознательныя, встрѣчаются у самыхъ замѣчательныхъ поэтовъ и не могутъ почитаться заимствованіями“ (1). Сущность и достоинство произведенія заключается въ

---

(1) Въ примѣчаніяхъ въ одѣ „Богъ“ г. Гротъ указалъ тѣ мѣста

основной его идеѣ, въ общемъ содержаніи, въ главныхъ мысляхъ и образахъ, а не въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ отдѣльныхъ чертахъ.

Послѣ воззванія къ Богу, составляющаго первую строфу оды:

«О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеніи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества!»

Державинъ изображаетъ безконечность, всемогущество, премудрость, благодать и другія свойства божественныя. Весь міръ и самъ человѣкъ являются ничтожествомъ предъ безконечнымъ совершенствомъ Божиимъ:

«Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ тобой сія;
Но что мной зрима вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ
Міры умножа миллиономъ
Стократь другихъ міровъ, и то,
Когда сравнить дерзну съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой—ничто».

Но какъ въ каплѣ воды отражается солнце, такъ въ человѣкѣ отразился образъ Божества. Будучи образомъ Божества, человѣкъ перестаетъ быть ничтожествомъ: онъ сознаетъ свое происхожденіе отъ Бога и родство со всѣмъ божественнымъ, свое высокое положеніе въ мірѣ между другими тварями и увѣренность въ безсмертіи и загробной жизни:

Частица цѣлой я вселенной
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣль существъ связалъ всѣхъ мной.

ся, въ которыхъ можно признать дѣйствительное вліяніе другихъ поэтовъ.
Сочин. Державина. I. 189—194.

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь—я рабъ, я червь—я Богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ?—безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.

Глубокое лирическое одушевленіе и искренность религіознаго чувства, возвышенныя мысли и блестящія картины природы составляютъ неотъемлемое достоинство оды „Богъ“.

Но высочайшимъ образцомъ духовной поэзіи во всѣ времена считались псалмы царя и пророка Давида. Всѣ поэты писали подражанія псалмамъ, заимствуя изъ нихъ мысли и образы, или же прямо дѣлая переложеніе ихъ въ стихи. Державинъ также любилъ писать такія подражанія и переложенія. Къ нимъ относятся: „Величество Божіе“, стихотвореніе, заимствованное изъ 103 псалма: Благослови, душе моя, Господа; „Доказательство творческаго бытія“, заимствованное изъ 18-го псалма: Небеса повѣдаютъ славу Божію; „Умиленіе“, подражаніе 70-му псалму; „Благодарность“, подражаніе 137 псалму: „Исповѣмся всѣмъ сердцемъ моимъ“; „Проповѣдь“, подражаніе 91 псалму: Благо есть исповѣдаться Господеви; „Сѣтованіе“, подражаніе 101 псалму; „Надежда на Бога“, подражаніе 45 псалму: Богъ намъ прибѣжище и сила; „Громъ“ стихотвореніе противъ безбожниковъ; „Желаніе въ горняя“, подражаніе 83-му псалму: О коль возлюбленна селенія твоя, Боже; „Утѣшеніе добрымъ“, заимствовано изъ 36 псалма: Не ревнуй лукавнующимъ; „Покаяніе“, переложеніе 50 псалма: Помилуй мя, Боже; „На тщету земной славы“ (1796), заимствовано изъ 48 псалма; „Властителемъ и судіямъ“, заимствовано изъ 81 псалма. Последнее стихотвореніе (написанное въ 1780 г.), какъ извѣстно, послужило въ 1795 г. поводомъ къ

осужденію Державина въ якомбиствѣ и негодованію на него Екатерины, такъ что Державинъ долженъ былъ объяснять его смыслъ и оправдывать его сочиненіе. „Проповѣдь священнаго писанія, говоритъ онъ въ своемъ объясненіи, въ прямомъ разумѣ и съ добрымъ намѣреніемъ нигдѣ и никогда не была опасна. Ежели оно въ однихъ мѣстахъ напоминаетъ земнымъ владыкамъ судить людей своихъ въ правду, то въ другихъ съ такою же силою повелѣваетъ народамъ почитать ихъ избранными отъ Бога и повиноваться имъ не только за страхъ, но и за совѣсть. Якобинцы, поправшіе вѣру и законы, такого рода стиховъ не писали“ (1). Державинъ не только не сочувствовалъ революціоннымъ идеямъ, но и прямо и рѣзко осуждалъ ихъ въ своихъ стихотвореніяхъ: „Колесница“ (написан. въ 1793 г. по полученіи въ Петербургѣ извѣстія объ убійствѣ Людовика XVI) и „На панихидѣ Людовика XVI“.—Къ религіознымъ же стихотвореніямъ Державина еще относятся: „Безсмертіе души“ (1785—96); „Молитва“; „Успокоенное невѣріе“, внушенное Державину произведеніями тогдашней нѣмецкой литературы, направленными противъ вольнодумства, и „Гимнъ Богу“, переводъ греческаго гимна, приписываемаго Клеаноду. Подъ старость религіозное настроеніе у Державина получило мистическій характеръ. Такимъ характеромъ отличаются: „лирическій гимнъ на прогнаніе французовъ“, гдѣ Наполеонъ называется люциферомъ и апокалипсическимъ звѣремъ, а императоръ Александръ—агнцемъ блѣднѣющимъ, и стихотвореніе „Христосъ“, гдѣ къ Кутузову примѣнены слова пророка Давида: „Возстанетъ Михаилъ, князь великій“....

„Фелица“ и другія оды въ честь Екатерины. Въ „Памятникѣ“ и піисѣ „Приношеніе Монарху“, составляющей дополненіе къ „Памятнику“, Державинъ приписываетъ своей поэзіи значеніе потому, что, прославляя Бога и поучая царей, онъ въ ней изображаетъ дѣла Екатерины, говоритъ, что его поэзія будетъ почитаться до тѣхъ поръ и настолько, пока и насколько будутъ почитаться дѣла Екатерины.

«Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слоѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить.

(1) Сочин. I, 115.

Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить» ⁽¹⁾.

«Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ,
Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою,—твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ;
Въ могилѣ буду я, но буду говорить» ⁽²⁾.

Позднѣйшая литературная критика признала эту оцѣнку Державина своей поэзіи совершенно справедливою. Бѣлинскій говоритъ, что „поэзія Державина есть прекрасный памятникъ царствованія Екатерины“. — „Когда началась литературная извѣстность Державина, говоритъ Гротъ, прошло уже около 20 лѣтъ съ воцаренія Екатерины: уже давно славился ея Наказъ; учреждены были банки и воспитательные дома; присоединена Бѣлоруссія; заключенъ миръ въ Кучукъ-Кайнарджи; устраивались намѣстничества. Государыня успѣла уже поразить воображеніе своихъ подданныхъ блекомъ славныхъ дѣлъ и внушить имъ довѣріе къ ея мудрости и величію; уже всѣ сознавали кроткій и благотворный духъ ея царствованія. Много было попытокъ воздать ей стихами заслуженную похвалу; но всѣ эти напыщенные оды, не имѣвшія никакого отношенія къ жизни, оставались незамѣченными. Тогда-то раздался голосъ поэта, который облекъ въ живое и игривое слово то, что многіе чувствовали, но не умѣли выразить“. Идея „Фелицы“, какъ выше замѣчено, была внушена Державину сказкой Екатерины о царевичѣ Хлорѣ, напечатанной въ 1780 г. Въ этой сказкѣ киргизская царица Фелица помогаетъ царевичу Хлору отыскать розу безъ шиповъ. Державину пришлось на мысль изобразить Екатерину подъ именемъ Фелицы, а себя и всѣхъ, окружавшихъ ее вельможъ представить татарскими мурзами. Такъ образовалось начало или первая строфа оды:

«Богоподобная царица
Киргизъ-кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору

(1) Сочин. I, 785—788. (2) Сочин. I, 715—717.

Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растеть,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай найти ее совѣтъ.
Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть»...

Затѣмъ поэтъ изображаетъ качества Фелицы — Екатерины, ея простоту въ образѣ жизни, ея постоянныя занятія въ тишинѣ кабинета, удаленіе отъ всего страннаго и непохвальнаго:

«Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ наложникомъ
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь».

Въ противоположность такой простой, но въ высшей степени плодотворной жизни Екатерины, Державинъ изображаетъ, описывая будто себя самого, изнѣженную и полную разныхъ причудъ и странностей, разныхъ глупостей и пороковъ жизнь ея придворныхъ вельможъ.

«А я, проспавши до полудня,
Курю табакъ и кофе пью,
Преображая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою»...

Далѣе обрисовываются сибаритъ и мечтатель-чудакъ князь Г. А. Потемкинъ; графъ А. Г. Орловъ, охотникъ до конскихъ скачекъ, любитель русскихъ пѣсенъ, кулачныхъ боевъ и вообще всякаго молодечества; графъ П. И. Панинъ, любитель псовой охоты; С. К. Нарышкинъ, бывший тогда оберъ-егермейстеръ, который первый завелъ роговую музыку и любилъ съ этой музыкой кататься по Невѣ; князь Вяземскій, любившій читать сказки и романы (онъ же разумѣется подъ Брюзгой, какъ подъ Лѣнтягомъ разумѣется Потемкинъ).

Обрисовавъ въ краткихъ чертахъ роскошную, но лѣнивую и распущенную жизнь вельможъ, Державинъ изображаетъ дѣятельную жизнь Екатерины, ея любовь къ литературѣ, ея кро-

тость, человеколюбіе, правосудіе и вообще гуманный и кроткій характер ея царствованія, противопологая его прежнимъ царствованіямъ Анны и Елисаветы.

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлостъ ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпныхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ pontъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риѣмы можетъ плести.
А что сія ума забава—
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.
Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты лимаю не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна;
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отеклась и мудрой слыть.
Чѣде же говорятъ не ложно,
Что будто навсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въ явь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зопламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;

Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.

.....
Фелицы слава—слава Бога,
Который брани умирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ дарить,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ поконить, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творить;
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать и прясть и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить⁽¹⁾.

Прочитавъ Фелицу, Екатерина послала, какъ указано выше, богатый подарокъ Державину и, принявъ его въ Зимнемъ дворцѣ, лично бесѣдовала съ нимъ. Въ благодарность за такое вниманіе Державинъ написалъ оду: „Благодарность Фелицѣ“, замѣчательную поэтическими картинками природы. Онъ общается въ этой одѣ восхвалять всегда Екатерину: „Когда отъ бремя дѣлъ случится.... свободный часъ имѣть“. Но, приблизивъ Державина къ императрицѣ, Фелица произвела ему много враговъ. Одни вельможи оскорбились намеками, сдѣланными на нихъ въ Фелицѣ; другіе просто завидовали возвышенію Державина; сама Екатерина говорила, что онъ ей льститъ или ужъ черезчуръ хвалитъ. Для оправданія отъ всѣхъ такихъ обвиненій Державинъ написалъ оду: „Видѣніе Мурзы“ (1783 г.). Въ этомъ „Видѣніи“ Екатерина представлена въ томъ видѣ, въ какомъ она была изображена на портретѣ Левицкимъ для графа Безбородко. Какъ богиня, Фелица сошла съ облаковъ и говорить поэту:

..... «Когда
Поэзія не сумасбродство.
Но вышній даръ боговъ, тогда

(1) Соч. I, 129—149.

Сей даръ боговъ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта—люди тѣ же:
Въ нихъ страсти хотѣ на нихъ вѣнцы:
Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже,
А гдѣ поэты не льстецы“?

Оправдываясь отъ обвиненія въ лести, поэтъ говорить:

«Возможно ль, кроткая паревна,
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и грѣвна,
. . . . .
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту
За каждую мысль, за каждый стихъ
Отвѣтствовать лихому свѣту!
. . . . .
Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю
И что не изъ чужихъ амбаровъ
Тебѣ наряды я крою.
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лesty я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ» ⁽¹⁾.

По рѣзкости нѣкоторыхъ выходокъ противъ сильныхъ людей, „Видѣніе Мурзы“ не могло быть напечатано тогда же; притомъ оно оставалось долго неоконченнымъ.

„Изображеніе Фелицы“ Державинъ написалъ въ 1789 г., когда, какъ выше замѣчено, онъ находился въ удаленіи отъ двора, послѣ дѣла съ Тамбовскимъ намѣстникомъ, Гудовичемъ. Ода на-

(1) Сочин. I, 157—168.

писана по подраженію извѣстной одѣ Ломоносова, который также въ своей одѣ подражалъ 28-й одѣ Анакреона. Анакреонъ просить живописца написать ему портретъ его возлюбленной; подражая ему Ломоносовъ также просить живописца изобразить ему Россію, разумѣя подъ нею императрицу Елисавету. Державинъ, обращаясь къ Рафаэлю, просить начертать образъ богоподобной царевны Фелицы:

«Представь въ лицѣ ея геройство,
Въ очахъ величіе души;
Премилосердо, нѣжно свойство
И происхожденіе напиши;
Не забудь пріятность въ нравѣ
И кроткій гласъ ея рѣчей;
Во всей изобрази ты славѣ
Владычицу души моей!

Припомни, чтобъ она вѣщала
Безчисленнымъ ея ордамъ:
«Я счастья вашего искала—
И въ васъ его нашла я вамъ:
Ставь сами вы себѣ послушны,
Живите, славьтесь въ мой вѣкъ
И будьте столь благополучны,
Какъ можно можетъ человѣкъ.

«Я вамъ даю свободу мыслить
И разумѣть себя, цѣнить,
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить
И въ ноги мнѣ челомъ не бить;
Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы,
И въ нихъ ошибки замѣчать.

«Даю вамъ право собираться
И въ думахъ золото копить.
Ко мнѣ послами отправляться
И не всегда меня хвалить;
Даю вамъ право безпристрастно
Въ судьи другъ друга выбирать,
Самимъ дѣла свои всевластно
И начинать и окончать.

«Не воспрещу я стихотворцамъ
Писать и чепуху и лесть,
Халдеямъ, новымъ чудотворцамъ,
Махать съ духами, пить и ѣсть;
Но я во всемъ, что лишь не злобно,
Потщуся равнодушной быть,
Великолѣпно и спокойно
Мои благодѣянья лить».

Въ концѣ оды онъ представляетъ Екатерину молящеюся къ Богу:

«Наставь меня, міровъ Содѣтель,
Да, волю слѣдую Твоей,
Тебя люблю и добродѣтель
И зижду счастье людей;
Да вѣкъ мой на дѣла полезенъ
И славу ихъ я посвящу,
Самодержавства скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу» ⁽¹⁾!

Надежды, возбужденныя началомъ царствованія Павла I, выразились въ одахъ: „На новый годъ; Къ музѣ; на мальтійскій орденъ“. Возшествіе на престолъ импер. Александра I въ 1801 г. Державинъ встрѣтилъ особенной одой: „Вѣкъ новый, царь молодой прекрасный“... ⁽²⁾. Въ слѣдующемъ году онъ, по подражанію Фелицѣ, написалъ оду „Къ царевичу Хлору“, гдѣ изобразилъ новыя стремленія Александра ⁽³⁾.

Оды и другія стихотворенія Державина, изображающія главныхъ дѣятелей и сотрудниковъ Екатерины. вмѣстѣ съ дѣлами Екатерины, Державинъ изображалъ въ своихъ стихотвореніяхъ и дѣла ея сотрудниковъ на всѣхъ поприщахъ—военномъ, гражданскомъ, просвѣтительномъ и др. Почти во все царствованіе Екатерины „раздавался громъ побѣды“ и славныхъ завоеваній, вызвавшій въ Державинѣ множество торжественныхъ одъ. Изъ этихъ одъ особенно замѣчательны: ода Рѣшмыслу (Потемкину въ 1783); ода На пріобрѣтеніе Крыма (1784), написанная вскорѣ по полученіи извѣстія о заключеніи трактата по этому предмету съ Турціею ⁽⁴⁾; Осень во время осады Очакова (1788); Побѣдителю (1789, Потемкину); На взятіе Измаила (1790); Памятникъ герою (Репнину 1791 г.); Водопадъ (1791); Вельможа (1794 г. Румянцеву); На взятіе Варшавы (1794); На кончину графа Орлова (1796); На покореніе Дербента (1796 г. графу В. А. Зубову); На побѣды въ Италіи Суворова (1799); На переходъ Альпійскихъ горъ Суворова (1799); „Снигирь“ на кончину Суворова (1800). Въ нихъ изображаются Потемкинъ, Орловъ, Репнинъ, Румянцевъ, Суворовъ. Потемкинъ изображается въ трехъ одахъ: „Рѣшмыслу“, На взятіе Очакова и Измаила и въ Водопадѣ. Какъ сказка о царевичѣ Хлорѣ подала мысль Державину изобразить Екатерину въ образѣ

⁽¹⁾ Сочин. I, 270—299. ⁽²⁾ Тамъ же II, 355. ⁽³⁾ Тамъ же II, 405.

⁽⁴⁾ Тамъ же I, 181—186.

киргизской царевны, Фелицы, такъ сказка о царевичѣ Февеѣ, гдѣ подѣ именемъ китайскаго воеводы, Рѣшемысла, выведенъ Потемкинъ, послужила поводомъ Державину пазвать его Рѣшемысломъ. Обращаясь къ музѣ, Державинъ просить ее воспѣть

«Рѣшемысла,
Великаго вельможу смысла.

. . . . .
Бывали прежде дни такіе,
Что люди самые честные
Страшились близъ трона быть,
Любимцевъ царскихъ убѣгали
И не могли тѣхъ змѣй любить,
Которыя ихъ кровь сосали.

А онъ хотѣ выше всѣхъ главою,
Какъ лавръ цвѣтетъ надъ муравою;
Повсюду всѣмъ бросаетъ тѣнь:
Однимъ онъ милъ, другимъ любезенъ;
Едва прохаживалъ ли день,
Кому бы не былъ онъ полезенъ» (1).

По случаю взятія Очакова 8 декабря 1788 г. Потемкинымъ Державинъ написалъ двѣ оды: „Побѣдителю“ (2) и „Осень во время осады Очакова“. Последняя ода начинается описаніемъ осени, за которымъ слѣдуетъ превосходная картина наступленія зимы:

«Спустилъ съдой Эолъ Борей
Съ цѣпей чугунныхъ ихъ пещеръ;
Ужасныя крилъ расширя,
Махнулъ по свѣту богатырь;
Погналъ стадами воздухъ синій,
Сгустилъ туманы въ облака,
Даенулъ—и облака разсѣлись,
Пустился дождь и востумѣлъ.

. . . . .
Борей на осень хмуритъ брови
И зиму съ сѣвера зоветъ.
Идетъ съдая чародѣйка,
Косматымъ машетъ рукавомъ,
И снѣгъ и мразъ и иней сыплеть
И воды претворяетъ въ льды;
Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣпенѣлъ.

На мѣсто радугъ испещренныхъ
Виситъ по небу мгла вокругъ,

(1) Сочин. I, 170—177. (2) Тамъ же I, 231.

А на коврахъ полей зеленыхъ
Лежить разсыпанъ бѣлый пухъ».

Потемкинъ вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ изображается въ видѣ „россійскаго Марса“:

«Россійскій только Марсъ, Потемкинъ,
Не ужасается зимы;
По развѣвающимъ знаменамъ
Полковъ, водимыхъ имъ, Орелъ
Надъ древнимъ царствомъ Митридата
Летаетъ и темнить луну» (1).

При штурмѣ Очакова русское войско оказало чрезвычайное мужество и храбрость; но подвиги при взятіи Измаила затмили собою славу очаковского штурма. Крѣпость стояла упорно и защищалась отчаянно. Вотъ въ какой страшной картинѣ описывается взятіе Измаила Суворовымъ, по приказанію Потемкина:

«Везувій пламя изрыгаетъ;
Столпъ огненный во тмѣ стоитъ;
Багрово зарево сіяетъ;
Дымъ черный клубомъ вверхъ летитъ;
Краснѣетъ понть, реветъ громъ ярый,
Ударамъ вслѣдъ звучать удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ;
Клокочутъ рѣки ядовитой лавы:
О Россѣ! таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ!

. . . . .
Представь: по свѣтлости лазури,
По наклоненію небесъ,
Взошла чернобагрова буря
И грозно возлегла на лѣсъ,

. . . . .
Представь послѣдній день природы,
Что пролилася звѣздъ рѣка,
На огонь пошли стѣною воды,
Бугры взвились за облака,

. . . . .

Ни о Потемкинѣ, ни о Суворовѣ въ одѣ не говорится, но въ концѣ оды упоминается объ извѣстномъ проэктѣ, главнымъ

---

(3) Сочин. I, 222—223.

виновникомъ и ревнителемъ котораго былъ Потемкинъ. Россіи суждено, говорить поэтъ,

«Отмстить крестовые походы,
Очистить Іордански воды
Священный гробъ освободить,
Аѳинамъ возвратить Аѳину,
Градъ Константиновъ Константину
И миръ Аѳегу водворить» ⁽¹⁾.

По случаю взятія Измаила, Потемкинъ далъ великолѣпный праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ (28 апрѣля 1791), описаніе котораго потомъ было сдѣлано Державинымъ. Существенную часть праздника составляли четыре хора, написанные также Державинымъ для концерта, кадрили, польскаго и балета. Одинъ изъ этихъ хоровъ получилъ особенную популярность и долго послѣ этого распѣвался по всей Россіи при разныхъ праздникахъ и торжественныхъ случаяхъ. Это извѣстный хоръ, воспѣвающій покореніе Крыма:

«Громъ побѣды, раздавайся!
Веселися, храбрый Россѣ!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потресь.
Славься симъ, Екатерина,
Славься нѣжная къ намъ мать» ⁽²⁾!

Но особенно хорошо изображенъ Державинымъ въ этомъ описаніи ужинъ послѣ бала въ слѣдующей картинѣ:

«Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато и серебро;
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясая челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украина, Холмогоръ несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принеся кошицу Тавръ;
Рифей, нагнувшись, въ топазы, аметисты
Лилъ въ кубки медь златыи, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и крымски вкусны вина» ⁽³⁾.

Казалось, говорить поэтъ, вся Россія со всѣми своими богатствами, собралась на праздникъ, для угощенія своей государыни.

---

(1) Сочин. I, 341—353. (2) Тамъ же I, 396. (3) Тамъ же I, 417.

Но одну изъ самыхъ оригинальныхъ одъ Державинъ написалъ на смерть Потемкина; она называется „Водопадомъ“, потому что начинается величественною картиною водопада, изображающаго жизнь человѣческую. Черты для этого водопада сняты Державинымъ съ водопада Кивачъ, видѣннаго имъ въ Олонецкой губерніи (на рѣкѣ Сунѣ, впадающей въ Онежское озеро) въ 1785 г., когда онъ былъ олонецкимъ губернаторомъ.

«Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырема скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ».

У водопада „на утломъ пнѣ, который свисъ съ утеса горъ на яры воды“, сидитъ престарѣлый воинъ и разсуждаетъ:

«Не жизнь ли человѣковъ намъ
Сей водопадъ изображаетъ?
Онъ также благомъ струй своихъ
Поитъ надменныхъ, кроткихъ, злыхъ.
Не такъ ли съ неба время льется,
Кипитъ стремленіе страстей,
Честъ блещетъ, слава раздается,
Мелькаетъ счастье нашихъ дней,
Которыхъ красоту и радость
Мрачатъ печали, скорби, старость?
Не зримъ ли всякій день гробовъ,
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?
Не слышимъ ли въ бою часовъ
Гласъ смерти, двери скринъ подземной?
Не упадетъ ли въ сей зѣвъ
Съ престола царь и другъ царевъ?»

Самымъ поразительнымъ свидѣтельствомъ непрочности всякаго земнаго величія служить судьба Потемкина, который умеръ одинокимъ въ степи на дорогѣ.

«Чей трупъ, какъ на распуты мги,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Два лентъ покрываютъ очи;
Прижаты къ холодной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты!
Чей одръ—земля; кровь—воздухъ синь;
Чертоги—вкругъ пустынные виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,

Великодушный князь Тавриды?

Не ты ли съ высоты чести

Внезапно палъ среди стѣнъ?

Не ты ль наперстникомъ близъ трона

У сѣверной Минервы былъ:

Во храмѣ музъ другъ Аполлона,

На полѣ Марса вождемъ слымъ;

Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,

Могущъ—хотя и не въ порфирѣ?

Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ

Мощь Росса, духъ Екатерины,

И, опершись на нихъ, хотѣлъ

Вознестъ твой громъ на тѣ стремнины,

На коихъ древнѣй Римъ стоялъ

И всей вселенной колебалъ?

Се ты отважнѣйшій изъ смертныхъ!

Палящій замыслами умъ!

Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,

Но проложилъ ихъ самъ—и шумъ

Оставилъ по себѣ въ потомки;

Се ты, о чудный вождь Потемкинъ!

Эта поразительная картина произвела въ поэтѣ глубокую скорбь, которая стихаетъ только при мысли о дѣлахъ героевъ, которыя не умираютъ:

«Героевъ нѣтъ. Но ихъ дѣла

Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;

Нетлѣнна память, похвала

И изъ развалинъ вылетаютъ;

Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ:

Напишется Потемкинъ трудъ»⁽¹⁾.

Водопадъ, замѣтилъ Бѣлинскій, столько же благородный, какъ и поэтический подвигъ. Но никто не опредѣлилъ такъ оригинально и мѣтко отличительнаго характера этой оригинальной оды, какъ Гоголь, сказавъ: „въ Водопадѣ, кажется, цѣлая эпопея слилась въ одну стремящуюся оду. Здѣсь предъ Державинымъ пигмеи другіе поэты. Природа тамъ какъ бы высшая нами зримой природы; люди могучѣ намъ знакомыхъ людей, а наша обыкновенная жизнь, предъ величественною жизнію, тамъ изображенною, только муравейникъ, который гдѣ-то далеко копошится

⁽¹⁾ Сочин. I, 457—488.

выпзу“ (1). Изображеніе октябрьской ночи (на 5-е октября), въ которую скончался Потемкинъ, напоминаетъ картину октябрьской ночи въ Шотландіи въ пѣсняхъ Оссіана.

Ода „Памятникъ герою“ написана князю Н. Р. Репнину, по случаю его блистательной побѣды надъ турками при Мачинѣ, 28 іюня 1791 г. Прославляя Репнина, Державинъ изображаетъ здѣсь идеаль истиннаго героя:

Прямой герой страстями недвижимъ,
Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ,
Къ богатствамъ, титуламъ, власти, славѣ
Внутри онъ сердца не привержень;
Сокровище его любезно—
Спокойный духъ и чиста совѣсть» (2).

Ода „Вельможа“ написана въ честь Румянцева. Она передѣлана изъ прежде написанной оды „На знатность“ и изображаетъ свойства истиннаго величія, въ противоположность ложной знатности.

Въ одѣ „На взятіе Варшавы“ (въ 1794 г.) изображены подвиги Суворова при усмирении польскаго мятежа въ слѣдующихъ чертахъ:

«Пошелъ—и гдѣ тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ!
Поля и грады стали гробы;
Шагнулъ—и царство покоришь!

. . . . .

Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыва:
Вихрь полуночный, летитъ богатырь!
Тьма отъ чела его, съ посвиста пыли!
Молнии отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступить на горы—горы трещать,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ,
Граду коснется—градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ».

Ода написана подъ влияніемъ пѣсень Оссіана. Подобно тому какъ Оссіанъ изображаетъ своихъ героевъ въ облакахъ, и Дер-

(1) Сочин. и письма III, 441. (2) Сочин. I. 433—434.

жавинъ говорить:

И се—въ небесномъ вертоградѣ
На значныхъ вижу я холмахъ,
Благоуханныхъ рощъ въ прохладѣ,
Въ прозрачныхъ, радужныхъ шатрахъ,
Предъ сонмами блаженныхъ Россовъ,
Въ бесѣдѣ ихъ вождей, царей,—
Нашъ звучный Пиндаръ, Ломоносовъ
Сидитъ и лирою своей
Безплотный слухъ ихъ утѣшаетъ,
Поетъ безсмертныя дѣла» ⁽¹⁾.

Точно также подъ вліяніемъ Оссіана написаны и двѣ другія оды Суворову: „На побѣды въ Италіи“ (1799 г.) и „На переходъ альпійскихъ горъ“ (1799 г.). Первая изъ нихъ начинается слѣдующими стихами:

Ударъ во серебряный, священный,
Далеко звонкій, Валка! щитъ:
Да громъ твой, ахомъ повторенный,
Въ жилищѣ бардовъ восшумитъ» ⁽²⁾.

Во второй одѣ упоминается Оссіанъ, „пѣвецъ тумановъ и морей“ ⁽³⁾. Въ одѣ „Снигирь“, написанной на кончину Суворова, Державинъ кратко и мѣтко очертилъ оригинальный характеръ героя:

Кто теперь вождь нашъ? кто богатырь?» ⁽⁴⁾.
. . . . .

Не одними громкими побѣдами и завоеваніями былъ славенъ вѣкъ Екатерины; онъ столько же былъ славенъ дѣлами просвѣщенія. Бецкій, Строгановъ и Безбородко были такими же славными меценатами науки и искусства въ Екатерининскую эпоху, какъ Шуваловъ въ Елисаветинскую. Впрочемъ, Шуваловъ хотя сначала царствованія Екатерины долго жилъ за границей и по возвращеніи оттуда въ 1777 г. не имѣлъ прежняго значенія, однакожь до конца своей продолжительной жизни былъ другомъ просвѣщенія. Державинъ, воспитанный въ казанской гимназій въ то время, какъ Шуваловъ былъ ея кураторомъ, считалъ его своимъ благодѣтелемъ. На возвращеніе его изъ-за границы онъ написалъ эпи-

⁽¹⁾ Сочин. I, 636—650. ⁽²⁾ Тамъ же II, 270—275.

⁽³⁾ Тамъ же II, 287. ⁽⁴⁾ Тамъ же II, 344—348.

стола. По случаю выздоровленія его отъ сильной болѣзни 1781 г. онъ написалъ оду, въ которой прославлялъ его за покровительство наукамъ:

«Живи, наукамъ благодѣтель!
Твоя жизнь вѣкъ цвѣсти должна!
Не умирай добродѣтель:
Безсмертна Музами она!
Безсмертны Музами Периклы,
И меценаты вѣкъ живутъ:
Подобно памяти, славы, титулы
Твои, Шуваловъ, не умрутъ.
Великій Петръ къ намъ ввелъ науки,
А дщерь его ввела къ намъ вкусъ;
Ты, къ знаньямъ простирая руки,
У ней предстателемъ былъ Музъ.
Досель гремитъ намъ въ Илиадѣ
О Несторахъ, Улиссахъ громъ;
Равно безсмертенъ въ Петриадѣ
Ты Ломоносовымъ перомъ» ⁽¹⁾.

Когда Шуваловъ умеръ въ 1797 г. Державинъ написалъ стихотвореніе „Урна“, въ которомъ представляетъ, какъ „въ лазурныхъ высотахъ полки блаженныхъ душъ“, встрѣчая душу мецената, прославляютъ его заслуги просвѣщенію.

Подобно Шувалову, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ отличался любовью къ наукамъ и искусствамъ и также заслужилъ названіе русскаго мецената. Въ домѣ его, открытомъ для всѣхъ писателей, была картинная галлерея. Въ саду его загородной дачи была устроена библіотека; всѣ посѣтителы сада имѣли право пользоваться ею. При импер. Павлѣ онъ былъ назначенъ президентомъ Академіи Художествъ. Покровительство Строганова наукамъ и искусствамъ Державинъ изобразилъ въ одѣ „Любителю Художествъ“:

«Науки смертныхъ просвѣщаютъ,
Питаютъ, облегчаютъ трудъ;
Художества ихъ украшаютъ
И къ вѣчной славы ихъ ведутъ.
Благополучны тѣ народы,
Которы красотамъ природы
Искусствомъ могутъ подражать,
Какъ пчелы, медъ съ цвѣтовъ собирать!
Блаженъ тотъ мужъ, блаженъ стократно,

(1) Сочин. I, 120—125.

Кто покровительствуетъ имъ!
Вознаградятъ его обратно
Онъ безсмертіемъ своимъ» (1).

Иванъ Ивановичъ Бецкій (1704—1795) въ теченіе всего царствованія Екатерины былъ главнымъ дѣятелемъ во всѣхъ воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденіяхъ. По его идеѣ и плану, какъ выше указано, были устроены воспитательныя и сиротскіе дома въ Москвѣ и Петербургѣ; онъ былъ шефомъ сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса и президентомъ академіи художествъ. Державинъ изобразилъ его благотворную дѣятельность въ одѣ „На кончину благотворителя“.

«Возрیمъ ли зданій на громады,
На храмы Музъ, на храмъ Паллады.
На брегъ, на домъ Петровъ, на садъ:
И камни о тебѣ гласятъ!

Но коль живые монументы,
Краснѣйшии памятниковъ сихъ,
Которыхъ слагать элементы
Не могутъ данью силъ своихъ,
Я вижу! Вижу въ челоуѣкахъ,
Въ различныхъ состояньяхъ, лѣтахъ.
Ты сколько обязалъ сердца!
Коликихъ счастья былъ творецъ!

Дучъ милости былъ. Бецкій, ты!
Кто въ браняхъ лилъ потоки крови.
Кто грады въ прахъ преобращалъ.
Ты милосердыя поля, любви,
Спасалъ, хранилъ, училъ, питалъ;
Кто блескъ любилъ,—ты устранился;
Кто богатѣлъ,—ты уцѣдился;
Кто расточалъ,—ты жизнь берегъ;
Кто для себя,—ты жилъ для всѣхъ.

Почій покойно, персть почтена!
Мірская слава только дымъ;
Небесна истина священна
Надъ гробомъ вопіетъ твоимъ:
«О смертныя! добро творите
И души ваши освятите,
Доколѣ не прешли сей свѣтъ:
Безъ добрыхъ дѣлъ блаженства нѣтъ» (2).

(1) Сочин. I, 369. (2) Тамъ же I, 701—708.

Въ ряду стихотвореній, прославляющихъ сподвижниковъ Екатерины, замѣчательна еще піеса „Монументъ Милосердію“ (1805), написанная на память генераль-майора Наумова, который посвѣтовалъ Екатеринѣ отмѣнить пытки ⁽¹⁾.

Стихотворенія Державина, изображающія современные нравы. Фортуна была главнымъ божествомъ, которому поклонялись и служили образованные люди всѣхъ классовъ второй половины XVIII в. Стремленія ухватиться за ея колесо и подняться, сколько возможно, выше, добиться крупнаго чина, высокаго и богатаго положенія, которое давало бы возможность проводить все время въ пирахъ и наслажденіяхъ, и удовлетворять всѣмъ своимъ страстямъ, были главными стремленіями, для которыхъ жертвовали всѣми высшими, умственнымъ и нравственнымъ интересами. Общую характеристику этой эпохи Державинъ сдѣлалъ въ одѣ „На счастье“, составляющей по формѣ подражаніе частию одѣ Горация *Ad fortunam*, частию одѣ Жюль-Батиста Руссо *A la fortune*, но по содержанію отличающейся глубокою національною. Обращаясь здѣсь къ богинѣ счастья, онъ говоритъ, что вызываетъ къ ней во дни ея полнаго и всемогущаго господства,

• Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгулѣ:

Политика и правосудье,
Умъ, совѣсть и законъ святой
И логока пиры пируютъ,
На карты ставятъ вѣкъ златой,
Судьбами смертныхъ понтируютъ,
Вселенну въ трантелево гнутъ;
Какъ полюсы, меридіаны,
Науки, музы, боги пьяны,
Все скачутъ, пляшутъ и поютъ;

Въ тѣ дни, какъ всюду Ерихонцы
Не сѣютъ, но лишь жнутъ червонцы,
Ихъ денегъ куры не клюютъ;
Какъ вкусъ и нравы распестрились,
Весь міръ сталъ полосатый шутъ,
Мартышки въ воздухѣ явились,
По свѣту свѣтятъ фонари;
Витійствуютъ уранги въ школахъ,
На пышныхъ карточныхъ престолахъ
Сидятъ мишурные пари» ⁽²⁾.

Сама Екатерина любила жить широко, весело и свободно. Любимымъ ея изреченіемъ было: „Живи и жить давай другимъ“.

(1) Сочин. II, 521. (2) I, 243—249.

Но широкая и роскошная жизнь не только не давала жить другимъ, но и неизбежно проеходила на счетъ другихъ, сопровождалась притѣсненіями и раззореніями слабыхъ и бѣдныхъ со стороны сильныхъ и богатыхъ. Поэтому Державинъ въ посланіи къ Л. А. Нарышкину „На рожденіе царицы Премиславы“ т. е. Екатерины говорить:

«Живи и жить давай другимъ,
Но только не на счетъ другаго;
Всегда доволенъ будь своимъ,
Не трогай ничего чужаго:
Вотъ правило, стезя прямая
Для счастья каждаго и всѣхъ» ⁽¹⁾.

Пышной придворной жизни подражалъ каждый богатый и знатный вельможа, который въ столицѣ или въ своемъ помѣстьѣ устроивалъ своего рода дворецъ, окружалъ его всѣмъ великолѣпіемъ и роскошью, заводилъ театръ, хоры пѣвчихъ, устраивалъ праздники и пиры. Приемамъ и церемоніямъ столичныхъ властей подражали намѣстники и губернаторы въ провинціяхъ, а намѣстникамъ и губернаторамъ другія власти. Особенно и въ столицѣ и въ провинціяхъ богатые и знатные люди любили щеголять гостепримствомъ и хлѣбосольствомъ. О Львѣ Александровичѣ Нарышкинѣ рассказываютъ, что каждый дворянинъ хорошаго поведенія, каждый заслуженный офицеръ имѣлъ право быть представленнымъ ему и послѣ могъ хоть ежедневно обѣдать и ужинать въ его домѣ. Литераторовъ, обратившихъ на себя вниманіе публики, остряковъ, людей даровитыхъ, отличныхъ музыкантовъ, художниковъ Нарышкинъ самъ отыскивалъ, чтобы украсить ими свое общество. Въ 9 часовъ утра можно было узнать отъ швейцара, обѣдаетъ ли Л. А. дома, и что будетъ вечеромъ, и послѣ того безъ приглашенія явиться къ нему... Ежедневно столъ накрывался на 50 и болѣе особъ. Являлись гости, изъ числа которыхъ хозяинъ многихъ не зналъ по фамиліи, а всѣ принимаемы были съ одинаковымъ радушіемъ. Тоже самое рассказываютъ и о графѣ А. С. Строгановѣ. Любили затавать роскошные пиры и угощенія князь Мещерскій и другъ его Перфильевъ, графъ Безбородко и др. ⁽²⁾. Картины этой жизни нарисованы во многихъ стихотвореніяхъ, но преимущественно въ одахъ: „На счастье“, „На знатность“, „Вельможа“, „Приглашеніе къ обѣдѣ“, „Къ пер-

⁽¹⁾ Сочин. I, 729. ⁽²⁾ Тамъ же I, 730—732.

вому и второму сосѣду“. Вотъ одна изъ такихъ картинъ въ одѣ „Вельможа“:

«А ты, второй Сарданапалъ!
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ?

На то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболопны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приносить дани,
Токай густое льетъ вино,
Левантъ — съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ,
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ,
На то ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ» (1)?

Въ противоположность такой изнѣженной, роскошной и суетливой жизни, посреди праздниковъ, пировъ, обѣдовъ и ужиновъ, Державинъ рисуетъ плѣнительный идеалъ благочестивой семейной жизни въ одѣ „Счастливое семейство“, составляющей подражаніе 127 псалму.

«Блаженъ, кто Господа боится
И по путямъ Его идетъ!
Своимъ достаткомъ насладится
И въ благоденствѣ поживетъ.

Въ дому его нѣтъ ссоръ, разврата,
Но миръ покой и тишина:
Какъ маслина плодомъ богата,
Красой и нравами — жена.

Какъ розы, кисти винограда
Румянцемъ веселятъ своимъ,
Его благословенны чада
Такъ милы вокругъ трапезы съ нимъ» (2).

(1) Сочин. I, 629—633. (2) Тамъ же I, 107—108.

Въ одѣ „Похвала сельской жизни“, по подражанію Горацию, онъ рисуетъ идеаль простой семейной жизни ⁽¹⁾, или въ одѣ „На умѣренность“, идеаль вообще скромной умѣренности и золотой середины во всякомъ состояніи:

«Завиденъ тотъ лишь состояньемъ,
Кто среднею стезей идетъ,
Ни благъ не восхитенъ мечтаньемъ,
Ни тмой не ужасаемъ бѣтъ:
Умѣренъ въ хижинѣ, чертогѣ,
Равенъ въ покоѣ и тревогѣ:

Собрать не алчегъ миллионъ,
Не скалится на жирный столъ,
Не требуетъ ни чихъ поклоновъ
И не дощитъ ни чей самъ полъ:
Не вѣтся въ душу къ царску другу,
Не ловить таинствъ и не льстить.
Готовъ на трудъ и на услугу
И добродѣтель токмо чтить.
Хотя и царь его ласкаетъ,
Онъ носа вверхъ не поднимаетъ» ⁽²⁾

Но чаще всего Державинъ, при изображеніи современной жизни, любилъ указывать на тѣнность земныхъ благъ, на скоротечность и обманъ земныхъ наслажденій и удовольствій, на краткость жизни и неизбежность смерти, вообще отъ временнаго и тѣннаго міра переносить мысль современниковъ къ вѣчной жизни, указывая, что можетъ приготовить человѣка къ этой жизни. Мы видѣли, какую поразительную картину противоположности между великолѣпіемъ и пышностію человѣка при жизни, и его бѣдностію и ничтожествомъ по смерти онъ нарисовалъ въ Водонадѣ, по случаю внезапной смерти Потемкина.

«Гдѣ слава? гдѣ великолѣнье?
Гдѣ ты, о сильный человѣкъ?
Маеусаила долголѣтье
Лишь было бѣ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ:
Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое...

Иль нѣтъ! — тяжелый нѣкій шаръ,
На нѣжномъ волосѣхъ висяцій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молвіи небесъ ярящи
Отсюду безпрестанно быють
И, ахъ! зефиры легки рвутъ» ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Сочин. II, 165—171, ⁽²⁾ Тамъ же I, 489—499.

⁽³⁾ Тамъ же I, 482—483.

Въ одѣ на смерть князя Мещерскаго, который любилъ давать роскошныя пиры и скончался такъ же неожиданно, онъ говоритъ:

«Сынъ роскоши, прохлада и вѣтъ,
Куда, Мещерскій! ты сокрылся?

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣтъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столь былъ леть, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробныя тамъ воютъ лики,
И блѣдна Смерть на всѣхъ глядитъ....
Глядитъ на всѣхъ—и на царей.
Кому въ державу тѣсны міры:
Глядитъ на пыльных богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный.
Глядитъ на силы дерзновенны
И точить лезвее косы»

Назвавній огромное соесѣщеніе, управитель Потемкина, Гарновскій, подлѣ дома Державина, построилъ великолѣпный домъ, похожій на дворецъ. Державинъ, въ одѣ „Ко второму соесѣду“, указываетъ ему на непрочность земнаго счастья и человѣческихъ замысловъ.

«Кто вѣсть, что рокъ готовить намъ?
Быть можетъ, что сія чертоги,
Назначенны тобою царямъ,
Жестоки времена и строги
Во стойла конски обратятъ.

Надежныя гроба дома нѣтъ:
Богатымъ онъ отвереть и блѣднымъ,
И царь и рабъ въ него прицѣтъ;
Къ чему жъ съ столь рвеніемъ ты безмѣрнымъ
Свой постоянный строишь дворъ?

Любовь гражданъ и слава намъ
Лишь воздвигаютъ прочныя дома:
Они, подобно небесамъ,
Стоять и презируютъ громы.

Зри, хижина Петра доднесь,
Какъ храмъ, нетлѣнна средь столицы!
Свить домъ, подъ кой народъ гробницы
Матвѣву принеси!» (1)

Изображая непрочность всего пышнаго, шумнаго, Державинъ указываетъ на то, что составляетъ прочную славу человѣка, на тѣ дѣла, которыя, дѣйствительно, возвышаютъ человѣка, и рисуется идеаль истиннаго величія и достоинства человѣческаго. Изображая въ указанной выше одѣ „Памятникъ герою“ достоинства князя Репнина, онъ рисуется образъ истиннаго героя вообще, на какомъ бы поприщѣ онъ ни дѣйствовалъ:

«Всѣми ль гдѣ, мечемъ ли править,
Ни тамъ, ни тутъ онъ не лукавить,
Его царь — долгъ, его богъ — правда,
Лишь имъ онъ жертвуетъ собою» (2).

Въ одѣ „Вельможа“, въ противоположность гордости, чванству, лѣнности, избѣженности вельможи, онъ рисуется идаль истиннаго величія и истинной знатности:

«Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красоть не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благодти душевной,
Не всѣ ль, вельможи, таковы?

. . . . .

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ ибкій богъ,
Блесталъ величествомъ въ работѣ:
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

. . . . .

Чтò наше благородство, честь,
Какъ не изащности душевны?
Я князь — коль мой сияетъ духъ,
Владѣлецъ — коль страстьми владѣю;

(1) Сочин. I, 440—443. (2) I, 433—434.

Боляринъ—коль за всѣхъ болѣю.

Царю, закону, церкви другъ.

Вельможу должны составлять

Умъ здравый, сердце просвѣщенно:

Собой примѣръ онъ долженъ дать.

Что званіе его священно,

Что онъ оружье власти есть.

Подпора царственнаго званья.

Вся мысль его, слова, дѣянья

Должны быть—польза, слава, честь» ⁽¹⁾.

Отъ этого идеала истинной знатности поэтъ обращается къ современнымъ вельможамъ и изображаетъ ихъ гордость, чванство, лѣнь, избѣженную и распущенную жизнь, ихъ жестокость и грубость къ окружающимъ ихъ людямъ. Вельможѣ, который нѣжится на постели, онъ говоритъ:

«А тамъ израненный герой,

Какъ дунь во браняхъ посѣдѣвший.

Начальникъ прежде бывшій твой.

Въ переднюю къ тебѣ припешій

Принять по службѣ твоей приказъ.

Межъ челядью твоей златою.

Полкинувъ лавровой главою.

Сидитъ и ждетъ тебя ужь часъ!

А тамъ — вдова стоитъ въ сѣняхъ

И горьки слезы проливаетъ.

Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,

Покрова твоего желаетъ:

За выгоды твои, за честь

Она лишилася супруга;

Въ тебѣ его званъ прежде другъ.

Пришла мольбу свою принести.

А тамъ — на лѣстничный восходъ

Прибрелъ на костыляхъ согбенный,

Безстрашный, старый воинъ тотъ,

Тремя медалями украшенный,

Котораго въ бою рука

Избавила тебя отъ смерти:

Онъ хочетъ руку ту простерти

Для хлѣба отъ тебя куса.

А тамъ—гдѣ жирный песь лежитъ,

Гордится вратникъ гадунами, —

Занмодавцевъ полкъ стоитъ.

Къ тебѣ пришедшихъ за долгами» ⁽²⁾.

(1) Сочин. I, 622—629. (2) Тамъ же I, 630—632.

Такимъ образомъ, какое бы положеніе ни занималъ человѣкъ въ обществѣ, какого бы чина, званія и состоянія ни былъ, онъ прежде всего долженъ быть истиннымъ человѣкомъ, всегда и вездѣ блюсти человѣческое достоинство и быть поборникомъ истины и правды. Въ піснѣ „На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока“ (1779 г.), т. е. В. К. Александра Павловича, онъ говоритъ:

«Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!» ⁽¹⁾

По случаю введенія въ Сенатъ Александра Павловича въ 1799 г. онъ переложилъ въ стихи 71 псаломъ: Боже, судъ твой царевѣ даждь и правду твою сыну цареву ⁽²⁾.... Идея правды—основная идея, которую Державинъ постоянно проводитъ въ своихъ сочиненіяхъ и которой онъ хотѣлъ слѣдовать въ своей жизни. Въ піснѣ „Мой истуканъ“, перебирая разные роды славы, онъ отказывается отъ всякой громкой славы и говоритъ:

«Мнѣ добрая пріятна слава;
Хочу я человѣкомъ быть,
Котораго страстей отраза
Безсилна сердце развратить;
Кого ни мзда не ослѣпляетъ,
Ни санъ, ни месть, ни блескъ порфиръ;
Кого лишь правда научаетъ,
Любя себя, любить весь міръ
Любовью мудрой, просвѣщенной,
Но добродѣтели священной» ⁽³⁾.

Посланія Державина. Почти все оды Державина имѣютъ дидактическій или поучительный характеръ. Изображаемыя въ нихъ лица и событія служатъ часто только вышнимъ поводомъ къ развитію разныхъ философскихъ и нравственныхъ истинъ. Поэтому большую часть его одъ и называли въ реторикахъ нравственно-философскими, или дидактическими. Но особенно такимъ характеромъ отличаются его посланія къ разнымъ лицамъ. Таковы посланія къ Шувалову, Нарышкину, Храповицкому, Капнисту, Львову, Тончию, Оленину, преосв. Евгению, атаману Платову. Кромѣ характеристики тѣхъ лицъ, къ которымъ они написаны, и общаго настроенія той эпохи, они содержатъ въ себѣ и много чертъ для характеристики самого Державина.

(1) Сочин. I, 84. (2) II, 311—313. (3) I, 611—612.

Анакреонтическія стихотворенія. Особый большой отдѣлъ составляютъ такъ называемыя анакреонтическія стихотворенія Державина. Державинъ самъ не зналъ древнихъ языковъ; какъ Горацію въ одахъ и посланіяхъ онъ подражалъ по переводамъ Капниста, такъ и съ пѣснями Анакреона онъ познакомился по переводамъ и изданіямъ Львова, Эмина и Мартынова. Впрочемъ, подъ анакреонтическими стихотвореніями у Державина разумѣются не тѣ только, которыя внушены Анакреономъ, или составляютъ подражаніе пѣснямъ Анакреона, или пѣснямъ другихъ поэтовъ, древнихъ и новыхъ, написаннымъ по подражанію Анакреону, но стихотворенія самаго разнообразнаго содержанія, веселаго и легкаго и преимущественно эротическаго характера. Между ними помѣщались подражанія Пѣсни пѣсней Соломона, Сафо, Платону, Діонисію Сиракузскому, Горацію, Петраркѣ и народнымъ пѣснямъ. Во всѣхъ такихъ стихотвореніяхъ господствуетъ эпикурейскій взглядъ на жизнь, который былъ преобладающимъ въ тогдашнемъ богатомъ и знатномъ обществѣ и противъ котораго въ другихъ стихотвореніяхъ, какъ мы видѣли, сильно возставалъ самъ Державинъ. Полнѣе, чѣмъ въ другихъ, этотъ взглядъ выраженъ въ пѣснѣ „Аристиппова баня“, гдѣ рисуется идеаль счастливаго чело-
вѣка, полагающаго высшее благо въ пріятностяхъ жизни:

«Жизнь мудраго—жизнь наслажденія
Всѣмъ тѣмъ, природа что дастъ,
Не спать въ свой вѣкъ ⁽¹⁾ и съ попеченья
Не чахнуть, коль богатства нѣтъ;
Знать малымъ пробавляться скромно,
Жить съ беззаконными законно,
Чтить доблесть, не любить порокъ,
Со всѣми и всегда ужиться,
Но только съ добрыми дружиться:
Вотъ въ чемъ былъ Аристипповъ толкъ!»

Многія изъ анакреонтическихъ стихотвореній отличаются легкостью стиха и простымъ, отчасти народнымъ языкомъ; но въ нѣкоторыхъ содержаніе слишкомъ тривиально, легкомысленно и даже имѣетъ циническій характеръ. Какъ на лучшія изъ множества можно указать на слѣдующія: „Горячій ключъ“, „Геркулесъ“, „Стрѣлокъ“, „Птицеловъ“, „Мальчикъ“, „Разлука“, „Хариты“, „Пчелка“, „Цѣпи“, „Рожденіе красоты“, „Кружка“. „Русскія дѣ-
вушки“. По замѣчанію Бѣлинскаго, Державинъ является въ нихъ

(1) Сочин. III, 86—87. По первоначальной редакціи стиха въ рукописи: Не вѣшать рукъ...

тѣмъ же, чѣмъ и въ одѣ, человѣкомъ одареннымъ большими поэтическими силами, но не умѣвшимъ упрямляться съ ними, по недостатку вкуса и художественнаго такта. Угадывая на лучшую піесу „Рожденіе красоты“, замѣчательную по мысли и отличающуюся необыкновенными красотою, онъ прибавляетъ: „Вотъ ужъ подлинно глыба грубой руды съ яркими блестящими чистаго самороднаго золота. И таковы-то всѣ анакреонтическія сочиненія Державина: они больше, нежели все прочее, служатъ ручательствомъ его громаднаго таланта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того, что онъ былъ только поэтъ, а отнюдь не художникъ“ (1). Какъ выраженіе современнаго веселаго взгляда на жизнь и вообще того легкомысленнаго эпикурейскаго вѣка, они приходились по вкусу современникамъ и весьма нравились. Нѣкоторые изъ нихъ были положены на музыку и распѣвались не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ вѣкѣ; таковы піесы: „Дружка“ (Краса виртуозныхъ друзей, забавъ и радостей подружка), „Стрѣлокъ“, (Я охотникъ былъ пмлада за дичиною гулять), „Пчелка“ (Пчелка золотая, что ты жуужишь), „Малороссійская піеска“ (На березку у ставка, на дощечкѣ у млинка). Изъ анакреонтическихъ піесъ съ русскимъ народнымъ содержаніемъ рѣзко отличается піеса „Русскія дѣвушки“, замѣчательная по граціозному описанію русской пляски:

«Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ тинскій,
Какъ въ дугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки россійски
Подъ свирѣлю пастушка» (2).

Драматическія сочиненія Державина. Талантъ Державина былъ лирическій и главными формами его поэзіи были ода и посланіе; но онъ писалъ и въ другихъ родахъ. Выше замѣчено, что онъ дѣлалъ попытки написать эпическую поэму въ честь Михельсона и поэму „Пожарскій“; писалъ басни, эпиграммы, сатирическія стихотворенія; но особенно много написалъ драматическихъ сочиненій. Первыми опытами его въ этомъ родѣ были прологи, написанные во время губернаторства въ Тамбовѣ (Торжество востшествія импер. Екатерины II; Прологъ на открытіе въ Тамбовѣ театра и народнаго училища). Въ 1790-хъ годахъ онъ написалъ оперу „Батмездій“; въ 1804 г. оперу „Добрыня“ и ироическое представленіе „Пожарскій“; въ 1806 г. трагедію „Иродъ и Маріамна“. Съ тѣхъ поръ, въ послѣдніе 10 лѣтъ жиз-

(1) Сочин. Бѣлинскаго IV, 469—471. (2) Сочин. Державина II, 245.

ни, онъ не переставалъ сочинять и переводить трагедіи, оперы, комедіи. Изъ нихъ извѣстны трагедіи: „Темный“, „Евпраксія“, опера „Грозный, или покореніе Казани“, „Аталибо или разрушеніе перуанской имперіи“, трагедія съ хорами; опера „Рудокопы“, „Дурочка умнѣ умныхъ“, комическая народная опера. Драматическаго дарованія у Державина не было. Піесы имѣютъ только форму драматическую; дѣйствующія лица ведутъ разговоры; но эти разговоры не имѣютъ драматическаго характера; это тѣ же пѣсни, думы, размышленія. изъ коихъ состоятъ его оды и посланія. Въ этомъ лирическомъ родѣ въ нихъ не рѣдко попадаются сильныя стихи и мѣткіе поэтическіе образы. Они интересны, какъ выраженіе міросозерцанія поэта и въ частности его взглядовъ на значеніе и характеръ драматическихъ произведеній. Драматическую форму, и особенно форму оперы, которая была тогда въ модѣ, Державинъ считалъ лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы дѣйствовать на общество въ воспитательномъ смыслѣ. „Она, мнѣ кажется, замѣчено въ его разсужденіи „о лирической поэзіи“, перечень, или сокращеніе всего зримаго міра. Скажу болѣе: она есть живое царство поэзіи; касательно же моральной ея цѣли, то что препятствуетъ возвести ее на ту же степень достоинства и уваженія, въ коемъ была греческая трагедія? Извѣстно, что въ Афинахъ театръ былъ политическое учрежденіе. Имъ Греція поддерживала долгое время великодушныя чувствованія своего народа, превосходство ея надъ варварами доказывающія... Нигдѣ не можно лучше и пристойнѣе воспѣвать высокія и сильныя оды, препровожденныя арфою въ безсмертную память героевъ отечества и въ славу добрыхъ государей, какъ въ оперѣ на театрѣ“.

Въ предисловіи къ трагедіи „Темный“ Державинъ говоритъ: „Напоминать исторію, а особливо отечественную, думаю, не безполезно. Выводить изъ ея мрака на зрѣлище порокъ и добродѣтель — первый для возбужденія ужаса и отвращенія отъ него; а вторую для подражанія ей и состраданія о ея злополучіяхъ,— главная, кажется, обязанность драматическихъ писателей. Забавы однѣ, а паче примѣры развратовъ, не достойны Мельпомены“⁽¹⁾. Подобнымъ образомъ, въ предисловіи къ трагедіи „Пожарскій“, онъ говоритъ... „Когда Пожарскій, пренебрегши свое спокойствіе и не смотря на раны свои, въ смутное время, принявъ на себя главное предводительство собраннаго войска... не принявъ короны ему поднесенной отъ народа, какъ нѣкоторые иностранные писатели и всѣ обстоятельства утверждаютъ, а возложилъ ее на наслѣдника крови царской, учреда монархическое правленіе: то

⁽¹⁾ Сочин. IV. 383.

не былъ ли онъ герой высшей степени, человекъ самый добродѣтельный, великій, каковыхъ мало исторія представляетъ, и каковымъ я его представляю, придавъ ему слабости, не побѣди которыхъ никто великимъ почитаться не можетъ“⁽¹⁾. Содержаніе трагедіи „Евпраксія“ взято изъ исторіи татарскаго ига во время Батия и относится къ 1237 г. Евпраксія — супруга князя Теодора Рязанскаго, умерщвленнаго Батыемъ за то, что онъ на предложеніе Батия: отдать ему жену, Евпраксию, отвѣчалъ: „побѣди прежде Россію, умертви всѣхъ насъ, и тогда возмешь женъ нашихъ“. Узнавъ о смерти супруга, Евпраксія бросилась изъ огня терема, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, младенцемъ Іоанномъ, чтобы не достаться живою въ плѣнъ Батыю. „Зрѣлищемъ симъ, говоритъ Державинъ въ предисловіи къ этой трагедіи, желать я напомянуть доблесть и непорочность нравовъ нашихъ предковъ обоюга пола. Ежели они и были побѣждены, то не инымъ чѣмъ, какъ своимъ несогласіемъ. Поучительный примѣръ для потомства! Но поелику не измѣнили они ни вѣрѣ, ни отечеству, то симъ бѣдствіемъ своимъ дали намъ образъ, достойный подражанія... Но если бы предки наши отступились отъ вѣры, охладѣли въ любви къ отечеству и вѣрности къ государямъ, тогда уже Россія давно бы не была Россіею“⁽²⁾.

Произведенія въ народномъ духѣ. Такимъ образомъ, Державинъ хотѣлъ придать драмѣ такое же высокое воспитательное и образовательное значеніе, какое она имѣла у грековъ, а для этого требовалъ, чтобы она, подобно греческой трагедіи, имѣла національное содержаніе; сюжеты свои заимствовала изъ народной исторіи и народной поэзіи. Державинъ былъ глубокимъ патриотомъ, и народный элементъ въ поэзіи всегда признавалъ самымъ важнымъ и существеннымъ элементомъ и употреблялъ его въ своихъ произведеніяхъ особенно въ послѣдній періодъ своей поэтической дѣятельности. Изданіе Ключарезымъ въ 1804 г. древнихъ былинъ возбудило въ немъ желаніе написать „театральное представленіе „Добрыня“. Четвертое дѣйствіе этого представленія начинается извѣстнымъ хоромъ дѣвушекъ:

«Что по гриднѣ князь,
Что по свѣтлой князь
Наше солнышко Владиміръ князь похаживаетъ...»⁽³⁾
. . . . .

(1) Сочин. IV, 131—132. (2) Тамъ же IV, 297—298.

(3) Тамъ же IV, 98.

Въ 1807 г. онъ написалъ характерное произведеніе „Кресті-ипскій праздниѣ“ ⁽¹⁾. Въ 1812 г. онъ составилъ, подражая балладамъ Жуковскаго, Людмилѣ и Свѣтланѣ, родъ баллады „Царь-дѣвица“, совокупивъ въ этой сказочной личности черты характера и образа жизни императрицы Елѣсаветы Петровны. Піеса начинается граціознымъ описаніемъ „Царь-дѣвицы“.

«Царь жила - была дѣвица,
Шепчетъ русска старина:
Будто солнце свѣтлолица,
Будто тихая весна» ⁽²⁾.

. . . . .

Въ 1813 г. Державинъ написалъ піесу „Новгородскій волхвъ Злогоръ“, содержаніе которой заимствовано также изъ народной поэзіи и народныхъ преданій. Къ сожалѣнію, разработка народной поэзіи и вообще народной старины тогда только еще началась и взглядъ на нихъ еще не установился. Сознавали важность народной поэзіи, но еще не понимали, въ чемъ заключается ея надлежащее достоинство. Признавали народный элементъ необходимымъ элементомъ литературы, но еще не знали, въ какомъ видѣ онъ долженъ въ ней употребляться. Еще продолжалъ господствовать пуристическій взглядъ, перешедшій изъ французской литературы, что народныя произведенія въ чистомъ своемъ необработанномъ видѣ не могутъ явиться въ литературѣ образованной, что они должны быть очищены и измѣнены, согласно съ образованнымъ вкусомъ. Поэтому, къ народнымъ былинамъ Ключарева Державинъ отнесся неодобрительно. Его неприятно поразило въ нихъ „гигантескѣ, богатырское хвастовство, какъ въ хлѣбосольствѣ, такъ и въ выраженіяхъ безъ всякаго вкуса, что они выиваютъ однимъ духомъ по ушату вина, побиваютъ тысячи бусурмановъ трупомъ одного, схваченнаго за ноги, и тому подобная челяница, варварство и грубое неуваженіе женскому полу изливающая“ ⁽³⁾. Въ своихъ, указанныхъ выше, піесахъ изъ народной старины, Державинъ измѣняетъ народныя сказанія или смѣшиваетъ ихъ съ иностранными, не русскими сказаніями. У него богатырь Добрыня изображается въ видѣ рыцаря; даже на самой сценѣ принимаетъ рыцарское посвященіе. Героиня піесы Прелѣпа, по примѣру французской комедіи, имѣетъ намерсницу Способу, за которой ухаживаетъ плутоватый слуга, Торопъ ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Сочин. III, 398. ⁽²⁾ Тамъ же III, 122—130. ⁽³⁾ Тамъ же VII, 607.

⁽⁴⁾ Тамъ же IV, 47—128.

Въ піснѣ „Волхвъ Злогоръ“, рядомъ съ славянскими Велесомъ и Баяномъ, являются скандинавскіе Одинъ и Скальдъ. Впрочемъ, народность Державина выражается не въ томъ только, что онъ бралъ сюжеты для своихъ произведеній изъ народной поэзіи, но во всемъ его міросозерданіи, которое сложилось подъ вліяніемъ народной жизни и народной поэзіи. Во всѣхъ произведеніяхъ, не только шуточныхъ, но и серьезныхъ одахъ, постоянно встрѣчаются сцены, образы и выраженія, взятые изъ народныхъ пословицъ, пѣсенъ и сказокъ, напр. въ одахъ Фелица, На счастье. Вельможа, Похвала сельской жизни, Кружка, Хоръ русскихъ дѣвушекъ. Лучшимъ стихотвореніемъ въ народномъ духѣ надобно признать піесу „Атаману и войску Донскому на подвиги Платова въ 1807 г.“ по чисто народному тону, складу и языку⁽¹⁾.

Дѣлая обзоръ сочиненій Державина, мы указывали на хорошія и слабыя ихъ стороны. Въ заключеніе укажемъ еще вообще на достоинство его поэзіи и значеніе всей его авторской дѣятельности въ исторіи русскаго образованія и русской литературы. При этомъ мы не можемъ оставить безъ вниманія извѣстный отзывъ Пушкина, какой онъ сдѣлалъ въ 1825 г. въ одномъ письмѣ къ Дельвигу. „По твоемъ отзывѣ, говоритъ онъ здѣсь, перечелъ я Державина всего, — вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія:

---

(1) О языкѣ и слогѣ въ сочиненіяхъ Державина смотр. отдѣльное изслѣдованіе Я. К. Грота въ IX томѣ Сочиненій Державина стр. 333—444. «При всей неправоуности и небрежности выраженія, часто замѣчаемыхъ въ стихахъ Державина, говоритъ Гротъ, сочиненія его и со стороны языка заслуживаютъ изученія.... Не успѣвъ приобрѣсти литературнаго образованія, которое отвѣчало бы силѣ его таланта, Державинъ, для выраженія своей поэтической мысли, обращается съ языкомъ самовластно: онъ не боится ошибокъ противъ грамматики и синтаксиса, лишь бы воплотить свою идею въ яркій и рѣзкій образъ, и дѣйствительно, такимъ способомъ онъ часто достигаетъ своей цѣли вѣрнѣе, чѣмъ если бы гонялся за безукоризненною чистотою рѣчи, охлаждая тѣмъ полетъ своей пылкой фантазіи. Его языкъ, при всемъ видимомъ своемъ своенравіи, есть языкъ выразительный, сильный и пластическій. Его слогъ мужественъ и полонъ энергіи. Еще при первомъ появленіи стиховъ Державина, Дмитріевъ, не зная, кто ихъ авторъ, былъ пораженъ его «благородною смѣлостью и рѣзкостью въ выраженіяхъ».... Затѣмъ въ изслѣдованіи Грота указаны всѣ отличительныя свойства и народныя черты въ языкѣ и слогѣ Державина и наконецъ приложенъ «Словарь словъ и выраженій къ стихотвореніямъ Державина».

вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы. Что же въ немъ? Мысли, картины и движенія истинно поэтическія. Читая его, кажется, читаешь дурной вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника. Ей Богу, его гений думалъ по татарски, а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, со временемъ переведенный, изумить Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ объ немъ (не говоря уже о его министерствѣ)“...⁽¹⁾. Этотъ отзывъ, касающійся главнымъ образомъ внѣшней художественной стороны стихотвореній Державина, рѣзокъ и преувеличенъ, но очень характеренъ. Пушкинъ осуждаетъ внѣшнюю форму стихотвореній Державина, но восхищается достоинствомъ ихъ содержанія. Дѣйствительно, у Державина былъ могучій талантъ, но онъ не получилъ ни научнаго, ни художественнаго образованія: это былъ самоучка и самородокъ, поражающій блескомъ, цѣнностію своей природы и грубостію внѣшней формы. Отсюда въ его сочиненіяхъ совершенно объясняются невыдержанность, даже противорѣчіе и постоянное смѣшеніе высокаго и превосходнаго не только съ посредственнымъ, но и дурнымъ. Природное чутье часто помогало Державину глубоко проникать въ сущность вещей, это были откровенія генія; но недостатокъ образованія былъ причиною того, что онъ не могъ иногда разобраться въ разныхъ недоумѣніяхъ и впадать въ противорѣчія. Глубоко религіозный и вѣрующій человекъ, онъ иногда невѣдомо для себя высказывалъ скептическія мысли (наприм. въ одѣ на смерть князя Менцерскаго); строгій моралистъ, онъ рисовалъ часто эпикурейскія картины жизни. Особенно поражаетъ въ сочиненіяхъ Державина невыдержанность языка и слога. Подлѣ величественныхъ образовъ встрѣчаются картины вульгарныя, рядомъ съ пластическими выраженіями, плавными, мягкими и звучными стихами, тяжелыя, запутанныя и неуклюжія выраженія. Всего же рѣзче обнаруживается въ сочиненіяхъ Державина склонность къ гиперболизму, къ преувеличеніямъ; его изображенія часто до того преувеличены, что теряютъ всякую мѣру дѣйствительности и переходятъ въ область невѣроятнаго, небывалаго, сказочнаго. Таково напр. въ одѣ „На взятіе Варшавы“ изображеніе подвиговъ Суворова:

•Пошелъ—и гдѣ тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ“....

⁽¹⁾ Соврем. 1863 г. ХСVII, 271: Гаевского, Пушкинъ въ Лицѣѣ.

Часто также встрѣчаются картины грубоватыя и мѣста слишкомъ растянутыя. Но эти недостатки художественной стороны, бросая такую сильную тѣнь на сочиненія Державина, не уничтожаютъ однакожъ высокихъ достоинствъ содержанія его поэзіи. Державинъ является въ своихъ сочиненіяхъ съ одной стороны проповѣдникомъ высшихъ общечеловѣческихъ идей, каковы идеи Бога, безсмертія души, идеи правды, закона и долга, а съ другой — выразителемъ вѣшной силы и внутренняго величія Россіи въ царствованіе Екатерины. „Какъ ни полонъ онъ противорѣчіями, говоритъ Гротъ, мы не можемъ не видѣть въ немъ въ высшей степени замѣчательнаго кореннаго русскаго по воспитанію, быту, уму и праву.... Своенравіе его воображенія уже давно оцѣнено; но въ умѣ его было еще одно замѣчательное свойство: это какая-то наемѣшливость, или, какъ ее тогда называли, какая-то издѣвка, которая иногда прорывалась у него посреди самаго торжественнаго настроенія и за которую Екатерина въ душѣ не любила его. Слѣдуя современнымъ литературнымъ обычаямъ, Державинъ хвалилъ; но посреди похвалъ онъ готовъ былъ какъ будто невзначай разразиться (брякнуть въ слухъ) какимъ-нибудь смѣлымъ словомъ истины. Этимъ Державинъ особенно гордился, какъ выраженіемъ своего правдолюбія.... Но что еще болѣе общааетъ прочности его славы, это тотъ великій, нравственный и общественный идеалъ, который онъ постоянно стремится выставить предъ своими согражданами.... Силою своего пламеннаго воображенія, своей здоровой мысли и рѣзкаго слова, онъ переноситъ насъ въ тотъ высшій нравственный міръ, гдѣ умолкаютъ страсти, гдѣ мы невольно сознаемъ ничтожество всего житейскаго и преклоняемся предъ духовнымъ величіемъ. Таково содержаніе главныхъ одъ Державина. Несмотря ни на какія измѣненія временъ, ни на какіе успѣхи просвѣщенія и языка, образы, имъ начертанные, сохраняютъ навсегда свою яркость, и до тѣхъ поръ, пока идеи Бога, безсмертія души, правды, закона и долга будутъ жить не пустыми звуками на языкѣ русскаго народа, до тѣхъ поръ имя Державина, какъ общественнаго дѣятеля и поэта, не утратитъ въ потомствѣ своего значенія“ (1).

Около Державина, какъ мы видѣли, постоянно сосредоточивался большой кружокъ поэтовъ и писателей. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Херасковъ, были старше его лѣтами и раньше его выступили на литературное поприще, другіе же были большею

частію его современниками и вмѣстѣ съ нимъ прославляли Екатерину и ея сотрудниковъ. Таковы были Костровъ, Капнистъ, Петровъ, Богдановичъ, Майковъ, Княжанинъ и др.

Ермилъ Ивановичъ Костровъ (ум. 1796 г.) происходилъ изъ крестьянъ вятской губерніи, учился въ вятской семинаріи, московской академіи и московскомъ университетѣ⁽¹⁾. Онъ еще равнѣе Державина началъ писать оды и подражалъ въ нихъ Ломоносову; но когда явилась Фелица, онъ понялъ, что время высокой и торжественной оды прошло и, отнесясь къ ней сатирически, призналъ законность направленія Державина. Обращаясь къ Державину, Костровъ говорилъ:

«Скажи пожалуй, какъ безъ лиры, безъ скрипки,
И не сѣдая при томъ парнаска бѣгуница,
Воспѣлъ ты сладостное дѣланіе Фелицы
И животворные лучи ея вѣнца?»

Путь непротоптанный и новый ты обрѣлъ.
Обрѣлъ и въ бѣгѣ по немъ пускаешься удачно;
Ни пень, ни камень ногъ твоихъ не повредилъ,
Тебѣ явилось все какъ будто поле злачно,
Нигдѣ кафтаномъ ты за тернъ не зацѣпилъ.

Царевнѣ похвалы вѣщая,
Нашей затѣи исчисляя,

Ты на гудѣ гудилъ.....

Нашъ слухъ почти отлохъ отъ громкихъ лирныхъ тоновъ.
И полно, кажется, за облака летать;
Чтобъ, равновѣсія не соблюдя законовъ,
Лета съ высотъ и рукъ и ногъ не изломать.

Признаться видно, что изъ моды

Ужъ вывелись парящіе оды.

Ты простотою умѣлъ себя средь насъ вознестъ»⁽²⁾.

Кромѣ одъ въ похвалу Екатерины, изъ которыхъ лучшею надо признавать оду На открытіе губерній въ Москвѣ въ 1782 г., Костровъ написалъ оды въ честь Шувалова, Суворова (на изытіе

⁽¹⁾ Сочиненія Кострова и Аблесимова. Изд. Смирнова 1849 г. О сочиненіяхъ Кострова и Аблесимова г. Галахова въ Отеч. Зап. 1851. № 9. Жизнь и литературная дѣятельность Е. И. Кострова Н. О. Морозова. Филос. Зап. 1875 г. Вып. III и VI; 1876 г. Вып. II и III.

⁽²⁾ Сочин. 107—109.

Измаила), митр. Платона, графа А. Гр. Орлова; но всё эти оды не интересны и не имѣютъ художественнаго значенія. Гораздо важнѣе переводы Кострова: Десять пѣсень Иліады (конецъ 9-й пѣсни и слѣдующія не отысканы) александрійскими стихами; Превращеніе, или золотой осель Анулея; Пѣсни Оссіана, сына Фингалова, барда III в.

Василій Петровичъ Петровъ ⁽¹⁾ (ум. 1800 г.) изъ московскихъ духовныхъ, воспитывался въ московской академіи и потомъ былъ здѣсь учителемъ. Благодаря знакомству съ Потемкинымъ, онъ получилъ мѣсто кабинетнаго переводчика и чтеца при Екатеринѣ. Для окончательнаго образованія онъ былъ отправленъ на пять лѣтъ въ Англію, по возвращеніи откуда былъ сдѣланъ придворнымъ библіотекаремъ. Ода „На побѣду російскаго флота надъ турецкимъ при Чесмѣ въ 1770 г.“ прославила его, какъ поэта, но другія его оды На взятіе Очакова въ 1788 г., На взятіе Измаила въ 1790 г., Плачъ на кончину Потемкина, На коронацію импер. Павла I не пользовались особеннымъ уваженіемъ у современной критики. Въ „Опытѣ истор. словаря“ о сочиненіяхъ Петрова было сказано: „Въ сочиненіяхъ своихъ Петровъ напрягается идти по слѣдамъ російскаго лирика (Ломоносова), и хотя нѣкоторые и называютъ его вторымъ Ломоносовымъ, но для сего сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого-нибудь сочиненія, и послѣ того заключительно сказать, будетъ ли онъ второй Ломоносовъ, или останется только Петровымъ, и будетъ имѣть честь слыть подражателемъ Ломоносова“. Болѣе интересны нѣкоторые посланія и сатиры Петрова, написанныя уже подъ вліяніемъ англійскихъ писателей и особенно Аддисона. Пятилѣтнее пребываніе Петрова въ Англіи познакомило его съ англійской литературой; онъ хорошо изучилъ англійскій языкъ, такъ что могъ перевести поэму Мильтона „Потерянный рай“. Въ Русской Старинѣ за 1878 г. напечатано еще сатирическое стихотвореніе Петрова: „Приключеніе Густава, короля Шведскаго“, написанное по случаю войны со шведами въ 1788 г.

Василій Васильевичъ Капнистъ (1757—1823) извѣстенъ въ исторіи литературы главнымъ образомъ, какъ авторъ знаменитой въ свое время комедіи „Ябеда“. Онъ былъ, какъ выше указано, другомъ Державина и подобно ему писалъ при Екате-

(1) В. П. Петровъ, карманный стихотворецъ Екатерины II. П. Я. Шапкина. Истор. Вѣстн. 1885; ноябрь.

ринѣ оды, сатиры и эпиграммы. Изъ одъ его болѣе другихъ извѣстны были: ода по случаю Кайнарджійскаго мира съ турками въ 1774 г.; ода на уничтоженіе въ Россіи Екатериною званія раба въ 1786 г. Капнистъ былъ знакомъ съ римскою литературою, особенно любилъ Горация и въ подражаніе ему и Анакреону писалъ гораціанскія и анакреонтическія стихотворенія.

„Ябеда“ Капниста. Ближайшимъ поводомъ къ сочиненію „Ябеды“ послужила для Капниста его личная тяжба съ своимъ сосѣдомъ, помѣщикомъ Тарновскимъ⁽¹⁾. Важность содержанія, касающагося самыхъ вредныхъ и въ тоже время самыхъ распространенныхъ во всемъ обществѣ пороковъ, ябеды и взяточничества, и рѣзкое изображеніе этихъ пороковъ поставили эту комедію въ разрядъ такъ называемыхъ общественныхъ комедій, изображающихъ общественныя язвы, каковы Недоросль Фонъ-Визина, Горе отъ ума Грибоедова и Ревизоръ Гоголя. Вотъ ея содержаніе. Злой сутяга и ябедникъ Праволовъ хочетъ оттягать имѣніе у честнаго помѣщика, Прямыкова. Прямыковъ является въ гражданскую палату искать противъ него защиты. Но повѣтчикъ палаты Добровъ не подастъ ему никакой надежды на хорошій исходъ дѣла во 1-хъ потому, что Праволовъ извѣстный и опытный во всѣхъ черныхъ дѣлахъ сутяга, а во 2-хъ потому, что всѣ члены гражданской палаты страшные взяточники. Вотъ какъ онъ характеризуетъ всѣхъ ихъ. О Праволовѣ онъ говоритъ:

«Онъ ябедникъ: вотъ все ужъ этимъ вамъ сказали.
Но чтобъ его, сударь, получше вы узнали,
То я здѣсь коротко его вамъ очерчу:
Въ дѣлахъ, сударь, ему самъ чортъ не по плечу.
Въ Гражданской ужъ давно веду я протоколы;
Такъ видны всѣ его тутъ шашни и крамолы.

Притомъ, какъ знаетъ онъ всѣхъ стряпчихъ наповаль!
Какъ регламентъ нагнуть, какъ вывернуть указы!
Какъ всѣ подъячески онъ вѣдаетъ пролазы!
Какъ забѣжать къ судѣ, съ котораго крыльца;
Кому бумажекъ пукъ, кому пудъ серебра;
Шестіорку проиграть, четвіорку гдѣ, иль тройку;
Какъ залучить кого въ пирушку, на попойку;
И словомъ: дивное онъ знаетъ ремесло,
Неправду мрачную такъ чистить, какъ стекло».

О председателѣ палаты, Кривосудовѣ, Добровъ говоритъ:

«Извольте-жъ про себя, сударь, вы вѣдать то,
Что дому господинъ, гражданскій председатель,
Есть сущій истины Іуда и предатель
Что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ;
Что съ кривды пошпиной карманы начинилъ;
Что онъ законами лишь беззаконье удить;
(Показывая, будто считаетъ деньги)

И безъ наличнаго довода дѣлъ не судить.
Однако хоть и самъ всей пятерней беретъ,
Но вѣщую его супруга дань деретъ:
Слѣстное, питейцо, предъ нею нѣтъ чужаго;
И только что твердить: дайте всяко благо.

А Прокуроръ? Ужъ-ли и онъ...

О! Прокуроръ,

Чтобъ въ рѣшму мнѣ сказать, сущевеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зѣтитъ онъ далѣко.
Не пахнетъ лишь того, чего не достигнетъ.
За праведный доносъ, за ложный, онъ беретъ;
Щечитъ за пропускъ дѣлъ, за голосъ, предложенья.
За нерѣшеніе рѣшимаго сомнѣнья,
За поздой въ судъ приходъ, за пропущенный срокъ,
И даже онъ деретъ съ колодниковъ оброкъ.

А о секретарѣ?...

Дуракъ, кто слово тратитъ,

Хоть голъ будь какъ ладонь, онъ что-нибудь да схватитъ.
Указы знаетъ всѣ, какъ пальцевъ пять своихъ.
Экстрактъ сочинитъ безъ точекъ, запятыхъ,
Подчиститъ протоколъ, или листъ прибавитъ смѣло,
Иль стибритъ документъ, его все это дѣло».

Чтобы не проиграть дѣла, Добровъ совѣтуетъ Прямикову заарить всѣхъ членовъ палаты и на слова Прямикова, что его правое дѣло защититъ законъ, замѣчаетъ:

«Законы святы,

Но исполнители лихіе супостаты» ⁽¹⁾.

Но Праволовъ уже успѣлъ сдѣлать то, что совѣтовалъ Прямикову Добровъ. Воспользовавшись именинами жены председателя Кривосудова, онъ отправилъ къ нему множество разныхъ подарковъ, винъ, припасовъ, матерій на платье и наконецъ далъ ему

⁽¹⁾ Ябеда. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Спб. 1798. Стр. 1—10.

денегъ 3000 рублей на покупку имѣнія. Послать также подарки и другимъ членамъ палаты. На именинномъ праздникѣ у Кривосудова и обнаруживается вся безсовѣстность, низость и подлость этихъ продажныхъ представителей правосудія и предателей закона, когда они, задаренные и подгулявшіе, сговариваются рѣшить дѣло Прямикова въ пользу Праволова. Пиръ оканчивается карточной игрой, во время которой прокуроръ Хватайко, по просьбѣ Кривосудова, поетъ слѣдующую характерную пѣсню:

«Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять.
На что жъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?
Всѣ повторяютъ: брать, брать, брать...

Вѣдь безъ указа намъ не статъ
Пословицу ломать,
Котора говоритъ: что взято,
То свято!

Всѣ повторяютъ: то свято....

Кривосудовъ поетъ:

Но нада, чтобъ уйти прижимки,
И чтобъ не оплошать;
Перчатки невидимки
На мигъ не скидывать».

Хватайко опять поетъ и всѣ акомпанируютъ:

«Бери, большой тутъ нѣтъ науки» ⁽¹⁾...

Судейскій пиръ, наконецъ превратился „въ бахусовъ кагалъ“. Предсѣдательская зала, бывшая въ тоже время присутственной залой, на другой день представляла изъ себя настоящую „трактирную стойку“. Когда служанка стала уничтожать слѣды судейскаго безобразія, и поливать залу водой, Добровъ сказалъ:

«Напрасные труды! Не токмо что простыя,
Но цѣлой хотъ ушатъ разлей воды святыя,
То ябедничихъ здѣсь не смоешь ты проказъ.
Послушай: окрещонъ кто ужъ въ чернилахъ разъ,
Тотъ чернь останется, хотъ мой во Іорданѣ» ⁽²⁾.

(¹) Тамъ же 84—85. (²) Тамъ же 110.

Но едва только чиновники опредѣлили отобрать у Прямикова имѣнье и отдать Праволову, какъ получается указъ изъ Сената. Узнавъ о ябедахъ и разныхъ незаконныхъ дѣлахъ Праволова, Сенатъ приказалъ посадить его въ острогъ, а чиновниковъ за взяточничество и несправедливое рѣшеніе дѣлъ предать уголовному суду. Добровъ, впрочемъ, не вѣритъ, чтобы чиновники за свои преступленія понесли, дѣйствительно, заслуженную кару. На замѣчанье служанки:

«Авось либо и все намъ съ рукъ сойдетъ съ легка,

онъ говорить:

Впрямъ: моетъ, говорятъ вѣдь, руку де рука;
А съ уголовною гражданская палата,
Ей, ей, частіохонько живетъ за панибрата.
Не то, при торжествѣ уже какомъ ни есть,
Подъ милостивый васъ подвинуть манифестъ» (1).

По тогдашнимъ обычаямъ, по которымъ ни одна піеса не могла обходиться безъ любви, и въ Ябеду введена любовная интрига. У предсѣдателя Кривосудова есть дочь Софья, въ которую влюбленъ Прямиковъ, но которую хотятъ отдать за Праволова; но когда Праволова посадили въ острогъ, то Софья выходитъ за Прямикова.

Ябеда въ современномъ обществѣ производила такой же фуроръ, какъ Недоросль Фонъ-Визина. Нарисованные въ пей судейскіе типы сдѣлались нарицательными именами; многія мѣста выучивались наизусть, а нѣкоторые отдѣльные стихи превратились въ пословицы. Комедію долго не соглашались представить на сценѣ; она была дана только по приказанію импер. Павла I. Не смотря на такую защиту комедіи, жизни ея автора, однакожъ, говорятъ, долго угрожала опасность отъ осмѣянныхъ имъ ябедниковъ и взяточниковъ, такъ что онъ долго боялся по вечерамъ выходить изъ своего дома.

„Неслыханное диво или честный секретарь“ Судовщикова. По подражанію Ябедѣ Капниста, Судовщикова написалъ комедію: „Неслыханное диво, или честный секретарь“. Въ пей такъ же осмѣивается взяточничество. Нѣкоторые дѣйствующія лица носятъ тѣже названія, напр. предсѣдатель Кривосудовъ и Прямиковъ; другія лица напоминаютъ лица Капниста: мѣсто Праволова занимаетъ квартальный Крючкострой; мѣсто новытчика

---

(1) Тамъ же 135.

Доброва секретарь Правдинъ. У Кривосудова также есть дочь Милена, напоминающая Софью Капниста. Комедія написана легко, богата мѣткими и сильными выраженіями и потому часто давалась на сценѣ. Вотъ какъ изображаетъ себя предсѣдатель Кривосудовъ, въ лицѣ котораго представляется типъ самаго безсовѣстнаго взяточника:

«Пятьсотъ рублевиковъ! — и все серебрецомъ!
Не ложно говорить: продать товаръ лицомъ;
А дѣлцо смастерилъ я подлинно что чисто.
Душой радъ помогать, гдѣ только серебристо,
И быть защитой всѣхъ, кто бѣ деньги ни давалъ»....

«Пусть разсуждаютъ то другіе, а не я,
Ума кто въ головѣ имѣетъ слишкомъ,
А я сужу своимъ посредственнымъ умишкомъ,
Что совѣсть лишь нужна монахамъ да попомъ,
А прочимъ лишнее, а особливо намъ».

Любуясь серебряной стопой, которую онъ получилъ отъ одного просителя какъ взятку, онъ говоритъ:

Ага! голубушка, попалась ты сюда.
Давно зубки я грызъ на сей сосудъ скудельной;
Однакожь зацѣпилъ. — Судья, коль рукодѣльной
И знаетъ всѣ крючки — не надо жить въ раю.
Я грѣшенъ въ томъ, и самъ не потаю;
Живу точнехонько, какъ искони ведется:
Проситель ежели погуще завернется,
Такъ правой за перо, а лѣвой за него;
Хоть онъ и попищитъ, — что нужды до того!
Давай лишь все, а тамъ болтай себѣ, что хочешь.
Не дасть, такъ лѣтъ пятокъ, забывшись, проволочинишь....
Какой смѣшной запросъ: на что де ты берешь? —
Придавать, такъ и самъ бараномъ заблѣешь.
Бываютъ и на насъ нерѣдко передраги;
Лишь только успѣвай отсчитывать сотняги.
Вѣдь правду вымолвить, кто бабушкинъ не внучъ?
Такъ нечего сказать, зѣвать тутъ недосугъ.

Противоположный Кривосудову типъ честнаго чиновника представленъ въ секретарѣ Правдинѣ. Одинъ подрядчикъ, ходившій къ нему по дѣламъ, такъ рассказываетъ о немъ:

«Я самъ себѣ не вѣрю и боюсь.
Не въ навожденъ ли я бѣсовскомъ состоюсь?
Какъ!... можно ли быть сему, со мною что явилось?
Ну!... съ роду впервые такъ дивно приключилось.
Пришелъ къ секретарю, по формѣ, на поклонъ.
Иной такъ вѣдь сидитъ распыщась, какъ баронъ,

Или привяжется вотъ властно какъ заноза;
 А этотъ, Господи, предивная курьеза!
 Предостохвальбйшій, пресмирный господинъ!
 . . . . Гостинчекъ было знатной
 Съ почтеніемъ къ нему съ великимъ подносилъ;
 Но какъ ни кланялся и сколько ни просилъ,
 Поволилъ чтобъ принять; не надо! — да и полно.
 Я думалъ, что даю ему не такъ довольно,
 Еще въ добавъ отчелъ монеты дорогой,
 Ну, не взялъ ничего. — Указъ де выйдетъ твой. —
 Въ подрядахъ и торгахъ лѣтъ тридцать обрѣтаюсь,
 Къ приказнымъ всякой день, къ несчастію, таскаюсь;
 Но сей диковинки не выдывалъ во вѣкъ.
 О, чудо изъ чудесъ! ⁽¹⁾

И. И. Хемницеръ. Въѣстъ съ Капнистомъ, къ кружку Державина принадлежалъ Хемницеръ. Съ Хемницера началась въ нашей литературѣ настоящая басня. Правда, подражая европейскимъ писателямъ и пробуя разныя литературныя формы, и русскіе писатели, начиная съ Кантемира, пытались писать басни. Кантемиръ написалъ 6 басенъ; Тредьяковскій перевелъ 16 Езоповыхъ басенъ, а Сумароковъ написалъ 6 книгъ басенъ и притчей. Но, не говоря о другихъ писателяхъ, и Сумароковъ не можетъ быть названъ баснописцемъ; его басни и притчи проникнуты тѣмъ же сатирическимъ элементомъ, который былъ существеннымъ элементомъ въ талантѣ Сумарокова; его басни и притчи такъ же небольшія сатиры и не походятъ на настоящія басни. Образецъ настоящей басни первый далъ Хемницеръ.

Отецъ Хемницера при Петрѣ В. пріѣхалъ въ Россію изъ Саксоніи, изъ города Хемница (Chemnitz, отъ котораго и происходитъ его фамилія) и занималъ должность военного штабъ-лѣкаря въ энотаевской крѣпости (нынѣ городъ Энотаевскъ въ астраханской губерніи). Здѣсь и родился Иванъ Ивановичъ въ 1745 г. Сынъ медика, онъ и самъ, по желанію отца, готовился сначала къ медицинской службѣ, но потомъ, почувствовавъ нерасположеніе къ анатомическимъ занятіямъ, вздумалъ поступить въ военную службу. Въ военной службѣ онъ находился 12 лѣтъ, былъ въ походахъ въ семилѣтнюю войну, но въ сраженіяхъ не участвовать. Любя заниматься минералогіей, онъ изъ военного вѣдомства перешелъ въ горное и вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ, Соймоновымъ, и другомъ Львовымъ, ѣздилъ за границу, былъ въ Германіи, Голландіи и Франціи. Состоя на службѣ при горномъ училищѣ и занимаясь минералогіей, онъ перевелъ сочиненіе Лемана „Кобальтословіе, или описаніе красиваго кобальта“. На-

⁽¹⁾ Сочиненія Судовщикова. Изд. А. Смирдина 1849. Стр. 11, 26, 58—59, 62—63.

конецъ онъ получилъ мѣсто русскаго консула въ Смирнѣ; но здѣсь онъ пробылъ только полтора года. Перемена климата, тяжелые труды и разныя непріятности скоро совершенно изнурили его, и онъ въ 1784 г. скончался.— Судьба Хемницера напоминаетъ нѣсколько судьбу Кантемира. Иностранецъ по происхожденію, онъ такъ же какъ Кантемиръ любилъ Россію и стремился къ ея просвѣщенію; такъ же какъ Кантемиръ заявилъ себя замѣчательнымъ писателемъ, но такъ же преждевременно умеръ на службѣ, вдали отъ Россіи. Хемницеръ началъ заниматься литературой по возбужденію и подъ руководствомъ друзей своихъ, Львова и Капниста. Сначала онъ писалъ нѣмецкіе стихи, но потомъ принялся за изученіе русскаго языка и изучилъ его такъ хорошо, что могъ писать на немъ, какъ природный русскій. Первымъ стихотвореніемъ Хемницера была ода на взятіе Турецкой крѣпости Журжи (въ 1770 г.); но у него способность была не къ одѣ, а къ баснѣ, на которую обратилъ его вниманіе другъ его Львовъ. Первое изданіе басенъ Хемницера вышло безъ означенія года и имени автора; въ 1779 г. было сдѣлано другое изданіе, но такъ же безъ имени автора. Кромѣ басенъ (въ количествѣ 91), отъ Хемницера сохранились еще двѣ сатиры (въ неоконченномъ видѣ) „на худыхъ судей и на подъячихъ“, письма къ разнымъ лицамъ и памятная книжка, заключающая разныя замѣтки и между прочимъ о путешествіи по Европѣ ⁽¹⁾.

Басни Хемницера. Образцами для басенъ Хемницеру служили басни Лафонтена и Геллерта, у которыхъ онъ часто бралъ и сюжеты и фабулу ⁽²⁾. Басни Хемницера отличаются особенною простотою и безыскусственностію какъ въ составѣ, такъ и въ изложеніи и языкѣ; но при этой простотѣ онѣ въ тоже время проникнуты тонкой ироніей, легкой и веселой насмѣшкой и заключаютъ въ себѣ столько ума, здраваго смысла и знанія жизни, что невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе читателей. Въ басняхъ можно находить нѣкоторыя указанія и на обстоятельства жизни Хемницера и на современные событія; но всего лучше отразился въ нихъ симпатичный характеръ автора, простой и скромный, но добрый, честный и правдивый.

⁽¹⁾ И. И. Хемницеръ. Новыя о немъ извѣстія по рукописнымъ источникамъ. Я. К. Грота. Басни и сказки Хемницера по подлинной рукописи. Сообщилъ Г. И. Надхинъ. По подлинной рукописи Хемницера напечатано 12 басенъ. Памятная записная книжка Хемницера. Сообщилъ Г. И. Надхинъ. Замѣчанія объ этой памятной книжкѣ Я. К. Грота. Русск. Старина 1872 г.; томъ V.

⁽²⁾ Впрочемъ, у Лафонтена Хемницеръ заимствовалъ только 5 басенъ, изъ Геллерта 18; всего заимствованныхъ или переводныхъ до 30 басенъ; остальные 60 оригинальныя.

При простотѣ и скромности, доходившей до робости, Хемницеръ не могъ пріобрѣсти выгоднаго положенія въ свѣтѣ, гдѣ имѣють успѣхъ только богатые и знатные, но гдѣ трудно жить умнымъ, но скромнымъ и бѣднымъ людямъ. Испытавъ эту истину на себѣ, онъ выразилъ ее и въ своихъ басняхъ. Въ баснѣ „Гадатель“, старикъ гадатель, на вопросъ молодого челоуѣка, какова будетъ его жизнь, печально отвѣчаетъ:

«Не много жизнь твоя добра предвозвѣщаетъ.
Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
Ты честенъ, другъ, да ты-жъ уменъ».

Не смотря, однакоже, на такое грустное сознаніе, что въ свѣтѣ имѣють успѣхъ больше богатство и знатность, нежели умъ и честность, Хемницеръ въ своихъ басняхъ восхваляетъ умъ, знаніе, трудъ, честность и правду, какъ лучшія достоинства и украшенія челоуѣка. Въ баснѣ „Совѣтъ старика“, на вопросъ дѣтныи, что нужно для того, чтобы сдѣлаться знатнымъ, старикъ отвѣчаетъ:

«Будь храбръ, мой другъ! Пной
Прославися войной,
Все отложивъ тогда — спокойство и забаву,
Другой же знаніемъ глубокимъ,
Не родомъ знатнымъ и высокимъ,
Себя на свѣтѣ отличая;
Въ судахъ и при дворѣ великъ и славенъ былъ.
Трудами все пріобрѣтають»....

Во время путешествія по Европѣ Хемницеру особенно понравилась ученая и трудолюбивая Германія, и онъ сравнивалъ ее съ ульемъ, въ которомъ живутъ трудолюбивыя пчелы. Точно такъ же въ баснѣ „Пчела и Курица“, онъ изобразилъ науку въ образѣ пчелы, которая скромно, но неутомимо трудится для общей пользы. Въ отвѣтъ Курицѣ, громко объявляющей каждый разъ, какъ только удастся ей снести яйцо, и изображающей въ баснѣ хвастливаго невѣжду, Пчела говоритъ:

«Мы нашей матери наставлены умомъ,
Прилежностью, трудомъ,
Себѣ уютный строимъ домъ
И пищу со цвѣтовъ собираемъ.
Избытокъ нашъ съ людьми делимъ,
Ихъ яствы улаждаемъ,
Во тѣмъ ихъ освѣщаемъ;
А жало для враговъ и трутней лишь хранимъ».

Въ баснѣ „Баронъ“, рассказывающей о баронѣ, котораго всѣ почитали только до тѣхъ поръ, пока онъ не прожилъ оставлен-

наго ему отцемъ миллиона, показывается,

«Что дѣтямъ только зло родители желаютъ.
Когда имъ лишь одно богатство оставляютъ,
Богатство пагуба и вредъ
Тому, въ комъ воспитанья нѣтъ».

Но восхваляя знаніе, умъ, Хемницеръ возстаетъ противъ умствованія, или хитраго умничанья, и въ баснѣ „Метафизикъ“ осмѣиваетъ скучное и бесплодное резонерство „школьныхъ тѣхъ вралей“,

«Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ».

Точно такъ же въ баснѣ „Буквы“, онъ осмѣиваетъ тѣхъ ученыхъ, которые любятъ „въ словахъ смыслъ тайный находить“, толкуя ихъ хитрымъ и насильственнымъ способомъ.

Въ баснѣ „Лисица и Сорока“, гдѣ Сорока доказываетъ Лисицѣ, что у нея надобно считать пять ногъ (прибавляя хвостъ), а не четыре, какъ обыкновенно считаютъ, онъ нападаетъ на тѣхъ педантовъ, которые, какъ важную и несомнѣнную истину, доказываютъ разные софизмы и парадоксы.

Скромный и осторожный, Хемницеръ не любилъ ни спускаться въ какія-нибудь глубины, ни заноситься въ высоту. Положительная сторона предмета, прямая осязательная сущность дѣла служить для него главнымъ девизомъ и единственною цѣлью. Умѣренность, осторожность и разсудительность онъ совѣтуетъ соблюдать во всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ жизни. Въ баснѣ „Дворовая собака“ онъ говоритъ:

«Собаки добрыя съ двора на дворъ не рыщутъ
И отъ добра добра не ищутъ».

Въ баснѣ „Ребята своевольные“, онъ показываетъ, какими несчастіями сопровождается неразсудительность и увлеченіе молодости, не слушающей совѣтовъ опытной старости:

«Кто пожилыхъ людей слова пренебрегаетъ
И пылкой юности стремленью покорится,
Тотъ часто со вредомъ и поздно вразумится,
Сколь справедливъ людей испытанныхъ совѣтъ».

Не смотря на простоту формы, въ басняхъ Хемницера встрѣчаются важныя истины и наставленія, касающіяся общественнаго или государственнаго быта. И на этихъ наставленіяхъ лежитъ тотъ же характеръ осторожности и разсудительности. Въ баснѣ „Привязанная собака“ онъ говоритъ:

«Въ неволѣ неутѣшно быть:
Какъ не стараться
Свободу получить?
Да надобно за все подумавъ приниматься,
Чтобы бѣды большой отъ малой не нажить».

Въ баснѣ „Лѣстница“, указывая на то, что лѣстницу метутъ не снизу, а сверху, онъ говоритъ:

«Все надобно стараться
Съ потребной стороны за дѣло приниматься.
А если иначе, все будетъ безъ пути
. . . . .
На что бы походило,
Когда-бъ въ правленіи, въ какомъ-бы то ни было,
Не съ высшихъ степеней, а съ низшихъ начинать
Порядокъ наблюдать».

Общественный же характеръ и значеніе имѣютъ басни: „Паукъ и Мухи“, „Волчье разсужденіе“, „Поборъ львиный“, „Дѣлежъ львиный“, „Орлы“, „Левъ, учредившій совѣтъ“, „Лѣнивые и ретивые кони“.—Въ баснѣ „Паукъ и Мухи“ показывается, какъ большая муха свободно прорываетъ ту паутину, въ которой запутываются маленькія мухи:

«Воръ, напимѣръ, большой, хоть въ кражѣ попадется,
Выходитъ правъ изъ полъ суда;
А маленькой наказанъ остается!»

Въ баснѣ „Поборъ львиный“ говорится:

«Гдѣ сборы,
Тутъ и воры.
И дѣло это таково:
Чѣмъ больше сборщиковъ, тѣмъ больше воровство».

Въ баснѣ „Волчье разсужденіе“ слонъ волку говоритъ:

«Съ тебя, да и съ господъ иныхъ примѣры брать,
Не будетъ, наконецъ, съ кого и шерсть снимать».

Существенное достоинство басенъ Хемницера составляютъ простота и естественность и замѣчательный по своей чистотѣ и народному складу языкъ. Какъ на лучший образецъ этихъ качествъ у Хемницера можно указать на басни: „Богачъ и Бѣднякъ“, „Друзья“, „Дворовая собака“, „Лисица и Ворона“, „Метафизикъ“, „Поборъ львиный“.

М. М. ХЕРАСКОВЪ.

Русская литература была богата лирическими поэтами. Въ лицѣ Державина она считала уже втораго, послѣ Ломоносова, Пиндара и Горація, какъ въ лицѣ Сумарокова видѣла Расина; но у нея до сихъ поръ еще не было ни Гомера, ни Виргилія, ни даже Тасса, хотя попытки произвести русскій эпосъ начались еще со временъ Кантемира и Ломоносова, изъ коихъ каждый написалъ по нѣскольку пѣсень „Петріады“. Создать русскій эпосъ, по мнѣнію современниковъ, суждено было Хераскову, который сочинилъ двѣ эпическія поэмы „Россіаду“ и „Владимира“, пользовавшіяся у современниковъ большою славою. Извѣстно, что Дмитриевъ къ портрету Хераскова сдѣлалъ такую надпись:

«Пускай отъ зависти сердца злоловъ ноютъ!
Хераскову они вреда не принесутъ;
Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертія проведутъ».

Хотя это предсказаніе относительно безсмертія не вполне оправдалось, однакожъ поэмы Хераскова, какъ и вообще вся его литературная дѣятельность, заслуживаютъ глубокаго уваженія.

Біографическія свѣдѣнія о Херасковѣ ⁽¹⁾. Предки Хераскова происходили отъ Балахскихъ бояръ Хереско. Отецъ его, Матвѣй Андреевичъ Херасковъ, переселился въ Россію при Петрѣ В. Михаилъ Матвѣевичъ родился въ Переяславлѣ (въ Полтавской губ.) въ 1733 г. Онъ воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и еще здѣсь началъ писать стихи. Послѣ окончанія курса въ корпусѣ и послѣ непродолжительной службы въ арміи, онъ поступилъ ассессоромъ въ московскій университетъ, при самомъ открытіи его въ 1755 г. Здѣсь онъ и провелъ почти всю свою жизнь въ литературныхъ занятіяхъ и въ служеніи университету въ разныхъ должностяхъ. Сначала онъ управлялъ университетскою типографіей, потомъ въ 1763 г. былъ назначенъ директоромъ университета, а съ 1778 по 1801 г. былъ его кураторомъ. У Хераскова не было большаго поэтическаго таланта; но у него были просвѣщенный умъ, благородный характеръ и глубокая симпатія къ наукѣ и литературѣ. Еще находясь при типографіи, онъ привлекалъ къ себѣ образованныхъ

(1) Эти свѣдѣнія заимствованы изъ слѣдующихъ статей: Очеркъ жизни и дѣятельности Хераскова въ словарѣ митр. Евгенія; Черты частной жизни Хераскова. Москвит. 1850, № 4; Краткая біографія Хераскова и списокъ его сочиненій М. Лонгинова. Русск. Архивъ 1873 г. Разказы о Херасковѣ Ю. Бартевева. Русск. Арх. 1879. кн. 3.

людей изъ университетской молодежи, и около него составилъ своего рода литературный кружокъ, къ которому принадлежали: Богдановичъ, бывшіе тогда студентами братья Фомъ-Визинъ, Домашневъ, Булгаковъ, И. С. Потекинъ, Санковский и др. Съ началъ 60-хъ годовъ Херасковъ издавалъ два журнала: „Полезное увеселеніе“ (1760—1761) и „Свободные часы“, въ которыхъ участвовали упомянутые писатели. Подъ его же, вѣроятно, руководствомъ выходили сначала и „Невинное Уиращеніе“ Богдановича (1763 г.) и „Доброе Намѣреніе“ Санковского (1764 г., тогда Санковский былъ студентомъ). Въ 1775 г. Херасковъ вступилъ въ Масонское общество и тогда же познакомился съ Новиковымъ и Шварцемъ, котораго онъ принялъ въ профессеры университета. Будучи назначенъ въ 1778 г. кураторомъ университета, онъ открылъ „Благородный Пансіонъ“, отдалъ Новикову на 10 лѣтъ въ аренду университетскую типографію и изданіе Московскихъ Вѣдомостей; разрѣшилъ Шварцу открыть при университетѣ съ 1779 г. „Педагогическую Семинарію“, а въ 1781 г. „Собраніе университетскихъ питомцевъ“, изъ которыхъ въ 1782 г. образовалось „Дружеское ученое общество“, преобразованное потомъ въ „Типографическую Компанію“. Благодаря такой благотворной дѣятельности и многочисленнымъ своимъ сочиненіямъ, Херасковъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Россійская Академія при самомъ открытіи своемъ въ 1783 г. сдѣлала его своимъ членомъ и одну изъ его трагедій „Зоренга и Ростиславъ“ увѣнчала своей преміей (уже послѣ его смерти, въ 1807 г.). Въ кругу ученыхъ и писателей онъ имѣлъ такой авторитетъ, что рѣдкій изъ нихъ не обращался къ нему за совѣтами въ своихъ литературныхъ трудахъ; его обыкновенно называли старостой россійской литературы. Въ такомъ видѣ, въ видѣ совѣтника и руководителя, онъ и самъ изображаетъ себя въ VI книгѣ Полидора, гдѣ, перечисливъ и похваливъ „достопадныхъ своихъ современниковъ“, Державина, Карамзина, Богдановича, Нелединскаго-Мелецкаго и Петрова, онъ обращается къ молодымъ писателямъ съ наставленіемъ, въ которомъ выразились начала его собственной дѣятельности: „Памятуйте, что ядовитость, самолюбіе и тщеславіе музамъ не приличны суть; онѣ дѣвы и любятъ непорочность нравовъ, любятъ вѣжное сердце, сердце чувствующее, душу мыслящую. Не имѣющіе правилъ добродѣтели, главнымъ своимъ вѣдомъ вольнодумцы, горделивые стопослагатели, блага общаго нарушители—друзьями ихъ наречься не могутъ“⁽¹⁾. Умеръ Херасковъ въ 1807 г. на 74 году.

(¹) Сочин. XI, 2—3.

Поэмы Хераскова. Литературная дѣятельность Хераскова продолжалась очень долго, и онъ написалъ очень много сочиненій во всѣхъ родахъ—эпическомъ, лирическомъ и драматическомъ; но славу у современниковъ, какъ выше указано, онъ приобрѣлъ себѣ преимущественно двумя эпическими поэмами: „Россіадой“ и „Владиміромъ“.

Россіада. Предметъ „Россіады“ составляетъ покореніе Казани. Объясняя, почему поэму, изображающую такое частное событіе, какъ покореніе Казани, онъ назвалъ „Россіадой“, Херасковъ указываетъ на то великое значеніе, какое, по его мнѣнію, имѣло это событіе для всей Россіи. „Воспѣвая разрушеніе царства Казанскаго со властію державцевъ Ордынскихъ, говорить онъ, я имѣлъ въ виду успокоеніе, славу и благосостояніе всего руссійскаго государства; знаменитые подвиги не только одного государя, но и всего руссійскаго воинства. и возвращенное благоденствіе, почему сіе твореніе и „Россіадою“ названо.... Важно ли сіе приключеніе въ руссійской исторіи? Истинные сыны отечества, обозрѣвъ умомъ бѣдственное тогдашнее Россіи состояніе, сами почувствовать могутъ, достойно ли оно эпопеи... а моя поэма сіе оправдать обязана“⁽¹⁾. Если это объясненіе съ строгой исторической точки зрѣнія является одностороннимъ, то оно выполнѣ согласно съ народными воззрѣніями какъ вообще на татарскую эпоху, такъ и въ частности на покореніе Казани. Народныя былины показываютъ, что татарское иго заслонило въ памяти русскаго народа всѣ прежнія бѣдствія и всѣхъ прежнихъ враговъ Россіи и сдѣлало татаръ символомъ всякой враждебной силы, а покореніе Казани, какъ окончательное уничтоженіе татарскаго царства, представлялось народу началомъ славы царя и послѣдующаго благоденствія московскаго царства.

«И въ то время князь воцарися,
И наслѣзъ въ московское царство,
Что тогда-де Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ великая слава»⁽²⁾.

И Херасковъ, защищая свою поэму, говоритъ: „Горе тому руссіанину, который не почувствуетъ, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину и сколь великую славу приобрѣло наше отечество отъ разрушенія казанскаго царства. Надобно перейти въ тѣ страшныя времена, когда Россія была поработчена татарскому игу, надобно вообразить набѣги и наглости Ордынцовъ, внутрь нашего государства чинимые, представить себѣ князей руссійскихъ,

(1) Сочин. I, XII. (2) Сборн. Кирши Данилова, стр. 284.

раболѣпствующихъ и зависящихъ отъ гордаго или уничижительнаго самовластия царей казанскихъ, видѣть правителей татарскихъ не только по городамъ, но и по всѣмъ селамъ учрежденныхъ, и даже кумировъ своихъ въ самую Москву присылающихъ, для поклоненія имъ князей обладающихъ—надобно прочесть внимательно всю исторію страданія нашего отечества, во время его порабоженія ордынцамъ, и вдругъ вообразить Россію надъ врагами своими торжествующую, иго мучителей своихъ свергшую, отечество наше побѣдоносными лаврами увѣнчанное читатель, ежели, преходя всѣ сѣи бѣдства нашего отечества, сердце твое кровію не обливается, духъ твой не возмущится и въ сладостный восторгъ не придетъ — не читай мою Россіаду; она не для тебя написана; написана она для умѣющихъ чувствовать, любить свою отчизну и дивиться знаменитымъ подвигамъ своихъ предковъ, безопасность и спокойство своему потомству доставившихъ“ (1). Такимъ образомъ, предметъ Россіады, взятый изъ исторіи борьбы съ татарами и представляющій послѣдній славный актъ ея, былъ самый національный. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ предметъ былъ и самый близкій къ интересамъ того времени. Въ то время все вниманіе русскаго общества было поглощено турецкими войнами, на которыя истинно русскіе люди смотрѣли какъ на продолженіе борьбы съ татарами. Магометане турки такъ же какъ татары были врагами христіанства и христіанскаго просвѣщенія. Во власти турокъ находилась колыбель христіанской вѣры, Святая земля, Іерусалимъ и гробъ Господень; въ ихъ рукахъ былъ Константинополь, откуда возсіялъ въ Россіи свѣтъ вѣры православной; подъ ихъ игомъ страдали единовѣрныя и единоплеменные намъ славянскія страны, Болгарія и Сербія, сообщившія намъ первыя начала христіанскаго просвѣщенія и славянской письменности. Все это придавало особенное значеніе турецкимъ войнамъ и вызвало тогда извѣстный „Восточный проектъ“, по которому предназначалось изгнать турокъ изъ Европы и возстановить греческую имперію. Восточному проекту сочувствовали всѣ истинные патріоты и православные русскіе люди, къ которымъ принадлежалъ и Херасковъ. Еще въ 1771 г. по случаю уничтоженія турецкаго флота при Чесмѣ, онъ написалъ поэму „Чесменскій бой“, въ которой, изображая страданія грековъ отъ турокъ, онъ говоритъ:

«Во славѣ гдѣ сіялъ божественный законъ
И вѣра на столпахъ воздвигла свѣтлый тронъ,
Гдѣ храмы вознесли главы свои златыя,
Курлися олимпамъ и съ нимъ молебны святыхъ;

(1) Сочин. I, XVII—XVIII.

Гдѣ музъ божественныхъ былъ слышанъ гласъ,
Гдѣ зрѣлся Геликонъ, гдѣ древній пѣлъ Парнасъ.....
Не пѣсни сладкія вспѣвають музы днесъ

На грекахъ тяжкія оковы тамъ звучать;
Святыя зданія въ пустыни превращенны;
Изъ материныхъ рукъ ихъ дщери похищенны.
Въ чужихъ рукахъ теперь ахейскій славный градъ:
Гдѣ зрѣли греки рай, тамъ видятъ нынѣ адъ.

Изобразивъ страданія грековъ, Херасковъ оканчиваетъ поэму такими словами:

«Но близокъ, можетъ быть, приходъ златыхъ вѣковъ,
И греки изъ своихъ изторгнутся оковъ» (1).

Въ композиціи и стилѣ Россіады Херасковъ слѣдовалъ извѣстной лозноклассической теоріи эпопеи и подражалъ всѣмъ эпическимъ поемамъ, составленнымъ по этой теоріи, на что онъ и указываетъ въ концѣ предисловія къ поэмѣ: „Повѣствовательное сіе твореніе расположилъ я на исторической истинѣ, сколько могъ отыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупилъ къ тому небольшіе анекдоты, доставленные мнѣ изъ Казани.... Но да памятуютъ мои читатели, что какъ въ эпической поэмѣ вѣрности исторической, такъ въ дѣйствіяхъ поэмы, искать не должно. Многое отмѣтать я, переносилъ изъ одного времени въ другое, изобрѣталъ, украшалъ, ворилъ и созидать. Усвѣдѣли ли въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить; но то неоспоримо, что эпическія поэмы, имѣющія въ виду своею иногда особливья намѣренія, обыкновенно по таковымъ, какъ сія, правиламъ сочиняются“ (2). Изъ этихъ словъ Хераскова объясняются какъ общій характеръ, такъ и всѣ недостатки его поэмы, которые сколько зависѣли отъ его таланта, столько же были и недостатками теоріи и образцовъ, которымъ онъ подражала. Правила теоріи эпической, какъ указано выше, были изложены еще Тредьяковскимъ въ предисловіи къ переводу „Приключеній Телемаха“ (3); Херасковъ не повторилъ этихъ правилъ, а дѣлаетъ только общій обзоръ образцовыхъ эпическихъ поэмъ.

---

(1) Сочин. III, 96—97; 155. (2) Сочин. I, XIII.

(3) См. Ист. Русск. Словесности. Новѣйшій періодъ. Отд. I, стр. 150—152.

Подобно другимъ поэмамъ. Херасковъ и свою поэму начинаетъ словами „пою“ и обращеніемъ, вмѣсто Аполлона и музъ, къ духу стихотворенія и къ вѣчности:

«Пою отъ варваровъ Россію свободенну;
Попраниу власть татаръ и гордость низложенну;
Движеніе древнихъ силъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушеніу Казань.
Изъ круга сихъ временъ спокойныхъ лѣтъ начало,
Какъ свѣтлая заря, въ Россіи возсіяло».

Первая пѣснь начинается описаніемъ бѣдственнаго положенія Москвы, послѣ большого московскаго пожара. Всевышній обращаетъ взоры на страдающую Россію и посылаетъ съ неба князя Александра Тверскаго возвѣстить во свѣ царю Іоанну волю Божію спасти Россію. Получивъ видѣніе во свѣ, въ которомъ ему были показаны всѣ князья-предки, пострадавшіе отъ татаръ, Іоаннъ рассказываетъ объ этомъ видѣніи Адашеву, а потомъ, подобно Дмитрію Донскому, отправляется за благословеніемъ на войну противъ Казани въ Лавру преп. Сергія:

. . . «Мужъ святыи! Ты Дмитрію помогъ
Татарскія луны сломить кичливый рогъ.
И миѣ ты помоги, дерзнувъ противъ Казани
Россію оправдать во прележащей брани;
Мое отечество, о Сергій, и твое....
Возноситъ предъ тебѣ моленіе сіе!»

Это составляетъ содержаніе 1-й пѣсни.

Во 2-й пѣснѣ изображается собраніе царской думы. Царь Іоаннъ говоритъ рѣчь, на которую отвѣчаютъ своими рѣчами бояре Кубенскій, Глинскій, Курбскій, Адашевъ, Хилковъ. Царь рѣшается отправиться въ походъ противъ Казани. Услышавъ объ этомъ рѣшеніи, является царица съ младенцемъ на рукахъ и подобно княгинѣ Евдокіи, провожающей плачемъ своего супруга Дмитрія на войну противъ Мамаѣ, плачетъ и проситъ Іоанна или отмѣнить свое рѣшеніе, или взять ее вмѣстѣ съ собою въ походъ.

Начиная съ 3-й пѣсни и до 6-й описывается страшно разстроенное придворными интригами и внутренними смутами состояніе Казанскаго царства предъ началомъ войны. Царицей въ Казани въ это время была Сумбека, вышедшая во второй разъ замужъ за царевича Алея. Чтобы узнать о будущей судьбѣ своего царствованія, Сумбека отправляется въ очарованный казанскій лѣсъ на могилу прежняго своего супруга, Сафагирея. Опи-

саніе очарованнаго казанскаго лѣса сдѣлано по образцу очарованнаго лѣса въ Освобожденномъ Іерусалимѣ Тасса:

«Подъ тѣнью горъ крутыхъ казанскихъ видѣнь лѣсъ,
Въ который входа нѣтъ сіянію небесъ;
На вѣтвахъ вѣчные лежатъ густые мраки,
Прохожимъ дивные являючи призраки;
Тамъ, кажется, простеръ покровы томный сонъ;
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ,
Тамъ вьнутъ вокругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ.
Когда усыплеть ночь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи деревья;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ изходитъ бурный пламень;
Кустарники дрожать, о камень бьется камень;
Не молкнеть шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ,
И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разить....

Вѣщаютъ, что духовъ въ печально царство то
Безъ казни отъ небесъ не смѣлъ вступать никто;
Издରେ для прохладъ природою основанъ,
Но послѣ оный лѣсъ волхвами очарованъ» ⁽¹⁾.

Въ долину этого очарованнаго лѣса находятся могилы прежнихъ татарскихъ царей. Нашедши могилу Сафагирея, Сумбека, какъ волшебника, вызываетъ тѣнь его и спрашиваетъ о будущей судьбѣ Казанскаго царства. Тѣнь Сафагирея предсказываетъ разрушеніе Казани и паденіе магометанства:

«Увы!.. Ордынску власть Россія изтребить.
Меча ея ничто отъ насъ не отвратить.

Ахъ, вскорѣ новый здѣсь сіяти будетъ свѣтъ,
И водрузится крестъ, гдѣ нашъ пророкъ живетъ» ⁽²⁾.

Ст. 6 й пѣсни начинается описаніе похода Іоанна Грознаго противъ Казани. Когда всѣ войска, назначенныя въ походъ, собрались въ Коломну, явился и самъ Іоаннъ, чтобы вести ихъ. Въ качествѣ вождя посреди русскихъ войскъ, онъ сравнивается съ Агамемнономъ въ Іліадѣ, когда онъ явился съ греческимъ войскомъ подъ стѣнами Трои. Между тѣмъ, когда уже все было готово къ походу, приходитъ извѣстіе о набѣгѣ крымскихъ татаръ на Рязань. Грозный отправляетъ противъ нихъ князя Курбскаго, говоря:

«Тебѣ спасеніе отечества вручаю,
Въ тебѣ любви къ нему всѣхъ больше примѣчаю;

(1) Пѣснь IV; сочин. I, 53. (2) Стр. 70.

Грабителей казнить, на крымцовъ ты иди,
Взявъ третью войска часть, ступай и побѣди» (1).

На помощь Курбскому противъ крымцевъ Богъ посылаетъ св. мучениковъ, Бориса и Глѣба, которые, по Сказанію о Мамаевомъ побоищѣ, сражались противъ татаръ и во время Куликовской битвы.

Описаніе похода русскаго войска противъ Казани довольно живописно:

«Какъ туча, молніи въ груди своей несуща,
Перунамъ пламеннымъ свободы не дающа,
Высокимъ зданіямъ и хижинамъ грохотъ,
Но, въ нѣдрахъ кроя смерть, идетъ и не разитъ:
Толикій гнѣвъ несетъ и молніи такіа
Къ Казани съ пламенемъ парящая Россія;
Отвѣжность, кроясь среди ея полковъ,
Ведетъ къ сраженію ихъ внизъ волжескихъ береговъ» (2).

Какъ въ поэмѣ Тасса магометанамъ въ борьбѣ съ крестоносцами помогаютъ адскія силы, такъ и въ Россіадѣ изображается „Олицетворенное Безбожіе“, источникъ всѣхъ золъ, для котораго ненавистны усилія русскіхъ войскъ и которое, боясь потерять свою власть въ странѣ казанской, поднимаетъ противъ нихъ всѣ силы ада. Между прочимъ оно возмущаетъ противъ русскіхъ черемись и обращается съ мольбою къ ихъ владыкѣ, Киреметю:

«А ты, который здѣсь изъ самыхъ древнихъ лѣтъ
Перуномъ наречень, о грозный Киреметь,
Который устрашалъ полночные народы!
И нынѣ устраши, взбунтуй огонь и воды....
Свирѣпостью лыня и пагубу творя,
Я въ сѣти уловлю руссійскаго царя» (3).

Киреметь волнуется Волгу и возбуждаетъ ее разбить русскія суда. Затѣмъ описываются разныя другія препятствія, какія русскія войска встрѣчаютъ на пути своемъ къ Казани.

Въ Энеидѣ Виргилія (VI пѣснь) описывается сходженіе Энея въ адъ, гдѣ ему отецъ его Анхизъ предсказываетъ будущую судьбу его потомковъ до импер. Августа; подобно этому въ Генріадѣ Вольтера св. Людовикъ Генриху IV въ сновидѣніи показываетъ всѣхъ будущихъ королей Франціи; точно также и въ Россіадѣ пустынный Вассіанъ возводитъ Іоанна Грознаго на какую-то „Гору пророчествъ“ и указавъ на „Градъ Божій“ въ видѣніи по-

(1) Сочин. III, 104. (2) III, 118. (3) 134.

казываетъ ему сначала его славныхъ предковъ св. князя Владимира, на третьемъ небѣ, мудрую Ольгу, Бориса и Глѣба, храброго Александра Невского, дѣда Іоанна, мать Грознаго, которую Грозный хотѣлъ „облобызать, но тѣла не возмогъ устами осязать“, а потомъ показываетъ послѣдующія событія его царствованія и наконецъ будущую судьбу Россіи при его преемникахъ.

«Ты видишь, старецъ рекъ, божественну судьбину;
Колѣна преклони! се книга предлежитъ;
Зри буквы тайныя. И царь на книгу зрѣть.
Крестообразно вокругъ нее лучи спирались,
Въ ней сами отъ себя листы перебирались,
Какъ чистою берега наполнены водой
Являютъ небеса свѣтлаци надъ рѣкой:
Во книгѣ ясно такъ изображенно зрится,
Чему назначено въ грядущее время сбыться».

Грозный смотритъ и говоритъ:

«Врата отверзлися мнѣ гордыя Казани;
Ордынскій сильный царь у ногъ моихъ лежитъ.
Приноситъ Волга дань, Кавказъ отъ стрѣлъ дрожитъ;
Смущенна Астрахань упала на колѣни;
Уже моихъ знаменъ въ Сибирь простерлись тѣни».

Перечисляя преемниковъ Грознаго, Вассіанъ съ великимъ восхищеніемъ останавливается на Петрѣ В. и Екатеринѣ:

. . . . . «Се твой потомокъ Петръ!
Онъ людямъ дастъ умы, дастъ образъ нравамъ дикимъ,
Россіи нову жизнь, и будетъ слыть великимъ.
Сей лучшая времянь, пустынный рекъ, судьбина,
Пріемлетъ царствія вожди Екатерина;
Премудрость съ небеси въ полночный край сойдетъ,
Блаженство на престолъ въ лицѣ ея взведетъ.

. . . . .
Екатерина вѣкъ Астрейнъ возвратитъ,
Что въ мысляхъ Петръ имѣлъ, то дѣломъ совершитъ»⁽¹⁾.

Въ 10-й пѣсн. приступая къ изображенію осады Казани, авторъ дѣлаетъ перечисленіе главныхъ вождей русскаго войска, напоминающее перечисленіе въ Илиадѣ греческихъ кораблей, приплывшихъ подъ Трою. Затѣмъ изображаются битвы русскихъ съ татарами:

«Какъ волны предъ собой Борей въ пучинѣ гонить,
Или къ лицу земли древа на сущѣ клонить;
Такъ гонять Россы ихъ, въ толпу соединясь»....

(1) Сочин. I, 62—63; 71.

Въ 11-й пѣснѣ описывается приготовленіе Розмысломъ подкоповъ подъ стѣны крѣпости казанской. Въ поэмѣ Тасса, при осадѣ Іерусалима, весьма сильно вретъ крестоносцамъ своими чарами волшебникъ Пемець; въ Россіадѣ такую же роль играетъ волхвъ Нигринъ, который наводитъ на русское войско страшную зиму. Въ 12-й пѣснѣ поэтъ помѣщаетъ очень живописное описаніе царства зимы:

«Въ пещерахъ внутреннихъ кавказскихъ льдистыхъ горъ,
Куда не досягаль отважный смертныхъ взоръ,
Гдѣ мразы вѣчный своѣ прозрачный составляютъ
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ,
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣтъ громъ,
Изсѣченъ изъ льда стоитъ обширный домъ;
Тамъ бури, тамо холодъ, тамъ вьюги, непогоды,
Тамъ царствуетъ зима, снѣдающая годы.
Сія жестокая другихъ временъ сестра,
Покрыта сѣдиной, проворна и болра;
Соперница весны и осени и лѣта,
Изъ снѣга сотканной порфиною одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлые пары;
Престоль имѣетъ видъ алмазныя горы;
Великіе столбы, изъ льда сооруженны,
Сребристый мещутъ блескъ, лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется тогда, громада льдовъ горитъ.

Тамъ зримы въ воздухѣ вѣщаемы слова,
Но все застужено, натура вся мертва;
Единый трепеть, дрожь и знобы жизнь имѣютъ,
Гуляютъ инѣи, зефиры тамъ нѣмѣютъ,
Мятеля вьются вокругъ и производятъ бѣгъ.
Морозы царствуютъ намѣсто лѣтнихъ ябгъ;
Развалины градовъ тамъ льды изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ.

Оттолкъ къ намъ зима державу простираетъ,
На хладныхъ крыліяхъ морозы къ намъ несетъ;
День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя длитъ ночи
И солнцу отвращать велитъ свѣтащи очи;
Ее со трепетомъ лѣса и рѣки ждуть,
И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ прядутъ;
На всю натуру сонъ и страхъ она наводитъ» ⁽¹⁾.

Наконецъ, послѣ взрыва подкоповъ, описывается самое взятіе Казани.

Изъ представленнаго обзора содержанія Россіады видно, что, за немногими счастливыми исключеніями, почти всѣ сцены въ ней составляютъ подражаніе разнымъ сценамъ Илиады, Энеиды, освобожденнаго Іерусалима и Гевріады. Русскій міръ освѣщенъ чужимъ свѣтомъ; русскія лица и событія изображаются или въ древне-классической или въ средневѣковой, рыцарской обстановкѣ. При описаніи „обвороженаго казанскаго лѣва“ упоминаются „вѣющіе зефиры, подѣтѣнно плещущія дріады, геенеридскіе сады“, гдѣ „тысящи пріятствъ для флоры и помыны“; „наяды, вынырнувъ, руками всплескали, граціи токъ слезный проливали“. Да и вообще въ поэмѣ часто встрѣчаются разныя языческія божества, разные духи и волшебники, аллегорическія изображенія стихій и явленій природы, человѣческихъ добродѣтелей и пороковъ. Русскій царь и русскіе воеводы и бояре изображаются то въ видѣ троянскихъ героевъ, то въ видѣ средневѣковыхъ рыцарей. Въ характерѣ Іоанна Грознаго совмѣщены черты Агамемнона, Готфрида; Курбскій напоминаетъ собою рыцаря Ринальда Тасса и даже говоритъ о храненіи рыцарскаго чина; Троекуровъ походитъ на Танкреда; татарскій витязь Гидромиръ также наблюдаетъ рыцарскій уставъ; казанская царица Сумбека, „красотой Киприда, а хитростью Цирцея“, изображается въ видѣ Дидоны, Цирцеи и Армады. Такія несообразности, такъ сильно поражающія въ настоящее время, нисколько, однакоже, не поражали современниковъ Хераскова, которые потому именно и признавали Россіаду настоящей эпикеей, что находили въ ней тоже самое, что видѣли во всѣхъ образцовыхъ эпическихъ поэмѣхъ, находили тѣже приемы и формы и такія же сцены и лица. Всѣмъ было признано, что поэма должна имѣть народный характеръ; но еще не было уяснено, въ чемъ должна состоять народность и какъ должны быть изображаемы заимствованныя изъ народной исторіи лица и событія. Національное чувство вполнѣ удовлетворялось тѣмъ патріотическими стремленіями, какими проникнута вся Россіада; событія русской исторіи изображены въ достойномъ русскаго народа свѣтѣ; русскіе люди представлены съ такими же высокими качествами, съ какими являются герои и рыцари въ другихъ поэмѣхъ. Что же касается требованія исторической вѣрности, строгаго согласія изображеній съ древними воззрѣніями, правами и обычаями, то это требованіе тогда еще не входило въ число правилъ литературной теоріи. Мы уже указали выше, какое относительно этого замѣчаніе Херасковъ сдѣлалъ въ предисловіи къ своей Россіадѣ: „Да памятують мои читатели, что какъ въ эпической поэмѣ вѣрности исторической, такъ въ дѣписаніяхъ поэмы искать не должно“.

Поэма „Владиміръ“. Тѣже недостатки и еще въ большей степени мы встрѣчаемъ и въ другой поэмѣ Хераскова „Владиміръ“, хотя эта поэма имѣетъ другой характеръ. Преобладающимъ въ ней элементомъ является не эпическій, а лирическій, или вѣрнѣе, диалектическій элементъ. Херасковъ написалъ „Владиміра“ уже послѣ того, какъ поступилъ въ общество масоновъ, подъ вліяніемъ котораго въ немъ развилось мистическое направленіе. Этимъ направленіемъ и проникнута вся поэма. „Совѣтую, говоритъ онъ, читать оную (поэму) не какъ обыкновенное эпическое твореніе, гдѣ по большей части битвы, рыцарскіе подвиги и чудесности воспѣваются; но читать какъ страствованіе внимательнаго человѣка путемъ истины, на которомъ срѣтается онъ съ мірскими соблазнами, подвергается многимъ искушеніямъ, впадаетъ во мраки сомнѣнія, борется со врожденными страстями своими, наконецъ преодолеваетъ самъ себя, находитъ стезю правды и, достигнувъ просвѣщенія, возрождается“ (1).

Предметомъ поэмы служитъ принятіе христіанской вѣры св. Владиміромъ. Послѣ обращенія къ музѣ, къ Богу и къ самому Владиміру, въ поэмѣ сначала изображается въ краткихъ чертахъ славное побѣдами царствованіе князя Владиміра.

«Но, славою окруживъ и пышностію тронъ,
Владиміръ подъ вѣнцомъ былъ падшій Соломонъ».

Въ Кіевѣ, посреди языческой чувственной жизни, „какъ будто посреди дремучія дубровы“, жили два христіанина варяга, сынъ и отецъ, славившіеся благочестивою жизнію. Къ нимъ прилетаетъ съ неба херувимъ и приказываетъ старцу отцу идти къ князю Владиміру съ проповѣдью и просвѣтитъ его свѣтомъ христіанской вѣры. Владиміръ выслушалъ проповѣдь, но отъ принятія вѣры уклонился, сказавъ, что для этого еще не настало время. Между тѣмъ, „Духъ безбожія“, жившій въ Перунѣ, противъ варяговъ возбудилъ жрецовъ, и они потребовали отъ народа принесенія ихъ въ жертву Перуну. Мученическая смерть варяговъ страшно поразила Владиміра, который присутствовалъ при принесеніи ихъ въ жертву, и привела его къ раскаянію. Въ это время на небесахъ св. апостолъ Андрей, „полночный сей пророкъ, исполненный любви къ россиянамъ“, обратился къ Богу съ молитвою о просвѣщеніи Россіи свѣтомъ истинной вѣры, — и благодать Божія коснулась души Владиміра; Владиміръ созналъ заблужденіе язычества. Но онъ не вдругъ и не скоро могъ принять

(1) Сочин. II, II.

крещеніе, а долженъ былъ перенести множество искушеній и преодолѣть множество препятствій. Изъ описанія этихъ искушеній и препятствій, которые занимаютъ мѣсто приключеній, испытываемыхъ героями и рыцарями въ эпическихъ поэмахъ, и состоитъ поэма „Владиміръ“.

Главнымъ врагомъ Владиміра былъ представитель адскихъ силъ, волхвъ Зломиръ, устроившій всѣ искушенія и препятствія; главнымъ помощникомъ, покровителемъ и защитникомъ—св. апостоль Андрей, дѣйствовавшій черезъ одного греческаго старца, Кира ⁽¹⁾. Волхвъ Зломиръ, живущій въ кремнистой пещерѣ на берегу Днѣпра, приходитъ къ главному жрецу Перуна, Пламидѣ, и ведетъ его въ храмъ Перуна спросить боговъ, что нужно дѣлать, чтобы удержать Владиміра отъ принятія новой вѣры. Кромѣ Перуна, въ храмѣ были Чернобогъ, Кій, Хорсъ, Купало, Усладъ, Лада, Звичъ, Посистъ, Волосъ, Дажьбогъ. Разные боги предлагаютъ разные мѣры для удержанія князя въ прежней вѣрѣ; но верхъ между ними одерживаетъ совѣтъ Усллада (бога пріятствъ и любви)—„связать Владиміра путами женской любви“. Согласно съ этимъ совѣтомъ, Пламидѣ на праздникъ Ладѣ приводитъ въ храмъ Перуна дочь одной жрицы, красавицу Версону. Владиміръ плѣнился Версоной; но оказывается, что Версона уже невѣста Законеста, и оба они христіане. Владиміръ пришелъ въ страшное затрудненіе; но къ нему явилась „Благочестивая вѣра“ и убѣдила его сдѣлаться христіаниномъ ⁽²⁾. Въ это время приходятъ къ Владиміру послы отъ разныхъ вѣръ; Владиміръ выслушиваетъ ихъ предложенія и рѣшается самъ отправиться въ Херсонъ, чтобы увидѣть христіанскую вѣру. Между тѣмъ, жрецъ Пламидѣ, узнавъ, что Законестъ христіанинъ, назначилъ принести его въ жертву Перуну; но Версона, услышавъ объ этомъ, явилась въ храмъ и защитила Законеста своею грудью (исторія Законеста и Версоны напоминаетъ собою исторію Олипада и Софроніи въ поэмѣ Тасса). При этомъ выходитъ изъ толпы народа старецъ Идодемъ и объявляетъ, что Законестъ сынъ Пламиды; не смотря на это, однакожъ, Пламидѣ хочетъ заколотъ Законеста. Но Владиміръ беретъ его и Версону подъ свою защиту и дѣлается ученикомъ Идолема, который былъ христіанинъ и воспитанъ въ христіанской вѣрѣ Законеста и Версоны ⁽³⁾.

Въ это время „отъ Византійскихъ стѣнъ идетъ къ Кіеву старецъ Киръ—пастырь вѣрныхъ душъ и древній философъ“. Діаволь всячески ему мѣшаетъ и хочетъ погубить; но Кира защи-

(1) Пѣсни 1 и 2. (2) Пѣснь 3-я. (3) Пѣснь 5.

щаетъ и спасаетъ св. апостолъ славянскій, Андрей Первозванный. Онъ приводитъ Кира къ дому Законеста. Тула же приходитъ и Владиміръ ⁽¹⁾. Киръ излагаетъ Владиміру исторію домостроительства спасенія людей отъ начала міра, показывая два пути, какими идутъ въ міръ люди, и наконецъ развертываетъ предъ нимъ картину страшнаго суда, изображающую блаженство праведниковъ и мученія грѣшниковъ ⁽²⁾. Въ 10-й пѣснѣ олицетворяется „Сомнѣніе“, которое, по дѣйствию діавола, овладѣваетъ душою Владиміра. Рогдай, главный полководецъ, упрекаетъ его въ томъ, что онъ, познакомившись съ христіанами, впалъ въ разслабленіе и забылъ военныя дѣла, и совѣтуетъ ему идти на Херсонъ противъ грековъ ⁽³⁾. Этотъ совѣтъ былъ совершенно согласенъ съ внутреннимъ желаніемъ самого Владиміра, и онъ отправляется съ войскомъ въ Херсонъ. Но волхвъ Зломиръ увлекаетъ изъ его войска полководца Рогдая и вмѣстѣ съ нимъ четырехъ лучшихъ рыцарей, подобно тому, какъ волшебница Армида въ поэмѣ Тасса увлекаетъ изъ стана крестоносцевъ Ринальда и другихъ рыцарей ⁽⁴⁾. „Раздоръ“ возбуждаетъ печенеговъ напасть на русское войско. Происходитъ битва, оканчивающаяся пораженіемъ печенеговъ. Затѣмъ описываются приключенія Рогдая, по подобію приключеній рыцаря Ринальда въ поэмѣ Тасса ⁽⁵⁾. Пришедши къ Херсону, Владиміръ требуетъ, чтобы ему выдали русскихъ плѣнныхъ и сдали городъ. Киръ совѣтуетъ херсонскому правителю Ферекиду отправить къ Владиміру царевну Анну. Черезъ нее въ Совѣтѣ Божіемъ опредѣлено совершить просвѣщеніе Россіи христіанской вѣрою и заключить вѣчный союзъ грековъ съ русскими ⁽⁶⁾.

Начиная съ 16-й и до конца 18-й пѣсни описываются битвы подъ Херсономъ, взятіе его, прибытіе царевны Анны и крещеніе Владиміра. Описывая битвы подъ Херсономъ, Херасковъ обращается къ полководцу пѣвцу Оссіану, древнему Бояну:

«О древнихъ дѣтъ пѣвецъ, полночный Осіанъ!
Въ развалинахъ вѣковъ погребшійся Балиъ!
Тебя намъ возвѣстилъ незнаемый писатель ⁽⁷⁾;
Когда онъ былъ твоихъ напѣвовъ подражатель;
Такъ Игорева пѣснь изображаетъ намъ,
Что душу подавалъ Гомеръ твоимъ стихамъ;
Въ нихъ слышны, кажется мнѣ, пѣсни соловьины,

(1) Пѣснь 6. (2) Пѣсни 7, 8 и 9. (3) Пѣснь 10. (4) Пѣснь 11.

(5) Пѣсни 12, 13 и 14. (6) Пѣснь 15.

(7) Разумѣется авторъ Слова о полку Игоревѣ, которое тогда было только что открыто.

Отважный львиный ходъ, паренія орлины;
Ты, можетъ быть, Баянъ, тому свидѣтель былъ,
Когда Владиміръ въ Тавръ законъ пріять ходилъ
Твой духъ еще когда витаетъ въ здѣшнемъ мірѣ,
Води моимъ перомъ, учи играть на лирѣ!...

Послѣ битвы и разныхъ искушеній, Владиміръ овладѣваетъ Херсономъ и, получивъ руку греческой царевны Анны, принимаетъ крещеніе отъ старца Кира.

«Владиміръ, жизнь водой дающею омылся,
Очистился, воскресъ, Владиміръ возродился.
.....
Отпала твердая отъ глазъ его кора,
Сіонская ему отверзлася гора,
На коей, какъ Мойсей, онъ видитъ Бога въ славѣ;
Восторги чувствуетъ всей сущности въ составѣ».

Разсказывая затѣмъ о бракѣ Владиміра съ царевною Анною, Херасковъ заключаетъ свою поэму о немъ слѣдующими словами:

«Онъ содннемъ подлинно явился Россамъ вскорѣ,
Простерлася благодать по сѣверу какъ море.
Все воинство его, вельможи и сыны,
И духомъ и водой въ Херсонѣ крещены...
Изчезъ въ Россіи мракъ, разрушились кумиры,
Побѣдоносну пѣснь въиграли райски лиры,
Владиміръ, въ вѣчности вѣнцами покровенъ,
Доколѣ свѣтъ стоитъ, не можетъ быть забвенъ;
Онъ подвигомъ святымъ во вѣки будетъ славенъ;
Россію просвѣтилъ, апостоламъ онъ равенъ» ⁽¹⁾.

Повѣсти Хераскова. Въ „Россіадѣ“ и „Владиміръ“ Херасковъ воспѣлъ самыя знаменитыя событія изъ древней русской исторіи; въ повѣстяхъ „Нума Помпилій или Прощѣтающій Римъ“, „Кадмъ и Гармонія“ и „Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи“ онъ изображаетъ характеръ новаго времени въ царствованіе Екатерины, которая въ законодательствѣ и управленіи, въ воспитаніи и образованіи народа стремилась распространить гуманныя начала новой философіи и сама на престолѣ явилась государемъ философомъ. Всѣ названныя повѣсти относятся, по своему характеру, къ тому роду литературныхъ произведеній, въ которыхъ писатели XVIII вѣка, подъ именами разныхъ знаменитыхъ мужей

⁽¹⁾ Сочин. II, 292—294.

древности, любили изображать современныхъ государственныхъ дѣятелей, или отъ лица древнихъ мужей предлагать имъ уроки новой политической мудрости, рисовать новые идеалы и планы государственнаго управленія. Таковы были: „Приключенія Телемака“ Фенелона и „Аргенида“ Іоанна Барклая, переведенныя на русскій языкъ еще Тредьяковскимъ (1751); „Жизнь Сифа, царя Египетскаго“ аббата Террасона, переведенная Фон-Тизинимъ (1762—1768); „Велисарій“ Мармонтеля и „Нума Помпій“ Флоріана. Херасковъ въ своихъ повѣстяхъ подражалъ всѣмъ этимъ сочиненіямъ. Повѣсть „Нума Помпій“ передѣлана изъ повѣсти Флоріана. Въ предисловіи къ ней онъ говоритъ: „Слакорѣчивый Цицеронъ, удивляясь Нумѣ, почиталъ его великимъ потому, что онъ произвелъ въ дѣйство науку царствовать, когда еще греки никакого понятія о томъ не имѣли“. Съ этой именно стороны — какъ государственный правитель, и изображается въ повѣсти Нума, который, пользуясь совѣтами нимфы Эгеріи, сдѣлалъ римлянъ счастливыми, буйный хищническій народъ преобразовавъ своими законами въ честный и трудолюбивый, и такимъ образомъ положили твердую основу для будущаго могущества и величія римскаго государства. Въ Нумѣ представленъ идеаль государя (подъ нимъ разумѣется Екатерина), стремящагося сдѣлать свой народъ счастливымъ, по философскимъ воззрѣніямъ XVIII в. Потому и самъ Нума въ началѣ повѣсти называется философомъ, а въ концѣ, послѣ изображенія его счастливаго и благодѣтельнаго царствованія, замѣчено: „Можно теперь сказать съ божественнымъ Платономъ: счастливы тѣ народы, у которыхъ философъ государемъ бываетъ, или государь философомъ дѣлается! И можно увѣриться, что слава не однимъ оружіемъ и не одними войнами пріобрѣтаема бываетъ“ (1). Вотъ въ какихъ чертахъ изображается философскій идеаль государя. „Помню, говорить Нума, что я современникамъ и потомству, а нече всего богамъ за правленіе мое отвѣчать обязанъ; помню, что мое благополучіе соединено съ благополучіемъ общимъ. Не ради единой роскоши, чести и вѣги цари на престолы восходятъ; царскій вѣнецъ тогда служитъ украшеніемъ, когда подданные его добродѣтелями украшаются, и престолы только тѣ спокойны и тверды, гдѣ народъ, огражденный безоопасностію, въ сладкой тишинѣ безоопасности поконится“.... „Должно-ли тебѣ опасаться частныхъ погрѣшностей, когда цѣлое общество къ добру преклопитъ намѣреваясь? Встрѣчающіеся камни, мели и пропасти не препятствуютъ рѣкѣ простираться быстро вдалѣ теченія; дѣлай бла-

(1) Сочин. XII, 162.

гополучными достойныхъ быть таковыми, оставь пороки собственному ихъ наказанію и злыя совѣсти внутреннему ихъ угрызенію. Когда ты дѣлаешь общее добро, ты можешь ли сожалѣть, ежели кто отъ своихъ беззаконій погибнетъ и не имѣть участи въ общей пользѣ? „Ты беззаконихся, опасаясь обмановъ отъ своихъ вельможей; есть удобныя средства узнавать сокровенныя ихъ склонности: изъ домовой и частной жизни усматривай способности начальниковъ и правителей; ибо тотъ, кто съ ближними жить не умѣетъ, благоразумно начальствовать не можетъ; а тотъ еще меньше, кто свое отечество ненавидитъ“. „Касательно твоихъ законовъ, они все будутъ отъ тебя даны народу, какъ бы благоразумны ни были, ежели напередъ не привлечешь римлянъ къ любви своего отечества, къ любви своего ближняго, и къ любви боговъ, главнѣйшей добродѣтели человѣческой; безъ того строгость законовъ будетъ ужасать ихъ, но не приведетъ къ точному исправленію: щедроты не могутъ умягчать сердца ихъ. Ни ясное толкованіе законовъ, ни видимая польза, ни общее спокойствіе не содѣлаютъ ихъ лучшими, ежели умы ихъ не будутъ приуготованы къ познанію истины, ни души богопочитаніемъ воспламенены не будутъ“... „Сдѣлать людей счастливыми инако не можно, какъ отнять у нихъ все вредныя предразсудки и злоупотребленія. На сихъ столпахъ должны законы основаться, ежели желать, чтобы они впечатлѣлись въ сердца человѣческія и сдѣлали ихъ полезными самимъ себѣ, отечеству и государю“... „Человѣкъ не знающій Бога, или не чувствующій его существованія въ сердцѣ своемъ, лютеѣ хищнаго звѣря. Сей извергъ природы недостоинъ въ обществѣ участія имѣть; ибо, не зная Бога, и правилъ добродѣтели знать не можетъ. Онъ возмутитъ общее спокойство, и на подобіе смертоноснаго яда, все, до чего ни коснется, заражаетъ“ (1).... „Мудрый государь, который умѣетъ самъ подавать совѣты, не постыдится принять оныхъ отъ другаго. Для справедливаго монарха нѣтъ стыда, по своимъ ли мнѣніямъ, или по чужимъ онъ законы учреждаетъ, только бы они полезны были общему добру“... „Истинное блаженство человѣческаго рода отъ благоразумныхъ законовъ проистекаетъ. Но законы суть одно начертаніе, на которомъ щастіе и благополучіе общества утверждается; они требуютъ исполненія, а исполненіе зависитъ отъ людей просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ; ибо законы сами собою дѣйствовать не могутъ“.... „Не страшилища и не казни чистую совѣсть въ насъ производить, но производить ее добрыя примѣры и награждаемыя добродѣтели“.... „Любовь къ

(1) Сочин. XII, 36—39; 40; 42; 45; 79—80.

Богу главнѣйшая должность человѣческая, и безъ сего чувства никакіе законы сильны быть не могутъ"... „Не великолѣпнѣе, не расточеніемъ золота и серебра, не сильными войсками приобрѣлъ сію славу, сіе удивленіе, почтеніе и любовь Нума отъ своихъ подданныхъ и отъ сосѣдей; приобрѣлъ онъ все сіе своимъ благо-разуміемъ, мудрымъ попеченіемъ о своемъ отечествѣ, соблюденіемъ свято дружества съ своими сосѣдами и союзниками и цѣломудренною жизнію".—Отыскивая въ исторіи государей, подобныхъ изображенному въ „Нумѣ", авторъ останавливается на Петрѣ В. и Екатеринѣ:

«Но въ поздны времена восходить, будто кедръ,
Превыше всѣхъ парей законодавецъ Петръ.
Трудится, бодрствуетъ, Россію оживляетъ,
И новы небеса и новый міръ являетъ;
Разсудкамъ свѣтъ даетъ, чувствительность сердцамъ;
Прославилъ подданныхъ и сталъ безсмертенъ самъ.
По немъ является краснѣ райска крина
Цвѣтущая въ очахъ у насъ Екатерина.
Не нужны нимфы ей, не нужны чудеса;
Нѣтъ празднаго для ней въ правленіи часа;
Россіянъ милуетъ, поконитъ, просвѣщаетъ;
То пишетъ имъ въ законъ, что истинна вѣщаетъ;
Не гордость намъ вдохнуть, не къ злату приманитъ,
Она спокойными насъ хочетъ учинить....

.....
Почтенъя къ тѣмъ святымъ словамъ я ввѣкъ не рушу:
Петръ Россамъ далъ тѣла, Екатерина душу» (1)....

Съ повѣстью „Нума Помпилій" находится въ тѣсной связи повѣсть „Кадмъ и Гармонія". Въ первой изображены плоды истинной философіи; въ послѣдней—послѣдствія ложной философіи. Показывая отношеніе этой повѣсти къ „Нумѣ Помпилю", Херасковъ въ предисловіи къ ней говоритъ: „Тамъ изображенъ истинный философъ, изъ уединенія и пріятнаго жизни извлеченный, на римскій престолъ возведенный и благоденствіемъ своихъ подданныхъ споспѣшествующій. Здѣсь описывается сынъ царскій, самъ государствующій въ Беотіи, но по нѣкому злему року, а паче по его собственнымъ душевнымъ развлеченіямъ, престола отчужденный и бѣдственную жизнь въ мірѣ влекущій". Изгнанный изъ Беотіи, Кадмъ странствуетъ по разнымъ странамъ, испытывая самыя разнообразныя приключенія, описаніе которыхъ и составляетъ предметъ повѣсти. Главный интересъ ея, впрочемъ, заклю-

(1) Сочин. XII, 94; 135; 153—154; 157; 165.

чается не въ самыхъ приключеніяхъ, взятыхъ изъ античныхъ, миенческихъ и легендарныхъ сказаній, а въ тѣхъ идеяхъ, которыя при этомъ высказываются относительно воспитанія, законодательства и управленія. Подобно предыдущей повѣсти, и повѣсть „Кадмъ и Гармонія“ имѣетъ характеръ политической и написана по подражанію „Телемаку“ Фенелона. Какъ при описаніи путешествія Телемака рѣшаются важнѣйшіе государственные вопросы, такъ и въ „Кадмѣ“, при изображеніи правовъ и обычаевъ разныхъ странъ, постоянно помѣщаются размышленія о томъ, какъ лучше можно устроить счастье людей въ обществѣ и государствахъ. Кадмъ учитъ государей и правителей, какъ нужно управлять подданными, какъ заставить ихъ трудиться съ пользою для себя и для другихъ. Есть много размышленій о томъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ ведутъ невѣріе и своеволие, размышленій, вызванныхъ современнымъ революціоннымъ состояніемъ Франціи. Такъ, во 2-й книгѣ повѣсти старецъ Гифанъ рассказываетъ Кадму: „Видѣлъ я безумцевъ, совсѣмъ боговъ уничтожающихъ, но философами нарицающихся и послѣдователей имѣющихъ: то были слѣпцы, другихъ слѣпцовъ провождающіе и во мракѣ душевной нечувствительности засыпающіе. Камни вопіали имъ, небеса вѣщали, бури гласили, воды, земли, громы и молніи повторяли, сердце говорило: есть Богъ, есть Богъ всемогущій! оглушены и слѣпы, они ничему не внимали; сонъ ихъ заблужденій былъ крѣпокъ, и наконецъ или самоубійствомъ, или умоизступленіемъ жизнь они оканчивали. Таковы слѣдствія сущаго упомянутаго невѣрія“.... „Всѣ лжефилософы сущіе несчастны; они сами бытіемъ своимъ наслаждаться не умѣютъ, ни въ обществѣ съ сомышленниками своими ужитья не могутъ. Вольнодумство есть родъ пьянственнаго состоянія: они, замѣтвша образъ понятія другъ у друга, въ неистовомъ восторгѣ объемлются; по гордости упоены, за отличныя малѣйшія мнѣнія, за несходственные правила, какъ въ буйственномъ пиршествѣ, другъ друга порицаютъ, язвятъ, убиваютъ и торжествуютъ“⁽¹⁾.... Но особенно въ мрачныхъ чертахъ описывается состояніе Франціи во время революціи въ другой повѣсти „Полидоръ, сынъ Кадма и Гармонія“, составляющей продолженіе „Кадма и Гармонія“. Въ повѣсти изображаются приключенія Полидора, сына Кадмова, между которыми, въ указанномъ отношеніи, особенно замѣчательно пребываніе его на островѣ Терзитянъ. Подъ этимъ островомъ разумѣется современная Франція. Во время плаванія по атлантическому океану, Полидоръ увидѣлъ островъ Терзитъ, и приставъ къ нему,

(²) Сочян. VIII, 62—64.

встрѣтили на берегу нѣсколько старцевъ, которые плакали и умоляли его посѣтить ихъ землю и спасти ее отъ страшнаго междоусобія. Взошедши на одну изъ береговыхъ скалъ, Полидоръ увидѣлъ „села и веси дымящіяся, грады пылающіе, поля кровію обогранныя; страшныя вопли въ слухъ его доходятъ; народъ по-всюду какъ стадо безъ пастыря толящійся. въ нагломъ буйствѣ воиеть: вольность, вольность! На вопросъ: кто сіи изверги, отечество ваше опустошающіе, старцы отвѣчали: Увы, не тартаръ породилъ нашего отечества грабителей и злодѣевъ; земля наша сихъ враговъ, сихъ мучителей воспитала; жены и дочери наши сихъ лютыхъ губителей млекою своимъ воздоили; въ нѣдрахъ нашего отечества сіи драконы, терзающіе носившую ихъ утробу, зачалися; словомъ, они братія наши суть, сыны, родственники наши—они терзитяне.... Буйствомъ водимые, не уважаютъ они ни родствомъ ни дружествомъ, ни благомъ общимъ; попрали святиню, пренебрегли боговъ, поругались престоломъ; дивно ли, что дрожащему гласу родителей они не внемлютъ, слезами рыдающихъ сестеръ и братій не трогаются, увѣщаніями друзей ругаются и самую добродѣтелию возгнушались? О, государь! люди, утратившіе уваженіе къ божествамъ, могутъ ли что ни есть признавать священнымъ“ (1)? Затѣмъ старцы рассказываютъ о началѣ и причинахъ этихъ страшныхъ бѣдствій. „Дерзновенные вольнодумцы, говорили они, издавна начали подрывать основаніе священныхъ преданій, терзитянами воспріятыхъ и чтимыхъ; кощунство ихъ нравилось наглою юности и празднолюбцамъ; оно обольстило строптивую младость, къ новостямъ преклонную, обольстило острыми изреченіями; дерзновенные духи возторжествовали, и удачею упоены, простерли буйство свое на все состояніе, на всякое установленіе, на связи общежитія... Неразсудительные человѣки къ развратамъ всегда преклонны суть. Появились тысячи послѣдователей наглому жетолкователей ученію, — тогда искры возпаленнаго на всеозженіе пламенника посыпались надъ капищами боговъ, надъ самую святостію и наконецъ надъ царскимъ престоломъ... Мятежники простерли темную ночь надъ отечествомъ; они стали подобны хищнымъ звѣрямъ, или кровожаждущимъ убійцамъ, во мракѣ пресмыкающимся; древніе законы потрясшіе, изверги всякую власть попрали, но сами самовластными содѣлались; они сбросили съ себя личину любомудрія, любви, кротости и явились намъ въ адскомъ своемъ образѣ, явились люты, хищны, кровожаждущи. Первое ихъ разглашеніе возвѣстило безначальство и бѣшеное равенство людей, ни съ кѣмъ

(1) Сочин. X, 91—92.

равенства недостойныхъ. Новость сія, или чародѣйное ослѣпленіе соблазнили перазумную толпу народа, собственнаго ея блага, ни естественныхъ правилъ непонимающую, — и повиновеніе исчезло“ (1)! Полидоръ умиряетъ Терзитянъ, водворяетъ въ странѣ порядокъ, вводитъ мудрые законы и твердое управленіе.

Такой же характеръ и направленіе имѣетъ и повѣсть или поэма Хераскова „Царь, или спасенный Новгородъ“ (1800 г.). Въ ней съ одной стороны, какъ въ Полидорѣ, изображены „ужасъ безначалія, бѣшенство мнимой свободы и безумное алканіе равенства“, а съ другой, какъ въ „Нумѣ Помпилія“ — счастье государствъ и народовъ. Какъ Полидоръ умиряетъ Терзитянъ и даетъ имъ новое государственное устройство, такъ Рюрикъ умиряетъ новгородцевъ, возставшихъ противъ его власти, и устрояетъ порядокъ, спокойствіе и благоденствіе въ Новгородѣ.

Къ драматическимъ произведеніямъ Хераскова относятся 1) трагедіи: „Мартезія и Фалестра“. Дѣйствіе ея происходитъ въ столичномъ славянскомъ градѣ, въ чертогахъ Амазонской царицы. Мартезія, „Пламена“: главные лица въ ней князья Мстиславъ и Позвиздъ—дѣти князя Владиміра. „Горислава“: въ ней изображается судьба Полоцкой княжны Рогнѣды; „Бориславъ, царь Богемскій“, дѣйствіе ея происходитъ въ столичномъ городѣ Богеміи; „Циль“, трагедія, передѣланная изъ трагедіи Корнеля; „Юліанъ, отступникъ“; „Венеціанская монахиня“ и „Освобожденная Москва“. Последняя трагедія, изображающая освобожденіе Москвы отъ поляковъ во время междоусобицы, какъ проникнутая глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, пользовалась у современниковъ особеннымъ уваженіемъ и весьма часто давалась на сценѣ. 2) Одезныя драмы: „Други несчастныхъ“; „Гонимые“; „Милана, драма съ ифеміями“; „Школа добродѣтели“; „Извинительная ревность“; комедія „Ненавистникъ“.

Наконецъ у Хераскова есть цѣлый томъ (VII) мелкихъ, лирическихъ и нѣкоторые дидактическихъ стихотвореній. Это оды духовнаго содержанія, между которыми есть ода Богъ, явно написанная по подражанію Державину, оды торжественныя и похвальные въ честь Екатерины и Павла I; оды поучительныя и оты аякереонтическія, подъ которыми, впрочемъ, разумѣются не любовныя или веселыя стихотворенія, но дидактическія или назидательныя размышленія въ стихахъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. По страсти къ стихотворству и по обычаю вѣка, Херасковъ любилъ излагать въ стихахъ всякую болѣе или мевѣ замѣчательную мысль, какаѣ только приходила ему въ голову. Для характеристики дидактическаго стихотворства Хераскова

(1) Тамъ же, 134—136.

вообще можно указать на его дидактическую поэмѣ: „Плоды наукъ“, въ которой проводится параллель между древними временами невѣжества и современнымъ вѣкомъ просвѣщенія.

«Но что науки суть? Разсудковъ нашихъ свѣтъ.
Тамъ тма безднная, наукъ гдѣ свѣта нѣтъ;
Какъ быліе въ поляхъ, такъ винутъ человѣки,
И гибли какъ трава въ непросвѣщенны вѣки.
Безъ пользы въ мірѣ жить, безъ пользы исчезать,
Возможно-ль жизньню такую жизнь назвать?

П. О. Богдановичъ. Къ обществу Хераскова, мы замѣтили, принадлежало много поэтовъ и литераторовъ; однимъ изъ болѣе близкихъ къ нему и болѣе даровитыхъ былъ Богдановичъ ⁽¹⁾. Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ (1743 — 1803) родился въ Малороссіи (въ мѣстечкѣ Переволочнѣ); но еще мальчикомъ (10 лѣтъ) былъ привезенъ въ Москву. Здѣсь, посѣщая театръ, онъ такъ пристрастился къ нему, что явился просить себѣ мѣсто актера къ Хераскову, который тогда былъ директоромъ театра; но Херасковъ, замѣтивъ способности въ мальчикѣ, вмѣсто театра записалъ его вольнымъ слушателемъ въ Московскій университетъ, принявъ къ себѣ въ домъ и ставъ руководить его въ образованіи, а потомъ опредѣлилъ его надзирателемъ при университетскихъ классахъ. Въ 1760 г. Богдановичъ уже участвовалъ въ издававшихся Херасковымъ журналахъ „Полезное увеселеніе“ и „Свободные Часы“. Въ 1763 г. онъ самъ издавалъ „Невинное Упражненіе“, гдѣ помѣщалъ свои стихотворенія. Княгиня Дашкова, узнавъ о литературныхъ трудахъ Богдановича, помѣстила его переводчикомъ въ иностранную коллегію. Потомъ онъ занималъ разныя должности и между прочимъ нѣсколько времени былъ секретаремъ при посольствѣ въ Дрезденъ. По возвращеніи въ Россію, онъ участвовалъ въ „Собесѣдникѣ“ кня. Дашковой, въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ Брайко, въ изданіи „Сочиненій и переводовъ Россійской Академіи“. Богдановичъ писалъ оды (ода на новый 1763 годъ, гимнъ на бракосочетаніе В. К. Павла Петровича), поэмы („Душенька“, „Сугубое блаженство“), драмы и комедіи (драма „Славяне“, комедія „Радость Душеньки“); переводилъ статьи изъ французской Энциклопедіи, французскіе стихи, писанные въ честь Екатерины Вольтеромъ и Мармонтелемъ, перевелъ поэмѣ Вольтера на разрушеніе Лиссабона и проч., по порученію Екатерины, сдѣлалъ небольшой сборникъ русскихъ

⁽¹⁾ Краткая автобіографія Богдановича напечатана Геннадіи въ Отеч. Зап. 1853; № 4. Объ изданіи сочиненій Богдановича смотр. также у Геннадіи: Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ въ XVIII и XIX ст. О сочиненіяхъ Богдановича Галахова Отеч. Зап. 1849 № 4

пословицъ, переложивъ нѣкоторые изъ нихъ въ стихи. Но всего болѣе онъ былъ извѣстенъ между современниками, какъ авторъ „Душеньки“.

Въ началѣ поэмы Богдановичъ говоритъ:

«Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ въ шумѣ вѣчныхъ ссоръ кончали дни герон,
Но Душеньку пою.

Тебя, о Душенька, на помощь призываю
Украсить пѣснь мою,
Котору въ простотѣ и вольности слагаю!

Издравле Апулей, потомъ де-ла-Фонтенъ,

На вѣчну память ихъ именъ,
Воспѣли Душеньку, и въ прозѣ и стихами,
Другимъ языкомъ съ нами,
Въ сей повѣсти они

Острѣйшихъ разумовъ пріятности явили,
Пероче ихъ кажется что Граціи водили.

Иль сами Граціи писали то одни.

Но если бы подражать ихъ слогу невозможно,

Потщусь за ними въ слѣдъ, хотя въ чертахъ простыхъ,

Тому подобно тѣмъ представить осторожно,

И въ повѣсть иногда вмѣстить забавный стихъ» ⁽¹⁾.

„Душенька, дѣйствительно, составляетъ передѣлку повѣсти Ларфонтена „Les Amours de Psyché et de Cupidon“. который со-
держаніе для нея заимствовалъ изъ романа Апулея „Превраще-
ніи или Золотой Оселъ“. Самый мнѣ о Психеѣ явился еще на
Востокѣ и имѣеть глубокій религіозный смыслъ. Подъ Психеей
разумѣется душа челоѣка; въ ея странствованіяхъ и приключе-
ніяхъ изображаются стремленія души къ высочайшему благу—
Любви, Эросу. Съ Востока мнѣ о Психеѣ перешелъ въ Грецію
и далѣе содержаніе греческимъ мистеріямъ, которыя изображали
его въ различныхъ таинственныхъ обрадахъ. Платоническій философъ
Апулей, жившій въ Римѣ во II вѣкѣ по Р. Х., изложилъ его
въ своемъ романѣ: „Превращеніи, или Золотой Оселъ“. Въ основѣ
всѣхъ превращеній „Золотого Осла“ выражается идея души, по-
грязшей въ чувственности, матеріи, и потомъ, посвященіемъ въ
таинства очищенной и преобразованной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ис-
торіи Психеи изображается душа женщины, которая, утративъ
свою невinnostъ, должна была, какъ невольница любви (Ве-
перы), пройти рядъ суровыхъ испытаній, чтобы сдѣлаться до-
стойной невѣстой Эрота или Купидона. — У одного царя было

⁽¹⁾ Душенька. Древняя поэсія въ вольныхъ стихахъ. Спб. 1794;
стр. 1—3.

три дочери. Старшія двѣ дочери не отличались красотою, но младшая Психея была такъ прекрасна, что всѣхъ привлекала къ себѣ и повсюду прославилась. Ей какъ Венера воздавали божескія почести, приносили жертвы. Такое почтеніе, воздаваемое смертной, странно раздвѣляло настоящую богиню красоты, Венеру, и она приказала сыну своему, Купидону, наказать Психею; но, увидѣвъ Психею, Купидонъ самъ почувствовалъ къ ней любовь. Между тѣмъ, отецъ и мать Психеи, по повелѣнію оракула, отвозятъ ее на вершину одной высокой горы, гдѣ живетъ таинственное существо, которому Психея судьбою назначена въ супруги. Но лишь только Психею оставили на горѣ, какъ Зефиръ, по приказанію Купидона, немедленно переноситъ ее въ богатый чертогъ. Здѣсь каждую ночь посѣщаетъ ее самъ Купидонъ, не открывая ей ни своего имени, ни своего вида. Живя въ великолѣпномъ чертогѣ, въ полномъ довольствѣ, царевна глубоко сожалѣла о своихъ сестрахъ, которыя, ничего не зная о такой ея судьбѣ, оплакивали ее, какъ погибшую, и чрезъ Зефира извѣстила ихъ о своемъ мѣстопребываніи и пригласила къ себѣ. Сестры позавидовали ея счастью и внушили ей, что супругъ ея, не открывающій ей своего вида и прилетающій къ ней только ночью, есть никто другой, какъ страшный драконъ, и посоветовали ей убить его. Но, намѣреаясь совершить это убійство, Психея, вышедъ дракона, при свѣтѣ лампы, увидѣла спящаго Купидона и такъ была поражена этимъ, что въ волненіи пролила на него горячее масло изъ лампы. Пробужденный Купидонъ такъ сильно разсердился на Психею, что совершенно оставилъ ее. И вотъ Психея отправляется странствовать и отыскивать Купидона. Послѣ разныхъ приключеній, она является наконецъ къ самой Венерѣ. Оскорбленная богиня осуждаетъ Психею на разные испытанія, которыя она преодолеваетъ всѣ благополучно, кромѣ послѣдняго. Послѣднее испытаніе состояло въ томъ, что Психея должна была сходить въ адъ къ Прозерпинѣ и принести отъ нея ящикъ съ благоуханіемъ красоты, не открывая этого ящика, во время путешествія. Психея не могла воздержаться отъ любопытства и открыла ящикъ; изъ ящика тотчасъ вылетѣло смертоносное испареніе и умертвило Психею. Но Купидонъ однимъ прикосновеніемъ стрѣлы оживилъ Психею, а Зевесъ, за всѣ ея страданія, возвелъ на Олимпъ и сдѣлалъ бессмертною. Послѣ этого Купидонъ и Психея вступаютъ въ брачный союзъ на вѣки. Французскій поэтъ Лафонтенъ (1627—1695), оставивъ въ сторонѣ внутренній смыслъ мифа, взялъ только внѣшнія событія и приключенія и изложилъ ихъ въ веселомъ и игривомъ стилѣ, согласно съ современнымъ вкусомъ, который стремился къ шуткѣ и любезничанью, который требовалъ отъ писателей, чтобы они въ

своихъ сочиненіяхъ смѣшивали „полезное съ пріятнымъ“. поучали, забавляя, чтобы всѣ сюжеты, заимствованные изъ области древней мифологіи и исторіи, были освѣщаемы современнымъ свѣтомъ, приспособлялись къ современнымъ правамъ. Точно также поступилъ и Богдановичъ. Если въ повѣсти Лафонтена греческая царица Психея сдѣлалась современною поэту французенкой, то въ поэмѣ Богдановича Душенька явилась чисто русской дѣвицей, въ обстановкѣ русскихъ нравовъ, и ея приключенія рассказываются на манеръ русскихъ сказокъ, съ соблюденіемъ разныхъ сказочныхъ мотивовъ и пріемовъ. Описывая отправленіе Душеньки къ назначенному оракуломъ супругу, Богдановичъ говоритъ

.... «Амуръ, Судьбы и Боги,
Оракулъ и жрецы, родня, отецъ и дочь
Велѣли сухари готовить для дороги» ⁽¹⁾.

Какъ въ сказкахъ дѣйствіе происходитъ за тридцать земель, въ тридцатомъ царствѣ, такъ и Душеньку везутъ „за тридцать земель на вершину невѣдомой горы“ ⁽²⁾. Затѣмъ, какъ въ сказкахъ же, упоминаются летающій змѣй, змѣй Горыничъ, Чюдо-Юдо, Кощей безсмертный и Кощей арсеналь, гдѣ хранится мечъ Геракла „самосѣкъ“, которымъ онъ поразилъ гидру ⁽³⁾, упоминаются „шелковые луга, сытая вода, кисельны берега“ ⁽⁴⁾. Въ храмъ Венеры Душенька приходитъ „подъ длинною фатой и въ длинномъ сарафанѣ“ ⁽⁵⁾, Венера заставляетъ Душеньку принести чрезъ три часа „волы живою и мѣртой“ ⁽⁶⁾. Отправившись по приказанію Венеры къ Прозеринѣ, Душенька встрѣчаетъ влѣсу „избушку, а въ избушкѣ той старушку“, напоминающую Бабю-Ягу ⁽⁷⁾. Въ одномъ мѣстѣ говорится, что Душенька прислуживавшему ей амурѣ „изъ своихъ рукъ пол-рюмки нектару изволила полнѣе“; въ другомъ замѣчается, что Душенькѣ „пѣли многа лѣта“ ⁽⁸⁾. Если Лафонтенъ, изъ желанія сдѣлать повѣсть болѣе веселой и интересной, многія простыя и строгія черты древняго мифа прикрасилъ и преувеличилъ, то Богдановичъ, по тѣмъ же побужденіямъ, такихъ прикрасъ и преувеличеній допустилъ еще больше. Въ этихъ случаяхъ, то, что у Лафонтена имѣетъ видъ граціозный или забавный, у Богдановича не рѣдко получаетъ тяжелый и грубоватый характеръ. Вотъ напр. какъ, изображая поѣздъ Венеры въ раковинѣ на двухъ дельфинахъ, онъ описываетъ сопровождавшихъ ее тритоновъ и другихъ морскихъ чудовищъ:

«Уоря Венеру, рѣзы волны
Текутъ за ней, весельемъ полны.

⁽¹⁾ Сочин. стр. 24. ⁽²⁾ Стр. 24. ⁽³⁾ Соч. стр. 68. ⁽⁴⁾ Стр. 100.
⁽⁵⁾ Стр. 103—104. ⁽⁶⁾ Стр. 308. ⁽⁷⁾ Стр. 113. ⁽⁸⁾ Стр. 38—39.

Тритоновъ водяной народъ
Выходить къ ней изъ бездны водъ:
Иной вокругъ ея ныряетъ,
И дерзски волны умирятъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ.

Другой, на козлы съѣзъ проворно,
Со встрѣчными бранится вадорно,
Раздаться въ стороны велить,
Возжами гордо шевелить,
Отъ камней далѣ путь свой править,
И дерзостныхъ чудовищъ давить.
Иной съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ въпереди верхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги,
И чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Въ коральный громко трубить рогъ;
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ,
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ.
На мѣсто зеркала предъ ней.

Сирены, сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь,
Мѣшаютъ съ быльми небылицы,
Ее стараясь превознести.
Иныя передъ нею пляшутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякой трудъ,
Богиню опахаломъ машутъ;
Другія жъ на струяхъ несясь,
Вышатъ въ трудахъ по ночтѣ скорой.
И отъ луговъ, любимыхъ Флорой,
Подносятъ ей цвѣточну вазъ ⁽¹⁾....

Такимъ образомъ, мнѣ о Психеѣ, имѣвшій въ древнія времена религіозное значеніе, превратился въ сказку и сталъ служить забавой и развлеченіемъ. Его глубокая идея въ передѣлкахъ совсѣмъ исчезла; въ нихъ остался только рядъ веселыхъ картинъ. Ни Лафонтенъ, ни Богдановичъ, конечно, не имѣли намѣренія написать пародію на древній мифъ, но, изложивъ его въ веселомъ тонѣ, въ шутиливой формѣ, они написали пародію. Не смотря, однакоже, на такое искаженіе мифа, Душенька чрезвычайно пра-

⁽¹⁾ Сочин. стр. 13—16.

вилась русскимъ читателямъ. Большинство ихъ, конечно, и не догадывалось объ этомъ искаженіи, потому что подлиннаго міеа совсѣмъ не знало (да подлинный міеъ безъ приспособленія къ современнымъ нравамъ едва ли могъ нравиться имъ). Повѣсть еще въ рукописи распространилась повсюду. Первую ея книгу сначала напечатать графъ Гаменскій на свой счетъ, а Карамзинъ, сравнивая ее съ повѣстью Лафонтена, поставилъ ее выше послѣдней ⁽¹⁾. Что же было причиною такого вниманія? „Неприужденность стила, говоритъ издатель ея, другъ Богдановича, Ржевскій, чистота стиховъ, удачливый выборъ приличныхъ словъ по роду сей поэмы, а паче изобиліе поэтическихъ воображеній мнѣ столько понравились, что я просилъ сочинителя отдать сію поэму въ мою волю... а я разсудилъ издать и въ печать. Я думаю, что многимъ она понравится тѣмъ, что нѣтъ на нашемъ языкѣ подобнаго рода стихотвореній, но и щастливымъ успѣхомъ сочинителя“ ⁽²⁾. Дѣйствительно, это былъ у насъ первый хорошій опытъ въ такъ называемой легкой поэзіи, противоположной тяжелому складу классическихъ поэмъ; но издатель опустилъ еще одну черту, которою повѣсть, можетъ быть, гораздо болѣе нравилась читателямъ, чѣмъ указанными имъ свойствами: это множество волнующихъ и пекродныхъ картинъ, которыя были нанесены совершенно во вкусѣ XVIII вѣка, любившаго улаждаться подобными картинами.

Настоящую пародію, или оборотную сторону героической поэмы или эпоса составляетъ комическая или героикомическая поэма. Предметомъ ея служить или представленіе важныхъ героическихъ событій, дѣйствій и рѣчей героев въ смѣшномъ и забавномъ стилѣ, въ прозаической обстановкѣ обыденной жизни и простонароднаго быта, или же наоборотъ въ громкомъ и высокомъ тонѣ, съ соблюденіемъ правилъ, приемовъ и формъ, употреблявшихся въ героическихъ поэмахъ, изображеніе самыхъ простыхъ, инстинктивныхъ и смѣшныхъ явленій, взятыхъ изъ жизни низшаго сословія. Примѣры первой формы комическаго эпоса, или такъ называемой „перелицовки“, „переворачиванія на изнанку“ представляютъ: „Энеида, вывороченная на изнанку“ Осипова (1751—1799) и Котельницкаго ⁽³⁾; „Энеида, перелицованная на малороссійскій языкъ Котлиревскимъ“ (пародія первыхъ трехъ

(1) Въ Вѣсти, Европы 1803. № 10.

(2) Смotr. у Губерта: Хронологическое обозрѣніе книгъ, стр. 128.

(3) 8 пѣсень Энеиды Н. Н. Осипова напеч. въ 1791 и вторично съ продолженіемъ Котельницкаго въ 1803 г.

лѣсней Энеиды, 1789); „Похищеніе Прозерпины“ Котельницкаго (1795). Примѣръ второй формы—поэмы Майкова: „Игрокъ Ломбера“ (1763) и „Елисей, или раздраженный Вакхъ“ (1769).

В. И. Майковъ ⁽¹⁾. Василій Ивановичъ Майковъ (1728—1778) былъ сынъ одного Ярославскаго помещика. Послѣ домашняго воспитанія, онъ прямо вышелъ на службу и служилъ сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ. Онъ не получилъ никакого училищнаго образованія и всеѣмъ своимъ развитіемъ литературнымъ былъ обязанъ тому кружку писателей, съ которыми сталкивали его жизнь и служба. Очень рано онъ познакомился съ Волковымъ и Дмитревскимъ, потомъ подружился съ Сумароковымъ, и наконецъ вступилъ въ кружокъ Хераскова. Первые стихи его и появились въ журналахъ Хераскова „Полезное увеселеніе“ и „Свободные часы“. Настоящая же литературная извѣстность его началась съ поэмы „Игрокъ Ломбера“, которая имѣла необыкновенный успѣхъ между прочимъ потому, что содержаніе ея было взято изъ области, близко знакомой тогдашнему обществу. Майковъ былъ членъ „Вольнаго русскаго собранія“, существовавшаго при московскомъ университетѣ, подъ предсѣдательствомъ Мелісепно. Есть извѣстіе, что въ 1755 г. Майковъ былъ секретаремъ Великой провинціальной масонской ложи; начиная съ 1771 г. его стихотворенія, дѣйствительно, выражаютъ въ себѣ основныя идеи масонскаго ученія и печатаются въ „Утреннемъ Свѣтѣ“ Новикова.

Майковъ не зналъ ни одного иностраннаго языка и могъ читать только сочиненія на русскомъ языкѣ. Поэтому, говоря, Дидро, бывши въ Петербургѣ, особенно интересовался его сочиненіями, ибо они, по его словамъ, „должны быть чисто творческія“. Не зная иностранныхъ языковъ, Майковъ, однакоже, любилъ перелагать иностранныя сочиненія въ стихи съ русскихъ переводовъ. Такъ онъ переложилъ „съ русскаго прозы“ въ стихи Вольтерову Мерону, и вѣроятно подобнымъ же образомъ перевелъ стихами „Овидіевы превращенія“ и „Военную науку“ Фридриха П. Самъ Майковъ писалъ въ разныхъ родахъ: оды (Импер. Екатеринѣ, В. К. Павлу Петровичу, гр. Чернышеву, на рожденіе В. К. Александра Павловича), трагедіи и драмы („Агріона“, „Осмисть и Геронима“, „Деревенскій праздникъ, или увѣщанная добродѣтель“, пастушеская драма съ музыкой; „Пиг-

⁽¹⁾ Сочиненія и переводы В. И. Майкова. Съ портретомъ, со статьею о его жизни и сочиненіяхъ и примѣчаніями Л. Н. Майкова. Редакція П. А. Ефремова. Изданіе Глазунова 1867 г.

маліонъ, или сила любви“), басни и сказки и разныя стихотворенія. Но лучше всѣхъ его произведеній были двѣ комическія поэмы: „Игрокъ Ломбера“ и „Елисей, или раздраженный Баххъ“. Содержаніе „Игрока“ взято изъ области карточной игры; интересъ поэмы заключается въ олицетвореніи главныхъ или старшихъ картъ. Герой поэмы „Елисей“—ямщикъ изъ Зимогорья: содержаніе ея составляютъ самыя высшія явленія простонароднаго быта; но оно изложено высокимъ тономъ, по образцу героическихъ поэмъ, Илиады, Одиссеи и Энеиды. Подобно этимъ поэмамъ, „Елисей“ начинается словомъ пою и обращеніемъ къ лирѣ и Скаррону, который своею „Энеидой“, вывороченной на изнанку, далъ образецъ для комическихъ поэмъ. Какъ въ Илиадѣ причиною всѣхъ несчастій, постигшихъ грековъ во время троянской войны, былъ гнѣвъ Ахиллеса; такъ въ „Елисеѣ“ исходнымъ пунктомъ всѣхъ приключеній служитъ гнѣвъ Бахуса. Раздраженный на откупщиковъ за дороговизну вина и пива, Бахусъ избираетъ орудіемъ своего мщенія ямщика Елисея и вводитъ его въ домъ одного откупщика. Елисей здѣсь начинаетъ всячески безобразничать, оскорбляетъ честь жены откупщика, опустошаетъ его погребъ и потомъ принимается за раззореніе другихъ откупщиковъ. Эти безобразія приводятъ въ гнѣвъ Зевеса, который собираетъ боговъ на совѣтъ. Боги на совѣтѣ положили отдать Елисея въ солдаты. Поэма оканчивается исполненіемъ этого приговора боговъ. Какъ въ Илиадѣ описываются битвы грековъ съ троянами, такъ въ „Елисеѣ“ изображаются драки и бой зимогорцевъ съ валдайцами за сѣнокосъ. Какъ въ поэмѣ Виргилія Эней рассказываетъ о своихъ приключеніяхъ карфагенской царицѣ, Дидонѣ, такъ Елисей о битвахъ зимогорцевъ съ валдайцами рассказываетъ начальницѣ прядильнаго дома. Вообще во всей поэмѣ проводится постоянная пародія на героическія поэмы. Въ поэмѣ много сценъ грубыхъ и грязныхъ.—Басни и сказки Майкова написаны по образцу притчей Сумарокова и подобно притчамъ имѣютъ сатирическій характеръ; въ нихъ, въ формѣ аллегорическаго разсказа, проводится разныя нравственныя наставленія.

Я. В. КНЯЖНИНЪ.

Яковъ Борисовичъ Княжнинъ считается представителемъ трагедіи въ Екатерининскую эпоху. Онъ родился въ Псковѣ въ 1742 г. До 15-ти лѣтъ воспитывался дома, подъ руководствомъ своего отца, который обращалъ особенное вниманіе на нравственное его развитіе. Потомъ онъ былъ отданъ въ ученіе въ

Петербургъ, къ профессору Академіи наукъ, Модераху. У Модераха Княжнинъ учился математикѣ, исторіи, географіи, но особенно хорошо познакомился съ языками итальянскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ. Изученіе языковъ дало ему возможность тотчасъ, по окончаніи образованія, поступить переводчикомъ въ Иностранную Коллегію, изъ которой онъ потомъ перешелъ въ военную службу, подъ начальство графа К. Гр. Разумовскаго. Литературные труды, оригинальные и переводные, обратили на него вниманіе Н. И. Бецкаго, который сдѣлалъ его своимъ секретаремъ и въ тоже время поручилъ ему преподаваніе русской словесности въ Кадетскомъ корпусѣ. Состоя въ должности секретаря Бецкаго, Княжнинъ помогалъ ему при устройствѣ Воспитательныхъ заведеній.

На литературномъ поприщѣ Княжнинъ былъ ученикомъ и послѣдователемъ Сумарокова и подобно Сумарокову держался французской драматической системы. Первымъ его произведеніемъ была трагедія „Дидона“, которая сначала была представлена въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, на придворномъ театрѣ, въ присутствіи самой импер. Екатерины. Вниманіе императрицы, а особенно одобреніе перваго тогдашняго авторитета драматическаго, Сумарокова, побудили его сосредоточить свою литературную дѣятельность преимущественно въ области драмы. Привытый благосклонно Сумароковымъ, Княжнинъ искренно подружился съ нимъ, женился на его дочери, которая сама также занималась литературой, и сдѣлался его истиннымъ почитателемъ и послѣдователемъ. Но, будучи другомъ и подражателемъ Сумарокова, Княжнинъ, по характеру своему, составлялъ совершенную противоположность Сумарокову. Онъ совсѣмъ не имѣлъ того не помѣрнаго самолюбія и тщеславія, которыя составляли самыя рѣзкія черты въ характерѣ Сумарокова. Напротивъ, онъ отличался необыкновенною скромностію и застѣнчивостію. Когда, послѣ перваго представленія Дидоны, кто-то, по обыкновенію, сказалъ ему: „Вы нашъ Расинъ“, Княжнинъ отвѣчалъ: „ради Бога, тише говорите; кто-нибудь услышитъ ваши слова и впредь вамъ ни въ чемъ вѣрить не будетъ“. Во время перваго представленія „Росслава“ аплодисменты не прекращались, а по окончаніи его, публика неистово вызывала автора трагедіи; но Княжнинъ, по застѣнчивости, не рѣшился явиться передъ нею, и вмѣсто него долженъ былъ выйти благодарить ее игравшій Росслава актеръ Дмитревскій. Этому знаменитому актеру Княжнинъ и въ послѣдствіи приписывалъ большую часть успѣха своихъ трагедій на сценѣ, особенно „Тита“. Въ посвященіи своемъ „Росслава“ княгинѣ Дашковой, отклоняя отъ себя всякое подозрѣніе въ низкой

лести, онъ замѣчаетъ:

«Однѣ заслуги чтя, моя непода муза,
Вѣжа порочнаго со лестію союза,
Въ терѣннѣи своемъ несчастна, но тверда,
Не приносила жертвъ фортуѣ никогда».

Скромный характеръ, дружелюбное со всѣми обращеніе, многостороннее образованіе и симпатія къ наукамъ и искусствамъ Княжнина столько же благотворно дѣйствовали на окужавшее его современное общество, какъ и самыя его сочиненія. Домъ его былъ всегда мѣстомъ собранія для всѣхъ ученыхъ и писателей. Любители искусства и молодые поэты находили здѣсь самый теплый пріютъ. Уважая заслуги Княжнина, Россійская Академія сдѣлала его своимъ членомъ, и онъ участвовалъ въ составленіи академическаго лексикона русскаго языка, а также въ издававшемся при Академіи „Собесѣдникѣ любителей русскаго слова“. Умеръ Княжнинъ въ 1791 г. ⁽¹⁾.

Трагедія Княжнина. Въ надписи къ портрету Княжнина было сказано о немъ:

«Напрасно мыслимъ мы, что въ Грени Парнассъ;
Онъ здѣсь воздвигъ его своимъ Росславомъ и Дидоной».

Дѣйствительно, „Дидоной“, какъ замѣчено выше, Княжнинъ обратилъ на себя первое вниманіе, а „Росславъ“ считался лучшей его трагедіей и всего больше утвердилъ его репутацію, какъ трагика. Изъ другихъ трагедій особенно часто представлялось на сценѣ еще „Титово милосердіе“.

„Дидона“ написана по подражанію „Дидонѣ“ итальянскаго поэта Метастазіо и во многихъ мѣстахъ составляетъ ея передѣлку. Согласно съ античной легендой, въ Дидонѣ изображена неистовая страсть любви къ Энею, приведшая ее къ самоож-

---

(1) При обзорѣ сочиненій Княжнина мы пользовались третьимъ ихъ изданіемъ. Спб. 1817—1818 г. Ч. I—V. Лучшія изслѣдованія о Княжнинѣ: В. Я. Стоюнина Я. В. Княжнинъ. Библ. для чтен. 1850: №№ 5, 6 и 7; Еще о Княжнинѣ и трагедіи его „Вадимъ“, Русск. Вѣсти. 1860, № 10; Княжнинъ—писатель, Историч. Вѣсти. 1881, июнь; Галахова: «О сочиненіяхъ Княжнина, Отеч. Зап. 1850, №№ 4, 8 и 12; М. Лонгинова: Княжнинъ и трагедія его „Вадимъ“. Русск. Вѣсти. 1860, № 4. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Княжнина. Русск. Архивъ 1866, №№ 11 и 12.

женію. Трагическое положеніе Энея заключается въ борьбѣ между любовью къ Дидонѣ и чувствомъ долга и обязанности повиноваться богамъ, которые повелѣваютъ ему оставить Дидону и отправиться въ Лаціумъ, для основанія новаго государства во славу Трои и народа троянскаго. Сопутнику своему Антенору Эней говоритъ:

«Не чувствовалъ бы я, не зная Дидоны въ вѣкъ,
Какъ можетъ счастливъ быть на свѣтѣ человекъ!

Увы! какой любви я долженъ отрицаться!

Антеноръ. Славна сія любовь, но честь велитъ разстаться.

Рѣши, рѣши судьбу отечества въ сей часъ.

Эней. О должность! о любовь! О Трои жалкій гласъ!

Терпѣлъ-ли кто когда подобное мученье?

Антеноръ. Еще-ли чувствуешь о Троѣ сожалѣнье?

Та страсть великихъ душъ, къ отечеству любовь,

Днесъ можетъ-ли еще твою тревожить кровь?

Тотъ счастливъ, кто любви отравы не вкушаетъ;

Но тотъ великъ, ея кто узы разрушаетъ:

И оставляючи Эней страну сію,

Любовью славу днесъ величить ты свою» (1).

Это величіе души, торжествующей надъ страстью, и проповѣдуетъ Княжнинъ въ трагедіи: „Достойная великихъ душъ страсть—къ отечеству любовь“. Въ жертву любви къ отечеству, состоящей въ томъ, чтобы прославить имя Трои и троянцевъ и, основавъ новое государство, навсегда утвердить его въ памяти народовъ, Эней приноситъ свою страсть къ Дидонѣ и свое счастье. Въ такомъ представленіи Энея выразились какъ глубокое патріотическое чувство поэта, такъ и господствовавшее тогда воззрѣніе на патріотизмъ, по которому любовь къ отечеству должна состоять именно въ ревности о славѣ своего народа, въ заботахъ о силѣ и величій своего государства. На этой мысли и чувствѣ утверждается и любовь Дидоны къ Энею, о которомъ она говоритъ:

«Постыдно-ль мнѣ горѣть къ великому герою,

Который защищалъ съ толикой славой Трою,

Который Гектору геройствомъ равенъ былъ,

Который грековъ всѣхъ мечемъ своимъ страшилъ?» (2)

(1) Сочиненія Княжнина I, 6—7. (2) Сочин. I, 19.

Кромѣ страсти Энея и Дидоны, въ трагедіи изображена мстительная ревность соперника Энеева, Гетульскаго царя, Ирба. Но какъ любовь такъ и ревность представлены крайне искусственно и преувеличенно. Въ пріемахъ и стилѣ трагическомъ, Княжнинъ подражалъ Сумарокову. Это подражаніе замѣчается даже въ мелкихъ подробностяхъ. Какъ Димитрій Самозванецъ Сумарокова умирая желаетъ, чтобы Москва досталась послѣ него такому же, какъ онъ, злодѣю, такъ Дидона, бросаясь въ огонь, говорить:

«Весь градъ кончаяся, падеть съ своей царицей.
Да будетъ Карѳагенъ Дидоновой гробницей!» ⁽¹⁾.

Княжнинъ былъ умный и образованный писатель, но не такъ талантливъ, какъ Сумароковъ. Картины въ трагедіяхъ Сумарокова часто аляповаты и недодѣланы, но въ нихъ много жара и одушевленія, драматическаго движенія и бойкости; картины Княжнина правильнѣе и болѣе отдѣланы, но зато онѣ холоднѣе и напыщеннѣе, и страсти въ нихъ изображаются еще въ болѣе преувеличенномъ и неестественномъ видѣ. Не смотря, однакоже, на такіе недостатки, Дидона, благодаря указанному патріотическому направленію, въ продолженіе 40 лѣтъ почти постоянно давалась на сценѣ.

На ту же тему о любви къ отечеству написана и трагедія „Рославъ“. Посвящая эту трагедію княгинѣ Дашковой, Княжнинъ говоритъ, что въ ней изображена „не обыкновенная страсть любви, которая на русскіихъ театрахъ только одна была представляема, но страсть великихъ душъ, любовь къ отечеству“. Выразителемъ этой страсти въ трагедіи представляется русскій полководецъ Рославъ, находящійся въ плѣну у Датскаго и Шведскаго короля Христіерна. Находясь въ плѣну, Рославъ подружился съ Кедаромъ, главнымъ полководцемъ Христіерна, и возбудилъ къ себѣ любовь княжны Зафиры, происходящей изъ рода прежнихъ шведскихъ владѣтелей. И самого его увлекаютъ красота и добродѣтель Зафиры; но онъ не допускаетъ и мысли о томъ, чтобы поддаться этому влеченію. Когда указалъ ему на это Кедаръ и предостерегалъ его, что Зафиру уже любитъ самъ Христіернъ, онъ говоритъ ему:

«Спокоенъ будь! Кедаръ Рослава мало чтить,
Коль страстію его лишена мнить покоя.
Тиранка слабыхъ душъ, любовь, раба героя.
Коль счастья съ должностію неможно согласить,

---

(1) Тамъ же I, 60.

Тогда пороченъ тотъ, кто хочетъ счастливъ быть.
 Се добродѣтели единые законы.
 Неодолимыя межъ нами суть препоны:
 Я помню честь и долгъ, хоть смертно я горю,
 Въ Зафирѣ я княжну враговъ россійскихъ зрю.
 И еслибъ днесъ ея и было сердце вольно,
 Чтобъ пламень погасить, я Россѣ, сего довольно» ⁽¹⁾!

Вотъ что онъ отвѣчаетъ самой Зафирѣ, когда она, открывшись ему въ своей любви, предлагаетъ возвести его съ собою на шведскій престолъ:

«Чтобъ я забылъ въ себѣ россійска гражданина,
 Порочнымъ сдѣлался для царска пышна чина!
 Отечество мое чтя выше и тебя,
 Могу-ль его забыть я, троны возлюбя?
 Пускай престола блескъ гордыню оболъщаетъ;
 Безъ добродѣтели корона помрачаетъ,
 Росславу царскій тронъ безславы навлечетъ,
 Вселенна обо мнѣ съ презрѣніемъ речетъ:
 Се царь, любовію на чуждый тронъ внесенный,
 Невѣрный гражданинъ и властелинъ презрѣнный,
 Ни Готъ, ни Россѣ; любви не могли одолѣть,
 И столько твердости души не могъ имѣть,
 Чтобы, презря вѣнецъ, быть обществу полезнымъ» ⁽²⁾.

Желая спасти Росслава, русскій князь присылаетъ къ Христіерну своего посла Любомира, съ предложеніемъ ему, въ выкупъ за Росслава, нѣсколькихъ русскихъ городовъ; но Росславъ приходитъ въ негодованіе отъ такого предложенія, считая его со стороны русскаго князя измѣной отечеству. Онъ говоритъ Любомиру:

«Ты россъ, а ты тогожъ не можешь ощущать.
 Ты россъ, а князю ты сего не могъ представить,
 Колико можетъ тѣмъ онъ тронъ свой обезславить.
 О стыдъ отечества! Монархъ, свой долгъ забывъ
 И санъ величія пристрастьемъ помрачивъ,
 Блаженству общества меня предпочитаетъ
 И вредъ Россіи всей въ очахъ вельможъ свершаетъ.

. . . . .
 Но князь меня за что такъ мало чтить,
 Что въ даръ отечества мнѣ жизнь отдать претить?
 Иль мыслить онъ, что такъ мой духъ ослабъ въ плѣснѣхъ,
 Что дни мои могу влечить въ униженіи;

⁽¹⁾ Сочин. I, 141—142. ⁽²⁾ Тамъ же I, 146—147.

Что жизнь могу сносить, отечество предавъ?

Рославъ я въ лаврахъ былъ, и въ узахъ я Рославъ.

Не можетъ повелѣть мой князь мнѣ подымъ быти.

Жалѣть друга онъ, ввергая друга въ стыдъ,

Онъ жизнь даетъ.... Почто умерти не велитъ!

Тогда бы я, сіе услыша повелѣнье,

Къ Рославу бы его познати могъ почтенъе,

Когда бъ мой князь мнѣ рекъ: умри ты такъ, какъ жилъ;

Тогда бъ онъ мнѣ, тогда бъ по царски другомъ былъ» (1).

Впрочемъ, Христіернъ не хочетъ принимать предлагаемыхъ отъ русскаго князя городовъ; онъ соглашается освободить Рос-слава изъ плѣна только подъ тѣмъ условіемъ, если онъ откроетъ тайну, только ему извѣстную, гдѣ скрывается противникъ его, шведскій король, Густавъ. Съ этимъ условіемъ онъ сначала по-сылаетъ къ нему Зафиру, а потомъ приходитъ къ нему самъ, угрожая ему смертію въ случаѣ отказа. Зафиръ Рославу го-воритъ:

«Когда бы знала ты, что въ тайнѣ страшной сей

Спасеніе страны заключено моею;

Тогда ты, жизни честь мою предпочитаю

И добродѣтью любовь превозмогая,

Велѣла бъ мнѣ сама позорну жизнь презрѣть,

И въ гробъ тайну скрывъ, со славой умереть.

Сомнѣніемъ твоимъ я только отягчаюсь;

Люблю тебя, люблю... но я не ослабляюсь.

По долгу, счастья противникъ моего,

Достойнъ жалости, не гнѣва твоего.

Жалѣй несчастнаго, кто все съ тобою тратитъ,

Но выше, кто любви отечеству долъ платитъ,

Жалѣй несчастнаго, но подражай ему;

Отважись въ слѣдъ идти Рославу твоemu» (2).

На предложеніе Христіерна и его угрозы онъ отиѣчаетъ:

«Оставь твое серебро, сіи тиранновъ сѣти,

Ко удержанію на ихъ главѣ вѣнца,

Могущи уловлять лишь подлыя сердца;

Будь троновъ ты и всѣхъ сокровищъ владѣтель;

Возми и жизнь, но мнѣ остави добродѣтель» (3).

---

(1) Тамъ же I, 152—153. (2) Тамъ же I, 169—170.

(3) Тамъ же I, 171.

Раздраженный такимъ сопротивленіемъ, Христіернъ заключаетъ Росслава въ оковы въ темницѣ. Сидя въ темницѣ, Рославъ утѣшаетъ себя:

«Съ какимъ спокойствіемъ тотъ, о смерть, тебя встрѣчаетъ,
Кого глазъ совѣсти ни въ чемъ не уличаетъ....
О добродѣтель! Все заключено въ тебѣ,
Что праведна душа въ награду ждетъ себѣ;
Отрадь предвѣчныхъ тѣхъ еще не постигая,
Тобой предчувствуетъ она блаженство рая;
Надежды чистыя лучомъ себя плѣнил,
Смерть тихій вечеръ ей прошедша свѣтла дня» (1).

Онъ отвергаетъ предложеніе Зафиры и Любомира спастись бѣгствомъ изъ темницы, считая это постыднымъ:

«Мнѣ бѣжать. . . . .
Какой я гнусный даръ Зафирѣ принесу,
Когда безчестіемъ жизнь и робостью спасу:
Когда, позорный бѣгъ предпочитая гробу,
Подвигну варвара несытую я злобу
Нѣвнымъ россамъ здѣсь за стыдъ мой отомщать
И кровь гражданъ моихъ невинну проливать.
. . . . .
Предатель низкій благъ отечества драгаго,
Преступникъ долга я, только мнѣ святаго,
Ты хочешь, чтобъ я все у ногъ твоихъ забылъ
И цѣлой жизни честь въ минуту погубилъ» (2).

Собираясь идти на смерть, онъ обращается къ послу русскаго князя, Любомиру, съ слѣдующими словами:

«А ты, отеческа, мой другъ, достигнувъ града,
Вѣщай мою, вѣщай къ отечеству любовь.
. . . . .
Напомни Россамъ, какъ я долгъ хранить умѣлъ;
Что пользы ихъ виной моихъ всѣхъ славныхъ дѣлъ.
Блаженъ и всѣхъ желаній тѣмъ достигну,
Коль смертію моей ихъ къ ревности подвигну
Стремиться достигать безсмертія вѣнца» (3).

Но въ то самое время, какъ готова была совершиться казнь надъ Рославомъ, является въ Стокгольмъ съ своимъ войскомъ Густавъ, свергаетъ съ престола Христіерна и освобождаетъ Рос-

(1) Тамъ же I. 180. (2) Тамъ же I. 183. (3) Тамъ же I. 190.

слава. Освобожденный Росславъ соединяется съ Зафирой узамн брака, а Кедаръ, бывшій главнымъ врагомъ Росслава, былъ растерзанъ народомъ.

Такимъ образомъ, отъ начала до конца трагедіи преобладающею страстію въ Росславѣ служитъ любовь къ отечеству; но вслѣдствіе этого преобладанія самъ Росславъ становится не живымъ лицомъ, а чисто отвлеченной идеей. Въ немъ нѣтъ никакихъ другихъ человѣческихъ чувствъ и стремленій; онъ такъ же постоянно говоритъ о любви къ отечеству, какъ Димитрій Самозванецъ Сумарокова о своихъ злодѣяніяхъ.

«Тиранка слабыхъ душъ, любовь, раба героя...

. . . . .

„Довольствуйся и тѣмъ, что я поколебался“, отвѣчаетъ онъ Зафирѣ, когда она напоминаетъ ему о его любви къ ней. Есть въ трагедіи и прямое подражаніе „Самозванцу“ Сумарокова. Какъ Самозванецъ, погибая, выражаетъ желаніе, чтобы съ нимъ „погибла вся вселенна“, такъ, подобно этому, Христіернъ, въ минуту сверженія его съ престола, восклицаетъ.

«Почто не возмогу въ сей часъ во гнѣвѣ яромъ
Весь городъ истребить однимъ ударомъ» (1)?

Величіе духа въ Росславѣ изображается съ крайнимъ преувеличеніемъ. Когда Кедаръ проситъ его умѣрить отчаяніе, онъ говоритъ:

«Кто? Я отчаянъ? Я?.. кто честенъ, тотъ спокоенъ.
Однѣ порочный духъ растерзанъ и разстроенъ.
Не могши въ совѣсти убѣжища сыскать,
Не смѣетъ самъ къ себѣ въ несчастіи прибѣгать» (2).

Любомиру, предложившему спастись бѣгствомъ, онъ отвѣчаетъ:

«Не сдѣлайте того, явилъ чтобъ слабость я;
Чтобы тиранинъ, меня со свѣтомъ разлучая,
Утѣшился, во мнѣ унынье примѣчая;
Чтобъ въ ярости своей хвалиться онъ возмогъ,
Что Росса онъ своимъ терзаніемъ содрогъ» (3).

Надобно замѣтить, впрочемъ, что такой идеаль величія и доблести, изображенный въ Росславѣ, не русскаго происхожде-

(1) Тамъ же I, 201. (2) Тамъ же I, 179. (3) Тамъ же I, 187.

нія, а взять Княжниннымъ изъ римскаго классическаго міра, герои котораго въ то время считались идеалами для всего міра, и притомъ взять не прямо изъ римскихъ сочиненій, а чрезъ посредство классическихъ трагедій Корнелія, Расина, Вольтера и Метастазіо, въ которыхъ онъ представляется. Какъ въ монологахъ Росслава, такъ и въ трагедіяхъ этихъ трагиковъ, рѣзко слышится тотъ же декламаторско - стоическій тонъ, на который настроены были и трагедія Сенеки и дидактическая лирика Горация, изобразившаго идеаль великаго мужа и героя въ извѣстной одѣ:

Iustum et tenacem propositi virum
Non civium ardor prava jubentium,
Non vultus instantis tyranni
Mente quatit solida...

Horatii Od. lib. III. 3.

Если уже въ Дидонѣ этотъ идеаль, въ лицѣ чуждаго русскому слуху Энея, такъ сильно увлекалъ русскую публику, то еще сильнѣе, конечно, онъ долженъ былъ восхищать ее въ лицѣ русскаго героя Росслава, хотя русскаго въ немъ, кромѣ имени, ничего не было.

Трагедія „Титово милосердіе“ составляетъ передѣлку оперы Метастазіо, доходящую во многихъ мѣстахъ до буквальнаго заимствованія. Она была написана по желанію Екатерины. Призванный Екатериной изобразить „Тита“, Княжнинъ, при его изображеніи, имѣлъ въ виду саму Екатерину и характеръ ея гуманнаго царствованія, и, говоря о Титѣ, разумѣлъ Екатерину, которая, подобно Титу, отказавшемуся отъ предложеннаго ему сенатомъ храма въ честь его, отказалась отъ поднесеннаго ей титла „Великой“, и подобно Титу, отличалась благостію и милосердіемъ.

Въ Титѣ представленъ образецъ гуманнаго государя, по философскимъ идеямъ XVIII в. Сенаторъ Публій, отъ лица сената и народа римскаго говоритъ Титу:

«Чѣмъ болѣ кто на тронѣ человекъ,
Тѣмъ болѣ тотъ богамъ подобенъ.
Римъ чувствовать сіе удобенъ;
И въ Титѣ хочетъ Римъ безсмертныхъ обожать,
Тобоу хочетъ ихъ снискать щедроты,
И образъ ихъ въ тебѣ явить твои доброты.
Во всемъ ты имъ стремишься подражать:
Стремишься смертныхъ ты счастливить и поконить,
Свое ты счастье зришь въ блаженствѣ ихъ;
За бездну благостей твоихъ
Римъ хочетъ храмъ тебѣ устроить».

Но Титъ отказывается отъ храма и говорить, что храмомъ для него долженъ быть Римъ, а алтаремъ—сердца гражданъ:

«Народъ! за всѣ свои труды
Титъ вашу лишь любовь наградою почитаетъ;

. . . . .

Отечества отца
Дражайше нареченье
Есть Титова вѣнца
Верховно украшенье.

. . . . .

Оставимъ гордости и рабской лести
Одной примать,
Другой давать
Неподлежащи чести.
Пріятнѣй мнѣ стократъ
На тронѣ имя человѣка;
Оно меня творить не такъ далеко
Отъ васъ, которыхъ я люблю какъ чадѣ.
И если я любимъ подобно вами,
Престаньте друга вы равнять съ богами,
И удалять его отъ васъ до горнихъ странъ.
Да будетъ храмъ мой—Римъ, алтарь—сердца гражданъ!»⁽¹⁾

Чтобы сильнѣе соединить себя съ народомъ, Титъ жертвуетъ своей любовью къ Беренисѣ и хочетъ жениться и возвести на римскій тронъ римлянку Сервиллію, сестру сенатора и друга своего, Секста.

«Название заслуживъ я подданныхъ отца,
Надѣюся Сервиллія прекрасна,
Вспомоществуячи мнѣ иго власти несть,
И должности всегда подвластна,
Название матери потщится пріобрѣсть.
Властители такіе-жъ человѣки;
Что должно видѣть имъ, не могутъ зрѣть всего.
Старайся просвѣщать супруга твоего;
Вѣщай примѣтивъ, гдѣ слезъ бѣдныхъ льются рѣки;
Гдѣ правосудіе, затѣнное серебромъ,
Наклонъ своихъ вѣсовъ корысти уступаетъ;
Гдѣ, лютот пышности подлѣ тягостнымъ жезломъ,
Стѣсненно робкое достоинство страдаетъ,
Спомощствуй ты мнѣ, чтобъ счастливыхъ число
Подъ властью нашею надежды превзошло,
Чтобъ Титъ съ тобою на престолѣ,
Зря человѣчество богамъ въ завидной долѣ,
Вселенной счастьемъ въ коронѣ упоенъ,
Забылъ весь тяжкій трудъ, которымъ отягченъ»⁽²⁾.

⁽¹⁾ Сочин. 1, 64—66. ⁽²⁾ Тамъ же 1, 82.

Между тѣмъ, Вителлія, по зависти къ Сервилліи и въ тоже время желая отмстить за смерть своего отца, бывшаго императора Вителлія, убитаго отцемъ Тита, составила заговоръ съ цѣлю умертвить Тита, и склонила къ этому перваго друга его, сенатора Секста. Къ счастью, заговоръ былъ открытъ. Страшно поразило Тита это событіе. Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить, что бы его подданные, для которыхъ онъ такъ много сдѣлалъ добра, и во главѣ ихъ его другъ Секстъ, рѣшились посягнуть на его жизнь. Онъ призвалъ Секста къ себѣ и спрашивалъ, что заставило его сдѣлаться врагомъ ему:

«Такъ правда то, что Секстъ возненавидѣлъ Тита? —

. . . . . О юный Секстъ! какою ты судьбой
Хотѣлъ, чтобъ я погибъ, благотворитель твой?
Блаженства твоего усердѣйшій рачитель,
Я чѣмъ возмогъ тебѣ несносенъ быть?
И если позабытъ тобой во мнѣ властитель,
Какъ друга ты во мнѣ возмогъ забыть?» (1).

Но какъ ни велика была неблагодарность Секста и его соучастниковъ, она не поколебала доброй души Тита и не побѣдила его милосердія. Онъ простилъ всѣхъ заговорщиковъ, а Секста, когда Вителлія сама открыла причину его измѣны, принялъ снова въ свое дружество.

«Судьбы, стремясь меня со всѣхъ сторонъ разить,
Хотятъ принудить меня жестокимъ быть?

Стремитесь боги

Еще ко мнѣ быть долѣ строгі!

Но, чтобы Титовъ духъ немилосерднымъ зрѣть,

Не можете сея побѣды вы имѣть.

Или когда того хотите,

Чтобъ кровь лилася въ сей странѣ,

Иное сердце дайте мнѣ,

Или мою корону отнимите.

Но нѣтъ; я лучше смерть хочу вкусить,

Какъ сердце лютое въ себѣ носить

Въ единомъ лишь благотвореньѣ

Я славу зрю себѣ и честь и утѣшенье.

Живи, о Секстъ! и вамъ, врагамъ моимъ,

И жизнь и вольность возвращаю,

Да вѣдаетъ то Римъ,

Что Титъ всегда здѣсь Титомъ будетъ зримъ;

Что я все вѣдаю и все прощаю

И оскорбленія мои позабываю» (1).

(1) Тамъ же 1, 120—121.

Трагедія „Вадимъ Новгородскій“. Не смотря на такой возвышенный строй и патриотическое направленіе изложенныхъ трагедій Княжнина, память его вскорѣ послѣ смерти подверглась осужденію. Виной этого была его трагедія „Вадимъ Новгородскій“ ⁽¹⁾, которая была написана еще въ 1783 г., но до 1793 г. не была напечатана. Въ ней признано было республиканское направленіе. Содержаніе трагедіи составляетъ возстаніе новгородскаго посадника и полководца Вадима противъ князя Рюрика. Въ то время, какъ Вадимъ былъ на войнѣ, новгородцы, по совѣту старѣйшины Гостомысла, призвали на княженіе къ себѣ Рюрика. Возвратившись съ войны, Вадимъ составилъ заговоръ и возсталъ противъ Рюрика. Въ рѣчахъ этого Вадима и его соучастниковъ, посадниковъ Пренеста и Вигора, есть, дѣйствительно, нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ, выражающихъ республиканскіе идеи, такъ какъ эти лица представляются противниками власти Рюрика, глубоко проникнутыми духомъ прежней новгородской вольности.

Но сила и значеніе этихъ мѣстъ если не уничтожается, то совершенно ослабляется какъ рѣчами другихъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и основной идеей и всею строемъ пьесы. Основная идея пьесы чисто монархическая. Пьеса рѣзко выставляетъ гибельныя слѣдствія прежней новгородской вольности и прославляетъ монархическое правленіе Рюрика, который представляется спасителемъ Новгорода, возстановившимъ въ немъ своею властію порядокъ и спокойствіе, правителемъ мудрымъ, украшеннымъ всеми возможными добродѣтелями. Вотъ что говоритъ Вадиму одинъ изъ соучастниковъ возстанія. Препещесть, указывая на трудность свергнуть Рюрика съ престола:

«Познаешь самъ, Вадимъ, сколь трудно рушить тронъ,
Который Рюрикъ здѣсь воздвигнулъ безъ пренонъ,
Прощеньемъ призванный отъ цѣлаго народа;
Увѣдаешь, какъ имъ отъятая свобода
Прелестной властію его замѣнена;
Узнаешь, какъ его держава почтена».

А другой соучастникъ возстанія Вадима, Вигоръ, объясняетъ ему обстоятельства призванія Рюрика на княженіе слѣдующимъ образомъ:

«Едва предъ войскомъ ты разстался съ сей страной,
Вельможи многіе, къ злодѣйству видя средство
И только сильные отечества на бѣдство,

⁽¹⁾ Напечатана въ Русск. Старинѣ 1871; III, 723—781.

Гордыню, зависть, злость, мигежъ ввели во градъ,
 Жилище тишины преобразилось въ адъ;
 Святая истина отселъ удалилась.
 Свобода, вострепавъ, къ паденью наклонилась;
 Междоусобіе со дерзостнымъ челомъ
 На трупахъ согражданъ воздвигло смерти домъ.

Почтенный Гостомыслъ, украшенъ сѣдинами,
 Лишился всѣхъ сыновъ подъ здѣшними стѣнами,
 И плача не о нихъ, о бѣдствіи согражданъ,
 Единъ къ отрадѣ намъ безсмертными былъ данъ.
 Онъ Рюрика сего на помощь приглашаетъ;
 Его мечемъ онъ намъ блаженство возвращаетъ. ⁽¹⁾

Призванный на княженіе самимъ народомъ, Рюрикъ и пользуется властію для блага народа. Развязкой трагедіи служитъ полное торжество Рюрика. Усмиривъ возстаніе, онъ обращается къ народу и говоритъ, что онъ возвращаетъ ему свой вѣнецъ, и что новгородцы могутъ его надѣть на Валима. Но Вадимъ отвергаетъ вѣнецъ, а народъ на колѣнахъ проситъ Рюрика управлять Новгородомъ по прежнему.

За шесть лѣтъ до изданія „Вадима“, въ 1786 г. явилась трагедія Николева „Сорена и Замиръ“, въ которой были болѣе рѣзкія республиканскія мѣста, такъ что московскій главнокомандующій графъ Брюсъ запретилъ представленіе этой трагедіи и донесъ о томъ Екатеринѣ; но Екатерина замѣтила ему, что это дѣлать не слѣдовало, ибо „авторъ, сказалъ она, возстаетъ противъ самовластиа тиранновъ, а Екатерину вы называете матерью“, и велѣла княгинѣ Дашковой напечатать трагедію Николева „въ Россійскомъ театрѣ“ (ч. V). Дашкова же напечатала и „Вадима“ Княжнина, сначала отдѣльно, а потомъ также въ „Россійскомъ театрѣ“, (ч. XXXIX); но это было уже въ 1793 г. т. е. въ самый разгаръ французской революціи, и Екатерина, испуганная ея ужасами, приказала конфисковать трагедію, какъ опасную для власти и порядка.

Кромѣ этихъ трагедій, Княжнинъ написалъ еще трагедіи: „Владиміръ и Ирополкъ“ (1772), „Софонисба“ (1786), „Владисанъ“ (1786) и перевелъ бѣлыми стихами трагедіи Расина: „Сидъ“, „Смерть Помпея“ и „Цинна“. Всѣ эти трагедіи, подобно изложеннымъ выше, составляютъ передѣлки и подражанія французскимъ трагедіямъ — „Владиміръ и Ирополкъ“ — „Андромахѣ“ Расина, „Софонисба“, и „Владисанъ“ — трагедіямъ Вольтера. Въ нихъ много

⁽¹⁾ Тамъ же стр. 736—737.

недостатковъ, между которыми особенно поражаютъ читателя непожѣрная длинота діалоговъ, напыщенность и риторичность монологовъ и разныя преувеличенія, доходящія до каррикатуры; но въ нихъ въ тоже время постоянно представляются образцы величія души, патріотизма и разныхъ добродѣтелей; высказываются идеи человѣколюбія и милосердія, долга и правды, одушевляющія какъ самого поэта, такъ и лучшихъ людей его времени. Поэтому, не смотря на всѣ недостатки, онѣ съ удовольствіемъ слушались публикой и имѣли на нее благотворное образовательное вліяніе.

Комедіи и оперы Княжнина. Комедіи Княжнина, подобно трагедіямъ, не отличаются большою оригинальностію ни по сюжетамъ, ни по выведеннымъ въ нихъ лицамъ и характерамъ; но заимствованные сюжеты въ нихъ передѣланы на русскіе права. И потому онѣ весьма интересны для характеристики современной русской жизни. Княжнинъ написалъ нѣсколько комедій: „Хвастунъ“, „Чудаки“, „Неудачный примиритель“, „Трауръ“ и нѣсколько комическихкихъ оперъ: „Несчастье отъ кареты“, „Сбитеньщикъ“, „Притворно сумасшедшая“, „Мужья, женихи своихъ женъ“, „Мелодрама Орфей“. Изъ комедій лучшими считались „Хвастунъ“ и „Чудаки“, а изъ оперъ — „Несчастье отъ кареты“ и „Сбитеньщикъ“.

Комедія „Хвастунъ“ написана по образцу комедіи де-Брюйе *L'important de Scur*. Главное лице въ ней Хвастунъ Верхолеть изъ породы тѣхъ вралей и обманщиковъ, которыхъ въ послѣдствіи Гоголь такъ превосходно изобразилъ въ типѣ Хлестакова. Ничтожный человѣкъ, Верхолеть выдаетъ себя за графа, хвалится тѣмъ, что ѣздитъ ко двору и находится въ перепискѣ съ разными дворами и королями, общается возвести въ сенаторы всякаго, кого только захочетъ, раздаетъ всѣмъ губернаторства, „какъ щепки“, представляетъ себя владѣльцемъ такихъ огромныхъ селъ, которыя больше большихъ городовъ. О такомъ важномъ значеніи Верхолета твердить всѣмъ слуга его Полистъ. Совершенный невѣжда, не знающій даже грамоты, Полистъ выдаетъ себя за секретаря самозванца графа и такъ же хвалится, что и онъ можетъ раздавать „мелкіе чины“.

Явленіе и успѣхи такихъ вралей и обманщиковъ совершенно понятны въ томъ обществѣ, которое, при страшномъ невѣжествѣ и лѣни, выше всего на свѣтѣ ставило чины, служившіе для него источникомъ власти и богатства. Полистъ говорить:

«Люди всѣ рѣхнулись на чинахъ.

Нортные, столяры, всѣ одинакой вѣры;

Купцы, сапожники, всѣ мѣтятъ въ офицеры;

И кто безъ чина свой проводить темный вѣкъ,
Тотъ кажется у насъ совсѣмъ не человѣкъ.
Портной что былъ, теперь стараніемъ Полиста
Желаешь чинъ достать себѣ протоколиста» (1).

На обманъ Верхолета попадаетъ его дядя, сельскій дворянинъ, Простодумъ, который пріѣхалъ изъ деревни въ столицу также поискать чиновъ. Онъ узнаетъ отъ Полиста, что племянникъ его Верхолетъ, получивъ графское достоинство, сдѣлался такимъ сильнымъ при дворѣ, что можетъ возвести своего дядю въ сенаторы. Что за личность Простодумъ, это можно видѣть изъ слѣдующихъ его разсужденій. Предлагая Верхолету свои деньги, онъ говоритъ:

«Три тысячи скопилъ я дома лѣтъ въ десятокъ,
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятокъ,
Но кстати въ рекруты торгуючи людьми.
Сіятельнѣйшій графъ! пожалуй все возьми,
Я послѣ получу».

А получить эти деньги онъ надѣется тогда, когда самъ сдѣлается сенаторомъ и будетъ имѣть возможность такъ же вѣлѣаться надъ деревенскими сосѣдями, властвовать и прижимать другихъ, какъ до сихъ поръ его прижимали.

«А у меня весь умъ о сенаторствѣ бредить.
Когда у насъ о томъ услышать въ деревняхъ,
Всплеснувъ руками, всѣ дворяне скажутъ: ахъ!
Которые себѣ въ богатствѣ мѣръ не ставятъ,
Которые меня своею спесью давятъ,
Увидя пыхи тамъ вельможески мои,
Опустить крылышки, какъ мокры воробы».

Я сердцемъ лишь на тѣхъ дворяней мѣчу,
Которы вкругъ меня по деревнямъ живутъ,
Которые меня равно какъ скотъ мой жмутъ.
Я также ихъ пожму во время сенаторства,
И покажу мои имъ разныя проворства.
Покрѣпче буду ихъ держать въ моихъ рукахъ,
И какъ на собственныхъ на ихъ косить лугахъ» (2).

Такимъ же честолюбіемъ и стремленіемъ къ вельможеству и знатности страдаетъ Чванкина, пріѣхавшая изъ деревни богатая дворянка. Она хочетъ выдать за самозваннаго графа Верхо-

---

(1) Сочин. III, 15. (2) Сочин. III, 24. 25. 81.

лета свою дочь Милену, не смотря на то, что Милена любитъ Замира и говорить, что скорѣе согласится умереть, чѣмъ выйти за Верхолета. Чванкина говорить Миленѣ:

«Что ты ни говори, а графство твой удѣлъ.

Ты слышишь-ли, хочу, чтобъ ты была графиней.

Милена. Я умру.

Чванкина. Пожалуй ты умри,

Да только лишь умри графиней»⁽¹⁾.

Чванкину поддерживаетъ въ ея планахъ служанка ея Марина, которая, сама также желая и пачаясь быть дворянкой, хочеть выйти за Полиста, и обѣ онѣ вмѣстѣ интригуютъ противъ Милены и Замира.

Но обманъ Верхолета и козни слуги и служанки обнаруживаетъ отецъ Замира, Честонъ. Честонъ составляетъ подражаніе Стародуму и въ комедіи Гняжнина играетъ такую же роль, какъ Стародумъ въ Недорослѣ. Вотъ какъ онъ рекомендуетъ себя Верхолету:

«А я вотъ слышалъ такъ, что говорить онъ вольно,

И если бы когда и графъ какой сталъ лгать,

Въ глаза бы онъ сказалъ, что графъ изволилъ врать....

Онъ сухъ, лице его ни мало не широко,

И хвастуновъ его далеко видить око.

А впрочемъ онъ во всемъ походить на меня.

Но чтобы все сказать, Честонъ, сударь, самъ я»⁽²⁾.

Подобно Стародуму, Честонъ всѣхъ поучаетъ и объясняетъ Замиру, въ чемъ заключается истинная знатность и дворянство:

«И всякій человѣкъ, породой отличенный.

Быть долженъ гражданинъ, заслугами отмѣнный:

А впрочемъ родъ мечта, и что дворянство есть?

Лишь обязательство любить прямую честь.

Но въ чемъ она? мой сынъ, ты это точно знаешь:

Чтобъ должность исполнять; а ты не исполняешь.

Ступай въ свой полкъ, служи ты, взявъ съ меня примѣръ

. . . . .

Чтобы намъ съ честію во власти показаться,

Такъ надо напередъ умѣть повиноваться»⁽³⁾.

---

(1) Сочин. III. 39. (2) Тамъ же III, 74. (3) Тамъ же III, 64—65.

Честонъ открываетъ всѣмъ, кто такой Верхолеть:

«Не знатный баринъ онъ: нѣтъ, нѣтъ! а онъ притворщикъ
И наглый съ глупостей людскихъ онъ пошлый сборщикъ,
Какихъ и много есть, которы тѣмъ живутъ» ⁽¹⁾.

И чтобы спасти отъ Верхолета Милену и Замира, Честонъ призываетъ чиновника отъ управы благочинія, который объявляетъ, что Верхолеть.

«... «не графъ, дворянчикъ плутоватый
И только хвастовствомъ, обманами богатой,
Который здѣсь давно живетъ на счетъ другихъ,
Сбираючи всегда оброкъ съ головъ плохихъ» ⁽²⁾

Въ комедіи очень многое подмѣчено вѣрно и изображено характерно, напр. страсть къ чинамъ и свойства деревенскаго вельможества и знатности; но многое вышло и преувеличено. Нѣкоторыя сцены напоминаютъ Фонъ-визиневскія каррикатуры, хотя въ художественномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже ихъ. Напр. на замѣчаніе Подеста о Миленѣ: „какъ видно, то съ пуги ее романы сбили“, Чванкина съ сердцемъ говоритъ:

«Романы!.. Я ее поотучу отъ нихъ!
Романы!... слушаться такихъ людей дурныхъ!
А гдѣ они живутъ? и гдѣ она видалась?
Марина, отъ тебя и дочь избаловалась».

Верхолеть, упрекая Милену въ ея нелюбви къ нему, говоритъ, что онъ оставилъ для нея

«... «различныхъ здѣсь госпожъ,
Блестящихъ знатностью и красотою рождъ.
...
Я вашей нелюбви ни мало не боюся,
И не смотря на васъ, на васъ тотчасъ женюся» ⁽³⁾.

Нѣкоторыя мѣста и выраженія хотя и грубоваты, но довольно по характерны. Напр.

«Кто прежде звался плутъ,
Того уже теперь искусникомъ зовутъ».

⁽¹⁾ Тамъ же III, 77. ⁽²⁾ Тамъ же III, 130. ⁽³⁾ Тамъ же III, 52.

Замѣчаніе Верховлета о просьбѣ танцора на мѣсто судьи:

«Вотъ на еще какой! онъ мастеръ танцовать,
За то въ судьи: нѣтъ, другъ, тутъ надо разсуждать
И дѣло головой вертѣть, а не ногами».

Просьба стихотворца:

«Я разными стихами
Лѣтъ сорокъ всѣмъ служу, вельможей тѣшу, дворъ.
Я старѣ всѣмъ теперь въ Россіи стихотворъ;
А старшинство мое другіе отнимаютъ
И болѣе меня ужъ правиться дерзаютъ,
Нельзя-ли, государь, мнѣ выходить указъ,
Чтобъ мнѣ лишь одному принадлежалъ Парнасъ» (1).

Комедія „Чудаки“. Чудаками Княжнинъ называетъ въ комедіи такихъ людей, которыхъ литература нашего времени охарактеризовала именемъ самодуровъ. Почти всѣ чудаки заимствованы изъ комедіи Делюна: *L'homme singulier*. Главныя лица въ комедіи Лентягинъ—мужъ и жена. Лентягинеъ—разбогатѣвшій кузнецъ, вышедшій въ люди чрезъ женитбу на дворянкѣ. Наслушавшись современныхъ разсужденій о свободѣ и равенствѣ всѣхъ людей и о чести, какъ основѣ человѣческихъ дѣйствій, онъ самъ хочетъ быть философомъ, возстаетъ противъ всѣхъ людскихъ правъ и обычаевъ и во всемъ поступаетъ „иначе отъ другихъ“. Своему слугѣ, Пролазу, онъ такъ себя рекомендуетъ:

«Я чуждый господинъ,
Я странный человѣкъ, такъ свѣтъ о мнѣ болтаетъ;
Но философія тѣ враки презираетъ
Кажуся страннымъ я за то, что я одинъ
Таковъ, какъ должно быть. Скажи, кому мѣшаю,
Что я по дудочкѣ всемірной не пляшу».

Главнымъ достоинствомъ въ человѣкѣ онъ считаетъ честь:

«Кто честный человѣкъ, тотъ равенъ мнѣ во всемъ» (2).

Этого принципа Лентягинеъ держится въ обращеніи со всѣми людьми, во всѣхъ дѣлахъ и отношеніяхъ, и простираетъ его до того, что хочетъ выдать за слугу своего Пролаза, съ которымъ онъ также обращается, какъ съ равнымъ себѣ, свою собственную дочь.

(1) Сочин. III, 41. (2) Тамъ же III, 135—138.

Совершенно противоположныхъ воззрѣній на все держится его жена. Лептягина по происхожденію дворянка. Хотя она такъ же постоянно твердитъ о чести; но подъ честью она разумѣтъ знатность рода, значеніе въ большомъ свѣтѣ и конечно и слышать не хочетъ о какомъ нибудь равенствѣ съ другими:

«Я будто всеѣмъ равна! Какъ можно то сказать?
Я дочь, племянница князей и генераловъ,
Могу-ль я быть равна съ женами всеѣхъ капитановъ?»

Упрекая своего мужа въ низкой породѣ, она говоритъ ему:

«А я всегда была въ надеждѣ,
Что сдѣлала я честь, унизясь до тебя» (1).

Можно судить поэтому, въ какое негодованіе Лептягина приходитъ, когда Пролоазъ, слѣдуя философіи своего барина, началъ вести себя и съ нею, какъ съ равною. Такое поведеніе Пролоаза она сочла оскорбленіемъ для себя и готова была „велѣть влѣпнуть ему тысячу ударовъ“. И когда мужъ замѣтилъ ей, что такія жестокости и не законны и неприличны и упомянулъ о философіи Сенеки, она разразилась бранью:

„Плюю я на всеѣхъ твоихъ Сенеки“ (2).

Лептягина пріѣхала въ столицу затѣмъ, чтобы выдать замужъ дочь свою. Улиньку. Улинька воспитана своей мамашей, которая о воспитаніи ея говоритъ:

„Признаться я должна,
Что воспитаніе дано пристойно роду
.....
Отъ низостей, сударь, она весьма далека;
И крѣпко все храня, что такъ велитъ намъ честь,
Она не знаетъ, что такое шить и плести;
То все для чернаго оставя челоуѣка,
Танцуетъ какъ павлинь, какъ соловей поетъ;
И какъ французенка умѣя по французски,
Желала бы забыть всеѣмъ она по русски;
Ложится въ три часа, въ двѣнадцатомъ встаетъ;
Проводитъ два часа всегда у туалета“.

За Улиньку сватаются два жениха, Пріятъ и Вѣтромахъ. Въ Пріятѣ представленъ образчикъ тѣхъ сантиментальныхъ ге-

(1) III, 146—148. (2) III, 144.

роевъ, которые въ это время начали появляться въ нашей литературѣ. Пріятъ, по описанію Улиньки, именно сентиментальный герой,

«Который все изподтишка вздыхаетъ;
Который робкими шагами подстукаетъ;
Котораго любовь какъ будто хочетъ красть.
Онъ сердца не беретъ, а щиплетъ все по точкѣ.
Во фракѣ Мердоа и въ розовомъ платочкѣ,
По вечерамъ задумчивъ и смущенъ,
Такъ томень и уныль, какъ будто Селадонъ,
По рощамъ и дугамъ съ овечками гуляетъ;
Иль подъ окномъ моимъ по холодку пылаетъ“.

Вѣтромахъ совершенно другаго характера. Онъ модный кавалеръ, воспитанный во французскомъ вкусѣ:

«И ловокъ и остеръ, и веселъ и пригожъ,
Что былъ вчера, на то сегодня не похожъ“.

Своимъ пристрастіемъ къ французскому языку и презрѣніемъ къ русскому онъ напоминаетъ Иванушку Фонъ-Визина.

«Щитаю нашъ языкъ за подлинный jargon.
И экспримировать на немъ всего не можно.
Чтобъ мысль свою сыскать, замучишься безбожно.
По нуждѣ говорю я этимъ языкомъ
Съ лакеемъ, съ кучеромъ, со всѣмъ простымъ народомъ,
Гдѣ думать нужды нѣтъ. А съ нашимъ знатнымъ родомъ,
Не зная французскаго, я былъ бы дуракомъ».

На вопросъ Лентягина: „кто онъ такой, русской или французъ“, онъ отвѣчаетъ:

«Hélas! я не французъ!
Я русскій!—у меня на сердцѣ это грузъ»⁽¹⁾.

Само собою разумѣется, что Улинька и мать предпочитаютъ Вѣтромаха, а самъ Лентягинъ Пріята, а потомъ слугу своего Пролаза. Происходитъ сильное разногласіе и борьба. Впрочемъ главными заправителями и рѣшителями дѣла въ этой борьбѣ являются не отецъ и мать, или дочь, а опять такъ же, какъ въ предыдущей комедіи, слуги—Пролазъ и Высонось и служанка Марина. Пролазъ, подобно своему барину, также хочетъ быть философомъ; но онъ понимаетъ только философію практическую и

⁽¹⁾ Сочин. III, 161, 164, 165, 169—170.

недовѣряетъ никакой теоріи, умѣетъ вездѣ пролѣзть, всѣхъ обойти и все обратить въ свою пользу. Напимаясь въ слуги Лентягина, онъ говорить:

«Доселѣ я служилъ профессору морали;
Хотя профессоръ онъ, предъ вами ничего;
Предъ вашею, сударь, его мораль пустая;
На языкѣ была лишь у него,
Ребятамъ казанья сухія соплетая,
На дѣлѣ точно такъ жила, какъ всѣ живутъ;
Твердила всѣмъ одно, а дѣлала другое.
Безъ практики, сударь теорія пустое.
Чтобъ словомъ то сказать, мораль его преплутъ.
Она себѣ одной на пользу все клонила,
И жалованья мнѣ мораль не доплатила» ⁽¹⁾.

Свою собственную философію Пролоазъ выражаетъ очень прямо и рельефно въ слѣдующемъ монологѣ:

„Вотъ такъ то надобно ловить людей на улу.
Хвали ихъ мнѣнія, ихъ вкусы принимай;
И сколько бъ ни были дѣла ихъ плохи, странны,
Гляди ты барамъ въ ротъ и только потакай;
И будешь человекъ и лучший и избранный.
Вотъ все достоинство нерѣдко тѣхъ людей,
Которы, вышедъ въ свѣтъ, чрезъ грязныя дороги,
Надъ нижними себѣ величятся какъ боги“ ⁽²⁾.

Подчинившись совершенно вліянію Пролоаза, Лентягинъ хочетъ выдать за него свою дочь, но встрѣчаетъ неодолимое сопротивление въ женѣ, которая рѣшилась выдать ее за Вѣтромаха. Кромѣ того „всемирный пріятель Трусины, охотникъ всѣмъ услуживать безъ просьбы“, приводитъ къ Лентягину еще нѣсколько жениховъ. Эти женихи: отставной майоръ, который, не узнавъ еще, кто такая невѣста, говорить Лентягиной:

«И я и сердце ужъ мое давно безъ мѣста,
То есть безъ службы я и безъ жены
.....
И я совсѣмъ готовъ сей день, сей часъ, коль хощь“.

Другой женихъ также отставной судья.

„Онъ въ ябедѣ себѣ находитъ содержанье,
Изъ одного въ другой переходя приказъ.“

(1) III, 141—142. (2) III, 177.

Иной дастъ ему хлѣбъ, мясо, соль, указъ;
Иной вино, его нужнѣйше пропитанье“.

Онъ о себѣ говоритъ:

Чтобъ я дрался, того въ судахъ вы не найдете,
А многожды былъ битъ и бразъ съ того доходъ“ (1).

Наконецъ два стихотворца — Тромпетинъ одописецъ, изъ громкихъ одахъ котораго „и молнія и громъ“, другой идиллическій писатель Свирѣлкинъ, въ элегіяхъ котораго „плачевнѣйшій содомъ“. Но Пролоазъ своими хитростями и проворствомъ отстраняетъ всѣхъ жениховъ и достигаетъ того, что Лентягины соглашаются выдать свою дочь за Пріята

Въ комедіи, какъ видно изъ представленнаго ея изложенія, есть много сценъ интересныхъ, характеризующихъ тогдашніе нравы и воззрѣнія, много мѣткихъ выраженій, показывающихъ въ авторѣ наблюдательнаго и остроумнаго человѣка; но въ ней много и несообразностей, какъ въ общемъ ходѣ дѣйствія, такъ и въ характерахъ и поступкахъ дѣйствующихъ лицъ, напр. Лентягина и его жены, Вѣтромаха и др. Особенно несообразна роль слугъ: Пролоаза, Высоноса и служавки Марины, которые вертятъ всѣми другими лицами, какъ пѣшками, въ продолженіи цѣлыхъ актовъ бранятся между собою и даютъ другъ другу оплеухи. Авторъ, кажется, самъ сознавалъ эти несообразности и хотѣлъ, повидимому, указать оправданіе для нихъ въ томъ, что всѣ дѣйствующія лица въ его комедіи чудаки, и заключилъ ее замѣчаніемъ,

„Что и всякой много ли, или мало, но чудакъ,
И глупость, предстоитъ при каждаго рожденіи,
Намъ всѣмъ дурачиться даетъ благословенье“ (2).

Комическая опера „Несчастье отъ кареты“. Сюжетъ оперы взятъ изъ помѣщичьяго крѣпостнаго быта. Помѣщики Фирюлины, мужъ и жена, побывавши во Франціи, вывели оттуда только глупое пристрастіе къ французскому языку и презрѣніе къ Россіи и всему русскому. Вотъ какъ они разсуждаютъ о Россіи.

Фирюлинъ. Варварскій народъ! дикая сторона! Какое невѣжество! какія грубыя имена! какъ ими деликатесь моего слуха повреждается! Видно, что мнѣ самому приняться за экономію и перемѣнить всѣ названія, которые портятъ уши; это первое мое дѣло будетъ.

(1) Сочин. III, 216. 219. (2) III. 274.

Фирюлина. Я удивляюсь, душа моя, наша деревня такъ близко отъ столицы, а никто здѣсь по французски не умѣетъ; а во Франціи, отъ столицы верстъ за сто, всѣ по французски говорить ⁽¹⁾.

Вотъ содержаніе и ходъ всей піэсы. Помѣщику Фирюлину понадобилась къ празднику новая карета, и онъ пишетъ въ деревню къ прикащику своему Клементію: „О ты, котораго глупымъ и варварскимъ именемъ Клементія донынѣ безчестили, изъ особенной къ тебѣ милости за то, что ты большую часть крестьянъ одѣлъ по французски, жалую тебя Клеманомъ, и впредь повелѣваю всѣмъ не офансировать тебя словомъ Клементія, а называть Клеманомъ... Между тѣмъ знай, что мнѣ крайняя нужда въ деньгахъ. Къ празднику мнѣ надобна необходимо новая карета. Хотя у меня и много ихъ, но эта вывезена изъ Парижа. Вообрази себѣ, господинъ Клеманъ, какое безчестіе не только мнѣ, да и вамъ всѣмъ, что вашъ баринъ не будетъ ѣздить въ этой прекрасной каретѣ, а барыня ваша не купитъ себѣ тѣхъ прекрасныхъ головныхъ уборовъ, которые такъ же прямо изъ Парижа привезены. Отъ такого стыда честный человѣкъ долженъ удавиться. Ты мнѣ писалъ, что хлѣбъ не родился; это дѣло не мое, и я не виноватъ, что и земля у насъ хуже французской. Я тебѣ приказываю и прошу, не погуби меня; найди, гдѣ хочешь, денегъ. Теперь уже ты Клеманъ и носишь по моей сеньіорской милости платье французскаго балы, и такъ должно быть тебѣ умнѣе и проворнѣе. Мало-ли есть способовъ достать денегъ. Напр. нѣтъ ли у васъ на продажу годныхъ людей въ рекруты. Итакъ нахватай и продай“ ⁽²⁾. Пользуясь такимъ приказаніемъ, прикащикъ схватываетъ одного молодаго крестьянина, Лукьяна, чтобы отдать его въ солдаты и отнять у него невѣсту, на которой онъ собирается жениться. Такое насиліе привело Лукьяна, Анюту и отца ея Трофима въ страшное негодованіе. „Боже мой, говоритъ Лукьянъ, какъ мы несчастливы! Намъ должно пить, ѣсть и жениться по волѣ тѣхъ, которые нашимъ мученіемъ веселятся и которые безъ насъ бы съ голоду померли“ ⁽³⁾. Въ этихъ словахъ, выражающихъ горькій протестъ противъ крѣпостнаго права, заключается смыслъ всей піэсы, который и придавалъ ей весьма важное значеніе въ то время.

Не зная, какъ помочь своему горю, Лукьянъ и Анюта обращаются за совѣтомъ къ шуту помѣщика, и, задаривая его разными подарками, просятъ заступиться за нихъ предъ господами. Шуту пришло на мысль воспользоваться пристрастіемъ гос-

(1) Сочин. IV, 121. (2) Сочин. IV, 110—111. (3) IV, 108.

подъ къ французскому языку. Когда они пріѣхали въ деревню на охоту, то онъ, указывая на Лукьяна, который былъ скованъ, какъ назначенный для продажи въ солдаты, сказалъ помѣщику, что этотъ молодець назначенъ въ солдаты, а между тѣмъ онъ знаетъ по французски (Лукьянъ и Анята, живя при старомъ баринѣ, запомнили нѣсколько французскихъ словъ).

Фирилинъ. И по французски? Mon Dieu! что я слышу?

Фирилина. Ахъ, mon coeur! онъ по французски знаетъ, а скованъ! Это никакъ нейдетъ.

Фирилинъ. Это ужасно, horrible! Снимите съ него цѣпи. Mon ami! я передъ тобою виноватъ.

Увидавъ потомъ Аняту и узнавъ, что она невѣста Лукьяна и сильно любить его, Фирилинъ удивляется:

„Parbleu! Я этому бы не повѣрилъ, чтобы и русскіе люди могли такъ нѣжно любить. Я виѣ себя отъ удовольствія! Да не во Франціи ли я? Что онъ чувствуетъ любовь, тому не такъ дивлюсь; онъ говоритъ по французски; а ты дѣвченка, а ты?

Шутъ. И она разумѣетъ.

Фирилинъ. И она. Теперь меньше дивлюсь.

Лукьянъ (на колѣнахъ). Monseigneur! сжальтесь надъ нами.

Анята (на колѣнахъ). Madame! Вступитесь за насъ!

Фирилинъ. Mon seigneur! Madame! встаньте, вы меня этими словами въ такую жалость привели, что я отъ слезъ удержаться не могу.

Фирилина. Mon cher! соединимъ ихъ; они достойны другъ друга, и достойны жить при насъ“.

Такимъ образомъ, въ крѣпостномъ быту отъ одной прихоти или извѣстнаго пристрастія помѣщиковъ зависѣло все счастье и несчастье крестьянъ. Эта мысль, составляющая основную идею піесы, и выражена въ заключительныхъ ея словахъ, которые носятъ дѣйствующихъ лицъ:

«Насъ бездѣлка погубила,
Но бездѣлка и спасла»⁽¹⁾.

Очень долго держалась на сценѣ также опера Княжнина „Сбитенщикъ“. Она правилась всѣмъ простотою, веселостью и разными пѣснями. Нѣкоторые изъ пихъ изъ театра перешли въ жизнь и расцвѣтались въ домашнихъ собраніяхъ. Таковы наир.

«Кажется не ложно,
Все на свѣтѣ можно
Покупать,
Продавать,

⁽¹⁾ Сочин. IV, 123—125. 128.

Только должно
Осторожно
Поступать».

И другая арія:

Щастье строитъ все на свѣтѣ,
Безъ него куды съ умомъ.
Ѣздитъ щастіе въ каретѣ;
А съ умомъ идетъ пѣшкомъ» (1).

Разныя мелкія сочиненія Княжнина. Княжнинъ былъ одинъ изъ передовыхъ образованныхъ людей Екатерининской эпохи. Въ его сочиненіяхъ отражаются все гуманныя стремленія этой эпохи и проводятся основныя ея начала о воспитаніи, образованіи и управленіи. Какъ секретаря Бецкаго и ближайшаго его сотрудника по воспитательнымъ учрежденіямъ, Княжнина особенно занимали постоянно вопросы о правильномъ воспитаніи и образованіи. Въ этомъ отношеніи преимущественно замѣчательны: „Посланіе къ росейскимъ питомцамъ свободныхъ художествъ“, „Рѣчь въ публичномъ собраніи Академіи Художествъ въ 1779 г.“ и „Рѣчь къ кадетамъ“. Въ Посланіи къ Росейскимъ питомцамъ онъ такъ разсуждаетъ о необходимости образованія талантовъ:

«Талантъ единый слабъ къ свершенію пути,
Когда не озаренъ пространнымъ просвѣщеніемъ.
.....
Онъ въ дикости своей пребудетъ укрѣпленъ,
Не видѣвъ въ грубости небесный оный пламень;
И самъ алмазъ въ корѣ есть тотъ же дикій камень
.....
Безъ просвѣщенія напрасно все старанье:
Скульптура кукольство, а живопись мارانье.
И чтобъ достигнуть вамъ до славной высоты,
Искусства видны гдѣ безсмертны красоты,
И гдѣ духъ творческій натурою владѣтъ,
Гдѣ мраморъ говоритъ, и душу холстъ имѣтъ,
Сравняйтесь съ знаніемъ великихъ вы людей,
А безъ того пныхъ къ успѣху нѣтъ путей.
Художникъ всегда останется безславенъ;
Художникъ безъ наукъ ремесленнику равенъ» (2).

Въ публичной рѣчи въ Академіи Художествъ онъ говоритъ: „Вольность, почтеннѣйшіи слушатели, подобна тѣмъ крѣпкимъ питіямъ, которыя съ умѣренностію употребляемыя призыв-

(1) IV, 9 и 34. (2) Сочин. V, 35—36.

шимъ къ тому сильнымъ и добрымъ сложеніямъ тѣлѣ служатъ укрѣпленіемъ, а слабыхъ и непривычныхъ обуяютъ разумъ, приводятъ въ истощеніе и разрушаютъ; итакъ, чтобы дать вкусить свободу, сію небесную пищу, укрѣпляющую душу, надлежитъ, чтобы душа была достойна наслаждаться оною. Чтожь удобнѣе можетъ ее возвысить на сію чреду человѣчества? Безъ сомнѣнія единое воспитаніе. Оно отъ самыхъ нѣжныхъ отроческихъ лѣтъ упоеніемъ добродѣтели приводитъ въ созрѣніе духъ, и сильными начертаніями на сердцѣ, умягченномъ благоправіемъ, изображая все, чѣмъ человѣкъ обязанъ монархамъ и отечеству, производитъ въ немъ, если онъ и не имѣетъ отличныхъ дарованій, хотя не великаго, но конечно полезнаго гражданина, и дѣлаетъ его въ занимаемомъ по мѣрѣ силъ его округѣ достойнымъ членомъ общества.... Благоправіе съ великими талантами должно тѣсно сопряжено быть.... Славолубіе, поддерживаемое добродѣтелію, есть та лѣстница, по которой человѣкъ, одаренный способностями, прывыкаетъ и само человѣчество. Сія страсть великихъ и благородныхъ душъ, очищенная благоправіемъ, производила смертныхъ, коихъ имена, вписанныя въ храмъ вѣчности, остались безсмертными; она даровала вселенной Апеллесовъ и Праксителей въ древнія и новѣйшія времена; она оныхъ и Россіи даруетъ“ (¹). Та же необходимость нравственнаго образованія доказывается и въ рѣчи къ кадетамъ: „Остроумный и развращенный человѣкъ, когда сіе можетъ быть совмѣстно, говоритъ здѣсь Княжнина, пагубнѣ невѣжи простодушнаго. И для того правоученіе, священное и свѣтское, спѣшитъ вознести и сердце столь же высоко, какъ умъ; въ чемъ ему исторія великими примѣрами спомоществуетъ“ (²).

Изъ другихъ мелкихъ сочиненій Княжнина нужно упомянуть еще: „Нѣсколько басенъ и сказокъ“; „Письма къ княгинѣ Дашковой, на случай открытія Академіи російской“; „Отрывокъ толковаго сатирическаго словаря“; „Исповѣданіе Реманихи, посланіе къ сочинителю Былей и небылицъ“; „Отъ дяди стихотворца Рюмоскрыпа“. Всѣ они сатирическаго характера. Въ послѣднемъ стихотвореніи заключается сатира на плохихъ стихотворцевъ. Дядя совѣтуетъ стихотворцу Рюмоскрыпу „не страмить“ себя своими бездарными стихами:

«Не лучше ли, скажи, честному человѣку
Поденикомъ копать канавъ, или чистить рѣку?
Не лучше ли улицу камнями мостить?
Не лучше ли агурцы или морковь садить,

(¹) Сочин. V, 120—121. (²) Тамъ же 127.

Чѣмъ глупой стихъ точа, какъ деревянну пѣлку,
Разсудку здоровому его казать въ насмѣлку?

Но Риемоскрыпъ на этотъ совѣтъ отвѣчаетъ:

«Узнай же, что на то я только и родился,
Дабы вселенную въ стихи переложить.
Кто можетъ такъ легко, какъ я, производить?» (3).

Мѣщанская драма. Оды Державина, поэмы Хераскова и трагедіи Княжнина были написаны по формамъ прежняго ложно-классическаго направленія. Между тѣмъ, въ европейскихъ литературахъ еще въ началѣ XVIII в. явились зачатки уже новаго литературнаго направленія, которое стало формироваться вслѣдствіе новыхъ условій жизни европейскихъ народовъ. Съ паденіемъ феодализма, на мѣсто дворянства и аристократіи, возвысилось среднее сословіе и естественно обратило на себя вниманіе литературы. Въ прежнія времена, какъ въ дѣйствительной жизни, такъ и въ литературѣ, на первомъ планѣ стояли всегда лица придворныя и аристократическія или мнѣшескія и героическія лица древняго греко-римскаго міра, который во многихъ отношеніяхъ служилъ идеаломъ для двора и аристократіи; лица же изъ средняго и низшаго сословія могли играть только служебныя роли и выводились на сцену большею частію для посмѣянія. Теперь самые сюжеты для литературныхъ произведеній стали брать изъ жизни этихъ сословій, изображать нравы и обычаи мѣщанъ, купцовъ, ремесленниковъ и чиновниковъ. Новое содержаніе литературы неизбѣжно должно было сообщить ей и новое направленіе и измѣнить ея формы. Жизнь мѣщанства сначала совсѣмъ не имѣла того высокаго тона, той роскоши и пышности, какими отличалась жизнь двора и аристократіи; естественно, что литературныя изображенія этой жизни выходили несравненно проще прежнихъ классическихъ картинъ. Недостатокъ громкихъ и важныхъ событій въ этой жизни замѣняли явленія внутренней жизни, жизни сердца, разныя чувствованія и ощущенія. Изображеніе такихъ ощущеній и чувствованій, составляющихъ главный интересъ въ жизни простыхъ людей, сдѣлалось главнымъ предметомъ литературы, которая поэтому въ послѣдствіи и получила названіе „сентиментальной“. Въ противоположность и въ обличеніе испорченности великосвѣтской аристократической жизни, литература стала рисовать картины честнаго и степеннаго образа жизни простыхъ, еще неиспорченныхъ роскошью и извѣ-

(1) Тамъ же 62; 64.

женностию людей, и нравственное поучительное направлѣніе сдѣ-
лалось въ ней господствующимъ. Всѣ эти особенности новаго
литературнаго направлѣнія, развившагося вслѣдствіе новыхъ
элементовъ, внесенныхъ въ литературу, сначала обнаружались
въ англійской литературѣ въ еженедѣльных нравственныхъ из-
даніяхъ Стиля (1676—1729) и Аддисона (1672—1719), а потомъ
въ семейныхъ и правоучительныхъ романахъ Ричардсона (1689 —
1761). Но всего ощутительнѣе онѣ выразились въ драмѣ. Здѣсь
новое направлѣніе сказалось прежде всего въ смѣшеніи элемен-
товъ трагическаго и комическаго, которые прежде такъ рѣзко
раздѣлялись, что ни въ области трагедіи не могло быть ничего
комическаго ни въ области комедіи ничего печальнаго или тра-
гическаго. Какъ въ дѣйствительной жизни важное и смѣшное,
печальное и веселое идутъ вмѣстѣ и рядомъ, такъ и драма, дол-
женствующая быть вѣрнымъ отраженіемъ жизни, стала допускать
смѣшеніе того и другаго элемента. Вмѣстѣ съ тѣмъ она освободилась
отъ строгихъ и стѣснительныхъ правилъ классицизма, отъ такъ
называемыхъ трехъ единствъ времени, мѣста и дѣйствія, высокаго
слога и витѣвататаго языка и стала употреблять вмѣсто
стихотворнаго языка прозаическій. Заимствуя сюжеты преимуще-
ственно изъ мѣщанской жизни, она сама получила названіе „мѣ-
щанской“ (bourgeoise) драмы, или „слезной“ (larmoyante) комедіи,
такъ какъ содержаніе ея производило трогательныя, или какъ
говорили тогда, „жалостныя впечатлѣнія“.

Первые образцы мѣщанской драмы представили въ Англіи
Лилло въ своей драмѣ „Георгъ Барнвелъ, или дондонскій купецъ“
(1731) и Муръ въ драмѣ „Игрокъ“ (1753); во Франціи Дидро—
въ драмахъ „Побочный сынъ“ (1757) и „Отецъ семейства“ (1758);
Бомарше—въ драмахъ „Евгенія“ (1767) и „Мать преступница“,
Мариво, Детушъ и др.; въ Германіи Лессингъ—въ драмахъ „Сара
Самсонъ“, „Миша Фопъ-Баригельмъ“ (1767) и „Эмилія Галотти“
(1772). Дидро составилъ и теорію новой драмы; онъ назначилъ
ей среднее мѣсто между трагедіей и комедіей и раздѣлилъ ее на
два вида—слезную комедію и мѣщанскую трагедію; а Бомарше
въ предисловіи къ „Евгеніи“ слезную комедію назвать драмой,
каковое названіе перешло въ теорію словесности и стало озна-
чать третій видъ драматической поэзіи, занимающій средину меж-
ду героической трагедіей и шутилой комедіей. Всѣ указанныя
драмы Лилло, Мура, Дидро и Лессинга скоро появились и у
насъ въ русскомъ переводѣ и вызвали много передѣлокъ и под-
ражаній. У насъ, конечно, не было тѣхъ обстоятельствъ, въ слѣд-
ствіе которыхъ въ Европѣ развилась мѣщанская драма; дворян-
ство и при Екатеринѣ занимало такое же положеніе, какъ и
прежде; средняго сословія, или такъ называемаго „третьяго чина“,

у насъ такъ же не образовалось, хотя о созданіи его и говорилось въ „Наказѣ“ Екатерины и „Докладахъ“ Бецкаго; но самыя драмы, изображающія жизнь средняго сословія, не могли не правиться русскому обществу какъ простотою и естественностію своей формы, такъ особенно новостію, разнообразіемъ и занимательностію сюжетовъ, изображающихъ нравы настоящихъ людей, а не вымышленныхъ героевъ. „Несчастія близкихъ къ намъ людей, говоритъ Лессингъ, сильнѣе дѣйствуютъ на душу; имена полубоговъ и царей сообщаютъ піесѣ блескъ и величіе, но не производятъ такого трогательнаго впечатлѣнія“. Переводчикъ „Побочнаго сына“ Дидро, въ своемъ предисловіи къ переводу, говоритъ читателю: „неужели несчастія однихъ только знатныхъ людей, героевъ, завоевателей имперій, или раззорителей многихъ народовъ заслуживаютъ общую чувствительность, а участь прочихъ добрыхъ людей нашего вниманія недостойна и никакихъ впечатлѣній въ насъ произвести не можетъ? Предразсужденіе управляетъ правами; но не должно ли, чтобы разумъ когда нибудь хотя слегка просвѣщалъ оныя“. Поэтому переводомъ и передѣлкой указанныхъ выше мѣщанскихъ драмъ занимались многіе и лучшіе писатели, а нѣкоторыя драмы были переводимы по два, по три раза. „Игрокъ“ Мура, во французской передѣлкѣ, позъ заглавіемъ „Бeverлей“ былъ переведенъ извѣстнымъ актеромъ Дмитревскимъ, а одинъ изъ переводовъ „Эмилии Галотти“ Лессинга (1788) былъ сдѣланъ Карамзинымъ. Были переведены такъ же и другія мѣщанскія драмы: „Лондонскій купецъ, или приключенія Георга Барневеля“ Лилло (1764); „Притворная Агнеса“ Детуша (1764); „Чадолюбивый отецъ“ и „Побочный сынъ“ (1765) Дидро; „Игра любви и случая“ (1769) и „Вторично вкрадшаяся любовь“ (1773) Мариво; „Женевиль, или французскій Барневель“ (1778) Мерсье. За переводами начались передѣлки и подражанія. Между драмами Хераскова мы уже указали на двѣ слезныя драмы: „Другъ несчастныхъ“ и „Гопимые“; піесы Княжнина: „Несчастіе отъ кареты“ и „Сбитеньщикъ“ были написаны такъ же по подражанію новымъ драмамъ. Вообще мѣщанская драма произвела значительное оживленіе въ русской драмѣ. Отрывая постепенно отъ стѣснительныхъ правилъ и формъ ложноклассической теоріи, она повела къ попыткамъ создать новую русскую драму и комедію на національныхъ началахъ. Къ такимъ попыткамъ прежде всего относятся комедіи Лукина.

Комедіи Лукина. Въ исторіи русской драмы Лукинъ извѣстенъ главнымъ образомъ тѣми воззрѣніями и требованіями, какія онъ высказывалъ относительно русской комедіи и русскаго театра вообще. Онъ первый возсталъ противъ перенесенія на рус-

скую сцену иностранных пьесъ и чужихъ нравовъ и вообще противъ рабскаго подражательнаго направленія драмы и указалъ на необходимость своего національнаго театра ⁽¹⁾. Владиміръ Игнатьевичъ Лукинъ (1737—1794) происходилъ изъ небогатаго и не знатнаго состоянія. Своимъ возвышеніемъ онъ былъ обязанъ извѣстному кабинетъ-министру Екатерины II. П. Елагину, у котораго онъ состоялъ въ должности секретаря. Подъ руководствомъ Елагина и вмѣстѣ съ нимъ, Лукинъ началъ и свою литературную дѣятельность переводомъ „Приключеній Маркиза Г.“ Елагинъ ввелъ Лукина въ высшее придворное общество, такъ что онъ могъ бывать даже у наслѣдника престола. Свѣдѣнія о характерѣ Лукина мы получаемъ изъ „Признаній“ Фонъ-Визина, который служилъ такъ же у Елагина вмѣстѣ съ Лукинымъ и кажется въ качествѣ помощника Лукина. Фонъ-Визинъ представляетъ Лукина человѣкомъ безпримѣрнаго высокомерія и тяжелаго нрава. „Сей человѣкъ, имѣющій, впрочемъ, разумъ, говоритъ онъ о Лукинѣ, былъ безпримѣрнаго высокомерія и нравомъ тяжелъ пренесносно“. Этотъ высокомерный и тяжелый характеръ Лукина и его рѣзкіе отзывы о современныхъ писателяхъ, которые онъ высказывалъ, не стѣсняясь никакими авторитетами (даже такимъ авторитетомъ, какимъ тогда былъ Сумароковъ, на котораго есть ясныя намеки въ сочиненіяхъ Лукина), и были, конечно, причиною той вражды къ нему, которую онъ испытывалъ и на которую постоянно жаловался въ своихъ сочиненіяхъ. Сумароковъ не могъ равнодушно слышать одного имени Лукина. Въ современныхъ журналахъ Лукинъ и его сочиненія подвергались такимъ же обиднымъ насмѣшкамъ, какимъ прежде подвергались только Тредьяковскій и его стихотворенія ⁽²⁾. Во „Всеякой Всеячинѣ“ комедіи Лукина и сравнивались съ „Телемахидой“ Тредьяковскаго. Изъ всѣхъ современниковъ Лукинъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ только съ однимъ молодымъ писателемъ, Ельчаниновымъ. Затѣмъ, изъ жизни Лукина извѣстно еще то, что онъ нѣсколько времени былъ страстнымъ игрокомъ въ карты, о чемъ онъ сообщилъ въ предисловіи къ своей комедіи „Мотъ, любовію исправ-

---

⁽¹⁾ Владиміръ Лукинъ. А. Н. Пыпина Отеч. Зап. 1853 т. LXXXIX и XC. Эта статья, передѣланная и дополненная, помѣщена при новомъ изданіи сочиненій Лукина: Сочиненія и переводы Владиміра Игнатьевича Лукина и Богдана Егоровича Ельчанинова. Редакція П. А. Ефремова. Спб. 1868.

⁽²⁾ Журнальная полемика противъ Лукина весьма подробно изложена въ указанной выше статьѣ о Лукинѣ А. Н. Пыпина, стр. XVII—XIV.

ленный". Наконецъ, есть указаніе, что онъ принадлежалъ къ масонскому обществу и въ 70-хъ годахъ былъ великимъ мастеромъ въ ложѣ „Ураніи“.

Послѣ перевода, вмѣстѣ съ Елагинымъ, „Приключеній Маркиза Г.“ (въ этомъ переводѣ Лукинну принадлежать 5 и 6 части), Лукинъ перевелъ комедію Реньяра „Менехмы, или Близнецы“, комедію Кампистрона „Ревнивый, изъ заблужденія выведенный“, передѣлалъ изъ комедіи Буасси „Babillard“ комедію „Пустомеля“, изъ комедіи Кампистрона „L'amante amant“ комедію „Награжденное постояльство“, изъ французской пьесы „Boutique de Bijoutier“ комедію „Щепетильникъ“, изъ комедіи Колле „Depuis et Déronnais“ комедію „Тестъ и зять“, изъ комедіи Буасси „Le sage etourdi“ комедію „Разумный вертопрахъ“, изъ комедіи Реньяра „Le Distrait“ комедію „Задумчивый“, изъ комедіи Мариво „La seconde surprise de l'amour“ комедію „Вторично вкравшаяся любовь“. Оригинальнымъ же произведеніемъ Лукина была только одна комедія „Мотъ, любовью исправленный“.

Герой комедіи „Мотъ“ — Добросердовъ. Это легкомысленный молодой человѣкъ, по неопытности страстно увлекшійся карточной игрой и готовый совершенно погибнуть; но его спасаетъ добродѣтельная его любовница, Клеопатра. Въ предисловіи къ комедіи Лукинъ говоритъ, что онъ самъ былъ страстно преданъ карточной игрѣ и освободившись отъ этого порока, для назиданія другихъ, вздумалъ написать комедію. При этомъ онъ изображаетъ то общество игроковъ, въ которомъ онъ обращался. „Вообрази читатель, говорить онъ, по такой, который никогда самъ не игрывалъ, вообрази толпу людей, нерѣдко больше ста человѣкъ составляющую. Обычайно, собираются оныя художники въ большую палату. Иные изъ нихъ сидятъ за столомъ, иные ходятъ по комнатѣ, но всѣ сооружаютъ разные, достойные наказанія, вымыслы къ обыгранію своихъ соперниковъ. Хитрѣйшіе изъ нихъ скопомъ условливаются ограбить простачковъ, вновь появившихся. Но можно общественно объ нихъ сказать, что всѣ они съ однѣми приходятъ мыслями, дабы каждому у прочихъ отнять до послѣдней полушки и лишить не только пропитанія, но и самую чести. Вотъ причины ихъ собранія!... Изъ сотни обыкновенно одинъ или двое, подобно Крезу или Мидасу, имѣютъ предъ собою золотыя горы, возвышенныя изъ иждивенія несчастныхъ ихъ противоборниковъ, или лучше сказать изъ крови и жизни ихъ. Выигрывающіе богачи сидятъ кичливо, о столь облокотятся и имѣя видъ веселый, изъявляютъ неописанное удовольствіе, грабя звѣрски свою братію. А злосчастные игроки, истощающіе послѣднія силы, разные имѣютъ виды. Иные подобны блѣдностію лицъ мертвецамъ, изъ гробовъ встающимъ; иные кровавыми очами — ужас-

нымъ фуріямъ; иные унилостію духа — преступникамъ, на казнь ведущимся; иные необычнымъ румянцемъ — ягодъ клюквъ; а съ нихъ течетъ потъ ручьями. будто бы они претрудное и полезное дѣло съ посѣдшностію исполняютъ. Большая часть оныхъ мотовъ, пришедъ въ изступленіе, кланутъ день своего рожденія и родителей, бьютъ по столу, терзаютъ волосы, дерутъ карты, какъ гибельныя несчастія своего орудія.... „Все вышеписанное принудило меня сдѣлать „Мота“, потому что у насъ карточная игра главное мотовство составляетъ. Герой мой Добросердовъ, какъ мнѣ кажется, вподлинну имѣетъ доброе сердце и съ нимъ соединенное легковѣріе, что и погибель его составило... Я показаль въ немъ большую часть молодыхъ людей, и желаю, чтобы большая часть ежели не лучшими, такъ хотя бы такими же средствами исправлялись“ (¹).... Комедія обратила на себя вниманіе публики. „Она принята была, говоритъ Новиковъ въ своемъ словарѣ, изрядно; но сочинитель сей комедіи весьма много былъ одолженъ актерамъ, ее представлявшимъ, какъ о томъ и самъ онъ въ предисловіи на сію комедію изъясняетъ. Сочинитель ввелъ въ свою комедію два смѣшныя подлинника, которыхъ представлявшіе актеры весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ, такъ же и сходственнымъ къ тому платьемъ зрителей весьма много смѣшили“ (²). А Порошинъ рассказываетъ, что Павелъ Петровичъ, послѣ представленія комедіи на придворномъ театрѣ, изволилъ автора приглашать къ себѣ въ ложу, пожаловалъ его къ рукѣ и похвалилъ его за труды.

Всѣ другія комедіи Лукина, какъ переводы и передѣлки чужихъ комедій, сами по себѣ мало интересны, но весьма интересны и важны тѣ предисловія, которыя къ нимъ приложены. Въ этихъ предисловіяхъ, особенно къ комедіямъ „Мотъ“, „Награжденное постоянство“ и „Щепетильникъ“, и выражены какъ критика Лукина на современную русскую комедію, такъ и его собственныя воззрѣнія и требованія относительно русскаго театра. Новость въ комедіяхъ Лукина, которою онѣ отличались отъ прежней комедіи Сумарокова, и причислялись къ новой мѣщанской драмѣ, составляло уже то, что въ нихъ введены были „жалостныя вещи“, чего въ прежнихъ комедіяхъ не допускалось. Извѣстно, что Сумароковъ сильно возсталъ противъ „Евгеніи“ Бомарше, когда она въ первый разъ была представлена на московскомъ театрѣ, и весь родъ мѣщан-

(¹) Сочин. стр. 8—11.

(²) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изд. Ефремова, стр. 67.

ской комедіи называлъ „пакостнымъ родомъ“. Но главною заслугою Лукина стало то, что онъ объявилъ протестъ противъ подражательнаго направленія русской комедіи и требовалъ для нея національнаго содержанія. Онъ возмущался тѣмъ, что на русской сценѣ, для русскихъ людей представляются пьесы съ иностранными именами и нравами и вообще пьесы „не наше поведеніе знаменующія“. Мнѣ всегда несвойственно казалось, говорить онъ, слышать чужестранныя рѣченія въ такихъ сочиненіяхъ, которыя должны изображеніемъ нашихъ нравовъ исправлять не только общіе всего свѣта, но болѣе участные нашего народа пороки; и неоднократно слыхалъ я отъ нѣкоторыхъ зрителей, что не только ихъ разсудку, но и слуху противно бываетъ, ежели лица, хотя по нѣскольку на наши нравы походящія, называются въ представленіи Клитандромъ, Дорантомъ, Циталидою и Кладиною и говорятъ рѣчи, не наши поведеніи знаменующія. Негодованіе сихъ зрителей давно почиталъ я правильнымъ и всегда съ онымъ былъ согласенъ; но вдругъ на передѣлываніе комедіи не смѣлъ я пуститься. И если говорить истину, то всякій не вычищенный то есть на нравы того народа, предъ коимъ онъ представляется, не склоненный къ драмѣ образецъ покажется на театрѣ не что иное, какъ смѣсь—иногда русской, иногда французской. а иногда обоихъ сихъ народовъ характеры вдругъ на себѣ имѣющій“....⁽¹⁾ „Кажется, что въ зрителѣ, прямое понятіе имѣющемъ, къ произведенію скуки и сего довольно, если онъ однажды услышитъ, что русскій подъячій, пришедъ въ какой ни есть домъ, будетъ спрашивать: здѣсь ли имѣется квартира господина Оронта? Здѣсь, скажутъ ему, да чего жъ ты отъ него хочешь? Свадебный написать контрактъ, скажетъ въ отвѣтъ подъячій. Сіе вскружитъ у знающаго зрителя голову⁽²⁾. Въ подлинной русской комедіи имя Оронтово, старику данное, и написаніе брачнаго контракта подъячему вовсе не свойственно. Однако иные говорятъ, что и сіе имъ не противно. Я же чрезмѣрно дивлюсь, какъ можетъ русскому человѣку, дѣлающему подлинную комедію, придти въ мысли включить въ нее нотариуса, или подъячего для сдѣланія брачнаго контракта, вовсе намъ неизвѣстнаго. Первый у насъ только вексели протестуетъ, а другой только на должности своей дѣла въ

⁽¹⁾ Предисловіе къ „Награжденному постоянству“ стр. 112.

⁽²⁾ Разумѣется комедія Сумарокова „Трессотиніусъ, гдѣ дѣйствительно выводится подъячій съ свадебною записью и спрашиваетъ: „Кто здѣсь имѣется господинъ Оронтъ“?

томъ приказѣ исправляеть, откуда даютъ ему жалованье“⁽¹⁾. Но возстава противъ такого подражанія иностраннымъ комедіямъ, которое цѣликомъ переносило на русскую сцену иностранные нравы, Лукинъ совѣтовалъ передѣлывать чужія пьесы, или какъ онъ выражался, „склонять на русскіе нравы“. „Подражать и передѣлывать, говоритъ онъ, великая разница. Подражать значитъ брать или характеръ, или нѣкоторую часть содержанія, или нѣчто весьма малое и отдѣленное и такъ нѣсколько заимствовать; а передѣлывать значитъ нѣчто включить, или исключить, а прочее т. е. главное оставить и склонять на свои нравы.... Слышали вы, читатели, что за передѣлываніе комедіи многіе бранятся, но не слышали вы правильнаго опроверженія, что можетъ быть и никогда къ слуху вашему не достигается. Но я, не взирая на сихъ ненавистниковъ, буду всѣ шуточные театральныя сочиненія всевозможно склонять на наши обычаи, потому что многіе зрители отъ комедіи въ чужихъ нравахъ не получаютъ никакого поправленія. Они мыслятъ, что не ихъ, а чужестранцевъ осмѣиваютъ. Тому причиною, что они слышатъ Парижъ, Версалію, Тюллеріи и прочія, для многихъ изъ нихъ незнакомыя рѣченія; да и то имъ примѣтно, что осмѣиваемые образцы не только не свойственно нашимъ правамъ изъясняются, но что они и одѣты въ незнакомыя имъ одежды.... Есть много такихъ комедій, которыя общественныя только осмѣиваютъ пороки, какъ то гордость, клевету, неблагодарность и прочее; и казалось бы, что въ оныхъ ничего отмѣнять не должно; такъ думалъ и я, не выходя прямо въ свойство театра; а какъ скоро вошелъ, то много противнаго прежнему моему мнѣнію увидѣлъ. И въ оныхъ комедіяхъ есть много шутокъ и острыхъ словъ, которыя душею и украшеніемъ сего рода сочиненій называются и которыя не только не остры, но и вздорны будутъ, если ихъ переведемъ словесно, а не замѣнимъ своими; а если замѣнимъ, то уже будетъ тогда вольный переводъ, отъ котораго къ преложенію одинъ шагъ ступить надлежитъ, а ступивши, украсить цѣлое сочиненіе и онымъ пользу сдѣлать“⁽²⁾. Такимъ образомъ Лукинъ желалъ, чтобы русская комедія получила національный характеръ. Когда въ 1765 г. открылся народный театръ, онъ съ радостію писалъ къ другу своему Ельчанинову: „Сія народная потѣха можетъ произвести у насъ не только зрителей, но современемъ и писцовъ (т. е. писателей), которые сперва хотя и неудачны будутъ, но въ послѣдствіи исправятся. Словомъ, я искренно тебя увѣряю, что сіе для народа упражненіе весьма полезно, и потому великія похвалы

(¹) Тамъ же, 118—119. (²) Тамъ же, стр. 115—116.

достойно“⁽¹⁾. Народности Лукинъ желалъ не только въ содержаніи, сюжетѣ комедіи, но и въ языкѣ. Онъ не считалъ простой народный языкъ, какъ Сумароковъ, подлымъ и недостойнымъ вкуса образованныхъ людей. Въ предисловіи къ комедіи, передѣланной изъ пьесы „La boutique de bijoutier“ онъ говоритъ: „Издавая сію комедію на русскомъ языкѣ, не захотѣлось французское слово тиснуть русскими буквами. Чего ради, не взирая на то, что подвергнуся хулѣ, несмѣтному числу мнимыхъ въ нашемъ языкѣ знатоковъ, взялъ къ тому старинное слово „Щепетильника“, потому что всѣ наши купцы, торгующіе перстнями, серьгами, кольцами, запонками и прочимъ мелочнымъ товаромъ, назывались и нынѣ называются щепетильниками“⁽²⁾. Въ эту комедію Лукинъ ввелъ два новыя лица, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, и заставилъ ихъ говорить мѣстнымъ нарѣчіемъ.

Такія замѣчательныя воззрѣнія на театръ и въ частности на комедію высказалъ Лукинъ; къ сожалѣнію, у него не было необходимаго драматическаго таланта, чтобы осуществить на дѣлѣ то, что онъ представлялъ теоретически. Его судьба въ этомъ отношеніи была очень сходна съ судьбой Гредяковскаго, который такъ же въ своихъ стихотвореніяхъ не могъ выполнить тѣхъ требованій, которыя ясно сознавалъ и высказывалъ въ теоріи. Но важно было уже и то, что онъ другимъ указалъ на фальшивыя стороны тогдашней русской комедіи и на необходимость въ ней національнаго направленія.

По примѣру Лукина, и другіе писатели стали иностранныя пьесы „склонять на русскія нравы“ или изображать прямо русскія сцены изъ народной жизни. Особенно въ большую моду вошли комическія оперы въ народномъ духѣ, которыя служили переходомъ отъ подражаній и передѣлокъ къ оригинальнымъ русскимъ пьесамъ. Выше указано на оперы импер. Екатерины: „Февей“, „Новгородскій богатырь Боеславичъ“, „Отецъ съ дѣтьми“ и др. Очень часто давались на сценѣ: „Анюта“ (1772) Михайлы Попова; „Любовникъ колдунъ“ (1774); пьесы Матвѣева (бывшаго крѣпостнаго человека гр. Ягужинскаго): „Перерожденіе“ (1777); „Гостинный дворъ“ (напеч. въ 1792 г.); „Мельникъ“ Аблесимова (1779); „Розана и Любимъ“ (1781) Николаева; „Судьба деревенская“ (1772) Прокудина-Горскаго; „Колдунъ, ворожея и сваха“ (1786) Юкина; „Счастливая тоня“ (1786) „Баба-Яга“ (1788) и „Калифъ на часъ“ (1786) кн. Д. Горчакова. Но какъ лучшія во всей этой области новой русской драмы отлѣльно должны быть указаны только нѣкоторыя пьесы Аблесимова, Веревкина, Ефимьева, Клущина и Плавильщикова.

(1) Тамъ же, 184. (2) Тамъ же, стр. 190.

Комедіи и оперы Аблесимова, Веревкина, Клушина, Фомьева и Плавильщикова. Александръ Онисимовичъ Аблесимовъ (1742—1784) былъ сынъ одного галичскаго помѣщика. Состоя на службѣ въ лейбъ-компанской канцеляріи при Сумароковѣ и часто переписывая на бѣло его стихотворенія, онъ и самъ получилъ наклонность къ стихотворству. Первымъ стихотворнымъ опытомъ его были сказки въ стихахъ, напеч. въ 1769 г. Затѣмъ онъ написалъ двѣ оперы: „Мельникъ“ и „Счастіе по жеребью“; двѣ комедіи: „Подъяческая пирушка“ и „Походъ съ непремѣнныхъ квартиръ“, „Діалогъ странники“, на открытіе петровскаго театра, и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Особенную извѣстность доставила Аблесимову его небольшая комическая опера „Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ“. Вотъ ея содержаніе. Мельникъ Фаддей, подобно другимъ мельникамъ, слыветъ въ народѣ колдуномъ и пользуется этой славой для своихъ выгодъ. Онъ говоритъ: „Смѣшно, право, какъ я вздумаю: говорятъ, будто мельница безъ колдуна стоять не можетъ, и уже де мельникъ всякой не простъ: они де знаются съ домовыми, и домовые-то у нихъ на мельницахъ какъ черти ворочаютъ.. ха! ха! ха!.. какой сумбуръ мелютъ. А я, кажется, самъ коренной мельникъ: родился, выросъ и состарился на мельницѣ, а ни одного домовова съ-роду въ глаза не видывалъ. А коли молвить матку-правду, то кто смышленъ и гораздъ обманывать, такъ вотъ все и колдовство тутъ.... Да пускай што хотятъ они, то и бредятъ; а мы наживаемъ этимъ ремесломъ себѣ хлѣбецъ.

«Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовутъ того цыганомъ,
А цыганскою ухваткой
Прослыветъ колдунъ угадкой.
И колдовки колотовки
Тѣже дѣлаютъ уловки.
Много всякаго есть сброду:
Наговариваютъ воду,
Рѣшетомъ вертятъ мірянамъ
И живутъ такимъ обманомъ» ⁽¹⁾.

Къ этому мельнику приходитъ однодворецъ Филимонъ и проситъ его помочь ему въ бѣдѣ: у него есть невѣста Анята, но онъ не надѣется жениться на ней, потому что отецъ и мать ея несогласны между собою на счетъ жениха: отецъ хочетъ выдать свою дочь за крестьянина, а мать сама „дворянскаго отродья“—

---

(1) Сочиненія Аблесимова. Изд. Смирдина, Спб. 1849 стр. 4.

за дворянина. Мельникъ общаетъ устроить дѣло и устраиваетъ его тѣмъ, что доказываетъ отцу и матери Аняты, что его женихъ Филимонъ и дворянинъ и крестьянинъ, что онъ „однодворецъ“.

«Еще вотъ да что оно
На Руси у насъ давно:
Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ и самъ бояринъ,
Самъ и пашетъ, самъ оретъ
И съ крестьянъ оброкъ беретъ.
Это знайте,
Это знайте.
Не вступайте
Больше въ спорецъ;
Ево знаютъ,
Называютъ
Однодворецъ» (¹).

Въ первый разъ опера была представлена на московскомъ театрѣ въ 1779 г. и весьма понравилась. „Сія піеса, сказано о ней въ Драматическомъ словарѣ 1787 г. столько возбудила вниманія отъ публики, что много разъ сряду была играна и за- всегда театръ наполнялся, а потомъ въ Петербургѣ была пред- ставлена много разъ у Двора и въ случившемся на тогдашнее время вольномъ театрѣ у содержателя Кяппера была играна сряду 27 разъ, не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любопытствовали довольно; коротко сказать, что едвали не первая русская опера имѣла столько восхитительныхъ зрителей и плесканій“. Опера нравилась всѣмъ простотою сюжета въ чисто народномъ духѣ и особенно народными пѣснями.

Михаилъ Ивановичъ Верекинъ (ум. 1795 г.), бывший первымъ директоромъ первой русской гимназій въ Казани, извѣстенъ какъ одинъ изъ замѣчательныхъ литераторовъ и общественныхъ дѣятелей во 2-й половинѣ XVIII в. Исполняя разные должности на разныхъ мѣстахъ службы, онъ въ тоже время любилъ заниматься переводомъ книгъ съ иностранныхъ языковъ (нѣсколько времени онъ былъ переводчикомъ книгъ при Кабинетѣ) и писалъ свои сочиненія. Изъ сочиненій его всего извѣстнѣе комедіи: „Такъ и должно“ (1773), „Именинникъ“ (1774) и „Точь въ точь“ (1785). Дѣйствіе комедіи „Такъ и должно“ про-

---

(¹) Тамъ же, стр. 30.

исходить, по словамъ автора, „въ одномъ изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ отъ столицы городовъ“. Молодой Доблестинъ влюбленъ въ Софью, внучку уѣздной дворянки, Афросиньи Сысоевны, которая походитъ на Ханжахинову въ комедіи Екатерины, и подобно Ханжахиной такъ же недовольна своимъ временемъ, въ которомъ она видитъ только мотовъ, безбожниковъ и фармазоновъ. Софья такъ же любитъ Доблестина, и свадьба должна была состояться. Но вотъ является изъ турецкаго плѣна, какъ Стародумъ изъ Сибири, дядя жениха, старый Доблестинъ, но только совѣтъ не такимъ богатымъ, какъ Стародумъ, а въ самомъ нищенскомъ видѣ, такъ что его приняли за бродягу и посадили въ тюрьму. Чтобы устроить своего дядю, молодой Доблестинъ хочетъ уступить ему половину своего имѣнія. Это обстоятельство едва совѣтъ не разстроило свадьбы. Скупая Афросинья Сысоевна, узнавъ о пожертвованіи жениха въ пользу дяди, не хотѣла отдать за него свою внучку и согласилась на это только тогда, когда самъ Доблестинъ отказался отъ приданаго Софьи. Въ комедіи отразился живой и острый умъ, которымъ отличался Веревкинъ въ современномъ образованномъ обществѣ; нѣкоторыя лица, какъ старуха Афросинья, воевода Протазанъ Безчастный, Урывай Алтынниковъ, съ приписью полѣячій изображены характерно и доказываютъ въ авторѣ несомнѣнный драматическій талантъ. Сцены, въ которыхъ молодой Доблестинъ встрѣчаетъ своего дядю въ видѣ нищаго колодника и потомъ требуетъ его освобожденія изъ тюрьмы, написаны трогательно и должны были производить сильное впечатлѣніе. Но этимъ сценамъ комедія и была причислена къ слезнымъ комедіямъ.

Дмитрій Владиміровичъ Ефимьевъ (1768—1804), воспитанникъ кадетскаго корпуса, сочинилъ три трагедіи: „Преступникъ отъ игры, или братомъ проданная сестра“, „Слѣдствіе братомъ проданной сестры“, „Вояжоръ, или воспитаніе безъ успѣха“. Первая комедія часто давалась съ успѣхомъ на театрахъ. Она написана подъ вліяніемъ „Игрока“ Мура. Содержаніе ея слѣдующее. Молодой офицеръ Безразсудовъ, страстный игрокъ, проигравъ въ карты все свое имущество, рѣшился продать сестру свою Прелесту, выдавъ ее за крѣпостную дѣвку, которую будто мать его любила, какъ родную, и по смерти своей поручила его надзору. Къ счастью, покупщикомъ явился знакомый Безразсудова, Честонъ, который былъ влюбленъ въ Прелесту; онъ заплатилъ долгъ Безразсудова и женился на Прелестѣ. Другія двѣ пьесы Ефимьева такъ же давались на сценѣ, но не были напечатаны.

Александръ Ивановичъ Клуниинъ (1780—1804), издатель сатирическаго журнала, „С.-Петербургскій Меркурій“, напечаталъ нѣсколько пьесъ, изъ коихъ лучшею считалась пьеса „Смѣхъ и Горе“, такъ названная потому, что въ ней дѣйствующими лицами являются Хохоталкинъ, который на все въ мірѣ смотритъ глазами Демокрита, и Плаксинъ, который обо всемъ сокрушается и плачетъ, подобно Гераклиту.

Петръ Алексѣвичъ Плавильщиковъ (1759 — 1812) извѣстенъ какъ знаменитый драматическій артистъ и какъ образованный писатель. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ, онъ поступилъ актеромъ въ петербургскій театръ, гдѣ славились въ это время Волковъ, Дмитревскій и Шумскій, потомъ онъ перешелъ въ московскій театръ и здѣсь игралъ вмѣстѣ съ Шушеринымъ. Состоя въ должности драматическаго артиста въ театрѣ, онъ въ то же время занимался литературой. Онъ помѣщалъ разныя статьи въ стихахъ и прозѣ въ журналѣ „Зритель“ и писалъ трагедіи, драмы и комедіи, изъ которыхъ болѣею извѣстностію пользовались: „Бобыль“, „Мельникъ и сбитенщикъ, соперники“ и „Сговоръ Кутейкина“. На послѣдней комедіи видно сильное вліяніе „Недоросля“ Фонъ-Визина. Няня Митрофанушки, Еремѣевна сватается за Кутейкина купеческую дочь Прасковью, у которой есть другой женихъ, молодой купецъ, Эрастъ. Отецъ невѣсты, Власъ, на сторонѣ Кутейкина; мать же ея, Соломанида, на сторонѣ Эраста. Эрастъ одерживаетъ верхъ надъ Кутейкинымъ тѣмъ, что у него есть вексель Власа, по которому Власъ заплатитъ ему не въ состояніи, и потому долженъ согласиться выдать свою дочь за Эраста.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Изъ представленнаго обзора русской литературы въ Екатерининскую эпоху видно, что литература эта развивалась подъ сильнымъ вліяніемъ литературъ европейскихъ. Это вліяніе мы замѣтили на произведеніяхъ не только второстепенныхъ, но и образцовыхъ писателей; въ сочиненіяхъ Фонъ-Визина, Державина, Княжнина, Хераскова встрѣчаются постоянно не только подражаніе въ формѣ, но и заимствованіе сюжетовъ, передѣлки и буквальные отдѣльныя мѣста. Съ произведеніями иностранныхъ литературъ наши писатели и читающая публика знакомились частію по подлинникамъ, но всего больше по переводамъ. Сознавая важность и необходимость переводовъ для успѣховъ образованія и литературы импер. Екатерина, чтобы поощрить къ этому

дѣлу, въ 1768 г. назначила ежегодно выдавать по пяти тысячъ рублей „изъ собственной шкатулки“. Составившаяся по этому случаю при Академіи наукъ переводческая коммиссія, называемая переводческимъ департаментомъ, придавала особенную цѣну переводамъ сочиненій греческихъ и римскихъ писателей и предлагала вновь и резодить тѣ сочиненія, которыя были уже переведены, но не съ подлинника, а съ иностраннаго переложенія. Коммиссія эта, впрочемъ, перевела не особенно много книгъ и существовала только 11 лѣтъ¹⁾. Съ учрежденіемъ Россійской Академіи, она была закрыта, и всѣ суммы, принадлежавшія ей, были переданы Академіи. Книжкина Дашкова при Россійской Академіи въ 1790 г. снова открыла „Переводческій департаментъ“, который замѣнилъ собою „Собраніе переводчиковъ“, или „Россійское собраніе при Академіи наукъ“. При московскомъ университетѣ въ 1771 г. составилось учено-литературное общество, подъ названіемъ „Вольнаго Россійскаго Собранія“. Главною цѣлю этого общества поставлено было исправленіе и обогащеніе русскаго языка, а въ рѣдѣшнихъ средствахъ для достиженія этой цѣли признано было изданіе сочиненій и переводовъ, стихотворныхъ и прозаическихъ, и составленіе словаря. Труды этого общества печатались въ особомъ изданіи, подъ заглавіемъ: „Опытъ переводовъ Вольнаго Россійскаго Собранія“. — Занимались переводами разные писатели, которые обыкновенно и начинали свою литературную дѣятельность съ переводовъ. Фонъ Визинъ, какъ мы видѣли, началъ съ переводовъ басней Гольбера и Сновъ царя Египетскаго аббата Террасона; Державинъ принимался переводить Телемака, Мессіаду Клопштокъ, Фелру Расина; Гнѣздинъ переводилъ Генріаду Вольтера, трагедіи Расина; Костровъ—Іліаду, Золотого осла, пѣсни Оссіана; Львовъ и Мартиновъ—пѣсни Анакреона; съ англійскаго языка переводили Петровъ и Муравьевъ. Кромѣ отдѣльных изданій, переводы помещались въ журналахъ. Большая часть издателей журналовъ были и сами извѣстны, какъ переводчики. Та-

---

¹⁾ Вотъ, между прочимъ, какія книги были переведены въ это время: Омирова Ватрахоміомэхія т. е. брань лягушекъ и мышей; Діодора Сицилійскаго историческая Вивлюэика ч. I—VI; Виргиліевой Энеиды три книги; Размышленія о великости и упадкѣ Римлянъ; Кандидъ Вольтера; Торквато Тасса Освобожденный Іерусалимъ; Свифта Гулливеровы Путешествія; изъ романовъ Фильдингъ: Приключеніе Іосифа Андревса и Авраама Адамса; Дѣянія Вильда великаго; Амелія; Корнелія; Нечальное зрѣлище; Смерть Помпея; его же Позорище; Пилъ; Омирова Іліада; Вольтерова Генріада; Твореній велемудраго Платона часть I. Смотри. Истор. рос. Академіи М. И. Сухомлинова. Вып. I. 346—349.

ковы были: издатель „Невиннаго Увеселенія“ Богдановичъ; издатель „Добраго Намѣренія“ и другихъ журналовъ. Санковский; издатель „Адекой Почты“ Эминъ, который зналъ нѣсколько азіатскихъ и европейскихъ языковъ и состоялъ переводчикомъ при кабинетѣ и министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; издатель „Трудолюбиваго Муравья“ Рубанъ. Какъ переводчики извѣстны также Елагинъ и Лукинъ. Но особенно важное значеніе въ переводной и издательской дѣятельности имѣло „Дружеское Ученое Общество“ Новикова; при этомъ обществѣ существовала „Переводческая Семинарія“, главнымъ занятіемъ которой было переводить лучшія сочиненія съ иностранныхъ языковъ. Изъ литературныхъ сочиненій здѣсь были переведены, между прочимъ, „Юлій Цезарь“ Шекспира и „Эмилія Галотти“ Лессинга (Карамзиннымъ), „Потерянный рай“ Мильтона и „Мессіада“ Клопштока. — При развитіи вкуса къ театру, особенный запросъ былъ въ обществѣ на драматическія сочиненія, которыхъ, какъ показываетъ „Драматическій Словарь“ 1787 г., было переведено весьма много ⁽¹⁾. Переводилось много и произведеній другихъ родовъ изъ древнихъ и новыхъ литературъ ⁽²⁾.

---

(1) Въ Драматическомъ Словарѣ, между прочимъ, указаны слѣдующія сочиненія. Изъ древней литературы: комедіи Теренція (которыя, впрочемъ, были только переведены, но не игрались на сценѣ): Адельфы; Андрияшка; Еввонтиморуженосъ, или человекъ самъ себя наказывающій; Евнухъ; Екира, или Свекровь; Форміонъ; изъ сочиненій Мольера: Азифтрионъ, Жоржъ Дандинъ, Мизантропъ, Мѣщанинъ во дворянствѣ, Припущенная женитба, Сицилианецъ, Скапиновы обманы, Тартюфъ, Школа женъ, Школа мужей; изъ сочиненій Корнеля: Сидъ, Смерть Помпея, Цинна; Расина: Авалія, Есфирь; Вольтера: Брутъ, Меровъ, Альзира, Заира, Магометъ; Бомарше: Евгений, Севильскій цирюльникъ; Шекспира: Виндзорскія кумушки. Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье, Гамлетъ, Жизнь и смерть Ричарда III. Юлій Цезарь; Лессинга: Эмилія Галотти, Миссъ Сара Самсонъ, Молодой ученый, Миена фонъ-Баригельмъ. Изъ другихъ переводныхъ пьесъ указаны комедіи Голдони, Детуша, Марииво, Реньяра, Мармонтеля, Гольберга. Кромѣ того въ Драматическомъ Словарѣ указано много разныхъ оперъ, которыя тогда были въ большой модѣ и постоянно давались на сценѣ.

(2) Изъ древнихъ переводились сочиненія Демосоева, Діодора Сицилійскаго, Ксенофонта, Павзанія, Тацита, Плинія младшаго, Саллюстія, Светонія, Сенеки, Овидія, Теренція, Цинцерона; изъ новыхъ сочиненія Бернардена де сенъ-Пьера, аббата Прево, Фенелона, Лесажа, Мармонтеля, Реньяра, Флоріана, Гольдсмита, Джонсона, Свифта, Стерна, Юма, Юнга, Геснера, Гольберга, Крамера, Циммермана, Боккачіо, Сервантеса (Донъ-Кихотъ въ переводѣ Осипова) и др.

Нѣкоторыя книги были переведены по повелѣнію самой императрицы. Къ такимъ книгамъ принадлежали: „Политическія наставленія“ Вильгельма (1768—1775), „Истолкованія англійскихъ законовъ“ Блэкстона, „Письма“ Эйлера о различныхъ предметахъ физики и философіи, „Естественная исторія чловѣка и животныхъ“ Бюффона. Нѣкоторыя переводныя сочиненія пользовались особенною популярностію. Таковы были: Велисарій Мармонтеля Путешествія Анахарсиса по Греціи Бартеlemi, Нума Помпилій Флоріана, нѣкоторыя сочиненія аббата Прево. Указывая выше на повѣсть „Нума Помпилій“ Флоріана, передѣланную Херасковымъ, мы замѣтили, что въ XVIII в. особенною популярностію пользовался тотъ родъ сочиненій, въ которыхъ, подъ именами разныхъ знаменитыхъ мужей древности, изображали современныхъ государственныхъ дѣателей, или отъ лица древнихъ мужей предлагались уроки политической мудрости, изображались новые идеалы и планы государственнаго управленія. Къ такимъ сочиненіямъ принадлежала и повѣсть Велисарій“. Это сочиненіе считалось въ то время смѣлымъ протестомъ противъ фанатизма и религіозной чужеродности и во Франціи подверглось запрещенію и преслѣдованію католическаго духовенства. Но Екатерина, увлекавшаяся тогда гуманною стороною новыхъ либеральныхъ сочиненій, получила „Велисарія“ отъ Мармонтеля, вздумала перевести его на русскій языкъ, во время своего путешествія по Волгѣ въ 1766 г. вмѣстѣ со своими спутниками. Переводомъ занимались 11 чловѣкъ; 12-му поручено было написать посвященіе перевода петерб. митрополиту Гавріилу, отличавшемуся особенною терпимостію и гуманностію взглядовъ. Сама Екатерина перевела 9-ю главу, наибольшую по объему, но замѣчательную по содержанію. „Нравоученіе, сказано было въ посвященіи, нужно всѣмъ народамъ и во всѣхъ состояніяхъ жизни. Блаженство общества зависитъ отъ добраго поведенія членовъ онаго; итакъ полезно имъ напоминать о долгѣ чловѣка и гражданина, и представляя примѣры добродѣтели, воспламенить сердца ихъ ревностію подражать достойнымъ лицамъ, кои прежде ихъ жили. Велисаръ такого рода сочиненіе. Герой, рожденный Юстиніаномъ, окруженный всѣми возможными злополучіями, непоколебимое мужество и безпримѣрное великодушіе оказывать. Изъ устъ его исходяція слова столь премудры, сколь поведеніе его свято. Наставленія Тиверію можно именовать наставленіями всѣмъ государямъ и всему роду чловѣческому“⁽¹⁾. Въ Путешествіи Анахарсиса, въ формѣ учено-литературной повѣсти, изображается бытъ древней Греціи. Скиѣт

(1) Ист. Росс. Акад. Вып. I, 117—125.

Анахарсисъ, поселившійся въ Аѳинахъ, весьма часто отправлялся изъ Аѳинъ въ различныя мѣста Греціи для изученія быта тамошнихъ жителей, ихъ понятій и вѣрованій, образа правленія, степени умственного развитія и т. д. Анахарсисъ бесѣдовалъ и переписывался съ Платономъ, Аристотелемъ, Демосфеномъ, Эпаниномъ и проч. При описаніи всего этого постоянно имѣется въ виду современное состояніе Франціи и обличеніе современныхъ общественныхъ пороковъ и недостатковъ⁽¹⁾. Въ большомъ ходу были сочиненія аббата Прево: „Приключенія Маркиза Г.... или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ“ (въ переводѣ Елагина и Лукина 1756—1765); „Философъ англійскій, или житіе Клевеланда, побочнаго сына Кромвеля, имъ самимъ писанное“ (1760—1767); „Настоятель Килеринской (1765—1787). Всѣ эти сочиненія, наполнены разнообразными, запутанными приключеніями и картинами, проникнуты нравственнымъ направленіемъ. Содержаніе приключеній Маркиза Г. составляетъ исторію его жизни. Маркизь Г. страждуетъ и испытываетъ разнаго рода несчастія, потерю родныхъ, пелену и проч., но и въ самыхъ горестныхъ обстоятельствахъ остается добродѣтельнымъ. Весь романъ наполненъ нравсучительными размышленіями.

По подражанію сочиненіямъ Прево и особенно Приключеніямъ маркиза Г. или Елаголя, какъ его у насъ называли, явились и въ нашей литературѣ романы и повѣсти: „Непостоянная фортуна, или Похожденіе Мирамонда“ (1763) Эмина, который описалъ здѣсь разнообразныя приключенія своей собственной жизни, въ лицѣ Ферилита, товарища Мирамонда, который представляется сыномъ министра турецкаго султана, отправленнымъ въ разныя государства, для ихъ изученія; „Несчастный Никаноръ, или Приключеніе жизни російскаго дворянина Н.“, „Страшныя приключенія Могушанина, російскаго дворянина“ (1796). Значительно такъ же были распространены у насъ въ переводѣ „Приключенія Фоблаза“, Луве-де-Куврэ, вызвавшія также вѣскольکو подражаній, каковы: „Пригожая пожариха“, повѣсть М. Чулкова (1770); „Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и общества“ (1799—1801) А. Измайлова.

Сочиненія французскихъ философовъ и энциклопедистовъ. Но во второй половинѣ XVIII в., когда повсюду господствовала французская философія, и у насъ особенно были распространены сочиненія французскихъ философовъ и энциклопедистовъ. Сочувствіе къ французской философіи и литературѣ, какъ замѣчено

⁽¹⁾ Тамъ же Вып. IV, 124—128.

выше, началось еще въ царствованіе Елисаветы. Въ одно время съ Сумароковымъ, переводившимъ и передѣлывавшимъ трагедіи Вольтера, увлекался его талантомъ И. И. Шуваловъ, который нѣсколько разъ писалъ къ нему, а потомъ ѣздилъ къ нему въ Ферней, для личнаго свиданія. Въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы стали появляться сочиненія Вольтера въ русскомъ переводѣ. Но усиленное знакомство съ сочиненіями французскихъ философовъ и энциклопедистовъ началось въ царствованіе Екатерины, которая подала примѣръ въ этомъ отношеніи своими сношеніями съ Вольтеромъ, Дидро и Даламберомъ. Княгиня Дашкова говоритъ въ своихъ Запискахъ, что чтеніе энциклопедистовъ съ раннихъ лѣтъ составляло ея любимое занятіе и что книгу Гельвеція „О духѣ“ она прочитала два раза, чтобы глубже вникнуть въ смыслъ его философіи. И. В. Лопухинъ такъ же рассказываетъ въ своихъ Запискахъ, что онъ охотно читалъ „Вольтеровы пасмѣшки, Руссовы опроверженія, Систему природы Гольбаха и что даже перевелъ приложенное къ ней сочиненіе Морелли „Уставъ природы“ (Code de la nature). Русскіе вельможи, путешествовавшіе по Европѣ, или жившіе тамъ по обязанностямъ службы, считали долгомъ знакомиться съ философами и энциклопедистами. Князь Д. Н. Голицынъ, бывшій русскимъ посланникомъ въ Парижѣ, напечаталъ въ Гагѣ книгу Гельвеція и посвятилъ ее Екатеринѣ. Графъ Григорій Орловъ былъ почитателемъ Руссо и Гельвеція; онъ переписывался съ Руссо и предлагалъ ему любезное гостепріимство въ одномъ изъ своихъ помѣстій. Точно также братъ его, Владиміръ Орловъ, приглашалъ Руссо жить въ свои помѣстья въ Россіи. Графъ К. П. Разумевскій имѣлъ намѣреніе предложить Руссо въ подарокъ свою огромную библіотеку, дать ему пенсію и мѣстопробываніе въ одномъ изъ своихъ безчисленныхъ помѣстій въ Малороссіи. Въ сношеніяхъ съ Руссо находился князь А. М. Вѣлосельскій, который, живя во Франціи, ѣздилъ также и къ Вольтеру въ Ферней. Но всего сильнѣе подвергались влиянію философіи энциклопедистовъ молодые люди, отправлявшіеся для ученія въ заграничныя университеты. Какъ на печальную жертву этого вліянія и какъ вообще на примѣръ сильнаго увлеченія русскихъ юношей всѣмъ заграничнымъ, при этомъ можно указать на тѣхъ 12-ть студентовъ, которые въ 1766 г. были отправлены Екатериной въ Лейпцигскій университетъ, для изученія науки правовѣдѣнія, и въ числѣ которыхъ находились извѣстные Ушаковъ, Радищевъ и Кутузовъ. Они до того увлекались всѣмъ иностраннымъ, что совсѣмъ забывали свой русскій языкъ. Они и мало говорили по русски и даже письма домой писали по нѣмцки. Одинъ изъ сыновей Радищева передаетъ, что когда студенты вернулись въ Россію, они постоянно въ русскомъ раз-

говорѣ вставляли латинскія, нѣмецкія, французскія слова. По разсказу того же сына Радищева плохое знаніе русскаго языка мѣшало даже службѣ Радищева и Кутузова въ сенатѣ. Радищевъ старался восполнить усердными занятіями свое знаніе русскаго языка и пользовался уроками А. В. Храповицкаго. Когда императрица узнала по возвратившимся студентамъ о томъ небреженіи, въ какомъ находится у насъ въ Лейпцигѣ русскій языкъ, то къ оставшимся еще за границей русскимъ дворянамъ, былъ отправленъ въ качествѣ учителя русскаго языка, нѣкій Сергѣй Подобѣдовъ⁽¹⁾. Но не одни знатные вельможи въ столицахъ, или жившіе за границей, увлекались сочиненіями французской философіи и литературы, но и люди, жившіе въ отдаленныхъ русскихъ провинціяхъ. Тамбовскій помѣщикъ Рахманиновъ переводилъ и печаталъ сочиненія Вольтера въ своей типографіи. Директоръ казанской гимназіи Веревкинъ, сдѣлавшій много переводовъ съ иностранныхъ языковъ, собирався перевести и напечатать всю Энциклопедію Дидро. Порошинъ въ своихъ Запискахъ разсказываетъ, что „Записки“ Вольтера, вмѣстѣ съ Генриадой, читали вассѣднику Павлу Петровичу, при его обученіи, а изъ другихъ источниковъ извѣстно, что Вольтера читали и воспитанники въ кадетскомъ корпусѣ. Всего болѣе читались и переводились сочиненія Вольтера⁽²⁾, Дидро, Даламбера, Руссо, Гельвеція, Рейналя, Даржанса, Вольтея. Изъ переводчиковъ, кромѣ уже упомянутыхъ выше, извѣстны еще Харламовъ, Башиловъ, Тузовъ, Козельскій. Нѣкоторые сочиненія указанныхъ писателей печатались отдѣльно, другія помѣщались въ журналахъ. Изъ сочиненій болѣе знаменитыхъ дѣлались извлечения и сборники, подъ заглавіемъ: Духъ Вольтера. Духъ Руссо. Духъ Гельвеція. — Какъ же понимались и какое вліяніе производили эти сочиненія на русскихъ читателей? — Характеризуя это вліяніе, историкъ Соловьевъ говоритъ: „Въ однихъ вліяніе прочитаннаго не было сильно; знакомство съ литературою служило имъ для вѣѣшнихъ только цѣлей, для паженія лоска; обычное въ переходныя времена двувѣріе, поклоненіе новымъ богамъ безъ покинутія старыхъ видимъ и здѣсь; въ другихъ, отрицательное направленіе модной французской литературы поколебало религіозныя и нравственныя убѣжденія; въ третьихъ, произошла борьба, окончившаяся рано или поздно торжествомъ религіозныхъ убѣждений, четвертые съ

(1) Сборн. истор. Общ. X, 114 и 126.

(2) О переводахъ сочиненій Вольтера на русскій языкъ смотр. статью Д. Д. Языкова: «Вольтеръ въ русской литературѣ. Историко-библіограф. этюдъ». Древн. и Нов. Россія. 1878, № 9.

наслаждениемъ читали блестящія остроуміемъ произведенія отрицательной литературы, гостѣнно имъ вѣрили, но находили много правды и успокаивались тѣмъ, что отрицалось не свое, а чужое, нападки сыпались на католицизмъ, католическое духовенство. Наконецъ, какъ обыкновенно бываетъ, при господствѣ извѣстнаго направленія, переходящемъ болѣею частію въ деспотизмъ и употребляющему своего рода терроръ, мало находится людей, которые бы прямо высказали свои убѣжденія, свое неодобреніе господствующему направленію. неодобреніе тому или другому его представителю; такъ и въ Россіи въ описываемое время люди и несочувствующие напр. Гельвецію, съ уваженіемъ отзывались о его книгѣ; не хотѣлось явиться обскурантомъ, казалось, что, давши неодобрительный отзывъ о знаменитой книгѣ, тѣмъ самымъ дѣлають выходку вообще противъ просвѣщенія“ (1). Выше замѣчено, что при сужденіи о характерѣ и значеніи философіи и литературы XVIII в. надобно различать въ нихъ двѣ стороны — положительную, гуманную, и отрицательную, скептическую и революціонную. Гуманная сторона философіи и литературы, какъ мы видѣли, увлекала Екатерину и всѣхъ лучшихъ людей ея вѣка; въ сочиненіяхъ Екатерины, Фонъ-Визина, Державина, Хераскова, Княжнина и др. постоянно встрѣчаются новыя гуманныя идеи вѣротерпимости, свободы совѣсти и разумнаго отношенія къ предметамъ вѣры и нравственной дѣятельности, новыя челоуѣколюбивыя начала въ воспитаніи, образованіи, законодательствѣ и управленіи. Но проводимыя въ литературѣ, составлявшія предметъ разговоровъ въ обществѣ, бывшія темой разсужденій и рѣчей въ ученыхъ и другихъ собраніяхъ, эти идеи, однакоже, плохо усваивались умомъ и сердцемъ и туго проникали въ жизнь практическую. Какъ въ древнія времена русскій народъ и по принятіи христіанства долго не могъ забыть старыхъ своихъ боговъ, Перуна, Хорса и Волоса, такъ и въ новыя времена поклоненіе новымъ просвѣтительнымъ идеямъ не только не уничтожало господства стараго невѣжества, старыхъ предразсудковъ и пороковъ, но и легко мирилось и уживалось съ ними. Тѣже самыя лица, которыя читали либеральныя сочиненія и въ разсужденіяхъ и разговорахъ произносили громкія фразы о равенствѣ, братствѣ и свободѣ, въ практической жизни обнаруживали грубый произволъ, самовластіе и всякаго рода притѣсненія и несправедливости къ своимъ ближнимъ. Особенно рѣзко это противорѣчіе между словомъ и дѣломъ сказывалось въ области крѣпостнаго права. Тѣже лица, которыя ѣздили на поклонъ къ Воль-

(1) Ист. Россіи XXVI, 222—223.

теру и предлагали Руссо и Гельвецію любезное гостепріимство въ своихъ помѣстьяхъ, не могли отказаться отъ рабовладѣнія и допускали въ этихъ помѣстьяхъ разныя притѣсненія. Извѣстно, что въ Коммисіи Новаго Уложенія два члена, Коробинъ и Протасевъ, сдѣлали предложеніе объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, но это предложеніе, не смотря на то, что оно было согласно съ намѣреніями самой императрицы, было отвергнуто. И послѣ Наказа, какъ и прежде, люди, читавшіе либеральныя сочиненія, продолжали покупать и продавать крѣпостныхъ крестьянъ. Селивановскій въ своихъ Запискахъ говоритъ о своемъ отцѣ: „Отецъ мой былъ купецъ и слѣд. не имѣлъ права владѣть себѣ подобными; но, не смотря на свободный образъ мыслей отца. любимымъ чтеніемъ котораго были издаваемые въ ту пору въ переводахъ и даже на его счетъ сочиненія Вольтера, не смотря на пріязнь съ извѣстнымъ либераломъ и минералогомъ, Ситниковымъ, духъ времени или понятія были таковы, что стыдно было порядочному человѣку не имѣть своихъ дворовыхъ. Пріобрѣтеніе было дешево. Дворянство ежедневно продавало людей“ (¹).—Гораздо сильнѣе дѣйствовала на русскихъ читателей отрицательная, скептическая сторона французской философіи и литературы. Въ сочиненіяхъ Вольтера и энциклопедистовъ они вычитывали то вольнодумство, которымъ отличалось полубразованное русское общество 2-й половины XVIII в. Изъ двухъ видовъ господствовавшего тогда въ Европѣ вольнодумства, вольнодумство религіозное, по замѣчанію Вяземскаго, у насъ скорѣе должно было имѣть послѣдователей, нежели политическое; оно отвлеченнѣе политическаго и не требовало ни размышленій, ни приготовленныхъ событій, ни предварительныхъ свѣдѣній (²). Это вольнодумство у насъ состояло въ кощунствѣ надъ предметами вѣры и церкви и христіанскаго благочестія и было до того распространено, что сдѣлалось настоящею модою, слѣдовать которой считалось обязанностью для каждаго, желающаго прослыть образованнымъ человѣкомъ. Въ разговорѣ Фонъ-Визина съ Тепловымъ указаны два рода тогдашнихъ вольнодумцевъ, или „безбожниковъ“: „одни суть невѣжды и глупые люди. Они никогда ничего внимательно не разсматриваютъ, а прочитавъ Вольтера и не понявъ его, отвергаютъ бытіе Божіе для того, что полагаютъ себѣ славою почитаться выше всѣхъ предразсудковъ; ибо они считаютъ предразсудкомъ то, чего слабый ихъ разсудокъ понять не можетъ.... Другой родъ безбожниковъ составляютъ тѣ, кои умствуютъ и думаютъ доказать дово-

(¹) Библ. Записки 1858, № 17, стр. 526—527.

(²) Вязем. Сочин. V, стр. 27—28. Русское вольнодумство при Ека-
теринѣ II. Ф. А. Терновскаго. Труд. Кіев. Акад. 1868 г. кн. I.

дами, что Богъ не существуетъ“. Такое невірїе или гольнодумство совершенно справедливо у насъ называлось „вольтерьянствомъ“, потому что сочиненія Вольтера всего больше читались и даже списывались въ рукописи. „Письменный Вольтеръ, замѣчаетъ митр. Евгеній, распространенъ у насъ еще больше, чѣмъ печатный“. Фривольный и кощунственный скептицизмъ Вольтера всего больше приходился по плечу большинству полуобразованнаго русскаго общества. Особенно увлекали его такіа повѣсти Вольтера, какъ Вавилонская принцесса. Загигъ. Кандиль, Человѣкъ въ 40 талеровъ, которыя наполнены разными картинами, льстившими чувственнымъ страстямъ и поощрявшими распущенность нравовъ.— Наконецъ ученіемъ Вольтера и энциклопедистовъ, какъ мы видѣли, увлекались и серьезные люди и писатели; но одни изъ нихъ скоро раскаявались въ своихъ увлеченіяхъ, а нѣкоторые, какъ напр. Новиковъ и Лопухинъ, переходили въ противоположный лагерь, въ общество масоновъ, и объявляли борьбу противъ энциклопедистовъ. Всего полнѣе и рѣзче вліяніе ученія французскихъ философовъ и энциклопедистовъ отразилось на Радищевѣ.

Александръ Николаевичъ Радищевъ ⁽¹⁾ былъ сыномъ одного помѣщика и родился въ 1749 г. Отличительными чертами въ его характерѣ, которыми весьма много объясняется его жизнь и литературная дѣятельность, были необыкновенная впечатлитель-

⁽¹⁾ Свѣдѣнія о Радищевѣ и его сочиненіяхъ: въ статьѣ Пушкина: Александръ Радищевъ (Сочин. изд. Псакова том. V; въ Русск. Вѣстникѣ 1858, № 23: А. Н. Радищевъ, статья сына Радищева Павла; въ Чтен. общ. истор. и древн. 1865 кн. 3: Подлинныя документы, относящіеся къ дѣлу Радищева, именно: Замѣчанія импер. Екатерины на «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», вопросныя пункты Радищеву и его отвѣты на эти вопросы и нѣкоторыя признанія Радищева; эти документы напечатаны такъ же въ Архивѣ князя Воронцова кн. V и XII; въ Библ. Зап. 1859. № 17: Русскіе студенты въ Лейпцигскомъ университетѣ и о послѣднемъ прозектѣ Радищева, Лонгинова; въ Вѣстн. Европы 1868 № 5: «Крыловъ и Радищевъ» и № 7: Объ изданіи Путешествія Радищева въ 1868 г. А. Н. Пыпина; въ Русской Старинѣ 1882, сентябрь: «Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в.». Къ біографіи Радищева В. Е. Якушкина; въ Историч. Вѣстн. 1883, Апрель; «А. Н. Радищевъ. Литературная характеристика» А. П. Незеленова. Послѣднее изслѣдованіе, въ которомъ самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ образомъ рассмотрѣна вся литература о Радищевѣ и разобраны всѣ свѣдѣнія и сужденія о немъ и его сочиненіяхъ, принадлежитъ академику М. И. Сухомлинову: «А. Н. Радищевъ, авторъ Путешествія изъ Петербурга въ Москву», въ Сборникѣ отд. русск. языка и словесности Акад. Наукъ т. XXXIII № 6, Спб. 1883 г. По поводу этого изслѣдованія — статья А. П. Незеленова въ Истор. Вѣстн. 1883; Декабрь.

ность и восприимчивость. Поэтому на него несравненно сильнѣе, чѣмъ на другихъ, подѣйствовала та среда, въ которой онъ воспитывался, и рѣзче, не на словахъ только, а въ самыхъ дѣйствіяхъ, выразились тѣ идеи, подѣ влияніемъ которыхъ онъ находился, вмѣстѣ со многими другими. Первоначальное образованіе Радищевъ получилъ въ пажескомъ корпусѣ, а окончательное за границей, въ лейпцигскомъ университетѣ, куда онъ былъ отправленъ въ 1766 г. для изученія науки правовѣдѣнія, вмѣстѣ съ Ушаковымъ, Кутузовымъ, Иновымъ и др. Въ Лейпцигѣ онъ пробылъ четыре года и слушалъ здѣсь словесныя науки у Геллерта, философію и физиологію у Платнера. Геллертъ внушалъ своимъ слушателямъ, что призваніе писателя заключается въ томъ, чтобы перомъ своимъ служить истинѣ и добродѣтели. Платнеръ настаивалъ на общеніи науки съ жизнью, съ ея насущными потребностями и въ своихъ лекціяхъ затрогивалъ социальныя вопросы. Но усерднѣе, чѣмъ слушаніемъ лекцій въ университетѣ, русскіе студенты въ Лейпцигѣ занимались чтеніемъ сочиненій французскихъ философовъ и энциклопедистовъ, Вольтера, Гельвеція, Мабли, Руссо, Рейналя и др. „Мы учились мыслить, говорить Радищевъ въ „Житіи Ушакова“, по книгѣ Гельвеція о разумѣ“ de l'Esprit“; а исторію они изучали по сочиненіямъ Мабли (*Droit public de l'Europe; Observations sur l'histoire de France*), который въ исторіи искалъ не исторической истины, а идей и мотивовъ для переустройства современнаго общества⁽¹⁾. Мабли говорилъ, что главнѣйшая обязанность человѣка состоитъ въ стремленіи къ свободѣ и для доказательства своихъ либеральныхъ идей не стѣснялся извращеніями историческихъ фактовъ. Переводъ сочиненія Мабли *Observations sur l'histoire de la Grece* (Размышленія о греческой исторіи, или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ) былъ однимъ изъ первыхъ литературныхъ трудовъ Радищева.

По возвращеніи въ Россію въ 1771 г. Радищевъ служилъ въ разныхъ мѣстахъ и наконецъ получилъ должность совѣтника въ петербургской таможнѣ. Состоя на службѣ, онъ продолжалъ читать сочиненія энциклопедистовъ и между прочимъ изучалъ „Исторію о Индіяхъ“ аббата Рейналя⁽²⁾. Эта книга въ то время пользовалась особенною популярностію и производила сильное влияніе. Она была наполнена рѣзкими обличеніями жестокаго обращенія европейцевъ съ черными людьми, горячими изобра-

(1) Ученіе о нравственности и социальная утопія Мабли. Герье. Русская Мысль. 1885. №№ 1 и 2.

(2) На русскій языкъ она была переведена Г. Н. Городчаниновымъ, проф. словесности Казан. Унив.: «Философическая и политическая исторія о заведеніяхъ и коммерціи европейцевъ въ обѣихъ Индіяхъ». Спб. 1805—1811.

женіями несправедливости монополіи и ея враждебныхъ для чело-
вѣчества послѣдствій; всеѣ рассказы и разсужденія автора бы-
ли направлены къ освобожденію торговли, промышленности и ра-
бочихъ людей, которымъ достается только трудъ, а не прибыль.
„Сію-то книгу, говоритъ Радищевъ въ своихъ отбѣтахъ на во-
просные пункты слѣдственной комиссіи, могу я почитать нача-
ломъ нынѣшнему бѣдственному моему состоянію.... Слогъ его
(Рейналя) мнѣ понравился. Я высокопарный его штиль почиталъ
краснорѣчіемъ, дерзновенныя его выраженія почиталъ истин-
нымъ вкусомъ, и, видя ее общечитаемою, я захотѣлъ подражать
его слогу... Для упражненія въ слогу и въ сіе время (въ 1785 г.)
началъ повѣсть о проданныхъ съ публичнаго торгоа. Въ слѣдую-
щій годъ (1786), читая Гердера, я началъ писать о цензурѣ;
началъ повѣсть Систербецкую; но все не было окончено. А какъ
случилось мнѣ читать переводъ нѣмецкій Юрпкова Путешествія,
то и мнѣ на мысль пришло ему послѣдовать“⁽¹⁾. Итакъ идею
сочиненія подала Радищеву Исторія Индіи Рейналя, а форму —
Путешествіе Стерна: такъ образовалось „Путешествіе изъ Петер-
бурга въ Москву“. Внутреннее же побужденіе къ написанію его
Радищевъ излагаетъ въ посвященіи его другу своему А. М. Ку-
тузову, въ слѣдующихъ словахъ: „Я взглянулъ крѣпче меня —
душа моя страданіями челоуѣчества узелена стала. Обратилъ
взоры мои во внутренность мою — и узрѣлъ, что бѣдствія чело-
вѣка происходятъ отъ челоуѣка, и часто отъ того только, что
онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Ужели,
вѣщаль я самъ себѣ, природа только скупа была къ своимъ ча-
дамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыли истину на вѣки? Ужели
сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобы чувствовали
мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой вострепеталъ
отъ сей мысли и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я
челоуѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. „Отъими завѣсу
съ очей природнаго чувствованія — и блаженъ буди“. Сей гласъ
природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспріянулъ я
отъ унынія моего, въ которое повергла меня чувствительность и
состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противить-
ся заблужденію; и — веселіе неизреченное! я почувствовалъ, что
возможно всякому соучастникомъ быть во благоудѣствіи себѣ по-
добнымъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать бу-
дешь“. Радищевъ, какъ показываетъ потомъ самая книга, глу-
боко поражали страшныя бѣдствія крѣпостныхъ крестьянъ, зло-
употребленія въ судахъ и администраціи и разныя нестроенія въ
общественной и частной жизни Россіи, и онъ вздумалъ изобра-

⁽¹⁾ Документы, касающіеся дѣла Радищева. Чтен. Общ. истор. и
древн. 1865; кн. 3. стр. 39.

зять ихъ въ своемъ „Путешествіи“, будучи побужденъ къ этому, съ одной стороны глубокимъ противъ нихъ негодованіемъ, а съ другой состраданіемъ и любовію къ угнетеннымъ и страдающимъ.

Все „Путешествіе“ Радищева ⁽¹⁾ состоитъ изъ 25 главъ, изъ коихъ первая называется „Выѣздъ“, а всѣ другія имѣютъ названія разныхъ станцій, находящихся на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву: Софія, Тосна, Любани, Чудово, Спасская Полѣсть, Подберезье, Новгородъ, Бронницы, Зайцево, Крестьяцы и др. Изображеніе ужасовъ крѣпостнаго права, бѣдствій и страданій помѣщичьихъ крестьянъ составляетъ большую часть книги. Въ главѣ „Любани“ (стр. 14—20) описывается положеніе крестьянина, который на себя можетъ работать только въ воскресенье, потому что во всѣ другіе дни онъ долженъ работать на помѣщика. Въ главѣ „Зайцево“ (стр. 119—153), отъ лица чиновника, вышедшаго изъ крестьянъ, рисуется картина самовластия, жестокостей, распутства и другихъ пороковъ одного помѣщика. Это былъ „ассессоръ, который самъ вышелъ изъ низкаго состоянія и сдѣлался повелителемъ нѣсколькихъ сотенъ себѣ подобныхъ“. Вотъ какъ онъ обходился съ купленными крестьянами: „они у прежняго помѣщика были на оброкѣ, онъ ихъ посадилъ на пашню; отнялъ у нихъ всю землю.... заставилъ всю недѣлю работать на себя, а дабы они не умирали съ голоду, то кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ, и то по одному разу въ день, а инымъ давалъ изъ милости мѣсячину. Если который казался ему лѣнливъ, то сѣкъ розгами, плѣтми, батожемъ, или кошками, смотря по мѣрѣ лѣности.... Его сожительница, сыновья и дочери поступали съ крестьянами такъ же варварски и позволяли себѣ дѣлать всякія насилія“. Въ главѣ „Мѣдное“ (стр. 341—349) представлена возмутительная сцена продажи съ аукціона дворовыхъ крѣпостныхъ людей. Это были: „старикъ лѣтъ 75; съ отцомъ господина своего онъ былъ въ крымскомъ походѣ при Минихѣ; во франкфуртскую компанію раленаго унесъ его съ поля сраженія; потомъ былъ дядькой молодого барина и такъ же нѣсколько разъ спа-

(1) Послѣ заглавія «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» помѣщенъ эпиграфъ: «Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно, и лаяй». Тиземахия. Томъ II. кн. XVIII, стр. 314. 1790. Въ Санктпетербургѣ. На послѣдней 433-й страницѣ книги внизу напечатано: «съ дозволенія Управы Благочинія».—Второе изданіе «Путешествія» было сдѣлано въ Лондонѣ въ 1838 г.—Въ 1868 г. было сдѣлано изданіе «Путешествія» купцомъ Игнатьевымъ, но съ разными измѣненіями и большими пропусками и сокращеніями. Оба эти изданія, равно какъ и изданіе, приготовленное въ 1872 г. Ефремовымъ, но не выпущенное въ свѣтъ, указаны въ упомянутомъ выше изслѣдованіи М. И. Сухомлинова.

саль его отъ разныхъ несчастій. Старуха 80 лѣтъ, его жена, была кормилицею матери своего молодого барина, была его нянькою. Женщина лѣтъ въ 40, вдова, кормилица молодого своего барина. Молодица 18 лѣтъ, дочь ея и внучка стариковъ“. Въ главѣ „Городня“ (стр. 370—394), изобразивъ разныя несправедливости и жестокости, происходящія при рекрутскихъ наборахъ, авторъ излагаетъ исторію одного крѣпостнаго двороваго человѣка, который „былъ воспитанъ вмѣстѣ съ сыномъ барина, былъ отправленъ вмѣстѣ съ нимъ за границу и получилъ тамъ отличное образованіе; но по смерти барина, когда владѣльцемъ имѣнія сдѣлался его совоспитанникъ и женился на одной злой женщинѣ,—эта женщина стала его преслѣдовать и довела наконецъ до того, что его отдали въ солдаты. Въ главѣ „Черная грязь“ (стр. 417) изображается насильственный крестьянскій бракъ, по принужденію помѣщика: „они другъ друга ненавидятъ и властію господина своего влекутся на казнь къ олтарю Отца всѣхъ благъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, Зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель Его пріиметъ исторгнутую властію клятву и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ!“.., Вмѣстѣ съ такими картинками бѣдствій крѣпостныхъ крестьянъ, Радищевъ представилъ и проектъ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Проектъ этотъ изложенъ въ главѣ „Хотилово“ (стр. 236—267). Съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, со всею силою разума и краснорѣчія, онъ прежде всего доказываетъ здѣсь незаконность рабства между людьми и гибельность его для государства, указывая на голосъ, раздающійся въ храмахъ Живаго Бога и на право естественное и гражданское: „Опомнитесь, говоритъ онъ, заблудшіе, смягчитесь жестокосердые: разрушите оковы братіи вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобнымъ вамъ вкусити сладости общежитія, къ нему же Всещедрымъ уготованы, якоже и вы. Они благодѣтельными лучами солнца равно съ вами наслаждаются, одинаковые съ вами у нихъ члены и чувства, и право въ употребленіи оныхъ должно быть одинаково... Но кто же между нами оковы носитъ, кто ощущаетъ тяготу неволи? Земледѣлецъ, кормилецъ нашей тощеты, насытитель нашего глада, тотъ, кто даетъ намъ здравіе, кто житіе наше продолжаетъ, не имѣя права распоряжати ни тѣмъ, что обрабатываетъ, ни тѣмъ, что производитъ. Кто же къ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣзатель ея?“... Затѣмъ Радищевъ указываетъ путь постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, развивая свои мысли объ этомъ освобожденіи въ двухъ положеніяхъ о крестьянахъ. „Первое положеніе, говоритъ онъ, относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго.

Сіе послѣднее уничтожается прежде всего и запрещается поселенъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи написанныхъ брать въ дома. Буде помѣщикъ возьметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія своего господина. Запретить брать выводныя деньги. Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ земледѣльцевъ. Удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемой, должны они имѣть собственностію; ибо платятъ сами подушную подать. Приобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно! Возстановленіе земледѣльца во званіе гражданина. Надлежитъ ему судиму быть ему равными, то есть въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Дозволить крестьянину приобрѣтать недвижимое имѣніе т. е. покупать землю. Дозволить невозбранное приобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда“ (стр. 265—267). Этотъ умный проэктъ и приведенныя выше изображенія бѣдственнаго положенія крѣпостныхъ крестьянъ, проникнутыя глубокимъ негодованіемъ противъ рабства и горячею любовію къ угнетеннымъ и страдающимъ, тѣмъ болѣе замѣчательны и тѣмъ болѣе возвышаютъ значеніе Радищева, что въ это время освобожденіе крестьянъ не только образованные русскіе люди, но и европейскіе философы считали одни дѣломъ невозможнымъ, другіе труднымъ и опаснымъ. Вольтеръ говорилъ, что дворянъ не слѣдуетъ принуждать къ освобожденію крестьянъ, а надо предоставить это дѣло на ихъ волю. Даже Руссо говорилъ, что хотя освобожденіе крестьянъ есть дѣло прекрасное и великое, но вмѣстѣ смѣлое и опасное, и что прежде нужно приготовить крестьянъ къ принятію вольности посредствомъ образованія. „Позаботьтесь прежде всего объ этомъ, говорилъ онъ, не освобождайте ихъ тѣла прежде, нежели освободите ихъ душу. Безъ этого предварительнаго акта ваша операція будетъ имѣть дурной исходъ“.

Но бѣдствія крѣпостныхъ крестьянъ составляютъ хотя и главный, но не единственный предметъ „Путешествія“ Радищева; рядомъ съ картинами этихъ бѣдствій, въ немъ указываются разныя злоупотребленія въ судахъ и администраціи и разныя нестроенія въ общественной и частной жизни Россіи. Въ главѣ „Чудово“ (стр. 21—40) рассказывается о жестокосердіи чиновника, который не подаль помощи 20-ти утопающимъ человѣкамъ; въ главѣ „Спасская Полѣсть“ (стр. 43—48)—о государевомъ намѣстникѣ, который посылалъ въ Петербургъ „за устерсами“ казеннаго курьера, подъ предлогомъ отправки нужныхъ казен-

ныхъ бумагъ, Въ главѣ „Едрово“ (стр. 210—235) изображаются послѣдствія неровныхъ браковъ 10-лѣтнихъ мальчиковъ съ 20-лѣтними дѣвушками; въ главѣ „Выдропускъ“ (стр. 278—288)—картины распущенной жизни придворныхъ и другихъ чиновниковъ; въ главѣ „Городня“ (стр. 370—394)—возмутительныя несправедливости и жестокости, происходящія при рекрутскихъ наборахъ; въ главѣ „Завидово“ (стр. 395—400)—грубое самоуправство гренадера на почтовой станціи, съ плетью требующаго, чтобы немедленно были приготовлены для него лошади; въ главѣ „Пешки“ (стр. 410—416) нарисованы картины крестьянской бѣдности въ пищѣ, одеждѣ и во всей обстановкѣ въ параллель съ роскошной жизнію помѣщиковъ. Но особенно рѣзкими картинками разныхъ злоупотребленій и безпорядковъ наполнена обширная глава „Спасская Полѣсть“ (стр. 41—85). Здѣсь изображенъ „Сонъ“ царя, во время котораго ему является истина, въ видѣ убогой странницы, и раскрываетъ предъ нимъ страшное разстройство во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія.

Оправдывая свое „Путешествіе“, Радищевъ въ послѣдствіи говорилъ, что если бы его книга вышла лѣтъ за десять, или за пятнадцать до французской революціи, то онъ, вмѣсто ссылки, могъ бы рассчитывать на награду, потому что въ книгѣ его есть полезныя указанія на многія злоупотребленія, неизвѣстныя правительству. Дѣйствительно, французская революція, несомнѣнно, имѣла вліяніе на осужденіе Радищева и его книги. Мы указали выше, что Екатерина разрѣшила къ печати трагедію Николаева „Сореву“, но трагедію Княжнина „Вадимъ“, написанную въ томъ же духѣ, но напечатанную послѣ французской революціи, подвергла запрещенію, что испуганная ужасами революціи, она вообще стала строго относиться ко всѣмъ свободнымъ проявленіямъ мысли и слова; но не въ одномъ этомъ заключалась причина осужденія „Путешествія“. Радищевъ забывалъ, что, кромѣ безспорно полезныхъ указаній на злоупотребленія, въ его книгѣ заключалось много такихъ мѣстъ, которыя были направлены не только противъ злоупотребленій власти, но и вообще противъ власти и противъ царской власти, и наполнены разными оскорбительными выраженіями, много такихъ мѣстъ, какія прежде никогда не появлялись въ печати и не могли рассчитывать на одобреніе и до французской революціи. Упомянутый выше „Сонъ“ въ главѣ „Спасская Полѣсть“, изображая разные злоупотребленія, содержитъ въ тоже время осужденіе всего государственнаго строя въ государствахъ монархическихъ; а въ главѣ „Тверь“ (стр. 356—369) помѣщена ода „Вольность“, наполненная оскорбительными выраженіями для царской власти и выражающая

сочувствіе автора къ революціи. Прочитавъ эту оду, Екатерина замѣтила: „сіи страницы суть криминальнаго вѣмѣренія, совершенно бунтовскіи“. Эти и подобныя имъ страницы, конечно, и были причиною того, что, испуганная небывалою смѣлостію обличеній и оскорбленная грубымъ вызывающимъ тономъ книги, она осудила ее чрезвычайно строго, гораздо строже, чѣмъ можно было ожидать отъ Государыни, написавшей гуманныя правила Наказа, признала Радищева „мартинистомъ, бунтовщикомъ не хуже Пугачева“ и отдала его подъ судъ. „Намѣреніе сей книги, говоритъ она въ началѣ своего разбора „Путешествія“, на каждомъ листѣ видно. Сочинитель оной исполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ; ищетъ всячески и вышцпиваетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальниковъ и начальства. Онъ же едвали не мартинистъ“; а въ концѣ разбора, указывая на подчеркнутыя въ книгѣ мѣста, она замѣчаетъ объ авторѣ: „видно изъ подчеркнутыхъ мѣстъ, что давно мысль его готовилась ко взятому пути, а французская революція рѣшила себя опредѣлить въ Россіи первымъ подвизателемъ (1)“. Чтобы понятны были какъ этотъ приговоръ о книгѣ Радищева, такъ и послѣдующая судьба его самого и его книги, надобно принять во вниманіе, кромѣ указанныхъ выше отдѣльныхъ мѣстъ, и все содержаніе книги въ цѣломъ ея составѣ, со всѣми ея идеями и стремленіями. Всѣ приведенныя выше картины бѣдствій крѣпостныхъ крестьянъ и злоупотребленій въ судахъ и администраціи постоянно сопровождаются въ книгѣ разными „дерзновенными разсужденіями неприличной смѣлости“, заимствованными изъ разныхъ сочиненій французскихъ философовъ и энциклопедистовъ. Видно, что авторъ такъ сильно былъ увлеченъ и проникнутъ ихъ идеями, что не могъ воздержаться, чтобы не выразить ихъ въ своемъ сочиненіи, не смотря на то, что онѣ противорѣчили всѣмъ воззрѣніямъ русскаго народа, всему строю русской жизни и даже его собственному характеру. Въ слѣдствіе чего книга представила удивительную смѣсь благородныхъ стремленій и ложныхъ и „дерзновенныхъ“ мыслей, нѣжныхъ чувствованій и грубыхъ циническихъ картинъ. Человѣкъ кроткій и мирный, необыкновенно честный и образцовый чиновникъ, онъ въ тоже время, изображая состояніе крѣпостныхъ крестьянъ въ

---

(1) Замѣчанія Екатерины на книгу Радищева. Чтен. общ. ист. и древн. 1865; кн. 3.

главѣ „Зайцево“ (стр. 119 — 153), высказываетъ тѣже парадоксальныя идеи Руссо объ абсолютной свободѣ и равенствѣ, которыя во Франціи послужили однимъ изъ сильнѣйшихъ возбужденій къ революціи. „Если законъ не въ силахъ заступитъ чело-вѣка, или того не хочетъ, или власть его не можетъ мгновенное въ предстоящей бѣдѣ дать вспомошествованіе, тогда поль-зуется гражданинъ природнымъ правомъ защищенія, сохранно-сти, благосостоянія“.. (стр. 145 — 146). Считая себя христіани-номъ, онъ въ тоже время, въ главѣ „Бронницы“, по поводу пре-данія о стоявшемъ здѣсь на одной горѣ храмѣ Перуна, пу-скается въ разсужденіе, что во всѣхъ религіяхъ почитается одинъ и тотъ же Богъ, и при этомъ высказываетъ мнѣнія, составляю-щія сущность ученія деистовъ (стр. 113 — 118). Человѣкъ право-славный и ставящій православіе выше католичества и про-тестанства, онъ въ главѣ „Торжокъ“ возстаетъ противъ все-ленскихъ соборовъ и говоритъ: „Кто можетъ за то поручить-ся, что Несторій, Аріій, Евтихій и другіе еретики быть бы могли предшественниками Лутера, и если бы вселенскіе со-боры не были созданы, чтобы Декартъ родиться могъ десять сто-лѣтій прежде? Какой шагъ вѣпятъ сдѣланъ ко тьмѣ и невѣже-ству!“ (стр. 312—313). Почтительный къ родителямъ сынъ и ча-долюбивый отецъ, онъ въ главѣ „Крестыцы“, слѣдуя ученію ма-теріалистовъ, возстаетъ противъ обязанностей дѣтей къ родите-лямъ. Выведенный здѣсь отецъ, прощаясь съ дѣтьми, при от-правленіи ихъ на службу, говоритъ имъ: „Не должны вы мнѣ ни за воскресеніе, ни за наставленіе, ни меньше всего за рож-деніе. — За рожденіе? — Участники ли вы были въ немъ? Во-прошаемы были ли. да рождены будете?“... И объясняя по систе-мѣ Гельвеція, что источникомъ всѣхъ побужденій и дѣйствій че-ловѣческихъ служить чувственное удовольствіе и себялюбіе, онъ изъ этого же источника производитъ и любовь отца къ дѣтямъ и заботу о ихъ воспитаніи. Наконецъ, преподавая разные совѣ-ты дѣтямъ, отецъ разрѣшаетъ имъ, въ трудныхъ и несчастныхъ случаяхъ, прибѣгнуть къ самоубійству. „Если ненавистное щастіе (несчастіе?) истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, если добро-дѣтели твоей убѣжища на земли не останется, если доведенну до крайности, не будетъ тебѣ покрова отъ угнетенія, тогда спом-ни, что ты человѣкъ, воспомни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. — Умри. — Въ на-слѣдіе вамъ оставляю слова умирающаго Катона. Но если въ добродѣтели умерети можешь, умѣй умереть и въ порокѣ, и будь, такъ сказать, добродѣтеленъ въ самомъ злѣ“ (стр. 162—193). Видно, что Радищевъ былъ воспитанъ на сочиненіяхъ энциклопедистовъ. Выражая такія идеи, которыя въ то время

считались виною умственной и нравственной разнузданности, приведшей Францію къ революціи, онъ естественно и самъ могъ быть заподозрѣнъ въ революціонныхъ намѣреніяхъ и стремленіяхъ, хотя совсѣмъ и не имѣлъ такихъ намѣреній, и вся жизнь его отличалась характеромъ, противоположнымъ указаннымъ идеямъ.

Изложеннымъ содержаніемъ „Путешествія“ Радищева объясняются какъ сочувственныя отношенія къ судьбѣ Радищева, такъ и строгія сужденія и приговоры о его книгѣ, и между ними самый строгій приговоръ Пушкина. Пушкина, какъ извѣстно, увлекала въ молодости гуманная сторона книги Радищева; онъ цѣнилъ въ Радищевѣ стремленіе къ свободѣ, признавалъ въ немъ искренность и честность убѣжденій, и дѣлая выписки изъ „Путешествія“ о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, во многомъ соглашался съ нимъ. Но Пушкина отталкивала другая сторона книги — ложныя и дерзновенныя мысли и разсужденія, заимствованныя изъ энциклопедистовъ, и оскорбительный, вызывающій тонъ книги, и потому онъ въ послѣдствіи сдѣлалъ о Радищевѣ и его книгѣ слѣдующій приговоръ: „Въ Радищевѣ отразилась вся французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидроta и Рейналя, но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣбое пристрастіе къ новизнѣ, частныя поверхностныя свѣдѣнія, на обумъ приноровленныя ко всему, вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ... Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Чего именно желалъ онъ? На сіи вопросы врядъ ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно. Вліяніе его было ничтожное. Всѣ прочли его книгу и забыли ее, не смотря на то, что въ ней есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которые не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенные выраженія и незаконно тиснуты въ станкахъ тайной типографіи, съ примѣсю пошлаго и преступнаго пустословія. Онѣ принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностію и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви“. Въ другихъ мѣстахъ Пушкинъ не одобряетъ слогъ книги, называя его варварскимъ, порицаетъ растянутость изложенія, излишнюю чувствительность, высокопарность и надутость. При всей строгости этого приговора Пушкина, и критика новаго времени не находитъ возможности отвергнуть его. Статья „Александръ Радищевъ“, говоритъ Анненковъ, принадлежитъ,

по нашему мнѣнію, къ тому зрѣлому, здоровому и провѣдательному критическому такту, которымъ отличались сужденія Пушкина о людяхъ и предметахъ не задолго до его кончины. Пушкинъ въ своей статьѣ показываетъ, что никакія благія намѣренія не могутъ оправдать нарушенія узаконенныхъ постановленій, и никакія злоупотребленія, столь неизбежны въ каждомъ человеческомъ обществѣ, не могутъ извинить словъ гнѣва и враждебныхъ страстей. Для борьбы съ недостатками и пороками Пушкинъ прежде всего требуетъ отъ всякаго дѣятеля любви и пребыванія въ границахъ закона,—и это составляетъ высокую правдивую мысль его дѣльной и строгой статьи ⁽¹⁾.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву главное, но не единственное сочиненіе Радищева. Въ томъ же году, когда написано было Путешествіе, Радищевъ напечаталъ „Житіе *Θ. В. Ушакова*“. Находясь въ крѣпости, онъ въ поученіе своимъ дѣтямъ написалъ „Повѣсть о *Филаретѣ милостивомѣ*“ ⁽²⁾. Во время ссылки въ Сибирь онъ написалъ Разсужденіе о человѣкѣ, его смертности и безсмертіи; письмо о китайской торговлѣ въ Кяхтѣ; отрывокъ изъ сокращеннаго повѣствованія о приобрѣтеніи Сибири; нѣсколько мелкихъ стихотвореній; сказку въ стихахъ о Бовѣ, составленную по подражанію Орлеанской дѣвственницѣ Вольтера; отрывокъ изъ поэмы въ прозѣ „Ермакъ“. Но эти сочиненія не имѣютъ особеннаго интереса и значенія, кромѣ трехъ первыхъ, въ которыхъ находятся нѣкоторые свѣдѣнія и факты, могущіе служить къ объясненію характера и судьбы Радищева и его Путешествія. Въ первомъ сочиненіи изображается жизнь товарища Радищева въ лейпцигскомъ университетѣ, *Θ. В. Ушакова*. Ушаковъ былъ даровитый и любознательный человѣкъ и въ Лейпцигѣ готовилъ диссертацию „о смертной казни“, но не успѣлъ ее окончить и умеръ на 21 году жизни отъ слѣдствій неводержимой жизни. Осужденный врачами на смерть, онъ равнодушно услышалъ свой приговоръ; но вѣкорѣ муки его сдѣлались нестерпимы, и онъ потребовалъ яду отъ одного изъ своихъ товарищей (*Кутузова*), но Радищевъ тому воспротивился! Думаютъ, что это обстоятельство сильно подѣйствовало на Радищева и имѣло вліяніе на его разсужденія о самоубійствѣ и на самую его кончину. Повѣсть о *Филаретѣ милостивомѣ* служитъ къ объясненію чувствительнаго и сострадательнаго характера Радищева. Разсужденіе о человѣкѣ, его смертности и безсмертіи составлено на

⁽¹⁾ Сочин. Пушкина, изд. П. В. Анненкова 1857; т. VII, часть II, стр. 3—4.

⁽²⁾ Она напечатана въ Изслѣдованіи Сухомлинова стр. 63—77.

основаніи разныхъ философскихъ сочиненій Гиббона, Лейбница, Руссо, Локка, Гельвеція и др. „Радищевъ, замѣчаетъ Пушкинъ объ этомъ сочиненіи, хотя и вооружается противъ матеріализма, но въ немъ все еще видѣнъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго атеизма“.

За Путешествіе изъ Петербурга въ Москву Екатеринѣ опредѣлила сослать Радищева въ Сибирь, въ плимскій острогъ на 10 лѣтъ. Импер. Павелъ въ 1796 г., вскорѣ по возшествіи на престолъ, освободилъ его изъ ссылки и позволилъ ему жить въ его деревняхъ; а импер. Александръ I въ 1801 г. вызвалъ его въ Петербургъ и сдѣлалъ членомъ законодательной комиссіи. Находясь въ комиссіи, Радищевъ, по словамъ младшаго его сына Павла Александровича, составилъ будто бы „Проектъ гражданского уложенія“⁽¹⁾, который потомъ затерялся; но старшій сынъ Радищева, Николай Александровичъ, который лучше могъ знать обо всемъ происходившемъ въ комиссіи, не упоминаетъ о проектѣ, хотя и указываетъ на всѣ другіе труды своего отца. Въ архивѣ законодательной комиссіи сохранились только два мнѣнія, представленныя Радищевымъ въ эту комиссію: одно—по вопросу о неумышленномъ убійствѣ, другое—по вопросу о правѣ подсудимыхъ отводить судей, подозрѣваемыхъ въ пристрастіи⁽²⁾. Въ Комиссіи Радищевъ находился до своей смерти, послѣдовавшей 12 сентября 1802 г. Говорятъ, что однажды президентъ комиссіи Завадовскій, по поводу какого-то вопроса или разсужденія Радищева, дружески замѣтилъ ему: „Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ было Сибири?“ Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой; вспомнилъ о другѣ своей молодости, лейпцигскомъ студентѣ Ушаковѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ, и отравился.

Н. Н. Челищевъ и его Путешествіе по Сѣверу Россіи.
Изъ товарищей Радищева по лейпцигскому университету недавно сдѣлался извѣстенъ, какъ писатель, Петръ Пвановичъ Челищевъ—изъ дворянъ Смоленской губерніи (род. въ 1745 г.), сынъ секунд-майора воронежскаго гарнизона, служившій въ военной службѣ и также дослужившійся до секундъ-майора. Подобно Радищеву, онъ

⁽¹⁾ Основныя положенія этого Проекта изложены въ Исслѣдованіи Сухомлинова стр. 84—85.

⁽²⁾ Эти мнѣнія напечатаны и разобраны такъ же въ Исслѣдованіи Сухомлинова, стр. 90—102.

написалъ „Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 г.“ ⁽¹⁾, которое до послѣдняго времени не только не было напечатано, но и было совершенно неизвѣстно. Извѣстно было только имя Челищева, по слѣдственному дѣлу о Радищевѣ. Импер. Екатерина подозрѣвала Челищева въ соучастіи съ Радищевымъ при сочиненіи Путешествія изъ Петербурга въ Москву, но это подозрѣніе оказалось несправедливымъ; поводомъ къ нему, вѣроятно, и было Путешествіе Челищева по Сѣверу Россіи въ 1791 г.

Путешествіе Челищева отличается отъ Путешествія Радищева и своимъ содержаніемъ и своимъ внутреннимъ характеромъ. Путешествіе Радищева имѣетъ форму и характеръ литературнаго произведенія; описываемыя явленія въ немъ, какъ въ литературномъ произведеніи, назначены служить тѣмъ идеямъ, которыя проводятся во всемъ сочиненіи. Путешествіе Челищева есть географическое и этнографическое описаніе реальной дѣйствительности и имѣетъ форму простаго дневника, веденнаго авторомъ во время его дѣйствительнаго путешествія въ 1791 г. отъ Петербурга чрезъ Олонецкій край до Бѣлаго моря и Соловецкаго монастыря, и обратно чрезъ города Онегу, Архангельскъ, Холмогоры, Великій Устюгъ, Тотму, Вологду, Кириловъ, Бѣлозерскъ, Тихвинъ и Шлиссельбургъ. Не смотря на воспитаніе заграницей, и въ томъ-же кружкѣ, изъ котораго вышелъ Радищевъ, Челищевъ остался не только русскимъ патріотомъ, но и глубоко-религіознымъ и вполне православнымъ человекомъ. Религіозный характеръ Челищева высказывается почти на каждой страницѣ его Путешествія; приѣхавъ въ извѣстное мѣсто, онъ прежде всего отправляется въ церковь, въ соборъ или монастырь, слушаетъ всенощную, а на другой день литургію, служитъ молебенъ, перечисляетъ, сколько въ городѣ церквей, какія въ нихъ есть замѣчательныя украшенія, древности или рѣдкости, чудотворныя кресты или иконы или другія какія нибудь святыни. Изъ монастырей онъ съ особенными подробностями описываетъ монастыри Соловецкій, Кирило-бѣлозерскій, Тихвинскій. Столь же постоянно и настойчиво выражаются въ Путешествіи Челищева и его патріотическія чувства и стремленія. Таковы прежде всего тѣ мѣста, въ которыхъ онъ говоритъ о Петрѣ В. и Ломоносовѣ. При разсказѣ объ одной крѣпости, въ 18 верстахъ отъ Архан-

---

⁽¹⁾ Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 г. Дневникъ П. И. Челищева. Изданъ подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова. Спб. 1886. По поводу этого изданія напечатана статья А. Н. Пыпина Вѣстн. Европы 1886 г. октябрь: «Вновь открытый писатель прошлаго вѣка»...—О Челищевѣ смотр. еще въ Исторіи Росс. Академіи М. П. Сухомлинова VII, 399—415.

гельска, построенной Петромъ В. онъ замѣчаетъ, что видѣлъ развалины деревяннаго дворца Петра В.: „Сколь глубоко я былъ пронзенъ жалостію, видя, что сіе святилище было предано со-всѣмъ паденію! Углы его отвалились, стѣны осѣли, крышка обломилась, окны расхищены, полы покрадены, вмѣсто печей груды глины, а въ опочивальной, гдѣ великій сей мужъ отъ своихъ трудовъ опочивать изволилъ и стези къ блаженству своего народа выдумывалъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ-бы трофеямъ стоять надлежало, нынѣ неблагодарными его подданными пускаются въ за-бытую сію кумирницу несмысленныя четвероногія животныя, и гдѣ коснулась его нога, влекущая за собою блаженство Россіи, тамъ видны были груды мерзости... О, суетное человѣчество! Я не нашелъ за краткостію времени способу, какъ доказать мое высокопочитаніе сему капищу, и для того взялъ кусокъ гнилаго дерева вмѣсто мощей“ (1). Въ Холмогорахъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ выходилъ на берегъ Петръ В., Челищевъ поставилъ большой деревянный крестъ, съ надписью: „Изуй санаго твоего, мѣсто бо, идеже стоиши, коснулась нога Петра Великаго, отца отечества, и потому свято“ (2). — „Еще, представляетъ онъ далѣе, славится оный городъ произведеніемъ въ 1711 годѣ, противъ самаго города на двинскомъ, облегающимъ съ одной стороны Двиною, а съ другой отъ города рѣчкою Куропалкою, Куръ-островъ, въ погостѣ и деревнѣ тогожъ названія, на свѣтъ славнаго въ ученомъ свѣтѣ мужа, статскаго совѣтника, императорской Санктъ-Петербургской академіи наукъ профессора, Стокгольмской и Бононской члена, Михаила Васильевича, Ломоносова“ (3). На мѣстѣ, гдѣ родился Ломоносовъ, Челищевъ просилъ Холмогорскаго городничаго поставить сдѣланный имъ деревянный памятникъ, высотой въ 4 аршина съ соответственными символическими изображеніями и похвальными надписями (4).

Описывая разныя мѣстности сѣвернаго края, города, села и деревни, Челищевъ вездѣ указываетъ, въ чемъ состоятъ народныя промыслы, въ какой мѣрѣ крестьяне занимаются хозяйствомъ, какіе гдѣ промыслы, рыбныя, лѣсныя, звѣроловныя, ремесленныя производства, гдѣ какіе заводы и фабрики. Встрѣчая повсюду матеріальныя богатства, онъ глубоко сожалеетъ, что эти богатства остаются неразработанными и мало приносятъ пользы: „Не могу воздержаться, чтобы не воскликнуть: „Любезное отечество!

(1) Путешествіе по Сѣверу Россіи стр. 105—106. — (2) Тамже стр. 121.

(3) Путешествіе стр. 122. — (4) Къ Путешествію приложены: планъ мѣстъ, прилежащихъ къ Куростровской волости, гдѣ родился Ломоносовъ, портретъ Ломоносова и изображеніе памятника Ломоносову.

сколько въ тебѣ сокрыто сокровищей, а мы, погрязши въ пустыхъ замыслахъ и роскоши, забываемъ отыскивать и пользоваться оными“ (1). При этомъ онъ иногда подаетъ нѣкоторые совѣты, строить планы и проекты. Такъ, рассказывая о прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ въ Архангельскѣ, онъ поднимаетъ вопросъ о значеніи женскаго труда и объ участіи женщины въ фабричныхъ и промышленныхъ дѣлахъ. „Обращаюсь къ тебѣ, говоритъ онъ, драгоцѣннѣйшая половина земнородныхъ жителей! вы, безъ которыхъ ничто въ человѣческихъ обществахъ не можетъ прійти въ совершенство, ежели не пособіемъ вашимъ, то по крайности одобреніемъ, вы, обремененныя узами рабства владыки господъ вашихъ, возжигая однимъ взоромъ огонь мщенія, несправедливости и кровавыхъ браней между несправедливыхъ вашихъ угнетителей, возвращаете тѣмъ же взоромъ сладостные плоды блаженнаго мира и общественнаго блага. . . . Удостойте оставить на часъ склонность вашу къ уборамъ и къ ненадобнымъ украшеніямъ наружныхъ прелестей вашихъ; вѣрьте мнѣ: онѣ вамъ не надолго нужны! Украсьте ваши души, займитесь полезнымъ и основательнымъ разумомъ, устыдите осудителей вашей вѣтренности, которую они одну только вамъ въ удѣлъ и оставили“. . . . Затѣмъ онъ рисуетъ воображаемую картину ремесленнаго заведенія, устроеннаго вліятельною женщиною (въ лицѣ генераль-губернаторши Архангельска). „Съ восторгомъзираю я въ мысляхъ моихъ, какъ все строится хорошо, поспѣшно, выгодно; работы не тянутся, а кипятъ; рукодѣльцы дѣло свое отправляютъ на перехватъ другъ передъ другомъ, не только изъ корысти, но и изъ честолюбія и во угожденіе прелестной ихъ начальницы. Матери повсюду, вмѣсто того, чтобъ отводить и отсовѣтовать своимъ дѣтямъ, ослѣпясь симъ благоустройствомъ, идутъ и везутъ изъ самыхъ отдаленныхъ уѣздовъ, съ благодарностью и радостью поручаютъ дѣвицъ своихъ подъ покровъ общественной сей благотѣльности; а которыя уже не застали мѣста за многочисленностью, или за какимъ-либо недостаткомъ, отъѣзжаютъ въ свои предѣлы съ сожалѣніемъ и съ ропотомъ“. . . . „Не дивись читатель и не считай за сумасбродство мои положенія; они мудрены, новы, но непротивны возможности. Доколѣ всякая небывалость безпечною нашею порицаться станетъ небылицею? Чтѣ бы вы сказали, любезные соотечичи, еслибъ свободный духъ какого-нибудь мечтателя, подобнаго мнѣ, при нашемъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ вздумалъ бы прорещи великія дѣла побѣдителя сѣвернаго Александра, Карла XII? Вы бы, конечно, сказали: „этотъ сумасбродъ бредитъ, онъ хочетъ писать о человѣкѣ, а говорить о Богѣ“. Безъ мала не толь же положеніе теперь?“ (2).

(1) Путешествіе стр. 175. (2) Тамже стр. 92—93.

Подобно Радищеву, Челищевъ пускается и въ разсужденія о причинахъ упадка, бѣдности и запустѣнія разныхъ мѣстностей и находить эти причины въ невѣжествѣ и безчестности мѣстныхъ властей, въ отсутствіи чувства долга и сознанія гражданскихъ обязанностей. При этомъ онъ высказываетъ сильныя жалобы на людей, поставленныхъ заботиться о народѣ. Таковы жалобы въ концѣ Путешествія, по поводу разсказа объ одной упраздненной пустыни, сдѣлавшейся притономъ разбойнической шайки, жалобы, по силѣ и одушевленію напоминающія картины Радищева, только безъ тѣхъ „дерзновенныхъ мыслей и оскорбительныхъ выраженій“, которыя навлекли запрещеніе на книгу Радищева. „Почто не доискиваетесь вы, говоритъ онъ, до источника разнообразныхъ пороковъ, бѣдствій и злодѣйствъ? Отрите мракъ очей вашихъ, войдите подробно въ хижины поселянъ всѣхъ степеней: вы найдете ихъ источникъ, болѣзнь, лѣкарство, блаженство ихъ и ваше. Смотрите: повсюду бѣдность, праздность, скука; повсюду малая прибыль, а величайшій трудъ. Сколько жъ долженъ человѣкъ скорѣе наклониться къ злу, нежели къ добру. Самый и климатъ зоветъ народъ нашъ къ праздности; а праздность, извѣстно, мать пороковъ. Въ чужихъ краяхъ даетъ крестьянину щедрая природа девять мѣсяцевъ на работы, а три на отдохновеніе; у насъ же четыре мѣсяца на работы, а восемь на обременительную праздность.... Чтобъ отвѣсть отъ зимняго недѣлія, почто не заведете вы фабрикъ по всѣмъ глухимъ краямъ? Экономія губернской казны и самопроизвольное подаваніе откупщиковъ и подрядчиковъ довольно уже на то вамъ дать сумму. А ежели вы еще да пресѣчете на время сребролюбивую вашу склонность и покажете истинную наклонность къ общественному благу и выиграете довѣренность, то васъ засыплютъ деньгами дворяне, купцы и всѣ степени. Какъ можно подумать, что губерніи, которыя снабжаютъ всю Европу льномъ и пенькою, не имѣютъ еще общественныхъ конторъ, которыя бъ могли укрощать разорительную хищность сребролюбивыхъ иноземцевъ? Какъ можно подумать, говорю я, чтобъ мы столько платили за свои матеріалы, за ихъ переработку, выдумку и руку мастера? Увы, надменные ушелъцы въ кабинеты ваши! Почто вы просыпаете въ нихъ жизнь толикими способами снабденную къ славлѣ отечества, къ пользѣ государя и къ блаженству народному? Почто не обрабатываете сокровищъ, сокрытыхъ въ нѣдрахъ земныхъ; у насъ ихъ такъ много, а мы платимъ Агличанамъ за ихъ милліоны, Нирьберцамъ (Нюренбергцамъ) за иглы даже тысячи, что платимъ и Голландцамъ за сельдей, а сами имѣвши стерлядей, бѣлую рыбу, осетровъ, бѣлугу, семгу и прочія сокровища водъ. Астрахань и

Крымъ не могутъ ли насъ снабдить виномъ, шелкомъ и шерстью? Уралъ и обширныя губерніи любезнаго нашего отечества могутъ ли когда исчерпнуться въ рудныхъ своихъ жилахъ? Твердый, проникательный и созидательный разумъ Россіянь требуетъ только ободренія, чтобы затѣмнить въ наукахъ и въ руководѣліяхъ всѣ народы европейскіе! (¹).

МАСОНСТВО.

Противъ ученія французскихъ философовъ и энциклопедистовъ возставали не только Екатерина и ея правительство, но и многіе изъ тѣхъ писателей, которые сначала сами увлекались имъ; возставали противъ него и лица духовныя, пастыри церкви, которые говорили о немъ съ церковной кафедры, писали сочиненія, или переводили сочиненія, написанныя противъ него въ Европѣ; но съ особенною силою и ревностію, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, возстало противъ ученія энциклопедистовъ масонство.

Происхожденіе, общій характеръ и разные виды масонства въ Европѣ. Масонство (²), какъ тайное общество людей, преслѣдующихъ религіозно-нравственные и филантропическія цѣли, появилось въ Европѣ въ началѣ XVIII в. Первой масонской ложей была англійская ложа, открытая въ Лондонѣ въ 1717 г; во Франціи масонство явилось въ 1725 г., а въ Германіи въ 1740 г. Въ книгахъ же самихъ масоновъ начало масонства возво-

(¹) Путешествіе стр. 271—274.

(²) Изслѣдованія о масонствѣ и масонскихъ дѣтеляхъ въ русской литературѣ: Русскіе масоны 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія Ешевсаго. Русск. Вѣстн. 1864—1865; Новиковъ и московскіе мартинисты М. Лонгинова 1867 г. Русское масонство въ XVIII в. А. Пыпина. Вѣстн. Евр. 1867 №№ 2—4; Русское масонство до Новикова. Елагинская система А. Пыпина. Вѣстн. Евр. 1868. №№ 6—7; Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи въ XVIII в. П. Пекарскаго Сборн. 2-го Отд. Академіи наукъ т. VII. 1870. Русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екатерины II. Секретно вскрытая переписка нѣкоторыхъ масоновъ, Новикова, Кутузова, Тургенева и др. въ 1790—1795 г. Русская Старина 1874; январь, февраль и мартъ. Принятіе въ масоны. Разсказъ А. П. Степанова. Русск. Старина 1870; т. I; Любопытное сообщеніе Н. Н. Селифонтова о проклятомъ сборищѣ франкмасонскомъ, Чтен. общ. ист. и древн. 1871; Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ. Воспоминаніе Батенкова Вѣстн. Евр. 1872; № 7.

дится къ древнѣйшимъ временамъ, за четыре тысячи лѣтъ до Р Х., и при этомъ указывается на связь масонства съ построеніемъ храма Соломонова Хирамомъ, съ элевзинскими таинствами, съ тайными учениями Пифагорейцевъ и Эссеевъ, съ орденомъ тамплиеровъ, или рыцарей храма. Но всѣ эти сказанія относятся къ области басни, а исторически вѣрнымъ остается только то, что масонскія общества въ XVIII в. выродились изъ цѣховыхъ строительныхъ обществъ, которыя существовали въ средніе вѣка для построенія храмовъ и разныхъ общественныхъ зданій во всѣхъ странахъ Европы. На это указываетъ какъ самое ихъ названіе, такъ и внутреннее ихъ устройство и внѣшніе символы и обряды. Члены средневѣковыхъ строительныхъ обществъ имѣли свои уставы и право собственнаго суда, и потому назывались свободными каменщиками, *free masons, francs-maçons, Freimauer*; мѣсто, гдѣ они собирались, называлось у англичанъ *lodge*, у французовъ *logis*, у итальянцевъ *loggia*. Ложами свободныхъ каменщиковъ стали называться и собранія или общества масоновъ. Изъ строительныхъ же обществъ были заимствованы и символическіе знаки масонства: молотокъ, кожаный передникъ, циркуль, угломѣръ, или наугольникъ, ватерпасъ. Только то, что первоначально въ строительныхъ обществахъ имѣло прямой вещественный смыслъ, въ масонствѣ получило смыслъ духовный: ремесленный союзъ архитекторовъ, плотниковъ и каменщиковъ превратился въ духовный союзъ образованныхъ людей разныхъ сословій; явились общества духовныхъ свободныхъ каменщиковъ, трудящихся для созданія духовнаго храма Всевышнему, храма добродѣтели; орудія, употреблявшіяся при работѣ въ строительныхъ обществахъ, сдѣлались символическими знаками разныхъ свойствъ масоновъ и вообще характера масонской дѣятельности. Угломѣръ или наугольникъ училъ масона, что его дѣйствія должны быть соразмѣрены съ справедливостію; ватерпасъ показывалъ, что всѣ люди равны и между братьями должно быть полное согласіе; отвѣсъ обозначалъ твердость общества, основаннаго на добродѣтели; Евангеліе обозначало истину, циркуль — справедливость, а молотокъ, которымъ сохранялся порядокъ въ ложахъ, показывалъ, что члены общества должны слѣдовать ученію мудрости. Составъ членовъ масонскихъ обществъ также указываетъ на происхожденіе ихъ изъ строительныхъ обществъ. Въ нихъ также находились три степени или три класса членовъ — ученика, товарища и мастера. Символомъ первой степени ученика былъ грубый камень булыжникъ, который указывалъ члену, что главное его упражненіе должно состоять въ укрѣпленіи себя для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ камнемъ для зданія храма Всевышнему; символомъ товарища былъ обтесанный кубическій камень

для обозначенія того, что занятія членовъ этой второй степени должны состоять въ провѣркѣ приобрѣтаемыхъ познаній и критикѣ собственныхъ дѣйствій. Третью, высшую степень членовъ въ масонствѣ составляли мастера; имъ предписывалось заботиться о нравственномъ усовершенствованіи себя и другихъ членовъ; на ихъ обязанности лежало храненіе тайны или таинствъ масонства и передача ихъ отъ одного поколѣнія другому. Впрочемъ, о храненіи тайнъ общества должны были заботиться всѣ члены. При принятіи каждаго члена въ масонство брали страшную клятву въ сохраненіи тайны ученія, символовъ и обрядовъ; при посвященіи въ новую высшую степень клятва эта повторялась; посвящаемый въ мастера давалъ особый обѣтъ молчанія и обязывался помогать всѣмъ мастерамъ противъ возстающихъ товарищей. Каждая степень членовъ должна была оберегать свои знанія отъ нисшихъ степеней. Отъ всѣхъ членовъ во всѣхъ степеняхъ требовалось безпрекословное повиновеніе своимъ начальникамъ. Чтобы внушить членамъ уваженіе вообще къ обществу, заставить ихъ быть вѣрными ему и свято хранить его тайны, масонство прибѣгало, особенно при принятіи новыхъ членовъ, къ разнымъ страшнымъ и ужасающимъ обрядамъ. Принимаемого или посвящаемого вводили въ ложу съ завязанными глазами; въ минуту снятія повязки съ глазъ, братья приставляли къ груди его острія мечей, требуя страшной клятвы о храненіи тайны ордена; неожиданно сильно ударяли—младшій надзиратель масштабомъ по шеѣ, старшій надзиратель—наугольникомъ въ лѣвую грудь, а мастеръ молоткомъ по головѣ. Въ позднѣйшія времена эти обряды въ нѣкоторыхъ ложахъ приняли характеръ настоящихъ трагическихъ представленій. Комната обивалась чернымъ сукномъ; вмѣсто стола устроился жертвенникъ, на которомъ ставились человѣческіе скелеты съ надписью: „memento mori“; показывались раскаленное желѣзо, разные провалы и пропасти и другіе ужасы. Вотъ какъ описывается обрядъ пріема въ ученическую степень въ Елагинскихъ ритуалахъ, напечатанныхъ Пекарскимъ: „Когда открывается требующему свѣтъ т. е. внезапно снимаютъ съ глазъ его повязку, тогда всѣ предстоящіе братья держатъ противъ него устремленные шнаги, а одинъ изъ братьевъ стоитъ въ окровавленной сорочкѣ. Великій мастеръ объявляетъ принимаемому, что направленные на него мечи устремятся противъ него, если онъ нарушитъ клятву и союзъ. Затѣмъ великій мастеръ объясняетъ ему, что если онъ зашелъ уже такъ далеко, что не во власти его съ честью и безъ опасности оставить ложу, то пусть онъ, „подвигнутый собственною волею и мужественнымъ намѣреніемъ, запечатлѣтъ клятву свою смѣшеніемъ крови своей съ кровью братьевъ“. Посвящаемого ставятъ на одно

колѣно у жертвенника и велятъ ему положить одну руку на Евангеліе, а другою приставить къ груди своей циркуль. „Братъ ужасный, говорить великій мастеръ, гдѣ кровавая чаша? исполни свою должность!“ Братъ ужасный подходитъ съ кровавою чашей, и мастеръ ударяетъ трижды по приставленному къ груди принимаемаго циркулю; текущая въ чашу кровь соединяетъ новаго масона съ прежними братьями. Еще въ болѣе страшномъ видѣ описывается обрядъ пріема въ мастера ложи. Вся ложа обита чернымъ сукномъ, полъ покрытъ чернымъ покрываломъ, на которомъ разбѣянно нашиты золотыя слезы; на покрывалѣ поставляется черный гробъ... въ головахъ гроба къ западу находится циркуль, а въ ногахъ прямоугольникъ; вмѣсто трехъ подсвѣчниковъ поставляются три скелета, изъ коихъ каждый держитъ тройной подсвѣчникъ съ тремя зажженными свѣчами; жертвенникъ также одѣтъ чернымъ сукномъ съ золотыми слезами и вышитою мертвою головою; вмѣсто трехъ подсвѣчниковъ на немъ стоятъ три серебрянныя мертвыя головы на крестообразно сложенныхъ костяхъ. Всѣ чиновники и всѣ братья одѣты въ черныхъ эпанчахъ. Просвѣщаемого брата вводятъ въ ложу спиною и ставятъ его лицомъ къ стѣнѣ, „да не омрачится скорымъ и печальнымъ воззрѣніемъ“. Затѣмъ начинаютъ его водить по комнатѣ; при этомъ онъ самъ держитъ лѣвою рукою у груди конецъ шпаги; ведущій его надзиратель останавливается съ нимъ у нарисованныхъ мертвыхъ головъ, причемъ проситъ его размышлять о смерти. „Во время путешествія братья стоятъ окрестъ и близъ гроба, наклонивъ голову на руку. Въ гробѣ лежитъ подъ окровавленной плащаницею единый изъ младшихъ мастеровъ“.... У жертвенника принимаемый приносить обѣтъ молчаливости. Послѣ того великій мастеръ три раза ударяетъ молоткомъ, съ произнесеніемъ словъ принятія. При третьемъ ударѣ, когда произносится слово „смерть“, принимаемый повергается во гробъ и прикрывается окровавленной плащаницею. Посмѣявшись, происходитъ великая тишина“. Тогда „великій мастеръ дѣлаетъ по эфесу шпаги своей 9 ударовъ, надзиратели ему отвѣчаютъ, а братья въ тоже время стремительно бѣгутъ къ гробу и концы шпагъ на лежащаго устремляютъ“.

Какъ виѣшняя организація масонства происходила по образцу строительныхъ обществъ, такъ внутренній характеръ его ученія, его цѣлей и стремленій образовался подъ вліяніемъ современныхъ депстическихъ и филантропическихъ идей XVIII в. Въ основу масонскаго ученія вошелъ деизмъ, или естественная религія разума, изложенная въ сочиненіяхъ англійскихъ деистовъ Шефтсбери, Коллинза и Толанда. Для противодѣйствія религіознымъ распрямъ, такъ долго угнетавшимъ Европу и приводивъ-

шимъ къ кровавымъ религіознымъ войнамъ, масонство, подобно деизму, выставило идею самой широкой вѣротерпимости, и на началахъ этой вѣротерпимости хотѣло создать одну общую религію, одно братство между людьми, основанное на ученіи о свободѣ совѣсти, братской любви и равенствѣ между людьми. Въ сторонѣ были оставлены все догматическія и вѣроисповѣдныя разности какъ въ христіанской, такъ и другихъ религіяхъ; отъ поступающихъ въ масонство требовались только основныя начала всякаго религіознаго ученія — вѣра въ Бога, безсмертіе души, воздаяніе за гробомъ и начала нравственнаго закона. Требования нравственнаго закона ставились выше всего въ масонскомъ ученіи, или лучше сказать они и составляли главнымъ образомъ религіозное ученіе масоновъ; само христіанство если и ставилось выше другихъ религій, то такъ же главнымъ образомъ за чистоту и высоту нравственнаго ученія. Такъ какъ основу нравственнаго закона составляетъ любовь къ ближнимъ, выражающаяся въ тѣлахъ благотворительности, то вся религіозно-нравственная дѣятельность масонская получила характеръ филантропическій и самыя общества масонскія часто имѣли видъ филантропическихъ обществъ. Съ религіознымъ индифферентизмомъ, лежшимъ въ основу масонскаго ученія, естественно, соединялся и совершенный индифферентизмъ въ національностяхъ и политическихъ учрежденіяхъ; въ масонскія общества могли быть принимаемы члены изъ всехъ странъ, безъ различія національностей и политическихъ доктринъ. Первоначальное масонство даже требовало отъ своихъ членовъ совершеннаго невмѣшательства въ политическія и соціальныя дѣла государства.

Такой организаціей масонства и основными началами его ученія объясняется вся послѣдующая судьба его, какъ быстрое его возвышеніе, такъ и паденіе, какъ возбужденная сначала къ нему симпатія повсюду, такъ и возникшія вскорѣ его преслѣдованія. Нравственная основа масонства и его человеколюбивыя стремленія привлекали къ нему всехъ лучшихъ людей не только мірскихъ, но и духовныхъ; но масонская нравственность была не чисто христіанской; она вытекала не изъ откровеннаго христіанскаго ученія, а изъ естественныхъ свойствъ самого человѣка и слѣдовательно имѣла естественную человеческую почву; кромѣ того, масонство безразлично относилось къ догматическому и церковно-обрядовому ученію христіанства, если не совсѣмъ отвергало его. Очень естественно, что съ теченіемъ времени оно встрѣтило сильную оппозицію противъ себя въ церкви и духовенствѣ. Религіозный, національный и политическій индифферентизмъ помогъ масонству быстро распространиться во всехъ странахъ; но, проповѣдая совершенное невмѣшательство въ дѣла ре-

лигіозныя и государственныя. масонство съ своимъ замкнутымъ характеромъ, съ своими странными тайными знаками и обрядами, составляло своего рода отдѣльное тайное государство (*status in statu*), которое въ правительствахъ, естественно, должно было возбуждать разныя подозрѣнія и опасенія, и потому подверглось со стороны ихъ запрещеніямъ и преслѣдованіямъ. Эти преслѣдованія начались повсюду особенно съ того времени, когда масонство стало терять свой первоначальный характеръ, когда къ его возвышеннымъ нравственнымъ цѣлямъ начали присоединяться другія, не совсѣмъ чистыя побужденія, когда въ немъ явилось множество разныхъ орденовъ, получившихъ разное устройство, формы и названія. Къ первоначальнымъ цѣлямъ заботиться о нравственномъ воспитаніи людей и ихъ внѣшнемъ благосостояніи, счастья и довольствѣ, съ теченіемъ времени, присоединились разныя стремленія и занятія, перешедшія изъ прежнихъ средне-вѣковыхъ обществъ, какъ-то „испытаніе натуры вещей“ и чрезъ то приобрѣтеніе силы и власти къ исправленію людей; занятія алхиміей, или искусствомъ превращать разныя металлы въ золото и драгоценныя камни; занятія магіей, или искусствомъ вызывать духовъ для того, чтобы узнавать будущее; стремленія отыскать философскій камень, или средство продолжить жизнь человѣка, на нѣсколько сотъ лѣтъ; разнаго рода хитрости и обманы для выманиванія денегъ и приобрѣтенія богатствъ, и наконецъ политическія интриги, внесенныя въ масонство іезуитами. Ко всему этому присоединялось „сохраненіе и преданіе потомству нѣкотораго важнаго таинства, будто бы отъ самыхъ древнѣйшихъ вѣковъ и даже отъ перваго человѣка до насъ дошедшаго, отъ котораго (таинства), можетъ быть, судьба цѣлаго человѣческаго рода зависить, доколѣ Богъ благоволитъ ко благу человечества открыть оное всему міру; но чтобы открыть это таинство, надобно заботиться о нравственномъ усовершенствованіи себя“. По мѣсту происхожденія различалось масонство „аглицкое“, которое было первоначальною и вмѣстѣ самую простою формою, „шведское“, „берлинское“ и проч.; по характеру и цѣлямъ въ масонствѣ различались: „тамплиерство“, или система строгаго наблюденія, „диннендорстзо“, система слабаго наблюденія, „розенкрейцерство“, „мартинизмъ“, „иллюминатство“. Два послѣднія названія указываютъ на связь масонскихъ обществъ съ мистицизмомъ. Масонскія общества получили особенный характеръ съ того времени, когда приняли въ себя ученіе мистиковъ и теософовъ XVIII в., каковы были Я. Бемъ Пордечъ и Сенъ-Мартенъ. Ученіе мистиковъ было совершенно противоположно деизму, отъ котораго первоначально вышло масонство; деизмъ отвергалъ откровеніе и ставилъ на мѣсто его разумъ; а отличительную черту

мистицизма составляло то, что въ дѣлѣ познанія истины мистики хотѣли руководствоваться не разумомъ и наукой, а внутреннимъ чувствомъ, непосредственнымъ вдохновеніемъ, или внутреннимъ откровеніемъ. Главнымъ предметомъ и цѣлію всѣхъ изысканій для человѣка они поставляли познаніе самого себя, творенія и Творца, познаніе сущности всѣхъ вещей, божескихъ и человѣческихъ; но при этомъ къ научнымъ изслѣдованіямъ природы и жизни и къ выводамъ разума отпосились пренебрежительно и говорили, что нужно погружаться въ самого себя, во внутреннее святилище своей души, нужно прислушиваться только къ своему внутреннему голосу, чтобы понять сущность и всѣ высшія тайны бытія. Герлицкій башмачникъ Яковъ Бемъ (ум. въ 1625 г.), извѣстный подъ именемъ перваго тевтоническаго философа, былъ главнымъ представителемъ мистическаго ученія и написалъ множество мистическихъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ странную смѣсь богословія, метафизики, алхиміи и астрологій. Послѣдователь Бема, англійскій докторъ Пордетъ старался привести въ возможную систему его ученіе и съ этою цѣлію написалъ нѣсколько сочиненій. Ученіе Сень-Мартена такъ же было сходно съ ученіемъ Бема и произвело секту маріанистовъ (около 1768 г.), основателемъ которой, впрочемъ, были не самъ Сень Мартенъ, а одинъ португальскій еврей Мартинецъ Паскаль. Секта эта проповѣдывала чудеса и таинства теургій т. е. различныя сверхъестественныя дѣйствія и явленія, сношенія съ міромъ невидимыхъ силъ и духовъ. Масонскія общества, принявшія ученіе этихъ мистиковъ, и сами назывались мистиками и въ частности мартинистами. Выше замѣчено, что въ масонскія общества проникали и политическія интриги. Таково было общество иллюминатовъ, которое было основано въ Ингольштадтѣ (въ Баваріи) профессоромъ каноническаго права Вейсгауптомъ (ум. въ 1822 г.). Возникнувъ на общихъ началахъ мистическаго ученія о внутреннемъ просвѣщеніи человѣка свыше (illuminatio) и подобно другимъ масонскимъ обществамъ первоначально имѣвшее филантропическія цѣли, иллюминатство стало стремиться къ вліянію на политическія дѣла въ Европѣ, вступило въ сношенія съ іезуитами и, усвоивъ ихъ начала, заводило повсюду политическія интриги, и потому, естественно, возбудило скоро противъ себя сильныя преслѣдованія.

Начало масонства въ Россіи. Въ Россіи масонство появилось еще въ царствованіе Елисаветы. Первые извѣстія о немъ относятся къ началу 30-хъ годовъ XVIII ст. Въ 1747 г. къ масонству принадлежали графъ Головинъ, два брата графовъ Чернышевыхъ, Иванъ и Захаръ; въ 1756 г. между масонами счи-

тались князь Михаилъ Щербатовъ, Иванъ Болтинъ и Меллсено, а графъ Р. И. Воронцовъ, отецъ княгини Дашковой, занималъ грессмейстерскій стулъ. Въ 1772 г. была открыта въ Петербургѣ первая русская „Великая ложа“, грессмейстеромъ которой былъ И. П. Елагинъ; по имени его и самая система этой ложи получила названіе Елагинской.

Иванъ Перфильевичъ Елагинъ (1725—1796) можетъ быть названъ представителемъ петербургскаго масонства въ первую его эпоху, какъ Новиковъ и Лопухинъ были представителями московскаго масонства. Въ своей Запискѣ о масонствѣ ⁽¹⁾ Елагинъ разсказываетъ, что онъ „съ самыхъ юныхъ лѣтъ“ вступилъ въ масонство; но ни въ ученіи его, ни въ обществѣ членовъ, его составляющихъ, не нашелъ ничего интереснаго, и потому оставилъ это общество. Но избѣжавъ одной опасности, онъ попалъ въ другую, „прильпился къ сочиненіямъ лестнымъ и заманчивымъ, къ писателямъ безбожнымъ“. „Симъ душегубнымъ чтеніемъ, говоритъ онъ, спознался я со всѣми афеистами и деистами.... Буланже, Даржансъ, Вольтеръ, Руссо, Гельвецій и всѣ словари Бэлова, какъ французскіе и аглицкіе, такъ латинскіе, итальянскіе лжезаконники, плѣнивъ сердце мое сладкимъ краснорѣчію ядомъ, пагубнаго ада горькую вліяли въ него отраву“.... Но онъ не долго увлекался ученіемъ энциклопедистовъ, и опять вспомнивъ о масонствѣ, старался узнать, нѣтъ ли въ немъ чего нибудь „притягательнаго“, почему въ него вступаетъ множество людей умныхъ и хорошихъ. Одинъ англичанинъ указывалъ Елагину на старую аглицкую ложу, въ которой будто сохраняются настоящія масонскія таинства. Другой масонъ объяснилъ ему, что „масонство есть древнѣйшая таинственная наука, святой премудростію называемая, что она всѣ прочія науки и искусства въ себѣ содержитъ.... что она та самая премудрость, которая отъ начала міра у патриарховъ и отъ нихъ предаваемая въ тайнѣ священной хранилась въ храмахъ халдейскихъ, египетскихъ, персидскихъ, финикійскихъ, іудейскихъ, греческихъ и римскихъ и во всѣхъ мистеріяхъ или посвященіяхъ еллинскихъ; въ училищахъ соломоновыхъ, елейскомъ, синайскомъ, іоанновомъ въ пустынѣ и Іерусалимѣ, новою благодатію въ Откровеніи Спа-

(1) „Ученіе древняго любомудрія и богомудрія, или наука свободныхъ каменщиковъ, пзъ разныхъ творцовъ свѣтскихъ, духовныхъ и мистическихъ собранная и въ 3-ти частяхъ предложенная Н. Е. великимъ російскімъ провинціальнымъ ложѣ мастеромъ. Начато въ MDCCCLXXXVI г. Намечтано въ Русск. Архивѣ 1864 г. № 1.

сителя преподавалась.... Узнавъ, какъ ему казалось, истинное масонство (это было англиское масонство), Елагинъ сдѣлался его ревностнымъ послѣдователемъ, былъ мастеромъ „Великой провинціальной ложи“, переводилъ на русскій языкъ масонскія сочиненія и до конца жизни не оставлялъ масонства. Затѣмъ въ Москвѣ появилось нѣсколько масонскихъ ложъ, именно ложи „Латоны“, „Блισταющей Звѣзды“, „Свѣтоноснаго Треугольника“, „Св. Моисея“ и „Девкалиона“. Изъ другихъ провинціальныхъ ложъ были извѣстны еще ложи въ Ярославѣ и въ Казани, подъ именемъ „Восходящаго Солнца“. По показанію Новикова, у насъ было четыре вида масонства: англиское, подъ управленіемъ Елагина, шведское, подъ управленіемъ князя Куракина и Гагарина, рейхельское, подъ управленіемъ барона Рейхеля; но всего больше распространено было масонство берлинское или „розенкрейцерство“, принесенное въ Россію изъ Берлина въ Москву профессоромъ Шварцемъ. Къ масонству принадлежали лучшіе русскіе люди изъ всѣхъ самыхъ высшихъ сословій. Масонство привлекало всѣхъ своимъ религіозно-нравственнымъ характеромъ, своими человѣколюбивыми стремленіями, заботами о народномъ образованіи и благосостояніи. Но, сходясь въ общихъ чертахъ съ западными масонами, русскіе масоны во многомъ отличались отъ нихъ. Правда, въ бумажныхъ масонскихъ масонствъ есть такъ же предположенія о дѣланіи золота, исканіи философскаго камня и прочихъ химическихъ работахъ. Кутузовъ былъ посланъ въ Берлинъ изучать алхімію; студенты Невзоровъ и Колокольниковъ въ 1788 г. такъ же были отправлены за границу, между прочимъ, для изученія химіи; но собственно всѣхъ этихъ работъ наши масоны сами, кажется, не производили и не знали, равно какъ въ магіи и кабалѣ сами они не упражнялись, ибо были еще въ нисшихъ градусахъ. Вообще русскому масонству всего болѣе была извѣстна нравственная и филантропическая сторона масонства; какъ ученіе его такъ и дѣятельность отличались христіанскимъ характеромъ. Большая часть его лучшихъ дѣятелей такъ же едвали и догадывалась о первоначальной деистической основѣ масонства и принималъ масонское ученіе и его разныя тайны и исполняя странные обряды, они думали, что все это вполнѣ согласно съ христіанскимъ ученіемъ, считали себя истинными христіанами и дѣйствительно безпрекословно принимали всѣ догматы и обряды православной церкви. Лопухинъ въ своихъ запискахъ, стараясь показать различіе между западными тайными обществами и философскими системами и своимъ обществомъ и его ученіемъ, говоритъ: „тѣ общества и системы были совсѣмъ непохожи наши. Нашего общества предметъ былъ добродѣтель и стараніе, исправляя себя достигать совершенства-

при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ; а система наша, что Христосъ — начало и конецъ всякаго блаженства и добра въ здѣшней жизни и будущей. Той же философіи система — отвергать Христа, сомнѣваться въ безсмертіи души, едва вѣрить, что есть Богъ, и падуваться гордостію самолюбія“. Русское масонство требовало отъ своихъ послѣдователей истинно христіанской любви и благотворительности, сближало людей различныхъ сословій, положеній, и мнѣній, во имя высшихъ цѣлей, религіозно-нравственнаго идеала, призывая всѣхъ къ самопознанію и нравственному усовершенствованію. Оно воспитало въ своей средѣ много свѣтлыхъ и благородныхъ личностей, которыя явились въ высшей степени полезными дѣятелями на различныхъ поприщахъ служенія Россіи; оно объявило наконецъ борьбу съ философіей энциклопедистовъ и той нравственною распущенностію, которую производила эта философія въ русскомъ обществѣ. Таковымъ масонство русское мы встрѣчаемъ въ эпоху наибольшаго его развитія и процвѣтанія, когда во главѣ его стояли Новиковъ и Шварцъ и главными дѣятелями въ немъ были такія замѣчательныя лица, какъ Н. В. Лопухинъ, С. П. Гамалѣя, Н. П. Тургеневъ и князья Ю. Н. и П. Н. Трубецкіе.

Николай Ивановичъ Новиковъ ⁽¹⁾ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, литературныхъ и общественныхъ, дѣятелей въ Екатерининскую эпоху. Онъ происходилъ изъ дворянъ московской губерніи и родился въ 1744 г. въ селѣ Тихвинскомъ (Авдотьино тожъ) Бронницкаго уѣзда. Образованіе свое онъ получилъ въ московской университетской гимназій, гдѣ, впрочемъ, учился не усердно и по неуспѣшности въ иностранныхъ языкахъ долженъ былъ даже оставить гимназію, до окончанія курса. Недостатки училищнаго образованія Новиковъ старался потомъ восполнить самообразованіемъ, чтеніемъ книгъ и знакомствомъ съ образованными людьми. Изъ всѣхъ предметовъ онъ особенно любилъ и изучалъ русскую исторію и русскую литературу; къ этимъ наукамъ и относится его литературная дѣятельность. Изъ всѣхъ современныхъ образованныхъ людей особенное вліяніе на него имѣли послѣдователи масонства Н. П. Елагинъ и И. Е. Шварцъ,

---

⁽¹⁾ Изслѣдованія о Новиковѣ: Н. П. Новиковъ. Біографическій очеркъ А. Афанасьева. Библіограф. Записки 1838; № 5; Н. П. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1783 г. А. Незеленова, Спб. 1875; Новиковъ въ Шлиссельбургской крѣпости (по новымъ документамъ) А. П. Незеленова. Историч. Вѣстн. 1882; декабрь.

которые и сообщили особое направлѣніе его просвѣтительной и общественной дѣятельности. Время принятія масонства Новиковымъ раздѣляетъ всю его дѣятельность на два періода — петербургскій до 1779 г., когда онъ занимался литературой вообще, какъ одинъ изъ передовыхъ образованныхъ людей, и московскій съ 1779 г., когда онъ, принявши въ 1755 г. масонство, переселился въ Москву, гдѣ къ его литературной дѣятельности присоединилась широкая образовательная и филантропическая дѣятельность.

Сначала по выходѣ изъ гимназій. Новиковъ поступилъ на службу въ гвардейскій измайловскій полкъ въ Петербургѣ и въ то же время прикомандированъ былъ въ Коммиссію народныхъ депутатовъ, образованной Екатериной для составленія проекта Новаго Уложенія. Въ качествѣ секретаря коммиссіи, обязаннаго вести записки обо всемъ, что дѣлалось въ ея засѣданіяхъ, онъ находился въ 1767—68 г. Это было весьма важнымъ обстоятельствомъ для его развитія. Въ коммиссіи онъ обращался въ обществѣ лучшихъ выборныхъ людей со всей Россіи; здѣсь онъ могъ узнать состояніе, нужды и потребности всего государства; здѣсь онъ слышалъ самыя разнообразныя сужденія о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, которые дали ему подготовку и матеріаль для его будущей дѣятельности. По выходѣ изъ Коммиссіи, послѣ ея закрытія въ 1768 г., онъ оставилъ и военную службу, которая мѣшала ему заниматься науками, и посвятилъ себя исключительно литературѣ. Литературная дѣятельность Новикова началась съ изданія журналовъ. Свобода мысли и слова въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины, и примѣръ самой Екатерины, печатавшей свои комедіи и Были и Небылицы, вызвали множество сатирическихъ журналовъ, въ которыхъ, съ одной стороны осмѣивались невѣжество, разныя суевѣрія, предрассудки и пороки, а съ другой проводились просвѣтительныя идеи Наказа. Лучшіе люди принялись за изданіе журналовъ, которые считались лучшими органами для проведенія въ общество всякаго рода идей. Но между всѣми издателями журналовъ Новиковъ отличался особеннымъ усердіемъ, талантливостію и добросовѣтностію. Первымъ его журналомъ былъ „Трутень“, издававшійся въ 1769—1770 г. Онъ обратилъ на себя вниманіе правительства и общества своей прямою и смѣлостію своей сатиры, а въ литературѣ возбудилъ сильную полемику. Новиковъ недовольствовался обличеніемъ пороковъ только въ общихъ чертахъ, не указывая на опредѣленные личности, а требовалъ, чтобы сатира была сатирой на лицо, если она не хочетъ быть безплодною. Противъ этого требованія возстала „Всякая Всячина“ и повела нападенія свои съ такою строгостію, что Но-

виковъ долженъ былъ отказаться отъ своей мысли о личной сатирѣ и сдѣлался осторожнѣе и умѣреннѣе въ своихъ обличеніяхъ. Основною темою большей части статей „Трутня“ служить порицаніе подражательности русскихъ всему иностранному, особенно французскому. „Отказавшись отъ всего прошлаго нашей жизни, отъ правотъ и обычаевъ предковъ, сдѣлавшись слѣпыми подражателями всему французскому, мы, говорилъ Новиковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли и добродѣтели нашихъ предковъ, въ большинствѣ случаевъ мы промѣняли наше старое родное добро на новое чужое зло“.... Но, нападая на подражательность французамъ и напоминая о забытыхъ добродѣтеляхъ предковъ, Новиковъ, конечно, вовсе не думалъ проповѣдывать совершенное отчужденіе отъ Европы, или національную исключительность. Напротивъ, вполне уважая европейское просвѣщеніе, онъ совѣтовалъ усвоивать отъ Европы все лучшее и сильно нападалъ на русское суетворіе и невѣжество, грубость, жестокость и другіе пороки. Такое направленіе мы находимъ особенно въ другомъ журналѣ Новикова, въ „Живописцѣ“, который онъ издавалъ въ 1772—73 г. Глубоко сожалѣя, что добрыя начала и свойства русской народности заглушаются, или обезображиваются невѣжествомъ, онъ всячески старается возбудить любовь къ наукамъ, и укоряя русскихъ людей за то, что они перенимаютъ у иностранцевъ только ихъ недостатки и пороки, онъ въ тоже время не только совѣтуетъ путешествовать по чужимъ землямъ, но и заимствовать изъ нихъ науки и искусства. При такомъ направленіи „Живописецъ“ пользовался особеннымъ сочувствіемъ русскаго общества; требованіе на этотъ журналъ были такъ велики, что Новиковъ сдѣлалъ пять изданій „Живописца“; въ послѣднія три изданія были включены лучшіе сатирическіе очерки изъ „Трутня“. Въ 1774 г. Новиковъ началъ издавать третій сатирическій журналъ „Кошелекъ“. Въ этомъ журналѣ онъ преслѣдовалъ тѣже цѣли, какъ и въ „Живописцѣ“, изображая разные русскіе пороки и недостатки; но этотъ журналъ по сатирѣ и по художественности былъ значительно слабѣе не только „Живописца“, но и „Трутня“. Во всѣхъ указанныхъ журналахъ Новиковъ касался разныхъ общественныхъ вопросовъ, возставалъ противъ крѣпостнаго права, противъ неправосудія и взяточничества судей, противъ недостатковъ домашняго воспитанія и школьнаго образованія.

Какъ глубокій патріотъ, возбуждая русскихъ людей къ образованію на началахъ національных, Новиковъ стремился познакомить ихъ съ русской исторіей и съ этою цѣлію издалъ нѣсколько весьма важныхъ сочиненій, которыми онъ весьма много содѣйствовалъ разработкѣ русской исторіи вообще и исторіи рус-

ской литературы. Въ 1772 г. онъ издалъ „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ, въ которомъ были собраны извѣстія о русскихъ писателяхъ „изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ и словесныхъ преданій“. Съ 1773 г. начала выходить въ свѣтъ его „Древняя россійская Вивліоэика“, содержащая описаніе россійскихъ посольствъ въ другія государства, свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей, рѣдкія грамоты и многія сочиненія древнихъ россійскихъ стихотворцевъ. Цѣлю изданія этой Вивліоэики, было, какъ говоритъ Новиковъ въ предисловіи къ читателю „начертаніе нравовъ и обычаевъ нашихъ предковъ, чтобы мы познали великость духа ихъ, украшеннаго простотою“... „Полезно знать нравы, обычаи и обряды древнихъ чужеземныхъ народовъ; но гораздо полезнѣе имѣть свѣдѣніе о своихъ прародителяхъ; похвально любить и отдавать справедливость достоинствамъ иностранныхъ; но стыдно презирать своихъ соотечественниковъ, а еще паче и гнушаться оными“. Въ первый годъ изданія русской Вивліоэики вышло старинное русское сочиненіе „Древняя россійская идрографія“, содержащая описаніе московскаго государства, рѣкъ, озеръ, протоковъ, кладязей, и какіе на нихъ города и урочища, и на какомъ оныя разстояніи“. Сочиненіе это было издано какъ памятникъ старины и какъ матеріалъ для изученія древней русской исторіи, а паче всего, какъ говорится въ предисловіи къ нему, для обличенія несправедливаго мнѣнія тѣхъ людей, которые думали и писали, что до времени Петра В. Россія не имѣла ни какихъ книгъ, окромѣ церковныхъ, да и то будто только служебныхъ“. Кромѣ того Новиковъ издалъ „Исторію о невинномъ заточеніи ближняго боярина, Артемона Сергіевича Матвѣева“, „Скпѣскую исторію стольника Андрея Лызлова“ и „Повѣствователь древностей россійскихъ“ (ч. 1). Последнее изданіе, составляющее продолженіе Вивліоэики, заключаетъ въ себѣ „собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ къ пользѣ исторіи и географіи“. При всѣхъ этихъ изданіяхъ Новиковъ руководился глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, стараясь возбудить въ русскихъ людяхъ любовь къ родной странѣ, которая начинала ослабѣвать отъ иностраннаго воспитанія, иностранныхъ нравовъ и обычаевъ.

Въ 1779 г. Новиковъ переселился въ Москву. Здѣсь его просвѣтительная дѣятельность получила болѣе широкіе размѣры и особенный филантропическій характеръ подъ вліяніемъ масонства. Въ масонство Новиковъ вступилъ еще въ 1775 г. (есть извѣстіе, что для него и друзей его была открыта ложа „Немезида“). когда онъ, какъ самъ говорилъ въ послѣдствіи, „находился на распутии между вольтерьянствомъ и религіей и не имѣлъ

точки опоры, или краеугольного камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе“. Сначала онъ вступилъ въ англійское масонство на такихъ условіяхъ, чтобы не давать ему никакой присяги и обязательства, но потомъ скоро перешелъ въ ложу барона Рейхеля, гдѣ все вниманіе членовъ, по его словамъ, было обращено на самопознаніе и нравственное усовершенствованіе. Но истиннымъ масономъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, Новиковъ сдѣлался тогда, когда познакомился съ Шварцемъ. „Въ одно утро, говоритъ Новиковъ, пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я поговоря, сдѣлался во всю жизнь, до самой его смерти, неразлучнымъ; этотъ нѣмчикъ былъ И. Е. Шварцъ“ (1).

Иванъ Егоровичъ Шварцъ (ум. 1784 г.) былъ нѣмецъ-мистикъ и масонъ, воспитанный на сочиненіяхъ Бема. Въ Россію онъ пріѣхалъ въ 1776 г., подобно другимъ иностранцамъ, съ педагогическими цѣлями и поселился въ Москвѣ. Научившись русскому языку, онъ съ такою ревностію началъ заботиться объ образованіи молодыхъ людей, что вскорѣ возбудилъ къ себѣ глубокое сочувствіе и благодарность всего московскаго общества. Указывая на это сочувствіе, онъ говоритъ въ своей автобіографической запискѣ: „Все это исполнило меня райскими ощущеніями: я желалъ выразить благодарность свою народу столь благородному, столь жаждущему науки. Я приходилъ въ негодованіе, видя, что недостойные своекорыстные иностранцы обманываютъ многихъ благородныхъ отцевъ и матерей, которые горячо желаютъ дѣтямъ добра, но не имѣютъ настолько образованія, чтобы знать, какъ слѣдуетъ приняться за дѣло. Потому я рѣшился устроить общество, которое устранило бы это зло т. е. 1) по возможности распространяло бы въ публикѣ правила воспитанія; 2) поддерживало-бы типографское предпріятіе Новикова переводомъ и изданіемъ полезныхъ книгъ и 3) старалось бы или привлекать въ Россію иностранцевъ, которые были-бы способны давать воспитаніе, или, что еще лучше, воспитывать на свой счетъ учителей изъ русскихъ“ (2). Но такое общество удалось устроить ему только тогда, когда онъ лично познакомился съ Новиковымъ. Шварцу уже давно была извѣстна литературная дѣятельность Новикова и особенно нравилась его ревность къ просвѣщенію и горячая любовь къ народу; въ свою

(1) Н. П. Новиковъ. А. Афанасьева. Библиогр. Записки. 1858; № 6.

(2) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей московскаго университета II, 576.

очередь и Новиковъ, узнавъ Шварца, увлекся его высокими просвѣтительными идеями и вполне усвоилъ ихъ, и оба они, сдѣлавшись друзьями, начали стремиться къ образованію народа на религіозно - нравственныхъ началахъ и къ улучшенію его матеріальнаго благосостоянія путемъ благотворительности. Открытіе училищъ для распространенія грамотности въ народѣ, изданіе учебниковъ и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, заведеніе типографій и книжныхъ лавокъ, приготовленіе учителей для училищъ, поощреніе вообще молодыхъ даровитыхъ людей къ образованію и отправленіе лучшихъ изъ нихъ для усовершенствованія въ наукахъ за границу, наконецъ устройство больницъ и аптекъ для бѣдныхъ—вотъ тѣ предметы, которые входили въ обширную программу просвѣтительной и филантропической дѣятельности Новикова и Шварца. Начало этой дѣятельности относится къ 1779 г., когда Новиковъ, переселившись въ Москву, взялъ въ аренду на 10 лѣтъ университетскую типографію⁽¹⁾. Въ этой типографіи онъ въ короткое время напечаталъ множество книгъ религіозно - нравственнаго и мистическаго содержанія и нѣсколько учебниковъ по разнымъ наукамъ; большую часть изъ этихъ книгъ онъ роздалъ безденежно духовнымъ семинаріямъ и другимъ училищамъ (всѣхъ книгъ было роздано почти на 3000 р.). Затѣмъ онъ открылъ нѣсколько книжныхъ лавокъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ, Ярославлѣ, Смоленскѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Глуховѣ, Кіевѣ и др., а въ Москвѣ, кромѣ того, основалъ первую публичную бібліотеку, гдѣ бѣдные люди могли читать книги бесплатно. Вообще, какъ типографъ и книгопродавецъ, издатель и распространитель книгъ, Новиковъ обнаружилъ изумительную, небывалую до того времени дѣятельность. Въ первые три года въ университетской типографіи было напечатано гораздо болѣе книгъ, нежели сколько въ прежнее 24 года ея существованія. вмѣстѣ съ университетской типографіей находилось въ завѣдываніи Новикова и изданіе „Московскихъ Вѣдомостей“. Онъ такъ улучшилъ ихъ, что число подписчиковъ на нихъ, доходившее до 600, возвысилось до 4,000 человекъ. Между прочимъ, такому возвышенію и распространенію Московскихъ Вѣдомостей весьма много способствовало то, что при нихъ Новиковъ издавалъ съ 1783 по 1789 г., какъ прибавленіе „Дѣтское Чтеніе“, которое у насъ было первымъ дѣтскимъ журналомъ. Между тѣмъ, Шварцъ дѣйствовалъ на педагогиче-

⁽¹⁾ Наша печать въ ея историко-экономическомъ развитіи. Вольныя типографіи и издательская дѣятельность явныхъ и тайныхъ друзей, А. Н. Мамшарова. Ист. Вѣстн. 1887; июнь.

скомъ поприщѣ. Въ 1779 г. онъ былъ сдѣланъ профессоромъ нѣмецкаго языка въ университетѣ. Преподавая нѣмецкій языкъ, онъ знакомилъ въ тоже время студентовъ съ лучшими произведеніями нѣмецкой литературы. Въ томъ же 1779 г. была основана при университетѣ „Педагогическая семинарія“ и Шварцъ былъ назначенъ ея директоромъ. Прокофій Акинѣевичъ Демидовъ пожертвовалъ университету 20,000 рублей; на проценты этой суммы положено было готовить въ университетѣ шестерыхъ студентовъ къ учительскому и профессорскому званію, подъ руководствомъ Шварца. Самъ Шварцъ пожертвовалъ для этой цѣли 5000 рублей. Труды Шварца обратили на себя вниманіе. Онъ былъ сдѣланъ профессоромъ философіи и началъ преподавать исторію философіи студентамъ педагогической семинаріи; кромѣ того, у себя на дому, по воскреснымъ днямъ онъ читалъ „для людей всякаго рода и званія“, лекціи о трехъ родахъ познанія: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ. „Любопытнымъ познаніемъ здѣсь, говоритъ онъ въ началѣ своего курса, названо такое, которое питаетъ нашъ разумъ, но не есть необходимо для пользы вѣчной, будущей жизни, или спокойствія духа. Любопытное познаніе заставляетъ насъ познавать напр. отъ чего громъ? что такое воздухъ? какимъ образомъ земля производитъ растенія? и прочее сему подобное... Познаніе пріятное есть живопись, стихотворство, музыка и тому подобное. Оно удовлетворяетъ нашъ слухъ, наше зрѣніе и воображеніемъ питаетъ нашъ разумъ. Познаніе полезное есть необходимое для человѣка. Оно научаетъ насъ истинной любви, молитвѣ и стремленію духа къ высшимъ понятіямъ. Къ симъ-то послѣднимъ познаніямъ человѣкъ стремиться долженъ для своего блага: ибо онъ въ сей жизни только путешественникъ, а въ будущей гражданниъ“⁽¹⁾. Эта программа лекцій Шварца показываетъ, что общій строй его міросозерцанія былъ религіозно - мистическій или масонскій; но его масонство не доходило однакожь до такихъ крайностей, въ какія вдавались другіе масоны. Рѣшая всѣ вопросы, опѣнивая все въ мірѣ съ точки зрѣнія религіозно - нравственной и подчиняя знаніе вѣрѣ, онъ однакожь не отвергалъ значенія наукъ. „Я не отвергаю, говоритъ онъ, совершенно наукъ, преподаваемыхъ человѣками, хотя онѣ и не служатъ къ сооруженію блаженства нашего... я отвергаю только совершеннѣйшую на нихъ надежду и забвеніе чрезъ то, что человѣкъ умствованіемъ и надеждою на свои силы, отвращается отъ Бога и подвергаетъ себя проклятiю: ибо самое паденіе не иное что есть, какъ отвращеніе себя отъ

(1) Біографич. словарь московскаго университета II, 594—595.

содѣйствія Бога и учиненіе самого себя средоточіемъ своихъ дѣйствій, чрезъ воззрѣніе на свои собственные силы и надежду на оныя..... Проходя исторію жизни человѣческой можно примѣтить, что преподаваемые науки безъ христіанства во зло и смертный ядъ обращаются“ (1). Какъ человѣка истинно религіознаго, Шварца глубоко возмущало скептическое и матеріалистическое ученіе энциклопедистовъ, которые хотѣли обойтись безъ вѣры въ Бога и всю жизнь, дѣятельность и счастье человѣка поставляли въ удовлетвореніи его физическимъ потребностямъ; Шварцъ поставилъ для себя задачею противодѣйствовать распространенію такого ученія въ русскомъ обществѣ путемъ основательнаго религіозно-нравственнаго образованія русскаго юношества. Въ такомъ направленіи онъ преподавалъ исторію философіи и читалъ свои частныя лекціи. Его лекціи чрезвычайно благотворно дѣйствовали на слушателей и спасали многихъ молодыхъ людей отъ невѣрія. Одинъ изъ учениковъ Шварца, Лабзинъ говоритъ, что Шварцъ „въ самое въ то время, когда модные писатели поглощались съ жадностію незрѣлыми умами, принялъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи возстающіе мраки, и безъ всякаго инаго призыва, по сему единственно побужденію, въ партикулярномъ домѣ, открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ла-Метри и проч., сличалъ ихъ съ противными имъ философами и показывая разность между ними, училъ находить и достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направленіе и умамъ и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ! Издатель (говоритъ о себѣ Лабзинъ) съ благодарными чувствованіями воспоминаетъ сію счастливую эпоху, составляющую и понынѣ первое благо его жизни. Главное и для того времени поразительное явленіе было то, съ какою силою простое слово его исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось тогда, весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ святую Библію“. Другой слушатель Шварца, Левъ Максимовичъ говоритъ: „Онъ одинъ могъ совратившееся съ пути истиннаго юношество наставить и убѣдить — исповѣсть свою слабость и признать свою зависимость отъ премудрѣйшаго Строителя вселенной. Все же сіе онъ учинилъ преподаваніями своихъ лекцій у себя на дому, допущеніемъ къ слушанію оныхъ всякаго рода и званія людей и изъясненіемъ отборнѣйшихъ мѣстъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ писателей, уразумительнѣйшимъ образомъ доказывающихъ истину Творца, и словъ священ-

(1) Біографич. словарь московскаго университета II, 595—596.

наго Писанія, въ рукахъ его, въ душѣ и при дверяхъ смерти имъ читаемаго и обожаемаго“⁽¹⁾. Въ 1781 г. подъ руководствомъ Шварца было открыто при университетѣ „Собраніе университетскихъ питомцевъ“, а въ 1782 г. „Филологическая или Переводческая семинарія“. Въ „Собраніи“ студенты университета читали разныя свои сочиненія и подвергали ихъ критическому разбору; въ „Филологической семинаріи“ занимались переводами на русскій языкъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій. Сочиненія и переводы студентовъ Новикова печатались въ своихъ журналахъ: „Московскомъ Изданіи“ (1781 г.), „Вечерней Зарѣ“ (1782 г.) и „Покоющемся Трудолюбцѣ“ (1784 г.).

Такая высокая дѣятельность Новикова и Шварца, естественно, привлекала къ нимъ множество послѣдователей, въ числѣ которыхъ были вліятельные и богатые люди, жертвовавшіе для просвѣтительныхъ и благотворительныхъ цѣлей значительныя суммы денегъ. Изъ этихъ людей и на ихъ средства въ 1782 г. было основано „Дружеское ученое общество“. Открытіе „Общества“ происходило торжественно въ присутствіи самого главнокомандующаго московскаго, графа З. Г. Чернышева, и московскаго митрополита, Платона, которые и приняли его подъ свое покровительство. Общество быстро увеличивалось и считало между своими членами лучшихъ и благороднѣйшихъ людей, каковы были И. В. Лопухинъ, Гамалѣя, Тургеневъ, Херасковъ, Чулковъ, Майковъ, князья Трубецкіе, и др. Задачею общества было: печатаніе разнаго рода книгъ, преимущественно учебныхъ, и разсылка ихъ по училищамъ; распространеніе въ обществѣ разныхъ полезныхъ знаній и особенно содѣйствіе успѣхамъ тѣхъ наукъ, въ которыхъ русскіе мало упражнялись: греческаго и латинскаго языковъ, знанія древностей, свѣдѣній о природѣ; занятія филологическою или переводческою семинаріей и вообще поощреніе къ образованію молодыхъ даровитыхъ людей. Лопухинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что на счетъ „Дружескаго общества“ воспитывалось болѣе 50 семинаристовъ, отданныхъ отъ самихъ епархіальныхъ архіереевъ въ филологическую семинарію; по окончаніи ученія предписаннымъ наукамъ, они, возвратясь къ своимъ мѣстамъ, получали въ немъ учительское званіе. Въ общество поступали и получали въ немъ образованіе и такія лица, которыя въ послѣдствіи заняли важныя мѣста на службѣ въ администраціи и въ наукѣ и литературѣ; здѣсь между прочимъ воспитались и начали литературную дѣятельность А. М. Кутузовъ, Подшиваловъ, Страховъ, другъ Карамзина Петровъ, Дмитріевъ и самъ

⁽¹⁾ Біографич. словарь московскаго университета II, 592.

Карамзинъ. Въ 1784 г., чрезъ два года по открытіи, „Дружеское учение общество“ было преобразовано въ „Типографическую компанію“. Цѣли и задачи преобразованнаго общества остались тѣ же самыя; только его дѣятельность, вытекавшая и прежде изъ масонскихъ началъ, получила еще болѣе, чѣмъ прежде, масонскій характеръ. Въ видахъ большаго распространенія масонскаго ученія и въ тоже время противодѣйствія матеріалистическому ученію энциклопедистовъ, общество стало издавать преимущественно мистическія и масонскія книги и продавать ихъ по дешевой цѣнѣ. „Цѣлое море душеспасительныхъ книгъ было противопоставлено адской водѣ вольнодумческихъ и безбожныхъ сочиненій“, говоритъ Невзоровъ объ этомъ времени „Общества“. Усиленіе масонской дѣятельности началось еще съ 1782 г., когда въ Россію принесена была изъ Пруссіи новая система масонства, въ формѣ такъ называемаго Розенкрейцерства. Шварцъ, котораго всѣ его ученики называли „истиннымъ орудіемъ Божиимъ исправленія въ Россіи ордена каменщиковъ“, частію для поправленія разстроеннаго непомѣрными трудами здоровья, а главнымъ образомъ для „сисканія истиннаго масонства“ былъ отправленъ въ 1781 г. за границу. Въ Вильгельмсбаденѣ въ 1782 г. онъ присутствовалъ на масонскомъ конвентѣ, гдѣ, стараніемъ его, Россія была признана самостоятельной провинціей (осьмой) масонскаго ордена; въ Берлинѣ Шварцъ познакомился съ ученіемъ розенкрейцеровъ и привезши его въ Москву, сдѣлался жаркимъ его распространителемъ. Но ему недолго суждено было распространять это ученіе. Начавшіяся въ университетѣ его столкновенія съ кураторомъ Мелиссино и нѣкоторыми профессорами заставили его вскорѣ оставить университетъ. Въ наукѣ и литературѣ университетской преобладало французское направленіе; Шварцъ же не любилъ французской литературы, за ея философію, чуждавшуюся религіознаго направленія, и старался распространить между студентами знакомство съ нѣмецкой литературой и особенно мистической. По выходѣ изъ университета онъ почти постоянно хворалъ и въ 1784 г. скончался.

По смерти Шварца, Новиковъ сталъ во главѣ Дружескаго общества, которое и называлось Новиковскимъ обществомъ. Со времени указаннаго его преобразованія въ Типографическую Компанію, въ немъ началось особенное развитіе филантропической дѣятельности; оно повсюду заводило бесплатныя школы для народа, учреждало больницы и аптеки, оказывало помощь бѣднымъ раздачею хлѣба во время неурожая. Средства для этого доставляли Обществу его богатые и вліятельные члены. Во время неурожая и голода въ Москвѣ въ 1787 г. Новиковъ говорилъ въ собраніи Общества рѣчь и просилъ присутствующихъ ока-

зять помощь страдающимъ. Богатый московскій купецъ Г. М. Походяшинъ такъ былъ тронутъ рѣчью Новикова, что тотчасъ же отдалъ въ распоряженіе Общества все свое миллионное состояніе, съ котораго одного годоваго дохода получалось 60.000 рублей. На суммы Походяшина была произведена безпечная раздача хлѣба бѣднымъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Другой членъ Дружескаго общества, Лопухинъ, также почти все свое состояніе употребилъ на дѣла благотворительности и помощь бѣднымъ. Князь Репнинъ, будучи губернаторомъ въ Бѣлоруссіи, во время голода въ этой странѣ, содержалъ на собственный счетъ всѣхъ бѣдныхъ двухъ обширныхъ бѣлорусскихъ губерній. Лопухинъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ объ одномъ священникѣ въ Орлѣ, который „стараніями своей христіанской любви завелъ больницу, богадѣльню, призрѣніе несчастнорожденныхъ младенцовъ и училище“⁽¹⁾. Не смотря на такую, въ высшей степени благотворную, дѣятельность, Новиковъ и его общество возбуждали неудовольствіе во многихъ людяхъ и скоро подверглись преслѣдованіямъ. Причины этихъ преслѣдованій, окончившихся уничтоженіемъ всего общества весьма обстоятельно изложены въ запискѣ Карамзина, поданной имъ въ защиту семейства Новикова, послѣ его смерти, императору Александру Павловичу и въ Запискахъ Лопухина. Какъ тайное общество, составлявшее своего рода *status in statu*, съ своими странными символическими знаками, обрядами и языкомъ, съ своими тайными собраніями и мистическими непонятными книгами. Общество Новикова, естественно, представлялось правительству всегда подозрительнымъ. „Порочили особенно, говоритъ Лопухинъ, тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее?“... Эта „тайность“ масонства и странные его обычаи, какъ выше указано, всего сильнѣе возмущали и пугали импер. Екатерину, которая, преслѣдуя его въ своихъ комедіяхъ, называла его вѣлѣнымъ обществомъ, а членовъ его мартышками“. По замѣчанію Лопухина, особенно вредило обществу то, что его смѣшивали съ сектой иллюминатовъ, „подлинно вредной и противной христіанству и властямъ“; въ народѣ же тайныя собранія масоновъ подавали поводъ къ самымъ вѣлѣнымъ о нихъ слухамъ; на русскихъ масоновъ, которыхъ называли мартинистами, были перенесены всѣ смѣшныя и ужасныя исторіи, какія рассказывались о разныхъ заграничныхъ масонскихъ обществахъ. „Одни представляли насъ, говоритъ Лопухинъ, совершенными святошами; другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводить

(1) Записки, стр. 33.

вольность; а это дѣлалось около времени французской революціи. Третьи, что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостыню“ (¹). Державинъ въ своихъ Запискахъ говоритъ, что тетка его, Блудова считала масоновъ „отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу; о нихъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно, за нѣсколько тысячъ верстъ, непріятелей своихъ умерщвляютъ и тому подобныя бредни. Просвѣтительныя стремленія общества привлекали къ нему любителей просвѣщенія; но заботясь о распространеніи просвѣщенія, масоны въ тоже время холодно и часто пренебрежительно относились къ серьезнымъ научнымъ изслѣдованіямъ; стремясь проникнуть „во всѣ тайныя патуры“, они не хотѣли однакоже изучать „натуры“ серьезнымъ образомъ, путемъ научныхъ опытовъ. Извѣстно, что даже Новиковъ возставалъ (въ письмахъ къ Карамзину) противъ современныхъ открытій въ области естественныхъ наукъ, физики и астрономіи, называя напр. новое ученіе о газахъ, воздухѣ и водѣ пустыми словами, а открытіе неподвижныхъ звѣздъ бреднями. Но, не уважая научной физики и химіи, масоны въ тоже время вѣрили въ разныя тайныя науки, въ теософическія мечтанія, герметическую философію, въ алхімію, магію и каббалу. Все это, конечно, не могло нравиться настоящимъ ученымъ людямъ; а приверженцы философіи энциклопедистовъ, на которыхъ они нападали въ своихъ сочиненіяхъ, естественно, смотрѣли на нихъ, какъ на личныхъ враговъ своихъ. „Много такъ же дѣйствовали, говоритъ Лопухинъ, предубѣжденіе и ненависть, которыми съ невѣжествомъ исполнены люди противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемые нами книги“ (²). Филантропическіе подвиги и вообще религіозно-нравственное направленіе всей дѣятельности общества всего больше, конечно, могло находить одобренія и защиты въ церкви и ея духовенствѣ, и мы, дѣйствительно, видимъ въ немъ это одобреніе и защиту; но, поставляя вѣру выше науки и считая священное Писаніе единственнымъ источникомъ всякаго знанія, масоны объясняли свѣщ. Писаніе по своему, отыскивая въ разныхъ его мѣстахъ особый смыслъ и къ чистому христіанскому ученію примѣшивали множество мистическихъ и каббалистическихъ бредней, представлявшихъ смѣсь стараго язычества и новаго іудейства. Если этого искаженія чистаго христіанскаго ученія въ масонствѣ разными мечтаніями не замѣчали простые православные люди, какъ не сознавали его, можетъ быть, многіе и изъ поступавшихъ въ ма-

(¹) Записки, стр. 20. (²) Стр. 21.

существо или же просто расположенныхъ къ нему, то не могли не понимать этого образованные духовные и особенно представители церкви. Если митр. Платонъ, какъ увидимъ ниже, далъ Екатеринѣ такой прекрасный отзывъ о Новиковѣ, что представилъ его образцемъ истиннаго христіанина; то онъ же съ Лопухиннымъ всегда спорилъ о масонствѣ и возставалъ противъ него. И самъ Лопухинъ, какъ увидимъ ниже, рассказываетъ въ своихъ Запискахъ, что за его книгу „О внутренней церкви“ нѣкоторые изъ духовныхъ намѣревались было воздвигнуть на него гоненіе. Высокая репутація Новикова и покровительство знатныхъ лицъ спасали „Дружеское общество“ отъ преслѣдованія, пока не разразилась французская революція. Началу этой революціи, говоритъ Лопухинъ, приписывали тогда вліянію тайныхъ обществъ а однимъ изъ такихъ обществъ, на взглядъ Екатерины, было и общество Новикова. Тогда, естественно, всѣ странности въ масонствѣ стали выставляться рѣзче и получили особенный враждебный смыслъ. Лопухинъ, рассказывая о подозрѣніяхъ противъ Дружескаго общества московскаго генераль-губернатора Прозоровскаго, прибавляетъ: „особливо подозрѣвалъ онъ раздачу милостыни; обо мнѣ отзывался между прочимъ, что я такъ много ей раздаю, что ездая не дѣлаю фальшивыхъ ассигнацій“⁽¹⁾. Ближайшимъ поводомъ къ началу преслѣдованій Дружескаго общества послужили незначительныя обстоятельства. Въ 1784 г. Новиковъ самовольно перепечаталъ въ своей типографіи нѣкоторые изданія Коммисіи о народныхъ училищахъ и въ „Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ въ томъ же году началъ издавать „ругательную“ исторію ордена іезуитовъ. Екатерина, покровительствовавшая іезуитамъ, тотчасъ же запретила это изданіе, приказавъ отобрать и уничтожить отпечатанные листы. Въ 1785 г. она предписала московскому генераль-губернатору, графу Брюсу, составить роспись книгамъ, вышедшимъ изъ типографіи Новикова, „наполненнымъ, по ея выраженію, новымъ расколомъ, для обмана и уловленія невѣждъ“, и самого Новикова, вмѣстѣ съ этими книгами, отослать къ московскому митрополиту Платову, для испытанія его въ вѣрѣ. Платонъ, испытавъ Новикова въ вѣрѣ, далъ о немъ такой отзывъ Екатеринѣ: „Какъ предъ престоломъ Божиимъ, такъ и предъ престоломъ твоимъ, всемилостивѣйшая государыня, я одоляюсь по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всещедрого Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ Новиковъ“. Книги

---

(1) Стр. 35.

же, напечатанныя въ типографіи Новикова, Платонъ раздѣлитъ на три разряда: литературныя, мистическія и сочиненія энциклопедистовъ. О литературныхъ онъ сказалъ: желательно, чтобы онѣ болѣе и болѣе были распространяемы и содѣйствовали бы образованію; о мистическихъ книгахъ замѣтилъ, что онѣ ихъ не понимаетъ и потому не можетъ судить о нихъ; сочиненія же энциклопедистовъ призналъ за вредныя. Послѣ такого отзыва Платона, Новиковъ былъ оставленъ въ покоѣ и снова принялся за свою издательскую и книгопродавческую дѣятельность. Но вскорѣ случились обстоятельства, которыя болѣе прежняго усилили въ Екатеринѣ подозрѣніе противъ Новикова и возбудили противъ него уже такое преслѣдованіе, которое окончилось закрытіемъ общества и осужденіемъ и наказаніемъ Новикова и всѣхъ его сотрудниковъ. Обстоятельства эти изложены въ упомянутой выше Запискѣ Карамзина. 1) Одинъ изъ членовъ общества, архитекторъ Баженовъ писалъ изъ Петербурга своимъ друзьямъ въ Москвѣ, что онъ, говоря о масонахъ съ великимъ княземъ, Павломъ Петровичемъ, удостовѣрился въ его добромъ о нихъ мнѣніи. Екатерина, когда ей передали это письмо, подумала, что масоны хотятъ привлечь къ себѣ великаго князя. 2) Новиковъ, какъ выше замѣчено, во время неурожая, роздалъ много хлѣба бѣднымъ людямъ; не зная, что на покупку хлѣба давалъ деньги Походяшинъ, удивлялся богатству Новикова и такую щедрость приписывали его желанію привлечь на свою сторону простой народъ. 3) Новиковъ велъ перениску съ прусскими масонами, хотя не политическую, но въ то время, когда русскій дворъ находился въ явной непріязни съ берлинскимъ. 4) Наконецъ, было еще обстоятельство, неизвѣстное Карамзину. Одинъ изъ членовъ Новиковскаго общества, какой-то баронъ Шредеръ, поссорившись съ Новиковымъ, уѣхалъ за границу и сталъ оттуда писать къ нему такія письма (письма эти были перехвачены на почтѣ), которыя содержаніемъ своимъ должны были убѣдить правительство въ основательности его подозрѣнія противъ Новикова. Но всѣ эти обстоятельства не получили бы такого важнаго значенія въ глазахъ Екатерины и не повели бы къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ, если бы сама Екатерина въ это время уже не измѣнила своихъ прежнихъ взглядовъ на литературу и писателей и въ частности на Новикова. Въ просвѣтительной дѣятельности Новикова, которую она сначала такъ громко одобряла, она видѣла въ это время уже гораздо болѣе, чѣмъ „свободомысліе и свободаязычіе“, которыя осудила въ Фонъ-Визинѣ за его „Вопросы“. Ей уже не нравилась та смѣлая и подъ часъ очень рѣзкая борьба, какую Новиковъ велъ въ своихъ журналахъ противъ разныхъ злоупотребленій въ русской

жизни, и то негодованіе, съ какимъ онъ возставалъ противъ крѣпостнаго права и вступался за угнетенный и страдающій простой народъ. Такимъ негодованіемъ, какъ мы увидимъ ниже, были проникнуты многія статьи, особенно въ „Покоющемся Трудолюбцѣ“ и въ „Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ за 1784 г. Съ запрещенія нѣкоторыхъ изъ этихъ статей и начались преслѣдованія Новикова. Когда, по истеченіи 10-лѣтняго срока, Новиковъ захотѣлъ возобновить контрактъ на дальнѣйшее содержаніе университетской типографіи и изданіе Московскихъ Вѣдомостей, Екатерина приказала: „Новикову не отдавать типографіи: *c'est un fanatique*“; въ другой разъ она отозвалась о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, во опасномъ. При такомъ положеніи дѣлъ, „Типографическая Компанія“ не могла существовать и въ 1791 г. закрылась. За закрытіемъ „Компаніи“ послѣдовало скорбъ и совершенное уничтоженіе всего Новиковскаго общества. Объ этомъ уничтоженіи Лопухинъ такъ рассказываетъ въ своихъ Запискахъ: „Наконецъ въ апрѣлѣ 1792 г. рѣшилось много разъ предприимлемое пораженіе нашего общества. Вдругъ всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, такъ же типографію, книжныя магазны Новикова и дома его наполнили солдатами, и онъ изъ подмосковной взятъ былъ подъ тайную стражу съ крайними предосторожностями и съ такими воинскими нарядами, какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлость всей Москвы“⁽¹⁾. Три недѣли Новиковъ содержался въ Москвѣ, а потомъ былъ отвезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Вмѣстѣ съ Новиковымъ подвергнуты были допросу и его товарищи по нарочно составленнымъ и просмотрѣннымъ самой Екатериной пунктамъ; И. П. Тургеневъ и князь Н. И. Трубецкой были сосланы на житье въ деревни, а Лопухинъ, представившій въ своихъ отвѣтахъ самое правдивое описаніе дѣйствій своего общества и самую смѣлую его защиту, оставленъ былъ въ Москвѣ, „ради дряхлаго и больного своего отца“. Все имѣніе Новикова и его Общества, дома, аптеки и типографіи были проданы съ публичнаго торга, а мистическія книги сожжены. Новиковъ находился въ крѣпости четыре года. По смерти Екатерины, въ 1796 г. импер. Павелъ Петровичъ въ первый же день своего царствованія освободилъ Новикова. Желая загладить обиды матери, онъ, по разсказу Витберга, просилъ у Новикова прощенія за нее и при этомъ будто бы всталъ даже на колѣни. Во время несчастнаго положенія Новикова вполне обнаружился съ одной стороны всѣ его обширныя связи и значеніе въ обществѣ, а съ другой благоговѣнное уваженіе и

⁽¹⁾ Зап. стр. 38.

самоотверженная любовь къ нему людей близкихъ и знавшихъ его. Другъ и домашній докторъ, Багрянскій испросилъ дозволеніе раздѣлить съ нимъ все время заключенія въ крѣпости; другой другъ его, Гамалѣя провелъ около него въ селѣ Тихвинскомъ послѣдніе годы его жизни. Разсказывая о возвращеніи Новикова изъ Шлиссельбургской крѣпости, Гамалѣя, между прочимъ, говоритъ: „Дивны дѣла милосердаго Господа Бога нашего... Нѣкоторое отелѣчиваніе лучей небесной радости видѣлъ я на здѣшнихъ поселянахъ, какъ они обнимали съ радостными слезами Николая Ивановича, вспоминая при томъ, что они въ голодный годъ великую чрезъ него помощь получали; и то не только здѣшніе жители, но и отдаленные чужихъ селеній“.... Послѣдніе годы жизни Новикова провелъ въ бѣдности и страдая отъ разныхъ болѣзней, которыя были неизбежнымъ послѣдствіемъ его заключенія въ крѣпости; но при физическихъ страданіяхъ онъ всегда сохранялъ свою бодрость духа и до смерти оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. „Помните, говорилъ онъ одному изъ своихъ знаемыхъ незадолго до своей кончины, слова хоть и глупаго но старика: все науки сходятся въ Религіи; лишь въ ней разрѣшаются ихъ важнѣйшія проблемы; безъ нея никогда не доучитесь, а при томъ и не будете спокойны“. Новиковъ скончался 31 іюля 1778 года.

Такова была судьба одного изъ лучшихъ людей просвѣтительнаго вѣка Екатерины, всехъ больше заботившагося объ истинномъ просвѣщеніи русскаго народа. Какъ въ первый періодъ своей дѣятельности въ Петербургѣ Новиковъ былъ горячимъ ревнителемъ просвѣщенія, такъ и въ Москвѣ, сдѣлавшись масономъ, онъ не измѣнилъ своихъ убѣжденій и ратовалъ главнымъ образомъ не за интересы масонства, съ его тайными обрядами и мистическими мечтаніями, но за интересы просвѣщенія; только это просвѣщеніе во первыхъ основывалось уже не на общихъ, какъ прежде, раціоналистическихъ началахъ, но на религіозно-правственныхъ началахъ масонскаго ученія, и во вторыхъ происходило не только въ народномъ духѣ, но и относилось непосредственно къ народу, имѣло въ виду духовныя и матеріальныя потребности народныхъ массъ. Этою чертою дѣятельность Новикова отличается отъ дѣятельности другихъ просвѣтителей этой эпохи. Все эти просвѣтители имѣли въ виду просвѣщеніе аристократическое, выработанное въ Европѣ въ высшихъ аристократическихъ кружкахъ и философскихъ и литературныхъ салонахъ, съ аристократическими стремленіями, совершенно противоположными интересамъ народа. Новиковъ заботился собственно о просвѣщеніи и улучшеніи быта народныхъ массъ. Искорененіе народнаго невѣжества, народныхъ суевѣрій и пороковъ,

распространеніе народныхъ школъ, книгъ для народнаго чтенія, народныхъ больницъ, аптекъ и другихъ благотворительныхъ заведеній—вотъ что, какъ мы видѣли, составляло программу просвѣтительной дѣятельности Новикова. Правда, народное направленіе стало выражаться въ литературѣ съ самаго начала царствованія Екатерины; но оно выражалось въ стремленіи изучить прошлую исторію народа, воскресить въ поученіе и примѣръ современному русскому обществу, его подвиги, его добрыя качества. Въ такомъ общемъ направленіи народномъ сначала дѣйствовали на литературномъ поприщѣ и Новиковъ, когда онъ въ Петербургѣ издавалъ „Древнюю руссійскую Вивліотеку“, „Опытъ словаря о руссійскихъ писателяхъ“, „Помѣствователь о руссійскихъ древностяхъ“ и проч.; но онъ не остановился на этомъ. Во второй періодъ своей дѣятельности въ Москвѣ, онъ обратилъ вниманіе на русскую народность и русскій народъ въ настоящемъ его положеніи, на современные нужды и потребности народа. Такимъ образомъ въ вопросѣ о народности, поднятомъ въ вѣкъ Екатерины, Новиковъ первый указалъ на то, что недостаточно заботиться объ изученіи древней народной исторіи, о сохраненіи народнаго духа и народныхъ преданій, но надобно имѣть въ виду и настоящее состояніе народныхъ массъ, ихъ просвѣщеніе, ихъ нужды и потребности.

Масонскіе журналы Новикова. Какъ въ первый періодъ своей дѣятельности въ Петербургѣ, проводя въ своихъ журналахъ общія образовательныя идеи вѣка. Новиковъ, подобно другимъ журналистамъ, боролся съ разными предразсудками и пороками, препятствовавшими просвѣщенію, и потому преобладающимъ направленіемъ въ его журналахъ было направленіе сатирическое; такъ и во второй періодъ, проводя въ общество и народъ религіозно-нравственное ученіе, онъ боролся съ ученіемъ энциклопедистовъ, которое совершенно уничтожало религію и нравственность, и его дѣятельность имѣла полемическое направленіе. Это полемическое направленіе, смѣнившее собою сатирическое направленіе перваго періода, выразилось въ извѣстныхъ его журналахъ: „Утреннемъ Свѣтѣ“, „Московскомъ изданіи“, „Вечерней Зарѣ“ и „Покоящемся Трудолюбцѣ“. Большая часть статей во всѣхъ этихъ журналахъ дидактическаго, или какъ тогда говорили, нравственно-философскаго характера; но во всѣхъ ихъ помѣщались статьи объ энциклопедистахъ и о масонствѣ. „Когда бывало болѣе въ употребленіи, говоритъ одна статья въ „Утреннемъ Свѣтѣ“, осмѣивать законоучредителей и блаженныя учрежденія онаго, какъ не въ сіе время? Въ которое время равнодушіе къ вѣрѣ было всеобщее? Когда имѣли менѣе вѣры о Провидѣніи,

вѣчности и Судіѣ? Никогда, развѣ только во времена Ноя, когда уже духъ человѣковъ весь учинился плотію, и проповѣдникъ правосудія былъ осмѣялъ“ (¹). Главными виновниками такого упадка вѣры и нравственности Утренній Свѣтъ считаетъ философовъ XVIII в. „Все, что человѣкъ до сего времени писалъ въ пользу души своей, все то множествомъ чувственныхъ правоучителей сихъ двесъ опровергается“ (²). Въ сочиненіи „Путешествіе добродѣтели“ перечислены писатели, достойные порицанія и между ними названы: „Свифтъ унижающій природу человѣческую предъ конскою; Рошесульть, учащій, что нравы человѣческіе составлены изъ страстей, какъ тѣло изъ стихій; Руссо, Вольтеръ, Байль, Ламетри и Гельвецій“. Опровергая матеріалистическое ученіе этихъ писателей, Утренній Свѣтъ повсюду старается показать духовность и безсмертіе души человѣческой. Въ предисловіи къ „Московскому ежемѣсячному изданію“ издатель говоритъ: „Причиною, побудившею насъ къ такому предпріятію, было состраданіе, которое всякой человѣкъ мыслящій человѣчески чувствуетъ, когда слышитъ, что люди, отъ природы великими способностями одаренные, въ воспитаніи ученостію украшенные и между людьми почтенные, гово- ять и хлѣять съ надменнымъ и увѣрительнымъ видомъ законъ, ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми свыше полученный и намъ преданіемъ доставленный, и когда вопрекаетъ на простодушныхъ людей, внимающихъ прилежно умствованію оныхъ вольномысленныхъ мудрецовъ, почитающихъ себя побѣдвшими всѣ народныя предразсудки и низкое суевѣріе искоренившими“. Подъ этими мудрецами разумѣются энциклопедисты. Возстаая противъ этихъ ученыхъ, издатель не думаетъ винить ни науку, ни знаніе и указываетъ только на злоупотребленіе ими, на ложное ихъ направленіе. „Причина всѣхъ заблужденій человѣческихъ есть невѣжество, а совершенства — знаніе. Но, можетъ быть, скажутъ покровители и защитники необдѣланной грубости, что мы видимъ весьма многихъ ученыхъ, которые болѣе предаются порокамъ и заблужденію, нежели самые грубые невѣжды, и что вся мерзость, какая только находится на земномъ шарѣ, да и самое невѣріе, или безбожіе суть плоды учености. Такъ, конечно: но сіе не отъ наукъ происходитъ, но отъ невѣжества въ наукахъ. Хотя многіе между людьми прославились въ нѣкоторыхъ частяхъ учености и имена свои предали безсмертію; однако они при всей своей славѣ могутъ быть сущіе невѣжды. Всѣхъ познаній и наукъ предметъ есть тройкой: мы сами, природа или натура и Творецъ всяческихъ. Если ученый не

(¹) Утренній Свѣтъ ч. III, 324. (²) Ч. IV, 218—219.

соединить оныхъ трехъ предметовъ во едино и всё свои познанія не устремить къ совершенному разрѣшенію оной загадки: на какой конецъ человекъ рождается, живетъ и умираетъ, и ежели онъ при учености своей злое имѣетъ сердце, то достойнъ сожалѣнія и со всёмъ своимъ знаніемъ есть сущій невѣжда, вредный самому себѣ, ближнему и цѣлому обществу“. Авторъ жалуется далѣе, что „многіе нынѣшняго вѣка высокіе и купно низкіе любуемудрды философы“, вмѣсто истинной философіи, „прославляютъ систему, состоящую въ послѣдованіи склонностямъ своимъ, каковы-бы онѣ ни были, и куда бы ни стремились, говоря, что природа, естество или натура къ тому насъ побуждаетъ, и что безумно налагать оковы на природу, виновницу толикихъ удовольствій и сладости“⁽¹⁾. Въ „Вечерней Зарѣ“ почти всё статьи философскаго или дидактическаго характера направлены къ опроверженію ученія энциклопедистовъ. Но особенно такимъ свойствомъ отличается „Слово о вольнодумцахъ и невѣрующихъ“ Жакъ Сорена⁽²⁾. „До какой неумѣренности, говоритъ авторъ этого слова, надобно дойти, чтобы опровергать вѣру, безъ которой ничего иного ожидать не можно, какъ злосчастіе! Кто изъ самыхъ счастливейшихъ людей не имѣетъ нужды въ пособіи вѣры? Коліко превратовъ въ политикѣ! коліко досадъ въ военномъ служеніи! коліко приключеній въ торговлѣ! коліко неизвѣстностей въ наукахъ!... Невѣрующій есть возмутитель общаго спокойствія, который тѣмъ самымъ, что предпріимлетъ разрушить основанія вѣры, предпринимаетъ разрушить и основанія общества. Общество не можетъ существовать безъ вѣры. Объяснить сіе предложеніе значить рѣшить предварительно хитросплетенія, оному противоположаемыя. Первое изъясненіе. Когда мы сказываемъ, что общество не можетъ существовать безъ вѣры: то мы въ семъ нашемъ предложеніи не заключаемъ всёхъ въ мірѣ вѣръ. Мы подъ тѣмъ разумѣемъ тѣ только первѣйшія вѣры начала, которыя суть основаніемъ добродѣтели, какъ-то созданіе и искупленіе міра, провидѣніе, безсмертіе души и будущій судъ. Но какъ вольнодумцы и невѣрующіе противопоставляютъ намъ изъ языческаго богослуженія послѣдовавшій обществу вредъ: то сіе ничего противу насъ не заключаетъ, но нате къ нашей пользѣ служить. Второе изъясненіе. Когда мы сказываемъ, что общество не можетъ су-

⁽¹⁾ Москвитинъ. Ежемѣсяч. Паданіе 1781. Ч. I. Предисловіе, стр. V, VI, X, XI, XV.

⁽²⁾ Жакъ Соренъ былъ протестантскій проповѣдникъ въ Голландіи (изгнанный изъ Франціи вслѣдствіе уничтоженія Нантскаго эдикта). Его слово о вольнодумцахъ было переведено на русскій языкъ архимандритомъ Троицкаго Колызинскаго монастыря. Θεοκτιστομъ.

ществовать безъ вѣры: то мы не разумѣемъ, что спасительныя правила вѣры изъяты суть отъ всѣхъ злоупотребленій и несчастныхъ случаевъ, обществу вредныхъ. Итакъ противупологаемыя намъ войны, крестные походы, гоненія, суетвѣріемъ причиненныя, къ нашему предложенію не касаются. Третье изъясненіе. Когда мы сказываемъ, что общество не можетъ существовать безъ вѣры: то мы не утверждаемъ, что въ обществѣ вѣрныхъ не могутъ произойти непорядки; но мы только сказываемъ, что сіи безпорядки, каковы бы они ни были, не могутъ быть соразмѣрны съ тѣми пользами, какія вѣра одному доставляетъ. И потому всѣ, противупологаемыя намъ возмущенія, какія произвела въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ ревность, предложенія нашего не потрясаютъ. Четвертое изъясненіе. Когда мы сказываемъ, что общество не можетъ существовать безъ вѣры: то мы не сказываемъ, что одна только вѣра производитъ добродѣтели. въ обществѣ сіяющія, а побужденія человѣческія въ нашихъ сердцахъ не дѣйствительны; но полагаемъ только то, что вѣра сама въ себѣ есть безконечно способіе, нежели побужденія человѣческія, ко благоустроенію общества. И потому изчисленіе добродѣтелей, происходящихъ единственно отъ воспитанія, или отъ сложенія, не наноситъ никакого вреда основаніямъ, кои мы утвердить тщимся. Последнее изъясненіе. Когда мы говоримъ, что общество не можетъ существовать безъ вѣры, то не говоримъ, что всякой атеистъ и всякой деистъ долженъ по сему самому предаться всѣмъ родамъ пороковъ, и что впадшіе въ невѣріе изъ всѣхъ человѣковъ наизвратнѣйшіе суть; мы признаемъ, что многіе изъ такихъ людей жили порядочнымъ образомъ: но мы говоримъ токмо то, что невѣріе само въ себѣ отворяетъ дверь всѣмъ порокамъ. и что судя по образу, какимъ люди составлены, ежели бы они не вѣровали въ Бога, ежели бы не вѣрили никакому суду, никакому провидѣнію, то увидали бы мы, что безпорядки ихъ весьма бы умножились.... Ибо, ежели бы не было вѣры, то каждый членъ общества могъ бы дѣлать, что ему угодно; и тогда всякъ подалъ бы поводъ своимъ страстямъ, всякъ употребилъ бы свою силу, чтобы угнѣтать безсильнаго, свою хитрость, чтобы обмануть простодушнаго, свое краснорѣчіе, чтобы прельстить имовѣрнаго; свою довѣренность, чтобы разорить торговлю; свою власть, чтобы нанести вездѣ страхъ, ужасъ, мучительство, кровопролитіе. Непорядки ужасные по ихъ свойству, но необходимы по началамъ невѣрія! Ибо ежели вы предполагаете, что безъ помощи вѣры сіи безпорядки предупреждены быть могутъ: то должны вы приписать сіе дѣйствіе или пользѣ личной, или честности свѣтской, или законамъ человѣческимъ? Затѣмъ авторъ объясняетъ, что ни польза, ни честность, ни законы вѣры замѣнить не мо-

гутъ, потому что и существовать сами они могутъ только при вѣрѣ⁽¹⁾. Въ „Покоющемся Трудотобѣ“, издатель, возстава противъ фанатизма всякаго рода, говоритъ: „Этой неосновательной ревностію, этимъ духомъ жесвятости и суевѣрія заражены и атеисты, ибо ихъ ученіе есть тоже фанатическая вѣра. Атеисты отвергаютъ все, въ чемъ есть только малѣйшее затрудненіе для пониманія; они отвергаютъ даже согласное съ здравымъ разсудкомъ и основывающееся на понятіи вѣковъ и народовъ; въ слѣдствіе этого ихъ системы требуютъ безразсуднѣйшей легковѣрности къ принятію ихъ“. „Пріемля все главнѣйшія положенія атеизма, какъ-то: случайное и вѣчное міробытіе, мысленности вещества, смертность души, случайный составъ тѣла, подвижность матеріи и тому подобное, и составивъ изъ нихъ особый символъ вѣры главнѣйшихъ атеистовъ, я охотно бы спросилъ ихъ, гдѣ больше требуется вѣры: къ принятію ихъ ли символа, или символа вѣры? Ихъ ли положенія вразумительнѣе и вѣроятнѣе, или каждый догматъ и каждое слово религіи?“ „Неувѣрившись по истинѣ, замѣнять ее еще менѣе вѣроятія достойными выдумками не значитъ объяснять вещь“. Рядомъ съ статьями противъ энциклопедистовъ, во всѣхъ указанныхъ журналахъ помѣщаются и статьи масонскаго характера. Изъ нихъ болѣе замѣчательны: въ Утреннемъ Свѣтѣ двѣ статьи о терапевтахъ и эссеяхъ, которыхъ масоны считали своими предшественниками; статьи подъ заглавіемъ: „Списокъ съ одного весьма рѣдкаго манускрипта“, содержащія подробное описаніе мистическаго рисунка „храма природы и премудрости“; письмо къ издателямъ Утренняго Свѣта — о тайнствахъ масонства и связи ихъ съ мистеріями древнихъ. Въ Московскомъ изданіи, въ статьяхъ „Празднаго времени управленіе“ и „Состояніе человека предъ грѣхопаденіемъ“ изложены основныя начала масонства. Въ послѣдней изъ нихъ говорится о преемственной передачѣ тайнственныхъ знаній со временъ Адама. „Адамъ понималъ сущность всѣхъ вещей, что для насъ недоступно. Съ паденіемъ и изгнаніемъ изъ рая умъ его затмился, у него явилась подозрительность къ очевидной истинѣ, и заключенія его стали основываться на наружности вещей. Но у Адама сохранилась память. Посредствомъ ея онъ и представилъ своихъ потомковъ въ наукахъ, почерпнутыхъ изъ Едема. Съ уменьшеніемъ продолжительности человѣческой жизни, съ размноженіемъ и населеніемъ людей, эти наставленія перестали переходить въ прежней чистотѣ; человѣчество пришло къ заблужденіямъ и почти совершенной погибели едемскихъ

(1). Вечер. Заря 1781 г. III, стр. 113—151.

познаній, которыя и сохраняются теперь лишь у немногихъ въ прежней силѣ и совершенствѣ. Одно изъ такихъ познаній состоитъ въ умѣнн приготовлять универсальное или всеобщее лѣкарство... „Есть на землѣ, говорится въ статьѣ „Празднаго времени упражненіе“, нѣкоторые Богомъ избранные алхимистіе адепты, могущіе внутреннія наши болѣзни и пороки поправить универсальнымъ или всеобщимъ лѣкарствомъ. Но то несчастіе наше, что таковыхъ праведныхъ весьма мало находится“ (1). Въ „Вечерней Зарѣ“ масонское направленіе выразилось въ „Предувѣдомленіи къ читателямъ“ и въ статьяхъ „о египетскомъ богословіи или египетскомъ ученіи“. Въ предувѣдомленіи къ читателямъ, указывая на то, что „Вечерняя Заря“ служить продолженіемъ „Утренняяго Свѣта“, издатель говоритъ: „Сколько справедливо начало сего изданія, въ разсужденіи несовершенства человѣческихъ познаній, получило названіе „Утренняяго Свѣта“, столько правильно приличествуетъ ему и имя „Вечерней Зари“. Ибо, сравнивая теперешнее наше состояніе съ тѣмъ, въ которомъ нашъ праотецъ до паденія блисталъ полдневнымъ свѣтомъ мудрости, находимъ, что свѣтъ нашего разума едва можно уподобить и вечернему свѣту. Почему кажется, что прежнее утро согласно съ симъ вечеромъ. Имя же „Зари“ дали мы для того, что во время сіянія ея надъ нашимъ горизонтомъ мы обыкновенно отправляемъ наши работы, и притомъ служитъ оно намъ правоучительнымъ и прекраснымъ „гіероглифомъ“. „Премудрый Зиждитель вселенныя, соорудивъ сей видимый міръ, утвердилъ для освѣщенія онаго на тверди небесной безчисленное множество блистающихъ свѣтилъ; въ маломъ же мірѣ т. е. человѣкѣ, для освѣщенія его путей, возжегъ свѣтъ разума, который сначала такъ былъ великъ, что не было такой глубокой тайны, которой бы онъ не проникалъ. Но симъ свѣтомъ не долго пользовался нашъ праотецъ... Человѣческій разумъ несчастнымъ паденіемъ нашего праотца весьма потемнился, и сіе-то изображаетъ нашъ смутной и блѣдной свѣтъ „Вечернія Зари“. Но онъ гораздо умноженъ и почти въ прежнее состояніе приведенъ быть можетъ, когда воля наша въ дѣйствіяхъ, а разумъ въ познаніяхъ, подражая „Вечерней Зарѣ“, которая непрестанно слѣдуетъ за солнцемъ, будетъ теченіе свое править за великимъ свѣтомъ Божества“ (2). Статьи: „Изъ таинственныхъ египетскія Богословія нѣчто о Богѣ“, „Изъ египетской Богословіи: для чего Богъ называется свѣтомъ и о связи міровъ“, „Египетское ученіе о познаніи душевнаго безобразія и красоты“, „Египетское ученіе:

(1) Москов. Изданіе 1781 ч. I стр. 136.

(2) Вечер. Заря 1782 г. ч. I

что душа, будучи погружена въ чувственномъ, не старается о мысленномъ; когда же возвысится къ мысленному, тогда презираетъ чувственное“⁽¹⁾ не заключають въ себѣ ничего особенно характернаго; египетскимъ же называется излагаемое въ нихъ ученіе потому, что масоны вачало своихъ обществъ и своего таинственнаго ученія полагали въ древнихъ египетскихъ мистеріяхъ.

Масонская литература, переводная и оригинальная.

Кромѣ статей въ указанныхъ журналахъ, о масонствѣ существовали въ литературѣ нашей и отдѣльныя сочиненія, не только переводныя, но и оригинальныя. Переводы сочиненій западныхъ мистиковъ, сообщившихъ особенную силу и движеніе масонскимъ обществамъ вообще, Якова Бема, Пордетча, Іоанна Арндта, Шведенборга, Сень-Мартена, Эккартсгаузена, Юнга Штилинга и др. стали появляться у насъ очень рано. Лабзинъ видѣлъ русскій переводъ сочиненій Бема въ рукописи XVII в., въ заглавіи которой даже было написано: „Иже во святыхъ отца нашего Іакова Бемеа“. Причиною такого уваженія къ Бему, по которому его ставили на ряду съ писаніями святыхъ отецъ, было, конечно, то, что въ нихъ находится очень много назидательныхъ размышленій и трогательныхъ молитвъ. Нѣкоторыя изъ этихъ молитвъ были напечатаны Новиковымъ отдѣльно для практическаго употребленія въ масонскихъ обществахъ. Девять отдѣльныхъ сочиненій Бема заграницей были совокуплены въ одну книгу, подъ именемъ: „Путь ко Христу“. Эта книга была переведена на русскій языкъ и издана Лабзинымъ, подъ заглавіемъ: „Christosophia, или путь ко Христу, въ девяти книгахъ, твореніе Іакова Бема, прозваннаго тевтоническимъ философомъ, переводъ съ нѣмецкаго Спб. 1815“. Въ предисловіи къ этой книгѣ изложена біографія Бема и перечислены всѣ его сочиненія. Изъ рукописныхъ переводовъ сочиненій Бема извѣстны были: „О тройственной жизни“, „О благодатномъ избраніи“ и „Mysterium magnum“. Изъ сочиненій другаго мистика Сень-Мартена особенно извѣстностію пользовалась у насъ книга „О заблужденіяхъ и истинѣ, или воззваніе человѣческаго рода ко всеобщему началу знанія“. Въ книгѣ указывается путь, по которому должно шествовать къ пріобрѣтенію физической очевидности о происхожденіи добра и зла, о человѣкѣ, о натурѣ вещественной и о натурѣ священной, объ основаніи политическихъ правленій, о власти государей, о правосудіи гражданскомъ и уголовномъ, о наукахъ, языкахъ и худо-

(1) Вечер. Заря 1782 г. Ч. I., стр. 79—80, 167—168, 261—263.

жествахъ: Философа неизвѣстнаго. Перев. съ французскаго П. П. Страхова (студента, въ послѣдствіи профессора физики въ Москов. унив.) М. 1785. Книга съ самаго начала своего появленія обратила на себя вниманіе и вызвала сочиненіе: „Ключъ къ заблужденію и истинѣ или воззваніе человѣческаго рода ко всеобщему началу разсудка“, 1789 г. Противъ нея также вооружился и подвергъ строгой критикѣ Мерсье, въ своей книгѣ „Картина Парижа“, гдѣ между прочимъ послѣдователи Сень-Мартена и Бема въ первый разъ были названы мариннистами. Въ 1790 г. въ Туль было напечатано „Исслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ“, заключающее очень серьезный разборъ мечтательныхъ мнѣній Сень-Мартена. Въ 1787 г. была переведена и напечатана книга англійскаго мистика, доктора Пордетча „Божественная и истинная метафизика, или дивное и опытомъ приобрѣтенное вѣдѣніе невидимыхъ и вѣчныхъ вещей“, заключающая въ себѣ систематическое изложеніе ученія Бема ⁽¹⁾. Въ большемъ также употребленіи была книга Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ“, переведенная Н. Тургеневымъ въ 1783 г. Лопухинъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что книги Арндта и Сень-Мартена были первыми книгами, которыя родили въ немъ охоту къ чтенію духовныхъ сочиненій и отвлекли его отъ книгъ энциклопедистовъ, которыми онъ сначала увлекался. Изъ сочиненій собственно масонскихъ были переведены на русскій языкъ въ разные времена: Духъ масонства. Правовѣдѣніе и изтолковательныя рѣчи Вильгельма Гучинсона 1783. Въ этомъ сочиненіи говорится „о происхожденіи вольнаго каменщицтва, начало котораго относится ко времени Адама; объ обрядахъ, обыкновѣніяхъ и учрежденіяхъ древнихъ; о ложяхъ и клейводахъ каменщиковъ; о таинствахъ, о любви братской и проч.—Карманная книжка для В... К... и для тѣхъ, которые не принадлежатъ къ числу оныхъ“. Перевод. съ нѣм. Оболдуева. Спб. 1779. Не смотря на общій смыслъ философскихъ мыслей и нравственныхъ правилъ, содержащихся въ этой книжкѣ, она, видимо, была переведена и напечатана для того, чтобы служить проводникомъ масонства въ Россіи, что и подтверждается особенно нѣкоторыми разсужденіями, написанными въ мистическомъ направленіи. „Хризомандеръ—аллегорическая и сатирическая повѣсть различнаго весьма важнаго содержанія“. Съ нѣмецкаго перев. А. А. Петрова. М. 1783. Въ этой повѣсти,

⁽¹⁾ Книга эта подробно описана у г. Губерти: «Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII ст., напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ 1725—1800». Чт. Общ. истор. и древн. 1879. Кн. 4. Стр. 230.

подъ видомъ приключеній и чудныхъ превращеній, совершающихся съ описываемыми лицами, открывается тайна алхимии, состоящая въ процессѣ такъ называемаго великаго дѣла т. е. составленія философскаго камня“. „Химическая псалтырь о камнѣ мудрыхъ, Теофраста Парацельса. Перев. съ нѣм. А. М. Кутузова М. 1784. Книжка состоитъ изъ 157 пріемовъ, служащихъ къ добыванію философскаго камня. „Апология“, или защищеніе ордена вольныхъ каменщиковъ. Перев. съ нѣм. М. 1784. Таинство Креста Иисуса Христа и членовъ его. М. 1784. Книгу эту съ нѣмецкаго переводили Кутузовъ и докторъ Багрянскій. Она состоитъ изъ XV главъ, содержащихъ въ себѣ мистическое объясненіе таинства креста ⁽¹⁾. Переводомъ масонскихъ и вообще мистическихъ сочиненій занимались студенты педагогической семинаріи и многіе члены Новиковскаго общества: Тургеневъ, Гамалѣя, Лопухинъ и др.—Кромѣ того, какъ изъ сочиненій энциклопедистовъ, Дидро, Даламбера и др. дѣлались сборники лучшихъ мѣстъ, такъ подобные же сборники составлялись и изъ масонскихъ сочиненій. Изъ нихъ извѣстны: „Серафимскій цвѣтникъ, или духовный экстрактъ изъ всѣхъ сочиненій Іакова Бема, собранный (въ 1794 г. подъ руководствомъ Новикова) въ весьма полезную ручную книжку, могущую въ разсужденіи великаго таинства въ заѣтѣ соединенія души съ Богомъ возжигать сердце и умъ къ молитвѣ, воздыханію, благоговѣнію и возбуждать къ горячности посредствомъ непрестаннаго воспоминанія, поощренія и упражненія въ новомъ рожденіи“ ⁽²⁾. „Избранная Библіотека для христіанскаго чтенія М. 1784. Вышло четыре книжки или части. Въ первой части былъ помѣщенъ переводъ съ латинскаго сочиненія Тома Кемпійскаго „О подражаніи Иисусу Христу“. „Магазинъ свободо-каменьщикескій“, содержащій въ себѣ рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ, пѣсни, письма, разговоры и другія разныя краткія писанія стихами и прозою М. 1784. Вышло три части. Два послѣдніе сборника издавались въ типографіи Лопухина ⁽³⁾. Подъ вліяніемъ переводныхъ, писались и оригинальныя масонскія сочиненія; но такихъ сочиненій вообще появлялось не много. Въ нихъ упражнялись главнымъ образомъ

⁽¹⁾ Подробное описаніе этихъ и другихъ масонскихъ книгъ, бывшихъ у насъ, въ употребленіи. смотр. также въ книгѣ г. Губерти: Чтен. Общ. ист. и древн. 1879. кн. 4.

⁽²⁾ Русскіе переводы Я. Бема, С. II — ва. Библиогр. Записки 1858 г. I, 131—132.

⁽³⁾ Описаніе ихъ смотр. у г. Неустроева: Историч. разысканіе о повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ, стр. 357—359.

тѣже дѣтели въ масонскомъ обществѣ, на которыхъ уже указано выше: Тургеневъ, написавшій, по наставленію Лопухина, книжку подъ заглавіемъ: „Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и подданнымъ вѣрнымъ“, для оправданія масонства отъ того обвиненія, что оно, какъ тайное общество, можетъ быть опаснымъ и вреднымъ; Гамалѣя (1743—1822), славившійся своими поучительными письмами къ масонскимъ братьямъ (М. 1832) и особенно Лопухинъ, написавшій нѣсколько сочиненій по масонству.

И. В. Лопухинъ (1756—1816). Послѣ Новикова и Шварца, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ въ масонскомъ обществѣ и можетъ быть названъ даже настоящимъ типомъ русскаго масона въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Какъ въ сочиненіяхъ его полнѣе, чѣмъ у другихъ, изложено характеръ масонскаго ученія, такъ и въ его жизни и общественной дѣятельности весьма ясно выразились лучшія стороны нашего масонства, которое могло воспитывать въ своей средѣ замѣчательныя личности. Подобно многимъ другимъ русскимъ историческимъ дѣтелямъ, Лопухинъ былъ самоучка и не получилъ правильнаго образованія. „Воспитанъ я, говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ, въ разсужденіи тѣла въ крайней нѣгѣ, а со стороны знаній въ большомъ небреженіи. Русской грамотѣ училъ меня домашній слуга; по французски училъ савояръ, незнавшій совсѣмъ правилъ языка; по нѣмецки—берлинецъ, который ненавидѣлъ языка нѣмецкаго и всячески старался сдѣлать мнѣ его противнымъ, а хвасталъ французскимъ и, сколько умѣлъ, училъ меня ему тихонько, пользуясь охотою моею къ чтенію“⁽¹⁾. Съ такимъ образованіемъ, окончившимся на 17 году, Лопухинъ выступилъ въ жизнь и подвергся вліянію сначала энциклопедистовъ, а потомъ масонства. Подъ 1785 г. въ своихъ Запискахъ онъ замѣчаетъ: „Никогда не былъ еще я постояннымъ вольнодумцемъ, однако, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай переѣхалъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства. Читая извѣстную

⁽¹⁾ Записки Лопухина. Чит. Общ. истор. и древ. 1860; кн. 2 стр. 1—2. Другое изданіе Записокъ въ Русск. Архивѣ 1884, кн. 1: Записки Московскаго мартиниста, сенатора И. В. Лопухина, съ примѣчаніями и портретомъ

книгу, *Systeme de la Nature*, съ восхищеніемъ читаль я въ концѣ ея извлеченіе книги, подъ именемъ „Уставъ натуры“ (*Code de la nature*). Я перевелъ „Уставъ“ этотъ и любовался своимъ переводомъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣвать его въ рукописяхъ. Но только что дописали первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ бы въ очищеніе себя, разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч., котор-е въ первый разъ напечатано, помнится, въ 1780 г. Сіе происходило за два года до вступленія моего въ общество. Первые же книги, родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были: извѣстная „О заблужденіяхъ и истинѣ“ и Арндта „О истинномъ христіанствѣ“⁽¹⁾. Чтеніе духовныхъ или мистическихъ книгъ, знакомство и дружба съ Новиковымъ и обращеніе въ его „Дружескомъ Обществѣ“ утвердили и развили въ Лопухинѣ тотъ духъ человеколюбія, который присущъ былъ ему, какъ онъ говоритъ, отъ природы, и воспитали въ немъ ту непоколебимую честность, прямоту и неподкупную правду, тѣ высокія и благородныя стремленія, какими отличалась вся его дѣятельность какъ въ масонскомъ обществѣ такъ и на службѣ. Послѣ непродолжительной военной службы, къ которой онъ, по слабости здоровья, оказался не способнымъ, онъ былъ назначенъ въ 1782 г. совѣтникомъ московской уголовной палаты, а потомъ ея предсѣдателемъ. Находясь въ этихъ должностяхъ, онъ неуклонно слѣдовалъ правилу—самымъ тщательнымъ образомъ разсматривать каждое дѣло, чтобы не осудить невиннаго, или не наказать виновнаго выше мѣры: при опредѣленіи наказанія виновнымъ держаться умѣренности и смягчать жестокость наказаній. „Въ должности сей, говоритъ онъ, я принялъ за правило наблюдать, чтобы какъ невинной не былъ никогда осужденъ, такъ бы и виноватый не избѣжалъ наказанія, но по человеколюбію, сколько можно больше умѣреннаго, не удаляясь, однакожъ, отъ силы законовъ. Я думаю, что предметъ наказаній долженъ быть исправленіе наказуемыхъ и удержаніе отъ преступленій. Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобаго презрѣнія человѣчества и одно всегда бесполезное тиранство. Неадежность избѣжать наказанія гораздо больше можетъ удерживать отъ преступленій, нежели ожиданіе жестокаго... Правила умѣренности въ наказаніяхъ держался я неотступно.

⁽¹⁾ Записки, тамъ же, стр. 14—15.

Будучи старшимъ въ палатѣ, въ которую скоро опредѣленъ я былъ и предсѣдателемъ, гораздо удобнѣе мнѣ было сохранять его, ибо бесспорно соглашались товарищи мои со мною въ томъ, что прежде я долженъ былъ одерживать спорами и часто самими жаркими. Не охотники до меня и столькожъ, кажется, вообще до человѣчества, тамъ, гдѣ нѣтъ въ немъ ихъ интересовъ, вопіяли осужденіями такъ называвшагося ими милосердія моего. Говорили, что я развожу злодѣевъ и воровъ. Однако, по счастью моему что-ли, гораздо ихъ меньше стало съ открытія Въ Москвѣ уголовной палаты, при умѣренныхъ ея, какъ описываю, наказаніяхъ... Мщеніе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплею не должно вливаться въ наказаніи. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія отъ преступленій. Все же, превосходящее сію мѣру, есть только безплодное терзаніе человѣчества и дѣйствіе неуваженія къ нему, ими лютоści. . Думаю такъ же, что не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни, потому что въ христіанскихъ правительствахъ исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ.. Что касается до смертной казни, то она, по моему мнѣнію, и бесполезна, кромѣ того, что одному Творцу жизни извѣстна та минута, въ которую можно ее пресѣчь, не возмущая порядка его божественнаго строенія“ (1). Такія человѣколюбивыя начала и дѣйствія Лопухина возбудили, однако-же, сначала неудовольствіе противъ него, а потомъ и преслѣдованіе со стороны главнокомандующаго московскаго, графа Брюса, такъ что Лопухинъ долженъ былъ оставить службу въ палатѣ. Въ 1785 г. онъ, какъ членъ Новиковскаго общества, подвергся суду, вмѣстѣ съ Новиковымъ и другими лицами, и избѣжалъ ссылки только благодаря своему смѣлому объясненію предъ Екатериной своей дѣятельности въ обществѣ и вообще характера и стремленій всего общества. По кончинѣ Екатерины, Лопухинъ былъ вызванъ импер. Павломъ въ Петербургъ и опредѣленъ статсъ-секретаремъ, но вскорѣ былъ уволенъ и назначенъ въ Московскій Сенатъ. Во время службы въ Сенатѣ, онъ руководился тѣми же человѣколюбивыми правилами, какъ и въ палатѣ. Въ 1780 г. онъ, вмѣстѣ съ сенаторомъ Спиридовымъ, былъ посланъ обрѣзывать казанскую, вятскую и оренбургскую губерніи. При этихъ ревизіяхъ Лопухинъ старался всячески узнать настоящее положеніе каждой губерніи, особенно нужды и потребности крестьянъ, открыть обиды и притѣсне-

---

(1) Тамъ же, стр. 3—8

нія ихъ со стороны судей и разныхъ чиновниковъ, и при этомъ стремился не только къ тому, чтобы отдать подъ судъ и наказать виновныхъ, сколько къ тому, чтобы изыскать средства предупредить обиды и притѣсненія. Вотъ что онъ говоритъ о ревизіяхъ въ своихъ Запискахъ: „Осмотры сіи, конечно, весьма полезны для сохраненія порядка и обузданія отъ злоупотребленій; хотя нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ, и важнѣйшія суть такого рода, что рѣдко могутъ быть изобличены для наказанія судомъ, а необходимо иногда исправлять ихъ слѣдствія и сколько можно, отвращать ихъ средствами, хотя гораздо меньше строгими, нежели бы по суду, основываясь единственно на довѣренности ревизорамъ. Почему и выборъ ревизоровъ долженъ быть остороженъ. Сіе особливо въ разруженіи взятокъ, сей неизлѣчимой отравы суда. Чѣмъ большій мздоимецъ, тѣмъ труднѣе изобличить его. Кажется, справедливо сказать можно, что едва ли не тщетны почти всѣ старанія о искорененіи взятокъ. Надобно сдѣлать прежде, еслии можно, чтобъ въ людяхъ лакомства не было, чтобъ они нуждѣ и прихотей не имѣли, чтобъ, наконецъ, боялись Бога, какъ свидѣтеля всего, или бы страстно любили правду, что безъ любви къ небесному ея источнику невозможно, или весьма не надежно“.. „Опредѣленіе хорошихъ начальниковъ есть лучшее средство къ благоустройству правленія и самое вѣрное врачеваніе корыстолюбія и лихоимства... Лучшее средство истребить взятки есть такъ дѣлать, чтобъ или совсѣмъ не за что или сколько меньше было за что давать взятки. Когда главные начальники будутъ хорошо разумѣть и сами отправлять дѣла своей должности, тогда нижнимъ чинамъ нельзя будетъ, или крайне трудно и рѣдко возможно, и то въ самыхъ неважныхъ случаяхъ вредить пользѣ службы, еслии бы и хотѣли. Таковымъ средствомъ гораздо удобнѣе искоренить, или, по крайней мѣрѣ, сколько можно, умѣрить пагубное дѣйствіе лихоимства, нежели самымъ строгимъ за оное наказаніемъ, для коего способы къ изобличенію весьма трудны, и, какъ давно извѣстно изъ опытовъ, тѣмъ труднѣе, чѣмъ важнѣе преступленія и лица“⁽¹⁾. Особенное вниманіе Лопухинъ обратилъ на себя ревизіей въ харьковской губерніи, гдѣ онъ, по порученію импер. Александра, разбиралъ дѣло о сектѣ духоборцевъ, къ которой онъ отнесся чрезвычайно человѣколюбиво, въ духѣ истинной вѣротерпимости. Вообще во всѣхъ дѣлахъ, какія ему поручались, онъ руководился чувствомъ правды, христіанской любви и состраданія къ ближнимъ. Послѣ всего этого нельзя не удивляться, что Лопухинъ, такъ высоко

(1) Тамъ же, стр. 73—74.

стоявшій по своимъ человѣколюбивымъ воззрѣніямъ и стремленіямъ, возставалъ противъ самаго человѣколюбиваго дѣла, освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, находя его преждевременнымъ и опаснымъ. Впрочемъ, вотъ что онъ говоритъ по этому предмету въ своихъ Запискахъ . . . . „Я первой, можетъ быть, желаю, чтобъ не было на русской землѣ ни одного не свободнаго человѣка, есть-либъ только то безъ вреда для нея возможно было. Но народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ... И еще скажу, что по сіе время въ Россіи ослабленіе связей подчиненности помѣщикамъ опаснѣе нашествія непріятельскаго. Свойственно мягкосердечію жалѣть и о томъ, когда не совсемъ еще отъ болѣзней справившіеся могутъ прогуливаться въ больничномъ саду и пить и ѣсть только то, что имъ велятъ лѣкари; свойственно доброму сердцу желать, чтобъ они, какъ можно скорѣе воспользовались полною для всѣхъ свободою; но дать ее имъ прежде времени было бы ихъ же уморить“⁽¹⁾. Совершившееся въ недавнее время необыкновенно спокойное освобожденіе крестьянъ показало, что эти опасенія Лопухина, какъ и другихъ многихъ лицъ, желавшихся, но боявшихся освобожденія, были совершенно напрасны.—Во время образованія милиціи (1807 г.) Лопухинъ былъ посланъ для надзора въ нѣкоторыя губерніи (Тул. Кал. Ряз. Влад.). Въ 1812 г. онъ уѣхалъ въ свое имѣніе Саринское, гдѣ и скончался въ 1816 г.

Въ исторіи литературы особенное значеніе, какъ уже замѣчено выше, имѣетъ масонская дѣятельность Лопухина, какъ лучшаго представителя русскаго масонства, одной изъ задачъ своихъ поставлявшаго борьбу съ философіей энциклопедистовъ и вольнодумствомъ и нравственною распущенностію, распространенными въ русскомъ обществѣ матеріалистическимъ ученіемъ этой философіи. Лопухинъ былъ великимъ мастеромъ въ одной изъ масонскихъ ложъ въ Москвѣ. Познакомившись съ Новиковымъ и сдѣлавшись членомъ Дружескаго общества, онъ велъ дирекцію и обширную переписку по всѣмъ дѣламъ общества; жертвовалъ большею частию своего состоянія для филантропическихъ его цѣлей; на свой счетъ онъ открылъ типографію въ Москвѣ; на свой счетъ отправлялъ за границу студентовъ, для усовершенствованія въ наукахъ (изъ нихъ извѣстны Колокольниковъ и Невзоровъ); на дому у себя онъ постоянно раздавалъ деньги бѣднымъ. Но преимущественно выдвигаютъ Лопухина на первый

⁽¹⁾ Записки, тамъ же стр. 158—159.

планъ въ ряду другихъ масонскихъ дѣятелей его литературные труды въ пользу масонства. Онъ переводилъ и издавалъ масонскія книги и самъ писалъ сочиненія. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ старался объяснить стремленія и цѣли масонскаго общества, характеръ его ученія и защитить его отъ разныхъ нареканій и обвиненій, которымъ оно подвергалось. Первымъ сочиненіемъ Лопухина было уже упомянутое выше „Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и опроверженіе ихъ вредныхъ правилъ“ (сочин. Россіяниномъ М. 1780 и 1787), написанное имъ для очищенія совѣсти, при переходѣ отъ вольтерьянства въ масонство. Другимъ сочиненіемъ былъ „Нравоучительный катихизисъ истинныхъ Франкъ-Масоновъ“, составленный для ознакомленія общества съ основными началами масонскаго ученія. „Сіе мнѣ случилось, говоритъ Лопухинъ, нечаянно. Часто бывалъ я тогда у преосвященнаго Платона, митр. московскаго, котораго отличнымъ благорасположеніемъ я всегда пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставалъ противъ нашего общества, однакожъ разставались мы всегда пріятелями. Однажды, разговаривая съ нимъ, при возраженіяхъ на его критику, родилась у меня мысль объ ономъ катихизисѣ, и я его тутъ же составилъ, такъ что, пріѣхавъ домой, тотчасъ его написалъ, и, переведя на французскій языкъ и напечатавъ его въ типографіи компаніи нашей, отдалъ знакомому книгопродавцу продавать, какъ новую книжку, полученную изъ чужихъ краевъ“. Вотъ главные вопросы и отвѣты масонскаго катихизиса.

1) Истинный ли ты Ф. М?—Мнѣ извѣстны та невидимая и неустроенная земля, и тѣ воды, на коихъ носился духъ великаго строителя вселенной, при ея сотвореніи.

2) Чѣмъ наибаче отличается истинный Ф. М?—Духомъ собратства, который одинъ есть духъ съ христіанскимъ.

3) Какая цѣль ордена истинныхъ Ф. М?—Главная цѣль его таже, что и цѣль истиннаго христіанства.

4) Какой главный долгъ истиннаго Ф. М?—Любить Бога наче всего, и ближняго, какъ самого себя, или еще болѣе, по примѣру св. Павла, который желалъ даже быть анагема или отлученъ быть отъ Іисуса Христа, ради своихъ братій. Рим. IX, 3.

5) Какое должно быть главное упражненіе (работа) истинныхъ Ф. М?—Послѣдованіе Іисусу Христу.

6) Какія суть дѣйствительнѣйшія къ тому средства?—Молитва, упражненіе воли своей въ исполненіи заповѣдей евангельскихъ и умершвленіи чувствъ лишеніемъ того, что ихъ насаждаетъ; ибо истинный Ф. М. не въ иномъ чемъ долженъ находить свое удовольствіе, какъ только въ исполненіи воли небснаго Отца.

7) Гдѣ истинный Ф. М. долженъ совершать свою работу?— Посреди сего міра, не прилагаясь сердцемъ къ суетамъ его, и въ томъ состояніи, въ которое каждый призванъ. 1 Кор. VII, 20.

8) Какія суть самыя вѣрные знаки послѣдованія Іисусу Христу?—Чистая любовь, преданность и крестъ.

17) Какая должность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи своего государя?—Онъ долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому. 1 Петр. II, 17. 18. Еф. VI, 5. 7.

20) Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ подвластными ему?—Наиболѣе онъ долженъ пешись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая во страхъ и ученіи Господнемъ; и обязанъ наблюдать между ними правду и уравненіе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что все имѣють общаго Владыку на небѣ, у котораго нѣтъ лицепріятія. Еф. VI, 4. 9. Колос. IV, 1.

21) Какъ долженъ онъ поступать со всеми людьми вообще?—Всеѣхъ долженъ любить для Бога; желать имъ всякаго въ немъ блага, и вспомоцествовать имъ, сколько ему возможно.

35) Какъ истинный Ф. М. долженъ употреблять свое имѣніе?—Считая себя токмо орудіемъ Божиимъ, долженъ онъ знать, что всякая полущка можетъ служить или къ строенію дѣла Его и прославленію святаго имени Его на землѣ, или къ умноженію того, что оному пренятствуеть, и по сему долженъ поступать со ввѣреннымъ ему имѣніемъ.

38) Когда начинается истинная работа въ нравственности?—Когда человекъ начнетъ совлекаться ветхаго Адама.

39) Когда она оканчивается?—Тогда, какъ ветхій Адамъ совлеченъ совершенно.

40) Когда престанетъ всякой трудъ и работа?—Когда не останется на земли ни единой воли, которая бы не совершенно предалась Богу; когда золотой вѣкъ, который Богъ хочетъ прежде внутренно возстановить въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, распространится вездѣ и явится вѣшно, и когда царство самой природы освободится отъ проклятій и возвратится въ средоточіе солнца“ (1).

Этотъ катихизисъ Лопухинъ въ послѣдствіи присоединилъ къ двумъ своимъ сочиненіямъ: „Духовный рыцарь“ и „О внутренней церкви“. Въ первомъ сочиненіи „Духовный рыцарь, или ищущій премудрости“ (М. 1791) представлены, по словамъ его, въ краткихъ чертахъ, главные пункты герметиче-

(1) Записки, стр. 24—30.

ской науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обловленія челоѣка и начала самопознанія и глубокой морали“. Подъ герметической наукой (такъ названной потому, что изобрѣтеніе ея приписывалось Гермесу Тризмегисту, египетскому Меркурію) разумѣется алхимія, которая учила претворять одни металлы въ другіе и всѣ естественныя явленія въ природѣ объясняла тремя веществами — солью, сѣрой и ртутью. Другое сочиненіе: „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о разныхъ путяхъ заблужденія и гибели“ было написано Лопухинымъ въ 1798 г. послѣ жестокой болѣзни. Оно, говоритъ Лопухинъ, навлекло мнѣ много неприятностей: нѣкоторые изъ духовныхъ намѣревались было воздвигнуть на него гоненіе, за время къ тому было неблагоприятно“; за то сочиненіе это получило особенное одобреніе Экартсгаузена, что доставило Лопухину величайшее удовольствіе. Изъ другихъ сочиненій Лопухина самое важное—его Записки о своей жизни, на которыя мы уже нѣсколько разъ ссылались. Въ нихъ описана исторія всей его жизни и въ частности исторія масонскаго общества Новикова въ періодъ его преслѣдованія и уничтоженія. Къ тѣмъ выпискамъ, которыя приведены выше, мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь изъ нихъ еще слѣдующія строки, въ которыхъ Лопухинъ указываетъ основной характеръ и существенныя цѣли и стремленія масонскаго общества: „Члены общества сего упражнялись въ познаніи самого себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ въ книгѣ Премудрости VII. 17—22, содержащимся въ Библии и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ и знанія коихъ нѣкогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ“.... „Вотъ какое наше было упражненіе. Мы учились. Многимъ это казалось и покажется смѣшно, но престолюбинская пословица „Вѣкъ живи, вѣкъ учишь“ гораздо умнѣе такого смѣха“.... „Въ школахъ и на каюдрахъ твердили: любви Бога, любви ближняго, но не воспитывають той натуры, коей любовь сія свойственна, какъ бы разслабленнаго больного, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставляли ходить и работать. Надобно челоѣку, такъ сказать, морально переродиться: тогда евангельская нравственность будетъ ему природна.. Сіе моральное перерожденіе, чрезъ которое только челоѣкъ становится образцемъ и подобіемъ Божиимъ, и которое долженствуетъ быть главнымъ предметомъ всѣхъ уставовъ и упражненій христіанской церкви, не можетъ, конечно, произойти безъ дѣйствія силы всемогущей: но непремѣнно содѣйствовать оному должна и воля челоѣческая, кою свобода дана отъ Бога, какъ

даръ величайшій и особенно составляющій величіе человѣка“ (1).

Закрытыя при импер. Екатеринѣ, масонскія ложи снова стали появляться при Александрѣ I. Во главѣ тогдашняго масонства стояли ученики Новикова и Шварца—Лабзинъ и Невзоровъ; но ихъ масонство, какъ будетъ показано ниже, имѣло уже другой характеръ.

Литературные журналы въ Екатерининскую эпоху.

При Петрѣ В. и импер. Елисаветѣ всѣ газеты и журналы, какъ указано выше, издавались при разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, Академіи наукъ, московскомъ университетѣ, кадетскомъ корпусѣ; единственнымъ журналомъ, который издавался на частныя средства и по инициативѣ частнаго лица, была „Трудолюбивая Пчела“ Сумарокова; въ эпоху Екатерины является множество журналовъ, издаваемыхъ разными лицами самостоятельно, независимо ни отъ какихъ учреждений (1). Преобладающимъ элементомъ въ прежнихъ журналахъ были элементы научныя, за исключеніемъ только опять той же Трудолюбивой Пчелы, которая только одна была чисто литературнымъ журналомъ; при Екатеринѣ мы встрѣчаемъ всего болѣе журналовъ литературнаго характера. Въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины выходило около 20 журналовъ изъ коихъ 8 явилось въ одинъ 1769 годъ. Вотъ эти журналы: „Полезное увеселеніе“ въ 1762 г. и продолженіе его въ 1763 г. „Свободные часы“, издававшіеся Херасковымъ; „Невинное упражненіе“ 1763 г. изданіе Богдановича; „Доброе намѣреніе“ 1764 г. изд. Санковского; сатирическіе журналы: „Всякая Всячина“ (1769—1770) Козицкаго; „И то и сію“ (1769) Чулкова; „Ни то ни сію“ (1769) Рубана; „Поденьщина“ (1769) Тузова; „Смѣсъ“ (1769) неизвѣстнаго издателя; „Трутень“ (1769—1770) Новикова; „Адская Почта“

(1) Записки, стр. 15—17. Другія сочиненія Лопухина, переводныя и оригинальныя, указаны у Геннадія: Справоч. словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ XVIII и XIX в. Берлинъ 1880 том. 2, 257—259; и у Губерти: Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ XVIII ст. Чт. Об. истор. и дрес. 1879. кн. 4.

(2) Исторія русской журналистики въ Екатерининскую эпоху изложена въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. А. Афанасьева. Москва 1859 г. Очерки изъ исторіи русской журналистики А. П. Пятковского. Спб. 1876 томъ II, стр. 1—74. Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г. А. Н. Неустроева. Спб. 1874; Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго. Зап. Акад. Наукъ 1863. т. III, приложение № 6; О Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова. Лайбова (Добролюбова), Современникъ 1856, № 8.

(1769) Эмина; „Полезное съ пріятнымъ“ (1769); „Парнасскій Шепетильникъ“ (1770) Чулкова; „Пустомеля“ (1770); „Трудолюбивый муравей“ (1771), Рубана; „Старина и Новизна“ Рубана (1772—1773); „Вечера“ (1772) „Живописецъ“; (1772) Новикова; „Мѣсячина“ (1773); Кошелекъ“ (1774) Новикова.— Свобода мысли и слова, дарованная литературѣ импер. Екатериной въ началѣ царствованія, и примѣръ самой Екатерины, разумѣется, были главною причиною такого сильнаго развитія журналистики. Первый по времени сатирическій журналъ „Всякая Всячина“ Козицкаго издавался подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ Екатерины; въ ней помѣщались и ея собственныя статьи. Новиковъ, посвящая своего „Живописца“ автору комедіи „О время“, прямо говоритъ, что эта комедія подала ему мысль и смѣлость издавать журналъ въ сатирическомъ направленіи: „Вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился; вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ исправлять нравы своихъ единосемцевъ; вы поострили меня испытать въ томъ свои силы: и дай, Боже, чтобы читатели въ листахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе той соли и остроты, которыя оживляютъ ваше сочиненіе. Если же буду имѣть успѣхъ въ моемъ предпріятіи, и если листы мои принесутъ пользу и увеселеніе читателямъ, то за сіе они не мнѣ, но вамъ будутъ одолжены, ибо безъ вашего примѣра я не отважился бы упасть на пороки“. Послѣ 1774 г. журналы стали являться рѣже, но все же въ значительномъ количествѣ. Изъ нихъ были извѣстны: С.-Петербургскій Вѣстникъ“ (1778—1781); „Разсказчикъ забавныхъ басенъ“ (1781) Аблесимова; „Утро“, еженедѣльное изданіе 1782; „Собесѣдникъ любителей русскаго слова“ (1783—1784); „Дѣтское чтеніе для сердца и ума“ (1785—1789), издававшееся при Московскихъ Вѣдомостяхъ Новиковымъ; „Уединенный Пошехонецъ“ (1786)—первый въ Россіи провинціальный журналъ, издававшійся въ Ярославлѣ Санковскимъ; „Ежемѣсячное изданіе“ (1787)—продолженіе Пошехонца въ Ярославлѣ, издававшееся тѣмъ же Санковскимъ; „Зеркало свѣта“ (1786—87) И. Богдановича и Туманскаго; „Лѣкарство отъ скуки и заботъ“ (1786—87) Ф. Туманскаго; „Новый С.-Петербургскій Вѣстникъ“ (1786—87) И. Богдановича; „Почта духовъ“ (1789) И. Крылова; „Сатирическій Вѣстникъ“ (1790—92) Страхова. „Московскій журналъ“ (1791—1792) Н. М. Карамзина, „Пріятное и полезное препровожденіе времени (1793—1794) Подшивалова и Сохацкаго; „Аглая“ (1794—95) Карамзина; „Муза“ (1796) И. Мартынова.

По своей формѣ и характеру всѣ указанныя журналы входятъ въ тѣсную связь съ журналами предыдущей эпохи. „Трудолюбивый Муравей“ былъ подражаніемъ „Трудолюбивой Пчелѣ“ Сумарокова; „Смѣсъ“ и „Полезное съ пріятнымъ“ — „Ежемѣсяч-

нымъ сочиненіямъ“ Миллера. Но всего больше, разумѣется, на нихъ отражается вліяніе иностранныхъ журналовъ, подъ которыми, какъ выше указано, и возникла русская журналистика. Въ нихъ тоже нравственное или дидактическое направленіе, внесенное въ англійскую журналистику журналами Стиля и Аддисона, и потомъ распространившееся въ нѣмецкихъ и французскихъ журналахъ; въ нихъ тѣже общіе приемы и формы, въ которыхъ проводится это направленіе. Дидактическое содержаніе журнала излагается обыкновенно въ формѣ аллегорической повѣсти, волшебной сказки, сна, разговора въ царствѣ мертвыхъ, въ формѣ сатирическихъ вѣдомостей, сатирическихъ лечебниковъ, сатирическихъ словарей, въ цѣломъ рядѣ картинъ и портретовъ, вопросовъ и отвѣтовъ. Подобныя сочиненія нерѣдко прямо переводились изъ иностранныхъ журналовъ, или же передѣлывались на русскіе нравы. Наконецъ самыя названія журналовъ указываютъ на связь ихъ съ англійскими, нѣмецкими и французскими журналами. Названіе „Зрителя“ есть переводъ англійскаго *Spectator*; названіе „Пустомеля“ дано, очевидно, въ подражаніе другому англійскому журналу *Tatler*. Болтунъ; названіе „Живописецъ“ взято съ нѣмецкаго журнала *Der Maler der Sitten*. Известно, что издатели прежняго времени любили часто мѣнять названіе и форму своихъ журналовъ, боясь наскучить однообразіемъ, или желая привлечь новостію названія и формы журнала. Стиль и Аддисонъ въ непродолжительное время издавали одинъ за другимъ нѣсколько журналовъ; точно такъ же Новиковъ издавалъ Трутень, Пчелелекъ, Живописецъ, а потомъ еще три масонскихъ журнала, когда сдѣлался масономъ: Чулковъ издавалъ въ 1769 г. „И то сіо“, а въ 1770 г. „Парнасскій Щепетильникъ“; Рубанъ въ 1769 г. „Ни то, ни сіо“, а въ 1771 г. „Трудолюбивый Муравей“. Одинъ и тотъ же журналъ рѣдко издавался больше одного года: этимъ объясняется большое количество журналовъ: журналовъ выходило много отъ того, что они существовали не долго въ одной и той же формѣ, съ однимъ и тѣмъ же именемъ. Если журналъ хорошо расходился и нравился читателямъ, то издатель, по окончаніи года, не продолжая его изданія въ слѣдующемъ году, дѣлалъ второе изданіе журнала, съ нѣкоторыми прибавленіями и измѣненіями, а иногда и безъ всякихъ измѣненій. Издатели нѣкоторыхъ журналовъ остаются неизвѣстными; но особенно любили скрывать свои имена авторы. Повѣсти, рассказы, сатиры предлагались отъ имени какого нибудь дѣдушки, пишущаго письма къ своимъ внукамъ, или дядюшки къ племяннику. Это были, своего рода литературныя маски, въ родѣ англійскихъ Бикерштафа, Опекуна, Наблюдателя и проч. Первой статьей Московскаго ежемѣсячнаго изданія 1781 г. былъ разго-

воръ англійскаго господина Бикерпфа съ своимъ духомъ хранителемъ, переведенный изъ Спектатора (глав. XXIII). Большая часть статей подписывалась псевдонимами, въ которыхъ иногда прямо указывалось направленіе авторовъ и характеръ ихъ сочиненій, каковы напр. псевдонимы: Ниспускаловъ, Аристархъ Примиритель, Люборуссовъ, Правдолюбовъ, Правомысловъ, Чистосердовъ, Добросовѣтовъ, Тарабаровъ; или же замысловатые, напр. Остроперовъ, Сердцекраль, Людоглоть, Агаѳія Хрипунова; имя мое съ аза, прозвищемъ проказа и проч. Лучшими журналами первой эпохи или перваго десятилѣтія были: Всякая Всячина, Трутень, Житиисецъ, Смѣсь, Кошелекъ и Алдская Почта. Изъ журналовъ послѣдующей эпохи особенно извѣстностію пользовались Собесѣдникъ любителей руссійскаго слова Дашковой, С.-Петербургскій Вѣстникъ Крайко, Приятное и полезное препровожденіе времени Сохацкаго и Подшивалова, Петербургскій журналъ Пнина и А. Бестужева.

Дидактическое направленіе и прежде соединявшееся съ сатирой, въ журналахъ Екатерининской эпохи получило чисто сатирическій характеръ. Этотъ характеръ является особенно преобладающимъ въ журналахъ перваго десятилѣтія царствованія Екатерины, отъ 1769 по 1774 г. Всѣ журналы этого десятилѣтія по ихъ характеру надобно раздѣлить на два разряда. Одни стремились исправлять нравы современнаго общества, подвергая осмѣянію его пороки и недостатки; другіе требовали открытой и строгой сатиры не только на пороки, но и на самыя лица порочныя. Во главѣ первыхъ стояла Всякая Всячина; во главѣ послѣднихъ Трутень Новикова. Отрекаясь отъ всего, что можетъ затронуть чужое самолюбіе, Всякая Всячина въ одной статьѣ своей объявила, что она поставила себѣ за правило: „не пѣлать на особъ, но единственно на пороки“; при исправленіи пороковъ руководиться снисхожденіемъ и челоуколюбіемъ; а кто только видитъ пороки, не имѣя любви, тотъ не способенъ подавать наставленія другому“. Въ другой статьѣ, осмѣивая челоука, который вездѣ видѣлъ пороки, гдѣ другіе на силу приглядѣть могли слабости, она говоритъ, что всѣ разумные люди признать должны, что одинъ Богъ только совершенъ, люди же смертныя никогда безъ слабостей не были, не суть и не будутъ. И потому надобно поставить слѣдующія правила: а) не называть слабостей пороками; б) хранить во всякомъ случаѣ челоуколюбіе и в) не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было и для того г) просить Бога, чтобы намъ далъ духъ кротости и снисхожденія“⁽¹⁾. Другихъ воззрѣній на характеръ сатиры держался „Трутень“. Я того мнѣнія, говорить въ немъ

(1) Всякая Всячина 140—143.

Правдолюбъ, разбирая указанныя положенія Всякой Всячины, что слабости человѣческія достойны сожалѣнія, однакожь не похвалъ, и никогда того не думаю, чтобы на сей разъ не покривила своею мыслию и душою госпожа ваша прабабка (Всячина), давъ знать, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оныя. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ нему человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны и что должно оныя прикрывать человѣколюбіемъ, слѣд. они порокамъ спили изъ человѣколюбія кафтанъ; то такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе называть пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ, или (сказать по русски) потакаетъ. . . . Любить деньги есть такъ же слабость, почему слабому человѣку простиительно брать взятки и набогатѣться грабежами. Пьянствовать такъ же слабость, или еще прикычка; однако пьяному можно жену и дѣтей прибить до полусмерти и подраться съ вѣрнымъ другомъ“. Въ такомъ видѣ происходила полемика между двумя направленіями. Сторону „Трутня“, требовавшаго строгой и открытой сатиры, приняли „Смѣсь“ и „Адская Почта“, а сторону „Всякой Всячины“ журналъ „И то и сію“. Смѣсь напечатала противъ Всякой Всячины нѣсколько довольно рѣзкихъ статей, въ которыхъ осмѣивала этотъ журналъ за то, что онъ даетъ послабленіе порокамъ и при этомъ впадаетъ въ противорѣчіе: „Бабушка въ добрый часъ намѣряется исправлять пороки, а въ блажной даетъ имъ послабленіе (или уже она выжила изъ ума). Она говоритъ, что подвѣчныхъ искушаютъ, и для того они берутъ взятки; а это такъ на правду походить, какъ то, что чортъ искушаетъ людей и велитъ имъ дѣлать злое“. Адская Почта, защищая Трутень отъ обвиненій въ ругательствахъ, говоритъ: „Ругательства нигдѣ не годятся, но прямо описывать пороки и называть вора воромъ, разбойника разбойникомъ, кажется, дѣло справедливое“. Сатира, по мнѣнію Почты, всѣмъ просвѣщеннымъ свѣтомъ уполномочена на осмѣяніе пороковъ и порочныхъ; вымыслы, далекіе отъ дѣйствительности, и отвлеченная мораль ни къ чему не поведутъ; ибо кому какое дѣло до подобныхъ грапыхъ нравоученій? Разсуждающіе по модѣ увѣряютъ, что сатира рождается отъ злобы писателей и достойна презрѣнія,—но пусть они посовѣтуются прежде съ древними классическими писателями. Если бы когда-нибудь они потрудились прочитать ихъ, то скоро бы предали мысль свою должному звѣненію. Развѣ имъ не извѣстно, что нравоучительная философія не разъ обьявляла себя гонительницею пороковъ и порочныхъ. Лукіанъ и Сенека многократно упрекали любимцевъ Нерона, однако сочиненія ихъ признаны за достойныя вѣчнаго уваженія“.—Нѣтъ

сомнѣнія, что та и другая сторона для своихъ воззрѣній имѣла основанія; но въ тоже время справедливо, что обѣ стороны въ развитіи этихъ основаній выходили изъ границъ и вдавались въ крайности. Совершенно уважительно было стремленіе Всякой Всячины „не цѣлить на особъ, но единственно на пороки; но едвали было возможно нападать на пороки и не задѣвать (хотя безъ всякаго умысла) лицъ, подверженныхъ этимъ порокамъ. Если же при этомъ избѣгать всего, что можетъ возбудить раздраженіе въ лицахъ виновныхъ, то сатира обратится въ пустословіе объ отвлеченныхъ идеяхъ добра и зла, безъ всякаго примѣненія къ современной дѣйствительной жизни. Едва-ли такъ же безъ основанія былъ упрекъ Трутня, что Всякая Всячина потакаетъ пороку; въ болѣе чѣмъ снисходительномъ взглядѣ ея на слабости слышится нравственная распущенность того вѣка, котораго любимымъ правиломъ была поговорка: „живи и жить давай другимъ“. Но если взглядъ Всякой Всячины съ идеальной точки зрѣнія былъ далеко не безукоризненъ, то и Трутень былъ не правъ, потому что, держась строго нравственныхъ основаній, въ своей сатирѣ переходилъ въ крайности: онъ уже слишкомъ расширялъ предѣлы сатиры и вмѣсто изображенія общихъ типическихъ недостатковъ разныхъ классовъ общества, требовалъ, чтобы въ сатирическихъ картинахъ были допускаемы и намѣки на отдѣльныя личности. Онъ утверждалъ, что должно критиковать порочнаго на лицо, а не вообще порокъ; надобно только, чтобы сатира не совсѣмъ была открыта, потому что въ такомъ случаѣ она, вмѣсто раскаянія, произведетъ въ порочномъ злобу. Но „критика на лицо—безъ именъ, удаленная, сколько возможно и потребно, производить въ порочномъ раскаяніе“. Такой взглядъ, конечно, ошибоченъ; литература не должна допускать ни личностей, ни брани (¹).

Предметами журнальной сатиры служили 1) пороки и недостатки, унаслѣдованные еще отъ древней до петровской эпохи, и 2) недостатки и пороки, нажитые вновь, въ слѣдствіе неправильнаго усвоенія европейской цивилизаціи, со временъ реформы Петра. Слѣдовательно, это были тѣ же предметы, какіе изображала сатира Кантемира и Сумарокова; только Екатерининская журнальная сатира во 1-хъ строже относится къ порокамъ, глубже раскрываетъ осмѣиваемые недостатки, а во 2-хъ, она руководится при этомъ не общими соображеніями разума, а новыми гуманными идеями XVIII вѣка, и, преслѣдуя пороки, ста-

(¹) Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ А. Аванасьева стр. 26—31; 37; 45—46.

рается провести эти идеи во все сферы жизни, воспитания, образования, законодательства и управления и во все отношения между людьми. Корнем всех пороков древне-русской жизни было невежество, как следствие отсутствия правильного воспитания и образования. На это невежество, упорно державшееся при всех против него правительственных мерах Петра и Екатерины, прежде всего и нападали журналы. Между всеми статьями, направленными против него, особенно выдаются своею силою „Письма къ уѣздному дворянину Ѳалалею Трифоновичу“, отъ его отца, матери и дяди, напечатанныя въ Живописцѣ Новикова. Въ этихъ письмахъ, изображающихъ быть деревенскихъ помѣщиковъ и простыхъ людей, живущихъ по старымъ обычаямъ, самыми мрачными красками рисуются грубые пороки, унаследованные еще отъ древняго періода: суевѣріе и ханжество, отвращеніе отъ всякаго ученія, уклоненіе отъ службы и праздная жизнь въ деревнѣ; жадность къ деньгамъ, къ наживѣ и дикій произволъ, выражающійся въ семейной жизни побоями младшихъ членовъ отъ главы семейства и старшихъ членовъ, въ службѣ неправосудіемъ, казнокрадствомъ и взяточничествомъ, въ отношеніи къ сосѣдямъ наглýmъ захватомъ сосѣдскихъ земель и угодій; въ отношеніяхъ къ крестьянамъ безчеловѣчною жестокостію ⁽¹⁾.

Съ особенною силою сатирическіе журналы нападали на лихоимство и ябеду, на незаконныхъ судей и подъячихъ. Всякая Всячина напечатала 10 правоучительныхъ заповѣдей подъячимъ: 1) не бери взятокъ; 2) не волочи дѣла, отъ тебя зависящаго; 3) не сотвори крючковъ; 4) не обходися грубо съ людьми; 5) не говори челобитчикамъ: завтра; 6) не дѣлай несправедливыхъ изъ дѣлъ и законовъ выписей; 7) не давай наставленій въ ябедѣ; 8) не напивайся пьянъ; 9) чеши всякой день голову, ходи чисто; 10) покинь трусость въ разсужденіи иныхъ и дерзость въ разсужденіи другихъ“ ⁽²⁾. Въ „Барышкѣ“, составлявшемъ прибавленіе ко „Всякой Всячинѣ“ была помѣщена исторія „акциденціи“, или „барашка въ бумажкѣ“ Въ ней авторъ объясняетъ, что значитъ на языкѣ судей и подъячихъ: „приходи завтра“.— „Офцеръ сказалъ мнѣ, что подъячіе имѣютъ два „завтра“: одно денежное, а другое безденежное; денежное „завтра“, содержитъ въ себѣ нѣсколько мѣсяцевъ, больше или меньше, смотря по обстоятель-

⁽¹⁾ Живописецъ 1772 №№ XV, XXIII, XXIV.

⁽²⁾ Русскіе сатирич. журналы Афанасьева, стр. 222—223.

ствамъ и по деньгамъ, а безденежное „завтра“ не ограничено временемъ.—Какъ же мнѣ сдѣлать, чтобы подъячій по моему дѣлу употреблялъ денежное „завтра“?—„Принести ему барашка въ бумажекъ“.. „Подъячіе со всѣхъ берутъ деньги, и съ правыхъ и съ виноватыхъ; деньги или челобитчики обвертываютъ бумагою, благопристойности ради... А чтобы выговоръ не столь тягостенъ показался ушамъ челобитчиковымъ, ежели подъячій потребуетъ у него денегъ, то выдумали они сіе слово: „принеси мнѣ барашка въ бумажекъ“ (1). Трутень представилъ сатирическое описаніе объѣда, которымъ одинъ купецъ угошалъ въ трактирѣ „Правосудіе“ въ образѣ нѣсколькихъ секретарей и подъячихъ. Адакая Почта нарисовала злую характеристику „таможенной крысы“. Но самую сильную язвою въ Россіи было крѣпостное право, которое такъ же унаслѣдовано было отъ древняго періода, но въ новомъ періодѣ со временъ реформы достигло крайнихъ предѣловъ развитія въ сдѣдствіе усилившейся роскоши и распущенности нравовъ. Самыя смѣлыя и рѣзкія сатиры на него представилъ Трутень и Живописецъ Новикова Въ Трутнѣ были напечатаны двѣ „Копіи съ отписокъ крестьянъ къ помѣщику“ и „Копія съ помѣщичья указа крестьянамъ“. Въ предисловіи къ нимъ авторъ говоритъ издателю Трутня: „Я къ вамъ сообщаю отписки одного старосты къ его помѣщику и помѣщиковъ указъ къ крестьянамъ; вы изъ того усмотрѣть можете, какъ худые помѣщики надъ крестьянами данную власть употребляютъ во зло, и что такіа госнода едва-ли достойны быть рабами у рабовъ своихъ, а не господами“. Въ Отпискахъ крестьянъ изображаются страшныя жестокости, съ какими староста собираетъ съ нихъ оброкъ для помѣщика, отнимая у нихъ послѣдній кусокъ хлѣба и заставляя ихъ ходить по міру, а въ помѣщичьемъ указѣ“ гнѣвъ помѣщика на этого самаго старосту, наказаніе и смѣна его за то, что „за крестьянами имѣлъ худое смотрѣніе и запуская оброкъ въ недоимку, и выборъ новаго старосты, которому онъ предписываетъ, не смотря ни на какія просьбы и жалобы, собирать оброкъ и недоимку „нещадно“ (2). Еще въ болѣе мрачной картинѣ бѣдственное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ изображается въ статьѣ Живописца, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ путешествія въ *** II. Т. глава XIV. Описывая села и деревни помѣщиковъ, путешественникъ говоритъ: „Бѣдность и рабство повсюду встрѣчались со мною въ образѣ крестьянъ. Ненаханныя поля, худой урожай

(1) Тамъ же стр. 228—231.

(2) Трутень изд. Ефремова, стр. 158—162: 180—186.

хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣсть о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія покрытыя соломою хижины изъ тонкаго заборника, дворы, огороженные плетнями, не большія адовныя хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота подтверждали, сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны. Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не распрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И слушаю ихъ отвѣты, къ великому огорченію, всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною. О человѣчество! тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ. О господство! ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками. О блаженная добродѣтель, любовь къ ближнему! ты употребляешься во зло: глупыя помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъясняютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ! Съ великимъ содроганіемъ чувствительнаго сердца, начинаю я описывать нѣкоторыя села, деревни и помѣщиковъ ихъ. Удалитесь отъ меня ласкательства и пристрастія, низкія свойства подлыхъ душъ: истина перомъ мопмъ руководствуется! Изображая затѣмъ деревню „Раззоренную“, онъ между другими ужасами, описываетъ страданія и плачъ дѣтей, которыхъ ушедшіе на барскую работу родители оставили однихъ „въ лукошкахъ, прицѣпленныхъ къ шестамъ, гдѣ они лежали безъ всякаго призрѣнія и плакали. Смотри на сихъ младенцевъ, говоритъ авторъ, и входя въ бѣдность состоянія сихъ людей, вскричалъ я: жестокосердый тиранъ, отъемлющій у крестьянъ насущный хлѣбъ и послѣднее спокойство! Посмотри, чего требуютъ сіи младенцы! У одного связаны руки и ноги: приносить ли онъ о томъ жалобы? Нѣтъ: онъ спокойно взираетъ на свои окна. Чего требуетъ онъ?—необходимо нужнаго только пропитанія. Другой произносилъ вопль о томъ, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третьей вопіалъ къ человѣчеству, чтобы его не мучили. Кричите, бѣдныя твари: сказалъ я, проливая слезы; произносите жалобы свои! наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ во младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь. О солнце, лучами щедротъ своихъ озаряющее! призри на сихъ несчастныхъ“⁽¹⁾! Напечатавъ „Отрывокъ изъ путешествія“, издатель Новиковъ замѣчаетъ: „блюдо это приготовлено очень солоно и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. Но вынѣ премудрость, сѣдьящая на престолѣ, истинну покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ. И такъ я надѣюсь, что сіе

(1) Живописецъ, изд. Ефремова, стр. 25—30.

сочиненьице заслужить вниманіе людей, истинну любящихъ“. Сатира этого „Отрывка“ нисколько не мягче сатиры на крѣпостное право въ Путешествіи Радищева, но „отрывокъ“ былъ напечатанъ въ 1772 г. за 20 лѣтъ до начала французской революціи и потому Екатерина въ то время, естественно, не обратила на него вниманія, но она припомнила его, вѣроятно, тогда, когда въ 1792 г. Новиковъ подвергся преслѣдованію, какъ членъ масонскаго общества. Въ противоположность картинѣ „Раззоренной деревни“ авторъ обѣщаль въ послѣдствіи изобразить бытъ жителей „Благополучныя деревни“; но это обѣщаніе осталось неисполненнымъ.

Изображая подобныя картины бѣдствій народа, страдавшаго отъ лихоимства и ябеды, несправедливости людей, жестокостей крѣпостнаго права, журналы старались пробудить въ русскомъ обществѣ чувство справедливости и человеколюбія къ народу и вообще къ нисшимъ классамъ, которые были въ такомъ униженіи, что на обыкновенномъ языкѣ назывались „подлыми людьми“. „Подлыми людьми, говоритъ Живописецъ, по справедливости должны называться тѣ, которые худыя дѣла дѣлаютъ; но у насъ невѣдаю — по какому предразсужденію — вкралось мнѣніе почитать подлыми тѣхъ, кои находятся въ низкомъ состояніи“. Трутень убѣждаетъ, что „не пороки, а добродѣтели дѣлаютъ человека достойнымъ почтенія; что нельзя назвать человека подлымъ за то только, что родился онъ отъ честныхъ и добродѣтельныхъ мѣщанъ, какъ позволяютъ себѣ нѣкоторые невѣжды; что преступленія и худыя поступки равно встрѣчаются и между благородными и между простолюдинами“⁽¹⁾.

Причиною новыхъ пороковъ было иноземное вліяніе. При этомъ зло заключалось, конечно, не въ самой европейской цивилизаціи, но въ неправильномъ, одностороннемъ ея усвоеніи, въ неумѣнн отличить въ ней хорошее отъ худаго, въ рабскомъ и глупомъ увлеченіи всѣмъ европейскимъ, особенно французскимъ, соединенномъ съ презрѣніемъ ко всему отечественному. Иноземное вліяніе происходило преимущественно двумя путями: путемъ воспитанія дѣтей чрезъ иноземныхъ гувернеровъ и гувернантокъ, и путемъ путешествій русскихъ по Европѣ. Воспитаніе дѣтей поручалось французскимъ гувернерамъ и мадамамъ. Но если немногіе богатые и знатные люди могли выписывать изъ заграницы хорошихъ и образованныхъ учителей и учительницъ, то большинство, люди простые и необразованные, этого не могли

(1) Сатирич. журналы Аванасьева, стр. 251.

дѣлать. Подражая модѣ, они принимали въ учителя своихъ дѣтей всѣхъ иностранцевъ, безъ всякаго разбора ихъ знаній и нравственныхъ качествъ. „По какому то непонятному пристрастію къ уроженцу парижскому или другаго городка древнихъ галловъ, сказано въ журналѣ „Вечера“, мы надѣмся въ каждомъ изъ сихъ гостей, которые въ наше отечество втираются, находить сію великость духа, остроту разума и справедливость сердца, какимъ въ ученыхъ и преславныхъ французахъ дивимся... Желанье открыть дорогу своимъ дѣтямъ къ новымъ познаніямъ черезъ французскій языкъ - похвально; но не имѣть попеченія о ихъ правахъ, любви къ отечеству, любви къ ближнимъ безбожно“⁽¹⁾. Толпы иностранцевъ, нисколько не приготовленныхъ къ важному дѣлу воспитанія, являлись въ Россію въ качествѣ учителей и учительницъ, съ цѣлію устроить себѣ карьеру. Указывая на это, Трутень Новикова, въ своихъ сатирическихъ Вѣдомостяхъ, публиковалъ: „Кронштадтъ. На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ Бурдо (Бордо) корабль: на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 француза, сказывающія о себѣ, что они всѣ бароны, шевалье, маркизы и графы, и что они, будучи несчастливы въ своемъ отечествѣ, по разнымъ дѣламъ, касавшимся до чести ихъ, приведены были до такой крайности, что, для пріобрѣтенія золота, вмѣсто Америки, принуждены были ѣхать въ Россію. Они во своихъ разсказахъ солгали очень мало: ибо по достовѣрнымъ доказательствамъ, они всѣ природныя французы, упражнявшіяся въ разныхъ ремеслахъ и должностяхъ третьяго рода. Многія изъ нихъ въ превеликой жили ссорѣ съ парижскою полиціею, и для того она, по ненависти своей къ нимъ, здѣлала имъ привѣтствіе, которое имъ не полюбилось. Оное въ томъ состояло, чтобы они немедленно выбрались изъ Парижа, буде не хотятъ обѣдать, ужинать и ночевать въ бастиліи. Такое привѣтствіе, хотя было и очень искренно, однакожъ симъ господамъ французамъ не полюбилось; и ради того пріѣхали они сюда, и намѣрены вступить въ должности учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей. Они скоро отсюда пойдутъ въ Петербургъ. Любезныя согражданѣ, спешите нанимать сихъ чужестранцевъ, для воспитанія вашихъ дѣтей! Поручайте немедленно будущую подпору государства симъ побродягамъ, и думайте, что вы исполнили долгъ родительской, когда наняли въ учителя французовъ, не узнавъ прежде ни званія ихъ, ни поведенія“⁽²⁾. Что дѣйствительно подобныя

⁽¹⁾ Аванасьева сатирич. журналы стр. 184.

⁽²⁾ Трутень Новикова, изд. П. А. Ефремова. Спб. 1865. стр.

лица попадали въ учителя русскихъ дѣтей, объ этомъ засвидѣтельствовалъ еще указъ 1755 г. объ открытіи московскаго университета, въ которомъ сказано было, что „иные родители, не имѣя званія въ наукахъ, или по необходимости, не сыскавъ лучшихъ учителей, принимали такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали“. Въ Россію, говоритъ въ своихъ запискахъ графъ Сегюръ (французскій посланникъ при дворѣ Екатерины II), пріѣзжало множество негодныхъ французовъ, развратныхъ женщинъ, искателей приключеній, камеръюнгферъ, лакеевъ, которые ловкимъ обращеніемъ и умѣньемъ изъясняться скрывали свое званіе и невѣжество. Но этому не было виною наше правитель-ство. Скорѣе можно было винить самихъ русскихъ, потому что они съ непонятною безпечностію принимали къ себѣ въ дома и даже довѣряли свои дѣла людямъ, за способности и честность которыхъ никто не поручался. Любопытно и забавно было видѣть, какихъ странныхъ людей назначали учителями и наставниками дѣтей въ иныхъ домахъ въ Петербургѣ и особенно внутри Россіи“. — Къ одному московскому дворянину, говоритъ Порошинъ, нанялся въ учителя чухонецъ, назвавъ себя французомъ, и дѣтей его, вмѣсто французскаго языка, чухонскому выучилъ“. До такого безобразія доводила русскаго человѣка его страсть подражать всему иностранному. Нисколько, поэтому, не удивительно, что журналы осмѣивали ее въ самыхъ рѣзкихъ формахъ. „Всякая Всячина“ рассказывала напр., что въ одномъ домѣ былъ нанятъ въ учителя французъ, изгнанный изъ своего отечества „съ напечатаніемъ герба распустившейся лисы на спинѣ“ и не знавшій грамоты. Не посчастливилось ему и въ Россіи, ибо между нимъ и полиціей возникло нѣкоторое недоразумѣніе: полиція доказывала, что онъ воровалъ, а наставникъ утверждалъ, что слово „воровалъ“ крайнимъ невѣжествомъ выдуманно. Когда этотъ учитель попалъ въ тюрьму, мать дѣтей, которыхъ онъ училъ, утѣшалась тѣмъ, что вскорѣ прибыли въ Москву кучеръ, поваренокъ, парикмахеръ и егеръ французскаго посла, которые не захотѣли съ нимъ обратно ѣхать, а рѣшились заняться воспитаніемъ русскаго благороднаго юношества“. Можно-ли, спрашивалъ сотрудникъ одного сатирическаго журнала, рассчитывать на нравственное развитіе ребенка, отданнаго на руки такого человѣка, достоинства котораго заключаются только въ томъ, что онъ родился во Франціи и дешево беретъ за ученіе? Умѣнье одѣваться, любезность, ловкость въ танцахъ—вотъ все, на что обращали вниманіе французскіе гувернеры. Такое воспитаніе съ особенною силою осмѣивалъ „Кошелекъ“. Здѣсь, между прочимъ, было напечатано письмо одного марсельскаго ремесленника къ

сыну: „Ты требовалъ, чтобы я прислалъ тебѣ отсюда дворянскій паспортъ, но я не могъ достать онаго и съ превеликою трудностію получилъ мѣщанскій: непорядочная твоя въ молодости жизнь тому причиною... Я сторговалъ было паспортъ послѣ одного бѣднаго капитана, умершаго скоропостижно, но, не могши достать денегъ, упустилъ оный, а купилъ его сынъ нашего сосѣда, бочара, и съ онымъ отправился въ Петербургъ, чтобы вступить въ военную службу“. По справкамъ, прибавляетъ издатель журнала, оказалось, что этотъ марсеиецъ, на границахъ россійской имперіи, произвелъ себя въ шезалье де-Мансонжъ и поступилъ въ С.-Петербургъ къ одному знатному дворянину учителемъ его дѣтей за 500 рублей въ годъ, да сверхъ того получаетъ еще столъ, слугу и карету“ (¹).

Воспитаніе богатыхъ и знатныхъ дѣтей обыкновенно оканчивалось путешествіемъ по Европѣ, гдѣ они наглядно могли познакомиться со всѣми плодами науки, искусства и цивилизаціи. И литература и правительство поощряли путешествія. „Всякая Всячина“ настаивала, чтобы, отпуская молодыхъ людей въ чужіе края, опредѣляли предметъ, для изученія котораго они посылаются. И. И. Бецкій, по порученію Екатерины, составилъ прекрасный планъ для путешествія молодыхъ людей за границей и съ цѣлію образованія. Но чему могли научиться и что могли привозить изъ за границы русскіе недоросли, воспитанные такими невѣжественными гувернерами, на какихъ указано выше? Они со страстію предавались праздной и распущенной жизни, усвоивая отъ европейцевъ только одни пороки, проматывали цѣлыя состоянія, вовсе не думали ни о какихъ наукахъ и искусствахъ и возвращались въ Россію совершенно испорченными. На подобныя путешествія Трутень напечаталъ такую злую сатиру: „Молодаго россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и которой, объѣздивъ съ пользою, возвратился уже совершенною свиньею, желающіе смотрѣть, могутъ его видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города“ (²). Такая сатира была вызвана именно дурными послѣдствіями путешествій. „Я примѣтилъ, говоритъ Трутень, что всѣ наши молодые дворяне, путешествующія въ чужія земли, привозятъ только извѣстіе, какъ тамъ одѣваются, пространное дѣлаютъ описаніе всѣмъ увеселеніямъ и позори-

(¹) Афанасьева сатирическіе журналы. стр. 185, 188—190.

(²) Трутень, изд. Еремова, стр. 38.

шамъ того народа: но рѣдкой изъ нихъ знаетъ, на какой конецъ путешествіе предпринимать должно. Я почти ни отъ одного изъ нихъ не слыхалъ, чтобы сдѣлали они свои примѣчанія на нравы того народа, или на узаконеніи, на полезныхъ учрежденіи и проч. дѣлающее путешествіе только нужнымъ. Мнѣ это совсѣмъ не нравится: лучше совсѣмъ не ѣздить, нежели ѣздить безъ пользы, а еще паче и ко вреду своего отечества“ (¹). „Мы привыкли, говорить Живописецъ, перенимать съ жадностію все отъ иностранныхъ, но, по несчастію нашему, по часту перенимаемъ только пороки ихъ; напр. когда были въ модѣ у насъ французы, то отъ обхожденія съ ними остались у насъ легковѣрность, непостоянство, вертопрашество, вольность въ обхожденіи, превосходящая границы, благоразуміемъ учрежденныхъ, и многія другія пороки. Французовъ смѣнили англичане: нынѣ женщины и мужчины въ запуски стараются перенимать что-нибудь отъ англичанъ: все англійское кажется намъ теперь хорошо, прелестно, и все насъ восхищаетъ. И мы по несчастію столь пристрастны къ чужестранному, что и самыя пороки ихъ нерѣдко почитаемъ добродѣтелию“ (²).

Вмѣсто просвѣщенія русскіе путешественники привозили изъ за границы поклоненіе модѣ и всему модному. „Нынѣ, жалуются журналы, на все мода: одѣваются по модѣ, ходятъ по модѣ, говорятъ и думаютъ по модѣ, даже бранятся по модѣ“. „Мы прежде, говоритъ Смѣсь, походили на статуи, а теперь стали выпускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бѣгаютъ, повертываютъ головой и махаютъ руками“ (³). Журналы нападаютъ на чрезвычайную роскошь въ костюмахъ, доходившую до того, что бархаты, кружева и блонды, серебрянныя и золотыя украшенія считались необходимыми принадлежностями туалета; на страшные головные уборы—завиваніе волосъ, пудру и парики; на румяны, бѣлила и мушки. Особенно рѣзкій типъ современнаго петиметра, щеголя и вертопраха нарисовалъ Живописецъ. Онъ же напечаталъ и „Опытъ моднаго словаря щегольскаго нарѣченія“, изъ котораго видно, до какого искаженія доводила мода и самый языкъ русскій, который въ разговорѣ современныхъ петиметровъ являлся безобразною смѣсью иностранныхъ и русскихъ словъ и оборотовъ (⁴). Вотъ напр. образ-

---

(¹) Тамъ же стр. 272.

(²) Живописецъ, изд. Ефремова, стр. 81—82.

(³) Сатирич. журналы Аѳанасьева, стр. 211.

(⁴) Смотр. Живописецъ, изд. Ефремова, стр. 59.

чикъ моднаго нарѣчія: „Мон соеиг, Живописецъ! пишеть щего-
лиха. Ты, радость, безпримѣрный авторъ! По чести говорю,
ужестъ, какъ ты славенъ! Читая твои листы, я безподобно утѣ-
шаюсь, какъ все у тебя славно: слогъ разстеганъ, мысли пры-
гаючи. Твои листы вѣчно меня прельщаютъ; кланусь, что я
всегда фелитирую ихъ безъ всякой дистракціи“ (¹).

Рабское подражаніе иностранцамъ соединялось съ презрѣ-
ніемъ ко всему отечественному. Поэтому журналы, осмѣивая
подражательность, старались возбудить въ рускомъ обществѣ
чувство патріотизма, указывали на необходимость изучать свою
страну и ея свойства и потребности, свою отечественную исторію,
свою народную поэзію и свой языкъ. Журналъ Чулкова „И то
и сіо“ имѣлъ чисто народное направленіе; всѣ номера его напо-
лены народными пословицами и поговорками; въ своихъ статьяхъ
онъ описывалъ народные праздники и обряды, печаталъ народ-
ныя сказки и пѣсни. Издавая „Кошелекъ“, Новиковъ объявилъ,
что онъ посвящаетъ его отечеству, что онъ своею цѣлію при его
изданіи поставляетъ защиту русскихъ отъ мнѣнія тѣхъ людей,
„кои обольщены будучи нѣкоторыми, снаружи блестящими даро-
ваніями иноземцевъ, не только что чужія земли предпочитаютъ
своему отечеству, но еще, къ стыду цѣлой Россіи, и гнушаются
соотечественниками, и думаютъ, что Россіянинъ долженъ заим-
ствовать у иностранныхъ все, даже и до характера, какъ будто
бы природа, устроившая всѣ вещи съ такою премудростію и надѣ-
лившая всѣ области свойственными климатамъ ихъ дарованіями
и обычаями, столько была несправедлива, что одной Россіи, не
давъ свойственнаго народу ея характера, опредѣлила скитаться
по всѣмъ областямъ и занимать клочками разныхъ народовъ
разные обычаи, чтобы изъ сей смѣси составить новый, ника-
кому народу не свойственный характеръ“. Указывая на иска-
женіе русскаго языка иностранными словами и оборотами, Но-
виковъ призывалъ все русское общество заботиться объ испра-
вленіи русскаго языка. „Неоспоримая есть истина, говоритъ онъ,
что доколѣ будутъ презирать свой отечественный языкъ въ обык-
новенномъ разговорѣ, дотолѣ и въ письменахъ не можетъ оный
до совершенства дойти“ (²). Въ покоящемся трудолюбцѣ такъ
же Новиковъ старался внушить, что „нелѣпо посылать за гра-
ницу молодыхъ людей, только что вышедшихъ изъ училища...
Надо прежде узнать свое отечество. Россіянинъ долженъ вник-

(¹) Аѳанасьева сатирич. журн. стр. 204—205.

(²) Тамъ же стр. 202—203.

нута въ древній вкусъ многихъ старинныхъ кремлевскихъ строеній, прежде нежели разсматривать станеть луврскую колоннаду, или прежде долженъ удивляться монументу великаго не только въ Россіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ мужа, нежели будетъ столбенѣть при воззрѣніи на тюльерійскія статуи. Не должно спрашивать у иностранцевъ о ихъ достопамятностяхъ, если не можемъ рассказать имъ о своей землѣ“.

УЧЕНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ.

Ученая дѣятельность въ Екатерининскую эпоху, какъ и прежде, сосредоточивалась въ академіи наукъ, московскомъ университетѣ и російской академіи, которая была открыта въ 1783 г. Въ академіи наукъ мы встрѣчаемъ въ эту эпоху уже гораздо болѣе дѣятелей изъ русскихъ ученыхъ—однихъ въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ академіи по разнымъ наукамъ, каковы были Румовскій по астрономіи, физикѣ и математикѣ, Лепехинъ, Озерецковскій, Никита Соколовъ и Зуевъ по естественной исторіи, Протасовъ по астрономіи, Иноходцевъ и Кононовъ по физикѣ и математикѣ, Севергинъ по минералогіи; другихъ при разныхъ занятіяхъ въ академіи, каковы были Барсовъ и Свѣтовъ, преподававшіе исторію въ академической гимназій. Большая часть этихъ ученыхъ получили образованіе сначала въ академическомъ университетѣ, а потомъ въ иностранныхъ университетахъ; нѣкоторые изъ нихъ учились не въ одномъ, а въ двухъ, даже трехъ университетахъ. Такъ Никита Соколовъ и Зуевъ учились въ лейденскомъ и стразбургскомъ; Озерецковскій и Протасовъ учились въ лейденскомъ, а диссертацию на степень доктора медицины защищали въ стразбургскомъ университетѣ; Зыбѣлинъ учился въ лейденскомъ, кенигсбергскомъ и берлинскомъ университетахъ. Въ московскомъ университетѣ въ эту эпоху также было больше профессоровъ изъ русскихъ, чѣмъ прежде. Кромѣ упомянутыхъ выше Анничкова, Брянцева и Барсова, профессорами въ немъ были его собственные воспитанники Аеоининъ, Зыбелинъ, Веніаминовъ, Десницкій. Третьяковъ, Чеботаревъ, Страховъ. Нѣкоторые изъ нихъ славились какъ знаменитые ученые и преподаватели, какъ напр. Десницкій, получившій образованіе въ Глазговскомъ университетѣ и тамъ же возведенный сначала въ магистры и потомъ въ докторы гражданскихъ и церковныхъ правъ. Онъ перевелъ на русскій языкъ знаменитую въ то время книгу Блэкстона „Истолкованія англійскихъ законовъ“ и въ 1767 г. первый началъ преподавать юридическія науки на русскомъ языкѣ. Стараясь о

распространеніи высшаго образованія чрезъ умноженіе способныхъ слушателей, московскій университетъ въ 1771 г. издалъ „Способъ ученія“ для того, чтобы согласить домашнее ученіе съ ученіемъ гимназическимъ, приготовляющимъ воспитанниковъ къ университету. Но одного московскаго университета, конечно, было мало для распространенія высшаго образованія въ Россіи. Поэтому въ царствованіе Екатерины мы встрѣчаемъ нѣсколько попытокъ къ заведенію университетовъ. Въ коммисіи о составленіи проекта новаго Уложенія, вмѣстѣ съ проектомъ высшихъ и среднихъ школъ, подвергалось обсужденію и устройство университетовъ и приступлено было къ составленію университетскаго устава; но такъ какъ это случилось предъ самымъ закрытіемъ коммисіи, то проектъ не былъ оконченъ.—Въ 1775 г. Дидро, по просьбѣ Екатерины, составилъ для Россіи планъ университета. По этому плану университетъ заключалъ въ себѣ начальную школу, среднее учебное заведеніе, дополнительный въ немъ или переходный къ университету курсъ, и собственно университетъ. Въ планѣ интересенъ не столько самый университетъ, похожій на всѣ европейскіе университеты, сколько постановка средняго, подготовительнаго къ университету заведенія, соотвѣтствующаго гимназій. Согласно съ характеромъ времени, для этого заведенія назначалось направленіе реальное, математическое. Первые пять лѣтъ ученія посвящались исключительно наукамъ математическимъ и естественнымъ; ни одна словесная наука не допускалась въ курсъ этихъ классовъ. Развитіе воспитанниковъ направлялось ко внѣшнимъ формамъ и вещественной сторонѣ предметовъ; воображеніе, вкусъ, чувство изящнаго, воля, однимъ словомъ всѣ нравственныя качества человѣка, составляющія его нравственную природу, какъ бы не признавались, и не получали ни нищѣ, ни удовольствія. Словесныя науки допускались только съ 6-го класса и только въ формѣ логики, критики и общей грамматики; русскій и славянскій языки, не смотря на то, что планъ назначенъ былъ для образованія русскихъ людей, были отложены только на 7-годъ, а греческій и латинскій языки—на 8-й послѣдній годъ ученія. Въ дополнительномъ или второмъ курсѣ предположено было въ первый годъ преподавать главныя основанія метафизики и религіи. Самъ Дидро, впрочемъ, былъ противъ того, чтобы изученіе религіи допускать въ систему образованія; онъ допускаетъ его въ проектѣ только по снисхожденію къ императрицѣ, уступая ея взглядамъ и желаніямъ. „Ваше Величество, писалъ онъ, не раздѣляете взгляда Бейля, который полагаетъ, что гражданское общество атеистовъ можетъ быть устроено такъ же хорошо, какъ общество деистовъ... Вы не думаете, какъ Плутархъ, что религіозный фанатизмъ бо-

лѣе опасенъ по своимъ послѣдствіямъ и болѣе оскорбляетъ божество, чѣмъ безвѣріе. Вы не называете религію, вмѣстѣ съ Гоббесомъ, изувѣрствомъ. Вы полагаете, что страхъ загробныхъ наказаній имѣетъ большое вліяніе на образъ дѣйствій людей... Вы убѣждены, что сумма ежедневныхъ благъ, доставляемыхъ религіею всѣмъ слоямъ общества, превышаетъ сумму зла, производимаго въ народѣ религіозными сектами. . . Итакъ остается только сообразоваться съ Вашимъ взглядомъ, при обученіи Вашихъ подданныхъ, и допустить, чтобы имъ объясняли два естества въ Иисусѣ Христѣ, существованіе Божіе, безсмертіе души и будущую жизнь, но только какъ введеніе въ науку о нравственности⁽¹⁾. При преподаваніи исторіи во второмъ классѣ, или во второй годъ подготовительнаго курса, Дидро совѣтуетъ начинать съ ближайшаго къ намъ времени, потому что переходить постепенно „къ вѣкамъ побасенокъ и мифологіи“⁽²⁾. Екатерина, разумѣется, не могла согласиться на такой односторонній и странный проэктъ. Въ 80 хъ годахъ, какъ мы уже указали выше, предполагено было открыть три университета: въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ; однимъ изъ членовъ комиссіи народныхъ училищъ, О. П. Козодавлевымъ, составленъ былъ даже проэктъ университета и устава въ 1787 г. ⁽³⁾. Проэктъ не былъ утвержденъ и университеты не были открыты; но нельзя оставить безъ вниманія тѣхъ началъ и цѣлей, которыя были положены въ основу университетскаго устава, и которыя имѣютъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ идея Дидро. Университеты положено было устроить по образцу иностранныхъ университетовъ, но заимствовать изъ нихъ только то, что примѣнимо къ потребностямъ Россіи, согласно съ условіями ея государственной и общественной жизни. „Полезъа россійскаго государства, сказано было въ проэктѣ, несомнѣнно требуетъ, чтобы науки въ россійскихъ университетахъ преподавались на языкѣ народномъ. Языкъ народный есть первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія; гдѣ науки преподаются на языкѣ иностранномъ, тамъ народъ находится подъ игомъ языка чужаго и рабство сіе съ невѣжествомъ нераздѣльно. Число ученыхъ въ государствѣ людей какъ бы велико ни было, но если они науки преподавать будутъ не тѣмъ языкомъ, которымъ говоритъ народъ, то про-

(1) Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г. графа Д. А. Толстаго Спб. 1883 г. Особый оттискъ изъ XLVII тома Записокъ импер. академіи наукъ, стр. 73—74; 76—84.

(2) Проэктъ этотъ напечатанъ въ исторіи россійской академіи Сухомлинова, том. VI, гдѣ помѣщена обширная біографія Козодавлева.

свѣщеніе пребудетъ только между весьма малою частью гражданъ, а народъ останется въ невѣжествѣ“. Какъ академическій университетъ, при академіи наукъ, по мысли Петра В. долженъ былъ служить разсадникомъ русскихъ ученыхъ, и вызовъ иностранцевъ былъ только временною мѣрою, и притомъ иностранные ученые обязывались приготовить русскихъ студентовъ и учителей, такъ и въ новомъ проектѣ университетскаго устава допускались въ университеты на первыхъ порахъ иноземные профессора, но съ неизбѣжнымъ условіемъ готовить русскихъ ученыхъ. И впоследствии могли быть профессорами иноземцы; но лекціи свои они должны были читать на русскомъ языкѣ. Главною цѣлью университетовъ полагалось образованіе человѣка и гражданина. Доступъ въ университеты долженъ быть открытъ для всѣхъ сословій. Такъ называемые „несвободные люди“ становятся свободными предъ лицомъ науки. Науки называются свободными не потому, что предназначаются только для свободныхъ людей, а потому, что свѣтъ знанія долженъ свободно изливаться на всѣхъ желающихъ и каждому должна быть предоставлена полная свобода пользоваться его благотворными лучами... (¹).

Основаніе російской академіи. Но самымъ важнымъ событіемъ въ исторіи русскаго образованія и русской науки во второй половинѣ XVIII в. было, конечно, основаніе російской академіи. „Россійская академія Екатерининскаго періода, говоритъ ея историкъ М. И. Сухомлиновъ, призвала къ участию въ трудахъ своихъ лучшія научныя силы тогдашней Россіи; мы смотримъ на исторію російской академіи, какъ на обширную главу изъ исторіи русской литературы и просвѣщенія въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.... Вчитываясь и вдумываясь въ то, что высказано русскими учеными XVIII в., все болѣе и болѣе убѣждаешься, что ихъ дѣятельность не прошла безслѣдно“ (²). Учреж-

(¹) Истор. рос. академіи VI, 44—57.

(²) Исторія російской академіи. Вып. I, 9—10.—Исторія російской академіи М. И. Сухомлинова. Спб. Вып. I, 1874 г; Вып. II 1875; Вып. III. 1876; Вып. IV, 1878; Вып. V, 1880; Вып. VI, 1882; Вып. VII 1883; Вып. VIII 1887; во множествѣ изслѣдованій, очерковъ, біографій, характеристикъ эпохъ, лицъ и событій, во множествѣ обширныхъ выписокъ изъ рѣдкихъ старыхъ книгъ и цѣлыхъ документовъ, взятыхъ прямо изъ малодоступныхъ еще архивовъ, представляетъ богатѣйшій матеріалъ и источникъ вообще для исторіи образованія науки и литературы XVIII и начала XIX столѣтій. Помѣщенный здѣсь краткій обзоръ ученой литературы составленъ, главнымъ образомъ, на основаніи этого источника.

деніе російской академіи тѣсно связано съ дѣятельностію ея основательницы, княгини Дашковой, которая въ то же время была директоромъ академіи наукъ.

Княгиня Е. Р. Дашкова. Послѣ императрицы Екатерины, княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743—1810) была самой образованной и замѣчательной женщиной въ Россіи во второй половинѣ XVIII в. ⁽¹⁾. Въ Дашковой также, какъ въ императрицѣ Екатеринѣ, современники находили не женскую силу воли и характера, прославляли ея умъ и обширное образованіе, любовь къ наукамъ и литературѣ, поэты и ученые посвящали ей свои сочиненія, писали въ честь ея стихи. Княжпня, посвящая ей свою трагедію „Рославъ“, въ своемъ посвященіи написалъ:

«Та, которая бесѣдуетъ съ Ньютономъ,
Возвышена достоинствомъ своимъ
Быть средствомъ межъ наукъ и трономъ
И быть краскою имъ,
Умѣетъ и сама прельщать насъ лирнымъ тономъ».

Нынѣшняя критика, разбирая дѣятельность Дашковой, на основаніи новыхъ данныхъ, находитъ въ ней много тщеславія, суетности и другихъ недостатковъ ⁽²⁾; но и при этихъ недостаткахъ, она также не можетъ не признать ее, среди множества замѣчательныхъ лицъ въ Екатерининскую эпоху, выдающейся личностію. Дашкова первая изъ русскихъ женщинъ является въ ряду общественныхъ дѣятелей, и ея дѣятельность была весьма благотворна для русскаго образованія, науки и литературы.

Съ малыхъ лѣтъ въ Дашковой начали обнаруживаться двѣ главныя ея страсти—къ политикѣ и литературѣ. Дочь генералъ-аншефа, графа Р. И. Воронцова, она воспитывалась въ домѣ дяди своего, государственнаго канцлера М. И. Воронцова. Здѣсь она имѣла возможность постоянно видѣть разныхъ государствен-

⁽¹⁾ Екатерина Романовна Дашкова, Д. П. Шоловскаго. Отеч. Зап. 1839. том. CXXVI—CXXVII. Литературные труды Е. Р. Дашковой. Афанасьева. Отеч. Зап. 1860; том. CXXIX! Директоръ Академіи наукъ, Е. Р. Дашкова. Чтен. общ. истор. и древн. 1867, 1. Исторія росс. академіи М. П. Сухомлинова. Вып. I, 20—38.

⁽²⁾ Смотр. Архивъ князя Воронцова. Книга XXI. Бумаги княгини Е. Р. Дашковой, урожденной графини Воронцовой. 1881. — Письма княгини Е. Р. Дашковой къ князю Г. А. Потемкину. Древняя и новая Россія 1879, № 7.

ныхъ людей, иностранныхъ пословъ, слышать разговоры о политикѣ и приобрести къ ней вкусъ. При связяхъ дяди съ дворомъ и придворными лицами, она познакомилась и подружилась съ импер. Екатериной еще въ то время, когда она была великой княгиней, и потомъ содѣйствовала ей при вступленіи на престолъ. Бывшій въ то время англійскій посолъ лордъ Макартней такъ характеризуетъ Дашкову: Будучи 22 лѣтъ отъ роду, она уже участвовала въ поддюжинѣ заговоровъ. Эта женщина обладаетъ рѣдкой силой ума, смѣлостью, превосходящею храбрость любого мушкетера, и энергіей, способной предпринимать задачи самыя невозможныя для удовлетворенія преобладающей страсти“. Занявъ послѣ переворота видное мѣсто при дворѣ, Дашкова, однакоже, при своемъ горячемъ и независимомъ характерѣ, не могла долго здѣсь оставаться, а должна была удалиться. Удалившись отъ двора, она предалась другой своей страсти — литературѣ. Чтеніе литературныхъ сочиненій было съ малыхъ лѣтъ постояннымъ ея занятіемъ; любимыми писателями ея были Байль, Вольтеръ, Монтескье. Удалившись отъ двора, она ѣздила нѣсколько разъ за границу и проводила тамъ цѣлыя годы въ кругу ученыхъ и писателей разныхъ странъ, нѣсколько разъ была у Дидро во Франціи, у Вольтера въ Швейцаріи. Особенно долго она жила въ Англіи и Шотландіи, когда сынъ ея учился въ Единбургскомъ университетѣ; здѣсь она познакомилась съ Робертсономъ и Адамомъ Смитомъ. Но, воспитавшись на сочиненіяхъ французскихъ и другихъ современныхъ европейскихъ писателей и увлекаясь ими въ молодости, она впослѣдствіи, подобно Екатеринѣ, разочаровалась въ нихъ, и въ своей литературной дѣятельности стала на сторонѣ тѣхъ русскихъ писателей, которые, подобно Новикову, Щербатову, Болтину и др., стремились къ распространенію воспитанія и образованія въ Россіи на національныхъ началахъ, и вообще громко заявляла сочувствіе къ древне-русской жизни и исторіи. „Недовольство настоящимъ, говоритъ Сухомлиновъ, естественно, ведетъ къ сочувствію къ прошедшему, вытѣсненному настоящимъ... И у Дашковой сочувствіе къ доброму старому времени находилось въ живой связи съ сознаниемъ недостатковъ настоящаго и съ разумнымъ стремленіемъ къ лучшему... Не представляя прошлаго исключительно въ розовомъ свѣтѣ, Дашкова отдаетъ преимущество старинному быту въ томъ отношеніи, что главнымъ врагомъ добра и истины было тогда одно невѣжество, а теперь—нравственная испорченность: „а неуча, говорила она, научить можно скорѣе, нежели развратнаго исправить“. Степень умственного и нравственнаго развитія общества особенно ясно опредѣляется господствующими понятіями о воспитаніи. Въ этомъ отношеніи, въ исторіи нашего

общественнаго развитія, Дашкова указываетъ четыре періода... „Прадѣды наши, замѣчаетъ она, называли воспитаніемъ то, когда научать дѣтей своихъ псалтыри и считать по счетамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они научали ихъ повиноваться закону и свято хранить давнее слово или обѣщаніе. Нельзя, однакоже, назвать этого воспитаніемъ, потому что они не имѣли понятія о естественномъ правѣ и въ невѣдѣніи своемъ могли быть суровыми отцами и мужьями и жестокими въ отношеніи рабовъ. Дѣды наши понимали воспитаніе нѣсколько иначе. Жалкое состояніе правосудія заставило ихъ учить дѣтей своихъ Уложенію, за которымъ слѣдовало чтеніе воинскаго артикула и сказки о Бовѣ королевичѣ; нѣмцы не брезгали и арифметикой. Само собою разумѣется, что все это не заслуживаетъ названія воспитанія; но хорошая, хотя и отрицательная, сторона тогдашнихъ нравовъ заключалась въ томъ, что русскіе еще не стыдились быть русскими. Отцы наши старались насъ воспитывать именно такимъ образомъ, чтобы мы перестали быть русскими. Орудіемъ къ этому служили французы и француженки, учителя, бывшіе лакеями, и мадамы сомнительной нравственности... Такое воспитаніе не только бесполезно, но положительно вредно, подрывая любовь къ отечеству и нравственныя основы семейной и общественной жизни. Воспитаніе, которое мы даемъ своимъ дѣтямъ, еще болѣе удаляется отъ истиннаго смысла слова „воспитаніе“. Къ учителямъ-французамъ прибавилось еще новое зло—путешествіе за границей безъ всякой разумной цѣли. Предавался праздности, роскоши и разнымъ порокамъ въ Парижѣ или Страсбургѣ, путешественники возвращаются на родину съ истощеннымъ тѣломъ и кошелькомъ... Воспитаніе раньше начинается и позднѣе оканчивается, нежели обыкновенно думаютъ. Оно состоитъ не въ однихъ внѣшнихъ талантахъ, не въ одномъ знаніи иностранныхъ языковъ, даже не въ одномъ научномъ образованіи. Истинное совершенное воспитаніе заключаетъ въ себѣ три, соединенныя въ одно цѣлое, начала: воспитаніе физическое, нравственное и наконецъ школьное, или классическое“. ⁽¹⁾ Проникнутая чувствомъ недовольства современнымъ воспитаніемъ и современною распущенностію нравовъ, Дашкова въ своихъ воззрѣніяхъ вдавалась и въ крайности, доводившія ее до несправедливыхъ сужденій и вообще о новомъ періодѣ русской исторіи и до рѣзкихъ отзывовъ о самомъ Петрѣ В. и его реформахъ. Разумѣемъ извѣстный ей разговоръ съ кня-

---

⁽¹⁾ Ист. Росс. Академіи I, 24—26.

земь Кауницемъ, въ которомъ она упрекаетъ Петра В. за тѣ мѣры, какія онъ употребилъ при введеніи реформъ въ Россіи. Въ важнѣйшемъ современномъ вопросѣ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ Дашкова стояла на сторонѣ тѣхъ писателей, которые, хотя сочувствовали освобожденію, но находили его преждевременнымъ, утверждая, что крестьянъ нужно прежде приготовить къ свободѣ образованіемъ. „Просвѣщеніе, говорила она въ бесѣдахъ съ Дидро по этому случаю, производитъ свободу; напротивъ свобода безъ просвѣщенія можетъ породить только анархію и замѣшательство. Когда высшій классъ монаховъ согражданъ будетъ просвѣщенъ, онъ будетъ достоинъ свободы, ибо сумѣетъ пользоваться ею безъ ущерба для своихъ собратій, безъ разрушенія порядка и повиновенія, необходимыхъ при всякомъ управленіи“.

Литературная дѣятельность Дашковой выразилась въ разныхъ, переводныхъ и оригинальныхъ, сочиненіяхъ, которыя она помѣщала въ разныхъ современныхъ журналахъ. Первымъ ея литературнымъ опытомъ былъ переводъ сочиненія Вольтера: „Опытъ объ эпической поэзіи“. Затѣмъ она писала въ стихахъ и прозѣ разные статьи и разсужденія, комедіи и мелкія стихотворенія. Изъ комедій ея замѣчательна комедія „Тоисіоковъ“, написанная по желанію Екатерины для эрмитажнаго театра. Названіе комедіи получила отъ фамиліи главнаго дѣйствующаго въ ней лица, Тоисіокова. Тоисіоковъ — такой безхарактерный человѣкъ, который „и то и сѣ“ желаетъ, „и то и сѣ“ приказываетъ. У него нѣтъ ни своего образа мыслей, ни воли, ни характера; это не человѣкъ, а куда-то негодная тряпка. Въ противоположность Тоисіокову въ комедіи выведена „Рѣшимова“, самая фамилія которой указываетъ на совершенно противоположныя въ ней свойства. Рѣшимову всего болѣе возмущаетъ въ человѣкѣ отсутствіе характера. „Но моему, говоритъ она, какойнибудь да правъ лучше, нежели не имѣть никакого; какъ бы крутъ ни былъ, захочешь, такъ подладишь, а вертушка жестяная да деревянная хороша, а не съ руками и ногами“. Изстари Рѣшимова слыла женщиной съ характеромъ: баба съ головой, говорили про нее всѣ знавшіе ее; и сама она сознавала, что имѣетъ волю и умѣетъ ею пользоваться“. Думаютъ, что черты Тоисіокова сняты съ Нарышкина, отличавшагося безхарактерностію, а въ Рѣшимовой отразились черты собственной личности автора, черты ума и характера самой Дашковой.

Въ 1783 г. Екатерина назначила Дашкову директоромъ Академіи наукъ. Въ этой должности она находилась 11 лѣтъ и принесла Академіи большую пользу. Она оживила Академію, направивъ дѣятельность ея членовъ непосредственно на пользу

Россіи и русскаго просвѣщенія. При отсутствіи высшихъ учебныхъ заведеній, Дашкова находила весьма полезнымъ открытъ при Академіи высшіе публичныя курсы на русскомъ языкѣ, и пригласила русскихъ академиковъ и адъюнктовъ избрать предметы для публичныхъ лекцій; въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ такія лекціи и читались по нѣсколькимъ предметамъ—физикѣ, математикѣ и естественнымъ наукамъ. Для изученія Россіи Дашкова заботилась о снаряженіи въ разные края ученыхъ экспедицій. Изъ академическихъ учреждений она особенное вниманіе обращала на академическую гимназію, въ которой, по мысли Петра В., должны были готовиться воспитанники для академическаго университета и будущіе русскіе члены Академіи и вообще ученые изъ русскихъ. Изъ воспитанниковъ этой гимназіи и университета Дашкова избрала нѣсколько даровитыхъ людей и отправила въ геттингенскій университетъ для окончательнаго образованія. Съ цѣлью доставить русскому обществу возможность читать на родномъ языкѣ произведенія иностранныхъ литературъ, она учредила при Академіи, какъ уже указано выше, такъ называемый „Переводческій Департаментъ“. Наконецъ, кромѣ прежде существовавшихъ повременныхъ изданій, она открыла при Академіи новый русскій литературный журналъ „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“. Этотъ журналъ издавался Козодавлевымъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ самой Дашковой; въ немъ помѣщали свои сочиненія сама Екатерина, Фонъ-Визинъ, Державинъ и всѣ лучшіе писатели того времени. Для того, чтобы соединить въ одинъ сборникъ всѣ, какъ печатныя такъ и рукописныя, театральныя сочиненія, она предложила Академіи издавать „Россійскій Театръ или полное собраніе всѣхъ театральныхъ россійскихъ сочиненій“. Собесѣдникъ, въ которомъ помѣщались литературныя сочиненія, подаль Дашковой поводъ предложить импер. Екатеринѣ учредить, для усовершенствованія русскаго языка и словесности, отдѣльную „Россійскую Академію“, которая и была открыта въ 1783 г. Цѣлью академіи, какъ сказано въ ея уставѣ, было назначено—очищеніе и обогащеніе русскаго языка, установленіе употребленія словъ, свойственное русскому языку, витійство и стихотворство. Для достиженія этой цѣли положено было составить русскую грамматику, русскій словарь, реторику и правила стихотворства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, академики должны были, какъ Дашкова заявила въ рѣчи своей при открытіи академіи, заняться изученіемъ памятниковъ отечественной исторіи и увѣковѣчить въ произведеніяхъ слова знаменитыя ея событія какъ минувшаго, такъ и настоящаго времени. Президентомъ Россійской академіи была назначена сама Дашкова. Въ члены академіи были избра-

ны все лучшіе русскіе писатели того времени, извѣстнѣйшіе ученые и преимущественно члены петербургской академіи наукъ, представители высшаго образованнаго общества, такъ или иначе заявившіе свое сочувствіе къ наукѣ и литературѣ, и наконецъ нѣкоторые лица изъ высшаго образованнаго духовенства. Кромѣ настоящихъ членовъ, Дашкова положила выбрать еще 8 „приобщниковъ академіи“ изъ даровитыхъ молодыхъ людей, уже оказавшихъ успѣхи въ отечественномъ языкѣ. Эти приобщники, не имѣя правъ настоящихъ членовъ, участвовали въ собраніяхъ и трудахъ академіи: изъ нихъ должны были потомъ избираться новыя члены, на мѣсто убывавшихъ членовъ.—Въ 1795 г. Дашкова навлекла на себя неудовольствіе Екатерины тѣмъ, что при академіи была напечатана трагедія Княжнина „Вадимъ“, и должна была оставить должность при академіи. По смерти Екатерины, при импер. Павлѣ она принуждена была удалиться въ свою деревню. Живя въ деревнѣ, въ уединеніи, а потомъ въ Москвѣ, она написала „Записки о своей жизни“, для своей компаньонки, англичанки миссъ Вильмотъ, съ которою она подружилась, во время своего пребыванія въ Эдинбургѣ ⁽¹⁾.

Ученая дѣятельность членовъ Академіи Наукъ и Россійской Академіи. Для распространенія образованія и наукъ въ Россіи русскіе академики и другіе ученые переводили съ иностранныхъ языковъ разныя ученые книги, составляли учебники и руководства на русскомъ языкѣ, читали публичныя лекціи, помѣщали научныя и общедоступныя статьи въ повременныхъ изданіяхъ. „Членамъ Академіи наукъ и Россійской академіи. говорить Сухомлиновъ, принадлежитъ честь созданія и усовершенствованія русской научной терминологіи. Благодаря ихъ усиліямъ, наука впервые заговорила у насъ на родномъ языкѣ—событіе въ высшей степени важное не только въ исторіи русскаго литературнаго языка, но и въ исторіи русской образованности вообще. Въ литературѣ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ считается эпохою введеніе роднаго языка въ область науки, и высоко цѣнятся заслуги лицъ, которыя, подобно Вольфу въ Германіи, начали писать о научныхъ предметахъ на отечественномъ языкѣ“ ⁽²⁾.—Что касается вообще характера, содержанія и направленія ученыхъ

⁽¹⁾ Эти записки на англійскомъ языкѣ въ первый разъ были напечатаны въ 1840, на русскомъ языкѣ въ первый разъ были напечатаны въ Лондонѣ въ 1859 г. Новый переводъ записокъ Дашковой въ Русской Старинѣ 1874 г. Миссъ Вильмотъ и княгиня Дашкова. Подлинныя записки княгини Дашковой. М. Шугурова. Русск. Архивъ 1880; кн. 3.

⁽²⁾ Истор. Росс. Академ. Вып. IV, 4—5.

сочинений, то мы уже выше замѣтили, что русскимъ ученымъ XVIII в., начиная съ Ломоносова, нужно было останавливаться на самыхъ общихъ и чисто элементарныхъ вопросахъ о значеніи науки и ея практическомъ примѣненіи къ жизни. Важное значеніе той или другой науки, напр. изъ области естествознанія, доказывалось во 1-хъ тѣмъ, что изученіе этой науки приносить несомнѣнную пользу въ матеріальномъ отношеніи; во 2-хъ тѣмъ, что она возвышаетъ духъ, приводя къ единству стремленія разума и религіи, посредствомъ познанія Творца въ его твореніяхъ.—Отдѣльныхъ ученыхъ книгъ и большихъ сочиненій въ XVIII в. мы встрѣчаемъ не много. Ученая дѣятельность членовъ академій, профессоровъ университета и другихъ учреждений, выражалась, какъ уже прежде замѣчено, преимущественно въ рѣчахъ, которыя они произносили въ торжественныхъ собраніяхъ по разнымъ случаямъ. „Рѣчи эти, говоритъ Сухомлиновъ, представляли несомнѣнный интересъ для современнаго общества, отличаясь дѣлностью содержанія и затрогивая многіе живые вопросы, такъ что академическіе ораторы нерѣдко являлись не только истолкователями научныхъ истинъ, но и публицистами“. Такими рѣчами, между прочимъ, славились юристъ Десвицкій и докторъ медицины Зыбелинъ.

Ученыя рѣчи, ученые статьи и разныя изслѣдованія рѣдко выходили отдѣльными изданіями, а большею частію печатались въ разныхъ ученыхъ журналахъ, которые издавались при ученыхъ учрежденіяхъ и были органами этихъ учреждений. При Академіи наукъ во 2-й половинѣ XVIII в. издавались: *Nova Acta Academiae scientiarum petropolitanae*; Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія объ ученыхъ дѣлахъ въ 1763—1764 г.; Собраніе разныхъ сочиненій и новостей въ 1775—1776 г., ежемѣсячное изданіе, содержащее въ себѣ новыя на русскій языкъ сочиненія и переводы, новыя успѣхи въ наукахъ и художествахъ; Академическія Извѣстія, содержащія въ себѣ исторію наукъ и новѣйшія открытія оныхъ въ 1779—1781 г. — продолженіе предыдущаго изданія; завѣдывали имъ члены академіи Румовскій, Крафтъ, Озерецковскій; Новыя ежемѣсячныя сочиненія въ 1786—1796 г. При Московскомъ университетѣ въ 1774—1783 г. издавался журналъ „Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія, учрежденнаго въ 1771 г. для исправленія и обогащенія русскійскаго языка; изданіемъ журнала руководилъ кураторъ университета, Мелиссино. Изъ другихъ указанныхъ выше литературныхъ журналовъ ученые изслѣдованія и статьи помѣщались: въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ Брайко, издав. въ 1778—1781 г.; въ Чтеніи для вкуса, разума и чувствованія, Сохацкаго въ 1791—1793; въ Приятномъ и полез-

номъ препровожденіи времени Сохацкаго и Подшивалова въ 1794—1798; въ Петербургскомъ журналѣ Пнина и А. Бестужева.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о характерѣ ученой литературы во 2-й половинѣ XVIII в., укажемъ на нѣкоторые, болѣе выдающіяся, явленія въ области русской исторіи, языковеденія и словесности.

Ученыя путешествія и описанія Россіи. Важнѣйшими трудами ученыхъ членовъ Академіи наукъ были ученныя экспедиціи, или путешествія по Россіи, начавшіяся еще въ прежнее царствованіе. Путешествія эти предпринимались преимущественно для изслѣдованія и описанія Россіи по предметамъ, входящимъ въ кругъ наукъ естественныхъ, но этимъ не ограничивались задачи путешественниковъ. Они обязаны были производить подробныя и обстоятельныя изслѣдованія обозрѣваемыхъ странъ и мѣстностей во всѣхъ отношеніяхъ, и особенно собирать все, касающееся правовъ, обычаевъ, древностей, языковъ, преданій, все, что знакомить съ внѣшнимъ бытомъ и внутреннимъ характеромъ и воззрѣніями народа. Въ Екатерининскую эпоху были снаряжены четыре ученыхъ экспедиціи: двѣ астраханскія и двѣ оренбургскія. Астраханскія экспедиціи происходили подъ начальствомъ академиковъ, Самуила Гмелина и Гильденштедта; оренбургскія — подъ начальствомъ Палласа и состояли изъ Лепехина, Фалька, Георги, Зуева, Рычкова и Озерецковскаго; астраханскія экспедиціи были назначены для обозрѣнія южной части Россіи, кавказскихъ и грузинскихъ странъ до персидскихъ областей; оренбургскія — для изслѣдованія сѣверной, восточной и западной частей Россіи. Составленные членами этихъ экспедицій записки наполнены самыми разнообразными и интересными свѣдѣніями и до сихъ поръ еще служатъ необходимыми пособіями для ученыхъ изслѣдователей о разныхъ мѣстностяхъ ⁽¹⁾.

Историческія сочиненія. Особенное вниманіе въ эпоху Екатерины было обращено на разработку русской исторіи. Во главѣ дѣятелей въ этой области стояла сама Екатерина, кото-

---

⁽¹⁾ Записки Лепехина были изданы Озерецковскимъ въ 4-хъ частяхъ въ 1771—1785 г.; записки Палласа напечатаны въ 1773—1788 г.; записки Георги, Гмелина и Гильденштедта послѣ ихъ смерти были изданы также Палласомъ.

рая и сама занималась русской исторіей и побуждала къ этому другихъ. Въ 1767 г. она поручила Миллеру завѣдываніе и описаніе архива иностранной коллегіи, и приказала выдать ему 6000 руб. на покупку дома въ Москвѣ; ему же даны были средства на печатаніе лѣтописей, сочиненій Татищева и другихъ историческихъ сочиненій. Екатерина вообще поощряла описаніе и изданіе историческихъ памятниковъ. Подъ ея покровительствомъ явились Россійская Вивліотека Новикова, изданіе памятниковъ древней письменности графа Мусина Пущкина, историческія сочиненія Елагина, Эмина, Голикова, Щербатова и Болтина. Характеризуя историческія сочиненія первой половины XVIII вѣка, мы указали, что господствующими элементами въ этихъ сочиненіяхъ были дидактическій и ораторскій, выражавшіеся во множествѣ украшенныхъ описаній и витиеватыхъ рѣчей отъ имени разныхъ историческихъ лицъ. На исторію тогда смотрѣли, какъ на собраніе поучительныхъ примѣровъ, для прославленія предковъ и назиданія потомковъ. Во второй половинѣ XVIII в. это направленіе должно было еще усилиться вслѣдствіе патріотическихъ стремленій, вызванныхъ съ одной стороны вредными крайностями неразумнаго подражанія всему иностранному, а съ другой—нападами иностранныхъ писателей на русскую жизнь и русскую исторію. Для защиты отъ нареканій иностранцевъ и для укрѣпленія патріотическихъ стремленій нужно было изучить русскую исторію и указать на хорошія стороны древней русской жизни и народнаго характера. Къ прежнимъ элементамъ въ исторіи присоединился еще элементъ полемическій. Въ Екатерининскую эпоху въ такомъ направленіи писали исторію сама Екатерина, Елагинъ, Эминъ, Щербатовъ и Болтинъ.

Историческія сочиненія импер. Екатерины. Елагина и Эмина. Въ 1761 г. членъ парижской академіи аббатъ Шаппъ былъ въ Сибири, для наблюденія прохожденія вѣнеры предъ солнцемъ. Возвратившись во Францію, онъ издалъ записки о своемъ путешествіи, въ которыхъ самымъ повѣрнымъ и пристрастнымъ образомъ описалъ нравы, обычаи и образъ правленія въ Россіи. Екатерина написала опроверженіе на эти записки, подъ заглавіемъ: *Antidote, ou examen du mauvais livre, superbement imprime intitulé: Voyage en Syberie*. Опровергая разные клеветы Шаппа, она защищаетъ Россію и доказываетъ, что Россія не хуже другихъ странъ. Таже самая мысль проводится и въ ея „Запискахъ касательно Россійской исторіи“. Эти записки составлены Екатериной изъ свода разныхъ русскихъ лѣтописей

и доведены до 1276 г. ⁽¹⁾. Сводъ этотъ былъ сдѣланъ для Екатерины разными лицами и между прочимъ профессорами московскаго университета, Барсовымъ и Чеботаревымъ. Въ Антидотѣ Екатерина защищаетъ современное состояніе Россіи; въ Запискахъ она защищаетъ ея прошедшую исторію. Она также и здѣсь старается показать, что русская исторія не хуже исторіи другихъ народовъ. „Если сравнить, говоритъ она, какую-нибудь эпоху русской исторіи съ одновременными событіями въ Европѣ, то безпристрастный писатель усмотритъ, что родъ человѣческій вездѣ одинаковыя имѣетъ страсти, желанія, намѣренія и къ достиженію употреблялъ не рѣдко одинаковыя способы“. Для большаго удобства къ такимъ сравненіямъ, въ концѣ исторіи каждаго князя, приложена таблица современныхъ ему государей европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ и африканскихъ. Весьма искусно Екатерина обходитъ многія несправедливыя дѣянія князей, или старается придать имъ видъ законности, нѣкоторыя темныя явленія древней русской жизни представляетъ въ болѣе свѣтломъ видѣ. Когда Стриттеръ сдѣлалъ на Записки Екатерины нѣкоторыя замѣчанія, то она написала на нихъ свои замѣчанія: „я нашла говорить она, во многомъ здравую критику „Записокъ касательно Россійской исторіи“; но что написано, то написано; по крайней мѣрѣ ни нація, ни государство въ нихъ не унижены“. Эти слова показываютъ, какое значеніе Екатерина придавала своей исторіи. Въ такомъ же направленіи написаны историческія сочиненія Елагина, Эмина и Голицова. И. П. Елагинъ (1721—1796) написалъ „Опытъ повѣствованія о Россіи“ (въ 1789). Въ немъ онъ сначала имѣлъ намѣреніе только докончить исторію Татищева и потому началъ писать съ 1462 г. съ кончины князя Василія Васильевича III, на которой Татищевъ остановился; но, написавъ три царствованія, онъ нашелъ лучше вновь написать всю исторію до половины царствованія Елисаветы, но успѣлъ написать только до 1389 г. до кончины Донскаго ⁽²⁾. — О. А. Эминъ написалъ исторію россійскую, содержащую только первый періодъ, простирающійся до Всеволода III или до 1213 г. (Спб. 1767—1769). И. И. Голицовъ (1735—1801), самоучка изъ кур-

⁽¹⁾ Записки сначала печатались въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова», а потомъ были издавы отдѣльно въ 6-ти частяхъ Спб. 1787—1795.

⁽²⁾ Изъ этого сочиненія напечатана только первая часть въ 3-хъ книгахъ, заключающая русскую исторію до кончины князя Владимира I.

скихъ купцовъ, написать „Дѣянія Петра В. мудраго преобразителя Россіи“ X томовъ или частей и потомъ XVIII частей дополненій къ нимъ. Это не историческое, а ораторское и панегирическое сочиненіе, въ которомъ собрано много посторонняго и не нужнаго для исторіи Петра В. Кромѣ того, Голиковъ издалъ еще „Анекдоты о Петрѣ В. и Жизнь Лефорта и Гордона“. Но Елагинъ, Эминъ и Голиковъ были дилетантами въ исторіи, а не настоящими историками; настоящими историками при Екатеринѣ были Щербатовъ и Болтинъ.

Историческія сочиненія Щербатова. Князь Михайлъ Михайловичъ Щербатовъ (1733 — 1790) съ молодыхъ лѣтъ имѣлъ наклонность къ исторіи и занимался собираніемъ историческихъ матеріаловъ. Когда узнала объ этихъ его занятіяхъ Екатерина, то поручила ему въ 1768 г. разобрать кабинетный архивъ Петра В. и приказала открыть ему доступъ во все государственныя архивы и бібліотеки для сочиненія російской исторіи. Первый томъ этой исторіи Щербатовъ напечаталъ въ 1770 г. ⁽¹⁾; потомъ онъ издалъ еще пять томовъ, въ которыхъ исторія была доведена до царя Михаила Ѳеодоровича. Щербатовъ былъ умный и добросовѣстный писатель; онъ обладалъ огромною эрудиціей вообще и въ частности былъ знакомъ съ историческою литературою другихъ народовъ. Прежніе русскіе историки заботились главнымъ образомъ о томъ, чтобы, какъ можно, краснорѣчивѣе и назидательнѣе передать историческія событія; Щербатовъ старается открыть причины событій, сравниваетъ событія русской исторіи съ исторіей другихъ народовъ, и, замѣчая ея особенности, стремится объяснить ихъ, хотя и не всегда успѣваетъ въ этомъ. Такъ онъ обращаетъ вниманіе на то, почему въ русскихъ лѣтописяхъ мало сохранилось мифологическихъ сказаній; почему кіевляне такъ скоро приняли христіанство; почему Іоаннъ Грозный явился съ такимъ жестокимъ характеромъ; почему основывалась высокая роль древняго русскаго духовенства при такъ называемомъ печалованіи? Самою главною обязанностію историка Щербатовъ считалъ — слѣдить въ исторіи за связью причинъ и дѣйствій. Поэтому въ предисловіи къ своей исторіи онъ приводитъ слѣдующія слова англійскаго историка Юма: „Обыкновеннѣйшая связь въ повѣствованіяхъ есть та, которая происходитъ

⁽¹⁾ Исторія російская отъ древнѣйшихъ временъ сочинена княземъ Михайломъ Щербатовымъ. Томъ I отъ начала до кончины великаго князя Ярослава Владиміровича. Спб. 1770.

отъ причинъ и дѣйствій. Съ сою помощію намъ историкъ изображаетъ послѣдствіе дѣяній въ ихъ естественномъ порядкѣ, восходитъ до тайныхъ пружинъ и до причинъ сокровенныхъ и выводитъ наотдаленнѣйшія слѣдствія. Взявъ себѣ въ притчину часть сей великой цѣпи, которая сочиняетъ исторію рода человѣческаго, главное его попеченіе должно состоять — коснуться до каждаго звена оныя. Но часто непреодолимое невѣдѣніе сопротивляется всѣмъ его усиліямъ; также часто догадки наполняютъ пустоту его свѣденій; но онъ чувствуетъ, что его трудъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ полнѣйшую цѣпь читателю представляетъ. Наука притчинъ есть приключаящая наиболѣе удовольствія разуму: она основана на твердѣйшихъ и на тѣснѣйшихъ изъ всѣхъ сношеній: она же обильнѣйшая есть въ полезныхъ наставленіяхъ, поуже она единая чинитъ насъ властелинами приключеній и даетъ намъ нѣкоторую власть надъ будущими временами“⁽¹⁾. При всѣхъ указанныхъ стараніяхъ Щербатова, исторія его, однакоже, не имѣла атакъ большою извѣстностію у современниковъ. Она написана была тяжелымъ слогомъ и неправильнымъ языкомъ и съ этой стороны весьма много проигрывала предъ гладкимъ и краснорѣчивымъ „Опытомъ повѣствованія“ Елагина. Съ другой стороны, Щербатовъ встрѣтилъ сильнаго соперника себѣ и безпощаднаго критика въ лицѣ Болтина, который написалъ на его исторію два огромныхъ тома „Примѣчаній“, гдѣ выставилъ всѣ ошибки Щербатова, обвинилъ его въ незнаніи историческихъ пріемовъ, въ неумѣнн разбираться въ фактахъ, распредѣлять ихъ по степени важности и проч. Гораздо болѣе исторіи цѣнилися изданія Щербатова разныхъ историческихъ памятниковъ, каковы: Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ (1774), Царственная книга (1769), Царственный лѣтописецъ (1772), Лѣтописи о мятежахъ въ Россіи (1771), Житіе Петра В. (1770—1772).

Но Щербатовъ былъ не только историкомъ, но и публицистомъ. Отъ него осталось нѣсколько историческихъ записокъ, изображающихъ современную эпоху. Взглядъ Щербатова на современную эпоху очень оригиналенъ и отличается отъ взгляда другихъ писателей: его сужденія и выводы часто односторонни; но въ его сочиненіяхъ весьма много интересныхъ подробностей о нравахъ эпохи, о характерѣ главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей; встрѣчается не рѣдко объясненіе скрытыхъ причинъ того и другаго явленія. Во всемъ этомъ высказались основныя

⁽¹⁾ Издан. 1770 г. стр. XV—XVI.

идеи и идеалы Щербатова, какъ человѣка замѣчательнаго, по своему нравственному характеру, и на основаніи своихъ нравственныхъ началъ не побоявшагося произнести самый строгій приговоръ надъ громкимъ вѣкомъ Екатерины. Какъ человѣка несомнѣнно честнаго и строго нравственнаго, Щербатова глубоко возмущали современная роскошь и распущенность нравовъ. Свое негодованіе противъ нихъ онъ выразилъ въ двухъ сочиненіяхъ: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ и „Письмо къ вельможамъ, правителямъ государства“. Въ первомъ сочиненіи „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“⁽¹⁾, Щербатовъ старается показать, когда и отъ чего началась современная „развратность“. Она началась, по его мнѣнію, со временъ реформы Петра, когда русскіе люди простую и скромную жизнь стали перемѣнять на свободную и широкую жизнь, по подражанію европейскимъ народамъ. „Воистину могу сказать, говоритъ онъ, что, если вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, и намъ ничего не оставалось, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ; мы подлинно въ людскости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать, удивительные имѣли успѣхи и исполненіями шагами шествовали къ поправленію нашихъ вѣдѣностей: но тогда же гораздо съ вѣщей скоростью бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ и достигли даже до того, что вѣра и божественный законъ въ сердцахъ нашихъ истребились, тайны божественныя въ презрѣніе впади, гражданскія узаконенія презираемы стали“. Щербатовъ прямо не отвергаетъ ни необходимости, ни пользы реформы; онъ хотѣлъ бы видѣть только меньше крутыхъ мѣръ при ея введеніи и больше снисходительности и вниманія къ народнымъ правамъ и народнымъ преданіямъ. Не отвергая реформы, онъ хочетъ только показать ея оборотную сторону, именно то, какими вредными послѣдствіями для русскихъ нравовъ сопровождалось введеніе новыхъ порядковъ. Съ этою цѣлю онъ прежде всего описываетъ простоту жизни и строгость нравовъ до Петра, показывая, что эту простоту и строгость со временъ реформы замѣнили сластолюбіе и роскошь (въ убранствѣ домовъ, въ одеждѣ, экипажахъ, столѣ), которыя онъ и считаетъ главными причинами современной развратности. „Воззрѣмъ же теперь, говоритъ онъ, какія перемѣны учинила въ насъ нужная, но

⁽¹⁾ Въ первый разъ оно было напечатано въ 1858 г.; въ томъ же году былъ напечатанъ обстоятельный разборъ его Ешевскимъ въ 3 № Атеней. Новое изданіе его сдѣлано въ Русской Старинѣ 1870 г. том. II, стр. 1—62; 1871 том. II, 673—688.

можетъ быть излишняя переѣна Петромъ Великимъ, и какъ отъ оныя пороки зачали вкрадываться въ души наши, даже какъ, царствованіе отъ царствованія, они, часть отъ часу, вмѣстѣ съ сластолюбіемъ возрастая, дошли до такой степени, какъ выше о нихъ упомянулъ. Петръ В., подражая чужестраннымъ народамъ, не токмо тщился ввести познаніе наукъ, искусствъ и ремесель, военное порядочное устроеніе, торговлю и приличнѣйшія узаконенія въ свое государство, также старался ввести и таковую людскость, сообщеніе и великолѣпіе, о коемъ ему сперва Лефортъ натвердилъ, а потомъ которое и самъ онъ усмотрѣлъ. Среди нужныхъ установленій законодательства, учрежденія войскъ и артиллеріи не меньше онъ прилагалъ намѣреніе являющіеся ему грубые древніе нравы смягчить“. Но, не отвергая того, что обыкновенно ставится въ заслугу Петру В., въ чемъ видятъ первыя начала гуманности, смягченіе нравовъ и общественнаго развитія, онъ во всемъ этомъ видитъ въ тоже время и начало порчи и упадка нравовъ въ Россіи. Первымъ шагомъ къ смягченію нравовъ было учрежденіе ассамблей, гдѣ женщины, до сего отдаленныя отъ сообщенія мужчинъ, вмѣстѣ съ ними при веселіяхъ присутствовали“; но этотъ шагъ, по мнѣнію Щербатова, былъ въ тоже время и первымъ шагомъ къ порчѣ нравовъ. „Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей переѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того не чувствующія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножить ее пристойными одѣянiями и болѣе предѣловъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніи“... Табелъ о рангахъ, по которой являлась возможность самымъ нисшимъ людямъ восходить до высшихъ степеней въ государствѣ, была началомъ возвышенія личности и личныхъ заслугъ; но она въ тоже время повела къ паденію знаменитыхъ древнихъ дворянскихъ родовъ, на мѣсто которыхъ стали выдвигаться, по выраженію Щербатова, „люди изъ подлости и холопи“. Кровный аристократъ, Щербатовъ защищаетъ старое родовое дворянство и упадокъ его считаетъ одною изъ главныхъ причинъ современнаго упадка нравовъ. „Разрушенное мѣстничество (вредное, впрочемъ, службѣ и государству) и не замѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, говоритъ Щербатовъ, истребило мысль благородной гордости и въ дворянѣхъ; ибо стали не роды почитать, а чины и заслуги и выслуги; итакъ каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удастся прямыя заслуги учинить, то, за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая государю и вельможамъ; а при Петрѣ В. введенная регулярная служба, въ которую, вмѣстѣ

съ холопами ихъ, писали на одной степени ихъ господъ въ солдаты, и сіи первые, по выслугамъ, пристойнымъ ихъ роду людямъ, доходя до офицерскихъ чиновъ, училилися начальниками господъ своихъ и бивали ихъ палками. Роды дворянскіе стали раздѣлены по службѣ такъ, что иной однородцевъ своихъ и вѣкъ не увидитъ. То могла ли остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые съ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали? которые иначе какъ подслужами почтенія не могли пріобрѣсти, и бывъ каждый безъ всякой опоры отъ своихъ инородцевъ, безъ соединенія и защиты, оставался единъ могущій преданъ быть въ руки сильнаго? Уничтоженіе разныхъ древнихъ суевѣрій, долженствовавшее очистить вѣру отъ разныхъ наростовъ, мѣшавшихъ истинному пониманію вѣры и благочестія, повело, по мнѣнію Щербатова, къ результатамъ противоположнымъ, къ умаленію вѣры, а потомъ и къ невѣрію. „Похвально есть, говорить онъ, что Петръ В. хотѣлъ истребить суевѣріе въ законѣ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, не почтеніе есть Богу и закону суевѣріе, но паче руганіе; ибо приписывать Богу неприличныя ему дѣянія—сіе есть богохулить. Въ Россіи бороду образомъ Божиимъ почитали и за грѣхъ считали ее брить, и чрезъ сіе выпадали въ ересь антропоморфитовъ... Но когда онъ сіе учинилъ? тогда, когда народъ еще былъ не просвѣщенъ; и тако, отнимая суевѣріе у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ божественному закону отнималъ. И можно сказать, что сіе дѣйствіе Петра В. можно примѣнить къ дѣйствію нескуснаго садовника, который у слабаго дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ, вѣтви. Если бы оно было корнемъ сильно, то сіе урѣзыванье учинило ему произвести хорошія и плодovitыя вѣтви; но какъ оно слабо и больно, то урѣзаніе сихъ вѣтвей, которыя чрезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ вѣшнюю влагу, питали слабое дерево: отнявъ ее, новыхъ плодovitыхъ вѣтвей не произвело, ниже сокомъ раны затянуло, и тутъ сдѣлались дупла, грозящія погибелью дереву. Такъ урѣзаніе суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело: уменьшилось суевѣріе, но уменьшилась и вѣра; исчезла робкая боязнь ада; но исчезла и любовь къ Богу и къ святому его закону; а нравы, за недостаткомъ другаго просвѣщенія, исправляемые вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходить“. „И тако, заключаетъ Щербатовъ, хотя Россія, чрезъ труды и попеченія сего государя пріобрѣла знакомство въ Европѣ... науки и художество и ремесла въ ней стали процвѣтать, торговля начала ее обогащать и преобразовались россияне изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ длиннополыхъ въ короткополые, стали общительнѣе, и позорища благонравныя извѣстны имъ учинились. Но тогдаже

искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, таинства стали впадать въ презрѣніе, твердость уменьшилась, уступая мѣсто пагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побуждено и корыстолюбіе, къ разрушенію законовъ и ко вреду гражданъ, начало проникать въ судебныя мѣста. Таково есть состояніе, въ которомъ (не взирая на всѣ преграды, которыя собственно своею особою и своимъ примѣромъ полагалъ Петръ В. для отвращенія отъ пороковъ) въ разсужденіи нравовъ осталася Россія по смерти сего великаго государя“. Замѣтимъ, что, изображая это состояніе, Щербатовъ уже слишкомъ преувеличиваетъ строгость и простоту древнихъ нравовъ, что многіе пороки и недостатки новаго времени были унаслѣдованы еще отъ древняго періода, что корыстолюбіе и взыточничество уже въ XVI—XVII в. были до того сильны, что вызвали самое рѣзкое порицаніе во всѣхъ писателяхъ, особенно въ Максимѣ Грекѣ, Котошихинѣ и Посошковѣ, что обоюду острыя слова о суетвѣриі могутъ подавать неразумнымъ людямъ поводъ къ защитѣ суетвѣрія. — Затѣмъ Щербатовъ показываетъ, какъ распушенность и поврежденіе нравовъ, сластолюбіе, роскошь, и другіе пороки усиливались все больше и больше при преемникахъ Петра II., въ царствованіе Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны и особенно Елизаветы Петровны. Отъ двора роскошь переходила къ вельможамъ, къ богатымъ и знатымъ людямъ, а отъ богатыхъ и знатныхъ къ низшимъ сословіямъ. „Всякій роскошь, говоритъ онъ, оканчивая описаніе царствованія Анны Иоанновны, приключаетъ удовольствіе и нѣкоторое спокойствіе, а потому и пріемлетъ всѣми съ охотою и по мѣрѣ пріятности своей распространяется. А отъ сего, отъ великихъ принимая малые, повсюдова онъ началъ являться. Вельможи, проживаясь, привязывались болѣе ко двору, яко ко источнику милостей, а нижніе къ вельможамъ для тойже причины. Исчезла твердость, справедливость, благородство, умѣренность, родство, дружба, пріятство, привязанность къ божію и гражданскому закону и любовь къ отечеству; а мѣста сіи начали занимать: презрѣніе божественныхъ и человѣческихъ должностей, зависть, честолюбіе, сребролюбіе, пышность, уклонность, рабодѣльность и лесть, чѣмъ каждый мнилъ свое состояніе сдѣлать и удовольствоваться свои хотѣніи“. Но самыми мрачными чертами Щербатовъ изображаетъ состояніе нравовъ при Екатеринѣ. Неумолимо строго онъ разбираетъ ея личныя свойства и жизнь; безпощадно и безусловно порицаетъ жизнь и дѣянія ея приближенныхъ вельможъ и сотрудниковъ. За такое суровое отношеніе къ Екатерининской эпохѣ Щербатовъ заслужилъ названіе строгаго цензора общественной нравственности.

Дѣйствительно, какъ строгій цензоръ, оцѣнивая всё исключитель-
но съ своей нравственной точки зрѣнія, онъ въ своихъ осужде-
ніяхъ и порицаніяхъ впадаетъ въ такія крайности, что за тем-
ными и конечно крупными пятнами, не хочетъ видѣть ни-
какихъ свѣтлыхъ сторонъ и забываетъ о всѣхъ великихъ заслу-
гахъ государыни и ея сотрудниковъ. — „Письмо Щербатова къ
вельможамъ, правителямъ государства“⁽¹⁾ представляетъ также
рѣзкую сатиру на современные нравы. Указавъ на недостатки и
пороки вельможъ и правителей, Щербатовъ, подобно Державину
(„Фелица“, „Видѣніе Мурзы“, „На счастье“, „Вельможа“, „На
Знатность“) хочетъ объяснить имъ ихъ обязанности изъ са-
мыхъ словъ и понятій „вельможа и правитель“. „Вельможа,
говоритъ онъ, есть не иной кто, какъ человѣкъ, по роду ли
своему, по достоинству ли, по случаю возвышенной преемше
другихъ равныхъ ему человѣческихъ тварей“... Но одно виѣш-
ное возвышеніе ничего не значить, когда вельможа не бу-
детъ возвышаться добродѣтелями... „Приближены вы къ царскому
престолу, но для чего? Не для того ли, чтобы вѣрно ему слу-
жить и чтобы его милости чрезъ васъ къ низайшей части под-
данныхъ отражались? А могутъ ли они имѣть такое отраженіе,
когда сему отраженію гордость, лѣньность, своехотѣіе и прочее
сопротивляется?... Вы обогащены щедродаровитостію монарха
отъ сокровищъ народныхъ. Чѣмъ вы воздадите народу, коего
сокровища служатъ къ обогащенію вашему“?... Далѣе такимъ же
образомъ Щербатовъ объясняетъ слово „правитель“. Самое имено-
ваніе „правитель“, говоритъ онъ, являетъ, что онъ долженъ быть
тотъ, кто направляетъ теченіе вещей къ лучшему устройству... Вы
опредѣлены быть исполнители законовъ; но прилагаете ли вы при-
лежное ваше стараніе достигнуть до совершеннаго познанія оныхъ,
вникнуть въ причины сочиненія каждаго изъ нихъ?... Оставля-
ете вы сію важную науку вашимъ секретарямъ, которые или
для собственныхъ вашихъ польвъ васъ обманываютъ, или вы са-
ми, не справясь и чрезъ секретарей вашихъ о подлежащихъ за-
конахъ, самопроизвольно судите“.... Указывая вельможамъ и пра-
вителямъ на ихъ жизнь, Щербатовъ говоритъ: „Что можетъ ска-
зать народъ, видя ваше сластолюбіе и роскоши, презосходящія
ваши доходы? что онъ скажетъ, видя ваше уваженіе ко всѣмъ
богатымъ людямъ, видя похлѣбствы ваши къ зловреднымъ от-
купщикамъ“? Далѣе Щербатовъ осмѣиваетъ тѣхъ правителей,
которые вездѣ суются и бѣгаютъ, но все безъ толку, сравнивая
ихъ съ тѣми лошадьми, которыя на фабрикахъ ходятъ въ ко-

(1) Напечатано въ Русск. Старинѣ 1872; том. V январь и февраль.

лесѣ: хотя кажется ей, что великое пространство пути прошла, но она все на одномъ мѣстѣ пребываетъ“. Наконецъ Щербатовъ указываетъ на вельможескую надменность, съ какою правители принимаютъ приходящихъ и заставляютъ долго ждать себя просителей. Картина нравовъ, нарисованная Щербатовымъ, поражаетъ своими рѣзкими и мрачными чертами. Конечно, тѣ же пороки и недостатки вельможъ и правителей, тѣ же черты ложной знатности рисуются и въ одахъ Державина, но тамъ они рисуются большею частию въ шутилой формѣ и прикрыты покровомъ смѣха и потому не производятъ такого тяжелаго впечатлѣнія, какъ въ сочиненіяхъ Щербатова, гдѣ они выставлены прямо безъ всякаго прикрытія и съ глубокимъ, ничѣмъ не смягченнымъ, негодованіемъ.

Историческія сочиненія Болтина. Иванъ Никитичъ Болтинъ (1735—1792) является предъ нами такимъ же замѣчательнымъ представителемъ русской науки и образованности во второй половинѣ XVIII в., какимъ въ первой половинѣ этого вѣка былъ Татищевъ ⁽¹⁾. Въ самомъ характерѣ дѣятельности Болтина и Татищева замѣчается большое сходство. Тотъ и другой были воспитаны на современныхъ европейскихъ писателяхъ, но, не смотря на то, тотъ и другой остались чисто русскими людьми; тотъ и другой всю жизнь свою посвятили изученію Россіи и ея исторіи. — Болтинъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, предки котораго считались выходцами изъ золотой орды. Почти 18 лѣтъ онъ прослужилъ въ военной гвардіи и здѣсь сблизился съ своимъ товарищемъ по службѣ, Потемкинымъ. Потемкинъ на всегда сохранилъ къ нему расположеніе; онъ цѣнилъ умъ Болтина, пользовался его совѣтами, давалъ ему разныя порученія. По ходатайству Потемкина, Болтинъ былъ опредѣленъ на службу по таможенной части, а потомъ прокуроромъ въ военную коллегію, гдѣ онъ и служилъ до своей смерти, въ 1792 г.

Послѣ смерти Болтина, въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ были напечатаны двѣ эпитафіи, характеризующія его заслуги русской наукѣ и литературѣ. Въ одной эпитафіи было сказано:

«Здѣсь погребенъ Болтинъ. Любя російско слово,
Онъ силу далъ ему и превосходство ново.
Со древности покровъ сняла его рука,
Ища сокровищей на пользу языка.
Онъ нашу лѣтопись, ревнуя многи лѣта,
Изъ мрака исторгалъ для пользы и для свѣта».

⁽¹⁾ Біографія и подробный разборъ сочиненій Болтина въ Исторіи Росс. Академіи М. И. Сухомлинова. Вып. V.

Въ другой эпитафіи было сказано:

«Сей ложь ле-клеркову на россовъ обличилъ,
И духъ защитника отечества явилъ;
Сарептски описалъ пѣлительныя воды;
Россійскихъ областей и земли и народы
Описывать начавъ, но смертно занемогъ,
Ко окончанію привести ужъ не возмогъ.
Полезный трудъ его Россійски славятъ музы,
Порочатъ злобные невѣжды и.. французы».

Съ малыхъ лѣтъ Болтинъ отличался любознательностію. Чтеніе книгъ и изученіе окружавшей жизни составляли необходимую его потребность; но любимымъ предметомъ его занятій была русская исторія. Судьба сблизила его съ знаменитымъ въ то время собирателемъ русскихъ дрезностей, графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ, у котораго было замѣчательное собраніе древнихъ рукописей. При участіи Пушкина и Елагина, Болтинъ издалъ „Русскую Правду“ по самому полному и древнѣйшему списку. Рядомъ съ подлинникомъ, напечатаннымъ церковно-славянскими буквами, онъ помѣстилъ переводъ на современный русскій языкъ и къ каждой статьѣ текста приложилъ весьма важныя примѣчанія. Онъ участвовалъ также своими примѣчаніями въ изданіи Пушкинымъ „Поученія Владимира Мономаха“. Импер. Екатерина, при своихъ занятіяхъ русской исторіей, часто обращалась къ Болтину за объясненіями темныхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ, показывала ему свои сочиненія и между прочимъ отдала на критикъ свою драму „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика“. Прочитавъ драму, Болтинъ написалъ обширныя примѣчанія къ ней и въ нихъ подробно изложилъ тѣ черты древне-русскаго быта, которыя только слегка были затронуты въ драмѣ.

Въ 1783 г. начала выходить Исторія Россіи французскаго медика Леклерка (¹), наполненная ложью и клеветою на Россію, безчисленными и грубыми ошибками. Леклеркъ былъ принятъ на службу въ Россію еще при Елисаветѣ; въ царствованіе Екатерины онъ былъ лейбъ-медикомъ при В. К. Павлѣ Петровичѣ, директоромъ въ кадетскомъ корпусѣ и занималъ много другихъ должностей. Проживъ долго въ Россіи, онъ, однакоже, не узналъ Россіи, и возвратившись во Францію недовольнымъ, написалъ невѣрную и пристрастную исторію. Есть преданіе, что По-

(¹) Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne 1783 — 1785. Исторія издана въ 6-ти томахъ; первые три содержатъ исторію древней, а остальные три — исторію новой Россіи.

темкинъ первый подалъ Болтину мысль написать возраженіе на исторію Леклерка; но и самъ Болтинъ, горячо любившій Россію и ревнивый къ ея славі, не могъ, конечно, оставить безъ вниманія такой книги, въ которой искажалась русская исторія и сообщались невѣрныя свѣдѣнія о Россіи и русскомъ народѣ. Прочитавъ исторію Леклерка, Болтинъ написалъ обширныя въ двухъ огромныхъ томахъ „Примѣчанія“ на нее ⁽¹⁾, въ которыхъ онъ обличилъ все невѣжество и недобросовѣстность иностранца, всѣ ошибки и намѣренныя искаженія. Такъ какъ Леклеркъ въ своей исторіи ссылаясь на Щербатова, то Болтинъ въ своихъ примѣчаніяхъ часто нападаетъ и на сочиненія Щербатова. Это заставило Щербатова написать отвѣтъ Болтину, подъ названіемъ „Письмо къ пріятелю“. Болтинъ на это письмо написалъ свой отвѣтъ, въ которомъ строго осудилъ всѣ недостатки Щербатова ⁽²⁾. Не довольствуясь этимъ отвѣтомъ, онъ еще снова пересмотрѣлъ всю исторію Щербатова и написалъ на нее два тома Критическихъ примѣчаній. Примѣчанія на исторію Леклерка и исторію Щербатова и составляютъ самыя важныя историческія сочиненія Болтина. Они далеко возвышаются надъ обыкновенными историческими примѣчаніями и опроверженіями и содержатъ въ себѣ множество положительныхъ историческихъ данныхъ, объясняющихъ взглядъ автора на всю русскую исторію. „Слѣдя за Леклеркомъ, говоритъ Соловьевъ, Болтинъ изучилъ всецѣло русскую исторію съ тѣмъ, чтобы защитить ее, произнести надъ нею благопріятный приговоръ, слѣд. книга Болтина есть первый трудъ по русской исторіи, въ которомъ проведена одна основная мысль, въ которомъ есть одинъ общій взглядъ на цѣлый ходъ исторіи; у него у перваго видимъ попытку смотрѣть на исторію, какъ на науку народнаго самосознанія, отыскать живую связь между прошедшимъ и настоящимъ, задать вопросъ объ отношеніяхъ старины къ новому, уяснить ходъ русской исторіи, непохожей ни на какія другія“ ⁽³⁾. Отъ историка Болтинъ требовалъ прежде всего правды, фактической достовѣрности; историкъ не то долженъ писать, что могло бы быть, но то, что дѣйствительно было, не могущее статьса, но сбывшееся. Съ этой точки зрѣнія, книга Леклерка ему, естественно, представилась не исторіей, а смѣсью всякой всячины.

(1) Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, сочиненныя генераль-майоромъ Иваномъ Болтинымъ том. I. 1788 г.

(2) Отвѣтъ на Письмо князя Щербатова, сочинителя російской исторіи 1793.

(3) Писатели русской исторіи XVIII в. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи кн. 2 стр. 65.

Въ второмъ томѣ Примѣчаній (II, 193) онъ сравниваетъ ее съ мелочной лавочкой, видѣнной имъ въ Сарептѣ: „Есть тамъ бархатъ и штофъ, крашенина и посконный холстъ; астролиби и микроскопы, сѣнокосныя косы и сошки; душистыя воды и помады, вакса и деготь... Въ жизнь мою я не видѣлъ такой лавки, въ которой толикая разнообразность вещей находится. Въ первомъ томѣ выпѣвшей исторіи о Россіи г. Леклерка найдетъ читатель пріятное и скучное, смѣшное и важное, веселое и печальное, грубое и ласкательное, истинное и ложное, величавое и низкое, дѣльное и пустое, даже до сущаго вздора и нелѣпости. Въ первый разъ въ жизнь мою читаю такую книгу, въ которой толикая смѣсь вещей разнородныхъ и разнообразныхъ содержится“ (том. II, 193.). Господствующій тонъ примѣчаній Болтина—полемиическій. Строго разбираетъ онъ всю исторію Леклерка и особенно долго останавливается на тѣхъ пунктахъ, гдѣ требовалось защитить русскую исторію и русскій народъ отъ разныхъ нареканій. При этомъ, для защиты онъ употребляетъ тотъ же приемъ, какой употребляли Екатерина, Фонъ-Визинъ, Новиковъ и другіе писатели XVIII в.—сравненіе или сопоставленіе русской исторіи съ исторіей другихъ народовъ. Онъ такъ же старается показать, что все, надъ чѣмъ глумятся иностранцы, водилось и водится и у нихъ и порою достигало у нихъ гораздо большихъ размѣровъ, нежели у насъ. Въ примѣчаніяхъ къ Русской Правдѣ онъ повсюду старается доказать, что предки наши не были варварами. что они имѣютъ всѣ права на сочувствіе и уваженіе и что темныя стороны въ ихъ общественной и частной жизни находятъ себѣ если не оправданіе, то объясненіе въ бытѣ и разныхъ учрежденіяхъ другихъ европейскихъ народовъ. Нѣкоторые изъ нашихъ древнихъ законовъ, по мнѣнію Болтина, сдѣлали бы честь и вѣкамъ просвѣщеннымъ, какъ напр. за жизнь женщины (рабы) полагалось болѣе строгое наказаніе, нежели за жизнь мужчины (смерда, холопа). Такое полемиическое направленіе въ нашей исторіи вызывалось, кромѣ клеветъ Леклерка, и вообще тѣми оскорбительными сужденіями Европы, по которымъ русскіе считались варварами, не принадлежащими даже къ европейскимъ народамъ. „Русскіе не такъ устроены и политичны, говорилъ Пуффендорфъ въ своей исторіи, какъ европейцы; они и невѣжественны и малодушны, и свирѣпы и кровожадны, они рабы по самой природѣ своей, по своимъ врожденнымъ наклонностямъ“. Извѣстно, что эти слова такъ сильно оскорбляли переводчика исторіи Пуффендорфа, Гавріила Бужинскаго, что онъ сначала совѣтъ исключилъ ихъ въ своемъ переводѣ и помѣстилъ ихъ только по приказанію Петра В. Между тѣмъ это мнѣніе о варварствѣ русскихъ и о природномъ ихъ

отличіи отъ всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ было возведено въ принципъ и высказывалось и другими европейскими писателями, которые нерѣдко ставили русскихъ наравнѣ съ дикарями. Такое мнѣніе, естественно, должно было оскорблять всѣхъ истинно-русскихъ людей, и Болтинъ, подобно другимъ писателямъ, долженъ былъ возвысить свой голосъ въ пользу русской народности. Леклерку и другимъ противникамъ, порицающимъ Россію, онъ говоритъ: „Вы называете насъ варварами, но вотъ вамъ примѣры изъ собственной вашей исторіи и быта, что прозвище это пристало вамъ гораздо болѣе, нежели намъ. Не смотря на то, мы не обзываемъ васъ варварами. Не давайте же и намъ несвойственнаго намъ имени и не отрицайте той очевидной истины, что мы и вы, и русскій народъ и его западные братья, одинаково способны къ умственному и политическому развитію; и вы и мы европейцы по крови и по духу“. Но, чтобы европейцы не называли русскихъ варварами и рабами, нужно было, конечно, прежде всего и самимъ русскимъ не быть рабами, освободиться отъ того рабскаго подражанія всему иностранному, которое необходимо началось со временъ реформы Петра и которое составляло истинную болѣзнь русскаго общества, мѣшавшую его правильному развитію, правильному усвоенію европейскаго просвѣщенія. Въ этомъ подражаніи, какъ мы видѣли, укоряли русскихъ всѣ писатели; въ этомъ укоряетъ ихъ и Болтинъ. Объясняя и характеризуя эти укоры, Сухомлиновъ говоритъ: „Въ смѣлыхъ и правдивыхъ укорахъ, выходившихъ изъ круга людей, подобныхъ Новикову и Болтину, слышится не слѣпая ненависть къ иностранцамъ, а горячая любовь къ Россіи и сознаніе духовныхъ силъ русскаго народа. Не говорите съ чужаго голоса, а работайте собственной мыслию; дорожите своимъ нравственнымъ достоинствомъ, и не жертвуйте имъ изъ подражанія иностраннымъ образцамъ — вотъ сущность проповѣди Новикова и Болтина, обращенной ими къ современному русскому обществу. И Новиковъ и Болтинъ, осуждая и осмѣивая слѣпое и жалкое подчиненіе чужеземному игу, ратовали за умственную и нравственную самостоятельность русскаго народа, за сохраненіе въ немъ добрыхъ началъ, потеря которыхъ была бы для него великимъ несчастіемъ. Дорожа лучшими преданіями народной жизни, они не могли помириться съ ихъ утратою и истребленіемъ подъ напыломъ иностранныхъ обычаевъ, безсознательно усвояемыхъ нашимъ обществомъ“ (1). Болтина, какъ Щербатова, Новикова и другихъ, особенно возмущали та нравственная распущенность и то непростительное легкомысліе, которыя обнару-

(1) Исторія російской академіи V, 194—195.

живались при замѣнѣ всего русскаго французскимъ. Въ одномъ изъ примѣчаній къ Поученію Владиміра Мономаха такъ говорится о русскихъ людяхъ, получившихъ французское воспитаніе: „Будучи утверждены во мнѣніи отъ учителей, что все французское хорошо и все русское дурно, при всякомъ случаѣ не оставляютъ изъяслять своего къ первому уваженія, а къ послѣднему презрѣнія, не выключая изъ того и вѣры, хотя ее и не знаютъ; смѣются всему тому, что предки наши за священное почитали, и что, не по внушенію невѣжества и суетвѣрія, но по наставленію здраваго разсудка, должно чтить и уважать, то они считаютъ за басни, за игрушки, недостойныя вниманія людей просвѣщенныхъ, каковыми они сами себя признаютъ и величаютъ. Вотъ плоды французскаго воспитанія“⁽¹⁾.

Кромѣ вопросовъ, непосредственно относящихся къ русской исторіи, въ примѣчаніяхъ Болтина находится множество разсужденій о разныхъ предметахъ, показывающихъ обширную эрудицію автора и характеризующихъ его міросозерцаніе. Болтинъ былъ знакомъ съ сочиненіями какъ древнихъ классическихъ, такъ и новыхъ, преимущественно французскихъ, писателей. Онъ цитуетъ въ своихъ примѣчаніяхъ сочиненія Бойля (*Dictionnaire historique et critique*), Вольтера (*Essai sur les mœurs et l'esprit des nations*), Мерсье (картина Парижа), Рейналя (исторія Индій), Монтескье и другихъ. Въ сужденіяхъ и взглядахъ Болтина отражаются идеи всѣхъ этихъ писателей; но въ основѣ всего слышится здравый смыслъ русскаго человѣка, разумно взвѣсн- вающаго доводы сторонъ, и не желающаго быть отголоскомъ чужихъ понятій и воззрѣній. Онъ принадлежитъ, какъ мы замѣтили выше, къ числу тѣхъ русскихъ людей XVIII в., которые, усвоивъ современное европейское просвѣщеніе, остались русскими людьми и самостоятельными учеными, каковы были Татищевъ, Ломоносовъ и Новиковъ. Укажемъ основныя мысли Болтина на нѣкоторые важнѣйшіе предметы⁽²⁾. Какъ для историка, такъ и для всякаго государственнаго дѣятеля, по мнѣнію Болтина, прежде всего необходимо знаніе существенныхъ особенностей своего народа. Совокупность причинъ, физическихъ и нравственныхъ, создаетъ народности и образуетъ между ними болѣе или менѣе рѣзкое различіе. Въ числѣ этихъ причинъ особенное значеніе Болтинъ приписываетъ климату... Различіе между народностями должны постоянно имѣть въ виду руководители государственной жизни народа: иначе труды ихъ не достигнутъ

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 196.

⁽²⁾ Основныя мысли и воззрѣнія Болтина подробно изложены въ исторіи русской академіи Сухомлинова V, 207—242.

желаемой цѣли, и будутъ только безплодною тратою времени и силъ. „Пословица говоритъ: что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай. Обычай одной деревни не годится для другой; законъ одного государства не удобенъ для другаго; для того, что недостаетъ въ послѣднемъ тѣхъ обстоятельствъ, тѣхъ причинъ, для коихъ онъ въ первомъ сдѣлавъ. Дѣлая перемѣны, или вводя новосты, нужно наблюдать, чтобы оныя соотвѣтственны были правамъ, обычаямъ, времени, мѣстоположенію, обстоятельствамъ, а паче климату; владычество его есть главнѣйшее изъ всѣхъ: всякое предписаніе, узаконеніе, устраняющееся его закономъ, будетъ бесполезно, тщетно, вредно“ (1). Бытовыя измѣненія не могутъ совершаться скоропостижно, и всякое насиліе при замѣнѣ стараго быта повымъ влечетъ за собою самыя печальныя послѣдствія. „Съ тѣхъ поръ, какъ юншество свое стали мы посылать въ чужіе края, и воспитаніе ихъ ввѣрять чужестранцамъ, нравы наши совсѣмъ перемѣнились; съ мнимымъ просвѣщеніемъ насадились въ сердцахъ нашихъ новыя предубѣжденія, новыя страсти, слабости, прихоти, кои предкамъ нашимъ были неизвѣстны: погасла въ насъ любовь къ отечеству, истребилася привязанность къ отеческой вѣрѣ, обычаямъ и проч., итакъ мы старое позабыли, а новаго не переняли, и ставъ не похожими на себя, не сдѣлались тѣмъ, чѣмъ быть желали. Сіе все произошло отъ торопливости и нетерпѣнія; захотѣли сдѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣки; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на песокъ, не сдѣлавъ прежде надежнаго ему основанія. Петръ Великій думалъ, что для просвѣщенія дворянства довольно будетъ заставить ихъ путешествовать по иностраннымъ государствамъ; но опытъ оправдалъ стариковъ нашихъ мнѣніе, что вмѣсто ожидаемой пользы вышелъ изъ того вредъ. Большая часть изъ посланныхъ имъ возвратилася не просвѣщеннѣе, не умнѣе, но порочнѣе и смѣшнѣе, нежели были. Тогда позналъ Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобы видѣть желаемый плодъ“ (2). Низкій уровень общественной нравственности особенно ярко обнаруживается въ высшихъ слояхъ нашего общества. Пороки и слабости пустили тамъ глубокіе корни, расшатали основы домашняго счастья, извратили семейныя отношенія. Не имѣя ни богатства, ни торговли, мы превзошли въ снстолубіи и роскоши самыхъ богатѣйшихъ народовъ. Нравы высшаго общества—сколокъ съ ино-

(1) Примѣч. на исторію Леклерка т. II, стр. 338—339.

(2) Тамъ же, стр. 252—253.

страннаго образца. Приведа описаніе распущенности семейныхъ и общественныхъ нравовъ парижскаго общества изъ „Персидскихъ писемъ“, Монтескье и „Картины Париза“ Мерсье, онъ говоритъ: „Прочти сіе, подумаешь, что Монтескью и Мерсье говорятъ о насъ; толь великое сходство находится въ изображенныхъ ими нравахъ французскихъ съ нравами нашими: не одни свои моды къ намъ они привозятъ, но нравы, мнѣнія и даже злоупотребленія и глупости“⁽¹⁾. Такимъ образомъ, взгляды Болтина на вліяніе европейскаго просвѣщенія, на русскіе нравы въ сущности одинаковы съ воззрѣніями Щербатова; только они проводятся не съ такою односторонностію и крайностію, какъ у Щербатова, и излагаются основательнѣе и не въ такой рѣзкой и грубой формѣ.

Изъ другихъ мнѣній Болтина интересны его мнѣнія о вѣрѣ, церкви и духовенствѣ, о формѣ государственнаго правленія и крѣпостномъ правѣ. Въ сужденіяхъ Болтина о вѣрѣ и церкви и особенно о духовенствѣ замѣчается сходство съ сужденіями Татищева, объясняющееся тѣмъ, что тотъ и другой, начитавшись протестантскихъ писателей и французскихъ энциклопедистовъ, и усвоивъ отъ нихъ взглядъ на католическую церковь и католическое духовенство, перенесли его во многихъ отношеніяхъ и на русскую церковь и русское духовенство. Вѣру вообще Болтинъ признаетъ великою не только нравственною, но и государственною силою. Крѣпость и могущество царствъ и народовъ неразрывно связаны съ сохраненіемъ вѣры отцовъ. Измѣна вѣрѣ, по мнѣнію Болтина, должна быть преслѣдуема, какъ тяжкое преступленіе, и неминуемо навлекать на виновнаго строгую кару закона. Впрочемъ, это относится только къ христіанской вѣрѣ вообще, а не къ различію между вѣроисповѣданіями, православнымъ, католическимъ, лютеранскимъ, кальвинскимъ. Въ разныхъ вѣроисповѣданіяхъ Болтинъ видитъ только различіе мнѣній, перемѣна которыхъ не должна подлежать такой же карѣ, какъ отступничество отъ христіанской. Изъ христіанскихъ исповѣданій Болтинъ отдаетъ преимущество православію предъ католичествомъ на томъ основаніи, что православіе во всей подлинности сохранило христіанскіе догматы и обряды, а въ католичество вошло много нововведеній, исказившихъ древнее христіанское ученіе. Виной этого искаженія было католическое духовенство. Характеризуя по этому случаю католическое духовенство, Болтинъ произноситъ рѣзкія сужденія и о русскомъ духовен-

⁽¹⁾ Тамъ же том. I стр. 471—472.

ствѣ⁽¹⁾. Признавая русское духовенство древняго періода не-образованнымъ, онъ считаетъ это счастьемъ для Россіи и указываетъ на вредъ, какой всегда приносило государству образованное католическое духовенство, забывая, что это проходило не отъ того, что католическое духовенство было образованно, а отъ того, что оно было католическое. — Самою лучшею формою государственнаго правленія Болтинъ признавалъ единоедержавіе. Въ этомъ онъ сходилъ со всеми предшествовавшими русскими писателями, Татищевымъ, Ломоносовымъ, Прокоповичемъ и др. Раздробленіе на части и разновластіе, замѣчаетъ онъ, едва не погубили Россію; соединеніе частей въ одно государственное цѣлое и единоедержавіе спасли ее. Для доказательства того, что правленіе аристократическое гораздо хуже монархическаго, Болтинъ приводитъ примѣры изъ исторіи Франціи, во времена Гизовъ, изъ исторіи Россіи, во времена междоусобствъ и дворцовыхъ переворотовъ. Въ вопросѣ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ Болтинъ сходится съ Дашковой, Лопухинымъ и другими писателями, которые стояли за постепенное освобожденіе и находили нужнымъ приготовить крестьянъ къ свободѣ образованіемъ. „При дачѣ рабамъ свободы, говоритъ Болтинъ, все благоразуміе въ томъ, по моему мнѣнію, должно состоять, чтобы не прежде оную имъ даровать, какъ науча ихъ познавать ея цѣну, и какъ надлежитъ ею пользоваться; въ противномъ случаѣ, вмѣсто благодѣянія, сдѣланъ имъ будетъ вредъ, зло или гибель... Бывшему долгое время въ темнотѣ не вдругъ показать должно большой свѣтъ, а по немногу; въ противномъ случаѣ глаза его повредятся и не будутъ въ состояніи вѣчно наслаждаться зрѣніемъ вождѣнныхъ свѣтлости... Все проповѣдники вольности говорятъ: человѣкъ рождается свободенъ, и слѣд. всякая неволя есть нарушеніе его права, природою ему даннаго. Не спорю я въ томъ, хотя бы и могъ нѣчто предложить на разсмотрѣніе къ ограниченію сей природной свободы; но желаю, чтобы меня вразумили, во всякомъ ли состояніи, во всякое ли время, и всякому ли народу приличествуетъ свобода; или по различію оныхъ, съ нѣкоторымъ исключеніемъ, изъятіемъ, съ нѣкоторыми условіями, предписаніями, правилами... Прежде должно учинить сво-

---

(1) Сужденія Болтина о церкви и духовенствѣ подробно разобраны въ статьѣ П. В. Знаменскаго: «Историческіе труды Щербатова и Болтина въ отношеніи къ русской церковной исторіи». Труд. Кіев. Акад. 1862; том. II.

бодными души рабовъ, говоритъ Руссо, а потомъ уже тѣло. Мудрому сему правилу послѣдуетъ Великая Екатерина: желая снять узы съ народовъ, скипетру ея подверженныхъ, предвѣщаетъ сіе великое и достойное ея намѣреніе освобожденіемъ душъ ихъ отъ тяжкія и мрачныя неволи, невѣжества и суевѣрія. Не на иной конецъ устрояются, по высочайшей ея волѣ, по всему государству училища для нижнихъ чиновосостояній, дабы приготовить души юношества, въ нихъ воспитываемаго, къ воспріятію сего великаго и божественнаго дара; дабы учинить ихъ достойными вольности и способными къ снесенію ея⁽¹⁾.

Мемуары, или записки современниковъ. Къ эпохѣ Екатерины II относится много мемуаровъ, или записокъ современниковъ. Изъ нихъ особенно интересны и важны, для характеристики этой эпохи, записки Дашковой, Державина, Лопухина, Храповицкаго, Грибовскаго, Порошина, Болотова и Добрынина⁽²⁾. Записки Дашковой содержатъ въ себѣ весьма много интересныхъ свѣдѣній какъ о самой Дашковой, такъ и объ импер. Екатеринѣ и окружавшихъ ея лицахъ; только надобно замѣтить, что къ этимъ свѣдѣніямъ критика совѣтуетъ относиться съ осторожностію, указывая на то, что „безпристрастіе не было въ числѣ достоинствъ кн. Екатерины Романовны“. Съ осторожностію также нужно пользоваться еще болѣе интересными во многихъ отношеніяхъ записками Державина. „Эти записки, говоритъ Я. К. Гротъ, дошли до насъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ вылились изъ подъ пера Державина, при поспѣшной черновой редакціи, со всеѣми погрѣшностями и несправностями горячей первоначальной работы. . . . Писавъ ихъ (въ 1802—1812 г.) подъ впечатлѣніемъ еще довольно свѣжихъ воспоминаній объ испытанныхъ имъ неудачахъ и непріятностяхъ. Державинъ часто пристрастенъ въ оцѣнѣ людей и событій и не только не хвалитъ почти никого изъ тѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, но напротивъ произноситъ имъ весьма строгіе и не всегда справедливыя приговоры. Но за то онъ передаетъ съ большою искренностію и

(1) Примѣчанія на исторію Леклерка II, 234, 236, 328, 330.

(2) На изданія записокъ Дашковой, Державина и Лопухина указано выше. Записки Храповицкаго напечатаны въ Отеч. Зап. 1821—1828; въ Атепѣ 1858, № 3, и 1859, № 19. Записки Грибовскаго изданы въ 1864 г.; Записки Порошина въ 1844 г. Сиб.: новое ихъ изданіе М. Семеваго въ Русской старинѣ 1881 г. Записки А. Т. Болотова въ Отеч. Зап. 1850—51; г. новое изданіе въ Русской Старинѣ 1870—73 г., Записки Добрынина въ Русской Старинѣ 1872 г.

откровенностію все, что припоминаеть. Правда, что у него пропущены нѣкоторые обстоятельства, по которымъ желательно было бы имѣть разъясненіе, но этого нельзя приписывать его намеренію. Онъ писалъ свои воспоминанія прямо на бѣло, безъ всякихъ приготовленій и справокъ, и потому касался только того, что оставило въ немъ наиболѣе сильныя впечатлѣнія. Но, ошибаясь въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ и дѣлахъ, онъ замѣчательно правдивъ въ изложеніи фактовъ, и съ этой стороны записки его составляютъ весьма важный и цѣнный матеріаль для исторіи его времени. Проверка по архивнымъ документамъ множества упоминаемыхъ имъ случаевъ вполне убѣдила насъ въ достовѣрности его разсказовъ“. Записки Лопухина интересны и важны потому, что въ нихъ, кромѣ характеристики этой замѣчательной личности, находится много свѣдѣній для исторіи масонства въ Россіи. Записки А. Т. Болотова (1738—1833), обнимающія все XVIII-е столѣтіе, съ Петра. В. по 1793 г., касаются самыхъ разнообразныхъ сторонъ русской жизни—домашняго и общественнаго воспитанія, домашняго и общественнаго быта, военной и гражданской службѣ, состоянія русской науки, литературы и книжной торговли, содержатъ много свѣдѣній о русскомъ дворѣ при Елисаветѣ, Петрѣ III и Екатеринѣ II, множество интересныхъ подробностей для біографіи государственныхъ, военныхъ и вообще общественныхъ русскихъ дѣятелей XVIII в. Искренность, честность, любовь къ правдѣ и глубокое чувство патріотизма составляютъ отличительныя черты записокъ Болотова, одного изъ лучшихъ русскихъ людей XVIII вѣка. Александръ Васильевичъ Храповицкій (1749—1801) съ 1782 по 1793 г. былъ статсъ-секретаремъ Екатерины у принятія прошеній и въ то же время ея приватнымъ секретаремъ, редакторомъ, корректоромъ, переплетчикомъ бумагъ, писемъ и сочиненій ея и вообще исполнялъ самыя разнообразныя ея порученія. Это былъ человѣкъ весьма образованный; онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ со многими писателями, Державинымъ, Каланистомъ, Дмитріевымъ и др. и самъ занимался литературой, переводилъ и писалъ оригинальныя, стихотворныя и прозаическія, піесы. Состоя секретаремъ Екатерины, Храповицкій велъ дневникъ, въ который вносилъ въ краткомъ видѣ все интересное и замѣчательное.—Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій (1766—1833) былъ такъ же секретаремъ Екатерины у принятія прошеній и составилъ записки, въ которыхъ находится много данныхъ для исторіи ея царствованія. Семенъ Андреевичъ Порошинъ (1741—1769), изъ московскихъ дворянъ, воспитанникъ кадетскаго корпуса, былъ учителемъ в. кн. Павла Петровича по математикѣ. Весьма умный и честный человѣкъ, онъ былъ горячимъ патріотомъ.

Записывая каждый вечеръ, для памяти, все, что происходило днемъ у великаго князя, онъ намѣреень былъ, съ помощію этихъ записокъ, составить полную біографію своего государя. Къ сожалѣнію, онъ только два года 1764—1765 могъ вести свои записки. Нашлись люди, которые постарались поселить холодность между нимъ и великимъ княземъ. Въ началѣ 1766 г. Порошинъ вдругъ былъ удаленъ отъ двора и переведенъ въ военную службу. Въ 1769 г. во время похода противъ турокъ, онъ заболѣлъ и скончался. Записки Порошина весьма важны и для исторіи нравовъ XVIII в. и особенно для объясненія многихъ чертъ въ характерѣ Павла I. Главною заботою Порошина, при воспитаніи великаго князя, было то, чтобы внушить ему любовь къ Россіи, уваженіе къ русскому народу, къ знаменитымъ дѣятелямъ его исторіи. Но при этомъ онъ долженъ былъ бороться съ большими трудностями. Десятилѣтній великій князь постоянно слышалъ вокругъ себя разговоры о томъ, какъ Россія отстала отъ Западной Европы во всѣхъ отношеніяхъ, при чемъ нѣкоторые позволяли себѣ отзываться о Россіи и русскихъ людяхъ даже съ презрѣніемъ. Порошинъ считалъ своею обязанностию уничтожать впечатлѣніе, производимое подобными разговорами на великаго князя. По случаю одного отзыва о русскомъ человѣкѣ, Порошинъ замѣчаетъ: „Я желалъ бы, чтобы въ уши великаго князя меньше такихъ выраженій входило; въ такомъ бы случаѣ лучше соблюли мы пользу свою. Когда Всевышній обрадуетъ насъ и сподобитъ увидѣть государя цесаревича въ совершенномъ возрастѣ, тогда, по остротѣ своей, конечно, самъ онъ увидитъ, какіе есть въ нашемъ народѣ недостатки. Но разность тутъ такую я предвижу, что ежели вложена въ него будетъ любовь и горячность къ народу, то, усматривая народныя слабости, будетъ усматривать, какія есть въ немъ достоинства и добродѣтели, и объ отвращеніи тѣхъ слабостей такъ, какъ чадолюбивый отецъ, пещись и стараться будетъ; а что ежели, напротивъ того, отъ неосторожныхъ рѣчей, или ненавистныхъ внушеній, получить отвращеніе и презрѣніе къ народу, то будетъ видѣть въ немъ одни только пороки и слабости, не видя его добродѣтелей, пренебрегать, а не исправлять ихъ, гнушаться именемъ россиянина. А отъ сего какія для отечества и для него самаго произойти могутъ слѣдствія, всякій, подумавъ назадъ кое-о чемъ (т. е. о Петрѣ III), легко разсудитъ“.—По случаю одного неблагопріятнаго отзыва о Петрѣ В. онъ замѣчаетъ: „Если бы не было никогда на російскомъ престолѣ такого несравненнаго мужа, то бѣ полезно было и вымыслить такого, его высочеству для подражанія. Мы имѣемъ толь преславнаго ге-

роя, и что дѣлается? И не говорю, чтобъ государь Петръ В. совсѣмъ никакихъ не имѣлъ недостатковъ. Но кто изъ смертныхъ не имѣлъ ихъ? Порошинъ читалъ великому князю Вольтерову исторію Петръ В. и при всякомъ удобномъ случаѣ самъ рассказывалъ о Петрѣ, что зналъ; очень былъ доволенъ, когда и другіе говорили о немъ съ должными похвалами. — Послѣ Петра В. Порошинъ старался внушить великому князю особенное уваженіе къ Ломоносову и другимъ русскимъ ученымъ и писателямъ. „Разговорились мы, замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, о г. Ломоносовѣ и г. Сумароковѣ, и потомъ вообще о людяхъ ученыхъ. Говорилъ я его высочеству, какъ принимать ихъ, и какое почтеніе отдавать имъ должно, для ободренія наукъ и покровительства. Упомянувъ о чтеніи оды Ломоносова на взятіе Хотина, онъ прибавляетъ: „Говорилъ я его высочеству, что это стихотворецъ вѣку блаженныя памяти бабки его, Елисаветы Петровны. Дай Боже, продолжалъ я, чтобъ въ вѣкъ вашего высочества такіе были. Эдакіе люди не растутъ какъ грибки изъ земли; надобно для того хорошія учрежденія, одобреніе и покровительство. А головъ годныхъ много въ Россіи, хотя такія головы, какъ Ломоносова, и рѣденьки нѣсколько“. Но противъ Ломоносова въ великомъ князѣ постарались возбудить предубѣжденіе (вѣроятно Панинъ и ему подобные). „Пришло мнѣ, говоритъ Порошинъ, не знаю какъ то въ голову изъ Ломоносова похвального слова государынѣ, Елисаветѣ Петровнѣ, то мѣсто, гдѣ написано: „Ты едина истинная наслѣдница, ты дщерь моего просвѣтителя“ (слова сіи говоритъ прибѣгнувшая Россія государынѣ). И какъ я это выговорилъ, то его высочество смѣючись изволилъ сказать: „это, конечно, уже изъ сочиненіевъ дурака Ломоносова“. Хотя онъ сіе и шутя сказать изволилъ, однако же говорилъ я ему на то: „желательно, милостивый государь, чтобы много такихъ дураковъ у насъ было. А вамъ, мнѣ кажется, не прилично такимъ образомъ о такомъ россіянинѣ отзываться, который не только здѣсь, но и во всей Европѣ ученіемъ своимъ славенъ. Вы великій князь россійскій. Надобно вамъ быть и покровителемъ музъ россійскихъ. Какое для молодыхъ учащихся россіянъ будетъ ободреніе, когда они примѣтятъ, или услышатъ, что уже челоѣкъ такихъ великихъ дарованій, какъ Ломоносовъ, пренебрегается? — Но не смотря на такое правоученіе Порошина, великій князь, когда услышалъ о смерти Ломоносова, повторилъ свою шутку: „что о дуракѣ жалѣть, казну только раззорялъ и ничего не сдѣлалъ“. Конечно, онъ не самъ дошелъ до такого отзыва, а отъ кого нибудь слышалъ, что Ломоносовъ много перебралъ денегъ у казны и ни-

чего не сдѣлалъ т. е. относительно мозаики“ (1). — Можно привести и еще нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ Порошинъ выставленъ ревнителемъ русскаго просвѣщенія и защитникомъ русскихъ ученыхъ. Такъ, по поводу разсказа графа Строганова о томъ, что Крашенинникова камчатская исторія переведена на французскій языкъ, онъ замѣчаетъ; „Тутъ доносилъ я его высочеству о заслугахъ покойнаго профессора Крашенинникова и о достоинствахъ оной исторіи, такожъ, что его дѣти теперь въ великой бѣдности, что и А. П. Сумароковъ въ новой сочиняемой имъ комедіи ихъ представилъ, говоря, что „отецъ ѣздилъ въ камчатное и въ китайское государство, а дѣти ходятъ въ крашенинѣ, и потому Крашенинниковыми называются“... Не малое внутреннее удовольствіе чувствовалъ я, услышавъ, что на французскій языкъ переведена оная господина Крашенинникова исторія. Желалъ бы я, чтобъ болѣе такихъ оригинальныхъ книгъ у насъ было, для коихъ бы чужестранные, учась языку нашему, на свой ихъ переводили“. Разсказывая о похвалахъ графа историку Миллеру и вполне соглашаясь съ ними, онъ замѣчаетъ: „Но весьма я сожалѣю, продолжалъ я, что достоинство и старанія покойнаго Василья Никитича Татищева остались совсѣмъ почти въ забвеніи. Государь великій князь спросить меня тутъ изволилъ: что за человекъ былъ Татищевъ, и о какихъ я его стараніяхъ упоминаю? Я доносилъ его высочеству о покойномъ Татищевѣ, изъясняя, что онъ человекъ былъ великаго ума, твердаго и проныцательнаго, человекъ весьма знающій и любопытный, что собралъ и сочинилъ основательную руссійскую исторію, что оная исторія и теперь таскается въ манускриптахъ; что весьма жаль, что ее не напечатаютъ, и такое сокровище пропадаетъ. Потомъ заговорили мы, что нынѣ при Академіи кое какъ собрались печатать лѣтописецъ Несторовъ. Его высочество изволилъ спрашивать меня: что это за Несторъ? Я доносилъ о немъ и о его лѣтописи. Наконецъ, какъ я сказалъ, что не худо напечатать и Степенную книгу и Ядро руссійской исторіи, то опять великій князь спросить изволилъ: что это за книги? и я ему доносилъ о нихъ“ (2).

Сочиненія по языкознанію. Извѣстно, что въ XVIII в. ученыхъ занималъ вопросъ о первоначальномъ языкѣ въ человѣ-

(1) Записки Порошина. Изданіе Русской Старины 1881 г., стр. 47, 98, 178—180, 190—192.

(2) Тамъ же стр. 81—82.

ческомъ родѣ. Для рѣшенія этого вопроса они составляли сравнительные словари всѣхъ извѣстныхъ языковъ. Импер. Екатерина, еще будучи великой княгиней, также заинтересовалась этимъ вопросомъ и поручила пастору британской факторіи въ Петербургѣ, Дюмареску, составить общесравнительный словарь языковъ, и онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ издалъ сравнительный словарь восточныхъ языковъ. Въ 1781 г., прочитавъ сочиненіе французскаго филолога Куръ-де-Жобелена о томъ, что всѣ языки могутъ быть выведены изъ одного кореннаго, Екатерина сама стала готовить матеріалы для сравнительнаго словаря. „Я составила, писала она въ 1775 г. доктору Циммерману, списокъ отъ двухъ до трехъ сотъ коренныхъ русскихъ словъ и дала ихъ перевести на столько языковъ и нарѣчій, сколько могла отыскать, и число которыхъ переходитъ теперь уже за вторую сотню. Каждый день я брала и записывала его на всѣхъ тѣхъ языкахъ, какіе могла набрать. Изъ этого я узнала, что слово, которое на одномъ языкѣ значитъ небо, на другомъ обозначаетъ облако, туманъ, сводъ; что слово Богъ въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ имѣетъ значеніе: всевышній или добрый, въ другихъ солнце или огонь“. Для приведенія въ порядокъ собранныхъ такимъ образомъ словъ, она пригласила академика Малласа. Во всѣ мѣста Россіи и ко всѣмъ русскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ были посланы отпечатанные образцы сборника словъ, съ просьбою доставить сколько возможно болѣе переводовъ на мало извѣстные языки. Къ собраннымъ такимъ образомъ матеріаламъ были присоединены еще „Общее обозрѣніе всѣхъ языковъ міра“ берлинскаго книгопродавца и писателя, Николаи, и „образцы разныхъ языковъ и малоизвѣстныхъ нарѣчій Бакмейстера. Въ 1787 г. вышелъ 1-й, а въ 1789 г. 2-й томъ словаря, подъ заглавіемъ: „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею высочайшей особы“. Переводы словъ были помѣщены на 200 языковъ. Съ точки зрѣнія нынѣшней науки языкознанія, словарь Екатерины, разумѣется, не можетъ выдержать критики, но какъ первый опытъ въ своемъ родѣ и притомъ съ громкимъ именемъ императрицы, онъ тогда обратилъ на себя вниманіе въ Европѣ. По замѣчанію И. Гримма, онъ содѣйствовалъ къ оживленію и усиліямъ сравнительнаго языкознанія. Въ 1790—1791 г. было сдѣлано, подъ редакціей Яковича де-Миріево, новое изданіе словаря, въ которомъ слова были изложены въ азбучномъ порядкѣ и дополнены африканскими и американскими словами⁽¹⁾.

(1) Филологическія занятія Екатерины П. Я. Б. Грота. Русский Архивъ 1877; кн. I.

Говоря выше объ учрежденіи Россійской Академіи, мы замѣтили, что дѣлю ея учрежденія было усовершенствованіе русскаго языка чрезъ составленіе полнаго словаря и грамматики. Дѣйствительно, чрезъ мѣсяцъ послѣ открытія Академіи, было приступлено къ составленію словаря русскаго языка. Въ этомъ дѣлѣ приняли участіе всѣ члены Академіи. Чтобы лучше вести его, они составили изъ себя три отдѣла: грамматическій для грамматическихъ поясненій, объяснительный для опредѣленія значенія словъ и распорядительный для веденія самаго печатанія словаря. Прежде всего составленъ былъ планъ словаря: при обсужденіи его явилось множество разныхъ замѣчаній, возраженій и вопросовъ, способствовавшихъ къ уясненію характера языка, его разныхъ свойствъ и особенностей. Болтинъ представилъ примѣчанія на начертаніе для составленія словесно-русскаго толковаго словаря ⁽¹⁾, гдѣ, объясняя значеніе разныхъ древнихъ словъ, между прочимъ доказываетъ, что въ размѣщеніи словъ надобно держаться не аналогическаго, или предметнаго порядка, а алфавитнаго. Фонъ-Визинъ написалъ къ Козодавцеву „Письмо о планѣ русскаго словаря“, гдѣ онъ разсуждаетъ о собствѣнныхъ и уменьшительныхъ именахъ, объ именахъ географическихъ и техническихъ словахъ и наконецъ о сособныхъ, или синонимическихъ. Вообще составленіе словаря вызвало интересъ къ изученію русскаго языка и содѣйствовало развитію русскаго филологіи. Словарь составлялся въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и былъ напечатанъ въ 6-ти томахъ 1789—1796.— По церковно-славянскому языку въ это время явился весьма замѣчательный словарь бывшаго члена Россійской Академіи, протоіерея московскаго, архангельскаго собора П. А. Алексѣева (1727—1801). Заглавіе его „Церковный словарь, или истолкованіе рѣченій словенскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ Св. Писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ“ (1794), напоминаетъ древніе Азбуковники или Алфавиты иностранныхъ рѣчей. Онъ, дѣйствительно, и составленъ по образцу древнихъ Азбуковниковъ. Какъ Азбуковники не ограничивались объясненіемъ непонятныхъ словъ въ священныхъ и церковныхъ книгахъ, но объясняли, иногда довольно обширно, и самые предметы, называемые этими словами, такъ и Алексѣевъ въ своемъ словарѣ, при объясненіи смысла и значенія словъ, говоритъ и о самихъ предметахъ, лицахъ и событіяхъ, къ которымъ относятся эти слова. При этомъ словарь его такъ же,

---

⁽¹⁾ Напечатанъ Я. К. Гротомъ въ V томѣ сочиненій Державина, стр. 396—404.

подобно древнимъ Азбуковникамъ, получаетъ характеръ энциклопедическаго сборника разныхъ свѣдѣній; онъ знакомитъ съ особенностями природы и жизни людей, описываемыхъ въ священныхъ книгахъ, такъ же съ древнимъ греко-римскимъ классическимъ міромъ, византійской исторіей и древне-русскимъ бытомъ. Масса указаній на разные сочиненія свидѣтельствуетъ о томъ, что Алексѣевъ обладалъ обширною эрудиціей. Имѣя въ виду, конечно, такое богатство и разнообразіе словаря Алексѣева, современникъ его, профессоръ Баузе называлъ словарь *liber doctissimus et utilissimus*. Такое же значеніе приписывали ему и послѣдующіе славянскіе филологи. „Словарь Алексѣева, говоритъ Срезневскій, и въ первоначальномъ своемъ видѣ представилъ отвѣты на всѣ вопросы, которыхъ рѣшенія можно было ожидать отъ него. Исправляемый и дополняемый, онъ дожилъ до четвертаго изданія, служилъ источникомъ для самыхъ лучшихъ словарей послѣдующаго времени и до сихъ поръ не потерялъ своего достоинства, не какъ памятникъ литературно-историческій, а какъ пособіе, полезное для справокъ“⁽¹⁾.

Литературныя теоріи и руководительныя книги по словесности. Образцовымъ руководительнымъ сочиненіемъ въ области эстетики и теоріи словесности въ XVIII в. считалась книга нѣмецкаго эстетика Зюльцера (1720 — 1779): „Всеобщая теорія изящныхъ искусствъ“. Основное начало художественности, по ученію Зюльцера, одно и тоже съ нравственнымъ началомъ; поэтому каждое произведеніе искусства оцѣнивается по степени его нравственнаго характера; только такое произведеніе и можетъ быть признано художественнымъ, которое одинаково сильно и благотворно дѣйствуетъ на чувство, на умъ и на сердце. Человѣкъ, говоритъ Зюльцеръ, обладаетъ двумя независимыми одна отъ другой силами, на которыхъ зиждется прочность общественнаго союза и народное благо. Эти двѣ силы — разумъ и нравственное чувство. Разумъ привелъ людей къ образованію обществъ, далъ имъ законы и просвѣтилъ ихъ науками; но только развитіе нравственнаго чувства дѣлаетъ общественную жизнь дѣйствительнымъ благомъ. Высокое призваніе изящныхъ искусствъ заключается въ томъ, чтобы питать и развивать нравственное чувство, поселяя въ сердца любовь къ добру и ненависть къ злу. Теорія Зюльцера господствовала въ литературѣ и школахъ. Нравственное направленіе, мы видѣли, составляетъ отличительную

(1) Истор. рос. Акад. I, 335—336.

черту всѣхъ литературныхъ произведеній Екатерининской эпохи. Профессора московскаго университета П. А. Сохадкій (1796 — 1809) и университетскаго пансіона Подшиваловъ проводили это направленіе въ своихъ журналахъ: „Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія“ (1791—1793) и „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, гдѣ они, между прочимъ, печатали нѣкоторыя статьи по исторіи и теоріи словесности. Сохадкій, для руководства своимъ слушателямъ, при изученіи эстетики, издалъ еще въ 1803 г. „Мейнерсово начертаніе и исторію изящныхъ наукъ“ въ русскомъ переводѣ. Къ этому переводному сочиненію онъ присоединилъ отъ себя „Чертежъ системы эстетики“ и самъ занимался сочиненіемъ эстетики, подъ названіемъ: „Изъясненія объ изящныхъ наукахъ и искусствахъ“, но успѣлъ напечатать только общую или теоретическую часть ⁽¹⁾.—Въ частности, въ области эпической поэзіи, руководствомъ для писателей и преподавателей служилъ „Опытъ объ эпической поэзіи Вольтера“, переведенный княгиней Дашковой. По теоріи лирики замѣчательно „Разсужденіе о лирической поэзіи, или объ одѣ“ Державина, напечатанное первоначально въ Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова ⁽²⁾. Будучи самъ лирикомъ и писавшій преимущественно оды, Державинъ вздумалъ объяснить происхожденіе, характеръ и значеніе этой формы поэзіи. При составленіи своего сочиненія онъ всего болѣе руководствовался исторіей поэзіи англійскаго священника Броуна (1715—1766) подъ заглавіемъ: „Исслѣдованіе о происхожденіи, связи и могуществѣ поэзіи и музыки“. Книга эта въ XVIII в. пользовалась большимъ значеніемъ и была переведена по нѣмецки и по французски. Много также помогли Державину совѣты и замѣчанія его друзей и особенно замѣчанія епископа (въ послѣдствіи митрополита) Евгенія Болховитинова, которыя вошли въ самое сочиненіе Державина ⁽³⁾. Разсужденіе Державина начинается объясненіемъ начала лирической поэзіи, о которой онъ говоритъ: „Лирическая поэзія показывается отъ самыхъ первыхъ пеленъ міра. Она есть самая древняя у всѣхъ народовъ; это отливъ разгоряченнаго духа; отголосокъ растроганныхъ чувствъ; упоеніе или изліяніе востор-

(¹) О Сохадкомъ въ Біографическомъ словарѣ московскаго университета. Ч. II, 435—440.

(²) Сочин. Державина. Изд. Грота VII. 516—611.

(³) Замѣтки Евгенія, доставленныя Державину для его Разсужденія, приложены Гротомъ къ самому Разсужденію, том. VII. 612—626.

женнаго сердца. Человѣкъ, изъ праха возникшій и восхищенный чудесами мірозданія, первый гласъ радости своей, удивленія и благодарности долженъ былъ произнести лирическимъ восклицаніемъ. Все его окружающее: солнце, луна, звѣзды, моря, горы, лѣса и рѣки наполняли живымъ чувствомъ и исторгали его гласы. Вотъ истинный и начальный источникъ оды⁴. Въ доказательство этого положенія, Державинъ указываетъ на Іувала, сына Ламехова, и разныхъ плѣмъ у древнихъ народовъ. Опредѣливъ затѣмъ общій характеръ лирическаго вдохновенія, онъ указываетъ разные его виды, приводя примѣры вдохновенія „грознаго, гнѣвнаго, торжественнаго, радостнаго, спокойнаго, тихаго, страстнаго, нѣжнаго, пріятнаго, умирительнаго, унылаго, печальнаго, утѣшительнаго, забавнаго, шутиваго“. Потомъ онъ излагаетъ тоже въ примѣрахъ разныя свойства лирической поэзіи: „смѣлый приступъ, высота, или выспренность, лирическій безпорядокъ, единство страсти, разнообразіе, краткость, правдоподобіе, новость“... Эти свойства, которыя Державинъ считаетъ свойствами лирической поэзіи, были, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, общими свойствами всей поэзіи. Объясняя эти свойства, Державинъ высказываетъ свой взглядъ и на поэзію вообще. Согласно съ указанной выше теоріей, существенною принадлежностью поэзіи онъ считаетъ нравоученіе: „Во всѣхъ народахъ, говоритъ онъ, и во всѣхъ вѣкахъ приято было за правило, которое и понынѣ между прямо просвѣщенными мужами сохраняется, что совѣтуютъ они въ словесности всякаго рода проповѣдывать благочестіе, или науки нравовъ. Особенно находятъ болѣе къ тому способною лирическую поэзію въ разсужденіи ея краткости и союза съ музыкою, чѣмъ удобнѣе она затверживается въ памяти и, забавляя, такъ сказать, просвѣщаетъ царства“. Такимъ направлениемъ, мы видѣли, проникнуты всѣ оды и другія стихотворенія самого Державина. Говоря о вкусѣ, Державинъ замѣчаетъ: „Вкусъ есть судія и указатель приличія, любитель изящности, провозглашатель въ разсужденіи чувства красоты, а въ разсужденіи разума истины... Безъ его печати, какъ безъ клейма досмотрщика, никакія искусственныя произведенія безсмертія не достигаютъ. Онъ знаетъ всему мѣру, гдѣ толь возвысить, гдѣ понизить, гдѣ остановиться и продолжить. На вѣсахъ его лежатъ соображеніе всѣхъ обстоятельствъ, до человѣка касающихся, времени, обычаевъ, религій и проч. Онъ умѣетъ распредѣлить тѣни красокъ, звуковъ, понятій и изъ разногласія творить согласіе... Безъ вдохновенія на струнахъ лиры нѣтъ жизни, а безъ вкуса — пріятности“. Такой взглядъ на вкусъ, какъ извѣстно, принадлежитъ Мармонтелю, который именно считалъ вкусъ чувствомъ приличія. Далѣе Державинъ говоритъ о разныхъ фор-

махъ лирической поэзіи у разныхъ народовъ въ разные времена: гимнѣ, пѣснѣ, диониромѣ, сколѣ, о формахъ средневѣковой, романской поэзіи — канцонахъ, сонетахъ, мадригалахъ, балладахъ, наконецъ объ оперѣ и русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Такъ какъ въ то время опера была любимой драматическою формою, то на ней Державинъ особенно останавливается. „Опера, говорить онъ, не есть изобрѣтеніе одной Италіи, какъ многіе думаютъ; но она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не что иное есть, какъ подражаніе древней греческой трагедіи. Тамъ такъ же разговоры препровождались музыкою, какъ и въ ней речитативы, только извѣстными тонами; равно лирическіе стихи пѣлись хорами, по тоже уставными . . . Долго время опера была только забавою дворовъ, и то единственно при торжественныхъ случаяхъ; но какъ бы то ни было, нынѣ уже стала народною“ (¹).—Такое же значеніе, какое имѣли въ области поэзіи оды, въ области прозы имѣли ораторскія рѣчи и похвальные слова. Форма ораторской рѣчи, выработанная еще въ классическихъ литературахъ, была главною формою, и ораторскій элементъ былъ преобладающимъ даже въ историческихъ и научныхъ сочиненіяхъ. Особенно въ большой модѣ въ XVIII в. были такъ называемыя похвальные слова. Въ этихъ словахъ, кромѣ военныхъ героевъ и политическихъ дѣятелей, прославляли и героевъ и дѣятелей въ области наукъ и словесности. У насъ, рядомъ съ похвальными словами Димитрію Донскому и Суворову, писались похвальные слова Ломоносову, Сумарокову, Лепехину и др. Въ 1804 г. Россійская Академія назначила премію за похвальное слово Минину и Пожарскому. Академикъ Севергинъ написалъ два похвальныхъ слова—Ломоносову и Минину и Пожарскому. Теоретическимъ руководствомъ при составленіи подобнаго рода похвальныхъ словъ служилъ между прочимъ „Опытъ о похвальныхъ словахъ“ (Essai sur les éloges) французскаго писателя Томаса (1732—1785), который былъ переведенъ на русскій языкъ, какъ твореніе въ своемъ родѣ классическое (²). Подъ вліяніемъ указанныхъ сочиненій по теоріи словесности, у насъ въ XVIII в. составлены были: „Руководство къ ораторіи“ архіеписк. Екатеринбургскаго, Амвросія Серебрякова (или Серебряникова), „Піитика“ архангельскаго архіепископа, Аполлоса Байбакова, и „Реторика“ Княжнина, написанная при преподаваніи словесности въ кадетскомъ корпусѣ. Всѣ эти книги были руководствами въ тогдашнихъ школахъ.

(¹) Сочин. Державина VII, 517—518; 568—569; 572—573; 598—602.

(²) Изв. рос. Академіи. Сухомлинова IV, 147.

Направленіе въ наукѣ словесности въ XVIII в. было теоретическое; исторіи литературы еще не было; но съ половины XVIII в. начались подготовительныя работы для этой исторіи, стали появляться собранія и библиографическія описанія древнихъ русскихъ рукописей и книгъ русскихъ, словари русскихъ писателей. Профессоръ москов. университета Хр. Фр. Маттеи (1744 — 1811) обратилъ вниманіе на бібліотеки св. Синода и синодальной типографіи и приступилъ къ описанію рукописей и древнихъ сочиненій, для которыхъ прежде, по приказанію Петра В., былъ составленъ краткій каталогъ проф. Аѳанасіемъ Скіадоу въ 1723 г. По образцу Монфоконова описанія Коаленевоу бібліотеки, Маттеи описать обѣ бібліотеки и издалъ это описаніе въ Лейпцигѣ въ 1805 г. ⁽¹⁾ Въ числѣ греческихъ рукописей оказалось очень много важныхъ, или по своему содержанію, или по своей древности. По этимъ рукописямъ Маттеи издавалъ свѣщ. книги Новаго Завета и сочиненія отцовъ церкви и составлялъ сборники или хрестоматіи по древней классической литературѣ для употребленія въ школахъ ⁽²⁾. Другой профессоръ Московскаго университета, Баузе (1752 — 1812) занимался собираніемъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, купилъ много книгъ старинныхъ у тогдашняго собирателя древностей, Ѳерапонтова, и такимъ образомъ составилъ замѣчательное и даже единственное, по замѣчанію Калайдовича, собраніе древностей, которое сторѣло во время французскаго нашествія въ 1812 г. Страсть Баузе къ древностямъ имѣла вліяніе на Калайдовича, который былъ слушателемъ Баузе во время его профессорства. Въ одной изъ своихъ академическихъ рѣчей Баузе выбралъ предметомъ состояніе просвѣщенія въ Россіи до Петра В. Исторію этого просвѣщенія онъ раздѣляетъ на три періода. Въ первомъ (до Ярослава) замѣчательны, между прочимъ, заведеніе Владиміромъ школъ и переводы церковныхъ книгъ съ греческаго на славянскій; во второмъ (до Іоанна III) — работы Ярослава о паукахъ, заведеніе имъ школы для 300 дѣтей, основаніе Анною, дочерью Всеволода I, училища въ Кіевѣ для дѣвицъ и проч.; третій періодъ обнимаетъ время до Петра В. — Но самымъ знаменитымъ собирателемъ памятниковъ древней письменности и вообще памятниковъ древности былъ графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. Онъ начинаетъ собою рядъ тѣхъ просвѣщенныхъ любителей, покровителей и издателей русскихъ древностей, которымъ преимущественно и обязана исторія ихъ разработки; въ XVIII в.

⁽¹⁾ *Accurata codicum graecorum manuscriptorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitio et recensio.*

⁽²⁾ *Биографич. словарь профессоровъ Московскаго университета ч. II.*

онъ имѣть такое же значеніе въ этой исторіи, какое въ нашемъ XIX в. графы Н. П. Румянцевъ, Ѳ. А. Толстой и А. С. Уваровъ. Мусинъ-Пушкинъ (1744—1817) собралъ богатую бібліотеку древнихъ рукописей, въ которую между прочимъ вошли, по свидѣтельству митр. Евгенія, многія книги и записки св. Димитрія Ростовскаго, Крекшина, Татищева, Болтина, Барсова и Елагина. Къ сожалѣнію, большая часть его рѣдкихъ книгъ, записокъ и вещей погибла въ Москвѣ, во время французскаго нашествія въ 1812 г. По собраннымъ рукописямъ онъ издалъ въ 1799 г. Русскую Правду (вмѣстѣ съ Болтиннымъ), Духовное Завѣщаніе Владиміра Мономаха въ 1795; въ томъ же году онъ открылъ въ одномъ сборникѣ XIV или XV в. знаменитое Слово о полку Игоревѣ.

Исторія русской словесности начинается бібліографическими сочиненіями о прежнихъ книгахъ и словарями о прежнихъ писателяхъ. Первый опытъ русской бібліографіи сдѣлалъ членъ Россійской Академіи, епископъ Нижегородскій, Дамаскинъ (Семеновъ - Рудневъ 1737 — 1795). Онъ составилъ описаніе книгъ подъ заглавіемъ: „Библіотека Россійская, по годамъ расположенная, отъ начала типографіи въ Россіи по нынѣшнія времена“. Библіотека эта содержитъ въ себѣ обзоръ литературной производительности въ Россіи отъ начала книгопечатанія до пехода XVIII вѣка. Въ началѣ обзора Дамаскинъ излагаетъ исторію литературы или письменности, соединяя ее вмѣстѣ съ исторіей просвѣщенія. Исторію же просвѣщенія въ Россіи онъ раздѣляетъ на три періода: первый — отъ начала письменности въ Россіи до начала книгопечатанія, или отъ Владиміра Святаго до Іоанна Грознаго; второй — отъ начала книгопечатанія до введенія гражданскаго шрифта, или отъ времени Грознаго до Петра В.; и третій — отъ введенія гражданской печати до 1783 года. „Библіографическій очеркъ Дамаскина, говоритъ Сухомлиновъ, по своему содержанию и основной мысли, представляетъ до того выдающееся явленіе въ нашей литературѣ XVIII в., что мы считаемъ нужнымъ привести вполнѣ это произведеніе одного изъ образованнѣйшихъ русскихъ бібліографовъ⁽¹⁾. Библіотекарь Академіи наукъ І. Бакмейстеръ († 1794) составилъ „Опытъ о бібліотекѣ“⁽²⁾. Въ началѣ Опыта сдѣланъ предварительный обзоръ русскаго книжнаго просвѣщенія⁽³⁾. — Составленіе словарей и раз-

(1) Обзоръ напечатанъ Сухомлиновымъ въ Исторіи Россійской Академіи. Вып. I, 170—181.

(2) Essai sur la bibliotheque de l'Academie des sciences 1776; русскій переводъ 1779.

(3) О Баузѣ и Бакмейстерѣ смотр. Библіографическій опытъ о древней русской письменности. А. Котляревскаго. Воронежъ. 1881.

ныхъ извѣстій о разныхъ писателяхъ началось еще въ первой половинѣ XVIII в. Выше указано на „Краткую записку о современныхъ писателяхъ“ Штелина и „Извѣстіе о пѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ“ Дмитревскаго. Извѣстіе Дмитревскаго послужило основой для „Историческаго словаря о російскихъ писателяхъ“ Новикова⁽¹⁾. Словарь Новикова важенъ, какъ первый полный и связный матеріалъ для біографическихъ свѣдѣній о писателяхъ и вообще для исторіи русской литературы XVIII в. Въ немъ особенно интересны тѣ взгляды современниковъ на тогдашнихъ литературныхъ дѣятелей, которыхъ Новиковъ занесъ въ свою книгу. Сначала онъ обыкновенно говоритъ объ образованіи писателей, объ ихъ свѣдѣніяхъ въ той или другой наукѣ, потомъ перечисляетъ ихъ сочиненія и наконецъ дѣлаетъ отзывы, или произноситъ сужденія объ этихъ сочиненіяхъ. Въ сужденіяхъ о достоинствѣ сочиненій Новиковъ цѣнитъ вѣрность изображенія нравовъ, выдержанность характеровъ, простоту и естественность завязки и дѣйствія; по въ тоже время требуетъ, чтобы все это было украшено искусствомъ. Языку и слогу и вообще внѣшней сторонѣ произведенія, согласно съ требованіями и вкусомъ своего времени, онъ придаетъ такое же значеніе, какъ и содержанію. За внѣшнюю сторону онъ хвалитъ иногда сочиненія, мало интересныя по внутреннему достоинству и наоборотъ; онъ хвалитъ напр. Елагина и Козницкаго, но холодно отзывается о Кантемірѣ. Впрочемъ, это относится преимущественно къ литературнымъ сочиненіямъ. Въ ученыхъ же сочиненіяхъ онъ главное вниманіе обращалъ на знаніе и трудолюбіе. Онъ съ глубокимъ уваженіемъ относится къ обширнымъ знаніямъ Тредьяковскаго, къ его ученымъ и переводнымъ трудамъ; хвалитъ Щербатова, какъ просвѣщеннаго и достойнаго великаго почтенія мужа, какъ знаменитаго любителя и изыскателя древностей російскихъ и писателя исторіи своего отечества. — Въ 1787 г. былъ напечатанъ „Драматическій словарь“⁽²⁾. Имя со-

(¹) Историческій словарь о російскихъ писателяхъ изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извѣстій и словесныхъ преданій, собралъ Николай Новиковъ. Спб. 1772 г. Новое изданіе П. А. Ефремова: Матеріалы для исторіи русской литературы. Спб. 1867. Подробныя свѣдѣнія о словарѣ Новикова въ статьѣ М. И. Сухомлинова: Н. И. Новиковъ, авторъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ. Зап. Акад. наукъ 1865 том. VI.

(²) Драматическій словарь или показанія по алфавиту всѣхъ російскихъ театальныхъ сочиненій и переводовъ, съ означеніемъ именъ извѣстныхъ сочинителей, переводчиковъ и слагателей музыки, которыхъ иногда были представляемы на театрахъ, и гдѣ и въ которое время напечатаны. Новое изданіе Драматическаго словаря было сдѣлано книжнымъ магазиномъ Новаго Времени въ 1881 г.

ставителя этого словаря неизвестно; въ предисловіи къ нему авторъ замѣчаетъ, что онъ составилъ его для дѣтей одного своего пріятели, желавшихъ знать о драматическихъ пьесахъ, какія даются въ Москвѣ и Петербургѣ, но, собравъ свою книгу, не убоился напечатать оную, почитая услугою публикѣ. Интересный въ свое время, какъ справочная книга, для насъ словарь имѣетъ значеніе потому, что изъ него мы можемъ видѣть состояніе драматической литературы въ послѣдней четверти XVIII в. Къ различнымъ сочиненіямъ въ немъ присоединены интересныя примѣчанія о томъ, какой успѣхъ имѣло то или другое сочиненіе, кто изъ актеровъ въ немъ особенно отличался. Вообще онъ представляетъ довольно матеріаловъ для исторіи русской драматической литературы, много анекдотическихкихъ подробностей изъ исторіи русскаго театра, отзывовъ о разныхъ пьесахъ. — Но самымъ дорогимъ приобрѣтеніемъ для исторіи русской литературы, разумѣется, были два словаря о русскихъ писателяхъ знаменитаго митр. Евгенія Болховитниова (1767 — 1837): 1) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина грекороссійской церкви Спб. 1818 г.; 2) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи М. 1845; которые, впрочемъ, только начали приготовляться въ разсматриваемую эпоху, но изданы были уже въ слѣдующемъ столѣтіи⁽¹⁾.

Начало разработки памятниковъ народной старины и словесности⁽²⁾. Мы выше замѣтили, что при стремленіи къ усвоенію идей европейскаго просвѣщенія, эпоха Екатерины была въ то же время эпохою національнаго сознанія и народныхъ патріотическихкихъ стремленій. Писатели часто брали сюжеты для своихъ произведеній изъ народнаго быта, вставляли въ эти произведенія народныя пѣсни, народныя преданія и сказки передѣлывали на современный ладъ, вводили въ свои произведенія народную рѣчь. Рядомъ съ этимъ происходило собраніе, изданіе и изученіе памятниковъ народной поэзіи, мифологіи и народныхъ преданій. Сама императрица Екатерина, какъ мы видѣли, пер-

⁽¹⁾ Начало словаря свѣтскихъ писателей было напечатано въ журналахъ «Другъ Просвѣщенія» 1805—1806 г. и Сынъ Отечества 1824—1822; полное же изданіе словаря сдѣлано только въ 1845 г. Погодинымъ.

⁽²⁾ Исторія разработки народной старины и народной словесности вообще изложена въ превосходномъ изслѣдованіи А. Н. Пыпина: Изученія русской народности. Историко-литературный обзоръ. Вѣсти. Европы 1881—1883.

вая напечатала „Выборныя россійскія пословицы“; потомъ поручила Богдановичу составить сборникъ пословицъ; часть ихъ приказала перевести на французскій языкъ и послала ихъ къ Гриму, чтобы познакомить съ ними Европу. Изъ современныхъ ученыхъ и писателей, какъ собиратели и издатели произведеній народной словесности, сдѣлались извѣстны Чулковъ, Поповъ, Львовъ и Ключаревъ. Михаилъ Дмитриевичъ Чулковъ († 1793) московскій студентъ, а потомъ секретарь сената, издавалъ въ народномъ духѣ, какъ выше указано, два журнала: „И то и се“ и „Парнасскій Щепетильникъ“, въ которыхъ помѣщались статьи по народной старинѣ и народной словесности. Въ 1770—74 г. онъ издалъ въ Спб. собраніе разныхъ народныхъ пѣсень (4 части), заключающее 1) пѣсни или романсы разныхъ тогдашнихъ авторовъ, по преимуществу любовныя, и 2) пѣсни чисто народные, которыя были напечатаны въ первый разъ ⁽¹⁾. Въ 1780 г. онъ напечаталъ „Русскія народныя сказки о богатыряхъ (10 частей); въ 1787 г. „Древнія сказки славянъ древлянскихъ“ (6 частей). Въ предисловіи къ первому собранію сказокъ, указывая на парижскую и берлинскую Вивліюнику романовъ и повѣстей, онъ говоритъ: „Россія имѣетъ такъ же свои (т. е. романы и повѣсти), и оныя хранятся только въ памяти; я заключилъ подражать издателямъ, прежде меня начавшимъ подобныя изданія, и издаю сіи сказки русскія, съ намѣреніемъ сохранить сего рода наши древности, и поощрить людей, имѣющихъ время собрать все оныхъ множество, чтобы составить вивліюнику русскихъ романовъ . . . Наконецъ во удовольствіе любителямъ сказокъ включилъ я здѣсь таковыя, которыхъ никто еще не слыхивалъ, и которыя вышли въ свѣтъ во первыхъ (т. е. впервые) въ сей книгѣ. Въ 1782 г. Чулковъ издалъ „Словарь русскихъ суевѣрій“, который явился потомъ вторымъ дополненнымъ изданіемъ: „Абевега русскихъ суевѣрій. идолопоклонническихъ жертвоприношеній, свадебныхъ простонародныхъ обрядовъ, колдовства, шаманства и проч.“ (М. 1786). Это была первая замѣчательная книга по народной миеологіи и этнографіи. Чулкову помогали въ собраніи народныхъ произведеній *Михайло Поповъ* († 1790), воспитаникъ шляхетскаго корпуса, бывшій секретарь комиссіи новаго Уложения, человѣкъ изъ народа и отличавшійся любовью къ народной поэзіи. Въ 1765 г. онъ издалъ собраніе пѣсень, а въ 1768 г. словарь, или описаніе древняго языческаго славянскаго баснословія; написалъ романъ „Славянскія древности“ и нѣсколь-

(1) Смotr. о старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсень и былинъ Л. Н. Майкова, Журн. М. И, Пр. 1880; ноябрь.

во оперъ и комедій въ народномъ духѣ. — Н. А. Львовъ былъ душою того кружка, литературнаго и художественнаго, который сосредоточивался около Державина, и былъ руководителемъ и другомъ послѣдняго. Въ 1795 г. онъ написалъ богатырскую пѣснь: „Добрыня Никитичъ“. Онъ помогъ капельмейстеру И. Прачу (ум. 1819) сдѣлать собраніе народныхъ пѣсень съ головами (1790) и написалъ къ этому изданію предисловіе. Всѣ народныя пѣсни въ этомъ собраніи раздѣлены на 6 классовъ: протяжныя, плясовыя, хороводныя, свадебныя, святочные и малороссійскія. Въ предисловіи къ изданію, между прочимъ, замѣчено, что „особое раченіе было употреблено на то, чтобы съ возможною точностію записать народную мелодію... Сохранивъ, такимъ образомъ, все свойство народнаго россійскаго пѣнія, собраніе сіе имѣетъ и все достоинство подлинника; простота и цѣлость онаго ни украшеніемъ музыкальнымъ, ни поправками иногда странной мелодіи нигдѣ не нарушены“. — О. П. Ключаревъ, воспитанникъ московскаго университета, бывшій товарищъ Новикова по Дружескому ученому обществу, въ 1804 г. издалъ, подъ заглавіемъ: „Древнія россійскія стихотворенія“, собраніе былинь, дополненное въ послѣдствіи Калайдовичемъ. Такъ начались собраніе и разработка произведеній народной словесности. — Необходимо замѣтить впрочемъ, что этимъ произведеніямъ тогда совсѣмъ не приписывали такого значенія, какъ нынѣ, и во всякомъ случаѣ ставили ихъ гораздо ниже произведеній древней письменной литературы. „Изображеніе быта и правовъ минувшаго времени, говоритъ Болтинъ, надо искать въ литературныхъ т. е. въ письменныхъ памятникахъ, а отнюдь не въ такъ называемыхъ народныхъ пѣсняхъ. Изображаютъ вкусы и нравы народа тогдашняго вѣка лѣтописи Несторова, Іоакимова, законы Ізяславовы и Ярославовы, договоры мирные и грамоты, изложенія духовныя и политическія и подобныя имъ уцѣлѣвшіе отъ древности письменные остатки. Старинныя же пѣсни, каковы объ Ильѣ Муромцѣ, о пирѣхъ князя Владиміра и проч. пѣсни подлѣя, безъ всякаго склада и ладу. Подлинно таковыя пѣсни изображаютъ вкусъ тогдашняго вѣка, но не народа, а черни, людей безграмотныхъ и можетъ быть бродягъ, кои ремесломъ симъ кормились, что, слагая такія пѣсни, пѣли ихъ для испрошенія милостыни, подобно тому, какъ и нынѣ нищіе, а паче слѣпыя, слагая нелѣпыя стихи, поютъ ихъ, ходя по дорогамъ, гдѣ чернь собирается“ (1). Державинъ, какъ уже выше замѣчено, такъ же не очень высоко цѣнилъ произведенія народной словес-

(1) Примѣч. на ист. Лексерка II, 60.

пости. Говоря о былинахъ, изданныхъ Якубовичемъ, онъ почти не находить въ нихъ ни поэзіи, ни разнообразія въ картинахъ, ни въ стопосложеніи, кромѣ немногихъ: „онѣ одноцвѣтны и монотонны“. На томъ основаніи, что въ нихъ постоянно говорится о татарахъ, онъ думалъ, что всѣ онѣ сочинены уже по освобожденіи отъ ига ихъ, какимъ нибудь однимъ человекомъ, а не многими, чѣмъ и доказывается не вкусъ цѣлаго народа“ (1). Такимъ образомъ вообще старинѣ и народной словесности въ это время приписывалось значеніе только поэтическое и баснословное, а не этнографически-историческое. Такъ смотрѣли на нихъ и сами ихъ собиратели и изслѣдователи. Печатавъ „Описаніе славянскаго баснословія“ (въ 1768). Поповъ говорилъ: „Сіе сочиненіе сдѣлано больше для увеселенія читателей, нежели для историческихъ справокъ и больше для стихотворцевъ, нежели для историковъ“. Памятники старины только что стали приводиться въ извѣстность; никакой критики, ни филологической, ни исторической, еще не существовало. Чисто народные элементы въ нихъ еще не были отдѣлены отъ разныхъ постороннихъ наростовъ. Въ Абевергъ русскихъ суетвѣрій Чулкова, между русскими суетвѣріями, мы встрѣчаемъ много вѣрованій и обычаевъ всякихъ русскихъ инородцевъ, татаръ, мордвы, чувашъ и проч., о какихъ авторъ могъ найти свѣдѣнія. Не придавая памятникамъ народной старины и старинной народной поэзіи историческаго значенія, обращались съ ними, какъ съ поэтическимъ матеріаломъ; въ случаѣ пробѣловъ или пропусковъ народной памяти, не стѣснялись дѣлать разныя дополненія и украшенія и создавали иногда даже вновь. Это дѣлали и въ послѣдствіи въ XVIII в. Глинка, издавая свою книгу „Древняя религія славянъ“ прямо заявляетъ: „описывая произведенія фантазіи или мечтательности (такъ онъ понималъ древнюю мифологію), я думаю, что не погрѣшу, если при встрѣчающихся пустотахъ и недостаткахъ въ ея произведеніяхъ, буду дополнять свойственною подѣ древнюю статью фантазією“. Онъ помѣстилъ гимнъ Перуну, отсутствующій у историковъ и сочиненный имъ самимъ „подѣ древнюю статью“. Извѣстно, что одинъ, не очень хитрый поддѣльщикъ тѣхъ временъ, сочинилъ на мнимо старинномъ языкѣ гимнъ Бояна, найденный „въ свиткѣ перваго вѣка, вмѣстѣ съ нѣсколькими пропзрѣченіями пятаго столѣтія новгородскихъ жрецовъ“. Державинъ переложилъ этотъ гимнъ въ новѣйшіе стихи. Съ точки зрѣнія псевдоклассической аристократической теоріи, эти произве-

(1) Разсужденіе о личн. поэзіи, Сочиненія VII. 607—608.

денія, какъ произведенія подлаго народа, считались въ подлинномъ ихъ видѣ недостойными вкуса образованныхъ людей, и потому при изданіи ихъ признавали необходимымъ очищать ихъ отъ грубости, украшать и вообще приспособлять къ современному вкусу. Богдановичъ въ своемъ сборникѣ нѣкоторыя пословицы переложилъ въ стихи и вообще измѣнялъ и передѣлывалъ. Поговъ въ предисловіи къ изданію русскихъ пѣсень говоритъ: „Со старинными пѣснями поступалъ я такимъ образомъ: по учиненіи онымъ изъ преогромныя стаи очень малаго выбора, потщался въ нѣкоторыхъ исправить не только разногласіе и мѣру въ стихахъ, но и переставлялъ оныя съ одного мѣста на другое, дабы связь ихъ теченія и смысла сдѣлать чрезъ то плавнѣйшею и естественнѣйшею, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не доставало“⁽¹⁾. Выше указано, какъ Державинъ, въ своихъ драматическихкихъ пѣсахъ изъ народной исторіи, измѣнялъ народныя сказанія, или смѣшивалъ ихъ съ иностранными, не русскими сказаніями. — Не смотря однакожъ на такія искаженія и вообще ошибки и неправильности въ пониманіи истиннаго характера и значенія памятниковъ народной старины и народной словесности, всѣ указанные выше труды ихъ собирателей и изслѣдователей имѣли весьма важное значеніе; они положили начало для ихъ разработки и приготоили много матеріаловъ для будущихъ дѣателей въ этой области.

Изъ литературныхъ сочиненій, переводныхъ и оригинальныхъ, составлялись хрестоматическіе сборники для популярнаго чтенія и общаго употребленія. Таковы были „Товарищъ разумный и замысловатый“ Семенова, „Письмовникъ“ Курганова и „Старичекъ весельчакъ“ неизвѣстнаго автора. Первый сборникъ вышелъ въ 1764 г. подъ заглавіемъ: „Товарищъ разумный и замысловатый, или собраніе хорошихъ словъ, разумныхъ замысловъ, скорыхъ отвѣтовъ, учивыхъ насмѣшекъ и пріятныхъ приключеній знатныхъ мужей древняго и пивѣшняго вѣковъ, переведенной съ французскаго и умноженной изъ разныхъ латинскихъ, къ сей же матеріи принадлежащихъ, писателей, какъ для пользы, такъ и для увеселенія общества“. Съ эпитафюмъ изъ Горация: *Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci*, то есть: „тотъ всякому угождаетъ, кто вдругъ и полезное и пріятное предлагаетъ“. Въ предисловіи къ Товарищу было сказано: „Мяѣнія, скорые отвѣты и замысловатая рѣчи были всегда у всѣхъ политическихъ народовъ въ почтеніи. Греки и римляне оказались въ томъ первые чрезъ стараніе, которое они имѣли въ собиравіи и употребленіи оныхъ. Юлій Кесарь собралъ довольное число замысло-

(1) Сказанія Р. Н. Сахарова I, 28.

ватыхъ рѣчей отъ своихъ современниковъ. Славный историкъ Плутархъ съ немалымъ тщаніемъ старался собирать замысловатыхъ рѣчи, сказанныя знатыми людьми, концы онъ описывалъ жизни; въ чемъ такъ же Діогенъ Лаэртій не преминулъ ему послѣдовать, описывая жизни философовъ; а изъ нынѣшнихъ милордъ Баконъ Гишарденъ и многіе другіе оными набогатили свои писанія“. Сопоставляя свой сборникъ замысловатыхъ рѣчей съ древними апофегмами, составитель указываетъ и различіе между ними: „Апофегматы отличаетъ отъ замысловатой рѣчи, или отъ скорого отвѣта тѣмъ, что первый бываетъ обыкновенно важенъ и подающъ наставленіе, а замысловатая рѣчи и скорые отвѣты насъ наставляютъ и увеселяютъ въ одно время; иногда такъ же бываютъ совсѣмъ увеселительныя, а иногда язвительныя и сатирическія“⁽¹⁾. Но гораздо разнообразнѣе по предметамъ и серьезнѣе и важнѣе по характеру былъ „Письмовникъ“ Курганова⁽²⁾. *Николай Гавриловичъ Кургановъ* (1726—1796) былъ профессоромъ математики и навигаціи въ морскомъ корпусѣ. Онъ извѣстенъ, какъ составитель руководствъ по ариметикѣ, геометріи, навигаціи; но особенную извѣстность онъ приобрѣлъ своимъ хрестоматическимъ сборникомъ, подъ заглавіемъ: „Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку русскаго языка, со многими присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезно-забавнаго вещесловія“ (1777 г.). Это была энциклопедія того времени, обнимающая сумму тогдашнихъ знаній по разнымъ частямъ науки, и содержащая сборникъ разныхъ сочиненій литературнаго характера, для наставленія и увеселенія читателей. Книга состоитъ изъ двухъ частей. Въ началѣ помѣщена русская грамматика, а потомъ, въ формѣ хрестоматіи къ ней, приложено восемь „присовокупленій“. Въ предисловіи авторъ рассказываетъ, что онъ, вздумавъ поучить дѣтей своимъ правиламъ русскаго языка, по прежде изданной русской грамматикѣ, нашелъ ее для нихъ „многотрудною“ и потому принужденъ былъ ее „преобразить“. Сверхъ того, обогатилъ онъ ее присовокупленіемъ разныхъ благопристойныхъ вещей, вѣдая, что „различность веселитъ, обогащаетъ мысли и просвѣщаетъ разумъ... Станетъ, въ семьѣ не безъ уroda: нѣкоторыя рѣчи въ пословицахъ и повѣсткахъ найдутся простоваты и ошибки въ словотолкѣ; причиною тому новое сіе дѣло, могущее исправиться еще въ будущихъ изданіяхъ. Впрочемъ, должно взирать на хитрость пчелъ, и внимать

⁽¹⁾ Историч. хрест. новаго періода русской словесности А. Галахова II, 547—548.

ученію: будьте мудри, яко змія, и цѣли, яко голубіе. Подобаеть вамъ и ереси знати, да искусѣйшіе явитесь. Критики избѣ-
жать трудно и всеѣмъ управить невозможно. Человѣкъ есть жи-
вотное, подверженное смѣху и надъ другими издѣваться любя-
щее; легче судить и цѣнить, нежели что либо сочинять и изда-
вать. Въ книгу сію занятая мѣстами чуждинка не порокъ, ибо
и творцы нынѣшніе походятъ на спичиковъ или бытописцевъ“ (1).
Присовокупленія, составляющія хрестоматію книги, слѣдующія:
1) Сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ. Пословицы распо-
ложены по алфавиту; изложеніе ихъ мѣстами отзывается книж-
нымъ складомъ. 2) Краткія замысловатыя повѣсти. Онѣ заимство-
ваны изъ разныхъ иностранныхъ источниковъ и имѣютъ харак-
теръ краткихъ анекдотовъ поучительнаго, забавнаго, а иногда
и вольнаго, соблазнительнаго содержанія. 3) Древнія Апофеегмы
и Эпиктетово нравоученіе. Апофеегмы взяты изъ переводной кни-
ги, напечатанной въ 1711 г. и потомъ издававшейся нѣсколько
разъ: онѣ содержатъ краткія изрѣченія разныхъ знаменитыхъ
мужей древности. Эпиктетово нравоученіе взято изъ Бельгардо-
ва французскаго перевода. — Разсужденіе Сенеки о четырехъ
главныхъ добродѣтеляхъ: благоразуміи, мужествѣ, воздержности,
правосудіи. — Перечень человѣческихъ знаній: краткія свѣдѣнія о
Богѣ, человѣкѣ, вѣрѣ, законахъ. 4) Разные учебные разговоры.
Изъ 8-ми разговоровъ особенное значеніе имѣютъ 7-й о міеоло-
гії, гдѣ кратко изложена греко-римская міеологія, и 8-й, гдѣ
помѣщенъ отдѣлъ изъ теоріи словесности—„о поэзії и прозѣ“ и
разныхъ формахъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеній.—
Сборникъ разныхъ стихотвореній—образцы эпитафій, оды, экло-
ги, идилліи, элегіи, притчи, басни, эпиграммы, загадки, сатиры
и проч.—6) Всеобщій чертежъ наукъ—обширная и очень дѣль-
ная статья, въ которой объясняется происхожденіе разныхъ на-
укъ и художествъ, ихъ предметъ, взаимное отношеніе, ихъ до-
стоинство и значеніе.—Краткій повѣстной лѣтописецъ. Неустра-
шимость духа, геройскіе подвиги и примѣрные анекдоты рус-
скихъ и иностранныхъ великихъ мужей и проч. особъ.—7) Сло-
варь разноязычный, или толкованіе европейскихъ, греческихъ,
латинскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и прочихъ иноземныхъ,
употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ, и нѣкоторыхъ славянскихъ

(1) Заимствованія и источники книги Курганова указаны въ статьѣ
А. П. Кирпичникова: «Былыя знаменитости русской литературы. Кур-
гановъ и его Письмовникъ». Истор. Вѣсти. 1887. сентябрь, 473—503.
Главные заимствованія въ отдѣлѣ повѣстей и анекдотовъ сдѣланы изъ
Roger Bontems en belle humeur, donnant aux tristes et aux affligés le
moyen de chasser leurs ennuis et aux joyeux le secret de vivre toujours
contents. 1670.

словъ. Очень понятно, что при такомъ разнообразномъ содержаніи, Письмовникъ Курганова не только въ концѣ прошлаго, но и въ нынѣшнемъ столѣтіи пользовался большою популярностію и имѣлъ множество изданій; при новыхъ изданіяхъ дѣлались еще новыя прибавленія. Далеко не имѣетъ такого значенія третій сборникъ, несравненно нисшаго достоинства, хотя такъ же долго служившій народною книгою, „Старичекъ весельчакъ, рассказывающій давнія московскія были“, напечатанный въ первый разъ въ 1790 г. Неизвѣстный его составитель переложилъ въ стихи нѣсколько замысловатыхъ повѣстей, назвавъ ихъ былями. — Наконецъ писались въ это время книги и прямо для простаго народа. Изъ писателей такихъ книгъ извѣстенъ Матвѣй Комаровъ, называющій себя жителемъ Москвы. Онъ издалъ: „Обстоятельныя и вѣрныя исторіи двухъ мошенниковъ: перваго россійскаго славнаго вора . . . Ваньки Каина; втораго французскаго мошенника Картуша (1779); Повѣсть о приключеніи англійскаго милорда Георга и брандебургской маркграфини Луизы, съ присовокупленіемъ къ оной „исторіи бывшаго турецкаго визиря Марцимириса и сардинской королевы, Терезіи (1782); Невидимка, исторія о Фецкомъ королевичѣ, Аридесѣ, и о братѣ его, Полумедесѣ; Сборникъ стиховъ и прозы и разныя письменныя матеріи (1791). Исторія Ваньки Каина и Повѣсть о милордѣ Георгѣ до сихъ поръ обращаются въ народномъ чтеніи, какъ любимыя книги, и выдержали множество изданій съ картинками и портретомъ англійскаго милорда (¹).

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Состояніе духовнаго образованія въ екатерининскую эпоху. Въ духовномъ образованіи и духовной литературѣ въ екатерининскую эпоху мы встрѣчаемъ такъ же замѣтное оживленіе, въ слѣдствіе какъ общаго вліянія просвѣтительныхъ стремленій XVIII в., такъ и нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣръ. Духовныя училища, какъ и прежде, продолжали быть разсадниками, изъ которыхъ набирали воспитанниковъ въ академическую гимназію и университетъ и для отправленія въ ученіе за границу. Академики Румовскій, Озерецковскій и Никита Соколовъ были изъ духовнаго сословія и учились сначала въ московской академіи; поэтъ Костровъ былъ вятскій семинаристъ, докончившій образованіе въ московской академіи; нѣкоторые литераторы и журналисты, напр. Рубанъ, образованіе свое получили также

(¹) О сочиненіяхъ Комарова смотр. у Бѣлинскаго том. III, 251—257.

въ духовныхъ школахъ. Но, заботясь о распространеніи образованія въ Россіи по современнымъ идеямъ, Екатерина хотѣла поднять и духовныя школы также до современнаго уровня. Образованная съ этою цѣлію, духовная комиссія изъ Гавріила еп. тверскаго, Иннокентія псковскаго и іеромонаха Платона (впослѣдствіи митр. московскаго), сверхъ преобразованія духовныхъ семинарій расширеніемъ курса наукъ и улучшеніемъ экономическихъ средствъ, предполагала учредить въ Москвѣ даже духовный университетъ, или по крайней мѣрѣ богословскій факультетъ при московской академіи. Предположеніе это стояло въ связи съ посылкой воспитанниковъ семинарій для высшаго образованія въ заграничныя университеты ⁽¹⁾. Въ 1765 г. Св. Синоду была объявлена высочайшая воля, чтобы изъ учениковъ семинарій избрать десять человѣкъ для отправленія ихъ въ Англію, чтобы въ университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ, въ пользу государства, могли научиться высшимъ наукамъ и восточнымъ языкамъ, не выключая и богословія. Для надзора за ними положено было послать двухъ инспекторовъ. Изъ выбранныхъ учениковъ одни были отправлены въ Оксфордъ, другіе въ Геттингенъ, третьи въ Лейденъ. По инструкціи, данной посланнымъ въ Англію, предписывалось: обучаться греческому, еврейскому и французскому языкамъ, моральной философіи, исторіи наипаче церковной, географіи и математическимъ принципіямъ, такъ же и непространной богословіи... Всѣмъ вообще ходить на публичныя диспуты и другія ученыя университетскія собранія, также и на проповѣди, прислушиваясь къ чистотѣ ихъ языка и проповѣдническаго стиля. При слушаніи тамошней богословіи могутъ случиться догматы, нашей церкви противные; инспектору надлежитъ заблаговременно ихъ лекціи разсмотрѣть и ежелибъ такія противности случились, о томъ студентовъ въ осторожность съ истолкованіемъ увѣдомить, дабы слушаніе оныхъ имъ также служило впредь единымъ нужнымъ пастырскимъ свѣдѣніемъ разницы догматовъ между христіанскими исповѣданіями“ ⁽²⁾. Посланные ученики учились съ полнымъ усердіемъ и заслужили отъ профессоровъ, которыхъ слушали, самые лестные отзывы; но многіе изъ нихъ, по молодости лѣтъ, не выдержали трудности ученія, и захворали, нѣкоторые даже умерли, а нѣкоторые должны были возвратиться прежде окончанія курса. Прежде всѣхъ возвратились въ Россію студенты, учившіеся въ Оксфордѣ и Лейденѣ и послѣ экзамена

⁽¹⁾ Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года П. В. Знаменскаго, стр. 469—480.

⁽²⁾ Истор. Россіи Соловьева XXVI, 318—319.

были размѣщены по разнымъ семинаріямъ. Самые отличные успѣхи изъ нихъ на экзаменѣ оказалъ Дмитрій Семеновъ-Рудневъ, въ послѣдствіи Дамаскинъ, епископъ нижегородскій, который сначала учился въ московской академіи и былъ отправленъ въ Англію уже изъ учителей крутицкой семинаріи, въ качествѣ инспектора надъ студентами. Духовная коммиссія, представляя Императрицѣ отчетъ объ экзаменѣ студентовъ, представила вмѣстѣ съ нимъ еще докладъ объ основаніи въ Москвѣ богословскаго факультета. Указавъ на то, что, по примѣру европейскихъ университетовъ, въ которыхъ, кромѣ другихъ факультетовъ, есть еще факультетъ богословскій, слѣдовало учредить богословскій факультетъ и при московскомъ университетѣ, при его основаніи; но этотъ факультетъ не былъ учрежденъ, потому что тогда учителей и профессоровъ для него своихъ не было, а надобно было ихъ выбирать изъ чужестранцевъ. Коммиссія представляла, что для образованія духовенства полезно было бы учредить этотъ факультетъ подъ особеннымъ управленіемъ Синода и собственнымъ покровительствомъ государыни. Всего удобнѣе было бы открыть этотъ факультетъ въ Москвѣ, какъ городъ многолюдномъ; профессорами и учителями этого факультета могутъ быть какъ уже возвратившіеся изъ заграницы студенты какъ напр. Семеновъ съ товарищами, такъ и тѣ, которые еще возвратятся изъ Лейдена и Оксфорда. Для приготовленія къ этому факультету можно бы устроить отдѣленіе въ Спасскомъ монастырѣ, или даже особую при факультетѣ гимназію... Изъ богословскаго факультета всѣ должны были бы поступать или въ учителя семинарій, или въ духовное и монашеское званіе. Такимъ образомъ, въ духовенствѣ оказалось бы современемъ много просвѣщенныхъ людей... Такъ какъ въ Спасскомъ монастырѣ академія заведена еще при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ въ 1662 г.; то для сохраненія сего древняго учрежденія можно бы и богословскій факультетъ причислить къ ней же, такъ чтобы оба эти училища, учрежденные для духовенства, назывались одною академіею“. Прочитавъ этотъ докладъ, Екатерина велѣла коммиссіи подать ей проектъ плана, на какомъ основаніи и съ какимъ порядкомъ можетъ быть учрежденъ въ Москвѣ богословскій факультетъ. Въ слѣдствіе этого въ Синодѣ въ 1777 г. были составлены и поданы Императрицѣ уставъ и штатъ академіи и предполагаемаго при ней богословскаго факультета; но они остались почему-то безъ послѣдствій ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Проектъ Богословскаго факультета при Екатеринѣ II. Z. Вѣстникъ Европы 1873; ноябрь.

Въ духовенствѣ Екатерининской эпохи мы встрѣчаемъ много образованныхъ людей, которые были замѣчательными дѣятелями какъ въ наукѣ, такъ и дѣлахъ общественныхъ. При Петрѣ В. духовенство помогало дѣлу реформы своимъ словомъ; во 2-й половинѣ XVIII в., когда литература достигла уже такого развитія, что могла быть лучшимъ орудіемъ для проведенія всякаго рода идей въ общество, Екатерина не имѣла такой нужды въ помощи церковнаго слова; но для того, чтобы своимъ учрежденіямъ придать санкцію церкви и духовенства, она нерѣдко обращалась къ духовенству съ разными порученіями. Еще до обнародованія Наказа она поручила рассмотреть его архіепископу Гавріилу, вмѣстѣ съ Иннокентіемъ, епископомъ тверскимъ, и іеромонахомъ Платономъ. Рассмотрѣвъ Наказъ, они написали, что во всемъ Наказѣ „святая блистаетъ мысль, чтобы доставить всякому любезную естественную вольность, соединяя оную съ не нарушеніемъ общаго покоя, и чтобы наказаніе зла было совокупно съ исправленіемъ злыхъ“, и прибавляли, что почтутъ счастливейшимъ въ своей жизни то время, когда вступить въ дѣйствіе „божественное законодательство“, составленное по идеямъ Наказа. Но, выражая такое сочувствіе къ Наказу вообще, Гавріилъ и его сотрудники въ тоже время указали, хотя въ самой мягкой формѣ, и тѣ крайности, въ какія, по ихъ мнѣнію, впадаетъ иногда Наказъ⁽¹⁾. Въ комиссію для составленія новаго уложенія былъ назначенъ депутатомъ отъ Синода сначала архіеп. Дмитрій Сѣменовъ, а потомъ, послѣ его смерти, преемникъ его по кафедрѣ, Гавріилъ Петровъ. При открытіи комиссіи, предъ принесеніемъ депутатами присяги, Гавріилъ говорилъ рѣчь о томъ, что основаніе общественныхъ законовъ лежитъ въ самомъ существѣ общества, подобно тому, какъ основаніе нравственнаго закона таится въ глубинѣ души человѣка. Законъ общества... есть изъясненіе того закона, который во всѣхъ насъ вліяетъ отъ Бога. Итакъ соглашать законъ общества съ закономъ Божиимъ есть возставлять челоѣчество, приводить его въ полное благополучіе и прославлять самаго законодателя... Счастлива Россія, что премудрую и попечительную монархію имѣетъ; счастливы вы, которые удостоены предлагать ей свои изобрѣтенія. Ваша, почтенные господа, честь и избраніе на великое сіе дѣло суть тѣ превосходныя качества, которыя въ васъ находитъ монархія, почитаетъ общество, и которыми одарилъ васъ Богъ... Выведите любовь вашу изъ тѣсныхъ ва-

(¹) Ист. рос. академіи 1, 61—62. Здѣсь приложены и самыя замѣчанія на Наказъ, какія сдѣланы Гавріиломъ и его сотрудниками.

иныхъ границъ и распространите ко всѣмъ; примите чувство, и возымѣйте состраданіе бѣдности другихъ; почитите благополучіе всякаго въ обществѣ благополучіемъ своимъ, и признайте, что несчастіе и послѣдняго въ обществѣ должно почитать несчастіемъ всего общества; устремите силы ваши на такія изобрѣтенія, чтобъ вкоренить во всѣхъ человѣколюбіе и благонравіе, отвратить ихъ отъ пороковъ и удержать отъ продерзости на законъ; такъ добродѣтель и вѣра останутся въ покоѣ, такъ процвѣтетъ благополучіе Россіи. . . Господи! открой завѣсу, которая преграждаетъ насъ отъ Тебя, чтобы мы могли яснѣе увидѣть величество Твое, воодушевить себя чувствомъ Твоего правосудія, и при исполненіи сихъ нашихъ клятвъ насладиться Твоею благостію“ (¹). Послѣ открытія комиссіи, при представленіи депутатовъ, архіеп. Дмитрій также говорилъ рѣчь, въ которой законодательное право императрицы связывалъ съ древнимъ законодательствомъ: „Прославлялась иногда древняя Греція, прославлялся и Римъ своими законодателями; но къ полной ихъ славы не доставало того, что не просвѣщены были евангельскимъ ученіемъ, которое есть всякаго нравоученія претвердымъ основаніемъ, но ты, симъ свѣтомъ путеводима, изъ источниковъ истины христіанскія почерпавши воду животную. Были и въ христіанскихъ греческихъ государствахъ, кои славу законодателя получили; но теченію вещей, неизвѣстнымъ Божиимъ судьбамъ, премѣнившися, (вслѣдствіе турецкаго нашествія) сила законовъ сама собою перестала. Но въ сихъ судьбахъ печальныхъ усматриваемъ мы судьбу для насъ благопріятную, ибо по перенесеніи съ Востока къ намъ вѣры, и право законодательства яко наслѣдственно тебѣ препоручено отъ Того, Который и настоящая потребно править и будущая полезно устрояетъ“ (²).—22 ноября 1768 г., сенатъ и комиссія уложенія поздравляли Екатерину съ выздоровленіемъ послѣ привитія оспы; при этомъ архіеп. Гавріилъ, какъ депутатъ комиссіи, говорилъ: „Ваше намѣреніе, чтобы законодательствомъ привести Россію къ такому совершенству, дабы російскій народъ, сколько возможно по человѣчеству, въ свѣтъ благополучнѣйшимъ и паче всѣхъ справедливостію процвѣтающимъ былъ. Ваши премудрыя предписанія, руководящія насъ къ тому, наполняютъ насъ отмыннымъ къ Вашему императорскому Величеству усердіемъ, любовію и благоговѣніемъ. Ваше умножающееся благополучіе жизнь Вашу дѣлаетъ намъ драгоцѣнною; но при всемъ томъ едино еще оставалось, что насъ смущало, опасность той язвы,

(¹) Истор. рос. академіи 1, 93—100. (²) Исторія Россіи Соловьева XXVII, 85—86.

которую климат сей дѣлаетъ всеѣмъ общео: Ваше императорское Величество, желая совершить и утвердить наше блаженство, наше смущеніе своимъ великодушіемъ утишили, и принявъ на себя опытъ опасный, опасность вашу отвратили“ (1). При открытіи воспитательныхъ заведеній, учрежденіи въ разныхъ мѣстахъ намѣстничествъ, вообще при всеѣхъ важныхъ событіяхъ, проповѣдники старались объяснить важность и смыслъ этихъ событий.

Несомнѣнно, что образованное духовенство и особенно его представители сочувствовали гуманнымъ учрежденіямъ Екатерины, равно какъ и тѣмъ просвѣтительнымъ идеямъ, изъ которыхъ выходили эти учрежденія. Въ словахъ и рѣчахъ Гавріила мы часто встрѣчаемъ мысли, сходныя съ мыслями, выраженными въ Наказѣ. Нравственное ученіе Гавріила отзывается современными идеями естественнаго права; въ вопросахъ догматическихъ онъ, согласно съ требованіями современной философіи, предписываетъ разсудительность и разумность. Митр. Платонъ въ своихъ проповѣдяхъ весьма часто обращался къ современному вопросу о воспитаніи и выражаетъ тѣже идеи, какія выражаются въ сочиненіяхъ Екатерины и современныхъ писателей. Въ „Увѣщаніи къ раскольникамъ“ онъ является проповѣдникомъ вѣротерпимости и убѣждаетъ всеѣхъ обходиться съ раскольниками, какъ съ братьями. Въ повѣстяхъ архіеп. Аполлоса мы такъ же находимъ современные просвѣтительныя идеи. По вопросу о воспитаніи, онъ написалъ „Общій способъ ученія для всякаго состоянія свободныхъ людей“. Въ проповѣдяхъ Анастасія Братановскаго о безсмертіи души много мыслей, сходныхъ съ мыслями Эйлера, знаменитыя письма котораго въ это время пользовались особенною популярностію. Но, сочувствуя гуманнымъ идеямъ современной науки и литературы, духовенство не могло, разумѣется, сочувствовать ихъ отрицательной сторонѣ и особенно скептическимъ и революціоннымъ идеямъ энциклопедистовъ. Всегда отвергая подобныя идеи, оно съ особенною силою и ревностію начало возставать противъ нихъ тогда, когда французская революція показала, къ какимъ послѣдствіямъ они приводятъ общество. Противъ энциклопедистовъ и русскихъ вольнодумцевъ, увлекавшихся ученіемъ энциклопедистовъ, духовенство писало сочиненія, или переводило на русскій языкъ сочиненія, написанныя въ Европѣ; проповѣдники и особенно Платонъ и Анастасій говорили противъ нихъ съ церковной кафедры. Въ этомъ оппозиціонномъ движеніи духовенство сначала примыкало къ масонству, которое, какъ мы видѣли, пер-

(1) Тамъ же стр. 7—8.

вое начало борьбу съ философіей энциклопедистовъ; но потомъ, когда оказалось, что само масонство заключаетъ въ себѣ множество страннаго и даже противнаго чисто христіанскому ученію, оно отдѣлилось отъ масонства и начало ратовать противъ него.

Замѣчательные духовные писатели и разные духовныя, оригинальныя и переводныя, сочиненія ⁽¹⁾. Мы сказали, что въ духовенствѣ въ екатерининскую эпоху было много образованныхъ людей, которые заявили свою дѣятельность въ наукѣ и литературѣ. Когда Вольное Россійское Собраніе стало собирать областныя слова и письменные памятники древности и старины, духовныя лица разныхъ епархій оказали ему въ этомъ большое содѣйствіе, доставивши множество областныхъ словъ и особенностей въ рѣчи разныхъ мѣстностей. При учрежденіи Россійской Академіи, въ составъ 78 ея членовъ вошло 19 духовныхъ лицъ — 11 монашествующихъ и 8 лицъ изъ бѣлаго духовенства, и все эти лица явились дѣятельными участниками въ трудахъ Академіи, особенно при составленіи словаря русскаго языка ⁽²⁾. Многія духовныя лица, сверхъ обширныхъ богословскихъ знаній, сдѣлались извѣстны научными и литературными трудами, каковы были уже упомянутые выше нижегор. архіеп. Дамаскинъ Семеновъ - Рудневъ, екатерин. архіеп. Амвросій Серебренниковъ, арханг. архіеп. Аполлосъ Байбаковъ и протоіерей моск. собора Петръ Алексѣевъ. — Дамаскинъ былъ человѣкъ замѣчательно - даровитый и любознательный. Въ теченіе шести лѣтъ (1766—1772) онъ слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ по разнымъ духовнымъ и свѣтскимъ наукамъ, и обращалъ на себя вниманіе всѣхъ профессоровъ; особенно же усердно онъ занимался исторіей и за историческіе труды былъ избранъ въ члены Геттингенскаго историческаго института; въ собраніи этого института онъ читалъ свое сочиненіе: „о слѣдахъ славянскаго языка въ писателяхъ греческихъ и латинскихъ“. Когда онъ возвратился въ Россію, его хотѣли, какъ выше замѣчено, сдѣлать профессоромъ предполагавшагося богословскаго факультета; но, такъ какъ открытіе этого факультета не состоялось, то онъ былъ сдѣланъ профессоромъ, а потомъ и ректоромъ московской акаде-

---

⁽¹⁾ Кромѣ словарей митр. Евгенія и архіеп. Филарета, свѣдѣнія о духовныхъ писателяхъ екатерининской эпохи въ исторіяхъ — кievской академіи Макарія, московской академіи С. Смирнова. М. 1836, петербургской академіи П. Чистовича Спб. 1837 г. и въ исторіи Россійской академіи М. И. Сухоминова. Вып. I.

⁽²⁾ Истор. рос. Академіи. Вып. I.

мін и наконецъ орловскимъ и спустя нѣкоторое время нижегородскимъ епископомъ. Кромѣ указанной выше „Библіотеки российской“. Дамаскинъ извѣстенъ своими проповѣдями и изданіемъ сочиненій Ломоносова. Теофана Прокопозича (Объ происхожденіи Св. Духа) и митр. Платона. Онъ былъ членомъ российской академіи и участвовалъ въ изданіи словаря русскаго языка. — Архіеп. Амвросій такъ же былъ членомъ академіи, пользовался большою извѣстностію, какъ переводчикъ „Потеряннаго райа“ Мильтона и какъ авторъ убогаго выше руководства къ „Ораторіи“, долго употреблявшагося въ школахъ. Ораторія эта была написана подъ вліяніемъ реторики Ломоносова и разныхъ школьных реторикъ XVIII в. Примѣры, приведенные въ пей, заимствованы большею частію изъ поучительныхъ словъ Платона, стихотвореній и рѣчей Ломоносова, изъ трагедій и одъ Сумарокова. Какъ проповѣдникъ, Амвросій славился надгробнымъ словомъ Потемкину, произнесеннымъ при его погребеніи въ Яссахъ (въ 1791 г.). — Архіепископъ Аполлосъ былъ воспитанникъ московской академіи, но докончилъ свое образованіе въ московскомъ университетѣ. — Подобно Дамаскину, онъ такъ же отличался любознательностію и всю жизнь занимался учеными трудами. Во время пребыванія въ москов. университетѣ, онъ составилъ курсъ статистики, по лекціямъ профессора Рейхеля; состоя преподавателемъ словесности въ москов. академіи, написалъ указанную выше „Піитику“, которая вмѣстѣ съ „Ораторіей“ Амвросія сдѣлалась такъ же руководствомъ въ школахъ. Піитика написана подъ вліяніемъ сочиненій Тредьяковскаго и старинныхъ піитикъ, употребившихся въ духовныхъ школахъ. Примѣры въ піитикѣ приводятся такъ же изъ сочиненій Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и другихъ писателей. Въ піитикѣ приложенъ краткій „словарь піитико-историческихъ примѣчаній“, въ которомъ лица и событія, принадлежащіе къ области міеологии, объясняются какъ иносказанія, имѣющія назидательный смыслъ. Въ санѣ епископа Аполлосъ писалъ толкованія на книги Свящ. Писанія и другія сочиненія богословскаго содержанія. Но что особенно замѣчательно, Аполлосъ писалъ и литературныя сочиненія, въ формѣ повѣстей, и переводилъ стихотворенія иностранныхъ поэтовъ. „Повѣсти Аполлоса, говоритъ М. И. Сухомлиновъ, по своему аллегорическому содержанію, отчасти напоминаютъ произведенія масонской литературы. Съ другой стороны, въ нихъ замѣчаются до нѣкоторой степени тѣ же просвѣтительныя стремленія, тоже признаніе правъ науки и изслѣдованія силъ природы, которое съ такою яркостію обнаруживается во многихъ сочиненіяхъ Ломоносова. Въ одной изъ по-

вѣстей олицетворены два начала въ человѣческомъ существѣ, духовное и физическое, неразрывно связанные между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ осужденныя на постоянную борьбу. Другая повѣсть, подъ видомъ лишеннаго зрѣнія Уранія, изображаетъ судьбу человѣка—существа слѣпаго въ дѣлѣ своего спасенія и обрѣтающаго свѣтъ въ предвѣчномъ Отцѣ и т. д. Въ повѣсти Евгеонитъ т. е. рожденный для блага раскрывается та мысль, что истинное благо проистекаетъ изъ созерцанія Божіихъ дѣлъ, или другими словами, что Творца должно изучать въ его твореніяхъ... Подавляемый разнообразіемъ и непостижимостію силъ и явленій природы, Евгеонитъ падаетъ духомъ, но на помощь ему является Діакрисъ и своими разумными рѣчами разрѣшаетъ сомнѣнія и недоумѣнія своего собесѣдника. Въ Діакрисисѣ (*διακρισις*) олицетворена сила человѣческаго разума и науки; онъ называетъ себя небеснымъ посланникомъ самого Бога, другомъ смертныхъ. Такое названіе Цицеронъ и Сенека даютъ философіи. Довѣрься мнѣ, говоритъ Діакрисъ, и я разгоню мракъ твоего невѣдѣнія; я докажу тебѣ, что въ природѣ нѣтъ слѣпаго случая, а существуютъ разумныя причины, и что при всемъ разнообразіи созданнаго ты можешь познавать его, изслѣдовать его законы и наслаждаться имъ... Въ книгѣ Аполлоса затрогиваются различные вопросы физики, астрономіи, геологіи и т. д., говорится о планетахъ и кометахъ, объ общихъ свойствахъ тѣлъ, о свѣтѣ и звукѣ, объ атмосферѣ, о слояхъ земли, о физическомъ составѣ человѣка и т. п. Вся книга раздѣлена на семь дней и на семь вечеровъ, въ теченіе которыхъ Діакрисъ бесѣдуетъ съ Евгеонитомъ, подобно тому, какъ Фонтенель раздѣлилъ свою книгу на шесть вечеровъ: разговоры его съ маркизою о множествѣ міровъ происходили по вечерамъ. Въ заключеніе каждаго вечера и дня, составляющихъ особыя главы, помѣщены Аполлосомъ нравственные выводы въ стихахъ, представляющихъ въ формѣ элегіи, сонета, мадригала и т. д. образцы различныхъ размѣровъ". — Выше замѣчено, что Аполлосъ составилъ „Общій способъ ученія, для всякаго состоянія свободныхъ людей нужной“. При составленіи этого способа онъ руководствовался книгою французскаго писателя, маркиза Карачіоли „Истинный менторъ, или воспитаніе дворянства“, которая была переведена на русскій языкъ Ѳ. Полуинымъ въ 1769 г. По книгѣ Карачіоли Аполлосъ предлагаетъ въ своемъ „способѣ“ нѣсколько совѣтовъ о томъ, какъ вести воспитаніе съ первыхъ лѣтъ жизни питомца до вступленія его на поприще общественной дѣятельности⁽¹⁾. Изъ блага духовенства въ екатерининскую эпоху рѣзко выдѣляется между другими своимъ образованіемъ и учеными тру-

(¹) Истор. рос. Акад. 1, 211—217.

дами протоіерей московскаго архангельскаго собора Петръ Алексѣевъ (1727—1801), бывшій членъ російской академіи. Памятниками его образованности и ученаго трудолюбія, кромѣ уже указаннаго выше замѣчательнаго церковнаго словаря, служатъ его сочиненія: исторія греко-россійской церкви, словарь еретиковъ и раскольниковъ, изданіе православнаго исповѣданія вѣры Петра Могилы, съ разными примѣчаніями, переводъ сочиненія Гуго Гроція *de veritate religionis*, поучительныя слова и рѣчи, произнесенныя при разныхъ случаяхъ ⁽¹⁾.

Въ области собственно богословской науки пользовались извѣстностію: митр. кiev. Самуилъ Миславскій (+ 1796), дополнившій и издавшій въ Лейпцигѣ Богословіе Теофана Прокоповича; митр. Гавріилъ и Теофілактъ Горскій (+ 1778), написавшіе богословскія системы; митр. моск. Платонъ (+ 1812), составившій православное ученіе вѣры (Спб. 1765), катихизисъ для священноцерковно-служителей (Спб. 1775) и еще два катихизиса, бывшіе руководствами въ школахъ; архіеп. Бѣлорусскій Георгій Коницскій (+ 1795), написавшій догматическое богословіе на латинскомъ языкѣ; еп. смолен. Пареній Сопковскій (+ 1795), составившій книгу о должностяхъ приходскихъ священниковъ, имѣвшую нѣсколько изданій и переведенную на англійскій языкъ докторомъ Пальмеромъ, который призналъ ее классическимъ сочиненіемъ въ своемъ родѣ; митр. Гавріилъ, архіеп. Аполлосъ и архіеп. твер. Ириней Клементьевскій, занимавшіеся толкованіемъ книгъ свящ. Писанія; законоучитель смольнаго института, священникъ Іоаннъ Сидоровскій (+ 1795), написавшій двѣ книги: Наставленіе юношества въ христіанской жизни (Спб. 1783) и Извлеченіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій (Спб. 1784), которыя долго служили классическими руководствами въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; архіеп. казанскій и потомъ митр. петерб. Амвросій Подобѣдовъ (+ 1818), издавшій Руководство къ чтенію Св. Писанія. Но самымъ вліятельнымъ и плодотворнымъ учителемъ вѣры и нравственности въ эту эпоху былъ св. Тихонъ Воронежскій. Его сочиненіе „Объ истинномъ христіанствѣ“ составляетъ образецъ русскаго православнаго богословія. Его „Сокровище духовное, отъ міра собираемое“ и другія нравственныя сочиненія отличаются глубокою назидательностію, такъ что Синодъ повелѣлъ составить изъ нихъ, для чтенія въ церквахъ, „Наставленіе о собственныхъ каждого христіанина должностяхъ“ (1789). — По церковной исторіи и археологіи извѣ-

⁽¹⁾ Тамъ же стр. 300 и дал.

стны своими сочиненіями: митр. Платонъ, написавшій краткую церковную российскую исторію въ 2 ч. (М. 1805); Платонъ Любарскій (+1811), префектъ вятской семинаріи, ректоръ казанской, архіеп. астрах. и потомъ екатерин., составилъ исторію вятской, казанской и астраханской іерархіи¹⁾; Георгій Конисскій написалъ „Исторію Малой Россіи“ и „Историческое извѣстіе о бѣло-русской епархіи; придворный протоіерей Михаилъ Самуиловъ перевелъ Іудейскія древности Іосифа Флавія; единобѣрческій петербургскій протоіерей Андрей іоанновичъ Журавлевъ (+1813) составилъ историческое извѣстіе о раскольникахъ въ 3-хъ частяхъ (1794—1799); Іоаннъ Дмитревскій—Поясненіе на литургію; еп. нижег. Веніаминъ Румовскій—Новую скрижаль (1803); козыинскій помѣщикъ С. Соковинъ—Словарь всѣхъ святыхъ, прославившихся въ греко-россійской церкви.—Изученіе классическихъ языковъ, греческаго и латинскаго, составляло, какъ извѣстно, замѣтную черту въ прежнемъ духовномъ образованіи: между духовными учеными и писателями XVIII в. мы встрѣчаемъ много переводчиковъ духовныхъ и свѣтскихъ сочиненій. Архіеп. твер. Ириней и архіеп. псков. Меодій Смирновъ переводили съ греческаго разные отеческія сочиненія; еп. ѳеодос. Моисей Гумилевскій (1792) переводилъ Гомерову Одиссею; священникъ Сидоровскій переводилъ сочиненія Платона, Павзанія и Лукіана; архим. немецкаго молдавскаго монастыря Пачеій Величковскій (+1794), переводчикъ разныхъ духовныхъ сочиненій, перевелъ Добротолюбіе; кievскій іеромонахъ Іаковъ Блопинскій (+1771), отличный филологъ, занимался переводомъ Библіи и отеческихъ сочиненій и составилъ два лексикона—еллино-славянскій и славяно-еллино-латинскій; протоіерей Алексѣевъ перевелъ съ латинскаго книгу „О благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола“ Корнелія Генриха Агриппы де Неттесгеймъ (М. 1784); прот. моск. покров. собора Иванъ Харламовъ переводилъ даже статьи Даламбера изъ французской энциклопедіи.—Но когда началась реакція противъ энциклопедистовъ и русскихъ вольнодумцевъ, явилось въ переводѣ и нѣсколько сочиненій, написанныхъ противъ французской философіи въ Европѣ. Переводомъ занимались какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица. Архіеп. моск. Амвросій Зертисъ-Каменскій (+1771) перевелъ съ латинскаго Гротијево разсужденіе противъ атеистовъ и натуралистовъ (М. 1765); учитель новгор. семинаріи Митрофанъ—сочиненіе „Посрамленный безбожникъ“ (М. 1787); Фонъ-Визинъ—сочиненіе Самуила Кларка—Доказательства бытія Божія; архіеп. астрах. Анастасій Бра-

¹⁾ Напечат. въ Чтен. Общ. истор. и древн. 1848, № 7 и въ Прав. Собес. 1868. II, III.

тановскій — „Предохраненіе отъ невѣрія и печестія (Спб. 1794); архим. колиз. монастыря Феоктистъ перевелъ съ французскаго „Слово о вольводумцахъ и невѣрующихъ“ Жюа Сорена, помѣщенное въ „Вечерней Зарѣ“ Новикова.

Проповѣдь въ екатерининскую эпоху. Но главною формою духовной литературы по прежнему была проповѣдь. Теоретическія понятія о проповѣди въ эту эпоху выразились въ сочиненіи Анастасія Братановскаго: *Tractatus de concionum dispositionibus formandis*, составленномъ, впрочемъ, на основаніи прежнихъ схоластическихъ руководствъ по словесности и не заключающемъ въ себѣ ничего новаго и оригинальнаго. Практическимъ же руководствомъ, или образцами проповѣди служили для проповѣдниковъ, кромѣ проповѣдей Стефана Яворскаго, Феофана Прокоповича и Гедеопа Кривошея, преимущественно поученія греческаго проповѣдника, Или Миніата. Или Миніать (1659 — 1714), или какъ онъ былъ названъ у насъ, Минятій, родомъ изъ Кефалоніи, свачала учитель по философіи и филологіи, потомъ проповѣдникъ и наконецъ епископъ, занималъ самое почетное мѣсто въ греческой духовной литературѣ конца XVII и начала XVIII в. Мы указали выше, что его догматико-полемическое сочиненіе „Камень соблазна“ въ греческой церкви имѣло такое же важное значеніе, какъ у насъ въ Россіи „Камень вѣры“ Яворскаго. По любимымъ чтеніемъ для грековъ были глубоко назидательныя поученія Миніатія. Эти поученія еще при импер. Елисаветѣ были переведены на русскій языкъ и сдѣлались образцами для русскихъ проповѣдниковъ. Кромѣ того, русскіе проповѣдники руководствовались и проповѣдями знаменитыхъ иностранныхъ проповѣдниковъ, Массильона, Бурдалу, Мосгейма, Геспера и др. — При дворѣ Екатерины, какъ и прежде при дворѣ Елисаветы, были знаменитые проповѣдники и проповѣдь также имѣла не только церковное, но и общественно-политическое значеніе. Екатерина очень хорошо понимала, что сила и крѣпость государства весьма много зависятъ отъ силы вѣры и благочестія его членовъ, это гражданскіе законы своего опору имѣютъ въ законѣ Божіемъ, что тамъ не можетъ исполниться и законъ гражданскій, гдѣ не исполняется законъ Божій. Въ 1772 г. она повелѣла Синоду составить сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничныя дни въ году, чтобы по этому сборнику священники повсюду могли поучать народъ вѣрѣ и благочестію въ столицахъ, городахъ и селахъ. Для составленія сборника была образована коммиссія изъ трехъ лицъ — Гавріила, Платона и Гедеопа. Въ сборникъ вошло 104 поученій; изъ нихъ 9 принадлежать Іоанну Златоусту, 12 — Или Миніату, 5 — Сорену, 5 — Мосгейму, 1 — Бурдалу, 37 — митр. Платону, 19 — архіеп. Гедеопу, 8 — митр. Гавріилу

и 5—разнымъ авторамъ. Въ предисловіи къ сборнику, отъ лица Синода, было сказано: „Хотя каждый священникъ обязанъ учить свою паству закону Божию, но еще мы не благословлены толико отъ Бога, чтобъ вездѣ были священники просвѣщенные и учительные... Того ради за полезное и нужное разсуждено новыми церковь Божию снабдить поученіями, которыя содержали бы въ себѣ ученіе всѣхъ должностей, какими обязанъ истинный христіанинъ и добрый гражданинъ, и оное ученіе изъясняемо было бы слогомъ яснымъ и потому каждому вразумительнымъ, порядочно расположеннымъ и потому долго въ памяти содержатся могущимъ, притомъ пріятнымъ и пристойнаго святости церкви сладкорѣчія исполненнымъ, и потому не скучнымъ, но утѣсительнымъ и побудительнымъ“ (Спб. 1775). Дѣйствительно, поученія отличаются ясностію, краткостію, свободны отъ схоластическихъ хитросплетеній и риторскихъ словоизвитій и всегда стараются объяснить только главные и существенныя стороны въ предметѣ. Всѣ поученія раздѣлены на три части. Первая часть, начиная съ новаго года, простирается до недѣли всѣхъ святыхъ; вторая часть—до недѣли праотцевъ; третью часть составляютъ поученія на праздники Господніе, богородичныя и святыхъ. Въ концѣ приложено нѣсколько поученій на особые случаи: при освященіи храма, во время засухи, при погребеніи, крещеніи, бракосочетаніи. Послѣ всего помѣщенъ краткій катихизисъ. Въ связи съ этимъ сборникомъ находится другой сборникъ, изданный Синодомъ: „Книга краткихъ поученій о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры и заповѣдяхъ Божіихъ, и о должностяхъ, изъ разныхъ святыхъ отецъ и учителей собранная“ (М. 1781). Въ предисловіи къ сборнику сказано, что еще Петръ В. повелѣлъ издать такую книгу, но воля его до сихъ поръ не была исполнена. Синодъ, издавъ поученія на воскресныя и праздничныя дни и имѣя попеченіе, дабы и въ прочіе дни сынове православныя Христовы церкви поучаемы были, посвящаетъ пользѣ общей книгу сію, въ которой правила вѣры и нравоученія, почерпнутыя изъ книги святыхъ отецъ и лучшихъ поученій, расположены порядкомъ богословія съ тѣмъ, дабы всякій священникъ, отецъ и хозяинъ имѣлъ что и въ каждый день къ паставленію вѣранныхъ имъ прочесть“. Поученія взяты преимущественно изъ Златоуста, Измарагда, Василия В., св. Макарія, св. Амвросія и др. Они расположены по мѣсяцамъ, начиная съ сентября, и раздѣлены на 30 главъ, по предметамъ, напр: глава 1—о священномъ Писаніи, глава 2—о Богѣ, глава 3—о созданіи и т. д.

Значимѣйшими проповѣдниками въ эпоху Екатерины были петерб. митр. Гавріилъ, москов. митр. Платонъ, астрах. архіеп.

Анастасій, воронеж. еп. св. Тихонъ, кіевск. протоіерей Іоаннъ Леванда и архіеп. бѣлорусскій Георгій Конисскій.

Проповѣди митр. Гавріила. ⁽¹⁾. Гавріиль Петровъ (1757—1801) воспитанникъ московск. академіи сначала ректоръ московск. семинаріи и академіи, потомъ епископъ тверскій и наконецъ архіепископъ и митрополитъ петербургскій, былъ образованнѣйшимъ пастыремъ въ эпоху Екатерины. Въ исторіи русск. церкви онъ памятенъ потому, что испросилъ у импер. Павла освобожденіе духовенства отъ тѣлеснаго наказанія. Его умъ и образованіе Екатерина почтила тѣмъ, что назначила его членомъ Коммисіи Новаго Уложенія и посвятила ему переводъ „Велисарія“ Мармонтеля, Россійская академія тѣмъ, что сдѣлала своимъ первенствующимъ членомъ. Состоя въ должности члена Коммисіи Уложенія, онъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ коммисіи; будучи членомъ Россійской академіи, онъ занимался составленіемъ словаря русскаго языка. Онъ написалъ много разныхъ сочиненій; но особенную услугу онъ оказалъ дѣлу проповѣдничества изданіемъ указанныхъ выше двухъ синодальныхъ сборниковъ поученій. Какъ первенствующій членъ Синода, онъ былъ главнымъ ихъ редакторомъ. Въ сборникъ поученій на воскресные и праздничные дни вошло 8 его собственныхъ поученій, а именно: въ недѣлю 13-ю о правосудіи, въ недѣлю св. Пасхи о плодахъ воскресенія Христова, въ недѣлю 7-ю по Пасхѣ о согласіи и единодушіи, въ недѣлю 3-ю по 50-цѣ о промыслѣ, въ недѣлю 5-ю по 50-цѣ — о піанствѣ, въ недѣлю 23-ю по 50-ницѣ о злыхъ, въ день воздвиженія креста Христова—о страстяхъ Христовыхъ, въ день восшествія на престолъ импер. Екатерины о должности подданныхъ государю. Современники замѣчали въ поученіяхъ Гавріила преобладаніе философской стихіи своего зѣла и цѣнили въ нихъ умственныя качества: стремленіе указать для всего разумное основаніе, строгость и послѣдовательность въ выводахъ, ясность и отчетливость въ изложеніи: „Гавріиль архіепископъ петербургскій, говоритъ Сумароковъ, есть больше сочинитель разумнѣйшихъ философскихъ диссертацій, нежели публичныхъ словъ, а потому что стремленіе его больше въ диссертаціи, нежели въ фигуры риторскія. Такъ его сравнивать съ другими проповѣд-

⁽¹⁾ Наиболе полная и подробная біографія Гавріила составлена архим. Макаріемъ, подъ заглавіемъ: Сказаніе о жизни и трудахъ Гавріила, митр. Новг. и Петерб. О трудахъ Гавріила въ Истор. Росс. Академіи 1, 58—137.

никами никакъ не можно. То только скажу я о немъ, что красота плавнаго и важнаго его свѣда приносить ему предъ всѣмъ просвѣщеннымъ свѣтомъ достойную любезнаго имени его похвалу и что будетъ онъ всегда честію нашего вѣка и въ потомствѣ. Гавріиль подобенъ рѣкѣ, безъ шума наполняющей берега свои и порываемымъ теченіемъ не выходящей никогда изъ границы своихъ“. Проповѣдническія произведенія Гавріила можно раздѣлить на три рода: собственно церковныя слова, произнесенныя въ разные времена; указанныя выше поученія, изданныя въ синодальномъ сборникѣ, и панигирики, или похвальные слова и рѣчи. Панигирики не отличаются ничѣмъ особеннымъ и походятъ на всѣ панигирики того времени. Лучшими же церковными словами митр. Гавріила считались слова—въ день восшествія на престолъ импер. Екатерины и въ недѣлю 13 ю по 50-ницѣ. Въ первомъ словѣ въ день восшествія, на текстъ: нѣсть власть, аще не отъ Бога (Римл. 13, 1). Гавріиль доказываетъ, что ни въ чемъ такъ ясно не обнаруживается промыслъ Божій, какъ въ устройствѣ обществъ и государствъ для счастья людей, и въ избраніи, возведеніи и утвержденіи государей, управляющихъ государствами. Второе слово сказано на текстъ: злыхъ зѣбъ погубитъ и винограды предастъ инымъ дѣлателямъ (Мато. 21, 41), о правосудіи при наказаніи преступленій. Разказавъ притчу о виноградарѣ, Гавріиль говоритъ: „Сей поступокъ онаго господина научаетъ всякаго господина дома и судію, какъ имъ должно взирать на преступленія другихъ, и какую умѣренность хранить при самой строгости, дабы ни излишнимъ снисхожденіемъ не подвергнуть ихъ ослабленію, ни жестокостію не превысить мѣры заслуженнаго наказанія“. Дѣйствительно, величайшую трудность для судіи составляетъ то, чтобы согласить правосудіе съ милосердіемъ, которыя могутъ представляться противорѣчащими другъ другу до такой степени, что, сохраняя одну добродѣтель, повидимому, нельзя не нарушить другую. „Ибо правосудіе предписываетъ строгость, а милосердіе какъ бы опущеніе оныя. Правосудіе хранитъ всякому свое право, а милосердіе смотритъ на осуждаемаго, какъ на предметъ бѣдности, влечетъ въ судящаго состраданіе и удерживаетъ руку, подписывающую опредѣленіе строже. Правосудіе затворяетъ глаза, чтобы не видѣть, и не разсуждаетъ о семъ; но милосердіе, памятуя долгъ человеколюбія, принуждаетъ взглянуть и разсуждать о слабостяхъ человѣческихъ; одно производитъ отвращеніе отъ порока и заставляетъ гнѣшась и не терпѣть зла, другое, проникая далѣе, обнадеживаетъ и наполняетъ его ожиданіемъ исправленія. Правосудіе, истре-

бля зло, стремится истребить виновных: но милосердіе обнадеживаетъ, что виновникъ злу можетъ привести быть къ раскаянію и исправленію, и чтобы сохранить его, сохранить и возбудить въ немъ сѣяніи добрыхъ и отнятіемъ бѣдности, въ которую онъ ввергъ себя порокомъ, утѣшить огорченное общество ожидаемыми отъ него плодами добродѣтели. Чтобы избѣжать этихъ противорѣчій, судія, при наказаніи преступленій, долженъ постоянно имѣть въ виду „важность преступленія, нужду наказанія, и намѣренія, съ какимъ оно предпринимается“. Всякое преступленіе есть нарушеніе закона и какъ нарушеніе закона, требуетъ наказанія для того, „чтобы истребить зло, чтобы терпящимъ несчастіе возратить щастіе, чтобы тѣмъ уврачевать общество, пресѣчь худыя примѣры, привести въ должное почтеніе законъ, избавить его отъ презрѣнія, чтобы соблюсти отвращеніе отъ порока и любовь къ добродѣтели, доказать Богу, что мы не свергли съ себя человечества, что признаемъ его законъ, что наказывая виновнаго, представляемъ себя Ему защитниками невинности“. Но какъ одинъ порокъ отличается отъ другаго, такъ должны быть различны и наказанія за пороки. При этомъ непременно подобно имѣть въ виду намѣреніе, съ какимъ наказаніе предпринимается. „Всякое преступленіе не можно не почитать вредомъ общества: а когда оно вредъ, то и должно судіи вникнуть, что онъ излечимый, или неизлечимый. Не излечимый есть зараза, которую подобно истреблять, дабы не повредилъ другихъ, а излечимый требуетъ лекарства. Искусный лекарь, принимаясь къ болѣзни, изыскиваетъ такіе способы, которые-бы по усиленію болѣзни, имѣли силу одую врачевать: отвратительна болѣзнь, но вождѣлнѣе есть здравіе. Итакъ человѣкъ, въ которомъ нѣтъ никакой надежды по всѣмъ изслѣдованіямъ, какія судящему употребить должно, чтобы онъ совершенно исправился, заслуживаетъ яребій строгости. А который или раскаивается совершенно о своемъ преступленіи, или его еще и не желать, то судія долженъ на него взирать, яко отецъ. Подлинно отвратителенъ порокъ, но вождѣлнѣе есть его исправленіе. Опасно порокъ презирать, но не меньше бѣдственно грачевать его истребленіемъ человѣка... Уврачуи болѣзнь, но не истребляи человѣка. Богъ, ожидаи раскаяніа грѣшныхъ, дасть примѣръ твоему правосудію. Его сей гласъ: не хочу смерти грѣшника, но еже обратится, и живу быти ему (Іезек. 33, 11); послѣдуй ты ему, ты сими исполниши намѣреніе законодателя... Намѣреніе законодателя показываетъ намъ, какое намѣреніе имѣть должно хранителю закона. Законъ предписалъ и вложилъ въ человечество, чтобы соблюсти человѣка: умѣрай твои опредѣленія съ намѣреніемъ законодавца. Довольно наказанъ чело-

вѣтъ, когда приведенъ въ чувство и находитъ въ себѣ отвращеніе отъ порока. Не думай, что Богъ, производя людей въ свѣтъ, и начертывая въ души ихъ законъ, тебѣ одному оставилъ изыскивать способы, какъ наказывать пороки: Онъ вложилъ въ человѣка совѣсть и мстителя за преступленіе, средство предовольное ко удержанію человѣка отъ порока. Но какъ по многимъ обстоятельствамъ, мщенія ея дѣлаются для него слабы, то ты сыщи степень его ожесточенія и наложи такое наказаніе, которое бы довольно было умножить силу совѣсти такъ, чтобъ внутреннее чувствованіе закона и отвращеніе отъ зла изобрѣтеннымъ тобою способомъ возбуждено было. Ты исполнишь правосудіе, когда сдѣлаешь такое помилованіе бѣдному человѣку; тогда твои наказанія успокоятъ и ободрятъ обиженнаго, возбудятъ любовь къ добродѣтели и въ повинномъ. Ты тѣмъ самымъ, хотя нѣкогда вреднаго человѣка сдѣлаешь полезнымъ обществу, и опечаливаго нѣкоторыхъ расположишь къ утѣшенію многихъ“. Наконецъ, проповѣдникъ означаетъ существенныя обязанности судей и подчиненныхъ. Между обязанностями судей онъ особенное вниманіе обращаетъ на то, чтобы „исполненіе законовъ дѣлать благоразумно и безпристрастно. . . Ибо кто не столько просвѣщенъ, чтобъ ясно понять намѣреніе законодателя, или кто слова законовъ принимаетъ, не вникая въ намѣреніе законодателя, или кто по лѣности, не входя въ обстоятельства дѣла, хочетъ только себя очистить словами закона, тѣ, при всемъ своемъ безпристрастїи вредны“. Выраженныя въ этомъ словѣ мысли о преступленіяхъ и наказаніяхъ составляютъ развитіе тѣхъ положеній, которыя изложены Екатериной въ VI — X главахъ Наказа. Онѣ были самыми современными мыслями и составляли, можно сказать, послѣднее слово въ наукѣ о правѣ и законодательствѣ. Гавріиль и въ другихъ проповѣдяхъ любилъ проводить современныя гуманныя идеи о законѣ и долгѣ и управленіи, о правахъ и обязанностяхъ человѣка, личныхъ и общественныхъ. Это и приобрѣло ему репутацію мудраго и просвѣщеннаго учителя.

Проповѣди митр. Платона ⁽¹⁾. Но настоящую духовную знаменитостью эпохи былъ московскій митрополитъ Платонъ (1737—1812). Въ духовной литературѣ онъ былъ такимъ же свѣтиломъ, какимъ въ свѣтской былъ Державинъ; ученые и лите-

---

⁽¹⁾ Жизнь московскаго митрополита Платона. И. М. Снегирева. Митрополитъ Московскій Платонъ Левшинъ, какъ проповѣдникъ. А. Наежина. Отдѣльный оттискъ изъ Прав. Собесѣдника 1882 г.

раторы превозносили его блестящія дарованія; поэты писали въ честь его стихи. Слава его не ограничивалась предѣлами Россіи, но переходила за границу. Вольтеръ упоминаетъ о немъ, какъ о знаменитомъ проповѣдникѣ, замѣчая, что Россія обладаетъ въ Платонѣ такимъ проповѣдникомъ, творенія котораго достойны имени древняго Платона — Платонъ (Петръ Левшинъ) учился въ московской академіи. Кромѣ разныхъ богословскихъ наукъ, онъ любилъ заниматься географіей и исторіей. Изъ отцевъ церкви онъ питалъ особенное уваженіе къ Златоусту и говорилъ, что для одного этого святителя стоить учиться греческому языку. Сочувствіемъ Платона къ Златоусту объясняется преобладаніе нравственно практическаго направленія какъ въ проповѣднической, такъ и во всей его литературной дѣятельности. Изъ свѣтскихъ писателей ему всего больше нравились Цицеронъ и Квинтъ — Курцій. Изученіе Златоуста и этихъ писателей и способствовало къ образованію въ Платонѣ прекраснаго оратора. Еще во время ученія въ академіи Платонъ былъ опредѣленъ учителемъ пѣніи и вмѣстѣ катихизаторомъ въ академіи. Его катихизическія бесѣды въ академической аудиторіи были первыми опытами его проповѣдничества; въ этихъ бесѣдахъ въ первый разъ и выразились тѣ свойства, которыя развились съ большею силою впослѣдствіи и составили отличительныя свойства его проповѣди: необыкновенная ясность и краткость въ объясненіи самыхъ трудныхъ предметовъ, естественность и примѣнительность къ состоянію и потребностямъ слушателей, живая рѣчь, наполненная мѣткими образами и сравненіями и при всемъ этомъ глубокая назидательность. За эти златоустовскія свойства и самаго Платона современники стали называть русскимъ Златоустомъ. Узнавъ о дарованіяхъ Платона, Шуваловъ хотѣлъ отправить его за границу для усовершенствованія въ наукахъ; но покровительствовавшій Платону архіеп. Гелеонъ Кривинскій, не отпустилъ его, а назначилъ учителемъ, а потомъ префектомъ и ректоромъ троицкой семинаріи и наконецъ намѣстникомъ троицкой лавры. Здѣсь въ 1762 г. въ первый разъ увидѣла его Екатерина; Платонъ встрѣтилъ ее въ лаврѣ прекрасною рѣчью, въ которой назвалъ ее матерью отечества. Въ слѣдующемъ 1763 г., во второе посѣщенія лавры императрицею, онъ сказалъ въ ея присутствіи замѣчательное слово „О пользѣ благочестія“. Въ этомъ словѣ Платонъ указалъ на тѣсную связь съ благочестіемъ всякой дѣятельности въ гражданскомъ обществѣ, на необходимость благочестія во всякой службѣ, во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ. „Для гражданскія, говорилъ онъ, суть: судить, защищать невиннаго, повиннаго осуждать, править другими, разбирая всякія дѣла ко всякаго удовольствію, и во всемъ крѣпко наблюдая правду, ста-

ратся о всякаго благополучія. Но не знаю, какъ можетъ все сіе, безъ обиды другаго, исполнить который имѣтъ душу благочестіемъ и страхомъ Божиимъ не обузданну. . . А наипаче благочестіе и страхъ Божій превосходную силу и премногую пользу имѣтъ въ многотрудномъ и великомъ государственномъ правленіи, гдѣ надобно сто очей къ усмотрѣнію всякаго дѣла обстоятельствъ, сто ушей къ выслушанію всякой просьбы, гдѣ тысяща неудобьрѣшимыхъ узловъ, тѣмъ едва преодолимыхъ трудностей. Какъ же все сіе рѣшить? какъ всѣ оныя труды, безъ стигченія снести, безъ особенной Божіей помощи, и ежели онъ самъ невидимо не поддерживаетъ и не умудряетъ? никакъ не возможно... Соломонъ, когда съ благочестіемъ почиталъ Бога; всѣ дѣла его текли по его желанію; но какъ только совратился съ его святаго пути, то тотчасъ царство его къ паденію клониться начало. Понсже, сказалъ ему Богъ, не сохранилъ еси заповѣдей моихъ, яже заповѣдахъ тебѣ: раздирая раздѣру царство твое изъ рукъ твоихъ“ (1) Екатерина тотчасъ же приказала напечатать это слово, а Платона назначила законоучителемъ наслѣдника, в. к. Павла Петровича, и вскорѣ придворнымъ проповѣдникомъ. Находясь въ этихъ должностяхъ (1763—1773) въ теченіе десяти лѣтъ, Платонъ постоянно говорилъ проповѣди и пріобрѣлъ ими такую славу, что его ставили наравнѣ съ образцовыми европейскими проповѣдниками 20 сентября 1764 г., въ день рожденія великаго князя, разсказываетъ Порошинъ въ своихъ запискахъ, Платонъ говорилъ проповѣдь на текстъ: въ терѣбніи вашемъ стѣжите души ваши. Сею проповѣдію ея величество приведена была въ слезы, и многіе изъ слушателей плакали. когда проповѣдникъ на концѣ предлагалъ о терѣбніи ея величества въ повесеніи трудовъ для пользы и безопасности отечества, и успѣхахъ его величества въ преподаваемыхъ наукахъ, и о послѣдующей оттуда надеждѣ россійской. Въ другой разъ Платонъ говорилъ проповѣдь на текстъ: будите милосерды, якоже Отецъ вашъ небесный милосердъ есть. Порошинъ слышалъ такой отзывъ Екатерины по поводу этой проповѣди: „Отецъ Платонъ сердитъ сегодня былъ; однакожъ очень хорошо сказывалъ. Удивительный даръ слова имѣтъ“. Порошинъ записалъ и другой отзывъ Екатерины: „Отецъ Платонъ дѣластъ изъ насъ все, что хочетъ: хочетъ онъ, чтобъ мы плакали, мы плачемъ; хочетъ, чтобъ мы смѣялись, мы смѣемся“. Въ это время Екатерина постоянно дѣлала Платону важныя порученія. Въ 1766 г. онъ вмѣстѣ съ Гавріиломъ занимался проектомъ усовершенствованія духовныхъ школъ; вмѣстѣ

(1) Поучительныя слова Платона, Москва 1779; том. I, стр. 15—19.

съ нимъ разсматривать Наказъ; составилъ пастырское увѣщаніе къ раскольниковъ, по поводу произведеннаго ими возмущенія въ новгородской губерніи. Въ 1770 г. Платонъ былъ назначенъ тверскимъ епископомъ; въ 1775 г. архіеп. московскимъ, а въ 1787 г. московскимъ митрополитомъ. Въ санѣ московскаго архіепископа Платонъ ревностно заботился объ устройствѣ московской епархіи и образованіи московскаго духовенства. Особенно много обязана ему московская академія, которую онъ преобразовалъ и возвысилъ какъ въ учебномъ, такъ и экономическомъ отношеніи. Съ 1782 г. Платонъ жилъ постоянно въ Москвѣ, въ удаленіи отъ столичныхъ дѣлъ и даже въ вѣкоторой опалѣ отъ двора и Екатерины. Въ 1783 г. въ окрестностяхъ Лавры онъ устроилъ монастырь, подъ именемъ Виноаніи, и открылъ здѣсь духовную семинарію. Въ Виноаніи онъ жилъ постоянно съ 1792 г.; здѣсь же онъ и скончался въ 1812 г.

Какъ въ поэзіи и художественной литературѣ состояніе нравовъ въ екатерининскую эпоху усилило развитіе сатиры; такъ недостатки религіозно-нравственнаго состоянія должны были вызвать въ духовной литературѣ полемическое направленіе. Не вступая въ открытую борьбу съ современными заблужденіями и пороками, Платонъ однакожъ постоянно касался ихъ въ своихъ проповѣдяхъ. Въ то же время онъ зорко слѣдилъ за всѣми разнообразными теченіями въ современной русской жизни и на всѣ возникавшіе въ обществѣ вопросы подавалъ свой голосъ. — Рабское подражаніе всему иностранному, соединенное съ презрѣніемъ ко всему отечественному, вызвало во многихъ, какъ мы видѣли, сожалѣнія о старинѣ, доходившее даже до осужденія всего поганого и иностраннаго. Платонъ нашелъ нужнымъ коснуться этихъ крайнихъ воззрѣній и старался примирить ихъ въ словѣ на день св. апостоловъ, Петра и Павла. Объясняя слова Спасителя: Блаженъ еси, Симоне варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ мой, иже на небесѣхъ, онъ говоритъ: „Явленіе плоти и крови, во первыхъ, есть, когда что почитается за истинное и доброе по одной привычкѣ. Многіе тому послѣдуютъ, то одобряютъ и держатъ, что съ млеко́мъ младенчества приняли, или что видятъ у большей части во употребленіи. Но какъ разумъ, да и всегдашній опытъ насъ увѣряетъ, что мы привыкаемъ не только къ доброму, но елики не болѣе и къ худому: для того разсужденіе, утверждаемое на одной только привычкѣ, болѣе животнымъ, нежели разумной твари приличествуетъ. Отсюда рождается невѣжество и суевѣрства. Понеже мысль, привычкою, какъ оковами, связанная, къ изслѣдованію новыхъ истинъ сама у себя вольность отнимаетъ, и въ скудости своей почитаетъ себя довольною, въ невѣжествѣ просвѣщенною, въ заблужденіи благо-

честивою... Подлинно, не надобно и обычаевъ перемѣнять, но добрыхъ; а худое и вредное перемѣнить на доброе и полезное, есть дѣйствіе разума, Духомъ святымъ просвѣщеннаго. Чтобъ кто худой привычки не зараженъ былъ порокомъ, надобно стараніе прилагать о добромъ воспитаніи... До худой же привычки можетъ принадлежать и то, когда что-нибудь почитается добрымъ и истиннымъ за одну древность. Подлинно, древность можетъ быть доказательствомъ истинны, но не есть всегда сіе доказательство неоспоримо. Ибо въ древности какъ было много хорошаго, такъ было же не мало и худова. И потому нужно дать свободу просвѣщенному разуму, чтобъ изслѣдывать и самую древность и въ ней разобрать что подражанія и что отвращенія достойно. Но и то есть дѣйствіе плоти и крови, когда что-нибудь почитается справедливымъ и хорошимъ за одну новостъ. Какъ помянутый порокъ есть чаще старыхъ людей, такъ сей по большей части молодыхъ. Ихъ горячая мысль поражается, когда что-нибудь остро, хотя не основательно, выдуманно или написано, когда что прелестно, хотя слабо, здѣлано. Они тогда становятся надмѣнны, думая, что было бы сіе нѣкоторый родъ порабощенія, естлибъ старымъ мнѣніямъ послѣдовать, думая, что ихъ предки и вся древность была въ заблужденіи, которое узнать имъ пощастливилось. Такіе люди подобны младенцамъ, которые на все новое свои отдаютъ глаза, и самое разженное уголье, прельщаясь видомъ ихъ, въ руки свои брать не боятся, почему и ожигаются. Естлибъ новостъ была истинны основаніемъ, то надобно бы сей истиннѣ перемѣниться въ ложь, когда бы новостъ состарѣлася. Но истинна ни старѣеть, ни обновляется; ибо она есть вѣчна⁽¹⁾. Это слово было сказано въ 1766 г.; въ немъ Платонъ совѣтуетъ относиться съ благоразумною критикою одинаково какъ къ старому, такъ и къ новому; но въ послѣдствіи, когда политическія событія во Франціи бросили такую мрачную тѣнь вообще на новое воспитаніе и образованіе, Платонъ нерѣдко указывалъ слушателямъ на старыя времена, какъ на такія, когда нравы были строже и проще. „Предки наши, говоритъ онъ въ словѣ на день св. Алексѣя, сказанномъ въ 1794 г., можетъ быть не были учены, но были просвѣщенны. Можетъ быть не знали они измѣреній земли, теченій звѣздъ, выкладокъ математическихъ и прочаго подобнаго, но знали, въ чемъ состоитъ благочестіе, какая есть жизнь богоугодная, что есть добродѣтель и честность и что есть порокъ и постыдность⁽²⁾. Но и въ это время онъ не хвалилъ древность безусловно, за одно то, что она древность. Такъ въ

(¹) Поученія Платона II, 52—55, (²). Тамъ же XVI, 381.

другомъ словѣ на день св. Алексѣя, сказанномъ въ 1800 г., похвалая древне-русскую набожность, онъ говоритъ: „Удивительно вамъ покажется, ежели мы покажемъ, что самое просвѣщеніе бываетъ иногда причиною ослабленія въ вѣрѣ и разврата, а еще болѣе покажется удивительно, ежели самая любовь къ древности, которую мы похвалили, тоже самое иногда причиняетъ“. При этомъ онъ указываетъ на раскольниковъ, которые, изъ безразсудной любви къ древности, отлучили себя отъ церкви⁽¹⁾. Корнемъ всѣхъ заблужденій и пороковъ считалось дурное воспитаніе, и потому вопросъ о правильномъ воспитаніи былъ, какъ мы видѣли, однимъ изъ главныхъ вопросовъ XVIII в. Платонъ такъ же нѣсколько разъ поднималъ его въ своихъ проповѣдяхъ. Преимущественно же въ этомъ отношеніи замѣчательны слова при zaloженіи импер. академіи художествъ (1765) и въ 4-ю недѣлю великаго поста. Въ первомъ словѣ Платонъ сначала опредѣляетъ, въ чемъ должно состоять воспитаніе. „Воспитаніе, говоритъ онъ, есть предуготовленіе къ добродѣтели. И потому не состоитъ оно въ нѣжностяхъ тѣлесныхъ, въ увеселеніяхъ чувственныхъ, въ обученіяхъ, которыя только своею наружностію поражать обыкли. . . А состоитъ оно въ томъ, чтобы взойти познаніемъ въ самого себя, познать Создателя своего, познать конецъ созданія своего. На семъ неизбѣломъ утвердясъ основаніи, душу свою такъ приуготовить, чтобъ снискать къ благочестію горячесть, къ государю вѣрность, къ высшимъ почтеніе, къ нижнимъ снисхожденіе, къ равнымъ усердіе, къ родителямъ благодарность, къ пріятелямъ искренность, ко всѣмъ любовь; въ должности быть прилежному, въ домостроительствѣ тщательну, въ трудахъ нелѣностну, къ бѣдности другихъ сожалительну, въ щастіи невозносливу, въ нещастіи не унылу, къ общей пользѣ ревностну, во всѣхъ обхожденіяхъ быть искренну, ласкову, учтиву, снисходительну“. Перечисляя эти свойства, Платонъ, очевидно, имѣлъ въ виду правила о воспитаніи, изложенныя Екатериной въ XIV главѣ Наказа и въ педагогической инструкціи кн. Салтыкову. Указавъ свойства воспитанія, онъ указываетъ потомъ на лучшій способъ воспитанія. Первый и наилучшій способъ есть добрый примѣръ. „Не хочешь, чтобы младенецъ развращенъ былъ? Не дѣлай предъ нимъ того, чего въ немъ не хочешь видѣть; но будь предъ нимъ зеркаломъ, въ которомъ бы онъ усмотрѣть могъ, чему ему подражать надобно. Сія, ежели можно сказать, нѣмая наука дѣйствительнѣе оной многоглаголивой, которая на словахъ представляетъ много, а на дѣлѣ ничего. . . Сіе принявъ

(¹) Тамъ же XIX, 229—232.

основаніе, сколько возможно, должно отъ младенца удалять худыя содружества, вредные разговоры, безчинныя книги, соблазнительныя представленія; а вмѣсто того, приговаривать къ нимъ незасоряемыхъ ибѣстунѡвъ, добрыхъ учителей, честныхъ приставниковъ, которые бы не только были ревностны къ пользѣ воспитываемаго, но при томъ бы имѣли и духъ патріотическій“⁽¹⁾. — Въ словѣ въ 4-ю недѣлю великаго поста, онъ такъ же объясняетъ, что воспитаніе надобно начинать съ малыхъ лѣтъ, удалять дѣтей отъ сообщества съ дурными людьми и наконецъ „выскакивать благоразумныхъ и честныхъ учителей, которые бы дѣтямъ открыли истинное отъ наукъ просвѣщеніе: да и добрымъ примѣромъ то бы утвердили. Но въ семъ случаѣ два встрѣчаются затрудненія. Первое: на все, что только къ роскошѣ служить и мотовству... бываемъ мы щедры; но гдѣ дѣло идетъ о награжденіи того, который дѣтямъ нашимъ имѣетъ открыть безцѣнное ученія сокровище, скупость сжимаетъ руки и сердце... Одинъ просилъ разумаго учителя, чтобъ онъ сына его принялъ обучать; тотъ попросилъ отъ него за обученіе платы больше, нежели сколько отцу дать хотѣлось. Сказалъ на то неразумный отецъ: я бы за такуюю плату могъ себѣ купить работника. На сіе учитель возразилъ: на что одного работника? будешь имѣть двухъ: т. е. и самый сынъ твой, въ невѣжествѣ возрастной, ничѣмъ не будетъ различествовать отъ купленнаго раба... Второе затрудненіе состоитъ въ томъ, что еще и истинное просвѣщеніе не все умѣютъ различать отъ наружнаго и притворнаго. Не въ томъ истинное просвѣщеніе состоитъ, чтобъ разными языками знать говорить, чтобъ тѣло умѣть поставить въ правильномъ положеніи, чтобъ ноги изучить плясанію: но чтобъ узнать Бога и себя; знать, что есть общество и связь его, какими дѣлами славу получить, и въ чемъ состоитъ истинная слава, что есть честность и какъ ее къ себѣ привадить, чтобъ корысть оную не преодоляла“⁽²⁾. Въ словѣ на день Св. Іоанна Златоуста Платонъ порицаетъ обычай отдавать дѣтей въ ученіе иностранцамъ часто сомнительнаго или прямо дурнаго поведенія. „Повѣряемъ, говоритъ онъ, любезный свой залогъ людямъ неизвѣстнымъ, пришельцамъ, никакихъ въ себѣ слѣдовъ честности неимѣющимъ, которые сами или избѣжали наказанія, или исправляемы быть должныствуютъ. Но пусть бы они были и честные люди: по чему обучаемъ? говорить иностранными языки, плясанію, какъ обращать мечъ, чтобъ въ случаѣ страстнаго жара могъ его употребить на прозвеніе другаго.

(¹) Поученія Платона I, 343—347.

(²) Поученія Платона IV, 298—303.

А обученіе закона гдѣ? а изъясненіе существенныхъ понятій добра и зла гдѣ? а выразумѣніе настоящаго челоѣческаго благополучія и вѣщастія гдѣ? Сіе предоставляемъ судьбѣ“. . . Обращаясь затѣмъ къ домашнему воспитанію въ семействѣ, онъ говоритъ: „Что мы здѣсь увидимъ? что услышимъ? видимъ роскошь безпредѣльную, праздность вседневную, ревнованіе, какъ одному другому превзойти въ мотовствѣ: видимъ домъ вседневными молитвами не освящаемый, призываніемъ имени Божія не благословляемый. Слышимъ разговоры, безбожіемъ смердящіе. . . И такъ порча переходитъ изъ рода въ родъ безудержнымъ теченіемъ“⁽¹⁾.

Русскіе вольнодумцы, начитавшись Вольтера и энциклопедистовъ, прежде всего напали на церковь, выставили ее помѣхою просвѣщенія и всякаго свободнаго развитія, поборницею невѣжества. Платонъ 21 апрѣля 1772 г. въ день рожденія императрицы, сказалъ слово „о согласіи церкви и общества, закона Божія и закона гражданскаго, христіанина и гражданина“, въ которомъ доказывалъ, что ни церковь безъ общества, ни общество безъ церкви существовать не могутъ, что законы гражданскіе утверждаются на основаніи закона Божія, что если въ обществѣ не будетъ истинныхъ христіанъ и хорошихъ членовъ церкви, то въ немъ не будетъ и хорошихъ и честныхъ гражданъ. „Церковь и общество, говоритъ онъ, столь между собою суть соединены, что одно отъ другаго раздѣляется не существомъ, но отношеніемъ. Общество гражданское есть собраніе людей едиными законами и единымъ образомъ правленія соединенное: но тоже самое общество, поелику соединено и храненіемъ единого образа богопочтенія и едиными и тѣми же связано священными обрядами, есть церковь. Гражданинъ есть членъ того общества: но тотъ же самый гражданинъ, поелику есть вѣрнымъ держамаго обществомъ евангельскаго богопочтенія хранителемъ, есть и именуется христіанинъ. Одно безъ другаго быть не можетъ: не можетъ быть общество, не утвержденное на основаніи богопочтенія: не можетъ быть гражданинъ, что бѣ не былъ вмѣстѣ вѣрнымъ хранителемъ дражайшаго залога благочестія: не могутъ общественныя дѣла имѣть своей силы и дѣйствія, не будучи подкрѣплены тѣмъ закономъ, который обязываетъ совѣсти, и подвергаетъ во всѣхъ дѣлахъ отчетъ дать не челоѣку токмо, но и Богу, испытующему сердца и утробы. . . . Какая была причина побудительная людямъ собраться въ общества? . . . Челоѣка естьли вообразить внѣ общества всякаго, представится

(1) Тамъ же стр. 165—167.

онъ намъ одинъ, самъ себѣ оставленный, ни отъ кого въ нуждахъ своихъ помощи не ожидающій, а напротивъ опасности отъ всего всегда подверженный... И такъ одна всѣхъ польза произвела во всѣхъ одно намѣреніе, чтобъ соединиться въ общества, дабы взаимное вспомошествованіе дополняло недостатки каждаго. Сіе есть основаніе общества. А какъ общества такимъ образомъ составились, то тотчасъ богопочтеніе или вѣра и открыла силу свою... Понеже въ союзѣ общества потребно, чтобъ всѣ члены сего тѣла почитали себя одолженными другъ другу помогать: надобно, чтобъ одни къ другимъ были искренны, надобно, чтобъ ложь не служила покрываломъ къ закрытію вредныхъ намѣреній, чтобъ хранимы были правила совершенной справедливости; надобно, чтобъ въ случаѣ выбора собственной пользы и общественной, общественная собственной предпочитаема была и общему благу всякъ бы преданъ былъ съ искренностію и ревностію. Но дабы сіе исполняемо было не по наружности токмо, но и въ глубинѣ совѣсти: то можетъ ли дѣйствительнѣе какое быть средство кромѣ вѣры? Ибо здѣсь потребно обязательство совѣсти, обитающія во внутреннихъ изгибахъ человѣческаго сердца; потребно обязательство отъ того, отъ котораго совѣсть законопреступная нигдѣ не могла бѣ укрыться и не мнила бы избѣгнуть наказанія, хотя бѣ въ сокровеннѣйшихъ мѣстахъ совершала свое преступленіе. . . Знаю, что и законы гражданскіе, запрещающіе всякое злодѣяніе и обиду и опредѣляющіе по мѣрѣ всякаго преступленія наказаніе, содѣйствуютъ и пужны суть къ сохраненію обществъ въ надлежащемъ порядкѣ: но гражданскіе законы потому обязываютъ человека въ совѣсти, что они утверждены на священномъ основаніи закона Божія, что законодатель есть провозгласитель своимъ подданнымъ тѣхъ небесныхъ законовъ, которые верховный Судія свѣта хранитъ всякому для своего и другихъ благополучія повелѣваетъ“ (1).

Глубоко пораженный невѣріемъ современнаго русскаго общества, Платонъ въ словѣ въ недѣлю православія разсматриваетъ, какія причины могутъ приводить человека „въ заблужденіе вѣры“?... Такими причинами, по его мнѣнію, служатъ невѣжество, ложное просвѣщеніе и развратная жизнь. Разбирая затѣмъ каждую изъ нихъ отдѣльно, онъ между прочимъ о ложномъ просвѣщеніи, какъ основѣ невѣрія, говоритъ: „Кажется, никоторой вѣкъ столько не былъ несчастливъ самоинтервальной и дерзостною ученостію, сколько нынѣшній... Никогда столь смѣло не было разсуждаемо и говорено о вещахъ вѣры святѣйшихъ. Таинственные истины кладутъ

(1) Поученія Платона II. 363—367.

ся на слабѣйшіе вѣсы разсудка человѣческаго. Едва ли какой разговоръ почитается сноснѣе, или еще пріятнѣе, какъ тотъ, въ которомъ съ посмѣяніемъ перетолковываются установленія церкви, преданія древнѣйшихъ вѣковъ, дражайшій залогъ нашихъ почтеннѣйшихъ предковъ... Оставляю доказывать, сколько таковыя разсужденія суть неосновательны и ложны: да и не имѣю нужды доказывать... Всякой въ церковномъ обществѣ христіанинъ есть членъ, такъ какъ и въ гражданскомъ: но въ обществѣ гражданскомъ никакой членъ никакова узаконенія, хотябъ оно и неосновательнымъ казалось, пересуждать или отвергать права не имѣетъ; и еслибъ такое своевольство попущено было, надобно бѣ во всемъ произойти вреднѣйшему разстройству. Кольми паче въ обществѣ христіанскомъ никакой одинъ членъ никаковаго установленія, хотябъ оно и сумнительнымъ казалось, предосуждать и опровергать права имѣть не можетъ: и еслибъ такое своевольство было попущено; надобно разорваться той священной вѣры связи, которая всѣхъ тѣснѣе насъ другъ съ другомъ соединяетъ". На послѣдней изъ указанныхъ причинъ невѣрія, „на развратности нравовъ“, Платонъ останавливается съ особенною силою, потому что у русскихъ вольнодумцевъ она именно была главною причиною невѣрія. Русское вольнодумство не имѣло своей почвы и никакого болѣе или менѣе глубокаго корня; для однихъ оно было своего рода ученой модой, подражаніемъ западному вольнодумству; для другихъ, и для большинства, служило предлогомъ къ оправданію распущенной жизни; въ немъ хотѣли найти свободу отъ всякихъ обязательствъ закона и стѣсненій совѣсти. На это именно и указываетъ Платонъ. „Извѣстно, говоритъ онъ, что развратности нравовъ ничто не есть столь противно, какъ вѣра. Ибо она препятствуетъ прихотямъ, постыждаетъ страсть, у склонностей плотскихъ отнимаетъ волю. Развращенная душа на таковое свѣтило смотритъ со отвращеніемъ: болѣзненнымъ ея очамъ свѣтъ ея противенъ: истинна ея прободаетъ нѣжное страсти мѣсто. Почему, дабы себя изъ сихъ затрудненій извлечь, старается отовсюду себя заградить, чтобъ спасительное ея напоминаніе къ ней не доходило: а когда бѣ и дошло, но меньше бѣ дѣйствовало; то выдумываетъ разныя сумнѣнія, противорѣчія, смѣшныя заключенія, и оныя присвоетъ святости вѣры, дабы она тѣмъ отвратительнѣе ей казалась, и слѣд. тѣмъ бы меньше препятствовала поступать по своимъ прихотямъ“ (¹).

(¹) Поученія Платона III. 323—327.

Возраженія французскихъ энциклопедистовъ и русскихъ вольнодумцевъ были направлены главнымъ образомъ противъ разныхъ таинствъ христіанскаго ученія, а затѣмъ противъ промысла Божія въ мірѣ, безсмертія души и загробной жизни, противъ разныхъ церковныхъ обрядовъ. Имѣя въ виду возраженіе противъ таинства воплощенія, что оно не постижимо для разума и не согласно съ нимъ, Платонъ въ словѣ въ день Благовѣщенія объясняетъ, что христіанская вѣра, какъ откровеніе Существа высочайшаго и безконечнаго и должна быть выше человѣческаго разума и неизбежно должна содержать въ себѣ тайны, не понятныя для разума. „Я де не могу понять. Подлинно такъ: вѣра, еслибъ ума твоего сосудцемъ была измѣряема, величество ея было бъ унижено. Она есть та, которая составляетъ превосходнѣйшее дѣйствіе самыя премудрости Божія. Почему не только не удивительно, что ты ее совершенно не понимаешь, но еще тѣмъ болѣе она почтенна и священна. Я де не понимаю. Но по крайней мѣрѣ понимаешь то, что ни къ чему худому она не руководствуетъ: по крайней мѣрѣ все вѣры ученіе внушаетъ тебѣ любовь къ Богу, къ ближнему, и хранить честность нравовъ. Нынѣ празднуемое воплощеніе Сына Божія есть непостижимо; но по крайней мѣрѣ то понятно, что доказываетъ оно любовь Божію къ намъ, что только снисходитъ Онъ къ человѣческому роду, что только нечется о спасеніи нашемъ“ (¹). Въ другихъ словахъ Платонъ старается показать необходимость и значеніе каждаго таинства и каждаго догмата въ христіанскомъ ученіи. Христіанское ученіе о промыслѣ Божіемъ изложено въ словахъ на Воздвиженіе, гдѣ Платонъ указываетъ ясныя и повсюдные слѣды творческаго разума въ мірѣ, и въ словѣ въ день Казанской иконы Божіей Матери. Въ послѣднемъ словѣ онъ говоритъ: „Нѣкоторые надменные, но неосновательные умы думаютъ, что, когда Богъ создалъ міръ и всѣмъ въ немъ содержащимъ вещамъ положилъ свои законы, по коимъ они свои теченія и дѣйствія совершать должны, то уже, по ихъ мнѣнію, болѣе въ дѣла и устройство міра Богъ не входитъ, а предоставилъ міръ самому себѣ, дабы онъ единственно текъ по даннымъ ему единожды отъ него законамъ; но... если бъ на одну минуту не было воли Божіей тварямъ дѣйствія свои продолжать, тотчасъ всѣ ихъ дѣйствія остановились бы; да и сами твари въ ничто бы обратились . . . Отверщавъ тебѣ лице, вся возматутся и въ персть свою обратятся“ (²). Защитѣ и объясненію ученія о без-

(¹) Тамъ же V, 199—200,

(²) Тамъ же, XI, 61.

смерти души и загробной жизни Платонъ посвятилъ нѣсколько словъ. Изъ коихъ въ этомъ отношеніи особенно важно слово въ день Вознесенія, сказанное въ 1803 г. Во многихъ такъ же словахъ онъ говорилъ о современной холодности къ церковному богослуженію, о несоблюденіи постовъ и разныхъ церковныхъ обрядовъ. Наконецъ весьма часто возставалъ противъ современной роскоши и распущенности нравовъ, выражавшихся въ разныхъ порокахъ, на которые, какъ мы видѣли, сильно нападала литература и особенно сатирическіе журналы. Кромѣ проповѣдей, Платонъ часто говорилъ рѣчи по разнымъ торжественнымъ случаямъ. Изъ нихъ образцовою считается рѣчь за коронованіе импер. Александра I. „Итакъ сподобилъ насъ Богъ узрѣть царя своего вѣнчанна и превознесенна! Что же теперь возглаголемъ мы, что сотворимъ, о російскіи сынове“?

Такимъ образомъ, будучи учителемъ христіанской вѣры и благочестія, митр. Платонъ въ своихъ проповѣдяхъ касался всѣхъ явленій современной жизни и былъ самымъ современнымъ проповѣдникомъ. Эта современность, отзывчивость на всѣ современные вопросы, при необыкновенной ясности и широтѣ взгляда, при разнообразіи и глубинѣ мыслей, излагаемыхъ живою одушевленною рѣчью, и была главною причиною той славы, какою онъ пользовался. Много значила, конечно, и особенная выразительность въ произношеніи проповѣди. Платонъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ слова и умѣнъ произносить проповѣди. „Мысли избранныя, изображенія сильны и поражающы, замѣчаетъ о немъ Новиковъ въ своемъ словарѣ, сказываетъ проповѣди съ такимъ плѣвающимъ искуствомъ, что всегда и всѣхъ слушателей преклоняетъ къ своему намѣренію“. Въ предисловіи къ изданію своихъ проповѣдей, Платонъ говоритъ: „Признаюсь, что о витійственномъ и спешренномъ слоgѣ я никогда много не заботился. Таковъи словами играющій и надмѣнный слоgъ можетъ быть для свѣтскихъ сочиненій когда либо пристоеетъ и нуженъ; но на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная истина, почиталъ я, что онъ есть излишенъ, разсуждая, что слово Божіе подобно есть сановитой женѣ, которая сама собою заставляетъ себя почитать, не требуя прикрасъ жены нецѣломудренной. При томъ, церковный проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія, а потому необходимость требуетъ, чтобы духовная бесѣда была всякому удобопонятна, удаляя отъ себя, сколько возможно, то подозрѣніе, что будто проповѣдникъ болѣе ищетъ хвалы слушателей за свое краснорѣчивое слово, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ слушателей“. При всемъ томъ, однакожь, Платонъ не пренебрегалъ и

краснорѣчіемъ, особенно въ первые молодые годы и въ то время, когда проповѣдывалъ при дворѣ. Въ это время онъ любилъ употреблять для оживленія слова и возбужденія слушателей внезапные переходы, смѣлыя и необыкновенныя ораторскія движенія. Такъ, во время произношенія проповѣди въ Петропавловскомъ соборѣ, по случаю побѣды надъ турецкимъ флотомъ въ 1770 г., исчисливъ труды и побѣды преобразователя Россіи, онъ неожиданно сошелъ съ кафедры, приблизился къ гробницѣ Петра В., и коснувшись покрыва ея, какъ бы вдохновенный воскликнулъ: „Возстань теперь, великій монархъ, отечества отецъ! Возстань и воззри на любимое изобрѣтеніе твое! . . . Возстань и насладись плодами трудовъ твоихъ“ и проч. (1). Такое движеніе проповѣдника изумило слушателей, а нѣкоторыхъ даже поразило невольнымъ страхомъ. Стоявшій близъ гробницы наслѣдникъ в. к. Павелъ Петровичъ испугался при мысли, что прадѣдушка встанетъ. Государыня была восхищена словомъ и ораторскимъ движеніемъ Платона; а извѣстный своей добродушной остротой графъ К. Гр. Разумовскій, услышавъ воззваніе Платона къ Петру В., тихонько сказалъ окружающимъ его: „чего винъ его кляче? якъ встанетъ, то всѣмъ намъ достанется“. Не удивительно, что слава о Платонѣ, какъ знаменитомъ проповѣдникѣ, распространилась повсюду, не только въ Россіи, но и за границей. Екатерина гордилась своимъ проповѣдникомъ и часто писала о немъ Вольтеру, Дидро, Гримму и другимъ своимъ европейскимъ друзьямъ. Другіе иностранцы, посѣщавшіе въ это время Россію, долго сохраняли самое пріятное воспоминаніе о Платонѣ.

Проповѣди архіеп. Анастасія Братановскаго. Послѣ митр. Платона знаменитымъ такъ же проповѣдникомъ, хотя не въ такой степени, какъ Платонъ, считался бывшій членъ российской академіи, еп. могилевскій и архіеп. астраханскій. Анастасій Романенко-Братановскій (1761—1806). Полтавскій уроженецъ и воспитанникъ переяславской семинаріи, бывшій потомъ учителемъ сѣвской и вологодской семинаріи, онъ былъ вызванъ въ 1790 г. митр. Гавриломъ въ Петербургъ. Занявъ здѣсь должность учителя александровской семинаріи и преподавателя закона Божія въ кадетскомъ корпусѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе даромъ проповѣдничества и часто проповѣдывалъ при дворѣ. Въ 1797 г. онъ былъ сдѣланъ епископомъ могилевскимъ послѣ Георгія Ковнецаго и здѣсь оставался до 1806 г.; въ этомъ году онъ былъ переведенъ въ Астрахань и вскорѣ скончался.—

(1) Тамъ же II, 282. . .

Лучшими проповѣдями Анастасія считаются проповѣди, говоренныя въ Петербургѣ и Могилевѣ. Подобно Платону, Анастасій въ своихъ проповѣдяхъ, особенно петербургскихъ, весьма часто говорилъ противъ энциклопедистовъ и русскихъ вольнодумцевъ, и говорилъ о тѣхъ же заблужденіяхъ, которыхъ касался Платонъ; только его проповѣди, сравнительно съ проповѣдями Платона, отличаются болѣе рѣзкимъ полемическимъ направленіемъ. Эти проповѣди падаютъ на то время, когда въ самомъ обществѣ русскомъ, испуганномъ французской революціей, началась реакція противъ вольнодумства. Понятно, что проповѣди Анастасія, вызванныя потребностями времени, слушались съ особеннымъ вниманіемъ и должны были имѣть большой успѣхъ. Эти проповѣди въ тоже время отличались умомъ, силою чувства и блестящимъ краснорѣчіемъ. — Ратуя противъ французскихъ философовъ и энциклопедистовъ, онъ называлъ ихъ новыми творцами природы, созидающими новый вавилонскій столпъ... „Явился, говоритъ онъ, новые творцы природы; они создали оную, созидаютъ новый вавилонскій столпъ, а потому въ зданіи сего безбожнаго велемудрія, ни зиждущіе что зиждутъ, ни кто пзъ нихъ зодчій, другъ друга не понимаютъ“. Въ словѣ въ Великій Пятокъ. Братановскій, подобно Платону (въ словѣ въ недѣлю Православія), изслѣдуетъ, гдѣ заключается основаніе „безвѣрія и нечестія“, и находитъ, что оно заключается въ развращенномъ сердцѣ чловѣка и дурномъ воспитаніи. „Вникнемъ нынѣ, говоритъ онъ, въ основаніе, на коемъ безвѣріе сооружаетъ свой нечестивый столпъ, возшедь на которой, оплчается противу неба и Божества, и попираетъ на земли вѣру, благочестіе и законъ. Начало и основаніе всему нравственному злу есть развращенное чловѣческое сердце: отъ сердца бо исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы (Матѣ. 15, 19)“... Но природная склонность къ злу развивается и усиливается отъ дурнаго воспитанія и отъ дурнаго сообщества. „Како бо можетъ тотъ быть истиннымъ богопочитателемъ, кто съ млекою матернимъ не воздоенъ страхомъ Господнимъ? како любить будетъ тотъ добродѣтель, кто отъ колыбели навикнулъ порокомъ? како будетъ тотъ воздержнымъ и цѣломудреннымъ, кто отъ малыхъ погтей не видѣлъ ничего, кромѣ или невоздержныхъ родителей, или развратныхъ наставниковъ, или распутныхъ сверстниковъ и товарищей? како можетъ быти тотъ истиннымъ христіаниномъ, кто съ самаго отрочества наученъ презирать святыя таинства и обряды благочестія, отвращаться отъ книгъ евангельскихъ, не благоговѣтъ во храмѣ и не знаетъ, кто есть сей Христосъ. Такимъ образомъ безвѣріе и нечестіе утверждаетъ свое основаніе на ху-

домъ воспитаніи“. Но особенно усиливаетъ невѣріе то, что оно обѣщаетъ человѣку полную свободу, которую будто бы связываетъ вѣра. „... Безвѣрный не боязненно проповѣдуетъ, будто вѣра, Евангеліе и законъ связываютъ человѣческую свободу и дѣлаютъ его невольникомъ и рабомъ. Кому свобода не драгоценна? По сему предлогу, оставляя благочестіе, перебѣгаютъ къ нечестію, дабы то есть быть свободными. Но быть плѣнникомъ чувствъ и страстей: сели свобода? Быть жертвою суеты, распутства: сели свобода? Быть служителемъ роскоши и сладострастія: сели свобода? Быть игралищемъ пороковъ и разврата: сели свобода? Быть слѣпымъ и вмѣстѣ постыднымъ подражателемъ нечестивыхъ примѣровъ: сели свобода? Нѣтъ: вѣра и Евангеліе никогда не дѣлаютъ рабомъ человѣка. Если вѣра связываетъ мысль: то связываетъ вольнодумство. Если Евангеліе обуздываетъ страсти; то обуздываетъ страсти порочныя. Если вѣра запрещаетъ удовольствія, то удовольствія беззаконныя и забавы безчестныя. Если Евангеліе не велитъ любить міра сего; то не велитъ любить міра безчипнаго и слѣпою любовію... Безвѣріе, подъ видомъ соблюденія свободы, прибѣгаетъ къ своевольному употребленію чувственныхъ пріятностей, дабы, сколь можно, усыпить обличающую его совѣсть и разогнать страхъ суда Божія и смерти“.

Но какъ лучшіе образцы церковнаго краснорѣчія и въ частности какъ образцы проповѣдей Анастасія всегда во всѣхъ сборникахъ и христоматіяхъ ⁽¹⁾ представлялись и до сихъ поръ представляются его слова на погребеніе Бецкаго и Шувалова. Просвѣтительная и человѣколюбивая дѣятельность Бецкаго и Шувалова, бывшая предметомъ восторженныхъ похвалъ поэтовъ и литераторовъ, не осталась безъ вниманія и со стороны церковнаго слова. Въ смерти этихъ знаменитыхъ дѣятелей проповѣдники въ тоже время видѣли лучшій поводъ указать невѣрующимъ современникамъ на необходимость вѣры въ безсмертіе и воздаяніе за гробомъ. Земное счастье не можетъ вознаградить достойнымъ образомъ людей добродѣтельныхъ. Добродѣтель не получаетъ на землѣ должнаго воздаянія, а пороки должнаго наказанія. Да и разумъ не можетъ допустить, чтобы съ разрушеніемъ тѣла уничтожился и духъ человѣка. „Итакъ мушъ, исполненный долгаго двей,—такъ начинаетъ Анастасій свое слово на погребеніе Бецкаго,—скончался вмалѣ. Рука приближенныхъ закрыла

(1) Истор. христоматія новаго періода Русской словесности А. Галахова том. I. Историч. христоматія для изученія исторіи русской церковной проповѣди М. А. Поторжипскаго. Кіевъ. 1879.

хладными вѣждами померкнѣй на вѣки взоръ его. Бездыханное тѣло его предается благочестно гробу. Признательность начертается на камени имя его. Чувствительное сердце оросить слезою гробницу его. . . И сѣмъ ли совершилось воздаяніе тѣмъ подвигамъ его прехвальнымъ, извѣстнымъ престолу, отечеству, свѣту? Потомство соплетаетъ ему вѣнецъ хвалы? Но глава, увидѣвшая подлѣ смертнымъ серпомъ, носить его уже не можетъ. Бытописанія возвѣстятъ дѣла его? Но сему не внемлетъ болѣе слухъ, прилежный къ сераду земли, котораго и гласъ грома не потрясаетъ. Воздвигнуть въ честь его мѣль и мраморъ? Но подлѣ тяжести сего взнемогають кости, кои природа тихимъ маніемъ приклонила въ мирѣ уснуть и почить. . . Боже великій! Для сего ли всемогущая благодать Твоя призываетъ человѣка во страну сію отцовъ и матерей, дабы только родиться и умереть? Что жъ будетъ онъ предъ злагомъ, гибнущимъ отъ зноя на полѣ сельномъ, или предъ нравіемъ, издыхающимъ подлѣ погою путника скоротечнаго! Богоподобная добродѣтель! Для сего ли любители твои жертвуютъ, изъ ревности къ тебѣ, всѣмъ сердцемъ и душою, всею крѣпостию силъ и самою жизнію, дабы, собравъ всеобщія хвалы данъ, оставить ее у отверстія гроба? Но и сего стяжанія не имѣють тѣ, кои любви своея къ тебѣ имѣли свидѣтелемъ одну совѣсть и Бога. — Свѣтъ есть для добродѣтели подвигъ, но не въ немъ ей награда. Мы память ея украшаемъ тлѣнными вѣнцами, ибо не можемъ украсить ее нетлѣнными. Такъ, самая смерть добродѣтельныхъ есть доказательствомъ безсмертія и того блаженства, которое подвигамъ благочестивымъ предоставлено во странахъ и бесныхъ, въ царствѣ вѣчности! . . . Ужели мысль, воспаряющая чрезъ предѣлы міра ко престолу Предвѣчнаго, созерцающая совершенство Его и на землѣ для служенія Ему сооружающая духовный алтарь, мысль, обтекающая во едино мгновеніе и небо и землю, прошедшіе вѣки и грядущіе, и даже въ вѣчности не находящая быстрому полету своему предѣловъ, смѣшается со прахомъ? Ужели тотъ духъ, духъ мудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія, духъ страха Господня погаснетъ, подобно смертному факелу? Ужели то сердце, украшенное благодію и правдою, истинною и свѣтостію, кротостію и человеколюбіемъ, доброжелательствомъ и благотвореніемъ, пожерто будетъ тлѣніемъ! Тѣ желанія святая, тѣ надежды небесныя исчезнуть какъ дымъ, какъ мечта? Для сего ли премудрость Божія возвышаетъ человѣка до такой степени совершенствъ въ естественномъ и нравственномъ свѣтѣ, дабы тѣмъ стремительнѣе повергнуть его въ бездну ничтожества? . . . Гдѣ же тѣ обѣщанія евангельскія: вѣруй въ мя не погибѣть, но имать животъ вѣчный (Іоан. 6, 47). Гдѣ та отра-

да, которую добродѣтель вливаетъ въ сердце среди горести и несчастія? Гдѣ та совѣсть, внушающая любить честность не по страху человѣческому, ни для похвалы вѣшнихъ? гдѣ вѣра? гдѣ законъ? гдѣ праведный Богъ? — Переходя отъ этихъ мыслей о жизни и смерти, о судьбѣ живущихъ и умирающихъ, къ предлагающему усопшему, Анастасій говоритъ: „Кто сидящаго на престолѣ челоѣколюбія исполнилъ ревностно волю призрѣть на несчастныхъ спроть, повергаемыхъ на распутіе? — Онъ. Кто во храмѣ художествъ, воздвигнутомъ мудростію, пекущеюся о просвѣщеніи подчиненныхъ, посѣществовалъ усердно намѣреніямъ ея, соблюдалъ свято ея уставы? — Онъ. Кого великая монархиня, при изліяніи щедротъ своихъ на новое учрежденіе и распространеніе воспитанія благороднаго юношества обоого пола, удостоила быть правителемъ? Его. Кому высочайше благоволила повѣрить смотрѣніе надъ сооруженіемъ безсмертнаго памятника Петру Первому Екатерина Вторая? — Ему. Нева, гордась красотою береговъ, свидѣтельствуетъ о тѣнаніи его къ исполненію вѣщій монаршихъ. Его любовь къ челоѣчеству не щадилъ изживеній, не болящимъ только подавая помощь, но самой природѣ, мучащейся рожденіемъ во свѣтъ безсильнаго младенца. Сколько воспитанниковъ запечатѣли въ сердцѣ своемъ его благодѣянія!“ Тѣ же самыя мысли о необходимости признать безсмертіе души и загробную жизнь развиваются и въ словѣ при погребеніи Шувалова. Настоящая жизнь челоѣка необходимо предполагаетъ жизнь будущую; добрыя и злыя дѣла челоѣка требуютъ воздаянія; иначе челоѣкъ представляется самымъ жалкимъ существомъ; разумъ, при вопросахъ о его судьбѣ, впадаетъ въ неразрѣшимыя недоумѣнія и противорѣчія. Припоминая жизнь и просвѣтительную дѣятельность Шувалова, проповѣдникъ говоритъ: „Сей избранный мужъ, коего душа переселилась въ непремѣняемое блаженство, прожилъ на землѣ странствованія челоѣческаго семьдесятъ лѣтъ. Время его жизни показываетъ, что Богъ хранилъ его для счастья многихъ. Теченіе его жизни растворено было желаніемъ, чтобы благодѣтельствовать. Онъ счастливымъ себя почиталъ въ тотъ день, въ который имѣлъ случай удалить несчастіе и посѣществовать счастію другихъ. О, сколько оплакиваютъ свою судьбу, которые лишены плодовъ его челоѣколюбія. Вы, которые ввѣрены были его попеченію и правленію, можете ли вспомнить безъ скорби о добродѣтеляхъ его? Свидѣтели достоинствъ его суть вниманіе монарховъ, которые его отличали... Свидѣтели академія художествъ и университетъ. О, если образуемое юношество можно нареци обновляющеюся юностію челоѣчества, яко орла, то въ обоихъ престольныхъ градахъ питомцы свободныхъ и художественныхъ наукъ соблюдутъ нестарѣющуюся па-

мать той его ревности, съ какою онъ тщился не меньше о украшеніи науками умовъ, какъ и поступокъ благороднымъ учтивствомъ".—Проповѣдямъ Анастасія долго подражали, какъ образцамъ, другіе проповѣдники, да и вообще все не только духовные, но и свѣтскіе писатели высоко цѣнили умъ и краснорѣчіе Анастасія и называли его русскимъ Массильономъ.

Проповѣди протоіерея Іоанна Леванды и архіеп. Георгія Конисскаго. Представителями проповѣди на югозападѣ были: въ Кіевѣ—кіевскій прот. І. Леванда, въ Вѣлоруссіи—архіеп. Георгій Конисскій. Сынъ кіевского сапожника, І. Леванда (1734 -- 1814) воспитывался въ кіевской академіи. Еще въ академіи онъ обратилъ на себя вниманіе способностію сочинять проповѣди и рѣчи; но особенно ревностнымъ проповѣдникомъ явился на священнической должности; во время моровой язвы въ Кіевѣ въ 1770. онъ былъ истиннымъ утѣшителемъ народа въ его страшныхъ бѣдствіяхъ. Потомъ обыкновенно онъ сказывалъ слова и рѣчи на разные торжественные случаи, церковные и гражданскіе праздники, по случаю посѣщенія или смерти знаменитыхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ ⁽¹⁾. Все такіа проповѣди, поученія и рѣчи не отличался ни особенною силою, ни глубиною мыслей, отличаются краснорѣчивымъ изложеніемъ, яркими образами, живыми и богатыми картинами, хотя часто страдаютъ излишнею витіеватостію и искусственностію и вообще носятъ на себѣ печать югозападнаго схоластическаго образованія и югозападной теоріи искусственной проповѣди. Современниковъ Леванды поражали преимущественно его ораторскія достоинства; его искусство производить проповѣди, звучный голосъ, величавая наружность, сила одушевленія производили необыкновенное впечатлѣніе. Лучшими проповѣдями Леванды признаются слово въ великій пятокъ на текстъ: Тако ли не возмогосте єдинаго часа побѣди со мною (Матѣ. 26, 40)? и слово во время моровой язвы въ 1770 г. Въ послѣднемъ словѣ Леванда сначала въ поразительной картинѣ описываетъ бѣдствія, постигаемыя жителями Кіева. „Тамъ лежитъ мертвый отецъ, и дѣти не могутъ отдать ему послѣдняго цѣлованія; бояться прикоснуться къ нему, бѣжать отъ него, чтобы не заразиться отъ трупа его. Тутъ лежитъ мертвая мать, близъ нея рыдаетъ младенецъ, простираетъ руки къ мертвой благодѣтельницѣ своей... Тамъ лежатъ мертвыя сироты, и нѣтъ благодѣтеля, который бы отдалъ имъ послѣдній долгъ христіанства и челоуѣчества... Бѣдственно положеніе наше, ужасно состояніе града нашего! На стогнахъ его ужась, въ домахъ плачь, храмы Божіи заперты, богослуженіе умолкаетъ.

(1) Слова и рѣчи Іоанна Леванды ч. I—III. Спб. 1821.

Градъ, посѣщаемый прежде отдаленными народами, нынѣ оставляется своими; градъ богоспасаемый сдѣлался пынѣ градомъ богоразоряемымъ; градъ, изобиловавшій благословеніями Божиими, нынѣ мѣсто плача, театръ гнѣва небесъ“. Причину такого бѣдствія проповѣдникъ указывае въ грѣхахъ, вызвавшихъ гнѣвъ Божій. Великія бѣдствія обидоша насъ; но они несравненно меньше грѣховъ, которыми мы наполнили градъ сей, дома наши, наполнили тѣло и душу нашу. Беззаконія наша превзыдоша главу нашу, яко бремя тяжкое отяготѣша на насъ... Къ кому же обратимся мы въ столь страшную годину искушенія нашего, гдѣ найдемъ избавленіе свое. кто спасетъ насъ отъ бѣды адовыхъ. Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зѣло“... Обращаясь къ Богу съ молитвою, проповѣдникъ въ концѣ слова взываетъ: „Сотвори убо съ нами знаменіе во благо; и да видятъ ненавидящіи насъ и постыдятся, яко Ты, Господи, помогъ намъ и утѣшилъ насъ еси. Да не рекуть: гдѣ есть Богъ ихъ,—да не рекуть: нѣсть имъ спасенія въ Бозѣ ихъ; Богъ оставилъ есть ихъ. Боже нашъ, не удалися отъ насъ; Боже въ помощь нашу вонми! Помыни, кій есть составъ нашъ; мы и такъ слабые смертны; зачѣмъ же насъ умерщвлять лютейшею смертію?... Ты нѣкогда рекъ еси, Господи. Нивези: не пощажу ли града Нилевин, въ немъ же живутъ множайшіи, иже не познаша десницы своя, ниже шуйцы своей? Есть таковыя и въ семь градѣ; пощади убо съ ними насъ“!

Георгій Конисскій (1717—1795). изъ пѣжинскихъ дворянъ, воспитанникъ кievской академіи. съ 1755 г. былъ епископомъ моголевскимъ, а съ 1775 г. архіеп. бѣлорусскимъ. Въ исторіи русской церкви онъ знаменитъ, какъ ревностный защитникъ православія отъ іезуитовъ и католическихъ проповѣдниковъ и какъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей во время присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи. Будучи моголевскимъ епископомъ, онъ заботился объ образованіи духовенства, заводилъ школы, писалъ къ священникамъ окружныя посланія, убѣждая ихъ учить народъ вѣрѣ и благочестію. Какъ духовный ораторъ, онъ славился своими проповѣдями и рѣчами. Рѣчи Конисскаго, дѣйствительно, отличаются блестящимъ краснорѣчіемъ, силою образовъ и выразительностію языка. Современники высоко цѣнили ихъ, какъ образцы церковнаго ораторства. Извѣстно, что Сумароковъ за рѣчи преимущественно ставилъ Конисскаго выше знаменитыхъ французскихъ ораторовъ и проповѣдниковъ, Бурдалу, Флешье, Боссеюта. Такой взглядъ на краснорѣчіе Конисскаго, конечно, слишкомъ преувеличенъ; но все таки нельзя не признать его блестящимъ русскимъ ораторомъ. Въ образецъ такого ораторства обыкновенно

приводятъ рѣчь импер. Екатеринѣ, при ея коронованіи, сказанную отъ лица бѣлорускаго народа въ 1762 г. и рѣчь на прибытіе Екатырины въ Мстиславль, начинающуюся извѣстнымъ классическимъ сравненіемъ Екатырины съ солнцемъ: „Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается; наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ ⁽¹⁾“... Проповѣди Конисскаго гораздо проще его рѣчей и далеко не отличаются такимъ краспорѣчіемъ. Назначая ихъ болышею частію для простаго бѣлорускаго народа, онъ старался говорить въ нихъ какъ можно вразумительнѣе и популярнѣе; но, увлекаясь стремленіемъ къ популярности, онъ, подобно прежнимъ югозападнымъ проповѣдникамъ, впадалъ иногда въ крайности въ этомъ отношеніи: библейскія лица и событія изображалъ нерѣдко чертами современныхъ нравовъ, въ проповѣдническую рѣчь вставлялъ выраженія свѣтскія, употреблялъ шутки и каламбуры, вульгарныя выраженія. Лучшими проповѣдями Конисскаго считаются слова—въ день пророка Іліи, о причинахъ голода, язвы и другихъ общественныхъ бѣдствій ⁽²⁾, и въ день рожденія императрицы — о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ православною церковью въ Бѣлоруссіи отъ католиковъ. Въ послѣднемъ словѣ, указавъ на малочисленность и страшную бѣдность православныхъ церквей въ Бѣлоруссіи, которыя „сараямъ паче и хлѣвникамъ скотскимъ подобны, а не храмамъ христіанскимъ“, Конисскій говоритъ: „Таково церквей внѣшнихъ и рукотворенныхъ состояніе — плача достойное, но еще гораздо плачевнѣйшее внутреннихъ, нерукотворенныхъ, самаго, говорю, сословія правовѣрныхъ христіанъ. Отнять отъ нихъ свѣтъ ученія: школамъ и семинаріямъ быть не допускаютъ; а потому не только низкаго состоянія люди, но и самое дворянство въ крайней простотѣ и невѣжествѣ принуждено жить. Тому же дворянству прегражденъ входъ къ чинамъ и достоинствамъ; жалуемыхъ за службу отчинъ недостойными осуждены. Граждане изъ уряду гражданскаго исключены; податями излишними и другими тягостями неравно обременены, за тѣмъ все обще до послѣдней нищеты пришли. Дворянина отъ крестьянина трудно отличить. Утѣшаются, правда, подобными озлобленіями и единовѣрные наши греки въ турецкомъ государствѣ: но тамъ агаряне, Христовы противники, а здѣсь христіане христіанъ агарянскимъ средствомъ утѣсняютъ. Тамъ побѣдитель утѣсняетъ побѣжденных: а здѣсь

(1) Собраніе сочиненій Георгія Конисскаго. Кіевъ 1833. Ч. 1, стр. 278—279; 286—289. (2) Тамъ же стр. 238—251.

свободные свободныхъ, и равные равныхъ, единыя матере братія братію и тогожде тѣла одни члены другихъ членовъ ⁽¹⁾“.

Проповѣди св. Тихона Воронежскаго. Особо отъ другихъ проповѣдниковъ, по характеру проповѣднической дѣятельности, стоитъ святитель воронежскій и задонскій Тихонъ (1724—1783). Его поученія мало походятъ на обыкновенныя проповѣди. Это скорѣе простыя, сердечныя и трогательныя наставленія отца своимъ дѣтямъ. Сынъ бѣднаго дьячка въ новгородской губерніи валдайскаго уѣзда, св. Тихонъ (въ мірѣ Тимоѣей Соколовъ) воспитывался въ новгородской семинаріи и сначала былъ учителемъ этой семинаріи, а потомъ ректоромъ тверской семинаріи, наконецъ епископомъ ладожскимъ и съ 1763 г. воронежскимъ. Человѣкъ высокой, святой жизни, онъ съ апостольскою ревностію заботился о религіозно-нравственномъ воспитаніи своей паствы. Для приготовленія достойныхъ священниковъ и учителей народа, онъ старался устроить воронежскую семинарію; при своемъ кафедральномъ соборѣ, онъ учредилъ катехизическія поученія и самъ постоянно училъ народъ. Особенно заботили Тихона разныя суевѣрія въ народѣ и остатки старыхъ языческихъ праздниковъ, народныхъ игръ и обрядовъ, какъ напр. праздникъ Ярилы и встрѣча и проводы масленицы на сырной недѣлѣ. Не довольствуясь поученіями въ определенное время въ Воронежѣ, онъ писалъ и посылалъ наставленія священникамъ всей епархіи, для того, чтобы они читали ихъ своимъ прихожанамъ. Поученія Тихона отличаются необыкновенною теплотою, искренностію и задумчивостію и въ слѣдствіе этого производятъ глубокое и неотразимо сильное дѣйствіе на душу. Ближе всего они подходятъ къ нѣкоторымъ поученіямъ святителя ростовскаго Димитрія, а изъ древнихъ русскихъ пастырей всего больше напоминаютъ такія же душевныя поученія св. Серапіона Владимірскаго. Только нѣсколько поученій Тихона имѣютъ настоящую форму проповѣдей ⁽²⁾; большая же часть изъ нихъ имѣютъ форму простыхъ бесѣдъ и краткихъ наставленій, особенно тѣ, которыя онъ писалъ или говорилъ въ Задонскѣ, когда жилъ здѣсь на покой. Здѣсь онъ особенно заботился о просвѣщеніи простаго народа, и его наставленія отличаются простотою, краткостію и примѣнительностію къ понятіямъ и потреб-

⁽¹⁾ Тамъ же стр. 149—169.

⁽²⁾ Эти проповѣди и краткія нравственныя слова помѣщены въ III томѣ сочиненій св. Тихона. Москва 1836.

ностямъ народа. Св. Тихонъ былъ не только церковнымъ проповѣдникомъ, но вообще народнымъ учителемъ вѣры и нравственности. Мы уже указали выше, какое высокое значеніе въ русской богословской наукѣ имѣютъ сочиненія Тихона „Объ истинномъ христіанствѣ“ и „Сокровище духовное, отъ міра собираемое“ и др.; для характеристики же его поученій могутъ служить поученія „о сырной седмицѣ“, и „о праздникѣ Ярилы“.

Въ поученіи или словѣ „о сырной седмицѣ“ св. Тихонъ показываетъ, что масленица, — не христіанскій, а языческій праздникъ, и по характеру своему противорѣчитъ намѣреніямъ церкви, которая въ это время воспоминаетъ паденіе и изгнаніе изъ рая Адама и Евы, и, приготовляя всѣхъ христіанъ къ посту и покаянію, напоминаетъ имъ о будущемъ страшномъ судѣ. Изобразивъ всѣ безчипіи, какимъ во время масленицы предается народъ, онъ говоритъ: „Стыдъ лице мое покрываетъ, когда я празднованіе сіе на средину призову, а притомъ и тое думаю, что тако празднующіи суть христіане, отрожденніи водою и духомъ, чающіи воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Болѣзнь и жалость сердце сокрушаетъ, что симъ празднованіемъ вѣра святая и благочестивая порочится. Страхъ и трепеть содрогаетъ члены мои, когда предъ умные глаза мои представляю праведный и страшный судъ Божій. Я уповаю, что и вы, слышатели, тоеже на себѣ чувствуете: но какъ еще увидите, что то есть масленица, или седмица сырная, то уповаю, что праздникъ сей и омерзѣтъ вамъ... Былъ у язычниковъ ложный богъ, изобрѣтатель всякаго пьянаго питія, погречески называемый Вакхосъ, или Діонисій, по римски Ливеръ, по египетски Озерпсъ. Сему скверному божку язычники учредили особливые въ году праздники, которые и донынѣ по ихъ наименованію, называются баханалія: они сіи праздники во всякихъ безчипіяхъ, играхъ, пьянствахъ и скверностяхъ провождали. Смотрите, не такъ ли и христіане масленицу провождаютъ, да и прочіе празднуютъ праздники? Не для чего въ полудни свѣта показывать, сами видите. А еще тоеже подтверждаю, что кто масленицу въ вышереченныхъ безчипіяхъ провождаетъ, тотъ явнымъ ослушникомъ церкви бываетъ, какъ бы упрочно противъ нея стоитъ, и показываетъ себе недостойна и имени христіанскаго. Знаете вы, слышатели, какими масленица или сырная седмица ограждена днями, какое ея начало и какой конецъ? Начинается она въ первый день послѣ недѣли мясопустной, въ которую церковь святая воспоминаніе творитъ страшнаго суда Христова, чтобъ тѣмъ въ страхъ и чувство насъ привести. Тогда Евангеліе святое проповѣдуетъ, что придетъ Сынъ человѣческій во славу своей, и вси святіи ангели съ Нимъ; придетъ Тотъ Судія страшный, который сердца и утробы испытуетъ, отъ котораго гнѣва и яро-

сти вся тварь вострепещетъ, небо потрясется, солнце во тьму предложится, и луна не дастъ свѣта своего, звѣзды небесныя спадуть, горы расгають и самый адъ поколеблется; тогда рекутъ горы: падите на вы, и холмамъ: покройте вы отъ лица Сѣдящаго на престолѣ, и отъ гнѣва Агнца“ и т. д. изображается страшный судъ по Евангелію... „А чѣмъ кончится сырная седмица? Знаете вы самъ, что недѣля сыропустная заключаетъ, въ которой воспоминаетъ намъ церковь святая паденіе и изгнаніе изъ райа праотца нашего Адама, а съ нимъ и насъ самихъ. Такъ мы поэтому въ тотъ день оплакиваемъ крайнее наше несчастіе, оплакиваемъ мы тогда тотъ день и часъ, въ который родъ нашъ началъ быть отступникомъ заповѣди Божія и Бога прелюбимаго прогнѣвлять“... Послѣ этого св. Тихонъ убѣждаетъ всѣхъ проводить сырую недѣлю, какъ совѣтуетъ церковь, въ приготовленіи къ посту и покаянію, „отложить всѣ вкрадшіяся непристойныя забавы, памятуя страшный судъ Христовъ и праотеческое паденіе (1)“.

Подобнымъ образомъ, и въ „Утѣшавшіи жителямъ града Воронежа объ уничтоженіи ежегоднаго празднества, называвшагося Ярило“, св. Тихонъ объясняетъ языческое происхожденіе этого праздника и все противорѣчіе его духу церкви. „Въ прошлый поведѣльникъ, то есть, первый сего поста день, говоритъ онъ, извѣстился я уже къ вечеру чрезъ нѣкотораго добраго человѣка, что на полѣ, близъ московскихъ воротъ, праздникъ какой-то совершается со всякимъ безчиніемъ, который праздникъ здѣшніе жители называютъ Ярило. Я, желая лучше удостовѣриться, подлинно ли такъ, какъ мнѣ донесено, самъ на то мѣсто поѣхалъ, и увидѣлъ, что точно множество мужей и женъ, старыхъ и малыхъ дѣтей изъ всего города на то мѣсто собралось. Между симъ множествомъ народа, иныхъ увидѣлъ я почти безчувственно пѣящихъ, между иными ссоры, между иными драки; увидѣлъ иныхъ раненыхъ, иныхъ окровавленныхъ; примѣтилъ и пѣсанія женъ пѣящихъ со скверными пѣснями, а посреди всего беззаконнаго безумныхъ людей торжества стоитъ кабакъ въ палаткѣ, отъ котораго безпрестанно выносятъ вино и другъ друга потчуютъ и упиваются. Неподалеку отъ того продаются и всякія снѣдныя вещи“. Описавъ праздникъ, онъ продолжаетъ: „Изъ всѣхъ обстоятельствъ праздника сего видно, что древній нѣкакій былъ идолъ, прозываемый именемъ Ярило, которой въ сихъ странахъ за Бога почитаемъ былъ, пока еще не было христіанскаго благочестія. А иные праздникъ сей, какъ я отъ здѣшнихъ странъ людей слышу, на-

(1) Сочиненіи св. Тихона III, 31—41.

зываютъ игрищемъ. А давноль праздникъ сей начался, спрашивалъ я у тѣхъ стариковъ? Они мнѣ на то объявили, что онъ еще издавна, а потомъ примолвили, что отъ года въ годъ умножается, и такъ-де люди его ожидаютъ, какъ годового торжества; и какъ онъ пріиспѣтъ, убраются празднующіе его въ самое лучшее платье и по малу въ немъ начинаютъ бѣситься; куда и малыя дѣти съ великимъ усиліемъ у своихъ отцевъ и матерей испрашиваютъ. Начинается онъ, какъ тѣже мнѣ люди объявляютъ, въ среду или четвертокъ по сошествіи св. Духа и умножается чрезъ слѣдующіе дни; а въ понедѣльникъ, первый поста сего день, и окончается только съ великимъ безчиніемъ и умноженіемъ нечестія, какъ я самъ примѣтилъ съ сожалѣніемъ. Но какъ бы праздникъ ни назывался, или когда бы ни начинался, или сколько бы дней ни продолжался; однакожь точно я объявляю, что сей праздникъ бѣсовскій, смердящій, издаетъ запахъ подлопоклонства. Понеже праздникъ христіанскій состоитъ въ томъ, чтобъ въ церковь Божию входить и имя Божіе славословить, размышлять о содѣянныхъ Божіихъ благодѣяніяхъ и за тѣя сердцемъ и усты Богу благодѣтельно благодарити“... Въ концѣ увѣщанія онъ обращается ко всѣмъ жителямъ города — къ священникамъ, начальникамъ, господамъ, отцамъ и матерямъ, съ глубокою горестію и болѣзнію сердца проситъ уничтожить нечестивый праздникъ: „Разрушите прошу и молю, разрушите сонмище его, не попускайте впредь быть незаконному сему собранію; загладите въ памяти своей варварское сіе и мерзкое именованіе Ярило, предайте забвенію и праздники сіи, а празднуйте единому Тріипостасному Богу Отцу и Сыну и Св. Духу, въ Него же креститесь, и на всякомъ мѣстѣ прославляйте величествіе Его⁽¹⁾“.

Кромѣ указанныхъ проповѣдниковъ, въ екатерининскую эпоху были извѣстны какъ проповѣдники еще и другіе, какъ напр., архіеп. твер. Іоасафъ Заболотскій (+1778); еп. ворон. Иннокентій Полянскій (+1794); архіеп. тверск. Иннокентій Нечаевъ (+1793, членъ рос. академіи); архіеп. казан. Антоній Зыбелинъ (+1797); архіеп. твер. и яросл. Павелъ Пономаревъ (+1805, членъ рос. академіи); нижег. еп. Дамаскинъ Семеновъ—Рудневъ; екатеринос. еп. Амвросій Серебренниковъ; архіеп. казан. и потомъ митр. петерб. Амвросій Подобѣдовъ (+1818).

(1) Сочиненія св. Тихона III, 238—248.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

направленіе и общій характеръ литературы въ екатерининскую эпоху.

Внесеніе въ русскую литературу философскихъ идей XVIII в. *Стр.*
Характеръ и значеніе философій XVIII в. Народность и другіе
элементы въ литературѣ екатерининской эпохи. . . . . 3.

Просвѣтительная и литературная дѣятельность Екатерины II.
Воспитательныя и образовательныя заведенія въ екатерининскую
эпоху. И. И. Бецкій. Народныя училища. . . . . 16.

Наказъ Екатерины II. Его содержаніе, характеръ и значе-
ніе въ исторіи образованія и литературы. . . . . 29.

Сочиненія Екатерины II. Педагогическія сочиненія: Ин-
струкція Екатерины кн. Салтыкову, при назначеніи его къ воспита-
нію великихъ князей; гражданское начальное ученіе; выборныя
россійскія пословицы; аллегорическія сказки о царевичѣ Февеѣ
и царевичѣ Хлорѣ . . . . . 35.

Драматическія {сочиненія Екатерины. Комедіи: «О время»
и «Имянины г-жи Ворчалкиной». Историческія драмы. Оперы. 42.

Сочиненія Екатерины противъ масонства. Сатирическія статьи
во Всякой Всячинѣ и Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова.
Были и Небылицы . . . . . 58.

Главные литературные дѣятели въ екатерининскую эпоху.

Д. И. Фонъ-Визинъ. Біографическія свѣдѣнія о Фонъ-Ви-
зинѣ. Сочиненія Фонъ-Визина. Содержаніе и значеніе Бригади-
ра. Недоросль. Основныя идеи и идеалы въ Недорослѣ. Другія
сочиненія Фонъ-Визина. Значеніе Фонъ-Визина въ исторіи рус-
скаго просвѣщенія и въ исторіи русской литературы . . . 71.

Г. Р. Державинъ. Значеніе Державина въ исторіи русской
литературы. Воспитаніе, образованіе и служебная дѣятельность
Державина. Общій характеръ и направленіе поэзіи Державина.

Ода «Богъ» и другія духовныя стихотворенія Державина. «Фелица» и другія оды въ честь Екатерины. Оды и другія стихотворенія Державина, изображающія главныхъ дѣателей и сотрудниковъ Екатерины. Стихотворенія Державина, изображающія современные нравы. Анакреонтическія стихотворенія. Драматическія сочиненія. Произведенія въ народномъ духѣ. Существенныя достоинства и недостатки сочиненій Державина. . . . 109.

Послѣдователи и подражатели Державина. Е. И. Костровъ и его оды. В. П. Петровъ. Его оды, посланія и сатиры. В. В. Капнистъ. Содержаніе, характеръ и значеніе «Ябеды» Капниста. Неслыханное диво, или честный секретарь Судовщикова. . . . . 163.

И. И. Хемницеръ и его басни . . . . . 173.

М. М. Херасковъ. Біографическія свѣдѣнія о Херасковѣ. Поэмы Хераскова: Россіада и Владиміръ. Повѣсти Хераскова. Лирическія и драматическія сочиненія Хераскова . . . . 178.

И. О. Богдановичъ и его поэма: «Душенька». Комическія поэмы В. П. Майкова . . . . . 199.

Я. Б. Княжнинъ, какъ представитель русской трагедіи въ екатерининскую эпоху. Біографическія свѣдѣнія о Княжнинѣ. Лучшія трагедіи Княжнина: Дидона, Росславъ, Титово милосердіе. Общій характеръ трагедій Княжнина. Комедіи и оперы Княжнина. . . . . 206.

Мѣщанская драма. Комедіи Лукина. Ихъ характеръ и значеніе въ исторіи русской драмы. Комедіи и оперы Аблесимова, Вережкина, Клущина, Ефимьева и Плавильщикова . . . . 233.

Переводная литература. Сочиненія французскихъ философовъ и энциклопедистовъ . . . . . 243.

А. Н. Радищевъ и его Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. П. И. Челищевъ и его Путешествіе по Сѣверу Россіи . 234.

Масонство, какъ реакція противъ философіи энциклопедистовъ. Происхожденіе, общій характеръ и разные виды масонства въ Европѣ . . . . . 270.

Начало масонства въ Россіи. П. И. Елагинъ . . . . . 276.

Н. И. Новиковъ и И. Е. Шварцъ, какъ представители русского масонства. Журнальная дѣятельность Новикова въ Петер-

буржѣ. Книгопродавческая, издательская и филантропическая дѣятельность въ Москвѣ. Массонскіе журналы Новикова . . .	Стр. 279.
Массонская литература, переводная и оригинальная. И. В. Лопухинъ и его сочиненія по массонству	301.
Литературные журналы въ екатерининскую эпоху. Сатирической характеръ журналовъ. Предметы журнальной сатиры .	312.
Ученая литература. Характеръ ученой дѣятельности въ екатерининскую эпоху. Основаніе Россійской академіи. Княгиня Е. Р. Дашкова	327.
Ученая дѣятельность Академіи наукъ и русской академіи. Ученыя путешествія и описанія Россіи	336.
Сочиненія по русской исторіи. Историческія сочиненія импер. Екатерины, Елагина и Эмина.	338.
Историческія сочиненія М. М. Щербатова	341.
Историческія сочиненія И. Н. Болтина	348.
Мемуары, или записки современниковъ	357.
Сочиненія по языкознанію.	361.
Литературныя теоріи и руководительныя книги по словесности	364.
Начало разработки памятниковъ народной старины и словесности	371.
Духовная литература. Состояніе духовнаго образованія въ екатерининскую эпоху	378
Замѣчательные духовные писатели и разныя духовныя, оригинальныя и переводныя, сочиненія	384.
Проповѣди въ екатерининскую эпоху. Знаменитѣйшіе проповѣдники.	389.
Проповѣди митр. Гавріила	391.
Проповѣди митр. Платона	394.
Проповѣди архіеп. Анастасія Братановскаго	406.
Проповѣди протоіерея Іоанна Леванды и архіеп. Георгія Конисскаго	411.
Проповѣди св. Тихона Воронежскаго	414.

Цѣна съ пересылкою 2 руб.

Съ требованіями книги нужно обращаться:

въ Казань: къ профессору Казанской Академіи П. Я. Порфирьеву, въ Редакцію Православнаго Собесѣдника и въ книжные магазины А. А. Дубровина и К. П. Алексѣева.

въ Петербургъ: въ книжные магазины М. М. Стасюлевича и А. С. Суворина.

въ Кіевъ: въ книжный магазинъ Н. Я. Оглоблина.

въ Харьковъ: въ книжный магазинъ Б. В. Хавенша и Д. П. Подухтова.

Тамъ же продаются:

Исторія русской словесности. Часть I. Древній періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра В. Изданіе 4-е. Казань. 1886. Цѣ 2 р.; съ пересылкою 2 р. 30 к.

Исторія древней русской словесности, изложенная сокращенно по 3-му изданію. Казань 1882. Ц. 1 р. 30 к.; съ пер 1 р. 50 к.

Исторія русской словесности. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ I. Отъ Петра В. до Екатерины II. Изданіе 2-е. Казань. 1886 г. Цѣна 1 р. 75 к. съ пересылкою.

Изданія II. А. Милославскаго.

Основанія Философіи, какъ специальной науки. Казань. 1883. Цѣна 2 руб.

Наука и ученые люди въ русскомъ обществѣ. Второе изданіе. Ц. 30 коп.

Дю-буа Реймондъ. О предѣлахъ естествознанія. Ц. 40 коп.

Тюпидаль. Произвольное зарожденіе. Лекція въ Лондонскомъ королевскомъ обществѣ. Ц. 50 к.

Краткая Англійская грамматика. Памятная книжка для изучающихъ англійскій языкъ. Ц. 75 коп. съ пересылкою 90 коп.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ И. Порфирьевъ.

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ 3.

ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета
1891.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ Н. Порфирьевъ.

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ ПЕРИОДЪ.

ОТДѢЛЪ 3.

ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.
1891.

Отъ Казанскаго Комитета духовной цензуры печатать дозволяется.
13 августа 1891 года.

Профессоръ *А. Волковъ.*

Покойный Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ намѣренъ былъ довести настоящій, заключительный отдѣлъ Исторіи Русской Словесности до литературной дѣятельности Пушкина; но приготовить къ печати весь этотъ отдѣлъ, сообразно съ намѣченной имъ программой, онъ не успѣлъ. Смерть застигла его за изложеніемъ главъ о Крыловѣ, Грибоедовѣ и мистической литературѣ Александровскаго времени. Эти статьи, какъ неоконченныя, не могли войти въ настоящее изданіе.

А. Поповъ.

ХАРАКТЕРЪ ОБРАЗОВАНІЯ И ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКУЮ ЭПОХУ ¹⁾.

Вступая на престолъ, императоръ Александръ I объявилъ, что онъ будетъ слѣдовать по стопамъ своей великой бабки, Екатерины II. Дѣйствительно: царствованіе Александра во многихъ отношеніяхъ представляется продолженіемъ царствованія Екатерины, съ разными, конечно, измѣненіями, которыя всегда неизбѣжно приносятъ съ собою прогрессивное движеніе времени. При Александрѣ созрѣли и принесли плоды тѣ сѣмена, которыя были посеяны при Екатеринѣ. Тѣ же высокія пѣли и стремленія къ образованію народа и водворенію въ Россіи правды и гуманности, которыя преслѣдовала во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ Екатерина, были главными и руководительными идеями и цѣлями при всѣхъ реформахъ Александра. Усвоеніе просвѣтительныхъ идей философіи и литературы XVIII в., задержанное въ послѣдніе годы царствованія Екатерины и при имп. Павлѣ, при Александрѣ продолжалось съ новою силою. Въ литературѣ на смѣну уже устарѣвашаго ложно-классическаго направленія развилось новое сантиментальное направленіе; но въ тоже время еще продолжали существовать, хотя въ измѣненномъ видѣ, и прежнія направленія—энциклопедистическое—съ классическимъ стилемъ и характеромъ, мистико-масонское и народно-русское.

¹⁾ О характерѣ образованія при Александрѣ I смотр.: Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе импер. Александра I. Журн. Мин. Нар. Пр. 1865—1866.—Рѣч. на столѣтнемъ юбилейѣ импер. Александра I, академика М. И. Сухомлинова (Спб. 1877—Зап. Имп. Ак. Н. т. XXVI).—Очеркъ личности и дѣятельности Карамзина, академика Я. К. Грота (Сборн. 2-го Отд. Ак. Н. т. I).—Общественное движеніе при Александрѣ I. А. И. Пыпина. Изд. 2-е, 1885.—Сочиненія К. Н. Батюшкова со статьею о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. И. Саитовымъ, т. I—III Спб. 1887.—Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, изд. Я. К. Гротомъ, ч. 1—3. Спб. 1885.—Полное собраніе сочиненій П. А. Вяземскаго, изд. гр. Шереметевымъ. Спб. 1879, т. I—XI.

Просвѣщеніе народа, содѣйствіе успѣхамъ науки, искусствъ и литературы были главными предметами заботъ и попеченій импер. Екатерины; тоже самое мы встрѣчаемъ и въ дѣятельности импер. Александра, съ первыхъ дней его царствованія. Еще при Екатеринѣ нѣсколько разъ поднимался вопросъ объ открытіи университетовъ: объ этомъ разсуждали въ Коммиссіи Уложенія, объ этомъ Екатерина разсуждала съ Дидро, который, какъ выше указано, начерталъ для нея и планъ университетовъ; въ Коммиссіи народныхъ училищъ Завадовскимъ былъ составленъ планъ, въ которомъ предположено было открыть три университета—въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ. Но университетамъ суждено было явиться только въ царствованіе Александра; въ самомъ началѣ царствованія, съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія, были открыты университеты въ Казани, Харьковѣ и Петербургѣ; преобразованы были университеты московскій, виленскій и дерптскій; основано нѣсколько лицеевъ: Демидовскій въ Ярославлѣ, царскосельскій, одесскій, нѣжинскій; по всей Россіи предположено было открыть гимназій, уѣздныя училища и приходскія школы; составлены новыя уставы для Академіи Наукъ и Академіи Художествъ; возвращены средства къ существованію Россійской Академіи, которыя были отняты у нея Павломъ I ¹⁾.

При основаніи университетовъ неизбѣжно должна была повториться та же исторія, какъ и при открытіи Академіи Наукъ: и для университетовъ, какъ для Академіи, оказалось нужнымъ на первыхъ порахъ выписывать иностранныхъ профессоровъ, потому что своихъ было еще мало. Открывая Академію Наукъ, Петръ В. для приготовленія ученыхъ изъ русскихъ людей учредилъ при Академіи гимназію и университетъ; но эти учрежденія, находившіяся болышею частію въ завѣдываніи иностранцевъ, содержались очень небрежно и ученыхъ изъ русскихъ доставляли сравнительно немного ²⁾; единственный университетъ, московскій, также мало

¹⁾ Известно, что имп. Павелъ I, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, президента Россійской Академіи, княгиню Дашкову, сослалъ въ ссылку и лишилъ Академію денежныхъ средствъ, а вслѣдъ за тѣмъ и помѣщенія ея, передавъ принадлежавшія ей дома въ другое вѣдомство; Академіи предоставлялось содержаться собственными средствами. Имп. Александръ повелѣлъ снова отпускать на содержаніе Россійской Академіи сумму, назначенную ей Екатериной, и далъ средства для перестройки зданія, въ которомъ помѣщалась Академія. Дашкова также была возвращена на прежнее мѣсто. См. Рѣчь въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ по случаю столѣтняго юбілея Александра I, академика М. П. Сухомлинова. Зап. Ак. Н. т. XXXI. 1877 г.

²⁾ Смotr. письмо академикомъ Озерецкаго, Гурьева и Севастьянова, поданное имп. Александру въ 1801 г. съ просьбою о поддержаніи академическаго

могъ дать ихъ; въ немъ и самомъ лекція по многимъ предметамъ читались по латыни и по нѣмецки, за немѣніемъ русскихъ профессоровъ. Какъ и при основаніи Академіи—поднимался также вопросъ, не преждевременно ли открывать высшіе разсудники науку, когда еще нѣтъ самаго главнаго; но онъ самъ собою и палъ, потому что, вмѣстѣ съ университетами, открывались разныя среднія и низшія школы. Какъ бы то ни было,—„Новый планъ народнаго просвѣщенія въ Россіи“, напечатанный въ 1803 г., былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ. Въ 5-мъ № Вѣстника Европы Карамзинъ восторженно привѣтствовалъ его слѣдующими словами: „Петръ В. учредилъ первую академію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета первый университетъ, великая Екатерина городскія школы: но Александръ, размножая университеты и гимназіи, говоритъ еще: да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ. Новая великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи нравственнаго образованія въ Россіи, которое есть корень государственнаго величія и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываютъ только личною славою монарховъ, не отечества, не народа. Не одно народное славолубіе . . . терпитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи, нѣтъ, онъ мѣшаетъ всякому дѣйствию благотворныхъ намѣреній правителя, на всякомъ шагѣ останавливаетъ его, отнимаетъ силу у великихъ, мудрыхъ законовъ, рождаетъ злоупотребленія, несправедливости и однимъ словомъ не позволяетъ государству наслаждаться внутреннимъ общимъ благоденствіемъ, которое одно достойно быть цѣлю истинно великаго т. е. добродѣтельнаго монарха“. Особенно Карамзинъ указываетъ на важность и необходимость сельскихъ школъ. „Учрежденіе сельскихъ школъ, говоритъ онъ, несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія . . . Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми метафизиками въ свѣтѣ. Исторія ума представляетъ двѣ эпохи: изобрѣтеніе буквъ и типографіи; всѣ другія были ихъ слѣдствіемъ“. Въ обществѣ начались богатые пожертвованія на дѣла народнаго просвѣщенія. Прочитавъ „Планъ“, богатъ Демидовъ пожертвовалъ въ 1803 г. до милліона рублей деньгами, имѣніемъ (въ 450 тысячъ рублей), бібліотекой и нѣсколькими кабинетами для Московскаго университета, для будущихъ университетовъ и для основанія высшаго учебнаго заведенія въ Ярославѣ (Демидовскій лицей): другой богатъ, Шереметевъ, въ томъ же году пожертвовалъ до 2½ милліоновъ рублей деньгами и недвижимымъ имуществомъ на раз-

ныя благотворительныя цѣли; дворянство Харьковской губерніи, по призыву Каразина, сдѣлало пожертвованіе, въ 400 тысячъ рублей на заведеніе Харьковского университета. Было много и другихъ пожертвованій въ пользу университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній, каковы пожертвованія Безбородка, Голицина, княгини Дашковой и графа Н. П. Румянцева (пожертвованія изданій по древней русской исторіи и драгоцѣннаго Музея, вмѣстѣ съ домомъ для него) ¹⁾.

Учреждая повсюду высшія и низшія училища, импер. Александръ постоянно покровительствовалъ всѣмъ ученымъ и писателямъ, поощрялъ ихъ ученую и литературную дѣятельность, награждая ихъ труды, помогая имъ издавать ихъ сочиненія и даже нѣкоторыхъ приближалъ къ себѣ и пользовался ихъ совѣтами. Карамзинъ, первый и лучшій писатель александровской эпохи, былъ самымъ приближеннымъ человѣкомъ и истымъ другомъ импер. Александра.

Инициатива просвѣтительной дѣятельности выходила отъ самого государя, самая же дѣятельность сосредоточивалась главнымъ образомъ въ высшемъ аристократическомъ обществѣ. Кромѣ ближайшаго къ государю кружка, который составляли нѣсколько извѣстныхъ лицъ: Строгановъ, Новосильцевъ, Кочубей и Чарторыйскій, и въ которомъ зачинались и приводились въ исполненіе планы всѣхъ реформъ, ознаменовавшихъ начало царствованія, извѣстно много другихъ лицъ, которыя были также передовыми и знаменитыми дѣятелями въ области просвѣщенія, какъ-то: Завадовскій, первый министръ народнаго просвѣщенія, М. Н. Муравьевъ, попечитель Московскаго университета, Мордвиновъ, Воронцовъ, Северинъ-Потоцкій, Каразинъ, основатель Харьковского университета, графъ С. П. Румянцева; извѣстно нѣсколько домовъ или цѣлыхъ семействъ, которыя были центрами, притягивавшими къ себѣ всѣхъ образованныхъ людей, въ которыхъ наука, искусство и литература находили для себя постоянный теплый пріютъ и всегдашнее покровительство. Таковы были семейства Тургеневыхъ, Муравьевыхъ и Олениныхъ.

Н. П. Тургеневъ (1752—1807) принадлежалъ къ масонскому обществу и былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Новиковскаго кружка. Его имя прежде всего упоминается въ біографіи Карамзина, котораго онъ увезъ изъ разсѣяннаго свѣтскаго общества въ Симбирскъ въ Москву, убѣдилъ заняться литературой и ввелъ его въ общество Новикова. Состоя нѣсколько лѣтъ директоромъ Московскаго университета (1797—1803), онъ воспиталъ мно-

¹⁾ Общественное движеніе въ Россіи при Алекс. I, Пыпина.

жество полезныхъ дѣятелей, которые всю жизнь почитали его какъ роднаго отца. У И. П. Тургенева было четыре сына, изъ коихъ особенную извѣстность пріобрѣлъ, какъ меценатъ наукъ и искусствъ, *Александръ Ивановичъ Тургеневъ* (род. 1784). Въѣстѣ съ братомъ своимъ Андреемъ Ивановичемъ онъ воспитывался въ Геттингенскомъ университетѣ, получилъ обширное образованіе и долго путешествовалъ по Европѣ, для собиранія матеріаловъ по исторіи Россіи въ иностранныхъ архивахъ и библіотекахъ. Во время своей службы въ разныхъ должностяхъ (онъ служилъ при статсъ-секретарѣ Новосильцевѣ и въ комиссіи по составленію законовъ, былъ членомъ и секретаремъ Библейскаго общества, а также былъ членомъ общества арзамасскаго), онъ находился въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ почти со всѣми лучшими писателями первой половины XIX в. и всѣмъ имъ оказывалъ помощь. Карамзину онъ помогалъ при собираніи источниковъ для Исторіи государства русскаго; Жуковский былъ много обязанъ ему въ упроченіи своего внѣшняго положенія. Участіемъ и покровительствомъ Тургенева пользовались Батюшковъ, Воейковъ, Козловъ, Милоновъ и А. С. Пушкинъ, котораго онъ опредѣлилъ въ Царско-сельскій лицей и котораго потомъ похоронилъ въ Святогорскомъ монастырѣ. Въ близкихъ отношеніяхъ къ Тургеневу находился еще П. А. Плетневъ, который высоко цѣнилъ его заслуги по собиранію матеріаловъ для исторіи Россіи.

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ (1757—1807), отецъ извѣстныхъ декабристовъ, Никиты и Александра Муравьевыхъ, былъ наставникомъ импер. Александра и великаго князя Константина, попечителемъ Московскаго университета и товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Благодаря его заботливости, при Московскомъ университетѣ было открыто нѣсколько обществъ: общество исторіи и древностей русскаго, общество испытателей природы, общество соревнованія медицинскихъ и физическихъ наукъ. Домъ его былъ открытъ для всѣхъ ученыхъ и образованныхъ людей, которымъ онъ оказывалъ всякую помощь: въ его домѣ и подъ его ближайшимъ руководствомъ воспитывался Батюшковъ; онъ испросилъ у государя званіе русскаго исторіографа Карамзину, который въ послѣдствіи, въ благодарную память о немъ, издалъ его сочиненіе подъ заглавіемъ „Опыты исторіи, словесности и правовѣденія“ (въ двухъ частяхъ). Двоюродный братъ М. Н. Муравьева, *Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ* (1768—1851) первое образованіе получилъ въ нѣмецкомъ пансіонѣ, а закончилъ его въ Германіи, гдѣ онъ познакомился съ Кантомъ и Клоппштокомъ, потомъ служилъ въ разныхъ мѣстахъ, при миссіяхъ и посольствахъ

за границей, наконецъ былъ сенаторомъ и членомъ главнаго правленія училищъ. Будучи образованнѣйшимъ человекомъ своего времени, онъ занимался литературой, перевелъ „Облака“ Аристофана, „Школу злословія“ Шеридана, написалъ „Путешествіе по Тавридѣ“ и „Письма изъ Москвы въ Новгородъ“, напечатанныя въ Сынѣ Отечества (1813—1815)¹⁾, весьма интересныя для характеристики московскаго образованнаго общества, убѣжавшаго отъ Наполеона изъ Москвы въ Нижній. Замѣтимъ еще, что сынъ Ивана Матвѣевича оказался въ числѣ декабристовъ и былъ казненъ²⁾). *Алексѣй Николаевичъ Оленинъ* былъ археологъ, любитель художествъ и самъ занимался рисованіемъ и гравированіемъ. Онъ много содѣйствовалъ успѣхамъ русскихъ художниковъ; въ его гостепріимномъ домѣ собирались всѣ русскіе таланты того времени: Озеровъ, Гнѣдичъ, Муравьевъ-Апостолъ, Уваровъ, Востоковъ и др. Сюда обыкновенно приносились всѣ новости, ученые и литературныя, извѣстія о новыхъ книгахъ, новыхъ стихотвореніяхъ, театральныхъ представленіяхъ и проч. Здѣсь Озеровъ въ 1804 г. въ первый разъ читалъ своего „Эдипа“, здѣсь же положено было ознаменовать торжество Озерова, по случаю перваго представленія его трагедіи, выбитіемъ медали³⁾. Эти собранія въ домѣ Оленина весьма много оживляли его умная и образованная супруга, урожденная Полтавская.

Были и женскіе литературные салоны, составлявшіеся вѣроятно по подражанію французскимъ женскимъ салонамъ второй половины XVIII в.; таковы напр. были гостинныя Прасковьи Михайловны Ниловой и Анны Петровны Квашниной-Самариной; подлѣ ихъ вліяніемъ, между прочимъ, воспитывался Батюшковъ. Кромѣ упомянутыхъ лицъ были конечно и другія лица, способствовавшія распространенію образованія въ эту эпоху. Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ указываетъ на Федора Васильевича Козлятева, у котораго была большая французская библіотека старыхъ и новыхъ писателей, на домъ Плещеевыхъ (Алексѣя Александровича и Настасьи Ивановны), въ которомъ находили особенное покровительство онъ и Карамзинъ, написавшій къ нимъ свои „Письма русскаго путешественника“, и на домъ князя А. И. Вяземскаго, гдѣ сходились образованные молодые люди, изъ которыхъ потомъ образовалось Арзамасское общество⁴⁾.

Направленіе въ образованіи было либеральное. Самъ государь

¹⁾ Перепечатаны въ Русск. Архивѣ 1876, кн. 3. Содержаніе ихъ изложено въ Ист. русск. слов. Галахова, II, 276—282.

²⁾ Смotr. у Майкова: Сочиненія Батюшкова II, 411—417; у Галахова въ Ист. русск. словесности II, 276—281.

³⁾ Смotr. у Майкова: Сочиненія Батюшкова I, 48—54.

⁴⁾ Взглядъ на мою жизнь И. И. Дмитріева 47—51; 78.

любимый внукъ поклонницы Вольтера, импер. Екатерины, былъ воспитанникомъ республиканца, швейцарца Лагарпа, который познакомилъ еще въ молодости своего ученика со всѣми идеями философіи и литературы XVIII в. Упомянутые выше люди, окружавшіе государя и стоявшіе во главѣ государственнаго управленія, были воспитаны еще при Екатеринѣ и также на сочиненіяхъ той же философіи и литературы. Графъ П. А. Строгановъ былъ воспитанникомъ француза Ромма, одного изъ якобинцевъ ¹⁾; графъ Кочубей воспитывался въ Женевѣ и Лондонѣ, гдѣ познакомился съ политическими науками; графъ Новосильцевъ четыре года жилъ въ Англіи и изучалъ также англійскія политическія учрежденія. Въ домѣ Муравьевыхъ воспитателемъ дѣтей былъ швейцарецъ, якобинецъ Петра. Въ домѣ Салтыковыхъ гувернеромъ былъ родной братъ Марата, который былъ извѣстенъ потомъ подъ именемъ Будри и съ этимъ именемъ сдѣлался преподавателемъ французской словесности въ царскосельскомъ лицѣѣ и былъ учителемъ Пушкина ²⁾. Вообще отцы и дѣды общественныхъ дѣятелей и писателей александровской эпохи получали иностранное образованіе и любили у себя дома составлять библіотеки иностранныхъ, преимущественно французскихъ писателей, которыя потомъ служили источникомъ образованія для ихъ дѣтей и внуковъ. Такъ, у отца Батюшкова, поклонника философіи XVIII в., была большая библіотека, которая и послужила образованію его сына. Ужасы французской революціи, напугавшіе всю Европу, бросили мрачную тѣнь на иностранное образованіе, на французскую философію и литературу; многіе не только перестали увлекаться ими, но и дѣлались ихъ преслѣдователями. Книга Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, какъ самый осязательный примѣръ того сильнаго вліянія, какое производила на русскихъ образованныхъ людей французская философія, подверглась осужденію, вмѣстѣ съ ея авторомъ, была запрещена и изъята изъ употребленія. Но когда прошла революціонная гроза, уваженіе къ французской философіи и иностранной литературѣ явилось снова и особенно усилилось въ началѣ царствованія Александра. Въ собраніяхъ „Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ“, основаннаго въ 1801 г. для распространенія новаго, Карамзинскаго литературнаго направленія, читались переводы изъ Беккариа, Филанжіери, Мабли, Рейналя, Вольнея и другихъ историковъ и публицистовъ XVIII в.; на которыхъ воспитался Радищевъ и которые дали содержаніе его книгѣ. Въ сборникѣ этого общества, въ „Свиткѣ музъ“ 1803 г. издателями его было заявлено горячее сочувствіе къ Радищеву, а въ

¹⁾ Объ этомъ Роммѣ см. статью въ Русскомъ Архивѣ 1887 г. кн. 1.

²⁾ См. у Пыпина: Общ. движ. при Александрѣ I, 2-е изд. стр. 75.

Сѣверномъ Вѣстникѣ 1805 г. была даже напечатана цѣлая глава изъ его „Путешествія“, „Клинь“, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ бумагъ одного россіянина“; при этомъ издателями присовокуплено было слѣдующее примѣчаніе: „Читатели найдутъ въ семъ сочиненіи не чистоту русскаго языка, но чувствительныя мѣста. Издатели смѣютъ надѣяться, что гѣни усопшаго автора первое будетъ прощено ради послѣдняго“¹⁾. Чтобы распространить въ русскомъ обществѣ господствовавшія въ это время въ Европѣ идеи объ устройствѣ государства и государственномъ управленіи, нашли нужнымъ перевести на русскій языкъ вполнѣ главныя политическія и политико-экономическія сочиненія, каковы: „Разсужденіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ“ Беккаріи (перев. въ 1803), „Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи“ Бентама (1805—1811), „О существѣ законовъ“ Монтескье (1814 г.), „Исслѣдованіе свойствъ и причинъ богатства народовъ“ Адама Смита (1803—1806), „Политическая экономія, или о государственномъ хозяйствѣ“ Верри (въ 1810). Самимъ правительствомъ опять поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, и явилось нѣсколько сочиненій объ этомъ предметѣ (Разсужденіе Андрея Кайсарова—*Dissertatio.... de manumittendis per Russiam servis*. Göttingae. 1806). Наконецъ въ 1809 г. начались разныя реформы по части внутренняго государственнаго управленія, главнымъ дѣятелемъ которыхъ былъ Сперанскій.

Такимъ образомъ въ царствованіе Александра продолжалось усвоеніе идей философіи и литературы XVIII в., но надобно замѣтить, что это усвоеніе имѣло другой характеръ, чѣмъ въ царствованіе Екатерины. При Екатеринѣ оно имѣло характеръ консервативно-эклектическій. „Мой девизъ, говорила она, пчела, которая, летая съ растенія на растеніе, собираетъ медъ для своего улья, и надпись: полезное“. Примѣняя къ русской жизни идеи новой науки и литературы, она выбирала только существенно-необходимое и не касалась ни основы существующаго государственнаго строя, ни издавна установившихся формъ народной жизни, и сама, рядомъ съ изученіемъ европейской науки и литературы, изучала и другихъ возбуждала къ изученію русской исторіи и народной поэзіи. Образецъ такого отношенія ея къ европейской наукѣ и русской народности представляетъ и ея „Наказъ“. Такихъ же воззрѣній держалась и вся литература Екатерининской эпохи, проводившая въ своихъ сочиненіяхъ идеи „Наказа“. Но въ другомъ совсѣмъ направленіи дѣйствовали Александръ и его сподвижники; вводя разныя реформы, они уже не хотѣли держаться указаннаго консервативнаго направленія.

Нѣтъ сомнѣнія, что иностранное воспитаніе, подъ руковод-

¹⁾ См. у Майкова: Сочиненія Батюшкова I, 39—40.

ствомъ иностранныхъ учителей, по сочиненіямъ европейской науки и литературы, приносило большую пользу для общаго развитія русскихъ людей, но съ другой стороны нельзя отрицать и того, что оно было и вредно,—потому что совершенно отдаляло ихъ отъ русской жизни и содѣйствовало развитію того космополитизма, который, начавшись прежде, особенно усилился въ царствованіе Александра. Извѣстно, что самого Александра современники, а потомъ и потомки упрекали „въ недостаткѣ народнаго чувства и любви къ Россіи, живаго сознанія нуждъ и потребностей русскаго народа“, и указывали на то, что въ его политикѣ отвлеченныя соображенія космополитическаго свойства часто одерживали верхъ надъ прямыми и существенными потребностями Россіи и что даже въ средѣ самой близкой къ нему и самой вліятельной появлялись иногда лица, желавшія дѣйствовать вопреки интересамъ Россіи и въ явный ущербъ русскому народу. Изъ русскихъ людей выходили люди съ высокими стремленіями и обширными познаніями, которыми они часто удивляли иностранцевъ; но эти люди до того благоговѣли предъ западной наукой и культурой, что холодно и съ пренебреженіемъ относились къ своей народности, къ родному языку и отечественной исторіи. Мы указали выше на семейства Тургеневыхъ и Муравьевыхъ, какъ на главные центры образованія въ александровскую эпоху, но изъ этихъ же семействъ выходили и декабристы. Можно сказать, что почти всѣ образованные люди конца XVIII и начала XIX в., даже тѣ, которые сдѣлались извѣстными въ исторіи какъ горячіе патріоты и защитники русской народности, сначала увлекались космополитическими чувствами. „Всѣ жалкія іереміады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной физіогноміи суть не что иное, какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размысленіи..... Все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы и выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ“ писалъ въ 1790 г. изъ Парижа въ Россію Карамзинъ, тотъ самый Карамзинъ, который вскорѣ явился самымъ горячимъ народнымъ патріотомъ, который создалъ „Исторію государства російскаго“ и этой исторіей пробудилъ въ русскомъ обществѣ чувство народности. Въ страстномъ, юношескомъ увлеченіи поразившей его европейской цивилизаціей, Карамзинъ (ему было тогда только 23 года) еще не замѣчалъ, что народность есть не что иное, какъ только индивидуальная форма общечеловѣческаго духа, что человѣческое не можетъ существовать безъ народнаго, какъ необходимой формы, въ которой оно выражается: что само человѣчество существуетъ только въ идеѣ, а въ дѣйствительности живутъ народы, французы, нѣмцы, англичане,

руссіе, а потому, чтобы быть человѣкомъ и служить человѣчеству, непременно надобно принадлежать къ какому нибудь народу, и конечно къ тому народу, обществу, средѣ, которымъ мы обязаны своимъ бытіемъ, и съ которымъ мы тѣсно связаны вѣрою, законами, правами и обычаями.

Графъ Завадовскій въ 1800 г. писалъ къ А. Р. Воронцову: „Ежели не всё, то однакоже многія пробѣжалъ я наши исторіи: хаосъ не очищенный отъ лжи и невѣжества. Стоять одни имена и числа, а прочее все завалено грубымъ слоємъ.... Пишущимъ монахамъ не спорили монастырскія стѣны, а міръ легковѣрный, потому что не просвѣщенный, всякую всячину принималъ за истину, яко исходящую отъ святыни. Симъ образомъ, я полагаю, составила исторія нашей древности, на которую по пустому устремляемъ наше любопытство. Несторъ первый поступилъ во тьму необъятную, но его факель освѣтилъ ли намъ горизонтъ? Въ безднѣ дикихъ народовъ, преправившихся между собою, едва виденъ Россѣ. Всю полосу до царства Іоанна Васильевича должно откинуть *in loca imaginaria*, каковы полагались, прежде чѣмъ знали физику, за предѣлами земной сферы. Но и сія эпоха перемѣшана подобнымъ мракомъ, каковымъ объяты широкіе вапуски отъ Китая, отъ Чингисхана и отъ вѣрующихъ въ Магомета. Потому исторія наша всегда будетъ для читателя скучна, если черпать оную хотимъ глубже, а не отъ временъ Петра В. Для просвѣщающагося вѣка пріятнѣе повѣсть отъ начала просвѣщенія и отъ имени виновника онаго.—Когда ты занимаешься Плутархомъ, то сравни умъ и силу его изображеній противъ святыхъ и мірскихъ нашихъ писателей, и увидишь всю жалкую бѣдность сихъ послѣднихъ. По моему мнѣнію, только та исторія и пріятна и полезна, которую или философы, или политики писали. *Но еще наши науки и нашъ языкъ еще не достигли до того, то и лучше пользоваться чужимъ хлѣбомъ, чѣмъ грызть свои сухари со ржавчиною.* Когда пріѣдешь въ Москву, пришли мнѣ каталогъ продажныхъ французскихъ книгъ“. Соглашаясь, что и въ древнемъ періодѣ нашей исторіи были важныя происшествія, какъ напр. въ царствованіе Іоанна Грознаго, онъ однако же, по поводу Исторіи Щербатова, говоритъ, что всю эту древнюю исторію можно помѣстить на одной страницѣ: „Писателю просвѣщенному довольно было бы одной страницы, *чтобы наши всѣ матеріалы на времена до Петра I вмѣстить въ оную.* Но еще не перевелись, и не такъ скоро прейдутъ любители книгъ за толщину оныхъ. Впрочемъ, древнія начала всѣхъ государствъ суть темная ночь, которую я просыпаю безъ сказокъ и безъ сновидѣній, убѣдившись въ томъ всемірною исторіею“¹⁾. Такія выходки

¹⁾ Семейная хроника Воронцовыхъ А. Д. Брикнера. Вѣстн. Евр. 1887, сентябрь.

противъ древней отечественной исторіи и древнерусскаго и славянскаго языковъ, выходяи совершенно непонятныя нынѣ, могутъ быть объяснены именно только тѣмъ космополитизмомъ высшаго образованнаго общества, который развился подъ вліяніемъ иностраннаго воспитанія и который заставляетъ оставлять въ пренебреженіи все отечественное. Отечественное казалось ниже потому, что оно издавно было заброшено, не разработано и превратилось въ сухари со ржавчиной. Завадовскій самъ говоритъ, что пачатки исторіи и просвѣщенія у каждаго народа бываютъ скудны, что и самыя блестящія и драгоцѣнные камни бываютъ покрыты корой и смѣшаны съ грязью и только очищенные и обдѣланные являются въ настоящемъ своемъ видѣ.

Такия же воззрѣнія на русскую старину и древнюю русскую исторію вскорѣ высказаны были поэтомъ Батюшковымъ. Въ 1809 г. онъ писалъ къ другу своему Гнѣдичу: „Нѣтъ, невозможно читать русской исторіи хладнокровно т. е. съ разсужденіемъ. Я сто разъ принимался: все равно. Она дѣлается интересной только со временъ Петра В. . Подивись, подивимся мелкимъ людямъ, которые роются въ этой пыли; читай римскую, читай греческую исторію, и сердце чувствуетъ, и разумъ находитъ пищу. Читай исторію среднихъ вѣковъ, читай басни, ложь, невѣжество нашихъ праотцевъ, читай набѣги половцевъ, татаръ, Литвы и проч., и если книга не выпадетъ изъ рукъ твоихъ, то я скажу: или ты великій, или мелкій человѣкъ: нѣтъ середины! Великій, ибо видишь, чувствуешь то, чего я не вижу, мелкій, ибо занимаешься пустяками. . . . Отъ одного слова русскіе, не кстати употребленнаго, у меня сердце не на мѣстѣ. . . Глинка называетъ свой *Вѣстникъ русскій*, какъ будто пишетъ въ Китаѣ для миссіонеровъ, или пекинскаго архимандрита. Другіе, а ихъ тысячи, жужжать, нашептываютъ: русское, русское, русское. . . а я потерялъ вовсе терпѣніе“. Въ 1816 г., по поводу разсужденія Каченовскаго о славянскомъ и въ особенности церковномъ языкѣ, Батюшковъ къ тому же Гнѣдичу писалъ: „Нѣтъ, никогда я не имѣлъ такой ненависти къ этому мандаринскому, рабскому, татарско-славянскому языку, какъ теперь. Чѣмъ болѣе вникаю въ языкъ нашъ, чѣмъ болѣе пишу и размышляю, тѣмъ болѣе удостоверяюсь, что языкъ нашъ не терпитъ славянизмовъ. Когда переведутъ св. Писаніе на языкъ человѣческій? Дай, Боже! желаю этого“! . . . . Въ 1811 г. онъ писалъ къ Гнѣдичу: „Отгадайте, на что я начинаю сердиться? на что? на русскій языкъ и на нашихъ писателей, которые съ нимъ немилосердно поступаютъ. И языкъ то самъ по себѣ плоховатъ, грубенежъ, пахнетъ татарщиной. Что за *ы*, что за *щ*? что за *ш*, *шій*, *щій*, *при*, *тры*? О варвары! А писатели? Но Богъ съ ними! Извини, что я сержусь на русскій народъ и его нарѣчіе. Я сію минуту читалъ Аріоста, дышалъ

чистымъ воздухомъ Флоренціи, наслаждался музыкальными звуками авзонійскаго языка и говорилъ съ тѣнями Данта, Тасса и сладостнаго Петрарка, изъ устъ котораго что слово, то блаженство“. По поводу своей элегіи Батюшковъ говоритъ: „Я смѣшонъ по совѣсти. Не похожъ ли я на слѣпаго нищаго, который, услышавъ прекраснаго виртуоза на арфѣ, вдругъ задумалъ воспѣвать ему хвалу на волынкѣ или балалайкѣ? Виртуозъ—Тассъ, арфа—языкъ Италіи его, нищій—я, а балалайка—языкъ нашъ, жестокій языкъ, что ни говори“.

Не всё, конечно, образованные люди конца XVIII и начала XIX в. доходили до такихъ крайностей космополитизма, но всё болѣе или менѣе были напитаны имъ, особенно богатые и знатные. Они владѣли иногда обширными свѣдѣніями по разнымъ предметамъ науки и литературы, но изъ этихъ свѣдѣній не дѣлали никакихъ употребленій и приложеній не только вообще для Россіи, но и для своей жизни. Они иногда гораздо лучше знали, что было и что дѣлается въ Италіи, чѣмъ въ Россіи и даже въ ихъ собственныхъ имѣніяхъ. Замѣчательный типъ такихъ людей представляетъ сенаторъ и библіофилъ графъ Димитрій Петровичъ Бутурлинъ (1763—1829), у котораго была огромная бібліотека и музей, сгорѣвшіе въ 1812 г. Онъ не выѣзжалъ изъ Россіи, и зналъ твердо разнообразныя мѣстныя нарѣчія итальянскаго языка и французскаго народонаселенія, зналъ наизусть до малѣйшихъ подробностей топографію Рима, Неаполя, Парижа. Онъ удивлялъ иностранцевъ своимъ энциклопедическимъ всевѣдѣніемъ: слушая его, они думали, что онъ много времени прожилъ въ той или другой мѣстности и едва вѣрилъ, когда графъ признавался имъ, что еще не выѣзжалъ изъ Россіи¹⁾.

Космополитизмъ, страсть ко всему иностранному имѣли вредныя послѣдствія и для религіозныхъ убѣжденій русскихъ людей, развивая въ нихъ сначала религіозный индифферентизмъ и потомъ отступничество отъ православной вѣры и церкви. Это отступничество особенно обнаруживалось въ женскомъ аристократическомъ обществѣ, которое, получивъ иностранное воспитаніе и живя постоянно за границей, совершенно забывало свою вѣру и въ случаѣ запросовъ совѣсти и разныхъ религіозныхъ и нравственныхъ потребностей обращалось не къ православной церкви, которой оно съ дѣтства чуждалось, потому что совершенно ея не знало, но къ европейской вѣрѣ и преимущественно къ католической церкви, духовенство которой и всего болѣе іезуиты умѣли пользоваться религіознымъ невѣжествомъ русскихъ женщинъ. Это особенно обна-

¹⁾ Сочин. гн. Вяземскаго. VIII, 166.

ружилось въ эпоху отечественной войны, когда вслѣдствіе сильныхъ потрясеній, потерь и вообще разныхъ несчастій понадобились религіозныя утѣшенія,—за этими утѣшеніями тогда обращались не къ православной церкви и ея духовенству, а къ разнымъ мистическимъ сектамъ, другіе переходили въ католичество. Супруга О. В. Ростопчина, графиня Екатерина Петровна, урожденная Протасова, еще въ 1812 г. обратилась въ католичество, подъ влияніемъ одной французской книги, данной ей іезуитомъ, аббатомъ Сюррюгъ. Сестры графини Ростопчиной, княгиня А. П. Голицына (ум. 1842), графиня В. П. Протасова (ум. 1852) и В. П. Васильчикова (ум. 1814), С. П. Свѣчина, графиня М. А. Воронцова и многія другія также перешли въ католичество, при содѣйствіи бывшаго сардинскаго посланника при русскомъ дворѣ, графа Іосифа де Местра ¹⁾. Въ Одессѣ въ лицей директоромъ былъ іезуитъ Николь и ввелъ въ лицей іезуитскую систему воспитанія. Въ самомъ Петербургѣ при Александрѣ существовалъ іезуитскій пансіонъ: воспитывавшіяся здѣсь русскія дѣти иногда наизусть знали католическую обѣдню, но не понимали православнаго богослуженія. Очень много также распространяли католичество послѣ революціи явившіеся въ Россію эмигранты и эмигрантки. Между послѣдними была извѣстна въ высшихъ петербургскихъ кружкахъ эмигрантка княгиня де-Тарантъ ²⁾. Но и независимо отъ иностранной и пновѣрной пропаганды иностранное, преимущественно французское, воспитаніе отдалаю русскіхъ образованныхъ людей и особенно женщинъ отъ вѣры православной, отъ обрядовъ и языка своей церкви. „До какой степени такъ называемая галломанія, говоритъ Майковъ, содѣйствовала къ сближенію съ католичествомъ, видно изъ примѣра В. П. Тургеневой, матери знаменитаго романиста, которая даже не будучи католичкой читала молитвы на французскомъ языкѣ“ ³⁾.

Вредныя послѣдствія такого воспитанія были невѣзбѣжны. „Съ нравственностію, говоритъ Шниковъ, не то дѣлается, что съ естественностію. Курица, высиженная и вскормленная уткой, останется курицею и не пойдетъ за нею въ воду: но русскій, воспитанный французами, всегда будетъ больше французъ, нежели русскій“. Сколько въ образованномъ обществѣ можно было встрѣтить такихъ людей, которые чисто говорили по французски, но не могли правильно написать двухъ-трехъ строкъ по русски. Были даже

¹⁾ См. А. Н. Попова—Москва въ 1812 г., въ Русс. Архивѣ 1875, кн. II стр. 278—279.

²⁾ См. Русс. Арх. 1866 г.

³⁾ Воспоминанія о семьѣ П. С. Тургенева, В. П. Житовой. Вѣстн. Евр. 1884, ноябрь, стр. 86. См. у Майкова, Сочин. Батюшкова, II, 388—389.

градоначальники, затруднявшіеся въ объясненіяхъ съ подчиненными, которые не говорили по французски.

Война съ французами въ 1812 году, сопровождавшаяся странными бѣдствіями, пробудила въ русскомъ обществѣ чувства патріотизма и народности. Тѣ же самыя лица, которыя прежде такъ громко высказывали свои космополитическія воззрѣнія, прониклись негодованіемъ и ненавистью къ французамъ. „Я слишкомъ живо чувствую раны, нанесенныя моему отечеству, писалъ тотъ же поэтъ Батюшковъ къ Гнѣдичу въ октябрѣ двѣнадцатаго года, чтобы минуту быть спокойнымъ. Ужасные поступки вандаловъ, или французовъ, въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, поступки, безпримѣрные и въ самой исторіи, вовсе разстроили мою маленькую философію и поссорили меня съ человѣчествомъ“.... Какъ прежде ужасы французской революціи поколебали гуманныя убѣжденія Карамзина и заставили его воскликнуть: „Вѣкъ просвѣщенія, не узнаю тебя; въ крови и пламени не узнаю тебя; среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя,“ такъ теперь Батюшковъ высказываетъ негодованіе противъ той самой образованности, подъ вліяніемъ которой онъ воспитывался и предъ которой благоговѣлъ. „Варвары, вандалы, прибавляетъ онъ. И этотъ народъ изверговъ осмѣлился говорить о свободѣ и философіи, о человѣколюбіи. И мы до того были ослѣплены, что подражали имъ какъ обезьяны“ ¹⁾. Карамзинъ въ своемъ Предисловіи къ Исторіи государства російскаго говорилъ: „Истинный космополитъ есть существо метафизическое, или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить о немъ, ни хвалить, ни осуждать его“.... „Хвастливость авторскаго краснорѣчія и нѣга читателей осудятъ ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали и своими страданіями изготвили наше величіе; а мы не захотимъ и слушать о томъ, ни зпать, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастіяхъ. Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней исторіи; но добрые россияне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному“.

Литература приняла народно-патріотическое направленіе. Это направленіе выражается въ одахъ и другихъ стихотвореніяхъ Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго, въ драмахъ Озерова (Димитрій Донской, 1807 г.), Крюковскаго (Пожарскій, 1807), въ афишахъ графа Ѳ. В. Ростопчина, въ разсужденіяхъ, манифестахъ, грамотахъ, рескриптахъ, приказахъ по арміямъ и другихъ извѣщеніяхъ, выходившихъ изъ подъ пера А. С. Шишкова. Въ 1808 г. С. Глин-

¹⁾ См. у Майкова, Въ Біографіи Батюшкова. Сочин. Батюшкова I, 160—161.

ка основаль „Русскій Вѣстникъ“ съ цѣлю возбуждать народный духъ къ борьбѣ съ французами. Вліяніе этого журнала было такъ сильно, что оно встревожило Наполеона, и французскій посолъ Коленкуръ жаловался русскому правительству на непріязненный духъ Вѣстника; а самого Глинку, по его энергіи и патріотическому энтузіазму, современники сравнивали съ Жанной д'Аркъ. Съ также патріотическою цѣлю въ 1812 году былъ основанъ Н. И. Гречемъ „Сынъ Отечества“. Но самымъ неутомимымъ органомъ патріотизма была „Бесѣда любителей русскаго слова“ (1811—1819), издававшаяся подъ управленіемъ А. С. Шишкова. Шишковъ первый, еще въ 1803 г. въ своемъ „Разсужденіи о старомъ и новомъ слоgѣ російскаго языка“, возставаъ противъ порчи русскаго языка внесеніемъ въ него иностранныхъ словъ и оборотовъ, ставилъ въ связи эту порчу съ иностраннымъ воспитаніемъ русскаго общества. „Начало онаго (зла), говорилъ онъ, происходитъ отъ образа воспитанія: ибо какое знаніе можемъ мы имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся на рукахъ у французовъ, прилѣпляются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій, говорятъ языкомъ ихъ свободнѣе, нежели своимъ, и даже до того заражаются къ нимъ пристрастіемъ, что не токмо въ языкѣ своемъ никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать онаго, но еще многіе симъ постыднѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкоторымъ украшающимъ ихъ достоинствомъ, хвастаютъ и величаются“ (стр. 5—6). „Французы прилежаніемъ и трудолюбіемъ своимъ умѣли бѣдный языкъ свой обработать, вычистить, обогатить и писаніями своими прославиться на ономъ; а мы богатый языкъ свой, не рача и не помышляя о немъ, начинаемъ превращать въ скудный. Надлежало бы взять ихъ за образецъ въ томъ, чтобъ подобно имъ трудиться въ созданіи собственнаго своего краснорѣчія и словесности, а не въ томъ, чтобъ найденныя ими въ ихъ языкѣ ни мало намъ не сродныя красоты перетаскивать въ свой языкъ“ (стр. 11—12).

Но чувство народности и патріотизма, такъ сильно заявившее себя во время отечественной войны, быстро прошло съ окончаніемъ этой войны и снова явилась галломанія, отъ которой не могли совершенно освободиться даже во время войны, такъ какъ подъ вліяніемъ ея воспитывались еще съ дѣтства. Мы указали выше на письма въ Нижній изъ Москвы П. М. Муравьева, весьма интересныя для характеристики русскаго общества въ эпоху отечественной войны. Въ этихъ письмахъ изображается, какъ москвичи, пострадавшіе отъ Наполеона и французовъ, не могли однакоже отдѣлаться отъ французской цивилизаціи, усвоенной ими съ малыхъ лѣтъ, такъ что продолжали жить по французски, собиравшись во французскіе

клубы, читали французскіе романы, танцевали французскія кадрили и даже проклинали французовъ на французскомъ языкѣ. Въ 1815 г. послѣ возвращенія русскихъ войскъ изъ за границы начали распространяться политическія либеральныя общества; русскіе офицеры, во время пребыванія въ Парижѣ, подчинились французскимъ воззрѣніямъ. Въ это время повсей Европѣ и особенно во Франціи повсюду разсѣяны были разныя тайныя политическія общества, которыя перенесены были и въ Россію. Н. Н. Муравьевъ-Карскій рассказываетъ о томъ, какъ изъ знакомыхъ ему молодыхъ людей составилъ тѣсный дружескій кружокъ, нѣчто въ родѣ тайнаго общества. „Какъ водится въ молодые лѣта, говоритъ онъ объ этомъ кружкѣ, мы судили о многомъ, и я, не ставя преграды воображенію своему, возбужденному чтеніемъ *Contrat social* Руссо, мысленно начерчивалъ себѣ великія предположенія въ будущемъ. Думалъ и выдумалъ слѣдующее: удалиться на какой-нибудь островъ, населенный дикими, взять съ собою надежныхъ товарищей, образовать жителей острова и составить республику. У общества были свои условленные знаки для узнаванія другъ друга при встрѣчѣ. Ребяческій этотъ бредъ прошелъ, когда наступили событія 12-го года; но потомъ нѣкоторые изъ членовъ кружка стали декабристами, другіе видными государственными дѣятелями“¹⁾.

Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII в. весьма важную роль играли масонскія ложи; Екатерина не любила ихъ и, испуганная французской революціей, закрыла ихъ. Но въ началѣ царствованія Александра масонскія ложи возобновились, и распространялись разныя мистическія ученія. Возстановлены были нѣкоторыя прежнія ложи и открыты новыя, не только въ столицахъ, но и въ провинціальныхъ многолюдныхъ городахъ. Отличительную черту новыхъ масонскихъ обществъ составляло то, что онѣ стояли болѣе на теоретической почвѣ, чѣмъ на практической, какъ это было при Новиковѣ. Лопухинъ и Тургеневъ и имѣли болѣе мистическій, внутренній характеръ, чѣмъ внѣшній, ритуальный. Изъ дѣятелей такихъ мистико-масонскихъ ложъ особенно выдавались *Лабзинъ*, издававшій „Сіонскій Вѣстникъ“ (въ 1806 и 1817—1818 г.), гдѣ излагалось мистическое ученіе Бэма, Экартсгаузена и другихъ мистиковъ и переводились ихъ сочиненія, и *Невзоровъ*, издававшій другой мистическій журналъ „Другъ юношества“. Мистическое направленіе впрочемъ, можно сказать, существовало во всемъ современномъ обществѣ и независимо отъ масонства. Многіе держались масонскаго ученія и не будучи масонами, напр. Сперанскій, кн. А. Н. Голицынъ и многія изъ духовныхъ лицъ. Самъ импер.

¹⁾ Новые мемуары объ Александровской эпохѣ. А. Н. Пыпина. Вѣстн. Евр. 1887 декабрь, стр. 673—674.

Александръ любилъ посѣщать собранія, гдѣ проповѣдывалось мистическое ученіе, былъ въ сношеніяхъ съ г-жею Крюднеръ, принималъ къ себѣ квакеровъ и бесѣдовалъ съ ними. Нѣкоторые мистико-масонскія общества имѣли политическія тенденціи, вслѣдствіе чего въ 1822 г. всѣ масонскія ложи были закрыты. Политическій элементъ, впрочемъ, проникалъ и въ такія общества, которыя имѣли религіозно-правственные дѣли, или вообще образовательныя стремленія, напр. Библейское общество, основанное въ концѣ 1812 г. для распространенія въ народѣ свѣд. Писанія, въ переводахъ на народныя языки (существовало до начала 20-хъ годовъ), ланкастерскія школы, открытыя въ 1819 г. въ Петербургѣ, гдѣ составилось общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія. Наконецъ стали составляться и настоящія тайныя политическія общества, по образцу западныхъ политическихъ обществъ, и особенно по образцу нѣмецкаго политическаго общества „Тугендбундъ“. Все это броженіе, навѣянное разными западными вліяніями, религіозными и политическими, вызвало дикія нападенія вообще на просвѣщеніе архимандрита Фотія, министерство просвѣщенія князя Голицына, названное министерствомъ потемкинѣя, грубую арачьевщину и привело къ катастрофѣ 14 декабря, слѣдствіемъ которой явилась уже другая система въ образованіи и управленіи, совершенно противоположная Александровской системѣ.

На смѣну ложно-классическаго направленія явилось новое, *сантиментальное*. Въ европейскіхъ литературахъ оно было протестомъ противъ искусственности и сухости классической школы, противъ искусственности и испорченности жизни въ высшихъ сословіяхъ, протестомъ природы противъ неправильно развившейся цивилизаціи. Впрочемъ аналогичныя явленія сказавшемуся въ сантиментальномъ направленіи были извѣстны и въ древнемъ мірѣ. Извѣстно, что въ Греціи, въ эпоху александрійскую, когда слишкомъ усилилась роскошь и нравы испортились, явилось желаніе возвратиться къ природѣ и простой жизни: развилась идиллическая поэзія, Феокритъ и его школа начали рисовать сцены изъ жизни простыхъ людей, пастуховъ, земледѣльцевъ, рыбаковъ и пр. Подобнымъ образомъ и въ Римѣ, въ эпоху Августа, когда римская аристократія, пресыщенная богатою и роскошною жизнію и ея удовольствіями, томилась отъ скуки и пресыщенія и не знала, что съ собою дѣлать, энтузіастъ полей и лѣсовъ, Виргилій погналъ всѣхъ римскихъ богачей изъ города въ деревню, на свѣжій воздухъ природы, рисуя въ своихъ эклогахъ и Георгикахъ разные виды сельскаго хозяйства и прелести деревенской жизни. Тоже самое повторилось и въ Европѣ во второй половинѣ XVIII в., когда въ средѣ искусственной жизни, какъ въ душной комнатѣ,

человѣкъ задыхался отъ множества накопившихся въ ней міазмовъ цивилизаціи, явилась потребность освѣжиться чистымъ воздухомъ природы и жизни простыхъ людей; явилось обожаніе природы, мечты о небываломъ золотомъ вѣкѣ; развилась пастушеская поэзія; явился Руссо съ своими пламенными рѣчами противъ цивилизаціи. Съ другой стороны, сантиментальное направленіе было протестомъ противъ односторонности науки и философіи энциклопедистовъ. Философія энциклопедистовъ заботилась только о развитіи ума, обогащая его разными свѣдѣніями по разнымъ наукамъ, но нисколько не старалась о развитіи чувства, о воспитаніи нравственнаго характера; выходили люди съ образованіемъ, люди знающіе, но безъ сердца, безъ нравственного чувства. Сантиментальная литература, напротивъ, все вниманіе обращала на развитіе чувства, развивала чувство гуманности, гуманныя отношенія ко всѣмъ людямъ, воспитывала въ человѣкѣ нравственный характеръ. Но имѣя такой чистый источникъ и такія чистыя побужденія и намѣренія, сантиментальное направленіе само явилось на практикѣ одностороннимъ: преслѣдуя интересы чувства и нравственности, оно совершенно игнорировало интересы ума и образованія, и естественно скоро выродилось. Чувство превратилось въ ложную чувствительность, не управляемую и не просвѣщаемую здравымъ разсудкомъ. Истинная чувствительность обращается къ такимъ предметамъ, которые достойны сочувствія, выражается въ такихъ чувствахъ и ощущеніяхъ, которые важны и интересны для всѣхъ людей; ложная чувствительность обратилась къ мелочамъ, не стоящимъ никакого вниманія; развилась паклонность казаться нѣжнымъ, добрымъ и чувствительнымъ, совершенно не имѣя этихъ качествъ, паклонность рисоваться своимъ чувствомъ, все преувеличивать, воздыхать или восторгаться по каждому ничтожному случаю.

Сантиментальное направленіе явилось прежде всего въ англійской литературѣ, вмѣстѣ съ романами Ричардсона и „Чувствительнымъ путешествіемъ“ Стерна, откуда и взято самое слово сантиментальный (sentimental), давшее имя цѣлому направленію. Изъ Англіи оно вскорѣ перешло во Францію. По подражанію Клариссы Ричардсона (1748) Руссо написалъ „Новую Элоизу“, Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ романъ „Павелъ и Виргинія“. Новая Элоиза произвела необыкновенно сильное впечатлѣніе; въ ней самымъ краснорѣчивымъ образомъ изображалась вся искусственность городской жизни, весь вредъ цивилизаціи, и дѣлались самыя пламенные воззванія къ природѣ или къ жизни въ природѣ. Новая Элоиза произвела множество подражаній во всѣхъ литературахъ. „Путешествіе“ Стерна (1768) названо чувствительнымъ потому, что оно содержитъ въ себѣ не описаніе вѣшняго міра или тѣхъ предметовъ, которые путешественникъ встрѣчалъ на своемъ пути, а

изображеніе внутренняго міра его души, тѣхъ идей, ощущеній, чувствъ, которыя возникали въ его душѣ при встрѣчѣ съ этими предметами. Въ Англіи Стерну подражалъ Макензи, написавшій „Чувствительнаго человѣка“, въ Германіи Георгъ Якоби, извѣстный своими „Лѣтними и зимними странствованіями“, во Франціи Вернь, написавшій два путешествія: „Чувствительный путешественникъ, или моя прогулка въ Ивердюнъ“ и „Чувствительный путешественникъ во времена Робесьера“, котораго французы называютъ своимъ Стерномъ. Въ предисловіи ко второму путешествію онъ объясняетъ свою главную мысль такимъ образомъ: „Такъ какъ мнѣнія высказываютъ слабость и несовершенство нашего ума, то я стараюсь доказать, что добрыя и благородныя чувства сердца должны господствовать надъ мнѣніями, должны быть выслушиваемы какъ единственный голосъ, не обманывающій человѣчества, какъ единственный законъ, на которомъ природа основываетъ счастье своихъ тварей. Послѣ злополучныхъ и кровавыхъ дней, пережитыхъ нами, послѣ того, какъ мы видѣли человѣческую природу, обезображенную звѣрскими страстями, оскверненную всѣми пороками, чувствуешь потребность успокоить душу созерцаніемъ этой природы въ ея первобытной красотѣ, въ сіяніи простыхъ добродѣтелей и слѣдующаго за ними счастья, въ томъ идеальномъ образцѣ, въ какомъ она должна была существовать по волѣ Творца.... Доброе сердце необходимѣе великихъ знаній, пускай же не ожидаютъ отъ меня поученій или описаній, представляемыхъ большинствомъ путешествій: первое и самое важное поученіе—любви своихъ ближнихъ“¹⁾. Романы Ричардсона скоро явились и въ Россіи, въ переводѣ на русскій языкъ: Памела въ 1787 г., Кларисса въ 1791—92 г. и Грандисонъ въ 1793—94 г., въ 1794 г. явилось подражаніе Памелы: „Россійская Памела, или исторія Маріи, добродѣтельной поселянки“ Львова, который за нее былъ названъ Антирихардсономъ. Изъ сочиненій Стерна были переведены въ 1789 г. „Письма Юрика“, а въ 1793 г. его „Путешествіе“. Первая часть Новой Элоизы была напечатана въ переводѣ еще въ 1769 г., а вся Элоиза была переведена два раза: въ 1792—93 и 1804 г. Переводы романовъ де-Сенъ-Пьера печатались въ журналахъ „Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія“ и „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, а потомъ вышли отдѣльно „Павель и Виргинія“ въ 1793 г., „Индійская хижина“ въ 1794 г. Такимъ путемъ было внесено сантиментальное направленіе въ русскую литературу. Но оригинальнымъ и самостоятельнымъ представителемъ его суждено было быть Карамзину.

¹⁾ Галахова Ист. Русс. Слов. II. 122.

Карамзинъ является центральной личностію въ александровскую эпоху. Всѣхъ писателей этой эпохи можно раздѣлять на двѣ стороны; на одной сторонѣ стоятъ Карамзинъ и его послѣдователи и защитники его направленія; на другой сторонѣ, съ Шенниковымъ во главѣ—противники Карамзина и защитники прежняго направленія. Борьба между этими двумя направленіями наполняетъ собою всю эту эпоху, составляя главное ея содержаніе, главный ея интересъ. Начавшись споромъ о старомъ и новомъ слоgѣ въ литературѣ, возбужденномъ первыми сочиненіями Карамзина, она, вслѣдствіе социально-политическихъ обстоятельствъ, вскорѣ осложняется, отъ слога и языка переходитъ на самое содержаніе литературы и изъ области литературной переходитъ на почву общественную, поднимая множество разныхъ вопросовъ, которые наконецъ всѣ сливаются въ одинъ коренной вопросъ объ отношеніи русской народности къ европейской культурѣ, вопросъ, зародившійся вмѣстѣ съ реформой Петра, но до сихъ поръ не рѣшенный и составляющій большое мѣсто въ русской жизни и литературѣ.

Н. М. КАРАМЗИНЪ ¹⁾.

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился 1 декабря 1766 г., въ Казанской губерніи, Симбирской провинціи, Самарскаго уѣзда, въ селѣ

¹⁾ Изданія сочиненій Карамзина: 1-е изданіе. Москва 1803—1804; 2-е М. 1814; 3-е М. 1820; 4-е 1834; 5-е Смирдинское 3 ч. 1848. Неизданныя сочиненія Карамзина и переписка, 1862. Біографическія статьи и изслѣдованія: Дѣтство; воспитаніе и первые литературные опыты Карамзина, М. Погодина. Утро. 1866, стр. 1—50. Возрѣвіи Карамзина въ первую половину его литературной дѣятельности, А. Газахова. Спб. Вѣдомости 1886, № 322 и 325. Матеріалы для опредѣленія литературной дѣятельности Карамзина, А. Газахова. Соврем. 1853, № 1 и 2. Карамзинъ, какъ оптимистъ, А. Газахова. Отеч. Зап. 1858, № 1. Н. М. Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ, Погодина 2 ч. М. 1866. Матеріалы для характеристики Карамзина, какъ практическаго философа, въ Лѣт. русск. литер. и древ. 1859 г. II. Торжественное собраніе Импер. Акад. Наукъ 1 декабря 1866, въ память столѣтней годовщины рожденія Н. М. Карамзина, съ приложеніемъ портрета и изображеній памятникъ, воздвигнутаго въ Симбирскѣ Спб. 1867. Статьи, написанныя для произнесенія въ торжественномъ собраніи Казанскаго Университета въ столѣтній юбилей Карамзина: Біографическій очеркъ Карамзина и развитіе его литературной дѣятельности, Н. П. Булича. Мысли Карамзина о воспитаніи, П. Д. Шестакова. Карамзинъ объ исторіи сѣверовосточной Россіи, Н. А. Ойрсова. Исторія государства русскаго въ отношеніи къ исторіи русскаго права, С. М. Шпилевскаго. Два слова въ память Карамзину, М. П. Петровскаго. Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина, академика Я. К. Грота. Сборн. 2-го отд. Ак. Н. т. I, 1867. Болѣе подробное указаніе изданій сочиненій Карамзина и

Михайловъ (Преображенское тожъ). Фамилія Карамзина объясняется изъ происхожденія его рода. Родъ Карамзина происходитъ отъ татарскаго мурзы, Кара-мурзы (Черный мурза). Предки Карамзина были помѣщиками въ Нижегородскомъ уѣздѣ, но его дѣдъ уже владѣлъ двумя помѣстьями въ Симбирской губерніи; однимъ изъ нихъ, Михайловкой владѣлъ отецъ Карамзина, отставной комендантъ Михаилъ Егоровичъ; здѣсь и родился Н. М. Карамзинъ. Карамзинъ былъ такимъ образомъ уроженецъ и воспитанникъ великой русской рѣки, какъ Державинъ, Дмитріевъ и многіе другіе писатели. Волга и ея окрестности окружали Карамзина съ дѣтства и навсегда остались въ его воображеніи. Дѣтство Карамзина описано имъ самимъ, подъ именемъ Леона, въ неоконченной повѣсти „Рыцарь нашего времени“ (1799-1802). „Отъ колыбели до малой вратки, отъ жестяной гремушки до маленькаго раскрашеннаго конька, отъ первыхъ нестройныхъ звуковъ голоса до внятнаго произношенія словъ Леонъ (Карамзинъ) не зналъ неволи, принужденія, горя и сердца. Любовь питала и согревала, тѣшила, веселила его, была первымъ впечатлѣніемъ его души“. Подъ этою любовью разумѣется любовь матери, которая умерла чрезъ три года. Въ 1795 г. въ „Послѣдніи къ женщинамъ“ онъ вспоминаетъ о ней въ слѣдующихъ стихахъ:

Ахъ, я не зналъ тебя!... Ты, давъ мнѣ жизнь, сокрылась!
 Среди весеннѣхъ, юннхъ дней
 Въ жилище твое преставилась!
 .....
 По образъ твой священный, милый
 Въ груди моей запечатлѣнъ.
 И съ чувствомъ въ ней соединенъ!
 Твой тихій нравъ остался мнѣ въ наслѣдство;
 Твой духъ всегда со мной.
 Невидимой рукой
 Хранила ты мое безопытное дѣтство;
 Ты въ лѣтахъ юности меня къ добру влекла,
 Ты совѣтью моею въ часъ слабостей была
 Я часто тѣбѣ твою съ любовью обнимаю,
 И въ вѣчности тебя узнаю!..

ислѣдованій о немъ см. у Межова, Гениади и въ матеріалахъ для біографіи Карамзина Пономарева. Сборн. 2-го отд. Ак. Н. т. XXXII, № 8.

Исторія Государства Россійскаго 8 ч. Сиб. 1816—1818. 2-е изд. 12 ч. Сиб. 1818—1829 (Изданіе Сенина и въ нему влючъ Строева. М. 1833). 3-е и 4-е Смирдинскія изданія. Полное компактное изданіе Эйлеринга съ приложеніемъ отрывковъ изъ Записокъ о древней и новой Россіи Сиб. 1842—1844.—Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытіи ему памятника 23 августа 1845 г., М. И. Погодика. М. 1845. Н. М. Карамзинъ, А. Старчевскаго. 1849. Карамзинъ какъ историкъ, К. Н. Бестужева-Рюмина. Ж. М. Н. Пр. 1867, № 7. Статя о Карамзинѣ Соловьева, Отеч. Зап. 1856 г. № 4.

Въ половинѣ октября 1773 г. въ Михайловкѣ была пайка Пугачева, но семейство Карамзина было ранѣе извѣщено о приближеніи ея и успѣло скрыться. Читатель Карамзина училъ сельскій дьячекъ, удивлявшійся быстротѣ пониманія ученика: чрезъ мѣсяць онъ могъ читать всѣ церковныя книги. Первою свѣтскою книгою, которую Карамзинъ постоянно читалъ и выучилъ наизусть, были басни Эзопа. „Скоро отдали Леону ключъ отъ желтаго шкала, въ которомъ хранилась библіотека покойной его матери и гдѣ на двухъ полкахъ стояли романы, а на третьей нѣсколько духовныхъ книгъ“. Здѣсь, между прочимъ, были переведенныя съ французскаго Восточныя повѣсти Дайра, Селимъ и Дамасина, Похожденія Мирамонда (Ө. Эмина, 1763), Исторія лорда Н (вѣроятно Приключенія Милорда, переведенныя съ французскаго въ 1771 г.). Чтеніе этихъ романовъ не только не повредило юной душѣ Леона, но было еще весьма полезно для образованія въ немъ нравственнаго чувства. Въ этихъ романахъ герои и героини, не смотря на многочисленныя искушенія рока, остаются добродѣтельными: всѣ злодѣи описываются черными красками: первые наконѣтъ торжествуютъ, послѣдніе какъ прахъ исчезаютъ. Въ пѣйной Леоновой душѣ непримѣтнымъ образомъ, но буквами неизгладимыми, начерталось слѣдствіе: „итакъ любезность и добродѣтель одно! итакъ зло безобразно и гнусно! итакъ добродѣтельный всегда побѣждаетъ, а злодѣй гибнетъ.“ Но приписывая романамъ такое вліяніе, Карамзинъ однакожъ сознавалъ ихъ вредное дѣйствіе, говоря, что ихъ можно называть теплицею для юной души, которая отъ такого чтенія зрѣетъ преждевременно. Этимъ онъ объяснялъ въ себѣ излишество юношеской мечтательности.—Читатель книги Леонъ убѣгалъ на Волгу. Съ 6—7 часовъ онъ уже находился тамъ, сѣдя въ орѣховыхъ кустахъ подѣ тѣнью древняго дуба. Иногда, оставивъ книгу, онъ смотрѣлъ на Волгу, на бѣлые паруса судовъ и лодокъ, на станицы рыболововъ, которые изъ подѣ облаковъ дерзко опускаются въ пѣну волнъ.... Эта картина такъ сильно запечатлѣлась въ душѣ его, что онъ и послѣ, чрезъ 20 лѣтъ, не могъ вспомнить ее равнодушно. „Волга, родина и безпечная юность тотчасъ представлялись его воображенію, трогали душу, извлекали слезы“. Мысль о Божествѣ была одною изъ первыхъ мыслей Леона. Однажды онъ сѣдѣлъ и читалъ по обыкновенію подѣ тѣнью древняго дуба. Вдругъ нашла туча и ударилъ громъ, и онъ началъ собираться домой, какъ внезапно изъ густаго лѣса выбѣжалъ медвѣдь и прямо бросился на Леона.... но грянулъ опять страшный громъ и убилъ медвѣдя. Богъ спасъ Леона; Леонъ устремилъ глаза на небо и „несмотря на черныя тучи, онъ видѣлъ, чувствовалъ тамъ присутствіе Бога-Спасителя. Слезы его лились градомъ; онъ молился въ глубинѣ души своей, и молитва его была... благодарность. Леонъ не будетъ уже

никогда атеистомъ, если прочитаетъ и Спинозу и Гоббеса и Систему натуры".—Чтеніе романовъ развивало въ Карамзинѣ сильное воображеніе и мечтательность. Въ письмѣ изъ Женевы (ХСІ) онъ пишетъ: „Вспомнилъ я одинъ вечеръ, сумрачный и бурный, въ который, ощутивъ вдохновеніе божественныхъ фей, укрылся отъ своего, впрочемъ весьма бдительнаго, дядьки, забрался въ ту горницу, гдѣ хранились разныя оружія, покрытыя почтенною ржавчиною,—схватилъ саблю, которая пришла въ мои руки и заткнувъ ее за кушакъ тулупа своего, отправился на гумно искать приключеній и противиться силѣ злыхъ волшебниковъ; но чувствуя, по мѣрѣ удаленія моего отъ дому, умноженіе страха, махнулъ саблею нѣсколько разъ по черному воздуху и благополучно возвратился въ свою комнату, думая, что подвигъ мой былъ довольно важенъ". Такъ еще въ дѣтствѣ началъ складываться романтическій характеръ, основой котораго была глубокая чувствительность. Образованіе должно было еще усилить его въ этомъ направленіи. Образованіе свое онъ получилъ въ московскомъ пансіонѣ Шадена.

Іоаннъ Матіасъ Шаденъ, родившійся въ Пресбургѣ, воспитанный Тюбингенскаго университета, былъ приглашенъ въ Московскій университетъ въ 1756 г. на должность ректора гимназій, открываемыхъ при университетѣ; кромѣ того, у Шадена былъ домашній пансіонъ, въ которомъ и учился Карамзинъ. Послѣдователь Лейбнице-Вольфіанской философіи, Шаденъ былъ деистъ по религіознымъ воззрѣніямъ; своимъ воспитанникамъ онъ преподавалъ нравственное ученіе по лекціямъ Геллерта, въ которыхъ образованіе соединялось съ религіознымъ направленіемъ и чистою нравственностью. Карамзинъ вспоминалъ о Геллертѣ съ глубокимъ чувствомъ благодарности, когда, во время своего путешествія по Европѣ, въ Лейпцигѣ онъ увидѣлъ памятникъ Геллерта. „Смотря на сей памятникъ..... вспомнилъ я то щастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библіотеку..... когда профессоръ, преподавая намъ, маленькимъ ученикамъ, мораль по Геллертовымъ лекціямъ, съ жаромъ говаривалъ: друзья мои, будьте таковы, какими учить быть васъ Геллертъ, и вы будете щастливы“ (стр. 112—113).

Въ пансіонѣ Шадена Карамзинъ выслушалъ реторику, пѣстику, мпоологию и классическіе языки, читалъ лучшихъ французскихъ классиковъ и учился также англійскому языку. Изъ пансіона Шадена Карамзинъ вышелъ 15-ти лѣтъ и думалъ довершить образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, но это желаніе его не исполнилось, и онъ вмѣсто университета поступилъ въ военную службу, въ которой также оставался недолго. Первымъ опытомъ переводовъ Карамзина былъ переводъ съ нѣмецкаго „Разговоровъ австрійской императрицы Маріи Терезіи съ нашей императрицей Елисаветой

въ елисейскихъ поляхъ“, за который онъ получилъ отъ книгопродавца Миллера Фильдинговъ романъ „Томъ-Джонсъ“; но переводъ этотъ до насъ не сохранился. Первымъ печатнымъ опытомъ былъ переводъ Геснеровой идилліи „Деревянная нога“ (1783 г.). По кончинѣ своего отца въ 1774 году онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Симбирскъ для устройства дѣлъ. Здѣсь онъ встрѣтился и познакомился съ поэтомъ масономъ Н. П. Тургеневымъ. Тургеневъ, замѣтивъ дарованіе Карамзина, увезъ его въ Москву и ввелъ въ общество Новикова. Четырехлѣтнее пребываніе въ этомъ обществѣ было для Карамзина чрезвычайно полезно. Оно не сдѣлало его масономъ: ясный умъ его не принималъ ничего мистическаго; но онъ усвоилъ себѣ все хорошее, чѣмъ крѣпко было масонство—строго религіозно-нравственное направленіе, гуманное отношеніе къ людямъ и любовь къ труду. Здѣсь онъ подружился съ Петровымъ, характеръ котораго онъ изобразилъ въ „Цвѣтѣхъ на гробъ моего Агатона“ (1793) и въ статьѣ „Чувствительный и холоднокровный“ (1803) подъ названіемъ Леопида, и съ Алексѣемъ Михайловичемъ Кутузовымъ. Съ Петровымъ онъ сталъ заниматься литературой, читалъ Оссіана и Шекспира и изучалъ Батте, который былъ въ то время главнымъ авторитетомъ въ эстетикѣ и теоріи литературы. Наконецъ, общество Новикова имѣло вліяніе на выборъ его дѣятельности: именно вслѣдъ за Новиковымъ Карамзинъ исключительно посвящаетъ себя литературѣ, дѣлая ее призваніемъ своей жизни, тогда какъ прежніе писатели, преданные исключительно государственной службѣ, смотрѣли на литературныя занятія какъ на дѣло постороннее. Въ обществѣ Новикова Карамзинъ перевелъ Галлерову поэмѣ „О происхожденіи зла“ и дѣлалъ другіе переводы для „Дѣтскаго чтенія“, издаваемого при Московскихъ Вѣдомостяхъ,—изъ Жюльенъ и Томсоновыхъ „Временъ года“; перевелъ „Юлія Цезаря“ Шекспира (1787) съ французскаго перевода Летуэрера и „Эмилию Галотти“ Лессинга (1788) съ нѣмецкаго. Чтобы докончить свое образованіе, въ 1789 г. Карамзинъ отправился за границу; онъ лично хотѣлъ видѣть тѣхъ знаменитыхъ писателей, съ которыми былъ знакомъ по ихъ сочиненіямъ, видѣть произведенія искусства и высокое вліятельное положеніе въ обществѣ, какое писатели имѣютъ въ Европѣ, поставляя литературную дѣятельность выше всякой другой службы, на которой бы можно было принести пользу своему отечеству. Въ полтора года онъ объѣхалъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію; свои впечатлѣнія отъ видѣнныхъ имъ странъ и городовъ, свои посѣщенія библіотекъ и музеевъ, свои бесѣды съ разными знаменитостями европейской науки и искусства онъ описалъ въ „Письмахъ русскаго путешественника“, которыя первоначально назначались для родныхъ его, Плещескихъ, а потомъ сдѣлались

общимъ достоинствомъ всего русскаго общества. По возвращеніи изъ за границы Карамзинъ вздумалъ посвятить себя литературѣ; онъ началъ издавать „Московский журналъ“ и издавалъ его два года сряду (1791—92). Журналъ являлся публикѣ; въ числѣ сотрудниковъ его были Державинъ и Херасковъ; изъ собственныхъ сочиненій Карамзина здѣсь были помѣщены „Бѣдная Лиза“ и „Наталья, боярская дочь“. Кромѣ того въ Московскомъ журналѣ помѣщались критическія статьи Карамзина, въ которыхъ разобраны: „Кады и Гармонія“ Хераскова, „Эпизла, вывороченная на изнанку“ Осипова, „Гепріала“ Вольтера, „Неистовый Орландъ“ Аріоста, „Путешествія Анахарсиса“ Бартеlemi, „Кларисса“ Ричардсона, „Эмилія Галотти“ Лессинга и „Писаніе къ людям“ Коцебу. Но срочная журнальная работа утомляла Карамзина: онъ вздумалъ замѣнить журналъ сборникомъ: въ 1794 году вышелъ первый сборникъ „Аглая“. Здѣсь были напечатаны „Извѣстія на гробъ Агатона“, „Изъто о наукахъ и искусствахъ“, „Островъ Борнигольмъ“, „Аоніская жизнь“, „Письма Меллора къ Филалету и Филалета къ Меллору“, „Письма Муромецъ“ и др. Одновременно съ первой книжкой „Аглая“ Карамзинъ снова издалъ свои сочиненія изъ Московскаго журнала въ двухъ частяхъ подъ заглавіемъ „Мои бездѣлки“ (1794). Въ 1795 г. Карамзинъ издавалъ Московскій вѣдомости. Въ 1796—97 г. онъ напечаталъ другой сборникъ: „Аониды или собраніе новыхъ стихотвореній“ (3 части); стихотворенія эти принадлежали Державину, Дмитріеву, Хераскову, Капнисту, Кострову и самому Карамзину. Въ 1798 г. Карамзинъ издалъ сборникъ переводовъ съ французскаго, нѣмецкаго и другихъ языковъ, подъ заглавіемъ: „Пантеонъ иностранныхъ писателей“; въ 1801 г. напечаталъ другой сборникъ: „Пантеонъ русскіихъ авторовъ“, гдѣ были помѣщены краткія характеристичныя нѣкоторыхъ русскихъ писателей.

Такая литературная дѣятельность Карамзина доставила ему не только славу, но любовь и уваженіе общества; его имя произносилось повсюду, какъ имя самаго „любимаго“ писателя, доставляющаго своимъ сочиненіями истинное наслажденіе; въ кругу литературномъ, гдѣ живъ былъ еще староста русской литературы, Херасковъ, его называли десятиномъ литературы: сочиненія его переводились на иностранныя языки.

Въ 1801 г. Карамзинъ женился на любимой дѣвушкѣ, Протасовой, сестрѣ жены Плещеева, къ семейству котораго были написаны его письма изъ за границы.

Въ томъ же 1801 г. вступилъ на престолъ императоръ Александръ I. Карамзинъ восторженно привѣтствовалъ его слѣдующими стихами:

..... Кагъ Ангелъ Божій ты сіяешь
И благостью и красотою,
И съ первымъ словомъ общаешь
Екатерининъ вѣкъ златой.—
Ты будешь солнцемъ просвѣщенья—
Наукой щастливъ человекъ—
И блескомъ твоего правленья
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.

Возбужденный такими надеждами, онъ началъ въ 1802 г. издавать новый журналъ, „Вѣстникъ Европы“, цѣлью котораго поставилъ содѣйствовать „правственному образованію такого великаго и сильнаго народа, какъ Россійскій, развивать новыя лучшія идеи, питать душу моральными удовольствіями и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ съ благомъ другихъ людей“. Чрезъ посредство его русскіе должны были знакомиться съ европейской литературой и политикой. Сообразно съ этимъ въ журналѣ были два отдѣла: литературный и политическій. Въ статьяхъ политическаго отдѣла Карамзинъ часто излагалъ собственныя соображенія о тогдашнихъ событіяхъ, основанныя на внимательномъ изученіи современной политики. Въ литературномъ отдѣлѣ Карамзинъ является горячимъ просвѣщеннымъ патріотомъ и затрогиваетъ важнѣйшіе общественные вопросы, задачи внутренней и внѣшней политики, преобразованія Александра и отношенія Россіи къ Наполеону. Предметами особенно обращающими его вниманіе были воспитаніе юношества и вообще просвѣщеніе русскаго народа, возвышеніе національной гордости, пробужденіе самостоятельности въ общественной жизни. Но Карамзинъ издавалъ этотъ журналъ недолго. Онъ уже рѣшилъ посвятить свои силы исключительно русской исторіи. Съ этого времени уже прекращается его литературная дѣятельность и появляются статьи историческаго содержанія. Историческое похвальное слово Екатеринѣ, написанная въ 1804 г. повѣсть Марѳа Посадница, Историческія воспоминанія на пути къ Троицѣ и въ семь монастырѣ, Лица и событія историческія, которыя могутъ служить предметомъ искусства, Изображеніе событій важнѣйшихъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Извѣстія иностранныхъ писателей о Россіи въ XVII в., описаніе окрестностей Москвы, О происхожденіи тайной канцеляріи—составляютъ подготовленіе къ исторіи. Въ 1803 г. Карамзинъ писалъ къ министру народнаго просвѣщенія М. Н. Муравьеву: „Будучи весьма небогатъ, я издавалъ журналъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы принужденною работою пяти или шести лѣтъ купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы,—однимъ словомъ сочинять русскую исторію, которая съ нѣкотораго времени занимаетъ всю мою душу. Теперь слабые глаза мои не

дозволяютъ трудиться по вечерамъ и принуждаютъ меня отказаться отъ *Вѣстника*. Могу и хочу писать исторію, которая не требуетъ поспѣшной и срочной работы,—но еще не имѣю способа жить безъ большой пужды. Съ журналомъ я лишаюсь 6000 рублей дохода. Если вы думаете, милостивый государь, что правительство можетъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ человѣку, который способствуеъ успѣхамъ языка и вкуса, заслужилъ лестное благоволеніе російской публки и котораго бездѣлки, напечатанныя на разныхъ языкахъ Европы, удостоилось хорошаго отзыва славныхъ иностранныхъ литераторовъ, то нельзя ли при случаѣ доложить императору о моемъ положеніи и ревностномъ желаніи написать исторію не варварскую и не постыдную для его царствованія“ (1). Вслѣдствіе ходатайства Муравьева Карамзинъ въ томъ же году получилъ званіе исторіографа и 2000 рублей пенсіи ежегодно. Муравьевъ испросилъ Карамзину дозволеніе пользоваться рукописями монастырскихъ библіотекъ и архива иностранной коллегіи, доставлялъ ему книги, какихъ нельзя было найти въ Москвѣ. Весьма много также помогаль ему А. И. Тургеневъ, сынъ того Н. П. Тургенева, который ввелъ его нѣкогда въ Новиковскій кружокъ. Онъ познакомилъ Карамзина съ академиками Кругомъ и Дербергомъ и приобрѣталъ для него новыя историческія сочиненія, выходившія за границы. Карамзинъ весь погрузился въ русскую исторію. „Силою и виною Никона съ Несторомъ“, писалъ онъ: находка Волинской или Шатьевской лѣтописи, по собственному его признанію, лишила его сна на нѣсколько ночей. Чтобы не развлекаться въ историческихъ занятіяхъ, онъ не только отказался отъ журнала и литературы, но и не принималъ предложеній занять катедру исторіи, предложенную ему отъ Дерптскаго и Харьковского университетовъ, находя профессорскую дѣятельность несовмѣстимою съ разработкой исторіи, которая теперь стала главнымъ дѣломъ его жизни.

Первая супруга Карамзина жила съ нимъ недолго—не болѣе года; въ 1804 г. онъ вступилъ во второй бракъ съ Екатериной Андреевной Вяземской, сестрой извѣстнаго поэта Вяземскаго. Подмосковная деревня Вяземскихъ, Остафьево слѣдалось постояннымъ лѣтнимъ жилищемъ Карамзина въ теченіе 12-ти лѣтъ и здѣсь главнымъ образомъ создалась русская исторія. Въ 1810 г. онъ познакомился съ великой княгиней Екатериной Павловной въ Твери, гдѣ жилъ ея супругъ принцъ Ольденбургскій. Здѣсь княгиня представила Карамзина государю, который уже зналъ его по сочиненіямъ. Здѣсь Карамзинъ читалъ нѣкоторые мѣста изъ своей исторіи, и представилъ императору Александру „Записку о древней и новой Россіи“ (2). Записка сначала не понравилась государю, такъ

(1) Соч. III, 680—681.

(2) Издана неоднократно за границей и въ Русскомъ Архивѣ 1870 г.

какъ она представляла критику на реформы, совершившія въ его царствованіе, но вскорѣ онъ вполне оцѣнилъ ее искренность и полюбилъ Карамзина. Между тѣмъ эпоха 12-го года не только прервала занятія Карамзина, но и отразилась въ его жизни многими потерями и бѣдствіями. Его библіотечка, которую онъ собиралъ чѣтверть вѣка, сгорѣла въ общемъ московскомъ пожарѣ и онъ едва успѣлъ спасти рукописи своей исторіи; самъ онъ съ своимъ семействомъ долженъ былъ спасаться частью въ Ярославль, частью въ Нижній. Когда Москва освободилась отъ непріятелей, онъ возвратился въ Москву и усилилъ занятія своей исторіей, такъ что въ 1815 г. у него уже было готово восемь томовъ, которые онъ рѣшился представить государю. Съ этою цѣлью онъ въ слѣдующемъ году отправился въ Петербургъ. Государь принялъ его милостиво, долго бесѣдовалъ съ нимъ, награждалъ его чиномъ статскаго совѣтника и орденомъ св. Анны 1 степени и приказалъ выдать ему изъ казначейства 60000 рублей на печатаніе исторіи. Черезъ полтора года вышло 8 томовъ „Исторія государства Россійскаго“ (1816—1818). Впечатлѣніе было необыкновенное, въ 25 дней было продано 3000 экземпляровъ. Появленіе этой книги, говорятъ Пушкинъ, наводило много шуму и произвело сильное впечатлѣніе. Искъ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотошъ путь неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, была найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Исконечно променявъ на о чемъ днемъ не говорили, хотя многіе толки были того свойства, что могли отучить всякаго отъ охоты къ славію. Вскорѣ понадобилось второе изданіе, и оно продано было книгопродавцу Степану за 30000 рублей. Царская фамилія оказывала Карамзину постоянныя милости и ласки. Благоволеніе Александра было безпримѣрно; онъ былъ его искреннимъ другомъ. Изъ-за этого онъ часто призывалъ Карамзина къ себѣ и бесѣдовалъ съ нимъ въ большой аллей Царско-сельскаго сада, которую прозвалъ своимъ зеленымъ кабинетомъ. Онъ самъ былъ цвѣткомъ его исторіи и читалъ ее еще въ рукописи, которую посылалъ ему и въ то время, когда онъ былъ за границей. Не смотря на такое благоволеніе къ нему государя, Карамзинъ ничего не хотѣлъ брать отъ него; исконечно разъ государь предлагалъ ему мѣсто министра народнаго просвѣщенія, но однажды предлагалъ также мѣсто губернатора, и Карамзинъ всегда отказывался. Онъ пользовался своимъ положеніемъ только тогда, когда его ходатайство было полезно другимъ. Такъ онъ подавъ записку государю о Новиковѣ, чтобы обратить вниманіе на бѣдственное положеніе семейства его. „Новиковъ, какъ приглашенный, полнѣею своею дѣятельностію заслуживалъ общественную признательность; Новиковъ, какъ философическій мечтатель, по крайней мѣрѣ не заслуживалъ

темницы, онъ былъ жертвою подозрѣнія невиннаго, но несправедливаго. Бѣдность и несчастіе его дѣла въ случаѣ государственнаго милосердія вознаграждать въ нихъ усюзнаго страданія, который уже не можетъ привести ему благодарности въ здѣшнемъ свѣтѣ, но можетъ привести въ Иерусалимъ".¹⁾ Такъ онъ ходатайствовалъ о Тургеневѣ, который былъ ему обязанъ тѣмъ, что остался на службѣ послѣ увольненія своего отъ должности директора департамента духовныхъ дѣлъ и получалъ полное жалованье. Въ отношеніи къ государю Карамзинъ отличался полною искренностью, смѣлостью и прямотою и всегда говорилъ правду, не боясь потерять благоволеніе, или даже возбудить гнѣвъ и негодованіе. Доказательствомъ этого можетъ служить его записка о Польшѣ, подъ названіемъ „Мысли русскаго гражданина“, посланная Александру въ 1819 г., когда онъ императоръ былъ возстановить Польшу въ ея предѣлахъ до перваго раздѣла. Онъ зналъ, что записка не поправится Александру и могъ предполагать даже, что она возбудитъ въ немъ негодованіе; но смотря на это, проникнутый глубокимъ чувствомъ патриотизма, онъ рѣшился представить ее государю. „Вы думаете, государь, пишетъ онъ въ этой запискѣ, возстановить древнее королевство Польское; по сіе возстановленіе согласно ли съ законами государственнаго блага Россіи? согласно ли съ вашими священными обязанностями, съ вашею любовью къ Россіи и къ самой справедливости? . . . Можно ли съ мирною сжѣзкою отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до вашего царствованія? Не клянутся ли государи божіи цѣлостъ своихъ державъ? Сии земли уже были Россією, когда митрополитъ Платонъ вручилъ вамъ вѣнцы Мономаха, Петра и Екатерины, которую вы сами назвали Великою. Скажутъ ли, что она незаконно раздѣлила Польшу? Но вы поступили бы еще незаконнѣе, если бы подумали загладить несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, коему все государство обязано бытіемъ своимъ, ибо все составлено изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ исторія за свое дѣло: но оно сдѣлано, и для васъ уже свято: для васъ Польша есть законное руссійское владѣніе. Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ: иначе мы должныствовали бы возстановить и Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику, везигое княжество Галицкое, и такъ далѣе. Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волынія и Подолія, вмѣстѣ съ Галицією, были некогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если вы отдадите ихъ, то у васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смо-

¹⁾ Незадаанные сочиненія и переписка Н. М. Карамзина. 1862 г. Часть I. 225—226 стр.

ленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ... Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого заблагоразсудите? (¹)

По поводу замѣчаній имп. Александра о томъ, чтобы уничтожить въ исторіи всѣ рѣзкія выраженія о полякахъ при описаніи междоусобицъ, Карамзинъ писалъ: „Слѣдуя Вашему замѣчанію, я съ особеннымъ вниманіемъ просмотрѣлъ тѣ мѣста, гдѣ говорится о полякахъ, союзникахъ. Имѣдмитрія: нѣтъ, кажется, ни слова, обиднаго для народа; описываются только худыя дѣла лицъ и такъ, какъ сами польскіе историки ихъ описывали или судили... Я не щадилъ и русскихъ, когда они злодѣйствовали или срамились. Употребляю предпочтительно имя ляховъ для того, что оно короче, пріятнѣе для слуха и въ сіе время (т. е. въ XVI и XVII в.) обыкновенно употреблялось въ Россіи (стр. 29).

Первыя три главы XII тома государь читалъ на возвратномъ пути изъ Варшавы въ 1820г., а другія главы уже въ Таганрогѣ. Смерть государя глубоко потрясла Карамзина и поколебала его и безъ того разстроенное немощными трудами здоровье. „Я любилъ его искренно и нѣжно, любилъ человека, красу человѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели.“ Окончивъ XII томъ своей исторіи, Карамзинъ хотѣлъ уѣхать въ Москву и тамъ заняться воспитаніемъ своихъ сыновей, но здоровье оказалось такъ разстроеннымъ, что доктора настоятельно требовали перемѣнить климатъ, ѣхать въ Италію... Не имѣя средствъ жить внѣ Россіи безъ должности, онъ просилъ себѣ мѣсто повѣреннаго въ дѣлахъ тамъ, гдѣ онъ будетъ жить. Новый государь, Николай Павловичъ, принялъ самое горячее участіе въ судьбѣ его и велѣлъ приготовить особый фрегатъ, который долженъ былъ отвезти его въ Марсель. Дальнѣйшая его воля и заботливость о Карамзинѣ была выражена въ слѣдующемъ рескриптѣ на его имя: „Николай Михайловичъ! Разстроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть на время отечество и искать благопріятнаго для васъ климата. Считаю за удовольствіе изяснить вамъ мое искреннее желаніе, чтобы вы скоро къ намъ возвратились съ обновленными силами и могли снова дѣйствовать для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали донинѣ. Въ то же время и за покойнаго государя, знавшаго на опытъ вашу благородную, безкорыстную къ

---

¹) Неиздан. сочиненія и переписка Н. М. Карамзина ч. I. Спб. 1862. Мнѣніе русскаго гражданина (1819) стр. 1—8.

къ нему привязанность, и за себя самого, и за Россію изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію какъ гражданинъ и своими трудами какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ вамъ: русскій народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія, вами написанная, достойна русскаго народа.— Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить братъ мой. Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли моей, которое, будучи съ моей стороны одною только справедливостію, есть для меня священное завѣщаніе императора Александра. Желая, чтобы путешествіе было вамъ полезно, и чтобы оно возвратило вамъ силы для довершенія главнаго дѣла вашей жизни“. При рескриптѣ былъ указъ, которымъ повелѣвалось производить Карамзину по 50 тысячъ рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы сія сумма, обращаемая ему въ пенсію, послѣ него была производима его женѣ, а по смерти ея и дѣтямъ—сыновьямъ до вступленія всѣхъ ихъ на службу, а дочерямъ до замужества.

Но Карамзинъ лично самъ уже не могъ воспользоваться такимъ благодѣяніемъ; 22 мая 1826 г. онъ умеръ и похороненъ въ Александро-невской лаврѣ. Въ Симбирскѣ въ 1845 г. ему поставленъ памятникъ.

Сочиненія Карамзина, написанныя до путешествія за границу, почти всѣ переводныя и представляютъ его подготовительные опыты въ его литературной дѣятельности. Сочиненія, написанныя по возвращеніи изъ-за границы въ 1790 г., до назначенія его исторіографомъ въ 1803 г., представляютъ періодъ самостоятельной его литературной дѣятельности и имѣютъ особенно важное значеніе, по тому дѣйствию, какое они произвели на современниковъ. Послѣдній періодъ отъ 1804 по 1826 годъ обнимаетъ его труды по исторіи Государства русскаго.

Переводныя сочиненія Карамзина весьма много объясняютъ характеръ его собственныхъ сочиненій. Эти сочиненія почти всѣ относятся къ господствовавшему тогда въ европейской литературѣ сантиментальному направленію, находившемуся въ тѣсной связи съ англійскимъ девизомъ и оптимизмомъ Лейбница. Первыми переводными опытами были „Разговоръ Маріи Терезіи съ русскою императрицею Елизаветою въ елисейскихъ поляхъ“ и „Деревянная нога“, идиллія Геснера. Содержаніе идилліи слѣдующее. Молодой пастухъ, пасшій козъ въ долинѣ, встрѣчаетъ стараго, сѣдинами украшеннаго старика на деревянной ногѣ. Старикъ рассказываетъ ему, что онъ потерялъ ногу въ сраженіи за свободу отечества, во время котораго и самъ могъ бы погибнуть, если бы одинъ, сражавшійся подлѣ него, товарищъ не вынесъ его раненаго съ поля

битвы; но къ сожалѣнію, онъ не знаетъ до сихъ поръ, кто онъ былъ и живъ ли онъ теперь. Изъ разговора старика съ пастухомъ оказывается, что этимъ товарищемъ, спасшимъ старика, былъ отецъ пастуха, умершій уже два года тому назадъ. Старикъ пригласилъ пастуха къ себѣ въ домъ и познакомилъ его со своею дочерью. Молодые люди такъ понравились другъ другу, что соединились бракомъ. — Дальнѣйшими переводами были поэма Галлера „О происхожденіи зла“ (1786 г.), переведенная по порученію Дружескаго общества; переводы помѣщенные въ Дѣтскомъ чтеніи: Деревенскіе вечера Жанлис; нѣсколько статей изъ *Contemplation de la Nature* Боннета: Весна, Лѣто, Осень и Зима изъ поэмы Томсона—Времена года. Всѣ эти писатели были оптимистическаго направленія, представителями котораго были Шефтебери и другіе англійскіе деисты и Лейбницъ. Главное положеніе Шефтебери состояло въ томъ, что природа никогда не заблуждается: красота въ ней состоитъ изъ противоположностей: самыя разнообразныя явленія сливаются въ ней въ общую гармонію: отлѣбныя существа, претерпѣвая вредъ и погибая, служатъ тѣмъ не менѣе прекраснѣйшей природѣ, которая существуетъ вѣчно и не подвергается гибели. Главнымъ основаніемъ „Теодицеи“ Лейбница было положеніе, что существующій міръ—наилучшій изъ міровъ: мировой порядокъ предопредѣленъ Богомъ и потому являетъ предустановленную гармонію; нарушеніе порядка касается только частей, а не цѣлаго; самое зло въ мірѣ есть средство къ добру. Идеи оптимизма были особенно распространены англійскимъ поэтомъ Попомъ въ его „Опытѣ о человѣкѣ“ (1733—1734). Происхожденіе зла въ мірѣ онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: Богъ по своей премудрости создалъ наилучшій міръ, въ которомъ видимые недостатки и явленія зла въ цѣломъ составляютъ все-же красоту; несовершенныя разрѣшаются въ гармонію; совершенство добродѣтели и счастья заключается въ согласіи съ божественнымъ устройствомъ. Боннетъ былъ послѣдователь Попа; подъ вліяніемъ Попа находился также и Томсонъ, sentimentalный поэтъ и оптимистъ. Галлеръ былъ послѣдователь Лейбница и въ своей поэмѣ „О происхожденіи зла“ доказывалъ, что міръ управляется божественнымъ Промысломъ, не смотря на существующее въ немъ зло. Въ Московскомъ журналѣ Карамзинымъ печатались переводы изъ Оссіана и sentimentalныхъ поэтовъ XVIII вѣка—Стерна, Мармонтеля, Флоріана, Коцебу. Еще во время пребыванія въ Новиковскомъ обществѣ и вѣроятно подъ вліяніемъ Петрова, занимавшагося изученіемъ англійской литературы, былъ сдѣланъ Карамзинымъ переводъ трагедіи Шекспира: „Юлій Цезарь“. (1786 г.) Переводъ сдѣланъ съ французскаго перевода Летузнѣра; но въ предисловіи къ переводу взглядъ на Шекспира выражается совсѣмъ не французскій. Карамзина не могли увлечь несправед-

ливныя сужденія о Шекспирѣ Дидро и Вольтера. Указавъ на эти сужденія, именно, что Шекспиръ писалъ будто-бы безъ всякихъ правилъ, что творенія его суть и трагедіи и комедіи вмѣстѣ, или траги-коми-лирико-пастушья фарсы безъ плана, безъ связи въ сценахъ и безъ единства; непріятная смѣсь высокаго и низкаго, трогательнаго и смѣшнаго, истинной и ложной остроты, забавнаго и безсмысленнаго; что они исполнены такихъ мыслей, которыя достойны мудреца, и притомъ такого вздора, который только шута достоинъ; что они исполнены такихъ картинъ, которыя принесли бы честь самому Гомеру, и такихъ каррикатуръ, которыхъ и самъ Скарронъ постыдился бы.—онъ говоритъ: „что Шекспиръ не держался правилъ театральныхъ, это правда: истинною причиною сего, я думаю, было пылкое его воображеніе, не могшее покориться никакимъ предписаніямъ. Духъ его парилъ, яко орелъ, и не могъ паренія свои измѣрять, какъ измѣряютъ полетъ свой воробьи. Не хотѣлъ онъ соблюдать такъ называемыхъ трехъ единствъ, которыхъ нынѣшніе наши авторы драматическіе такъ крѣпко придерживаются; не хотѣлъ онъ полагать тѣсныхъ предѣловъ воображенію своему: онъ смотрѣлъ только на натуру, не заботясь впрочемъ ни о чемъ. Извѣстно было ему, что мысль человѣческая мгновенно можетъ перелетать отъ Запада къ Востоку, отъ конца области монгольской къ предѣламъ Англіи. Геній его, подобно генію натуры, обнималъ взоромъ своимъ и солнце и атомы. Съ равнымъ искусствомъ изображаетъ онъ и героя и шута, умнаго и безумца, Брута и башмачника. Драмы его, подобно неизмѣримому театру натуры, исполнены многообразія; всѣ-же вмѣстѣ составляютъ совершенное цѣлое, не требующее исправленія отъ нынѣшнихъ театальныхъ писателей. Трагедія, мною переведенная, есть одно изъ превосходнѣйшихъ его твореній; характеры, въ сей трагедіи изображенные, заслуживаютъ вниманія читателей: характеръ Брутовъ есть наилучшій“. Почти въ одно время съ Юліемъ Цезаремъ Шекспира была переведена „Эмілія Галотти“ Лессинга, который глубоко изучилъ Шекспира и своей критикой научилъ европейскую литературу правильно понимать Шекспира. Эти двѣ трагедіи—Юлій Цезарь и Эмілія Галотти заставили и Карамзина перемѣнить свой взглядъ на французскую драматическую литературу, на ея ложно-классическое направленіе.

Оригинальныя сочиненія Карамзина. Представленный выше біографическій очеркъ Карамзина и рассмотрѣнные сейчасъ переводные труды его показываютъ, что онъ воспитался и писалъ подъ разными вліяніями. Эти вліянія неизбѣжно должны были отразиться на его оригинальныхъ сочиненіяхъ различіемъ какъ вообще въ его міросозерцаніи, такъ и въ частности въ его взглядахъ на разные

научные и общественные вопросы. Онъ былъ человѣкъ глубоко религіозный; но его религіозность, вынесенная изъ напѣона Ша-дена и вообще полученная изъ литературы XVIII в., сначала имѣла действительскій характеръ: она естественно должна была измѣниться, когда онъ началъ заниматься древней русскою исторіей, читать лѣтописи, житія святыхъ и другіе памятники древне-русской письменности, которые отличаются другимъ характеромъ. При этомъ духъ оптимизма, которымъ проникнута вся упомянутая литература и которымъ дышать первыя сочиненія Карамзина, долженъ былъ смѣниться христіанскимъ ученіемъ о Промыслѣ Божіемъ, что добро въ мірѣ смѣшано со зломъ, что земная жизнь человѣка есть училище терпѣнія, тѣмъ болѣе, что жизнь окружающая и собственная жизнь Карамзина, испытавшаго самую дорогую утрату въ жизни, смерть первой жены, представляла противъ оптимистической доктрины сильныя возраженія. Карамзинъ былъ страстный патріотъ; но его патріотизмъ имѣлъ сначала отвлеченный, космополитическій характеръ и состоялъ въ стремленіи видѣть свой народъ такъ же просвѣщеннымъ, какъ другіе народы, въ усвоеніи ему науки, искусства, цивилизаціи. Изученіе исторіи въ этомъ случаѣ показало ему, что не все однако-же безъ разбора можетъ быть усвоено, что сдѣлано другими народами, что это усвоеніе должно происходить сообразно съ духомъ народа, съ его потребностями, съ его исторіей, что самый патріотизмъ долженъ имѣть народный характеръ. Внимательное изученіе русской исторіи, которой онъ прежде не изучалъ, привело его къ тому, что онъ наконецъ измѣнилъ свой прежній взглядъ на весь древній періодъ и на самую реформу Петра. Онъ вѣрилъ въ прогрессъ и допускалъ необходимость улучшенія государственнаго строя и быта народнаго: но, по его мнѣнію, новый порядокъ вещей долженъ возникать на исторической почвѣ, на основахъ того, что выработано жизнью народа, а не на развалинахъ его прошедшаго и настоящаго. По основнымъ убѣжденіямъ будучи неизмѣннымъ монархистомъ, онъ высказывалъ въ молодости сочувствіе къ свободнымъ республиканскимъ учрежденіямъ. Это сочувствіе ясно выразилось въ его исторической повѣсти: „Марья посадница или покореніе Новгорода“, въ авторѣ которой, по словамъ предисловія, „явно играетъ кровь Новгородская, при описаніи историческихъ случаевъ“, и потомъ при описаніи паденія Новгорода въ самой исторіи, онъ говоритъ: „сердцу человѣческому свойственно добровѣлательствовать республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; самыя опасности и безпокойства, пытая великодушіе, плѣняютъ умъ, въ особенности юный, малоопытный.“ Но ужасы французской революціи и примѣры исторіи заглушили эти сочувствія къ республиканскимъ идеямъ, утвердили его еще болѣе въ сознаніи не-

обходимости монархія и заставилъ его сказать: „народы мудрые любятъ порядокъ, а нѣтъ порядка безъ власти самодержавной“.

Письма Русскаго Путешественника⁽¹⁾. „Послѣ Исторіи Государства Россійскаго, говоритъ Буслаевъ, „Письма Русскаго Путешественника“ болѣе прочихъ сочиненій Карамзина оказали свое дѣйствіе на образованіе русской публики, оказываютъ и теперь, составляя одно изъ лучшихъ украшеній всякой хорошей хрестоматіи русской словесности. Своими письмами изъ-за границы Карамзинъ впервые внесъ въ нашу литературу самыя обстоятельныя свѣдѣнія объ европейской цивилизаціи, которыя были тѣмъ наставительнѣе, что относились къ послѣднимъ годамъ прошлаго столѣтія, когда господство французскаго направленія стало уступать новымъ идеямъ, продолжавшимъ свое развитіе и въ первой половинѣ текущаго столѣтія“⁽²⁾.

Письма принадлежатъ къ первымъ временамъ молодости Карамзина, когда ему не было и 23 лѣтъ: они представляютъ выраженіе ума, необыкновенно даровитаго, высокообразованнаго, доступнаго всѣмъ впечатлѣніямъ, безъ особенныхъ симпатій или антипатій, кромѣ одной глубокой преобладающей симпатіи къ наукѣ, искусству и цивилизаціи. Главное вниманіе его обращено на то, что доставляетъ пищу уму и сердцу, въ чемъ выражаются успѣхи науки и искусства, чему онъ можетъ научиться самъ и что можетъ быть пригодно для Россіи. Прибывъ въ городъ, онъ прежде всего старается увидѣть ученыхъ, или художниковъ, извѣстныхъ въ этомъ городѣ, потомъ осматриваетъ библіотеки, музеи, картинныя галереи, памятники, или мѣста, ознаменованныя какими нибудь историческими событіями. Въ Кенигсбергѣ Карамзинъ бесѣдуетъ съ Кантомъ о нравственномъ законѣ и удивляется его обширнымъ историческимъ и географическимъ знаніямъ. „Кантъ, замѣчаетъ Карамзинъ, говоритъ весьма тихо и не вразумительно, и потому надлежало мнѣ самому слушать его съ напряженіемъ всѣхъ нервъ слуха.“ Объ обстановкѣ жизни Канта, онъ прибавляетъ: „домикъ у него маленькій; и внутри приборовъ не много. Все просто, кромѣ ... его метафизики.“ Въ Берлинѣ Карамзинъ посѣтилъ Берлинскую библіотеку. „Она огромна,—и вотъ всё, что могу сказать о пей. Болѣе всего занимало меня богатое анатомическое сочиненіе, съ изображеніями всѣхъ частей тѣла человѣческаго. Повойный король заплатилъ за него 700 талеровъ... Показывали мнѣ еще Лю-

(1) Въ первый разъ Письма Русскаго Путешественника были напечатаны въ Московскомъ Журналѣ 1791—92; первое отдѣльное изданіе появилось въ 1797—1801; послѣднее отдѣльное изданіе въ „Лешевой библіотекѣ“ А. С. Суворина; здѣсь приложена рѣчь Буслаева при празднованіи столѣтняго юбилея Карамзина въ 1866 г.

(2) Рѣчь о «Писем. Русск. Пут.», стр. XIII—XIV.

теровъ манускриптъ, но я почти совѣмъ не могъ разобрать его, не читавъ никогда рукописей того вѣка“ (58 стр.). Въ Берлинѣ Карамзинъ познакомился съ Николаемъ „авторомъ и книгопродавцемъ.“ „Васъ знаютъ и въ Россіи, сказали я ему; знаютъ, что нѣмецкая литература обязана вамъ частію своихъ успѣховъ.“ Съ Николаемъ онъ имѣлъ замѣчательный разговоръ о терпимости. „Признаться, сердце мое не можетъ одобрить тона, въ которомъ господа Берлинцы пишутъ. Гдѣ искать терпимости, если самые философы, самые просвѣтителы,—а они такъ себя называютъ,—оказываютъ столько ненависти къ тѣмъ, которые думаютъ не такъ, какъ они. Тотъ есть для меня истинный философъ, кто со всѣми можетъ ужиться въ мирѣ; кто любитъ и не согласныхъ съ его образомъ мыслей. Должно показывать заблужденія разума человѣческаго съ благороднымъ жаромъ, но безъ злобы. Скажи человѣку, что онъ ошибается, и почему; но не поноси сердца его и не называй его безумцемъ“ (стр. 60—64). Въ письмѣ отъ 5-го Іюля 1785 г. Карамзинъ рассказываетъ о посѣщеніи нѣмецкаго Горація, Рамлера, стихотворенія котораго извѣстны были и въ Россіи, и при этомъ очень мѣтко характеризуетъ поэзію Рамлера. Здѣсь же помѣщенъ отзывъ о Донъ-Карлосѣ Шиллера. „Сія трагедія, говорятъ онъ, есть одна изъ лучшихъ драматическихъ піесъ, и вообще прекрасна. Авторъ пишетъ въ Шекспировскомъ духѣ. Есть только слишкомъ фигурныя выраженія (такъ, какъ и у самого Шекспира), которыя, хотя и показываютъ остроуміе автора, однако-жъ въ драмѣ не у мѣста“ (стр. 77—78).

При посѣщеніи Дрезденской картинной галлерей, онъ перечисляетъ первоклассныя картины лучшихъ живописцевъ, начиная съ Рафаэля и дѣлаетъ о нихъ краткій отзывъ (стр. 91—97). При посѣщеніи Дрезденской библіотеки, онъ замѣчаетъ: „между греческими манускриптами показываютъ весьма древній списокъ одной эврипидовой трагедіи, проданной въ Библіотеку бывшимъ Московскимъ профессоромъ Маттеемъ; за сей манускриптъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, взялъ онъ съ курфирста около 1500 талеровъ. Спрашивается, гдѣ г. Маттей досталъ сіи рукописи?“ (стр. 98). Въ Лейпцигѣ Карамзинъ познакомился съ докторомъ Платнеромъ и слушалъ его лекціи по эстетикѣ о гениі (стр. 115). Въ этомъ городѣ онъ обратилъ особенное вниманіе на книжную торговлю и множество книжныхъ лавокъ. „Почти на всякой улицѣ, говоритъ онъ, вы найдете нѣсколько книжныхъ лавокъ,—что для меня удивительно. Правда, что здѣсь много ученыхъ, имѣющихъ нужду въ книгахъ; но сіи люди почти всѣ или авторы, или переводчики, и собирая свои библіотеки, платятъ они книгопродавцамъ не деньгами, а сочиненіями или переводами. Къ тому же во всякомъ нѣмецкомъ городѣ есть публичныя библіотеки, изъ которыхъ

можно брать для чтенія всякія книги, платя за то бездѣлку. Книгопродавцы со всей Германіи съѣзжаются на Лейпцигскія ярмарки (которыхъ бываетъ здѣсь три въ годъ: одна начинается съ 1-го Января, другая съ Пасхи, а третья съ Михайлова дня) и мѣняются между собою новыми книгами.“ (стр. 116). Въ Лейпцигѣ, у Вейсе, Карамзинъ видѣлъ рукописную исторію нашего театра, переведенную съ русскаго. „Г. Дмитревскій, замѣчаетъ онъ, будучи въ Лейпцигѣ, сочинилъ ее, а нѣкто изъ русскихъ, которые учились тогда въ здѣшнемъ университетѣ, перевелъ на нѣмецкій и подарилъ Г. Вейсе, который хранить сію рукопись, какъ рѣдкость въ своей библіотекѣ“ (122). Въ письмѣ изъ Веймара онъ описываетъ свое свиданіе и бесѣду съ Гердеромъ, приводить выписку изъ его сочиненія о природѣ, помѣщаетъ его замѣчаніе о Мессіадѣ Клоппотока. „Пріятно, милые друзья мои, видѣть наконецъ того человѣка, который былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ, котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить старались“ (138). Изъ бесѣды съ Гердеромъ Карамзинъ убѣдился, что нѣмцы лучше другихъ народовъ понимаютъ классическую древность: „и потому ни французы, ни англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ греческаго, какими обогатили нѣмцы свою литературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ: таже безыскусственная простота въ языкѣ, которая была душою древнихъ временъ, когда царевны ходили по воду и цари знали счетъ своимъ баранамъ“ (133). Въ письмѣ изъ Веймара Карамзинъ описываетъ свое знакомство съ Виландомъ (134—140). Въ Цюрихѣ онъ познакомился съ Лафатеромъ (216—236). Въ Лозаннѣ „съ Руссовою Элоизою въ рукахъ,“ онъ „хотѣлъ собственными глазами видѣть тѣ прекрасныя мѣста, въ которыхъ безсмертный Руссо поселилъ своихъ романическихъ любовниковъ.“ Описывая эти мѣста, онъ замѣчаетъ: „Вы можете имѣть понятіе о чувствахъ, произведенныхъ во мнѣ сими предметами, зная, какъ я люблю Руссо и съ какимъ удовольствіемъ читалъ съ вами его Элонзу... безъ которой не существовалъ бы и нѣмецкій Вертеръ“ (282). Въ Женевѣ Карамзинъ посѣтилъ замокъ Ферней, гдѣ жилъ Вольтеръ, описалъ его жилище, сдѣлалъ отзывъ о его сочиненіяхъ, который оканчивается слѣдующими словами: „къ чести его можно сказать, что онъ распространилъ сію взаимную терпимость въ вѣрахъ, которая сдѣлалась характеромъ нашихъ временъ... (Примѣчаніе. Но я не могу одобрить Вольтера, когда онъ отъ суетвѣрія не отличалъ истинной христіанской религіи, которая, по словамъ одного изъ его соотечественниковъ, находится къ первому въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится правосудіе къ ябедѣ“) (295—298). Въ Женевѣ Карамзинъ познакомился съ Боннетомъ и выпросилъ у него позволеніе перевести на русскій языкъ его „Соп-

templation de la Nature“ (стр. 315). Но покланяясь европейской наукѣ и ея представителямъ, Карамзинъ никогда не забывалъ о Россіи, о русской наукѣ и литературѣ. Бесѣдуя съ Виландомъ о литературѣ, онъ говоритъ, что и на русскій языкъ переведены нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ его сочиненій. Разсуждая съ Лейпцигскими профессорами и студентами, онъ замѣчаетъ, что на русскій языкъ переведены первыя десять пѣсенъ Клопштока, и чтобы познакомить ихъ съ гармоніей нашего языка, читаетъ имъ русскіе стихи. Вслушивается въ мелодіи Швейцарскихъ пѣсенъ и ищетъ въ нихъ сходства съ нашими, столько для него трогательными. Въ Лондонѣ онъ изучаетъ англійскій языкъ и приходитъ къ убѣжденію въ превосходствѣ предъ нимъ русскаго языка. „Да будетъ же честь и слава нашему языку, говоритъ онъ, который въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, течетъ какъ гордая, величественная рѣка — шумитъ, гремитъ—и вдругъ, если надобно, смягчается, журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно вливается въ душу, образуя все мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса!“ (Томъ 2, стр. 370).

И въ другихъ случаяхъ Карамзинъ является горячимъ заступникомъ за Россію. По поводу російской исторіи Левека онъ говоритъ: „Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей російской исторіи, т. е. писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ—вотъ образцы. Говорятъ, что наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и чужестранцевъ... У насъ былъ свой Карлъ Великій: Владиміръ; свой Людовикъ XI: царь Іоаннъ; свой Кромвель: Годуновъ, — и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій“... Злѣсь видѣнъ уже будущій историкъ Государства Російскаго, который съ такимъ живымъ сочувствіемъ и такъ краснорѣчиво изобразилъ древнюю исторію Россіи: но теперь пока онъ еще защитникъ реформы Петра, и въ своей горячей защитѣ великаго человѣка и европейской цивилизаціи увлекающійся до такого космополитизма, который отвергаетъ все національное. „Путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ: все они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣ русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано?.. Все жалкія іереміады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной фізіо-

гноміи, или не что иное, какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ думевымъ удовольствіямъ. Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славинами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ!" (Томъ 2, стр. 146—150). Въ страстномъ увлеченіи европейской цивилизаціей Карамзинъ тогда не замѣчалъ, что народность составляетъ одну изъ формъ общечеловѣческаго духа...

Письма изъ Франціи и Англіи особенно интересны. Особенно хорошо и подробно описаны въ „Письмахъ“ Парижъ и Лондонъ. Подѣзжая къ Парижу, Карамзинъ думалъ: „вотъ онъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцемъ всей Европы, источникомъ вкуса, молъ, котораго имя произносится съ благоговѣніемъ всѣми. Мнѣ казалось, что я какъ маленькая песчинка попала въ ужасную пучину и кружусь въ водномъ вихрѣ“. Онъ описываетъ Лувръ, Пале-рояль, Тюльери, Елисейскія поля, Люксамбургъ, описываетъ улицы, сады, церкви, монастыри, соборы, дворцы, описываетъ французскіе театры и при этомъ говоритъ о французской драматической литературѣ. „И теперь не перемѣнялъ я своего мнѣнія о французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна и прекрасна: но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, не многихъ) нѣмцевъ“. Въ Академіи Надписей и Словесности онъ видѣлъ Бартеlemi и разговаривалъ съ нимъ; видѣлъ автора повѣстей и сказокъ—Мармонтеля. Въ Аббатствѣ св. Женовьевы хранится прахъ Декартова, привезенный изъ Стокгольма, чрезъ 17 лѣтъ послѣ смерти философа. Въ церкви св. Андрея сооруженъ памятникъ аббату Баттѣ, наставнику авторовъ, котораго за два года предъ сѣмъ читалъ я съ любезнымъ Агатономъ, вникая въ истину его примѣровъ. Видѣлъ Эрменовиль, гдѣ умеръ Руссо; онъ описываетъ всѣ мѣста, гдѣ любилъ отдыхать великій писатель. „Свѣтъ, литература, слава, все ему наскучило: одна природа сохранила до конца милія права свои на его сердце и чувствительность. Въ Эрменовилѣ рука Жанъ-Жакова не бралась за перо, а только позавала милостыню бѣднымъ. Лучшее его удовольствіе состояло въ прогулкахъ, въ дружескихъ разговорахъ съ земледѣльцами и въ невинныхъ играхъ съ дѣтьми“... (стр. 259, 2 томъ). Карамзину удалось быть въ народномъ собраніи: онъ высидѣлъ 5 или 6 часовъ и видѣлъ одно изъ самыхъ бурныхъ засѣданій. Де-

путаты духовенства предлагали католическую религію признать единственною или главною во Франціи. Мирабо, оспаривая, говорилъ съ жаромъ и наконецъ сказалъ: „я вижу отсюда то окно, изъ котораго сынъ Катерины Медицисъ стрѣлялъ въ протестантовъ“ (2 томъ, стр. 271).

Во Франціи Карамзину привелось быть, когда тамъ началась французская революція: онъ самъ былъ воспитанъ въ тѣхъ либеральныхъ идеяхъ, которыя много способствовали французской революціи; но страшная дѣйствительность не оправдала тѣхъ розовыхъ мечтаній о свободѣ мысли и совѣсти, о правахъ челоуѣчества, основанныхъ на законахъ природы, которыя предносились воображенію людей XVIII в. Уже по самой организаціи своей нѣжной чувствительной души онъ не терпѣлъ ничего рѣзкаго, насильственного, болѣзненнаго; могъ ли онъ равнодушно относиться къ тѣмъ ужаснымъ сценамъ, которыхъ онъ во Франціи былъ очевидцемъ.

• Письма изъ Англіи особенно интересны. „Парижъ и Лондонъ, два первые города въ Европѣ, были двумя Фаросами моего путешествія, когда я сочинялъ планъ его“. Онъ описываетъ всѣ замѣчательности Лондона. Прежде всего онъ попалъ въ Вестминстерское аббатство, на Генделеву Ораторію „Мессія“. „Вообразите, говоритъ онъ, дѣйствіе 600 инструментовъ и 300 голосовъ, наилучшимъ образомъ согласенныхъ,—въ огромной залѣ, при безчисленномъ множествѣ слушателей, наблюдающихъ глубокое молчаніе! Какая величественная гармонія!“ Далѣе описываетъ англійскіе суды, Биржу и Королевское общество, храмъ св. Павла, Сентъ-Джемскій дворецъ. Былъ въ англійскомъ парламентѣ, когда разбиралось знаменитое дѣло Гастингса, въ Британскомъ музеумѣ, въ англійскомъ театрѣ и говоритъ съ англійской литературѣ. „Литература англичанъ, подобно ихъ характеру, имѣетъ много особенности, и въ разныхъ частяхъ превосходна. Здѣсь отечество живописной поэзіи (*poésie descriptive*): французы и нѣмцы переняли сей родъ у англичанъ, которые умѣютъ замѣчать самыя мелкія черты въ природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоповыми „Временами года“; ихъ можно назвать зеркаломъ натуры... Въ англійскихъ поэтахъ есть еще какое-то простодушіе, не совсѣмъ древнее, но сходное съ Гомеровскимъ. Самымъ же лучшимъ цвѣтомъ Британской поэзіи считается Мильтоново описаніе Адама и Евы и Драйденова ода на музыку. Въ драматической поэзіи англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного автора; по этотъ авторъ есть Шекспиръ, и англичане богаты! Всякій авторъ ознаменованъ печатію своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться своимъ современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему... Но всякій истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности; современные красоты исчезаютъ, а общія,

основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, откровеніе человѣческаго сердца, и великія мысли, разсѣяныя въ драмахъ Британскаго гения, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ... Примѣчанія достойно то, что одна земля произвела и лучшихъ романистовъ и лучшихъ историковъ. Ричардсонъ и Фильдингъ выучили французовъ и нѣмцевъ писать романы, какъ исторію жизни, а Робертсонъ, Юмъ, Гиббонъ, вліяли въ исторію привлекательность любопытнѣйшаго романа, умнымъ расположеніемъ дѣйствій, живописью приключеній и характеровъ, мыслями и словомъ. Послѣ Оукидида и Тацита ничто не можетъ сравняться съ историческимъ триумвиратомъ Британіи“ (томъ 2; стр. 366—368).

Карамзинъ воспитался на сочиненіяхъ Руссо; отсюда у него такое страстное увлеченіе красотами природы, что самое искусство казалось ему ничтожнымъ предъ явленіями природы. „Что значать всѣ наши своды предъ сводомъ неба? восклицаетъ онъ, остановившись подъ куполомъ св. Павла въ Лондонѣ. Сколько надобно ума и трудовъ для произведенія столь неважнаго дѣйствія? Не есть ли искусство самая безстыдная обезьяна природы, когда оно хочетъ спорить съ нею въ величіи!“ Съ особеннымъ восхищеніемъ онъ говоритъ въ своихъ письмахъ о Швейцаріи. Изъ Базеля, напр., онъ пишетъ: „Итакъ я уже въ Швейцаріи, въ странѣ живописной натуры, въ землѣ свободы и благополучія! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой распрямился, голова моя сама собою поднимается вверхъ, и я съ гордостію помышляю о своемъ человѣчествѣ“ (стр. 181—182). „Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка пронипаетъ, кажется, въ мое сердце и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! Какія мѣста! Отвѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, унелъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Щастливые Швейцарцы! Всякій ли день, всякій ли часъ благодарите вы небо за свое шастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ правоты, и служа одному Богу?“ (стр. 191—192). Сантиментальный тонъ этого письма разлитъ по всѣмъ письмамъ русскаго путешественника отъ перваго до послѣдняго и составляетъ ихъ отличительный характеръ. Карамзинъ всѣмъ восхищается чрезъ мѣру, груститъ по самому ничтожному поводу, льетъ слезы радости и унываетъ при самомъ обык-

повенномъ случаѣ: всякій добрый поступокъ возбуждаетъ въ немъ необыкновенное чувство. Получивъ въ Ригѣ отъ одного нѣмца (Крамера) три хлѣба на дорогу, онъ сивозъ слезы благодарить его. „Гостепріимство, восклицаетъ онъ по этому случаю, добродѣтель, обыкновенная во дни юности рода человѣческаго и столь рѣдкая во дни пани! Есть-ли я когда-нибудь тебя забуду, то пусть забудутъ меня друзья мои! Пусть вѣчно буду на землѣ странникомъ и нигдѣ не найду втораго Крамера!“ По лучшимъ образцомъ сентиментальности Карамзина можетъ служить письмо изъ Дрездена, гдѣ онъ описываетъ видъ на Эльбу. „Я смотрѣлъ и наслаждался: смотрѣлъ, ратовался и—даже плакалъ: что обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень, очень весело. — Вынулъ бумагу, карандашъ: написать: любезная природа! и болѣе ни слова!! Но едва ли когда нѣбуди чувствовалъ такъ живо, что мы созданы наслаждаться и быть счастливыми: и едва ли когда нѣбуди въ сердцѣ своемъ былъ такъ добръ и такъ благодаренъ противъ моего Творца, какъ въ сіи минуты. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ самой Любви, и что онѣ должны смыть нѣкоторые черныя пятна въ книгѣ жизни моей. А вы, цвѣтущіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы! вы будете благодаримы мною и тогда, когда, возвратясь въ сѣверное, отдаленное отечество мое, въ часы уединенія буду воспоминать прошедшее!“ (стр. 99—100). Такъ и видно, что пишетъ 23-лѣтній юноша, которому все въ природѣ и жизни представляется въ одномъ розовомъ цвѣтѣ, безъ тѣхъ тѣней, которыми все окружено болѣе или менѣе въ дѣйствительности.

Новое направленіе въ сочиненіяхъ Карамзина Говоря о переводахъ Карамзина изъ Шекспира и Лессинга, мы уже замѣтили, что эти занятія должны были показать несостоятельность французскаго ложно-классическаго направленія; путешествіе по Европѣ, гдѣ онъ уже видѣлъ опыты новаго направленія, убѣдило въ томъ еще болѣе. Вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы онъ вздумалъ дать русской литературѣ направленіе болѣе близкое къ дѣйствительности, заимствуя содержаніе для литературныхъ произведеній изъ народной жизни, народной поэзіи и народной исторіи. Начиная повѣсть „Фролъ Силинъ, благодѣтельный человѣкъ“ въ Московскомъ Журналѣ 1791 г., онъ говоритъ: „Пусть Виргиліи прославляютъ Августовъ! Я хочу хвалить Фрола Силина, простаго поселянина, и хвала моя будетъ состоять въ описаніи дѣлъ его, мнѣ извѣстныхъ“. Въ повѣсти описывается, какъ въ голодный годъ Фролъ Силинъ, крестьянинъ одной деревни, раздавалъ даромъ хлѣбъ бѣднѣйшимъ жителямъ, какъ онъ помогъ жителямъ погорѣвшихъ двухъ деревень, какъ онъ выкупили у помѣщика двухъ дѣвокъ и

выпалъ замужъ съ хорошимъ приданымъ. Въ неоконченной повѣсти „Тодоръ“ онъ изображаетъ характеръ деревенскихъ помѣщиковъ прежняго времени (въ Москов. Журналѣ 1792 г., мартъ). Въ письмѣ подъ заглавіемъ: „Сельскій праздникъ и свадьба“ (тамъ-же) описываетъ такъ же жизнь помѣщиковъ и крестьянъ конца прошлаго вѣка. Содержаніе „Бѣдной Лизы“ взято изъ обыкновенной жизни и отличается простотою и несложностію. Въ предисловіи къ повѣсти „Наталя, боярская дочь“ онъ высказываетъ особенное сочувствіе къ древней русской жизни и къ древней русской исторіи. „Кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда русскіе были русскими, когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походною, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ, по своему сердцу, т. е. говорили, какъ думали? По крайней мѣрѣ я люблю сіи времена, люблю на быстрыхъ крыльяхъ воображенія летать въ ихъ отдаленную мрачность, подъ сѣнію давно истлѣвшихъ вѣзовъ искать брѣдатыхъ моихъ предковъ, бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности, о характерѣ славнаго народа русскаго, и съ нѣжностью цѣловать ручки у моихъ прабабушекъ“. Ту же самую мысль или то же стремленіе въ область народной поэзіи выражаетъ Карамзинъ въ богатейшей сказкѣ: „Илья Муромецъ“.

• Не хочу съ поэтомъ Гредіи
Звучнымъ гласомъ Калліопиннымъ
Пѣть вражды Агамемноновой
Съ храбрымъ правнучомъ Юпитера;
Или, слѣдуя Виргилію,
Плыть отъ Трои разоренныя
Съ хитрымъ сыномъ Афродитинимъ
Къ злачнымъ берегамъ Италіи.
Не желаю въ Мифологіи
Черпать дивныхъ, странныхъ вымысловъ.
Мы не греки и не римляне;
Мы не вѣримъ ихъ преданіямъ;
Мы не вѣримъ, чтобы богъ Сатурнъ
Могъ любезнаго родителя
Превратить въ уродъ жалкаго;
Чтобы Леды были—курицы,
И несли весною яйца.
Чтобы Поллуксы съ Еленами
Родились отъ бѣлыхъ лебедей.
Памъ другія сказки надобны;
Мы другія сказки слышали
Отъ своихъ покойныхъ мамушекъ.
Я намѣренъ слогомъ древности
Разсказать теперь одну изъ нихъ».

Но собственные сочиненія Карамзина показываютъ, что проста и естественность въ нихъ далеко еще не такъ естественны, что хотя сюжеты заимствованы изъ народной жизни и исторiи, но изображаются далеко не въ народномъ духѣ, а во вкусѣ и стилѣ сантиментальныхъ повѣстей Жанлисъ и Мармонтеля.

Бѣдная Лиза. Содержаніе этой знаменитой повѣсти чрезвычайно просто, чтобы не сказать бѣдно. Въ Москвѣ, не далеко отъ Симонова монастыря, подлѣ березовой рощи, среди зеленого дуга, стояла бѣдная хижина, въ которой жила прекрасная Лиза съ своей матерью старушкой. Отецъ Лизы былъ довольно „зажиточный поселинникъ“. Но когда онъ умеръ, то мать и дочь обѣдѣли. Лиза кормила мать своими трудами: она ткала холсты, вязала чулки, весною собирала цвѣты, а лѣтомъ ягоды и ходила въ городъ продавать ихъ. „Богъ далъ мнѣ руки, говорила она, чтобы работать; ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенкомъ; теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживятъ батюшки“. (ч III, 4). Однажды Лиза, продавая въ Москвѣ ландыши, на улицѣ встрѣтила молодаго человѣка, который, покупая у нея цвѣты, обратилъ на нее особенное вниманіе и спросилъ, гдѣ она живетъ; вмѣсто пяти копѣекъ онъ давалъ ей за цвѣты рубль; но она не взяла его. Молодой человѣкъ такъ ей понравился, что на другой день, нарвавъ самыхъ лучшихъ ландышей, она ужъ искала его въ Москвѣ, другимъ не хотѣла продавать своихъ цвѣтовъ и, когда не нашла его, то бросила ихъ въ рѣку. Между тѣмъ, на другой день вечеромъ, молодой человѣкъ самъ пришелъ въ хижину Лизы и спросилъ напиться: ему привесли молока. Онъ познакомился съ матерью Лизы и поправился ей. „Мнѣ хотѣлось бы, сказалъ онъ матери, чтобы дочь твоя никому, кромѣ меня, не продавала своей работы. Такимъ образомъ ей не за чѣмъ будетъ часто ходить въ городъ, и ты не принуждена будешь съ нею разставаться. Я самъ по временамъ буду заходить къ вамъ“. Старушка съ охотою приняла его предложеніе, увѣряя его, что полотно, вытканное и чулки, связанные Лизой, бываютъ отменно хороши и носятя дольше всякихъ другихъ (стр. 8). Молодой человѣкъ сталъ часто бывать у нихъ. Его звали Грастомъ. Это былъ „довольно богатый дворянинъ, съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ отъ природы, но слабымъ и вѣтреннымъ. Онъ велъ разсѣянную жизнь, думалъ только о своемъ удовольствіи, искалъ его въ свѣтскихъ забавахъ, но часто не находилъ: скучалъ и жаловался на судьбу свою“. Красота Лизы при первой встрѣчѣ сдѣлала впечатлѣніе въ его сердцѣ. Ему казалось, что онъ нашелъ въ Лизѣ то, чего сердце его давно искало“. Молодые люди сильно полюбили

другъ друга, всякій вечеръ видѣлся „или на берегу рѣки, или въ березовой рощѣ, но всего чаще подъ тѣнію столѣтнихъ дубовъ, освѣнявшихъ глубокой чистой прудъ“. Лиза до того увлеклась Эрастомъ, что отказала своему жениху, сыну богатаго крестьянина изъ сосѣдней деревни, а Эрастъ далъ обѣщаніе Лизѣ жениться на ней. Но счастье Лизы продолжалось не долго. Эрастъ, насытившись ею любовью, сталъ посѣщать ее рѣже и рѣже, и однажды объявилъ ей, что онъ служить въ военной службѣ и долженъ ѣхать на войну. Лиза повѣрила, и Эрастъ уѣхалъ. Прошло около двухъ мѣсяцевъ; Лиза пошла въ Москву купить розовой воды — лечить глаза матери. На одной улицѣ вдругъ она увидѣла Эраста въ каретѣ, бросилась за нимъ и прибѣжала въ его домъ; но Эрастъ принялъ ее холодно; объявилъ, что онъ скоро женится на другой. Онъ, дѣйствительно, былъ на войнѣ; но, вмѣсто того, чтобы сражаться съ непріятелемъ, игралъ въ карты и проигралъ почти все свое имѣніе, и чтобы заплатить свои долги, онъ вздумалъ жениться на богатой вдовѣ. Онъ далъ Лизѣ сто рублей и выпроводилъ изъ своего дома. Лиза очутилась на улицѣ въ такомъ положеніи, котораго никакое перо описать не можетъ. Съ ней произошелъ обморокъ. Одна добрая женщина, которая шла по улицѣ, увидѣвъ ее лежащею на землѣ, привела ее въ чувство. Лиза вышла изъ города и вдругъ увидѣла себя на берегу того глубокаго пруда и подъ тѣнію тѣхъ древнихъ дубовъ, которые такъ еще недавно были безмолвными свидѣтелями ея счастья. Встрѣтивъ свою подругу Анюту, она попросила ее отнести матери данные ей Эрастомъ сто рублей, а сама бросилась въ прудъ и утонула. Мать, узнавъ о смерти Лизы, умерла: Эрастъ также былъ несчастенъ; совѣсть не давала ему покоя за то, что онъ сдѣлался убійцей Лизы. „Сердце мое обливается кровію въ сію минуту, говоритъ авторъ. Я забываю человека въ Эрастѣ—готовъ проклинать его—но языкъ мой не движется — смотрю на небо и слеза катится по лицу моему. Ахъ! для чего пишу не романъ, а печальную быль?“ (стр. 22).— Горячая симпатія, съ какою авторъ изобразилъ эту исторію „Бѣдной Лизы“, пѣжный чувствительный колоритъ, разлитый по всей повѣсти и наконецъ прекрасныя описанія окрестностей Москвы и Симонова монастыря, невообразимо трогали читателей и сдѣлали эту небольшую и простую повѣсть знаменито-историческою.—Окрестности Симонова монастыря долго были любимымъ мѣстомъ гуляній; прудъ, въ которомъ утопилась Лиза, стали называть Лизинымъ прудомъ; всѣ деревья по берегамъ его были пещеныры начальными буквами ея имени, которыя вырѣзывали гуляющіе.

Въ исторіи литературы „Бѣдная Лиза“ имѣетъ значеніе какъ первая повѣсть, сюжетъ которой взятъ изъ простаго и притомъ русскаго быта, хотя этотъ простой бытъ изображенъ далеко не

такъ просто и не въ русскомъ духѣ, а въ стилѣ западныхъ сентиментальныхъ повѣстей и романовъ. Лиза и мать ея представлены съ воззрѣніями и чувствами героевъ и героинь этихъ повѣстей, а не съ такими, какія свойственны простымъ русскимъ крестьянамъ. Съ настоящей точки зрѣнія эта невѣрность дѣйствительности составляетъ ничѣмъ непоправимый недостатокъ; но тогда на поэтический вымыселъ смотрѣли иначе. Поэтическую творческую фантазію, какъ источникъ этихъ вымысловъ, самъ Карамзинъ называлъ богиней лжи и призраковъ (въ сказкѣ объ Ильѣ Муромцѣ).

Наталья, боярская дочь. „Въ престольномъ градѣ славнаго русскаго царства, въ Москвѣ бѣлокаменной, жилъ бояринъ Матвѣй Андреевъ, человекъ богатый, умный, вѣрный слуга царскій, и, по обычаю русскихъ, великій хлѣбосоль. Царь называлъ его правымъ глазомъ своимъ, и правый глазъ никогда царя не обманывалъ. Когда ему надлежало разбирать важную тяжбу, онъ призывалъ себѣ на помощь боярина Матвѣя, и бояринъ Матвѣй, кладя чистую руку на чистое сердце, говорилъ: сей правъ (не по такому-то указу, состоявшемуся въ такомъ-то году, но) по моей совѣсти; сей виновать по моей совѣсти—и совѣсть его была всегда согласна съ правдою и совѣстью царскою“ (стр. 84). Въ каждый дванадесятый праздникъ онъ приготовлялъ длинные столы въ своихъ горницахъ, покрытые чистыми скатертями, уставленные чашами и блюдами съ разными кушаньями. Сидя на лавкѣ, подлѣ высокихъ своихъ воротъ, онъ звалъ къ себѣ обѣдать мимо ходящихъ бѣдныхъ людей, сколько могло помѣститься въ его боярскомъ жилищѣ. Ласково бесѣдуя съ гостями, онъ узнавалъ ихъ нужды, подавалъ имъ хорошіе совѣты, предлагалъ свои услуги и веселился съ ними, какъ съ друзьями. Любовь народная и милость царская были наградою добраго боярина. Но въ общемъ его счастья и радости была его единственная дочь, красавица Наталья. Много цвѣтовъ въ полѣ, въ рощахъ и на лугахъ зеленыхъ: но нѣтъ прекраснѣе розы; много было красавицъ въ Москвѣ, но никакая красавица не могла сравниться съ Натальей. Довольно сказать, что самые богомольные старики, видя боярскую дочь у обѣдни, забывали класть земные поклоны и самыя пристрастныя матери отдавали ей преимущество предъ своими дочерьми. Далѣе авторъ описываетъ душевные и тѣлесныя качества древне-русской боярской дочери и то, въ чемъ она проводила время свое зимой и лѣтомъ „отъ восхода до заката краснаго солнца“. Проснувшись на восходѣ солнца и перекрестившись, она тотчасъ вставала и начинала собираться „къ обѣднѣ“; только одна жестокая вьюга зимою, а лѣтомъ проливной дождь съ грозою могли удержать древне-русскую дѣвицу отъ исполненія этой обязанности. Становясь всегда въ уголокъ трапезы, Наталья

молилась Богу съ усердіемъ, но въ то же время изъ подлѣбья поглядывала на право и на лѣво. Въ старину не было ни клубовъ, ни маскараровъ, говорить авторъ, куда имѣ възять себя казать и другихъ смотрѣть, итакъ гдѣ же, какъ не въ церкви, любопытная дѣвушка могла поглядѣть тогда на людей? Послѣ обѣдни Наталья всегда раздавала нѣсколько копѣекъ бѣднымъ людямъ. Возвратившись отъ обѣдни, она садилась шить въ пальцахъ, или плести кружево, сучить шелкъ, вязать ожерелье. Послѣ сытнаго обѣда бояринъ Матвѣй дожился отдыхать, а дочь свою отпускалъ съ мамой гулять въ садъ или на большой зеленый лугъ у „красныхъ воротъ“. Вечеромъ къ Наталѣ собирались молодыя подруги: въ ихъ кружокъ приходилъ иногда побесѣдовать и самъ бояринъ и рассказывалъ имъ „приключенія благочестиваго князя Владимира и могучихъ богатырей россійскихъ“. Зимой Наталья каталась въ саняхъ по городу и ѣздила къ подругамъ „на вечерники“, гдѣ играли въ жмурки, притались, хоронили золото, пѣли пѣсни, рѣзались, „не парушая благопристойности и смѣялись безъ насмѣшекъ“. Такъ жила Наталья до 17-ти лѣтъ. Однажды, по обыкновенію, она была у обѣдни и встрѣтила здѣсь одного прекраснаго молодого человѣка, который произвелъ на нее глубокое впечатлѣніе. Ей представилось, что любезный призракъ, который ночью и днемъ прельщалъ ее воображеніемъ, былъ не что иное, какъ образъ сего молодого человѣка. Въ свою очередь и Наталья понравилась молодому человѣку. На другой день Наталья пришла къ обѣднѣ ранѣе всѣхъ и всѣхъ позже вышла изъ церкви: но молодого человѣка не было; тоже повторилось на третій день, и только на четвертый день они опять увидѣлись. Спусти нѣсколько времени, когда боярина Матвѣя не было дома, няня ввела молодого человѣка въ теремъ; онъ бросился къ ногамъ Натальи и объявлялъ ей, что онъ уже давно влюбленъ въ нее. Наталья такъ же призналась ему въ своей любви. Не надѣясь, что бояринъ Матвѣй согласится на ихъ бракъ, онъ уговорилъ Наталью тайно уѣхать съ нимъ и повѣнчаться. Въ ту же ночь онъ увезъ ее вмѣстѣ съ няней. На пути они остановились въ одной деревянной церкви, гдѣ дождалъ ихъ одинъ старый священникъ и обвѣнчалъ ихъ. Послѣ вѣнца они продолжали путь и пріѣхали въ дремучій лѣсъ. На встрѣчу имъ вдругъ вышло нѣсколько человѣкъ съ заплечными сумками соломы и съ княжатами. Няня подумала, что они нахватали въ рукахъ разбойниковъ; но оказалось, что это люди молодого мужа. Его звали Алексѣемъ Любославскимъ. Онъ былъ сынъ одного ошальнаго боярина Любославскаго, который, по ложному подозрѣнію, былъ замѣшанъ въ заговорѣ противъ государя и, чтобы спасти свою жизнь, бѣжалъ изъ Москвы со своимъ 12-лѣтнимъ сыномъ Алексѣемъ и скрылся на берегахъ Волги, въ той странѣ, гдѣ въ эту рѣку вливается

Свіята (значить въ странѣ Казанской). Проживъ здѣсь около 10 лѣтъ, онъ умеръ, поручивъ предъ смертію сына своего одному другу своему въ Москвѣ, который построилъ для его убѣжища уединенный домикъ въ 40 верстахъ, въ дремучемъ непроходимомъ лѣсу, но самъ тоже скорѣ послѣ этого умеръ. Алексѣй переселился въ этотъ домикъ уже послѣ его смерти. Это и было то мѣсто, куда онъ привезъ Наталью. Молодые люди устроились хорошо; но Наталья не могла забыть оставленнаго ею отца и постоянно сокрушалась, а Алексѣя тяготила царская опала, вслѣдствіе которой онъ не могъ нигдѣ показаться. Онъ придумывалъ способы испросить прощеніе у боярина Матвѣя и заслужить милость государя. Этому помогъ слѣдующій случай. На Московское царство напали Литовцы. Алексѣй вздумалъ отправиться на войну, чтобы подвигами своими обратить на себя вниманіе; но Наталья никакъ не хотѣла разстаться съ нимъ и рѣшилась сама отправиться на войну: „дай мнѣ только, сказала она, мечъ острый и копьѣ булатное, шипакъ, панцырь и щитъ желѣзный, увидишь, что я не хуже мужчины“. Алексѣй выбралъ для нея самое легкое оружіе, нарядилъ ее въ панцырь, сдѣланный изъ мѣдныхъ колецъ (на которомъ было написано: съ нами Богъ, — никто же на ны), вооружилъ своихъ людей, надѣлъ латы своего отца и съ Натальей отправился на войну. На войнѣ Алексѣй и Наталья такъ отличились своею храбростію, что обратили на себя всеобщее вниманіе. Донося о побѣдѣ, военачальникъ писалъ царю: „Мы не можемъ по достоинству восхвалить того юнаго воина, которому принадлежитъ вся честь побѣды, и который гналъ, разилъ непріятелей и собственною рукою плѣнилъ ихъ предводителя. Повсюду слѣдовалъ за нимъ братъ его, прекрасный отрокъ, и закрывалъ его щитомъ своимъ. Онъ не хочетъ объявить имени своего никому, кромѣ тебя, государя“ (стр. 134). Государь потребовалъ ихъ къ себѣ и спросилъ, кто они такіе, и когда они объявили себя, то простилъ Алексѣя и уговорилъ и боярина Матвѣя простить Наталью и благословить ихъ на супружескую жизнь. И потомъ они жили счастливо до глубокой старости.

Повѣсть написана Карамзинымъ въ 1792 г., когда авторъ уже началъ изучать русскую исторію и хотѣлъ воскресить предъ русскимъ обществомъ древне-русскую жизнь. „Кто въ насъ, говоритъ онъ въ самомъ началѣ повѣсти, не любитъ тѣхъ временъ, когда русскіе были русскими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ по своему сердцу, т. е. говорили, какъ думали“ (стр. 81). Онъ относится къ древне-русской жизни съ

глубокимъ сочувствіемъ и старается выставить все лучшія ея стороны иногда въ укоръ современной жизни. Говоря о добротѣ, честности и правдивости боярина Матвѣя, о его покровительствѣ и заступничествѣ за своихъ обѣдненныхъ сосѣдей, онъ прибавляетъ: „чему въ наши просвѣщенные времена, можетъ быть, не всякій повѣритъ, но что въ старину совсѣмъ не почиталось рѣдкостью“; говоря о качествахъ его дочери Натальи, онъ замѣчаетъ, что „она имѣла все свойства благовоспитанной дѣвушки, хотя русскіе не читали тогда ни Локка о воспитаніи, ни Руссова Эмиля“. Въ бояринѣ представленъ типъ именитого и богатаго боярина, въ Наталья типъ древне-русской боярышни; но черты этихъ типовъ слишкомъ общи и слишкомъ идеализированы, изображены безъ всякихъ тѣней тогдашней дѣйствительности, безъ исторической обстановки: въ характерѣ Натальи авторъ даже отступаетъ отъ исторіи, выводя Наталью изъ замкнутой свѣтлицы или терема на войну, въ военный станъ съ рыцарскимъ пошибомъ, героиней въ родѣ какой-нибудь Жанны д'Аркъ, для чего примѣровъ древняя исторія русская не представляетъ.

Островъ Борнгольмъ. Авторъ говоритъ, что рассказъ о приключеніяхъ на датскомъ островѣ Борнгольмѣ, написанный въ 1793 г., составляетъ эпизодъ изъ его приключеній во время возвращенія изъ путешествія по Европѣ. Во время остановки въ Гревсендѣ (въ Англіи), на морскомъ берегу, онъ встрѣтилъ „молодаго человѣка, худого, блѣднаго, томнаго, болѣе привидѣніе, нежели человѣка. Въ одной рукѣ держалъ онъ гитару, другою срывалъ листочки съ дерева и смотрѣлъ на синее море неподвижными черными глазами своими, въ которыхъ сіялъ послѣдній лучъ угасающей жизни“. Когда авторъ спросилъ о причинѣ его несчастія, онъ ничего не отвѣтилъ, но, взявъ гитару, запѣлъ слѣдующую пѣсню:

Законы осуждаютъ
Предмета моей любви;
Но кто, о сердце! можетъ
Противиться тебѣ?

Но какіе законы осуждаютъ любовь несчастнаго и какая ея вина удалила его отъ береговъ Борнгольма, столь ему милого, автору узнать не удалось, потому что онъ долженъ былъ немедленно сѣсть на корабль. Но когда корабль присталъ къ острову Борнгольму, авторъ вздумалъ пробраться въ замокъ на этомъ островѣ, чтобы узнать тайну несчастнаго гревсендскаго молодого человѣка. Въ старомъ мрачномъ замкѣ, съ заросшимъ крапивой и полынью дворомъ и огромными пустыми залами, доживалъ послѣдніе дни

„почтенный сѣдовласый старецъ“; онъ принялъ его ласково и сказалъ: „Давно я живу въ уединеніи, давно не слышу ничего о судьбѣ людей. Скажи мнѣ, царствуетъ ли любовь на земномъ шарѣ? Курится ли оиміамъ на алтаряхъ добродѣтели? благоденствуютъ ли народы въ странахъ, тобою видѣнныхъ?“—Свѣтъ наукъ, отвѣчалъ я, распространяется все болѣе и болѣе; но еще струится на землѣ кровь человѣческая, льются слезы несчастныхъ, хвалятъ имя добродѣтели и спорятъ о существѣ ея. Старецъ вздохнулъ и пожалъ плечами. Узнавъ, что я россіянинъ, сказалъ: мы приходимъ отъ одного народа съ вашими. Древніе жители острововъ Рюгена и Борнгольма были Славяне. Но вы прежде насъ озарились свѣтомъ христіанства. Уже великолѣпные храмы, единому Богу посвященные, возносились къ облакамъ въ странахъ вашихъ; но мы, во мракѣ идолопоклонства, приносили кровавыя жертвы безчувственнымъ истуканамъ“ (стр. 157) Ночью автора встревожилъ тяжелый и странный сонъ; чтобы освѣжиться, онъ сошелъ въ садъ и здѣсь наткнулся на пещеру, гдѣ, за желѣзной рѣшеткой, на которой висѣлъ большой замокъ, горѣла лампада, привязанная къ своду, а въ углу, на соломенной постелѣ, лежала молодая блѣдная женщина въ черномъ платьѣ. „Кто бы ты ни былъ, сказала она, какимъ бы случаемъ ни зашелъ сюда, чужеземецъ! я не могу требовать отъ тебя ничего, кромѣ сожалѣнія. Не въ твоихъ силахъ перемѣнить долю мою. Я лобзаю руку, которая меня наказываетъ... Ради Бога оставь меня!... Если онъ самъ послалъ тебя—тотъ, котораго страшное проклятіе гнѣвить всегда въ моемъ слухѣ, скажи ему, что я страдаю, страдаю день и ночь; что сердце мое высохло отъ горести; что слезы не облегчаютъ уже тоски моей. Скажи, что я безъ ропота, безъ жалобъ сношу заключеніе, что я умру его нѣжною, несчастною“... На другой день утромъ старецъ разсказалъ ему исторію этой несчастной. „Но вы, друзья мои, теперь не услышите ея; она останется до другаго времени. На сей разъ скажу вамъ одно то, что я узналъ тайну гревзепдскаго незнакомца,—тайну страшную!“ (стр. 162—165).

Повѣсть напоминаетъ старыя рыцарскія баллады, въ которыхъ изображаются рыцарскіе замки съ окружающими ихъ рвами, подъемными мостами, огромными залами съ готическими колоннами, страшными башнями и подземными темницами, въ которыхъ томятся разные несчастные; подъ вліяніемъ балладъ она, конечно, и составилаь.

Марѳа посадница или покореніе Новгорода. Историческая повѣсть. Повѣсть эта, весьма интересная въ литературномъ отношеніи, весьма важна и потому, что характеризуетъ взглядъ Карамзина на этотъ знаменитый эпизодъ въ древней русской исторіи.

Несомнѣнно, что Карамзинъ относился весьма сочувственно къ Новгородцамъ, возставшамъ за свою вольность противъ Іоанна; онъ видѣлъ въ ихъ возстаніи проявленіе глубокаго патріотизма и съ этой точки зрѣнія изобразилъ все событіе. „И лѣтописи и старинныя пѣсни, говоритъ авторъ, отдають справедливость великому уму Марѣи Борцкой, сей чудной женщины, которая умѣла овладѣть народомъ и хотѣла (весьма не кстати) быть Катонѣмъ своей республики“ (стр. 167). Дѣйствительно. Марѣя посланница изображена въ величавомъ образѣ, напоминающемъ древнихъ римлянѣвъ время Катона или Брута: съ такимъ же твердымъ и самоотверженнымъ характеромъ изображены другія дѣйствующія лица: посланникъ Дѣлинскій, дѣдъ Марѣи, отшельникъ Феодосій, Мірославъ, Михайлъ Храбрый, дочь Марѣи Ксенія и др. Каждая сцена проникнута чрезвычайнымъ одушевленіемъ и исполнена драматизма, и все лѣтописное повѣствованіе о покореніи Новгорода, подъ перомъ автора, получило характеръ высокой исторической трагедіи, написанной, вѣроятно, подъ вліяніемъ историческихъ трагедій Шекспира и въ частности „Юлія Цезаря“, переводомъ котораго авторъ занимался, кажется, въ это время. Повѣсть состоитъ изъ трехъ главъ, которыя названы книгами. Въ первой книгѣ описывается посольство Московскаго князя Іоанна III въ Новгородъ съ предложеніемъ ему добровольно покориться Москвѣ, если онъ не хочетъ быть разоренъ войною и покоренъ насильно. „Раздался звукъ Вѣчеваго колокола,—такъ начинается повѣсть,—и вздрогнули сердца въ Новгородѣ. Отцы семействъ вырываются изъ объятій супругъ и дѣтей, чтобы снѣшить, куда зоветъ ихъ отечество. Недоумѣіе, любопытство, страхъ и надежда влекутъ гражданъ шумными толпами на великую площадь. Всѣ спрашиваютъ: никто не отвѣтствуетъ... Тамъ, противъ древняго дому Ярославова, уже собрались посланники съ золотыми нагрудн. медалями, тысяцскіе съ высокими жезлами, бояре, люди знатные со знаменами и старосты всѣхъ пяти концовъ Новгородскихъ съ серебряными сѣкирами. Но еще не видно никого на мѣстѣ Лобномъ или Бадимовомъ (гдѣ возвышался мраморный образъ сего витязя)“ (стр. 167—168). Но вотъ всходитъ на желѣзные ступени Лобнаго мѣста именитый гражданинъ Іосифъ Дѣлинскій, смиренно кланяется и говоритъ народу, что князь Московскій прислалъ въ Великій Новгородъ своего боярина, который желаетъ всенародно объявить его требованія. Это былъ воевода, князь Холмскій, мужъ благоразумный и твердый—правая рука Іоаннова въ предпріятіяхъ воинскихъ, око его въ дѣлахъ государственныхъ, храбрый въ битвахъ, вѣлѣрѣчивый въ совѣтѣ. „Граждане Новгородскіе! вѣщаетъ онъ: князь Московскій въся Россіи говорить съ вами—внимайте! Народы дикіе любятъ независимость, народы мудреѣе любятъ порядокъ: а нѣтъ порядка безъ власти самодержавной. Ваши предки хотѣли править сами собою и были жер-

твою лютыхъ сосѣдовъ или еще лютѣйшихъ внутреннихъ между-
собій. Старецъ добродѣтельный, стоя на прагѣ вѣчности, заклиналъ
ихъ избрать владѣтеля. Они повѣрили ему: ибо человекъ при две-
ряхъ гроба можетъ говорить только истину. Граждане Новгородскіе!
въ стѣнахъ вашихъ родилось, утвердилось, прославилось самодержа-
віе земли русской. Здѣсь великодушный Рюрикъ творилъ судъ и
правду; на семъ мѣстѣ древніе Новгородцы лобызали ноги своего
отца и князя, который примирилъ внутренніе раздоры, успокоилъ
и возвеличилъ городъ ихъ. На семъ мѣстѣ они проклинали гибель-
ную вольность и благословляли спасительную власть единого“ (стр.
169). „Граждане Новгородскіе! не только воинскою славою обязаны
вы государямъ русскимъ: если глаза мои, обращаясь на всѣ концы
вашего града, видятъ повсюду золотые кресты великолѣпныхъ хра-
мовъ святой вѣры; если шумъ Волхова напоминаетъ вамъ тотъ
великій день, въ который знаки идолослуженія погибли съ шумомъ
въ быстрыхъ волнахъ его: то вспомните, что Владиміръ соорудилъ
здѣсь первый храмъ истинному Богу; Владиміръ низвергъ Перуна
въ пучину Волхова!.. Если жизнь и собственность священны въ
Новѣгородѣ, то скажите, чья рука оградила ихъ безопасноію?...
Здѣсь—(указывая на домъ Ярослава)—здѣсь жилъ мудрый законо-
датель, благотворитель вашихъ предковъ, князь великодушный, другъ
ихъ, котораго называли они вторымъ Рюрикомъ“!... (170). И по-
томъ въ обширной картицѣ изображаетъ, какъ подъ властію князей
Кіевскихъ и Московскихъ создавалось, окрѣпло и возвысилось рус-
ское государство, и въ частности указываетъ на заслуги Москов-
скаго князя Іоанна. „Народъ и граждане, заключаетъ онъ свою
рѣчь, да властвуйтъ Іоаннъ въ Новѣгородѣ, какъ онъ въ Москвѣ
властвуетъ! или—внимайте его послѣднему слову—или храброе
воинство, готовое сокрушить татаръ, въ грозномъ ополченіи явится
прежде глазамъ вашимъ, да усмирить мятежниковъ!... Миръ или
война? отвѣтствуйте!“ (174—175). Но долго одно молчаніе было
отвѣтомъ на краснорѣчивое и сильное воззваніе Холмскаго. Нако-
нецъ толпы народныя заколебались и раздались восклицанія: Марѳа!
Марѳа! и появилась бывшая посадница Марѳа Борецкая и тихо и
величаво взошла на желѣзныя ступени. „Говори, славная дочь Нова-
града“! воскликнулъ народъ единогласно... „Потомки славянъ велико-
душныхъ! сказала Марѳа, васъ называютъ мятежниками!... За то
ли, что вы подыали изъ гроба славу ихъ? Они были свободны, когда
текли съ востока на западъ избрать себѣ жилище во вселенной,
свободны подобно орламъ, парившимъ надъ ихъ главою въ обшир-
ныхъ пустыняхъ древняго міра... Они утвердились на красныхъ
берегахъ Ильменя, и все еще служили одному Богу... Правда, съ
теченіемъ времени родились въ душахъ новыя страсти; обычаи
древніе, спасительные забывались, и неопытная юность презирала

мудрые совѣты старцевъ: тогда Славяне призвали къ себѣ знаменитыхъ храбростію князей варяжскихъ, да повелѣваютъ юнымъ мятежнымъ воинствомъ. Но когда Рюрикъ захотѣлъ самовольно властвовать, гордость славянская ужаснулась своей неосторожности, и Вадимъ храбрый звалъ его предъ судъ народа... Конечно Рюрика, — да отдадимъ справедливость сему знаменитому витязю! — мудраго и смѣлаго Рюрика, воскресила свободу Новгородскую. Народъ, изумленный его величіемъ, невольно и смиренно повиновался; но скоро, не вѣя уже героя, пробудился отъ глубокаго сна, и Олегъ, испытавъ многократно его упорную непреклонность, удалился отъ Новгорода съ воинствомъ храбрыхъ варяговъ и славянскихъ юношей, нескать побѣды, данниковъ и рабовъ между другими скиѣскими, менѣе отважными и гордыми племенами. Съ того времени Новгородъ признавалъ въ князьяхъ своихъ единственно полководцевъ и военачальниковъ: народъ избралъ власти гражданскія, и, повинаясь имъ, повиновался уставу воли своей. Въ кіевлянахъ и другихъ русіаныхъ отцы наши любили кровь славянскую, служили имъ, какъ друзьямъ и братьямъ, разили ихъ непріятелей и вмѣстѣ съ ними славились побѣдами. Здѣсь провелъ юность свою Владиміръ; здѣсь среди примѣровъ народа великолуннаго, образовался великій духъ его: здѣсь мудрая бесѣда старцевъ нашихъ возбудила въ немъ желаніе вопросить всѣ народы земные о таинствахъ вѣры ихъ, да откроется истина ко благу людей: я когда, убѣжденный въ святости христіанства, онъ принялъ его отъ Грековъ, Новгородцы, разумѣе другихъ племенъ славянскихъ, изъявили и болѣе ревности къ новой истинной вѣрѣ. Имя Владиміра священно въ Новѣгородѣ; священна и любезна память Ярослава: ибо онъ первый изъ князей русскихъ утвердилъ законы и вольность Великаго града. Пусть дерзость называетъ отцовъ нашихъ неблагодарными за то, что они отражали властолюбивыя предпріятія его вѣстожковъ! Духъ Ярославъ оскорбился бы въ небесныхъ селеніяхъ, если бы мы не умѣли сохранить древнихъ правъ, освященныхъ его именемъ. Онъ любилъ Новгородцевъ, ибо они были свободны; ихъ признательность радовала его сердце, ибо только души свободныя могутъ быть признательными: рабы повинуются и ненавидятъ!“ (стр. 175—178). Марѳа старается ослабить силу впечатлѣнія, произведеннаго на народъ рѣчью Холмскаго и разбираетъ каждое его положеніе и наконецъ, дойдя до заслугъ князя Іоанна, на которыя указалъ Холмскій, она говоритъ: „Да будетъ великъ Іоаннъ, но да будетъ великъ и Новгородъ! Да славится князь Московскій истребленіемъ враговъ христіанства, а не друзей и не братій земли русской, которыми она еще славится въ мірѣ! да прерветъ оковы ея, не возлагая ихъ на добрыхъ и свободныхъ новгородцевъ! Еще Ахматъ дерзаетъ называть его своимъ данникомъ: да идетъ Іоаннъ противъ монгольскихъ

варваровъ, и вѣрная дружина наша откроетъ ему путь къ стану Ахматову“! (стр. 182). Обращаясь къ Новгороду, она сказала: „Знай, о Новгородъ! что съ утратою вольности изсохнѣетъ и самый источникъ твоего богатства: она оживляетъ трудолюбіе, прощряетъ серпы и златитъ нивы; она привлекаетъ иностранцевъ въ наши стѣны съ сокровищами торговли, она же окрыляетъ суда новгородскіе, когда они съ богатымъ грузомъ по волнамъ несутся... Бѣдность, бѣдность накажетъ недостойныхъ гражданъ, не умѣвшихъ сохранить послѣдія отцевъ своихъ! Померкнетъ слава твоя, градъ великій, опустѣютъ многолюдные концы твои: широкія улицы заростутъ травою, и великолѣпіе твоё, исчезнувъ на вѣки, будетъ баснею народовъ. Напрасно любопытный странникъ среди печальныхъ развалинъ захочетъ искать того мѣста, гдѣ собиралось вѣче, гдѣ стоялъ домъ Ярославовъ и мраморный образъ Вадима: никто ему не укажетъ ихъ. Онъ задумается горестно и скажетъ только: здѣсь былъ Новгородъ“!... (стр. 184). Но страшный вопль народа больше не далъ говорить посадницѣ. „Нѣтъ, нѣтъ! мы всё умремъ за отечество“! воскликнули безчисленные голоса. „Новгородъ государь нашъ! да явится Іоаннъ съ воинствомъ“!... Но посреди шума народнаго вдругъ раздается на площади страшный трескъ и громъ, и всѣ съ ужасомъ увидѣли, что высокая башня Ярославова, новое гордое зданіе народнаго богатства, пала съ вѣчевымъ колоколомъ и дымится въ своихъ развалинахъ, и въ то же время слышался голосъ, подобный глухому стону: „о Новгородъ! такъ падетъ слава твоя: такъ исчезнетъ твое величіе“! Ночью тысячскіе и бояре съ гражданами отрыли вѣчевой колоколъ и повѣсили на другой башнѣ.

Во второй книгѣ описывается приготовленіе новгородцевъ къ войнѣ, избраніе полководца Мірослава и женитьба его на Ксеніи, дочери Марѣи посадницы, что составляетъ романическій элементъ повѣсти. Затѣмъ помѣщенъ разсказъ о посольствѣ въ Новгородъ польскаго короля Казимира, съ предложеніемъ помощи въ войнѣ съ княземъ Московскимъ. Марѣа съ гордостью отвергла его предложеніе. „Лучше погибнуть отъ руки Іоанновой, нежели спастись отъ вашей, съ жаромъ отвѣтствуетъ Марѣа. Когда вы не были лютыми врагами народа русскаго? когда міръ надѣялся на слово польское? Давно ли самъ невѣрный Амуратъ удивлялся вѣроломству вашему? И вы дерзаете мыслить, что народъ великодушный захочетъ упасть на колѣни предъ вами? Тогда бы Іоаннъ сираведливо укорялъ насъ измѣною. Нѣтъ! если угодно небу, то мы падёмъ съ мечемъ въ рукѣ предъ княземъ Московскимъ: одна кровь течетъ въ жилахъ нашихъ; русскій можетъ покориться русскому, но чужеземцу—никогда, никогда“! (стр. 203). Новгородцы вздумали обратиться за помощью къ Псковитянамъ, но Псковитяне посовѣтовали имъ покориться Іоанну. Съ конца второй главы начинается описаніе сра-

женія новгородцевъ съ Московскимъ войскомъ, а въ третьей книгѣ изображается побѣда Московскаго князя и покореніе Новгорода. Повѣсть оканчивается трагическою сценою казни Марыи посланницы и возворненіемъ въ Новгородъ знамени и власти Московскаго князя. „Вѣчевой колоколъ, говоритъ авторъ, былъ снятъ съ древней башни и отвезенъ въ Москву: народъ и нѣкоторые знаменитые граждане далеко провожали его. Они шли за нимъ съ безмолвною горестію и слезами, какъ дѣти за гробомъ отца своего“ (стр. 233).

„Бѣдная Лиза“, „Наталя боярская дочь“ и „Марья посланница“ составляютъ главные литературныя произведенія Карамзина. Кромѣ того въ своихъ журналахъ онъ напечаталъ много разныхъ статей и разсужденій по разнымъ научнымъ и общественнымъ вопросамъ.

Разсужденіе о любви къ отечеству и народной гордости.
„Все народное ничто предъ человѣческимъ, говорилъ Карамзинъ въ „Письмахъ русскаго путешественника“: главное дѣло быть людьми, а не славянами: что выдуманно французами, нѣмцами и англичанами, то мое, ибо я человѣкъ“. Въ послѣдствіи Карамзинъ увидѣлъ, что все человѣческое существуетъ и можетъ обнаруживаться только въ народной формѣ, что для того, чтобы быть людьми, непременно нужно принадлежать къ какому-нибудь народу, къ какому-нибудь обществу, что понятія: человѣкъ и человѣчество суть понятія отвлеченныя, а въ дѣйствительности существуютъ французы, нѣмцы, англичане, русскіе; что хотя все, пріобрѣтенное разными народами, принадлежитъ всему человѣчеству, но не все, пріобрѣтенное однимъ народомъ, можетъ быть пригодно другому народу, ибо каждый народъ можетъ, кромѣ общихъ потребностей, имѣть другія потребности, возникающія въ дѣйствіе разныхъ условий народной жизни, условий климатическихъ, историческихъ и социальных.— Въ дѣйствіе этого Карамзинъ, не переставая сочувствовать европейскому образованію, наукѣ, искусству, явился горячимъ проповѣдникомъ патріотизма въ своемъ разсужденіи „О любви къ отечеству и народной гордости“. Здѣсь онъ доказываетъ, что человѣкъ не можетъ жить внѣ своего народа, что онъ связанъ съ нимъ такими узами, разорвать которыя не возможно. Эти узы составляютъ тѣ формы жизни, которыя созданы почвою и климатомъ страны, религіозными и политическими учрежденіями, правами и обычаями, которыя и составляютъ народность. На основаніи этихъ коренныхъ началъ любви къ отечеству, онъ раздѣляетъ ее на три вида: физическую, нравственную и политическую. Любовь физическая есть привязанность къ мѣсту своего рожденія и воспитанія. „Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ; есть дѣло при-

роды, и должна быть названа физическою. Родина мила сердцу не мѣстными красотою, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества... Таиландецъ, рожденный почти во гробѣ природы, не смотря на то любить хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе сѣнга: они напоминаютъ ему отечество!—Самое расположеніе первъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, пріазываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться въ воздухѣ; не даромъ житель Гельвенціи, удаленный отъ сѣбныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію: а возвращаясь въ лѣкій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется“ (466).—Нравственная любовь къ отечеству возникаетъ и развивается въ той средѣ, въ которой происходитъ воспитаніе и образованіе человѣка. „Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ соображается съ нашею; дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ: служить предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій, и обрамляется въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе: ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единосемцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ излить душу въ искреннихъ разговорахъ!... На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить голландскаго патріота, который, по ненависти къ Штатгальтеру и Оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Нюна и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, бібліотека; ели подъ окномъ, онъ видѣлъ предъ собою великолѣпнѣйшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не зная его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ, и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: „никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить согражданъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ и живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно пріучать себя къ новостямъ, и мнѣ скучно!“ (466—468).—„Но физическая

и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляетъ еще той великой добродѣтели, которою славилсь греки и римляне. Патріотизмъ есть любовь къ благу и славѣ отечества и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія, и потому не всѣ люди имѣютъ его. Самая лучшая философія есть та, которая основывается на обязанности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная: что его просвѣщеніе окружаетъ насъ, самихъ многими удовольствіями въ жизни: что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственнымъ наслажденіямъ; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе гордость народную, которая служитъ опорой патріотизма“ (стр. 468). Затѣмъ онъ указываетъ на главныя эпохи въ древней и новой исторіи Россіи, знаменитыя событія, подвиги и успѣхи въ наукахъ, искусствахъ и цивилизаціи, составляющія славу Россіи и должествующія служить основаніемъ патріотизма и наконецъ очень скромно въ заключеніе упрекать русскихъ людей въ слабости патріотизма, въ недостаткѣ любви къ своему родному, особенно въ области отечественной науки, отечественнаго языка и словесности. „Расположеніе души моей, слава Богу, совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу: по я осмѣлюсь помянуть многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше парижскихъ жителей всѣ произведенія французской литературы, не хотятъ и взглянуть на русскую книгу. Того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о русскихъ талантахъ? Пусть же читаютъ французскіе и нѣмецкіе критическіе журналы, которые отдають справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ. Кому не будетъ обидно походить на Даламбертову мамку, которая живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала отъ другихъ, что онъ умный человѣкъ? Нѣкоторые извиняются худымъ знаніемъ русскаго языка: это извиненіе хуже самой вины. Языкъ нашъ выразителецъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой, живописной поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармонією, нежели французскій; способнѣе для изліянія души въ тонахъ: представляетъ болѣе аналогическихъ словъ, т. е. сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ они коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по французски и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственного языка: мудрено ли, что не умѣемъ изъяснять имъ нѣкоторыхъ тонкостей

въ разговорѣ? Одинъ иностранный министръ сказалъ при мнѣ, что „языкъ нашъ долженъ быть весьма темень, ибо русскіе, говоря имъ, по его замѣчанію, не разумѣютъ другъ друга, и тотчасъ должны прибѣгать къ французскому“. Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ? Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть самъ собою, чтобы сказать: я существую нравственно!... Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и пужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ!“ (стр. 473—475).

Переписка Мелодора и Филалета. Взгляды Карамзина на французскую революцію и вообще на современные событія въ мірѣ выразились въ перепискѣ двухъ друзей Мелодора и Филалета. Ужасы революціи глубоко потрясли чувствительное сердце Карамзина и возбудили было въ немъ отчаяніе за будущую судьбу человѣчества; особенно онъ боялся за участь науки и новаго просвѣщенія, въ которомъ невѣжественные люди находили источникъ пагубныхъ идей, приведшихъ къ такому кровавому перевороту. Но время и размышленіе значительно измѣнили его взглядъ и вызвали болѣе примирительное и успокоительное воззрѣніе. Первый взглядъ — мрачный — выраженъ въ письмѣ Мелодора, другой — успокоительный — въ письмѣ Филалета. „Конечъ нашего вѣка, говоритъ Мелодоръ, почитали мы концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества, и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее соединеніе теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣятельностію; что люди, увѣрясь нравственнымъ образомъ въ изысканности законовъ чистаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности, и подъ сѣнію мира, въ кровѣ тишины и покоя, наслаждаться истинными благами жизни. О Филалетъ! гдѣ теперь сія утѣшительная система?... Она разрушилась въ своемъ основаніи! Осьмой-надесять вѣкъ кончается: что же видишь ты на сценѣ міра? — Осьмой-надесять вѣкъ кончается, и несчастный филантропъ мѣрятся двумя шагами могилу свою, чтобы лечь въ ней съ обманутымъ, растерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза на вѣки!“ (ч. III, 438—439)... „Вѣкъ просвѣщенія! я не узнаю тебя — въ крови и пламени не узнаю тебя — среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя!... Свирѣпая война опустошаетъ Европу, столицу искусствъ и наукъ, хранилище всѣхъ драгоценностей ума человѣческаго; драгоценностей, собранныхъ вѣками; драгоценностей, на которыхъ основывались всѣ планы мудрыхъ и добрыхъ!.. Мизософы (ненавистники наукъ) торжествуютъ: „Вотъ плоды вашего просвѣщенія! говорятъ они; вотъ

плоды вашихъ наукъ, вашей мудрости! Гдѣ воспылалъ огонь раздора, мятежа и злобы? Гдѣ первая кровь обагрила землю? и за что?... И откуда взялись сіи пагубныя идеи?... Да погибнуть же ваша философія!...“ .....Такъ, мой другъ, паденіе наукъ кажется мнѣ не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ: не только вѣроятнымъ, но даже неминуемымъ, даже близкимъ. Когда же падутъ онѣ.... когда ихъ великолѣпное зданіе разрушится, благотѣльные лампы угаснутъ—что будетъ? Я ужасаюсь, и чувствую трепетъ въ сердцѣ!“ (стр. 439—441). Въ этомъ отчаяніи за участь и будущую судьбу человѣчества Филалетъ утѣшается Мелодора слѣдующими размышленіями. „Новыя ужасныя происшествія Европы разрушили всю прежнюю утѣшительную систему твою, разрушили и повергнули тебя въ море неизвѣстности и недоумѣвій.. Вздыхаю, подобно тебѣ, о бѣдствіяхъ человѣчества и признаюсь искренно, что грозныя бури нашихъ временъ могутъ поколебать систему всякаго добродушнаго философа. Но неужели, другъ мой, не найдемъ мы никакого успокоенія во глубинѣ сердецъ нашихъ? Ужели, въ отчаяніи горести, будемъ проклинать міръ, природу и человѣчество? Ужели откажемся на вѣки отъ своего разума и погрузимся во тьму унынія и душевнаго бездѣйствія?—Нѣтъ, нѣтъ! сіи мысли ужасны. Сердце мое отвергаетъ ихъ, и, сквозь густоту ночи, стремится къ благотворному свѣту, подобно мореплавателю, который въ гибельный часъ кораблекрушенія—въ часъ, когда всѣ стихіи угрожаютъ ему смертію—не теряетъ надежды, сражается съ волнами и хватается рукою за плывущую доску“ (447—448)... „Неужели, видя Бога въ естественномъ мірѣ, видя руку Его въ теченіи планетъ, въ порядкахъ солнечныхъ, въ перемиѣхъ годовыхъ временъ и во всѣхъ физическихъ явленіяхъ нашей земной обители, будемъ мы отрицать Его солѣйствіе въ одномъ нравственномъ мірѣ, который по существу своему долженъ быть, если смѣю сказать, ближе перваго къ сердцу великаго Божества? Соглашаюсь, что порядокъ нравственный не столь ясенъ для насъ, какъ порядокъ физическій: но сіе затрудненіе не происходитъ ли отъ слабости нашего разума? Можетъ быть единственно отъ того мы и не постигаемъ нравственной гармоніи, что она есть высочайшая, совершеннѣйшая“ (449). Филалетъ совѣтуетъ Мелодору имѣть вѣру въ Провидѣніе: „сія драгоцѣнная вѣра можетъ чудеснымъ образомъ успокоить доброе сердце, возмущенное страшными феноменами на театрѣ міра. Вкуси сладость ея, мой любезный другъ, и лучъ утѣшенія кротко озаритъ мракъ души твоей!—Горе той философіи, которая все рѣшить хочетъ“ (450). „Сѣмя добра есть въ человѣческомъ сердцѣ и не исчезнетъ во вѣки: рука Провидѣнія хранитъ его отъ хлада и бурь. Теперь свирѣпствуютъ аквилоны; но рано или поздно настанетъ благотѣльная весна, и сѣмя распустится отъ животворнаго дыханія зе-

фировъ"... „Соглашаюсь съ тобою, что мы нѣкогда излишне величали осмой-надесять вѣкъ, и слишкомъ много ожидали отъ него. Присшествія доказали, какимъ ужаснымъ заблужденіямъ подвержены еще разумъ нашихъ современниковъ. Но я надѣюсь, что впереди ожидаютъ насъ лучшія времена; что природа человѣческая болѣе усовершенствуется—напримѣръ, въ девятнадцатомъ вѣкѣ—правдивость болѣе исправится, разумъ, оставивъ всѣ химерическія предпріятія, обратится на устройство мирнаго блага жизни, и зло настоящее послужитъ къ добру будущему"... „Знаю, что распространеніе нѣкоторыхъ ложныхъ идей надѣлало много зла въ наше время; но развѣ просвѣщеніе тому виною? Развѣ науки не служатъ напротивъ того средствомъ къ открытію истины и къ разсѣянію заблужденій, пагубныхъ для нашего спокойствія"... „Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ! я имѣю довѣренность къ мудрости властителей, и спокоенъ; имѣю довѣренность ко благодати Всевышняго, и спокоенъ. Нѣтъ! свѣтильникъ наукъ не угаснетъ на земномъ шарѣ" (452—453).

Нѣчто о наукахъ. Съ перенесеніемъ Мелодора и Филалета тѣсно связана по предмету статья Карамзина: „Нѣчто о наукахъ“, въ которой онъ разбираетъ извѣстное разсужденіе Руссо о вредѣ наукъ и въ которой онъ является горячимъ апологетомъ науки и просвѣщенія. Разсужденіе Руссо: „Discours sur la question proposée par l'Academie de Dijon, si le rétablissement des sciences et des arts a contribué à épurer les mœurs“? было вызвано современнымъ состояніемъ наукъ и просвѣщенія во Франціи, которыя имѣли такое превратное и гибельное направленіе, что могли подавать поводъ къ самымъ сильнымъ возраженіямъ противъ всякаго просвѣщенія, науки и цивилизаціи. Руссо это состояніе и привело къ такому заключенію, которое онъ и доказываетъ въ своемъ разсужденіи, что чѣмъ больше человѣкъ учится и развивается, тѣмъ болѣе онъ портится въ нравственномъ отношеніи и становится несчастнѣе въ жизни, что единственное средство для того, чтобы уничтожить зло или положить конецъ испорченности, заключается въ томъ, чтобы возвратиться къ природѣ, къ простымъ и естественнымъ принципамъ первоначальныхъ человѣческихъ обществъ, когда еще не было ни науки, ни искусства, но не было и испорченности нравовъ. Ближайшимъ поводомъ для Карамзина къ разбору этого разсужденія была, какъ онъ замѣчаетъ, „новая піеса одного неизвѣстнаго нѣмецкаго автора (написанная подъ вліяніемъ Руссо), въ которой бѣдныя науки страдаютъ ужаснымъ образомъ“.— „Былъ человѣкъ,—такъ начинается Карамзинъ свою статью,—и человѣкъ великій, незабвенный въ лѣтописяхъ философіи, въ исторіи людей—былъ человѣкъ, который со всѣмъ блескомъ красно-

рѣчія доказывалъ, что просвѣщеніе для насъ вредно, и что науки несомѣстны съ добродѣтелию! И чту великія твои дарованія, краснорѣчивый Руссо! Уважаю истины, отърытыя тобою современникамъ и потомству... люблю тебя за доброе твое сердце, за любовь твою къ человѣчеству; но признаю мечты твои мечтами, парадоксы парадоксами“ (373). Приступая къ самому разбору разсужденія, Карамзинъ замѣчаетъ, что прежде всего надобно опредѣлить, что такое науки и искусства. „Не смотря на разные классы наукъ, онѣ суть не что иное, какъ познаніе натуры и человѣка, или система свѣдѣній и умствованій, относящихся къ симъ двумъ предметамъ“ (375)... „Отъ чего произошли онѣ? Отъ любопытства, которое есть одно изъ сильнѣйшихъ побужденій души человѣческой: любопытства, соединеннаго съ разумомъ... Не сама ли природа вложила въ насъ сію живую склонность къ знаніямъ?... Не она ли призываетъ насъ къ наукамъ? Можетъ ли человѣкъ быть безчувственъ тогда, когда громы натуры гремятъ надъ его головою; когда страшные огни ея пылаютъ на горизонтѣ и разсѣкаютъ небо; когда моря ея шумятъ и ревуть въ необозримыхъ своихъ равнинахъ; когда она цвѣтетъ предъ нимъ въ зеленой одеждѣ“ (376)... „Можно сказать, что науки были прежде университетовъ, академій, профессоровъ, магистровъ, бакалавровъ. Гдѣ натура, гдѣ человѣкъ, тамъ учительница, тамъ ученикъ—тамъ наука. Хотя первыя понятія дикихъ людей были весьма недостаточны, но они служили основаніемъ тѣхъ великолѣпныхъ знаній, которыми украсилась вѣкъ нашъ; они были первымъ шагомъ къ великимъ открытіямъ Невтоновъ и Лейбницева“ (378).—„Что суть искусства?—Подражаніе натурѣ. Густыя, сросшія вѣтви были образцемъ первой хижины и основаніемъ архитектуры; вѣтеръ, вѣявшій въ отверстіе соломенной трості или на струны лука, и поющія птички научили насъ музыкѣ, тѣнь предметовъ—рисованію и живописи. Горлица, сѣтующая на вѣтви объ умершемъ дружкѣ своемъ, была наставницею перваго элегическаго поэта“ (380). — „Итакъ науки и искусства необходимы: ибо онѣ суть плодъ природныхъ склонностей и дарованій человѣка и соединены съ существомъ его, подобно какъ дѣйствія соединяются съ причиною, т. е. союзомъ неразрывнымъ. Успѣхи ихъ показываютъ, что духовная натура наша въ теченіи временъ, подобно какъ золото въ горнилѣ, очищается и достигаетъ большаго совершенства; показываютъ великое наше преимущество предъ всѣми иными животными, которыя отъ начала міра живутъ въ одномъ кругѣ чувствъ и мыслей, между тѣмъ какъ люди безпрестанно его распространяютъ, обогащаютъ, обновляютъ“ (381). Затѣмъ Карамзинъ опровергаетъ тѣ возраженія, какія дѣлаютъ противъ наукъ, именно: 1) науки портятъ нравы, чему доказательствомъ служить просвѣщенный восемнадцатый вѣкъ;

2) Спарташцы не знали ни наукъ, ни искусствъ, и были добродѣтельнѣе прочихъ грековъ и были неспособны. Когда невѣжество царствовало въ Римѣ, тогда Римляне повелѣвали міромъ; но Римъ просвѣтился, и сѣверные варвары наложили на него цѣпи рабства; 3) въ наукахъ много заблужденій; 4) на науки и искусства слишкомъ много тратится драгоцѣннаго времени; 5) люди, занимающіеся науками, нерѣдко имѣютъ порочные нравы. Разобравъ подробно эти возраженія, онъ оканчиваетъ статью слѣдующимъ воззваніемъ: „Такъ, просвѣщеніе есть палладіумъ благонравія, и когда вы, вы, которымъ вышняя Власть поручила судьбу человѣковъ, желаете распространить на землѣ область добродѣтели, то любите науки, и не думайте, чтобы онѣ могли быть вредны: чтобы какое-нибудь состояніе въ гражданскомъ обществѣ долженствовало пресмыкаться въ грубомъ невѣществѣ,—нѣтъ! Сіе златое солнце сіяетъ для всѣхъ на голубомъ сводѣ, и все живущее согрѣвается его лучами; сей текущій кристалль утоляетъ жажду и властелина и невольника; сей столѣтній дубъ обширною своею тѣнію прохлаждаетъ и пастуха и героя. Всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ сердце: слѣдственно всѣ могутъ наслаждаться плодами искусства и науки—и кто наслаждается ими, тотъ дѣлается лучшимъ человѣкомъ и спокойнѣйшимъ гражданиномъ—спокойнѣйшимъ, говорю: ибо находя вездѣ и во всемъ тысячу удовольствій и пріятностей, не имѣетъ онъ причины роптать на судьбу и жаловаться на свою участь“... „Законодатель и другъ человѣчества! ты хочешь общественнаго блага: да будетъ же первымъ закономъ твоимъ—просвѣщеніе!“ (399—400; 402)

Разговоръ о счастіи. „Переписка Мелодора и Филалета“ и „Нѣчто о наукахъ“ отличаются свѣтлымъ колоритомъ: всѣ диссонансы въ природѣ, всѣ неурядицы и катастрофы въ мірѣ нравственномъ авторъ старается примирить, затушевать, какъ настоящій послѣдователь оптимизма; но всего рѣзче и полнѣе оптимистическое направленіе Карамзина выразилось въ „Разговорѣ о счастіи“ тѣхъ же двухъ друзей Мелодора и Филалета, какъ въ Перепискѣ. Мелодоръ представляется пессимистомъ, Филалетъ—оптимистомъ.

Мелодоръ. „Утѣшенія! гдѣ найти его въ этомъ хаосѣ заблужденій, обмановъ и безчисленныхъ золъ всякаго рода? И смотрѣлъ, мыслялъ, говорилъ съ философами, съ сердцемъ своимъ—я готовъ прыгнуть съ земнаго шара“ (478).

Филалетъ. Я помню слова одного философа. „Есть ли счастіе?“ спросилъ у него любопытный человѣкъ.—„Люди съ начала міра ищутъ его и по сіе время не нашли, отвѣчалъ онъ: слѣдственно...“ „Слѣдственно его нѣтъ?“ сказалъ любопытный.—„Однакожь, про-

должалъ мудрецъ, если бы оно было не что иное, какъ пустой фантомъ, то люди давно бы уже перестали искать его: но какъ они все упорствуютъ въ своихъ мысляхъ и все ищутъ, то надобно... „Чтобъ оно существовало? Два противныя слѣдствія: которое же справедливо?“ спросилъ опять любопытный. Рѣши самъ! отвѣчалъ философъ; завернулся въ свою мантию и замолчалъ.

Мелодоръ. Надѣюсь, что ты будешь снисходительнѣе этого философа, и скажешь мнѣ, есть ли, по твоему мнѣнію, истинное счастье въ мірѣ? можетъ ли человѣкъ найти его?

Филалетъ. Нѣтъ и есть! не можетъ и можетъ! (479—480).

Богу не угодно было даровать человѣку совершеннаго блаженства въ здѣшней жизни: оно невозможно по образованію души нашей... Но если счастье состоитъ въ томъ, чтобы находить въ жизни многія истинныя пріятности, не скучать ею, не роптать на судьбу, быть довольнымъ: то оно возможно и дано человѣку.

Мелодоръ. Какъ же я буду доволенъ, когда...

Филалетъ. Будешь, повинаясь сердцу и разсудку. Первое велитъ искать удовольствій, а послѣдній однихъ невинныхъ удовольствій, согласныхъ съ законами природы и мудрости (483).

Я не люблю стойковъ, которые чернымъ сукномъ одѣваютъ всю природу и заранѣе кладутъ сердце въ холодную могилу. Нѣтъ, нѣтъ! Природа любитъ одѣваться зеленью и цвѣтами: она дала намъ чувства для того, чтобы улаждать ихъ; дала намъ разсудокъ для того, чтобы выбрать лучшія наслажденія: дала страсти для того, что онѣ нужны, необходимы для дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ.

Страсти въ своихъ границахъ благотѣльны, внѣ границъ пагубны (484).

Природа употребила со своей стороны всѣ средства удержать наши страсти въ естественномъ или (что все одно) въ благомъ ихъ теченіи, соединивъ съ истиннымъ путемъ живое удовольствіе, а съ заблужденіемъ горе и страданіе. ...Природа не виновата, если мы несчастливы и врожденныя склонности, источникъ вѣрныхъ благъ, превращаемъ въ источникъ золь, вопреки ея добродушію. Человѣкъ долженъ быть творцомъ своего благополучія, приводя страсти въ счастливое равновѣсіе, и образуя вкусъ для истинныхъ наслажденій (490—491).

Истинный философъ или (что все одно) истинно благоразумный человѣкъ смотритъ на міръ съ того мѣста, на которое онъ поставленъ судьбою: ищетъ удовольствій на своемъ горизонтѣ, вокругъ себя; пользуется тѣмъ что у него подъ рукою; знаетъ, что всякое состояніе въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ свои пріятности и непріятности, и для того покойно остается въ своемъ, не завидуя никому (498).

Люди, рожденные въ изобиліи, въ излишествѣ всего пужаго для физическаго бытія; люди праздные живутъ противъ своего назначенія, противъ естественной цѣли, и за усиленіе силъ своихъ, данныхъ имъ для дѣйствія, наказываются скукою, всегдашнимъ безпокойнымъ чувствомъ, которое тревожить, томить, изпуряетъ ихъ, и которое можно назвать душевною чахоткою. Чтобы избавиться отъ такой мучительной болѣзни, они должны возвратиться къ природѣ и произвольно отдаться подъ ея законъ, который велитъ жить и работать; надобно, чтобы трудъ, отдыхъ, забава, были также тремя главными эпохами жизни ихъ... Натура не дѣлаетъ ничего безъ цѣли. Работа есть соль удовольствій, и безъ будней нѣтъ праздника (499).

Чернить нравственный міръ, изливать на людей желчь ненависти, многіе почитаютъ философіею; но сохрани насъ Богъ отъ язвы, голода и такой философіи! Люди дѣлаютъ много зла — безъ сомнѣнія — но злодѣевъ мало; заблужденіе сердца, безразсудность, недостатокъ просвѣщенія, виною дурныхъ дѣлъ (502 стр.).

Вотъ мое заключеніе, вся моя система въ короткихъ словахъ: „Возможное земное счастье состоитъ въ дѣйствіи врожденныхъ склонностей, покорныхъ разсудку — въ нѣжномъ вкусѣ, обращенномъ на природу — въ хорошемъ употребленіи физическихъ и душевныхъ силъ. Безпрестанное наслажденіе такъ же невозможно, какъ безпрестанное движеніе; машину надобно заводить для хода, а работа заводитъ душу для чувства новыхъ удовольствій. Быть счастливымъ, есть быть вѣрнымъ исполнителемъ естественныхъ мудрыхъ закопей; а какъ они основаны на общемъ добрѣ и противны злу, то быть счастливымъ есть... быть добрымъ“ (503).

Но Карамзинъ не остался навсегда вѣренъ этой утѣшительной системѣ, изложенной имъ въ 1797 г. Въ 1803 г., слѣдовательно чрезъ 6 лѣтъ послѣ этого, онъ уже возставалъ противъ оптимизма, какъ противъ утопіи или игры ума въ своей статьѣ: „О счастливѣйшемъ времени въ жизни“⁽¹⁾. „Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость; однакожъ не думаю, чтобы трактать его въ самомъ дѣлѣ утѣшалъ старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство. Можно ли хвалить болѣзнь? а старость сестра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствія натуры и всѣ феномены ея для насъ благотворны — въ общемъ планѣ, быть можетъ; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, то человѣку и нельзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношеніи. Оптимизмъ есть не философія, а игра ума: философія занимается только ясными исти-

(1) Сочин. Карамз. т. III, 327—33.

нами, хотя и печальными: отвергаетъ дождь, хотя и пріятную. Творецъ не хотѣлъ для человѣка снять завѣсы съ дѣлъ своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть силы удостовѣренія. — Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчество, сіе вѣсгданнее бореііе слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна: вопреки Лейбницу и Пону, здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе: сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при вхоѣ и выходѣ: а въ срединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ: возможное на землѣ счастье, столь рѣдкое, омрачается мыслию, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ. Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружають насъ недостатки“ (327—328). Но, возставая противъ оптимизма, Карамзинъ не вдается въ другую противоположную крайность, въ какую впадали пессимисты. „Однакожь, продолжаетъ онъ, слова: благо и счастье справедливо занимають мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другаго — вотъ благо! одному лучше, нежели другому — вотъ счастье! — Какую же эпоху жизни можно назвать счастливѣйшею по сравненію? Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть только животное), но — послѣднюю степень физической зрѣлости — время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полнотѣ своей, а тѣлесныя силы еще не слабѣють примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ Природы, для нихъ установленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашается съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій характеръ благоразумія. Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе предъ началомъ увяданія..... Не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ бы я сказать солнцу: остановися!“ (328—329; 331).

О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей. Рѣшается вопросъ, откуда взять учителей въ новыя училища? Карамзинъ думаетъ, что „Россія на первый случай можетъ единственно отъ нижнихъ классовъ гражданства ожидать ученыхъ, особенно педагоговъ“. На дворянъ надежда еще плоха. „Дворяне хотять чиновъ, купцы богатства чрезъ торговлю; они безъ сомнѣнія будутъ учиться, но только для выгодъ своего особеннаго состоянія, а не

для успѣховъ самой науки, не для того, чтобы хранить и передавать ея сокровища другимъ. Слава Богу! нигдѣ уже благородные не думаютъ, что пыльный генеалогическій свитокъ есть право быть невѣждою и занимать важнѣйшія мѣста въ государственномъ порядкѣ; но если и въ другихъ земляхъ Европы, гораздо опытнѣйшихъ и старѣйшихъ въ гражданскомъ образованіи, ученый дворянинъ есть нѣкоторая рѣдкость, то можемъ ли въ Россіи ждать благородныхъ на профессорскую кафедру? хотя—признаюсь—я душевно бы обрадовался первому феномену въ семь родѣ“ (III, 343—344).

Что нужно автору? Здѣсь выражается идеаль писателя,—идеаль этотъ вытекаетъ изъ нравственной философіи. Если Цицеронъ говорилъ: *Nemo orator, nisi vir bonus*, то Карамзинъ это требованіе прилагаетъ вообще ко всякому писателю. „Говорятъ, что автору нужны таланты и знанія: острый провицательный разумъ, живое воображеніе и проч. Справедливо, но сего не довольно. Ему надобно имѣть и доброе, нѣжное сердце, если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей: если хочетъ писать для вѣчности и собирать благословенія народовъ. Творецъ всегда изображается въ твореніи и часто противъ воли своей. Тщетно думаетъ лицемѣръ обмануть читателей и подъ златою одеждою пышныхъ словъ сокрыть желѣзное сердце; тщетно говорить намъ о мило-сердіи, состраданіи, добродѣтели! Всѣ восклицанія его холодны, безъ души, безъ жизни; и никогда питательное, эфирное пламя не польется изъ его твореній въ нѣжную душу читателя“. (III, 370). Это требованіе совершенно, разумѣется, справедливо: конечною цѣлью всякой человѣческой дѣятельности должно быть нравственное усовершенствованіе человѣка.

Моя исповѣдь. Въ статьѣ „Моя исповѣдь“ Карамзинъ изображаетъ типъ (сатирическій) образованныхъ людей того времени, получившихъ иностранное воспитаніе и живущихъ на иностранный манеръ.

Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ? „Не въ климатѣ, но въ обстоятельствахъ гражданской жизни Россіяны надобно искать отвѣта на вопросъ: „для чего у насъ рѣдки хорошіе писатели?“... Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ своего языка? Вольтеръ сказалъ справедливо, что въ шесть лѣтъ можно выучиться всѣмъ главнымъ языкамъ, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному“ (т. III, 527).

О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи. Здѣсь находится очень теплое воспоминаніе о Новиковѣ, который первый сталъ заботиться о печатаніи и распространеніи книгъ. Карамзинъ замѣчаетъ, что, по отзыву книгопродавцевъ, всего болѣе расхо-

дятся романы. При этомъ онъ защищаетъ чтеніе романовъ. „На-
прасно, говоритъ онъ, думаютъ, что романы могутъ быть вредны
для сердца: всѣ они представляютъ обыкновенно славу добродѣтели
или правоучительное слѣдствіе. Правда, что нѣкоторые характеры
въ нихъ бываютъ вмѣстѣ и приманчивы и порочны; но чѣмъ же
они приманчивы? Нѣкоторыми добрыми свойствами, которыми
авторъ закрасилъ ихъ черноту: слѣдственно добро и въ самомъ
злѣ торжествуетъ. Нравственная природа наша такова, что не удо-
длишь сердцу изображеніемъ дурныхъ людей и не сдѣлаешь ихъ
никогда его любимцами. Какіе романы болѣе всѣхъ правятся?
обыкновенно чувствительные: слезы, проливаемые читателями, те-
кутъ всегда отъ любви къ добру и питаютъ ее. Нѣтъ, нѣтъ! дур-
ные люди и романовъ не читаютъ“ (III, 549—550).... „Теперь въ
страшной молѣ Коцебу, и какъ нѣкогда парижскіе книгопродавцы
требовали „Переплетенныхъ писемъ“ отъ всякаго сочинителя, такъ
наши книгопродавцы требуютъ отъ переволчиковъ и самыхъ авто-
ровъ Коцебу, одного Коцебу“ (стр. 548). „Прежде торгаша ѣзжали
по деревнямъ съ лентами и перстнями: нынѣ ѣздятъ они съ уче-
нымъ товаромъ, и хотя по большей части сами не умѣютъ читать,
но, желая прельстить охотниковъ, рассказываютъ содержаніе ро-
мановъ и комедій, правда по своему и весьма забавно“ (стр. 547).

Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени. (1802 г.).
Въ этой статьѣ Карамзинъ прежде всего говоритъ о томъ, какую
пользу принесла французская революція. „Революція объяснила
идеи: мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ
самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть
его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства; что,
разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою
ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновен-
ныхъ злоупотребленій власти; что самое турецкое правленіе лучше
анархіи, которая всегда бываетъ слѣдствіемъ государственныхъ
потрясеній; что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета
хочетъ предписывать новые законы нравственному и политическо-
му міру, должны остаться въ книгахъ, вмѣстѣ съ другими, болѣе
или менѣе любопытными произведеніями остроумія; что учрежденія
древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть за-
мѣнена никакою силою ума; что одно время и благая воля закон-
ныхъ правительствъ должны исправить несовершенства граждан-
скихъ обществъ; и что съ сего довѣренностію къ дѣйствию времени
и къ мудрости властей должны мы, частные люди, жить спокойно,
повиноваться охотно и дѣлать все возможное добро вокругъ себя.
Французская революція, грозившая испровергнуть всѣ правитель-
ства, утвердила ихъ“ (III, 585—586)... „Прежде сей эпохи вся-

кая дерзкая книга была модною: пишѣ, напротивъ того, писатели боялся оскорбить нравственность, ибо передъ всѣмъ жива картина сѣдствій, произведенныхъ во Франціи развратомъ“ (стр. 588). Упомянувъ о томъ, что Россія находится нынѣ въ хорошемъ состояніи, онъ говоритъ: „Но патриотизмъ не долженъ ослѣплять насъ; любовь къ отечеству есть дѣйствіе яснаго разсудка, а не слѣпая страсть; и жалѣя о тѣхъ людяхъ, которые смотрятъ на вещи только съ дурной стороны, не видятъ никогда хорошаго и вѣчно жалуются, мы не хотимъ увѣрить себя, что Россія находится уже на высочайшей степени блага и совершенства“ (стр. 591).... „Давно называютъ свѣтъ бурнымъ океаномъ: но счастливъ, кто плыветъ съ компасомъ! а это дѣло воспитанія. Родители, оставляя въ наслѣдство дѣтямъ имѣніе, должны присоединить къ нему и наслѣдство своихъ опытовъ, лучшихъ идей и правилъ для счастья. Хорошо, если отецъ можетъ поручить сына мудрому наставнику; еще лучше, когда онъ самъ бываетъ его наставникомъ: ибо натура даетъ отцу такія права на юное сердце, какихъ никто другой не имѣетъ“ (стр. 593—594).

Рѣчь въ Россійской Академіи 5 Декабря 1818 г., по выборѣ Карамзина въ члены. ...„Успѣхи наукъ свидѣтельствуютъ вообще о превосходствѣ разума человѣческаго, успѣхи же языка и словесности свидѣтельствуютъ о превосходствѣ народа, являя степень его образованія. умъ и чувствительность къ изящному“ (III, 642). Указавъ заслуги Россійской Академіи по изданію Словаря, Карамзинъ одно изъ задачъ ся ставитъ — „посвятить часть досуговъ своихъ критическому обозрѣнію Россійской Словесности“ и выясняетъ далѣе, какими свойствами должна отличаться критика.

Сообразно съ своимъ добрымъ характеромъ Карамзинъ требовалъ критики снисходительной, совѣтовалъ слѣдовать „правилу, внушаемому намъ и любовью къ добру и самою любовью къ изящному: *больше хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно.* Иногда чувствительность бываетъ безъ дарованія, но дарованіе не бываетъ безъ чувствительности: должно щадить ее. Употребимъ сравненіе не новое, но выразительное: что дыханіе хлада для цвѣтущихъ растений, то излишнее строгая критика для юныхъ способностей души: мертвитъ, уничтожаетъ“ (III, 645).

Разсуждая далѣе о подражаніи русскихъ писателей иностраннымъ, Карамзинъ доказываетъ, что это подражаніе сдѣлалось неизбежнымъ послѣ реформы Петра, который сдѣлалъ насъ подобными другимъ европейцамъ, и — не находить это подражаніе дурнымъ, потому что, если производится въ мѣру и благоразумно, оно не уничтожаетъ народности, которая и въ обще-европейскомъ можетъ и даже должна обнаружиться неизбежно. „Связь между умами древнихъ и новѣйшихъ Россіянъ прервалась на вѣки (т. е. послѣ

реформы). Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но знаемъ, какъ они пишутъ: ибо живемъ, какъ они живутъ: читаемъ, что они читаютъ: имѣемъ тѣ же образцы ума и вкуса: участвуемъ въ повсемѣстномъ, взаимномъ сближеніи народовъ, которое есть сдѣлствіе самаго ихъ просвѣщенія. Красоты особенныя, составляющія характеръ словесности народной, уступаютъ красотамъ общимъ: первыя измѣняются, вторыя вѣчны. Хорошо писать для Россіянъ: еще лучше писать для всѣхъ людей. Если намъ оскорбительно идти позади другихъ, то можемъ идти рядомъ съ другими къ цѣли всемірной для человѣчества, путемъ своего вѣка. Тамъ нѣтъ *бездушнаго подражанія*, гдѣ говорить умъ или сердце, хотя и *общимъ* языкомъ времени: тамъ есть *особенность лица* или характеръ, всегда новый, подобно какъ всякое твореніе физической природы входитъ въ классъ, въ статью, въ семейство ему подобныхъ, но имѣетъ свое частное значеніе. Съ другой стороны, Великій Петръ, измѣнивъ многое, не измѣнилъ всего кореннаго русскаго: для того ли, что не хотѣлъ, или для того, что не могъ: ибо и власть самодержавцевъ имѣетъ предѣлы. — Сходствуя съ другими европейскими народами, мы и разнствуемъ съ ними въ нѣкоторыхъ способностяхъ, обычаяхъ, навыкахъ, такъ, что хотя и не можно вполне отличить руссіанина отъ британца, но всегда отличимъ руссіанъ отъ британцевъ: *со множествъ* открывается *народное*. Сію истину отнесемъ и къ словесности: будучи зеркаломъ ума и чувства народнаго, она также должна имѣть въ себѣ нѣчто особенное, незамѣтное въ одномъ авторѣ, но явное во многихъ. Имѣя вкусъ французовъ, имѣемъ и свой собственный: хвалимъ, чего они не хвалятъ; молчимъ, гдѣ они восхищаются. Есть звуки сердца русскаго, есть игра ума русскаго въ произведеніяхъ нашей словесности, которая еще болѣе отличится ими въ своихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ. Молодые писатели не рѣдко подражаютъ у насъ иноземнымъ, ибо думаютъ, ложно или справедливо, что мы еще не имѣемъ великихъ образцовъ искусства: если бы сіи писатели не знали творцевъ чужеземныхъ, что бы сдѣлали? подражали бы своимъ; но и тогда списки ихъ остались бы бездушными. А кто рожденъ съ избыткомъ внутреннихъ силъ, тотъ и нынѣ, начавъ подражаніемъ, свойственнымъ юной слабости, будетъ наконецъ самъ собою—оставить путеvodителей, и свободный духъ его, какъ орелъ деревенный, уединенно воспаритъ въ горнихъ пространствахъ". (т. III, 649—651).

Стихотворенія Карамзина. Стихотворенія Карамзина ничѣмъ особеннымъ не отличаются. Они содержатъ мысли, взгляды и сужденія умнаго человѣка, изложенныя въ легкихъ и стройныхъ стихахъ. Въ нихъ, какъ въ прозаическихъ сочиненіяхъ, развивается то же успокоивающее, примиряющее воззрѣніе, какъ выраженіе

души кроткой и нѣжной, чуждающейся всего рѣзкаго и желающей всѣмъ счастья. Въ торжественныхъ одахъ, написанныхъ императору Александру, при восшествіи на престолъ, при коронаціи, и на освобожденіе Европы отъ Наполеона, нѣтъ тѣхъ военныхъ кликовъ храбрости, геройства, грома побѣдъ, какіе раздавались въ одахъ прежнихъ поэтовъ, а кроткій призывъ къ просвѣщенію, къ наукѣ, къ внутренней тишинѣ и благоустройству. Въ императорѣ Александрѣ онъ желалъ видѣть „генія покоя, героя дѣлъ мирныхъ, правоты святой“.

Монархъ! довольно лавровъ славы,
Довольно ужасовъ войны!
Бразды російскія державы
Тебѣ для счастья вручены.
Ты будешь геніемъ покоя;
Въ Тебѣ увидимъ мы героя
Дѣлъ мирныхъ, правоты святой.
Возьми — не мечъ — вѣсы Фемиды,
И бѣдный, не страшась обиды,
Найдетъ безъ злата вѣкъ золотой. (Соч. I, 201)

Идеаль его — установившійся порядокъ и защита тишины и спокойствія.

Въ правленіяхъ новое опасно,
А безначаліе ужасно.
Какъ трудно общество создать!
Оно устроилось вѣками:
Гораздо легче разрушать
Безумку съ дерзкими руками.
Не вымышляйте новыхъ бѣдъ:
Въ семь мірѣ совершенства нѣтъ. (Соч. I, 253)

Стихотворенія Карамзина, по замѣчанію Грота, представляютъ намъ въ особенности историческій и біографическій интересъ, какъ лѣтопись сердечной жизни глубоко искренняго человѣка... Всякій разъ, когда онъ выражалъ любимыя свои мысли, стихи его принимаютъ отпечатокъ одушевленія... Обыкновенная тема поэзіи Карамзина—любовь къ природѣ, къ сельской жизни, дружба, кротость, чувствительность, меланхолія, пренебреженіе къ чинамъ и богатствамъ, мечта о безсмертіи въ потомствѣ. Нѣкоторыя стихотворенія, между прочимъ пѣсни въ формѣ романа, особенно нравились современникамъ, каковы: „Законы осуждаютъ предметъ моей любви; но кто, о сердце, можетъ противиться тебѣ“—изъ повѣсти: „Островъ Борнгольмъ“; „Раиса. Древняя баллада“ („Вотъ въ ночной ярпласъ буря; сверкалъ на небѣ грозный лучъ“); „Веселый часъ“ („Братья рюмки наливайте! лейся черезъ край вино“); „Прости“ („Кто могъ любить такъ страстно, какъ я любилъ тебя“). Они переложены были на ноты и распѣвались по-

всюду; они вошли въ пѣсенники и сохранились до позднѣйшаго времени. Нѣкоторыя мысли, хотя довольно обыкновенныя, но выраженные легкими стихами, долго были ходячими пословицами въ обществѣ, какъ напр.:

Ничто не ново подъ луною:
 Что есть, то было, будетъ ввѣкъ.
 И прежде кровь лилась рѣкою,
 И прежде плакать человѣкъ,
 И прежде былъ онъ жертвой рока,
 Надежды, слабости, порока. (I, 4)

Исторія Государства Россійскаго. Капитальную заслугу Карамзина предъ русской наукой и литературой составляетъ то, что онъ написалъ „Исторію Государства Россійскаго“. Исторія эта доведена Карамзинымъ до 1611 г. и состоитъ изъ 12-ти томовъ. Карамзинъ смотрѣлъ на исторію такъ же, какъ смотрѣли въ эпоху Ломоносова и самъ Ломоносовъ — съ патріотической точки зрѣнія, какъ на собраніе примѣровъ для прославленія предковъ и для назиданія потомковъ, когда образцами для историковъ служили еще классическіе историки, Геродотъ и Титъ Ливій.

Въ предисловіи къ исторіи (въ 1815 г.) онъ говоритъ: „Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная и необходимая; зеркало ихъ бытія и дѣятельности: скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго. Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ и согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастье. Но и простой гражданинъ долженъ читать исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственнѣхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества... Если всякая исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое, или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить о немъ, ни хвалить,

ни охуждать его. Мы все граждане— въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и Абиссиніи: личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть Греки, Римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славъ и бѣдствіямъ: по нимъ русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Омиастокла и Сципіона. Всемирная исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а руссiйская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Полхова, Дибра, Дюна, когда мы знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хитины Гльца, Козельска, Галича дѣлаются любовными памятниками, и ибные предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины предъ нами“. Представляя свою Исторію императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ въ 1816 г., онъ характеръ и направленіе ея выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Я писалъ съ любовью къ отечеству, по благу людей въ гражданскомъ обществѣ и къ святымъ уставамъ правдивности“. Дѣйствительно, нравственный идеалъ господствуетъ во всей исторіи. Съ точки зрѣнія этого идеала оцѣниваются все историческіе дѣятели. Описывая дѣянія древне-русскихъ князей и царей, Карамзинъ преимущественно изображаетъ добродѣтельные подвиги. Онъ одобряетъ ту политику, которая согласна съ естественною справедливостью. Это особенно выражено при оцѣнкѣ дѣятельности Іоанна Калиты. Прославляя его за утвержденіе великокняжеской власти, Карамзинъ не прощаетъ ему убіенія Александра Тверскаго, потому что „правила нравственности выше всехъ иныхъ и служатъ основаніемъ истинной политики“. По поводу замысла Казимира убить Іоанна III, онъ говоритъ: „никогда выгода государственная не можетъ оправдать злодѣянія; нравственность существуетъ не только для частныхъ людей, но и для государей: они должны такъ поступать, чтобы правила ихъ дѣяній могли быть общими законами“. Поэтому онъ особенно строгому суду подвергаетъ Іоанна Грознаго, Бориса Годунова, Лжедмитрія, Басманова, Шуйскаго. „Превосходя всехъ вельможъ дарованіями, Борисъ не имѣлъ только... добродѣтели: видѣлъ въ ней не цѣль, а средство къ достиженію цѣли; не могъ одолѣть искушеній тамъ, гдѣ зло казалось для него выгодно,—и проклетіе вѣковъ заглушаетъ въ исторіи его добрую славу“. Карамзинъ назвалъ свою исторію „Исторіей Государства Россійскаго“. Онъ изображаетъ въ ней, какъ образовалось государство руссiйское, какъ установился въ немъ государственный порядокъ. Государственный порядокъ невозможенъ безъ самодержавія, которое даетъ государству единство,

могущество, независимость: поэтому исторія преимущественно слѣдитъ за возникновеніемъ, развитіемъ и утвержденіемъ самодержавія: поэтому тѣ эпохи, лица и событія, которыя способствовали торжеству этого начала, изображаются съ особенною подробностью. Эпоху Іоанна III онъ считаетъ эпохою высшего развитія самодержавія, а съ лицъ самого Іоанна III онъ выдѣляетъ идеаль самодержавнаго монарха.

Въ связи съ Исторіей Карамзина стоитъ его „Записка о древней и новой Россіи“, въ которой онъ высказалъ свой взглядъ на современное ему состояніе Россіи и представилъ свои сужденія о государственныхъ реформахъ въ царствованіе императора Александра. Записка эта служитъ дополненіемъ и поясненіемъ Исторіи Государства Россійскаго.—При вѣхъ реформахъ у Карамзина на первомъ планѣ стоитъ уваженіе къ прошлому и настоящему Россіи: для него дороти историческія основы народнаго быта: поэтому онъ хочетъ примиренія стараго съ новымъ, а не разрушенія перваго вторымъ. Для государства полезно удовлетворять только исторически возникшимъ потребностямъ государственной жизни, но положительно вредно вводить реформы, несогласныя съ коренными ея основами. Карамзинъ является консерваторомъ въ полномъ значеніи этого слова. Консервативная точка зрѣнія заставила его измѣнить свой прежній космополитическій взглядъ на реформу Петра, высказанный имъ въ „Письмахъ Русскаго Путешественника“. Онъ порицаетъ Петра за неумѣренную страсть подражать европейскимъ народамъ въ ущербъ народному духу: „Духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ. Онъ есть не что иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Любовь къ отечеству питается народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Государство можетъ заимствовать отъ другаго разныя полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе... Съ приобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ, мы утратили гражданскія. Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи.“—Въ новой исторіи образомъ государственной мудрости Карамзинъ признаетъ царствованіе Екатерины II. „Едва ли не всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было счастливѣйшимъ для гражданина Россійскаго; едва ли не всякій изъ насъ пожелалъ бы жить тогда, а не въ иное время“. Съ той же консервативной точки зрѣнія Карамзинъ смотрѣлъ и на современную ему законодательную дѣятельность Сперанскаго. Онъ осуждаетъ реформы Сперанскаго за ихъ по-

спѣшность, за излишнее уваженіе формъ государственной жизни, въ ущербъ ея содержанію. Эти реформы создавались не на исторической почвѣ, вызывались не дѣйствительными потребностями страны, а возникли изъ подражанія Европѣ. Онѣ не были прямыми, необходимыми результатами изученія Россіи, а возникли изъ теоретическихъ кабинетныхъ размышленій. Реформы Сперанскаго безцеремонно обращались съ тѣмъ, что выработалось цѣлыми вѣками народной жизни; исправляя старое дурное, онѣ не рѣдко захватывали и хорошее. Хорошее гражданское устройство, по мнѣнію Карамзина, зависитъ не отъ учреждений, не отъ формы правленія, не отъ хорошихъ правителей, умныхъ, честныхъ и самоотверженныхъ дѣателей. Это совершенно справедливо, что самыя хорошія учрежденія не принесутъ пользы, если не будетъ хорошихъ дѣателей, но такъ же справедливо и то, что хорошихъ дѣателей могутъ создать только хорошія свободныя учрежденія и могутъ дать имъ возможность безпрепятственно исполнять законъ и достигать предуставленныхъ цѣлей.

Критика находила въ исторіи Карамзина разные недостатки: взглядъ на событія у Карамзина не всегда соответствуетъ тому времени, въ которое совершались событія; о прошедшихъ событіяхъ и лицахъ онъ судитъ иногда по понятіямъ своего времени; въ исторіи нѣтъ строгаго характеристическаго разграниченія между разными эпохами: древній бытъ и лица древнихъ временъ не отличены ясными, опредѣленными чертами отъ быта позднѣйшаго и лицъ, жившихъ во времена, болѣе близкія къ намъ; наконецъ Карамзинъ въ своей исторіи обращаетъ больше вниманія на внѣшнія событія (на сношенія Россіи съ другими государствами, на войны и договоры), чѣмъ на внутреннія (на состояніе просвѣщенія и литературы, на нравственный бытъ и семейную жизнь). Но тогда еще всѣ такъ писали исторію; государство и государственная жизнь стояли на первомъ планѣ; исторія народа съ его умственными и нравственными интересами явилась послѣ. Древнерусская жизнь вообще развивалась очень медленно,—была однообразна и дѣйствительно мало представляла различія въ разные эпохи историческія. Вообще, чтобы правильно оцѣнить Карамзина, надобно судить его, какъ и всякаго писателя, по тому времени, когда онъ писалъ, и по тѣмъ средствамъ, какія были у него подъ руками. Русская исторія до Карамзина находилась еще въ зачаточномъ состояніи: древнія лѣтописи не только не были объяснены, но даже не были изданы ученымъ образомъ; многіе важныя документы историческіе лежали по монастырямъ и архивамъ; Карамзинъ критически рассмотрѣлъ всѣ извѣстные до него документы; самъ собралъ множество новыхъ историческихъ матеріаловъ, перечиталъ и сравнилъ ихъ съ другими. Каждая глава его Исто-

ріи содержитъ въ себѣ множество обширныхъ ученыхъ примѣчаній, которыя долго будутъ составлять самый важный источникъ для всякаго рода историческихъ изслѣдованій. Кромѣ того, Карамзинъ умѣлъ живописно и занимательно изображать историческія лица и событія, и языкомъ, образцовымъ по тому времени. „Литература всѣхъ народовъ, говоритъ Гротъ, едва ли представляетъ много примѣровъ труда, который, въ данныхъ условіяхъ, былъ бы совершенъ съ такою настойчивостью и съ такимъ успѣхомъ. Пусть его исторія представляетъ свои слабыя стороны: пусть онъ въ пониманіи своей задачи не достигъ еще той высоты, на которую стала наука въ наше время: можетъ быть, не вполне обнималъ связь событій, не довольно глубоко проникалъ въ смыслъ явленій. Не забудемъ, что въ исторической наукѣ западной Европы тогда еще господствовали тѣ же взгляды, которыми онъ руководствовался. Обратимъ вниманіе на изумительную основательность и добросовѣстность его изслѣдованій, на безконечную массу имъ собранныхъ и имъ-же въ первый разъ разработанныхъ рукописныхъ матеріаловъ, на прекрасные приемы его во всѣхъ подробностяхъ труда, наконецъ на достоинство его исторической критики, хотя еще и не совершенной, однакожъ замѣчательно здоровой и многообъемлющей. Вѣрность и точность сообщаемыхъ имъ фактовъ, богатство, полнота и система его примѣчаній, художественное воплощеніе сухихъ лѣтописныхъ сказаній въ образы, по большей части вѣрные дѣйствительности, всегда яркіе и полные жизненной теплоты, наконецъ, наглядность его и во внутреннемъ порядкѣ,—все это ставитъ исторію Карамзина на такую высоту, съ которой не сведутъ ее никакіе послѣдующіе труды, и дѣлаетъ ее навсегда необходимымъ пособіемъ всѣхъ русскихъ ученыхъ и писателей“ ¹⁾).

Реформа Карамзина въ области языка и слога. Карамзинъ далъ въ своихъ сочиненіяхъ образцы новаго литературнаго языка. „Вознамѣряясь выйти на сцену, говорилъ онъ Каменеву, я не могъ сыскать ни одного изъ русскихъ сочинителей, который бы былъ достоинъ подражанія, и отдавая всю справедливость краснорѣчію Ломоносова, не упустилъ я замѣтить штиль его дикій, варварскій, вовсе не свойственный нынѣшнему вѣку, и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ: сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже своимъ, ни отъ

---

¹⁾ Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина, составленный академикомъ Я. К. Гротомъ къ торжественному собранію Академіи Наукъ 1-го декабря 1866 г. Сборн. 2 отд. Акад. Наукъ, томъ I.

ного не заимствованнымъ слогомъ. И это совѣтую всѣмъ подражающимъ мнѣ сочинителямъ, чтобы не всегда и не вездѣ держаться оборотовъ моихъ, но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе“. Это, впрочемъ, не значить того, чтобы Карамзинъ, какъ говорили прежде, „сблизилъ русскій языкъ съ тѣми европейскими языками, которые въ своей конструкціи слѣдуютъ простому и естественному порядку“, чтобы онъ въ строеніи своей рѣчи примѣнялся къ французскому и англійскому синтаксису; замѣчая, что въ другихъ литературахъ мало разницы между языкомъ книжнымъ и разговорнымъ образованнаго общества, онъ почелъ за справедливую мысль сблизить русскій письменный языкъ съ русскимъ разговорнымъ, не столь удалившимся отъ народнаго, какъ первый. Воспитанный на произведеніяхъ французской и англійской литературы, онъ на первыхъ порахъ, разумѣется, подражалъ ей образцовымъ писателямъ: признавалъ необходимость прибѣгать или къ заимствованію готовыхъ иностранныхъ словъ, или къ образованію соотвѣствующихъ русскихъ, особенно когда русскій языкъ не представлялъ достаточныхъ средствъ для выраженія новыхъ идей. Это мы особенно замѣчаемъ въ его раннихъ произведеніяхъ. Въ первыхъ также произведеніяхъ мы встрѣчаемъ его нерасположеніе къ славянскому языку, но когда онъ началъ заниматься русской исторіей, то чтеніе лѣтописей и другихъ памятниковъ древней славянской литературы помирilo его съ славянскимъ языкомъ, и онъ въ приличныхъ мѣстахъ сталъ употреблять церковно-славянскія выраженія. Но Карамзинъ имѣлъ вліяніе не на одинъ только языкъ, какъ на словесное выраженіе мысли, но и на слогъ. Правда, во время Карамзина у насъ еще не отличали слога отъ языка писателя: этихъ двухъ понятій не раздѣляли ни онъ самъ, ни его противники; но тѣмъ не менѣе это различіе существовало. Слогъ есть выраженіе личности, характера писателя; слогъ Карамзина есть выраженіе склада и направленія его духовныхъ способностей: онъ былъ повымъ по симпатичности, нѣжности, сердечности, исходившимъ изъ природы Карамзина. „Можно прибавить, говоритъ Гротъ, что въ его слогѣ выразилась также потребность въ гармоніи, музыкальности языка, потребность придать своей рѣчи тѣ мягкіе и нѣжные тоны, которые бы соотвѣтствовали самому настроенію его души. Это былъ опять новый элементъ рѣчи, котораго, по крайней мѣрѣ въ прозѣ, не было еще ни у кого изъ русскихъ писателей, и который пришелся такъ по вкусу тогдашняго русскаго общества. Ломоносовъ и его преемники обращались преимущественно къ уму и воображенію; Карамзинъ заговорилъ языкомъ сердца, и ему понадобилось новаго рода сладкозвучіе“ (стр. 100) ¹⁾. Этотъ

¹⁾ Филологическія разысканія I. 100.

новый языкъ и слогъ Карамзина не понравился писателямъ старой школы Ломоносовской, когда въ языкѣ преобладала славянская стихія, а въ слогѣ латинско-нѣмецкій строй рѣчи. Въ 1803 г. вышло извѣстное „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ русскаго языка“ Шишкова, поднявшее пыльную бурю въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ и вмѣстѣ съ языкомъ и слогомъ затронувшее много другихъ вопросовъ о характерѣ нашего образованія и литературы. Это тотъ самый Шишковъ, который въ эпоху отечественной войны 12-го года явился такимъ горячимъ патріотомъ и защитникомъ русской народности и историческія заслуги котораго поэтъ отмѣтилъ такимъ прекраснымъ стихомъ:

Сей старецъ горсть нахл: онъ блещетъ средь народа
Смѣненной памятью двѣнадцатаго вѣка.

А. С. Ш И Ш К О В Ъ.

Александръ Семеновичъ Шишковъ ¹⁾ род. 1754 г. Онъ получивъ религіозное и патріотическое воспитаніе и вѣроятно еще въ дѣтствѣ ознакомился съ церковными книгами, откуда и пріобрѣлъ такую страстную любовь къ славянскому языку. Научное образованіе онъ получилъ въ Морскомъ корпусѣ, гдѣ директоромъ былъ его родственникъ Кутузовъ, хорошо знавшій нѣмецкій и французскій языкъ и любившій въ тоже время и русскую литературу. Шишковъ и самъ, вмѣстѣ съ спеціальнымъ морскимъ образованіемъ, вынесъ изъ корпуса любовь къ литературѣ. Съ 1771 г. началась его тяжелая морская служба, въ которой выработался его трудолюбивый, честный и твердый характеръ. Онъ былъ въ разныхъ экспедиціяхъ, въ разныхъ мѣстахъ. Въ бытность въ Италіи онъ выучился итальянскому языку и впоследствии перевелъ поэму Тасса. Путешествуя по Греціи, онъ видѣлъ, какъ французы въ портѣ Мандра (близъ Афинъ) не оставили ни одной часовни, чтобы не обезобразить лицъ святыхъ и не начертать вездѣ насмѣшливыхъ и ругательныхъ надписей. Этотъ фактъ и вообще ужасы французской революціи возбудили въ немъ ненависть къ французамъ и французскому образованію. При императорѣ Павлѣ онъ сдѣланъ былъ вице-адмираломъ. Шишковъ рано началъ заниматься литературой: онъ не былъ поэтомъ, но у него была живая фантазія: онъ любилъ особенно религіозную и героическую поэзію; образцами ея были для него сочиненія Ломоносова, Сумарокова и

¹⁾ Собраніе сочиненій и переводовъ Шишкова въ 17 томахъ, изд. въ 1818—1839. Характеристика Шишкова въ Воспоминаніяхъ Аксакова, т. 2. Его жизнь и дѣятельность въ сочиненіи Стоюнина: А. С. Шишковъ. Спб. 1880.

Державина. По совѣту директора Академіи Наукъ, Домашнева, онъ перевелъ съ нѣмецкаго „Дѣтскую бібліотеку“ Кампе, состоявшую изъ поучительныхъ разсказовъ въ стихахъ и прозѣ и пользовавшуюся долго большою популярностію въ педагогическомъ мірѣ. Въ 1796 г. онъ былъ выбранъ въ члены Академіи Россійской, обязанностию которой было блюсти чистоту русскаго языка. Естественнo, что Шишковъ съ самымъ горячимъ усердіемъ принялся за это дѣло. Въ средѣ молодыхъ писателей, думавшихъ подражать легкой рѣчи Карамзина, было много такихъ, которые мыслили по французски и уродовали русскій языкъ разными пелѣвыми галлицизмами. Это вызвало сильный протестъ Шишкова противъ новаго языка въ его „Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ руссійскаго языка“. Протестъ получилъ особенную силу потому, что Шишковъ съ вопросомъ о языкѣ связывалъ тѣсно вопросъ объ иностранномъ воспитаніи и образованіи „Какое знаніе, говоритъ онъ, мы можемъ имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ находятся на рукахъ у французовъ, прилѣпляются къ ихъ правамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій, говорятъ языкомъ ихъ свободнѣе, нежели своимъ, и даже до того заражаются къ нимъ пристрастіемъ, что не токмо не стылятся не знать онаго, но еще многіе изъ нихъ самымъ постыднѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкоторымъ украшающимъ достоинствомъ, хвастаются и величаются“. Черезъ министра народнаго просвѣщенія Шишковъ представилъ свою книгу императору Александру и получилъ отъ него одобреніе. Академія присудила ему за нее золотую академическую медаль. Это одобреніе еще болѣе усилило его дѣятельность. Съ 1805 г. начали выходить сочиненія и переводы, издаваемые Россійскою Академіею; здѣсь Шишковъ печаталъ свои оригинальныя и переводныя статьи, изъ коихъ наиболѣе замѣчательны „Разборъ примѣчаній къ Слову о полку Игоревѣ“, незадолго предъ тѣмъ найденному и напечатанному графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, и переводъ этого Слова. Въ 1807 г. онъ предложилъ дѣлать частныя собранія руссійской словесности, которыя потомъ въ 1810 г. превратились въ опредѣленное общество — „Бесѣду любителей русскаго слова“. Бесѣда издавала свои „Чтенія“. Для этой Бесѣды въ концѣ 1811 года Шишковъ написалъ „Разсужденіе о любви къ отечеству“, въ которомъ выразилось его горячее чувство патріотизма. Это „Разсужденіе“ было какъ нельзя болѣе благовременно. Наступала отечественная война. Прочитавъ разсужденіе импер. Александръ увидѣлъ, что въ настоящее время нуженъ именно такой человѣкъ, т. е. такой пламенный патріотъ, умѣющій выражать свои мысли и чувства литературнымъ и тор-

жественнымъ языкомъ. Призвавъ къ себѣ Шишкова, онъ сказалъ: „Я читалъ ваше Разсужденіе о любви къ отечеству; имѣя такіа чувства, вы можете быть полезны. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами; нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; я желалъ бы, чтобы вы написали о томъ манифестъ“. Съ этого манифеста началась общественная дѣятельность Шишкова, въ которой вполне отразился его характеръ. Основными чертами его характера были религіозность и патріотизмъ. Онъ былъ глубоко религіозенъ и въ дѣлѣ вѣры не допускалъ никакихъ разсужденій, а тѣмъ болѣе измѣненій, и свято исполнялъ все обязанности церкви, какъ вполне вѣрный и послушный сынъ ея. Отсюда у него ненависть ко всемъ новымъ ученіямъ: отсюда преслѣдованіе мистиковъ, масоновъ и Библейскаго общества. Несомнѣнно также, что онъ искренно любилъ отечество: но его любовь была односторонняя; она вся обращена къ прежнему, къ прежнимъ правамъ и обычаямъ. Онъ заботился только о сохраненіи того, что было, но не допускалъ ничего новаго, не допускалъ никакого развитія: это было какое-то старообрядство. На служебномъ поприщѣ онъ былъ образцовый чиновникъ; но онъ не могъ быть государственнымъ человекомъ, потому что его идеалы были въ прошедшемъ. Онъ былъ вѣрный слуга царя и всякой власти, но въ тоже время не способенъ къ уступчивости во всемъ, что касалось его убѣжденій и чувствъ, которые онъ считалъ для себя священными. Сдѣлавъ его статсъ-секретаремъ, государь взялъ его съ собою въ Вильно. Здѣсь онъ писалъ все самые важные указы арміямъ и рескрипты главнокомандующему въ Петербургѣ Салтыкову по поводу вступленія непріятеля въ наши предѣлы: воззваніе и манифестъ о всеобщемъ ополченіи, отъ котораго встрепенулась и пришла въ движеніе вся Россія: нѣсколько манифестовъ и рескриптовъ, въ которыхъ заключались распоряженія государя по ополченіямъ: извѣстіе объ оставленіи Москвы, которое было написано необыкновенно сильно и все было пронинунто непоколебимою вѣрою въ силы русскаго народа; вѣсти изъ Москвы, гдѣ описываются подвиги варваровъ - французовъ; рескриптъ Кутузову объ оставленіи Москвы—составляютъ ту незабвенную историческую заслугу предъ Россіей, за которую поэтъ память его называлъ дорогою. Своими пламенными рѣчами онъ безъ оружія совершалъ подвиги: въ бѣдственную годину онъ воодушевлялъ всехъ, поддерживалъ унывающихъ и падающихъ духомъ. Самъ Александръ находилъ въ нихъ бодрость и мужество.

Съ удаленіемъ непріятеля изъ Россіи окончилась патріотическая дѣятельность Шишкова. Предъ отбѣздомъ своимъ въ Вѣну, на Вѣнскій конгрессъ, имп. Александръ назначилъ его членомъ Государственнаго Совѣта. Все вниманіе теперь онъ обратилъ на Россійскую Академію. Сдѣлавшись, по смерти Нартова, ея прези-

дентомъ, онъ выпросилъ для нея новыя окладъ, чтобы поднять ея значеніе. Ему первому пришло на мысль привлечь ученыхъ другихъ славянскихъ земель къ своему дѣлу, завязать съ ними связь чрезъ науку, изученіемъ славянскаго языка напомнить имъ объ общемъ родствѣ. Еще въ 1813 г.—проживъ нѣсколько нѣдѣль въ Прагѣ, онъ познакомился съ чешскимъ языкомъ и аббатомъ Добровскимъ, который составлялъ тогда грамматику славянскаго языка. Въ 1817 г. въ рескриптѣ на имя графа Остермана, получившаго отъ Цеховъ въ даръ кубокъ, Шишковъ назвалъ ихъ соплеменнымъ намъ храбрымъ народомъ, и когда импер. Александръ вычеркнулъ это выраженіе, Шишковъ захѣтилъ ему на это: „меѣ кажется, мы можемъ назвать ихъ соплеменниками, потому что они нашими парфіемъ говорятъ“: на это Александръ отвѣчалъ: „подозрительные нѣмцы подумаютъ, что мы, облекаясь съ Богемцами, симъ родствомъ имѣемъ на нихъ какіе-нибудь виды“. Такимъ образомъ, когда наша политика еще не рѣшалась признать нашего родства съ другими славянами, Шишковъ первый протянулъ имъ руку. По его предложенію Академія выбрала въ почетные члены польскаго ученаго Линде, чешскихъ Нейелли, Добровскаго, Ганку; чрезъ нихъ онъ завелъ сношенія съ Раковецкимъ, Милетичемъ, Юнгманомъ, Караджичемъ, самъ со всѣми переписывался, посылалъ имъ и въ бібліотеки Вѣнскую и Пражскую изданія Россійской Академіи, въ особенности же указывалъ имъ Академическія Извѣстія, гдѣ печаталось его корнесловіе. Въ свою очередь и славянскіе ученые присылали чрезъ Шишкова въ Россійскую Академію свои труды. У Шишкова была даже мысль открыть славянскія кафедры при русскихъ университетахъ: но въ то время трудно было привести еѣ въ исполненіе по недостатку русскихъ ученыхъ. Только въ 1820 г. Востоковъ обратилъ вниманіе всѣхъ на славянскій языкъ своимъ разсужденіемъ о славянскомъ языкѣ (*). Въ 1824 г. Шишковъ сдѣланъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія и занималъ эту должность до 1827 г. Въ эти годы его дѣятельность получила суровый и можно сказать фанатическій характеръ; она выразилась въ составленіи чрезвычайно строгихъ правилъ о цензурѣ; въ преслѣдованіи Библейскаго общества, доходившемъ до того, что подвергнуть былъ запрещенію Катихизисъ митрополита Филарета за то, что слова текста священнаго Писанія были приведены по русски, а не по славянски, и въ другихъ крутыхъ мѣрахъ, которыя и дали министерству просвѣщенія названіе министерства затемненія. Оставивъ постъ министра, Шишковъ жилъ частнымъ человекомъ, занимаясь своимъ корнесловіемъ. Прекрасную характери-

) В. Стоюнинъ: Ал. С. Шишковъ, стр. 257—260. Разс. Востокова напечатано въ 17-й части „Трудовъ Общ. Любителей Росс. словесности при И. Московскомъ У-тѣ.

стику Шишкова, какъ частнаго человѣка въ домашнемъ его быту, сдѣлалъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. „Тутъ узналъ я, рассказываетъ онъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Шишковымъ, что этотъ разумный и многоученый мужъ, ревнитель цѣлости языка и русской самобытности, твердый и смѣлый обличитель торжествующей новизны и почитатель благочестивой старины, этотъ открытый врагъ слѣпаго подражанія иностранному — былъ совершенное дитя въ житейскомъ быту; жилъ самымъ невзыскательнымъ гостемъ въ собственномъ домѣ, предоставляя все управленію жены и не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что вокругъ него происходило; что онъ зналъ только ученый совѣтъ въ адмиралтействѣ да свой кабинетъ, въ которомъ копѣлъ надъ словарями разныхъ славянскихъ нарѣчій, надъ старинными рукописами и церковными книгами, занимаясь корнесловіемъ и сравнительнымъ словопроизводствомъ; что, не имѣя дѣтей и взявъ на воспитаніе двухъ родныхъ племянниковъ, отдалъ ихъ въ полное распоряженіе Дарьѣ Алексѣевнѣ (его жена), которая, считая всѣ убѣжденія супруга патріотическими бреднями, наняла къ мальчикамъ француза-гувернера и помѣстила его возлѣ самаго кабинета своего мужа: что родные его жены (Хвостовы), часто у ней гостившіе, сама Дарья Алексѣевна и племянники говорили при дядѣ всегда по французски. Я разинулъ ротъ отъ удивленія! Такое несхоство слова съ дѣломъ!.. Признаюсь, смущало меня и то, что у православнаго Шишкова—жена лютеранка“. „Вообще Александръ Семеновичъ и его достопочтенная супруга, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній, служили предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ зубоскаловъ, которые потѣяли публику нелѣпыми о нихъ разсказами. Исключительный образъ мыслей Шишкова, его рѣзкія и грубыя выходки противъ настоящей жизни общества, а главное противъ французскаго направленія, очень не нравились большинству высшей публики, и всякій, кто осмѣивалъ этого старовѣра и славянофила, имѣлъ вѣрный успѣхъ въ модномъ свѣтѣ. Впрочемъ, надобно признаться, что Шишковъ былъ находка, кладъ для насмѣшниковъ: его крайняя разбѣянность, невѣроятная забывчивость и неузнаваніе людей самыхъ короткихъ, несмотря на хорошее зрѣніе, его постоянное устремленіе мысли на любимые свои предметы служили неизсякаемымъ источникомъ для разныхъ анекдотовъ истинныхъ и выдуманныхъ. Разсказывали, будто онъ на серьезный вопросъ одного государственнаго сановника отвѣчалъ текстомъ изъ Свящ. Писанія и цитатами изъ старинной рукописи, которая тогда его исключительно занимала; будто онъ не узнавалъ своей жены и говорилъ съ ней иногда, какъ съ посторонней женщиной, а чужихъ женъ принималъ за свою Дарью Алексѣевну. Я не считаю, впрочемъ, этого невозможнымъ“. Въ 1829 г. онъ женился во вто-

рой разъ. Новая жена его была полька. „Заклятый врагъ католиковъ и поляковъ, онъ былъ окруженъ ими. Новая супруга наводила его домъ людьми совсѣмъ другаго рода, чѣмъ прежде, и я не могъ равнодушно видѣть достопочтеннаго Шишкова среди разныхъ усачей самопадѣянныхъ и заносчивыхъ, болтавшихъ всякій вздоръ и обращаившихся съ нимъ слишкомъ запросто“. „Много несправедливаго, невѣрнаго, смѣшнаго и нелѣпаго говорило объ этомъ человѣкѣ злоязычіе человѣческое. Но откинувъ въ сторону всѣ разсужденія о недостаткахъ и слабостяхъ почившаго собрата, нельзя не сознаться, что проходя обширное многозначительное поприще службы въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ государства, начавъ съ морскаго кадетскаго корпуса, дойдя до высокаго мѣста государственнаго секретаря, съ котораго онъ двигалъ духомъ Россіи писанными имъ манифестами въ 1812 г., Шишковъ имѣлъ одну цѣль: общую пользу. Убѣжденія Шишкова были часто ошибочны, но всегда честны. Онъ не выходилъ изъ круга умственныхъ понятій своего времени, круга нерѣдко тѣснаго и ограниченнаго, но не измѣнялъ своимъ правиламъ никогда.... На литературномъ поприщѣ, которое предшествовало государственному, Шишковъ дѣйствовалъ точно также. Онъ возсталъ противъ побѣдоноснаго могущества новизны и таланта, всѣхъ плѣнившаго, всѣхъ увлекшаго за собою, возсталъ потому, что считалъ это увлеченіе вреднымъ ... но онъ сдѣлалъ свое дѣло.... Онъ открылъ глаза Карамзину на вредныя послѣдствія его нововведеній въ русское слово. Самъ благородный и добрый Карамзинъ говорилъ мнѣ (въ 1816 г.), что „у Александра Семеновича много гнѣва, много желчи, много личной къ нему враждебности, а потому много и несправедливости, но есть много и правды“. Въ дѣлѣ суда и осужденія общественной нравственности, связанномъ неразрывно у Шишкова съ дѣломъ литературы, онъ былъ еще справедливѣе и заслуживаетъ еще болѣе уваженія, хотя мало имѣлъ вліянія и оказалъ, можетъ быть, менѣе пользы. Собственно же за русское направленіе, за славянофильство, какъ бы Шишковъ ни понималъ его криво, которое онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ, съ юныхъ лѣтъ до гробовой доски, котораго былъ мученикомъ, онъ имѣетъ полное право на безусловную, сердечную нашу благодарность“.

Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ російскаго языка. Подъ старымъ слогомъ Шишковъ разумѣлъ слогъ Ломоносова, Сумарокова, Державина и другихъ современныхъ писателей. Первымъ и самымъ важнымъ недостаткомъ новаго слога онъ считалъ исключеніе изъ него церковно-славянскихъ словъ и оборотовъ. Въ самомъ началѣ разсужденія онъ жалуется, что въ большей части нынѣшнихъ книгъ господствуетъ странный слогъ и главную при-

чину этого видятъ въ пренебреженіи къ церковно - славянскому языку, который онъ считалъ корнемъ и началомъ русскаго языка. „Всякъ, кто любитъ россійскую словесность, и хотя нѣсколько упражняется въ ней, не будучи зараженъ неизлѣимою и лишашею всякаго разсудка страстію къ французскому языку, тотъ, развернувъ большую часть нынѣшнихъ нашихъ книгъ, съ сожалѣніемъ увидитъ, какой странный и чуждый понятію и слуху нашему слогъ господствуетъ въ оныхъ. Древній славенскій языкъ, повелитель многихъ народовъ, есть корень и начало россійскаго языка, который самъ собою всегда изобиленъ былъ и богатъ, но еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами, заимствованными отъ сроднаго ему еллинскаго языка. на коемъ витѣйствовали гремящіе Гомеры, Пиндары, Демосѣены, а потомъ Златоусты, Дамаскины и многіе другіе христіанскіе проповѣдники. Кто бы подумалъ, что мы, оставя сіе многими вѣками утвержденное основаніе языка своего, начали вновь созидать оный на скудномъ основаніи французскаго языка“. „Ломоносовъ, разсуждая о пользѣ книгъ церковныхъ, говоритъ: „такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго славенскаго языка, купно съ Россійскимъ, отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту отъ греческаго и то еще чрезъ латинскій“. Отыскивая причину этого, Шишковъ находитъ ее въ нашемъ воспитаніи и образованіи: „ибо какое знаніе можемъ мы имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся на рукахъ у французовъ, прилѣпляются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій, говорятъ языкомъ ихъ свободнѣе, нежели своими и даже до того заражаются къ нимъ пристрастіемъ, что не токмо въ языкѣ своемъ никогда не упражняются, не токмо не стыдятся незнать того, но еще многіе изъ нихъ смѣютъ постыднѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкоторымъ украшающимъ ихъ достоинствомъ, хвастаютъ и величаются. Будучи таковымъ образомъ воспитываемы, едва силою необходимой слышанки научаются они объясняться тѣмъ всенароднымъ языкомъ, которой въ общихъ разговорахъ употребителенъ: но какимъ образомъ могутъ они почерпнуть искусство и свѣдѣніе въ книжномъ или ученомъ языкѣ, толь далеко отстоящемъ отъ сего простаго мыслей своихъ сообщенія? Для познанія богатства, изобилія, силы и красоты языка своего, нужно читать изданныя на ономъ книги, а наипаче превосходными писателями сочиненныя“ (1). „Волтеры, Жанъ-

1) Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка. Спб. 1803. стр. 1—2; 5—6.

Жаки, Корнеліи, Расины, Молиеры, не научать насъ писать по Русски. Выуча всѣхъ ихъ наузустъ, и не прочитавъ ни одной своей книги, мы въ краснорѣчіи на русскомъ языкѣ должны будемъ уступить сочинителю Бовы Королевича. Весьма хорошо слѣловать по стопамъ великихъ писателей, но надлежитъ силу и духъ ихъ выражать своимъ языкомъ, а не гоняться за ихъ словами, кои у насъ совсѣмъ не имѣютъ той силы“ (стр. 8—9). „Французы прилежаніемъ и трудолюбіемъ своимъ умѣли бѣдный языкъ свой обработать, вычистить, обогатить и писаніями своими прославиться на ономъ; а мы богатый языкъ свой, не рача и не помышляя о немъ, начинаемъ превращать въ скудный. Надлежало бы взять ихъ за образецъ въ томъ, чтобъ подобно имъ трудиться въ созиданіи собственнаго своего краснорѣчія и словесности, а не въ томъ, чтобъ найденныя ими въ ихъ языкѣ, ни мало намъ не сродныя, красоты перетаскивать въ свой языкъ..... Сумароковъ весьма справедливо разсуждаетъ о семъ:

Имѣть въ слогѣ всякъ различіе народъ:
 Что очень хорошо на языкѣ французскомъ,
 То можетъ въ точности быть скaredно на Русскомъ.
 Не мни, перевода, что складъ въ творцѣ готовъ;
 Творецъ даруетъ мысль, но не даруетъ словъ.
 Въ спряженіе его рѣчей ты не вдавайся,
 И свойственно себѣ словами украшайся. (стр. 11—12).

Вторымъ недостаткомъ новаго слога Шишковъ считаетъ употребленіе французскихъ словъ и оборотовъ, какъ то: моральный, эстетическій, эпоха, гармонія, энтузіазмъ, меланхолія, миеологія, рецензія, героизмъ, выходить на сцену. При этомъ онъ не одобряетъ знакомства Карамзина съ Боннетомъ, Вольтеромъ, Юнгомъ, Томсономъ, Оссіаномъ, Стерномъ, Лафатеромъ, Кантомъ и другими писателями, о которыхъ онъ будто бы твердитъ на каждой страницѣ. вмѣсто нихъ критикъ ставитъ въ образецъ, между прочимъ, труды Ломоносова, Сумарокова, Крашенинникова, Полѣтики, Павла Кутузова и Ивана Захарова. Далѣе новые писатели обвиняются въ составленіи словъ и рѣченій по иностранному образцу, какъ то: трогательный, занимательный, сосредоточить, представитель, начитанность, обдуманность, оттѣнокъ, страдательная рѣчь, гармоническое цѣлое и мн. др. Наконецъ Шишковъ указываетъ, какъ на неправильность новаго языка и слога, на то, что многимъ словамъ, уже прежде существовавшимъ, придается новое, болѣе духовное значеніе, напр. на то, что слова развить, развитіе, утонченный, утонченность, переворотъ—стали употребляться въ смыслѣ не собственномъ, подобно французскимъ *développer*, *raffiné*, *révolution*. Почему не сказать, вмѣсто: развитіе характера, прозябаніе

характера? Говорятъ — ночныя бесѣды, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія (Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона); для чего не сказать: въ которыхъ первыя мои понятія прозябали. Французское *influence* переводятъ: вліяніе, и не смотря на то, что глаголь вливать требуетъ предлога *въ*, вливать вино въ бочку, вливать въ сердце любовь, располагаютъ нововыдуманное слово *сіе* по французской грамматикѣ, ставя его, по свойству ихъ языка, съ предлогомъ *на*: *faire l'influence sur les esprits*, дѣлать вліяніе на разумы. Подобнымъ сему образомъ переведены слова: переворотъ, развитіе, утонченный, трогательно, занимательно и множество другихъ. По мнѣнію нынѣшнихъ писателей, великое было бы невѣжество, нашедъ въ сочиняемыхъ ими книгахъ слово переворотъ, не догадаться, что оное значить *révolution* или по крайней мѣрѣ *révolte*. Такимъ же образомъ и до другихъ всѣхъ добратся можно: развитіе *développement*, утонченный *raffiné*, сосредоточить *concentrer*; трогательно *touchant*; занимательно *interessant* и т. д. Вотъ бѣда для нихъ, когда кто въ писаніяхъ своихъ употребляетъ слова: бранно, третище, ясна, зодчество, доблесть, прозябать и наитствовать и тому подобныя, которыхъ они сроду не слыхивали“ (стр. 23—28). Главная причина подражанія нынѣшнихъ писателей французамъ „состоитъ въ томъ, что они, читая Французскія книги, находятъ иногда въ нихъ такія слова, которыми, по ихъ мнѣнію, на нашемъ языкѣ нѣтъ равносильныхъ, или точно соотвѣтствующихъ. Чтожъ до того? Неужъ ли безъ знанія французскаго языка не позволено быть краснорѣчивымъ? Мало ли въ нашемъ языкѣ такихъ названій, которыхъ Французы точно выразить не могутъ. Милая, гнусный, погода, пожалуй, благоутробіе, чадолюбіе.... но меньше ли чрезъ то Писатели ихъ знамениты. Понимаются ли они за нашими словами и говорятъ-ли: *mon petit pigeon*, для того, что мы говоримъ: голубчикъ мой. Стараются ли они глаголь приглубить выражать на своемъ языкѣ глаголомъ, происходящимъ отъ имени *pigeon*, ради того, что онъ у насъ происходитъ отъ имени *голубъ*?..... Не находимъ ли мы въ нынѣшнихъ нашихъ книгахъ: подпирать мнѣніе свое, двигать духами, черта злословія и проч. Не есть ли это рабственныи переводъ съ французскихъ рѣчей: *soutenir son opinion, mouvoir les esprits, un trait de satire*? Я думаю, скоро, *boire à longs traits*, стануть переводить: пить долгими чертами; *il a épousé ma colère*, онъ женился на моемъ гнѣвѣ“ (стр. 44—46). „Между тѣмъ, какъ мы занимаемся смѣлымъ юродливымъ переводомъ и выдумкою словъ и рѣчей, пи мало намъ несвойственныхъ, многія коренныя и весьма знаменательныя Россійскія слова нынѣ пришли совсѣмъ въ забвеніе; другія, не взирая на богатство смысла своего, сдѣлались для непривыкшихъ къ нимъ ушей странны и дикі; третьи перемѣнили совсѣмъ знаменованіе

свое и употребляются не въ тѣхъ смыслахъ, въ какихъ съ начала употреблялись. Итакъ съ одной стороны въ языкъ нашъ вводятся нелѣпыя новости, а съ другой истребляются и забываются издревле принятыя и многими вѣками утвержденныя понятія: такимъ-то образомъ проищѣваетъ словесность наша и образуется пріятность слога, называемая французами *elegance*! Далѣе Шишковъ подробно разбираетъ статью Карамзина: Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ. Для доказательства всѣхъ своихъ положеній о языкѣ и слогѣ онъ представляетъ изъ Четъи-Миней цѣлое житіе трехъ святыхъ дѣвъ Минодоры, Митродоры и Нимфодоры: „слова и рѣчи, выписанныя изъ нынѣшнихъ сочиненій и переводовъ съ примѣчаніями на оныя; опытъ словаря, или слова и рѣчи, выписанныя изъ священнаго Писанія для показанія знаменованія оныхъ; выписки изъ переводныхъ и оригинальныхъ книгъ въ тогдашней литературѣ“.

Въ 1804 г. Шишковъ издалъ „Прибавленіе къ разсужденію о старомъ и новомъ слогѣ російскаго языка“. Оно заключаетъ въ себѣ отвѣтъ на критику тогдашнихъ журналовъ, напавшихъ на разсужденіе о слогѣ, Московскаго Меркурія, издававшагося Макаровымъ, и Сѣвернаго Вѣстника, издававшагося Мартыновымъ. Въ 1810 г. онъ написалъ „Разсужденіе о краснорѣчій свящ. Писанія и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила російскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно“. читанное въ собраніи Россійской Академіи¹⁾. Въ этомъ разсужденіи онъ старается доказать тождество языковъ славянскаго и русскаго. „Отколѣ родилась, спрашиваетъ онъ, неосновательная мысль сія, что Славенскій и Русскій языкъ различны между собою? Ежели мы слово „языкъ“ возьмемъ въ смыслѣ нарѣчій или слога, то, конечно, можемъ утверждать сію разность; но таковыхъ разностей мы найдемъ не одну, многія: во всякомъ вѣкѣ или полувѣкѣ примѣчаются нѣкоторыя переищѣны въ нарѣчіяхъ..... Собственно подъ именемъ языка разумѣются корни словъ и вѣтви отъ нихъ произшедшія. Когда оныя въ двухъ языкахъ различны, тогда и языки различны между собою; но когда знаменованія словъ и вѣтвей оныхъ находятся въ самомъ языкѣ, тогда оныя всякому нарѣчію общи, выключая развѣ такое, которое совѣмъ отъ корней языка своего удалилось: тогда уже оное не есть болѣе нарѣчіе, но совѣмъ иной языкъ. Гдѣжъ примѣчаемъ мы то въ нашемъ нарѣчій?... Возьмемъ Библію, лѣтописи, народныя сказки или пѣсни: въ каждомъ изъ сихъ трехъ родовъ сочиненій найдемъ мы разныя слоги, разныя нарѣчія и множество словъ особливыхъ, въ другомъ родѣ не существующихъ, но которыхъ корни однаковъ находятся въ общемъ языкѣ, всѣ сіи роды объемлющемъ..... Чтожъ такое русскій языкъ отдѣльно отъ Славен-

¹⁾ Изд. 1811 г. Спб.

скаго? Мечта, загадка. Не странно ли утверждать существованіе языка, въ которомъ нѣтъ ни одного слова? Между тѣмъ, однакожъ, не взирая на сію несообразную странность, многіе новѣйшіе писатели на семь точно мнимомъ раздѣленіи основываютъ словесность нашу¹⁾. „Что значить раздѣленіе языка нашего на славенскій и русскій? Раздѣленія сего (разсуждая о языкѣ въ прямомъ смыслѣ оного) никакимъ образомъ доказать не можно, послику оно не существуетъ. И такъ выходитъ, что разумѣется подъ симъ языкомъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ. На чтожъ чуждаться намъ перваго изъ оныхъ и стараться приводить его въ забвеніе и презрѣніе? Для того ли, чтобъ умъ и сердце каждаго отвлечь отъ правоучительныхъ духовныхъ книгъ, отвратить отъ словъ, отъ языка, отъ разума оныхъ и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности, что, совлеченная единожды съ прямого пути, она непременно должна попасть въ оныя. Какое намѣреніе полагать можно въ стараніи удалить нынѣшній языкъ нашъ отъ языка древняго, какъ не то, чтобы языкъ вѣры, ставъ невразумительнымъ, не могъ никогда обуздывать языка страстей? Отсюду можетъ быть происходить, что всякое благонамѣренное и полезное сочиненіе, кажется, досаждастъ у насъ многимъ и вооружаетъ противъ себя писателей, старающихся всачески помрачить оное“²⁾.

Отвращеніе къ славянскому языку и къ духовнымъ книгамъ Шишкова ставить въ зависимость отъ иностраннаго воспитанія, какое получаютъ дѣти высшего общества въ Россіи. Воспитываемые у иностранныхъ учителей на иностранныхъ книгахъ, они отвыкаютъ отъ русскаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всего русскаго, отъ вѣры и церкви, правовъ и обычаевъ, отъ всего, что составляетъ русскую народность, и дѣлаются нерусскими. Эта мысль съ особенною силою раскрывается имъ въ его „Разсужденіи о любви къ отечеству“. „Воспитаніе, говоритъ онъ здѣсь, должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранецъ можетъ преподавать намъ, когда нужно, нѣкоторыя знанія свои въ наукахъ; но не можетъ вложить въ душу нашу огня народной гордости, огня любви къ отечеству, точно также, какъ я не могу вложить въ него чувствованій моихъ къ моей матери. Онъ научитъ меня математикѣ, механикѣ, физикѣ, но и самый честный изъ нихъ и благонамѣренный не научитъ меня знать землю мою и любить народъ мой: ибо онъ самъ сего не знаетъ, не имѣетъ нужныхъ для меня чувствованій, и не можетъ ихъ имѣть: у него своя мать, свое гнѣздо, свое отечество. Любовь къ оному почерпается не изъ

¹⁾ Разсужд. о красноречіи Св. П. стр. 44 и слѣд.

²⁾ Ibid. стр. 93—94.

хладныхъ разсужденій, не изъ принужденной благовидности, нѣтъ! Она должна пламенною рѣкою литься изъ души моего учителя въ мою, пылать въ его лицѣ, сверкать изъ его очей. Откуда иностранецъ возметъ сѣ чувствованія? Онъ научить меня своему языку, своимъ правамъ, своимъ обычаямъ, своимъ обрядамъ, воспалитъ во мнѣ любовь къ нимъ; а мнѣ надобно любить свои. Двѣ любви не бываютъ совмѣстны между собою. Онъ покажетъ мнѣ славу своихъ единоплеменъ, а мои погребены будутъ во мракѣ забвенія. Онъ возбудитъ во мнѣ желаніе читать его писателей; пристраститъ меня къ ихъ слогу, выраженіямъ, словамъ; а чрезъ то отвратитъ меня отъ чтенія собственныхъ моихъ книгъ, отъ познанія красотъ языка моего: каждое слово его будетъ мнѣ казаться прелестнымъ, каждое слово мое грубымъ; ибо кто можетъ устоять противъ возбужденной съ малыхъ лѣтъ склонности и привычки? Онъ поведетъ меня по своимъ городамъ, полямъ, путямъ, вертоградомъ; натвердитъ мнѣ о своихъ забавахъ, играхъ, зрѣлищахъ, нарядахъ; распишетъ ихъ въ воображеніи моемъ своими красками; обольститъ, очаруетъ понятіе мое; родитъ во мнѣ благоговѣніе ко всѣмъ мелкимъ прелестямъ и къ самымъ порокамъ земли своей. Такимъ образомъ, даже нехотя, вложить въ меня все свое, истребить во мнѣ все мое, и, сблизивъ меня съ своими обычаями и нравами, удалить отъ моихъ. Я пойду за нимъ шагъ за шагомъ, и тогда, когда бы надлежало мнѣ съ молокомъ матери моей сосать любовь къ моему отечеству, пріобрѣтать съ каждымъ днемъ возраста новую къ нему привязанность, новую силу любви, новую степень удовольствія принадлежать ему, новый предлогъ гордиться и восхищаться славою его, новую причину веселиться и радоваться, что я рожденъ въ немъ; тогда сдѣлаетъ онъ, что всѣ сѣ священныя чувствованія умрутъ, или охладѣютъ во мнѣ, и я только тѣломъ буду жить у себя, въ родной странѣ моей, а сердцемъ и умомъ не чувствительно и по неволѣ переселюся въ чужую землю. Таковое превращеніе, больше или меньше сильное, произведетъ во мнѣ чужестранное воспитаніе безъ всякой вины воспитателя; ибо онъ не виноватъ, что любить землю свою больше моей. Чтожъ, если положимъ еще въ немъ худше нравы, наклонность къ безвѣрію, къ своевольству, къ повсемѣстному гражданству, къ новой и пагубной философіи, къ симъ обманчивымъ именамъ начальствующаго безначалія, вѣрпой измѣны, челоуѣколюбиваго терзанія людей, скованной свободы?... Народное воспитаніе есть весьма важное дѣло, требующее великой прозорливости и предусмотрѣнія. Оно не дѣйствуетъ въ настоящее время, но приготовляетъ щастіе или нещастіе предбудущихъ временъ, и призываетъ на главу нашу или благословеніе или клятву потомковъ. Оно медленно приноситъ плоды, но когда уже созрѣютъ

онѣ, тогда нѣтъ возможности удержать ихъ отъ размноженія: должно будетъ вкусить сладость ихъ или горькость“¹⁾.

Капитальная ошибка Шишкова состояла въ томъ, что онъ думалъ, будто русскій языкъ происходитъ отъ того славянскаго, на который переведены наши богослужебныя книги, что русскій языкъ и церковно-славянскій составляютъ одинъ и тотъ же, что различіе ихъ только въ моментахъ развитія и слѣд. раздѣлять ихъ на два отдѣльные языка невозможно. Если бы кто-нибудь указалъ эту ошибку Шишкова и доказалъ, что русскій языкъ на самомъ дѣлѣ не происходитъ отъ славянскаго, а оба они вмѣстѣ съ другими славянскими нарѣчіями происходятъ отъ того старѣйшаго доисторическаго языка, который развѣтвился на разныя нарѣчія, что при переводѣ богослужебныхъ книгъ уже существовалъ и русскій языкъ самъ по себѣ, и слѣд. оба они находятся въ отношеніяхъ братскихъ, то не могло бы быть и рѣчи о томъ, что каждое церковно-славянское слово есть и русское слово, какъ утверждалъ Шишковъ, или что въ русскомъ языкѣ почти ничего не останется, если отнять отъ него всѣ славянскія слова. Но въ то время славянская филологія была еще такъ слаба, что не могла разрушить этой ошибки Шишкова. Противники его, повидимому соглашаясь съ основнымъ его положеніемъ о тождествѣ церковно-славянскаго и русскаго языка, не хотѣли только признать выведенныхъ слѣдствій и доказывали, что русскій языкъ такъ далеко и давно отдалился отъ церковно-славянскаго, что долженъ считаться особымъ языкомъ. Не опровергнутый въ своемъ основномъ положеніи Шишковъ могъ защищаться даже съ успѣхомъ. Самъ Карамзинъ лично не принималъ участія въ спорѣ; да и большая часть недостатковъ въ языкѣ и слогѣ, на которые нападалъ Шишковъ, принадлежали не ему, а его неразумнымъ послѣдователямъ, которые, подражая ему, вдавались слишкомъ въ разныя крайности. Карамзинъ даже не считалъ Шишкова своимъ врагомъ. Когда Державинъ, приглашая его читать въ собраніи Академіи, упомянулъ о Шишковѣ, то онъ сказалъ, что ему будетъ весьма пріятно видѣть Шишкова, что онъ не только не сердитъ на него, забываетъ нападки, но напротивъ очень ему благодаренъ, потому что воспользовался многими его замѣчаніями. Въ свою очередь и Шишковъ оцѣнилъ Карамзина и относился къ нему съ уваженіемъ; онъ выбралъ Карамзина въ члены Россійской Академіи и присудилъ ему медаль отъ Академіи за его Исторію Государства Россійскаго. Споръ съ Шишковымъ вели и защищали новый языкъ и слогъ отъ его нападеній послѣдователи Карамзина, между которыми особенно замѣчательны были Макаровъ и Дашковъ.

¹⁾ Собр. соч. и пер. адмирала Шишкова, Ч. IV, стр. 180—188.

Петръ Ивановичъ Макаровъ (1765 — 1804) былъ родомъ изъ дворянъ Казанской губерніи. Въ 1795 г. онъ путешествовалъ по Англіи и по возвращеніи оттуда занялся литературой. Онъ написалъ: Россіянинъ въ Лондонѣ, или письма къ друзьямъ моимъ (въ 1795 г.); перевелъ съ французскаго: „Графъ де Сепъ-Меронъ, или новыя заблужденія сердца и ума“ (1799—1800) и Антеноровы путешествія по Греціи и Азіи, Лантье (1801 — 1802). Когда Шишковъ напечаталъ свое „Разсужденіе о старомъ и новомъ сло-гѣ россійскаго языка“, Макаровъ написалъ на него критику въ журналѣ „Московскій Меркурій“, который онъ издавалъ въ 1803 г. Защищая нововведенія Карамзина и его послѣдователей, онъ въ своей критикѣ возстаетъ противъ неподвижности въ языкѣ и доказы-ваетъ необходимость внесенія новыхъ словъ и выраженій, съ развитіемъ новыхъ понятій. „Нѣтъ вещи, говорить онъ, нѣтъ и слова; нѣтъ понятія, нѣтъ и выраженія, посредствомъ котораго можно бы то понятіе сообщить другому человѣку. Послѣ Ломоносова мы узнали тысячи новыхъ вещей; чужестранные обычаи родили въ умѣ нашемъ тысячи новыхъ понятій; вкусъ очистился; читатели не хотятъ, не терпятъ выраженій, противныхъ слуху; болѣе двухъ третей русскаго словаря остается безъ употребленія. Что дѣлать? Искать новыхъ средствъ изъясняться. Удержать языкъ въ одномъ состояніи невозможно: такого чуда не бывало съ начала свѣта.... Должно ли намъ винить Θεοφана, Кантемира и Ломоносова, что они первые удалились отъ своихъ предшественниковъ, которыхъ сочинитель Разсужденія о сло-гѣ предлагаетъ намъ теперь въ обра-зецъ? Языкъ слѣдуетъ всегда за науками, за художествами, за просвѣщеніемъ, за правами, за обычаями. Придетъ время, когда и нынѣшній языкъ будетъ старъ: цвѣты слога вянутъ, подобно всѣмъ другимъ цвѣтамъ. Въ утѣшеніе писателю остается, что умъ и чувствованія не теряютъ своихъ пріятностей и достигаютъ до самаго отдаленнаго потомства. Красавицы двадцать третьяго вѣка не станутъ, можетъ быть, искать могилы Бѣдной Лизы; но и въ двадцать третьемъ вѣкѣ другъ словесности, любопытный знать того, кто за 400 лѣтъ прежде очистилъ, украсилъ нашъ языкъ и оставилъ послѣ себя имя любезное отечественнымъ благодарнымъ музамъ, другъ словесности, читая сочиненія Карамзина, всегда скажетъ: „онъ имѣлъ душу, онъ имѣлъ сердце“!... Всѣ языки со-ставились одинъ изъ другаго обмѣномъ взаимнымъ. Римляне при-няли много словъ отъ грековъ и передали много своихъ другимъ народамъ. Французы приняли слова греческія, латинскія и даже итальянскія, для того что итальянцы прежде ихъ упражнялись въ наукахъ и художествахъ. Англичане образовали свой языкъ изъ разныхъ языковъ, древнихъ и новыхъ. Почему намъ однимъ не занимать?... Впрочемъ, мы не хотимъ оправдывать дурныхъ писа-

телей, которые, ссылаясь на хорошихъ, употребляющихъ иностранныя слова, забываютъ границы, опредѣляемыя разсудкомъ и вкусомъ; такихъ людей очень много; по счастью никто не подражаетъ имъ. Сочинитель Разсужденія о слогѣ не любитъ даже и настоящихъ русскихъ словъ, если нѣтъ ихъ въ книгахъ старинныхъ. .. Вмѣсто „вліяніе“ онъ велитъ писать „наитествованіе“, вмѣсто „развитіе“ „прозябаніе понятій“. Сочинитель Разсужденія о слогѣ, утверждая, что каждый народъ въ составленіи языка своего умствовалъ по собственнымъ своимъ понятіямъ, весьма различнымъ отъ другаго народа, подаетъ оружіе на себя, ибо въ отношеніи къ обычаямъ и понятіямъ, мы теперь совсѣмъ не тотъ народъ, который составляли наши предки, слѣд. хотимъ сочинять фразы и производить слова по своимъ понятіямъ, нынѣшнимъ, умствуя какъ французы, какъ нѣмцы, какъ всѣ нынѣшніе просвѣщенные народы. Неужели сочинитель, для удобнѣйшаго возстановленія стариннаго языка, хочетъ возвратитъ насъ и къ обычаямъ и къ понятіямъ стариннымъ?...“ ¹⁾).

Димитрій Васильевичъ Дашковъ (1788—1839), изъ дворянъ Рязанской губерніи, воспитанникъ Университетскаго пансіона и Московскаго Университета, былъ нѣсколько времени министромъ юстиціи. Во время пребыванія въ Турціи при посольствѣ, онъ путешествовалъ по Греціи и собиралъ греческія антологическія стихотворенія, которыя потомъ напечаталъ (Цвѣты изъ греческой антологіи). Когда Шишковъ напечаталъ переводъ двухъ статей изъ Лагарпа со своими примѣчаніями, Дашковъ, будучи членомъ Арзамасскаго общества, написалъ разсмотрѣніе этихъ статей и примѣчаній Шишкова; а Шишковъ написалъ критику на разсмотрѣніе, Дашковъ написалъ антикритику: „О легчайшемъ способѣ возражать на критики“ ²⁾. Въ первой статьѣ онъ возстаетъ противъ смѣшенія русскаго языка съ церковно-славянскимъ. „Я не отвергаю, говоритъ онъ, чтобы языкъ нашъ не былъ весьма близокъ къ славенскому и чтобы сей послѣдній не былъ главнымъ основаніемъ его; но не слишкомъ ли много смѣшивать сіи два языка и почитать ихъ за одинъ и тотъ же? Россійскій языкъ происходитъ отъ славянскаго точно также, какъ французскій отъ латинскаго, смѣшаннаго съ кельтскимъ или вельхскимъ, съ тѣмъ только различіемъ, что французскій еще въ X вѣкѣ началъ отдѣляться отъ корня своего, а мы на нашемъ никакихъ сочиненій не имѣли до временъ Петра Великаго; но языкъ, которымъ говорили мы, давно уже отдѣлился отъ славенскаго, введеніемъ множества татарскихъ словъ и выраженій, совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ....

¹⁾ Сочиненія и переводы Петра Макарова. Томъ 1-й. Часть 2-я. Изд. 2-е. 1817 г. 15—56. 21 стр.

²⁾ О легчайшемъ способѣ возражать на критики. Спб. 1811 г. 1—75 стран.

Можно ли называть однимъ и тѣмъ же языкомъ два нарѣчія, изъ коихъ одно хотя непосредственно происходить отъ другаго, но смѣшано съ третьимъ, чуждымъ, и притомъ испорчено 500-лѣтнимъ употребленіемъ?— Для чего не пишемъ мы такимъ же точно языкомъ, какимъ писана Библія? Для чего большая часть нашихъ теперешнихъ выраженій не принадлежать къ славенскому языку, но даже и не отъ него происходить.... Правда, что возвышенный слогъ не можетъ у насъ существовать безъ помощи славенскаго; но сія необходимость пользоваться мертвымъ для насъ языкомъ для подкрѣпленія живаго не есть доказательство и притомъ требуетъ большой осторожности. Хорошіе писатели наши весьма наблюдаютъ это, и дѣйствительно въ ихъ сочиненіяхъ языкъ нашъ, хотя наполненный великолѣпнымъ славенскаго, не престаётъ однакоже быть русскимъ.... Раздѣленіе господиномъ переводчикомъ мнимаго славенороссійскаго языка на три слога: высокій, средний и низкій, изъ коихъ къ первому относить онъ чистый славенскій языкъ, а къ послѣднему простонародный, противно имъ самимъ предполагаемому совокупленію сихъ двухъ языковъ, и тогда названіе „славенороссійскій“ само собою уничтожается. При Петрѣ Великомъ или въ началѣ просвѣщенія нашего, высокимъ слогомъ, т. е. по просту на славенскомъ языкѣ, писали всякія книги безъ разбора, а простымъ слогомъ, или, лучше сказать, нарѣчіемъ, испорченнымъ изъ славенскаго и смѣшаннымъ со множествомъ татарскихъ словъ, тогда говорили. Нынѣ же, когда русскій языкъ образовался, сіе различіе въ слогъ съ точностію наблюдается по различію рода сочиненій, но исключительное назначеніе получаемыхъ нами отъ славенскаго пособій одному высокому слогу, а языка общенароднаго простому слогу не существуетъ, да и существовать не можетъ.... Сравненіе, дѣлаемое господиномъ переводчикомъ между красотами славенскаго языка, переносимыми въ словесность нашу, и введеніемъ въ оную французскихъ выраженій, съ дубовою рощею, которую хотятъ вырубить, дабы вмѣсто оной насадить молодыхъ ольхъ и осинъ, было бы очень кстати, если бы онъ подъ французскими выраженіями разумѣлъ токмо тѣ, которыя противны свойству языка нашего. Я согласенъ съ нимъ, что лучше, когда бы всѣ даже учебныя выраженія, безъ которыхъ мы теперь обойтись не можемъ, были переведены настоящими русскими словами; довольно видно изъ всѣхъ трудовъ его, что онъ, поступая согласно съ правилами своими, переводить почти каждое иностранное учебное слово, по необходимости нами употребляемое. Но можно ли все вдругъ обдумать? Не лучше ли тамъ, гдѣ дубовъ совсѣмъ нѣтъ, насадить хотя ольхъ, дабы сколько-нибудь имѣть тѣни. Я не защищаю тѣхъ, кои съ большимъ напряженіемъ силъ вырываютъ дубы, чтобы намѣсто ихъ

насадить осинъ: самое дѣйствіе ихъ показываетъ ихъ безразсудность, и въ семъ смыслѣ сравненіе господина переводчика совершенно справедливо. Но тамъ, гдѣ нѣтъ дубовъ, нельзя никому поставить въ порокъ, что онъ сажаетъ осины, только бы сажалъ ихъ къ сторонѣ, и оныя бы не дѣлали никакой нестроты съ главною частию роши“.

Вся литература тогдашняго времени раздѣлилась на двѣ стороны—защитниковъ Шишкова и послѣдователей Карамзина. Шишкова защищали нѣкоторые журналы, какъ „Сѣверный Вѣстникъ“ и „Журналъ російской словесности“ Брусилова (1805). Но главнымъ центромъ борьбы была Россійская Академія, гдѣ Шишковъ былъ президентомъ, и „Бесѣда общества любителей російской словесности“. Бесѣда издавала свои „Чтенія“, въ которыхъ печатались постоянно статьи, направленные противъ новаго языка и слога. Въ засѣданіяхъ Академіи представлялись переводы иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ безъ перевода. Переводы эти не отличались искусствомъ и подавали противной сторонѣ только поводъ къ насмѣшкамъ, таковы напр.: авторитетъ—превосходство; адресъ—надпись; адъюнктъ—пріобщникъ; актеръ—лицедѣй; аллея—прохожъ, просадъ; анаграмма—буквопреложеніе; антипатія—противустрастіе; аудиторія—слушалище; аудіенція—пріемъ. Школу Карамзина составляли всѣ молодые писатели. Органами этихъ карамзинистовъ были Драматическій Журналъ и Санкт-Петербургскій Вѣстникъ (1812 г.). Въ Драматическомъ Журналѣ была помѣщена комедія „Обращенный Славянофилъ“; въ этой комедіи Педантовъ, пріятель Славянофила, представленъ глущемъ и негодяемъ; въ Петербургскомъ Вѣстникѣ постоянно осмѣивались литературныя дикости членовъ Бесѣды. А. Измайловъ въ баснѣ: „Шутъ въ парикѣ“ смѣялся надъ нетерпимостію Шишкова, который въ защитѣ новаго слога видѣлъ нелюбовь къ Россіи и посягательство на вѣру; Боейковъ помѣстилъ Шишкова въ своей сатирѣ: „Домъ сумасшедшихъ“. Точно также Батюшковъ въ сатирическомъ стихотвореніи „Видѣніе на берегахъ Леты“ вывелъ все общество Бесѣды и во главѣ самого Шишкова. С. Т. Аксаковъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ борьба между карамзинистами и шишковистами проникла даже въ школы и раздѣляла на партіи воспитанниковъ. Но главнымъ боевымъ лагеремъ карамзинистовъ былъ „Арзамасъ или Арзамасское литературное общество“. Это общество и основалось для противодѣйствія „Бесѣдѣ російскаго слова“ и „Академіи Россійской“.

Шишковъ не могъ защитить своего ученія о языкѣ и слогѣ. У него не было самыхъ необходимыхъ для этого свѣдѣній историческихкихъ, безъ которыхъ онъ не могъ понять своей основной ошибки, именно, что славянскій и русскій языки составляютъ одинъ

языкъ; у него не было знанія древнихъ языковъ и вообще филологической подготовки, при которой онъ могъ бы разобратъся при сравненіи языковъ между собою. Гораздо справедливѣе были его нападенія на иностранное образованіе; онъ совершенно справедливо обвинялъ русское общество въ рабской подражательности, стоялъ за сохраненіе русской національности въ нравахъ, обычаяхъ, въ языкѣ, вообще во всемъ складѣ жизни. Въ этомъ отношеніи съ нимъ согласенъ былъ и Карамзинъ; онъ также защищалъ русскую народность и, какъ Шишковъ, написалъ Разсужденіе о любви къ отечеству и народной гордости. Но защищая русскую народность, Шишковъ защищалъ старую русскую жизнь въ томъ видѣ, какъ она сложилась въ древній до-Петровскій періодъ и не допускалъ никакого развитія, возставалъ противъ всѣхъ нововведеній; Карамзину не нравились только современные реформы; идеаломъ для него было царствованіе Екатерины II.

ШКОЛА КАРАМЗИНА.

Вліяніе Карамзина на современную литературу было такъ сильно, что изъ его послѣдователей образовалась цѣлая школа, носившая имя Карамзинистовъ. Болѣе крупными писателями, подражавшими Карамзину, были Дмитріевъ и Озеровъ. Они писали въ томъ же сентиментальномъ направленіи и продолжали его реформу въ языкѣ и слогѣ; то, что Карамзинъ сдѣлалъ въ области повѣствовательной, въ области повѣсти и романа, тоже самое произвели Дмитріевъ въ области лирической поэзіи, Озеровъ—въ области драмы.

ДМИТРІЕВЪ.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ ¹⁾ былъ воспитанникъ Волги, какъ Державинъ и Карамзинъ. Въ Запискахъ о своей жизни ²⁾ у него остались самыя теплыя воспоминанія о жизни на Волгѣ и о путешествіяхъ по ней до Сызрани и Астрахани. Онъ родился въ селѣ Богородскомъ Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи въ 1760 г. Сначала Дмитріевъ учился въ Казани у французскаго мѣщанина Манженя, въ то время, когда жилъ тамъ у дяди своего Бекетова; потомъ въ Симбирскѣ отданъ былъ въ пансіонъ Кадрита, отставнаго поручика, воспитанника Кадетскаго корпуса. Здѣсь онъ учился вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ языкамъ, французскому и нѣмецкому, русскому правописанію и слогу.

¹⁾ О жизни и стихотвореніяхъ Дмитріева въ сочиненіяхъ кн. Вяземскаго томъ I; у Галахова: Историческая христоматія, т. II, 66—72. Стихотворенія Дмитріева имѣли нѣсколько изданій; мы пользовались 4-мъ изданіемъ 1814 г. Москва.

²⁾ Взглядъ на мою жизнь. 3 части. Москва 1866.

исторіи и географіи. На 11-мъ году это ученіе прекратилось, и образованіе продолжалось самоучкой—путемъ чтенія ходячихъ тогда романовъ и повѣстей Скаррона, походовъ Робинзона Крузо, Тысячи и одной ночи, приключеній Жиль-Блаза де-Сантильяна, приключеній Маркиза Г. „Чтеніе этихъ книгъ, говоритъ Дмитріевъ, не имѣло вреднаго вліянія на мою нравственность. Смѣю даже сказать, что они были для меня антидотомъ противу всего низкаго и порочнаго. Приключенія Клевеланда и Маркиза Г. возвышали мою душу. Я всегда плѣнялся добрыми примѣрами и желалъ имъ слѣдовать“. Мать познакомила Дмитріева съ сочиненіями Сумарокова, котораго лично знала, а отецъ съ Ломоносовымъ. Но настала страшная пугачевщина, и отцу его некогда было заниматься образованіемъ дѣтей. Вмѣстѣ съ братомъ они продолжали читать русскія книги всякаго рода. Еще въ 1772 г. онъ вмѣстѣ съ братомъ былъ записанъ въ семеновскій полкъ; въ 1779 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ на службу въ этотъ полку, но пробылъ здѣсь не долго. Стихотворство Дмитріева началось по вызову Новикова съ надписи къ портрету Кантемира Подобно Державину, учившемуся писать стихи въ казармѣ, Дмитріевъ также писалъ первые свои стихи въ караульнѣ солдатскаго пикета, во время ротнаго и батальоннаго ученія въ Семеновскомъ полку. Во время службы въ этомъ полку онъ познакомился съ Козлятевымъ, который, сдѣлавшись его другомъ, имѣлъ большое вліяніе на образованіе его нравственнаго характера. „Онъ не могъ, говоритъ Дмитріевъ, передать мнѣ прекрасной души своей, но по крайней мѣрѣ примѣромъ своимъ отвращалъ меня отъ всего низкаго“. Въ его сужденіяхъ о русской словесности, всегда основанныхъ на чувствѣ изящнаго, Дмитріевъ почерпалъ ту вѣрность и утонченность вкуса, которая послѣ руководствовала его дарованіемъ. Въ его библіотекѣ онъ пользовался старыми и новѣйшими произведеніями французской литературы, чаще же всего классическими. Козлятевъ познакомилъ его съ сочиненіями Дидро, Даламбера, Рейналя, Мармонтеля, Лагарпа. По его совѣту онъ сталъ читать Квинтиліана объ ораторскомъ искусствѣ и курсъ словесности Батте и Мармонтеля. Около этого времени онъ познакомился и съ Карамзинымъ, съ которымъ въ первый разъ встрѣтился десятилѣтнимъ мальчикомъ въ Симбирскѣ. „Стоило намъ сойтись, говоритъ онъ, какъ мы уже стали короткими знакомцами. Едва-ли не съ годъ мы были неразлучными; склонность наша къ словесности, можетъ быть, что-то сходное въ нравственныхъ качествахъ укрѣпляли связь нашу день отъ дня болѣе и болѣе. Мы давали отчетъ въ нашемъ чтеніи. Между тѣмъ я показывалъ ему и мои мелкіе переводы, которые были печатаны особо и въ тогдашнихъ журналахъ“. Съ сочиненіями Державина Дмитріевъ познакомился еще въ 1776 г., но самого

его не видалъ, съ нимъ познакомилъ его П. Ю. Львовъ. Онъ показал Державину стихи Дмитріева, въ которыхъ было упомянуто о Державинѣ, какъ о единственномъ у насъ живописцѣ природы. Державинъ пригласилъ его къ себѣ. „Съ перваго посѣщенія я просидѣлъ у нихъ весь день, а чрезъ двѣ недѣли уже сдѣлался короткимъ знакомцемъ.—Со входомъ въ домъ его какъ будто мнѣ открылся путь и къ парнасу. Дотолъ бывъ знакомъ только съ двумя стихотворцами Е. И. Комаровымъ и Д. И. Хвостовымъ, я увидѣлъ въ обществѣ Державина нѣсколько поэтовъ и прозаистовъ..... Богдановича, Львова, Оленина, Фонъ-Визина, Петрова, Капниста“. Вообще о Державинѣ и его обществѣ въ запискахъ Дмитріева сохранилось самое подробное воспоминаніе; Державину и его кружку онъ приписываетъ весьма важное для него образовательное значеніе (52—69). Въ это время Карамзинъ возвратился изъ-за границы и началъ печатать Письма Русскаго Путешественника. Какъ ни велико было уваженіе его къ Державину и его сочиненіямъ, которыя были для него образцами, новое направленіе поразило Дмитріева, онъ перешелъ на сторону Карамзина и сдѣлался его подражателемъ и сотрудникомъ. „Съ начала 1791 г., говоритъ онъ, появился журналъ Карамзина подъ именемъ Московскаго и обратилъ на себя вниманіе первостепенныхъ нашихъ авторовъ. Всѣ отдали справедливость новому, легкому, пріятному и живописному слогу Писемъ Русскаго Путешественника, Натальи боярской дочери и другихъ повѣстей; въ первыхъ трехъ частяхъ его были напечатаны и мои стихотворенія, выбранныя издателемъ безъ моего назначенія, а по собственному его произволу изъ взятаго имъ моего бумажника. Всѣ они были едва-ли не ниже посредственныхъ; но съ четвертой части начался уже новый періодъ въ моей поэзіи: пѣсня моя „Голубокъ“ и „Модная жена“ приобрѣли мнѣ нѣкоторую извѣстность въ обоихъ столицахъ. Любители музыки сдѣлали на пѣсню мою нѣсколько голосовъ... Съ той поры и въ обществѣ Державина я пересталъ быть авскультантомъ и вступилъ, такъ сказать, въ собратство съ его членами; но ничье одобреніе не льстило моему самолюбію, какъ одинъ привѣтливый взглядъ Карамзина, или Козлятева. Въ тоже время я началъ изучать басенниковъ и выдалъ, подражая болѣе Лафонтену и Флоріану, нѣсколько басенъ. Мнѣ посчастливилось также и этими опытами угодить обществу и многимъ изъ литераторовъ“ (1). Самымъ счастливымъ и плодотворнымъ годомъ въ литературномъ отношеніи Дмитріевъ считалъ 1794 годъ, когда онъ жилъ въ Сызрани, въ кругу своего семейства и путешествовалъ по Волгѣ; въ этомъ году имъ написаны были: Гласъ Патріота, Чужой Толкъ, Ермакъ, Воз-

(1) стр. 69—70.

душныя башни, Причудница и посланіе къ Державину, по случаю кончины его супруги. По подражанію Карамзину, издававшему свои повѣсти, стихи и мелкія сочиненія подъ заглавіемъ: „Мои бездѣлки“, Дмитріевъ также издалъ собраніе своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: „И мои бездѣлки“. Въ 1795 г. Дмитріевъ оставилъ военную службу и перешелъ на гражданскую. Занятый новой службою, онъ ничего не писалъ до 1802 г., когда появился „Вѣстникъ Европы“ Карамзина: здѣсь онъ печаталъ свои басни. Въ 1802 г. онъ переселился въ Москву, купилъ себѣ домъ съ маленькимъ садомъ, украсилъ его сколько возможно лучше небольшимъ числомъ эстамповъ, достаточною бібліотекою и жилъ въ обществѣ своихъ друзей. „Не проходилъ ни одинъ день, чтобы я не видался съ Карамзинымъ, а по зимамъ и съ Козлятевымъ. Кромѣ ихъ я также съ удовольствіемъ проводилъ вечера у Натальи Ивановны Плещевой. Въ ея сельскомъ уединеніи развивались авторскія способности юнаго Карамзина. Она питала къ нему чувства нѣжнѣйшей матери. Не рѣдко посѣщаль я и почтеннаго моего земляка, Ивана Петровича Тургенева, тогдашняго директора Московскаго университета, равно и патріарха современныхъ поэтовъ, М. М. Хераскова“. — Литературная дѣятельность Дмитріева была необыкновенно счастлива. Его имя повсюду помнилось наряду съ именемъ Карамзина, какъ первостепеннаго писателя. Академія Россійская поднесла ему большую золотую медаль съ надписью: „Россійскому языку пользу принесшему“. Въ 1807 г. онъ, будучи уже сенаторомъ, получилъ предложеніе отъ графа Завадовскаго занять мѣсто попечителя Московскаго университета, отъ котораго онъ однакожъ отказался: а чрезъ три года послѣ того онъ сдѣланъ былъ министромъ юстиціи. Такимъ образомъ и на литературномъ поприщѣ и въ служебномъ мірѣ Дмитріевъ достигъ высокой славы и первыхъ почестей. Такое счастливое положеніе Дмитріева Карамзинъ очень хорошо выразилъ въ подписи къ его портрету въ слѣдующихъ стихахъ:

Министръ, поэтъ и другъ: я все тремя словами
Объ немъ для похвалы и зависти сказать.
Прибавлю, что чиновъ и рюмъ онъ не искалъ.
Но рюмы и чины къ нему летѣли сами ¹⁾.

Сочиненія Дмитріева. Первые сочиненія Дмитріева до того времени, пока онъ не познакомился съ Письмами Русскаго Путешественника, написаны въ классическомъ стилѣ. Къ нимъ относятся лирическія произведенія: религіозныя и патріотическія оды и посланія, сатиры и разныя мелкія стихотворенія.

¹⁾ Соч. Карамзина, т. I, 223.

Религіозныя стихотворенія. Въ гимнѣ Богу:

Нарю душой къ Тебѣ, Всечтимый,
Превѣчно Слово, Трисвятый....

изображается величіе и всемогущество Божіе; въ „Размышленія по случаю грома“

Гремитъ!... Благоговѣй сынъ персти!
Се Ветхій деньми съ небеси,
Изъ кроткой, благотворной длани
Перуны сѣтъ по землѣ....

изображается чувство смиренія передъ Богомъ, возбужденное въ душѣ человѣка такимъ грознымъ и величественнымъ явленіемъ природы, какъ гроза. Оба эти стихотворенія совершенно справедливо помѣщаются въ разныхъ учебникахъ, какъ образцы духовной поэзіи на ряду съ „Утреннимъ и Вечернимъ размышленіемъ о Божіемъ величествѣ“ Ломоносова и одою „Богъ“ Державина. Они написаны, несомнѣнно, подъ вліяніемъ этихъ образцовъ, хотя въ „Размышленія по случаю грома“ нѣкоторые находятъ подражаніе стихотворенію Гёте: „Границы человѣчества“. Особенное достоинство этихъ стихотвореній заключается въ краткости и простотѣ сравнительно съ многословными и витіеватыми гимнами другихъ поэтовъ, писавшихъ въ религіозномъ стилѣ.

Патріотическія стихотворенія. Къ патріотическимъ стихотвореніямъ относятся: Ермакъ, Освобожденіе Москвы отъ Поляковъ въ 1612 г., къ Волгѣ, Смерть князя Потемкина, Гласъ патріота на взятіе Варшавы, Стихи на высокомонаршую милость, оказанную императоромъ Павломъ I потомству Ломоносова. Но патріотическое чувство выражается въ нихъ въ разныхъ преувеличеніяхъ и довольно холодно, по крайней мѣрѣ безъ истиннаго одушевленія, исходящаго изъ сердца и возбуждающаго сердце читателя. Вотъ напр. какими стихами оканчивается описаніе подвига Ермака въ первой піесѣ:

Великій! Гдѣ бъ ты ни родился,
Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ,
Твой подвигъ жизни совершился;
Хотя бъ исчезъ твой самый прахъ,
Хотя бъ сыны твои, потомки,
Забывъ дѣянья предка громки,
Считались въ дебряхъ и лѣсахъ,
И жили съ алчными волками;
Но ты, великій человѣкъ,
Пойдешь въ ряду съ полубогами

Изъ рода въ родѣ, изъ вѣка въ вѣкъ;
И славы лучъ твоей затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится
И время на косу падетъ.

Въ такомъ же родѣ было описаніе поединка Ермака съ Мегметъ-Куломъ, которое прежде приводили въ христоматіяхъ, какъ образецъ художественныхъ описаній, но которое нынѣ можетъ служить образцемъ преувеличенныхъ изображеній Дмитріева. Въ піснѣ „Освобожденіе Москвы“ интересно описаніе Москвы, которое такъ же прежде приводилось въ христоматіяхъ, какъ образцовое.

Въ какомъ ты блескѣ нынѣ зрима,
Княженій, царствъ великихъ мать!
Москва, Россіи дочь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскать?
Вѣнецъ твой перлами украшенъ;
Алмазный скиптръ въ твоихъ рукахъ;
Верхи твоихъ огромныхъ башенъ
Сіяютъ въ златѣ, какъ въ лучахъ;
Отъ Норда, Юга и Востока,
Отвсюду быстротой потока
Къ тебѣ сокровища текутъ;
Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А дѣвы—розами цвѣтутъ! ¹⁾

Стихи на милость, оказанную императоромъ Павломъ I потомству Ломоносова, написаны въ классическомъ стилѣ самого Ломоносова и совершенно напоминаютъ его оды имп. Елизаветѣ и меценату Шувалову.

Въ Пісни на коронованіе императора Александра I, авторъ обращается къ Александру со слѣдующими словами:

Монархъ! подъ сими небесами,
На семъ же мѣстѣ Іоаннъ
Пріялъ геройскими руками
Вѣнецъ, которымъ ты вѣнчанъ.
Благоговѣй къ своей порфирѣ:
Ее носилъ Великій въ мірѣ,
Самъ Петръ на мощныхъ раменахъ!
Благоговѣй предъ сей державой:
Она горитъ, блистаетъ славой
Премудрѣя одной въ женахъ! ²⁾

Дмитріевъ написалъ еще нѣсколько одъ въ подражаніе Горацію.

¹⁾ Сочин. ч. I, 9—10. ²⁾ Часть I, 30.

Сатиры Дмитріева. Дмитріевъ перевелъ сатиру Ювенала „О благородствѣ“ и посланіе англійскаго поэта Попа къ доктору Арбутноту. Эта сатира, написанная на бездарныхъ стихотворцевъ, вѣроятно, и подала мысль Дмитріеву написать „Чужой толкъ“, въ которомъ также осмѣиваются бездарные слагатели торжественныхъ одъ.

Что за диковина? Лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягну умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой имянной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собраты равнымъ,
И столькожъ, какъ они, во пѣснопѣи славнымъ?
Какъ думаешь!... Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ и нашу пѣснь: въ ихъ... нечего читать!
Листочикъ, много три, а люблю какъ читаешь—
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвясь, а не четыре дни;
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливей,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь, нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
Надъ парю стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣеть, думать, чертить и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!

„Чужимъ толкомъ“ эта сатира названа потому, что авторъ ея свои разсужденія въ ней представляетъ отъ лица какого-то Аристарха. Объясняя причины неудачи такихъ одописцевъ, онъ между прочимъ указываетъ на то, что эти одописцы люди дѣловые, а совсѣмъ не призванные поэты:

Большая часть изъ нихъ—лейбгвардіи капралъ,
Ассессоръ, офицеръ, какой-нибудь подъячій,
Иль изъ кунсткамеры антикъ въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ—народъ все нужный, должностной.—
Ихъ цѣль—награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другаго,
Кромѣ придворнаго подъ чашъ мѣсяцеслова;
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякой листъ быть кажется святымъ.

Дмитріевъ осмѣиваетъ всю ихъ бездарность, изображаетъ подробно процессъ составленія оды однимъ знакомымъ ему одописцемъ...

И оду ужъ его тисненію продають.
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продають.
Вотъ какъ пиндарили онъ и все ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны.

Сатира эта, лучшее изъ стихотвореній Дмитріева, получила историческое значеніе. Осмѣявъ бездарныхъ слагателей одъ, она вообще уничтожила страсть писать оды и вмѣстѣ съ сочиненіями Карамзина содѣйствовала упадку ложно-классическаго направленія въ лирической поэзіи. Она всегда пользовалась особенною популярностію, помѣщалась въ христоматіяхъ, заучивали её наизусть, и большая часть выраженій изъ нея употреблялись какъ пословицы.

Пѣсни. Пѣсни написаны Дмитріевымъ тогда, когда онъ познакомился съ Карамзинымъ. Онѣ выражаютъ уже новое, сантиментальное направленіе: по содержанію онѣ ничѣмъ не отличаются; главное достоинство ихъ заключается въ гладкихъ и легкихъ стихахъ. Лучшія изъ нихъ: „Ахъ, когда бъ я прежде знала, что любовь родить бѣды“; „Куда мнѣ, сердце страстно, куда съ тобой бѣжать“? „Что съ тобою, ангелъ, стало“? „Всѣхъ цвѣточковъ болѣ розу я любилъ“. „Стопеть сизый голубочекъ, стопеть онъ и день и ночь“. Последнія двѣ пользовались особенною популярностію и часто пѣлись современниками.

Сказки. О сказкахъ Дмитріева Вяземскій говоритъ: „Нигдѣ не оказалъ онъ болѣе ума, замысловатости, вкуса, остроумія, болѣе стихотворнаго искусства, какъ въ своихъ сказкахъ. Сумароковъ (Панкратій) писалъ сказки; но онѣ въ сравненіи со сказками нашего поэта то, что святошныя игрища въ сравненіи съ истинною комедіею“. Въ сказкѣ „Модная жена“ изображается, какъ молодая жена обманываетъ стараго мужа. Пролазъ, который невиннымъ ремесломъ (все ползъ, да ползъ, да билъ челою) „доползъ до права ѣздить шестеркою въ каретѣ—человѣкъ, съ какимъ встрѣчаемся на всѣхъ перекресткахъ, на всѣхъ обѣдахъ именинныхъ и карточныхъ вечеринкахъ. Миловзоръ—образецъ всѣхъ угодниковъ дамскихъ, только съ тою разницею, что они у него не переняли искусства изъясняться правильно и красиво на языкѣ отечественномъ“¹⁾.

Сказка „Воздушныя башни“ написана подъ вліяніемъ Шехеразады, сказки которой авторъ читалъ съ увлеченіемъ еще въ дѣтствѣ:

Какъ сказки я си любилъ:
Читая ихъ... промай учитель,

¹⁾ Вяземскій, I, 144—146.

Симбирскъ и Волга!... все забылъ!
Уже я всей вселенной зритель...

Сказка очень забавна и игрива, написана легкими стихами на тему, какъ мечтатель Альнаскаръ разметался до того, что въ одинъ мигъ уничтожилъ свой коробъ съ хрустальной посудой, а съ нимъ и свои воздушныя башни, которыя онъ строилъ на немъ въ своемъ воображеніи. Здѣсь между прочимъ о своихъ сказкахъ Дмитріевъ замѣчаетъ:

Я знаю, что онѣ не важны, бесполезны;
Но все ли одного полезнаго искать?
Для сказки и того довольно,
Что слушаютъ её безъ скуки, добровольно,
И можетъ иногда улыбку съ насъ сорвать.

Сказка „Причудница“, по замѣчанію Л. Н. Майкова, переведена изъ сказки Вольтера *La begueule*¹⁾. Она написана на тему,

Что мы всегда чужой завидуя судьбѣ
И новыхъ благъ желая,
Изъ доброй воли въ адъ влечемъ себя изъ рая.

Вѣтрапа, съ малыхъ лѣтъ избалованная всякимъ довольствомъ, ничѣмъ не была довольна и желала, сама не зная чего. Чтобы излечить её отъ этой болѣзни, крестная мать ея, волшебница Всеѣда, усыпила её на три дня, представивши ей во снѣ дворецъ феи, который ей страшно надоѣлъ. Въ описаніи дворца слишкомъ замѣтно подражаніе „Душенькѣ“ Богдановича, котораго и вспоминаетъ авторъ. Сказка написана въ игриво-шутливомъ тонѣ, который мѣстами сбивается на балагурство. Фантастическій элементъ сказки показываетъ, что авторъ читалъ Шехеразаду. Сказки Дмитріева были первыми попытками повѣсти въ стихахъ, какъ повѣсти Карамзина, Бѣдная Лиза и Наталья боярская дочь, стали первыми повѣстями въ прозѣ. Характеровъ въ этихъ повѣстяхъ нѣтъ; дѣйствующія лица обозначаются иносказательно, часто очень фигурными и изысканными именами (ярлыки, елочки): Пролазь, Милозоръ, князь Вѣтровъ, Вѣтрапа, Всеѣда, Сердечкинъ. Направление въ повѣстяхъ дидактическое; тогда была мода подъ шутливой, комической или сатирической маской проводить какое-нибудь поученіе на ту или другую тему. При этомъ авторъ, какъ воспитаникъ Фоблаза, при описаніяхъ порока иногда слишкомъ вдавался въ соблазнительныя подробности, такъ что онѣ совершенно закрывали поученіе, захватывая все вниманіе читателя, и, разумѣется,

¹⁾ Батюшковъ, II, 398.

приводили къ цѣлямъ совершенно противоположнымъ благочестивому намѣренію писателя. Это сказалось, хотя далеко не такъ рѣзко, какъ у другихъ, и у Дмитріева, особенно въ его Модной женѣ.

Дмитріевъ написалъ много посланій, надписей, эпитафій и другихъ мелкихъ стихотвореній. Вяземскій придаетъ имъ большое значеніе. „Въ сихъ игрушкахъ ума не замѣчается трудъ авторскій; кажется, что стихи написаны не перомъ рачительнымъ, а набросаны рукою легкою и своевольною. Въ надписяхъ и эпиграммахъ и другихъ мелкихъ стихотвореніяхъ поэтъ нашъ открылъ дорогу своимъ преемникамъ. До него не умѣли ни хвалить такъ тонко, ни насмѣхаться остроумно“ ¹⁾. Изъ надписей Дмитріева лучшая и болѣе характерная—уже приведенная нами выше надпись къ портрету Хераскова, а изъ эпитафій лучшія—двѣ эпитафіи Богдановичу.

Басни Дмитріева. Но больше всего удалась Дмитріеву басня; эта форма болѣе другихъ формъ и подходила къ его дидактическому характеру. „Басни И. И. Дмитріева, если бы онъ и не оставилъ другихъ памятниковъ поэтическихъ, служили бы доказательствомъ, что его гибкое дарованіе способно къ разнообразнымъ измѣненіямъ. Кажется, неоспоримо, что онъ первый началъ писать у насъ басни съ правильностію, красотію и поэзіей въ слогѣ“ ²⁾. Лучшими баснями Вяземскій признаетъ: „Дубъ и трость“; „Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ“; „Мышь, удалившаяся отъ свѣта“; „Чирикъ и зяблица“; „Лиса проповѣдница“; „Два голубя“; „Человѣкъ и конь“; „Истерія“; „Прохожій“; „Два друга“; „Котъ, Ласточка и Кроликъ“; „Воспитаніе Льва“; „Старикъ и трое молодыхъ“; „Пескатели Фортуны“; „Царь и два пастуха“ ³⁾. Говоря объ отношеніи Дмитріева къ Крылову, Вяземскій замѣчаетъ: „Крыловъ нашелъ языкъ выработанный, многія формы его готовые, стихосложеніе—хотя и нынѣ еще у насъ довольно упорное, но уже сколько-нибудь смягченное опытами силы и мастерства“ ⁴⁾.

О свойствахъ поэзіи Дмитріева Вяземскій говоритъ: „Вотъ они: правильность языка, красивость слога, свобода стихосложенія, вѣрный вкусъ, умъ острый и замысловатый, воображеніе не стремительное, но живое, насмѣшливость не язвительная, но колкая, совершенство отдѣлки и вообще тотъ глянецъ искусства, который преимущественно замѣтенъ въ твореніяхъ французовъ, и придаетъ послѣдній блескъ красотѣ, какъ художественная оправка удваиваетъ достоинство драгоценнаго камня“ ⁵⁾. Если эта похвала вообще можетъ считаться преувеличенной, то все, что сказано о

¹⁾ Сочин. Вяземскаго, ч. I. 134. ²⁾ Тамъ же, 135. ³⁾ Тамъ же, 139.

⁴⁾ Тамъ же, 144. ⁵⁾ Тамъ же, 149.

достоинствахъ языка и слога, совершенно справедливо: Дмитріевъ дѣйствительно весьма много усовершенствовалъ языкъ и слогъ стихотвореній, сообщивъ имъ правильность и разнообразіе, легкость и свободу; въ этомъ отношеніи его имя стоитъ на ряду съ именемъ Карамзина, который усовершенствовалъ языкъ и слогъ прозаическій. Но что касается его поэзін вообще, то „въ стихахъ его замѣчается, какъ онъ самъ сознается въ своихъ Запискахъ, скудость въ идеяхъ, и болѣе живости, украшеній, чѣмъ глубокомыслія и силы. Отъ того, говоритъ онъ, послѣдовало и то, что ни въ которомъ изъ лучшихъ моихъ стихотвореній нѣтъ обширной основы“ ¹⁾). Дмитріевъ былъ весьма умный и литературно-образованный писатель. Онъ любилъ и умѣлъ излагать свои мысли и чувства въ хорошихъ изящныхъ стихахъ. Его стихотворныя изложенія въ сравненіи съ плодовитыми и черезчуръ широковысказательными современными ему писателямъ отличаются сдержанностью, умѣренностью и краткостью, которыя часто доходятъ до сухости. Въ этомъ отношеніи стихи его напоминаютъ стихи Хемпфера, и при чтеніи ихъ представляется, что какъ будто ихъ писалъ не русскій человѣкъ, не любящій и не знающій мѣры, но аккуратный нѣмецъ, все заключающій въ границы, даже увлеченія чувства и страсти. То, что Вяземскій сказалъ о біографическихъ Запискахъ Дмитріева, что онъ писалъ ихъ во фрагмъ, какъ Державинъ писалъ свои Записки въ халатѣ, можетъ быть приложено и къ другимъ сочиненіямъ Дмитріева; въ характерѣ писателя выражается весь человѣкъ.

В. А. ОЗЕРОВЪ.

Вяземскій называетъ Озерова преобразователемъ русской трагедіи и сравниваетъ его заслуги съ заслугами Карамзина, преобразователя русскаго прозаическаго языка. Этотъ отзывъ, конечно, страдаетъ преувеличеніемъ; но въ немъ есть своя часть правды: Озеровъ далъ лучшіе образцы русской трагедіи въ новомъ, хотя также одностороннемъ направленіи; слѣдуя формамъ ложно-классической французской драмы, онъ внесъ въ свои трагедіи элементъ сантиментальный.

Владиславъ Александровичъ Озеровъ ²⁾ (1770—1816) родился въ Тверской губерніи, получилъ свое образованіе въ Кадетскомъ

¹⁾ Взглядъ на мою жизнь. Записки И. И. Дмитріева. 1866, стр. 92.

²⁾ Сочиненія Озерова были издаваемы нѣсколько разъ. Въ изданіи перечислены въ Истор. хрестоматіи Галахова II, 293. Мы пользовались изданіемъ Смирдина 1816 г. Объ Озеровѣ см. въ Исторіи основанія русскаго театра Карабанова 1819 г.; у князя Вяземскаго: Сочиненія т. I; у Л. Н. Майкова: Сочиненія Батюшкова, томъ I.

корпусъ и преимущественно на французской литературѣ и самое первое стихотвореніе его было написано по французски. Изъ русскихъ же писателей первыми учителями его въ языкъ и словесности были Княжнинъ и Болтинъ, позднѣе онъ познакомился съ Державиннымъ, Дмитриевымъ и Карамзиннымъ. Самое чтеніе французскихъ романовъ и сильная платоническая любовь къ одной женщинѣ, на которой онъ не могъ жениться, потому что она была замужняя, имѣли вліяніе на складъ его sentimentalнаго характера и сообщили романическій цвѣтъ всей его поэзіи. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ военной службѣ, онъ перешелъ въ гражданскую, въ которой также оставался недолго. По выходѣ въ отставку, онъ долго страдалъ разстройствомъ умственныхъ способностей; глубокая чувствительность, бывшая источникомъ его дарованій, была вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ его мученій. Жуковский смерть Озерова приписываетъ чувствительности и печали, испытанной имъ отъ завистниковъ:

Чувствительность его сразила,—
Чувствительность, которой сила
Моими душу создала,
Ищущу погибелью была....

Между врагами его современники называютъ Шаховскаго, который былъ упорнымъ ревнителемъ классической школы и самымъ яркимъ ненавистникомъ и гонителемъ школы sentimentalной и непріязненно относился къ Карамзину и Жуковскому ¹⁾. Интриги партій особенно обнаружались послѣ перваго представленія „Поликсены“, которую Озеровъ считалъ лучшимъ своимъ произведеніемъ, по которой принята была на сценѣ довольно холодно. Въ 1808 г. Озеровъ уѣхалъ въ Красный Яръ, въ имѣніе своего отца, находившееся въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губерніи; здѣсь онъ и скончался въ 1816 г.—Первою трагедіею Озерова была „Смерть Олега Древлянскаго“, представленная на Петербургскомъ театрѣ въ 1798 г. Она написана въ стилѣ Княжнина и отличается больше его недостатками, чѣмъ его достоинствами. Первою трагедіею, доставившею славу Озерову, была трагедія „Эдипъ въ Афинахъ“; за нимъ слѣдовали: „Фингалъ“, „Дмитрій Донской“ и „Поликсена“. Въ собраніи сочиненій Озерова (изданіе Смирдина 1846 г.), кромѣ указанныхъ трагедій, помѣщены еще: переводъ Геронды Колярдо „Элонза къ Абелару“, четыре оды и четыре басни.

Основа трагедіи „Эдипъ въ Афинахъ“ взята изъ классической Оверской легенды о царѣ Лаіѣ и сынѣ его, Эдипѣ. Вотъ эта ле-

¹⁾ Извѣстна также народія на „Дмитрія Донскаго“—„Митюха Валдайской“, написанная Н. Семеновымъ. Переиздана Ефремовымъ въ 1878 г.

генда, какъ она изложена въ трагедіяхъ Софокла. Оявскій царь Эдипъ, по случаю моровой язвы, свирѣвствующей въ Фивахъ, представляется принимающимъ искреннее отеческое участіе въ бѣдствіяхъ своего народа. Но оракулъ Дельфійскій вѣщаетъ, что язва въ Фивахъ не прежде прекратится, — какъ будетъ наказанъ убійца царя Лайя, предшествовавшаго Эдипу на Фивскомъ престолѣ. Эдипъ предъ всѣмъ народомъ даетъ торжественную клятву непременно отыскать виновнаго и предать его заслуженной казни. И вотъ мало по малу начинается раскрываться несчастная судьба Эдипа. Предвѣщатель Тирезій, призванный для обличенія преступника, объявилъ, что этотъ преступникъ самъ Эдипъ; по слова его въ жару гнѣва сказанныя и съ гнѣвомъ принятыя сочтены клеветою и злымъ умысломъ враговъ. Вскорѣ потомъ Эдипъ, разговаривая съ своей женой Іокастой, которая прежде была женой Лайя, начинаетъ уже дѣйствительно опасаться за себя, когда узнаетъ отъ нея обстоятельства Лайевой смерти, воспоминаетъ объ убійствѣ, учиненномъ имъ точь въ точь при такихъ же обстоятельствахъ. Судьба Эдипа проясняется; однако жъ отъ совершенной увѣренности въ преступленіи удерживаетъ его одно обстоятельство. Эдипъ сынъ Коринѣскаго царя, Полиба; такъ думаетъ о себѣ онъ самъ; такъ думаютъ всѣ окружающіе его: между тѣмъ, по предсказанію оракула, Лай долженъ былъ умереть отъ руки сына своего. Слѣдовательно убійцей Лайя не можетъ быть Эдипъ. Правда, Іокаста сказывала, что у нея отъ Лайя былъ сынъ; но сынъ этотъ, по ея словамъ, погибъ еще въ младенствѣ, брошенный, по приказанію отца, на непроходимую гору. Нужно было доказать, что этотъ сынъ Лайя, котораго считали погибшимъ въ младенствѣ, есть самъ Эдипъ. Къ этому роковому открытію приводитъ Эдипа посолъ, прибывшій изъ Коринѣа съ вѣстію о смерти тамоннаго царя, Полиба, и съ предложеніемъ ему престола отъ лица Коринѣянъ. Между прочимъ посолъ открываетъ, что Полибъ и Мерона, его супруга, которыхъ Эдипъ считаетъ за своихъ родителей, не суть истинные его родители, но что онъ обязанъ имъ только воспитаніемъ, что онъ еще въ младенствѣ взятъ ими изъ рукъ одного пастуха, пасшаго стада подлѣ горы Кличонской. Для повѣрки этого извѣстія Эдипъ приказываетъ привести того самаго пастуха, который отдалъ сына Лайева одному коринѣянину. Тотъ подтверждаетъ все сказанное посломъ касательно передачи младенца. Открывается, что этотъ младенецъ былъ сынъ Лайя и Іокасты, котораго родители, испуганные ужаснымъ на счетъ его предсказаніемъ, именно, что онъ убьетъ своего отца и женится на своей матери, поручили было ему для умерщвленія, но что онъ изъ жалости спасъ ему жизнь, сдавши на руки коринѣянину. Эдипъ узнаетъ, что онъ убійца отца, мужъ своей матери и братъ своимъ дѣтямъ. Неслы-

ханный неумышленный злодѣй выкалываетъ себѣ глаза, оставляетъ престолъ и въ одеждѣ нищаго странствуетъ изъ одного мѣста въ другое, руководимый дочерью своими Антигоной и Исменой. Въмѣсто Эдипа Ѡивскій престолъ занялъ сынъ его Полиникъ, который выгналъ Эдипа изъ Ѡивъ; но братъ Полиника Этеоклъ, соединившись съ Креономъ, составилъ заговоръ противъ Полиника и самого его выгналъ изъ Ѡивъ. Началась борьба между братьями изъ за обладанія Ѡивами и привела къ войнѣ. Семь предводителей предъ началомъ войны спрашивали оракула, который отвѣтилъ, что побѣдителемъ будетъ тотъ, на чью сторону перейдетъ Эдипъ. Судьба сжалилась надъ Эдиномъ, позволила ему умереть тихо и спокойно, и опредѣлила, что смерть его послужитъ условіемъ побѣды для того народа, земля котораго будетъ ему могилой. Эдипъ, изнуренный годами и страданіями, приходитъ въ Атику, въ окрестности небольшого селенія Колона и останавливается въ рошѣ, посвященной Эменидамъ. Въ этой сторонѣ ему суждено найти пристанище и конецъ жизни. Креонъ убѣждаетъ Эдипа перейти въ Ѡивы и принять въ борьбѣ сторону Этеокла; но Эдипъ отказывается. Возмущенный этимъ отказомъ, Креонъ отнимаетъ у Эдипа дочерей; но Тезей, царь Аѣнскій, возвращаетъ ихъ Эдипу и проситъ у него позволенія представить человѣка, который умоляетъ съ сокрушеннымъ сердцемъ боговъ дать ему возможность увидѣть Эдипа. Эдипъ догадывается, что это долженъ быть Полиникъ; онъ не хочетъ и видѣть Полиника, и если соглашается допустить его къ себѣ, по просьбѣ любимой дочери своей Антигоны, то только для того, чтобы произнести надъ нимъ проклятіе. „Не ты ли, злодѣй, выгналъ своего отца? Не ты ли довелъ меня до нищенства?... И не будь у меня этихъ двухъ дочерей, — я умеръ бы съ голода и все отъ твоей вины.... Нѣтъ, не видать тебѣ никогда Ѡивскихъ стѣнъ, которыя ты идешь осаждать! Оба вы съ братомъ твоимъ погибнете подъ этими стѣнами, плавая одинъ въ крови другаго. Вотъ проклятіе, которое я произношу надъ вами, чтобы научить васъ, какъ уважать тѣхъ, кому вы обязаны жизнью, и не презирать вашего отца, потому что онъ слѣпъ и немощенъ“. За этимъ проклятіемъ послѣдовалъ громъ, и Эдипа не стало. Этеоклъ и Полиникъ, по предсказанію Эдипа, дѣйствительно погибли въ междоусобной войнѣ подъ стѣнами Ѡивъ. Креонъ издалъ повелѣніе, чтобы никто не смѣлъ хоронить трупъ Полиника, какъ врага отечества, но Антигона, не смотря на всѣ убѣжденія Исмены покориться этому повелѣнію, похоронила Полиника, по любви къ брату, слѣдуя не царскому закону, а закону, начертанному самою природою въ сердцѣ человѣческомъ, и какъ преступница предана смерти. Такъ погибъ, по волѣ судьбы, весь родъ Эдипа. Изъ этой легенды Софоклъ составилъ свою трилогію, состоящую изъ трехъ

трагедій: Эдипъ царь, Эдипъ Колонскій и Антигона. Трагедія Озерова представляетъ передѣлку второй трагедіи Софокла: „Эдипъ Колонскій“. Но Озеровъ не самъ непосредственно передѣлалъ греческаго Эдипа; онъ самъ даже не зналъ греческаго языка; онъ взялъ своего Эдипа изъ французскаго трагика Дюси. Изъ Дюси же взяты и тѣ новыя черты и весь колоритъ, съ какимъ являются у него всѣ дѣйствующія лица трагедіи. Дюси принадлежалъ къ тогдашней сентиментальной школѣ поэзій: подъ вліяніемъ сентиментальной поэзій измѣнилось все міросозерцаніе античной легенды; строгія и величавыя личности царя Эдипа и др., какъ орудія неумолимой судьбы, утратили свой характеръ и явились нѣжными и чувствительными. Такими же онѣ являются и въ трагедіи Озерова. Эдипъ изображается какъ величайшій преступникъ; онъ убилъ своего отца и женился на своей матери; но по основному смыслу греческой легенды этотъ величайшій преступникъ совершенно не виновенъ; его преступленія—дѣло судьбы, проклятiе которой тяготѣло надъ всѣмъ домомъ Лайя. Не признавая себя виновнымъ, Эдипъ спокойно говоритъ о своихъ преступленіяхъ и сурово относится къ своимъ дѣтямъ, которые возстали противъ него и также спокойно изрекаютъ имъ свое проклятiе. Но у Дюси и Озерова Эдипъ является глубоко сознающимъ всю тяжесть своихъ преступленій и совершенно отвѣтственнымъ предъ своею совѣстію. вмѣсто суроваго и строгаго старца—отца у Дюси является слабый, страдающій, чувствительный старецъ; у него нѣтъ того ожесточенія противъ дѣтей, какъ у Софоклова Эдипа: онъ невольно уступаетъ Антигонѣ, умоляющей его простить ея брата, Полиника. Смерть Эдипа у Софокла облечена покровомъ тайны: могила его должна остаться ни для кого неизвѣстною; у Дюси нѣтъ этой таинственности; Эдипъ умираетъ подъ ударами грома. Измѣненъ у Дюси также и характеръ Антигоны. Въ Антигонѣ Софокла представленъ типическій образецъ дочери, любящей своего отца; кротость и добродушіе и въ тоже время строгость составляютъ ея отличительныя черты. Она говоритъ мало: въ ея любви и преданности нѣтъ ничего восторженнаго, потому что любовь и преданность составляютъ у нея долгъ. Когда Эдипъ умеръ, зритель видитъ Антигону на колѣняхъ; склонивъ голову на грудь, она оплакиваетъ того, кто взятъ изъ міра богами. Теперь она должна была примирить враждующихъ между собою братьевъ, и она отправляется въ Оивы, гдѣ еѣ ожидаютъ новыя бѣдствія. Креонтъ обвиняетъ еѣ въ нарушеніи его постановленія, запрещающаго хоронить Полиника, по это повелѣніе противно закону природы, начертанному въ сердцѣ человѣка. Изъ такого величаваго образа у Дюси выпала слабая сентиментальная дѣвушка, многорѣчивая и плаксивая. Она говоритъ длинныя рѣчи о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ своему старому и слѣпому отцу.

Трагедія Озерова открывается на полѣ предъ Аонинами хоромъ народа къ Аонинскому царю Тезею:

Какъ ясно солнице на восходѣ
Весной природу всю живить,
Такъ добрый царь въ своемъ народѣ
Сердца приходомъ веселить.
Тезей, Аонинъ избавитель,
Надменность Критскую поправъ;
Онъ счастья нашего ожидатель:
Законы мудрые намъ далъ ¹⁾.

Является Ойвскій посланникъ Креонъ и предлагаетъ Тезею вступить въ союзъ съ Этеокломъ противъ Полиника, который осадилъ Ойвы съ семью вождями. Но Тезей отказывается отъ этого предложенія, не желая жертвовать жизнію своихъ подданныхъ для защиты чужихъ царствъ; а за цѣлость своего царства онъ не боится.

Мой мечъ союзникъ мнѣ
И подданныхъ любовь къ отеческой странѣ.
Гдѣ на законахъ власть царей установлена,
Сразить то общество не можетъ и вселенна ²⁾.

Это составляетъ содержаніе перваго дѣйствія. Второе дѣйствіе происходитъ на томъ же полѣ около храма Эвменидъ. Здѣсь Эдипу богами было суждено найти успокоеніе отъ своихъ продолжительныхъ физическихъ и нравственныхъ страданій. Между Эдипомъ и Антигоной происходитъ слѣдующій разговоръ, въ которомъ описывается характеръ душевнаго состоянія и взаимныхъ отношеній слѣпца - отца и его дочери. Утомленный долгимъ путемъ Эдипъ говоритъ Антигонѣ:

Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣпца!
Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили.
.....
Печальну жизнь влачить недостаетъ мнѣ силъ.
Слѣпецъ, чтобъ слезы лить, остались мнѣ очи;
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нѣтъ, никогда уже мой не увидитъ взоръ
Ни красоты долинъ, ни возвышенныхъ горъ,
Ни въ вешній день лѣсовъ зеленныя одежды,
Ни съ жатвою полей, оратаевъ надежды,
Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,

¹⁾ Сочин. Озерова. 1846 г., стр. 5. ²⁾ Тамъ же, стр. 15.

Котораго боговъ рука произвела;
 Сокрылись отъ меня всѣ прелести природы.
 При имени моемъ всѣ возстають народы:
 Какъ изва лютая отвсюду я гонимъ!

Ты утѣшеніе мнѣ, любезна Антигона,
 Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
 Одна сопутница моей ты нищеты.
 Для странника-отца забыла счастье ты,
 Санъ свѣтлый, царскій дворъ и юности забавы:
 Одно намъ рубище отъ всей осталось славы.

Антигона.

Ахъ, не жалѣю я о пышной славѣ той!
 Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетою;
 Предпочитаю ихъ сіянію короны.
 Опорой быть твоей: вотъ счастье Антигоны,
 Вотъ титло славное превыше титловъ всѣхъ!
 Спокойствіе твое дороже мнѣ утѣхъ.
 Увы, родитель мой, гонимъ людьми, судьбою,
 Безъ помощи моей, чтобъ сдѣлалось съ тобою!
 Ты древнюю главу къ кому бы приклонилъ?
 На чью, на чью бы грудь ты слезы уронилъ?
 Проклады въ жаркій день въ моей ты нищѣ тѣни;
 Я сяду, ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
 Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ,
 Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.
 Ахъ, свѣтъ, забывшій насъ, взаимно мы забудемъ
 И утѣшеніемъ одинъ другому будемъ!
 Ко мнѣ ты проливай свою сердечну боль,
 Но мнѣ защитою твоею быть дозволю!
 Не позавидую въ моей тогда я долѣ
 И братьевъ участи, сѣдящихъ на престолѣ.

Эдипъ.

Приди, о дочь моя, приди мое рожденіе,
 Да будетъ надъ тобой боговъ благословеніе!
 Живой отрадою наполнила мнѣ грудь.
 Любви къ родителю въ примѣръ потомству будь!
 Объ имени твоемъ повѣдаютъ народы,
 И похвала твоя преидетъ изъ рода въ роды ¹⁾.

Граждане Аѣинскіе, узнавъ, что въ ихъ страну пришелъ гонимый судьбою и проклятый всѣми Эдипъ, просятъ его немедленно удалиться. Въ горести Антигона обращается къ Аѣинскому царю Тезею и проситъ его принять ея несчастнаго отца подъ свою за-

¹⁾ Сочин., стр. 16—19.

щиту. Тезей соглашается на ее просьбу и принимает Эдипа. Между тѣмъ Креонъ, узнавъ, что судьбою определено, чтобы могла Эдипа сдѣлаться залогомъ счастья и благоденствія для той страны, гдѣ онъ будетъ похороженъ, хочетъ похитить Эдипа и увести его въ Фивы, а Антигону принести въ жертву, требуемую Эмменпдами, сыновей же Эдипа погубить во взаимной враждѣ и послѣ нихъ завять Фивскій престолъ. Но Эдипъ уже давно знаетъ коварный нравъ Креона и, предвидя его злобныя интриги, отказывается отъ предложенія отравиться съ нимъ въ Фивы. Онъ приходитъ въ негодование, когда Креонъ сказалъ, что онъ долженъ разстаться съ Антигоной.

Чтобы разстался дней я съ дочерью моею,
 Съ единымъ благомъ, чѣмъ я на землѣ владѣю.
 Съ моею оперою, съ отрадой мнѣ одной,
 Противъ отчаянья оставленной судьбой?
 Тѣснѣе связанъ съ ней, чѣмъ узами рожденья:
 Я узломъ соединенъ ей благотворенья.
 Въ ней зрю не только дочь, она мнѣ мать, отецъ,
 Сестра, и другъ, и все, что мило для сердца.
 И все, чего меня злодѣйства, рокъ, безсмертны,
 Неблагодарный градъ, сыны жестокосерды
 Лишили наконецъ изгнаніемъ изъ Фивъ.
 Я ею лишь дышу, я ею только живъ.
 И ты разстаться съ ней мнѣ, варваръ, предлагаешь?
 Терзать меня, увы, какъ ты искусство знаешь!
 Нѣтъ, лучше бы, злодѣй, извлеки острый мечъ,
 Не дрогнувъ, жизнь мою стремились ты пресѣчь,
 Чѣмъ смѣть мнѣ предлагать толь горестну разлуку.
 Приди, о дочь моя, приди, подай мнѣ руку,
 Дай мнѣ увѣриться, что я еще съ тобой!
 Склони главу ко мнѣ и сердце успокой!
 Нѣтъ, смертію одной мы будемъ разлучены ¹⁾.

Не видя возможности убѣдить Эдипа словами, Креонъ хочетъ увести его силою и приказываетъ воинамъ взять его. Въ это время къ нимъ бросается Антигона:

Постойте, варвары, пронзите грудь мою:
 Любовь къ отечеству довольствуйте свою!
 Не внемлютъ и бѣгутъ поспѣшно по долинѣ:
 Не внемлютъ, и мой вопль теряется въ пустынѣ.
 Есть громы... но въ сей часъ на небѣ тишина;
 Есть боги... и земля злодѣямъ предана.
 И стонуть слабые у сильныхъ подъ рукою!

¹⁾ Сочин., стр. 41—42.

Увы, что я, гдѣ я! Что стаетъ со мною?
 Забыта братьями, оставлена роднѣй,
 Извержена изъ Оивъ, въ странѣ, въ странѣ чужой
 Жизнь горестну вести и умирать мнѣ должно.
 Съ родителемъ моимъ сносить бы все возможно.
 Жестокій гнѣвъ боговъ, гоненіе людей
 Лишь твердость новую несли душѣ моей:
 Несчастье было мнѣ наставникомъ въ терѣбнѣ.
 Но безъ родителя, въ моемъ теперь мученьи,
 Лишенная надеждъ... мой духъ во мнѣ унылъ,
 Ударъ жестокой сей моихъ превыше силъ,
 И всѣми чувствами отчаянье владѣя... (Увидя Тезея)
 Или небо плетъ ко мнѣ для помощи Тезея? ¹⁾.

Является Тезей и, узнавъ о похищеніи Эдины, отправляется въ погону за Креономъ и возвращаетъ Эдину.

Во время отсутствія Эдины къ Антигонѣ, находившейся во дворцѣ Тезея, явился Полиникъ и упросилъ Антигону обратиться къ отцу и вымолить у него прощеніе ему. Судьбою опредѣлено было, что при осадѣ Оивъ побѣда останется за тѣмъ изъ братьевъ, на сторону котораго перейдетъ Эдинъ. По Эдипъ, уступивъ просьбѣ Антигоны допустить Полиника къ себѣ, не могъ простить его и перейти на его сторону въ борьбѣ съ Этеокломъ:

Меня склонить къ себѣ ты тщетно уповаешь.
 Свой скипетръ, который мнѣ толь щедро предлагаешь,
 Не я ль оставилъ самъ, не я ли вамъ вручилъ?
 Не я ли дней моихъ покой вамъ поручилъ,
 Быть съ вами навсегда одной считавъ отрадой?
 Неблагодарные, что было мнѣ наградой?
 Презрѣные, ненависть, изгнанье и позоръ.
 Коль смѣешь, ты на мнѣ останови свой взоръ!
 Зри ноги ты мои, скитавшіеся изъязвленны;
 Зри руки, милостивъ прошенъямъ утомленны;
 Ты зри главу мою, лишенную волосъ:
 Ихъ иссушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ!
 Тѣмъ временемъ, тебя какъ услаждала нѣга,
 Твой изганный отецъ, безъ пищи, безъ ночлега,
 Не зная, куда главу несчастну приклонить:
 Повсюду долженъ былъ вашъ стыдъ съ собой влечь;
 И дебри темныя, и глубины пещерны,
 Природа зрѣла вся злодѣйства безпримѣрны.
 Иди, жестокой сынъ! усугубляй вины,
 Будь истребителемъ отеческой страны,
 Союзниковъ своихъ веди противу брата,

Яви еще примѣръ неслыханна разврата!
Но тамъ, у Фивейскъ стѣнъ, не тронъ тебѣ готовъ;
Десница метящая тамъ ждетъ тебя боговъ¹⁾.

Между тѣмъ народъ афинскій, считая причиною всѣхъ бѣдъ-
ствій страны то, что въ ней поселился проклятый богами и людь-
ми Эдипъ, потребовалъ, чтобы для умилостивленія боговъ было
принесена въ жертву дочь его, Антигона. Невыразимо поразила
Эдипа это жестокое требованіе, но Антигона покорно соглашается
на него, если афиняне успокоятъ ее отца. Она говоритъ:

Граждане, вами бить на смерть осуждена,
Какъ ни ужасна смерть, какъ участь ни сурова,
Безъ ропота и слезъ принять ее готова.
Мнѣ жизнь казалась тѣмъ отрадна и мила,
Что утѣшеніемъ быть родителю могла.
Что онъ на грудь мою слаталъ свои печали.
Сію пронзая грудь, вы право днесъ мнѣ дали
Афинамъ поручить отца несчастны дни.
Залогомъ вѣрнымъ пусть пребудутъ вамъ они
Союза страшнаго, союза смерти лютой,
Который съ вами я сей совершу минутой.
Такъ, жители Афинъ, я заклинаю васъ
Предъ жертвенникомъ симъ, въ торжественный сей часъ,
Передъ лицомъ богинъ, теперь во храмѣ сущихъ,
Предъ сонмомъ всѣхъ боговъ, меня у гроба ждущихъ,
Чтобы хранили вы родителя покой,
Блюли его главу, гнетомую тоской!
Тогда лишь смерть моя вамъ можетъ быть полезна:
Не то для васъ она на вѣки будетъ слезна²⁾.

Но въ то время, какъ жрецы готовятся совершить обрядъ
жертвоприношенія, прибѣгаетъ въ храмъ Полиппъ и хочетъ за-
колоть себя, вмѣсто Антигоны, но его останавливаетъ Эдипъ и,
выслушавъ его глубокое раскаяніе во всѣхъ злодѣяніяхъ, проща-
етъ его и требуетъ, чтобы его самого принесли въ жертву Эвме-
нидамъ, такъ какъ онъ самъ служить виною всѣхъ бѣдъ-ствій стра-
ны. Но когда Эдипа уже повели къ алтарю, приходитъ въ храмъ
Тезей вмѣстѣ со взятымъ въ плѣнъ Креономъ и говоритъ, что
такъ какъ виною всѣхъ бѣдъ-ствій служитъ Креонъ, который воз-
двигъ междоусобіе въ странѣ, раскорнивъ братьевъ и внушивъ имъ
изгнать отца, то онъ и долженъ быть принесенъ въ жертву Эвме-
нидамъ. Небесный громъ поражаетъ Креона и утверждаетъ спра-
ведливый приговоръ Тезея.

¹⁾ Счтин., стр. 58—59. ²⁾ Стр. 66.

Такимъ образомъ окончаніе трагедіи Озерова отличается отъ Эдипа Колонскаго Софокла, у котораго Эдипъ умираетъ таинственною смертію и его могила остается никому неизвѣстною, и отъ Эдипа Дюси, у котораго Эдипъ умираетъ подъ ударами грома. Въ трагедіи Озерова вмѣсто Эдипа умираетъ Креонъ, о которомъ извѣстно, что онъ царствовалъ въ Фивахъ послѣ Этеокла и Полиника. Кромѣ Дюси на трагедіи Озерова видно вліяніе оперы Саккини „Эдипъ въ Колонѣ“. Все первое явленіе перваго дѣйствія, въ которомъ изображается разговоръ Эдипа съ Антигоною, почти буквально заимствованъ оттуда. — Не смотря на указанные недостатки, „Эдипъ въ Фивахъ“ Озерова у современниковъ пользовался великимъ уваженіемъ. Причина этого заключалась, конечно, прежде всего въ самомъ сюжетѣ трагедіи—въ величавомъ и чрезвычайно интересномъ мифѣ объ Эдипѣ, въ которомъ чрезвычайно много обще-интересныхъ общечеловѣческихъ чертъ, а потомъ—въ необыкновенно симпатичномъ изображеніи характеровъ Эдипа и Антигоны и вообще въ изложеніи всего сюжета. Правда, это изложеніе сдѣлано подъ вліяніемъ тогдашняго сентиментальнаго направленія, вслѣдствіе котораго самые характеры и духъ трагедіи потеряли свой строгій классическій характеръ и приблизились къ современнымъ литературнымъ типамъ; но, можетъ быть, потому они особенно и нравились современникамъ, которые находили въ нихъ глубоко чувствительныя и нѣжныя свойства.

Вяземскій объ „Эдипѣ въ Фивахъ“ говоритъ, что „трагедія эта въ первый разъ была представлена на Петербургскомъ театрѣ въ 1804 году и вскорѣ послѣ этого напечатана при посвященіи Державину. Публика приняла ее съ живымъ удовольствіемъ... Въ одномъ изъ современныхъ періодическихъ изданій сказано было, что нѣкоторыми любителями отечественной словесности было положено собрать подписку для выбитія золотой медали въ честь автора Эдипа“¹⁾.

Содержаніе трагедіи „Фингалъ“ взято изъ пѣсенъ Оссіана, которыя, какъ мы указали выше, еще въ Екатерининскую эпоху переведены были на русскій языкъ Костровымъ. Уже въ Державинѣ мы замѣтили сочувствіе къ героямъ этихъ пѣсенъ. Но между всѣми героями Оссіана особенно привлекаетъ къ себѣ симпатію Фингалъ, который во всей оссіановой поэзіи играетъ роль сѣвернаго Ахиллеса. Его-то Озеровъ и выбралъ героемъ своей трагедіи. Владыка Морвены, Фингалъ побѣдилъ Локлинскаго царя, Старна, убилъ сына его Тоскара и самого его взялъ въ плѣнъ. Послѣ окончанія войны Старнъ получилъ свободу, но затаилъ въ душѣ мысль при первомъ удобномъ случаѣ отомстить Фингалу за

¹⁾ Сочин. Вяземскаго, I, 40.

свой плѣнь и за убіеніе сына. Между тѣмъ дочь Старна Монна страстно влюбилась въ Фингала, который также увлекся ея красотою и предложилъ ей свою руку. Старнъ и вздумалъ воспользоваться этимъ случаемъ. Онъ соглашается на предложеніе Фингала, имѣя въ виду убить его въ то время, какъ онъ пріѣдетъ къ нему для совершенія брака.—Трагедія начинается хоромъ бардовъ и локлинскихъ дѣвъ, прославляющихъ силу и могущество красоты, которая побуждаетъ всѣхъ непобѣдимыхъ на войнѣ героевъ, и въ частности обаятельное могущество Монны, которая побѣдила сердце непобѣдимѣйшаго героя, Фингала. Является Фингалъ и, обращаясь къ Старну, говоритъ:

О, мужественный Старнъ, ты зришь опять Фингала,
Котораго предъ симъ лишь слава занимала,
Котораго на брань кипѣла въ сердцѣ кровь,
Котораго сюда ведетъ теперь любовь,
Любовь, души моей единственное чувство!
Краснорѣчивымъ быть мнѣ чуждое искусство.
Во станѣ возрожденъ, воспитанъ на щитахъ...
Мое искусство все безстрашнымъ быть въ бояхъ.
Итакъ не жди, о Старнъ, чтобъ изъяснилъ я нынѣ
Признательность къ тебѣ, любовь мою къ Моннѣ...

Старнъ говоритъ, что онъ вѣрить его чувству, но желаетъ, чтобы, по обычаю страны, бракъ былъ совершенъ въ храмѣ боговъ:

Въ Морвенѣ божество Фингаловыхъ отцовъ
Оставлено дондесъ безъ храмовъ, безъ жрецовъ;
Друидовъ истребивъ, ихъ властью недовольны,
Низвергли храмы вы на ихъ главы крамольны.
Но здѣсь покоится во храмахъ божество,
И клятвы мы предъ нимъ свершаемъ торжество.
Итакъ я буду ждать отъ храбраго Фингала,
Чтобъ въ храмѣ дочь мою его рука пріяла.

Фингалъ готовъ исполнить это:

Не разсуждаю я, приличенъ ли кумиръ
И храмъ и жертвенникъ тому, кто создалъ міръ;
Кому, какъ вѣчный храмъ, вселенная чудесна,
Кому возстать тѣсна и высота небесна;
Чтобъ мыслью вознестись къ сему міровъ Творцу,
Не прибѣгаемъ мы къ друиду или жрецу;
Безъ нихъ несемъ ему съ зарей, на холмѣ красномъ,
Сердца толь чистыя, какъ день при небѣ ясномъ.

Но храма твоего хочу я святость чтить,
Коль должно въ зній мнѣ съ Моиною вступить¹⁾.

Когда пришла Моина, онъ обращается къ ней съ такими словами:

«Дотоле мнѣ дикъ, любовь я ненавиждѣлъ.
Считалъ ее мечтой и слабостью умовъ;
Какъ стужа нашихъ зимъ, былъ духъ во мнѣ суровъ.
Твой взоръ перемѣнилъ нравъ дикій и суровый:
Онъ далъ мнѣ нову жизнь, далъ сердцу чувства новы
И, огонь, палающій огнь противъ въ моей крови,
Мнѣ далъ почувствовать страданія любви,
Уныніе, тоску, отчаянье разлуки.
И страхъ немилымъ быть, и ревности всѣ муки.

Моина отвѣчаетъ ему:

Въ пустынной тишинѣ, въ лѣсахъ, среди свободы,
Мы возрастаемъ здѣсь, какъ дочери природы,
И столько-жъ искренны, сколь искренна она.
И такъ, о государь, открыть тебѣ должна,
Что съ перваго тебя я возлюбила взгляда.
Къ герою страсть души высокія отрада:
Гордяся чувствомъ симъ и радуясь ему,
Призналась въ томъ отцу, народу и всему,
Что въ отческой странѣ чувствительность имѣть,
И праху матери, который въ гробѣ тлѣть.
Природѣ, словомъ, всей извѣстна страсть моя,
О коей небесамъ сказать готова я.
Повѣрь, Моина здѣсь не менѣ Фингала
Терзалась мыслию, разлукою страдала.
Какъ часто съ береговъ, или съ высокихъ горъ,
Я въ море синее мой простирала взоръ!
Тамъ каждый валъ вдали мнѣ пѣною своею
Казался парусомъ, надеждою моею,
Но, тяжело опустясь къ глубокому песку,
По сердцу разливалъ мнѣ мрачную тоску.
Какъ часто въ темну ночь, печальна и уныла,
Обманывать себя я къ морю приходила!
Внимая шуму волнъ, біющихся о брегъ,
Мечтала слышать въ немъ твой быстрый въ морѣ бѣгъ²⁾.

Но когда Фингалъ и Моина явились въ храмъ Одина, верховный жрецъ, по наученію Старна, сказалъ, что Моина не мо-

¹⁾ Сочин. Озерова, стр. 87—89. ²⁾ Сочин.. стр. 91—92.

жетъ быть супругою убившаго ея брата Фингала, пока Фингаль не совершитъ торжественной тризны по Тоскарѣ и на его могилѣ не примирится съ его тѣною. Фингаль не хотѣлъ это дѣлать и вступилъ со жрецомъ въ жаркій споръ: но сторону жреца принявъ Старпъ, и Фингаль долженъ былъ согласиться совершить тризну по Тоскарѣ. Во время тризны Старпъ предложилъ Фингалу отдать свой мечъ въ награду побѣдителя: Фингаль отдать не только мечъ, но и боевой свой рогъ. Когда Фингаль остался безоруженъ, по знаку Старна на него бросились воины, чтобы убить его: но онъ увидѣвъ мечъ, ввѣшанный на могилѣ Тоскара, схвативъ его, началъ защищаться. Старпъ, видя, что воины испугались, самъ съ мечемъ бросился на Фингала: но въ это время Мойна явилась спасти Фингала съ отрядомъ воиновъ. Старпъ въ обществѣ поражаетъ своимъ мечемъ Мойну и самъ закалывается. Фингаль, увидя Мойну умирающею, хочетъ также умертвить себя, но бардъ Фингаловъ, Уллинъ останавливаетъ его:

Ты царь, съ народами сшнщеннымъ узломъ связанъ,
Для подданныхъ твоихъ ты жизнь хранить обязанъ.
Разсудка, должности днесъ глазу ты вземли!

Фингаль.

Увы, жестоки долги! Мой другъ, изъ сей земли
Ты извлеки меня, изъ сей земли плачевной;
Но, въ облегченіе моей тоски душевной.

(указывая на тѣло Мойны)

Возьми ты сей предметъ, чтобы я какими день
Изъ гроба возывалъ Мойны легку тѣнь ¹⁾.

Непобѣдимая храбрость и мужество, честный и благородный характеръ Фингала, но своей прямотѣ не подозревающаго злобныхъ и хитрыхъ козней Старна и потому довѣряющаго его обманчивымъ рѣчамъ, нѣжное чувствительное сердце Мойны чрезвычайно трогали зрителей трагедіи, особенно когда роль Мойны играла даровитая актриса Семенова.

Трагедія Фингаль — въ 3-хъ дѣйствіяхъ вмѣсто 5-ти, какъ предписывалось классической теоріей драмы, представляетъ первый примѣръ нарушенія этой теоріи. За это и досталось Озерову потерпѣть много упрековъ и нападеній отъ современной критики.

О трагедіи „Фингаль“ Вяземскій говоритъ: „Въ трагедіи

¹⁾ Сочин., стр. 127.

„Фингалъ“ одно только трагическое лице—Старнъ. Сынъ его Тоскаръ убитъ былъ Фингаломъ, и всѣ чувства родительскія, нѣжная любовь къ сыну, сѣтоваіе о немъ соединились въ одно: въ желаніе мести. Фингалъ, побѣдитель и убійца Тоскара, влюбленъ въ его сестру, Мойну, которая отвѣчаетъ его страсти. Старнъ скрываетъ свое негодованіе отъ дочери, не раздѣляющей ненависти его къ побѣдителю сына, и, вмѣсто общаго брачнаго торжества, хочетъ принести Фингала въ жертву мести своей на холмѣ надгробномъ Тоскара. Вотъ одна трагическая сторона поэмы Озерова. Онъ съ искусствомъ умѣлъ противопоставить мрачному и злобному Старну, тающему во глубинѣ печальной души преступные замыслы, взаимную и простосердечную любовь двухъ чадъ природы, искренность Мойны, благородство и довѣрчивость Фингала. Онъ сочеталъ въ одной картинѣ свѣжія краски добродѣтельной страсти, владѣющей прелестью очарованія своего въ сердцахъ невинныхъ, съ мрачными красками угрюмой и кривокадѣйшей мести, и хитрость злобой старости съ довѣрчивою смѣлостію добродѣтельной молодости¹⁾).

Въ 1807 г., когда уже приближалась война Россіи съ Наполеономъ, Озеровъ въ трагедіи „Димитрій Донской“ воскресилъ борьбу Россіи съ Мамаемъ и знаменитую Куликовскую битву. Вотъ содержаніе этой трагедіи. Въ шатръ великаго князя Московскаго происходитъ совѣщаніе всѣхъ князей, собравшихся на битву съ Мамаемъ. Всѣ князья совѣтуютъ Димитрію не принимать посла Мамаю, приславшаго съ требованіемъ дани; только старый князь Бѣлозерскій, боясь пораженія, совѣтуетъ заплатить дань Мамаю, чтобы сохранить миръ и спокойствіе въ Россіи. На такой совѣтъ Димитрій отвѣчаетъ:

Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестной!
Такъ предки мыслили, такъ мыслить будемъ мы.
Прошли тѣ времена, какъ робкіе умы
Въ Татарлахъ видѣли орудіе небесно,
Чему противиться безумно и невмѣстно.
Но въ наши дни и честь и самой вѣры гласъ
Противъ мучителей вооружаютъ насъ.
Сей гласъ вѣщаетъ намъ, сей вѣры гласъ завѣтный,
Что павшему въ бою вѣнецъ готовъ безсмертный.
Что въ радость райскую чрезъ гробъ вступаютъ онъ.
О Сергій, пастырь душъ, кого согражданъ стоитъ
Толико разъ смущалъ среди молитвъ пустынныхъ,
Толико слезъ извлекъ на участь неповинныхъ,

¹⁾ Сочин. Вяземскаго, I, стр. 41—42.

О ты, который намъ, священной рукой
Явивъ, благословилъ сей предлежащій бой!
Изъ той обители, гдѣ дни ведешь смиреннымъ,
Внуши мои слова: тобою вдохновенны,
Они воспламенятъ Россійскія сердца
Искать свободы здѣсь, изъ райскаго вѣнца!
Такъ, лучше жить престать, изъ воле не родиться,
Чѣмъ племенамъ чужимъ подъ иго покориться.
Чѣмъ званьемъ данниковъ корыстолюбы лстить.
Симъ рабствомъ ли бѣды мы можемъ отератить?
Кто платитъ дань, тотъ слабъ; кто слабый духъ являетъ,
Тотъ алчность наглую къ обидѣ призываетъ¹⁾.

Однакожъ онъ приказалъ привести посла Мамаю и на его гор-
дую рѣчь, исполненную угрозъ, сказалъ:

. . . . Чудный крѣпостью и справедливый Богъ
Поможетъ намъ сотреть гордыни вашей рогъ;
Поможетъ намъ отмстить убійства, расхищеня,
Пожары, грабежи, все роды истребленья,
Которые отъ васъ Россія пренесла.
Вотъ ваши подвиги, вотъ славныя дѣла,
На что ссылаяся, вы требуете дани!
Но брань конецъ правамъ, добытымъ черезъ брани.
Осталось мужество единымъ намъ добромъ:
И хану дань несемъ не златомъ, не серебромъ;
Нѣтъ, дани для него мы собрали инныя:
Мечи булатныя и стрѣлы каленныя.

. . . . .
Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой:
Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ врагъ конечно мой²⁾.

Въ совѣщаніи положено было на другой день рано утромъ
напасть на татаръ и самъ Димитрій рѣшился идти во главѣ своего
войска, и когда князь Бѣлозерскій сталъ останавливать его, совѣ-
тъ поберець себя, онъ сказалъ:

Мой долгъ: въ день мира судъ, и мужество въ день брани.
Могу ли ратнику сказать: иди впередъ,
Коль духу мой примѣръ ему не придаетъ?
И если Богъ судилъ въ своемъ благомъ совѣтѣ,
Для счастья Россіянъ мнѣ дни продлить во цвѣтѣ,
Чего страшитесь? Средь вражескихъ полковъ,
Пріосѣнитъ меня, какъ щитъ, его покровъ.
Идите же, друзья, и войскамъ объявите,
Что къ утру бой рѣшенъ!³⁾

¹⁾ Сочин. Озерова, стр. 140—141.

²⁾ Сочин., стр. 143—145. ³⁾ Стр. 147—148.

Но являясь такимъ твердымъ и мужественнымъ предъ князь-
ями на совѣтѣ, онъ въ душѣ своей глубоко унываетъ и груститъ:
онъ, какъ пылкій и чувствительный рыцарь, влюбленъ въ Ниже-
городскую князю, Ксению, невѣсту князя Тверскаго. Эта любовь
такъ въ немъ сильна, что ей онъ приписываетъ свою твердость,
вызвавшую его на битву съ Мамаемъ:

Она привнесла сей доблестный жаръ,
Съ которымъ я стремлюсь отечество избавить.
Свободу возратить и мой народъ прославить ¹⁾.

Напрасно другъ его и наперсникъ всѣхъ его тайнъ Бренскій
совѣтуетъ ему заглушить эту любовь не во время да и безъ надеж-
ды, потому что Ксения уже обѣщана отцемъ ея князю Тверскому
и скоро прибѣдетъ въ станъ для вѣнчанія: Дмитрій остается не-
преклоненъ и хочетъ воспріять браку. Но такое насиліе
оказывается невозможнымъ. Ксения сама любитъ Дмитрія и, прибыв-
ши въ станъ, объявляетъ, что она не можетъ выйти за Тверскаго
князя, которому отецъ ея обѣщаль безъ ея согласія:

Родитель слово далъ; то слово непреложно.
Спросился ли меня, или съ сердцемъ онъ моимъ.
Когда предположилъ мой грустный бракъ съ Тверскимъ?
Подъ игомъ у Татаръ мы заняли ихъ нравы,
И пола нашего межъ насъ ничтожны нравы;
Родимся, чтобы несть въ терниѣхъ яремъ
Въ дому родительскомъ, въ супружествѣ своемъ.
Которое всегда отцовъ рѣшится властью
И рѣдко счастливо четы взаимной страстью ²⁾.

Она объявляетъ объ этомъ и Дмитрію и князю Тверскому
и, чтобы уничтожить ихъ ревность и раздоръ, который можетъ по-
вести къ самымъ вреднымъ послѣдствіямъ во время войны съ
татарами, хочетъ идти въ монастырь. Узнавъ объ этомъ, князь
Тверскій приходитъ въ неистовство и требуетъ, чтобы Дмитрій
своею властію заставилъ Ксению выйти за него; въ противномъ
случаѣ онъ грозитъ удалиться изъ стана со своими полками. Когда
Дмитрій на это замѣтилъ, что онъ не позволитъ ни Ксении сдѣ-
лать насиліе, ни ему принудить ея къ насильному браку, то онъ
возбуждаетъ противъ Дмитрія всѣхъ князей, указывая имъ въ
словахъ и поступкахъ его такое самовластіе, которое хуже та-
тарскаго. Всѣ князья встаютъ противъ Дмитрія и особенно
князь Смоленскій:

¹⁾ Сочин., стр. 150. ²⁾ Стр. 157.

орынецъ въ аличести, гори необстояннѣмъ,
 На злато Россіи въ зорь стрелитъ съ вниманнѣмъ;
 Не самолюбствѣ не злато лишь предметъ;
 На всѣ цѣни цѣвъ блжжюу мѣлотъ;
 Путии скрытныи нахвалитъ онъ искусство
 Искробитъ и мѣстѣ, иробитъ и чувство,
 И ми бѣ увѣдѣи въ сѣбѣхъ его рукахъ
 И собственности, и жизни, и милость намъ, и страхъ.
 Ахъ, итти не для того сражаться мы готовы,
 Чтобъ намъ перемѣнить чествомъ бѣвы,
 Чтобъмъ влѣдѣство перемѣнить кумиръ;
 И лучше отъ Татаръ принять хочу я миръ,
 Чѣмъ роюмъ разнаго сѣбѣ владыкой видѣть¹⁾.

Князь Бѣлозерскій старается примирить всѣхъ князей съ Димитріемъ, онъ не виляетъ другаго средства свргнуть съ себя поносное татарское иго, какъ въ соединеніи всѣхъ князей подъ властію одного, а Димитрія просить принудить Ксенію выйти за Тверскаго князя, указывая на то, что такъ назначилъ отецъ Ксеніи. Но Димитрій говорить:

Обидными чту правы,
 Которы дѣлають тирановъ изъ отцовъ
 И вводятъ ихъ дѣтей въ роуганіе рабовъ.

Кн. Бѣлозерскій:

Тѣ правы, государь, суть первыя въ природѣ,
 Священны тамъ еще, гдѣ нравственность въ народѣ.
 Чтобъ о нихъ судить, ты прежде будь отцомъ,
 И святость оныхъ правъ познаешь ты потомъ
 Не разсужденіемъ, холодныхъ душъ искусствомъ.
 Но вѣрнымъ, истиннымъ, горячимъ сердца чувствомъ²⁾.

Всѣ хотять уйти изъ стана. Князь Смоленскій говорить:

Но премѣнять почто печальну нашу долю,
 Когда готовишь ты намъ нущую неволю?
 . . . . .
 . . . . . Что пользы или нужды,
 Что ты съ отчества сорвешь оковы чужды
 И цѣни новы дашь? Раздоръ съ Тверскимъ примѣръ.
 Что власти ты своей не полагаешь мѣръ³⁾.

Накопецъ Ксенія, чтобы, сдѣлавшись причиною раздора между князьями, не стать виною гибели отчества, соглашается

¹⁾ Сочин., стр. 173. ²⁾ Стр. 178. ³⁾ Стр. 180.

выйти за князя Тверскаго. Но князь Димитрій, услышавъ ея слова, приходитъ въ бѣшенство, обнажаетъ мечъ и бросается на Тверскаго; въ это время Ксенія становится между ними и останавливаетъ Димитрія. Тверскій зоветъ его на поле брани, чтобы тамъ своими подвигами доказать, „кто будетъ Ксеніи достоинъ болѣ“¹⁾. Отъ борьбы душевной Димитрій чувствуетъ себя слабымъ для того, чтобы руководить битвой и просить Бренскаго замѣнить его и стать на его мѣсто подъ большимъ знаменемъ:

Ты замѣни меня въ рѣшительный сей день,
И знаки княжески и шлемъ ты мой надѣнь!

.....

Въ сей день приличенъ видъ мнѣ воина простаго:
Сіяніе сихъ бармъ всѣхъ Русскихъ соберетъ
И отъ главы моея погибеть отженеть,
А я опасностей и смерти лишь желаю²⁾.

Онъ снимаетъ съ себя цѣпь и проситъ передать её Ксеніи. Въ послѣднемъ 5-мъ дѣйствіи описывается побѣда надъ Мамаемъ. Является бояринъ и говоритъ:

Рука Всевышняго отечество спасла.
Кто сильный устоитъ противу сей десницы?
Она съ торжественной срываетъ колесницы
Кичливаго душей среди самихъ побѣдъ,
И гордый, какъ скала кремнистая, падеть!
Подобно замыслы обрушились Мамаю³⁾.

Слѣдуетъ подробный рассказъ о битвѣ. Князя Димитрія долго не могли найти и думали, что онъ убитъ, но оказалось, что онъ былъ сильно раненъ, но остался живъ. Князя поздравляютъ его съ побѣдой и даютъ ему имя Донскаго. Князь Тверскій, узнавъ о подвигахъ Димитрія, примиряется съ нимъ и самъ передаетъ ему Ксенію.

Въ трагедіи, изображающей знаменитую Куликовскую битву, много историческихъ несообразностей. Герой ея изображенъ совершенно невѣрно; это не тотъ безстрашный герой, какимъ изображаютъ его лѣтописи, и не тотъ смиренный князь, какимъ онъ представляется въ Сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ. Это рыцарь западныхъ рыцарскихъ поэмъ и романовъ, въ которыхъ герои во время самой войны представляются занятыми непремѣнно любовными приключеніями. Герой Куликовской битвы влюбленъ въ Нижегородскую княжну Ксенію; между тѣмъ въ это время онъ

¹⁾ Сочин. стр. 203. ²⁾ Стр. 205. ³⁾ Стр. 210.

былъ женатымъ, а Ксенія была невѣстою Тверскаго. Любовь его такъ овладѣла имъ, что ей приписывается то мужество и одушевленіе, съ какимъ онъ ополчился на Мамаю, совершенно такъ, какъ въ рыцарскихъ романахъ, гдѣ герой избиралъ для себя даму сердца, во имя которой совершалъ свои подвиги. Онъ не можетъ ни о чемъ думать, кромѣ Ксеніи. Въмѣсто того, чтобы готовиться къ страшной битвѣ съ Мамаемъ, онъ вступаетъ въ борьбу съ княземъ Тверскимъ изъ-за обладанія Ксеніей, ссорится со всѣми князьями до того, что всѣ хотятъ оставить его одного сражаться съ Мамаемъ. Пріѣздъ Ксеніи въ военный лагерь вѣнчаться съ Тверскимъ наканунѣ битвы также противорѣчитъ исторіи и древнимъ правамъ. Но Ксенія оказывается умѣе Димитрія: чтобы уничтожить раздоръ князей, столь гибельный для дѣла, она соглашается выйти за нелюбимаго князя Тверскаго. Всѣхъ выше является въ трагедіи другъ и совѣтникъ князя Димитрія, Бренскій, котораго Димитрій во время битвы послалъ вмѣсто себя на явную смерть. Бренскій и узинный князь Бѣлозерскій своими совѣтами сдерживаютъ во все время раздоръ князей, произведенный въ станѣ ссорой Димитрія съ княземъ Тверскимъ.

Не смотря, однакоже, на такія несообразности, трагедія принята была съ восторгомъ, весьма часто давалась на сценѣ и вызывала громкія рукоплесканія. Причиною этого было то, что она написана была въ 1807 г. предъ войной съ Наполеономъ и удовлетворяла вполне тогдашнему патріотическому настроенію общества. Указанныя выше мѣста, какъ напр. монологъ Димитрія въ отвѣтъ Бѣлозерскому князю, предложившему усмирить гнѣвъ Мамаю данью:

«Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестной»...

отвѣтъ Димитрія послу Мамаю на требованіе дани:

... «И твердо уповаю,
Что чудный крѣпостью и справедливымъ Богъ»...

отвѣтъ его князю Бѣлозерскому, не соглашавшемуся на то, чтобы онъ шелъ во время войны впереди войска:

«Мой долгъ: въ день мира судъ»...

монологъ его предъ сраженіемъ:

«Умремъ, коль смерть въ бою назначена судьбою»...¹⁾

разсказъ боярина объ окончаніи битвы и о побѣдѣ надъ Мамаемъ:

«Рука Всевышняго отечество спасла»...

---

¹⁾ Сочин., стр. 192.

буквально потрясли стѣны театра особенно когда ихъ произносилъ знаменитый актеръ Пунеринъ.

Весьма много также увлекали въ этой трагедіи и современные либеральныя разсужденія: о несвободномъ положеніи женщины въ семействѣ и особенно при выходѣ замужъ:

Ночь темнѣ у Татаръ мы заняли ихъ права,
И пола нашего мѣжь насъ ничѣмъ не правы»...

О тяжелыхъ правахъ отцовъ надъ дѣтьми:

... «Обиженны чѣту правы,
Которы дѣлають тирановъ изъ отцовъ»...

О княжескомъ самовластіи и о необходимости власти самодержавной:

«Ордынецъ въ аличности, гора любостраженъемъ,
На злато Россіи свой взоръ стремить съ вниманьемъ;
Но самовластному не злато лишь предметы:
На всѣ дѣянія цѣль тяжкую кладезь»...

Отбѣивая „Димитрія Донскаго“, Вяземскій говоритъ: „Озеровъ, представившій Димитрія любовникомъ Ксеніи въ день битвы Донской, когда онъ въ исторіи является уже супругомъ великой княгини, Евлокіи, пользовался свободою, законною принадлежностію искусства. Счастливъ былъ бы Озеровъ, еслибы довольствовался сею трагическою вольностію; но увлеченный романтическимъ воображеніемъ, онъ занесъ преступную руку на самый историческій характеръ Димитрія и унижалъ героя, чтобы возвысить любовника... Его Димитрій и въ самыхъ благородныхъ движеніяхъ своей души и въ самомъ подвигѣ славы напоминаетъ намъ не великаго князя Московскаго, но болѣе полуденнаго рыцаря среднихъ вѣковъ. Позволю себѣ и болѣе обвинить Озерова: невѣрный блюститель истины въ изображеніи историческаго Димитрія, не избѣгаетъ онъ справедливой укоризны и за Димитрія, созданнаго его воображеніемъ. Предупреждая, такъ сказать, обвиненіе критики, трагикъ влагаетъ въ уста Бренскаго, Бѣлозерскаго, Смоленскаго и самой Ксеніи рѣшительный приговоръ осужденія поступкамъ Димитрія, законнымъ во всякое другое время, но преступнымъ въ день боя, когда отечество, требуя жертвы его страсти и обиженнаго самолюбія, ожидаетъ отъ него своего освобожденія. Не унижается ли достоинство Димитрія, когда Ксенія, не менѣе его страстная, находитъ довольно мужества въ душѣ, чтобы заглушить голосъ любви, и произвольно жертвою не укоряетъ ли она его въ постыдномъ малодушіи? Копчина Бренскаго, на смерть посланнаго Димитріемъ, не есть ли ужаснѣйшая и неоспоримая укоризна ему? Самый сопер-

никъ Дмитрія не исторгаетъ ли невольную зань уваженія, отъ-
зываясь отъ руки Ксенин, и не долженъ ли признаться каждый
зритель вмѣстѣ съ Дмитріемъ, что онъ превзошелъ его?"¹⁾.
„Въ стихахъ Озерова, говоритъ Вяземскій, нѣтъ той свободы,
той мягкости, которая заставляютъ забывать читателя о трудѣ
стихотворства... Почеркъ дѣтства измѣняется съ лѣтами, но не
можетъ совершенно образоваться, и суровость языка временъ
Княжнина еще отзывается въ поэмахъ Озерова. Но за то, гдѣ го-
воритъ сердце, какая сила краснорѣчивая! Какая истина и вѣрность
въ звукахъ чувствительной души! Какая увлекательная прелесть
въ порывахъ мечтательнаго воображенія! Какое глубокое уныніе,
измѣняющее сердцу, не приученному къ жизни счастьемъ!"²⁾. Осо-
бенно Озеровъ умѣлъ изображать женскіе характеры.

„Пушкинъ, говоритъ Вяземскій, Озерова не любилъ... Онъ не
признавалъ въ Озеровѣ никакого дарованія. Я, можетъ быть, его
дарованіе преувеличивалъ. Современемъ, вѣроятно, мы сошлись бы
на полудорогѣ" ³⁾.

Кромѣ Карамзина, Дмитріева и Озерова, сентиментальное
направленіе не выставило другихъ замѣчательныхъ талантовъ, но
писателей въ этомъ направленіи было весьма много. Къ нимъ,
между прочимъ, относятся: Поливаловъ, В. В. Измайловъ, В. Л.
Пушкинъ, князь Шаликовъ, Неделинскій-Мелецкій и П. Ю. Львовъ.

Василій Сергѣевичъ Подшиваловъ (1765—1813) по происхож-
денію—сынъ отставнаго солдата въ Москвѣ, по образованію—воспи-
танникъ московской университетской гимназіи, въ которой онъ
потомъ былъ учителемъ логики и стилистики; на службѣ онъ до-
служился до предѣдателя Гражданской Палаты во Владимірѣ,
гдѣ и скончался. Онъ принадлежалъ къ кружку Новикова и, какъ
членъ „Собранія университетскихъ питомцевъ“, участвовалъ въ
журналѣ Новикова „Вечерней зарѣ" и „Покоящемся Трудолюб-
цѣ". Затѣмъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Университета Сохацкимъ,
былъ издателемъ журналовъ: „Чтеніе для вкуса, разума и чувство-
ванія" (1791—1793), „Пріятное и полезное препровожденіе вре-
мени" (1794—1798) и „Иппокрена, или Утѣхи любословія" (1799—
1801). Подшиваловъ былъ послѣдователемъ сентиментальнаго на-
правленія и горячимъ поклонникомъ Карамзина. Въ его журналѣ
„Пріятное и полезное препровожденіе времени" Карамзинъ названъ
„чувствительнымъ, нѣжнымъ, любезнымъ и пріятнымъ на-
шимъ Стерномъ". Къ Стерну, которому въ своихъ Письмахъ под-
ражалъ Карамзинъ, Подшиваловъ обращается съ такими словами:

¹⁾ Сочин. Вяземскаго. I, 44—45. ²⁾ I, 50. ³⁾ I, 55.

„Безподобный Стерпъ! ты произвелъ многихъ подражателей, которые и чрезъ то уже имѣютъ въ глазахъ моихъ великую цѣну, что тебѣ подражали“, а самого Карамзина онъ восхвалилъ въ слѣдующей надписи:

Кто въ прозѣ и стихахъ пріятностью блистаетъ?
Какъ Мармонтель, какъ Стерпъ, сердца и умъ плѣняетъ?
Кто ихъ чувствительность вмѣстилъ въ себѣ одинъ?
Нашъ путешественникъ россійскій Карамзинъ.

Въ журналахъ своихъ онъ любилъ помѣщать лирическія статьи въ прозѣ сентиментальнаго направленія. Статья „Къ сердцу“, напечатанная въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“, считается самою характерною для опредѣленія этого направленія. Здѣсь, между прочимъ, мы читаемъ такое обращеніе къ сердцу: „Тихія колебанія сердца! электризуйте перо мое, да прославить оно чистый неизсякаемый источникъ вашъ, источникъ драгоцѣнныхъ чувствъ и добродѣтелей!... Чувствительные сердце! благословляю тебя. Благословляю твою волшебную силу, утѣшающую родъ человѣческій, возвышающую наши радости, улаждающую наши прискорбія. Гдѣ только дѣйствуешь ты, тамъ не слышенъ ропотъ на всецѣдраго Бога, тамъ цвѣтетъ величественная натура и упоеваетъ чувства нектаромъ простоты, непринужденности, легкой и сладостной жизни; тамъ и самыя горести превращаются въ источникъ утѣхъ. Несчастливъ братъ мой, сердце мое рвется: но стремлюсь помочь ему, утѣшить его, ощущаетъ неизъяснимое веселіе. Несчастливъ я самъ, сердце мое вздымается противъ утѣснителей: но я невиненъ, я отношу ихъ притѣсненія на счетъ властолюбія или зависти, что они не могутъ наслаждаться тѣмъ жъ удовольствіями, которыми я наслаждаюсь, и сія мысль извлекаетъ болѣзненный вздохъ изъ груди моей; а на вздохъ мой нисходитъ любимая дочь небеснаго Отца, кроткая надежда и, усыпляя мои мученія, манитъ возвратиться къ внутреннимъ радостямъ, которыхъ никто у меня похитить не можетъ. Я люблю — чувствительнымъ сердцамъ любить сродно — и пламенная любовь моя переселяетъ меня въ край благодѣтельныхъ фей, учитъ тайнствамъ грацій, готовитъ среди самыхъ терзаній пріятныя для предбудущихъ временъ воспоминанія. Чувствительное сердце, о, сколь драгоцѣнно ты! Въ самое то время, когда мы, кажется, отъ тебя злополучны, ты устрояешь наше счастье. Горе нечувствительнымъ! горе управляемымъ силою одного механизма!... Простосердечіе, чистосердечіе! надъ вами смѣются въ нынѣшнія времена; но ты, любезный К** (Карамзинъ), иныхъ со мною о томъ мыслей. Сколько разъ желалъ ты ихъ возвращенія на землю, и чтобъ единоклубная любовь одушевляла всѣхъ смертныхъ! Виножникъ дѣлъ великихъ, дѣлъ благородныхъ, сердце! для чего ученые,

ищущіе просвѣщенія, съ ущербомъ правъ твоихъ обогащаютъ свой разумъ? для чего образуютъ, воспитываютъ болѣе сей послѣдній, нежели тебя? Какой можетъ быть проповѣдникъ, какой писатель, когда нѣтъ сердца, нѣтъ чувства? Какой человекъ будетъ безъ нихъ счастливъ?“ ¹⁾). Подшиваловъ много писалъ и переводилъ, находясь на службѣ въ разныхъ мѣстахъ.

Владиміръ Васильевичъ Измайловъ (1773—1830). Познакомившись съ Дмитріевымъ и Карамзинымъ, Измайловъ участвовалъ въ „Аонидахъ“, гдѣ напечатаны были многія его стихотворенія. Подражая Карамзину, онъ отправился въ путешествіе по южной Россіи и описалъ его потомъ подъ названіемъ „Путешествіе въ полу-денную Россію“. Эпиграфомъ къ нему онъ поставилъ слова Дюпати: „Нѣкоторые путешественники привозятъ изъ чужихъ странъ статуи, медали, произведенія природы: я же возвращаюсь съ идеями и чувствами“. Дѣйствительно: онъ описываетъ въ своемъ путешествіи не столько предметы, имъ видѣнные, сколько идеи и впечатлѣнія, ими возбужденныя. Онъ былъ страстный поклонникъ Руссо и называлъ его „своимъ любезнымъ женевцемъ“. Въ Путешествіи онъ весьма часто обращается къ нему съ восторженнымъ сочувствіемъ: „о Руссо, Руссо!“ Онъ переводилъ его „Новую Элоизу“ (перевелъ почти всю первую часть), „Атталу“ Шатобріана (1802) и „Историческую и политическую картину Европы въ XVIII в.“ Сегюра (1802—1803). Въ 1804 г. онъ издавалъ журналъ для воспитанія: „Патріотъ“. Въ этомъ журналѣ онъ также является горячимъ послѣдователемъ Руссо. Любя ботанику, онъ перевелъ „Руссовы письма“ объ этой наукѣ (1810). Съ 1814 г. Измайловъ дѣлается журналистомъ; сначала онъ издаетъ „Вѣстникъ Европы“, гдѣ были напечатаны первые опыты Пушкина и Дельвига, потомъ „Россійскій Музеумъ“ (1815 г.); въ томъ и другомъ журналѣ напечатано много собственныхъ его статей по разнымъ вопросамъ. Вообще Измайловъ, хотя не имѣлъ большихъ дарованій, но былъ писатель трудолюбивый и уважаемый всѣми за свой честный и благородный характеръ ²⁾. До чего сильно было вліяніе Карамзина на Измайлова, видно изъ словъ самого Карамзина: „въ письмахъ Измайлова замѣтилъ я нѣсколько періодовъ, съ меня копированныхъ“ ³⁾.

Василій Львовичъ Пушкинъ (1770—1830), родной дядя А. С. Пушкина. Послѣ недолговременной военной службы, выйдя въ

¹⁾ Историческая христоматія Галахова, изд. 2-е, стр. 94—96.

²⁾ Переводы въ прозѣ В. Измайлова изд. въ Москвѣ. Ч. 1—6. 1819—1820 г.

³⁾ «Вчера и Сегодня», кн. I.

отставку, В. Пушкинъ поселился въ Москвѣ и посвятилъ себя литературѣ: писалъ посланія, элегіи, басни, мадригалы, энigramмы. Въ 1803 г. онъ отправился за границу и свое путешествіе описалъ въ двухъ письмахъ къ Карамзину изъ Берлина и изъ Парижа. Въ Парижѣ онъ познакомился съ тогдашними писателями: Дюси, Сень-Иверомъ, Делалемъ. Чтобы познакомить ихъ съ нашей народной поэзіей, онъ перевелъ на французскій языкъ нѣсколько старинныхъ русскихъ пѣсень. Въ Лондонѣ онъ занялся изученіемъ англійскаго языка и для этого переводилъ отрывки изъ Томсоновой поэзии: „Четыре времени года“. Возвратившись изъ-за границы, онъ былъ сотрудникомъ въ разныхъ журналахъ Петербургскихъ и Московскихъ и помѣстилъ въ нихъ множество сатирическихъ и шуточныхъ стихотвореній. Лучшимъ изъ нихъ онъ самъ признавалъ стихотвореніе „Опасный сосѣдь“. Пушкинъ былъ страстнымъ почитателемъ Карамзина и принималъ дѣятельное участіе въ спорѣ писателей „о старомъ и новомъ слогѣ“. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны два его посланія—къ Жуковскому, напечатанное въ „Цвѣтникѣ“ 1810 г., и къ Дашкову, напечатанное въ отдѣльной брошюрѣ въ 1811 г. Въ посланіи къ Жуковскому, осмѣивая весь соборъ безграмотныхъ славянъ, онъ говоритъ:

Я, признаюсь, люблю Карамзина читать,
И въ слогѣ Дмитреву стараюсь подражать.
Кто мыслить правильно, кто мыслить благородно,
Тотъ изъясняется пріятно и свободно.
Славянскія слова таланта не даютъ
И на Парнассѣ они поэта не ведутъ.
Кто русской грамотѣ, какъ должно, не учился,
Напрасно тотъ писать трагедіи пустился;
Поэма громкая, въ которой плана нѣтъ
Не пѣснопѣніе, но сущій только бредъ
.....
Талантъ намъ Фебъ даетъ, а вкусъ даетъ ученье;
Что просвѣщаетъ умъ? питаетъ душу? чтенье.
Въ чемъ увѣряютъ насъ Паскаль и Босюетъ,
Въ Синопсисѣ того, въ Степенной книгѣ нѣтъ.
Отечество люблю, языкъ я русскій знаю,
Но Тредьяковскаго съ Расиномъ не равняю.
И Пиндаръ нашихъ странъ тѣмъ слогомъ не писалъ,
Какимъ Боянъ въ свой вѣкъ героевъ воспѣвалъ,
Я правъ, и ты со мной, конечно, въ томъ согласенъ;
Но правду говорить безумцамъ—трудъ напрасенъ.
Я вижу весь соборъ безграмотныхъ Славянъ,
Которыми здѣсь-вкусъ къ изящному погранъ,
Противъ меня теперь рыкающій ужасно!

Во вкусъ часъ насталь великихъ перемѣнъ:
 Явились Карамзинъ и Дмитревъ-Лафонтенъ!
 Вотъ чѣмъ всѣ Русскіе должны гордиться нынѣ!
 Хвала Великому! Хвала Екатеринѣ!
 Пусть Клитъ рецензій тисненію пренасть:
 Безумцу вопреки, поэтъ всегда поэтъ.
 И такъ, любезный другъ, я смѣло въ бой вступаю;
 Въ словесности расколъ, какъ должно, осуждаю.
 Аристъ душею добръ, но авторъ онъ дурной,
 И намъ отъ книгъ его нѣтъ пользы никакой;
 Въ страницѣ каждой онъ слогу древній восхваляетъ
 И русскимъ всѣмъ словамъ прямой источникъ знаетъ:
 Что нужды? толстый томъ, гдѣ зависть лишь видна,
 Не есть Лагарповъ курсъ, а пагуба одна.
 Въ славянскомъ языкѣ и самъ я пользу вижу,
 Но вкусъ я варварскій гоню и ненавижу.
 Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь;
 Твореніе безъ идей мою волнуетъ кровь.
 Словъ много затвердить не есть еще ученіе;
 Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщеніе ¹⁾.

Еще сильнѣе возстаётъ Пушкинъ противъ Шишкова и его послѣдователей въ посланіи къ Дашкову, осмѣлившемуся критически разобрать сочиненія Шишкова.

Что слышу я, Дашковъ? какое ослѣпленіе!
 Какое лютое безумцевъ ополченіе!
 Кто тѣшитъ жизнь свою наукамъ посвящать,
 Раскольниковъ-Славянъ дерзаетъ уличать,
 Кто пишетъ правильно и не варяжскимъ слогаомъ—
 Не любить Русскихъ тотъ и виноватъ предъ Богомъ!
 Повѣрь: слова невѣждъ пустой кимвала звукъ;
 Они безумствуютъ—сілетъ свѣтъ наукъ!
 Неужель отъ того моя постраждетъ вѣра,
 Что я подѣ часъ прочту двѣ сцены изъ Вольтера?
 Я христіаниномъ, конечно, быть могу,
 Хотя французскихъ книгъ въ каминѣ и не жгу.
 Въ предубѣжденіяхъ нѣтъ святости ни мало:
 Они мертвятъ нашъ умъ и варварства начало.
 Ученикъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тьмѣ ходить.
 Невѣжда можетъ ли отечество любить?
 Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ,
 Кто хвалить все свое, чужое презираетъ,
 Кто слезы льетъ о томъ, что мы не въ бородахъ,
 И, бѣдный мыслями, печется о словахъ:
 Но тотъ, кто, слѣдуя похвальному внушенію,

¹⁾ Стихотворенія В. Пушкина. Спб. 1822; стр. 7 и слѣд.

Чтить дарованія, стремится къ просвѣщенію.

Хвалу и воздаю счастливѣйшей судьбинѣ,
 О мой любезный другъ, что я родился нынѣ!
 Свободно я могу и мыслить и дышать,
 И даже абіе и аще не нисать.
 Виргилій и Гомеръ бесѣдуютъ со мною;
 Я съ возвышенною иду вездѣ главою;
 Мой разумъ просвѣщенъ и Сены на брегахъ
 Я нѣлъ любезное отечество въ стихахъ.
 Не улицы однѣ, не площади и дома,
 Сень-Пьеръ, Делиль, Фонтанъ мнѣ были тамъ знакомы;
 Они свидѣтели, что я въ землѣ чужой
 Гордился Русскимъ быть и Русскій быть прямой.
 Не грубымъ Остякомъ, достойнымъ сожалѣнія—
 Предсталъ предъ ними я любителемъ ученія.

За чтожъ мы на костеръ съ тобой осуждены?
 За то, что мы, любя словесность и науки,
 Не вѣкъ надъ букваремъ твердили азъ и буки;
 За то, что смѣемъ мы ученіе хвалить
 И въ слогѣ варварскомъ ошибки находить;
 За то, что мы съ тобой Лагарпа понимаемъ.
 Въ расколѣ не живемъ; но по славянски знаемъ ¹⁾.

Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ (родомъ грузинъ, 1768—1852) былъ самымъ ревностнымъ поклонникомъ сантиментальнаго направленія. „Я служу граціямъ, нисалъ онъ Глинкѣ, ибо надобно и имъ служить; посвящаю труды мои одной пріятности, ибо въ этомъ состоитъ вся моя способность“. Сочиненія свои въ стихахъ и прозѣ онъ печаталъ сначала въ разныхъ журналахъ. Первый сборникъ его стиховъ былъ изданъ 1798—1801 г. подъ заглавіемъ „Плодъ свободныхъ чувствованій“; въ 1802 г. вышли „Цвѣты грацій“. Въ подражаніе Карамзину и В. Измайлову, Шаликовъ написалъ два путешествія въ Малороссію: первое въ 1803 г., второе—въ 1804 г., и „Путешествіе въ Кронштадтъ“ въ 1805 г. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ сантиментальное направленіе доведено было до такихъ уродливыхъ крайностей, что Шаликовъ подвергся осмѣянію всѣхъ писателей. Князь Вяземскій осмѣялъ его подъ именемъ Вздыхалова ²⁾; А. Е. Измайловъ называлъ его кондитеромъ литературы ³⁾, а Воейковъ въ своемъ „Парнаасскомъ адресѣ — кален-

¹⁾ Историч. Христом. Галахова II, 142—145. Біографическія свѣдѣнія о В. Л. Пушкинѣ помѣщены Авенаріусомъ въ Истор. Вѣстн. 1882. № 3.

²⁾ Сочин. т. III, 275—279.

³⁾ Благонамѣренный 1823 г., № 11-й.

дарѣ“ описалъ его такимъ смѣшнымъ образомъ: „Князь П. И. Шаликовъ, присяжный оберъ-волокиа, князь вралей; находился при составленіи изъ канарейныхъ яицъ для Феба лишницы и при собраніи для него же жемчужной росы и любовныхъ вздоховъ“. Намѣшки надъ Шаликовымъ въ печати доходили до невѣроятной дерзости: псевдонимный писатель, за подписью „П. Кіовскаго“, въ „Дамскій журналъ“, который издавалъ Шаликовъ, прислалъ шараду, изъ начальныхъ буквъ которой выходилъ акростихъ: Шаликовъ глупъ, какъ колода. Ничего не подозрѣвая, Шаликовъ спокойно её напечаталъ. Изъ всѣхъ сочиненій Шаликова нѣкоторое значеніе имѣетъ только „Историческое извѣстіе о пребываніи въ Москвѣ французовъ въ 1812 г.“, въ немъ есть хотя краткія, но интересныя свѣдѣнія, какъ очевидца. Кромѣ того, Шаликовъ писалъ повѣсти и переводилъ сочиненія г-жи Жаулисъ и Шатобріана. Въ 1806 г. онъ издавалъ журналъ: „Московский Зритель“. Въ объявленіи объ его изданіи было заявлено, что „хорошій вкусъ, чистота слога, тонкая разборчивость литераторовъ и нѣжное чувство будутъ однимъ изъ главныхъ предметовъ его вниманія“. Въ томъ же направленіи издавались Шаликовымъ журналы: „Аглая“ (1808—1812 г.) и „Дамскій Журналъ“ (1823—1833). Въ „Дамскомъ журналѣ“ помещались, между прочимъ, „Матеріалы для исторіи русскихъ женщинъ - авторовъ“ М. Н. Макарова. Въ этомъ журналѣ печатались первые стихотворенія Т. Н. Грановскаго. Наконецъ, Шаликовъ былъ 25 лѣтъ редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей, послѣ 1812 г.¹⁾

Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій (1751—1828) извѣстенъ по пѣснямъ, которыми славился въ свое время на ряду съ Карамзинымъ и Дмитриевымъ. Онъ былъ очень даровитый поэтъ, но, къ сожалѣнію, растратилъ свои дарованія въ разеѣванной свѣтской жизни. Батюшкѣ-Каменскій, лично знавшій Мелецкаго съ молодыхъ лѣтъ, замѣтилъ о немъ: „вотъ человѣкъ съ достоинствами, но праздный“. Батюшковъ называетъ его „Апакреономъ и Шолье нашего времени“, а въ стихотвореніи: „Мои пенаты“ ставитъ его на ряду съ Богдановичемъ (т. I стр. 137). Особенно теплыя воспоминанія сохранились о немъ у Вяземскаго. „Воспоминанія мои о Ю. А. Нелединскомъ, говоритъ онъ въ своей „Записной книжкѣ 1848 г.“, сливаются во мнѣ съ многими первыми воспоминаніями жизни моей. Онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей моего отца. Къ тому же, какъ поэтъ и страстно любившій стихи, онъ всегда сочувствовалъ новичкамъ на поэтическомъ поприщѣ. Онъ изъ пер-

¹⁾ Примѣчанія В. П. Саятова къ сочиненіямъ Батюшкова I, 434—437.

выхъ одобрилъ мои первые опыты и, разумѣется, тѣмъ пріобрѣлъ довѣренность мою. Стихи мои, которые я первоначально тайлъ отъ Карамзина, какъ дѣтскія шалости... встрѣчали въ Нелединскомъ благосклоннаго слушателя. Позднѣе онъ оплачивалъ мнѣ такую же довѣренностію... Какъ поэтъ, онъ обратилъ на себя вниманіе современниковъ своихъ. Особенно пѣсня его пріобрѣли общенародную извѣстность. Пѣсня его: „Выйду я на рѣченьку“ пѣта была и красавицами высшаго общества, и поселянками среди полевыхъ трудовъ. Пѣкоторыя изъ пѣсней его по вѣрности и страсти выраженного въ нихъ глубокаго, задушевнаго чувства остаются и понынѣ образцовыми въ своемъ родѣ, не смотря на прихотливыя измѣненія, послѣдовавшія въ нашемъ языкѣ. Онъ съ честію засталъ въ Правительствующемъ Сенатѣ... Онъ любилъ науку и занимался ею, но болѣе про себя, для собственной отрады, особенно же къ наукѣ чиселъ имѣлъ природное влеченіе. Но ни одной изъ своихъ способностей онъ не преслѣдовалъ до конца, ни одной изъ нихъ не избралъ онъ исключительнымъ орудіемъ и цѣлію своей, нѣсколько распушенной дѣятельности. Дарованіе его не было упорнымъ трудомъ возвышено до самообытности творчества и художества. Умственные способности не были подчинены системѣ науки. Онъ не могъ, или не хотѣлъ приписаться, прикрѣпить себя исключительно къ опредѣленному званію. Природа была къ нему расточительна, и самъ расточалъ онъ дары ея ¹⁾“.

Павель Юрьевичъ Львовъ (1770—1825), воспитанникъ Московскаго Университетскаго пансіона, былъ сотрудникомъ Московскаго Журнала Карамзина, съ которымъ однакожь разошелся. Онъ написалъ три повѣсти: „Россійская Памела“ (1789), „Роза и Любимъ“ (1790) и „Александръ и Юлія“. Первая изъ этихъ повѣстей, представляющая подражаніе Ричардсону, дала поводъ издателю „Меркурія“ Клушину назвать его Антиричардсономъ. Въ 1801 году Львовъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи и съ открытія „Бесѣды любителей русскаго слова“ сдѣлался членомъ ея и ревностнымъ защитникомъ спорнаго слога. Онъ написалъ много переводныхъ и оригинальныхъ стихотвореній ²⁾.

Мы указали на болѣе важныхъ подражателей Карамзина. Было много и другихъ. Подражали главнымъ образомъ Письмамъ Русскаго Путешественника и Бѣдной Лизѣ. Подражая Карамзину и Стерну, наши писатели увлекались еще французскимъ писателемъ

¹⁾ Сочин. кн. П. А. Вяземскаго. Спб. 1879 г. томъ II. 380—394. Сочиненія Нелединскаго-Мелецкаго изданы А. Смирдинымъ. СПб. 1850 г.

²⁾ Примѣчанія В. И. Сантова къ сочиненіямъ Батюшкова, I, 379.

Верномъ, который написалъ два путешествія и считался у французовъ наравнѣ со Стернемъ. Бѣдной Лизѣ также было много подражаній, какъ-то: „Бѣдная Маша“ А. Измаилова (1801), „Обольщенная Гевриетта, или торжество обмана надъ слабостію и заблужденіемъ, истинная повѣсть“ Ивана Свѣчипскаго (1801), „Несчастная Маргарита, истинная руссiйская повѣсть“ (1803), „Прекрасная Татьяна, живущая у колошвы Воробьевыхъ горъ“; „Исторія бѣдной Марьи“; „Нина“ Каменева; „Марьяна Роща“ Жуковского. Но повѣстями и путешествіями не ограничивалось сантиментальное направленіе: оно распространено было во всей литературѣ, во всѣхъ формахъ прозы и поэзіи: и въ пѣснѣ, и посланіи, эпиграфѣ и надписи, въ драмѣ и комедіи—повсюду лились обильныя слезы радости или печали, слышались воздыханія, умиленія, восхищенія.

Сантиментальное направленіе, доведенное послѣдователями Карамзина до смѣшныхъ крайностей, вызвало сатиру въ литературѣ. Князь Горчаковъ въ посланіи къ князю Долгорукову въ такомъ видѣ изображаетъ русскую словесность, находящуюся подъ вліяніемъ этого направленія:

Къ словесности на часъ мы нашей обратимся!
Презрѣденіяи ея не восхитимся..
Въ ней многихъ авторовъ французско-русскій ликъ
Стремится искажать отеческій языкъ.
Одинъ въ ней слѣдуетъ жеманну Люпати,
Другой съ собкою встѣпаетъ въ симпати;
Тамъ воздыхающій, плаксивый Мирлифлоръ
Герлитеръ, выкусти сантиментальный валоръ;
Тотъ безъ просодіи стихами ибени пишетъ;
Иной наивнѣстью въ развратной сказкѣ дышетъ;
А сей, вообрази, что онъ руссiйскій Стернъ,
Жемчужину льетъ слезу на шелковистый дернъ,
Привѣтствуетъ луну и входитъ въ восхищенье,
Курсивомъ прописавъ амѣбъ свое прощенье.
Всѣмъ хочется писать, великъ или малъ ихъ даръ,
Повсюду авторства въ сердцахъ затмился (затлился?) жаръ;
Неполнитъ торчась писательски желанія,
Всѣ въ ежемѣсячнхъ нустилихъ изданія,
И наконецъ я зрю въ страницъ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной. *)

Князь Шаховской, какъ уже мы замѣтили, осмѣлялъ сантиментальное направленіе въ комедіи „Новый Стернь“.

*) Сочиненія Горчакова, 1899, стр. 145.

ШКОЛА КЛАССИЧЕСКАЯ.

Князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, въ монашествѣ Аникита (1783—1837), послѣдователь Шинкова и членъ Россійской Академіи, написалъ поэмѣ въ трехъ пѣсняхъ: „Пожарскій, Мининъ и Гермогенъ, или спасенная Россія“ (Сиб. 1807) и лирическое пѣснопѣніе въ 8-ми пѣсняхъ— „Петръ Великій“ (Сиб. 1810),—въ подражаніе Юнгу: „Ночь на гробахъ“ (Сиб. 1812), „Ночь на размышленія“ (Сиб. 1814) и др. стихотворенія. Батюшковъ о поэмѣ „Петръ Великій“ сказалъ:

Какое хочешь имя дай
Твоей поэмѣ полудиской:
Петръ длинный, Петръ большой, но только «Петръ Великій»
Ея не называй ¹⁾.

Семенъ Сергѣевичъ Бобровъ (1760—1810), воспитанникъ духовной семинаріи, а потомъ Московскаго университета, былъ ученикъ и послѣдователь Хераскова, усвоившій отъ него мистикомасонское направленіе. При императорѣ Павлѣ, будучи на службѣ въ Черноморскихъ портахъ, Бобровъ посѣтилъ Крымъ и написалъ поэмѣ: „Таврида, или мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонисѣ“ ²⁾ и другую мистико-аллегорическую поэмѣ: „Древняя ночь вселенной, или Странствующій Слѣпецъ“ (Сиб. 1807—1809), въ которой онъ подражалъ поэмѣ Хераскова: „Владиміръ“. Извѣстна эпиграмма на эти поэмѣ князя Вяземскаго:

Нѣтъ спора, что Вибрисъ боговъ языкомъ пѣлъ:
Изъ смертныхъ бо никто его не разумѣлъ! ³⁾.

Александръ Петровичъ Беницкій (1780—1809) былъ воспитанникъ пансіона Шадена, гдѣ изучалъ нѣмецкій и французскій языки. Батюшковъ въ письмахъ къ Гнѣдичу воспоминаетъ о немъ, какъ о человѣкѣ съ пылкою, благородною душею, съ большимъ умомъ и литературнымъ талантомъ. Дѣйствительно, онъ обладалъ несомнѣнными дарованіями, какъ показываютъ его сказки и восточныя повѣсти: „Ибрагимъ или Великодушный“, „Параллели: женщина и дама; умный и дуракъ“; „Бедуинъ“; онѣ отличаются живымъ, интереснымъ разсказомъ, остроуміемъ и хорошимъ языкомъ. Въсѣтъ

¹⁾ Примѣчанія В. И. Сантова къ сочиненіямъ Батюшкова, I, 377—378.

²⁾ Николаевъ 1798. Вторично была издана подъ заглавіемъ: «Херсонисъ или картина лучшаго лѣтняго дня въ Херсонисѣ Таврическомъ». Спб. 1804.

³⁾ Примѣчанія Сантова къ сочиненіямъ Батюшкова, II, 536—538.

съ А. Е. Измайловымъ въ 1809 г. онъ издавалъ ежемѣсячный журналъ „Цвѣтникъ“, въ которомъ сотрудниками были главнымъ образомъ писатели Карамзинскаго направленія. Въ журналѣ онъ помѣщалъ переводы, писалъ рецензіи на разныя сочиненія и разныя стихотворенія ¹⁾).

Александръ Ефимовичъ Измайловъ (1779—1831) воспитывался въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ. Получивъ еще въ корпусѣ расположеніе къ литературѣ, онъ постоянно занимался ею и въ то время, когда состоялъ на службѣ въ разныхъ мѣстахъ. Имъ былъ основанъ журналъ „Благонамѣренный“, который продолжался 10 лѣтъ (съ 1818 по 1827). Журналъ этотъ имѣлъ сатирическій характеръ: онъ отличался веселостью и остроуміемъ, довольно грубоватымъ и не всегда скромнымъ и приличнымъ. Специальностью, вполне соотвѣтствующею таланту Измайлова, были басни и сказки, которыхъ онъ написалъ очень много. Онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго, но очень нравились современникамъ своимъ сатирическимъ элементомъ. Первымъ объемистымъ произведеніемъ Измайлова была повѣсть: „Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества“ (Спб. 1799) ²⁾.

Николай Михайловичъ Шатовъ (1765—1841) принадлежалъ къ школѣ Шникова, былъ противникомъ Карамзина и его послѣдователей. Онъ писалъ подражанія псалмамъ, приновравливая ихъ къ современнымъ событіямъ Наполеоновскихъ войнъ ³⁾.

Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ (1758—1824). Воспитавшись на классическихъ произведеніяхъ французской литературы, онъ былъ самъ классикъ, принадлежалъ къ школѣ Шникова, участвовать въ изданіи „Всѣхъ любителей русскаго слова“ и нападалъ на Карамзина и его послѣдователей. Первыми печатными его произведеніями были комическія оперы изъ арабскихъ и русскихъ сказокъ: „Кадифъ на часъ“ (напис. 1786, изд. 1788), „Счастливая тоя“ (1786) и „Баба—Яга“ (1788), которыя имѣли большой успѣхъ на сценѣ. Но главнымъ образомъ онъ былъ извѣстенъ, какъ сатирикъ: его сатирическое направленіе очень цѣнилось: онъ считался человекомъ съ независимымъ образомъ мыслей и даже вольтеріанцемъ; его называли русскимъ Ювеналомъ. Когда стало распространяться въ литературѣ сентиментальное направленіе, онъ

---

¹⁾ Тамъ же. 427—429.

²⁾ Басни и сказки А. Измайлова изданы въ 1841 г. (Спб.); Собраніе сочиненій его издано Смирдинымъ въ 1849 г. (2 части).

³⁾ Собраніе его стихотвореній напечатано Россійскою академіей въ 1831 г.

написа~~хъ~~ на него рѣзкую сатиру въ Посланіи къ князю Долгорукову ¹⁾.

Кромѣ Горчакова, какъ сатирики въ это время еще извѣстны были Долгоруковъ, Нахимовъ и Милоновъ.

Акимъ Николаевичъ Нахимовъ (1782—1815) былъ уроженецъ Харьковской губерніи; уже со службы поступилъ въ Харьковскій университетъ, когда онъ открылся, и кончилъ въ немъ курсъ кандидатомъ. Онъ писалъ сатиры на подьячихъ и взяточниковъ. Когда вышелъ знаменитый указъ объ экзаменахъ на гражданскіе чины, Нахимовъ написалъ „Элегію-сатиру“, которою сдѣлался извѣстенъ повсюду:

Восплачь канцеляристъ, почитчикъ, секретарь!
Надемотрщикъ возрыдай и вся приказна тварь!
Ланиты въ горести чернилами натрите,
И въ перси перьями другъ друга поразите!
О, сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
Зрятъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщеньемъ,
И акциденцій всѣхъ и ябедъ истребленьемъ.
Какъ древо, сокрушенъ надеть подьячихъ родъ;
Увы, насталь для васъ теперь плачевный годъ!
Какія времена! Должны вы слушать курсы:
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсы.
Ахъ, еслибы воскресъ одинъ хоть думный дякъ
И, съ челобитною явясъ предъ царскій зракъ:
Чѣмъ заслужили гнѣвъ мой, воскликнуль, внуки,
Что посылаются къ нимъ палачи науки?
Ты хочешь, чтобъ отъ ихъ немилосердыхъ рукъ
Расправился или переломился крюкъ.
О, солнце! не лишай ты филиновъ затмения!
Да крюкъ пребудеть крюкъ по силѣ Уложенія!
Но что? гдѣ дякъ и гдѣ прошеніе къ царю?
Бѣда коллежскому теперь секретарю.
О чинъ ассессорскій, только вождѣлѣнный!
Ты убѣгаешь днесъ, когда я, восхищенный,
Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ;
Быть можетъ, навсегда прости, любезный чинъ!
Сколь тяжко для меня, степенна чело^{вѣ}ка,
Учиться начинать, проживши ужъ полвѣка!
Какія каверзы, какое зло для насъ
О просвѣщеніи гласящій намъ указъ!

---

¹⁾ Примѣчанія В. И. Саптова къ сочиненіямъ Батюшкова, III, 648—649. Сочиненія Горчакова изданы въ 1890 г. Москва.

Друзья! пока еще не свѣтло въ нашемъ мірѣ,
 На счетъ просителей пойдемъ гулять въ трактирѣ;
 Съ отчаянья начнемъ какъ можно больше драть:
 Свѣтъ близокъ—должно ли вораѣмъ теперь дремать? ¹⁾

Такой же характеръ имѣетъ другая сатира: „Сказаніе о Осмидѣ и объ иноплемennныхъ приказныхъ“ ²⁾.

Михаилъ Васильевичъ Милоновъ (1792—1821) былъ очень даровитый поэтъ, но, къ сожалѣнію, умершій рано—на 29 году—отъ невоздержной жизни. Современникамъ нравилась его сатира „Къ Рубеллію“, написанная на одного временщика въ царствованіе императора Александра ³⁾.

Въ началѣ XIX в. мы замѣчаемъ въ обществѣ особенную любовь къ театру. Въ это время, кромѣ знаменитаго Дмитревскаго, уже доживавшаго свой вѣкъ, но все еще не покидавшаго сцену и даже руководившаго ею, на петербургскомъ театрѣ славились Яковлевъ и Семенова, Каратыгинъ и Колосова (послѣ Каратыгина), на московскомъ театрѣ—Померанцевъ, Шушеринъ, Плавильщиковъ, Сандуновъ и Сандунова и впоследствии Мочаловъ и Щепкинъ. Они весьма много содѣйствовали успѣхамъ самой драматической поэзіи и ея авторовъ. Озеровъ съ Семеновой „дѣлили дань слезъ и народныхъ рукоплесканій“. Шаховской много обязанъ успѣхомъ своихъ пьесъ игрѣ Щепкина. Общество отвыкало отъ грубыхъ удовольствій, искало благородныхъ развлеченій: явилось много лицъ, которые со званіемъ писателей для театра соединяли должность устроителей театра, каковы: князь Шаховской, Карабановъ, Катенинъ и Кокошкинъ: явились любители театра, или такъ называемые театралы, которые, не принадлежа къ театру непосредственно, оказывали ему свое вниманіе, поощреніе и содѣйствіе, и къ которымъ принадлежали нерѣдко важные сановники изъ аристократическаго міра и богатые люди изъ купеческаго общества: образовалась страсть читать драматическія сочиненія въ обществѣ на домашнихъ собраніяхъ. Подражая столицамъ, заводили театры и въ провинціяхъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ: вельможи, богатые и знатные помѣщики устраивали спектакли, съ актерами

¹⁾ Сочин. изд. 1849 г., стр. 13—14.

²⁾ Очеркъ жизни Нахимова въ Русской Старинѣ 1880 г. кн. 11—12. Историческая Христоматія Галахова. II. 272—279. Сочиненія А. Нахимова въ стихахъ и прозѣ напечат. въ 1815 г. Харьковъ. Изд. Смирдина 1849.

³⁾ Изд.: Сатиры, посланія и др. мелкихъ стихотвореній. Спб. 1849; Смирдина—въ 1849 г.

изъ крѣпостныхъ людей ¹⁾. Не смотря на новое направленіе въ литературѣ, сантиментальное, на сценѣ еще долго держалась старая ложно-классическая драма, какъ лучший цвѣтъ классической поэзіи вообще; но сочувствіе публики уже замѣтно переходило на сторону такъ называемой мѣщанской драмы, въ которой выразилось новое направленіе и которая появилась у насъ еще въ концѣ прошлаго вѣка. Въ началѣ XIX в. вошли въ моду мѣщанскія драмы пѣмецкаго писателя Коцебу; его піэсы: „Неправда къ людямъ и раскаяніе“ (1792), „Сынъ любви“ (1795) и „Гуссыты подъ Наумбургомъ“ (1807) въ продолженіе почти 30 лѣтъ не сходили со сцены, наконецъ надоели и вызвали противъ себя сатиру. Горчаковъ въ Посланіи къ Долгорукову говорить:

Какія, общаго достойны удивленья,
Мы въ модныхъ драмахъ зримъ диковинныя явленья?
И, скучныхъ свободясь издревле чтимыхъ узъ,
Чѣмъ превосходенъ сталъ очищенный нашъ вкусъ?...
Въ комедіяхъ теперь не нужно острыхъ словъ;
Чтобы смѣшить, пусти на сцену дураковъ!
Къ законнымъ дѣтямъ дверь чувствительности скрыта:
Нѣтъ жалости къ бѣдамъ несчастна Ипполита,
Иль Ифигенія, стѣнящей отъ отца;
Однѣ лишь «Сынъ Любви» здѣсь трогаетъ сердца!
«Гуссыты», «Попаугай» предпочтены «Соренѣ»
И Коцебутина одна теперь на сценѣ ²⁾.

Не смотря на то, драмы Коцебу издавались въ сборникахъ и отдѣльно, и служили занимательнымъ чтеніемъ. Кромѣ переводовъ были и подражанія Коцебу. Н. Ильинъ написалъ „Лизу или торжество благодарности“ (1803), „Великодушіе или рекрутскій наборъ“ (1804); В. Ѳедоровъ: „Лизу или слѣдствія гордости и оболъченія“ (1804); Ѳ. Ивановъ: „Семейство Старичковыхъ, или за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ“ (1808). Эти піэсы также правились и долго давались на сценѣ. Со внесеніемъ въ поэзію романтическихъ элементовъ явилась драма романтическая и мелодрама, такъ названная потому, что въ ней лучшія драматическія мѣста, монологи и діалоги дѣйствующихъ лицъ, сопровождались музыкою. Такъ какъ въ этихъ случаяхъ главнымъ образомъ разсчитывали на эффектъ и для этого жертвовали естественностію и правдой, то слово „мелодраматическій“ стало означать недостатокъ драмы—неестественность, излишнюю искусственность.

¹⁾ Семейная хроника и воспоминанія С. Т. Аксакова, въ статьѣ — Яковъ Емельяновичъ Шуперникъ. II 221—301. Его же литературныя и театральныя воспоминанія въ Русской Бесѣдѣ 1856 г. кн. 4.

²⁾ Сочин., стр. 145—146.

А. А. ШАХОВСКОЙ.

Во главѣ писателей, писавшихъ для театра и заботившихся объ его усовершенствованіи, безспорно подобно поставить князя Шаховскаго: это былъ Сумароковъ своего времени: по крайней мѣрѣ, по страстной любви къ театру, по множеству драматическихкихъ піесъ, имъ написанныхъ, по своей суетливости, бойкости и живости, и вообще по своему задорному характеру, онъ весьма много напоминаетъ собою „россійскаго Расина“, хотя во многихъ отношеніяхъ стоитъ выше его.

Князь Александръ Александровичъ Шаховской (1777—1846)¹⁾, воспитанникъ Московскаго университетскаго пансіона, по окончаніи въ немъ курса, поступилъ въ Преображенскій полкъ: но скоро, бросивъ военную службу, онъ перешелъ въ театральную дирекцію и всю продолжительную жизнь свою посвящалъ исключительно театру. Директоръ Петербургскаго театра, Нарышкинъ, для набора иностранныхъ артистовъ, отправилъ Шаховскаго за границу: Шаховской превосходно воспользовался этимъ случаемъ для развитія своего драматическаго таланта и для изученія театральной науки, и все, что онъ видѣлъ хорошаго въ разныхъ европейскихъ театрахъ, онъ старался потомъ перенести въ русскіе театры. Существенную его заслугу въ этомъ отношеніи составляетъ то, что онъ устроилъ театральную школу для приготовленія молодыхъ артистовъ изъ русскихъ. Заботясь объ усиѣхахъ русской драматической поэзіи, онъ въ 1808 г. началъ издавать „Драматическій Вѣстникъ“ съ цѣлію „изыскивать въ древнихъ сочиненіяхъ все, касающееся художествъ, и тѣмъ содѣйствовать отвращенію дурнаго вкуса, который, господствуя въ новыхъ иностранныхъ сочиненіяхъ, развращающихъ и умъ и сердце, угрожаетъ заразить и нашу словесность“. Въ Драматическомъ Вѣстникѣ, кромѣ чисто литературныхъ произведеній, помѣщались историческія и теоретическія статьи о театрѣ, главнымъ образомъ переводы изъ Вольтера, печатались нападки на мѣщанскія драмы и особенно на пѣмецкія драмы Кюцубу. Гостепріимный домъ Шаховскаго былъ центральнымъ мѣстомъ собранія всѣхъ любителей театра, всѣхъ писателей и артистовъ. Въ 1818 г. влѣдствіе столкновенія съ директоромъ театровъ, Тюфякинымъ, онъ оставилъ театръ, но постоянно продолжалъ писать разныя піесы для театра. Въ 1825 г. влѣдствіе непріятностей съ княземъ Долгоруковымъ, онъ переехалъ изъ Петербурга въ Москву; въ Москвѣ онъ также заботился объ усовершенствованіи театра и сочинялъ для него піесы.

По литературному направленію Шаховской былъ сначала строгій классикъ и слѣдовалъ французской драматической теоріи.

¹⁾ Историческая Христоматія Галахова, II, 414—420. Примѣчанія Сантова къ сочиненіямъ Батюкова, III, 600—602.

принадлежалъ къ школѣ Шенкова и былъ членомъ Бесѣды любителей русскаго слова. Какъ поклонникъ Шенкова, онъ началъ на сентиментальное направленіе и осмѣялъ его въ своей комедіи „Новый Стернь“¹⁾. Къ драматическимъ писателямъ онъ относился враждебно, представляя ихъ себѣ своими соперниками. Расположенный сначала къ Озерову, онъ, послѣ его успѣховъ на сценѣ, сталъ вредить ему. Въ комедіи „Урокъ ракетамъ, или Липецкія воды“ (напеч. въ 1815 г.), въ лицѣ балладника Фалкина, онъ въ смѣшномъ видѣ выставилъ Жуковского. Въ послѣдствіи онъ и самъ перешелъ на сторону романтизма и сталъ заимствовать сюжеты для своихъ произведеній у романтическихъ поэтовъ. Шаховской былъ чрезвычайно плодовитый писатель; число нѣсъ, имъ написанныхъ, доходитъ до 100. Между ними есть драмы, трагедіи, комедіи, водевили, оперы и балеты; но главнымъ рономъ, въ отношеніи соответствованія его таланту, была комедія: Шаховской былъ комическій писатель. Сюжеты для своихъ произведеній онъ заимствовалъ отовсюду: его „Дебора или торжество вѣры“—трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ есть подражаніе Гюголину Расина (изд. въ 1811 г.); „Урокъ ракетамъ или Липецкія воды“—комедія, заимствованная изъ французской нѣсы: *La coquette*: „Не люблю не слушай, а глать не мѣшай“, комедія въ одномъ дѣйствіи—изъ французской нѣсы: *Le menteur*: „Китайскій сирота“, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ—изъ Вольтера: „Иваной, или возвращеніе Ричарда левинаго сердца“—романтическая комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ—изъ романа Вальтеръ Скотта „Айвенго“; „Буря“, волнѣбно-романтическое зрѣлище—изъ Шекспира: „Таинственный карлъ или долина чрнаго камня“—романтическая драма въ 5-ти дѣйствіяхъ—изъ Вальтеръ-Скотта: „Алешскій горбунъ или размѣнъ ума и красоты“—водевиль изъ арабскихъ сказокъ. „Аристофанъ или представленіе комедіи: Всадники“, историческая комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, написана „въ древнемъ родѣ и въ разномѣрныхъ стихахъ греческаго столосложенія“ (М. 1828)²⁾. Но особенно, при выборѣ сюжетовъ, Шаховской слѣдовалъ своему патриотизму. „Успѣвши нѣсколько въ старомъ, или обыкновенномъ, писать онъ князю Одоевскому, я иду для нашего театра если не совѣмъ новаго, то, по крайней мѣрѣ, не столь условнаго, какъ драматическія подражанія, принесенныя къ намъ съ нудрою, нитыми кафтанами и красными каблуканами изъ Париска. Я хочу моими опытами открыть дорогу людямъ, имѣющимъ больше моего дарованія, для обогащенія нашей драматической литературы, и даже къ созданію своего собственнаго театра на обширномъ и прочномъ фундаментѣ“³⁾. Съ

¹⁾ Появился на сценѣ въ 1805 г.; 1-е изданіе въ 1817 г., 2-е въ 1822.

²⁾ Лѣтопись русскаго театра. Составилъ Н. Араповъ. Спб. 1861 г. стр. 201, 238—239, 268, 190, 302, 306, 332, 382—383.

³⁾ Русскій Архивъ 1864 г. стр. 806—807.

этою цѣлю онъ часто бралъ сюжеты для своихъ піесъ изъ русской исторіи и литературы. Онъ написалъ: „Ломоносовъ, или рекрутъ-стихотворецъ“, опера-волѣвиль (1816)—изъ жизни Ломоносова, который, возвращаясь въ Петербургъ изъ Марбурга, попалъ въ руки прусскихъ вербовщиковъ; „Соколъ князя Ярославъ Тверскаго, или суженный на бѣломъ конѣ“—изъ преданія о построеніи Тверскаго Отрочь-монастыря; „Іванъ Сусанинъ“; „Двумужница, или за чѣмъ пойдешь, то и найдешь“—романтическая драма изъ жизни волжскихъ разбойниковъ; „Финнъ“, волшебная трагедія—изъ Руслана и Людмилы Пушкина; „Юрій Милославскій“—изъ романа Загоскина; „Рославлевъ“—тоже изъ романа Загоскина; „Федоръ Григорьевичъ Волковъ“—изъ жизни основателя русскаго театра въ Ярославѣ; „Смоляне“, защита Смоленска Шейнымъ отъ Поляковъ. Для насъ особенно интересны: „Новый Стернь“, „Линецкія воды“, „Пустодомы“ (изд. 1820), „Двумужница“, „Расхищенныя шубы“ и „Казакъ стихотворецъ“¹⁾.

Содержаніе комедіи „Новый Стернь“ (въ 1 дѣйствіи) состоитъ въ слѣдующемъ. Графъ Пронскій, начитавшись чувствительныхъ путешествій, самъ пустился путешествовать за 500 верстъ отъ Москвы. Слуга его Платъ говоритъ: „Мы, сударь, смотря по погодѣ вздыхаемъ, плачемъ, восхищаемся, умиляемся, трогаемся. Иное солнце согрѣваетъ наши чувства: ужасный морозъ напрягаетъ нашу жизненность; быстрый ручей мелодією своею питаетъ нашу меланхолію; тихое озеро служитъ зеркаломъ нашей сентиментальности; наконецъ: ведро, вѣтеръ, дождь, горы, лѣса, луга, болота, люди, скоты, птицы, мухи, комары... все имѣетъ вліяніе на нашу душу; словомъ мы сентиментальные вояжеры“. Англійской собачкѣ Леди, которую прѣрѣхали колесомъ, Пронскій воздвигаетъ „Монументъ вѣчности“. Встрѣтивъ крестьянку, дочь мельника, Маланью, онъ вообразилъ сеѣ прелестной пастушкой, влюбился въ нее и хочетъ жениться на ней. „Чудна, пестра природа... Здѣсь потерялъ я друга... О Леди! Леди! тебя ужъ... Слеза дружбѣ! Здѣсь встрѣтилъ я невинное существо, ангела въ образѣ интересной пастушки. Всю ночь мрачный Морфей не очернилъ зрѣнія моего; она была въ мысленныхъ очахъ моихъ. Напрасно я перелистывалъ Новую Элоизу; я вездѣ читалъ имя незнакомой дѣвушки“. Крестьяне смѣются надъ Пронскимъ, считая его сумасшедшимъ. „Рѣшено, что баринъ мой свихнулъ съ ума. Жаль, а у него сердце ангельское! Слезливые писатели, плаксивые сочинители! вы, вы загубили добраго моего господина; вамъ будетъ отвѣчать за него! Эти маленькія книжонки, что я послалъ ему изъ университетской лавки, поддѣли бѣднаго графа... Разтолкуйте мнѣ, сударь, откуда вы-ѣхала къ намъ эта сентиментальная чертовщина?

¹⁾ Лѣтопись русскаго театра. П. Арапова, стр. 232—233. 343. 243. 361. 281—288. 241. 215—216.

Она сформировалась въ Англіи,—отвѣчаетъ на это Судбинъ — попортилась во Франціи, раздулась въ Германіи, а къ намъ вывели её въ такомъ жалкомъ состояніи. . . .“.

Судбинъ, другъ отца Пронскаго, прикинувшись крестьянникомъ, хочетъ вразумить его и вылечить отъ сантиментальности. Когда графъ объявляетъ ему, что онъ „по примѣру многихъ чувствительныхъ людей вздумалъ объѣхать всю Россію, а потомъ и далѣе“, Судбинъ говоритъ ему: „славно, баринъ, спасибо тебѣ! Ты хочешь узнать всю святую Русь. Ты, чай, сыночекъ знатнаго барина, служишь царю государю, такъ почемужъ тебѣ не быть въ чинахъ: губернаторомъ, памѣстникомъ или еще болѣе. И потому то, знать, ты и объѣзжаешь все земли, чтобы узнать, гдѣ чѣмъ промышленнѣе, гдѣ что родится, гдѣ много земли, да мало рукъ, гдѣ мало земли, да много рукъ, гдѣ мужички зажиточны, гдѣ они нищіе, чѣмъ можно поправить ихъ обиходъ, чѣмъ пособить злу, какъ сдѣлать добро“. . . . Графъ удивляется, что простой крестьянинъ такъ разсуждаетъ. Когда же онъ на сдѣланное предложеніе получилъ рѣшительный отказъ, Судбинъ ему говоритъ: „сегодняшній день долженъ вамъ открыть глаза: вы презрѣны крестьянскою дѣвушкой, осмѣяны ребятишками, чуть чуть не родня Ипату. Вы должны почувствовать, сколь воображеніе молодого чувствительнаго человѣка, возпламененное вбаламошными писателями, можетъ быть для него пагубно. Рожденный съ чувствами пламенными, сердцемъ нѣжнымъ, душою пылкою, молодой человѣкъ, пачитавшійся писателей, которые, не смотря на ихъ ложныя мысли, одарены нѣкоторымъ краснорѣчіемъ, можетъ на минуту заблуждаться: но при первомъ свѣтѣ разсудка, онъ долженъ выйти на истинный путь“.

Осмѣивая сантиментальныхъ путешественниковъ, авторъ имѣетъ памѣреніе осмѣять все сантиментальное направленіе и имѣетъ въ виду преимущественно путешествія по Россіи Измайлова и Шалкова, косвенно и Письма русскаго путешественника Карамзина.

Сюжетъ піэсы „*Липецкія воды*“ составляетъ приключеніе одной барыни на липецкихъ водахъ. Графиня Лелева пріѣхала на воды не лечиться, а веселиться. Её окружаютъ множество поклонниковъ, но она расположена къ одному изъ нихъ, полковнику Пронскому, участвовавшему въ Наполеоновскихъ войнахъ 12, 13 и 14-го годовъ: она старается отвлечь его отъ двоюродной своей сестры Ольги Холмской, въ которую онъ влюбленъ. Между тѣмъ на воды пріѣзжаетъ двоюродный братъ Пронскаго, Ольгинъ, прежній поклонникъ графини; графиня и ему назначаетъ свиданіе. Открытіе или разоблаченіе этого кокетства графини и составляетъ содержаніе піэсы, которой поэтому дано названіе: „Урокъ кокеткамъ“. Между поклонниками графини представленъ поэтъ-балладникъ Фіалкинъ, въ лицѣ котораго изображенъ Жу-

ковскій. Вотъ сцена, въ которой онъ выведенъ. Проводивъ домой всѣхъ другихъ поклонниковъ, графиня поручаетъ выпроводить Фіалкина своей горничной Сангъ.

Графиня: Отправь его скорѣй....

Сангъ: Придите къ намъ уже съ гитарою своей
Позже.

Фіалкинъ: Внушена мнѣ гениемъ баллада,
И посвятить хочу графинѣ сердца плодъ.
(Графинѣ) Примите....

Графиня: Что, сударь?

Фіалкинъ: Творенье небольшое.
Но есть въ немъ кое-что. Я выбралъ модный родъ
Балладъ.

Графиня: И ихъ люблю.

Сангъ: А прозвище какое?

Фіалкинъ: Омиръ или Омеръ. Еще не рѣшено,
Какъ должно звать его, и для того я *или*
Поставилъ, чтобъ меня журналы не бранили.

Сангъ: Да дѣло въ чемъ? а мы иль мы, намъ все равно.

Фіалкинъ: Поэтъ безсмертный, къмъ была воспѣта Троя,
Лишенный глазъ, любви талантъ свой посвятилъ.

Графиня: Гомеръ влюбился!

Фіалкинъ: Ахъ! кто пѣлъ и не любилъ?

Ахилла славилъ онъ, чтобъ улыбулась Хлоя.

Графиня: Вотъ это новое!

Фіалкинъ: Не думаете-ль вы,
Чтобы поэтомъ быть, довольно дарованья,
Воображенія, въ словесности познанья,
Души возвышенной, хорошей головы
И прочаго? — Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Этого все мало.

Графиня: И даже прочаго! — Что жъ нужно для него?

Фіалкинъ: Въ немъ сердце быть должно, которо бы изливало
Слезу горячую въ грудь друга своего;
Чтобы онъ чувствовалъ, чтобъ чувствовалъ, какъ бьется
Любовью вѣщее; чтобы въ природѣ всей
Онъ видѣлъ милую, чтобъ жилъ одною ей;
Чтобъ тонкій вкусъ имѣлъ....

Сангъ (въ сторону): Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Фіалкинъ: Чтобъ въ скромной хижинѣ вмѣщалъ онъ цѣлый міръ;
И утро бы ему наивно улыбалось,
И веселилъ его одной природы пиръ;
Чтобъ онъ любилъ.... какъ я!...

Графиня: Намъ времени осталось

Немного, такъ прошу....

Фіалкинъ: Увы! когдабъ я могъ

Баллады пѣніемъ тотъ выразить восторгъ,
Которымъ воспламененъ Омеръ, пѣвецъ всесвѣтнй.

Графиня (въ сторону): Въ пѣньхъ сносите вздоръ. (ему) Пропойте.
Фіалкинъ (настраивая гитару): Я готовъ.

Баллада.

«Пѣлъ безсмертный славу Трою,
Пѣлъ родныхъ Іріама чадъ;
Пѣлъ Ахилла, жадна къ бою,
Пѣлъ Елены милый взглядъ!
Но чувствительность слезами
Излила глаза пѣвца.
Ахъ, мы любимъ не глазами:
Для любви у насъ сердца,
И безсмертный подъ сѣтьми
У безсмертнаго сѣнца».

И мысли освѣжить хотѣлъ игрою словъ:
Поймалъ подъ сѣть свою Амуръ, сѣнецъ безсмертный,
Безсмертнаго сѣнца Омера.

Графиня (въ сторону): Что за вздоръ!
Саша: Сѣнецъ сѣнца ведетъ — прекрасно!
Фіалкинъ: Ахъ! вашъ взоръ
Рѣшитъ судьбу сѣнца!
Графиня: Онъ очень милъ.
Саша: А сколько
Куплетовъ всѣхъ?
Фіалкинъ: Всего ихъ сорокъ восемь.
Саша: Только!
Фіалкинъ: Не больше.
Графиня (Сашѣ): Ахъ, спаси!
Саша (Фіалкину): Бездѣлица, да насъ
Ждетъ туалетъ. А вамъ не время-ль на Парнасъ?
Графиня: Могу-ль я быть въ надеждѣ,
Что нынѣ въ вечеру услышу....
Фіалкинъ: А не прежде?
Графиня: Не прежде; но прошу, скажите мнѣ пока
Сюжетъ.
Фіалкинъ: Омеръ сидитъ въ лѣсу у ручейка
И къ Хлоѣ страсть поетъ....
Саша: Покуда перестанетъ.
Фіалкинъ: Пѣтъ, ошибаетесь! Покуда громъ не грянетъ,
Покуда бурями чреватъ небеса
Не хлынутъ океанъ на землю....⁽¹⁾.

Эта не замысловатая и не остроумная сатира послужила поводомъ къ тому, что вся партія Жуковского напала на Шаховскаго и на него также явилось множество сатиръ и эпиграммъ; Шахов-

⁽¹⁾ Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды. Сиб. 1815. стр. 47—55.

скаго стали называть Шутовскимъ и злымъ Гашпаромъ (главное лицо въ поэмѣ „Расхищенные шубы“). „Липецкія воды“ интересовали современную публику еще тѣмъ, что въ нихъ весьма сильно выражался патріотическій элементъ: дѣйствующія здѣсь лица въ своихъ рѣчахъ и монологахъ высказываютъ свои чувства любви къ отечеству, воспоминаютъ о Лейпцигѣ, Кульмѣ, Парижѣ. Это было въ 1815 г. Какъ продолженіе „Липецкихъ водъ“ въ 1820 г. появилась одноактная комедія въ стихахъ: „Какаду, или слѣдствіе урока кокеткамъ“.

Въ комедіи „Пустодомы“ изображены Радугины—мужъ и жена, помѣщики, промотавшіеся отъ своей непрактичной и безпутной жизни. Князь Радугинъ, совершенно не зная русской жизни, составляетъ разные планы и проекты или совершенно не выполнимые, или совершенно бесполезные, по совѣту своего домашнего бібліотекаря Инквартуса и управляющаго дома Цаплина, и входить въ долги. Вотъ какъ описываетъ Радугина слуга его:

Нашъ князь все въ мірѣ знаетъ,
Всѣ въ небѣ звѣздочки по имю называетъ.
Кто до потолка жилъ, извѣстно все ему;
А то, что дѣлаютъ теперь въ его дому,
Не вѣдаетъ, и знать ему какъ будто стыдно...

Когда изъ-за моря онъ въ свой явился полкъ,
То, году не служа, въ отставку сталъ проситься;
Толкуя вещи всѣ на свой ученый толкъ,
Его сіятельство нашель, что не годится
Ему, какъ всѣмъ, ходить и въ караулъ и въ строй;
Что офицерскій чинъ для мудрена ничтоженъ;
Что онъ фельдмаршаломъ, или ничѣмъ быть долженъ.

Радугинъ вышелъ въ отставку и женился. Довѣривъ свои дѣла и домъ своему прикащику плуту Цаплину, онъ

Хозяйничать въ село профессоровъ отправилъ;
А при лицѣ своемъ Инквартуса оставилъ,
Который прочихъ всѣхъ ученыхъ и глупый.

Они пачали дѣлать выписи, составлять проекты:

Ты только извлекай, а я, занявшись слогомъ,
Извѣстнымъ мнѣніемъ дамъ новый оборотъ
И помѣщу свои статьи для домоводства.
Мои плантаціи, заводы, скотоводства,
Домы крестьянскіе, трехверстный водоводъ,
Отопка турфами, овины, молотильны,

Свекольный сахаръ, все . . . и самыя контильны
Невѣжей просвѣтять. — Я выставять хочу
Всего полезнаго село мое въ обращеніи,
И только что рапортъ оттуда получу,
То и вѣщу въ журналъ. (4—5. 9).

Но все планы его не удались. Свекольный заводъ оказался невыгоднымъ; меринсовыхъ овецъ пасти было трудно; а турфы на винномъ заводѣ такъ плохо горять, что выходитъ не вино, а хлѣба переводъ. Радугинъ въ негодованіи все неудачи сваливаетъ на русскій климатъ и русское невѣжество.

Не стыдно ль звать климатомъ
Морозы, вьюгу, дождь и вѣчную зиму,
Гдѣ гибнетъ все, нельзя родиться ничему;
И въ царствѣ клюквою, брусникою богатомъ
Что можно завести?
. . . . . Нѣтъ сомнѣнія,
Все перепорчено отъ пьянства, нерадѣнія
И отъ невѣжества.... (12—16).

Признавъ источникомъ всехъ своихъ неудачъ невѣжество, онъ берется за воспитаніе, хочетъ всюду построить школы и учить въ нихъ насильно своихъ крестьянъ. Но дѣло ограничилось составленіемъ плановъ, къ чему онъ только и способенъ со своимъ руководителемъ Инквартусомъ. Инквартусъ—одинъ изъ тѣхъ ученыхъ педантовъ, которые весь вѣкъ все изучаютъ и обо всемъ разсуждаютъ, полагая всю суть въ самомъ процессѣ разсужденія. Когда Радимовъ замѣчаетъ ему, что важнѣе всехъ наукъ на свѣтѣ — наука Правдологія

По правдѣ въ свѣтѣ жить,
Отъ правды не лгать, за правду не сердиться;
Въ душѣ, на языкѣ всегда еѣ имѣть
А если надобно, за правду умереть.

Инквартусъ пускается въ такія разсужденія:

Позвольте, знаю все: цѣль вашего ученья
Есть правда; спорить въ томъ не можете никакъ;
А правда съ истиной сословы ¹⁾ суть; и такъ
Цѣль Правдологіи есть къ истинѣ стремленіе;
А философія не есть ли точно тожъ?
Не все-ль философы отъ Канта до Сократа

¹⁾ Синонимы.

Стремились къ истинѣ и отвергали ложь?
 Хоть философія системами богата,
 Но цѣль одна. Примѣръ: Зенона стоицизмъ,
 Пиррона скептицизмъ, Спинозы реализмъ,
 И Фихтова идеизмъ съ Берклея идеизмомъ,
 Сократо-платонизмъ съ антропофилеизмомъ,
 Суперъ-натурализмъ, перипатетицизмъ,
 Деризмъ, пионизмъ, кратизмъ, фиксизмъ и фатализмъ:
 Такъ безъ софизмовъ я все кончу силлогизмомъ.
 Что правды риторизмъ вы греко-русицизмомъ
 Хотѣли выразить, — и я васъ угадаю.

Р а д и м о в ъ.

Да изъ какихъ земель васъ князю Богъ послалъ?
 И этихъ измовъ всѣхъ откуда ты набрался?

И н к в а р т у с ъ.

Я родомъ съ Эзеля, но въ Галлѣ просвѣщался
 И человекомъ сталъ!....

Р а д и м о в ъ.

Скажите-жъ, человекъ,
 Что съ княземъ путнаго надѣлали вы въ свѣтѣ?

И н к в а р т у с ъ.

Учились, учимся, учиться будемъ въ вѣкъ....

Въ столѣ и на столѣ найдете сто началъ,

О ста матеріяхъ.... ¹⁾

Сестра князя, Наталья, закладываетъ свое наслѣдство, чтобы поправить его дѣла: для его Радимовъ, узнавъ о разореніи его, пріѣзжаетъ въ городъ, выкупаетъ имѣніе и ихъ самихъ увозитъ въ деревню.

Часто давалась на сценѣ „Двумужника, или зачѣмъ пойдешь, то и найдешь“, романтическая драма въ двухъ частяхъ (Спб. 1836 г.). Она правила тѣмъ, что въ ней изображались старыя святочные игры и старыя пѣсни и вообще присутствіемъ народнаго элемента. Интересовалъ также безобразный бытъ волжскихъ разбойниковъ. Изъ характеровъ обращаютъ на себя вниманіе сваха Кузминична и старецъ Савватій.

„Казакъ стихотворецъ“ — анекдотическая опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи (изданіе 2-е. Спб. 1817).

¹⁾ Комедія Шаховскаго «Пустодомы». Спб. 1820 г., стр. 4—5; 9; 12—13; 56—58.

Дѣйствующія лица въ этой пьесѣ—казакъ Климовскій, тысяцкій Прудіусъ, Маруся — невеста Прудіуса, любовница Климовскаго и др. Пьеса давалась на сценѣ съ большимъ успѣхомъ, благодаря малорусскимъ пѣснямъ, положеннымъ на ноты. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ-то: Бѣжавъ казакъ за Дунай, сказавъ дивчинѣ прощай, были въ большомъ ходу и вошли въ разные пѣсенники.

„*Расхищенные шубы*“ — поэма-комедія или комическая поэма. Какъ пародія на эпическія поэмы, она также начинается словомъ „пою“.

Пою крамолою забавы престѣченны,
И муфты, и хвосты, и шубы расхищенны.

Дѣйствіе происходитъ на святкахъ въ мѣщанскомъ клубѣ. Главными дѣйствующими лицами являются аллегорическія лица: Веселость и Раздоръ. Раздоръ, недопущенный въ собраніе Веселости, внушаетъ старшинѣ собранія переплетчику Гашпару мысль надѣлать двойныхъ ярлыковъ, изъ коихъ одни должны быть приколоты къ шубамъ, а другіе розданы посѣтителемъ для скорѣйшаго отысканія одежды. Съ этими ярлыками Гашпаръ является въ совѣтъ старшинъ; предложеніе его возбуждаетъ споръ и поднимается страшный шумъ.

Шаховской, мы замѣтили, писалъ очень много. Подобно Сумарокову, бывшему первымъ директоромъ театра и въ тоже время поставщикомъ пьесъ для него, онъ также былъ присяжнымъ писателемъ для театра. Онъ не успѣвалъ ни вдумываться въ сюжетъ пьесы серьезно, ни обрабатывать его художественно. Поэтому между множествомъ его пьесъ мы не находимъ ни одной классической пьесы, сохранившей свое значеніе надолго. Да и таланта у него не было такого, чтобы писать такія пьесы: у него не было глубины взгляда, ни серьезности мысли. У него была наблюдательность, бойкость и живость, воображеніе и остроуміе. Съ этими качествами онъ въ обиліи могъ доставить матеріалъ для спектаклей, не особенно цѣнный и богатый по своему содержанію и внутреннему значенію, но разнообразный и интересный. Онъ не былъ строго разборчивъ: что происходило вокругъ него на сценѣ или въ обществѣ, онъ, нисколько не стѣняясь, вставлялъ въ свои пьесы, задѣлывалъ извѣстныя личности, рисуя ихъ портреты, намекая на извѣстные случаи. Это придавало его пьесамъ характеръ современности и близости къ жизни.

Къ кружку Шаховскаго принадлежали Кокошкинъ, Катенинъ и Карабановъ.

Федоръ Федоровичъ Кокошкинъ (род. 1773 г.), подобно Шаховскому, сначала также принадлежалъ къ дирекціи Петербургскаго

театра, былъ членомъ по репертуарной части, а потомъ директоромъ Московскаго театра. Занимая эту должность, онъ весьма много пользы принесъ театру. Будучи самымъ хорошимъ артистомъ, онъ училъ актеровъ театральному искусству, образовалъ Щепкина, Мочалова и много другихъ артистовъ. Первую извѣстность въ литературномъ мѣрѣ онъ приобрѣлъ переводомъ „Мизантропа“ Мольера¹⁾, а потомъ писалъ оригинальныя пьесы для театра. Домъ его былъ центромъ, гдѣ устраивались благородные спектакли и литературные вечера, на которые собирались разные писатели и артисты.

Павель Александровичъ Катенинъ (1792—1853) принадлежалъ къ школѣ Шишкова и представлялъ собою такой образецъ классика, что не допускалъ даже возможности другаго направленія въ драматической поэзіи, кромѣ классическаго, и другихъ образцовъ драмы, кромѣ трагедій Корнеля и Расина. Когда явилась романтическая драма и когда самъ Шаховской перешелъ на ея сторону, то онъ возсталъ противъ нея съ особенною силою. Въ „Литературной Газетѣ“ Дельвига онъ напечаталъ рядъ критическихъ статей, подъ заглавіемъ „Размышленія и Разборы“. Въ этихъ разборахъ онъ между прочимъ разобралъ „Чтенія о драматической поэзіи“ Августа Шлегеля, гдѣ представлена параллель между древней и новой драмой, между трагедіями Корнеля, Расина и Вольтера и между трагедіями Шекспира. Свои теоретическія положенія онъ старался подкрѣпить образцами. Для этого онъ перевелъ изъ Корнеля 4-е дѣйствіе „Горациевъ“ (1817) и „Сила“ (1822),—изъ Расина „Есфирь“ (1816) и кромѣ того, въ подражаніе Расину, написалъ свою трагедію „Андромаху“. Пушкинъ, одѣлавъ литературный талантъ и дѣятельность Катенина, вѣроятно, на основаніи этихъ переводовъ, сказалъ, что онъ „воскресилъ Корнеля геній величавый“; но этотъ отзывъ несправедливъ, или по крайней мѣрѣ слишкомъ преувеличенъ: переводы Катенина далеко не выражаютъ силы подлинника, а его „Андромаху“ не можетъ быть и сравнима съ своимъ образцомъ²⁾.

¹⁾ Мизантропъ, ком. въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. Мольера. Переводъ О. Кокошницкаго. М. 1816. Дѣйствующія лица Мольера — Алькестъ, Семичеръ, Филиппъ. Оренти у Шаховскаго являются подъ именами: Крутона, Людмила, Прелестьина и т. д. въ томъ же родѣ.

²⁾ Сочиненія и переводы въ стихахъ... Спб. 1832.

А. О. МЕРЗЛЯКОВЪ.

Алексѣй Ѳеодоровичъ Мерзляковъ (1778 — 1830) былъ сынъ небогатаго купца въ городѣ Далматовѣ пермской губерніи ¹⁾. Перемѣной своей судьбы ближайшимъ образомъ онъ обязанъ своему дядѣ, который взялъ его изъ захолустнаго города къ себѣ въ Пермь, и директору пермской гимназіи, П. П. Панаеву, который случайно встрѣтилъ его у дяди и, замѣтивъ его способности, записалъ его въ народное училище и сталъ слѣдить за его успѣхами. Чрезъ годъ 14-лѣтній мальчикъ Мерзляковъ принесъ Панаеву свою „Оду на заключеніе мира со Шведами“. Панаевъ представилъ эту оду пермскому губернатору Волкову, — Волковъ отправилъ ее къ главному начальнику народныхъ училищъ графу Завадовскому, а Завадовскій поднесъ ее самой императрицѣ Екатерицѣ II. Екатерина „приказала напечатать сіе сочиненіе въ издаваемомъ тогда при Академіи Журналѣ и сверхъ того нѣсколько экземпляровъ особенно для сочинителя“. Эти экземпляры были присланы въ Пермь, при высочайшемъ рескриптѣ, къ директору, съ повелѣніемъ, чтобы, по окончаніи курса наукъ въ училищѣ, Мерзляковъ былъ отправленъ на казенный коштъ въ Петербургъ или Москву для продолженія наукъ. Въ 1793 году Мерзляковъ окончилъ курсъ въ пермскомъ училищѣ и отправленъ былъ въ Москву къ куратору университета, Хераскову, и поступилъ въ знаменитое тогда общество Новикова. Сначала онъ учился въ гимназіи, а потомъ въ университетѣ, гдѣ греческую, латинскую и руссійскую словесность слушалъ у Сохацкаго и Чеботарева. Ко времени ученія въ университетѣ относятся его первые опыты стихотвореній, которые онъ печаталъ въ журналѣ Подшивалова: „Пріятное и полезное препровожденіе времени“; въ этихъ стихотвореніяхъ Мерзляковъ подражалъ съ одной стороны Ломоносову и Державину въ ихъ религіозно-философскомъ и восторженно-патріотическомъ направленіи, а съ другой для изліянія своихъ чувствъ въ пѣсни — Карамзину и Дмитріеву. Потомъ онъ участвовалъ въ томъ литературномъ собраніи, которое было основано Жуковскимъ при пансіонѣ Шадена, и сблизился съ самимъ Жуковскимъ; въ трудахъ воспитанниковъ пансіона, которые печатались подъ именемъ „Утренней Зари“, помѣщены были нѣкоторые стихотворенія Мерзлякова. Еще въ то время, когда Мерзляковъ былъ бакалавромъ, ему, по опредѣленію университетской конференціи,

¹⁾ Смотри. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета. М. 1855. II, 52—100. Алексѣй Ѳеодоровичъ Мерзляковъ. Біографическо-критическій очеркъ Н. Мизко. Русск. Старина 1879 г. январь. Исторія хрестоматія новаго періода русскои словесности А. Д. Галахова II. 298 — 310. А. Н. Майкова: Сочин. Батюшкова II, примѣчанія, стр. 506—507.

нѣсколько разъ поручаемо было исправленіе учительской должности въ классахъ російской грамматики, при академической гимназій. По новому образованію университета, Мерзляковъ былъ переименованъ изъ бакалавровъ въ кандидаты, а потомъ вскоре произведенъ въ магистры. Въ 1805 г. онъ получилъ степень доктора и званіе экстраординарнаго профессора. Когда профессоръ Чеботаревъ, по преобразованіи университета въ 1804 г., былъ избранъ ректоромъ, Мерзляковъ занялъ въ университетѣ кафедру російскаго краснорѣчія и поэзіи, на которой и оставался до конца своей жизни. Въ 1810 г. онъ былъ слѣланъ ординарнымъ профессоромъ. Кромѣ того, Мерзляковъ былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ „Общества любителей російской словесности“: не проходило ни одного собранія, въ которомъ бы онъ не читалъ своихъ сочиненій или въ стихахъ, или въ прозѣ. Въ 1812 г., по предложенію князя Голицына, онъ въ огромной залѣ его дома открылъ публичный курсъ словесности: лекція продолжалась весь великій постъ, по два раза въ недѣлю, по средамъ и субботахъ: въ 10 лекцій прочтена была вся теорія изящныхъ наукъ. Намѣстніе французовъ и смерть Голицына прекратили эти лекціи. Въ 1815 г. онъ издавалъ журналъ „Амфіонъ“ и здѣсь напечаталъ нѣкоторыя изъ своихъ лекцій и многія стихотворенія свои и переводы изъ древнихъ писателей и Тасса.

Въ 1816 г. возобновились „публичныя лекціи“ въ домѣ Аграфены Федоровны Кокошиной. Курсъ состоялъ изъ 24 лекцій и обнималъ сначала „сокращенно общія правила о краснорѣчій и поэзіи“, потомъ „изложеніе правилъ различныхъ родовъ сочиненій“ и наконецъ „чтеніе и разборъ знаменитѣйшихъ російскихъ писателей“. Второй курсъ отличался отъ перваго болѣе критическимъ характеромъ. Какъ въ первомъ изложена была почти полная теорія краснорѣчія и поэзіи, такъ во второмъ, послѣ краткаго изложенія содержанія перваго курса, представлены критическіе разборы лучшихъ русскихъ поэтовъ во всѣхъ родахъ поэзіи.

Существенное отличіе Мерзлякова отъ предшественниковъ его, преподавателей словесности, Пшопскаго, Барсова и Чеботарева, заключается въ томъ, что онъ рѣше отбѣлалъ преподаваніе русской словесности отъ словесности античной, греко-латинской, и далъ набодрѣ словесности болѣе самостоятельное значеніе. Прежніе преподаватели словесности учили студентовъ выражать мысли свои равно на языкѣ латинскомъ и русскомъ и разбирали образцы изъ русскихъ писателей наравнѣ съ греческими и латинскими, при этомъ руководствовались классическими книгами Рейн-кюуса, особенно Эрнесті: Мерзляковъ, хотя самъ былъ воспитанъ на классикахъ и въ классическомъ духѣ, слѣдовалъ вѣжному руководству Эшенбурга: Entwurf einer Theorie und Literatur der schonen

Wissenschaften. По этой книгѣ онъ самъ составилъ нѣсколько руководствъ: 1) Краткая риторика, или правила, относящіяся ко всѣмъ родамъ сочиненій прозаическихъ; 2) Краткое начертаніе теоріи изящной словесности; 3) Краткое руководство къ эстетикѣ; 4) Конспектъ лекцій російскаго краснорѣчія и поэзіи. Собственно Мерзляковъ, передѣлывая Эшенбурга, немного измѣнялъ подлинникъ; къ иностраннымъ образцовымъ писателямъ онъ прибавилъ только русскихъ писателей; по въ основныхъ воззрѣніяхъ онъ иногда отступалъ отъ Эшенбурга. Эшенбургъ признаетъ начало, которое полагалъ Баттѣ для изящныхъ искусствъ—подражаніе изящной природѣ, не удовлетворительнымъ и вмѣстѣ съ Баумгартеномъ ставитъ высшимъ началомъ для изящныхъ искусствъ чувственное совершенство, представленное искусствомъ и впечатлѣнное на предметахъ нашего ощущенія. Мерзляковъ приводитъ оба эти мнѣнія Баттѣ и Эшенбурга и говоритъ: „подражаніе природѣ *эстетическое*, въ полномъ смыслѣ сего слова, можетъ быть также принято за начало всѣхъ искусствъ.“ Впрочемъ, Мерзляковъ, хотя слѣдовалъ системѣ Эшенбурга, не особенно вѣрилъ въ твердость какихъ-нибудь началъ, какой-нибудь системы. „Произведенія изящныхъ искусствъ, какъ предметъ чувствованія и вкуса, не подвержены строгимъ правиламъ и не могутъ, кажется, имѣть постоянной системы, или науки изящнаго. Самое понятіе о прекрасномъ чуждо всякихъ законовъ. Только критика вкуса имѣетъ свой голосъ, болѣе или менѣе опредѣленный. Врожденная и совершенствуемая разумомъ, чувственная способность, вкусъ, вмѣстѣ съ критикой, основанной на сравненіи, доводитъ насъ до опредѣленія, сколько возможно, точнѣйшихъ границъ изящной природы, изъ которой почерпаютъ свои матеріалы всѣ искусства“. Важности историческаго изученія словесности Мерзляковъ, кажется, не сознавалъ; хотя въ его время и приготовлено было довольно матеріаловъ для исторіи словесности, но въ общей системѣ науки ея вліяніе еще не такъ сильно чувствовалось. Болѣе самостоятельныя воззрѣнія Мерзлякова обнаруживаются въ его отдѣльныхъ статьяхъ, именно въ лекціяхъ, читанныхъ въ 1812 году: 1) о талантахъ стихотворца; 2) о гениі, объ изученіи поэта, о высокомъ и прекрасномъ; 3) объ изящной словесности, ея пользѣ, цѣли и правилахъ; 4) объ изящномъ, или о выборѣ въ подражаніи; 5) объ основаніяхъ изящнаго въ примѣненіи къ родамъ и видамъ поэзіи; 6) о томъ, что называется дѣйствіемъ драмы. Въ статьѣ „Объ изящномъ или о выборѣ въ подражаніи“, онъ говоритъ: „искусствъ есть подражаніе въ гармоническомъ слогѣ, иногда вѣрное, иногда украшенное—всему тому, что природа можетъ имѣть прекраснаго, трогательнаго, подражаніе сообразное съ памѣреніемъ поэта, съ его талантами и чувствами“. „Изобрѣтать въ искусствахъ не значитъ давать существо пред-

мету, но открывать этотъ предметъ въ видѣ разительнѣйшемъ, узнавать новыя въ немъ черты, замѣчая, какое можетъ онъ на людей производить дѣйствіе“. „Природа стихотворцевъ весьма обширна: она заключаетъ въ себѣ четыре міра: міръ существующій, или дѣйствительный, т. е. физическій, нравственный и гражданскій; потомъ міръ историческій; далѣе міръ мѣологическій: наконецъ міръ идеальный или возможный“. — „По какимъ признакамъ узнавать прекрасное, или изящное? Кажется, напрасно будемъ искать ихъ въ предметахъ, насъ окружающихъ. Если бы хотя на одно мѣновеніе вдохновенный стихотворецъ, который у древнихъ именовался великимъ именемъ *vates*, могъ вознестись до такой высоты, чтобы взирать на всю вселенную и обнимать ее единымъ взглядомъ, тогда бы онъ увидѣлъ нѣчто превышающее все его воображеніе, увидѣлъ бы стройность, порядокъ, совершенство, благодать Зидителя въ цѣломъ необъятномъ и въ частяхъ, — отъ твореній безконечно великихъ до твореній безконечно малыхъ, отъ видимыхъ простымъ глазомъ до едва зримыхъ окомъ вооруженнымъ, и возгласилъ бы въ сердечномъ святомъ восторгѣ: все совершенно, все прекрасно: *Велий еси Господи, и чудны дѣла Твоя!*... Въ статьѣ: „О примѣненія изящнаго къ родамъ и видамъ поэзіи“, Мерзляковъ говоритъ: „Пусть говорятъ, что чувства свободны отъ всякаго плана, отъ всякаго стѣпенія: это не справедливо. Природа и въ самую бурю, когда все, кажется, готово разрушиться, не теряетъ своей стройности, или лучше, самая буря имѣетъ свои законы, начало, переходы и конецъ: почему же не должны имѣть сего порядка, сихъ законовъ бури сердечныя? Въ порывахъ чувствъ есть своя система постоянная и вѣрная: ее-то долженъ открыть и исполнить стихотворецъ“. Такимъ образомъ, Мерзляковъ обнаруживалъ самостоятельныя и глубокія воззрѣнія въ своей наукѣ, когда, оставляя своихъ учителей, предавался внутреннему своему источнику, врожденному чувству красоты, и своимъ добросовѣстнымъ наблюденіямъ природы и искусства: онъ не любилъ нѣмецкихъ системъ, основанныхъ на однихъ умозрительныхъ построеніяхъ. „Вотъ гдѣ система“, говорилъ онъ своимъ слушателямъ, указывая на сердце, признавая, что и въ самыхъ порывахъ чувствъ есть своя система постоянная и вѣрная.

Между русскими поэтами Мерзляковъ извѣстенъ какъ поэтъ лирическій. Границы лирической поэзіи, по его выраженію, простираются отъ божественнаго гимна и въспрней оды до простой сельской пѣсни. Въ лирическихъ произведеніяхъ Мерзлагова относятся: 1) стихотворенія религіозныя: она на разрушеніе Вавилона, выбранная изъ пророка Исаіи (14, 5—28); пѣснь Моисеева, по прохожденіи Чермнаго моря; пѣснь Деворы и Вараха; пѣснь Моисея, предъ его кончиною, собравшемуся Израилю; Глазъ Божій въ

громъ (Псал. 28); гимнъ Недостижимому и пѣснь на заложеніе храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ. Мы уже выше замѣтили, что въ этихъ стихотвореніяхъ Мерзляковъ является достойнымъ подражателемъ Ломоносова и Державина. 2) стихотворенія патріотическія, каковы: Мячковскій курганъ; стихи на побѣду русскихъ надъ французами при Кремлѣ; „Обѣты Россіи“, или храмъ русской славы; „Россѣ или обновленіе Евронны“; „Гласъ народа отсутствующему Отцу отечества“; „Гласъ ралованія восхищенныхъ Музъ, по случаю прибытія въ Москву императора Александра I“ и др. Какъ профессоръ университета и членъ Общества любителей отечественной словесности, Мерзляковъ былъ вдохновеннымъ и краснорѣчивымъ глашатаемъ истины, во имя просвѣщенія; въ этомъ случаѣ его поэзія принимала тонъ дидактическій; въ такомъ тонѣ онъ написалъ множество стихотвореній по разнымъ случаямъ. Во времена Мерзлякова, какъ извѣстно, была въ большой модѣ форма романа, перенесенная къ намъ вмѣстѣ съ балладою и другими формами романтической поэзіи; Мерзляковъ написалъ нѣсколько романсовъ, которые были положены на музыку и постоянно распѣвались, таковы напр. дуэтъ: „Въ часъ разлуки пастушокъ“ на голосъ малороссійской пѣсни: „Ихавъ козакъ за Дунай“, и „Велизарій“.

Мальютка, племъ нося, просилъ
Для Бога ницѣ лишь дневныя
Слѣдцу, котораго водилъ.—
Къмъ славны Римъ и Византія.
«Тронитесь жертвою судьбы!
(Онъ такъ прохожихъ умоляетъ)
Подайте мальчугу на хлѣбъ:
Онъ Велизарія читаетъ...»

—
Вотъ племъ того, который былъ
Для готовъ, вандаловъ грозою;
Враговъ отечества сразилъ,
Но самъ сраженъ былъ слезою.
Тиранъ лишилъ его очей,
И мѣръ хранилца лишился.
Увы! Свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велизарія закрылся».

Голосъ мальчуга, посвятившаго себя великому слѣдцу и просящаго для него милостыни, возбуждалъ глубокое сочувствіе.

Но выше романа, для выраженія разныхъ чувствованій, Мерзляковъ ставилъ форму народной пѣсни. „Сильная страсть, сильная радость, отчаяніе не поютъ пѣсней: пѣсня есть собственно плодъ

уныніа, сладкаго сѣтованія, страсти тихой и вѣжной. Таковъ характеръ нашихъ народныхъ пѣсней, ознаменованныхъ истинною печатію природы: ибо ихъ произвело не искусство, но чувство простое, чуждое слишкомъ утонченнаго образованія. Онъ самъ сочинилъ нѣсколько пѣсень въ народномъ духѣ, каковы: „Среди долины ровныя“; „Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить“; „Ахъ, что-жь ты, голубчикъ, не веселье слышишь“ и „Чернобровый, черноглазый, молодець удалый“. Въ этихъ пѣсняхъ сказалось настоящее народное чувство: отъ того онъ такъ и полюбилъ народъ, что до сихъ поръ употребляютъ, особенно пѣсня: „Среди долины ровныя“, выражающая глубокую тоску одиночества. Дмитріевъ рассказываетъ, что она сочинена въ подмосковной деревнѣ Вельяминова-Зернова, гдѣ Мерзляковъ проводилъ лѣтнія каникулы. Разговаривая однажды о своемъ одиночествѣ, онъ взялъ мѣлъ и на открытомъ столѣ написалъ почти половину стихотворенія. Потомъ ему подложили перо и бумагу: онъ переписалъ написанное и окончилъ тутъ-же всю пѣсню ¹⁾).

Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ,
Цвететъ, растетъ высокій дубъ въ могучей красотѣ.
Высокій дубъ, развѣсистый, одинъ у всѣхъ въ глазахъ;
Одинъ, одинъ бѣднѣежка, какъ рекрутъ на часахъ.....

Воспитанный на греческихъ и римскихъ классикахъ и ободряемый почителемъ М. Н. Муравьевымъ, который считалъ необходимымъ внесеніе классическаго элемента въ русскую литературу, Мерзляковъ занимался переводомъ классическихъ сочиненій. Первыми опытами его переводовъ были: Сцены изъ Еврипидовой Алцесты и первая ода олимпійская Пиндара Гіерону Сиракузскому. Потомъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1805 г. явились эклоги Виргилія съ нѣкоторыми эклогами Феокрита, Біона и Мосха, Наука стихотворная Горация, перепечатанная нѣсколько разъ. Другіе переводы изъ Гомера, Тиртея, Пиндара, Сафо, Эхила, Софокла, Еврипида, Каллимаха, изъ Энеиды Виргилія, изъ Горация, Тибулла, Проперція и Овидія помѣщались въ разныхъ журналахъ и потому напечатаны были вмѣстѣ въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: „Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ“ (М. 1825—1826). Въ предисловіи къ этому сборнику Мерзляковъ говоритъ, что его цѣлью было „представить образцы древнихъ писателей во всѣхъ родахъ стихотворныхъ сочиненій, дабы учащіеся могли ихъ имѣть на своемъ языкѣ при самомъ истолкованіи правилъ Пинтики“. О способѣ своего перевода онъ выражается: „свободно и по

¹⁾ „Мелочи изъ запаса моей памяти“, Дмитріева.

сказать, что почти всѣ представленные здѣсь отрывки весьма близко переложены, но не переводы въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, ибо я, переводя въ стихахъ, и не могъ, и не хотѣлъ этого сдѣлать. Даже предупреждаю знатоковъ греческаго подлинника, что я многое сокращалъ, что мнѣ казалось слишкомъ растянутымъ, или не относительно къ минутѣ дѣйствующей страсти; иное переставлялъ и соединялъ первый актъ съ пятымъ въ своемъ отрывкѣ, дабы составить изъ того нѣчто цѣлое драматическое“ и проч. Такое воззрѣніе на переводы Мерзляковъ заимствовалъ у французовъ, которые не умѣли, или не хотѣли впикать въ духъ подлинника и не понимали художественнаго смысла древнихъ произведеній. Подобно Тредьяковскому, который къ своимъ переводамъ присоединялъ предисловія, въ которыхъ подробно объяснялъ происхожденіе и значеніе стихотворной формы переводимаго сочиненія, Мерзляковъ также къ переводу эклогъ Виргилія приложилъ предисловіе объ эклогѣ вообще; въ предисловіи къ первому тому переводовъ и подражаній было приложено разсужденіе „о началѣ и духѣ древней трагедіи и о характерѣ трехъ греческихъ трагиковъ“. Изъ новыхъ литературъ Мерзляковъ перевелъ только „Идиллія г-жи Дезульеръ“ (М. 1807) и „Освобожденный Іерусалимъ“ Тасса (М. 1828 г.).

Мерзляковъ славился въ свое время, какъ краснорѣчивый ораторъ. Особенно часто онъ любилъ говорить рѣчи съ кафедры въ торжественные дни Московскаго университета и въ засѣданіяхъ Общества любителей россійской словесности. Между многими рѣчами интересна его рѣчь, произнесенная на актѣ въ университетѣ 30 іюня 1808 г.: „О духѣ, отличительныхъ свойствахъ поэзіи первобытной и о вліяніи, какое имѣла она на нравы и на благосостояніе народовъ“. Въ этой рѣчи, замѣчательной силою и картинностью выраженія, Мерзляковъ съ одушевленіемъ говорилъ о священной еврейской поэзіи и отдалъ ей преимущество прѣдъ всѣми другими. При разборѣ поэзіи у другихъ народовъ мы встрѣчаемъ у него слѣдующее замѣчательное мѣсто о русскихъ ибенияхъ: „О, какихъ сокровищъ мы себя лишаемъ!—Собирая древности чуждыя, не хотимъ заняться тѣми памятниками, которые оставили знаменитые предки наши!—Въ русскихъ ибенияхъ мы бы увидѣли рускіе нравы и чувства, русскую правду, русскую доблесть. Въ нихъ бы полюбили себя снова и не постыдились такъ называемаго первобытнаго своего варварства. Но ибении наши время отъ времени теряются, смѣшиваются, искажаются, и наконецъ совсѣмъ уступятъ блестящимъ бездѣлкамъ иноземныхъ трубадуровъ. Неужели не увидимъ ничего болѣе, подобнаго несравненной ибени Игорю“!

Послѣ критической дѣятельности Сумарокова, которая имѣла чисто стилистическій характеръ и состояла только въ указаніи

совершенство или недостатокъ языка и слога разбираемыхъ писателей. Мерзляковъ былъ первымъ замѣчательнымъ критикомъ въ нашей литературѣ, обратившимъ вниманіе уже на достоинство содержанія и внутренний характеръ литературныхъ произведеній и на характеръ писателей. Хотя онъ по взглядамъ своимъ принадлежалъ еще къ старой школѣ и слѣдовалъ еще ложно-классической теоріи, но природное чувство изящнаго и здравый вкусъ, многолѣтняя опытность и прозорливая наблюдательность ставили его часто выше теоріи и внушали ему вѣрныя мысли и глубокія сужденія. Критическій талантъ Мерзлякова выражается во всѣхъ его чтеніяхъ о словесности и особенно слѣдующихъ: 1) разсужденіе о русской словесности; 2) разборъ Россіады, поэмы Хераскова; 3) разборъ 8-й оды Ломоносова: „Царей и царствъ земныхъ отрада, возлюбленная тишина“... 4) разборъ трагедіи Озерова „Поликсена“; 5) разборъ оперы Аблесимова: „Мельникъ“; 6) разборъ трагедіи Озерова: „Эдипъ въ Афинахъ“; 7) разборъ трагедій Сумарокова; 8) разборъ сочиненій Державина; 9) о вѣрнѣйшемъ способѣ разбирать и судить сочиненія, особливо стихотворныя, по ихъ существеннымъ достоинствамъ; 10) о характерѣ трехъ греческихъ трагиковъ. Мерзляковъ очень высоко цѣнилъ Россіаду, какъ сочиненіе, написанное по классическимъ образцамъ: онъ сравнивалъ ее съ великолѣпнымъ храмомъ св. Петра: „какъ громада неподвижная, говорилъ онъ, и въ буряхъ времени и въ буряхъ мнѣній, стоитъ она огражденная неизмѣняемымъ своимъ величіемъ“. Такія преувеличенныя похвалы вызвали однакожъ критику молодого писателя Строева, который въ „Современномъ Наблюдателѣ“ осмѣлился выразить публично свое противорѣчіе Мерзлякову. Разбирая оду Ломоносова, Мерзляковъ указываетъ на постепенное совершенствованіе въ одахъ по той мѣрѣ, какъ онъ отступалъ отъ первоначальнаго нѣмецкаго образца своего, Гинтера. Разбирая трагедію Озерова: „Эдипъ въ Афинахъ“, Мерзляковъ порицаетъ Озерова за то, что „онъ поступалъ съ баснею своею насильственно, какъ съ мраморной древней статуей поступаетъ новѣйшій художникъ, смѣло обрубая ее по своему плану, безъ всякаго уваженія ко вкусу древности“... „Симъ образомъ потеряно истинное величіе трагедіи древней! Я не вижу здѣсь ни одного грека, ни Греція“... Порицая Озерова за то, что онъ увлекался Дюисомъ въ перемѣнѣ развязки легенды, Мерзляковъ замѣчаетъ о французахъ, что „часто бываютъ слишкомъ нѣжны: боясь разстроить первную систему своихъ соотечественниковъ, не смѣютъ показать на театрѣ страдальческую смерть мужа добродѣтельнаго. Такая нѣжность часто бываетъ притворное или слишкомъ утонченное жеманство, плодъ испорченнаго вкуса,—жеманство, которое доставило вялость многимъ хорошимъ французскимъ трагедіямъ. Во всемъ должна быть мѣра“. Сумаро-

кова Мерзляковъ называетъ „отцемъ русской драмы, установителемъ русской трагедіи и комедіи“. Онъ разсматриваетъ все его девять трагедій, по порядку ихъ выхода: лучшими трагедіями признаетъ „Синава и Трувора“ и „Семиру“. Весьма замѣчателенъ разборъ „Дмитрія Самозванца“: извѣстно, что эта трагедія особенно славилась у современниковъ: Мерзляковъ говоритъ, что „она имѣетъ гораздо болѣе погрѣшностей, нежели какая-либо другая трагедія сего же автора“.—„Во всѣхъ пяти актахъ никакого дѣйствія. Содержаніе трагедіи: тиранъ сердился, бранился, и съ досады наконецъ убилъ себя“. Державина Мерзляковъ называетъ поэтомъ оригинальнымъ: „по первымъ стихамъ тотчасъ же узнаешь Державина, какъ узнаютъ перваго музыканта или живописца по одному движению смычка, или по чертѣ проведенной... Ода Ломоносова, при всемъ своемъ величій, носила еще оковы школы: ода Державина въ первый разъ съ распутанными крыльями воспарила орломъ къ небесамъ“. Лучшими одами Державина, драгоценнѣйшимъ, нетлѣннымъ сокровищемъ нашей словесности, онъ признаетъ оды философскія; подъ старость Державинъ, какъ извѣстно, выше всѣхъ сочиненій ставилъ сочиненія драматическія; Мерзляковъ называетъ ихъ развалинами Державина. Наконецъ, въ статьѣ: „о вѣрнѣйшемъ способѣ разбирать и судить сочиненія“, Мерзляковъ указываетъ на необходимость и важное значеніе критики. Онъ строго держится правилъ классической теоріи; онъ нападаетъ на мечтательныя созданія романтическаго вкуса, признавая ихъ „противорѣчащими основному правилу изящнаго“. Ни школа Карамзина, ни школа Жуковского не пользовались его симпатіями. При чтеніи сочиненій Пушкина чувство его выражалось только слезами. Читая Кавказскаго плѣнника, онъ, говорятъ, плакалъ. Онъ чувствовалъ, что это прекрасно, но не могъ дать отчета въ этой красотѣ,—и безмолвствовалъ. Послѣднія лекціи Мерзлякова въ университетѣ состояли также почти въ критическихъ импровизаціяхъ; вмѣсто лекціи онъ приносилъ на кафедру Ломоносова или Державина, раскрывая на удачу, что попадалось,—и рѣчь шла свободно и роскошно, подъ вліяніемъ минутнаго настроенія; въ профессорѣ и критикѣ сказывался поэтъ по призванію. Эти импровизаціи приводили въ восторгъ слушателей и глубоко запечатлѣвались въ ихъ памяти ¹⁾.

¹⁾ Собраніе нѣкоторыхъ произведеній Мерзлякова было издано Обществомъ любителей Россійской Словесности, Москва, 1867 г., 2 тома. Значительная часть его трудовъ помѣщалась въ Трудахъ Общ. Л. Словесности при Моск. Univ. (1812—1828). Пѣсни и романсы А. Мерзлякова. М. 1830 г. и въ изд. Суворина 1880 г.

И. И. ГИФДИЧЪ.

Николай Ивановичъ Гифдичъ родился въ Полтавѣ въ 1784 г. ¹⁾. Сынъ небогатаго помѣщика, онъ выросъ въ бѣдности и сиротствѣ: онъ рано лишился родителей, которые оставили ему и сестрѣ его очень небольшое имѣніе: въ раннихъ также лѣтахъ его посѣтила страшная оспа, которая изуродовала его лице и лишила его праваго глаза. Это обстоятельство на всю жизнь его положило печать грусти, но не лишило однакоже его бодрости: съ терпѣніемъ и твердостью онъ переносилъ все несчастія, привыкъ къ труду, отличался стойкостью своего характера, твердостью въ своихъ убѣжденіяхъ и въ своихъ привязанностяхъ къ людямъ. Образование свое Гифдичъ получилъ сначала въ полтавской семинаріи, потомъ въ харьковскомъ коллегіумѣ и наконецъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ онъ познакомился съ греческой и латинской литературой, занимался исторіей подъ руководствомъ профессора Чеботарева, изучилъ французскую и нѣмецкую литературу, читалъ Шекспира во французскомъ переводѣ. Обладая звучнымъ голосомъ, онъ еще въ университетѣ любилъ декламировать предъ товарищами отрывки изъ трагедій и игралъ на университетскомъ театрѣ. Это впоследствии открыло ему доступъ въ богатые и знатные дома Строганова и Оленина и другихъ меценатовъ, гдѣ любили литературныя чтенія и домашніе спектакли. Особенно онъ понравился Оленину своей образованностью и знакомствомъ съ классической литературой.

Первыми печатными трудами Гифдича были переводы. Онъ перевелъ трагедію Дюси: „Абюфаръ“, потомъ „Короля Лира“ Шекспира, „Заговоръ Фіеско въ Генуѣ“ Шиллера и „Танкреда“ Вольтера. Гифдичъ любилъ театръ, былъ знакомъ съ лучшими актерами, долго былъ друженъ съ актрисой Семеновой, которая весьма много была обязана ему развитіемъ своего драматическаго таланта. Оригинальныя стихотворенія Гифдича относятся главнымъ образомъ къ лирическимъ стихотвореніямъ, которыя состоятъ изъ посланій, надписей, эпиграммъ и проч. и ничѣмъ особеннымъ не отличаются. Лучшія изъ нихъ тѣ, которыя имѣютъ элегическій характеръ: „На гробѣ матеря“, „Къ Провидѣнію“, „А. С. Пушкину“, „На смерть графа Строганова“, „На смерть барона Дельвига“ и подражанія пѣснямъ Оссіана. Не слѣдуя упадающей уже

¹⁾ Стихотворенія И. Гифдича. Спб. 1832. Сочиненія Гифдича, изданныя М. О. Вольфомъ. Спб. 1884 г. Пліада издана А. С. Суворинымъ. Спб. 1884 г. И. И. Гифдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія (1784 — 1884). Сообщ. Тихановъ. Сборн. 2-го отдѣл. Академіи Наукъ томъ XXXIII.

французской ложно-классической школы, онъ не любилъ и новыхъ школъ, ни сентиментальной, ни романтической. Онъ не любилъ балладъ и въ авторѣ „Юдмилы“—Жуковскомъ предполагалъ недостатокъ вкуса. Онъ считалъ достойной подражанія только настоящую древнюю классическую поэзію, греческую и римскую. Онъ перевелъ съ греческаго идиллію Теоокрита: „Сиракузянки или праздникъ Адониса“. Въ предисловіи къ ней, изложивъ происхожденіе идилліи и исторію идиллическаго направленія въ литературѣ, Гнѣдичъ замѣчаетъ объ идилліи, что она—одна изъ труднѣйшихъ по множеству пословицъ и простонародныхъ оборотовъ и въ то же время „одно изъ необыкновенно оригинальныхъ произведеній древняго поэта, которое болѣе другихъ его идиллій доказываетъ, что и въ новѣйшихъ литературахъ идиллія существовать можетъ, если поэты, подобно Теоокриту, будутъ умѣть пользоваться предметами“. По подражанію Теоокриту, Гнѣдичъ самъ написалъ идиллію „Рыбаки“, въ которой дѣйствіе происходитъ на берегахъ Невы и гдѣ находится превосходное описаніе ясныхъ лѣтнихъ петербургскихъ почей. Но существенную заслугу онъ оказалъ въ русской литературѣ своимъ переводомъ на русскій языкъ „Иліады“ Гомера. За переводъ Иліады принимались еще прежде нѣсколько поэтовъ. Не говоря объ отрывкахъ изъ нея, она вся была переведена прозой два раза—Якимовымъ въ 1776 г., и потомъ Мартыновымъ въ началѣ нашего столѣтія. Кромѣ того, въ 1787 г. были напечатаны первыя шесть пѣсенъ Иліады въ стихотворномъ переложеніи Кострова александрійскими стихами, т. е. шестистопнымъ ямбомъ, съ послѣдовательными приемами—размѣромъ, заимствованнымъ у французскихъ псевдоклассиковъ и въ свое время считавшимся необходимымъ условіемъ эпоса и трагедіи. Этимъ же размѣромъ стали переводить Иліаду и Гнѣдичъ и хотѣлъ продолжать переводъ Кострова; онъ началъ съ 7-й пѣсни и перевелъ до 12-й. Но С. С. Уваровъ, узнавъ объ этомъ трудѣ, посоветовалъ ему, вмѣсто александрійскаго размѣра, употребить гекзаметръ. „Одна изъ величайшихъ красотъ греческой поэзіи, писалъ онъ къ Гнѣдичу, есть богатое и систематическое стопосложеніе. Тутъ каждый родъ поэзіи имѣетъ свой размѣръ; и каждый родъ не только свои законы и правила, но, такъ сказать, свой геній и свой языкъ. Гекзаметръ предоставленъ эпосѣ. Этотъ размѣръ весьма способенъ къ сему роду поэзіи. При величайшей ясности, онъ имѣетъ удивительное изобиліе въ оборотахъ, важную и плѣнительную гармонію“. Французы изобрѣли другую систему стихосложенія, но „возможно ли узнать гекзаметръ Гомера, когда сжавши его въ александрійскій стихъ и оставляя одну мысль, вы отбрасываете размѣръ, обороты, расположеніе словъ, эпитеты, однимъ словомъ все, что составляетъ красоту подлинника? Когда вмѣсто плавнаго, величественнаго гек-

заметра, я слышу скудный и сухой александрійскій стихъ, риемоу прикрашенный, то мнѣ кажется, что я вижу божественнаго Ахиллеса во французскомъ платьѣ". Гнѣдичъ согласился съ этимъ мнѣніемъ Уварова и снова началъ переводить Іліаду гекзаметромъ. Онъ неослабно трудился 20 лѣтъ. Переводъ вышелъ въ 1829 г. и на всѣхъ лучшихъ людей произвелъ необычайное впечатлѣніе. Пушкинъ выразилъ его знаменитымъ классическимъ двустипіемъ:

«Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой».

Въ посвященіи Іліады государю, Николаю Павловичу, Гнѣдичъ такимъ образомъ рекомендуетъ эту поэму Гомера: „Проповѣдникъ истины, оправданныхъ тысячелѣтіями, безкорыстный защитникъ святости власти царственной и благодѣтельнаго единоначалія, пѣвецъ доблестей, составляющихъ славу героевъ и честь народовъ, творецъ Іліады не напрасно извлекаетъ хвалы изъ устъ Солоновъ, слезы изъ очей Александровъ; не напрасно похощаетъ уваженіе и отъ мужей Откровеніемъ озаренныхъ, Василевъ Великихъ, Іоанновъ Златоустовъ: воспѣвалъ невинность и чистоту нравовъ, благоговѣніе къ Божеству, любовь къ отечеству, почтеніе къ родителямъ, уваженіе къ старости, святость супружескихъ союзовъ, великодушную дружбу, охранительное мужество, мудрость въ дѣлѣ и словѣ.—Гомеръ своими пѣснями съ простотою дѣтскою насадилъ для человѣчества благороднѣйшіе цвѣты добродѣтели, которые разцвѣли подъ лучами всеобщаго свѣта. Всѣ образованные народы, одинъ предъ другимъ, ревновали украсить отечественную словесность твореніями Гомера“. Въ слѣдующемъ затѣмъ предисловіи къ Іліадѣ, упоминая о лучшихъ послѣднихъ переводчикахъ и изслѣдователяхъ Гомера: Вольфѣ, Фоссѣ и Шлецерѣ, онъ указываетъ, какъ надобно понимать поэмы Гомера, объясняя ихъ значеніе, ихъ духъ и характеръ: „Надобно переселиться въ вѣкъ Гомера, сдѣлаться его современникомъ, жить съ героями и царями — пастырями, чтобы хорошо понимать ихъ. Тогда Ахиллесъ, который на лирѣ воспѣваетъ героевъ и самъ жарить барановъ, который свирѣпствуетъ надъ мертвымъ Гекторомъ и отцу его Пріаму такъ великодушно предлагаетъ и вечерю и ночлегъ у себя въ бунцѣ, не покажется намъ лицомъ фантастическимъ, воображеніемъ преувеличеннымъ, но дѣйствительнымъ сыномъ, совершеннымъ представителемъ великихъ вѣковъ героическихъ, когда воля и сила чело- вѣчества развивались со всею свободою, когда добродѣтели и пороки были еще исполнскіе, когда силою, мужествомъ, дѣятельностію и вдохновеніемъ чело- вѣкъ возвышался до боговъ. Тогда міръ, за три тысячи лѣтъ существовавшій, не будетъ для насъ

мертвымъ и чуждымъ во всѣхъ отношеніяхъ: ибо сердце человеческое не умираетъ и не измѣняется, ибо сердце не принадлежитъ ни націи, ни странѣ, но всѣмъ общее; оно и прежде билось тѣми же чувствами, кнѣло тѣми же страстями, и говорило тѣмъ же языкомъ. Мы поймемъ языкъ сей, вѣчно живой, и въ гнѣвѣ Ахиллеса, и въ гордости Агамемнона, и въ горести Пріама, не смотря на образъ выраженія, столь далекій отъ нашего.... Въ образѣ повѣствованія геній Гомеровъ подобенъ счастливому небу Греціи, вѣчно ясному и спокойному. Обымая небо и землю, онъ въ высочайшемъ пареніи сохраняетъ важное спокойствіе, подобно орлу, который въ высотахъ поднебесныхъ часто кажется неподвижнымъ на воздухѣ. Богатства его поэзіи неисчислимы; она заключаетъ въ себѣ всѣ роды. Геній Гомеровъ подобенъ океану, который принимаетъ въ себя всѣ рѣки. Сколько задумчивыхъ элегій, веселыхъ идиллій смѣшано съ грозными трагическими картинами эпопеи. Картины сіи чудны своею жизнію; Гомеръ не описываетъ предмета, но какъ бы ставитъ передъ глаза: вы его видите. Это волшебство производятъ простота и сила разсказа. Не менѣе удивительна противоположность сихъ картинъ; ничего нѣтъ проще, естественнѣе и трогательнѣе однѣхъ, въ которыхъ дышетъ нагая красота природы; ничего нѣтъ величественнѣе, поразительнѣе другихъ, въ которыхъ всѣ образы ознаменованы возвышенностію и величіемъ необычайнымъ, титаническимъ, какъ образы сыновъ міра первобытнаго, воспоминанія о которыхъ еще носились въ вѣкахъ героическихъ и пѣтали поэзію.... Поэтъ, ораторъ, историкъ, воинъ и гражданинъ могутъ черпать въ нихъ полезныя уроки; они исполнены глубокаго смысла. Начиная отъ Александра Великаго, который хранилъ Іліаду въ золотомъ ковчегѣ и клалъ себѣ подъ голову, Гомеръ есть любимый писатель всѣхъ великихъ людей и, какъ говоритъ знаменитый историкъ Мюллеръ, лучший учитель первѣйшей науки—мудрости“. Затѣмъ Гнѣдичъ объясняетъ, почему сдѣлалъ невольный переводъ, какъ сдѣлали Попъ и Чезаротти, а полный и буквальный, почему для перевода избралъ гекзаметръ.

Переводъ Іліады доставилъ Гнѣдичу не только литературную славу, но и почетное положеніе въ обществѣ. Благодаря покровительству Оленина, онъ избранъ былъ въ члены Россійской Академіи и назначенъ бібліотекаремъ Императорской публичной бібліотеки. Великая княгиня Екатерина Павловна еще въ 1812 г. назначила ему ежегодную пенсію въ 1000 рублей. Но не всѣ одинаково взглянули на переводъ Гнѣдича. Еще по поводу письма Уварова, Калниетъ и Воейковъ возстали противъ предпочтенія гекзаметра для перевода Іліады, и Уваровъ долженъ былъ защи-

щаться и отстаивать свое мнѣніе; однимъ словомъ, переводъ Іліады вызвалъ довольно сильную и продолжительную полемику.

Занимаясь переводомъ Гомера, Гнѣдичъ, можно сказать, самъ переселился въ классическій міръ и жилъ въ немъ: онъ написалъ лирическую поэмъ: „Рожденіе Гомера“ (1817), идиллію „Рыбаки“, перевелъ „Простонародный жѣни нынѣшнихъ грековъ“ (1825). Въ то же время онъ написалъ „Разсужденіе о причинахъ, замѣдляющихъ усилѣніи нашей словесности“. Здѣсь рѣшается вопросъ: отчего, при такомъ множествѣ выходящихъ у насъ книгъ, мы такъ мало видимъ хорошихъ сочиненій, даже хорошихъ переводовъ, даже выборовъ для нихъ хорошихъ? Это происходитъ, по мнѣнію Гнѣдича, не отъ недостатка у насъ дарованій, но отъ недостатка ученія и искусства, а главнымъ образомъ отъ того, что у насъ нѣтъ ученія классическаго, знанія языковъ древнихъ, которые бы вели къ знакомству съ классическими образцами, питающими и укрѣпляющими разумъ и облагораживающими душу. Мысли Гнѣдича въ этомъ разсужденіи были заимствованы изъ разныхъ сочиненій и главнымъ образомъ изъ „Писемъ въ Нижній“ П. М. Муравьева - Апостола.

Занявъ должность въ Императорской публичной библіотекѣ въ 1811 г., Гнѣдичъ оставался на ней до самой смерти въ 1833 г. За годъ до смерти онъ написалъ весьма симпатичное стихотвореніе, имѣющее біографическое значеніе. Въ стихотвореніи выражена тоска въ одиночествѣ. Гнѣдичъ, какъ замѣтили выше, выросъ сиротою, не зная семейной жизни и всегда томился одиночествомъ.

Печалень мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ищешь не ласкаешь рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
Прошелъ одинокъ его тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной ливійской юдоли,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ.
Печалень мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

Надъ могилой Гнѣдича на кладбищѣ Александро-невскаго монастыря его друзьями и почитателями воздвигнутъ памятникъ, съ надписью: „Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ Омира“. „Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія медлилися“ (Іліада. Пѣснь I, стихъ 249).

В. А. ЖУКОВСКИЙ.

Внесение въ русскую литературу романтизма. „Періода, означеннаго именемъ Жуковскаго, говоритъ Бѣлинскій, не было въ русской литературѣ... Но однакожъ необязательно великаго значеніе этого поэта для русской поэзіи и литературы. Имя его давно славно и почтенно; похвалы ему никогда не умолкали“¹⁾. Съ именемъ Жуковскаго соединяется внесеніе въ русскую литературу романтизма или романтическаго направленія. Что же такое романтизмъ вообще и романтизмъ Жуковскаго въ частности?²⁾.

Вопросъ о романтизмѣ въ русской литературѣ научнымъ образомъ впервые былъ изложенъ въ 1830 г. въ докторской диссертациіи Н. И. Надеждина: *De origine, natura et fatis poëseos, quæ romantica audit*; потомъ Надеждинъ разработывалъ его въ своемъ журналѣ: „Телескопъ“, который онъ издавалъ съ 1831 по 1836 годъ. Одновременно съ Надеждинымъ, или даже немного прежде его, начали писать о романтизмѣ Марлинскій и Полевой, который въ своемъ „Телеграфѣ“, издаваемомъ съ 1825 по 1834 годъ, долго и, можно сказать, специально занимался этимъ предметомъ; здѣсь проводилось новое романтическое направленіе и происходила борьба со старымъ направленіемъ классическимъ.—Романтическое направленіе всегда понималось и изображалось весьма разнообразно и весьма неопредѣленно. Представителемъ романтизма въ русской литературѣ признавался Жуковскій: но романтикомъ же называли и Пушкина, поэзія котораго, повидимому, была совершенно противоположна поэзіи Жуковскаго; въ литературной теоріи этого направленія, органами которой были сейчасъ названные Телескопъ и Телеграфъ, также не было ничего яснаго и опредѣленнаго, кромѣ того, что романтизмъ противопоставлялся классицизму. Въслѣдствіи Бѣлинскій придавъ романтизму самое широкое значеніе. „Романтизмъ, говорилъ онъ, есть принадлежность не одного только искусства, не одной только поэзіи: его источникъ въ томъ-же, въ чемъ источникъ и искусства и поэзіи — въ жизни. Въ тѣснѣйшемъ и существеннѣйшемъ своемъ значеніи, романтизмъ есть не что иное, какъ внутренній міръ души человѣка, сокровенная жизнь его сердца.

¹⁾ Сочин. Бѣлинскаго VIII, 147.

²⁾ О романтизмѣ смотр. Истор. XVIII стол. Шюссера, томъ VII; «Искусство въ связи съ развитіемъ культуры и идеалы человечества» Морина Каррера, томъ V; Исторія французской литературы Юліана Шмидта (о французскомъ романтизмѣ); сочиненія Бѣлинскаго, томъ VIII. О романтизмѣ въ средніе вѣка во «Всеобщей исторіи литературы» Корша и Киричичкова, выпуски XI, XII, XIII, XIV и XV: Средневѣковыя литературы западной Европы и Византіи А. П. Киричичкова.

Въ груди и сердцѣ человѣка заключается таинственный источникъ романтизма: чувство, любовь есть проявленіе, или дѣйствіе романтизма, и потому почти всякій человѣкъ—романтикъ“¹⁾. При такомъ широкоемъ пониманіи, Бѣлинскій находилъ романтизмъ и въ литературѣ древняго Востока и древней Греціи, у Гомера и Платона и наконецъ въ средневѣковой романской поэзіи, воскрешенной въ Германіи нѣмецкими поэтами. Это, дѣйствительно, будетъ справедливо, когда романтизмъ рассматривается какъ существенное стремленіе и потребность человеческой природы вообще; но собственно подъ романтизмомъ, какъ литературнымъ направленіемъ, существовавшимъ въ извѣстное опредѣленное время, должно разумѣть только романтическую поэзію, развившуюся на почвѣ воскрешенной въ началѣ XIX вѣка средневѣковой романской поэзіи.

Разность въ пониманіи романтизма въ русской литературѣ зависѣла отъ того, что и въ самой Европѣ романтизмъ у разныхъ народовъ, въ разные времена, отличался разными свойствами. Родиной романтизма признается Германія, откуда онъ распространился во Франціи, Англіи и другихъ странахъ Европы: основателями романтической школы считаются братья Шлегели, Фридрихъ (1772—1829) и Августъ Вильгельмъ (1767—1845) и поэты Тикъ (1773—1853) и Новалисъ (Гарденбергъ, 1772—1801) и ихъ послѣдователи. Это было въ началѣ втораго десятилѣтія настоящаго вѣка. Не смотря на появленіе новыхъ поэтическихъ произведеній Гёте и Шиллера, въ нѣмецкой литературѣ въ это время еще продолжали существовать старое — ложно-классическое и особенно сантиментальное направленія: литература наводнена была романами и драмами Роцебу, Августа Лафонтена и Мармонтеля. Желая оживить литературу и дать ей другое направленіе и желая въ тоже время противодействовать литературѣ энциклопедистовъ, занесенной въ Германію изъ Франціи, Шлегели обратились къ исторіи романской поэзіи, которая въ средніе вѣка была народной поэзіей для всей Европы, и начали переиздавать и передѣлывать произведенія этой поэзіи—средневѣковые мѣны, легенды, народныя повѣсти и нѣсни, романсы и баллады. Все это, вызванное изъ очарованнаго и покрытаго мракомъ міра среднихъ вѣковъ на свѣтъ новаго времени, послужило неисчерпаемымъ источникомъ поэтическаго матеріала для новой школы, во главѣ которой, вмѣстѣ со Шлегелями, стали поэты Тикъ и Новалисъ, со множествомъ другихъ романтическихъ поэтовъ, разныхъ направленій, на которыя раздѣлилась романтическая школа. Къ нимъ относятся Виландъ (1733—1813), Готфрихъ Фолькель (1776—1811), Кёрнеръ (1791—1813), Эйхендорфъ (1788—1817), Шерфенъ (1773—1845), Элен-

¹⁾ Сочин. VIII, 151.

шлегеръ, Вернеръ (1768—1823), Фридрихъ де-ла-Мотъ Фуке (1777—1843), Гофманъ (1776—1822), Брентано (1777—1842), Вильгельмъ Мюллеръ (1795—1827), Альбрехтъ фонъ-Шамиссо (1781—1838), Рюккертъ (1788—1866), Людвигъ Уландъ (1787—1862), Зейдлицъ (род. 1790), Шиндлеръ. Въ романтизмѣ первоначально противопоставлялись греко-римскимъ преданіямъ и литературѣ преданія и поэзія новыхъ христіанскихъ народовъ, народная средневѣковая поэзія. До сихъ поръ центръ тяжести для всей европейской поэзіи находился въ греко-римскомъ мірѣ и представительницѣ этого міра, развившейся подъ его вліяніемъ—французской литературѣ; отсюда заимствовались всѣ идеи и идеалы. Вся литература и искусство представляли образцы гуманизма, типы красоты физической, идеалы человѣческихъ доблестей; высшимъ идеаломъ классическаго міра было возможно полное наслажденіе жизнью въ томъ видѣ, какъ представляли се греческіе и римскіе поэты. Романтическая поэзія перенесла этотъ центръ изъ классическаго міра въ міръ христіанскихъ идей и образовъ. Въмѣсто гуманизма, олицетворенія всего человѣческаго, какъ идеала классической поэзіи, явился идеализмъ христіанскій, стремленіе ко всему небесному, божественному, стремленіе ко всему сверхъестественному и чудесному. При этомъ главною цѣлью человѣческой жизни поставлялось уже не наслажденіе счастіемъ и радостями земной жизни, а чистота души и спокойствіе совѣсти, терпѣливое перенесеніе всѣхъ бѣдствій и страданій земной жизни, надежда на жизнь будущую и приготовленіе къ этой жизни. Такъ какъ средневѣковая поэзія впервые явилась на романскомъ языкѣ въ эпоху рыцарства и называлась романскою, то и воскрешеніе ея получило названіе романтизма или поворомантической поэзіи и явилось въ формахъ рыцарской поэзіи: дѣйствующими лицами были князья, рыцари, бароны; главными чувствами, которыя ихъ одушевляли, были чувства любви, чести и рыцарской вѣрности; формами этой поэзіи были романсъ, баллада и рыцарскій романъ. Всѣ они отличались фантастическимъ характеромъ; сценою, гдѣ происходили описываемыя дѣйствія, были мрачныя лѣса, подземелья или кладбища, на которыхъ мертвецы встаютъ изъ гробовъ: сущностями ихъ были вѣдьмы, колдуны и колдуньи и разныя фантастическія чудовища. Но при воскрешеніи средневѣковой поэзіи, романтическая школа не могла совершенно отрѣшиться отъ своего времени и особенно отъ идей современной нѣмецкой философіи и въ воскрешаемую средневѣковую поэзію внесла метафизическій идеализмъ Фихте и идеи абсолютнаго тождества Шеллинга. Стремясь къ идеаламъ, она идеализировала средніе вѣка и средневѣковую поэзію и придала ей такія черты, какихъ она совершенно не имѣла, и вообще внесла въ нихъ много новыхъ элементовъ; слѣдую философіи Шел-

линга, провозглашавшаго единство или тождество въ наукѣ, искусствѣ и жизни, она старалась сблизить поэзію съ жизнію, и стала искать идеальнаго образца этого сближенія въ религіи средних вѣковъ, когда, по ея мнѣнію, христіанство связывало въ единство государство и церковь, народъ и науку, искусство и жизнь, когда все интересы и направленія сходились въ высшемъ пунктѣ религіи, и поэзія, вытекавшая изъ религіи, вездѣ сопровождала и проникала всю разнообразную и многоцвѣтную жизнь. Средніе вѣка представлялись высшимъ идеаломъ во всехъ отношеніяхъ, и возвращеніе къ нимъ сдѣлалось для многихъ любимой мечтою; на этой мечтѣ строились идеалы религіозные, политическіе, научные и художественные. Не смотря, однакожъ, на такое ложное освѣщеніе средних вѣковъ со всеми ихъ стихіями, не смотря на то, что попытки возвратиться къ средневѣковой старинѣ оказались невозможными, и сама романтическая поэзія представляла пеструю смѣсь стараго съ новымъ, фантастическое соединеніе несоединимыхъ идей и образовъ, самое движеніе романтическое имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія для европейской науки и литературы. Оно повело къ серьезной разработкѣ исторіи средних вѣковъ, къ собранію и изученію памятниковъ народнаго языка, народныхъ преданій и народной поэзіи; и послужило такимъ образомъ началомъ и основаніемъ народнаго направленія или народности для всей европейской литературы. Впрочемъ на одномъ воскрешеніи средневѣковой поэзіи и не остановилась романтическая поэзія; по идеямъ Гёте и Гердера о всемірной литературѣ, поэты начали изучать, переводить и передѣлывать произведенія всехъ временъ и народовъ, сочиненія Данте и Боккачіо, Лопе-де-Веги и Кальдерона, Сервантеса и Шекспира, начали переводить и изучать произведенія восточной поэзіи—индійской, арабской и персидской. При этомъ романтизмъ и получалъ то обширное значеніе, по которому Бѣлинскій называлъ его вообще воспроизведеніемъ внутренняго міра души человѣческой. „Романтизмъ нашего времени, говоритъ онъ, есть сынъ романтизма средних вѣковъ, но онъ же очень сродни и романтизму греческому. Говоря точнѣе, нашъ романтизмъ есть органическая полнота и всецѣлость романтизма всехъ вѣковъ и всехъ фазисовъ развитія человѣческаго рода: въ нашемъ романтизмѣ, какъ лучи солнца въ фокусѣ закатнаго стекла, сосредоточились все моменты романтизма, развившіеся въ исторіи чело-вѣчества, и образовали совершенно новое плѣсо“¹⁾.

Съ нѣмецкимъ романтизмомъ познакомила Францію г-жа Сталь своей книгой о Германіи. „Рене“ Шатобріана (вызвѣсть изъ поэмы Натчезы) былъ во французской литературѣ первымъ типомъ ра-

¹⁾ Сочин. VIII, 170.

зочарованнаго чловѣка въ романтическомъ стилѣ. Послѣ революціи, въ эпоху которой былъ написанъ „Ренэ“, Шатобріанъ принялъ настоящее романтическое направленіе. Желая возстановить христіанство, или вѣрище католическую церковь, упавшую во время господства энциклопедистовъ и французской революціи, онъ написалъ „Духъ Христіанства“ (*Génie du Christianisme*), гдѣ древней греко-римской языческой литературѣ и искусству противопоставилъ средневѣковую христіанскую поэзію и христіанское искусство; съ этою же цѣлью онъ написалъ христіанскую поэму: „*Martyrs*“, противопоставивъ ее древнимъ классическимъ поэмамъ.— Съ другимъ характеромъ является романтизмъ въ сочиненіяхъ Виктора Гюго и Ламартина. Гюго сдѣлался главою пово-романтической школы во Франціи.

Всѣ усилія его были направлены къ тому, чтобы создать поэзію совершенно противоположную классической поэзіи. Такъ какъ классическая поэзія отличалась удивительною правильностью, естественностью и гармоніей своихъ картинъ, то, въ противоположность этимъ ея качествамъ, Гюго внесъ въ свою поэзію неправильность и дисгармонію: все неправильное, уродливое и безобразное, все страшное, выходящее изъ обыкновеннаго ряда явленій, составило содержаніе его произведеній. Свои воззрѣнія на поэзію и искусство онъ изложилъ въ предисловіяхъ къ драмамъ „*Эрнани*“ и „*Кромвель*“. „Прекрасное древнихъ, говоритъ онъ, было типично и потому однообразно; христіанство привело обратно поэзію къ истинѣ; оно обратило вниманіе чловѣка на то, что его чловѣческое понятіе о прекрасномъ недостаточно, что было бы ошибочно со стороны ограниченнаго разума художника прилагать этотъ масштабъ къ безконечному и неограниченному разуму Создателя, какъ бы поправлять сдѣланное Богомъ; что поэтическая гармонія основывается только на несовершенствѣ; что то, что мы называемъ безобразнымъ, есть только частица великаго цѣлаго, общая связь коей намъ непослжима, и которая находитъ свое восполненіе не въ чловѣческомъ разумѣ, а въ цѣломъ мірозданіи. Христіанское искусство стремится къ достиженію не прекраснаго, а характеристическаго; содержаніе современной драмы не идеаль, а дѣйствительность; реальность вытекаетъ изъ соединенія возвышеннаго со смѣшнымъ. Поэтъ, правда, долженъ дѣлать выборъ, но не по масштабу прекраснаго, а по масштабу характернаго: характерно то, что до мельчайшей подробности передаетъ колоритъ мѣстности и культуры извѣстнаго времени“. Отсюда зародышъ христіанскаго искусства Гюго ищетъ въ причудливомъ. Въ древности, говоритъ онъ, оно осмѣливалось появляться только робко. Только

въ средніе вѣка вѣсколько пошлую гидру замѣняли своеобразные мѣстные и отдѣльные до подробностей драконы, карлики, великаны, сѣльфы, гномы, лѣніе, феи, колдуньи, привидѣнія и т. д. Поэтому же Гюго любитъ контрасты—соединеніе высокаго съ низкимъ, доводя то и другое до невозможныхъ крайностей. дѣлая изъ преступныхъ людей добродѣтельныхъ, въ самомъ преступленіи стараясь отыскать героевъ добродѣтели, или лучиіе самое преступленіе представить добродѣтелью. Такими свойствами отличаются его повѣсти и романы: „Ганъ-Исландецъ“, „Бюгъ-Жаргаль“, „Соборъ Парижской Богоматери“ (гдѣ изображенъ Квазимодо), драмы: „Эрнани“, „Кромвель“, „Тукреція Борліа“, „Маріонъ де-Лормъ“. „Драма, говоритъ Гюго, можетъ имѣть предметомъ что бы то ни было; ей нечего бояться, что запачкается. Вдуньте, куда хотите, пѣю добродѣтели и милосердія, и не будетъ болѣе ни безобразнаго, ни отталкивающаго. Свяжите религіозную мысль съ безобразнѣйшимъ предметомъ, и онъ сдѣлается святъ и чистъ“. Вывода на сцену Маріонъ де-Лормъ, онъ очищаетъ куртизанку любовью, посредствомъ которой онъ возстановляетъ ея дѣвственное чувство. Въ залѣ, гдѣ пируютъ, онъ ставитъ гробъ, пѣснь во время оргіи онъ прерываетъ пѣніемъ за упокой. „Возьмите безобразнѣйшаго урода, дайте ему душу, вложите въ эту душу святѣйшее чувство человѣка—отеческую любовь, и это возвышенное чувство преобразитъ на вашихъ глазахъ вырожденное созданіе. Такъ въ „Тукреціи“ материнское чувство очищаетъ нравственное уродство“ и т. д. ¹⁾).— Въ Англіи романтизмъ имѣлъ также двойкій характеръ. Сначала онъ явился какъ положительное стремленіе воскресить средневѣковую жизнь и поэзію въ многочисленныхъ балладахъ и романахъ Вальтеръ-Скотта, Соути и Борнса и ихъ послѣдователей, а потомъ въ отрицательной формѣ, какъ странное, болѣзненное недовольство и разочарованіе въ существующимъ, которое явилось послѣдствіемъ сознанія несостоятельности и недостатковъ самого романтизма во всей Европѣ, неудовлетворявшаго потребностямъ современной жизни. Романтизмъ, какъ возвращеніе къ средневѣковой старинѣ, былъ, какъ мы замѣтили, реакціей противъ псевдоклассицизма, противъ энциклопедистовъ и революціи. Но онъ, сдѣлавши свое дѣло, не могъ, однакожъ, удовлетворить потребностямъ и стремленіямъ европейскихъ народовъ. Средневѣковыя формы были уже слишкомъ тѣсны: изъ нихъ давно уже выросло человѣчество. Реставрація, совершавшаяся во Франціи послѣ революціи, такъ же никого не удовлетворила, какъ не удовлетворяла революція и философія энциклопедистовъ, которыя, разрушивъ прежнія формы жизни, хотѣли создать новыя формы и новыхъ людей:

¹⁾ Юліанъ Шмидтъ, Исторія француз. литературы, Томъ II, стр. 170—171.

но ни новыхъ формъ жизни, ни новыхъ людей онѣ создать не могли. Вслѣдствіе этого въ передовыхъ образованныхъ людяхъ явилось страшное разочарованіе въ судьбѣ человѣчества, отвращеніе ко всему прошедшему и совершенное недовѣріе къ будущему—и особенно озлобленіе противъ современнаго порядка вещей. Все это съ особенною рѣзкостью выразилось въ сочиненіяхъ англійскаго поэта Байрона, по имени котораго и самый романтизмъ въ этомъ фазисѣ своего развитія получилъ названіе *байронизма*.

Такимъ образомъ романтизмъ, означавшій первоначально воссоединеніе у каждаго народа народной средневѣковой поэзіи романской, получилъ впослѣдствіи значеніе всей новѣйшей христіанской поэзіи, развившейся послѣ классицизма и въ противоположность классицизму, подъ вліяніемъ уже новыхъ идей и новыхъ стремленій, внесенныхъ въ жизнь европейскихъ народовъ новой наукой и цивилизаціей.

У насъ въ Россіи не было ни среднихъ вѣковъ, ни романтизма въ томъ видѣ, какъ у европейскихъ народовъ; то направленіе, которое было существенною чертою въ романтизмѣ, именно возвращеніе къ древнимъ народнымъ преданіямъ, къ народному языку и народной поэзіи, явилось нѣсколько позднѣе—въ 40-хъ годахъ, когда у всѣхъ славянскихъ народовъ пробудилось стремленіе къ возрожденію своей національности и особенно рѣзко выразилось въ такъ называемомъ славянофильствѣ. Но, какъ съ классическимъ направленіемъ, мѣсто котораго занялъ романтизмъ, русская литература познакомила съ путемъ переводовъ и подражаній европейскимъ литературамъ, такъ этимъ же путемъ она познакомила и съ романтическимъ направленіемъ. Съ нѣмецкимъ романтизмомъ насъ познакомили Жуковский; подъ вліяніемъ французскаго романтизма В. Гюго писали свои повѣсти и романы Марлинскій и Полевой; вліяніе англійскаго романтизма Вальтеръ-Скотта сказалося въ историческихъ романахъ Загоскина, Кукольника, Булгарина и Греча; романтизму Байрона подражали отчасти Пушкинъ и особенно Лермонтовъ. Но еще прежде Жуковскаго Карамзинъ написалъ двѣ баллады: „Раиса“ и „Графъ Гвариносъ“. „Раиса“, впрочемъ, имѣла болѣе сантиментальный, чѣмъ романтическій характеръ; но „Графъ Гвариносъ“ написанъ въ стилѣ романтическомъ. Сюжетъ этого романа состоитъ въ томъ, что въ Ронсевальской битвѣ арабскіе короли взяли въ плѣнъ графа Гвариноса; король Марлотесъ, которому Гвариносъ достался по жребію, принуждаетъ его обратиться въ магометанство; но онъ остается твердымъ и непоколебимымъ въ вѣрѣ, хотя за это его заковали въ цѣпи. Во время праздника св. Іоанна было состязаніе—въ бросаніи копій въ цѣль; но никто не могъ попасть въ цѣль. Марлотесъ объявилъ смерть всѣмъ, большимъ и малымъ. Гвариносъ, узнавъ объ этомъ,

выпросилъ у короля позволеніе принять участіе въ состязаніи и счастливо попалъ въ цѣль. Послѣ этого его освободили. Казанскій поэтъ, купецъ Каменевъ написалъ уже настоящую балладу „Громвалъ“:

Мысленнымъ взоромъ я быстро лечу,
Быстро проникнувъ сквозь мрачность времени,
Поднимаю завѣсу сѣдой старины,
И Громвала я вижу на добромъ конѣ...

Рыцарь Громвалъ скитается по свѣту и ищетъ свою подругу, Рогнѣду, но нигдѣ не можетъ найти ее: наконецъ, онъ подѣзжаетъ къ одному замку, гдѣ господствуетъ мракъ и тишина. Описывается продолжительный сонъ рыцаря въ этомъ замкѣ, гробъ злаго волшебника Зломара, похитившаго Рогнѣду и явленіе доброй волшебницы Добралы. Добрала сказала Громвалу, что Зломаръ уже погибъ, а Рогнѣда заключена въ темницѣ Зломарова замка, гдѣ стерегутъ ее два крылатые зланта. Она дала ему изумрудный рогъ, которымъ онъ можетъ оглушить злантовъ. Громвалъ спѣшитъ къ темницѣ, гдѣ заключена Рогнѣда: но противъ него выступаетъ страшный исполинъ; Громвалъ поражаетъ его мечемъ, освобождаетъ свою Рогнѣду, а страшный замокъ Зломара проваливается въ подземную пропасть. „Каменевъ замѣчаетъ Пушкинъ, первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма; мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти“. Дѣйствительно, весь строй баллады показываетъ, что Каменевъ былъ знакомъ съ романтической поэзіей. Жуковский, котораго называютъ представителемъ и главою романтизма въ Россіи, не держался исключительно той или другой романтической школы, того или другаго писателя романтическаго; онъ познакомилъ русскую литературу съ духомъ и характеромъ романтизма вообще. Болѣе всего, разумѣется, на Жуковского, какъ мы уже замѣтили, имѣла вліяніе пѣмецкая романтическая поэзія и преимущественно поэзія Гёте и Шиллера: но въ тоже время нельзя сказать, чтобы романтизмъ Жуковского былъ романтизмомъ Шиллера или Гёте. Онъ былъ кромѣ того выраженіемъ его личнаго міросозернанія, которое сложилось въ немъ подъ вліяніемъ воспитанія, окружавшей его среды, обстоятельствъ собственной его жизни. Если у каждаго человека бываетъ свой періодъ романтизма, то у Жуковского этотъ періодъ продолжался почти всю жизнь. Особенность его происхожденія, воспитаніе и жизнь въ женскомъ обществѣ и семьѣ, которая была для него въ одно и тоже время и своя и чужая, несчастная роковая любовь къ племянницѣ, на которой онъ не могъ жениться: при воспитаніи въ семейныхъ началахъ безсемейная жизнь почти до 60 лѣтъ, при темномъ происхожденіи высокое положеніе при дворѣ и обществѣ — все эти

обстоятельства создали въ немъ особый романтический міръ, который вполне отразился и на всѣхъ его произведеніяхъ.

Василій Андреевичъ Жуковский ¹⁾ родился въ 1793 г. въ селѣ Мишенскомѣ, находящемся въ то-хъ мѣстахъ отъ Бѣлева, уѣзднаго города Тульской губерніи. Онъ былъ сынъ помѣщика этого села, Афанасія Ивановича Бунина и турчанки Сальхи (получившей въ крещеніи имя Елизаветы Домостроевны), вывезенной изъ Венгріи въ 1771 г. ономъ въ крестіанъ Бунина, бывшаго въ первую турецкую войну маршантахъ, свое отечество и фамилію онъ получилъ отъ бѣлаго кирасаго дворянина, проживавшаго въ домѣ Бунина. Андресъ Григорьевичъ Жуковский, который былъ его воспитателемъ, отцомъ при крещеніи и усыновилъ его. Въ этомъ семействѣ Бунина происходило и первоначальное воспитаніе: здѣсь же протекала и большая половина его жизни. По смерти Бунина остались у него дочери, сестры Жуковского по отцу. Дѣйствительно наибольшее влияние на всю послѣдующую судьбу его: Варшара Афанасьевна Бунина, которая взяла на себя заботу о первоначальномъ воспитаніи Жуковского и воспитывала его вмѣстѣ съ своими дочерьми, и Екатерина Афанасьевна Протасова, у которой были также дѣти дочери—Марья Андреевна, въ которую впоследствии влюбился Жуковский, и которая была выдана замужъ за притскаго профессора, Мойера, и Александра Андреевна (крестница Жуковского), бывшая замужемъ за писателемъ А. Ф. Полюбовымъ. После домашняго воспитанія, Жуковский сначала былъ отранъ въ 1799 г. въ тульскій пансіонъ Роде, а по закрытіи этого пансіона въ тульское народное училище, гдѣ старшимъ учителемъ былъ Феофиластъ Григорьевичъ Покровский, извѣстный въ журнальной литературѣ того времени, подъ псевдонимомъ „философа горы Алаунской“.

¹⁾ Первое изд. стихотвореній Жуковского вышло въ 1813—1816 г. въ Спб. (2 части 4^ю). Всѣ прежнія шесть изданій сочиненій Жуковского перечислены въ послѣднемъ седьмомъ изданіи—подъ редакціей Н. А. Ефремова, Спб. 1878 г. Вымаги Жуковского, поступившія въ П. Публичную Библиотечу въ 1841 г., собраны и описаны Н. А. Вычковымъ, Спб. 1887 г.—Полнѣйшія сочиненія и сочиненія Жуковского: Н. А. Илгисева: Жизнь и сочиненія В. А. Жуковского, 1854 г.; С. П. Шевырева: о значеніи Жуковского въ русской жизни и поэзіи, М. 1853 г.; Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы. Извѣстия русской литературы и драммы 1849 г. томъ II. Сочиненія Гегеля, томъ VIII: Загара Зейлица: Очеркъ развитія поэтической дѣятельности Жуковского, Жури. Мин. Нар. Просв. 1869 г., XX 4, 5, 6; новое изданіе, посвященное столѣтнему юбилею, отдѣльное изданіе: Жизнь и поэзія В. А. Жуковского въ неопубликованныхъ источникахъ и личнымъ воспоминаніямъ Н. Е. Зейлица Спб. 1883. Жуковский и его произведенія, сочин. П. Загарина, Изданіе 2-е, дополненное, 1883. Москва. Изданіе Льва Поливанова.

Но этот „философъ“ не сумѣлъ разглядѣть художественныхъ дарованій своего ученика, и Жуковскій, за неуспѣшность въ математикѣ, долженъ былъ оставить тульское училище. Дальнѣйшее образованіе его опять происходило въ домѣ Юшковой въ Тулѣ. Домъ этотъ былъ центромъ образованнаго тульского общества: литература, музыка, литературныя чтенія и домашніе театральные спектакли были постоянными занятіями этого кружка и имѣли чрезвычайно сильное вліяніе на развитіе характера и литературно-художественныхъ дарованій Жуковского. Будучи 12 лѣтъ, онъ написалъ для домашнего спектакля трагедіи: „Вампиръ или освобожденный Римъ“ и „1-я же-ла-Туръ“, ирелѣбную изъ романа Бернарда де-Сенъ-Пьера „Павелъ и Вергинія“. Въ то же время для своего домашнего кружка, для своихъ племянницъ, онъ писалъ разныя стихотворенія. Въ 1797 г. умерла его воспитательница Юшкова, и Жуковскій написалъ на сѣ кончину „Мысли при гробницѣ“. Въ этомъ же году онъ былъ опредѣленъ въ московскій университетскій пансіонъ, направленіе котораго имѣло также литературно-художественный характеръ. При Жуковскомъ въ средѣ учениковъ этого пансіона было основано „Собраніе воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона“. Первымъ предѣвателемъ собранія, назначившимся изъ числа воспитанниковъ, былъ Жуковскій. Онъ открылъ собраніе рѣзью, въ присутствіи многочисленныхъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ были Карамзинъ и Дмитріевъ. Дмитріевъ обратилъ на Жуковского особенное вниманіе, пригласилъ его къ себѣ, а потомъ сталъ руководить въ литературныхъ занятіяхъ. Лучшія произведенія воспитанниковъ пансіона печатались въ журналахъ Соханскаго и Подшивалова „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ (1794—1798), „Инокрена, или утѣхи любостовія“ (1799—1801), „Утренняя заря“ (1800—1808) и въ сборникѣ Подшивалова „Распускающійся цвѣтокъ“. Это общество, называвшееся литературный кружокъ воспитанниковъ кадетскаго корпуса вромѣнъ Сумарокова, было весьма полезно для литературнаго развитія воспитанниковъ. Товарищами Жуковского по московскому пансіону были: графъ Блудовъ, Іашковъ, графъ Уваровъ, Александръ и Андрей Тургеневы, сыновья директора университета П. П. Тургенева. Съ Тургеневыми Жуковскій находился въ тѣсныхъ дружественныхъ отношеніяхъ, особенно со старшимъ Андреемъ, который былъ большимъ любителемъ и знатокомъ нѣмецкой литературы и познакомилъ съ нею и Жуковского. Онъ имѣлъ для него такое же значеніе, какое Петровъ для Карамзина.

По окончаніи курса въ пансіонѣ и непродолжительной службѣ въ Солдатой канторѣ, Жуковскій уѣхалъ на родну сначала въ Мишенское, а потомъ въ Бѣлевъ. Въ Бѣлевѣ онъ построилъ домъ для своей матери и такимъ образомъ сдѣлался „мирнымъ жите-

лемъ Бѣлева: въ Бѣлевѣ же поселилась и сестра его Протасова, съ дочерьми Марьей Андреевной и Александрой Андреевной. Въ Мишенскомъ онъ написалъ свою первую элегію „Сельское кладбище“ (1802), въ воспоминаніе о своемъ дѣтствѣ и первыхъ временахъ молодости ¹⁾. „Сельское кладбище“ было частию переведено, частию передѣлано изъ стихотворенія англійскаго поэта Грея. Оно обратило на себя вниманіе простотою и естественностію картинъ, благозвучіемъ и плавностію слога и стиха: оно предвѣщало новое направленіе въ поэзіи, отличное отъ высокопарныхъ описаній природы временъ классицизма.

Идеаломъ Жуковскаго на первыхъ порахъ литературной дѣятельности былъ Карамзинъ. По подражанію „Бѣдной Лизѣ“, Жуковский написалъ „Марьину рощу“ ²⁾. Начало этой повѣсти въ сентиментальномъ духѣ, хотя въ дальнѣйшемъ развитіи уже сильнозамѣтна романтическая струя, и повѣсть является похожа болѣе на балладу съ свойственными ей чертами — рыцаремъ, отшельникомъ, съ видѣніемъ мертвецовъ. Есть сходство и въ ходѣ разсказа. Молодой пѣвецъ Усладъ и прекрасная Марія любятъ другъ друга; но Усладъ долженъ былъ уѣхать изъ Москвы; въ это время Марія, обольстившись богатымъ подаркомъ рыцаря Рогдая, вышла за него замужъ. Но это было только минутное увлеченіе; она не могла любить жестокаго Рогдая; замѣтивъ ея нелюбовь, Рогдай убилъ ее. Она была похоронена въ рощѣ, названной потомъ „Марьиной рощей“, какъ прудъ, въ которомъ утопилась „Бѣдная Лиза“, былъ названъ „Лизинимъ прудомъ“. Для своихъ сочиненій Жуковский бралъ иногда тѣ же темы, какъ Карамзинъ. Въ „Вадимѣ Новгородскомъ“ онъ воспоминаетъ о славномъ величіи Новгорода, выводитъ Гостомысла, который въ уединеніи тоскуетъ о храбрыхъ сынахъ Новгорода ³⁾. Наконецъ Жуковский продолжалъ изданіе „Вѣстника Европы“ (въ 1808—1810 г.), который началъ издавать Карамзинъ. „Существенная польза журнала—говорить онъ—состоитъ въ томъ, что онъ скорѣе всякой другой книги распространяетъ полезныя идеи, образуетъ разборчивость вкуса и, главное, приманкою новости, разнообразія, легкости нечувствительно привлекаетъ къ занятіямъ болѣе труднымъ, усиливаетъ охоту читать, и читать съ цѣлію, съ выборомъ, для пользы“ ⁴⁾. Въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщались стихотворенія самого Жуковскаго: „Людмила“, баллада, передѣланная изъ баллады Бюргера „Ленора“, „Кассандра“ изъ Шиллера, „Тоска по миломъ“ тоже изъ Шиллера, „Моя богиня“ изъ Гёте, „Къ Нинѣ“, „Филалету“ и пѣсня „Мой другъ, хранитель, ангелъ

¹⁾ Сочин. I, 29. ²⁾ Сочин. V, 295—317. ³⁾ Сочин. V, 238. ⁴⁾ Сочин. V, 255.

мой“ ¹⁾. „Людмила“ была первымъ стихотвореніемъ Жуковскаго въ романтическомъ стилѣ, первымъ въ томъ родѣ, которымъ онъ прославился и по которому называли его балладникомъ; своею таинственностію и прелестью стиха и гармоніи она такъ увлекала современниковъ, что всѣ зачитывались ею и заучивали наизусть. По подражанію „Тенорѣ“ Бюргера, Жуковскій написалъ русскую балладу „Свѣтлану“ (1812). Впрочемъ, чисто русскій характеръ имѣетъ главнымъ образомъ только описаніе святочныхъ гаданій:

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ полетѣлъ: подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водою
Клади перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны ²⁾.

Но въ описаніи сна, видѣннаго уснувшей предъ зеркаломъ Свѣтланой, сказываются тѣ же романтическія черты, какъ въ „Людмилѣ“: женихъ-мертвецъ, въ лунную ночь увозящій Свѣтлану къ церкви, гдѣ стоитъ черный гробъ, потомъ избушка въ полѣ и въ этой избушкѣ тотъ же женихъ-мертвецъ лежитъ на столѣ и скрежещетъ зубами; бѣлоснѣжный голубокъ, который защищаетъ Свѣтлану отъ жениха. Развязка Свѣтланы свѣтлая и радостная: на яву случилось со Свѣтланой совершенно противоположное тому, что она видѣла во снѣ. „Свѣтлана“ написана для А. А. Бойковой; но всѣмъ такъ понравилась своимъ милымъ и нѣжнымъ колоритомъ, что по ней самого Жуковскаго называли пѣвцомъ Свѣтланы и въ Арзамасскомъ обществѣ онъ тоже носилъ имя Свѣтланы.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ были помѣщены разныя разсужденія и статьи: „Кто истинно добрый и счастливый человекъ“, „О баснѣ и басняхъ Крылова“, „О сатирѣ и сатирахъ Кантемира“ ³⁾ и нѣкоторые переводы изъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей. „Вѣстникъ Европы“ Жуковскій издавалъ три года вмѣстѣ съ Каченовскимъ, а потомъ передалъ его Каченовскому, а самъ опять переселился въ Бѣлевъ. Чувствуя недостаточность своего образо-

¹⁾ Сочин. I, 80—113. ²⁾ Сочин. I, 210. ³⁾ Сочин. V, 265. 333. 389.

ванія для серьезной литературной дѣятельности, онъ началъ дополнять свое образованіе чтеніемъ книгъ и особенно сталъ изучать исторію. Занимаясь воспитаніемъ племянницъ, онъ влюбился въ одну изъ нихъ — Марью Андреевну Протасову и хотѣлъ на ней жениться. Эта любовь была самая чистая и глубокая, самая романтическая и рыцарская, потому что она была безнадежная, идеальная. Мать Марьи Андреевны, Екатерина Афанасьевна Протасова, никакъ не соглашалась на бракъ своей дочери съ Жуковскимъ, бывшихъ въ такихъ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ, и не смотря на все просьбы, на все совѣты и убѣжденія лицъ самыхъ близкихъ и самыхъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ, отказала Жуковскому въ рукѣ своей дочери. Это составило горе всей его жизни; онъ испыталъ страданія безнадежной любви, видѣлъ и самъ устранивалъ бракъ своей невѣсты съ другимъ, видѣлъ наконецъ смерть ея. Къ этому времени относятся его сочиненія, изображающія его душевное состояніе: „Эпимесидъ“¹⁾, въ которомъ выражена мысль, что человѣкъ, лишенный одного изъ благъ, еще можетъ находить утѣшеніе въ другомъ; „Мечты“ (переводъ стихотворенія Шиллера: *Die Ideale*), въ которомъ поэтъ оплакиваетъ исчезающую силу чувства, нѣкогда дававшего жизнь самой бездушнѣйшей природѣ, олицетворяемой здѣсь въ видѣ статуи Пигмалиона, одушевленной нѣкогда его объятіями: поэтъ скорбитъ объ утратѣ идеаловъ, наполнявшихъ его сердце; романсъ „Жалоба“ (передѣланъ изъ стихотворенія Шиллера „Мальчикъ у ручья“); баллада „Эльвина и Эдвинъ“, гдѣ изображается взаимная любовь двухъ разлученныхъ суровымъ отцемъ; „Эолова арфа“, изображающая, какъ бѣдный Арминій любитъ дочь гордаго Ордала, но ихъ разлучаютъ, и онъ, покидая Минвану, привязываетъ свою арфу къ вѣтвистому дубу и даетъ заклинаніе, что въ эти вѣрные струны перейдетъ его душа, когда его уже не будетъ болѣе въ живыхъ; „Поликратовъ перстень“ и „Жалоба Цереры“ были переведены въ то же время, когда его душевное состояніе было близко къ описанному въ этихъ балладахъ²⁾. Въ пѣснѣ „Пловецъ“³⁾ выражалась скорбь Жуковского о потерѣ Марьи Андреевны: безъ руля и безъ весель пловецъ занесенъ въ океанъ, но Провидѣніе невидимою рукою вынесло его изъ морскихъ волнъ. Батюшковъ въ посланіи къ Жуковскому⁴⁾ весьма хорошо характеризуетъ первую эпоху его дѣятельности (1812 г.) слѣдующими стихами:

Прости балладникъ милый мой,
Бѣлева мирный житель...

¹⁾ Сочин. I, 194. ²⁾ Сочин. томы I и II. ³⁾ Сочин. I, 219. ⁴⁾ Т. I, 145—147.

Послѣ совершеннаго отказа Маріи Андреевны Жуковскій продалъ свое имѣніе за 11,000 р., подарилъ ихъ сестрѣ ся Александрѣ Андреевнѣ, которая въ 1813 г. вышла замужъ за извѣстнаго литератора А. Ѳ. Воейкова. Когда Воейковъ занялъ кафедру словесности въ дерптскомъ университетѣ, то все семейство Протасовыхъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Жуковскій переселились въ Дерптъ. Въ Дерптѣ Жуковскій оставался до начала 1817 г. Здѣсь онъ совершенно увлекся нѣмецкими кружками, познакомился съ Эверсомъ, представителемъ исторической науки и снова началъ заниматься исторіей: въ то же время изучалъ тѣхъ нѣмецкихъ поэтовъ, которые особенно читались въ кругу его ровныхъ и близкихъ людей: познакомился и сбѣдлся другомъ Зейдлица. Здѣсь явились переводы произведеній Уланда: „Сонъ“, „Пѣсня бѣняка“, „Счастье во снѣ“, „Гаральдъ“, „Три пѣсни“, Гебеля: „Овсяный кисель“, „Красный карбункулъ“, „Деревенскій сторожъ въ полночь“. Послѣ появленія „Исторія государства російскаго“ у Жуковскаго явилась мысль написать поэму изъ древней русской исторіи, именно „Владиміръ“, но эта мысль не могла исполниться: онъ не зналъ русской исторіи, не изучалъ лѣтописей и увлеченный нѣмецкой литературой и нѣмецкой цивилизаціей не понималъ древней русской жизни. Марія Андреевна въ 1817 г. вышла за Мойера. Отъ этого брака родилась дочь Екатерина, а 17-го марта 1823 г. Марія Андреевна скончалась. Ужасная скорбь овладѣла душою Жуковскаго, которую онъ едва могъ перенести. Онъ купилъ въ Дерптѣ часть земли, гдѣ и была она погребена. Между тѣмъ и Александра Андреевна начала страдать кровохаржаніемъ и 28 апрѣля 1828 г. скончалась. Жуковскій перенесъ свою любовь на дѣтей ся; онъ продалъ свое имѣніе за 15,000 р. доктору Зейдлицу и назначилъ ихъ въ приданое тремъ сиротамъ, дочерямъ Воейкова.

Во время отечественной войны Жуковскій былъ поручикомъ московскаго ополченія и въ день Бородинской битвы находился въ дѣйствующей арміи; за отличіе получилъ чинъ штабсъ-капитана и орденъ св. Анны 2-й степени. Памятниками его глубокаго патриотическаго одушевленія были стихотворенія: „Пѣвецъ въ Кремлѣ“ (1814—1816), „Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей“ (1806) и „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“ ¹⁾, написанное въ лагерѣ подъ Тарутинымъ въ 1812 г.: эти стихотворенія были прочитаны всей Россіей: они были выраженіемъ чувствъ какъ самого поэта, такъ и всего русскаго народа. Въ „Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ“ поэтъ соединяетъ новыхъ героевъ съ древними героями, которые собираются посмотреть на ихъ подвиги:

¹⁾ Сочин. I, 247.

Смотрите, въ грозной красотѣ,
Воздушными полками,
Ихъ гѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами.

Все стихотвореніе состоитъ изъ нѣсколькихъ воззваній, или тостовъ, которые пѣвецъ предлагаетъ въ станѣ, среди воиновъ, отвѣчающихъ на каждое воззваніе хоромъ. Особеннымъ чувствомъ проникнуто третье воззваніе, или третій кубокъ въ честь отчизны:

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость битія.
Поля, холмы родные.
Роднаго неба милый свѣтъ.
Знакомые потоки,
Златія игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнить?
О родина свята!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

Изъ тостовъ за падшихъ героевъ особенно симпатиченъ тостъ за Кутайсова, весь проникнутый умпротворяющимъ, нѣжнымъ, романтическимъ элементомъ. Поэтъ представляетъ, какъ его прекрасная пойдетъ искать въ слезахъ его милый прахъ, и тихій духъ героя прилетитъ изъ таинственной сѣни и невидимый дастъ знать о себѣ ея чуткому сердцу. Позднѣйшая критика въ патріотическихъ стихотвореніяхъ Жуковскаго находила много неестественныхъ картинъ: пѣвецъ напр. ударяетъ въ струны арфы, воины одѣты въ кольчуги, вооружены щитами, мечами; но для современниковъ онѣ пропадали въ вѣрности содержанія, въ возвышенности идеи и глубокомъ чувствѣ, которымъ онѣ были проникнуты.

Значеніе Жуковскаго въ этомъ случаѣ Батюшковъ опредѣляетъ, сравнивая его съ древнимъ Тиртеемъ, возбуждавшимъ воинственный духъ грековъ своими пѣснями. Къ портрету его въ 1816 г. онъ написалъ слѣдующіе стихи:

Подъ знаменемъ Москвы, предъ падшею столицей,
Онъ храбрѣе гимны пѣлъ, какъ пламенный Тиртей.
Въ дни мира новый Грей
Пѣняетъ насъ задумчивой пѣзницей.

Послѣ взятія Парижа въ 1814 г. Жуковскій написалъ посланіе къ императору Александрѣ, въ которомъ выразилъ чувства всего русскаго народа къ своему освободителю. Онъ особенно обра-

тилѣ вниманіе императрицы Маріи Теодоровны, которая еще прежде, прочитавъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, желала видѣть Жуковского. Въ 1815 г. онъ былъ представленъ императрицѣ Уваровымъ. Она назначила его къ себѣ лекторомъ. Въ 1817 г. онъ былъ опредѣленъ преподавателемъ русскаго языка великой княгинѣ (внучкѣ императрицы), Александрѣ Теодоровнѣ. Онъ началъ переводить для своей августѣйшей слушательницы стихотворенія лучшихъ нѣмецкихъ поэтовъ и эти переводы, вмѣстѣ съ подлинниками, печаталъ ежемѣсячно небольшими книжками (всѣхъ книжекъ было шесть), подъ названіемъ „Для немногихъ“, потому что онѣ не поступали въ продажу, а раздавались немногимъ лицамъ (für Wenige). Въ этотъ сборникъ вошли переводы изъ Гёте: „Утѣшеніе въ слезахъ“, „Рыбакъ“, „Мина“, „Исной царь“; изъ Шиллера: „Рыцарь Тогенбургъ“, „Графъ Габсбургскій“, „Горная дорога“, отрывокъ изъ „Орлеанской дѣвы“; изъ Гётеля: „Тѣньность“, „Деревенскій сторожъ“; изъ Кёрнера: „Вѣрность до гроба“. По поводу этого сборника Пушкинъ въ 1818 г. писалъ Жуковскому:

Когда снѣняюся видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенія
Власы подѣмлетъ на челѣ.
Ты правъ, творишь ты для немногихъ.

При берлинскомъ дворѣ, по случаю пребыванія в. кн. Александры Теодоровны, давались драматическія представленія изъ поэмы Мура „Талла-Рукъ“; Жуковский сдѣлалъ переводъ 2-й пѣсни этой поэмы „Рай и Перя“; подъ вліяніемъ же берлинскихъ представленій, на которыхъ давались лучшія нѣмецкія драмы, онъ рѣшился перевести „Орлеанскую дѣву“ Шиллера.

По воцареніи императора Николая, Жуковский былъ избранъ наставникомъ в. кн. наследника, внучка императора Александра II. Сознывая всю важность и трудность порученной ему должности, Жуковский все свое вниманіе сосредоточилъ на приготовленіи къ ней. Онъ отправился для этого за границу: составилъ предварительно планъ ученія, совѣтовался со знаменитыми педагогами, собиралъ учебную бібліотечку, выбиралъ преподавателей по разнымъ предметамъ. „Работы у меня много, писалъ онъ изъ Дрездена въ февралѣ 1827 г. своимъ друзьямъ: на рукахъ моихъ важное дѣло.... Мнѣ не только надобно учить, но и самому учиться, такъ что не имѣю средства и возможности употребить ни минуты на что-нибудь другое. Если бы вы видѣли, чѣмъ я занятъ и какъ много объемлетъ кругъ моихъ запитій, и какъ онъ долженъ будетъ безпрестанно распространяться... У меня въ душѣ одна мысль; все

остальное — только въ отношеніи къ этой царствующей... Поэзія мною не покинута, хоть я и пересталъ писать стихи, хотя мои занятія и могутъ со стороны показаться механическими. Есть въ душѣ какая-то теплота, которая животворитъ все“¹⁾. Для окончательнаго образованія государя наслѣдника и для ознакомленія его со своимъ отечествомъ предположено было путешествіе по Россіи; планъ для этого путешествія составленъ былъ Жуковскимъ и Арсеньевымъ. Путешествіе продолжалось съ мая до декабря 1837 г. и совершалось необыкновенно быстро; въ продолженіи мѣсяца отъ Вятки до Казани чрезъ Пермь, Тобольскъ и Оренбургъ сдѣлано 4500 верстъ. „Наше путешествіе, говоритъ Жуковский, можно сравнить съ чтеніемъ книги, въ которой теперь Великій князь прочтетъ одно только оглавленіе“. Будучи въ Сибири, цесаревичъ послалъ свои ходатайства къ императору за несчастныя жертвы политическихъ заблужденій. Жуковский писалъ о томъ же изъ Златоуста; онъ описываетъ въ своемъ письмѣ страданія несчастныхъ физическія и нравственныя и въ заключеніе говоритъ: „и всему этому будетъ исцѣленіемъ одно минутное появленіе царскаго сына, которое освѣтитъ и дальніе края посѣщенной имъ Сибири“. Въ Воронежѣ Жуковский посѣтилъ домъ Кольцова и тѣмъ придавъ ему особенное значеніе въ глазахъ его родныхъ и знакомыхъ. Послѣ путешествія по Россіи послѣдовало заграничное путешествіе государя наслѣдника; Жуковский опять сопровождалъ его. Въ это путешествіе былъ сдѣланъ выборъ будущей супруги цесаревича, в. княжны Маріи Александровны, принцессы Гессенъ-Дармштадской, а 16 апрѣля 1841 г. послѣдовало и бракосочетаніе. Жуковский сложилъ званіе наставника, которое онъ исполнялъ 15 лѣтъ. Какъ свято исполнилъ онъ свою великую обязанность и какъ благотворно было его вліяніе, доказываютъ всѣ великія дѣла его царственнаго ученика — незабвеннаго для Россіи Царя-Освободителя. Щедро награжденный за свои великія заслуги и обезпеченный на всю остальную жизнь, Жуковский уѣхалъ за границу.

Въ 1841 г., когда Жуковскому было уже 57 лѣтъ, онъ женился на дочери своего друга полковника Рейтерна; чрезъ годъ у него родилась дочь. Такимъ образомъ идеалъ семейнаго счастья, къ которому онъ стремился всю жизнь, былъ найденъ, и Жуковский нашелъ въ немъ успокоеніе. Это доказываетъ его посвященіе къ поэмѣ „Налъ и Дамаянти“, переведенной имъ съ нѣмецкаго Рюккертова перевода для в. кн. Александра Николаевича. Въ этомъ посвященіи онъ свое состояніе изображаетъ такимъ образомъ:

¹⁾ В. А. Жуковский и его произведенія, И. Загарина, стр. 363—364.

И нынѣ тихо безъ волненья льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотри въ лицо подруги, данной Богомъ
На освященье сердца моего,
Смотри, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находи нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Онъ говорить мнѣ, вѣруй въ Бога, вѣруй
Въ Меня ¹⁾.

Но съ переменной жизни измѣнились стремленія, вкусъ и литературныя занятія Жуковского. „На старости лѣтъ, писалъ онъ, я присоединился къ древнему рассказчику Гомеру; изъ яраго романтика сдѣлался спокойнымъ классикомъ“. Въ 1847—49 г. вышелъ новый переводъ Одиссея; послѣ Одиссея онъ хотѣлъ было перевести и Илиаду, но перевелъ только первую пѣснь и часть второй. Въ это же время напечатаны были его мелкія повѣсти и сказки и эпизодъ изъ „Шахъ Намэ“—„Рустемъ и Зорабъ“. Но его семейное счастье и спокойствіе продолжалось не долго. Сначала болѣзнь жены, а потомъ и собственная скоро омрачила ихъ. Онъ все собирался переѣхать въ Россію и здѣсь поселиться уже навсегда. Въ 1849 г. было празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея его поэтической дѣятельности; но онъ уже не былъ на этомъ юбилеѣ, который былъ отпразднованъ безъ него. Не смотря на то, что зрѣніе его такъ ослабѣло, что онъ не могъ видѣть однимъ глазомъ, онъ продолжалъ занятія: въ послѣднее время онъ былъ занятъ разными педагогическими сочиненіями и составленіемъ учебнаго курса для своихъ дѣтей. Послѣднимъ серьезнымъ сочиненіемъ его была поэма „Вѣчный жидъ, или Агасверъ“, которую онъ уже не успѣлъ докончить. За годъ до смерти Жуковскій написалъ воспоминаніе о Царскомъ Селѣ ²⁾, гдѣ онъ изображаетъ стараго лебедя, времени Екатерины, умирающаго на водахъ царскосельскихъ прудовъ среди уже чуждаго ему молодаго поколѣнія.

Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таялъ одиноко; а младое племя
Въ шумѣ рѣзвой жизни забывало время...
Разъ среди ихъ шума раздался чудесно
Голосъ, всю произививій бездну поднебесной;

¹⁾ Сочин. III, 287.

²⁾ Царскосельскій лебедь.

Лебеди, услышавъ голосъ, прпемирѣли,
И стремимы тайной силой, полетѣли
На голосъ: предъ ними, вновь помолодѣлый,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,
Готову на шеѣ гордо распрямленной
Къ небесамъ подъемля, весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Лѣтъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый;
А когда донѣлъ онъ.—на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши—
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высотѣ... и навзничъ съ высоты унать онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперея взоръ ужъ негорящій ¹⁾.

Такъ Жуковский въ образѣ стараго лебедя изобразилъ самого себя и свою собственную смерть. Это было послѣднее лебединое пѣніе и самого Жуковского. Въ 1852 г. онъ сильно заболѣлъ въ Баденъ-Баденѣ и 7-го апрѣля скончался на 70-мъ году жизни. Тѣло его перевезено въ С.-Петербургъ и погребено въ Александро-Невской лаврѣ, подлѣ Карамзина.

Основа міросозерцанія и характеръ идеаловъ Жуковского. Если вообще говорить, что жизнь и характеръ писателя выражается въ его сочиненіяхъ, то это подобно сказать о Жуковскомъ особенно и въ особенномъ смыслѣ. Характеризуя въ одномъ сочиненіи свою поэтическую дѣятельность, онъ говорилъ:

Я музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
И вдохновеніе летало
Съ небесъ, незванное, ко мнѣ ²⁾.

Дѣйствительно: мы видѣли, что каждое его сочиненіе тѣсно связано съ какимъ-нибудь фактомъ его жизни, что все, что онъ испыталъ, превращалось у него въ поэзію, что не только на оригинальныхъ, но и на переводныхъ сочиненіяхъ отразились слѣды его внутреннихъ думъ и чувствованій. И потому, говоря о переводной его дѣятельности, его нельзя сравнивать съ обыкновенными переводчиками; въ его переводныхъ сочиненіяхъ гораздо больше оригинальнаго, чѣмъ у нихъ. Это свойство поэзіи Жуковского, давно

---

¹⁾ Сочин. V, 161—162. ²⁾ Сочин. II, 392.

замѣченное, особенно выяснилось во время столѣтняго его юбилея, когда были пересмотрѣны все его сочиненія. издаво множество его писемъ, когда вообще внимательно объяснена была жизнь и поэзія Жуковскаго. Мы указывали выше, что онъ переводилъ болѣею частию тѣ сочиненія, которыя подходили въ данный моментъ къ его душевному состоянію, выражали его мысли и чувства, что, переводя сочиненіе, онъ слаживалъ иногда рѣдкія мѣста, не согласныя съ его взглядами, что, наконецъ, часто въ переводныхъ сочиненіяхъ дѣлалъ свои вставки или въ посвященіи, или въ эпилогѣ, а иногда и въ срединѣ разсказа, въ видѣ размышленія, думы, чувства, вообще въ формѣ лирическаго отступленія. Передѣлывая „Ленору“ Бюргера, мы видѣли, онъ замѣнилъ страшное отчаяніе и проклятія Леноры тихое грустное помянутое. Въ балладѣ: „Дѣвѣ спящихъ дѣвъ“ (1811 г.), передѣланной изъ романа Шиллера, онъ далеко отступилъ отъ подлинника и изъ большаго романа создалъ балладу: при этомъ уничтожилъ мѣстный колоритъ и все подробности, которыми характеризовались вѣкъ, среда и бытъ сословія, и вмѣсто этого внесены новыя черты, которыя придаютъ разсказу русскій колоритъ. Жуковскій много переводилъ стихотвореній изъ Шиллера, увлекавшаго его своими идеалами. Онъ перевелъ его греческія и средневѣковыя баллады. Въ греческихъ балладахъ, т. е. заимствованныхъ изъ греческаго міра, Шиллеръ изобразилъ греческія воззрѣнія на жизнь и природу. Въ „Кассандру“, „Торжество побѣдителей“ и „Поликратовъ перстень“ выражена идея завистливой и мстительной судьбы, которая, по ученію грековъ, неотразимо господствовала надъ людьми и богами. Кассандра, дочь Троянскаго царя Пріама, не хочетъ участвовать въ свадьбѣ сестры своей Поликлены и уходить въ лѣсъ: какъ жрица Аполлона, она владѣетъ даромъ предвидѣнія и не можетъ радоваться съ другими, потому что знаетъ о близкой смерти жениха и паденіи Трои¹⁾. Въ балладѣ „Торжество побѣдителей“ изображается торжество грековъ, ликующихъ послѣ взятія Трои: греки и Трояне сожалеютъ о герояхъ, погибшихъ во время войны: „дѣтъ великаго Патрокла; живъ презрительный Терситъ“²⁾. Въ балладѣ „Поликратовъ перстень“³⁾ выражена та мысль, что чѣмъ болѣе дается счастья человеку, тѣмъ скорѣе и неизбежнѣе его постигаетъ бѣдствие. Самосскій владѣтель, Поликрать, съ гордостью показываетъ египетскому царю свои богатства; царь совѣтуетъ ему не довѣрять своему счастью: ему не даромъ все удастся; не къ добру такая удача во всемъ: самъ отдай драгоценнѣйшее свое сокровище,—и Поликрать бросаетъ въ море перстень, которымъ дорожитъ особенно, но на другой день ему возвращаютъ перстень, найденный въ рыбѣ, ко-

¹⁾ Сочин. I, 113—117.—²⁾ Сочин. II, 417.—³⁾ Сочин. II, 446.

тору поваръ готовилъ къ столу. Тогда египетскій царь бѣжитъ отъ него, сказавши: бѣда грозитъ этому дому; ты обреченъ судьбою на смерть. Въ балладѣ „Ивиковы журавли“ ¹⁾ выражена идея правды и возмездія, мщеніе эвменидъ за преступленіе. Пѣвецъ Ивикъ шелъ въ Коринѣ на праздникъ Посейдона; на дорогѣ въ лѣсу на него напали разбойники и убили его; умирая, онъ обращается къ журавлямъ, которые въ это время пролетали надъ нимъ, и проситъ ихъ быть свидѣтелями преступленія. Убийцы, совершивъ преступленіе, пришли также въ Коринѣ и явились въ театрѣ. Въ то время, какъ народъ, узнавъ о преступленіи, волновался, и хоръ эвменидъ взывалъ къ богамъ о мщеніи преступникамъ, надъ театромъ пролетѣла стая журавлей; вдругъ между зрителями, на ступеняхъ театра, раздался крикъ: „Пареній, слышишь? это Ивиковы журавли“. По этимъ словамъ тотчасъ въ произносившихъ ихъ узнали убійцъ Ивика. Въ этой балладѣ хорошо также выражено воспитательное значеніе театра у грековъ. Въ „Жалобѣ Цереры“ ²⁾ выражается вѣрованіе грековъ, что вся природа, небо, земля и царство подземное населены богами и существами, подобными богамъ. Богиня Церера отыскиваетъ свою дочь, Прозерпину, которую похитилъ владыка подземнаго царства Плутонъ; не имѣя возможности, какъ живая, проникнуть въ подземное царство тѣней, она собираетъ осенью сѣмена и бросаетъ ихъ въ землю въ знакъ своей материнской любви; корни сѣмянъ уходятъ въ глубь земли, а стебли стремятся вверхъ къ свѣту, и въ цвѣтахъ весны Церерѣ слышится родной привѣтъ милой дочери.—Къ средневѣковымъ балладамъ Шиллера, которыя перевелъ Жуковскій, относятся: „Кубокъ“, „Перчатка“, „Сраженіе со змѣемъ“, „Графъ Габсбургскій“ и „Рыцарь Тогенбургъ“. Въ нихъ изображаются средневѣковыя идеи рыцарской любви, чести, вѣрности, самоотверженія, мужества и челоуѣколюбія. Въ балладѣ „Кубокъ“ ³⁾ молодой пажъ съ высокой стремнины бросается въ кипячій водоворотъ, чтобы достать брошенный туда царемъ золотой кубокъ и получить руку царевны. Въ „Перчаткѣ“ ⁴⁾ рыцарь, на вызовъ гордой и жестокосердой красавицы, смѣло идетъ къ дикимъ звѣрямъ, подымаетъ брошенную ею перчатку и съ упрекомъ въ жестокосердіи кладетъ къ ея ногамъ. Въ „Сраженіи съ змѣемъ“ отважный рыцарь ордена Іоаннитовъ побѣждаетъ чудовище, опустошавшее землю, и при этомъ совершаетъ подвигъ смиренія, цѣлуетъ руку магистра ордена, который осудилъ его за то, что онъ вышелъ на битву безъ дозволенія. Въ балладахъ „Графъ Габсбургскій“ и „Рыцарь Тогенбургъ“ ⁵⁾ изо-

¹⁾ Сочин. I, 197. ²⁾ Сочин. II, 449. ³⁾ Тамъ же, стр. 468.—

⁴⁾ Тамъ же, стр. 474.—⁵⁾ Тамъ же, стр. 59, 63.

бражены значеніе поэзіи въ торжественныхъ собраніяхъ, уваженіе рыцарей къ религіи и церкви, характеръ рыцарской любви. Но въ тоже время страстная кипучая натура нѣмецкаго поэта не могла найти въ немъ полного сочувствія; изъ драматическихъ сочиненій Шиллера онъ перевелъ одну только „Орлеанскую дѣву“, но не перевелъ ни „Разбойниковъ“, ни „Заговора Фіеско“, ни „Валленштейна“. Еще менѣе могъ сочувствовать Жуковский Байрону. „Въ немъ есть что-то ужасающее, стѣсняющее душу, писалъ онъ Козлову въ 1833 г.. Онъ не принадлежитъ къ поэтамъ-утѣшителямъ жизни“. Въ „Шильонскомъ узникѣ“, котораго онъ перевелъ во время путешествія по Швейцаріи, Жуковского привлекла къ себѣ личность младшаго брата, нѣжно страдающая, родственная самому Жуковскому; гордое страданіе старшаго брата онъ замѣнилъ тихою скорбію; всѣ рѣзкія мѣста о свободѣ и гоненіи, которому подвергались братья, исключены и вмѣсто нихъ вставлены другія. Въ переводѣ изъ „Лалла-Рукъ“ Мура—„Рай и Пери“—Жуковский допустилъ значительныя отступленія. Онъ сгладилъ тѣ мѣста, которыя казались ему слишкомъ страшными; сглажены также магометанскія представленія, такъ что читатель порой забываетъ, что предъ нимъ излагается магометанское сказаніе ¹⁾).

Жуковский былъ поэтъ лирическій, и господствующій тонъ въ его лирикѣ былъ элегическій, зависѣвшій отъ его душевнаго настроенія, созданнаго всѣми обстоятельствами его жизни. Рожденный съ нѣжною натурою, онъ воспитался въ женскомъ нѣжномъ обществѣ. Это воспитаніе развило въ немъ любовь и симпатію ко всему нѣжному, чистому и возвышенному и отвращеніе отъ всего грубаго, низкаго, недостойнаго человѣка. Особенное положеніе въ семьѣ, которая была для него въ одно и тоже время и своя и чужая, страстная и въ тоже время несчастная любовь къ племянницѣ, бывшая источникомъ душевныхъ страданій, положила на его характеръ печать глубокой меланхоліи и съ малыхъ лѣтъ повела къ элегическимъ чувствамъ и мечтательности. При невозможности достигнуть счастья человѣческаго въ настоящемъ, онъ сталъ искать его въ прошедшемъ и будущемъ, въ прошедшемъ какъ воспоминаніе о томъ, что было, въ будущемъ какъ надежду, что бывшее разъ опять возвратится, если не въ этой жизни, то въ жизни загробной. Счастіе, прерванное смертію, возвратится за гробомъ. Все лучшее, свѣтлое въ жизни, особенно любовь, ея животворящая сила, улада и утѣшительница будутъ существовать и тамъ. Въ „Посланія къ Нинѣ“ поэтъ мечтаетъ:

Ужели ни тѣни земнаго блаженства
Съ собою въ обитель небесъ не возьмемъ?

¹⁾ Пери и Ангелъ. Сочин. II, стр. 305.

Ахъ! съ чѣмъ же предстанемъ ко трону любви?
 И то, что питало въ насъ пламень души,
 Что было въ семь міръ предчувствіемъ неба.
 Ужели то бездна могла погнѣтъ?
 Ахъ! самое небо мнѣ будетъ изгнаніемъ,
 Когда для безсмертья утрачу любви;
 И въ области райской я буду печально
 О прежнемъ, погибшемъ блаженствѣ мечтать.
 .....
 О Иппа, я внемлю таинственный голосъ:
 Итъ смерти, вѣнаетъ, для вѣчной любви;
 Возлюбленный образъ, съ душой неразлучный,
 И въ вѣчность за нею въ міра летитъ—
 Ей спутникъ до сладкой минуты сгланья¹⁾.

Отсюда тѣсная связь во всѣхъ его представленіяхъ и образахъ настоящаго и прошедшаго съ будущимъ. Онъ такъ сжился съ такими представленіями, что сталъ наконецъ находить въ нихъ сладостное утѣшеніе во всякомъ несчастіи и во всякой скорби, и высказывалъ социальніе о скорой *вредности мира*, что *горе земное не надолго*. Поэтому печаль по слогамъ прежнихъ лѣтъ, неудовлетворенная любовь, скорбь съ утраченнымъ счастьемъ, печаль по несбывшимся надеждамъ, надежда на счастье въ будущемъ составляютъ существенныя черты поэзіи Жуковского. Эти черты видны во всѣхъ стихотвореніяхъ его: по особенно рѣзко онѣ, какъ преобладающія темы, выразились въ аллегоріи: „Три сестры. Видѣніе Минваны“ и въ стихотвореніяхъ: „Тоска по миломъ“, „Эльвина и Эдвинъ“, „Алина и Альснмъ“, „Золота арфа“, „Теонъ и Эсхинъ“. „Вся наша жизнь, говоритъ оеъ въ „Видѣніи Минваны“, была бы послѣдствіемъ скучныхъ и несвязныхъ сновидѣній, когда бы съ настоящимъ не соединялись тѣсно ни будущее, ни прошедшее—три неразлучныя эпохи: одна украшаетъ другую, одна отъ другой заимствуетъ прелесть“. Эти три эпохи представляются въ образѣ трехъ сестеръ, молодыхъ дѣвушекъ, встрѣтившихся Минванѣ на дорогѣ. „Одна сидѣла подъ старымъ дубомъ, облокотившись на урну, обвитую лиліями, незабудками и кипарисомъ; другая лежала небрежно на травѣ подъ розовымъ кустомъ; а третья смотрѣла на заходящее солнце: въ глазахъ ея блистало какое-то сверхъестественное пламя: величественное лицо, озаренное лучами солнца, казалось не человѣческимъ... Мы сестры, сказала старшая. Я называюсь *прошедшее*; имя средней сестры, которая подарила тебѣ розу, *настоящее*, а младшей—*будущее*; иначе называютъ насъ *Вчера, Нынѣ, Завтра*. Мы неразлучны, тотъ, кого полю-

¹⁾ Сочин. I, 92—93.

бить одна, становится любезнѣе и другѣе, противный одной необходимо долженъ быть противнѣе и прочимъ... Наслаждаясь, мой другъ, розами настоящаго, ты будешь съ веселіемъ чистымъ, съ надеждою безмятежною смотрѣть на сію привлекательную отдаленность будущаго: веселіе и надежда—сопутницы ненерочности... О мой другъ, придетъ время оставить цвѣтущую долину жизни, ... тогда явимся предъ тобою вмѣстѣ, въ новомъ сіяніи, преображенныя, навсегда неразлучныя. Какимъ восхитительнымъ блескомъ озарится для тебя отдаленіе будущаго. Безсмертіе, оправданіе надеждъ и вѣры, награда... О Милывана, вся твоя жизнь да будетъ приготовленіемъ къ сей минутѣ¹). Воспоминаніе и надежда, два основныхъ чувства, данныя человеку небомъ въ замѣну утраченнаго настоящаго счастья, онъ представляетъ въ образѣ двухъ цвѣтковъ—незабудки и анютиныхъ глазокъ:

Они безъ пышнаго сіянія,
Едва приметны красотой:
Одинъ есть нѣтъ воспоминанія,
Сердечной души — нѣтъ другой.
О милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О дума сердца—утоленіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто вѣсь среди губящаго
Волненія жизни сохранилъ,
И съ вами нѣзвѣсть настоящаго
И пренебрегъ и позабылъ²).

Поэтическій образъ загробнаго свиданія представленъ въ „Жалобѣ Цереры“, переведенной изъ Шиллера. Тоскующая по дочери своей Прозерпинѣ, Церера говоритъ:

Изъ руки Вертумена педрей
Сѣмя жизни взять спѣшу.
И его въ земное нѣдро
Бросивъ, Стиксу приношу;
Сердцу дочери ввѣрю
Тайный даръ моей руки
И, скорбя, въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.
.....
И го мнѣ въ живомъ дыханьи
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается призванье,

¹ Сочин. V, 262—265. ² Сочин. II, 390—391.

Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку улаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ:
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Кочитъ ¹⁾.

Тоже самое изображается въ „Золовой арфѣ“. Бѣдный пѣвецъ Арминій полюбилъ дочь богатаго Ордала, Минвану, но не надѣется получить согласія на бракъ; прощаясь съ нею, онъ привязываетъ свою арфу къ вѣтвистому дубу и говоритъ:

Будь, арфа, для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней;
И сладкіе звуки
Любви не забудь;
Улада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнный будь.
Когда же мой юный,
Убитый печалію цвѣтъ опадетъ,
О, вѣрныя струны,
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ!
Какъ прежде, възграетъ
Веселіе въ васъ,
И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію гласъ.
И думай, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тѣнью,
Все вѣрный, летаетъ твой другъ надъ тобой ²⁾.

Но всего рѣзче міросозерцаніе Жуковского выразилось въ балладѣ: „Теонъ и Эсхинъ“. Эсхинъ долго страствовалъ по свѣту, повсюду искалъ счастья, но нигдѣ и ни въ чемъ не нашелъ его. Утомленный онъ возвращается домой и находитъ друга своего Теона сидящимъ подлѣ гроба. Теонъ не хотѣлъ искать счастья нигдѣ, кромѣ жизни семейной. Но онъ не долго имъ наслаждался; супруга его умерла. Это не произвело ропота въ душѣ Теона, не разочаровало его въ жизни:

О, пѣть! не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь и вселенна прекрасны.
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.

---

¹⁾ Сочин. II, 452—453. ²⁾ Сочин. I, 379.

Что может разрушить въ минуту судьба;
Эхивъ, то на свѣтъ не наше;
Но сердца нетлѣнные блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей—

Вотъ счастье! о другъ мой, оно не мечта.
Эхивъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа.
И жизнь въ красѣ мнѣ предстала.

При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣ великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежать по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.

. . . . .
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безспльна.

И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эхивъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ,
Погибшее намъ возвратится?

Но той же дорогѣ стремлюся одинъ,
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ—
Сихъ узъ не разрушить могила.

Съ сѣй сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что я—человѣкъ,
Всегда возвышаюсь душою.

А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.

Сей гробъ, затворенная къ счастью дверь,
Отворится... жду и надѣюсь.
За нимъ ожидаетъ спутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна.
Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
Все въ жизни къ великому средство,

И горестъ и радость—все къ цѣли одной;
Хвала жизнедаву—Зевесу! ¹⁾

Воспоминаніе о томъ, что было, для поэта такъ дорого и такъ живо, что онъ сливаетъ это прошедшее съ будущимъ и представляетъ его какъ бы настоящимъ:

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сочувствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ;
Но съ благодарностію: были ²⁾.

Приписывая такое значеніе воспоминанію о прошедшемъ, объ утраченномъ счастьи, онъ жалуется на *преходимость* *горя*, что всякое горе не надолго. Въ „Ундянѣ“ онъ говоритъ:

Какъ намъ, читатель, сказать: къ сожалѣнію или къ счастью?
что наше

Горе земное не надолго. Здѣсь разумѣю я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое съ милымъ, потеряннымъ благомъ сливается
Нашъ воедино, которымъ утрата для насъ не утрата,
Смерть вдвоемъ бытіе, а жизнь—порывъ непрестанный
Къ той чертѣ, за которую милое наше изъ міра
Прежде насъ перешло. Есть, правда, много избранныхъ
Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ святая печаль, какъ свѣча предъ иконою,
Ярко горитъ, пока догоритъ; но она и для нихъ ужъ
Все не та подъ конецъ, какою была при началѣ.
Полная, чистая; много, много иного, чужаго
Между утратою нашей и нами уже протѣснилось;
Вотъ наконецъ и всю измѣляемость здѣшняго въ самой
Нашей печали мы видимъ... Итакъ, скажу: къ сожалѣнію,
Наше горе земное не надолго ³⁾

Такимъ образомъ элегія Жуковскаго совсѣмъ не имѣетъ характера какого-нибудь унынія или отчаянія, какъ это мы встрѣчаемъ у древнихъ греческихъ и римскихъ поэтовъ и у новыхъ писателей, изображающихъ себя или другихъ въ какомъ-нибудь несчастіи. Религія древнихъ не обѣщала никакихъ утѣшеній за гробомъ, и несчастіе настоящей жизни ложилось всею тяжестью на человѣка; христіанство указало цѣль жизни въ будущемъ мірѣ, для приготовленія къ которому служитъ настоящая жизнь. „Древніе, говоритъ Жуковскій, имѣли вполне развитую гражданскую матеріальную жизнь, но не имѣли дополненія необходимаго этой жизни, того именно, что ее упочиваетъ и благоденствуетъ; ихъ

¹⁾ Сочин. I, 312—316. ²⁾ Сочин. II, 352. ³⁾ Сочин. III, 154. 220—221.

религія принадлежала тѣснымъ предѣламъ этой матеріальной жизни; она не входила во внутренность души, напротивъ извлекала ее изъ самой себя, наполняя ви́шній міръ, ее окружающій, своими поэтическими созданіями, повторявшими, въ другомъ только размѣрѣ, всѣ событія ежедневной матеріальной жизни: но въ замѣнь земныхъ утратъ ничего не представляла. Всѣ сокровища были на землѣ: все заключалось въ земныхъ радостяхъ и все съ ними исчезало. Итати естественно, что душа, ничего кромѣ сихъ измѣнчивыхъ благъ не имѣя, къ нимъ съ жадностью прилипала и предавалась ихъ наслажденію, отворачивъ глаза отъ Парки, во всякое время съ нимъ перазлучной. У каждаго на плечу въ жизни висѣлъ надъ головою, на тонкомъ волоскѣ, мечъ Дамоклесовъ; но потому именно, что онъ у каждаго висѣлъ надъ головою, всѣ общемо толпою шумѣли весело на плечу и сибѣли насытиться по горло. Каждый самъ про себя, ясно или не ясно чувствовалъ, что когда соберутъ со стола, уже другаго ему не накроютъ; но увлеченный общимъ шумнымъ порывомъ, не обращать вниманія на это чувство, или вопреки ему удвоивать свои подвиги на всемірной оргіи. Иногда какой-нибудь Гораций, но и тотъ только для того, чтобы подстрекнуть наслажденіе, восклицалъ посреди этой суматохи: лови, лови летящій часъ! Онъ, улетѣвъ, не возвратится!... Христіанство своимъ явленіемъ все преобразовало... Изъ ви́шняго міра матеріальной жизни, гдѣ все прельщаетъ и гибнетъ, оно обратило насъ во внутренній міръ души нашей: легкомысленное, ребяческое наслажденіе ви́шнимъ уступило мѣсто созерцанію внутреннему; за всякое заблужденіе надежды, ласкавшейся обрѣсти вѣрное существованіе въ измѣняющемъ ви́шнемъ, нашлось вознагражденіе въ сокровищницѣ вѣры, которая все наше драгоцѣнное, все, существенно душѣ нашей принадлежащее, застраховало на уплату послѣ смерти въ иномъ мірѣ... Гибнетъ только то, что не наше; все же, что составляетъ вѣрное достояніе и сокровище нашей души, упрочено ей на всю вѣчность“ ¹⁾. На такихъ началахъ коренилось міровоззрѣніе Жуковского. Но въ тоже время это не былъ міръ отшельника, закрывающаго глаза на все въ мірѣ, кромѣ могилы; религіозность Жуковского была проникнута истинно гуманными пачатами: онъ былъ исполненъ глубокой симпатіи и любви ко всему человѣческому, ко всему великому, высокому и прекрасному въ области науки, искусства и цивилизаціи; онъ представлялъ въ себѣ соединеніе христіанства съ гуманизмомъ. Никто такъ высоко не понималъ цѣли и назначенія поэта и обяза-

¹⁾ «О меланхоліи въ жизни и поэзіи», сочин. VI, 68—70.

ности его. Онъ называетъ поэзію добродѣтелью ¹⁾, земной сестрой религіи небесной. Все въ жизни къ великому средство; и жизнь и вселенная прекрасны.

Геній чистой красоты—
Онъ лишь въ чистыя мгновенія
Бытія слетаетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья.
Благодатныя сердцамъ.
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой;
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду ²⁾.

Въ „Камоэнсъ“ его поэтъ Васко говоритъ:

Не счастья, не славы здѣсь
Ищу я: быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту, зарей, побѣду дня
Предвѣщающей, великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
Лекарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задержнуть, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!
Здѣсь безъ нихъ (поэтовъ)
Была ли бы для душъ, покорныхъ Богу,
Возможна та святая брань, въ которой
Мы на землѣ для неба созрѣваемъ?
Мы не затѣмъ ли здѣсь, чтобы средъ тяжкихъ
Скорбей, гоненій, видя торжество
Порока, силу зла, и слыша хохотъ
Безстыднаго разврата иль насмѣшку
Безвѣрія, изъ этой бездны вынести
Въ душѣ неоскверненной вѣру въ Бога?...
О, Камоэнсъ! Поэзія небесной

---

¹⁾ Въ посланіи къ Вяземскому и В. Л. Пушкину. Сочин. I, 335. ²⁾ Сочин. V, 467.

Религій сестра земная; свѣтлый
 Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
 Чтобъ мы во гмѣхъ житейскихъ бурь не сбился
 Съ пути. И дѣтъ, на пламени его
 Свой факель возжигай! Твои все братья
 Съ тобою можно засвѣтить гаснѣй
 Хранительный свой огнь, и будутъ дѣла
 Они во всѣхъ странахъ и временахъ
 Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми:
 При блескѣ ихъ, чтобъ труженникъ земной
 Ни непыталъ, — душой онъ не падалъ,
 И вѣра въ лучшее въ немъ не погибала.

Отвѣтъ Камюэнса поэту Баско заканчивается словами:

.....
 Поэзія есть Богъ въ свѣтлыхъ мечтахъ земли ¹⁾.

Какъ въ идеалѣ поэта Жуковскій не отбѣлялъ поэзіи отъ добродѣтели и религій, такъ въ идеалѣ человѣка не отбѣлялъ счастья отъ добродѣтели. Почти до 60 лѣтъ искавшій счастья въ жизни семейной, онъ поставлялъ семейную жизнь идеаломъ жизни. Въ статьѣ „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ“ онъ говоритъ: „Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнью, есть прямо добрый и слѣдовательно прямо счастливый человѣкъ. Свѣтъ называютъ театромъ—каждый изъ насъ въ одно время и дѣйствующій и зритель. Актеры стараются блеснуть искусствомъ: зрители восклицаютъ: великій умъ, чудесное дарованіе! Но мало однихъ блистательныхъ успѣховъ на театрѣ свѣта, чтобъ пріобрѣсть благородное названіе: *добрый*, чтобы имѣть право называться *счастливымъ*. Ты съ честью служишь отечеству: судья справедливый—все приговоры твои сходны съ приговорами закона и совѣсти: смѣлый, благоразумный полководецъ—никого не видалъ, чтобы ты блѣднѣлъ въ виду непріятели, чтобы терялъ присутствіе духа въ минуту неуспѣха или замѣнательства. Въ обществѣ называютъ тебя пріятнымъ, ласковымъ, забавнымъ: нельзя не плѣниться твоимъ разговоромъ: все окружающее тебя оживлено твоимъ остроуміемъ, твоими словами, взглядами, усмѣшками. Говорю смѣло: умный, дѣятельный, любезный, необыкновенный человѣкъ. Скажу ли: добрый и счастливый? Нѣтъ: я вижу тебя на сценѣ, въ уборѣ, въ минуту *представленія*, въ минуту торжества: прельщаюсь однимъ наружнымъ, временнымъ твоимъ блескомъ. Ты дѣйствуешь не собственною силою, ты окруженъ безчисленными подпорами: общее мнѣніе хранитель твоихъ добродѣтелей: быть можетъ, источникъ ихъ единое твое честолюбіе. Хочу ли узнать совершенно твой ха-

¹⁾ Сочин. III, 237. 264—266. 270.

рактёръ—я долженъ послѣдовать за тобою во внутренность семейства. Семейство есть тихое, сокрытое отъ людей поприще, на которомъ совершаются самые благородные, самые безкорыстные подвиги добродѣтельнаго. Здѣсь человѣкъ одинъ—всѣ призраки исчезли: онъ дѣйствуетъ безъ свидѣтелей, въ кругу знакомцевъ слишкомъ короткихъ, слѣдственно для него не страшныхъ: не можетъ удивлять ложнымъ блескомъ: не слышитъ рукоплесканій... Здѣсь онъ снимаетъ съ себя заимствованные покровы; свободно предается естественнымъ своимъ склонностямъ: никому, кромѣ самого себя, не даетъ отчета; и если я вижу его спокойнымъ, веселымъ, неизмѣняемымъ въ тѣсномъ кругу любезныхъ... тогда рѣшительно говорю: онъ добръ, онъ счастливъ... Не имѣвъ добраго сердца, можно быть въ нѣкоторомъ отношеніи добрымъ гражданиномъ: будь съ дарованіемъ, и будешь успѣшно дѣйствовать на той сценѣ, которая окружена безчисленною толпою судей любопытныхъ и строгихъ. Честолюбіе замѣнить для тебя внутреннюю доброту; и та и другая причины произведутъ одинакое видимое дѣйствіе. Но быть хорошимъ семьяниномъ въ полномъ значеніи сего слова, добрымъ супругомъ, отцемъ, покровителемъ своихъ домашнихъ, говорю безъ исключенія, нельзя, не имѣвъ добраго, нѣжнаго, чувствительнаго сердца. Семейство есть малый свѣтъ, въ которомъ должны мы исполнять въ маломъ видѣ всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ большимъ свѣтомъ: но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь не можетъ быть заблужденія на счетъ заслуги, здѣсь видятъ тебя такимъ точно, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ... Ты ищешь вѣрнаго счастья? Почитай обязанностію быть дѣятельнымъ для пользы отечества: но лучшія твои наслажденія, но самыя драгоцѣнныя награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства¹⁾.

Такимъ образомъ Жуковскій возвышаетъ семейную жизнь и дѣятельность надъ жизнью и дѣятельностію общественною, которая является уже на второмъ планѣ, какъ замѣна жизни семейной. Это, конечно, потому, что семейство составляетъ самую важную форму жизни, какъ основа жизни общественной. Въ семействѣ первоначально складывается и развивается тотъ характеръ, съ какимъ является человѣкъ въ жизни и дѣятельности общественной. Если не будетъ хорошаго семьянина, то не будетъ и хорошихъ гражданъ, хорошихъ общественныхъ дѣятелей.

Романтическое отношеніе Жуковского къ искусству и природѣ выразилось при описаніи картинъ Дрезденской галлерей и особенно Рафаэлевой Мадонны. Вліяніе прекраснаго на душу Жуковскій обозначаетъ характеристическими словами: душа распро-

¹⁾ Сочин. V, 265—268.

страняется. Истинный художникъ пишетъ не для глазъ, все обнимающихъ во мгновение и на мгновение, но для души, которая, чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ. Такое именно впечатлѣніе производить картина Рафаэля. „Сказываютъ, что Рафаэль, натянувъ полотно свое для этой картины, долго не зналъ, что на немъ будетъ: вдохновеніе не приходило. Однажды онъ заснулъ съ мыслию о Мадоннѣ, и вѣрно какой-нибудь ангелъ разбудилъ его. Онъ вскочилъ: она здѣсь! закричалъ онъ, указавъ на полотно и начертилъ первый рисунокъ. И въ самомъ дѣлѣ, это не картина, а видѣніе: чѣмъ долѣе гладишь, тѣмъ живѣе увѣряешься, что предъ тобою что-то неестественное происходитъ.... Не понимаю, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное; предъ глазами полотно, на немъ лица, обведенныя чертами, и все стѣснено въ маломъ пространствѣ, и не смотря на то, все необъятно, все неограниченно! И точно, приходитъ на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздернулся, и тайна неба открылась глазамъ человѣка“ ¹⁾). Такимъ образомъ, то, что называется вдохновеніемъ, по мнѣнію Жуковского, есть внезапное откровеніе: это видѣніе, которое удалось художнику видѣть изъ за видимаго, невидимое, таинственное, не выразимое въ обыкновенное время. Такъ Жуковский смотрѣлъ и на собственное свое вдохновеніе. Въ піесѣ „Таинственный посѣтитель“ онъ говоритъ:

«Часто въ жизни такъ бывало:
Кто-то свѣтлый къ намъ летитъ,
Подымаетъ покрывало,
И въ далекое манитъ» ²⁾).

Въ другой піесѣ „Привидѣніе“ поэтическую мечту онъ изображаетъ привидѣніемъ.

«Въ одеждѣ бѣлой, какъ туманъ;
Воздушною лазурной пеленою
Былъ окруженъ воздушный станъ;
Таинственно она ее свивала
И развивала надъ собою» ³⁾).

Въ природѣ подъ вѣшними явленіями, доступными созерцанію, онъ видитъ невидимое, духовное. Въ эгомъ отношеніи чрезвычайно характеристична его піеса „Море“. Каждой вѣшней чертѣ въ морѣ онъ придаетъ духовный смыслъ и все море представляется живымъ, дышущимъ:

¹⁾ Сочин. V, 465—470. ²⁾ Тамъ же II, 333. ³⁾ Тамъ же, 386.

«Безмолвное море, лазурное море;
Стою очарованъ надъ бездной твоей,
Ты живо, ты дышешь...» ¹⁾.

Присутствіе этой духовной жизни, которое и составляетъ ея красоту и предметъ поэзіи, онъ представилъ въ піесѣ „Невыразимое“.

«Что нашъ языкъ земной предъ дивною природой?» ²⁾.

Существенная заслуга Жуковского, какъ мы сказали, заключается въ томъ, что онъ познакомилъ русскую литературу и русское общество съ характеромъ романтической европейской поэзіи. „Онъ, говоритъ Бѣлинскій, пополнилъ въ русской жизни недостатокъ историческихъ среднихъ вѣковъ и благодаря ему, для русскаго общества стала не только доступна, но и родственна и романтическая поэзія среднихъ вѣковъ и романтическая поэзія начала XIX вѣка... Романтизмъ среднихъ вѣковъ, разумѣется, не годится для нашего времени: теперь онъ не истина, а ложь: но въ свое время онъ былъ истиной. Былъ и въ исторіи русской литературы и русскаго общества моментъ, когда для нихъ романтизмъ среднихъ вѣковъ былъ необходимымъ элементомъ жизни, живымъ сѣменемъ, которымъ должна была оплодотвориться почва русской поэзіи“ ³⁾. Но кромѣ романтическихъ произведеній, Жуковскій познакомилъ русскую литературу и съ лучшими произведеніями всѣхъ литературъ древнихъ и новыхъ... Изъ индійской литературы онъ перевелъ съ нѣмецкаго Рюккертова перевода превосходную повѣсть изъ Магабгараты: „Наль и Дамаянти“: изъ персидской литературы также съ Рюккертова перевода—эпизодъ изъ поэмы Фирдуси Шахъ-Намә: „Рустемъ и Зорабъ“; изъ древней классической поэзіи, кромѣ отрывковъ изъ Иліады и Энеиды, перевелъ съ нѣмецкаго подстрочнаго перевода всю Одиссею: изъ испанской поэзіи—нѣкоторые романсы о Сидѣ и Донъ-Кихота Сервантеса съ сокращеннаго французскаго перевода: изъ англійской поэзіи—„Сельское кладбище“ Грея, „Замокъ Смальгольмъ“ Вальтеръ-Скотта и „Шильонскій узникъ“ Байрона: изъ нѣмецкой поэзіи, кромѣ указанныхъ выше сочиненій Шиллера и Гёте, эпизодъ изъ „Мессіады“ Клопштока—Аббадона; изъ Бюргера—„Ленора“; изъ Зейдлица—„Ночной смотръ“; изъ Гебеля мелкія стихотворенія: „Деревенскій сторожъ“, „Овсяный кисель“, „Утренняя звѣзда“, „Лѣтній вечеръ“. Сколько съ этими разнообразными переводами внесено было въ русскую литературу новыхъ образовательныхъ

¹⁾ Сочин. II, 388—389. ²⁾ Тамъ же, 76.

³⁾ Сочин. Бѣлинскаго, VIII, 204—205.

элементовъ. Правда, эти переводы сдѣланы были не совсѣмъ согласно съ подлинниками (подлинникъ въ нихъ часто съ пропусками, получилъ новыя вставки, языкъ довольно свободенъ), но отъ этого не теряется ихъ образовательное значеніе. Развиваютъ идеи, образы, чувства и стремленія, которыя составляютъ содержаніе литературныхъ произведеній, а не виѣшняя форма ихъ выраженія, какъ то языкъ и слогъ, которые далеко не такъ космополитичны и исполнѣ не могутъ быть переданы съ одного языка на другой. Нѣкоторые произведенія еще до сихъ поръ читаются въ переводѣ Жуковского, не смотря на то, что они сдѣланы не съ подлинника, какъ напр. такое классическое произведеніе, какова „Одиссея“ и восточныя произведенія „Наль и Дамаянти“ и „Рустемъ и Шорабъ“. Другаго перевода мы до сихъ поръ еще не имѣемъ. Ни одинъ изъ русскихъ писателей и поэтовъ не владѣлъ такимъ удивительнымъ искусствомъ переводить на русскій языкъ произведенія иностранныхъ литературъ, какъ Жуковский. Онъ умѣлъ постигнуть исполнѣ духъ и характеръ писателя, воспринималъ въ свою душу его идеи, мысли и чувства и до того проникался переводимымъ сочиненіемъ, что переводъ его дѣлался какъ бы его собственнымъ сочиненіемъ. Переводчикъ-стихотворецъ есть въ нѣкоторомъ смыслѣ самъ оригинальный творецъ. Конечно, первая мысль, на которой основано знаніе стихотворное и планъ этого знанія, принадлежить не ему; но онъ остается творцемъ выраженія. Онъ не найдетъ выраженій автора оригинальнаго въ собственномъ своемъ языкѣ; ихъ долженъ онъ сотворить. А сотворить ихъ можетъ только тогда, когда, наполнившись идеаломъ, представляющимъ ему въ твореніи переводимаго имъ поэта, преобразить его, такъ сказать, въ созданіе собственнаго воображенія, когда, руководствуясь авторомъ оригинальнымъ, повторитъ съ начала до конца работу его генія. Но эта способность дѣйствовать одинаково съ творческимъ геніемъ не есть-ли сама по-себѣ ужъ творческая способность?

Что касается оригинальныхъ сочиненій Жуковского, то возвышенный строй его поэзіи, глубокаго релігіозный, христіанскій идеализмъ, которымъ они пропитаны, имѣли несомнѣнно благотворное вліяніе и были необходимы для тогдашняго русскаго общества, страдавшаго отъ матеріализма, внесеннаго въ него французскою литературою. Въ 1826 году Пушкинъ въ надписи къ портрету Жуковского такъ охарактеризовалъ его поэзію:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль.
И, внемля имъ, вздохнетъ о славіи младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

Всѣ эти свойства, дѣйствительно, есть въ поэзіи Жуковского, и они-то благотворно дѣйствовали на читающую публику.

Въ кругу современныхъ писателей Жуковский былъ настоящимъ классическимъ Несторомъ, мудрымъ совѣтникомъ, утѣшителемъ во всякомъ несчастіи, радующимся всякому новому таланту и поддерживающимъ упадающія силы. Когда Пушкинъ окончилъ свою поэму „Русланъ и Людмила“, онъ подарилъ ему свой портретъ и написалъ на немъ: „ученику побѣдителя отъ побѣжденнаго учителя, въ высокочестивый день окончанія Руслана и Людмилы“. Въ 1820 году Жуковский явился заступникомъ за Пушкина, когда его сослали въ Одессу. Жуковский долго возился съ Пушкинымъ, когда онъ въ Михайловскомъ разсорился съ отцемъ; онъ же описалъ послѣднія минуты жизни Пушкина. Когда въ 1824 году Батюшковъ сошелъ съ ума, Жуковский оказалъ необыкновенное участіе, возилъ его въ Дерптъ, потомъ за-границу въ Дрезденъ, въ Зонненштейнскую больницу. Письма Жуковского свидѣтельствуютъ, какъ заботила его судьба бѣднаго поэта. Семейство Тургеневыхъ, весьма близкое къ Жуковскому, замѣшано было въ общество декабристовъ. Жуковский возилъ въ Парижъ Сергія Тургенева, который, узнавъ о судьбѣ братьевъ, сошелъ съ ума. Жуковский ходатайствовалъ за Николая Ивановича Тургенева, который хотя былъ не виновенъ, но уклонился отъ суда, убѣжавъ въ Лондонъ. 15-лѣтній Баратынский въ Царскомъ корпусѣ былъ втянутъ товарищемъ въ дурное дѣло и былъ исключенъ съ тѣмъ, чтобы никуда не принимать, какъ въ солдаты: онъ написалъ письмо къ Жуковскому, и по его ходатайству былъ произведенъ въ офицеры. Когда Козловъ лишился зрѣнія, Жуковский ухаживалъ за нимъ, помогалъ его семьѣ, и похоронилъ его, какъ искренняго друга. Доброта въ Жуковскомъ соединялась съ незлобіемъ. Мы указали выше на комедію Шаховскаго: „Липецкія воды“, въ которой Жуковский представленъ былъ въ смѣшномъ видѣ балладника Фіалкина. Тогда какъ друзья его глубоко возмущались этою дерзостію, онъ отнесся къ ней спокойно и добродушно. „Здѣсь (въ Петербургѣ) есть авторъ, князь Шаховскій. Извѣстно, что авторы не охотники до авторовъ. И онъ поэтому не охотникъ до меня. Вздумалъ онъ написать комедію и въ этой комедіи смѣяться надо мною. Друзья за меня вступились. Теперь страшная война на Парнасѣ. Около меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше было бы, когда бы всѣ молчали.... Всѣ эти глупости еще болѣе привязываютъ къ поэзіи, которая независима отъ близорукихъ судей и довольствуется сама собою.... Бѣда писателю, если у него душа доступна для оскорбленій глупцовъ и невѣждъ. Я благодаренъ этому глупому случаю; онъ болѣе познакомилъ меня съ самимъ собою. Я теперь знаю, что я люблю поэзію для нея самой, а не

для почестей, и что комары парнасскіе меня не укусят никогда слишкомъ больно“ ¹⁾).

Словесныя формы Жуковскаго согласны съ внутреннимъ содержаніемъ его произведеній. Въ романтическихъ произведеніяхъ, выражающихъ разныя чувствованія и ощущенія, какъ бы въ соотвѣтствіе ихъ романтическому строю, стихъ его отличается легкостью и музыкальностью: по мѣткому выраженію Гоголя, онъ „бестѣлесенъ, какъ видѣніе“; „порхаетъ какъ неясный звукъ Фоловой арфы“. Жуковский любилъ писать бѣлыми стихами, или стихами безъ рима. Пушкинъ вначалѣ былъ недоволенъ и посмѣивался надъ такими стихами, но въ послѣдствіи вполне оцѣнилъ ихъ и даже самъ писалъ такими стихами. О Жуковскомъ еще въ 1825 году Пушкинъ говорилъ: „я не слѣдствіе, а только ученикъ его, и только тѣмъ и беру, что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществоѣ и разнообразіи слогу его... Переводы избаловали его, излѣпили: онъ не хочетъ самъ создавать“. Когда на Жуковскаго напали, говоря, что его пѣсньи уже спѣта, Пушкинъ защищалъ его: „Зачѣмъ кусать намъ грудь своей кормилицы, потому что зубки прорѣзались“, сиракивалъ онъ. „Что ни говори, Жуковский имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности, и къ тому же переводный слогъ его останется навсегда образцовымъ“.

К. В. БАТЮШКОВЪ.

Современникомъ Жуковскаго былъ Батюшковъ ²⁾, другой предшественникъ Пушкинской эпохи. Это была личность чрезвычайно да-

¹⁾ Изъ письма на родину 1815, въ «Рус. Архивѣ» 1864 г.

²⁾ 1-е изданіе сочиненій Батюшкова вышло въ 1817 г. Сиб.: «Опыты въ стихахъ и прозѣ». 2 части. 2-е изд.: «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Сиб. 1834. 2 части. 3-е изд. — Смирдина въ 1850 г. Въ 1857 г. сочиненія Батюшкова прекрасно изданы братомъ его Н. Н. Батюшковымъ, съ обширною и превосходною статьею о жизни и сочиненіяхъ Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. Н. Сантовымъ. Том. 1—3. Сиб. Въ этой статьѣ и примѣчаніяхъ заключается цѣлая монографія, въ которую не только входитъ самая обстоятельная и подробная біографія поэта и обзоръ его сочиненій, но и описывается вся литературная эпоха царствованія Александра I, къ которой относится поэтическая дѣятельность Батюшкова, со всѣми писателями, бывшими современниками Батюшкова, и при этомъ характеризуется ихъ личность, направленіе и главныя сочиненія. Очеркъ личности и поэзіи Батюшкова. Рѣчь академика Я. К. Грота на юбилей Батюшкова. Характеристика Батюшкова, какъ поэта. Рѣчь Л. Н. Майкова. Напечатаны въ Запискахъ Академіи Наукъ, томъ LVI. 1858.

ровитая, но, къ сожалѣнію, погибшая преждевременно. Очень рано и быстро Батюшковъ приобрѣлъ извѣстность, но рано также и неожиданно кончилась его литературная дѣятельность: онъ скоро впалъ въ неизлѣчимую душевную болѣзнь, перешедшую въ помѣшательство, и въ этой болѣзни скончался, проживши до 68 лѣтъ. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ родился 18 мая 1787 г. въ Вологдѣ, откуда происходила мать его Александра Григорьевна Бердяева; отецъ же его Николай Львовичъ былъ родомъ изъ старинной фамиліи дворянъ Батюшковыхъ, которые еще въ XVI в. владѣли помѣстьями въ Новгородской области. Мать Батюшкова, чрезъ нѣкоторое время по рожденіи его, лишилась разсудка и умерла въ 1795 г. Можно поэтому думать, что болѣзнь поэта была наслѣдственная; по крайней мѣрѣ самъ Батюшковъ, зная это обстоятельство, глубоко пораженъ былъ смертью матери и часто говорилъ о ней въ своихъ письмахъ къ роднымъ. Отецъ Батюшкова, какъ все русскіе дворяне тогдашняго времени, воспитался на французской литературѣ и философіи XVIII вѣка и имѣлъ у себя большую библіотеку; французская библіотека отца послужила и основаніемъ образованія Батюшкова-сына. Послѣ домашняго воспитанія онъ былъ отданъ въ одинъ французскій пансіонъ (Жакينو) въ Петербургъ, гдѣ все преподаватели были иностранцы, кромѣ учителей Закона Божія и русскаго языка; слѣд. и образованіе совершалось также какъ и домашнее воспитаніе, въ томъ же иностранномъ духѣ, на той же французской литературѣ. Когда Батюшкову было только еще 14 лѣтъ, онъ писалъ своему отцу, чтобы онъ выслалъ ему въ Петербургъ „Кандида“ Вольтера и сочиненія Мерсье. Послѣ Вольтера изъ французскихъ поэтовъ, кажется, всего болѣе имѣли вліянія на Батюшкова сочиненія Парни — самаго моднаго въ то время поэта, пѣвца веселости и пріятностей жизни, представителя и образца легкой поэзіи. Позднѣе онъ познакомился съ „Опытами“ Монтани, также съ эпикурейскимъ міросозерцаніемъ. Еще въ пансіонѣ онъ началъ заниматься итальянскимъ языкомъ и увлекался Петраркой, Аріосто, и особенно Тассомъ, который сдѣлался его любимымъ поэтомъ. Дальнѣйшее образованіе и развитіе Батюшкова происходило въ домѣ его дяди, Михаила Никитича Муравьева, бывшаго почетнымъ Московскаго университета и товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Муравьеву онъ обязанъ воспитаніемъ своего нравственнаго характера, знакомствомъ съ древними классическими писателями и своимъ литературнымъ направленіемъ. Въ домѣ Муравьева онъ рано былъ введенъ въ кругъ лучшихъ поэтовъ и писателей того времени и приобрѣлъ дружбу такихъ людей, какъ Дмитріевъ, А. И. Тургеневъ, Карамзинъ, Жуковский, Нелединскій-Мелецкій, Гнѣдичъ, Крыловъ и кн. Вяземскій. У Муравьева же, подъ его начальствомъ, въ департаментѣ министерства народнаго

просвѣщенія началась первоначально и служба Батюшкова. Здѣсь товарищами его были: П. П. Пнинъ, Д. Н. Языковъ, Н. И. Гнѣдичъ, И. И. Мартыновъ. Самымъ близкимъ его другомъ, участникомъ всѣхъ радостей и горестей его жизни, былъ Гнѣдичъ. Послѣ Батюшковъ перешелъ въ военную службу и оставался на ней 10 лѣтъ. Во время войны 1807 года, въ Гейльсбергскомъ сраженіи онъ былъ раненъ въ ногу; въ 1808 г. во время войны со Швеціей онъ былъ въ Финляндіи, былъ пораженъ ея своеобразной природою и тогда же задумалъ написать Очеркъ Финляндіи; въ это же время онъ познакомился съ Н. А. Петинымъ, который отличался необыкновенною симпатичностію характера и имѣлъ такое же вліяніе на Батюшкова, какъ Петровъ на Карамзина. Въ 1812 г. Батюшковъ занялъ должность хранителя манускриптовъ Императорской публичной бібліотеки. Когда началась отечественная война, Батюшковъ, по чувству патріотизма, хотѣлъ отправиться на войну, но болѣзнь удержала его дома. Во время войны всѣ прежніе поклонники французскаго образованія были проникнуты негодованіемъ противъ французовъ. „И слишкомъ живо чувствую обѣдствія, нанесенныя любезному нашему отечеству, писалъ Батюшковъ къ Гнѣдичу въ октябрѣ 1812 г., чтобы на минуту быть спокойнымъ. Ужасные поступки Вандаловъ, или Французовъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, поступки, безпримѣрные и въ самой исторіи, вовсе разстроили мою маленькую философію и поссорили меня съ человѣчествомъ“..... „Какъ нѣкогда, говоритъ Л. Н. Майковъ, ужасы французской революціи поколебали гуманныя убѣжденія юноши Карамзина и заставили его воскликнуть: „Вѣкъ просвѣщенія, не узнаю тебя, въ крови и пламени не узнаю тебя, среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя“, такъ теперь Батюшковъ отступался отъ своихъ прежнихъ сочувствій и идеаловъ. Та самая французская образованность, подъ вліяніемъ которой онъ воспитался, представлялась ему теперь ненавистною. „Варвары, Вандалы!“ И этотъ народъ изверговъ осмѣлился говорить о свободѣ, о философіи, о человѣколюбіи! И мы до того были ослѣплены, что подражали имъ, какъ обезьяны“ ¹⁾. Когда Батюшковъ почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни, то отправился на войну и въ должности адъютанта при Раевскомъ участвовалъ въ Бѣльскомъ и Лейпцигскомъ сраженіяхъ въ 1813—1814 гг.; но, обойденный наградою за службу, въ 1816 г. онъ снова вышелъ въ отставку. Во время военныхъ походовъ онъ былъ въ Германіи, въ Парижѣ, Лондонѣ и Швеціи. Въ Германіи онъ познакомился съ нѣмецкой поэзіей. Воспитанный на французской литературѣ, онъ до сихъ поръ не зналъ ни

¹⁾ У Майкова I, 160—161. III, 210.

романтической поэзіи, ни поэзіи Гёте и Шиллера: восхищаясь стихами Жуковского, онъ осуждалъ выборъ ихъ содержанія, особенно смѣялся надъ его балладами. „У тебя, говорилъ онъ ему, воображеніе Мильтона, а ты пишешь баллады“; теперь онъ познакомился съ нѣмецкой поэзіей и особенно полюбилъ Шиллера. Но всего усерднѣе онъ занимался итальянской поэзіей. Онъ увлекался ею до страсти. Въ статьѣ „Аріосто и Тассъ“ объ итальянскомъ языкѣ онъ пишетъ: „Ученіе итальянскаго языка имѣетъ особенную прелесть. Языкъ гибкій, звучный, сладостный, языкъ, воспитанный подъ счастливымъ небомъ Рима, Неаполя и Сициліи, среди бурь политическихъ, и потомъ при блестящемъ дворѣ Медичисовъ, языкъ, образованный великими писателями, лучшими поэтами, мужами учеными, политиками глубокомысленными—этотъ языкъ сдѣлался способнымъ принимать всѣ вѣлы и формы. Онъ имѣетъ характеръ, отличный отъ другихъ новѣйшихъ нарѣчій и коренныхъ языковъ, въ которыхъ менѣе или болѣе примѣтна суровость, глухіе или дикіе звуки, медленность въ выговорѣ и нѣчто, принадлежащее сѣверу. Великіе писатели образуютъ языкъ: они даютъ ему нѣкоторое направленіе, они оставляютъ на немъ неизгладимую печать своего генія: но обратно, языкъ имѣетъ вліяніе на писателей“¹⁾. Уваженіе къ итальянскому языку доводило Батюшкова до грубой, обидной несправедливости къ русскому языку. Въ письмѣ къ Гнѣдичу въ 1811 г. онъ говоритъ: „Отгадайте, на что я начинаю сердиться? На что? На русскій языкъ и на нашихъ писателей, которые съ нимъ немилосердно поступаютъ. И языкъ-то самъ по себѣ плоховать, грубенець, пахнетъ татарщиной. Что за *ы*? Что за *иц*? Что за *ш*, *шій*, *ицій*, *при*, *тры*? О варвары! А писатели? Но Богъ съ ними! Извини, что я сержусь на русскій народъ и на его нарѣчіе. Я сію минуту читалъ Аріосто, дышалъ чистымъ воздухомъ Флоренціи, наслаждался музыкальными звуками авзонійскаго языка и говорилъ съ тѣнями Данта, Тасса и сладостнаго Петрарка, изъ устъ котораго что слово, то блаженство“²⁾. Въ другомъ письмѣ къ Гнѣдичу въ 1817 г. онъ также отзывается о русскомъ языкѣ: „И я смѣшенъ, по совѣсти; не похожъ ли я на слѣпаго нищаго, который, услышавъ прекраснаго виртуоза на арфѣ, вдругъ вздумалъ воспѣвать ему хвалу на волынкѣ, или балалайкѣ? Виртуозъ—Тассъ, арфа—языкъ Италіи его, нищій—я, а балалайка—языкъ нашъ, жестокій языкъ, что ни говори“...³⁾. Памятникомъ его занятій итальянской литературой были его стихотворенія: „На смерть Лауры“ (изъ Петрарки), „Вечеръ“ (подражаніе Петраркѣ), „Радость“ (подражаніе Касти), „Счастливецъ“ (тоже подражаніе Касти),

¹⁾ Сочин. томъ II, 149. ²⁾ III, 164—165. ³⁾ III, 457.

элегія „Умирающій Тассъ“: подражаніе Аріосту: „Изступленіе Орланда“ (конецъ пѣсни XXIII-й и начало XXIV п.) ¹⁾; изъ Тасса: „Олимпъ и Софронія“ (отрывокъ изъ II-й пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“) ²⁾ и прозаическія: „Гризельда“ (повѣсть изъ Боккачіо) ³⁾. „Петрарка“ ⁴⁾. „Аріостъ и Тассъ“ ⁵⁾.

Страданія отъ раны, плохое вознагражденіе за службу, смерть друга Петина, который былъ убитъ подъ Лейпцигомъ, и особенно несчастная любовь къ дѣвицѣ Фурманъ производили въ Батюшковѣ постоянное и сильное душевное волненіе, которое разрѣшилось сильнымъ нервнымъ разстройствомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ произошелъ какой то нравственный переворотъ. Живой и веселый, онъ сдѣлался печаленъ, мраченъ и необщителенъ: въ сужденіяхъ своихъ началъ высказывать воззрѣнія, совершенно противоположныя прежнимъ воззрѣніямъ. Крайній космополитъ до того, что смѣялся палъ людьми, занимающимися русскою исторіей, онъ сталъ патріотомъ и началъ разсуждать о національномъ развитіи. Атеистъ и матеріалистъ, онъ началъ говорить о вѣрѣ, объ откровеніи. Теперь онъ вполне понималъ идеализмъ Жуковскаго, который прежде ему не нравился: теперь самъ Жуковский сдѣлался для него идеаломъ и типомъ литературнаго дѣятеля. Этотъ нравственный переворотъ вполне выразился въ его піесѣ:

„Мой духъ, довѣренность къ Творцу!...“.

Въ 1819 г. Батюшковъ поступилъ въ число членовъ посольства въ Венецію. Въ Италію, страну Петрарки, Боккачіо и Тасса, къ которымъ онъ питалъ особенное сочувствіе, уже давно стремился всѣ мысли поэта. Поэтому надѣялись, что онъ здѣсь успокоится и начнетъ работать. Карамзинъ писалъ ему въ Неаполь: „Надѣюсь, что теперь уже замолкли ваши жалобы на здоровье.... Сохрани васъ Богъ еще хвалить лѣнь, хотя бы и прекрасными стихами“. Но Батюшковъ не успокоился; въ это время онъ былъ уже совершенно разстроенъ душевно и потому не могъ долго оставаться въ Неаполѣ. Недовольство и нервное раздраженіе все болѣе и болѣе усиливались и наконецъ перешли въ совершенное умопомѣшательство. 1820—21 годы были послѣдними годами его поэтической дѣятельности. Послѣднимъ стихотвореніемъ его было: „Прзреченіе Мелхиседека“, въ которомъ отразилась его безотрадная философія. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ излечить его, родные перевезли его въ Вологду, гдѣ онъ и жилъ до 1855 г., ни разу не приходя въ полную память. Въ свое время много говорили о причинахъ умопомѣшательства Батюшкова: по свидѣтельству доктора, лечившаго его, главная причина болѣзни заключа-

¹⁾ Сочин. томъ II, 273. ²⁾ II, 262. ³⁾ II, 250. ⁴⁾ II, 159. ⁵⁾ II, 149.

лась въ самой натурѣ Батюшкова, унаслѣдовавшаго еще отъ своихъ родителей предрасположеніе къ ней; а преобладаніе воображенія надъ разумомъ и другими силами души и нѣкоторыя случайности и обстоятельства жизни, раздражавшія поэта, способствовали быстрому развитію болѣзни.

Чрезвычайная даровитость Батюшкова заставляла ожидать отъ него гораздо болѣе, чѣмъ сколько онъ успѣлъ сдѣлать. Его поэтическая дѣятельность продолжалась недолго и онъ написалъ сравнительно очень немного; содержаніе его произведеній также не отличается особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ: у него не успѣло сложиться какое-нибудь твердое опредѣленное міросозерцаніе. Но у Батюшкова была изящная и чуткая ко всему изящному художественная натура. Любовь ко всему прекрасному въ явленіяхъ природы и произведеніяхъ искусства, симпатія къ любви и дружбѣ и всѣмъ возвышеннымъ и благороднымъ стремленіямъ — составляютъ главные темы его стихотвореній. „Надобно, говорить онъ въ своей записной книжкѣ, чтобы въ душѣ моей никогда не погасала прекрасная страсть къ прекрасному, которое столь привлекательно въ искусствахъ и въ словесности, но не должно пресытиться имъ. Все-му есть мѣра. Творенія Расина, Тасса, Виргилія, Аріоста плѣнительны для новой души; счастливъ — кто умѣетъ плакать, кто можетъ лить слезы умиленія въ 30 лѣтъ. Гораций просилъ, чтобы Зевесъ прекратилъ его жизнь, когда онъ учинится безчувственъ ко звукамъ лиръ. Я очень его понимаю молитву“....¹⁾. При такой художественной натурѣ все, что ни выходило изъ его головы, что попадало подъ его перо, отличается необыкновеннымъ изяществомъ формы и выраженія. Красота и совершенство формы, чистота и правильность языка, разнообразіе и гармонія стиха, вообще художественность стиля составляютъ главное достоинство его стихотвореній.

Большая часть стихотвореній Батюшкова принадлежать къ такъ называемой легкой поэзіи, къ антологическому роду и составляютъ переводы и подражанія древнимъ и новымъ поэтамъ. Антологическій родъ, къ которому причисляются разныя мелкія формы лирической или лучше дидактической поэзіи, шутки, остроты, эпиграммы, краткія піэсы эротическаго, элегическаго и сатирическаго характера, ведетъ свое начало отъ классической древности и преимущественно отъ классической римской поэзіи. Возникнувъ еще въ Греціи при Анакреонѣ и Сафо, и въ эпоху александрійскую, онъ получилъ особенное развитіе въ Римѣ въ эпоху Августа, когда господствовалъ такъ называемый эпикуреизмъ, когда, при страш-

¹⁾ Чужое — мое сокровище. Записная книжка, II. 309—310.

ной испорченности нравовъ, главною задачею жизни поставили *carpe diem*, а высшимъ ея идеаломъ—веселое препровожденіе времени въ сообществѣ съ разными Деліями, Хлоями и проч. Во время господства классицизма, вмѣстѣ съ другими поэтическими формами былъ перенесенъ въ европейскую поэзію и родъ антологическій. Онъ особенно пришелся по вкусу французамъ въ вѣкъ Людовика XIV, а потомъ въ эпоху энциклопедистовъ, когда направленіе въ правахъ образованнаго общества было одинаково съ состояніемъ нравовъ въ эпоху Августа. Вмѣстѣ съ формами античной классической поэзіи были усвоены и античныя воззрѣнія, или тотъ изящный эпикурензмъ, который составляетъ основу и содержаніе всѣхъ антологическихъ стихотвореній. Пріятная и остроумная бесѣда въ обществѣ образованныхъ друзей: веселое наслажденіе жизнью съ чашею въ рукахъ среди женщинъ, радости любви счастливой и печали и страданія любви несчастной—составляли главныя занятія молодыхъ и старыхъ людей и главныя темы антологическихъ стихотвореній. Французы, при свойственномъ имъ остроуміи и веселости характера, усовершенствовали этотъ родъ; онъ получилъ у нихъ названіе легкой поэзіи, летучихъ стихотвореній, *les poesies fugitives*. Въ римской поэзіи образцами этого рода были стихотворенія Горация, Тибулла и Катулла, во Франціи стихотворенія Вольтера, Парни и др. У Вольтера очень много сходнаго съ Горациемъ не только въ приемахъ и формахъ, но и въ самомъ міросозерцаніи. Въ русской литературѣ антологическая поэзія явилась очень рано: уже у Державина и его современниковъ мы встрѣчаемъ подражанія Анакреону, Горацию, Овидію и другимъ. Для Батюшкова образцами служили тѣ же Гораций и Тибуллъ, а изъ французовъ Вольтеръ и Парни.

Эпикурейское міросозерцаніе Батюшкова выразилось особенно въ слѣдующихъ піесахъ: „Совѣтъ друзьямъ“, „Веселый часъ“ и „Мои пенаты“. Въ первой піесѣ онъ говоритъ:

Когда счастливо жить хотите
Среди весеннихъ краткихъ дней,
Друзья, оставьте призракъ славы,
Любите въ юности забавы
И сѣйте розы на пути!
.....
Когда жизнь наша скоротечна,
Когда и радость здѣсь не вѣчна,
То лучше въ жизни пѣть, плясать,
Искать веселья и забавы
И мудрость съ шутками мѣшать.
Чѣмъ, бѣгая за дымомъ славы,
Отъ скуки и заботъ зѣвать¹⁾.

¹⁾ Сочин. I, 36—38.

Тотъ же совѣтъ повторяется и въ піесѣ „Веселый часъ“.

Други, сядьте и внимлите
Музы ласковой совѣтъ.
Вы счастливо жить хотите
На зарѣ весеннихъ лѣтъ?
Отгоните призракъ славы,
Для веселья и забавы
Сѣйте розы на пути!
Скажемъ юности: лети,
Жизнью дай лишь насладиться,
Полной чашей радость пить!
Ахъ, не долго веселиться
И не вѣки въ счастья жить! ¹⁾

Піеса „Мои пенаты“ написана въ формѣ посланія къ Жуковскому и Вяземскому. Здѣсь описывается идеаль поета въ уединенной сельской жизни:

Отечески пенаты,
О пѣтуны мои!
Вы златомъ не богаты,
Но любите свои
Поры и темны кельи...
.....
О лары, уживитесь
Въ обители моей,
Поэту улыбнитесь—
И будетъ счастливъ въ ней!...
.....
Безъ злата и честей
Доступенъ добрый геній
Поэзіи святой,
И часто въ мирной сѣни
Бесѣдуетъ со мной.
Небесно вдохновенье,
Порывъ крылатыхъ думъ!

Поэту представляется, что тѣни славныхъ древнихъ и новыхъ поэтовъ русскихъ воздушной толпой слетаются къ нему бесѣдовать.

Что вижу? Ты предъ ними,
Парнаскій исполинъ ²⁾,
Цѣвецъ героевъ славы,
Въ слѣдъ вихрямъ и громамъ,
Нашъ лебедь величавый,

---

¹⁾ Сочин. I, 95.

²⁾ Ломоносовъ.

Плынешь по небесамъ!
 Въ толпѣ и музъ, и грацій,
 То съ лирой, то съ трубой
 Нашъ Пиндаръ, нашъ Гораций
 Сливаетъ голосъ свой ¹⁾;
 Онъ громокъ, быстръ и силенъ,
 Какъ Суна средь степенъ,
 И нѣженъ, тихъ, умиленъ,
 Какъ вешній соловей.
 Фантазіи небесной
 Давно любимый сынъ,
 То повѣстью прелестной
 Плѣняетъ Карамзинъ,
 То мудраго Платона
 Описываетъ намъ,
 И ужинъ Агатона.
 И наслажденъ храмъ,
 То древню Русь и нравы
 Владиміра времятъ,
 И въ колыбели славы
 Рожденіе Славянъ.
 За ними сильфъ прекрасной,
 Воспитанникъ харитъ,
 На цитрѣ сладкогласной
 О Душенькѣ бренчить ²⁾,
 Мелецкаго съ собою
 Улыбкою зоветъ,
 И съ нимъ, рука съ рукою,
 Гимнъ радости поетъ!
 Съ Эротами играя,
 Философъ и пѣтъ,
 Близъ Федра и Пильпая
 Тамъ Дмитріевъ сидитъ:
 Бесѣдуя съ звѣрями,
 Какъ счастливый дитя,
 Парнаасскими цвѣтами
 Скрылъ истину шути,
 За нимъ въ часы свободы
 Поютъ среди пѣвцовъ
 Два баловня природы,
 Хемницеръ и Крыловъ.
 . . . . .
 Друзья мои сердечны,
 Придите въ часъ безпечный

¹⁾ Державинъ.

²⁾ Богдановичъ.

Мой домикъ навѣстить.
 Поспорить и поинить!
 Слези печали бремя.
 Жуковский добрый мой!
 Стрѣлою мчится время.
 Веселіе стрѣлой!
 Позволь же дружбѣ слезы
 И горестъ уладить
 И счастья блескъ розы
 Эротомъ оживить.
 О Вяземскій, цѣтами
 Друзей твоихъ вѣнчай!
 Даръ Вакха передъ нами:
 Вотъ кубокъ, наливай!
 Потомецъ музъ надежный,
 О Аристиновъ внукъ,
 Ты любишь пѣсни пѣжны
 И рюмокъ звонъ и стукъ!
 . . . . .
 И всѣ заботы славь,
 Суетъ и шумъ, и блажь
 За быстрый мигъ забавы
 Съ коллонами отдашь!¹⁾

Такія мысли и чувства эпикуреизма выражаются и въ другихъ стихотвореніяхъ Батюшкова, напр. въ двухъ посланіяхъ къ Гнѣдичу, въ посланіяхъ къ Жуковскому, Вяземскому, Дашкову. Но съ тѣхъ поръ, какъ начала усиливаться болѣзнь Батюшкова и въ немъ произошелъ указанный выше нравственный переворотъ, веселый элементъ въ его поэзіи уступаетъ мѣсто элегическому: слышится тоска, недовольство, разочарованіе въ жизни, горькое сознаніе разлада между идеалами и дѣйствительностью, наконецъ глубокое страданіе и даже отчаяніе. Иногда элегія Батюшкова выражаетъ общія чувства недовольства окружающею средою, а иногда присоединяется къ какому-нибудь случаю и обстоятельству, иногда относится къ лицамъ дѣйствительнымъ, историческимъ, литературнымъ типамъ, Тассу, Рене Шатобріана, иногда пишется подъ вліяніемъ Оссіана. Таково посланіе къ Дашкову, написанное послѣ пожара Москвы 1812 г.

Мой другъ, я видѣлъ море зла
 И неба мстительнаго кары,
 Враговъ неистовыхъ дѣла,
 Войну и гибельны пожары;

¹ Сочин., I, 131—140.

Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубинахъ издранныхъ,
Я видѣлъ блѣднѣхъ матерей.
Изъ милой родины изгнанныхъ;
Я на распутии видѣлъ ихъ.
Какъ, къ переямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трижды съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустощенной,
Среди развалинъ и могилъ.
Трижды прахъ ея священной
Слезами скорби смочилъ.

. . . . .
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груди тѣхъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдныя щечки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!..
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ цѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей молодость.
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицъ
На голосъ мирнаго нѣвняща
Сзывать пастухекъ въ хороводъ..
. . . . .
Пѣть, пѣть, талантъ поэзии мой
И дѣла, дружбы драгоцѣнна.
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отензны край златой! ¹⁾

Элегія „Тѣбѣ друга“ написана въ 1814 г. въ воспоминаніе о другѣ и товарищѣ, убитомъ подъ Лейпцигомъ. Петинъ былъ для Батюшкова тѣмъ же, чѣмъ Петровъ для Карамзина.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона.
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утоналъ,
За кораблемъ вилася гальціона,
И тихій плась ея плывцовъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ
И кормчаго на палубѣ зыванье
Ко стражѣ дремлющей подъ говоромъ валовъ,
Все сладкую задумчивость питало.

¹⁾ Сочин., I. 151—153.

Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Сбѣтила сфера любезнаго неба.
Вся мысль моя была въ воспоминанъ
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли,
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣды томное забвенье навели.
Мечты смѣнялися мечтами
И вдругъ.. То былъ ли сонъ?... Предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію надъ Плейскими струями.

.....
«Ты ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней,
Ты ль это?»—я вскричалъ—«е вѣно вѣчно милой!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллонинныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твоей подвигъ начерталъ
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами? ...¹⁾»

Въ посланіи къ Тассу изображается стратальческая судьба
Тасса и величіе его, какъ поэта:

Позволь, священна тѣнь, безвѣстному пѣцу
Коснуться къ твоему безсмертному вѣицу
И сладость пѣнія твоей ахонской музы,
Достойной береговъ прозрачной Аретузы,
Рукою слабою на лирѣ цвѣторать
И новымъ языкомъ съ тобою говорить.
.....
Торжато, что пѣнилъ всѣ горы я оравы
Печалей и любви и въ храмъ безсмертной славы,
Ведомы музами, въ дни юности проникъ,
Тотъ преждевременно несчастливъ и великъ!
Ты пѣлъ, и весь Нарнасъ въ восторгѣ пробужился,
Въ Феррару съ музами Фебъ юныи ниспустился,
Назону тебѣ онъ лиру самъ вручилъ
И геній крыльями безсмертья ослилъ.²⁾

Это посланіе Батюшковъ хотѣлъ начеать въ заглавіи къ
переводу „Освобожденнаго Іерусалима“ Тасса, который онъ на-
чалъ по совѣту Каллпста: но успѣлъ перевести только отры-
вокъ изъ первой пѣи, изображающій рѣчь Петра Пустынника

¹⁾ Сочин. I, 136—135.

²⁾ Сочин., I, 50—54.

въ совѣтъ и избраніе возлемъ, по его предложенію, герцога Готфрида Бульонскаго. и отрывокъ изъ десятой пѣсни, гдѣ изображается очаровательный лѣсъ и приключенія въ пещь рыцаря Ринальда ¹⁾. Тасса Батюшковъ считалъ образцовымъ поэтомъ, ставилъ для себя идеаломъ. Извѣстна его элегія: „Умирающій Тассъ“, гдѣ онъ превосходно изобразилъ состояніе духа и судьбу Тасса, умирающаго наканунѣ увѣнчанія его вѣнцомъ въ Камитоліи:

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
.....
До Камитоліа отъ Тибровыхъ впадей,
Надъ стогами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
.....
Почто съ хоругвей течетъ въ молитвы домъ
Недѣлнкою апостоловъ намятъникъ?
Кому въ руцѣ его сей зноблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
Кому триумфъ?... Тебѣ, божественный цѣлень,
Тебѣ сей даръ, вѣнецъ Ерусалима!
И шумъ веселія достигъ до галы той,
Гдѣ борется съ ночвиною Торквато,
Гдѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой..... ²⁾.

Піесы: „Переходъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ 1-го января 1813 года“, „Переходъ черезъ Рейнъ“ въ 1814 г., „Разлука“ и „Плѣнный“ относятся къ заграничнымъ походамъ; въ послѣднихъ двухъ слышится вліяніе романтизма; онѣ и написаны въ формѣ романа. Романъ „Разлука“, начинающійся словами:

Гусарь, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ... ³⁾

написанъ въ 1814 г. Онъ былъ положенъ на поты и въ свое время постоянно расцѣвлялся. Романъ „Плѣнный“, начинающійся словами:

Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ
По бархатнымъ лугамъ,

¹⁾ Сочин., I, 55—64.

²⁾ Сочин., I, 253—258.

³⁾ Сочин., I, 181—182.

Гдѣ миртъ душистый разцвѣтаетъ,
 Склоняся къ ея водамъ,
 Гдѣ на горахъ роскошно зрѣетъ
 Янтарный виноградъ,
 Златой лимонъ на солнцѣ рдѣетъ.
 И яворы шумять...¹⁾

относится также къ 1814 г. Изображая тоску по родинѣ русскаго плѣнника въ Лионѣ, онъ отличается необыкновенною художественностію формы и стиха, пѣжностію и граціею чувства, и потому долго былъ самымъ любимымъ романсомъ. Только у Пушкина встрѣчаются такіе граціозные стихи.

Элегія „На развалинахъ замка въ Швеціи“ относится также къ 1814 г., когда Батюшковъ былъ въ Швеціи. Она написана по подражанію поэту Маттисону и содержитъ въ себѣ воспоминанія о древней скандинавской жизни и скандинавскихъ герояхъ. Она, очевидно, написана подъ вліяніемъ піесенъ Оссіана. Въ ней сѣтъ очень хорошія сѣверныя картины, характеризующія сѣверную природу.

. . . . .
 И здѣсь, на сихъ скалахъ, висящихъ надъ водою,
 Въ священномъ сумракѣ дубравы
 Задумчиво брожу и вижу предъ собою
 Слѣды протекшихъ лѣтъ и славъ...
 . . . . .
 Все тихо. Мертвыи сонъ въ обители глухой.
 Но здѣсь живетъ воспоминанье.
 И путникъ, опершись на камень гробовой,
 Вкушаетъ сладкое мечтанье²⁾.

По возвращеніи изъ за границы въ 1815 г., Батюшковъ написалъ піесу: „Странствователь и Домосѣдъ“, изображающую тогдашній его воззрѣніе и тогдашнее его настроеніе. Въ піесѣ представлена параллель между спокойною жизнію дома, въ своей семьѣ, и странствованіемъ по чужимъ землямъ. Два брата, Филалетъ и Клитъ, скромно жившіе въ предмѣстіи Лонна, получили вдругъ богатое наслѣдство, по смерти дяди.

«Какъ думаешь своей казной расположить?»
 Клитъ спрашивалъ у брата.
 «А я такъ домъ хочу купить
 И въ немъ тихохонько съ женою вѣкъ прожить
 Подъ сѣнью отчуждената».

¹⁾ Сочин. I, 183—185.

²⁾ Сочин., I, 189—193.

Но Филалетъ не доволенъ скромнымъ домашнимъ идеаломъ.
На вопросъ брата: чего же хочешь ты? онъ отвѣчаетъ:

«Я?... славенъ быть хочу». —
«Но чѣмъ?» «Какъ чѣмъ? Умомъ, дѣлами
И краспорѣчьемъ и стихами,
И мало-ль чѣмъ еще? Я въ Мемфисѣ полечу
Дѣлиться мудростью съ жрецами:
Зачѣмъ сей созданъ міръ? Кто правитъ имъ и какъ?
Гдѣ кончится земля? . . . . .
. . . . .
Я буду въ мудрости соперникъ Пифагора,
Въ Афинахъ обо мнѣ тогда заговорять»....

И онъ отправился путешествовать по разнымъ странамъ: но
того, о чемъ мечталъ, что онъ читалъ въ книгахъ, въ дѣйствитель-
ности совсѣмъ не находилъ. Плыя на кораблѣ по морю, онъ раз-
суждалъ:

«Да гдѣжь тритоны всѣ? гдѣ стан черенды?
Гдѣ скрылися онѣ съ тозней океаниды?
Я ни одной не вижу въ морѣ?»
И не увидѣлъ ихъ....

Но вотъ онъ достигъ Египта.

Уже онъ въ Мемфисѣ, въ обители чудесъ.
Уже въ святилище предъурести вступилъ,
Какъ мумія, сидитъ среди бородъ сѣдыхъ
И десять дней зѣваетъ
За поученьемъ ихъ
О жертвахъ каменной Иды,
Объ анисѣ-былѣ плъ грозномъ озиридѣ....
. . . . .
«Какія тлупости, какое заблужденіе!»

И онъ на первомъ кораблѣ отправился въ Бротону и явился
здѣсь къ одному мудрѣйшему изъ мудрецовъ.

«Ты мудрости ко мнѣ, мой сынъ, пришелъ учиться?»
У Грека старецъ спросилъ
Съ усмѣшкой хитрою. «Итакъ прошу садиться
И слушать пѣнье сферъ... Ты слышишь?» «Ничего!»
«А видишь ли въ девятомъ мірѣ
Духовъ, летающихъ въ эфирѣ?»
«И менѣе того!»
«Увидишь, попустишь ты года три, четыре
Да лѣтъ съ десятокъ помолчи»....

Побывавъ затѣмъ на Этнѣ, Филалетъ возвратился въ Грецію. Онъ обходилъ

Поля, селенія и грады,
Но счастья не находилъ
Подъ небомъ счастливымъ Эллады...

Дѣло дошло наконецъ до того, что онъ, всеѣмъ недовольный и истративъ все деньги, хотѣлъ броситься въ воду, но его спасъ одинъ старецъ, послѣдователь скептической философіи, и научилъ его этой философіи:

«Все призракъ....
Богатство, честь и власти,
Болѣзнь и нищета, несчастія и страсти.
И я, и ты, и цѣлый свѣтъ.
Все призракъ!»

Съ этой философіей онъ явился въ Афины и сталъ проповѣдывать её на афинской площади. Въ Афинахъ въ это время велись горячія рѣчи о войнѣ. Филалетъ высокопарнымъ тономъ возвѣстилъ, что

Аттикѣ война
Погибельна, вредна,
Потомъ вѣлѣвшихъ, ясно
Но пальцамъ доказано, что въ мирѣ быть опасно.
«Что-жъ дѣлать?»....
«Сомнѣваться!
Сомнѣнье мудрости есть самый зрѣлый плодъ.
Я вамъ советую, граждане, колебаться—
И не мириться, и не драться».

Народъ афинскій до того былъ разсерженъ этой рѣчью, что готовъ былъ броситься на оратора, и его защитилъ только случайно очутившійся на площади братъ его, Клитъ. Клитъ увелъ его къ себѣ, напоилъ, накормилъ и отогрѣлъ. Филалетъ успокоился, но не надолго.

Дней чрезъ пятькъ, не болѣ.
Наскуча видѣть все одноѣи то же поле,
Все тѣ же лица всякій день,
Нашъ Грекъ—повѣрите ль?—какъ въ клѣткѣ стесковался.

Не смотря на все убѣжденія Клита, онъ снова отправился странствовать, провѣдавъ отъ старыхъ грамотѣвъ,

Что въ мірѣ есть страна.
Гдѣ вѣчно царствуетъ весна.
За розами побрѣлъ... въ снѣга Гиперборею¹⁾.

Элегія Батюшкова, повидимому, написана въ подражаніе пѣснѣ Жуковскаго „Теонъ и Эсхинъ“. По крайней мѣрѣ, пріемъ и форма одинаковы: но по содержанію и характеру пѣснь различны, какъ вся поэзія Батюшкова отлична отъ поэзіи Жуковскаго. Въ ней нѣтъ идеальнаго, мечтательнаго, примиряющаго, успокоивающаго элемента, составляющаго существенный элементъ поэзіи Жуковскаго. „Въ то время, говоритъ Гоголь, какъ Жуковскій отрѣшаль нашу поэзію отъ земли и существенности и уносилъ ея въ область безтѣлесныхъ вилѣній, Батюшковъ, какъ бы нарочно ему въ отпоръ, сталъ прикрѣплять ея къ землѣ и тѣлу, выказывая всю очаровательную прелесть осязаемой существенности. Какъ тотъ терялся весь въ неясномъ для него самого идеальномъ, такъ этотъ весь потонулъ въ роскошной прелести видимаго, которое такъ ясно слышалъ и такъ сильно чувствовалъ. Все прекрасное во всѣхъ образахъ, даже и неслыханныхъ, онъ какъ бы силился превратить въ осязаемую вѣгу наслажденія. Онъ слышалъ, выражаясь его выраженіемъ „стиховъ и мыслей сладострастье“²⁾. Жуковскій полагалъ счастье не въ земномъ, тѣлесномъ, настоящемъ, а въ духовномъ, идеальномъ, въ надеждѣ на будущее; когда терялись земныя блага, оставалась надежда на будущее, которая и примиряла съ жизнію. Батюшковъ, напротивъ, все счастье поставлялъ въ наслажденіи земными благами, въ удовольствіяхъ и веселостяхъ: когда они сами исчезали, или притулялось наслажденіе ими, являлось пресыщеніе, скука, разочарованіе. И вотъ веселый, вызывающій къ наслажденію, элементъ въ поэзіи Батюшкова скоро исчезаетъ и, вмѣсто него, являются болѣзненные чувства скуки, жалобы, страданія, и вся поэзія, въ началѣ свѣтлая и радостная, оканчивается безотраднымъ, отчаяннымъ, рѣжущимъ диссонансомъ:

Ты помнишь, что изречь.
Прошайся съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Работъ родится человекъ.
Работъ въ могилу ляжетъ.
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ?³⁾

¹⁾ Сочин., I, 207—219.

²⁾ Сочин. Гоголя, изд. Кулиша. III, 448.

³⁾ Сочин. Батюшкова, I, 293.

Жуковский, глубоко уважая дарованія Батюшкова, растрачиваемыя въ разныхъ веселостяхъ, совѣтовалъ ему измѣнить жизнь

Любовь—святой хранитель,
Иль грозной истребитель
Душевной чистоты.
Отвергни сладострастья
Погибельны мечты,
И не восторговъ,—счастья
Въ прямой или любви:
Восторговъ изступленье—
Минутное забвенье;
Отринь ихъ, разорви
Лансы коварныхъ узы;
Друзья стыдливыхъ—музы;
Во храмъ священный ихъ
Престестницы записныхъ
Толпа войти страшится¹⁾.

Рѣзко выдѣляются изъ ряда другихъ стихотвореній Батюшкова два стихотворенія, отличающіяся сатирическимъ характеромъ: „Видѣнїе на берегахъ Леты“ и „Пѣвецъ въ Бесѣдѣ славянороссовъ“. Первое стихотвореніе составляетъ сатиру на современныхъ поэтовъ и писателей, написанную въ формѣ сповѣднія. Поэтъ рассказываетъ свой сонъ:

Вчера, Бобровымъ утомленный,
Заснулъ и видѣлъ чудный сонъ:
Какъ будто свѣтлые Аполлонтъ,
За что не знаю прогнѣвленный,
Поэтамъ нашимъ смерть изрекъ.
Изрекъ—и всѣ ушли мертвы
Невинны Аполлона жертвы.

Всѣ они пришли на берега Леты.

Межъ тѣмъ въ Элизіи священномъ,
Лавровымъ лѣсомъ осяненномъ,
Подъ шумомъ Касталійскихъ водъ,
Пѣвцовъ нечаянный приходъ
Узналъ почтенный Ломоносовъ,
Херасковъ, честь и слава Россовъ,
Честолюбивый Фебовъ сынъ,
Насмѣшникъ, грозный бичъ пороковъ,
Замысловатый Сумароковъ

---

¹⁾ Посланіе къ Батюшкову. Сочин. I. 240.

И, Мельпомены другъ, Княжичицъ.

.....
И ты тамъ былъ, наѣздникъ хилой,...
Трудолюбивый какъ пчела,
Отецъ стиховъ Тилемахиды!...

.....
И ты, о мой пѣвецъ незлобный,
Хемницерь, въ басняхъ безподобный!

На берега Леты Аполлонъ послалъ Эрмія, чтобы онъ произ-
велъ разборъ вновь прибывшихъ поэтовъ, которые

Идутъ толпой въ ущелья тѣсны
Къ рѣкѣ забвенія стиховъ.
Идутъ подъ бременемъ трудовъ;
Безгласны, блѣды приступаютъ.
Любезныхъ дѣтищей купаютъ...
И божье не вѣсть въ волнахъ.

Атскій судья, Миносъ, изрекаетъ приговоръ. Тутъ оказы-
ваются Мерзляковъ, Языковъ, Бобринъ, Глѣнка, Шихматовъ, князь
Шаликовъ, „русскія Сафы“, „академіи поэты росскіи“, Шишковъ
и его послѣдователи, славенофилы. Только у Крылова сочиненія
выплываютъ изъ Леты¹⁾.

Рѣзкія насмѣшки палъ писателями, естественно, должны бы-
ли возбудить негодованіе противъ Батюшкова. Онъ и самъ послѣ
сознавалъ грубость и неприличіе этой сатиры: онъ не согласился
включить её въ первый печатный сборникъ своихъ стихотвореній,
въ свои „Опыты“. Въѣдетъ съ современными писателями характе-
ризуются и старые писатели, но не столько мѣтко, сколько смѣ-
шно и забавно. Можно думать, что сатира эта послужила образ-
цемъ для сатиры Воейкова „Домъ гумаспедныхъ“.

Стихотвореніе: „Пѣвецъ въ Бесѣдѣ славянороссовъ“ пред-
ставляетъ народію на „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“ Жуков-
скаго; но Батюшковъ, разумеется, осмѣиваетъ въ немъ не Жуков-
скаго, у котораго онъ взялъ только одну форму и нѣсколько вы-
раженій, но Шишкова и его послѣдователей, издававшихъ „Бесѣду
любителей русскаго слова“. Стихотвореніе это было вызвано на-
паденіемъ Бесѣды на Карамзина и Озерова. Батюшковъ такъ былъ
раздраженъ противъ Шишкова, что не смотря на признанные всѣ-
ми въ 1812 г. заслуги его, вызвавшія впоследствии извѣстный
симпатичный отзывъ о немъ Пушкина, не устыдился выставить
Шишкова и славянскую Бесѣду въ самомъ смѣшномъ и глупомъ
видѣ. Пѣвецъ говорить:

¹⁾ Сочин., I. 76—86.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
 Вамъ слава, наши дѣды!
 Друзья, уже покойныхъ нѣтъ
 Ищцовъ среди Бесѣды!
 Ихъ вирши стили въ кладовыхъ
 Иль съѣдени мышами,
 Иль продаютъ на рынкѣ въ нихъ
 Салакунку съ сельдями.
 Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ:
 Мы всѣ для славы дышемъ,
 Равно зѣвъ въ прозѣ и въ стихахъ,
 Какъ Тредьяковскій, пишемъ¹⁾.....

Оба эти стихотворенія очень хорошо объясняютъ, до какой степени Батюшковъ могъ увлекаться въ крайности, и показываютъ, что въ угоду своему самолюбію и тщеславію онъ не щадилъ никого и ничего. Само собою разумѣется, что „Пѣвецъ“ казался слишкомъ рѣзокъ и жестокъ даже писателямъ, не принадлежавшимъ къ членамъ Бесѣды. Даже Пушкинъ, не любившій и самъ церемониться съ противниками, не одобрялъ Батюшкова за осмѣяніе Тредьяковского. Впрочемъ, нѣкоторые стихи въ сатирѣ, какъ думаютъ, принадлежатъ А. Е. Измайлову²⁾.

„Похвальное слово сну“ написано по подражанію разнымъ шуточнымъ похвальнымъ словамъ, которыя начало свое получили еще въ древнихъ литературахъ, а потомъ перешли въ европейскія литературы. Ближайшимъ образомъ оно составляетъ нѣкоторое подражаніе „Похвальной рѣчи наутѣ убивать время“ Крылова.

Наконецъ, послѣднимъ отдѣломъ стихотвореній Батюшкова надобно поставить переводы изъ классическихъ литературъ: переводъ 3-й Тибулловой элегіи изъ III-й книги; Тибуллова 10-я элегія изъ I-й книги (вольный переводъ) и подражанія древнимъ поэтамъ: Изъ греческой антологіи. Переводы эти сдѣланы не буквально и не съ подлинниковъ, а съ французскихъ вольныхъ переложений, но они все же хорошо изображаютъ древнюю жизнь и возрѣнія античнаго міра.

Изъ прозаическихъ статей, написанныхъ Батюшковымъ большею частію въ позднѣйшій періодъ его дѣятельности, замѣчательны: „Вечеръ у Кантемира“, „О вліяніи легкой поэзіи на языкъ“, „Письмо къ И. М. Муравьеву - Апостолу о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева“. Въ статьѣ „Вечеръ у Кантемира“ идетъ разговоръ объ отношеніи Россіи къ европейскому образованію. Представляется, что Кантемиръ разсуждаетъ съ Монтескье и аббатомъ Вуазенономъ.

¹⁾ Сочин., I. 167—175.

²⁾ См. у Майкова: Сочиненія Батюшкова, I, 375—376.

Оба эти француза высказывают сомнѣніе въ томъ, чтобы европейское просвѣщеніе, внесенное въ Россію Петромъ Великимъ, могло прочно утвердиться въ такой странѣ, гдѣ и самый климатъ не благопріятствуетъ умственной культурѣ: они еще готовы признать, что русскіе люди могутъ усвоить себѣ кое-какія техническія знанія, но рѣшительно не допускаютъ предположенія, чтобы въ русскихъ можно было вдохнуть вкусъ къ изящному, къ наукамъ отвлеченнымъ, умозрительнымъ (здесь высказывается мнѣніе—современниковъ Батюшкова—русскихъ). Кантеміръ (отъ лица котораго выражается взглядъ самого Батюшкова) отвѣчаетъ на это: „Вы знаете, что Петръ сдѣлалъ для Россіи: онъ создалъ людей... онъ развилъ въ нихъ способности душевныя, онъ вырвалъ ихъ отъ болѣзни невѣжества, и русскіе, подъ руководствомъ великаго человека, доказали въ короткое время, что таланты свойственны человечеству. Не прошло пятнадцати лѣтъ, а великій монархъ наслаждался уже плодами знаній своихъ сподвижниковъ: всѣ вспомогательныя науки военного дѣла процвѣли внозани въ государствѣ его. Мы громами побѣды возвѣстили Европѣ, что имѣемъ артиллерию, флотъ, инженеровъ, ученыхъ, даже опытныхъ мореходцевъ. Чего же хотите отъ насъ въ столь короткое время? Уснѣховъ ума, уснѣховъ въ наукахъ отвлеченныхъ, въ изящныхъ искусствахъ, въ краснорѣчій, поэзіи? Дайте намъ время, протлите благопріятныя обстоятельства, и вы не откажете намъ въ лучшихъ способностяхъ ума... Петръ Великій, заключивъ судьбу полуміра въ рукѣ своей, утѣшалъ себя великою мыслию, что на берегахъ Невы древо наукъ будетъ процвѣтать подъ сѣнію его державы и рано или поздно, но дастъ новые плоды и человечество обогатится ими¹⁾“.

Рѣчь Батюшкова „о вліяніи легкой поэзіи на языкъ“ написана была по случаю избранія его въ члены Общества любителей отечественной словесности въ Москвѣ. Большая часть его собственныхъ стихотвореній относилась къ этому роду поэзіи, и потому онъ старается показать ея важность и значеніе. Онъ показываетъ начало ея въ древнія времена въ античной поэзіи греческой и римской, потомъ у европейскихъ народовъ, откуда она перешла и къ намъ. Говоря о русской поэзіи и русскихъ поэтахъ, Батюшковъ особенное сочувствіе высказываетъ къ Ломоносову, котораго дѣятельность онъ сравниваетъ съ реформаторскою дѣятельностію Петра Великаго. „Онъ тоже, говоритъ Батюшковъ, учинилъ на трудномъ поприщѣ словесности, что Петръ В. на поприщѣ гражданскомъ. Петръ В. пробудилъ народъ, усиленный въ оковахъ невѣжества; онъ создалъ для него законы, силу военную и славу. Ломоносовъ пробудилъ языкъ усиленного народа; онъ создалъ ему краснорѣ-

¹⁾ Сочин., II, 228—229.

чіе и стихотворство, онъ испыталъ его силу во всѣхъ родахъ и приготовилъ для грядущихъ талантовъ вѣрныя орудія къ успѣхамъ. Онъ возвелъ въ свое время русскій языкъ до возможной степени совершенства“¹⁾... Потомъ Батюшковъ дѣлаетъ краткій обзоръ развитія русской литературы отъ Ломоносова досвоего времени. Его сильно занимала мысль объ исторіи русской литературы. Въ письмѣ къ Вяземскому отъ 23 іюня 1817 г. онъ говоритъ: „Хочется написать въ письмахъ маленькій курсъ для людей свѣтскихъ и познакомить ихъ съ собственнымъ богатствомъ. Въ деревнѣ не могу приняться за этотъ трудъ, требующій книгъ, совѣтовъ и здоровья, и одобрительной улыбки дружества“²⁾. Въ записной книжкѣ Батюшкова: „Чужое—мое сокровище“ мы находимъ и самый планъ для предполагаемаго курса исторіи русской литературы³⁾. Эта записная книжка, въ которой записывались мнѣнія, предположенія и разныя замѣтки, а равно и письма Батюшкова къ разнымъ лицамъ, показываетъ, что онъ интересовался литературой — своею и иностранной.

Литературная дѣятельность Батюшкова прекратилась въ то время, какъ началась поэтическая дѣятельность Пушкина. Батюшковъ былъ предшественникомъ Пушкина. Вместе съ Жуковскимъ они приготовили тотъ путь, по которому начала развиваться русская поэзія, особенно со времени Пушкина. „Чистота, свобода и гармонія, говоритъ Плещеевъ, составляютъ главнѣйшія совершенства новаго стихотворнаго языка нашего.... Употребленіе собственно русскихъ словъ и оборотовъ не даетъ еще полнаго понятія о чистотѣ нашего языка. Ему вредятъ, его обезображиваютъ неправильныя усѣченія словъ, невѣрныя въ нихъ ударенія и неумѣстная смѣсь славянскихъ словъ съ чистымъ русскимъ нарѣчіемъ. До временъ Жуковского и Батюшкова, всѣ наши стихотворцы, болѣе или менѣе, подвержены были сему пороку: языкъ упрямился; мѣра и рѣчь часто смѣялись надъ стихотворцемъ—и побѣждали его. Подъ именемъ свободы языка разумѣется здѣсь правильный ходъ всѣхъ словъ періода, смотря по смыслу рѣчи. Русскій языкъ менѣе всѣхъ новѣйшихъ языковъ стѣсняется разстановкою словъ; однакожъ, по свойству понятій, выражаемыхъ словами, и въ немъ надобно держаться естественнаго словотеченія... Жуковский и Батюшковъ показали прекрасныя образцы, какъ надобно побѣждать сіи трудности и очищать дорогу теченію мыслей. Это имѣло удивительныя послѣдствія. Въ нынѣшнее время произведенія второ-

¹⁾ Сочин., II, 238.

²⁾ Сочин., III, 453.

³⁾ Сочин., II, 336—339.

классных и, если угодно, третьеклассных поэтовъ посятъ на себѣ отпечатокъ легкости и пріятности выраженій. — Наконецъ, нѣсколько словъ о гармоніи. Прежде всего надобно отличать гармонію отъ мелодіи. Послѣдняя легче достигается первой: она основывается на созвучіи словъ... Она имѣетъ высшую степень, когда слияніемъ звука опредѣлительно выражаетъ какое-нибудь явленіе въ природѣ и, подобно музыкѣ, подражаетъ ей. Гармонія требуетъ полноты звуковъ, смотря по объятости мысли, точно такъ, какъ статуя—опредѣленныхъ округлостей, соответственно величинѣ своей. Маленькое сухощавое лицо, сколько бы черты его пріятны ни были, всегда кажется нехорошимъ при большомъ туловищѣ. Каждое чувство, каждая мысль поэта имѣютъ свою объятость. Вкусъ не можетъ математически опредѣлить её, но чувствуетъ, когда находятъ её въ стихахъ или уменьшенною, или преувеличенною—и говоритъ: зтѣсь не полно, а зтѣсь растянута. (Сія стихотворческія тонкости могутъ быть наблюдаемы только поэтами. Въ числѣ первыхъ надобно поставить Жуковскаго и Батюшкова¹⁾. — Также смотрѣлъ на значеніе для Пушкина Батюшкова въ послѣдствіи и Бѣлинскій, замѣчая, что стихъ именно Батюшкова, а не Жуковскаго, былъ ближайшимъ прешественникомъ и подготовителемъ Пушкинскаго стиха²⁾).

П. А. ВЯЗЕМСКІЙ.

Біографическія свѣдѣнія о князѣ Вяземскомъ. Изданіе сочиненій князя Вяземскаго открывається его автобіографическою запискою, въ которой между прочимъ сказано: „Родитель мой хотѣлъ сдѣлать изъ меня математика, судьба слѣлала меня стихотворцемъ, не говорю: поэтомъ, ради страха іудейскаго и изъ уваженія къ

¹⁾ Сочиненія и переписка Н. А. Плетнева, Сиб. 1885., т. I, 24—25. У Майкова, Сочин. Батюшкова, I, 237—238.

²⁾ Сочинен., VI, 49; VIII, 256.

³⁾ Въ 1878 г. было начато еще при жизни самого поэта прекрасное полное собраніе сочиненій князя Вяземскаго графомъ Шереметевымъ, при участіи академиковъ Я. К. Грота, А. О. Бычкова и М. И. Сухомлинова; всего вышло 10 томовъ. Исследования о значеніи въ литературѣ сочиненій князя Вяземскаго: Извѣстія князя Вяземскаго—Я. К. Грота, Князь Вяземскій—М. И. Сухомлинова; Памяти князя Вяземскаго—С. И. Пономарева. Сборникъ 2-го отдѣленія Академіи наукъ, томъ XX. Петръ Андреевичъ Вяземскій В. Д. Спасскаго. Русская Мысль. Ливаръ. 1890 г.

критикамъ моимъ, которые заключили, что я не совсѣмъ поэтъ, или совсѣмъ не поэтъ... Дмитріевъ, бывало, говорилъ, шутя, что Аполлонъ внушилъ мнѣ страсть къ стихамъ на зло моему отцу и въ отищеніе однофамильцу нашему, екатерининскому князю Вяземскому, за то, что онъ преслѣдовалъ Державина¹⁾. Родство и тѣсное сближеніе съ Карамзинымъ, которому отецъ его, умирая, ввѣрилъ попеченіе о немъ, развили и укрѣпили природныя наклонности.

Дѣтство свое Пётръ Андреевичъ Вяземскій (род. въ 1792 г., ум. 1878 г.) провелъ въ Остафьевѣ, родовомъ имѣніи Вяземскихъ, гдѣ жила въ лѣта Карамзинъ и писалъ здѣсь первые томы своей Исторіи. Здѣсь же потомъ Вяземскій познакомился съ Жуковскимъ, Батюшковымъ и Пушкинымъ, которые навсегда сдѣлались его друзьями, и—съ другими молодыми образованными людьми, вошедшими потомъ въ Арзамасское общество. Послѣ домашняго воспитанія онъ былъ отданъ въ одинъ іезуитскій пансіонъ въ Петербургъ, а потомъ поступилъ къ профессору Рейсу въ Москвѣ, слушалъ на дому лекціи другихъ профессоровъ Университета; русскій языкъ онъ изучалъ у Богданова, учителя университетскаго благороднаго пансіона. Въ 12 году онъ поступилъ въ московское ополченіе и состоялъ при Милорадовичѣ въ битвѣ при Бородинѣ, гдѣ подъ нимъ были убиты двѣ лошади. Съ 1817 до 1821 г. онъ былъ въ Варшавѣ, въ штатѣ Новосильцева, исполняя самыя важныя дипломатическія порученія,—въ то время императоръ Александръ устроялъ Польское королевство. При импер. Николаѣ Павловичѣ онъ служилъ при министерствѣ финансовъ вице-директоромъ департамента вишней торговли, директоромъ государственнаго заемнаго банка. Съ 1855 до 1858 г. Вяземскій былъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Въ 1861 г. Академія наукъ праздновала 50 лѣтній юбилей его литературной дѣятельности. Послѣ юбилея онъ отправился за границу и жилъ тамъ въ разныхъ мѣстахъ, прѣзжалъ по временамъ въ Россію и умеръ въ Баденъ-Баденѣ въ 1878 г.

Характеръ литературной дѣятельности князя Вяземскаго. Живя долго въ Россіи и за-границей, занимая высокое положеніе въ обществѣ, на разныхъ мѣстахъ государственной службы, исполняя важныя порученія и принимая участіе въ важныхъ дѣлахъ, Вяземскій въ своей жизни видѣлъ и слышалъ много замѣчательнаго, пережилъ много событій и направленій ученыхъ, литературныхъ и политическихъ. Все это отразилось въ большей или меньшей степени въ его сочиненіяхъ, которые поэтому весьма интересны. Вотъ какъ онъ самъ отзывался о своей литературной дѣя-

¹⁾ Сочин. I, стр. VIII.

тельности. „Въ стихахъ и въ прозѣ у меня много неровностей— и нельзя имъ не быть. Я никогда не писалъ прилежно, постоянно; никогда не изучалъ я систематически языка нашего. Какъ дѣвчисамоучки, писалъ я болѣе по слуху. Писалъ я болѣе урывками, подъ вдохновеніемъ или подъ осозаніемъ мысли и чувства. Писалъ я, когда что-нибудь внутреннее или виѣшнее за-живо задираетъ меня, когда мнѣ именно хотѣлось сказать или высказать что-нибудь, такъ или сякъ, опять все равно. Натура моя довольно живучая и произрастительная, но не трудолюбивая: напротивъ, трудъ пугаетъ ее, она сжимается подъ давленіемъ его... У меня литература всегда была животрепещущею склонностью, болѣе зазывомъ, нежели призываніемъ. Если и было это призываніе, то охотно сознаюсь, что я не вытержалъ, не вполне оправдалъ его“ ¹⁾. „Въ стихахъ моихъ я перѣдко умствую и умничаю. Между тѣмъ полагаю, что если есть и должна быть поэзія звуковъ и красокъ, то можетъ быть и поэзія мысли... Что говорю о стихахъ своихъ, могу вообще сказать и о прозѣ своей. И тутъ и тамъ замѣтенъ недостатокъ отлѣли, оконченности. Не продаю товара лѣномъ. Не обдѣлываю товара, а выдаю его сырымъ, какъ Богъ послалъ“ ²⁾... „Возмутительныхъ сочиненій, говоритъ онъ въ своей „Исповѣди“, у меня на совѣсти нѣтъ... Въ разные времена писалъ я эпиграммы, сатирическіе куплеты и на лица, удостоенныя довѣренности правительства, но и въ нихъ не было ничего мятежнаго, а просто—свѣтскія насмѣшки.— Когда-то сказалъ я себѣ: я думаю мое дѣло не дѣйствіе, а ощущеніе. Меня должно держать какъ комнатный термометръ: онъ не можетъ ни нагрѣтъ, ни освѣжить покой, но никто скорѣе и вѣрнѣе его не почувствуетъ настоящей температуры... Могу отвѣчать за подвижность моей ртути: она не знала бы застоя. Вся бѣда моя въ томъ, что у меня ее слишкомъ много и что мой термометръ не привилегированный“ ³⁾.

Стихотворенія Вяземскаго. Вяземскій былъ воспитанъ еще въ классическомъ направленіи литературы. Стихотворенія его начинаются съ 1808 г. „Посланіемъ въ деревню“, въ которомъ, по подражанію Горацию, онъ рисуетъ идеальную счастливую жизнь, въ скромной обстановкѣ, въ хижинѣ смиренной. Затѣмъ слѣдуютъ эпиграммы, надписи, посланія къ Нисѣ, Эльвирѣ, Лаурѣ, къ разнымъ лицамъ, въ которыхъ проводится тотъ же горацианскій, или эпикурѣйскій взглядъ на жизнь, коимъ щеголяли тогда все молодые поэты. Въ этомъ стилѣ написано напр., по подражанію Анакреону, „Признаніе“:

¹⁾ Предисловіе XXXIII—XXXIV.

²⁾ XLII—XLIII.

³⁾ Сочин. II, 101—107.

Я пѣть хотѣлъ въ восторгѣ дивномъ
Петра Великаго дѣла,
Но лира тономъ заунывнымъ
Одну Мальвину пѣть могла.
Въ досадѣ переладилъ струны,
Я пѣть Суворова хотѣлъ,
Пъ браней и побѣдъ перуны!
Безсмертье, думалъ, мой удѣлъ!
Но, пѣтъ! моя упряма муза,
Цвѣтъ розъ украсившись вѣнкомъ,
Вѣжить съ героями союза,
Одну любовь поетъ тихомъ ¹⁾.

Потомъ опять слѣдуютъ посланія къ друзьямъ, надписи къ
портретамъ, подписи въ альбомы. Между ними замѣчательны:
Надпись къ бюсту импер. Александра I въ 1814 г.

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скрепный побѣдитель.
Какой вѣнецъ ему, какой ему алтарь?
Вселенная! нади предъ нимъ, Онъ твой спаситель;
Россия! имъ гордись—онъ сынъ твой, онъ твой царь!

Пѣснь на взятіе Парижа въ 1814 г., гдѣ, между прочимъ,
есть стихи къ Москвѣ—

Москва! твоихъ развалинъ видѣ
Краснорѣчивѣй пирамидъ!
Онѣ и отдаленныхъ внучатъ
Геройскимъ подвигамъ научать ²⁾.

Стихотвореніе: „Русскій пѣвникъ въ стѣнахъ Парижа“ (въ
1815 г.), написанное по подражанію Батюшкову—

На брегѣ Сены знаменитой,
Сынъ брани славою забытый,
Обезоруженный герой,
Пѣлъ русскій пѣвникъ въ часъ ночной ³⁾.

Посланіе къ Батюшкову, въ отвѣтъ на извѣстное его посла-
ніе къ Жуковскому и Вяземскому, „Мои пенаты“, гдѣ характери-
зуется жизнь молодаго пріятельскаго кружка.

Отрывокъ изъ стихотворенія „Деревня“, относящійся къ Ост-
тафьевскому періоду и содержащій въ себѣ восторженное, благо-

---

¹⁾ Сочин. III, 23.

²⁾ Тамъ же, 45, 47.

³⁾ Тамъ же, 91.

говѣйное воспоминаніе о Карамзинѣ ¹⁾. „Первый снѣгъ“ — хорошенькая картинка, напоминающая такую-же Пушкина (Морозъ и солнце—день чудесный) ²⁾.

„Вечеръ на Волгѣ“ и „Утро на Волгѣ“, гдѣ воспѣваются красоты Волги, по подражанію Дмитріеву и Карамзину:

И музы на твоихъ прохладныхъ берегахъ
Въ шумящихъ тростникахъ,
Въ часъ утренней свободы,
Съ цѣвницами въ рукахъ,
Водили хороводы...

. . . . .
Державинъ, Песторъ музъ, и мудрый Карамзинъ,
И Дмитріевъ. Харитъ счастливый обожатель,
Величья твоего пѣвецъ—повѣствователь,
Тобой воспоены средь отческихъ долинъ ³⁾.

Стихотвореніе „Всякій на свой покрой“ (въ 1823 г.), гдѣ характеризуются хорошо языкъ Карамзина и баллады Жуковского.

Языкъ нашъ былъ кафтанъ тяжелый,
И слишкомъ нахнулъ стариной:
Даль Карамзинъ покрой иной.
Пускай ворчатъ себѣ расколы:
Всѣ приняли его покрой.
Пускай баллады—бабы сказки,
Пусть чертъ качаетъ въ нихъ горой,
Но въ нихъ я вижу слогъ живой,
Воображеніе, чувство, краски,—
Люблю Жуковского покрой. ⁴⁾

Особеннымъ чувствомъ проникнуты стихи „На память“ (о Пушкинѣ, 1837 г.) ⁵⁾ и „Пѣснь въ день юбилея П. А. Крылова“ ⁶⁾.

Вяземскій написалъ много басенъ, притчъ, апологовъ, эпиграммъ и сатиръ, въ которыхъ высказывается основной сатирико-дидактическій характеръ его поэзін. Всѣмъ извѣстна его сатира: „Да, какъ бы не такъ“, обыкновенно помѣщаемая въ хрестоматіяхъ, какъ образцовая.

Пока нашъ умъ молокососъ
И жизнь поитъ насъ полной чашей,—
Судьба на каждый нашъ вопросъ
Намъ говорить: все въ волѣ вашей!

¹⁾ Тамъ же, 143. ²⁾ Тамъ же, 146. ³⁾ Тамъ же, 231. ⁴⁾ Тамъ же, 301.

⁵⁾ IV, 207—208. ⁶⁾ IV, 211—213.

Когда-жъ сосудъ ужъ позаякъ,
 А сердце пить еще все хочеть,
 Что ни спроси, судьба бормочеть:
 «Да, какъ бы не такъ»!
 Вотъ рѣдкая душа Оргонъ!
 Всѣхъ ближнихъ братьями онъ числитъ,
 И о нуждающемся онъ
 Безъ слезъ и сонный не помыслить;
 А попроси въ займы пятакъ,
 Или услуги на два гроша.
 Что-жъ, радъ себя отдать святоша?
 «Да, какъ бы не такъ»!

. . . . .
 . . . . .
 Какъ міръ нашъ при свѣчахъ хорошъ!
 Какъ при свѣчахъ все люди гладки!
 Нигдѣ пятна не разберешь.
 Нѣтъ ни морщинки, ни заплата
 Вездѣ улыбка, блескъ и лязъ;
 Погасъ фонарь и дня свѣтило..
 —«Блаженства новыя раскрыло?»
 «Да, какъ бы не такъ»! 1).

Въ томъ же топѣ написаны сатирическое „Посланіе къ Каченовскому“ ²⁾, „Семь пятницъ на недѣлѣ“ ³⁾, гдѣ изображается типъ человѣка непостояннаго.

Хотя Вяземскій часто жилъ за границей, однакожъ любилъ рисовать русскія картины, которыя окружали его въ молодости, сравнивая русскіе нравы и обычаи съ иностранными, особенно съ нѣмецкими, и, посреди разныхъ непримечательныхъ чертъ, умѣлъ отыскать и выставить рельефно и черты симпатичныя. Къ такимъ стихотвореніямъ относятся: „Памяти живописца Орловскаго“, „Самоваръ“, „Масляница на чужой сторонѣ“, „Тройка“, „Русскіе проселки“ и „Зимнія картины“. Такъ напр. въ стихотвореніи: „Памяти живописца Орловскаго“ изображается поэзія русской ѣзды на тройкѣ; къ сожалѣнію, эта поэзія исчезаетъ, какъ исчезаетъ всякая старина

Грустно видѣть, Русь святая,
 Какъ въ степенные года
 Нашихъ предковъ удаляя
 Изнѣмечилась ѣзда.
 Толи дѣло въ-старь: телѣга,
 Тройка, ухарскій ямщикъ;
 Ночью—дуешь безъ ночлега,

¹⁾ Тамъ же, II, 287—288. ²⁾ Тамъ же, 219. ³⁾ Тамъ же, 410.

Днемъ же.—высунувъ языкъ.
Но за то, какъ всё кипѣло
Беззаботнымъ удалствомъ!

.....
А теперь—гдѣ эти тройки?
Гдѣ ихъ узарскій побѣгъ?
Гдѣ ты, колокольчикъ бойкій,
Ты, поэзія телѣгъ?

.....
Грустно видѣть, воля ваша.
Какъ у прозы подъ замкомъ,
Поэтическая чаша
Высыхаетъ съ каждымъ днемъ!
Какъ все то, что веселило,
Иль ласкало нашу грусть,
Что излѣтѣла затвердѣло
Наше сердце наизусть.
Всѣ поэтры, все раздѣлы
Молодецкой старины,—
Подлѣдываетъ своеволье
Душегубки—новизны.
Наряжались мы въ личины,
Сглазили насъ недобрый глазъ..
И Орловскаго картина—
Была жертва для насъ ¹⁾.

Въ этомъ смыслѣ весьма интересно также стихотвореніе „Самоваръ“, написанное въ 1839 г. семейству Убри. Выставивъ эпиграфъ изъ Державина: „Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ“, Вяземскій здѣсь говоритъ:

Пріятно находить, поставникъ на чужбинѣ,
Родимыхъ обычаевъ знающую картину,
Домашнюю хлѣбъ-соль, гостепріимный кровъ
И снѣгъ, святую снѣгъ отеческихъ боговъ.
.....
Дни странника листамъ разрозненнымъ подобны:
Ихъ разрываетъ духъ насмѣшливый и злобинный;
Нѣтъ связи: съ каждымъ днемъ все съизнова живи.
А жинь и хороша преданьями любви.
Средствомъ пофрѣй, чувствъ, созвучьемъ впечатлѣній
И милой давностью привычныхъ отношеній.
Въ насъ умъ—космополитъ, но сердце—домосѣлъ;
Прекладывать всегда онъ любитъ новый слѣдъ
И радости свои всё въ будущемъ ищетъ;
Но сердце старыми мечтами молодѣетъ,

¹⁾ Сочин. IV, 217—220.

Но сердце старыми привычками живетъ
И радостей въ тѣни прошедшаго цвѣтетъ!

У васъ по-русски здѣсь—тепло и хлѣбосольно,
И чувству, и уму просторно и привольно.

Прекрасно!... Но одинъ встрѣчаю недостатокъ:
Нѣтъ, быта русскаго не полонъ отпечатокъ.
Гдѣ-жъ самоваръ родной, семейный нашъ очагъ,
Семейный нашъ алтарь, ковчегъ домашнихъ благъ?
Еъ немъ лютуютъ и кинуютъ всѣхъ нашихъ дней преданья,
Въ немъ русской старины живутъ воспоминанья.

Нельзя родиться въ свѣтъ, ни въ бракъ вступитъ нельзя.
Ни «здравствуй», ни «прощай» не вымолвить друзья,
Чтобъ, всѣхъ житейскихъ дѣлъ конецъ или начало,
Кипучій самоваръ, домашній запѣвало,
Не подалъ голоса и не созвалъ семьи...¹⁾

Тотъ же характеръ имѣетъ извѣстная шуточная піеса: „Масляница на чужой сторонѣ“. Встрѣтивъ зиму на чужой сторонѣ въ нѣмецкой землѣ, поэтъ горячо ее привѣтствуетъ и высказываетъ опасеніе, что нѣмцы не съумѣютъ должнымъ образомъ принять гостью—такъ, какъ встрѣчаютъ ее въ Россіи ²⁾.

„Русскіе проселки“—стихотвореніе чисто сатирическаго содержания. Въ немъ изображается ѣзда по русскимъ проселочнымъ дорогамъ, разумѣется, въ самомъ непривлекательномъ видѣ ³⁾. Такого-же характера—„Зимнія каррикатуры“—рядъ сатирическихъ замѣтокъ подъ заглавіями: „Русская луна“, „Кипитка“, „Мятель“, „Ухабы“, „Обозы“ ⁴⁾. Въ стихотвореніи „Станція“ сравниваются русскія и польскія дороги ⁵⁾.

Какъ человѣкъ, видѣвшій много разныхъ переменъ и разныхъ реформъ, Вяземскій часто любитъ возвращаться къ прошлому и сравнивать съ нимъ настоящее. Къ такимъ стихотвореніямъ особенно относятся стихотворенія, написанныя въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, когда разныя реформы пробудили все русское общество къ самой разнообразной дѣятельности. Таковы стихотворенія: „У страха глаза велики“ (въ 1858 г.); „Что такъ шумите вы“ (въ 1862 г.); „Не рѣдко намъ—кто-жъ не слыхалъ?—педали“ (въ 1861 г.); „Слово примиренія“ (въ 1858 г.); „Старое поколѣніе“ (1841 г.) ⁶⁾. Въ молодыхъ годахъ Вяземскій слылъ человѣкомъ либеральнымъ;

¹⁾ Сочин. IV, 225—228. ²⁾ Сочин. XI, 3—7. ³⁾ Сочин. IV, 256.—

⁴⁾ Тамъ же, 25—31.— ⁵⁾ Тамъ же, 32—41. ⁶⁾ Сочин. XI, 281, 292, 373, 426. IV, 247.

въ это время онъ становится уже консерваторомъ. Первое стихотвореніе еще направлено противъ людей, боящихся всякаго нововведенія, во всякомъ новомъ движеніи видящихъ опасный шагъ и потому заранѣе устрашающихъ всякими бѣдствіями.

Есть люди,—и такихъ не мало,—
 Вся жизнь ихъ безконечный страхъ,
 Не Божій, мудрости начало,
 А страхъ болѣной съ бѣльмомъ въ глазахъ.
 Глаза ихъ чѣмъ тупѣй и лживѣй,
 Тѣмъ дальновиднѣй бытъ хитрей.
 Ихъ мудрость въ томъ, что все пугливѣй
 Они на все и всѣхъ глядятъ.
 Они живутъ въ особомъ мірѣ;
 Имъ мало видѣть то, что есть:
 Гдѣ прочіе дважды два четыре,
 Тамъ имъ съ искугу—пять и шесть.
 У нихъ востра, какъ отъ угара,
 Въ глазахъ рыбить, въ ушахъ звенить;
 Имъ сѣчка—зарезъ пожара,
 Набатовъ—кажкій шумъ звучить.
 Предупредительнѣе вѣхъ мунить.
 Но прощай вѣсть ихъ смѣнина;
 Она въ быль лгунюху пугить.
 И муху жалуетъ въ сѣна.
 Огонь ли дальній домъ затронетъ?
 У нихъ ужъ дѣйствуетъ труба.
 И выть во дни потопъ, тонетъ
 Ихъ неповинная изба.
 Кто заболѣлъ въ зыблемъ царствѣ,
 Хотя бы тридцать земель,—
 Они спятъ ужъ на лекарствѣ
 И лечь готовятся въ постель.
 Закрыты стѣны, чтобъ заразой
 Къ нимъ витѣніи воздухъ не проникъ;
 И смотритъ докторъ пучеглазый
 Разъ двадцать на день ихъ языкъ.

.....
 Они готовы въ ослѣпленіи,
 Когда-бъ ихъ страху волю дать,
 На карантинномъ положеніи
 Весь Божій міръ пересоздать.
 .....
 Благоразумія личиной
 Свой малодушный умъ прикрывъ,
 Они ложатся тяжелой льдиной
 На каждый доблестный порывъ.

Страшаютъ мысль и упованья.
 Развязкой горькой имъ грозя;
 На всѣ вопросы, всѣ призванья,
 Одинъ отвѣтъ у нихъ: нельзя!
 Нельзя! твердятъ сыны косиѣнья;
 Но въ человѣческой груди
 Къ чему-жъ сей лозунгъ Провидѣнья:
 «Трудись, надѣйся и гряди»?
 Самонадѣянность насъ губить,
 И мнительность, болѣзнь ума:
 Одна теряться въ тучахъ любить.
 Другой,—что новость, то чума.
 Мужъ благодушья, воли твердой
 Равно умѣть пренебречь
 Пылъ опрометчивости гордой
 И робость, сей дамокловъ мечъ!
 Въ душѣ его благое пламя,
 Великихъ дѣлъ святой закатъ:
 Онъ высоко подьсмлетъ знамя,
 Которымъ путь свой указалъ:
 Судебъ избранныкомъ послужившмъ
 Идетъ онъ, вождь передовой,
 Въ борьбѣ съ усердьемъ двоедушнымъ
 И съ трусостью, поднявшей вой ¹⁾.

„Слово примиренія“, напротивъ, написано противъ тѣхъ,
 которые, вступивъ на новый путь, пестуютъ по нему безъ оглядки,
 не обращая никакого вниманія ни на какія условія и предосторож-
 ности, и тѣхъ, кто указываетъ имъ на постепенность развитія во
 всякомъ дѣлѣ, какъ на прочность успѣха въ немъ, упрекаютъ въ
 косности, отсталости и отступленіи.

Кто говорить объ отступленіи?
 Кто учить васъ назадъ идти?
 Жизнь развивается въ движеніи
 И нѣтъ обратнаго пути.
 Течетъ и время безвозвратно:
 Ни часу, ни минутѣ намъ
 Не удержать, не взять обратно
 По ушлывающимъ волнамъ.
 Въ порядкѣ вѣчномъ мірозданья
 Живущему застою нѣтъ:
 Въ самомъ законѣ увяданья
 Есть обновленія завѣтъ.
 Премудрость цѣль намъ положила,
 День каждый къ цѣли переходъ;

¹⁾ Сочин. XI, 292—294.

Во всемъ есть жизненная сила
 И смерть сама есть шагъ впередъ.
 Но постепеннаго развитія
 Предупреждать намъ не дано,
 Но прочны только тѣ событія,
 Которыхъ вырѣло зерно.
 Не говорить вамъ: стой, равняйся
 И въ неподвижности замри!
 Не говорить: назадъ подайся
 И дверь къ грядущему запри!
 Но говорить вамъ: огревайтесь,
 Высокомѣрные умы,
 Первоначальнымъ не хвалитесь
 И не твердите: мы да мы!
 Вы такъ же, какъ и мы, пріяли
 Свое изслѣдье отъ вѣковъ:
 Вы предлагали сжигали,
 Начатыя рукой отцовъ.
 Вашъ вѣкъ, дѣлецъ неутомонный,
 Не выскочкой явился въ свѣтъ:
 Законныхъ предковъ внукъ законный—
 И онъ итогъ предшедшихъ лѣтъ.
 Быть выскочкой совѣтъ не мѣстно,
 Да быть и выскочкой нельзя
 Тамъ, гдѣ трудами предковъ честно
 Пробыта обществу стезя.
 Успѣхамъ вапичъ и побѣдамъ
 Готовы мы рукоплескать,
 Но въ лѣтнихъ торжества и дѣдамъ
 Не грѣхъ помнить честь отдать.
 Отцовъ не упрекайте въ лѣни:
 Они на доблестныхъ плечахъ
 Васъ вознесли на верхъ ступени,
 Гдѣ, позабывъ объ ихъ трудахъ,
 Съ самодовольствомъ, не по чину,
 Вы озираетесь кругомъ,
 Какъ будто сразу на вершину
 Взлетѣли вы однимъ прыжкомъ.

.....
 Хозяинъ мудрый винограда
 Распредѣлилъ часы работы:
 Всѣмъ есть урокъ свой, всѣмъ награда,
 Кто раньше или позднѣй придетъ.
 Несите вы свою заботу;
 Одно различье между насъ:
 Мы утромъ вышли на работу,
 А вы—въ одиннадцатый часъ.
 .....
 Къ чему сбивать другъ съ друга цѣну?

На общій трудъ насъ обрели;
Другіе придутъ вамъ на смѣну,
Какъ вы на смѣну намъ пришли.
Да плодъ воздастъ благое сѣмя,
Чья ни посѣй его рука:
Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка! ¹⁾.

Но какъ ни старался поэтъ примирить старое и молодое поколѣніе, онъ сознаетъ, что разрывъ между ними неизбеженъ, что симпатіи стараго поколѣнія не понятны людямъ новымъ, увлеченія которыхъ не доступны людямъ старымъ:

Смерть жатву жизни косить, косить
И каждый день, и каждый часъ
Добычи новой жадно просить
И грозно разрываетъ насъ.
Какъ много ужъ ичень прекрасныхъ
Она отторгла у живыхъ
И сколько лиръ виситъ безгласныхъ
На кипарисахъ мелодыхъ!
Какъ много сверетниковъ не стало,
Какъ много младшихъ ужъ сошло,
Которыхъ утро расцвѣтало,
Когда насъ знойнымъ полднемъ жгло....
А мы остались, уцѣлѣли
Изъ этой сѣчи роковой.
По смерти близкихъ осуждѣли
И ужъ не рвемся въ жизнь, какъ въ бой.
Печально вѣкъ свой доживая,
Мы заподавренъ смѣны ждемъ.
Съ днемъ каждымъ сами умирая,
Пока не вовсе мы умремъ.
Сыны другаго поколѣнья,
Мы въ новомъ—прошлогодній цѣтъ,
Живыхъ намъ чужды впечатлѣнья,
А нашимъ—въ нихъ сочувствій нѣтъ!
Они—что любимъ—разлюбили,
Страстямъ ихъ—насъ не волновать;
Ихъ не было тамъ, гдѣ мы были,
Гдѣ будутъ—намъ ужъ не бывать!
Нашъ міръ—имъ храмъ опустошенный,
Имъ баснословье—наша былъ
И то, что пепель намъ священный—
Для нихъ одна нѣмая пыль.
Такъ, мы развалинамъ подобны

¹⁾ Сочин. XI, 281—283.

И на распутіи живыхъ
Стоимъ, какъ памятникъ надгробный,
Среди обитателей людскихъ¹⁾.

Критическая дѣятельность Вяземскаго. Въ стихотвореніяхъ Вяземскаго нѣтъ глубокаго міросозерцанія и оригинальныхъ творческихъ образовъ: въ нихъ повсюду преобладаетъ, какъ мы уже замѣтили, сатирико-дидактическій тонъ Горация, и вообще сатирическое и критическое отношеніе ко всему, что происходило вокругъ, что ему встрѣчалось въ жизни. Эта критика нравовъ, умная, бойкая, смѣлая, язвительная, полъ часъ мѣткая и оригинальная, всего болѣе обращала вниманіе на него, какъ писателя, и имѣетъ, дѣйствительно, неоспоримыя достоинства. Но настоящимъ критикомъ былъ онъ въ собственно критическихъ сочиненіяхъ. Болѣе подумывая онъ занималъ эту должность и о всѣхъ писателяхъ, старыхъ и новыхъ, ему современныхъ, онъ подаль свой голосъ, высказать свое мнѣніе. Во 2-мъ томѣ новаго изданія его сочиненій помѣщены его литературныя, критическія и библиографическія очерки. Промежъ всего онъ работалъ въ журналахъ. „Я заикался себя, говорить о въ“, „Телеграфу“. Журнальная дѣятельность была по нѣмъ. Иная книжка Телеграфа была на половину наполнена имъ, или матеріалами, которые сообщалъ я въ журналъ. Журналъ улавли: отъ него пахло новизною. — При перѣздѣ въ Петербургъ на житье принималъ я участіе въ литературной газетѣ Дольвига, познѣ въ „Современникѣ“ Пушкина²⁾. Во 2-мъ томѣ помѣщены его извѣстія объ альманахахъ („Астраханская флора“, „Литературный Музей“, „Сѣверные Цвѣты“ Дольвига: „Сѣверная Лира“, „Цвѣткій Цвѣтникъ“ и „Незабудочка“, „Новскій Альманахъ“ 1827 г. „Памятникъ Отечественныхъ Музъ“), о Московскихъ журналахъ (въ 1830 г.) (Московскомъ „Телеграфѣ“, „Вѣстникѣ Европы“, „Атлантѣ“). Вяземскій радуется, что число журналовъ все болѣе и болѣе увеличивается.

На зло безграмотныхъ начальствъ
И всѣхъ, кто только имъ средни,
Дай Богъ намъ болѣе журналовъ:
Плодять читателей они.
Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
Бъ чести тама грамота, перо;
Гдѣ грамота—тамъ просвѣщеніе,
Гдѣ просвѣщеніе—тамъ добро³⁾.

¹⁾ «Старое поколѣніе»: Сочин. IV, 247—248.

²⁾ Томъ I. Автобіографическое введеніе, стр. XLVIII—XLIX.

³⁾ Сочин. IV, 5.

Изъ критическихъ статей Вяземскаго замѣчательны: статья о Державинѣ, написанная по случаю его смерти въ 1816 г. и интересная по параллели, какую онъ проводитъ между Державинимъ и Ломоносовымъ: обширныя изслѣдованія о жизни и сочиненіяхъ Озерова, Дмитріева, Крылова, Жуковскаго, Карамзина и Гоголя. Говоря объ Озеровѣ, онъ припоминаетъ о Сумароковѣ и Княжнинѣ, какъ предшественникахъ Озерова въ области трагедій: говоря о Жуковскомъ, онъ разбираетъ и хвалитъ его критическія сочиненія „О сатирахъ Кантемира“, „О баснѣ и басняхъ Крылова“. Лучшій критико-литературный обзоръ составляетъ „Взглядъ на русскую литературу послѣ смерти Пушкина“, написанный въ 1847 г., по тому симпатическому воспоминанію о Пушкинѣ, какое здѣсь сдѣлано ¹⁾. По выше всѣхъ его критическихъ сочиненій извѣстная его книга о Фонъ-Визинѣ, вышедшая въ 1848 г. и напечатанная въ V т. новаго изданія. Книга эта представляетъ эпоху въ исторіи нашей критики и до сихъ поръ представляетъ лучшую оптику сочиненій Фонъ-Визина и его эпохи. Къ критикѣ Вяземскій относился весьма серьезно. „Можно, говоритъ онъ, родиться поэтомъ, ораторомъ: но родиться критикомъ нельзя. Поэзіи, краснорѣчіе—дары природы, критика—наука: ее слѣдуетъ изучать. И у дикарей народовъ есть своя поэсія и свое краснорѣчіе, но критическихъ изслѣдованій у нихъ не найдешь. Кромѣ науки и многоязычнаго чтенія, для критика нуженъ еще вкусъ. Это свойство и врожденное, родовое и благопріобрѣтенное: вкусъ изощряется, совершенствуется ученіемъ, сравненіемъ, опытностію“ ²⁾. „Собираясь писать о Фонъ-Визинѣ, я прочиталъ и пробѣжалъ много книгъ историческихъ и литературныхъ, пробѣжалъ почти всю старую русскую словесность, между прочимъ едва ли не всего Сумарокова. Прочиталъ я даже болѣе половины многотомнаго собранія „Россійскаго театра“. Подвигъ, скажу Геркулесовскій, болѣе—Бенедиктинскій. Иногда изъ цѣлой книги извлекалъ я двѣ-три строки, два-три слова, нужныя мнѣ для одной повѣрки, для одной замѣтки. По возможности, все писанное мною было обдуманно и провѣрено. Никогда письменная работа, ни прежде, ни послѣ, не была для меня такъ увлекательна, какъ настоящая“ ³⁾. Посвятивши цѣлую книгу Фонъ-Визину и его комедіямъ, Вяземскій написалъ хотя не такой обширный, но такой же хорошій разборъ „Ревизора“ Гоголя, сопоставивъ его съ „Ябедой“ Капниста ⁴⁾. Въ другой статьѣ: „Лыковъ и Гоголь“ онъ разбираетъ и указываетъ

¹⁾ Сочин. II, 348—379. ²⁾ Сочин. VIII, 164.

³⁾ Томъ I. Автобіографическое введеніе, стр. L—II. ⁴⁾ Томъ II, 257.

значение „Переписки Гоголя съ друзьями“ ¹⁾). Кроме указанныхъ, у него есть еще небольшія статьи и замѣтки о разныхъ писателяхъ: о Козловѣ, Пушкинѣ, Батюшковѣ, Неделинскомъ - Мелетскомъ, Глинкѣ. По воспитанію и образованію Вяземскій принадлежить еще эпохѣ Карамзина и Жуковскаго: но вполне созрѣлъ его талантъ въ эпоху художественнаго направленія Пушкина. Поэтому онъ держится въ своей критикѣ началъ этого направленія, не одобряетъ школы натуральной и реального направленія, хотя и не отвергаетъ ихъ совсѣмъ, приписывая имъ гораздо низшее значеніе и достоинство. По поводу „Губернскихъ очерковъ“ Щедрина, говоря о литературѣ, изображающей злоупотребленія чиновниковъ, онъ замѣчаетъ: „Изъ литературномъ отношеніи я осуждаю это направленіе; оно матеріализируетъ литературу подобными снимками съ живой, но низкой натуры, низводитъ авторство до какой-то механической фотографіи, не развиваетъ высшихъ творческихъ и художественныхъ силъ, покровительствуетъ посредственности дарованій этихъ фотографовъ-литераторовъ и отклоняетъ нашу литературу отъ путей, пробитыхъ Карамзинымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. Многіе негодуютъ на то, что эти живописцы изображаютъ одну худую сторону лицъ и предметовъ. И негодуютъ справедливо. Я создаю, что нынѣшнее направленіе неудовлетворительно, не утѣшительно, но опасно и вредно ли оно въ государственномъ и нравственномъ отношеніи?—рѣшительно не признаю того... Вся Россія на практикѣ давно затвердила наизусть профиль нашего чиновничьяго люда. Всѣ отъ нихъ болѣе или менѣе страдаютъ. Слѣдовательно, зло не въ томъ, что разсказывается. Каждый крестьянинъ, и не читая журналовъ, знаетъ лучше всякаго остроумнѣйшаго писателя, что за человѣкъ становой приставъ. Но въ этихъ журнальных изображеніяхъ можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ есть несомнѣнное добро, а именно: возраждающееся отъ нихъ убѣжденіе въ народѣ, что высшее правительство не принимаетъ, такъ сказать, на себя отвѣтственности въ этихъ злоупотребленіяхъ, не застраховываетъ ихъ закономъ молчанія, которое налагается на общество“ ²⁾). Сужденія Вяземскаго не безупречны и далеко не имѣютъ безусловной вѣрности. Особенно часто въ нихъ встрѣчаются преувеличенія въ похвалахъ разбираемому писателю, на что мы и указали выше, говоря о сочиненіяхъ Озерова и Дмитріева. Иногда слышится духъ партіи и особенное вниманіе и расположеніе къ своему родному лагерю. Но въ его критическихъ разборахъ много и весьма замѣчательнаго; въ нихъ много мѣткаго и оригинальнаго, освѣщающаго

¹⁾ Тамъ же, стр. 304—334.

²⁾ Обзорѣніе нашей современной литературной дѣятельности съ точки зрѣнія цензурной. Сочин. VII, 35—36.

предметъ съ особенныхъ сторонъ, которыя были другими не замѣчены. Пересматривая свои сочиненія для новаго изданія, онъ самъ создавалъ указанныя недостатки, особенно преувеличенія, но не хотѣлъ исправить ихъ, находя справедливо, что они тѣсно связаны съ достоинствами его сочиненій, что умный читатель съумѣетъ выдѣлить самъ, что ему не понравится.

Кромѣ указанныхъ сочиненій, у Вяземскаго есть множество писемъ и замѣтокъ въ такъ называемыхъ „записныхъ книжкахъ“. Вяземскій не писалъ своихъ мемуаровъ методически, не велъ аккуратно своихъ дневниковъ; то и другое замѣняли для него письма и записныя книжки, коихъ въ Остафьевѣ сохранилось 37 и которыя напечатаны въ 8, 9 и 10 томахъ новаго изданія. Въ этихъ запискахъ онъ съ полною откровенностію говоритъ о всѣхъ важныхъ событіяхъ своей жизни, обо всемъ, что приводилось видѣть, слышать, читать замѣчательнаго. Онъ говоритъ о себѣ:

Годовъ и поколѣній много
Я пережить уже успѣлъ,
И длиною своей дорогой
Событій много подемотрѣлъ.
Талантовъ нѣтъ во мнѣ излишка,
Не корчу важнаго лица;
Я просто—записная книжка,
Гдѣ жизнь играетъ роль писца.

Вяземскій разсказываетъ множество воспоминаній о разныхъ ученыхъ, литературныхъ, правительственныхъ и политическихъ дѣятеляхъ, какъ то: о графахъ Разумовскихъ, объ Остерманѣ, императрицѣ Екатериинѣ II, императорѣ Александрѣ I и его сподвижникахъ, о Сперанскомъ, Магницкомъ: изъ литературныхъ дѣятелей говоритъ о Гиббичѣ, Дельвигѣ, Баратынскомъ, Тургеневѣ, Чаадаевѣ и проч. Во всемъ этомъ отражается личность Вяземскаго, время и среда, гдѣ онъ жилъ, и встрѣчается много интересныхъ взглядовъ, мыслей, замѣчаній, часто отрывочныхъ, ничѣмъ не связанныхъ, но тѣмъ лучше отражающихъ на себѣ разные моменты протекшей жизни. Мы отмѣтимъ только его замѣчанія о народности и космополитизмѣ, о патриотизмѣ и славянофилахъ, существенныхъ вопросахъ въ нашей исторіи, понимаемыхъ чрезвычайно разнообразно. Въ статьѣ: „Языковъ и Гоголь“ Вяземскій такъ опредѣляетъ отношеніе народнаго элемента къ общечеловѣческому: „Что въ каждомъ народѣ есть ему свойственныя стихіи народности, это неоспоримо; что должно ими пользоваться, это такъ же неоспоримо, какъ и то, что нельзя отказаться отъ нихъ, хотя бы паче чаянія кому-нибудь и хотѣлось переродиться въ иностранца. Но дѣло въ томъ, что не должно и, слава Богу,

невозможно отдѣлить, отрубить чисто-научное (народное?) отъ обще-человѣческаго. Первоначально мы люди, а потомъ уже земляки, то-есть областные жители. Что ни дѣлай, а въ каждомъ землякѣ отыскивается человѣкъ, какъ въ каждомъ человѣкѣ пробивается землякъ. Всѣ люди созданы по одному образцу, а между тѣмъ у каждаго изъ нихъ своя особенная фizioномія, физическая и нравственная. Всѣ писатели одного народа пишутъ однимъ языкомъ, тѣ же слова служатъ имъ орудіями: а у каждаго писателя, то-есть не пошлаго и не дюжявнаго, есть свой особенный слогъ. Какъ же литературѣ, которая тоже фizioномія и слогъ народа, не имѣть только у насъ своей личности, своего характера? Люблю народность какъ чувство, но не признаю ея какъ систему. Ненавижу исключительность, не только безпрекословную и повелительную, но и условную и двусмысленную. Можетъ быть, эту ненависть еще болѣе.... Мнѣ не входитъ ни въ голову, ни въ сердце, что можно положить себѣ за правило и обязанность предпочитать русскую Волгу нѣмецкому Рейну. Не понимаю Изюкова, но сочувствую ему, умиляюсь и увлекаюсь чувствомъ его, когда вижу, что онъ остается Волягиномъ въ виду красиваго Рейнъ-Гау, или грознаго волоната. Изюковъ былъ влюбленъ въ Россію... Когда онъ говоритъ о ней, слово его возгарается, становится огнелышущимъ, и потому глубоко и горячо отзывается оно въ душѣ каждаго изъ насъ. Тѣ же, которые не сочувствуютъ искреннему выраженію страсти его, изъ опасенія уронить тѣмъ свою независимость и возвышенность умозрѣнія, доказываютъ, что они уклоняются отъ народнаго потому, что превратно и ограниченно понимаютъ обще-человѣческое¹⁾. Это писалъ Бяземскій въ 1847 г. по поводу выхода „Переплски Гоголя съ друзьями“: а вотъ что говорилъ онъ о славянофилахъ въ 1855 г. по поводу статьи К. С. Аксакова „О богатыряхъ“, которую цензура не хотѣла пропустить: „Обращаясь къ прозванію славянофиловъ, нельзя не замѣтить, что это прозваніе насмѣшливое, данное одной литературной партіей другой партіи. Это чисто семейныя, домашнія клички. Лѣтъ за 40 предъ симъ, мы же, тогда молодые литераторы Карамзинской школы, такъ прозвали А. С. Шишкова и его школу. Въ послѣднее время прозвище это воскресли и обратили къ нѣкоторымъ московскимъ литераторамъ, приверженцамъ старины. Изъ журнальных сплетней и пересмѣшекъ возникло пугало, облеченное политическою таинственностію. Собственно-же, судя о славянофильствѣ по его словопроизводству, мудрено заключить, что можетъ быть вреднаго въ любви къ славянамъ, нашимъ предкамъ и одно-

племеннымъ братьямъ, и въ любви къ славянскому языку, который былъ языкомъ нашей исторіи и есть языкъ нашей церкви? Отказаться отъ чувства любви ко всему славянскому, значило бы отказаться намъ отъ исторіи нашей и отъ самихъ себя. Государь императоръ Николай I, въ достопамятныхъ словахъ своихъ, обращенныхъ къ профессорамъ, сказалъ: „надобно сохранять то въ Россіи, что пескони бѣ“. Слѣдовательно, должно сохранять и родовое чувство любви къ нашему славянскому происхожденію. Повторяю, если гдѣ-нибудь, и въ комъ-нибудь, подъ оболочкою славянолюбія, таится нѣчто другое и вредное, то должно преслѣдовать и претраждать это другое, но нельзя преслѣдовать славянолюбія, иначе пришлось бы преслѣдовать чувство и образъ мыслей чисто русскіе и свойственные каждому изъ насъ. — кому только дороги имя русскаго и сопряженные съ этимъ именемъ родственныя, семейныя и духовныя преданія нашей народно-исторической и государственной жизни“¹⁾. Въ молодости либеральный чиновникъ, западникъ и космополитъ, Вяземскій становится консерваторомъ и горячимъ патриотомъ. Доказательствомъ этого, между прочимъ, служатъ его „Письма русскаго ветерана 1812 г. о Восточномъ вопросѣ“, напечатанныя въ VI томѣ его сочиненій на французскомъ языкѣ, съ русскимъ переводомъ Ш. Н. Бартевева. Изъ этихъ писемъ видно, что при обыкновенныхъ своихъ занятіяхъ, онъ постоянно слѣдилъ за ходомъ общихъ дѣлъ и что ему близко знакома была какъ внутренняя, такъ и внѣшняя политическая жизнь современнаго ему русскаго и европейскаго общества.... Вынужденный обстоятельствами провести въ чужихъ краяхъ 1853—1855 годы, Вяземскій не могъ оставаться равнодушнымъ къ озлобленію европейскаго общества противъ Россіи предъ Крымскою войною и во время этой войны. Онъ началъ писать опроверженія на газетныя статьи, въ то время особенно отличавшіяся клеветою на русское правительство и русскій народъ. Въ теченіе слишкомъ года у него образовался рядъ статей по этому предмету. Онъ намѣревался помѣщать ихъ во французской газетѣ, или въ какомъ-нибудь изъ швейцарскихъ и бельгійскихъ періодическихъ изданій: но извѣстно, что участіе русскаго человѣка въ европейской печати допускается лишь подъ условіемъ полного подчиненія господствующему мнѣнію, и не одинъ князь Вяземскій встрѣтилъ въ этомъ отношеніи негостеприимный отказъ. Тогда онъ собралъ свои статьи въ одну книгу и въ 1855 г. напечаталъ ее въ Лозаннѣ подъ заглавіемъ: *Lettres d'un vétéran russe de l'année 1812 sur la question d'Orient, publiées par P. d'Ostafievo*. Письма Вяземскаго писаны на седь-

¹⁾ Т. VII, 28 - 29.

момъ десяткѣ лѣтъ отъ роду и однако отличаются какъ свѣжестью и своеобразіемъ, такъ и прелестью живаго изложенія. Онъ хотѣлъ, въ предѣлахъ возможности, послужить общему русскому дѣлу, и книга его, хотя и не имѣла успѣха за границей, и лишь въ небольшомъ числѣ дошла до насъ, представляетъ собою честно и талантливо исполненный долгъ писателя, сердечно преданнаго своему отечеству.

Н. И. ХМѢЛЬНИЦКІЙ.

Николай Ивановичъ Хмѣльницкій (1789 — 1846), потомокъ извѣстнаго гетмана Богдана Хмѣльницкаго, былъ сынъ одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени Ивана Парфентьевича Хмѣльницкаго, который получилъ образованіе за границей, былъ докторомъ кенигсбергскаго университета и извѣстенъ разными сочиненіями. Дарованія и ученія и литературныя симпатіи отъ отца перешли къ сыну: съ малыхъ лѣтъ Николай Ивановичъ любилъ литературу¹⁾. Послѣ домашняго воспитанія подъ руководствомъ своего родственника, писателя Эмина, образованіе свое онъ получилъ въ горномъ корпусѣ. На службу онъ сначала поступилъ переводчикомъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, потомъ въ 1812 г. въ ополченіе адъютантомъ къ Кутузову, а по окончаніи войны правителемъ канцеляріи къ генералу Милорадовичу. Наконецъ былъ смоленскимъ и архангельскимъ губернаторомъ.

Въ 20-хъ годахъ начала появляться драматическія произведенія Хмѣльницкаго и возбуждали интересъ въ публикѣ. Ихъ можно раздѣлить на три рода: переводы, перелѣлки и подражанія, и оригинальныя пьесы. Хмѣльницкій славился какъ знатокъ французской комедіи, перевелъ двѣ лучшія комедіи Мольера: „Тартюфъ“ и „Школа женитьбы“: къ перелѣлкамъ и подражаніямъ относятся перелѣлки комедій Ренъюра, Буассе и Дарлевиля. Хмѣльницкій отличался тонкимъ вкусомъ въ выборѣ пьесъ для перелѣлки и подражаній, умѣлъ отыскать въ нихъ существенное, выбрать главное, отбросить лишнее. Замѣчательными пьесами считались: „Говорунъ“, „Возмущенные замки“, „Бабушкины подугай“. „Суженаго конемъ не объ-

¹⁾ Сочиненія Хмѣльницкаго были изданы подъ заглавіемъ «Театръ Николая Хмѣльницкаго, въ двухъ частяхъ. Спб. 1829—1830 г. Изданіе Смирдина въ 3-хъ томахъ 1849 г. При этомъ изданіи помѣщена біографическая статья о Хмѣльницкомъ С. Дурова. Сочиненія Блиннаго, томъ IX. Историческая Хрестоматія Галахова, томъ II. Н. И. Хмѣльницкій, статья П. А. Добротворскаго въ Историч. Вѣстникѣ 1889 г. Декабрь.

ѣдешъ“, „Новый Парисъ“, „Барантинъ“, „Нерѣшительный, или семь пятницъ на недѣлѣ“ и „Свѣтскій случай“. Онѣ часто давались на сценѣ и съ большимъ успѣхомъ представлялись на благородныхъ и домашнихъ спектакляхъ. Онѣ отличались чистотою отдѣлки и изящнымъ художественнымъ вкусомъ: ни въ одной изъ нихъ нѣтъ грязнаго каламбура, сальной двусмысленности, или грубой шутки, которые могли бы оскорбить тонкій вкусъ: водевильные куплеты отличаются легкостію и граціозными оборотами, которые, не поражая уха, не возбуждая грубаго смѣха, нравятся эстетически развитому человѣку. Комедія „Говорунъ“—передѣлка съ французской комедіи Буасси: Le babillard; въ ней осмѣивается страсть къ болтовнѣ. Герой ея Звоновъ неумолкаемо болтаетъ всякій вздоръ.

Злословіе и хвалы онѣ мастеръ сочинять;
Не знаетъ одного: чтобъ кстати помолчать.

.....
Онѣ

....Чудный человѣкъ! никакъ не унываетъ:
Ну, не съ кѣмъ говорить —съ самимъ собой болтаетъ!

Звоновъ говорить о себѣ:

По чести пресмѣшно и ѣздить и ходить,
Не встрѣтя никого, чтобъ съ кѣмъ поговорить.
Увидѣвшись съ людьми, сядишься, отдыхаешь,
Толкуешь, говоришь и что-нибудь узнаешь.

.....
.....Одаренъ я памятью чудесной!
Я все перечиталъ, мнѣ все теперь извѣстно.
Я разомъ выучу хоть тысячу стиховъ,
И такъ понаторѣлъ, что самъ писать готовъ!
И что-жъ мудренаго? я знаю всѣ размѣры,
И мигомъ бы попалъ въ Софоклы иль Гомеры.

.....
Но, кромѣ языковъ, я знаю всѣ науки:
Исторія изъ нихъ главнѣйшій мой предметъ...
Попробуйте спросить, я мигомъ дамъ отвѣтъ.
Я знаю все, сударь: героевъ, ихъ дѣянья,
Всѣ царства, города и словомъ, всѣ преданья!

Своей болтовней онѣ до того надоелъ, что всѣ отъ него бѣгаютъ; но онѣ такъ увлекается ей, что не замѣчаетъ, какъ всѣ его слушатели и слушательницы уходятъ и онѣ остается одинѣ.

Что вижу?—Это ты (обращается онѣ къ служанкѣ), но гдѣ-жъ мои старушки?

Ихъ нѣтъ—и я одинѣ. О, вздорныя болтушки!

Служанка Лиза говоритъ:

За ваше торжество имъ должно вамъ отметить:
Одинъ протѣвъ шести и всѣхъ заговорить,
Замучить, разозлить, оспорить, обезславить.
И даже, наконецъ, ихъ всѣхъ бѣжать заставить! 1)

Комедія „Воздушные замки“ составляетъ также передѣлку французской комедіи Коленъ д'Арлевилья *Les châteaux en Espagne*.

Въ ней нѣтъ, по словамъ Хмѣльницкаго, стиховъ переводныхъ, а удержаны только нѣкоторыя мысли французскаго подлинника; фамилія же главнаго героя нѣссы. Альнаскарова, взята изъ сказки Дмитріева: „Воздушныя башни“. Мичманъ Альнаскарровъ—мечтатель, любящій строить воздушные замки. Слуга его, Викторъ, говорить о немъ:

Мой баринъ человекъ... чудесный:
Хоть онъ не генералъ какой-нибудь извѣстный,
Но хочеть чѣмъ-нибудь гораздо больше быть.
Иной для этого сталъ грудью бы служить.—
Напротивъ, баринъ мой нигдѣ теперь не служитъ.
За то ужъ, признаюсь, онъ обо всемъ страхъ тужить!
Случится ли война—за книги, и всю ночь
Онъ сочиняетъ планъ, какъ армии помочь.
Миръ, напротивъ, опять намъ новая забота—
Зачѣмъ сѣлится, и что мириться за охота?
.....
Работы нѣтъ, такъ онъ мечтаньями займется:
За тридцать земель въ минуту занесется,
И тутъ то ужъ начнемъ творить мы чудеса:
То землю повернемъ, то мѣримъ небеса,
То въ море пустимся, штурмуемъ, побѣждаемъ,
Не только что себя, Россію прославляемъ!...
И что-жь, сударьни, не больно-ль, напиримъ,
Что онъ за это все—лишь оберъ-офицеръ! 2).

Вдругъ Альнаскарровъ узнаетъ изъ газетъ, что американская компанія отправляетъ фрегатъ въ путешествіе вокругъ свѣта: онъ тотчасъ подаетъ прошеніе о томъ, чтобы его присоединили къ экипажу.

Мнѣ счастья искать назначено въ моряхъ;
И яду... и вояжъ мой живо представляю:
Тутъ это нахожу, тамъ то-то открываю,

1) Сочин. I, 300, 306, 315, 332.

2) Сочин. I, 351.

То, сѣвъ на палубѣ, рисую и пишу...
Наскуча западомъ, къ востоку я спѣшу,
Съ собою привожу: людей, звѣрей, растенья,
Печатаю свои прелестныя творенья;
И слава обо мнѣ промчится съ края въ край.
Вотъ тутъ-то лишь меня за это награждай!
Все сдѣлаю, я всѣхъ обогачу, прославлю!...

.....
Судя по всѣмъ вещамъ, я твердо убѣжденъ,
Что я къ чему-нибудь чудесному рожденъ!
Не помню гдѣ... читаль я анекдотъ прекрасной,
Что кто-то изъ морскихъ, въ часъ бури преужасной,
Присталъ къ землѣ, дотоль незнаемой никѣмъ....
Онъ поселился тамъ, и кончилось тѣмъ,
Что вскорѣ жители рѣшили межъ собою
Республики своей избрать его главою....

.....
Да чѣмъ-же, Боже мой, я хуже Робинзона?
И я могу открыть прелестный островокъ.
Тамъ, сдѣлавшись царемъ, построю городокъ,
Займусь прожектами, народными дѣлами;
Устрою гавани, наполню ихъ судами,—
И тутъ-то я до васъ, Алжирцы, доберусь!

.....
Рѣшивши бой, лечу съ трофеями въ столицу.
Я встрѣченъ въ гавани народною толпой,
Иду... прохода нѣтъ! все ницъ передо мной!
Какой восторгъ! вездѣ одни лишь слышу клики:
Да здравствуетъ нашъ царь! да здравствуетъ великій! ¹⁾

Слуга Викторъ подражаетъ барину. Купивъ лоттерейный билетъ, онъ мечтаетъ выиграть сто тысячъ:

Сто тысячъ, Боже мой! въ Твоей все это воля!
Пусть баринъ мой себя храбрится на престолъ,
Да сто-то тысячъ Ты пошли его слугъ!
.....
Что сдѣлаю.... Тотчасъ я выкупаю на волю,
Тутъ въ службу, выслужусь и черезъ годъ какъ разъ
Вдругъ Викторъ нашъ махнетъ въ четырнадцатый классъ!
О, честолюбіе! Оставь меня въ покоѣ!
Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, мой другъ, затѣялъ ты пустое:
Изъ службы не всегда вѣдь выйдешь съ барышемъ.
Такъ лучше... рѣшено: я дѣлаюсь купцомъ...
.....

---

¹⁾ Сочин. I, 358, 366—367.

Тутъ я, благословясь, пушусь тотчасъ въ торги;
По лавочкамъ мои всё заплачу долги;
Потомъ куплю себѣ я домикъ презатѣйный
Сперва въ полку, а тамъ, пожалуй, на Литейной,
Обзаведусь—и самъ женюсь наконецъ....
И Саша мнѣ жена! и Викторъ ужъ отецъ ¹⁾!

Починка сломаннаго экипажа заставляетъ мечтателей остановиться въ домѣ молодой вдовы, помѣщицы Аглаевой. Аглаева принимаетъ мичмана за графа Тестова, который, увидѣвъ ея портретъ у ея тетки, влюбился въ нее и рѣшился жениться и для этого подъ чужимъ именемъ пріѣхать къ ней въ деревню. Аглаева также мечтательница; услышавъ о графѣ Тестовѣ, она говоритъ:

Вотъ тутъ мы заживемъ! О я воображаю:
Отсюда въ Петербургъ я съ графомъ пріѣзжаю;
Въ послѣднемъ вкусѣ свой обмелблирую домъ,
Столицу облетимъ съ визитами кругомъ.
. . . . . И что же наконецъ?
Какое счастье! Я ѣзжу во дворецъ!

Служанка ея также по своему мечтаетъ, что она „изъ Саши простенькой—преважной будетъ Сашей“ ²⁾).

Аглаева сначала принимаетъ Альнаскарова восторженно, но когда открывается ошибка и дѣлается извѣстнымъ, что онъ совсѣмъ не графъ, она холодно разстается съ нимъ. Мечты Виктора также не сбылись; билетъ, на который онъ рассчитывалъ, оказался потеряннѣмъ. Не поймавъ счастья на морѣ, Альнаскарровъ хочетъ искать его по сухопутной части и для этого намѣренъ ѣхать въ Индію. Когда Викторъ сокрушается, что всё ихъ замки рушились:

Флотилія, престолъ, невѣста, мой билетъ,—
Пропало все, и намъ ни въ чемъ удачи нѣтъ!
Ахъ, Боже мой, за что я погибаю съ вами?

Альнаскарровъ говоритъ ему: „Утѣшься, Индія осталася за нами“ ³⁾. Этотъ стихъ сдѣлался такъ популяренъ, что обратился въ пословицу.

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 369—370.

²⁾ Стр. 347—348.

³⁾ Стр. 381.

Е. А. БАРАТЫНСКІЙ.

Къ школѣ Жуковскаго и Пушкина принадлежалъ даровитый поэтъ Баратынскій (или Боратынскій, какъ онъ самъ называлъ себя, 1800—1844)¹⁾. Его стихотворенія, при самомъ первомъ появленіи, обратили на себя вниманіе. Плетневъ въ 1822 г. присудилъ ему два вѣнча—Анакреона и Петрарке. Пушкинъ называлъ его „отличнымъ поэтомъ за то, что онъ мыслить и что онъ оригиналенъ“. Но ни Анакреономъ, ни Петраркой Баратынскій не сдѣлался, хотя и писалъ удачно стихотворенія по подражанію имъ; онъ былъ поэтъ элегическій; грусть была его вдохновеніемъ; онъ на все смотрѣлъ съ грустной точки зрѣнія, и элегія сдѣлалась главною формою его поэзіи. Основа этой грусти первоначально заключалась въ обстоятельствахъ его жизни и особенно образованія. Аристократъ по происхожденію (онъ былъ сынъ генераль-адъютанта при Павлѣ I и фрейлэви импер. Маріи Θεодоровны), избѣженный въ дѣтствѣ и получившій иностранное воспитаніе подъ руководствомъ итальянца Боргезе, онъ могъ рассчитывать на блистательную карьеру въ жизни: но вмѣсто всего ожидаемаго,—ему суждено было надѣть шинель рядового солдата. Изъ Пажескаго корпуса, гдѣ онъ учился, онъ 16 лѣтнимъ мальчикомъ былъ исключенъ за одну некрасивую исторію, съ запрещеніемъ принимать его на службу,—развѣ рядовымъ въ военную. По ходатайству Жуковскаго запрещеніе внослѣдствіи было снято съ него, и онъ сдѣланъ унтеръ-офицеромъ: но ужасное впечатлѣніе, произведенное имъ, оставило слѣды на всю жизнь. „Я сто разъ былъ готовъ лишить себя жизни“, писалъ онъ къ Жуковскому; но глубокая привязанность къ матери, протость и нѣжность ея къ нему, врожденная теплота и благородство чувствъ, проявившіяся столько-же въ его жизни, какъ и въ произведеніяхъ его поэзіи, возвратили бодрость душѣ его. Въ 1818 г. онъ отправился въ Петербургъ и поступилъ на службу рядовымъ въ Егерскій полкъ. Въ Петербургѣ въ 1819 году онъ познакомился съ Дельвигомъ, Плетневымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ: въ это же время онъ познакомился съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, осо-

¹⁾ Изданія: 1) Стихотворенія Е. Баратынскаго. М. 1827. 2) Стихотворенія Евгенія Баратынскаго. М. 1835 (въ двухъ частяхъ). 3) Сумерки. Сочиненіе Евгенія Баратынскаго. М. 1842. Последнее 4-е изданіе сочиненій Баратынскаго, съ портретомъ автора, его письмами и біографическими свѣдѣніями о немъ. Казань 1884 г. Часть I. Стихотворенія. Часть II. Поэмы. Часть III. Прозаическія сочиненія и письма. Здѣсь приложены матеріалы для біографіи поэта. Свѣдѣнія и сужденія о Баратынскомъ: сочиненія Бѣлинскаго, т. VI, 280—324; сочиненія Вяземскаго, VIII; характеристика Баратынскаго, сдѣланная Кирѣевскимъ, Русскій Архивъ, кн. 2-я. Въ Запискахъ К. А. Полеваго, въ Историч. Вѣстникѣ 1887 г., апрѣль.

бенно съ Кюхельбекеромъ, но не былъ посвященъ въ ихъ тайны, хотя и сочувствовалъ свободѣ, къ которой стремилось это общество, какъ свидѣтельствуя объ этомъ нѣсколько дошедшихъ отъ него до насъ стиховъ:

Съ неба чистая, золотистая,
Къ намъ слетѣла ты;
Все прекрасное все опасное
Намъ пропѣла ты ¹⁾.

Въ 1820 г. Баратынскій былъ переведенъ въ Нейшлотскій полкъ въ Финляндію, которая внушила ему нѣсколько стихотвореній: „Финляндія“ и поэма „Эла“. Въ 1826 г. онъ женился на Настасьѣ Львовнѣ Энгельгардтъ, которая отличалась литературнымъ образованіемъ, тонкимъ вкусомъ и критическимъ взглядомъ и была лучшимъ критикомъ стихотвореній своего мужа. Послѣ женитьбы онъ жилъ частію въ Москвѣ, частію въ деревнѣ: онъ любилъ деревню и даже предпочиталъ деревенскій бытъ городскому. Въ 30-хъ годахъ онъ нѣсколько времени жилъ въ Казани, куда въ то-же время пріѣзжалъ Пушкинъ, собиравшій матеріалы для исторіи Пугачевского бунта. Въ 1843 году онъ предпринялъ путешествіе за границу. Проведши нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, онъ отправился въ Италію, которая болѣе прочихъ странъ его привлекала, подлѣ вліяніемъ еще тѣхъ разсказовъ, которые онъ слышалъ въ дѣтствѣ отъ дядьки итальянца Боргозе: но въ Неаполѣ онъ заболѣлъ и здѣсь скончался въ 1844 году.

О свой поэтической мѣзѣ Баратынскій выражался такимъ образомъ:

Не ослѣпленъ я Мүзою моею:
Красавицей ея не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ,
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ;
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица не общимъ выраженіемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой;
И онъ скорѣй, чѣмъ ѣдкимъ осужденіемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалою ¹⁾.

¹⁾ Матеріалы для біографіи Баратынскаго, приложенные къ послѣднему изданію его сочиненій, стр. 479.

¹⁾ Часть I, 176, по изд. 1884 г.

Дѣйствительно, стихотворенія Баратынскаго, при недостаткѣ внѣшняго убранства, отличаются выразительностью, строгостью и простотою, какъ лица, не поражающія красотою, но нравящіяся выраженіемъ, отличаются чѣмъ-то особеннымъ. Эту особенность сообщаетъ имъ размышленіе, которое составляетъ преобладающій элементъ въ его поэзіи, за что нѣкоторые критики называли его русскимъ Гамлетомъ. Мысль, анализъ, сомнѣніе постоянно преслѣдуютъ его. Только не мыслящій, не образованный человѣкъ, по его мнѣнію, можетъ быть счастливымъ; человѣкъ мыслящій ничѣмъ не удовлетворяется и во всемъ видитъ слабую сторону; въ прогрессѣ, въ наукѣ и успѣхахъ цивилизаціи Баратынскій видитъ причины разлада душевнаго, потери вѣры и надежды—несчастье въ жизни. Бѣлинскій упрекалъ поэта за стихотворенія: „Примѣты“, „Послѣдняя смерть“, „Послѣдній поэтъ“, гдѣ выражается это міросозерцаніе. Но съ особенною рѣзкостью оно выражается въ стихотвореніи „Истина“, которое является самымъ характернымъ для всей поэзіи Баратынскаго.

О счастья съ младенчества тоскуя,

Все счастьемъ бѣденъ я;

Или во вѣкъ его не обрѣту я

Въ пустынѣ бытія?

Младые сны отъ сердца отлетѣли,

Не узнаю я свѣтъ;

Надеждъ своихъ лишень я прежней цѣли,

А новой цѣли нѣтъ.

«Безуменъ ты и всѣ твои желанья»

Мнѣ первый опытъ рекъ;

И лучшія мечты моею созданья

Отвергнулъ я на вѣкъ.

Но для чего души разувѣренье

Свершилось не вполне?

О юныхъ снахъ слѣное сожалѣнье

Зачѣмъ живетъ во мнѣ?

Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ

Я жребій тяжкій свой.

Вдругъ Истину (то не было мечтаньемъ)

Узрѣлъ передъ собой.

«Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!»

(Вѣщала) Захочу

И страстнаго отрадному безстрастью

Тебя я научу.

Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный разлюбишь
И ближнихъ и друзей.

Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставляю твой;
Я оболю суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой.

Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: «о гостя роковая!
Печалень твой привѣтъ!

Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
Всѣхъ радостей земныхъ!
Твой миръ, увя! могилы миръ печальный,
И страшень для живыхъ.

Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-какъ моею дорогой
Одинъ я побреду.

Прости! иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забуть придется мнѣ,

Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти:
Чтобъ жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти» ¹⁾.

Вопросы объ истинѣ, свободѣ, о счастьи и несчастіи, добрѣ
и злѣ и загробной жизни постоянно занимаютъ поэта.

Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!
О жрецъ ея! тебѣ забвенья нѣтъ;
Все тутъ, да тутъ и человекъ, и свѣтъ,
И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова.
Рѣзецъ, органъ, кисть! счастливъ кто влекомъ
Къ нимъ чувственнымъ, за грань ихъ не ступая!

---

¹⁾ Сочин. I, 70—72.

Есть хмѣль ему на праздникѣ мірскомъ!
Но предъ тобой, какъ предъ нашимъ мечемъ,
Мысль, острый лучъ! Блѣднѣетъ жизнь земная ¹⁾.

Но онъ не хотѣлъ быть пессимистомъ и совершенно не вѣрующимъ; по временамъ онъ ищетъ возможности примириться съ разными диссонансами въ жизни и природѣ. Онъ сознаетъ необходимость безсмертія и загробной жизни.

Она: «Есть бытіе и за могилой,
Намъ общалъ его Творецъ.
Спокойны будемъ: нѣтъ сомнѣнья,
Мы въ жизнь другую перейдемъ,
Гдѣ намъ не будетъ разлученья,
Гдѣ всѣ земныя опасенья
Съ землею пылью отряхнемъ.
Ахъ, какъ любить безъ этой вѣры!

Онъ: «Такъ, Всемогуцій безъ нее
Насъ некупалъ-бы выше мѣры:
Такъ, есть другое бытіе!
Ужели нѣкогда погубить
Во мнѣ Онъ то, чтѣ мыслить, любить,
Чѣмъ Онъ созданье довершилъ,
Въ чемъ, съ горделивымъ наслажденьемъ,
Міръ повторилъ Онъ отраженьемъ
И Самъ Себя изобразилъ?
Ужели творческая сила
Лукавымъ свѣтомъ бытія
Мнѣ ужасъ гроба озарила,
И только?... Нѣтъ, не вѣрю я.
Что свѣтъ являетъ? Пиръ нестройный!
Презрѣнный властвуетъ; достойный
Поникъ гонимую главой;
Несчастливъ добрый, счастливъ злой.
Какъ! не терпящая смѣшенія
Въ слѣпыхъ стихіяхъ вещества,
Па хаосъ нравственный возрѣнья
Не бросить мудрость Божества!
Какъ! между братьями своими
Мы видимъ правыхъ и благихъ,
И превзойденъ дѣтми людскими,
Не правъ, не благъ Создатель ихъ?...
Нѣтъ! мы въ юдоли испытанья,
И есть обитель воздаянья:

---

¹⁾ Сочин. I, 253.

Тамъ, за могильнымъ рубежемъ,
Сіяетъ день незаходимый,
И оправдается Пезримый
Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ¹⁾.

Наконецъ въ другой піесѣ онъ обращается къ Богу съ такой молитвой:

Царь небесъ! Успокой
Духъ болѣзненный мой!
Заблужденій земли
Мнѣ забвеніе пошли,
И на строгій Твой рай
Силы сердцу подай²⁾.

Есть у Баратынскаго стихотворенія довольно свѣтлыя, по крайней мѣрѣ написанныя въ примирительномъ тонѣ, какъ напр. „Весна“, „Родина“, „Зануствіе“, „Малопна“, „Весна, весна! какъ воздухъ чистъ“, „На пошвъ лѣса“³⁾. Но онъ, какъ и всѣ разочарованные, ищетъ примиренія, забвенія горестей и успокоенія чаще въ природѣ, чѣмъ въ жизни человѣческой.

Поэтъ мысли, Баратынскій питалъ особенную симпатію къ Гёте, какъ глубокому мыслителю, какъ поэту философу, весь міръ обнявшему и изображавшему въ своихъ поэтическихъ сочиненіяхъ, и написалъ на смерть его превосходную элегію.

Предстала, и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ погребъ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣхъ земномъ все земное!
Надъ дивною могилою не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ наслѣдье червей.

Погасъ! но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что просить у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безиредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья;
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

---

¹⁾ Сочин. I, 173—175. ²⁾ I, 276. ³⁾ I, 54, 153, 196, 211, 223, 274.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
 Ручья разумѣлъ лепетанье,
 И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
 И чувствовалъ травъ прозябанье;
 Была ему звѣздная книга ясна,
 И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
 И ежели жизнью земною
 Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
 И насъ за могильной доскою,
 За міромъ явленій не ждетъ ничего:
 Творца оправдаетъ могила его.

И если загробная жизнь намъ дана,
 Онъ, здѣшней виолнѣ отдышавшій
 И въ звучныхъ, глубокихъ отзвухахъ сполна
 Все должное долу отдавшій,
 Къ Прелѣчному легкой душой возлетитъ,
 И въ небѣ земное его не смутитъ ¹⁾.

Въ „Запискахъ“ К. А. Полеваго ²⁾ сохранился слѣдующій отзывъ о Баратынскомъ: „Баратынскій пользуется славою поэта и справедливо. У него были и поэтическія ощущенія и необыкновенное искусство въ выраженіи. Но зная его хорошо, могу сказать, что онъ еще больше былъ умный человѣкъ, нежели поэтъ. Отчасти онъ былъ обязанъ поэтическою славою Пушкину, который всегда и постоянно говорилъ и писалъ, что Баратынскій чудесный поэтъ, котораго не умѣютъ цѣнить. Почти тоже говорилъ онъ о Дельвигѣ и готовъ былъ иногда поставить ихъ обоихъ выше себя. Трудно понять, что заставляло Пушкина доходить до такихъ преувеличеній. . . . Баратынскій—поэтъ иногда очень пріятный, вездѣ показывающій вѣрный вкусъ и писавшій не по вдохновенію, а въслѣдствіе выводовъ ума. Онъ трудился надъ своими сочиненіями, отдѣлывалъ ихъ изящно, находилъ иногда вѣрныя картины и живыя чувствованія; бывалъ остроуменъ, игривъ, но все это—какъ умный человѣкъ, а не какъ поэтъ. Въ немъ не было ни поэтического огня, ни оригинальности, ни національности. Отъ того-то лучшія его произведенія тѣ, гдѣ онъ философствуетъ, какъ напр. въ стихотвореніи на смерть Гёте. Я увѣренъ, что если бы онъ не почиталъ себя поэтомъ и занялся теоріей и критикой литературы, онъ написалъ бы въ этомъ родѣ много умнаго, прекраснаго, пояснилъ бы много идей для своихъ современниковъ. Его ясный умъ,

¹⁾ Сочин. I, 192—193. ²⁾ Истор. Вѣст. 1887 г. апрѣль.

строгий вкусъ, сильная и глубокая душа давали ему всё средства быть отличнымъ критикомъ. Это показывали сужденія его о многихъ тогдашнихъ литературныхъ явленіяхъ“. Не отрицая такимъ образомъ того, что Баратынскій былъ поэтъ и поэтъ иногда очень пріятный, Полевой замѣчаетъ только, что онъ писалъ не по вдохновенію, а вслѣдствіе выводовъ ума. Но развѣ умъ не можетъ быть источникомъ, возбуждателемъ вдохновенія? развѣ поэзія можетъ быть только въ чувствахъ и образахъ? развѣ мысль не такой существенный элементъ поэтического содержанія, что безъ нея не можетъ обойтись ни одно произведеніе? Баратынскому можно поставить въ вину только односторонность его міросозерцанія, связаннаго только къ извѣстнымъ идеямъ и представляющаго все въ преувеличенно-печальномъ видѣ, болѣзненное направленіе его мысли. Мы выше замѣтили, что Баратынскаго нѣкоторые называли русскимъ Гамлетомъ; со времени Баратынскаго въ нашей литературѣ начали появляться разнаго рода Гамлеты.

Разобранныя стихотворенія составляютъ существенную часть литературной дѣятельности Баратынскаго. Во 2-й части помѣщены его поэмы: „Пиръ“, „Эда“ (первонач. изд. въ 1826 г. Спб.), „Телема и Магаръ“ (сказка изъ Вольтера), „Балъ“ (Спб. 1828), „Цыганка“ (М. 1831), въ 3-й части прозаическія сочиненія: „О заблужденіяхъ и истинѣ“, „Исторія кокетства“, „Перстень“; но всё они ничѣмъ особеннымъ не отличаются. Важнѣе по содержанію предисловіе къ „Цыганкѣ“ гдѣ поэтъ рѣшаетъ вопросъ о нравственной цѣли литературныхъ произведеній. Письма къ разнымъ лицамъ важны для біографіи поэта.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Строчк.

Характеръ образованія и литературы въ Александровскую эпоху. Начало сентиментальной литературы	1.
Н. М. Карамзинъ. Біографическія свѣдѣнія о Карамзинѣ	29.
Переводныя сочиненія Карамзина. Оригинальныя его сочиненія. Письма Русскаго Путешественника	31.
Новое направленіе въ сочиненіяхъ Карамзина. Повѣсти. Разсужде- нія. Стихотворенія Карамзина	42.
«Исторія Государства Россійскаго». «Записка о древней и новой Россіи»	71.
Реформа Карамзина въ области языка и слога	75.
А. С. Шишковъ. Біографическія свѣдѣнія о Шишковѣ. «Разсужденіе о старомъ и новомъ слога» и другія сочиненія Шишкова	77.
Послѣдователи Карамзина. П. Н. Макаровъ. Д. В. Дашковъ. Пелеви- ка послѣдователей Карамзина и Шишкова	90.
П. Н. Дмитриевъ. Біографическія свѣдѣнія о Дмитриевѣ. Религіоз- ныя и патріотическія стихотворенія. Сатиры. Пѣсни. Сказки. Басни Дми- тріева	94.
В. А. Озеровъ. Біографическія свѣдѣнія о Озеровѣ. Трагедіи Озерова	104.
В. С. Подшиваловъ. В. В. Измайловъ. В. Л. Пушкинъ. П. Н. Шали- ковъ. Ю. А. Нелединскій-Мелецкій. П. Ю. Львовъ	123.
С. А. Ширинскій - Шихматовъ. С. С. Бобринъ. А. П. Беницкий. А. Е. Измайловъ. Н. М. Шатовъ. Д. Н. Горчаковъ. А. Н. Нахимовъ. М. В. Ми- лоновъ	134.
Драматическая литература начала XIX в. А. А. Шаховской. Біогра- фическія свѣдѣнія о Шаховскомъ. Комедіи Шаховскаго. Ф. Ф. Козловскій. П. А. Катенинъ	137.

А. О. Мерзляковъ. Біографическія свѣдѣнія о Мерзляковѣ. Труды Мерзлякова по теоріи словесности. Лирическія произведенія. Переводы древнихъ классиковъ. Критическая дѣятельность Мерзлякова	150.
Н. П. Гнѣдичъ. Біографическія свѣдѣнія о Гнѣдичѣ. Переводы и оригинальныя сочиненія Гнѣдича	159.
В. А. Жуковскій. Внесеніе въ русскую литературу романтизма. Біографическія свѣдѣнія о Жуковскомъ	164.
Основа міросозерцанія и характеръ идеаловъ Жуковского. Стихъ Жуковского	182.
К. Н. Батюшковъ. Біографическія свѣдѣнія о Батюшковѣ. Содержаніе и характеръ стихотвореній Батюшкова. Его прозаическія сочиненія	199.
П. А. Вяземскій. Біографическія свѣдѣнія о Вяземскомъ. Характеръ литературной дѣятельности Вяземскаго. Стихотворенія Вяземскаго. Критическая дѣятельность Вяземскаго	221.
Н. П. Хмѣльницкій и его комедіи	239.
Е. А. Баратынскій. Біографическія свѣдѣнія о Баратынскомъ. Его стихотворенія	244.

Цѣна съ пересылкою 1 р. 20 к.

Въ Казани: у издателя, въ Редакціи Православнаго Собесѣдника и въ книжныхъ магазинахъ А. А. Дубровина, К. П. Алексѣева и Н. Я. Башмакова,

въ Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ М. М. Стасюлевича и А. С. Суворина,

въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина,

въ Тифлисѣ: въ Центральной книжной торговлѣ

можно получать книги

И. Я. Порфирьева:

Исторія русской словесности. Часть I. Древній періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра В. Изд. 5-е. Казань. 1891. Ц. 2 р., съ пересылкою 2 р. 30 к.

Исторія русской словесности. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ 1. Отъ Петра В. до Екатерины II. Изд. 3-е. Казань. 1891. Ц. 1 р. 50 к съ пер.

Исторія русской словесности. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ 2. Литература въ царствованіе Екатерины II. Изданіе 2-е. Казань. 1888. Цѣна 2 р. съ пер.

Исторія русской словесности. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ 3. Литература въ царствованіе Александра I (Карамзинъ и его послѣдователи. Шишковъ. Дмитріевъ. Озеровъ. Классическая школа. Шаховской. Мерзляковъ. Гнѣдичъ. Жуковский. Батюшковъ. Вяземскій. Хмѣльницкій. Баратынскій). Казань 1891.

Краткій курсъ исторіи древней русской словесности. (Составленъ по 5-му полному изданію). Изданіе 2-е. Казань. 1891. Ц. 1 р. 20 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

П. А. Милославскаго:

Основанія философіи, какъ спеціальной науки. Томъ I. Казань. 1883. Цѣна 3 руб.

Краткая англійская грамматика. Памятная книжка для изучающихъ англійскій языкъ. Ц. 75 коп., съ пер. 90 коп.

PG
3001
P6
ch.2

Porfir'ev, Ivan Iakovlevich
Istoriia russkoi
slovesnosti

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
